ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

ДРЕВНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (КОНЕЦ 4 – НАЧАЛО 3 ТЫС. ДО Н.Э. – 1010 Г. Н.Э.)

Том I

Посвящается
сорокалетию единого Вьетнама

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

в шести томах

Президиум
Российской Академии Наук
Москва, 2014

Международный
российско-французско-вьетнамский проект

Спонсоры
В.В.ПОЗНЕР и В.М.МИЛЬШТЕЙН

Кураторы
Академик РАН А.Д.НЕКИПЕЛОВ
Начальник Управления внешних связей Президиума РАН
С.С.МАРКИАНОВ

Руководитель и ответственный редактор
Доктор исторических наук (СССР, Россия), Docteur d'Etat es-Lettres et Sciences Humaines (France)
П.В.ПОЗНЕР

Редколлегия

Л.А.АНОСОВА: профессор, д.э.н., секретарь Отделения общественных наук РАН, проректор Налоговой академии РФ; Nguyễn Ngọc Mậo: профессор, д.и.н., заместитель директора Института истории Вьетнамской Академии Общественных наук; Д.В.МОСЯКОВ: д.и.н., заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН; В.М.МАЗЫРИН: д.э.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН;

Е.В.КОБЕЛЕВ: к.и.н., заведующий Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН; О.В.НОВАКОВА: к.и.н., доцент Кафедры истории стран ДВ и ЮВА ИСАА МГУ, руководитель Центра изучения современных проблем ЮВА и АТР ИСАА МГУ; П.Ю.ЦВЕТОВ: к.и.н.

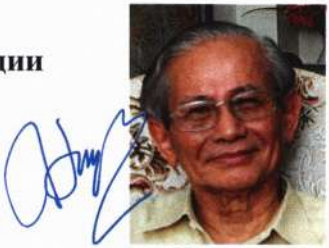
УДК 93/94
ББК 63,3(3)
П 47
ISBN 978-5-4431-0052-4

© В.В.Познер, 2014
© П.В.Познер, 2014

Птица Лак, стоящая на спине черепахи
Литературный храм, Ханой, 25.03.2011 г.

Профессор Фан Хюи Ле
Президент Вьетнамской ассоциации исторических наук

19 апреля 2014 г.

Предварительное мнение

Во многих странах имеются различные публикации по истории Вьетнама, обычно представляющие собой скромные труды, предназначенные для преподавания вьетнамоведческих дисциплин. Поэтому я с большой радостью узнал, что в 2010 г. по инициативе д.и.н. П.В.Познера Президиум Российской академии наук начал работу над историей Вьетнама в нескольких томах. Меня ещё больше радует то, что эта инициатива воплотилась в «Полную академическую историю Вьетнама» в 6 томах, которая сдаётся в печать в мае 2014 г.

Российские вьетнамисты создавали этот труд вместе с вьетнамскими и французскими исследователями. Прекрасно зная вьетнамский, а некоторые ещё и китайский, французский и английский язык, эти авторы владеют всеми необходимыми знаниями для работы с сохранившимися историческими документами как во Вьетнаме, так и в архивных центрах других стран. Этот труд включает в себя проблемы археологии, этнографии, политической, социально-экономической и культурной истории с доисторических времён и эпохи древности до 2011 г. Каждый из периодов истории и культуры Вьетнама соотносится с аналогичными периодами развития других государств мира, прежде всего – стран ЮВА и Китая. Помимо этого шеститомник содержит более 500 цветных и черно-белых иллюстраций, карт и реконструкций.

Я ещё не прочитал всей рукописи, но мне предложили высказаться о самой идее и я прочитал подробное описание содержании всех 6 томов. Моё *предварительное мнение* сводится к тому, что речь идёт о монументальном научном труде, который претендует на всесторонность и объективность, а сама история Вьетнама в 6 томах является единственной и уникальной историей такого масштаба.

Церковь на территории главного храма секты Као Дай.
Южный Вьетнам, провинция Тэйнинь. 09.04.2011 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа по своей сути представляет собой, как теперь принято говорить, весьма амбициозный проект под названием «Полная академическая история Вьетнама». Но почему «амбициозный»? Ведь «полных историй» много. Практически в каждом, уважающем себя государстве, издаётся его «полная история», а в государствах с традицией изучения исторических наук, таких как Великобритания, Германия, Россия, США, Франция, издаются не только собственные «полные истории», но и «полные истории» других великих государств (Индии, Китая и т.д.). Однако подавляющее большинство этих публикаций представляют собой либо учебные пособия для ВУЗов, либо научно-популярные произведения, рассчитанные на широкого читателя. В этих публикациях нет ни серьёзного научного аппарата и ни йоты сомнения в постулируемых их авторами идеях, а все факты и события излагаются в повествовательно-утвердительном тоне. Бесспорно, такие книги необходимы, но в данном случае речь идёт совершенно об ином, а именно – о многотомной научной работе обобщающего характера, опирающейся на фундаментальные исследования более частного характера. Во всём мире счёт такого рода публикациям идёт на единицы. Они подводят итог определённому этапу изучения той или иной страны и являются основой для последующих масштабных исследований цивилизации, в ареал которой входит указанная страна, или, вернее, культурная общность. В российской исторической науке такие «полные истории» принято называть «академическими». По истории Вьетнама таких работ вообще не предпринималось, и именно поэтому данный проект следует считать «амбициозным».

Проект создания «Полной академической истории Вьетнама» в шести томах был бы совершенной утопией, если бы ему не предшествовали легшие в его основу фундаментальные исследования советских (российских)

вьетнамистов второй половины XX в.

Первым таким исследованием была коллективная монография «История Вьетнама в новейшее время (1917 – 1965 гг.)» [387]. За ней последовала ещё одна коллективная монография «Новая история Вьетнама», охватывавшая период с середины XVII в. до 1917 г. [521]. Наконец, третья коллективная монография «Новейшая история Вьетнама» охватывала период с 1965 по 1980 г. [522]. Эти три монографии были написаны учёными сектора Вьетнама отдела Кореи, Вьетнама и Монголии Института востоковедения АН СССР[I]. Кроме того, в их написании участвовали и другие известные советские вьетнамисты, главным образом из Института восточных языков (ИВЯ) при МГУ, Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД СССР и Министерства иностранных дел (МИД) СССР.[II] Таким образом, к работе над ними был привлечён весь цвет советского вьетнамоведения, что является несомненной заслугой заведующего сектором Вьетнама в те годы С.А.Мхитаряна.

Многих из этих учёных уже нет, но для нас они живые, они с нами и помогают нам в нашей работе. Поэтому, называя их имена, мы не стали делить наших коллег и друзей какими-то особыми метками на «живых и мёртвых». Это – Л.А.Аносова, Э.Г.Асатурова, И.Д.Бакшт, А.А.Белецкая, А.Г.Буданов, Е.П.Глазунов, Ю.П.Дементьев, Д.В.Деопик, В.А.Зеленцов, И.П.Зимонина, Д.В.Летягин, Г.М.Локшин, В.М.Мазырин, Н.А.Макаров, В.И.Мещеряков, Н.Н.Мелик-Гайказова, Г.Ф.Мурашёва, С.А.Мхитарян, Н.И.Никулин, О.В.Новакова, И.А.Огнетов, А.И.Петров, П.В.Познер, Р.А.Поповкина, В.С.Расторгуев, А.Л.Рябинин, А.А.Соколов, А.П.Шилтова, Г.В.Шмелёва.

Особо хотелось бы отметить заведующего отделом

[I] Прежде этот отдел именовался Отделом социалистических стран Азии.

[II] В настоящее время это Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ, Университет МГИМО МИД РФ и МИД РФ.

Кореи, Монголии и Вьетнама И.С.Казакевича, который, не будучи вьетнамистом, многое сделал для публикации упомянутых монографий.

Всем им наша огромная благодарность и признательность.

Безусловно, перечисленные монографии не лишены недостатков. Они слишком политизированы, особенно – обе книги, посвящённые новейшей истории. Впрочем, учитывая время, в которое они писались, в этом нет ничего удивительного. Важнее то, что вопреки такой идеологизации каждая из них является весьма добротным научным исследованием. Главный же недостаток этих монографий – слабый научный аппарат. В «Новой истории» имеются указатели имён и географических названий, но отсутствуют указатели этнических названий и специальных терминов, а в монографиях по новейшей истории имеются только указатели имён, при этом во всех трёх указатели составлены только на русском языке[1]. Наконец, ни в одной из них нет раздела «Комментарии», а имеются лишь постраничные сноски[2]. Можно было бы отметить и ещё целый ряд более мелких недостатков, но они не имеют принципиального значения. Тем не менее, поскольку эти указанные монографии достаточно полно и объективно дают картину развития вьетнамского государства с середины XVII в. до 1980 г., можно с уверенностью утверждать, что, приступая к работе над «Полной академической историей Вьетнама», её авторский коллектив имел в своём распоряжении значительное количество готового материала для третьего и четвёртого томов своего проекта, которые посвящены новой и новейшей истории вьетнамского государства. Однако не следует забывать, что этот материал требовал значительной доработки и переработки в свете последних достижений исторической науки вообще и вьетнамоведения в частности. Кроме того, в него было необходимо внести элемент дискуссионности, прежде всего – за счёт написания «Комментария» к каждой книге. Наконец, требовалось создать развёрнутый и

многоязычный научный аппарат, что само по себе являлось достаточно сложной и крайне трудоёмкой задачей.

Ещё одной работой, которая после доработки легла в основу первого тома нашего «Проекта», является прошедшая международную апробацию монография П.В.Познера [550; 963]. Также нельзя не упомянуть монографию А.Б.Полякова «Возрождение вьетнамского государства (X – XIV вв.)» [1454], ставшую основой первой части второго тома «Полной академической истории Вьетнама». Она написана на вьетнамском языке и издана в Ханое в 1996 г. К сожалению, в этой публикации отсутствуют указатели, но она снабжена прекрасным комментарием и опирается на текстологическое исследование самого раннего из сохранившихся вьетнамских летописных сводов [36]. Наконец, следует отметить, что значительную роль при реализации проекта сыграли монографии таких учёных, как М.А.Чешков (средневековье), А.Л.Рябинин (2-ая половина XVIII – начало XX в.), В.М.Мазырин (новейшая история), Р.Ф.Итс, А.И.Мухлинов и Я.В.Чеснов (этнография).

Несложно заметить, что настоящее «Предисловие» посвящено исключительно советским и российским авторам, написавшим фундаментальные монографии по тому или иному периоду вьетнамской истории. Связано это с тем, что почти все участники нашего проекта являются либо их коллегами, либо их учениками, либо сами принимали участие в написании вышеупомянутых монографий. Именно это в сочетании со стремлением привлечь к реализации проекта максимальное количество из ещё оставшихся в живых российских вьетнамистов во многом предопределили как структуру «Полной академической истории Вьетнама», так и состав её авторского коллектива. В определённом смысле– это памятник всем тем, кто создавал советскую (российскую) вьетнамоведческую науку. Им – в первую очередь, но не только им,…

Необходимо подчеркнуть, что в шести томах «Полной академической истории Вьетнама» обобщены исследования не

только советской (российской), но и всей мировой вьетнамоведческой науки. Известно, что основу современного вьетнамоведения заложили французские учёные, а их школа доминировала с конца XIX по шестидесятые годы XX в. Затем, в середине пятидесятых годов, возникла советская школа вьетнамоведения, которая со второй половины шестидесятых годов стала играть ведущую роль в мировой вьетнамистике. Также не следует забывать о собственно вьетнамской школе, сформировавшейся на базе французской и советской вьетнамоведческих научных школ. *Поэтому к созданию «Полной академической истории Вьетнама» были привлечены не только российские, но и вьетнамские, а также ещё оставшиеся в живых французские учёные*[3]. Кроме того, следует отметить, что в шестидесятые – восьмидесятые годы прошлого века немалую лепту в изучение новейшей истории Вьетнама внесли и американские исследователи, а также учёные целого ряда других государств. Однако их работы затрагивают в основном проблемы новейшей истории, связанные с американской агрессией во Вьетнаме и её последствиями. Поэтому говорить о какой-либо ещё целостной школе вьетнамоведения, кроме трёх вышеупомянутых, не представляется возможным.

Наконец, уже в «Предисловии» хотелось бы обратить внимание на две проблемы. Первая – проблема периодизации вьетнамской истории. В советской исторической науке по эпохам древности и средневековья была принята периодизация, опиравшаяся на работы французских и вьетнамских учёных, исходивших из периодизации вьетнамских летописных сводов. Что же касается новой и новейшей истории, то здесь всё строилось на общепринятой аксиоме о проведении границы между новой и новейшей историей по 1917 г. Благодаря исследованиям советских и российских учёных в последние двадцать лет прошлого века эта периодизация была в значительной степени пересмотрена и уточнена, что отразилось на временных границах каждого из томов «Полной академической истории Вьетнама». В настоящем

«Предисловии» лишь обозначена указанная проблема, тогда как периодизация каждой из эпох вьетнамской истории излагается в соответствующем ей томе.

Вторая – это проблема перевода на русский язык титулатуры и специальной терминологии иероглифических источников конфуцианского культурного ареала[4]. В «Полной академической истории Вьетнама» используется введённая в оборот П.В.Познером методология её перевода, которая подробно описана в «Пояснительной статье» к «Тому VI».

«Полная академическая история Вьетнама» включает богатый иллюстративный материал, состоящий из карт, реконструкций, фотографий и рисунков[5]. Каждый том имеет собственное «Введение», так как единое «Введение» для всех шести томов оказалось бы настолько перегруженным информацией, что стало бы просто нечитабельным. Конечно, такая структура не может не привести к определённым повторам, прежде всего в историографических разделах «Введений», которые связаны с тем, что как древняя, средневековая и частично новая история, так и два тома новейшей истории Вьетнама в значительной степени опираются на одни и те же источники. Именно это является причиной такой организации структуры «Полной академической истории Вьетнама», при которой каждый из её первых пяти томов, являясь самостоятельным трудом по конкретному историческому периоду вьетнамского общества и государства, объединяется шестым томом в единое целое с другими томами. Сам же «Том VI» не только состоит из самостоятельных статей и сводного аппарата к остальным пяти томам, но и «де-факто» является русско-китайско-вьетнамским словарём значительной части специальной терминологии, которая использовалась историографами всех стран конфуцианского культурного ареала вплоть до начала XX в.

В заключение этого краткого «Предисловия» хотелось бы отметить, что знаменитая французская школа вьетнамоведения прекратила своё существование к концу шестидесятых годов XX в., а ещё через десяток лет не

останется ни одного российского вьетнамиста, который бы занимался фундаментальной наукой. В результате в европейской исторической науке не останется ни одной школы классического вьетнамоведения. Безусловно, вьетнамисты останутся, но то будут политологи, экономисты и специалисты по другим аспектами прикладной науки, если, конечно, не считать вьетнамских учёных, занимающихся изучением прошлого своей страны.

В свете столь малоприятной перспективы вопрос стоял однозначно:

Либо «Полная академическая история Вьетнама», опирающаяся в первую очередь на исследования учёных французской и советско-российской школ вьетнамоведения, будет написана сейчас, либо она не будет написана никогда!

Это понимал и бывший директор Института востоковедения РАН Ростислав Борисович Рыбаков, когда, сознавая, что рассчитывать на финансирование Российской академией наук столь дорогостоящего проекта, как издание «Полной академической истории Вьетнама» в шести томах не приходится, он всё же дал старт нашему проекту[6], который поддержали вице-президент РАН академик Александр Дмитриевич Некипелов вместе с начальником УВС РАН Сергеем Сергеевичем Маркиановым. Благодаря их помощи удалось избежать множества административных препон и бюрократических проволочек. Наконец, не остались в стороне и наши вьетнамские коллеги. В их числе хотелось бы упомянуть президента Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН) профессора До Хоай Нама, заместителя директора Института истории ВАОН профессора Нгуен Нгаук Мао и старшего научного сотрудника Института Китая ВАОН До Минь Као, которые оказали большую помощь при сборе материала для проекта в марте – апреле 2011 г.

Однако при всей этой поддержке «Полная академическая история Вьетнама» никогда не только не увидела бы света, но и не была бы даже написана, если бы известный тележурналист Владимир Владимирович Познер

вместе со своим давним другом и очень образованным человеком Вадимом Михайловичем Мильштейном не взяли на себя её полное финансирование. Поэтому наших спонсоров с мы по праву считаем соавторами данного шеститомника.

В связи с вышеизложенным авторский коллектив «Полной академической истории Вьетнама» выражает искреннюю благодарность всем, кто поддерживал проект на всём протяжении работы над ним! Огромное всем вам спасибо!

P.S.

10-го апреля 2014 г. Вадим Михайлович Мильштейн скоропостижно скончался. Это огромная потеря… Мы потеряли не спонсора, а близкого друга, который всегда был готов придти на помощь. Остаётся надеяться, что этот, объединявший всех нас с 2010 г. труд, станет достойным памятником этому замечательному человеку!

25 октября 2014 г.

П.В.Познер

Посвящается
учёным Иностранных миссий Парижа
и Французской школы Дальнего Востока

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том I

Древность и раннее средневековье
(конец 4 – начало 3 тыс. до н.э. – 1010 г. н.э.)

Президиум
Российской Академии Наук
Москва, 2014

Редактор тома

Доктор исторических наук Д.В.МОСЯКОВ.

В «Томе I» «Полной академической истории Вьетнама» обобщены основные исследования в мировом вьетнамоведении по ранним периодам истории Вьетнама и предлагается единая периодизация ранней вьетнамской государственности, в том числе и невьетнамских государств, существовавших на вьетнамской территории. В томе также прослеживается взаимовлияние культур конфуцианского культурного ареала, включая проблему возникновения и первоначального развития буддизма школы Созерцания на единой территории Северного Вьетнама и Южного Китая.

Авторы

С.В.ЛАПТЕВ: статья «Археология Вьетнама».

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Части I – IV; Заключение.

П.В.ПОЗНЕР, А.Б.ПОЛЯКОВ (совместно): разделы «Главы 4» «Части II», «Главы 2» «Части III» и «Главы 3» «Части IV», посвящённые X – началу XI в.

Я.В.ЧЕСНОВ: статья «Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама».

УДК 93/94
ББК 63,3(3)
П 47
ISBN 978-5-4431-0052-4

© В.В.Познер, 2014
© П.В.Познер, 2014

ISBN 978-5-4431-0053-1

ВВЕДЕНИЕ[1]

1. *История вопроса*

В отличие от истории таких стран, как Китай и Индия, история Вьетнама относительно слабо изучена. Одна из древнейших культур человечества и безусловная доминанта Восточной Азии, китайская культура оказала огромное влияние на развитие не только Азии, но и всей мировой цивилизации. Китайская империя ещё издавна привлекала внимание европейцев, которые воспринимали культуры остальных стран дальневосточного и южноазиатского регионов через призму индийской и китайской цивилизаций. К так называемым малым, «вторичным» по культуре странам европейские путешественники и исследователи XVII – XIX вв. среди других относили и Вьетнам, который, по их мнению, принадлежал к зоне китайской культуры. Естественно, влияние индийской культуры, которое было очевидным благодаря широкому распространению буддизма во Вьетнаме, не отрицалось, но считалось, что индийское влияние осуществлялось через Китай. К тому же первыми исследователями Вьетнама (помимо путешественников, миссионеров и разного рода авантюристов) были французские синологи[1]. Соответственно методология исследования истории и культуры Китая, разработанные в её рамках схемы и терминология, а также специальные понятия стали применяться при характеристике вьетнамских реалий. Ситуация усугублялась также и тем, что во Вьетнаме (по крайне мере, с конца III в. до н. э. и вплоть до французского колониального завоевания в конце XIX в.) официальным письменным языком являлось древнекитайское классическое иероглифическое письмо. Таким образом, французские синологи могли разбирать официальные вьетнамские тексты с идентичной на первый взгляд китайской терминологией, что

[1] Синолог, то есть китаевед или китаист. Производное от французского «синология» (sinologie, 1872 г.), что означает «китаеведение».

подтверждало версию о «китайском» характере местной культуры.

Музей истории Вьетнама. Ханой. 21.04.2011 г.

Весьма важен здесь тот момент, что ко времени появления во Вьетнаме европейцев в стране господствовало неоконфуцианство чжусианского толка и государственные структуры были приведены в соответствие с ним. Другими словами, в XVII – XIX вв. можно было отметить почти полное совпадение общественных и государственных структур Китая и Вьетнама [544, с.70 – 81].

Таким образом, к началу систематических вьетнамских исследований в европейской науке, которое датируется созданием Французской школы Дальнего Востока в 1900 г., в научной литературе уже сложилось чёткое представление о том, что вьетнамские культурные, социально-экономические, общественные, религиозно-идеологические и государственные структуры в конечном счёте восходят к китайским. При этом первоначальное исследование вьетнамских и китайских письменных источников французскими синологами лишь подтвердило эту точку зрения, так как, согласно их данным, территория Северного и частично Центрального Вьетнама входила в состав китайских империй и царств со 111 г. до н. э. по 939 г.н.э., а с X в. н. э. вьетнамское государство находилось в вассальной зависимости от Китая.

Более того, при колониальном захвате Вьетнама во второй половине XIX в. Франция столкнулась с оппозицией китайской империи Цин, которая официально выступила в роли сюзерена. Наконец, необходимо отметить и тот факт, что вплоть до середины XX в. Вьетнам был французской колонией, традиционная история которой игнорировалась практически всеми европейскими учёными, кроме французских. Всеобщее внимание к этой стране было привлечено лишь в результате поражения французского экспедиционного корпуса при Дьенбьенфу в мае 1954 г.

Таким образом, в отношении истории Вьетнама вплоть до середины 50-х годов прошлого века господствовала точка зрения о приоритете в его культуре китайского элемента и о том, что сам он как государство в конечном счёте возник на основе китайской традиции (вопрос дискутировался лишь

относительно того времени, когда это произошло – до 111 г. до н. э. или после 939 г. н.э.).

С самого начала безусловная монополия во вьетнамоведческих исследованиях принадлежала французским учёным и тем вьетнамским учёным, которые работали во французских учреждениях. Здесь весьма важно подчеркнуть, что авторитет этих французских исследователей в мировом научном сообществе был очень высок. Ведь в их числе находились такие выдающиеся синологи, как Эд.Шаванн, А.Масперо, Л.Оруссо, Г.Дюмутье, а впоследствии – Э.Гаспардон и М.Дюран. И это не говоря уже о таких энциклопедистах начала XX в., как Л.Кадьер и П.Пелльо[2]. Поэтому естественно, что с образованием в середине 50-х годов XX в. вьетнамской и советской вьетнамоведческих школ они оказались под сильнейшим влиянием французского вьетнамоведения (имеется в виду изучение традиционных аспектов вьетнамской истории, культуры и т.д., а не исследования эпохи французского колониального завоевания и последующего времени). Положение усугублялось ещё и тем, что ведущими учёными первой из указанных вьетнамоведческих школ, а именно – вьетнамской, были учёные французской формации и среди них такие выдающиеся специалисты по истории Вьетнама, как Дао Зюи Ань и Чан Ван Зяп, который, ещё работая во Французской школе Дальнего Востока, опубликовал в 1932 г. монографию по вьетнамскому буддизму, до сих пор остающуюся лучшей публикацией по этой теме [1009]. Наконец, Дао Зюи Ань в 1956 и 1957 гг. первым в мире опубликовал монографические исследования по древней истории Вьетнама [1223; 1224].

Если не считать этих двух французско-вьетнамских учёных, последним великим представителем французской школы вьетнамоведения был Морис Дюран. А её окончательный закат датируется уходом на пенсию в 1996 г. директора научного направления по изучению Индокитая Пьера-Бернара Лафона.

Анри Парментье
(1871 – 1949)

Леопольд Кадьер
(1869 – 1955)

Леонард Оруссо
(1888 – 1929)

Луи Фино
(1864 – 1935)

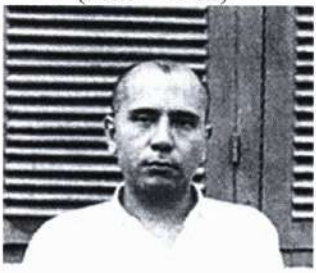
Эмиль Гаспардон
(1895 – 1982)

Поль Пелльо
(1878 – 1945)

Анри Масперо
(1982 – 1945)

Морис Дюран
(1914 – 1966)

Пьер-Бернар Лафон
(1926 – 2008)
29.05.1991 г.

Возникновение советского вьетнамоведения также было связано с определёнными сложностями (прежде всего это касалось исследований по традиционной истории Вьетнама). Первые советские учёные-вьетнамоведы по своему образованию не имели отношения к Вьетнаму. То были историки, археологи, китаисты и т.д. Исследованиями же по древней и средневековой истории Вьетнама фактически занимались три человека: Д.В.Деопик, А.И.Мухлинов и М.А.Чешков, при этом древностью занимался исключительно Д.В.Деопик, который в значительной степени опирался на исследования Дао Зюи Аня, а также на профессиональное знание археологии [342].

Таким образом, специфика становления вьетнамоведческой науки во 2-ой половине XX в. предопределила внутреннее единство и взаимосвязь исследований по традиционной истории Вьетнама, особенно по её древнему периоду до X в. н.э., французской, вьетнамской и советской вьетнамоведческих школ[3].

Наконец, необходимо остановиться ещё на одном специфическом аспекте становления вьетнамоведческой науки.

Вплоть до середины 50-х годов XX в. не было опубликовано ни одного серьёзного обобщающего монографического исследования по традиционной истории Вьетнама, если не считать «Курса аннамитской истории» Чыонг Винь Ки, изданного в Сайгоне в 1875 – 1877 гг. [1012]. Что же касается вьетнамской истории до X в. н. э., то её аспекты затрагивались в монографиях либо по частным проблемам, либо в связи с публикациями и исследованиями вьетнамских и китайских источников. Исключение составляет книга К.Патриса «Эссе истории Аннама, часть первая: древность и раннее средневековье» [948][4]. Остальные исследования по этому периоду, в том числе основополагающие работы Г.Дюмутье [770; 774], М.Дюрана [781], Э.Гаспардона [796] и даже А.Масперо [893; 897], представляют собой более или менее значительные по объёму статьи. Таким образом, практически все концептуальные

вопросы по древней истории Вьетнама рассматривались авторами в статьях, выводы которых большей частью носили характер обоснованных гипотез. И в этом смысле две вышеупомянутые монографии Дао Зюи Аня, особенно вторая, опубликованная в 1957 г. в Ханое в четырёх книгах под названием «Древняя история Вьетнама», с одной стороны, являются первыми крупными исследованиями вьетнамской национальной исторической школы, а с другой стороны, они подводят итог «французского периода» во вьетнамоведческой науке [1223; 1224].

Однако с выходом на передний план вьетнамской и советской вьетнамоведческих школ во 2-ой половине 50-х годов и вплоть до начала 80-х годов XX в. положение мало изменилось. В СССР исследования по истории Вьетнама до X в. н.э. вообще носили единичный характер и представлены они следующими, весьма немногочисленными научными и учебными работами.

В советской (российской) науке первым начал заниматься изучением древней и раннесредневековой истории Вьетнама Д.В.Деопик. Необходимо указать на то, что с 1956 и по 1967 г. он был первым и единственным советским учёным, занимающимся этой проблематикой. Кроме того, поскольку Д.В.Деопик был блестящим преподавателем древней и средневсковой истории не только Вьетнама, но и всей Юго-Восточной Азии, прежде всего – Индокитая, его интересы распространялись далеко за рамки собственно вьетнамоведения. Именно этим объясняются как достоинства, так и недостатки его работ. Так, из множества статей Д.В.Деопика по археологии, эпиграфике, истории и этнографии самой древней и раннесредневековой истории Вьетнама посвящено лишь пять, при этом последние две датируются 1970 г. [339; 340; 341; 348; 349]. Кроме того, нельзя не упомянуть неопубликованную диссертацию Д.В.Деопика на соискание учёной степени кандидата исторических наук [342]. Все эти работы с той или иной степенью полноты излагают положения работ учёных

французской школы вьетнамоведения, что вполне естественно, так как Д.В.Деопику больше не на кого было опираться в своих исследованиях. Исключение составляет лишь одна статья, позволившая по-новому оценить эпоху зависимости вьетнамских территорий от различных китайских империй и царств (111 г. до н. э. – 939 г. н. э.) [349]. К сожалению, в последующие годы Д.В.Деопик ничего значимого больше не опубликовал[I].

Приблизительно в это же время появляются три статьи И.Н.Машкиной [468; 469; 470], а затем (в 1978 г.) выходит в свет её монография «Китай и Вьетнам» (III – XIII вв.)» [472]. Спецификой этой работы является то, что автор, будучи чистым синологом, рассматривает ранние периоды вьетнамской истории через китайскую призму. Поэтому неудивительно, что эта монография носит китаецентристский характер и повторяет ошибки французских синологов XIX – начала XX в., занимавшихся изучением истории и культуры Вьетнама[II].

С 1974 г. начали появляться статьи и монографии П.В.Познера, посвящённые, за редким исключением, тем или иным аспектам древней и раннесредневековой истории, культуры, религии и идеологии Вьетнама. Особое место в исследованиях П.В.Познера занимает работа над средневековыми вьетнамскими письменными источниками [239.6; 538 – 551; 962; 963].

К упомянутым публикациям можно добавить весьма краткий очерк по древней истории в монографии М.А.Чешкова [627], исторические аспекты в этнографической монографии

[I] В 1994 г. Д.В.Деопик обобщил свой лекционный курс и издал его в виде монографии [361], а в 2002 г. вышла монография Д.В.Деопика, образованная его предыдущими несколько переработанными статьями [362]. В отношении древней и раннесредневековой истории Вьетнама эта монография представляет собой переиздание статей, которые были написанны Д.В.Деопиком до 1970 г.

[II] Главным достоинством книги И.Н.Машкиной является то, что это первая монография по древней и раннесредневековой истории Вьетнама в советской (российской) историографии.

А.И.Мухлинова [486] и публикацию А.Б.Поляковым наиболее раннего вьетнамского династийного летописного свода [36]. Те же единичные публикации по ранней истории Вьетнама до X в. н. э., которые не вошли в этот список, принципиально не меняют общей картины состояния вьетнамоведческих исследований по этому периоду ни в СССР, ни в современной России.

Что же касается вьетнамских научных исследований по ранним этапам национальной истории, то можно сказать, что опираясь на указанные выше работы Дао Зюи Аня, они достаточно быстро приобрели значительный размах. Однако специальных больших работ по древней и раннесредневековой истории Вьетнама не публиковалось. В основном, если говорить о монографиях, создавались обобщающие труды по всей традиционной истории страны вплоть до XIX в., в которых ранние её этапы занимали относительно малый объём [1209; 1306]. Издавались также комментированные переводы национальных источников [165; 166; 182; 196; 212; 213; 236.1; 237; 239; 242; 245; 1439; 1517], о которых речь пойдёт несколько ниже в источниковедческом разделе настоящего тома.

К этим публикациям примыкают две важные монографии: о первобытнообщинном строе [1253.1] и двухтомная история становления и развития вьетнамской общины [1419]. Что же касается непосредственного изучения истории Вьетнама до X в., то здесь были предприняты достаточно серьёзные усилия по разработке частных проблем. При этом в каждом конкретном случае применялась следующая методологическая схема. Сначала в течение нескольких лет в научных журналах (прежде всего в журнале «Изучение истории» [1730]) регулярно публиковались статьи по намеченной теме. Затем по этой теме проводилась общенациональная научная конференция, материалы которой публиковались специальными изданиями [1255; 1284]. Наконец, в журнале «Изучение истории» публиковались обобщающие статьи, подводящие итог этим исследованиям.

Анализ публикаций вьетнамских учёных по периоду до X в. позволяет выделить три группы такого рода многолетних комплексных исследований: 1. Эпоха королей[5] Мужественных (включая проблему царств Аулак и Намвьет с момента их возникновения и вплоть до включения в состав империи Хань); 2. Восстание сестёр Чынг (1-ая половина I в. н.э.); 3. События конца IX – X в., при исследовании которых основное внимание уделяется вьетнамо-китайским войнам в периоды правления династий Нго, Динь и Ранняя Ле.

В конце 70-х годов перед вьетнамскими историками была поставлена задача создания многотомной полной истории Вьетнама, которая согласно плану должна была состоять из восьми томов: 1. От первобытнообщинного строя до X в. н.э.[6]; 2. X – начало XV в.; 3. Начало XV – начало XVIII в.; 4. Начало XVIII – середина XIX в.; 5. Середина XIX – XIX в.; 6. Начало XX в. – 1930 г.; 7. 1930 – 1945 гг. 8. 1945 – 1975 гг. К сожалению, эта многотомная история Вьетнама до сих пор не вышла в свет.

Наконец, особо следует остановиться на монографии Кейта В.Тэйлора «Рождение Вьетнама» [1144]. Она написана на основе диссертации, защищённой им в Мичиганском университете, и является первой и единственной англоязычной книгой, в которой предпринята попытка комплексного рассмотрения истории Вьетнама до X в. н. э. Монография содержит значительное количество важных наблюдений и выводов по истории Вьетнама. Автор максимально использовал археологические данные, сведения вьетнамских и китайских письменных источников, а также весь комплекс публикаций по этой проблеме (за исключением советских). В целом его выводы во многом сходны с заключениями французских учёных, хотя представляется, что К.В.Тэйлор является первым западным специалистом по истории Вьетнама, который рассматривает проблемы Северного Вьетнама и Южного Китая в контексте древневьетской цивилизации. В основном можно констатировать совпадение позиций американского учёного и П.В.Познера по многим аспектам

истории Вьетнама до X в. н. э. Так, К.В.Тэйлор тщательно разрабатывает идею «Великих Хан-Вьетских родов», исчисление которых он ведёт от Си Ниепа [1144, с.45 – 57; 71]. Не менее интересны его выводы о характере частного землевладения [1144, с.180, 214]. Однако, к сожалению, К.В.Тэйлор редко выходит за рамки выводов учёных французской школы, хотя сам ход его исследования ведёт к совершенно иным заключениям.

Если теперь обратиться к общему развитию вьетнамоведческой науки с конца XIX в., то представляется возможным выделить лишь три обобщающие монографии по древней и раннесредневековой истории Вьетнама до X в. н.э.

Первая – это монография Дао Зюи Аня «Древняя история Вьетнама» в четырёх книгах [1224], которая подводит итог «французской» эпохе во вьетнамоведении и открывает период систематических исследований вьетнамскими учёными национальной истории.

Вторая – это том 1-ый двухтомной «Истории Вьетнама» [1306]. Безусловно, это не научная работа в прямом смысле этого слова, а, скорее, учебное пособие. Тем не менее указанная книга является единственным на сегодняшний день трудом, который подводит итог национальным исследованиям по древней и раннесредневековой истории Вьетнама с 1957 по 1983 г.

Третья – это монографическое исследование П.В.Познера «История Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья до X в. н.э.» [550]. В нём рассмотрены все основные источники по истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья, обобщены все основные исследования в мировом вьетнамоведении по указанному периоду вьетнамской истории, сформулирована единая концепция становления и развития ранней вьетской государственности и предложена единая периодизация вьетской истории вплоть до X в. н. э. Именно поэтому указанная монография легла в основу первого тома «Полной академической истории Вьетнама, предопределив тем самым его структуру. Эта же

структура была принята и для её остальных четырёх томов. Вкратце эту структуру можно представить следующим образом.

Во-первых, каждый том открывается изложением главенствующих в современной науке концепций соответствующих периодов вьетнамской истории. При этом авторы исходят не из традиционного историографического обзора работ отдельных авторов, сгруппированных в рамках национальных школ, а из единых концепций, которыми определяется внутреннее единство французских, вьетнамских и российских (советских) исследователей вьетнамской истории.

Во-вторых, чётко указывается и обосновывается принцип отбора основных источников, на которых строится исследование. Этот момент во многом является ключевым и концептуальным. Прежде всего это касается древней и раннесредневековой истории Вьетнама, где речь идёт либо о приоритете ранних (а с конца II в. до н.э. – синхронных событиям) китайских источников, либо о приоритете поздних (*не* ранее XII в.) вьетнамских источников[7].

В-третьих, каждый том открывается описанием событий политической истории. Это связано с целым рядом причин, из которых не последней является как практически полная неразработанность социально-экономических, так и крайне слабая разработанность культурно-идеологических проблем. В первую очередь это относится к исследованию ранних этапов вьетнамской истории, которое строится на археологическом и этнографическом материалах, на аналогиях с изученными китайскими, прежде всего – южнокитайскими, реалиями и на весьма скудных данных письменных источников. Именно поэтому социально-экономические и культурно-идеологические проблемы рассматриваются на фоне подробно описанной и систематизированной политической истории. В противном случае неизбежно постоянное привлечение её материала при характеристике социально-экономического развития, тем более что целый ряд изменений базисного характера прослеживается только через

относительно полно описанную в источниках эволюцию надстроечных элементов вьетнамского общества.

Наконец, необходимо остановиться ещё на одном, крайне важном для реконструкции ранних периодов истории Вьетнама моменте. Методология изучения политической истории Вьетнама до X в. н.э. не может не включать в себя характеристику событий той эпохи на территории Южного Китая. На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что вплоть до середины III в. до н.э. китайские территории к югу от Янцзы являлись самостоятельным южным культурным очагом, значительно отличавшимся от собственно китайского (хуаского) очага бассейна Хуанхэ. Безусловно, это не означает отсутствия культурных, политических, военных и других контактов между южно-китайскими и собственно китайскими царствами в эпоху «Вёсен [и] Осеней» и особенно в эпоху «Сражающихся царств»[1]. Более того, такие южнокитайские царства, как Чу и Юэ даже становились гегемонами коалиций китайских царств и княжеств. Однако включение территорий к югу от Янцзы в состав нарождавшейся империи связано с образованием Цинь в 246 г. до н.э. и её южными завоевательными походами. Практически военный захват этих территорий продолжался вплоть до первых веков нашей эры, а ассимиляция их населения завершилась лишь в X – XI вв. при династии Сун (960 – 1279 гг.). Однако своеобразная «двуцентричность» Китая с северным центром в Пекине и южным центром в Гуанчжоу при условном разделении регионов по реке Янцзы ощущается вплоть до настоящего времени, и чем дальше к югу, тем больше проявляется культурная оппозиция пекинскому центру. Однако не только синологи, но и специалисты по истории Вьетнама умалчивают о том, что Гуанчжоу был столицей древнего вьетнамского царства Намвьет (207 – 111 гг. до н.э.), а после его завоевания империей Хань на протяжении нескольких веков являлся административным центром южной вьетской окраины империи. Почти не упоминается также (и тем более не

[1] 721 – 480 гг. до н.э. и 480 – 246 гг. до н.э.

анализируется) тот факт, что древнее вьетское царство на территории Северного Вьетнама являлось южной вершиной культурного очага, территориально ограниченного рамками «опрокинутого» треугольника с северным основанием по реке Янцзы, восточной стороной по провинциям Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и западной стороной по провинциям Сычуань, Юньнань, Гуанси. Соответственно все политические, культурные, социальные и этнические процессы, протекавшие в VIII – III вв. до н.э. к югу от Янцзы, затрагивали и это царство. Как и остальные царства к югу от Янцзы, с началом завоевательных походов Цинь в середине III в. до н.э. оно было втянуто в процесс складывания первой общекитайской империи и, в конце концов, было завоёвано и вошло в её состав. А в X в., когда окончательно определилось политическое единство южных и северных территорий империи, наиболее южные её территории (Северный Вьетнам и северная часть Центрального Вьетнама) откололись от неё, образовав собственное государство.

Таким образом, совершенно очевидно, что древняя и раннесредневековая история Вьетнама не может быть написана без ответа на следующие ключевые вопросы:

1. Как возникла и что представляла собой ранняя вьетская государственность?

2. Как развивалось вьетское общество на протяжении эпохи зависимости вьетских территорий от различных общекитайских империй и южнокитайских царств, которую принято называть «Эпоха северной зависимости»?

3. Почему только на этих территориях была восстановлена национальная государственность и в чём принципиальная разница между вьетской (по конец II в. до н.э.) и вьетнамской (с середины X в.) государственностью?

Именно такое понимание проблем вьетнамской истории указанного периода и предопределил структуру «Тома I» «Полной академической истории Вьетнама».

Том открывается общим «Предисловием» ко всем шести томам, за которым следует «Введение», предваряющее

основные разделы тома. Они начинаются с «Краткого очерка географии и этнографии Вьетнама», включающего в себя параграф исторической этнографии стран Индокитая и юга Восточной Азии с древнейших времён до XVIII в., большая часть которого посвящена анализу доклассовых хозяйственно-культурных общностей и этнокультурных систем на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама. Далее следует статья «Археология Вьетнама»[8], содержащая анализ тех источников материальной культуры, без которых реконструкция ранних этапов социально-экономического развития Вьетнама представляется невозможной.

В «Части I» рассматривается период независимого существования ранней вьетской государственности на территории Северного Вьетнама в контексте событий, происходивших на юге Восточной Азии. При этом если в «Главе 1» события рассматриваются на всей территории треугольника родственных культур к югу от Янцзы, то в «Главе 2» – в основном по линии Сычуань – Юньнань – Гуанси – Северный Вьетнам, а в «Главе 3» (параллельно с анализом событий на сопредельных территориях в югу от Улина: Гуанси, Гуандун, Северный Вьетнам) – по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуанси – Северный Вьетнам. Наконец, в «Главе 4» рассматриваются события, связанные с непосредственным завоеванием империей Хань территории Северного и северной части Центрального Вьетнама. Такой подход позволил достаточно чётко показать культурное единство территорий к югу от Янцзы в древности и постепенное выделение вьетских территорий крайнего Юга в обособленный район на протяжении III – I вв. до н.э.

В «Части II» рассматривается так называемая «Эпоха северной зависимости» и период постепенного восстановления национальной государственности на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама (44 – 981 гг.). Но если описываемые в «Главе 1» исторические события на этих территориях трудноотделимы от событий, происходивших на

территориях Гуанси и Гуандуна, то остальные главы этой части посвящены исключительно вьетнамскому региону, что связано с его постепенным обособлением в рамках империи Хань на протяжении I – V вв. Так, в «Главе 2» детально описаны события 541 – 602 гг., связанные с проблемой Ранних Ли, которые во многом предопределили дальнейший ход событий в этом регионе. В «Главе 3» рассматривается проблема окончательного обособления территории Северного и северной части Центрального Вьетнама в рамках империи Тан и формирование той этнокультурной общности, которая и стала называться вьетнамской. Наконец, в «Главе 4» даётся характеристика предпосылок восстановления независимости вьетнамских территорий и описываются основные этапы процесса её становления.

«Часть III», состоящая из двух глав, посвящена истории социально-экономического развития Вьетнама до X в. н.э. При этом не следует забывать, что многие аспекты вьетнамской материальной культуры, описанные как в «Кратком очерке географии и этнографии Вьетнама», так и в статье «Археология Вьетнама», имеют непосредственное отношение к данному разделу «Тома I». В «Главе 1» этой части рассматривается социально-экономическая история эпохи древности и периода перехода к эпохе раннего феодализма до конца VI в. В ней анализируются основные особенности социально-экономического развития ранних вьетских государств на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама вплоть до середины I в. н.э., а также социально-экономическое развитие вьетских территорий в составе империи Хань и южно-китайских царств на протяжении первой половины так называемой «Эпохи северной зависимости». «Глава 2» включает описание социально-экономического развития Вьетнама как на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости», так и в начальный период восстановления его государственной независимости вплоть до начала XI в. Иными словами, в этой главе речь идёт об эпохе раннего феодализма, об особенностях

его становления и развития во вьетском (вьетнамском) обществе.

«Часть IV» посвящена особенностям формирования вьетской (вьетнамской) культуры. В «Главе 1» описаны ранние этапы становления вьетской культуры до середины I в. н.э., то есть в эпоху существования независимых ранних вьетских государств на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама. В «Главе 2» анализируются основные особенности формирования вьетнамской культуры на протяжении «Эпохи северной зависимости» (44 – 880 гг.). Основным объектом исследования является взаимодйствие автохтонных и привнесённых элементов в процессе становления вьетнамской культуры. Наконец, «Глава 3» посвящена специфике окончательного превращения вьетской культуры во вьетнамскую (конец IX – начало XI в.).

Завершается том «Заключением», которое состоит из двух частей.

Первая часть представляет собой очерк истории Тямпы, Фунани и Ченлы под названием «Древние государства на территории Центрального и Южного Вьетнама». Обычно при описании истории Вьетнама о Тямпе говорят только в контексте вьетнамо-тямских внешнеполитических отношений, прежде всего – войн, которые продолжались с переменным успехом около тринадцати с половиной веков и завершились полным включением тямских территорий в состав средневекового вьетнамского государства.

Представляется, что это не совсем верно, так как история Тямпы, несомненно, является составной частью истории Вьетнама. Отсюда следует, что без характеристики хотя бы основных этапов развития тямского государства описание вьетнамской истории не может считаться полным. Аналогичным образом выглядит ситуация и с гораздо менее изученными государствами, существовавшими на территории Южного Вьетнама. Именно поэтому первая часть настоящего «Заключения» представляет собой достаточно краткий очерк «невьетнамского» видения истории и культуры государств,

существовавших в Центральном и Южном Вьетнаме, которое достаточно часто не совпадает с её традиционной «вьетнамской» интерпретацией. Что же касается традиционных, прежде всего – военных, аспектов отношений Вьетнама с его южными соседями, то они изложены в соответствующих главах настоящего тома. Этот же принцип положен в основу «Заключения» второго тома «Полной академической истории Вьетнама», посвящённого средневековью[9].

Вторая часть «Заключения» посвящена весьма сложной и запутанной проблеме периодизации вьетнамской истории до XI в. Совершенно очевидно, что временные границы глав, посвящённых социально-экономической и культурной истории Вьетнама, не совпадают. «Глава 1» «Части III» охватывает первую половину периода, описываемого в «Главе 2» «Части IV». «Глава 2» «Части III» касается второй половины периода, описываемого в «Главе 2», и первую половину периода, описываемого в «Главе 3» «Части IV». Наконец, «Глава 3» «Части III» охватывает вторую половину периода, описываемого в «Главе 3» «Части IV». Иными словами, речь идёт о двух различных периодизациях вьетнамской истории исследуемой эпохи – социально-экономической и культурной. Это явление представляет собой специфическую особенность ранних этапов вьетнамской истории и во многом затрудняет их исследование. Оно ещё более усложняется тем, что на социально-экономическую и культурную периодизации накладывается третья, политическая периодизация ранних этапов вьетнамской истории, которая во многом определяется внешними факторами. Это прежде всего начало экспансии империи Цинь, экспансия империи Хань и «Эпоха северной зависимости» от общекитайских империй и южно-китайских царств. Именно этим объясняются разночтения в периодизациях политической, социально-экономической и культурной истории Вьетнама до X в. н.э. При этом если периодизация ранних этапов формирования вьетнамской культуры достаточно близка периодизации политической

истории, поскольку вьетнамская культура сформировалась в результате синтеза вьетской и китайской культур в «Эпоху северной зависимости», то периодизация социально-экономической истории исходит из развития и смены социально-экономических формаций. В связи с этим необходимо отметить, что развитие культуры Вьетнама шло от общих тенденций в границах треугольника родственных культур южнее Янцзы (смотри выше), к её постепенному обособлению на протяжении VII в. до н.э. – VI в. н.э., тогда как социально-экономическое развитие вьетнамских территорий в целом совпадало с развитием территорий Южного Китая, с которыми они вместе составляли единую хозяйственно-экономическую зону.

Все эти особенности необходимо учитывать при обращении к ранним этапам вьетнамской истории. Их игнорирование, столь характерное для подавляющего большинства вьетнамоведческих исследований, приводит к целому ряду совершенно необъяснимых с исторической точки зрения противоречий. Так, обычно обходится молчанием несоответствие между китайской и вьетнамской культурами после восстановления государственной независимости Вьетнама в X в. При этом именно многовековая «Эпоха северной зависимости» является главным аргументом тех, кто определяет вьетнамскую культуру как вторичную по отношению к китайской. Не менее распространённым является замалчивание проблемы единства развития северо-вьетнамских и южно-китайских территорий, а также вопроса об особенностях их политического, культурного и социально-экономического разграничения.

При таком подходе образуются три самостоятельные истории ранних этапов развития вьетнамского общества: до 111 г. до н.э. – история ранней вьетской государственности; со 111 г. до н.э. по 939 г. н.э. – история «Эпохи северной зависимости»; с 939 г. – история вьетнамского государства после восстановления независимости, или собственно вьетнамская история. В результате происходят значительные

искажения реальных фактов истории Вьетнама, а общие концепции ранних этапов вьетнамской истории противоречат результатам конкретных исследований, посвящённых частным проблемам.

Именно поэтому главной задачей авторов первого тома «Полной академической истории Вьетнама» являлось как объяснение природы указанных противоречий, так и формулирование единой концепции ранних этапов вьетнамской истории на базе комплексного анализа истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья во взаимосвязи с историей региона родственных культур к югу от Янцзы.

В завершение следует подчеркнуть, что реконструкция исторических событий, содержащихся в первом томе «Полной академической истории Вьетнама», не может не быть дискуссионной. Крайне лимитированный материал источников по описываемым периодам вьетнамской истории обусловливает достаточно гипотетические реконструкции, когда исходя из более вероятной гипотезы формулируется менее вероятная. Существует несколько достаточно близких друг другу реконструкций ранних этапов вьетнамской истории, и все они рассматриваются в первом томе «Полной истории», в основу которого положена реконструкция, предложенная П.В.Познером [550, с.14].

2. *Основные концепции развития Вьетнама в эпоху древности и раннего средневековья*[10]

Если говорить о целостных концепциях исторического развития Вьетнама до X в. н.э., то представляется возможным выделить две основные, к которым в большей или меньшей степени восходят все остальные. Первая – это концепция А.Масперо, дополняемая различными модификациями Г.Дюмутье, Л.Оруссо, Э.Гаспардона и М.Дюрана; вторая принадлежит Дао Зюи Аню, но она была значительно расширена и в ряде аспектов переработана вьетнамскими и советскими учёными. Именно в этом порядке, с

соответствующими дополнениями по конкретным работам, внесёнными последующими авторами, и будут рассмотрены указанные две концепции.

Свою концепцию древней и раннесредневековой истории Вьетнама А.Масперо сформулировал в едином цикле исследований, состоящем из шести статей [897], три из которых были опубликованы в 1916 г. [«Династия Ранних Ли», «Политическая география империи Аннам при Ли, Чанах и Хо (X – XV вв.)», «Округ Сян»[1]], а остальные три – в 1918 г. («Царство Ванланг», «Экспедиция Ма Юаня», «Граница Аннама и Камбоджи с VIII по XIV век»). К этому циклу примыкает статья, вышедшая в 1910 г.: «Генеральный протекторат Аннам при Танах. Эссе политической географии» [893]. Таким образом, в своих статьях А.Масперо затронул проблемы вьетнамской истории I-го тысячелетия до н.э., III – II вв. до н.э., II, VI и VIII – X вв. н.э., то есть периода, который является предметом нашего исследования. Будучи синологом и выдающимся знатоком китайских хроник и летописных сводов, А.Масперо основывается исключительно на их данных и отрицает возможность появления какой-либо дополнительной информации во вьетнамских средневековых источниках. В целом французский учёный следующим образом строит свою концепцию формирования вьетнамской государственности.

Вьетнамское государство никогда не существовало в тех границах, которые указаны в средневековых национальных источниках: «опрокинутый» треугольник территорий с его вершиной в Северном и северной части Центрального Вьетнама, основанием по реке Янцзы, восточной стороной по провинциям Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и западной стороной по провинциям Сычуань, Юньнань и Гуанси. Название этого полулегендарного государства (Ванланг), так же как и наследственное имя его 18 правителей (Хунг), никогда в действительности не существовало и является результатом

[1] Смотри «Примечание 2» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части I» настоящего тома.

путаницы и ошибок китайских историографов эпохи Тан. *Ванланг* 郎文 [1] же – это подвергшееся искажению название *Елан* 郎夜, а иероглиф *Хунг* 雄 является следствием неверной записи в эпоху Тан этнонима вьетов *лак* 雒.

Названия пятнадцатити административных управлений или племён Ванланга легендарного периода А.Масперо связывает с названиями областей и уездов, некоторые из которых восходят к эпохе Хань, но продолжали использоваться ещё при Танах в VII в. н.э. Он считает, что в это время целый ряд устоявшихся названий был включён в различные храмовые легенды, которым были добавлены такие названия, как Ванланг и Вьеттхыонг. Различием храмовых легенд французский учёный объясняет разночтения трёх списков этих легенд, в которых совпадают названия лишь девяти из пятнадцати легендарных административных управлений или племён [897.4, с.2, 3].

Иначе к этой проблеме подошёл в своих исследованиях, которые предшествовали работам А.Масперо, Г.Дюмутье. В результате сравнения этнографического и археологического материалов с данными вьетнамских исторических легенд, Г.Дюмутье пришёл к выводу о том, что названия пятнадцатити административных управлений восходят к названиям древних вьетских племён на территории Северного Вьетнама. А анализ этих названий позволил ему выдвинуть гипотезу, согласно которой земледельческие племена низменности имели «мирные» наименования, тогда как горные племена охотников носили «воинственные» имена [770, с.224]. Однако А.Масперо проигнорировал эти весьма интересные наблюдения своего предшественника.

---

[1] С этого места и далее все иероглифы записаны в соответствии с правилами китайского языка: *сверху вниз* и *справа налево*, а не так, как они обычно пишутся при публикации в текстах на русском и европейском языках: *слева направо построчно*. Исключением являются представленные С.В.Лаптевым китайские (5) и японские (3) названия произведений в «Сводной библиографии», которые относятся к статье «Археология Вьетнама».

Не менее типичен и подход А.Масперо к локализации территории, к которой следует относить данные вьетнамских исторических легенд. Он полагал, что лаквьетское общество до III в. н.э. населяло территорию современного Северного Вьетнама, а южные границы его расселения ограничивались так называемыми Воротами Аннама (20-ая параллель) [897.4, с.7 – 8]. Этот момент достаточно знаменателен, так как, опираясь исключительно на китайские письменные источники, выдающийся французский учёный тем самым оторвал историю лаквьетов от истории остальных вьетских племён и локализовал их общество исключительно в рамках территориальных границ современного Северного и северной части Центрального Вьетнама. Однако если бы А.Масперо, подобно Г.Дюмутье, обратился бы к этнографическому и археологическому материалу, то он смог бы констатировать, что границы древнего вьетского царства Ванланг во вьетнамских исторических легендах в точности совпадают с границами древнейшего расселения протовьетских и родственных им племён на землях южнее Янцзы.

Согласно мнению А.Масперо, до китайского завоевания «лаквьетское общество имело иерархический и феодальный характер того типа, который ещё на сегодняшний день существует у народностей *тай* и *мыонг* Чёрной реки и горного района, отделяющего Тонкин от Лаоса» [897.4, с.9, 10]. Население *лак* должно было селиться небольшими общинами (одна или несколько деревень), которые управлялись военачальниками *лак*, обладавшими военной, гражданской и религиозной наследственной властью. Исходя из аналогичной структуры общества у *тай* верховьев Чёрной реки, А.Масперо указывает, что военачальники *Лак* были либо братьями, либо сыновьями маркизов *Лак*, которые выделяли им наследственные владения, при этом сами они управляли территорией, приблизительно соответствовавшей уезду эпохи Хань. В свою очередь маркизы *Лак* подчинялись верховной власти правителя или короля *Лак*. В обычае было покрывать татуировкой всё тело, волосы собирать в пучок на затылке и

обвязывать голову платком. В то время уже было распространено использование бетеля и чернение зубов. Поэтому и сватовство начиналось с поднесения орехов арека и бетеля. Ещё в III в. н.э. в западных районах Северного Вьетнама отмечался обычай левирата. А.Масперо считает, что религиозный культ этого общества носил прежде всего аграрный характер, пережитки которого сохранились до начала XX в. Наиболее характерные обряды этого культа – праздник начала года и ритуалы, связанные с началом полевых работ.

А.Масперо характеризует материальную культуру лавьетского общества как достаточно высокоразвитое поливное земледелие, основанное на морских приливах. Он даже не исключает возможности двух урожаев в год, но при этом полагает, что земля обрабатывалась полированными каменными мотыгами. Бронза использовалась лишь при изготовлении оружия. Основным оружием были большие луки. Наконечники стрел часто отливались из готовых бронзовых изделий и смачивались ядом. Секрет отливки бронзы и изготовления яда хранился в глубокой тайне, видимо, полагает учёный, был окружён сакральным ритуалом. [897.4, с.11 – 14].

Этот аспект концепции А.Масперо дополняется очерком Э.Гаспардона, который в своей статье «Поля Ло и поля Сюн» показал существование на ранних этапах развития лаквьетского общества как поливного, так и богарного земледелия. Он также наметил основные тенденции классовой стратиграфии этого общества, связанной с относительно высокоразвитым земледелием. Фактически, хотя Э.Гаспардон об этом прямо не говорит, его исследование свидетельствует о том, что в лаквьетском обществе на территории Северного Вьетнама в IV – III вв. до н.э. шли процессы классообразования и существовала ранняя государственность [796].

Наконец, А.Масперо считает весьма сомнительными сведения вьетнамских источников о смене царства Ванланг с династией Хунгов-выонгов (королей Мужественных) царством

Аулак с династией Тхук в середине III в. до н.э., а весь сюжет об Ан-зыонг вьонге (короле Умиротворённого юга[I]) Тхук Фане – полностью вымышленным. Он прямо говорит, что «с III в. до н.э. легенда заменила историю» [897.1, с.18 – 20]. В данном случае А.Масперо по-прежнему не учитывает результатов исследований Г.Дюмутье, который на основании сопоставления археологического материала раскопок Колоа с данными летописей (в том числе и исторических легенд) воссоздал многие основные особенности Аулака и обосновал историчность личности Тхук Фана [770]. А.Масперо связывает возникновение государственности на территории Северного Вьетнама с завоевательными походами династии Цинь и прежде всего со свершениями одного из её военачальников по имени Чжао То. Различные интерпретации событий, связанных с Чжао То, рассматриваются в «Главе 2» «Части I», здесь же важно дать характеристику заключительной части выводов французского учёного по проблеме концепции ранней вьетской государственности.

А.Масперо исходит из того, что Чиеу Да[II] в 208 г. до н.э. провозгласил создание царства Намвьет в границах циньских областей Сян, Гуйлинь и Наньхай со столицей в Паньюе, которое было признано в 196 г. до н.э. династией Хань в качестве вассального государства. А после неудачного карательного похода ханьской императрицы Люй против Чиеу Да последний в 181 г. до н.э. объявил себя независимым государем и принял титул императора. Именно тогда, по мнению А.Масперо, соседние народы признали его главенство. В первую очередь речь идёт о миньюэ из Фуцзяни и лаквьетах из Тэйау или территорий Северного Вьетнама. Как считает французский учёный, именно тогда территория Северного и северной части Центрального Вьетнама была разделена на области Зяоти и Кыутян, во главе каждой из которых был

[I] О переводе этого титула смотри «Главу 1» «Части IV» настоящего тома.

[II] С этого момента Чжао То можно считать вьетским государем и соответственно его имя следует произносить не в китайском, а во вьетнамском фонетическом чтении.

поставлен легат, назначаемый Чиеу Да. Эти два легата отвечали за сбор налогов и за военные дела, однако реальная власть на местах принадлежала лаквьетской знати [897.5]. Что же касается области Сян, то, исходя из того, что при описании территориально-административного деления Намвьета после его покорения ханьским У-ди (императором Воинственным) китайские письменные источники не упоминают об этой области, А.Масперо полагает, что область Сян отделилась от Намвьета ещё до 111 г. до н.э. Лишь под 76 г. н.э. в летописях упоминается раздел её территории между областями Юйлинь и Цзанко [897.3].

Проблема завоевания вьетских территорий крайнего юга была подробно рассмотрена Л.Оруссо в специальном монографическом исследовании, при этом его выводы во многом противоречат выводам А.Масперо. И поскольку в данном томе достаточно широко привлекается материал из книги Л.Оруссо[1], то в настоящем обзоре приводятся лишь её основные выводы.

Как и А.Масперо, Л.Оруссо называет лаквьетское общество «обществом феодальных владений», но в дальнейшем он отвергает выводы своего предшественника. Л.Оруссо считает, что впервые вьетские территории были завоёваны Цинь Ши-хуанди (императором Начинателем династии Цинь, 214 – 210 гг. до н.э.) и объединены в область Сян (включала следующие современные территории: юг Гуанси, юго-запад Гуандуна, Северный Вьетнам и Центральный Вьетнам вплоть до 14-ой параллели). Далее, признавая историчность вьетской легенды, Л.Оруссо говорит о том, что в 210 г. до н.э. вьетские территории были покорены «сыном короля Шу», основавшим «первую вьетскую династию» и царство Аулак (210 – 207 гг. до н.э.).

Наконец, 208 – 207 гг. до н.э. наместник Наньхая и Гуйлиня Чжао То в третий раз захватил вьетские территории, сверг Ан-зыонг выонга (короля Умиротворённого юга) и объявил о создании царства Намвьет, а Аулак вошёл в состав

[1] Смотри «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

Намвьета на правах вассальной территории. Л.Оруссо считает династию Чиеу (207 – 111 гг. до н.э.) второй вьетской династией, так как, по его мнению, и династия Чиеу, и предыдущая династия Тхук в своём правлении опирались на местную знать, без чего они не могли бы удержаться на враждебных территориях [651, с.239 – 242].

Терракотовая армия императора Начинателя династии Цинь. Сиань. 20.08.2009 г.

Таким образом, Л.Оруссо, как и Г.Дюмутье, признаёт историчность царства Аулак и его основателя Тхук Фана. Более того, так же как и Г.Дюмутье, он считает династию Тхук вьетской династией. Наконец, позиции этих двух исследователей в оценке царства Намвьет с династией Чиеу. Здесь лишь важно указать, что сам Намвьет и деятельность его основателя Чиеу Да были более тщательно рассмотрены Г.Дюмутье [770; 774], тогда как Л.Оруссо уделил основное внимание изучению основных этапов первого китайского завоевания вьетских территорий. Очевидно, что оценка Л.Оруссо принципиально расходится с выводами А.Масперо

по данной проблеме. Что же касается дальнейшего развития вьетского общества в рамках Намвьета (династия Чиеу), то по этой проблеме концепция А.Масперо принималась практически всеми другими исследователями ранних периодов вьетнамской истории.

Согласно точке зрения А.Масперо, политическая ситуация, сложившаяся в результате завоевания вьетских территорий Чжао То (Чиеу Да) и провозглашения им независимого царства Намвьет в конце III в. до н.э., в целом сохранялась до середины II в. н.э. После завоевания Намвьета в 111 г. до н.э. территория Северного и частично Центрального Вьетнама была разделена на области Зяоти и Кыутян, которыми, о чём уже упоминалось выше, формально управляли легаты, тогда как вся реальная власть на местах оставалась в руках лаквьетской наследственной знати. Ханьские войска так и не вошли на территорию этих областей, а их включение в состав империи обозначалось уплатой регулярной дани. Первые попытки установления реальной власти китайских наместников над лаквьетскими территориями А.Масперо связывает с именем Си Гуана, который управлял этими землями в 1 – 25 гг. С этим временем он связывает и первую значительную китайскую эмиграцию в Северный Вьетнам, вызванную правлением Ван Мана в империи. Именно тогда, полагает А.Масперо, среди вьетов распространилась китайская письменность (вэньян) и китайский язык, во многом были восприняты имперские обычаи, а в области материальной культуры получило развитие плужное земледелие. Подобное насаждение иноземной культуры вызывало сопротивление местной знати, что в начале 40-х годов привело к всеобщему восстанию, известному как восстание сестёр Чынг. Оно было поддержано всем населением областей Хэпу, Зяоти и Кыутян. В результате незначительные китайские гарнизоны были либо истреблены, либо изгнаны за пределы этих областей. Независимость была полностью восстановлена, и местная знать стала полноправно управлять территорией Северного Вьетнама под формальным

главенством старшей из сестёр Чынг – Чак. Восстание было подавлено лишь к концу 44 г. В 42 г. один из выдающихся китайских полководцев той эпохи, Ма Юань, во главе двадцатитысячной армии и флота из 2000 джонок начал карательный поход против вьетов, который чётко делится на две части: 43 г. – покорение Зяоти, в результате чего были захвачены в плен и казнены обе сестры Чынг; 44 г. – поход на Кыутян с целью уничтожения последних сил восставших и окончательного «умиротворения провинции». Только после экспедиции Ма Юаня, считает А.Масперо, территория Северного и Центрального Вьетнама до 20-й параллели была действительно включена в состав империи Хань.

Один из командующих циньской армией на колеснице.
Сиань. 20.08.2009 г.

Крайне интересен вывод, который французский синолог делает из этого факта: «Таково было покорение Тонкина Ма Юанем. Оно является поворотным моментом в истории этой страны. Будучи до того простым протекторатом, подобно царствам Дянь и Елан, она сохраняла свои институты и обычаи,

теперь же она стала настоящей китайской провинцией. Если Аннам после своего освобождения в течение веков смог противостоять мощи Китая, тогда как все соседние государства – Елан, Дянь, Наньчжао – мало-помалу пали, то это потому, что он единственный из них, кто в течение веков был подчинён регулярной китайской администрации, которая, сломав частные институты и местные объединения и внедрив китайские социальные идеи и формы, придала ему единство и форму, отсутствовавшие у его соседей. Этим преимуществом он обязан Ма Юаню. Таким образом, не зря во многих аннамитских деревнях отправляется его культ, так как именно этот китайский завоеватель, разрушив древние политические институты Тонкина, окончательно включил эту страну в рамки китайской цивилизации и начал насаждение там жёсткой китайской культуры, позволившей ей с X в. играть главную роль в истории Восточного Индокитая» [897.5, с.27, 28].

Из этой цитаты следует, что А.Масперо, будучи синологом, остаётся верен китаецентристской истории региона. Он последовательно придерживается этой точки зрения и при исследовании вьетнамской истории конца VI в., связанной с проблемой так называемой династии Ранней Ли (541 – 602 гг.). Французский учёный отрицает существование единой вьетской династии в то время и, опираясь исключительно на данные китайских письменных источников, характеризует это время как эпоху разрозненных восстаний. При этом он отрицает историчность личности Чиеу Вьет-выонга (короля Вьета Чиеу), о котором умалчивают китайские историографы. А.Масперо видит в сюжете о Чиеу Вьет-выонге (короле Вьета Чиеу) поздний вариант легенды об Ан-зыонг выонге (короле Умиротворённого юга) Тхуке Фане, реальное существование которого, как это было указано выше, он также ставит под сомнение [897.1]. Хотя этот вывод А.Масперо по проблеме династии Ранней Ли остаётся господствующим во вьетнамоведении (в отличие от его выводов по проблеме царства Аулак и Ан-зыонг выонга [короля Умиротворённого юга] Тхук Фана), другой крупный французский вьетнамовед,

М.Дюран, через тридцать шесть лет доказал исторический характер вьетнамских легенд, связанных с Чиеу Вьет-выонгом (королём Вьета Чиеу). Тем самым М.Дюран вновь поставил вопрос об историчности сюжета о династии Ранней Ли во вьетнамской историографической традиции [781].

Наконец, А.Масперо дал подробное описание границ вьетских земель в VII – X вв., когда они входили в состав общекитайской империи Тан [893; 897.6]. Если последующие работы в области древней и раннесредневековой истории Вьетнама показали ошибочность одних выводов французского учёного и неточность или незавершённость других, что вполне объяснимо, учитывая малочисленность археологических, этнографических и исторических трудов по данному вопросу во времена А.Масперо и его исключительную ориентацию на китайские письменные источники, то указанное географическое исследование вряд ли нуждается в уточнении. Поэтому при описании границ Вьетнама в VII – XI вв. в настоящем томе упор делается на результаты этого исследования А.Масперо.

Вторая концепция ранней вьетской государственности, предложенная Дао Зюи Анем, во многом связана с первой или с её частными модификациями, что неудивительно. Ведь этот вьетнамский учёный получил превосходное европейское общеисторическое образование, сформировался как исследователь во Французской школе Дальнего Востока и работал вместе с такими основоположниками вьетнамоведения, как А.Масперо, Л.Оруссо, Э.Гаспардон и М.Дюран. При этом он обладал глубокими знаниями традиционной культуры, литературы и истории как Вьетнама, так и Китая. Дао Зюи Ань является автором четырёх прекрасных толковых словарей вьетнамского языка, а также нескольких монографий по традиционной истории Вьетнама до XIX в., которые представляют собой своего рода учебные пособия. Свою же научную концепцию ранних этапов вьетнамской истории он сформулировал в монографии «Древняя история Вьетнама». Эта монография, опубликованная в 1957 г., охватывает период

вьетнамской истории от процессов этногенеза на наиболее ранних её этапах до восстания сестёр Чынг (середина I в. н.э.). Кроме того, она дополняется кратким очерком о происхождении и становлении тямского государства. Уже по одним названиям четырёх книг этого знакового исследования можно судить о том, что это произведение представляет собой: 1.«Истоки вьетнамской народности (от Зяоти до Лаквьета)»; 2.«Культура бронзы и лаквьетские бронзовые барабаны»; 3.«Проблема Ан-зыонг выонга (короля Умиротворённого юга) и государства Аулак»; 4.«Переходный период к феодализму» [1224]. Предложенная в монографии концепция ранних этапов вьетнамской истории дополняется рядом моментов из других работ того же учёного, а также разработкой частных проблем другими вьетнамскими историками, а позднее – и советскими учёными. Таким образом, концепция Дао Зюи Аня будет излагаться с учётом этих дополнений и модификаций, при этом в случае необходимости будет проводиться сопоставление некоторых её положений с выводами первой концепции по тем же проблемам вьетнамской истории.

Согласно Дао Зюи Аню, прародина вьетов, древнее Зяоти, находилась в среднем течении Янцзы. Само название «Зяоти» восходит к анималистическим представлениям древних вьетов, тотемом которых был крокодил (*зяоти*, древнее – *зяолаунг*). Происхождение титула легендарного вьетского правителя, основателя первой вьетской династии Кинь-зыонг выонга 王陽經[1] Дао Зюи Ань связывает с названиями земель Цзин 荊 и Ян 楊 в среднем течении Янцзы. Вьетнамский учёный полагает, что в данном случае имеет место фонетическое совпадение названий, тогда как иероглифы на протяжении многих веков могли меняться неоднократно. С этой же местностью, по мнению Дао Зюи Аня, связано имя и второго легендарного вьетского государя – Лаклаунг куана (правителя Дракона Лак), в имени которого

[1] О переводе-интерпретации титулов вьетских мифологических государей смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» настоящего тома.

термин *лаунг* 龍 употреблён в значении «водяной дракон», синонимом которого является *зяолаунг* 交龍 или *крокодил*). По легенде, Лак-лаунг куан (правитель Дракон Лак) был «водяным драконом» – сыном Кинь-зыонг выонга и дочери государя озера Дунтин. Таким образом, как название Зяоти, так и имена первых двух вьетских легендарных государей, по мнению Дао Зюи Аня, отражают тотемистические и анималистические представления протовьетов, живших в среднем и нижнем течении Янцзы [1224.1, с.27 – 30].

Эти протовьетские племена стали основателями древнего государства Юэ (Вьет), находившегося в Чжэцзяне. Дао Зюи Ань полагает, что в древности царство Юэ называлось Вьеттхыонг. Вьетнамский учёный относит его возникновение к X – XI вв. до н.э. и, как Л.Оруссо, полагает, что предки вьетов были основателями как государства Юэ, так и государства Чу, ибо правящие дома этих двух царств в IX в. до н.э. носили одно и то же родовое имя Ми. На основании данных хроники «Вёсны [и] Осени У [и] Юэ» [253] Дао Зюи Ань делает вывод, что до времени правления Юнь Чана (убит в 496 г. до н.э.) и Гоу Цзяня царство Юэ рассматривалось как вассальная территория царства У и поэтому не упоминалось в китайских письменных источниках того времени [651, с.245 – 252; 1224.1, с.43, 44].

При Гоу Цзяне царство Юэ достигло своего наивысшего могущества и в 472 г. до н.э. стало считаться гегемоном в коалиции китайских царств эпохи «Вёсны [и] Осени». Однако после смерти Гоу Цзяня в 465 г. до н.э. могущество царства Юэ стало падать, и в 333 г. до н.э. его территория была аннексирована царством Чу [1224.1, с.44 – 56]. Ликвидация царства Юэ привела, по мнению Дао Зюи Аня, к миграции юэских (вьетских) племён на юг, в результате чего возникли многочисленные юэские царства, известные под общим наименованием «сто юэ» («сто вьет»), из которых выделялись пять крупных протогосударственных племенных образований: дуноу (донгау), миньюэ (манвьет), наньюэ (намвьет), тэйвьет или тэйау (сиюэ или сиоу) и лаквьет (лоюэ).

Что же касается тезиса о распространении вьетской государственности в направлении Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Гуанси – Тонкин (Северный Вьетнам) после 333 г. до н.э., то здесь Дао Зюи Ань полностью согласен с гипотезой Л.Оруссо, которую он развил и обосновал данными археологии, а также вьетнамских и китайских источников. Принципиальное же расхождение между этими двумя выдающимися учёными состоит лишь в том, что Дао считает *тэйау* и *лаквьет* двумя группами родственных племён, а Л.Оруссо считает этнонимы *лаквьет*, *тэйау* и *тэйаулак* синонимами [651, с.254 – 255; 1224.1, с.57 – 58]. Дао Зюи Ань полагает, что тэйау обитали в юго-западном и южном Гуанси, мигрировав вместе с остальными юэскими племенами сухопутным путём, тогда как лаквьеты мигрировали непосредственно из Чжэцзяна морским путём на всём протяжении VI – IV вв. до н.э., а разгром царства Юэ в 333 г. до н.э. послужил дополнительным импульсом для этой миграции. Дао Зюи Ань пришёл к этому выводу на основании изучения бронзовых барабанов Донгшона. По его мнению, эти барабаны свидетельствуют о том, что название *лак* – это наименование тотема данного племени птицы Лак, изображения которой постоянно встречаются на донгшонских барабанах. Дао Зюи Ань также считает, что на территории Северного Вьетнама лаквьеты смешались с обитавшими там индонезийскими племенами и что бронзовые барабаны связаны именно с культурой лаквьетов [1224.1, с.82 – 89]. Он не согласен с приведённой выше точкой зрения А.Масперо по поводу историчности сюжета о государстве Ванланг. Вьетнамский учёный выдвигает гипотезу, согласно которой название Ванланг 郎文 следует связывать с религиозными представлениями и социальным устройством лаквьетского общества. Иероглиф *ланг* 郎 интерпретируется им как составная часть термина *куан-ланг* 郎官 – «чиновник», «муж», «сударь»; термин *ван* берётся в его основном значении – «письмена». Отсюда название *Ванланг* интерпретируется как «расписанный муж», а это в свою очередь соотносится с тем ,

что вьеты разрисовывали тело, чтобы походить на «водяных драконов» или крокодилов. Сами же земли легендарного Ванланга по древним вьетским легендам территориально совпадают с районом расселения вьетских племён южнее Янцзы [1224.3, с.33, 34].

Дао Зюи Ань характеризует лаквьетское общество как имеющее значительное имущественное расслоение и иерархию управления в лице королей лак, маркизов лак, военачальников лак, а также земледельцев или народа лак. Имя Хунг, которое как А.Масперо, так и Л.Оруссо считали результатом неверной записи иероглифа *лак*, квалифицируется им как наследственный титул государей народа лак: государи имели титул Хунг (Мужественный), сыновья – титул Куан-ланг (Государственный Муж), а дочери – титул Ми-ньюнг (Прекрасная девушка)[1] [1224.3, с.31 – 33, 35 – 37]. Таким образом, Дао Зюи Ань считал, что на территории Северного Вьетнама в V – IV вв. до н.э. существовало лаквьетское протогосударство Ванланг, имевшее генетические связи с царством Юэ в Чжэцзяне.

С такой концепцией Ванланга Дао Зюи Ань тесно увязывает и свою теорию о корнях раннего государства или царства Аулак, которое, по его мнению, возникло в результате объединения двух групп вьетских племён – лаквьет и тэйау.

Наконец, следует указать, что дальнейшая характеристика развития лаквьетского общества, проблемы, связанные с началом южных миграций в результате падения царства Шу в Сычуани в 316 г. до н.э. и особенно описание завоевания вьетских территорий в последней четверти III в. до н.э. в трактовке Дао Зюи Аня рассматриваются при сопоставительном анализе различных подходов к указанным проблемам в «Главе 2» «Части I» настоящего тома «Полной академической истории Вьетнама». В данном же параграфе лишь констатируется тот факт, что по сравнению с А.Масперо

---

[1] Подробно о переводе этого имени – титула смотри в «Комментарии» «Примечание 4» к «Главе 2» «Части I» настоящего тома.

и Л.Оруссо вьетнамский учёный подошёл к решению этих проблем с принципиально новых позиций.

Дао Зюи Ань считает Аулак первым вьетнамским государством и характеризует его как раннее государственное объединение с сильным имущественным расслоением, относительно высокоразвитым земледелием и характерными для того региона земледельческими религиозными культами (праздник начала весны, культ предков, поклонение солнцу и т.п.), складывавшимися на базе поздней бронзы и зарождения металлургии железа. Он не видит принципиального различия между уровнем развития протогосударства Ванланг на позднем этапе и Аулаком. Он также считает, что в Аулаке, а возможно, уже и в Ванланге начало складываться рабство, простейшие формы которого, в первую очередь семейное рабство, уже получили распространение в предыдущий период [1224.3, с.54 – 72].

Дао Зюи Ань опровергает положение Л.Оруссо о том, что Аулак просуществовал лишь с 210 по 207 г. до н.э. В 208 – 207 гг. до н.э. Чжао То (Чиеу Да) объединил области Гуйлинь, Наньхай и Сян, учреждённые династией Цинь, и провозгласил создание царства Наньюэ (Намвьет). Но так как область Сян, по мнению вьетнамского учёного, который в данном случае принимает точку зрения А.Масперо, не включала территорию Северного Вьетнама, то и Аулак на этом этапе не вошёл в состав Наньюэ. Завоевание же Аулака Наньюэ произошло, как полагает Дао Зюи Ань, в 180 или 179 г. до н.э. Указание на это содержится в письме, которое Чжао То написал Хань Вэньди (императору Просвещённому династии Хань) [1224.3, с.77 – 79, 90 – 93], и только с этого времени Аулак развивается как вассальное государство в рамках Наньюэ. Однако, если Анзыонг выонга (короля Умиротворённого юга) Тхук Фана Дао Зюи Ань характеризует как вьетского государя, объединившего лаквьетские племена для борьбы с циньскими захватчиками, то Чжао То, с его точки зрения, является иноземным завоевателем и, следовательно, династия Чжао (Чиеу) не может считаться вьетской династией. Именно Чжао

То разделил территорию Аулака на две области, поставив во главе каждой из них легата. Однако это не изменило внутренней структуры лаквьетского общества на территории Северного Вьетнама. Им продолжали управлять на основе местных обычаев король и маркизы лак.

С точки зрения Дао Зюи Аня, завоевание Наньюэ династией Хань в 111 г. до н.э. не изменило ни политического, ни социально-экономического, ни культурного положения бывшего Аулака. В то время ханьские войска так и не вторглись в земли лаквьетов. От имени императора Хань два легата собирали традиционную дань со своих областей, получивших наименования Зяоти и Кыутян, однако реальную власть продолжала удерживать в своих руках лаквьетская знать. Граница между областями Зяоти и Кыутян проходила приблизительно на уровне современного города Ниньбинь, а южнее Кыутяна династия Хань учредила область Нятнам. Река Зянь у современного города Бадон разделяла области Куытян и Нятнам, тогда как южная граница Нятнама проходила по реке Тхубон[I]. Однако, если в то время власть династии Хань носила весьма условный характер на населённой лаквьетами территории Северного и незначительной части Центрального Вьетнама[II], то в Центральном Вьетнаме, где по долинам рек жили индонезийские племена и незначительные группы лаквьетов [III], власть империи практически не ощущалась [1224.3, с.77 – 80, 1224.4, с.7 – 25].

Такая политическая ситуация сохранялась в этом регионе вплоть до конца первой половины I в. н.э. К этому же времени относится попытка династии Хань установить реальную власть над лаквьетскими территориями и насадить там имперскую администрацию. Дао Зюи Ань характеризует эти действия как попытку сломать традиционные раннерабовладельческие отношения и насадить по китайскому образцу феодальные. В результате в 40 г. н.э. вспыхнуло

[I] Современная река Вузя у города Хоайхоан.
[II] Области Зяоти и Кыутян.
[III] Область Нятнам.

восстание сестёр Чынг. Ханьские войска и чиновники были полностью изгнаны из вьетских земель, а лаквьетские племена объединились под властью старшей из сестёр Чынг по имени Чак. Победа восставших облегчалась также той смутой, которой сопровождалось правление Ван Мана в империи. Лишь через два года выдающийся китайский полководец того времени Ма Юань возглавил карательный поход против восставших, которые не смогли оказать ему серьёзного сопротивления, и к концу 44 г. восстание было окончательно подавлено. Интересно отметить, что, в отличие от А.Масперо, Дао Зюи Ань считает, что Ма Юань, который удовлетворился формальным выражением покорности его населения, так и не вторгся в Нятнам. Согласно концепции вьетнамского учёного, наиболее южной точкой, которой достигла армия Ма Юаня, является место слияния рек Лам и Ла около современного г.Линькам. Однако вопреки вьетским легендам и китайским письменным источникам, которые начиная с IV в. сообщают об установке в этом месте бронзового столба, Дао Зюи Ань полагает, что Ма Юань его не устанавливал, так как установка памятных бронзовых столбов относится к более поздней исторической традиции. Вьетнамский учёный считает, что в результате этого похода лаквьеты были реально включены в систему общественных отношений империи Хань и благодаря этому вступили в эпоху феодализма [1224.4, с.25 – 73].

В заключение Дао Зюи Ань рассматривает проблему возникновения государства Тямпа. Первоначально оно носило название Линьи, с середины VIII в. упоминается в китайских источниках как Хуаньван, а с начала IX в. оно именуется Чжаньчэн[1]. В своём очерке о Тямпе учёный рассматривает вопрос об изменениях её границ на всём протяжении существования этого государства и исследует проблему местонахождения и перемещений тямской столицы. Он

[1] Названия вьетнамских территорий даны в китайской транскрипции, так как они приведены со ссылкой на китайские источники. Линьи – это Лэмап, Хуаньван – это Хоанвыонг, а Чжаньчэн – это Тиемтхань. Последнее также является одним из названий центрально-вьетнамской провинции Куангнам.

подчёркивает, что все эти изменения происходили в результате военных столкновений между тямскими и китайскими войсками, а с X в. – между тямскими и вьетнамскими войсками. Очерк завершается 1069 г., то есть временем начала падения могущества тямского государства.

Дао Зюи Ань считает, что Тямпа возникла в III в. и что центром этого государственного образования был уезд Тыонглам, который в то время граничил с областью Нятнам. Интересно отметить, что в IV в. ханьская область Нятнам полностью вошла в состав Тямпы, армия которой, несмотря на временные поражения, никогда не отступала южнее Перевала Облаков в районе города Хюе. На юге же границы Тямпы достигали широты современного города Нячанга, где она граничила с Фунанью, а затем с Ченлой. Потерпев решительное поражение от династии Ли в 1069 г., Тямпа окончательно потеряла свои территории к северу от Перевала Облаков, после чего её могущество стало стремительно клониться к закату [1224.4, с.74 – 110].

Относительно «Эпохи северной зависимости» вьетнамский учёный в значительной степени придерживается традиционной трактовки [1221; 1222; 1225]. Вопреки логике собственных исследований он, в соответствии с официальными данными вьетнамской и китайской летописных традиций, датирует её начало 111 г. до н.э. В то же время из его же работ следует, что реально эта эпоха начинается лишь после победы Ма Юаня над сёстрами Чынг в 44 г. н.э. [1224.3, с.77 – 80, 1224.4, с.7 – 73]. В целом же Дао Зюи Ань рассматривает лишь политический аспект истории эпохи зависимости. Он датирует её конец, так же как и официальные хроники, 939 г., а основное внимание в своём исследовании этой эпохи уделяет восстаниям. В отношении династии Ранней Ли (VI в.) Дао Зюи Ань признаёт достоверность вьетнамских источников и, правда, достаточно осторожно, подтверждает историчность самой личности и деятельности Чиеу Вьет-выонга (короля Вьета Чиеу), который даже не упоминается в китайских источниках. Характеризуя период с 939 по 1009 г.,

Дао Зюи Ань также ограничивается весьма кратким изложением основных событий политической истории, концентрируя своё внимание на деятельности Нго Кюена, Динь Бо Линя и Ле Хоана[1], на их роль в объединении страны и разгроме карательных походов китайских войск.

Дао Зюи Ань полагает, что весь этот период вьетнамской истории характеризуется активным распространением во Вьетнаме китайских форм общественных отношений, достижений китайской культуры, модифицировавшихся при наложении на местные, национальные традиционные институты. В целом «Эпоха северной зависимости» определяется им как эпоха раннефеодальных отношений, навязанных вьетнамскому обществу в результате непосредственного вмешательства китайских наместников во все аспекты его внутренней жизни в I – II вв. Дао Зюи Ань лишь вскользь упоминает о распространении буддизма во Вьетнаме в эпоху зависимости, принесённого, по его мнению, в первых веках нашей эры из Китая, и совершенно не затрагивает проблемы синкретизма буддизма и местных культов. С этой точки зрения особый интерес представляет более ранняя работа другого выдающегося вьетнамского учёного французской формации – Чан Ван Зяпа, в которой автор, датируя проникновения буддизма во Вьетнам I – II вв., убедительно показывает основные тенденции и этапы его эволюции в стране до конца XIII в. [1009]. Такова концепция развития Вьетнама до X в. н.э., сформулированная Дао Зюи Анем и логически дополненная Чан Ван Зяпом.

Таким образом, вьетнамские и советские (российские) модификации концепции древней и раннесредневековой истории Вьетнама связаны с трактовкой её трёх ключевых моментов: 1. Проблема царства Ванланга; 2. Проблема царства Аулака; 3. Проблема «Эпохи северной зависимости» и борьбы за независимость.

---

[1] 939 – 945, 968 – 979 и 980 – 1005 гг.

Дао Зюи Ань
(1904 – 1988)

Чан Ван Зяп
(1902 – 1973)

Чан Хюи Льеу
(1901 – 1969)

Чан Куок Выонг
(1934 – 2005)

Фан Хюи Ле
(1934 – н/вр.).
20.04.2011 г.

Ха Ван Тан
(1937 – н/вр.)

По первому пункту основные разногласия сводятся к двум позициям. Согласно одной точке зрения, вьетнамская государственность связывается с правлением династии Хунгов-выонгов (королей Мужественных) и государством Ванланг, которое возникает в 3-ем тысячелетии до н.э. То есть в данном случае сведения вьетнамских исторических легенд принимаются в качестве отражения реальных фактов вьетнамской истории. Согласно другой точки зрения, с конца 3-го – начала 2-го тысячелетия до н.э. на территории Северного Вьетнама выделяется единый культурный комплекс родственных союзов, дающий начало процессам классообразования. На основе этих процессов в начале 1-го тысячелетия до н.э. складывается протогосударственное объединение, или царство Ванланг, которое по времени соотносится с возникновением донгшонской бронзовой

культуры. В целом в исторической науке СРВ постепенно начинает возобладать весьма близкая к концепции Дао Зюи Аня точка зрения [1306.1], однако разногласия по датировкам остаются. Все они связаны со следующими датировками воцарения династии королей Мужественных и образования царства Ванланг [1284.3, с.44]:

Имя исследователя	Период королей Мужественных), годы до н.э.	Государство Ванланг, годы до н.э.
Хоанг Суан Тинь	1000 – 200	1000 – 200
Зиеп Динь Хоа	2800 – 200	2800 – 200
Ле Ван Лан	2000 – 100	700 – 200
Нгуен Линь	2000 – 200	700 – 200
Ха Ван Тан	1700 – 200	Датировок нет
Нгуен Зюи Ти	2500 – 200	2500 – 200
Чан Куок Выонг	700 – 200	700 – 200

Что же касается точки зрения Дао Зюи Аня о древнейших связях лаквьетов Северного Вьетнама с насельниками бассейна Янцзы, а также о миграциях населения из Чжэцзяна в Северный Вьетнам морским путём, которые получили решающий импульс после падения царства Юэ в Чжэцзяне, то она была весьма интересно дополнена Д.В.Деопиком. Советский учёный, в целом принимая точку зрения Дао Зюи Аня о происхождении протовьетских племён из бассейна реки Янцзы, выделяет три основных культурных очага для данного региона во 2-ом – 1-ом тысячелетиях до н.э. Это точечный очаг культуры просоводческой цивилизации яншао и луншаня, очаг культуры расписной керамики Центрального Индокитая и приморский очаг культур в прото Юго-Восточной Азии. При этом он отмечает, что вначале культурное влияние шло с юга на север и лишь с 1-го тысячелетия до н.э. развивавшиеся культуры бассейна реки Хуанхэ начали оказывать всё большее влияние на южные, в том числе и вьетскую культуры. Также весьма интересно положение о том, что зона естественного распространения культурного влияния с севера на юг в 1-ом тысячелетии до н.э.

была «исчерпана» к IV – III вв. до н.э. Дальнейшее распространение северных культур на юг было связано с военной экспансией общекитайских династий Цинь и Хань и продолжалось вплоть до II в. до н.э. Однако на тех территориях, где это влияние насаждалось силой оружия, оно сказывалось значительно слабее. Именно это и привело к возникшей ещё в эпоху Хань культурной «двуцентричности» китайского государства, которая с воцарением династии Сун в XI в. стала важным фактором его развития [360, с.265 – 277]. Что же касается миграций из Чжэцзяна в Северный Вьетнам, то здесь Д.В.Деопик, основываясь на родстве археологических культур по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Бакбо (Северный Вьетнам), отдаёт предпочтение сухопутной миграции, которую считает основной, не исключая при этом возможности частичной прямой миграции морским путём [339, с.100 – 102].

Спор по проблеме Аулака также сводится к различным датировкам его существования, тогда как по сути развития событий и их оценке все авторы сходятся во мнении с Дао Зюи Анем. Время возникновения Аулака датируется либо по летописной традиции 257 г. до н.э., либо между 210 и 200 гг. до н.э. Время же его падения и включения в состав Намвьета датируется по летописной традиции 207 г. до н.э. Либо же этим годом датируется свержение династии Тхук (вернее, её единственного государя – Ан-зыонг выонга (короля Умиротворённого юга) Тхук Фана, тогда как окончательное лишение власти его потомков и полная уния Аулака с Намвьетом датируются 180 – 179 гг. до н.э. [340, с.86 – 89; 1284.3, с.371, 382].

К этому же кругу вопросов относится и проблема завоевания Намвьета империей Хань, а также оценка личности Чиеу Да. Пожалуй, начиная с исследований Л.Оруссо [651] и Г.Дюмутье [774], здесь просматривается единая тенденция. Никто не ставит под сомнение завоевание Намвьета в 111 г. до н.э., а также сохранение традиционных лаквьетских институтов и местного самоуправления на территории

Северного и северной части Центрального Вьетнама вплоть до восстания сестёр Чынг в 40 – 44 гг. Разногласия существуют лишь по вопросу о том, вторгались ли ханьские войска на лаквьетские территории в 111 г. до н.э., или же ханьские военачальники удовлетворились признанием власти империи Хань и поднесением дани вместе с подворными реестрами со стороны легатов Зяоти и Кыутяна. Первая точка зрения восходит к Л.Оруссо, вторая – к Г.Дюмутье и Дао Зюи Аню. Она же в целом принимается учёными СРВ. Д.В.Деопик, со своей стороны, полагает, что Аулак развивался как независимое государство лишь с 257 по 207 г. до н.э., а как полунезависимое – с 207 по 180 г. до н.э. в составе Намвьета и со 111 г. до н.э. по 44 г. н.э. в составе империи Хань. Исходя из анализа событий 179 – 111 гг. до н.э. советский учёный, как и Л.Оруссо с Г.Дюмутье, полагает, что Чиеу Да (Чжао То) стал основателем третьей национальной вьетской династии. В противоположность этому учёные СРВ вслед за А.Масперо и Дао Зюи Анем характеризуют этого циньского военачальника и основателя царства Намвьет как иноземного захватчика, а его династию – как иноземную [340; 342, с.345 – 437; 1253.1 – 2; 1284.1 – 4; 1304.1, с.31 – 87].

Наконец, если говорить об «Эпохе северной зависимости», то здесь следует остановиться на двух моментах.

Во-первых, вьетнамские учёные весьма подробно и тщательно проанализировали народные восстания и движения той эпохи, что значительно расширило уровень знаний о процессах, протекавших в то время во вьетском обществе. В этом смысле показательна общенациональная конференция по восстанию сестёр Чынг [1255, 1 – 2]. В связи с ней следует отметить интересное наблюдение Д.В.Деопика, который полагает, что если восстание сестёр Чынг можно охарактеризовать, как поддержанное широкими народными массами восстание рабовладельческой лаквьетской знати против попытки насильственного установления прямого господства ханьских чиновников и введения новых

(феодальных) форм эксплуатации, то в дальнейшем ситуация меняется.

Последующие восстания вызывались уже тем, что имперская администрация пыталась ввести китайскую систему налогообложения с семьи, которая была значительно тяжелее, чем местная, взимавшая налоги с общины. Именно с этим, по мнению Д.В.Деопика, связан отход местной аристократии от лидерства в восстаниях и выдвижение крестьянских вождей на передний план. При этом в восстаниях наряду с вьетами зачастую стали принимать участие переселенцы из центральных и южных областей империи. Одновременно с этими процессами происходит укрепление позиций вьетской служилой знати [341].

Во-вторых, весьма важной представляется гипотеза о характере зависимости от китайских империй и царств, выдвинутая Д.В.Деопиком. В рамках этой гипотезы советский учёный объединяет воедино периоды народных восстаний, связанные с полным или частичным кратковременным восстановлением независимости вьетских территорий, и периоды местного самоуправления. На этой основе Д.В.Деопик выдвигает гипотезу о «скрытых» и «явных» вьетских династиях «Эпохи северной зависимости». Без учёта частых восстаний горных племён «к югу и западу от вьетов в пределах Цзяо» он насчитывает 235 лет прямых упоминаний о местном самоуправлении, то есть более четверти всей «Эпохи северной зависимости» [349, с.58, 59, 67]. Д.В.Деопик также склоняется к историчности сюжета о династии Ранних Ли, тогда как вьетнамские учёные в своих обобщающих работах вообще не ставят под сомнение её существование [1304.1, с.113 – 117]. Следовательно, по вопросу о династии Ранней Ли можно говорить либо о концепции А.Масперо, либо о концепции Дао Зюи Аня и об их модификациях в работах вьетнамских и советских учёных.

Подводя итог характеристике основных концепций развития вьетнамского общества до X в. н.э., следует отметить, что на протяжении полутора веков развития и становления

мировой вьетнамоведческой науки сложились две в значительной степени взаимосвязанные концепции ранних этапов вьетнамской истории[1]. Первая – «французская», в основе которой лежат исследования А.Масперо[11], вторая – «вьетнамская», краеугольным камнем которой являются работы Дао Зюи Аня. При этом «вьетнамская» концепция нашла своё выражение в большом обобщающем труде учёных СРВ [1304.1]. Последняя дополняется гипотезой Д.В.Деопика о «скрытых» и «явных» вьетских династиях «Эпохи северной зависимости».

Необходимо также указать на то, что обе эти концепции нашли отражение в уже упоминавшейся выше монографии К.Тэйлора [1144], в которой совершенно не учитываются работы советских учёных. Он самостоятельно пришёл к заключению о существовании «скрытых» и «явных» вьетских династиях «Эпохи северной зависимости», сделав по ним более глубокие в сравнении с Д.В.Деопиком выводы. В целом же К.Тэйлор не внёс ничего принципиально нового в существующие концепции ранних этапов формирования и развития вьетской государственности [1144, с.XIX – XXI].

3. *Письменные источники по истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья*

3.1. *Вьетнамские источники*

Несмотря на то что вьетнамские письменные источники представлены довольно поздними памятниками, они опираются на длительную национальную летописную традицию, восходящую к концу III – началу II в. до н.э. В свою очередь эта письменная традиция опирается на ещё более древнюю устную историческую традицию, корни которой прослеживаются с конца 3-го – начала 2-го тысячелетия до н.э. [544, с.82 – 96]. Характер вьетнамских источников отражает и

---

[1] Существует и третья такая концепция, сформулированная П.В.Познером в 1987 г. [963; 550]. Однако в настоящем параграфе она не рассматривается, так как эта концепция положена в основу «Тома I» «Полной академической истории Вьетнама».

особенности развития национального летописания в «Эпоху северной зависимости», когда оно продолжалось в форме буддийского храмового житийного летописания. В X – XI вв. храмовое житийное летописание существовало параллельно с возродившимся династийным летописанием. И лишь после своего синтеза с последним, который протекал в XIII – XIV вв. и завершился в XV в., храмовое житийное летописание окончательно утратило своё значение [544, с.98 – 137].

Титульный лист хроники XIX в.
«Единые записи [о] Великом Юге» [163].
Институт Истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.

Таким образом, сохранившиеся на сегодняшний день официальные вьетнамские письменные источники по национальной истории до X в. представляют собой итоговые произведения основных этапов эволюции летописания во Вьетнаме или придворные летописные своды династий, правивших страной после восстановления её независимости.

3.1.1. *Краткое* [*изложение*] *истории* [*Великого*] *Вьета* (*XII – XIV вв.*) [36; 166; 237][12]

Этот летописный свод состоит из трёх книг[13] и списка девизов правлений династии Чан. Исследование этого памятника [36, с.9-108] показало, что он состоит из двух исторических произведений, позднее дополненных списком девизов.

А. «Запись истории», автор – До Тхиен, дата создания – 1127 г., объём – 2 книги (книги 1 и 2). Это, наиболее раннее из всех сохранившихся вьетнамских исторических произведений, является сочинением буддийской официальной (придворной) летописной традиции X – XIII вв. Оно охватывает период начиная с легендарных времён по 1127 г.

Б. «Записи [о] Вьете», автор – Чан Тю Фо, дата написания – 1233 г., объём – 1 книга (книга 3). Чан Тю Фо, подвергнув незначительной редакции свод До Тхиена, дополнил его своей, третьей книгой, расширив тем самым хронологические рамки свода по 1225 г. включительно. Произведение Чан Тю Фо также является сочинением буддийской официальной (придворной) летописной традиции, но уже с незначительными элементами конфуцианства конца XIII – первой половины XIV в.

В. Список девизов правлений династии Чан был присоединён к своду До Тхиена – Чан Тю Фо между 1377 и 1388 гг. Тогда же было изменено его название на «Краткое [*изложение*] истории [Великого] Вьета» и, возможно, осуществлена ещё одна редакция всего текста в соответствии с конфуцианскими принципами летописания[14].

3.1.2. *Запись истории Великого Вьета*

Этот летописный свод сохранился в виде фрагментов в последующем летописном своде. Произведение было создано под руководством двух историографов.

А. «Запись истории Великого Вьета», автор – Ле Ван Хыу, дата написания – 1272 г., объём – 30 книг. В этом своде впервые введено деление на «Внешние записи» и «Главные записи», временная граница между которыми обозначена 939 г.

Хронологические рамки свода те же, что и у свода До Тхиена – Чан Тю Фо, но за одним исключением: свод завершается 1224 г. и в нём не затрагиваются проблемы, связанные с 1225 г.[15].

Летописный свод Ле Ван Хыу представляет собой ранненеоконфуцианскую редакцию свода До Тхиена – Чан Тю Фо и может быть квалифицирован как сочинение раннего этапа (конец XIII – первая половина XV в.) вьетнамской неоконфуцианской официальной (придворной) историографии.

Б. «Дополнительные записи "Записи истории Великого Вьета"», автор – Фан Фу Тиен, дата написания – 1455 г., объём – 10 книг, хронологические рамки: с 1225 по 1427 г. Возможно, Фан Фу Тиен подверг незначительной редакции разделы Ле Ван Хыу, но никаких принципиальных изменений он в них не сделал [550, с.119 – 122].

3.1.3. *Запись годов* [*правлений*] *вьетского Юга*

Это сочинение вообще не сохранилось. О его особенностях известно из последующего летописного свода. Автор – Хо Тонг Тхок (или Сак), объём – 2 книги, хронологические рамки: с 2879 (?) по 111 гг. до н.э.

3.1.4. *История Вьета, основа* [*и*] *частности*

Сочинение того же автора, которое также не сохранилось. Известны только его название и автор, упомянутые в последующем летописном своде.

Оба произведения Хо Тонг Тхока принадлежат к той же группе источников, что и летописный свод Ле Ван Хыу – Фан

Фу Тиена. Время создания обоих летописных сводов – вторая половина XIV в., то есть в эпоху перманентного роста влияния неоконфуцианства в его чжусианской интерпретации в средневековом Вьетнаме. Поэтому неудивительно, что в этих двух исторических сочинениях прослеживается усиление неоконфуцианской историографической традиции. Об этом можно судить хотя бы потому, что в один из них впервые были включены сюжеты вьетской историко-мифологической традиции, начиная с 2879 г. до н.э., а текст второго разделён на «основу» и «частности» [544, с.122].

3.1.5. *Удивительные сказания* [*о*] *Линьнаме* [245][I]

Сборник вьетнамских историко-мифологических сюжетов первой группы, охватывающих события вьетнамской истории от истоков до 207 г. до н.э. Автор – Чан Тхе Фап, время написания – начало XIV в. В 1492 г. этот сборник был отредактирован Ву Куинем, написавшим к нему «Предисловие». Правда, не исключено, что к его редакции приложил руку и некий Киеу Фу, которому принадлежит «Послесловие», датированное 1493 г.

3.1.6. *Собрание таинств* [*и*] *чудес земли Вьет* [196; 242][II]

Сборник сюжетов второй и третьей групп вьетнамской историко-мифологической традиции, которые охватывают события, происходившие в I – X и XI – XIII вв. соответственно. Автор – Ли Те Сюен, написан в 1329 г.

Оба эти сборника лишь формально можно считать произведениями Чан Тхе Фапа и Ли Те Сюена, так как, во-первых, оба этих историографа на самом деле были не авторами этих сборников, а их редакторами-составителями. Во-вторых, в последующие века целый ряд историко-мифологических сюжетов был включён в них другими

[I] Смотри «Параграф 4» «Главы 2» «Части III» «Тома II».

[II] Смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Тома II».

редакторами-составителями. В первую очередь это касается сборника Ли Те Сюена.

По своей же сути историко-мифологические сюжеты «Удивительных сказаний [о] Линьнаме» и «Собрания таинств [и] чудес земли Вьет» представляют собой светскую литературную редакцию ранней храмовой и семейно-родовой (III до н.э. – XIII в. н.э), а также буддийской неофициальной житийной храмовой (II – XIII вв.) историографических традиций [550, с.82 – 118].

3.1.7. *Запись истории Великого Вьета, полное описание* [165; 236]

Этот летописный свод, являющийся одним из главных источников по средневековой истории Вьетнама, состоит из целого ряда разделов, написанных в разное время и разными авторами.

А. «Запись истории Великого Вьета, полное описание», автор (руководитель работы) – Нго Ши Лиен.

«Полное описание» датируется 1479 г., а его объём составляет 17 книг («Книга Начальная», 5 книг «Внешних записей» и 10 книг «Главных записей» с временным делением разделов по 939 г.), хронологические рамки: с 2879 (?) г. до н.э. по 1428 г.

Б. «Отражение [истории] Великого Вьета», автор – Ву Куинь, дата написания – 1511 г. Судя по описанию, в этом сочинении имеется только одно нововведение: граница между «Внешними записями» и «Главными записями» перенесена с 939 на 967 г., то есть на дату, которая в дальнейшем принималась всеми последующими вьетнамскими историографами. Это историческое сочинение известно лишь по упоминаниям в других источниках.

В. «Резюме "Отражения [истории] Великого Вьета"», автор – Ле Тунг, дата написания – 1514 г. Сохранилось в составе «Записи истории Великого Вьета, полного описания», благодаря чему стали известны структура и содержание произведения Ву Куиня.

Г. «Дополнительные записи»[1], автор, или руководитель, работы) – Фам Конг Чы, дата написания – 1665 г., объём – 8 книг (книги 11 – 18), хронологические рамки: с 1428 по 1662 гг. Именно Фам Конг Чы перенёс в своде Нго Ши Лиена границу между «Внешними записями» и «Главными записями» с 939 на 967 г.

大越史記續編序
國之有史尚矣我越歷代史記先
正黎文休潘孚先作之於前吳士
連武瓊述之於後其間事蹟之詳
畧政治之得失莫不悉備於記載
之中但未行鋟梓更手傳筆因循
抄録不能無陶陰帝庸之疑迨至

Первый лист «Предисловия» летописного свода «Запись истории Великого Вьета полное описание». Институт Истории ВАОН, Ханой. 21.04.2011 г.

[1] «"Дополнительные записи" [к] "Главным записям" "Записи истории Великого Вьета, полному описанию"»

Д. «Дополнительные записи», авторы Нгуен Куи Дык и Ле Хи, дата написания – 1697 г., объём – 1 книга (книга 19), хронологические рамки: с 1663 по 1675 г.

Е. Различные разделы или «Дополнительные записи», написанные в виде отдельных хроник историографами XVIII в. Нгуен Нгиемом, Нго Тхи Ши, Нгуен Хоаном (Кханом), Ле Кюи Доном, Ву Миеном, Нго Тхи Ниемом и Као Лангом, включают в себя период с временными рамками с 1672 по 1786 г. [550, с.122 – 128].

Таким образом, летописный свод «Запись истории Великого Вьета, полное описание» со всеми примыкающими к нему «Дополнительными записями» охватывает весь период с 2879 (?) г. до н.э. по 1786 г. Он является произведением развитой вьетнамской неоконфуцианской историографической традиции, в котором впервые были полностью сведены воедино данные как официальной придворной, так и неофициальных храмовой и житийных историографических традиций.

3.1.8. *Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора* [182; 239]

Руководитель работы – Фан Тхань Зян, время работы над сводом: с 1856 по 1884 г., объём – 53 книги («Книга Начальная», 5 книг «Предварительных записей» и 47 книг «Основных записей»), временная граница между разделами – 967 г., хронологические рамки: с 2879 (?) г. до н.э. по 1789 г.

Этот летописный свод по своей структуре может быть охарактеризован как неоконфуцианский, включая введение в его наименование понятий «отражение» и «основа – частности» [544, с.34 – 38]. По содержанию же он отличается от предыдущего летописного свода XV – XVIII вв. включением в текст практически всех сведений из китайских источников по древней и раннесредневековой (до VII в. н.э.) истории Вьетнама. При этом указанные сведения, как правило,

включены в виде цитат и помещены в особом разделе текста [544, с.128 – 130].

Таким образом, письменными вьетнамскими источниками по национальной истории до X в. н.э. являются:

- Книга 1-ая «Краткого [*изложения*] истории [Великого] Вьета» (официальная буддийская историографическая традиция);
- «Удивительные сказания [о] Линьнаме» (в основном неофициальная историографическая традиция как общинных и родовых храмов, так и семейных хроник);
- «Собрание таинств [и] чудес земли Вьет» (в основном неофициальная храмовая житийная буддийская историографическая традиция);
- Книги 1 – 5 «Внешних записей» «Записи истории Великого Вьета, полного описания»;
- Книги 1 – 5 «Предварительных записей» «Отражения истории Вьета, основы [и] частностей, составленного по повелению императора».

Все эти источники содержат крайне важные сведения по истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья и отличаются высокой степенью надёжности. Непрерывность национальной исторической традиции и специфика её развития во Вьетнаме [1] во взаимосвязи со становлением идеологической основы летописания всего конфуцианского культурного ареала [544, с.26 – 39][16], привели к тому, что во вьетнамских письменных источниках были сведены воедино данные как различных национальных историографических традиций, так и основные данные китайских хроник и летописей[17].

---

[1] Конец 3-го тыс. – III в. н.э.: устная историческая традиция; конец III – II в. до н.э.: ранняя официальная летописная традиция; I – XIII вв.: неофициальные храмовая и буддийская житийная историографические традиции; X – XIII вв.: официальная буддийская придворная летописная традиция; XIV – XIX вв.: официальная придворная неоконфуцианская летописная традиция.

Безусловно, к этим источникам следует подходить критически, особенно с учётом того, что наиболее ранний из них датируется началом XII в. В первую очередь это касается сюжетов, кстати, весьма немногочисленных, которые вообще не упоминаются или упоминаются вскользь в синхронных описываемым событиям китайских источниках. Но и в этом случае большая часть таких сюжетов восходит, как это показано ниже, к реальным фактам, сохранившимся в рамках национальной историко-мифологической традиции.

Тем не менее рассмотренные выше вьетнамские письменные источники являются основными письменными памятниками при изучении истории Вьетнама до 44 г. н.э., а при исследовании событий I – IX вв. они по своей значимости не уступают синхронным той эпохе китайским письменным источникам, о которых речь пойдёт несколько ниже[18] [550, с.82 – 85, 138 – 144].

3.2. *Китайские источники*

Китайские источники по истории Вьетнама до X в. н.э. чётко делятся на две группы, принципиально различающиеся по характеру сообщаемых сведений: до 44 г. н.э. и с середины I по IX в.

Что же касается X в., то он скорее примыкает к первой группе, так как имперские войска окончательно ушли из Вьетнама в 880 г., и соответственно с этого времени характер информации о Вьетнаме в китайских династийных хрониках и летописных сводах резко изменился.

3.2.1. *Источники по истории Вьетнама до 44 г. н.э.*[19]

Эта группа источников характеризуется тем, что, давая разнообразные и довольно подробные сведения по ранним вьетским государственным образованиям на территории современного Южного Китая, почти не сообщает или сообщает крайне мало данных о вьетах на территории Северного Вьетнама. Она состоит из источников II в. до н.э. –

IV в. н.э., при этом чем позднее написан источник, тем больше сведений по древней истории Вьетнама он содержит.

I. [*Записи*] *наставника* [*из*] *Хуайнани* [248]

Согласно традиции, этот первый китайский памятник, в котором содержатся сведения о Вьетнаме, был написан между 164 и 123 гг. до н.э. Его автором был Лю Ань, правитель небольшого царства Хуайнань, находившегося на территории современной провинции Аньхуй и граничившего на юге с Янцзы (203 – 174 и 169 – 122 гг. до н.э.). Это был один из просвещённейших людей своего времени. Одно время он жил во вьетском государстве Дунюэ или Миньюэ. Затем в борьбе против ханьского завоевания он пытался опереться на вьетские государства южнее Янцзы [342, с.66 – 67].

Сведения, сообщаемые Лю Анем о Вьете, сводятся к констатации богатств земель южных вьетских народов и к краткому, но весьма точному описанию завоевательных походов династии Цинь против вьетских государств крайнего юга [652, с.172; 550, с.82 – 83]. Этими, содержащимися в книге 18-ой произведения Лю Аня сведениями, и ограничиваются в китайских источниках все данные о Вьете вплоть до конца II – начала I в. до н.э.

II. *Исторические записки* [61; 62; 63; 96; 251]

Это историческое сочинение, которое принадлежит кисти великого китайского историографа Сыма Цяня[20], во многом предопределило дальнейшее развитие китайского летописания. «Исторические записки», созданные в правление императора Воинственного династии Хань (140 – 87 гг. до н.э.), содержат в книгах 6, 30, 48, 97, 112, 113, 114 и 118 сведения, которые в той или иной степени касаются вьетской истории [544, с.83; 651, с.178 – 201]. В целом эти сведения относятся главным образом к стратегии, проводившейся империей Цинь в III в. до н.э. в отношении вьетских государств южнее Янцзы, при этом текстуально воспроизводится вышеупомянутый отрывок из «[Записей] наставника [из] Хуайнани». Также

подробно излагаются контакты династии Хань с вьетами, её завоевательные походы и административные мероприятия на покорённых землях южнее Янцзы в конце III – II в. до н.э. Эти сведения уточняются в комментариях V в. н.э., написанных Пэй Инем.

Сыма Цянь.
Родился около 135 – умер между 96 и 90 г. до н.э. [63.1, с.18,27,28].

Однако в сочинении Сыма Цяня почти ничего не говорится о южной части вьетского государственного объединения Намвьет – Аулак на территории Северного Вьетнама (Аулак), хотя в нём подробно и весьма тщательно описана история его северной части на территории Гуанси и Гуандуна (Намвьет), история общей намвьето-аулакской династии Чиеу, равно как история весьма многочисленных военных и дипломатических столкновений между Намвьетом и Хань. Это кажущееся противоречие объясняется достаточно

просто: в руки Сыма Цяня, бывшего главным придворным историографом императора Воинственного, после захвата столицы Намвьета города Паньюя попала придворная хроника династии Чиеу (условно «Анналы династии Чиеу»). На основании этих «Анналов» Сыма Цянь смог воссоздать историю Намвьета и его династии. Но так как в этой хронике не описывались ни история Аулака, ни, тем более, история Ванланга, а имперские войска в то время ещё не вторгались на территорию Северного Вьетнама, то Сыма Цянь так и не получил в своё распоряжение информацию ни об этих государственных образованиях, ни о лаквьетах.

Таким образом, части книг 97, 112, 114, 188 и книги 113, в которой изложена «Биография Наньюэского охранителя [Чжао] То», содержащие сведения о внутриполитической истории Намвьета и династии Чиеу, представляют собой отредактированные и, вероятно, несколько изменённые Сыма Цянем «Анналы династии Чиеу». По всей вероятности, хроника династии Чиеу была использована Сыма Цянем не полностью, но основные её разделы, вне всякого сомнения, вошли в соответствующие главы «Исторических записок» [550, с.89 – 96].

III. *Книга Ранней Хань*[21] [257.1]

Первой династийной китайской историей, в которую вошли сведения по истории Вьетнама, стала «Книга Ранней Хань», написанная Бань Гу около 100 г. до н.э. Бань Гу в основном воспроизвёл данные «Исторических записок» Сыма Цяня, подвергнув их лишь незначительной редакции. Так, в книге 95 приведены записи книги 113; в книге 43 – книги 97; в книге 64 – книги 18 «[Записей] наставника [из] Хуайнани» и книг 6 и 112 «Исторических записок». Лишь в книгах 1 и 28 содержатся сведения о пожаловании Чжао То императором Высоким Предком титула короля с правом управления в округах Сян, Гуйлинь и Наньхай, а также даётся описание этих округов (местонахождение, количество уездов и дворов) на момент их завоевания императором Воинственным в 111 г. до

н.э. [550, с.83, 84; 651, с.201 – 208]. Собственно говоря, сведения о Вьете в «Книге Ранней Хань» отличаются от сведений «Исторических записок» только этим описанием.

После этого в китайских источниках по истории Вьета до 111 г. до н.э. достаточно долго ничего нового не появляется. Лишь в памятниках III и, возможно, IV – V вв. появляются новые данные по эпохе Ванланга и Аулака. *Здесь необходимо подчеркнуть, что сами эти памятники не сохранились, а их сведения дошли до нас в более поздних источниках.*

Поскольку они относятся к наиболее ранним из всех известных сообщений о древних вьетских государственных образованиях или царствах на территории Северного Вьетнама, представляется целесообразным процитировать их в полном объёме.

IV. *Записи* [*о*] *внешних территориях округа Цзяо* [247.1, кн.37, с.4]

Текст 1. «Прежде, в то время, когда Цзяочжи ещё не было разделено на области и уезды, на его территории были поля *ло*, на которые вода поднималась [и с которых] стекала под влиянием приливов [и отливов]. Жители обрабатывали поля, чтобы добыть пропитание; поэтому их называли "народ *Ло*". [Позднее] учредили короля *Ло* и маркизов *Ло*, чтобы вместе управлять областями [и] уездами; в уездах было много военачальников *Ло*. Военачальники *Ло* получали медную печать на зелёной ленте. Впоследствии сын короля Шу пришёл во главе тридцати тысяч солдат, уничтожил короля *Ло* [и] маркизов *ло*, подчинил всех военачальников *Ло*. После этого сын короля Шу принял имя короля Умиротворённого юга. [Ещё] позднее младший охранитель [Чжао] То, король Наньюэ, подняв войска, напал [и] победил короля Умиротворённого юга».

Текст 2. «Король Наньюэ назначил двух легатов, чтобы управлять населением двух областей – Цзяочжи [и] Цзючжень» [550, с.84; 651, с.209 – 211].

Процитированный памятник датируется III или IV в. Затем оба вышеприведённых текста были воспроизведены с некоторыми изменениями в памятнике V в.

V. *Записи* [*об*] *округе Гуан* [251.2, кн.113, с.1]

«Господин Яо[22] отмечает, [что в] "Записях [об] округе Гуан" сказано: "В Цзяочжи имелись поля *Ло*, которые то заливались, то освобождались от вод; людей, кормившихся с этих земель, называли "маркизы *Ло*"; [чиновники] в уездах назывались "военачальники *Ло*" [и] получали медную печать на зелёной ленте, подобно начальникам сегодня[1]. Потом сын короля Шу во главе своих войск разгромил маркизов *Ло* [и] провозгласил себя королём Умиротворённого юга; [он] назначил двух легатов, чтобы управлять двумя областями – Цзяочжи [и] Цзючжень. Это и есть Ауло"» [550, с.84, 85; 651, с.213, 214].

Совершенно очевидно, что сведения как памятника III – IV вв., так и памятника V в. происходят из одного источника. При этом более ранние (синхронные описываемым событиям) китайские письменные источники II в. до н.э. – II в. н.э. таких сведений не содержат. Из этого следует, что наиболее вероятным источником для авторов имперских произведений III – V вв. послужили вьетские храмовые записи. В основных разделах данного тома будет показано, что вплоть до 44 г. имперская администрация не только не имела реальной власти на территории Северного Вьетнама, и даже доступ её представителей в эти районы был крайне затруднён. Но и после 44 г. вплоть до конца II в. китайские наместники и их окружение оставались чуждым вьетскому обществу элементом. Их определённая «интеграция» начинается лишь с появлением «скрытых» династий, при этом, как это будет показано ниже, ключевым моментом в указанном процессе является правление Си Ниепа (кит. Ши Се). Именно в III – V вв., в эпоху наивысшего расцвета «скрытых» династий первой половины «Эпохи северной зависимости», имперские наместники, а на

[1] То есть, при династии Цзинь (265 – 420).

самом деле – «скрытые» национальные государи получают доступ к храмовым записям на территории бывшего Аулака. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ту же эпоху в записях «китайских» наместников округа Цзяо появляются «новые» сведения по древней истории вьетов на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама, на основании которых имперские историографы VI – VIII вв. создали соответствующие разделы своих произведений [245.1; 248.2].

Таким образом, выстраивается вполне логичная схема, согласно которой имперские историографы вплоть до 111 г. до н.э. вообще не располагали данными по Ванлангу, Аулаку и Намвьету, за исключением весьма общих сведений о действиях имперской администрации во вьетнамо-китайских военных конфликтах. После 111 г. до н.э. в их руки попадают «Анналы династии Чиеу», на основании которых Сыма Цянь в своих «Исторических записках» описывает историю Намвьета. И только в III в. благодаря феномену имперских наместников – государей «скрытых» вьетских династий в китайские источники попадают данные ранней вьетской храмовой историографической традиции [544, с.82 – 97].

В заключение этого краткого обзора китайских письменных источников по древней истории Вьетнама представляется целесообразным упомянуть ещё два китайских памятника, которые хоть и не имеют прямого отношения к вьетнамской истории, могут иметь значение для реконструкции тех или иных аспектов становления вьетского общества.

VII. *Вёсны* [*и*] *Осени У* [*и*] *Юэ* [253]

Этот памятник, главным образом посвящённый столкновениям между царствами У и Юэ в VI – V вв. до н.э., относительно плохо изучен. Однако известно, что он содержит разнообразные и многочисленные данные о социальном строе, культуре и других аспектах жизни царства Юэ на территории современного Чжэцзяна. Учитывая же родство вьетских царств

по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Северный Вьетнам, кстати, прекрасно осознаваемое автором этого памятника[23], представляется возможным выдвинуть гипотезу о значительной близости их государственного устройства. В то же время положение царства Юэ и его отношения с другими древнекитайскими царствами в VII – IV вв. до н.э. обусловили его тесные контакты с собственно китайскими территориями бассейна Хуанхэ и соответственно информированность о нём имперских историографов эпохи Хань. Таким образом, хроника «Вёсны [и] Осени У [и] Юэ» может играть роль косвенного источника, данные которого возможно интерполировать на различные аспекты развития вьетских государств на территории Северного Вьетнама в древнейшие периоды их существования.

VI. *Всеобъемлющая книга* [*о*] *Юэ* [254.1]

Этот памятник создан позднее, чем «Вёсны [и] Осени У [и] Юэ», но обладает примерно таким же значением для изучения вьетнамской истории до ханьского завоевания.

Из вышесказанного следует, что китайские хроники и летописные своды по истории Вьетнама до 44 г. н.э. содержат достоверную информацию главным образом о дипломатических контактах и военных действиях между различными китайскими династиями, прежде всего – Цинь и Хань, и вьетскими государствами на территории Северного Вьетнама в III – I вв. до н.э. Они также являются основными источниками по истории вьетских государств (за исключением Намвьета) на территории современного Южного Китая. Аналогичные сведения во вьетнамских письменных источниках являются, как правило, компиляцией из имперских памятников и соответственно вторичны по отношению к ним.

Что же касается сведений по истории ранних вьетских государств на территории Северного Вьетнама, то они попали и в китайские, и во вьетнамские летописные своды из одного общего источника, которым являются ранние вьетнамские храмовая (историко-мифологические сюжеты первой группы)

и официальная династийная («Анналы династии Чиеу») историографические традиции. Как уже отмечалось, сведения вьетской официальной историографии были включены в китайские хроники и летописные своды после 111 г. до н.э., а неофициальной – лишь в III в. н.э. Поэтому первичными следует считать сведения, содержащиеся во вьетнамских источниках, которые опираются на древнюю непрерывную национальную историографическую традицию. К этому можно добавить, что если китайские источники были созданы в значительно более ранние эпохи, нежели сохранившиеся вьетнамские летописные своды, то они всё равно не являются синхронными описываемым событиям, так как сохранились лишь в поздних списках, наиболее ранние из которых восходят к VIII – IX вв. С точки зрения достоверности разрыв в девять или двенадцать веков между событиями и списком памятника, в котором они описаны, не принципиален. Но при этом высока вероятность того, что китайские источники неоднократно подвергались редакции в соответствии с идеологией той или иной имперской династии, а содержащиеся в них и так немногочисленные сведения по древней истории Вьетнама подвергались дополнительной «переакцентировке».

Таким образом, основными источниками по истории ранних вьетских государств на территории Северного Вьетнама до 44 г. н.э. являются памятники вьетнамской историографической традиции, тогда как китайские источники по этому периоду вьетнамской истории играют вспомогательную роль [550, с.70 – 118].

3.2.2. *Источники по истории Вьетнама I – IX вв.*

По этой эпохе вьетнамской истории имеется целый комплекс синхронных ей китайских письменных источников [257.1 – 15]. Ценность сведений из этой группы памятников очень высока, так как они большей частью основаны на свидетельствах очевидцев, на письменных сообщениях от представителей имперской администрации во Вьетнаме, а также на личных записях и описаниях наместников[24].

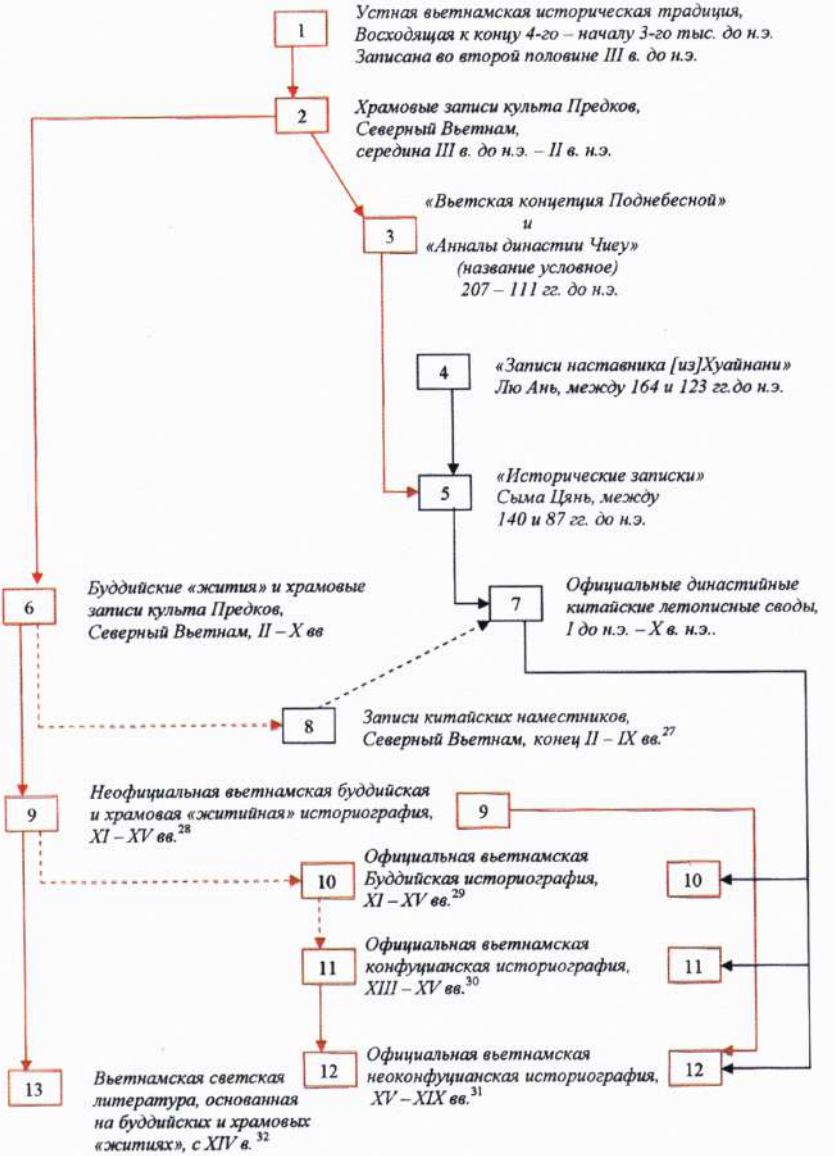
Тем не менее известно, что на протяжении всей этой эпохи есть периоды, когда китайские наместники либо совершенно утрачивали свою власть, либо лишь формально считались наместниками, являясь на самом деле лидерами местных «скрытых» династий. Китайские же историографы изображали эти периоды, включая моменты полного изгнания имперской администрации как эпоху полного и безусловного вхождения территории Северного Вьетнама в состав империи. При этом восстания, даже самые крупные, сопровождавшиеся переходом власти к «явным» местным династиям, описывались как разрозненные возмущения непокорных подданных. Более того, в китайских династийных летописных сводах прослеживается умышленное приглаживание и умалчивание фактов вьетнамской истории I – IX вв., равно как и преувеличение «цивилизаторской» роли имперских наместников.

К этому можно добавить, что в периоды восстановления полной независимости вьетских территорий, как правило, совпадавших с периодами смут в империи, придворные китайские историографы практически не имели информации о Вьетнаме или получали её в крайне скудном объёме. Всё это обусловило значительную фрагментарность китайских источников по вьетнамской истории «Эпохи северной зависимости» и наличие в них ряда лакун, из которых самая большая связана с историей династии Ранних Ли [550, с.108 – 116].

Эти лакуны бросаются в глаза при сопоставлении данных китайских источников с описанными выше вьетнамскими официальными и неофициальными письменными источниками, которые восходят к синхронной событиям национальной храмовой буддийской житийной историографии (историко-мифологические сюжеты второй группы)[25].

Следовательно, факты и события истории Вьетнама I – IX вв., описанные как в китайских, так и во вьетнамских источниках, априори можно считать достоверными.

Схема взаимосвязи источников по истории Вьетнама до XI в. н.э. [26]

Условные обозначения передачи сведений из источника в источник:

из вьетнамских ———— из китайских ———— полная ———— частичная ----------

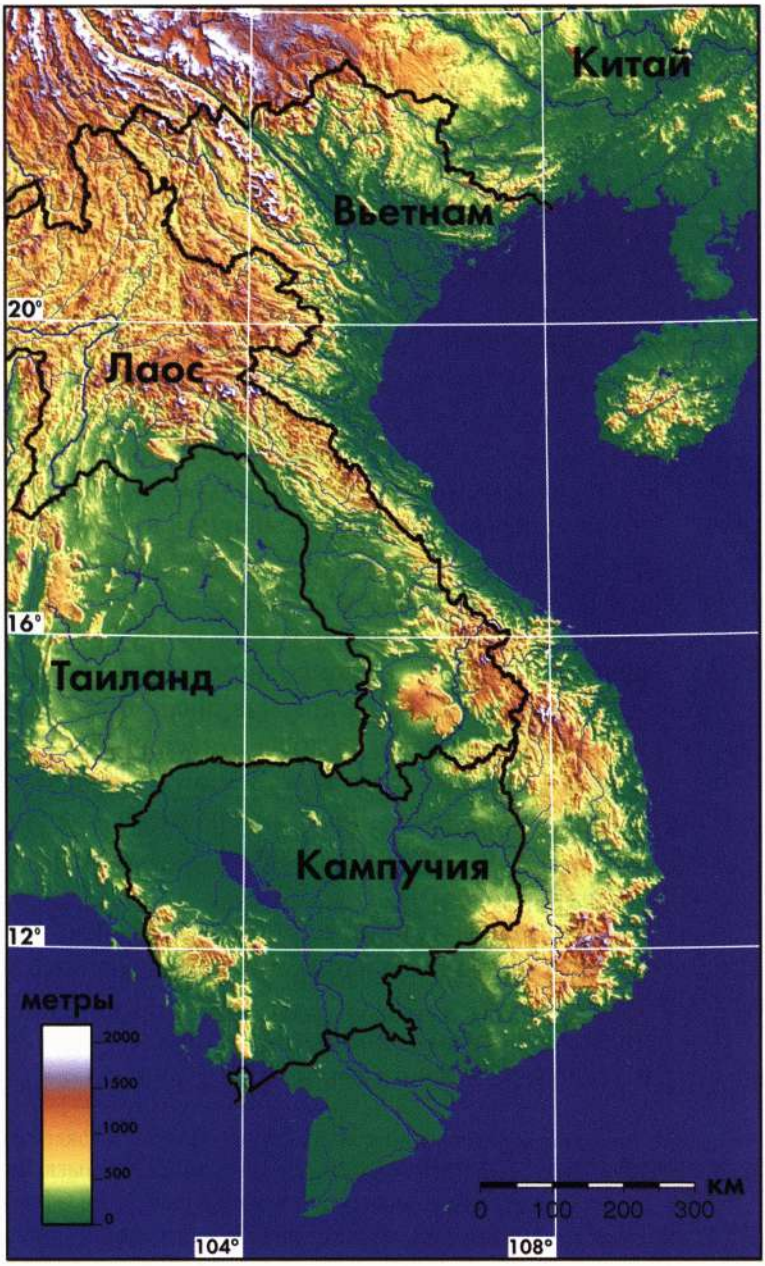
Описания, встречающиеся лишь во вьетнамских источниках, можно считать достоверными лишь в том случае, когда критический анализ общего контекста исторических событий подтверждает их наибольшую вероятность.

Что же касается сведений по вьетнамской истории I – IX вв., которые содержатся исключительно в китайских источниках, то их следует считать весьма сомнительными. В то же время китайские летописные своды являются единственным источником, позволяющим проследить эволюцию «поведения» имперского чиновника на вьетских территориях на протяжении всей «Эпохи северной зависимости», а также планы и действия различных общекитайских и южно-китайских династий в отношении вьетских территорий крайнего юга империи. Важность такого рода сведений очевидна, так как «поведение» имперского чиновника было в первую очередь связано с изменениями внутриполитической ситуации в стране, что зачастую не отражено ни в китайских, ни во вьетнамских источниках.

Наконец, необходимо указать ещё на один аспект, связанный с письменными источниками. Все китайские наименования за редким исключением известны вьетнамоведам во вьетнамском чтении, тогда как китаеведы читают вьетнамские наименования по-китайски, что ведёт к путанице понятий и наименований [472, с.132 – 277]. Поэтому при цитировании китайских источников имена и топонимы приводятся в китайской фонетике, а при цитировании вьетнамских – во вьетнамской[33].

Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама[1]

Физическая карта Вьетнама

1. *Географический обзор*

1.1. *Рельеф*

Столицей Вьетнама с начала XI в. является г.Ханой. Его территория, протянувшаяся с севера на юг, напоминает по своей форме классическое вьетнамское коромысло. Северная «корзина коромысла» – это территория Северного Вьетнама, или Бакбо, южная – это территория Южного Вьетнама, или Намбо, а само «коромысло» образовано территорией Центрального Вьетнама, или Чунгбо[2]. Северная оконечность Вьетнама находится на 23°22′ северной широты, южная – на 8°30′ северной широты, западная – на 102°10′ восточной долготы и на востоке – на 109°,29′ восточной долготы. Протяжённость территории Вьетнама с севера на юг равняется 1 750 км, а ширина составляет от 600 км в северной и южной его частях до 40 – 50 км в центральной части.

Общая площадь страны составляет 327480 км², или 15% Индокитайского полуострова. Кроме того, к Вьетнаму относятся острова архипелага Байтылаунг в Тонкинском заливе[I], острова Фукуок и Конлон[II], а также ещё ряд мелких островов общей площадью 4200 км².

На севере Вьетнам граничит с Китаем. Вьетнамо-китайская граница тянется в широтном направлении на протяжении 1281 км до Тонкинского залива. При этом, за исключением узкой прибрежной полосы и нескольких горных проходов, вдоль всей границы идут практически непроходимые горы. На западе Вьетнам граничит сначала на протяжении 2130 км с Лаосом, а затем с Кампучией на протяжении 1228 км.

Морская граница Вьетнама длиной в 3 444 км тянется от вьетнамо-китайской границы вдоль Южно-Китайского моря до Сиамского залива.

Важнейшими портами являются Хайфонг на севере, Дананг (Туран) в центре и Хошимин на юге страны.

[I] Залив Бакбо.

[II] Пулокондор.

Все они расположены в устьях больших рек и доступны для крупнотоннажных судов лишь во время приливов. Точно также можно отметить три основные приморские курортные зоны. Это необычайной красоты залив Халаунг[I] в 170 км от Ханоя на севере, побережье у Нячанга в центре и залив Вунгтау в 80 км от Хошимина на юге.

Весь запад и внутренние районы Вьетнама заняты южным отрогом Юньнаньского нагорья, который на вьетнамской территории распадается на две ветви. Восточная ветвь, состоящая из нескольких горных дуг со средней высотой около 1000 м, занимает весь северо-восток страны и завершается островами архипелага Байтылаунг. Западная ветвь занимает большую часть Вьетнама и состоит из нескольких параллельных горных хребтов, многие вершины которых превышают 2000 м. Высочайшая из них, Фансипанг горного хребта Хоанглиеншон, достигает 3143 м и является самой высокой точкой всего Вьетнама.

Между этими горными хребтами находится полоса узких известняковых плато, высота которых на севере и юге около 1000 м, а в центральной части снижается до 600 м.

От нагорья вдоль западной границы Вьетнама тянется ещё одна линия горных хребтов, берущая начало в Лаосе. Она известна под общим названием Чыонгшон[II]. Преобладающие вершины Чыонгшона составляют от 800 до 1000 м, тогда как вершины, превышающие 2000 м, – редкое исключение.

В северной части страны в крутые склоны гор глубоко врезаются долины и невысокие плато с холмистой поверхностью. В основном они сложены из известняков, сланцев, песчаников и скалистых останцев древнего фундамента. В Центральном Вьетнаме – это древние глыбовые плосковершинные массивы, которые ближе к югу сменяются

[I] Устоявшаяся и общепринятая транскрипция наименования этого залива на русский язык «Халонг», но правильнее его транскрибировать «Халаунг» (иероглифы 龍 下, вьетнамское написание Hạ-long).

[II] То есть Длинные горы. Также известен под названием Аннамский хребет.

плоскогорьем, которое ступенями постепенно снижается к низменности.

Водопад Банзок на реке Куайшон.
Вьетнамо-китайская граница.
Каобанг.23.03.2011 г.

В Центральном Вьетнаме горы почти вплотную подходят к Южно-Китайскому морю, тогда как на подходе к Южному Вьетнаму они отступают от морского побережья и уступают место плато.

Горы и горные долины Каобанга.
26.03.2011 г.

Низменность Северного Вьетнама площадью порядка 15000 км² представляет собой почти горизонтальную равнину, лишь на несколько метров превышающую уровень моря. Её основой является дельта Красной реки с относительно недавно образовавшимися аллювиальными почвами.

В Центральном Вьетнаме узкая приморская низменность разрезается горными отрогами на отдельные части. Наконец, низменность Южного Вьетнама расположена в дельте Меконга, которая занимает площадь более 50000 км². Эта низменность ограничена на северо-востоке древней равниной Меконга, на северо-западе – небольшими возвышенностями, являющимися отрогами Кардамоновых гор Кампучии и Таиланда, а на западе она достигает города Кампонг Чам в Кампучии. Рельеф низменности представляет собой плоскую, часто заболоченную равнину, высота которой местами едва достигает 2 м над уровнем моря. Иногда встречаются аллювиальные холмы высотой до 9 м.

Все реки Вьетнама принадлежат к бассейну Южно-Китайского моря. Самая большая на севере река Красная (Хонгха) берёт начало в Китае и на протяжении 475 км течёт по Северному Вьетнаму. В неё вливаются 496 притоков, в том числе две большие реки: Чёрная (Да) и Светлая (Ло). В своём большинстве это достаточно мелкие, стремительно стекающие с гор короткие реки, с большим количеством порогов. На реке Красной стоит столица Вьетнама. Несколько выше Ханоя река Красная распадается на ряд рукавов, которые вместе рукавами реки Тхайбинь образуют обширную дельту Бакбо, или дельту реки Красной. В период летних дождей расход воды в этой реке увеличивается более чем в сорок раз, что нередко приводит к сильным наводнениям, при этом она ежегодно выносит в море до 800 м³ наносов. Последнее способствует как быстрому росту самой дельты реки Красной, так и к её постепенному обмелению. К югу от неё расположена ещё одна, меньшая по размерам дельта Тханьхоа, образованная рекой Ма и её притоками.

В Центральном Вьетнаме множество рек стремительно спускается с горного хребта Чыонгшон на приморскую низменность. Одной из главных рек этого региона является река Ароматная (Хыонгзянг), на которой находится столица последней вьетнамской династии г.Хюе. В отличие от рек Северного и Южного Вьетнама реки Центрального Вьетнама достигают высшего уровня во время осенне-зимнего сезона дождей.

Как уже отмечалось, главной водной артерией Южного Вьетнама является Меконг, длина которого равняется 4220 км. Он берёт начало в Тибетских горах Китая, течёт через Лаос и Кампучию, а затем ещё 220 км – по низменности Южного Вьетнама до впадения в Южно-Китайское море. Меконг судоходен вплоть до столицы Кампучии. В Южном Вьетнаме имеется ещё ряд крупных судоходных рек, в том числе – река Сайгон, на которой стоит второй по значимости город Вьетнама – Хошимин.

1.2. *Климат*

Специфика вьетнамского климата состоит в том, что, с одной стороны, Вьетнам находится в тропическом поясе и получает в течение всего года значительное количество радиационного тепла, а с другой – в зоне пассатной циркуляции, тесно связанной с тропическими муссонами, которые определяют основные сезонные различия во всём регионе. Кроме того, большая протяжённость территории Вьетнама с севера на юг[1], высокие горы и резкая смена муссонов приводят к тому, что климатические условия различных регионов страны достаточно сильно отличаются друг от друга. На севере Вьетнама средняя температура самого тёплого месяца (июль) равняется +28°, а самого холодного (январь) – около +15°, при этом она может понижаться до +5°. На юге температурный режим более ровный. Так, температура самого тёплого месяца (апреля) – около +29°, а самого холодного (декабрь) – около +26°.

[1] Порядка 1 750 км по прямой линии.

Низменность Северного Вьетнама, рисовые поля.
26.03.2011 г.

Хоабинь, террасные поля *мыонгов*.
17.04.2011 г.

Сезоны различаются главным образом по количеству осадков. Во время «сезона дождей» (с марта – апреля по сентябрь включительно) дуют юго-западный муссон с Индийского океана и юго-восточный муссон с Южно-Китайского моря. В это время выпадает до 80% годового количества осадков на всей территории Вьетнама за исключением склонов горного хребта Чыонгшон до мыса Падаран на юге.

Во время «сухого сезона» (с октября по март) дует юго-восточный муссон, приносящий до 75% осадков северо-восточным и восточным склонам Чыонгшона. В Северном Вьетнаме среднегодовое количество осадков в районе Монгкая может достигать 2831 мм, а в районе Лайтяу – 2500 мм. В Центральном Вьетнаме в Хюе выпадает 2 500 мм и 2300 мм. – в Куангнгае. Наконец, в Южном Вьетнаме их выпадает около 1600 мм в год. При этом среднегодовая влажность составляет 81,3%.

С ноября по апрель прибрежные районы нередко окутывают густые туманы, а с мая по декабрь во Вьетнаме свирепствуют тайфуны, которые наиболее часты между 14° и 22° градусами северной широты. К югу от Куиньона тайфуны достаточно редки, а в Хошимине они бывают лишь как исключение. Влияние тайфуна может сказываться в радиусе более 400 км, при этом сильные осадки выпадают в очень короткие сроки. Так, в Северном Вьетнаме было отмечено выпадение во время тайфуна 630 мм в течение суток.

Кроме того, низкое давление в центре тайфуна вызывает поднятие уровня воды в море и огромную волну, которая на время поворачивает течение рек вспять. Всё это вызывает сильнейшие штормы на море и приводит к наводнениям, во время которых морская вода заливает рисовые поля и приводит землю в негодность на несколько месяцев. К этому надо добавить, что вызванные тайфунами ураганные ветры валят деревья, срывают с домов крыши и нередко даже сносят традиционные постройки.

1.3. *Растительность и животный мир*[3]

Растительность Вьетнама отличается исключительным

Центральный Вьетнам. Чыонгшон.
31.03.2011 г.

Отроги хребта Чыонгшон у Дананга.
03.04.2011 г.

богатством и многообразием. Его более сухие низины покрыты зарослями высоких жёстких трав, а сырые низины – бамбуковыми джунглями. На побережье распространены рощи кокосовых, реже – банановых пальм.

Больше половины его территории покрыто тропическими и субтропическими лесами или джунглями. В тех районах, где выпадает более 2000 мм осадков в год, до высоты 700 м на севере и 1300 м на юге распространены тропические леса, в которых множество таких ценных пород деревьев, как железное, камфорное, палисандровое, красное и эбеновое деревья. Там, где выпадает меньше осадков, а «сухой сезон» длится более четырёх месяцев, распространены тропические леса с опадающей листвой.

Выше семисот метров на севере и тысячи трёхсот метров на юге преобладают леса, состоящие частью из вечнозелёных субтропических пород, таких как вечнозелёный дуб, и частью из листопадных пород умеренного климата. В более высоких районах начинают доминировать хвойные деревья, в том числе – сосны. В зависимости от плодородия почвы и ботанических особенностей вьетнамские леса делятся на две категории: леса светлые, или осветлённые, которые растут на бедных почвах, и леса плотные, или густые, которые растут на более плодородных землях. Деревья многих пород достигают высоты в 20 – 30 м с обхватом ствола в 50 – 80 см.

В лесах Вьетнама много ценных дикорастущих растений, которые используются для изготовления лекарственных препаратов, получения технических продуктов, красителей и ароматических веществ, а также в парфюмерной и кондитерской промышленности.

Не менее богат и разнообразен животный мир Вьетнама. Отсутствие широтных горных преград и меридиональное направление горных хребтов способствовало проникновению северных видов далеко на юг, а южных – на север. Поэтому фауна Вьетнама имеет много общего с китайским, малайским и индийским животным миром. Более того, в ней имеются даже общие с африканскими роды и виды.

Тигры, бенгальская кошка и гепарды водятся на лесных опушках и по берегам рек. Чёрная пантера встречается лишь в Центральном Вьетнаме. Там же на вершинах Чыонгшона, а также на нескольких гористых островах обитают горные козлы, а в предгорьях – индийский дикий и полосатый кабаны. На севере Вьетнама водится бурый медведь, на юге – малайский, а на высоких горах северо-запада встречается гималайский медведь. Вблизи рек обитают гиббоны, макаки, тонкотелы, узконосы, лемуры, тупайи и древесные виверы. Олени, антилопы и косули водятся в районе саванн, дикие быки – в основном на плоскогорьях Центрального Вьетнама, а дикие буйволы – в заболоченных с густым травостоем местах. На плоскогорьях Центрального Вьетнама и на границе с Лаосом ещё сохранились дикие слоны. Ещё реже, в основном в провинции Биенхоа на границе с Кампучией, встречаются носороги.

Из грызунов встречаются белки, летяги, мыши и крысы, в том числе – гигантские бамбуковые. Много зайцев, а также водятся дикобразы длиной более 60 см.

Во Вьетнаме множество самых разнообразных птиц. Достаточно назвать орлов, грифов, ястребов, попугаев, павлинов, ворон, голубей, соек и райских птиц. В саваннах также живут дикие куры, фазаны, куропатки, перепёлки, жаворонки, стрепеты, бекасы и другие. В заболоченных низинах и на рисовых полях обитают дикие утки и гуси, белый султан, марабу, пеликаны, аисты, цапли и журавля, чибисы, чирки, водяные куры и болотные кулики. Только в южных районах страны водится более 370 видов птиц.

Из пресмыкающихся характерны вараны, агамы, цепкопалые ящерицы – гекконы, очковая змея и вид кобры, называемой гамадриадой. Также встречаются питоны до шести метров длиной и маленькие «минутные змейки». В реках и болотах много видов черепах, а на юге почти все реки населены кайманами двух видов: чёрными и жёлтыми. Встречаются и аллигаторы.

В лесах Вьетнама водится несметное количество насекомых, членистоногих, червей и особенно пиявок. Очень многочисленны чёрные и красные муравьи, москиты, скорпионы и сколопендры.

Наконец, прибрежные воды Южно-Китайского моря изобилуют рыбой и морскими животными, при этом воды Тонкинского залива более богаты, а Сиамского – менее богаты их запасами. У вьетнамского побережья водятся тунец, камбала, макрель, окунь, палтус, анчоус. Из хищных рыб следует назвать рыбу-пилу, рыбу-молот и другие виды акул. Наконец, членистоногие представлены омарами, лангустами, крабами и креветками. Также здесь водится морская черепаха и имеется множество самых разнообразных морских моллюсков.

1.4. *Почвы и полезные ископаемые*

Как в каждой горной стране, во Вьетнаме отчётливо проявляется вертикальная поясность почвенного покрова. До высоты в тысячу – тысячу двести метров над уровнем моря на юге и до семисот метров в центре расположены краснозёмные почвы. Они богаты железом, фосфорной кислотой и азотом, но бедны калием и кальцием. До 70% механического состава краснозёмов представлено очень мелкими фракциями, благодаря чему они сохраняют влагу и в засушливый период. Мощность их пластов достигает 10 – 20 м, под которыми находится слой голубой глины толщиной до 7 м. Краснозёмы особенно характерны для базальтовых плоскогорий Южного и Центрального Вьетнама. Иногда они перемежаются с чёрными почвами тропиков, которые также очень плодородны. В Северном Вьетнаме краснозёмы сменяются желтозёмами. Эти три вида почв играют очень большую роль в сельском хозяйстве страны.

Как уже отмечалось, высота низменных почв Вьетнама не превышает двух метров над уровнем моря. Эти почвы представлены двумя типами: болотистыми и аллювиальными. На Тростниковой равнине в низменности Южного Вьетнама и

на полуострове Камау распространены болотистые почвы. Большой заболоченный район имеется и в Дарлакской низине.

Южный Вьетнам, рисовые поля.
11.04.2011 г.

Южный Вьетнам, заливные поля.
05.04.2011 г.

Эти почвы очень богаты азотом, в них достаточно много калийных солей, но мало карбонатов и фосфора, а наличие солей алюминия понижает их плодородие и оказывает токсичное воздействие на растительность. Значительная часть низменности Южного, долины рек Центрального и почти вся низменность Северного Вьетнама заняты аллювиальными или наносными почвами, которые содержат большое количество ила и глины. Поэтому при высыхании они приобретают значительную плотность и трудны для обработки. Именно эти почвы являются главной сельскохозяйственной житницей Вьетнама. На высоте 800 – 2000 м над уровнем моря господствуют горные краснозёмы и желтозёмы, представленные средне и слабо подзоленными почвами, которые отличаются от типичных краснозёмов и желтозёмов более светло коричневато-серой или палевой окраской. Обладающие явными признаками оподзоленности и довольно сильно выщелоченные горные лесные бурые почвы находятся выше 2000 м. Они наиболее сильно распространены в районе высоких гор северо-западного Вьетнама.

Недра Вьетнама, особенно на севере и северо-западе, богаты полезными ископаемыми. Это различные виды каменного угля, включая антрациты, железная руда, медная руда, марганец, титан, свинцово-серебряные руды, бокситы, золото, месторождения бария, графита олова, касситерита, вольфрама, бериллия, сурьмы и ртути, а по запасам апатитов Вьетнам занимает одно из первых мест в мире. В стране имеются месторождения соли, талька, асбеста, слюды, полевого шпата, флюорита и пирита. Среди строительных материалов следует упомянуть бурый камень, различные базальты, известняки, гравий, гончарные, керамические и кирпичные глины, а также строительный и стекольный песок.

2. *Народы и народности современного Вьетнама*[4]

2.1. *Общая характеристика*

Подавляющее большинство населения Вьетнама представлено *вьетами* или *кинями*, общее число которых

составляет 65795718 человек. Они проживают в основном в больших городах и на низменностях Северного и Южного Вьетнама с очень высокой плотностью населения в 1100 – 1200 человек на км², где в дельте реки Красной она местами достигает 1500 человек на км². Натурализованные китайцы, или *хани*, в количестве 993449 человек представляет собой другую значительную группу населения, которая в основном проживает в Хошимине. Ещё одна китаеязычная группа *хуа* из 862371 человек проживает в Северном Вьетнаме[I]. К ней примыкают переселенцы из провинции Гуандун *шанзиу* в количестве 126237 человек, и небольшая этническая группа *нгай* из 4841 человек в горных деревнях вдоль границы с КНР. Остальное же население Вьетнама (20,9% или 18006957 человек) – это национальные меньшинства[II]. Согласно оценке на июль 2010 г. во Вьетнаме проживает 89642524 человека[III].

Лингвистически и этнически наиболее близки *вьетам мыонги*. Их деревни со свайными домами и постройками расположены главным образом в небольших предгорных долинах провинций Хоабинь и Тханьхоа на западе Северного Вьетнама. *Мыонгов* насчитывается 1137515 человек. *Мыонги* занимаются суходольным и поливным террасным земледелием, выращивая рис, кукурузу, маниоку, бататы, овощи и фрукты. В их хозяйстве важную роль играет животноводство, охота, рыболовство и такие подсобные промыслы, как заготовка древесины, бамбука, ротана, сбор лекарственных растений, дикого кардамона, мёда, воска и другие. Женщины известны искусным рукоделием и вышивкой одежды. Также *мыонги* занимаются ремеслом, прежде всего – гончарным делом.

[I] Эта группа говорит на кантонском диалекте (*юэ*) китайского языка.

[II] *Вьетам* и взаимодействию с *ханьцами* посвящены все тома «Полной академической истории Вьетнама». Поэтому в настоящем очерке о них приводятся лишь необходимые для его общего контекста сведения.

[III] По этому показателю Вьетнам занимает тринадцатое место в мире. Также следует учитывать, что точность чисел до единицы достаточно условна. Погрешность может составлять от нескольких десятков до нескольких сотен, а иногда и тысяч человек.

Вьетнамская девушка.
Храм секты «Као Дай», жилой район 1, шоссе Хойзяо 60.
Пригород Хошимина, 12.04.2011 г.

Девушка, жующая бетель. Северный Вьетнам, 1914 – 1921 гг.
CB 000090. Musée Albert Kahn, France

Спустя 90 лет. Пожилая вьетнамка, жующая бетель.
Хоалы, провинция Ниньбинь. 30.03.2011 г.

Народ *мыонг*. Восемнадцатилетняя девушка.
17.04.2011 г. Посёлок Зянгмо, община Биньтхань, уезд Танлак, район Мандык, провинция Хоабинь.

Народ *мыонг*. Мать девушки готовит бамбуковую щепу для циновок. 17.04.2011 г. Посёлок Зянгмо, община Биньтхань, уезд Танлак, район Мандык, провинция Хоабинь.

Свайный дом народа *мыонг* в той же общине.
17.04.2011 г.

Отдельную группу представляют собой говорящие на *мон-кхмерских* языках народности, число которых достигает 2101203 человек. Это, в первую очередь, *горные кхмеры*, представленные такими народностями как *банар* (174456), *хрэ*, или *тямре* (113111), *седанги* (127148), *мноиг* (92451), *ма* (33338), *кохо*, или *срэ* (128723), и *стиенг* (66788), а также *горные моны*, в числе которых можно назвать народность *пуок*, или *синьмун* (18018). Всего в *мон-кхмерскую* языковую семью Вьетнама входит порядка тридцати народностей и мелких этнических групп. Все они проживают в обширном регионе от северо-западного горного массива провинции Лайтяу до провинции Бариа на юге хребта Чыонгшон. Ещё в первой половине XX в. многие из этих народностей сохраняли черты первобытнообщинного строя. В основном они занимаются мотыжным земледелием, охотой и собирательством.

Рядом с *мон-кхмерами* в горах Северного Вьетнама обитают народности *тайской* группы. Это *таи*, населяющие районы Каобанга, Баккана и Тхайнгуена (1477514), *тхай*[1], проживающие в Шонла и Лайтяу (1328725), *нунг*, живущие в Лангшоне и Каобанге (856412), *лао* на границе с Лаосом (11611) и ряд других этнических групп.

Таи, *тхай* и *лао* говорят на диалектах одного языка и имеют много общего в материальной и духовной культуре. При этом *тхай* состоят из нескольких групп, которые различаются по своим обычаям и делятся по цвету женской одежды на *чёрных таи* и *белых таи*. Женская одежда состоит из короткой распашной кофты с металлическими застёжками без воротника, чёрной юбки и чёрного хлопчатобумажного платка с вышивкой на концах. В праздничные дни женщины носят хлопчатобумажный халат типа *вьетского*. Мужская одежда почти аналогичная одежде *вьетов*.

Таи живут в просторных свайных домах. Их сельскохозяйственные орудия мало чем отличаются от

---

[1] *Тхай* и *таи* – один и тот же народ, называемый по-разному в зависимости от места проживания.

вьетских. Главное занятие *таи* – поливное земледелие в горных долинах и на террасах склонов окружающих их гор. Они выращивают рис, кукурузу, бататы, маниоку и различные овощи. Среди фруктовых можно назвать апельсины, бананы, персики, груши и сливы. *Таи* также культивируют и такие технические культуры, как хлопок, рами, клещевина, сахарный тростник, корица, тутовое дерево и другие. Второе по значению место в их хозяйстве занимают связанные с разведением буйволов, быков, свиней, кур, гусей и уток животноводство и птицеводство. Ещё *таи* занимаются рыболовством и охотой, а также заготовляют ценные сорта древесины, дрова, дикий кардамон и многое другое. Из ремёсел следует упомянуть прядение, ткачество, плетение из бамбука и ротана, маслоделие и сахароварение.

Также в горных районах Северного Вьетнама проживают народности этнической группы *мео-ман* (*мяо-яо*), мигрировавшие в древности во Вьетнам из юго-западных провинций Китая. *Мео* (787604) населяют главным образом горные районы провинций Лаокай и Хазянг, хотя отдельные их поселения встречаются в высокогорных районах вплоть до 18-ой параллели. Поселения *манов* (620538) встречаются во всех горных районах Северного и северной части Центрального Вьетнама. Основное занятие группы *мео-ман* – горное подсечно-огневое земледелие. Также развито и животноводство, а у *мео*, в частности, коневодство. Народы этой этнической группы, как и многие представители *монкхмерской* группы, вплоть до недавнего времени сохраняли много черт первобытнообщинного строя и раннеклассового общества.

Самая малочисленная из национальных меньшинств Вьетнама группа представлена *тибето-бирманцами* (39278), которые живут в горах Северного Вьетама вдоль вьетнамо-китайской границы от Дьенбьенфу до Каобанга. Некоторые из её народностей, такие как, например, *лоло* (3307) и *фула* (9046), длительное время находившиеся в тесном контакте с *тхай*, *мео* и другими народностями, восприняли некоторые элементы

их материальной и духовной культуры. Другие же в большей степени сохранили свои этнические особенности.

Наконец, в Центральном и Южном Вьетнаме проживает ещё целый ряд народностей индонезийской ветви *малайско-полинезийской* семьи (832687). Такие народности, как *зярай* (317557), *эде* (270348), *раглай* (96931) и *чуру*, или *чру* (14978), расчленяя территорию *мон-кхмеров*, живут в горах, на плоскогорьях и в поросших джунглями горных долинах. Отдельную группу этой ветви представляют *тямы* (132873), имевшие длительную и развитую государственность, которые населяют предгорья и низменность Центрального Вьетнама[I].

Таким образом, можно говорить о том, что Вьетнам отличается большим числом различных этнических групп населения, находящихся на различном уровне социально-экономического развития: от раннеклассового с элементами первобытнообщинного общества до современного, опирающегося на новейшие технологии государства. Безусловно, события второй половины XX в. во многом нивелировали эти различия, которые, тем не менее, продолжают сказываться на функционировании современного вьетнамского общества[II]. При этом решающим фактором функционирования механизма межнациональных связей как во вьетнамском, так и в остальных обществах Индокитая является выработанная на протяжении веков система взаимоотношений «горных» и «низменных» народов.

2.2. *Торговля, разделение труда и хозяйственно-культурные типы у народов Индокитая*

Наиболее кардинальной чертой культуры горцев Индокитая является ручное земледелие, которое чаще всего ведут подсечно-огневым способом в лесистых горах. С этой основой их хозяйственно-культурного типа связаны особенности их жилищ, утвари, одежды, обрядов, то есть всего того, что подразумевается под словами «образ жизни». В

[I] О *тямах* смотри «Параграф 1» «Части I» «Заключения» настоящего тома.
[II] Смотри соответствующие разделы «Тома V».

современной науке широко распространено мнение, что подсечно-огневая система земледелия горцев Индокитая отражает начальный этап земледельческой культуры вообще. Основанием для этого вывода послужила такая особенность ручного земледелия, как отказ от рыхления почвы и сев под кол, что принято связывать с сохранением обычаев начального периода земледелия, освоившего сев, уборку и переработку урожая, но не обработку почвы. Однако эта концепция подсечно-огневого земледелия является скорее гипотезой, логически выстраиваемой для раннего периода возделывания одомашненных растений, чем всесторонне обоснованной теорией [626, с.69, 70].

В целом типы поселений народов Индокитая позволяют разделить эти народы на три категории: жители равнин, обитатели горных долин и, наконец, горцы. При этом оказывается, что наиболее зависят от экологической среды крупные народы: *вьетнамцы*, *лаотянцы*, *кхмеры*, *кхонтаи* (*сиамцы*) и *бирманцы*, чьи поселения и поля неразрывно связаны с большими аллювиальными долинами. Поселения жителей горных долин расположены только в долинах, а поля, находящиеся как в долинах, так и на склонах соседних гор, либо террасируются и орошаются, либо используются подсечно-огневым способом. К жителям долин относятся некоторые *тайские* народы (*таи* во Вьетнаме и *шань* в Бирме) и *мыонги* во Вьетнаме, однако очень немногих из них можно назвать горцами в подлинном смысле этого слова, как, например, *чёрных таи*. Однако по их поводу существуют обоснованные гипотезы о том, что они являются ассимилированными *мон-кхмерами*: *чёрные таи* – это ассимилированные *кха*, а *шань-талой* – это *ва*, перенявшие язык и культуру *шань* во Вьетнаме и Лаосе и *шань-талой* в Северной Бирме.

Интересно, что для горцев Индокитая вовсе не характерно заселение и хозяйственное использование только горных местностей. Так, большая группа *мон-кхмерских* и *индонезийских* племён горных плато Южного Вьетнама

использует как горные склоны, так и равнинные местности, причём не только под подсечно-огневые, но и под орошаемые поля. Некоторые из них применяют плуг (например, *срэ*) или обрабатывают заливные поля, прогоняя по ним стадо буйволов. А дающие 80% подсечно-огневые поля *эде* расположены в первую очередь на ровной местности. В Кампучии к горным народам относят *тямрэ*, *брао* и *мнонгов*, которые населяют не только горные районы, а живущие в горах Таиланда *лава* ещё сравнительно недавно занимали большие территории и на равнинах. При этом *лава* в «сухой сезон» находятся в горной местности, а в «сезон» дождей спускаются возделывать свои равнинные поля. Также известно, что земледельцы-*качины* на севере Бирмы далеко уходили от своих посёлков для возделывания аллювиальных полей на островах в верховьях Иравади. Точно также и их соплеменники в Юньнани и Ассаме обрабатывают вместе с *таи* равнинные земли, оставляя горные поля народу *лису*. Причём чем к более раннему периоду относятся данные, тем больше они свидетельствуют о связи нынешних горцев с долиной. Так, у *мири* поля были расположены в долине реки Дибонг, а у *падам* (часть *абор*) вообще все поля, которые возделывались подсечно-огневым способом при помощи большого ножа как основного орудия рубки и сева, находились на равнинах. Все эти факты свидетельствуют о меньшей жёсткости привязки горцев к экологическим условиям по сравнению с жителями долин и больших равнин, что лишний раз указывает на условность самого термина «горцы». Почти все современные горные народы Индокитая испытывали в прошлом постоянное давление, ограничивавшее территорию их расселения главным образом горными районами. Так, *палауны* Бирмы были оттеснены в горы народом *шань*, *лава* Таиланда – тайскими народами, *мон-кхмеры* группы *кха* в Лаосе, например, *кхму* – народом *лао*. Мон-кхмероязычные *тхай* Вьетнама также обитали в долинах и знали поливное земледелие, но под

давлением *таи* были вынуждены уйти в горы и перейти к подсечно-огневому земледелию [626, с.70 – 72][1].

[1] Последнее отразилось в этнонимике этого народа: «*таи, возделывающие подсечные поля*».

Пожилые женщины народа *нунг*.
Деревня Анлай общины Нгуенхюе уезда Хоаан провинции Каобанг.
28.03.2011 г.

Женщина народа *чёрные таи*. Вьетнамо-китайская граница. Каобанг. 27.03.2011 г.

Несомненно, давление крупных народов оказало огромное влияние на образование группы горцев. При этом заселению гор способствовало, с одной стороны, стремление малых народов избежать первоначально рабовладельческой, а затем феодальной эксплуатации, а с другой – необходимость хозяйственной специализации внутри региона. Эта специализация проявилась очень рано, но тогда она не была устойчивой. В результате современная этнографическая картина Индокитая создалась уже в условиях классового общества, что необходимо постоянно учитывать при анализе этнографического материала.

Одним из главных факторов разделения труда между народами этого региона была торговля, о чём, в частности, свидетельствует состоящая из больших и малых караванных торговых путей, деревенских рынков и постоянно действующих мелких капиллярных путей торгового обмена древняя торговая сеть. Говоря о Бирме, следует указать на то, что караваны китайцев-*хуа* шли из Юньнани в Северо-Западный Таиланд, а затем в Южную Бирму. Торговые караваны *лао* также шли в Бирму. Караванная торговля *шань* охватывала не только их территорию, но и все бирманские земли, являясь существенным фактором на местных базарах, которые устраивались каждые пять дней. В Бирме торговали нефритом и другими драгоценными камнями. *Качины* с давних пор продавали янтарь, соль, железо и серебро, а также были посредниками *нага* в торговле каучуком. О последних известно, что из их страны поступали имбирь, чёрный перец, ряд овощей, железо и соль, что они доходили до Брахмапутры и Иравади для торговли с *ассамцами*, *индийцами* и *качинами*. При этом в качестве денег как *нага*, так и *качины* в древности использовали серебряные бруски, а в новое время – опиум и индийские рупии. *Карены* поставляли *бирманцам* и *монам* продукты лесного собирательства и охоты[1], мясо домашних животных и хлопковые ткани собственного производства, получая за это рис, керамику, соль и рыбную пасту. Они

[1] Лак, мёд, воск, кардамон, слоновая кость и дичь.

торговали через бродячих торговцев из *бирманцев* и *шань*, реже – *индийцев* и *китайцев*. *Кекху* Бирмы обменивали лак, рис и хлопок на соль и бетель. *Палауны* активно торговали собственным чаем, получая взамен ткани, воск, сахар, керосин и другие товары.

Вся эта торговля опиралась и опирается до сих пор на специализированное ремесленное производство. Так, *чины* сёл Айбур и Хиаринг льют бронзу и серебро, изготавливают колокола и плетут циновки. В деревне Кхуаранг производят керамическую посуду и лампы, продающиеся в районе радиусом около тридцати километров. В этой же деревне мастерят деревянные ткацкие станки и курительные трубки. Часть её жителей занимается ремеслом круглый год, но большинство занято им в свободное от полевых работ время с января по апрель – май. В это время лучше сохнет керамика, есть свободное время – и мужчины могут отправляться торговать, и, наконец, в это время строят дома или обновляют их утварь[5].

Установлено, что крестьяне деревень, имеющих ремесленную специализацию, нередко работают в качестве специалистов-ремесленников лишь один сезон в году. Это весьма примечательный факт, который указывает на индивидуальную и территориальную специализацию при том условии, что ремесленник в большинстве случаев сам производит необходимую ему сельскохозяйственную продукцию. Однако комплексный анализ организации торговли у южных и северных *чинов* Бирмы, её внешних и внутренних связей, а также групп продаваемых и покупаемых товаров не позволяет характеризовать их общество как самообепечивающееся[6]. Внедеревенский, сверхлокальный тип их социальных связей свидетельствует, во-первых, о том, что многие предметы, изготовляющиеся в чинских деревнях, делаются из железа, бронзы или шёлка, которые поступают из внешнего мира, во-вторых, о том, что объём производства в горных районах зависит от межрайонной и междеревенской торговли и от профессионального разделения труда, наконец,

в-третьих, о том, что хотя многие товары, поступающие извне, являются предметами «роскоши», они играют существенную роль в социально-политической организации *чинского* общества, так как без них не может функционировать традиционная система представительства и гостеприимства[7]. Таким образом, социальное расслоение у *чинов*, главным образом – у северных *чинов*, связано с торговлей, а их социально-политическая система в свою очередь создаёт более благоприятные условия для её развития. При этом роль этой торговли определяется не её размерами, а местом во всей социальной жизни. Аналогичная ситуация просматривается и у горных народов Таиланда и Лаоса [626, с.72 – 76][8].

Материалы, касающиеся торгового обмена у горцев Северного Вьетнама, обнаруживают важную роль производства металлических изделий в системе разделения труда. Так, *уни*, *кэлао* и *мяо* не только изготовляют лемехи, мотыги, и даже ружья, но и добывают железо. Жители долин *тхай*, рынки которых устраиваются по берегам рек, где имеются причалы для лодок, получают всё это от *мяо* в обмен на изделия керамического производства. В прошлом у другого крупного народа долин *мыонгов* была развита бронзовая металлургия с изготовлением горшков, барабанов, чайников и гонгов. Часть этой продукции попадала к горцам, однако в колониальный период эта отрасль ремесла *мыонгов* исчезла.

Разделение труда иного типа характерно для более отсталых народов Северного Вьетнама. Так, народ *рук*, живший в пещерах, выменивал у народа *шать* топоры, медные котлы и соль на такие продукты лесного промысла, как кости обезьян, сушёные ростки бамбука и жир выдры, которые *рук* и *шать* также обменивали на товары с долинными *мыонгами*. А народ *кату* поставлял равнинным *вьетам* дерево, бетель, и лекарственные растения в обмен на горшки, железные изделия, одеяла и украшения. При этом с отсталыми народами торговля нередко велась немым способом.

В Южном Вьетнаме разделение труда отмечается у народа *эде*, в каждой из деревень которого есть своя кузница.

Они также знают, как из руд получать медь и железо. Внутри деревень *эде* имеется хозяйственная специализация отдельных семей. Так, например, одни занимаются кузнечным делом, а другие – окрашиванием хлопка. Другой народ из этой же группы горных индонезийцев, *раглай*, выменивает за бетель железные ножи, одеяла, бусы, гонги и керамические изделия. В начале XX в. горцы Южного Вьетнама поставляли на приморские рынки кожи, рог, воск и слоновую кость в обмен на соль, а до установления французского господства они поставляли *вьетам*, *кхмерам* и *лао* рабов в обмен на ценные кувшины и гонги.

Таким образом, рассматривая торговлю горцев в целом, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, как и у всех других народов, торговля у горцев является следствием разделения труда. Во-вторых, выделяются внешняя и внутренняя торговля. В-третьих, во внутренней торговле наиболее наглядно выступает связь обмена с развитием производительных сил горцев с определённой специализацией производства, которая может быть либо индивидуальной, либо семейной, либо деревенской и даже порайонной. В-четвёртых, во внешней торговле горцы выступают главным образом как поставщики продукции, связанной с лесными промыслами. Лишь очень редко продукция горцев, не связанная с этими промыслами, как, например, железные изделия *куи*, поступает к жителям долин и больших равнин. Наконец, в-пятых, лесные промыслы, дающие товары для внешнего обмена, накладывают свой отпечаток на внутреннюю торговлю и внутреннее разделение труда, так как внешние связи организуют и концентрируют ремёсла, которые удовлетворяют внутренние нужды. Именно внешние связи породили у горцев институт торговых походов на равнинные рынки. Именно поэтому у горцев Южного и Центрального Вьетнама приморские равнины, где живут вьеты и тямы, называются «драденг», что означает «места торговли» [626, с.77, 78].

Переходя к общей характеристике категории горцев Индокитая, прежде всего, следует отметить, что их развитие

шло в принципе по тому же пути, что и развитие соседних больших народов. У них у всех одновременно разлагались первобытнообщинные и формировались классовые отношения. Специфика горцев состоит лишь в особой роли гор как убежища для народов рабовладельческой периферии, сохранявших в этих условиях сельскую общину и частное хозяйствование, которые вместе являлись предпосылками развития у горцев феодализма, ставшего основой возникновения их государственности. Однако неудача попыток горцев закрепиться в долинах привела к угасанию этой государственности уже на начальном этапе её становления.

Таким образом, путь к становлению некоторых этносов в Индокитае начался ещё в эпоху рабовладельческого строя и являлся одним из путей формирования феодализма в этом регионе[9]. Поэтому в экономическом отношении развитие в горах подсечно-огневого земледелия следует рассматривать как определённый застой или даже регресс в развитии производительных сил. Этому способствовала эксплуатация со стороны феодальных государств, образовавшихся в долинах и на равнинах.

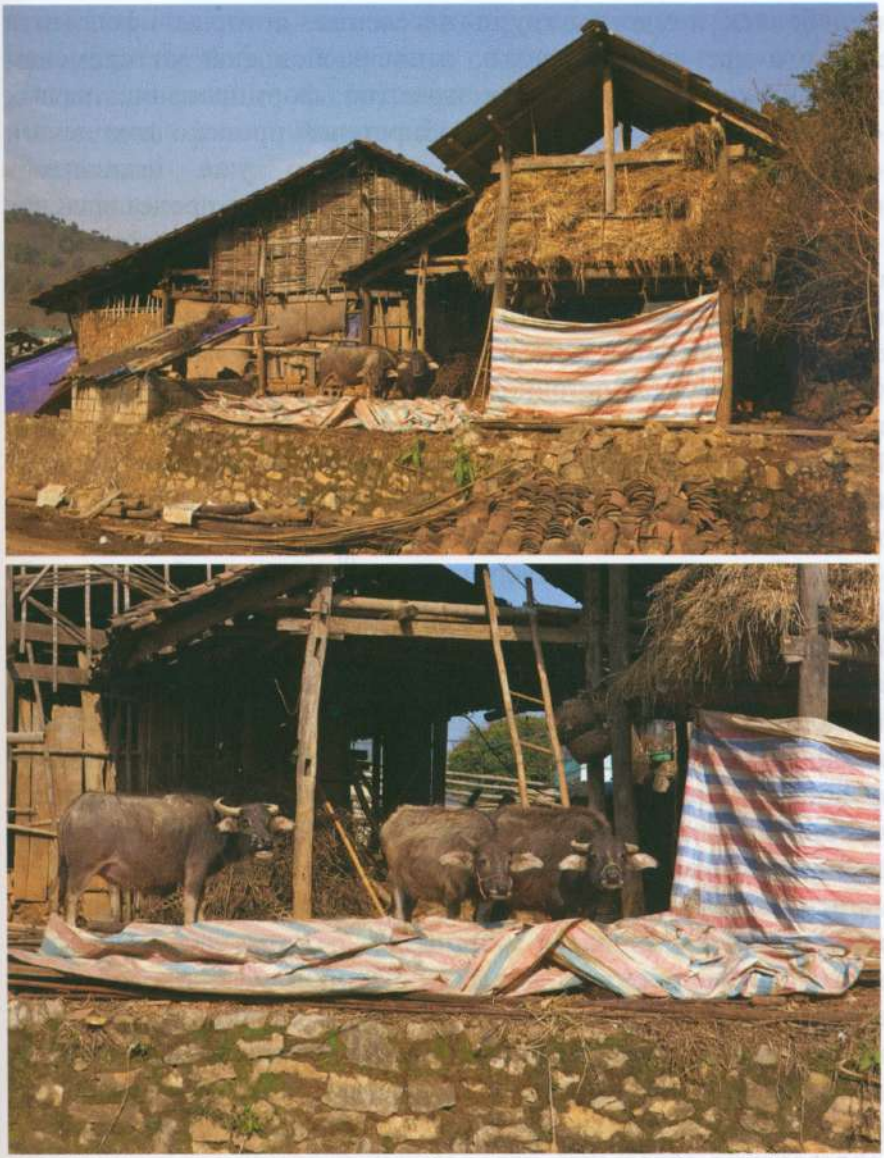
Специализация горцев на лесных промыслах, ограничивавшая развитие земледельческого производства, привела к тому, что в этом аспекте их общество оказалось зависящим от своих соседей. При этом характерно, что подсечно-огневое земледелие, известное как приём у равнинных и долинных народов, у горцев становится основой полеводческого хозяйства, составляя тем самым основу их хозяйственно-культурного типа. Подсечно-огневое земледелие не само по себе породило горный хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев, который развился в сложных условиях социально-экономической истории народов Индокитая и, что немаловажно, подвергся воздействию промысловой специализации. Кроме того, уход в горы был мощным средством оформления этнического своеобразия, а в более поздние эпохи, когда рушилась государственность

малых народов на равнинах, также средством самого сохранения этих народов. Естественно, что в этих условиях горное земледелие, как подсечно-огневое, так и террасное, стало традиционным в жизни этносов. Поэтому нельзя говорить о том, что горное земледелие является лишь реакцией на экологическую среду.

Отражая социально-экономические, политические и демографические условия, горное земледелие стало основой одного хозяйственно-культурного типа. Хозяйствование отдельных семей характерно как для орошаемого террасного, так и для суходольного подсечно-огневого земледелия. Представляется, что тот или иной вариант зависит скорее от демографического показателя на единицу обрабатываемых площадей, так как при росте этого показателя горцы легко переходят от подсечно-огневого земледелия к строительству террас.

В отличие от самостоятельного рыболовческого хозяйственно-культурного типа у *селунов* и *маукенов* прибрежных островов Бирмы и Таиланда, вряд ли можно говорить об особом хозяйственно-культурном типе в рыболовецких деревнях *вьетов*, поскольку у *вьетов*-земледельцев и *вьетов*-рыболовов отмечается полная однородность домашнего быта и культуры. Конечно, на основании этого нельзя утверждать, что этнос определяет хозяйственно-культурный тип вообще, однако следует отметить, что различие этносов или проявление этнического субстрата способствует обособлению хозяйственно-культурных типов.

Таким образом, наличие генетической связи горного или мотыжного земледелия с равнинным пашенным земледелием доказывает, что образование хозяйственно-культурного типа ручных земледельцев в материковой Юго-Восточной Азии имеет конкретный исторический характер. Поэтому мнение о простой экологической адаптации населения к горным условиям является, как минимум, слишком упрощённым.

Свайный дом на полутораметровой террасе с площадкой для буйволов.
Деревня Назам народа *нунг*, община Нгуенхюе, уезд Хоаан,
провинции Каобанг.
28.03.2011 г.

Теперь, исходя из такой концепции происхождения и развития горцев, представляется целесообразным вернуться к

судьбе тех немногих групп населения, которые остались в горах с древнейшей эпохи, относящейся ещё ко временам хоабиньской культуры. Как известно, формирование первых групп местных охотников и собирателей происходило на той стадии Хоабиня, когда внутри него уже выделилось земледелие. То есть, речь идёт о первых представителях особого и достаточно своеобразного раннего хозяйственно-культурного типа.

Замкнутость в лесах привела к сохранению в их антропологическом типе черт древнейшего домонголоидного населения Юго-Восточной Азии, который относится к австралоидному пласту. Не случайно эти черты очень явственны в облике *семангов* и *сеноев* Малакки, вплоть до середины XX в. бывших охотниками и собирателями тропических и субтропических лесов.

Этот процесс дивергенции охотничье-собирательских групп в ходе распространения земледелии на материке Юго-Восточной Азии шёл и позже, о чём свидетельствуют уже монголоидные по антропологическому типу *юмбри* Таиланда. Надо полагать, что с образованием в первых веках нашей эры небольших консолидированных групп горцев в горных лесных районах и началом эпохи образования государств, процесс вычленения таких групп прекратился. Однако охотничье собирательская отрасль получила дальнейшее развитие уже в виде экономического разделения труда внутри общества земледельцев.

Таким образом, для всех народов материковой Юго-Восточной Азии (горных[1], долинных и равнинных) типичны особые пути стадиального развития, обусловленные чертами этой области, которая является средой их обитания и развития. Без этой среды невозможно представить как процесс образования отдельных народов, так и наличие в их культуре общих и специфических черт. Следовательно, историко-

[1] Образование группы горцев в материковой Юго-Восточной Азии шло своеобразным путём, отличающимся от того, который имел место во многих других горных районах мира, например, на Кавказе.

этнографическая область не есть просто продукт развития или результат культурного обмена соседствующих народов. Она является активным инструментом социального и культурного движения, формирование которого в материковой Юго-Восточной Азии соотносится с историей хозяйственно-культурных типов, а также с историей передвижения и контактов народов.

Таковы основные факторы сложения типичной для каждой из стран Индокитая этнокультурной системы, состоящей из народов равнин и горцев, которая дополняется ещё категорией народов горных долин[I]. В основе этих этнокультурных систем лежит сложение, длительное существование и важная роль в общественной и культурной жизни этих стран группы горцев, называемой в Бирме *чинами* и *качинами*[II], в Таиланде и Лаосе – *кха*, или *лаотхень*, во Вьетнаме – *тхыонгами*[III] и в Кампучии – *пнонгами*.

Экологическое различие между равнинными и горными районами по-разному отражалось в культурной и этнической истории в различные исторические периоды. В более отдалённом прошлом, в первых веках нашей эры, социальный и культурный разрыв горцев и обитателей равнин был менее выражен, а наибольшего значения он достиг в период развития классовых феодальных государств у крупных равнинных народов. Следует отметить, что, несмотря на естественную специфику в общественном и культурном развитии, горцы шли тем же путём, что и долинные и равнинные народы, а в основе хозяйства всех этих народов лежит земледельческая культура. Следовательно, особенность категории горцев заключается в сочетании их хозяйственно-культурного типа с этническим обособлением. По-видимому, горцы были своеобразным ферментом этнической кристаллизации в эпоху

[I] Единственным исключением в отношении народов горных долин, по-видимому, является Кампучия

[II] Эти названия стали этнонимами.

[III] Во Вьетнаме до французского колониального завоевания для общего обозначения горцев использовался термин *мои*.

становления феодальных отношений в Индокитае. Об этом свидетельствует тот факт, что государства таких крупных равнинных народов, как *кхмеры*, *тямы* и *лао*, были связаны в своём генезисе с ранними государствами горцев, в которых общинные отношения переплетались с теократической организацией власти. Поэтому существование в Индокитае системы «обитатели равнин – горцы» имело большое значение для сложения своеобразного облика каждой из стран данного региона [626, с.78 – 83][10].

3. *Доклассовые хозяйственно-культурные общности и этнокультурные системы в истории классовых обществ*

3.1. *Доклассовые хозяйственно-культурные общности в эпоху становления производящего хозяйства*

Не секрет, что этнические и хозяйственные связи и взаимовлияния в эпоху зарождения классовых обществ выходили далеко за пределы границ ранних государств и империй. Более того, в регионе Юго-Восточной и юга Восточной Азии они в той или иной мере сказывались на развитии обществ вплоть до XVI – XVIII вв. Вьетнам в этом смысле не исключение. Поэтому представляется, что полное понимание социально-экономического развития вьетского, а затем вьетнамского общества невозможно без хотя бы краткой характеристики всего комплекса вышеуказанных связей и взаимовлияний в регионе, начиная с древнейших времён и вплоть до французского колониального завоевания.

Данные, полученные во второй половине XX в. в результате археологических открытий в островной и материковой Юго-Восточной и Восточной Азии, позволили по-новому оценить роль этого региона в становлении мировой цивилизации. Моноцентристские теории Р.Гейне-Гельдерна и ряда других учёных постепенно сменяются новой концепцией о нескольких очагах возникновения человеческой цивилизации. Большой вклад в разработку последней внесли М.Г.Левин и Н.Н.Чебоксаров, определив понятие историко-этнографической области [445]. Я.В.Чеснов, говоря конкретно

о Юго-Восточной Азии, определяет её как историко-этнографическую область высшего таксономического уровня, а собственно Индокитай по отношению к ней как область второго порядка. Исходя из этого он характеризует Северо-Восточную Индию и Южный Китай как «переходные зоны», связывающие Юго-Восточную Азию с Южной и Восточной Азией, острова Восточной Индонезии – как переходную зону между Юго-Восточной Азией и Океанией [626, с.4, 5]. Сходные взгляды, правда, не в столь чётко выраженной форме, высказывали Ч.Горман, У.Сольхсйм и П.Соренсен.

Мощным импульсом для изменения трактовки роли Юго-Восточной Азии послужили работы Ч.Гормана в Таиланде в Пещере Духов, которые велись во второй половине шестидесятых годов прошлого века. В нижних слоях этого археологического памятника были обнаружены остатки доместицированных растений: сливы, индийского миндаля, тыквы-горлянки, пальмы рафии (или гороха), фасоли, вики, водяного ореха, перца, мадуки, ореха-канариума, тунга и огурца. Эти остатки находились в слоях хоабиньской культуры, при этом проведённый радиокарбонный анализ позволил их датировать 10-ым – серединой 7-го тысячелетия до н.э. Затем эти слои сменяются культурными слоями эпохи неолита. Данное открытие трудно переоценить, если учесть, что следы хоабиньской культуры прослеживаются на территории всей северной части Индокитайского полуострова, Сычуани и ряда других областей юга Восточной Азии. Родственные же связи и этой культуры и её аналоги прослеживаются вплоть до Японии, Индонезии, Австралии и даже на Амуре [626, с.15]. Опираясь на эти факты, а также исходя из того, что на Тайване, заселённом, как известно, с материка, была найдена керамика 9-го тысячелетия до н.э., У.Сольхейм выдвинул вполне оправданную гипотезу о появлении керамики в материковом хоабине в 11-ом – 10-ом тысячелетиях до н.э. и о ещё более раннем появлении в нём шлифовки [1135, с.130 – 132].

К эпохе раннего неолита относится стоянка Лаанг Спеан (Пещера Мостов) в провинции Баттамбанг в Кампучии.

Её инвентарь близок как к инвентарю Пещеры Духов, так и к инвентарю ранненеолитических стоянок Вьетнама. В культурном слое этой пещеры, относящемуся к 5-му тысячелетию до н.э., также были найдены остатки необожжённой керамики. Кроме того, были обнаружены неолитические стоянки в Лаосе и в районе Плейку на плато Южного Вьетнама. Открытие этих стоянок в сочетании с открытием неолитических стоянок Нонноктха в Северо-Восточном Банкао и Южном Таиланде дало толчок новой концепции генезиса производящего хозяйства, в результате которой был сделан вывод о появлении первых поселений земледельцев в аллювиальных долинах Юго-Восточной Азии в 5-ом – 4-ом тысячелетиях до н.э. Этот вывод основывается на радиокарбонной датировке Нонноктха и Банкао[I], а также на сообщении У.Сольхейма о находке риса в Нонноктха.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что благодаря результатам обобщающего исследования Р.Ф.Итса стали очевидными и связи указанных мезолитических и неолитических культур с аналогичными комплексами юга Восточной Азии. Так, он делает вывод о том, что все неолитические культуры, за исключением, видимо, лишь позднего неолита Чжэцзян-фуцзяньской зоны Приморской области[II], имеют автохтонное происхождение. Кроме того, надо полагать, что они имеют генетические связи с более ранними культурами как данного региона, так и севера материковой части Юго-Восточной Азии. Наиболее ранними же неолитическими культурами, определившими этническое и культурное многообразие древнейшего юга Восточной Азии, явились культуры Цинляньган, Цюйцзялин и Мацзяяо–Цицзя, а также культура Сицяошань–Цинтан–Умин[III]. Первые три культуры, находившиеся на северных границах юга Восточной Азии и в основном к северу от Янцзы, могли быть в контакте с различными вариантами культур Яншао и Луншань.

[I] 5370 ± 320 г. до н.э. и 3720 ± 140 г. до н.э. соответственно.

[II] Провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и юго-восток провинции Гуанси.

[III] Провинция Цзянсу и северная часть провинции Чжэцзян.

Средненеолитические культуры Сычуань-юньнаньской и Приморской зон генетически связаны с последующими позднеолитическими культурами тех же территорий. При этом допускается, что Чжэцзян-фуцзяньская зона опять может являться исключением. Обе эти культуры имеют различные направления своего распространения: первая – с севера на юг и юго-восток, вторая – с юга на север, северо-восток и северо-запад. Причём как одна, так и другая в своих позднеолитических вариантах вклиниваются в область Дунтин-Поянху[I] лишь в приграничных районах и Центрально-южную область[II], при этом фрагментарность материала по последней не позволяет делать какие-либо определённые выводы. Анализ данных археологии Дунтин–Поянху с учётом контактов как с Даси[III], так и с культурой штампованной керамики даёт право считать эту область очагом сложения своеобразной неолитической и энеолитической культуры, имевшей генетические связи с культурой Цюйцзялин[IV] и контактные с культурой Хущу[V],

Таким образом, культурное, а следовательно, и этническое развитие во всех отмеченных областях, исключая по указанным причинам Центрально-южную, было непрерывным от неолита до начала 1-го тысячелетия до н.э. Соответственно этнонимы древних китайских письменных источников могут означать как создателей, так и преемников неолитических и энеолитических культур на данных территориях юга Восточной Азии [392, с.69, 94 – 96, 134, 135].

Весь вышеприведённый материал позволяет принять точку зрения В.Сольхейма о том, что конец 5-го – начало 4-го тысячелетий до н.э., вероятно, был временем интенсивного культурного обмена во всей Юго-Восточной Азии, а также о

[I] Северные Хунань и Цзянси.

[II] Западная и юго-западная Хунань, северо-западное Гуанси и вся провинция Гуйчжоу.

[III] Провинция Сычуань

[IV] Провинция Хэбэй.

[V] Рядом с г.Нанкин.

том, что ранняя керамика с нарезным и штампованным орнаментами в Таиланде и с расписным орнаментом в Банкао указывает на возможные контакты с культурой расписной керамики Яншао на Хуанхэ. У.Сольхейм предполагает, что культурные связи в ту эпоху охватили Северный Китай (Яншао), Юго-Восточную Азию, Индию, Тибет, Меланезию и, возможно, достигли Ближнего Востока. Он также полагает, что указанные связи, скорее всего, обязаны своим возникновением контактам между приморскими культурами [1135, с.133 – 135]. К сказанному можно добавить, что уже тогда, в эпоху неолита, наметилось выделение своеобразного «опрокинутого» треугольника родственных культур по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Северный Вьетнам – Гуанси – Юньнань – Сычуань с основанием на севере по реке Янцзы. При этом данный культурный конгломерат был тесно связан через Сычуань-юньнаньскую область с северо-западным, а через Гуандун и юго-восточное Гуанси – с Северо-восточным Индокитаем. Из этого комплекса взаимосвязей «выпадает» лишь, да и то относительно, зона родственных культур Центрально-южной области юга Восточной Азии[11].

Если открытия в Пещере Духов послужили основой для переосмысления процессов эпохи мезолита и неолита в Юго-Восточной Азии, то открытие ранней бронзы в уже упоминавшейся стоянке Нонноктха и в почти одновременной ей стоянке Ханггон в Южном Вьетнаме в шестидесяти километрах от Хошимина, считавшейся прежде чисто неолитической, привело к новому пониманию процессов эпохи бронзы. По радиокарбонной датировке в Нонноктха появление меди относится ко второй половине 5-го тысячелетия до н.э., а слои с бронзой датируются 3-им тысячелетием до н.э., при этом развитая бронза – не позднее 2300 г. до н.э., тогда как бронза из Ханггона появляется около 2000 г. Интересно, что бронза из Нонноктха обнаруживает аналогии с бронзой цивилизаций 3-го тысячелетия до н.э. в долине реки Инд и имеет генетические связи с бронзовыми находками в поздненеолитической стоянке Млу Прей в Северной Кампучии,

а бронза Ханггона занимает промежуточное положение между поздненеолитической стоянкой Самронг Сен в Кампучии и Донгшоном [626, с.18, 26, 27].

Эти находки древней бронзы логически дополняются открытием более поздних памятников в Сычуань-юньнаньской области. Так, на северо-западе Юньнани был открыт памятник Дабан, бронза которого отличается большим содержанием меди. Среди изделий помимо украшений были обнаружены «мотыги, тесло, наконечники копий, мечи, клевцы, секиры, сосуды», а также бронзовый барабан и изображения свайных жилищ, быков, буйволов, лошадей, баранов, свиней, собак и кур [626, с.27]. Этот памятник датируется не ранее эпохи «Вёсны [и] Осени» (VIII – V вв. до н.э.) и не позднее эпохи «Сражающиеся царства» (V – III вв. до н.э.). Этот памятник генетически связан со знаменитым Шичжайшаньским могильником в Юньнани IV в. до н.э. – I в. н.э., в котором было обнаружено незначительное количество железных вещей. Интересно отметить, что шичжайшаньские бронзовые барабаны имеют явные аналогии с донгшонскими барабанами, но по классификации Ф.Хегера относятся к более позднему типу. Если к этому добавить, что ареал распространения донгшонской культуры охватывает южную зону юга Восточной Азии и почти всю материковую Юго-Восточную Азию, а также достигает Индонезии, то можно сделать вывод об устойчивом характере тенденций развития материальной культуры в данном регионе на всём протяжении времени от эпохи мезолита до эпохи бронзы включительно [392; 626; 1135; 1136].

Наложение на указанные взаимосвязи и взаимовлияния материальных культур данных антропологии и этнографии позволяет получить наиболее полную картину всего комплекса основных процессов появления доклассовых хозяйственно-культурных обществ в описываемом регионе. Так, антропологические исследования приводят к выводу о том, что островная и частично материковая Юго-Восточная Азия входила в эпоху позднего палеолита в зону расселения людей

современного типа[I]. Одновременно с этим сравнительно-антропологические исследования показали, что стадиально одной из наиболее древних сапиентных форм являлись протоавстралоиды, расовые признаки которых[II] сложились в экваториальном поясе Южной Азии и Африки. При переходе же от южных расовых типов к более северным отмечается ослабление австралоидных черт. Также следует отметить, что наука допускает возможность сложения сапиентных форм в ряде районов Юго-Восточной Азии. В качестве одного из таких районов называются предгорья Гималаев, откуда неоантропы стали расселяться в прибрежные области и на острова не позднее сорока тысяч лет тому назад. Такая гипотеза представляет интерес в связи с теорией восточногималайского очага доместикации растений с последующим их распространением в низменностях Юго-Восточной Азии, а оттуда на север.

Надо полагать, что уже в то время регион прото-Юго-Восточной Азии представлял собой единое целое и соответственно требует комплексного подхода при изучении. Так, если на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама были обнаружены следы деятельности человека от древнего палеолита до эпохи железа, то с костными останками дело обстоит иначе. На этой территории не найдено останков, относящихся к позднему палеолиту, однако в 1958 г. в пещере Люцзян провинции Гуанси был найден мужской череп конца позднего плейстоцена[III]. И наоборот, во Вьетнаме были найдены костные останки людей современного вида эпохи мезолита, тогда как в Южном Китае таковых пока обнаружено не было. В то же время в Тампонге[IV] в 1936 г. был обнаружен женский череп эпохи мезолита, имеющий сходные черты с люцзянским [430, с.57]. Относящиеся же к эпохе неолита костные останки людей уже

[I] Сорок – тридцать тысяч лет тому назад.
[II] Негро-австралоидные.
[III] Так называемый, люцзянский человек.
[IV] Северный Лаос.

встречаются достаточно широко. Обобщающие исследования таких учёных, как В.Р.Кабо, М.Г.Левин и Н.Н.Чебоксаров позволяют выдвинуть целый ряд гипотез о ранних этапах расселении человека в Юго-Восточной и Восточной Азии. В свою очередь В.Е.Ларичев вполне обоснованно полагает, что древнейшие гоминиды проникли в бассейн Хуанхэ из современных территорий Таиланда, Вьетнама, Бирмы и Индонезии [443, с.4, 5]. Представляется, что к списку этих территорий следует добавить примыкающие к ним районы юга Восточной Азии.

Анализ всех упомянутых палеоантропологических материалов приводит к выводу о том, что гоминиды позднего палеолита («люцзянский человек») уже имели переходные расовые признаки, а на территориях Гуанси, Гуандуна, Северного Вьетнама и Северного Лаоса проживали южные монголоиды на одном из ранних этапов становления этого расового типа, занимавшего промежуточное положение между австралоидами и монголоидами. В эпоху мезолита указанная тенденция прослеживается ещё более чётко. «Тампонгский человек» определяется уже как представитель азиатской группы тихоокеанских монголоидов на той стадии развития, когда специфические особенности этой ветви ещё не оформились [444].

Итак, можно говорить о том, что сорок – десять тысяч лет тому назад в регионе прото-Юго-Восточной Азии происходили активные процессы формирования различных южных расовых типов, первоначальным центром которых была, по всей вероятности, восточногималайская область. В конце эпохи мезолита уже с достаточной степенью очевидности можно выделить протоавстралоидов, занимавших большую часть материковой и островную Юго-Восточную Азию, и отделившихся от них протиндонезийцев или будущих южных монголоидов большой тихоокеанской расы, расселявшихся в северной части Юго-Восточной Азии и на юге Восточной Азии, которые несколько позднее дали начало обособленной группе в Приморской зоне [290; 293; 392; 430;

444; 493; 494; 495]. При этом существовали как переходные расовые типы («люцзянский человек»), так и типы, образовавшиеся в результате ранних смешений различных расовых типов («тамюнгский человек»).

Выше уже упоминалась теория, согласно которой основным очагом доместикации растений, включая рис, являлась восточногималайская область. Главный импульс движения доместицированных растений был направлен с северо-запада на юго-восток в материковый Индокитай, а затем, вероятно, через Сычуань-юньнаньскую зону произошло их распространение на север, в том числе – в бассейн реки Хуанхэ. Этот процесс начался не позднее 6-го – 5-го тысячелетий до н.э. К концу 3-го – 2-му тысячелетию до н.э. уже чётко выделились родственные культуры по «граням» «опрокинутого» треугольника территорий с основанием по реке Янцзы. При этом культуры его восточной «грани»[I] играли роль связующего звена с островной Юго-Восточной Азией, а по гипотезе Я.В.Чеснова, они являлись одним из звеньев приморских связей от островной Юго-Восточной Азии вплоть до собирателей-рыболовов Японии, Кореи и даже российского Приморья. В свою очередь культуры западной «грани»[II] этого треугольника играли через Лаос и Таиланд роль связующего звена с западной частью материковой Юго-Восточной Азии, а через Бирму – с Северо-Западной Индией. Западная «грань» треугольника также являлась зоной активных связей от материковой и частично островной Юго-Восточной Азии вплоть до Центральной Азии включительно. Эти связи прослеживаются на бронзовых барабанах, обнаруженных даже в Монголии, на жилищах, культах и некоторых особенностях одежды, а также в изобразительном искусстве и на ряде других их аспектов [626, с.84 – 104, 117 – 159].

Таким образом, в указанное время отмечаются широкие связи в двустороннем направлении как по восточной, так и по западной «граням» выделенного треугольника родственных

[I] Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Северный Вьетнам.

[II] Сычуань – Юньнань – Гуанси – Северный Вьетнам.

культур, достигающие на севере Центральной Азии и российского Приморья, а на юге – Индии и островной Юго-Восточной Азии. Внутри же этого треугольника отмечаются активные связи по реке Янцзы, а также Приморской зоны через Гуандун и Гуанси с Юньнанью и Сычуанью, как напрямую, так и через Северный Вьетнам и Северный Лаос с южной частью материковой Юго-Восточной Азии.

Интересно отметить, что связи культур бассейна реки Хуанхэ с южным треугольником родственных культур осуществлялись по его «граням», при этом наиболее вероятно, что на ранних этапах шли по его западной «грани» через Сычуань-юньнаньский район и вплоть до середины 1-го тысячелетия до н.э. имели доминирующее направление с юга на север. В свете этих данных вполне правомерна и обоснована точка зрения о трёх очагах земледельческих цивилизаций в этом регионе взаимовлияний родственных культур: 1. В центре Восточной Азии[1]; 2. Индокитайский очаг; 3. Кольцо протоиндонезийских культур вокруг Южно-Китайского моря.

Первый в этом списке очаг просоводческого земледелия в 3-ем – 2-ом тысячелетиях до н.э. был более отсталым по сравнению с южными рисоводческими. Именно с юга, как это показывает анализ форм основного орудия производства – кельта, в долину реки Хуанхэ пришёл металл, который, надо полагать, попал туда из Индокитая через посредство насельников Сычуани. Получив металл, носители луншаньской культуры и их преемники сделали стремительный рывок вперёд, который объясняется тем, что, как известно, развитые земледельческие цивилизации металла сложились там, где его применение было наиболее эффективным, то есть в долинах крупных рек с идеальными или почти идеальными условиями для земледелия. Именно этим условиям отвечала долина реки Хуанхэ, тогда как культура риса в долинах больших рек Юго-Восточной Азии требовала сложных ирригационных сооружений, которые

[1] Культуры Яншао и Луншань.

появились значительно позже. В указанное же время существовали лишь достаточно примитивные ирригационные системы на малых реках, что привело даже в условиях использования металла к медленным темпам социального развития. Поэтому появление металла у земледельцев среднего течения реки Хуанхэ привело к тому, что этот очаг земледельческой цивилизации достаточно быстро превзошёл по своему социально-экономическому развитию центры индокитайского очага[1] и ещё быстрее – земледельческие центры долин Янцзы и Сицзяна [360, с.265, 266].

Что же касается третьего очага, или очага кольца протоиндонезийских земледельческих культур, то его границы в целом совпадают с границами неоднократно упоминавшейся выше Приморской зоны. Как известно, на материковой части этой зоны отмечается широкое распространение рисоводческого земледелия, в котором использовались каменные мотыги и топоры особых форм. Также отмечается незначительное использование костяных орудий производства. Широко было распространено рыболовство и собирательство, а свайные жилища его насельников прослеживаются вплоть до южной Японии. Кроме того, эта зона характеризуется наличием керамики с прорезным, реже – штампованным орнаментом [360, с.273, 274].

Наконец, следует указать на то, что внутри как индокитайского, так и протоиндонезийского очагов также шло расслоение[12]. Так, к началу 1-го тысячелетия до н.э. отмечается дополнительное обособление культур в Приморской зоне, что несколько позднее привело к выделению Чжэцзян-фуцзяньской и Гуандун-вьетнамской зон. К этому же времени относится и окончательное обособление Сычуань-юньнаньской зоны. Иными словами, можно говорить о том, что к первой половине 1-го тысячелетия до н.э. в рамках большого «опрокинутого» треугольника родственных культур к югу от Янцзы произошла определённая консолидация

[1] Прежде всего имеется в виду земледельческий центр в Нонноктха, а также ряд других земледельческих центров Индокитая.

отдельных групп населявших его территорию этнических общностей. При этом если на его западной стороне эта консолидация была связана с этногенезом *тибето-бирманцев*, то на его восточной стороне шёл процесс выделения юэского этноса из ранней протоиндонезийской общности [623, с.152 – 201].

Всё это происходило в тесной взаимосвязи с разнообразными этногенетическими и культурными процессами на территории всей материковой Юго-Восточной и юга Восточной Азии. Влияние же хуаского элемента на указанные процессы было минимальным вплоть до III в. до н.э. Насильственное же разъединение культурных общностей Юго-Восточной и юга Восточной Азии произошло в эпоху общекитайских империй Цинь и Хань на протяжении III в. до н.э. – I в. н.э.. Наконец, экспансия буддизма в Юго-Восточную Азию, начавшаяся в начале нашей эры, привела к дополнительному обособлению вьетнамских территорий. С того времени этногенетические и этнокультурные процессы на территории Юго-Восточной и юга Восточной Азии в значительной степени корректировались политическими факторами, из которых определяющим являлось культурно-идеологическое противостояние буддизма и конфуцианства, нашедшее своё выражение в различной степени взаимоналожения буддийского и конфуцианского культурных ареалов в этом регионе.

В результате произошло выделение зоны абсолютного буддийско-индуистского влияния (Мьянма[1], Лаос, Таиланд, Кампучия, Южный и часть Центрального Вьетнама), зоны буддийско-конфуцианского влияния с преобладанием первого (Северный и северная часть Центрального Вьетнама) и зоны буддийско-конфуцианского влияния с преобладанием второго (Южный Китай). Степень силы зональных влияний в каждом из указанных ареалов непрерывно менялась с начала нашей эры и вплоть до XVII в. Последствия же этих процессов, видимо, ещё долго будут сказываться на развитии стран

[1] Бирма.

Индокитайского полуострова и южно-китайских территорий бассейна Янцзы и южнее.

Практически с того времени они составляют оппозицию собственно хуаским территориям севера, в результате чего китайские империи ещё с эпохи Хань утратили свою моноцентричность, которая не была восстановлена в современном Китае вплоть до сегодняшнего дня[13].

3.2. *Этнокультурные системы в истории классовых обществ эпохи бронзы и железа*

Как уже отмечалось, во второй половине 1-го тысячелетия до н.э., когда в материковой Юго-Восточной Азии сосуществовали бронза и железо, в ней выделяется несколько очагов классообразования.

Речь идёт о таких раннегосударственных объединениях, как царства Ба и Шу в Сычуани и Юньнани, находившееся к северо-востоку от них в Дунтин–поянхуском районе царство Чу и царство Ванланг со сменившим его царством Аулак в Северном Вьетнаме. История двух последних царств подробно рассматривается в главах «Части I» раздела политической истории, посвящённого возникновению и становлению ранней вьетской государственности, поэтому в настоящем параграфе им уделяется внимание только в связи с поставленной проблемой[1].

С историей перечисленных государств так или иначе связана судьба всех крупных народов Индокитая. Ба и Шу оказали большое влияние на социальное и культурное развитие многих *тибето-бирманских* народов, в том числе такого крупного, как бирманцы. С Чу связана история *тайских* и *мяо-яоских* народов, а с Ванлангом и Аулаком – *индонезийцев* и *вьетов*.

В целом ранняя история крупных народов Индокитая относительно неплохо изучена. Речь идёт не только о вьетах Ванланга и Аулака, но и о насельниках Фунани и Тямпы, а

[1] Смотри «Главу 1» и «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

также о *кхмерах* Ченлы[1]. Здесь же следует упомянуть *монское* государство Дваравати, появившееся в прибрежном Таиланде в VI – VII вв., Паган в Мьянме (IX – XIII вв.) и Ангкор в Кампучии (IX – XV вв.).

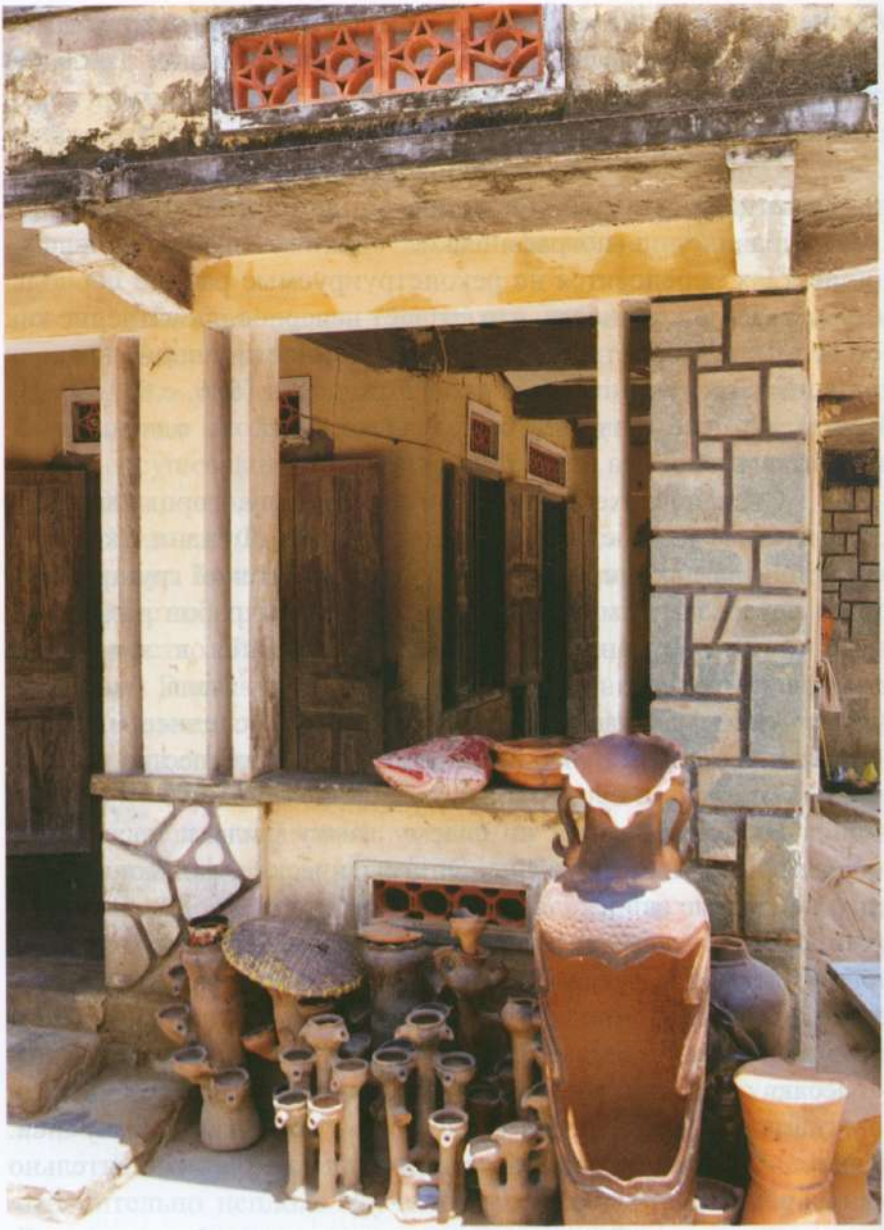
Однако всё это касается крупных народов. Что же касается национальных меньшинств, прежде всего – горцев, то, как правило, этнографические данные об «отсталых» обществах переносятся на реконструируемые ранние периоды более развитых обществ, что создаёт неверное впечатление как об отсутствии собственной государственности у национальных меньшинств, так и об их вечной отсталости [626, с.58, 59]. На самом же деле ситуация была далеко не столь однозначной, как это выглядит на первый взгляд.

Судя по археологическому материалу, горцы Южного Вьетнама имели связи с насельниками Фунани, которые говорили на докхмерском языке аустроазиатской группы. При этом интересно отметить, что антропонимы рабов различных категорий в фунаньском обществе относятся к кхмерской языковой группе, тогда как его элита была, по всей вероятности, индонезийскоязычной. Последнее может свидетельствовать о неоднородности этого общества уже на ранних этапах его существования.

Индонезийскими по своему языку были и насельники соседней с Фунанью Тямпы. Эпиграфические, фольклорные и другие данные свидетельствуют о том, что в V в. Южный Лаос был заселён *тямами* и назывался «Бассак (Пассак)» или «Тямбассак (Тямпассак)». При этом интересно отметить, что жители лаосских провинций Каммон и Чаннинь ещё в конце XIX в. называли себя «тямами», а, как установлено, этноним «бассак» существовал ещё в историческую эпоху в южновьетнамской провинции Тяудок на границе с Кампучией. Таким образом, ареал расселения *тямов* был значительно шире, чем это принято считать.

---

[1] О Тямпе, Фунани и Ченле в I – IX вв. смотри «Часть I» «Заключения» настоящего тома.

Тямский дом с готовой керамикой у входа.
Деревня Гомбаучук района 7 административного подразделения Фыокзан уезда Ниньфыок провинции Ниньтхуан близь Фанранга. 06.04.2011 г.

Тот же дом. Женщина народа *тям*, работающая на гончарном круге.
06.04.2011 г.

Та же деревня. Женщина народа *тям* с ребёнком.
06.04.2011 г.

Как известно, в Индонезии и на Филиппинах название «батак»[1] принято относить ко всем горным народам, которые представляют собой одну из первых волн индонезийской миграции из материковой части Юго-Восточной Азии на острова. Поэтому существование этнонима «батак – бассак» в районах среднего и нижнего течения Меконга в историческую эпоху свидетельствует в пользу той точки зрения, согласно которой тямы и родственные им народы Вьетнама являются арьергардом миграции *индонезийских* (*аустронезийских*) народов из Юго-Восточной Азии в островной мир, одним из путей которой и был Меконг [626, с.59, 60].

Вероятно, тямы были вытеснены кхмерами из Южного Лаоса в VI в. в результате победы Ченлы над Фунанью, и с этого же времени горные народы этого региона начинают постепенно испытывать *кхмерское* языковое и культурное влияние, особенно усилившееся в ангкорскую эпоху. То же можно сказать и о горных народах Центрального Вьетнама, на которых всё сильнее сказывалось *тямское* давление, повлекшее за собой ассимиляцию части мелких *индонезийских* и *мон-кхмерских* народов и вытеснение в горы их основной части. Как полагает большинство исследователей, крупные этнические передвижения *горных кхмеров* и *горных индонезийцев* закончилось лишь в X в. Но и в дальнейшем давление на горные народы не прекращалось. Так, в XII в. тямы захватили плато Дарлак. В то время чуть южнее находилось княжество народа *ма*, который, по всей вероятности, относился к *горным кхмерам*, переселившимся во времена Фунани с берегов Меконга в область горных плато. Тямы также не смогли проникнуть в гористый район Южного Дарлака, населённый главным образом *мон-кхмерами*. Однако тямам удалось покорить *джараев*, *эде* и другие индонезийские народы Индокитая. Дальнейшее развитие всех этих горных народов связано с вьетнамской экспансией на юг, которая способствовала их объединению со своими бывшими противниками в борьбе против единого врага. Объединению

[1] Возможные варианты чтения этого этнонима: «баттак», «бассак (пассак)».

горцев с *тямами* способствовали и тесные экономические связи, прежде всего – торговые. Со всей горной страны к побережью сходились древние торговые пути, по которым горцы доставляли в тямские города шкуры, воск, слоновую кость, корицу и другие товары в обмен на соль, ткани и металлические изделия. Это был период наибольшего проникновения тямских элементов в язык и культуру не только *горных индонезийцев*, но и *горных кхмеров*, прежде всего – *кохо* и *ма*[14]. Как известно, к XVII в. *вьетнамцы* полностью захватили территории современного Центрального и Южного Вьетнама. Видимо, к концу того же века относится падение княжества народа *ма*, путь в страну которого оказался полностью перекрыт *вьетнамцами*. У последних в целом сложились неплохие отношения с *горными индонезийцами* и *кхмерами*, которых они называли общим термином *мои*. Однако организация военно-поселенческих колоний и введение вьетнамской фискальной системы нередко вызывали и крупные восстания. Поэтому в 1819 г. для защиты от *мои* в провинции Куангнгай была возведена оборонительная стена со рвом, которая насчитывала в 1832 г. сто сорок восемь оборонительных постов. Особенно сильным было восстание племён *кохо* и *тьору*[I] на юге в 1833 г. Но вплоть до начала колониального периода традиционные торговые пути продолжали оставаться связующим звеном между горными и низменными районами страны[II].

Интересно отметить, что в ранние периоды истории Фунани и Тямпы, когда индийское культурное влияние было особенно сильным в регионе, горцы Восточного Индокитая восприняли десятеричную систему счёта в противоположность кхмерской пятеричной, а также заимствовали обработку полей с помощью плуга. Сложно сказать, существовала ли в то время собственная государственность у южных горцев, но ко второй половине XVI в. относятся сведения о теократических

[I] *Тьору* или *чуру*: этот племя относится к подгруппе индонезийского народа *раглай* в Южном Вьетнаме.

[II] Смотри соответствующие главы «Тома II» и «Тома III».

раннегосударственных образованиях у индонезийских по языку *джараев* и *эде*, высшая власть в которых принадлежала двум «садетам», или королям огня и воды[15]. Им подчинялись племена *кату*, *таой*, часть *банаров*, а также ряд других горнокхмерских племён. «Садеты» формально признавали свою вассальную зависимость сначала от тямских, а затем и от кхмерских королей и получали от них дары в обмен на слоновую кость и рог носорога. Тем не менее это не исключало периодических военных походов против горцев, главной целью которых был захват рабов, прежде всего из числа *горных кхмеров*. Такие отношения между кхмерскими государями и горцами сохранялись вплоть до установления французского протектората над Кампучией в 1864 г.

Аналогичной выглядит ситуация и с горным кхмерами северной группы. В конце XVI в. начинаются столкновения лаосского королевства с *банарами*, *седангами* и другими племенами, основной целью которых был захват рабов, что не исключало эпизодической торговли. При этом в истории горных кхмеров Южного Лаоса XVIII в. характеризуется последней волной тайских переселенцев, представленной народом *путхаи*. Двигаясь по левому берегу Меконга и смешиваясь с местными племенами, такими как *со* и другие, они образовали ряд новых этнических групп *горных кхмеров*, в частности – *суи*. В конце же XVIII – начале XIX в. в районы племён *брао*, *болавен* и других горных кхмерских племён Южного Лаоса интенсивно продвигаются *лао*, торговый и земледельческий авангард которых достиг мест расселения *банаров* и *седангов* или современного Контума в первой половине XIX в. Интересно, что хотя продвижение *лао* в горные области и сопровождалось быстрым распространением во многих районах их языка, сами они легко воспринимали местные обычаи и вступали в брак с *горными кхмерами* [626, с.58 – 63].

Таким образом, решающее влияние на многовековое развитие малых горных народов Индокитая оказали три основных фактора: вытеснение малых народностей с

равнинных местностей в горы; пресечение их попыток создать свои собственные независимые политические объединения; феодальная и торговая эксплуатация со стороны господствующих слоёв соседних крупных народов.

Тот факт, что ранняя государственность нынешних горцев Индокитая зародилась в равнинных районах, становится очевидным при обращении к истории народа *пью*, который является одним из компонентов сложения *бирманцев*. Первое упоминание об их государстве, называемом Шрикшетрой, со столицей Тарекитара на месте современного Хамауза относится к VII в. Согласно китайским источникам, в которых *пью* называются *пяо*, этот народ мигрировал в Бирму с севера в III в. Однако целый ряд факторов позволяет датировать эту миграцию с передвижением *тибето-бирманских народов*, вызванным разгромом царств Ба и Шу империей Цинь в 316 г. до н.э. При этом если уже в эпоху Шичжайцаня социально-экономические отношения в их обществе имели рабовладельческий характер, то к V – VI вв. они основывались на феодальных отношениях. Об этом свидетельствуют связи *монских* вождей с городами-государствами, основанными на юге Бирмы *индийцами* в первые века нашей эры. Причём, судя по археологическим раскопкам, главной экономической основой таких государств, как Татхоун и Пегу[1] у *монов* и Шрикшетра у *пью*, было орошаемое рисоводство, которое, как известно, допускало лишь общинную организацию труда. В VIII в. Шрикшетра попала в зависимость от Наньчжао, которое разгромило последнюю столицу *пью* в 832 г. В результате, они были ассимилированы и смешались с населением Наньчжао[16], а также *цянами* или *мранма*[17]. С последними в Бирму проникло много элементов, связанных со скотоводческим миром Центральной Азии. *Мранма* также вытеснили из Чаусхе господствовавших там *монов*, восприняв при этом их одежду, архитектуру, письменность и буддизм южного толка, а в

[1] Индийские названия Судхамавати и Хансавати: государства на территории Бирмы.

слиянии с *пью* они дали начало *бирманцам*, которые стали доминировать в Мьянме с середины XI в. [626, с.64, 65].

Предки нынешнего горного *мон-кхмерского* народа *лава* в Таиланде также предпринимали в древности попытки создать своё государство. Судя по эпиграфике (в основном на пали), в первые века нашей эры *лава* населяли долины всего Северного Таиланда. Согласно неподтверждённым данным, один из их королей захватил около 880 г. Харипунджайю[1] и правил там три года, но при этом точно известно, что, изгнав из Харипунджайи в 1281 г. последнего монского короля, *таи* назначили правителем этой области лаваского вождя.

Ещё со времён господства *монов* племена *лава* стали уходить в горы, однако культурная роль их субстрата в районе Чиенгмая весьма существенна. Однако лаваского населения в этом районе не осталось, небольшие группы которого сохранились лишь в горах.

Таким образом, начальный этап ранней государственности *лава* очень близок, если не одновременен, началу государственности древних и современных крупных народов этой области. Их государственность зарождалась в долинах, и лишь её разгром вызвал уход населения в горы. *Лава*, подобно *монам*, *тямам* и другим народам Индокитая, заимствовали у *индийцев* фаллический культ Индры, что, не исключено, свидетельствует в пользу возникновения древней государственности там, где процесс её формирования в дальнейшем был прерван. Следы же индраических культов в горных глубинных районах позволяют предположить, что индуизм распространялся не только из прибрежной зоны индийской колонизации, но и материковым путём из северо-восточной Индии [626, с.65 – 67].

У горцев Индокитая очень распространены предания о бытовавших у них некогда государствах. Так, у многих народов Северной Бирмы существует предание о королевстве Понг, у *тайских* народов – о королевстве Пунг на территории Лаоса, а у *мон-кхмерских* народов Лаоса – о том, что у предков

[1] Монское государство в Северном Таиланде VII – XIII вв.

кха[1] было королевство на реке Намъу с правителем, носившим титул «тьыонг» или «чжао». Интересно отметить, что этот *тайский* и *мон-кхмерский* титул у *тибето-бирманцев* является *кхмерской* формой названия родового объединения «чжао», которое сохранилось в названии государства Наньчжао.

Также известно, что *таи* называли государство, находившееся к юго-востоку от Луангпрабанга в XVI в. Намтьыонг[18], при этом существует точка зрения, согласно которой это государство возникло в результате захвата *мон-кхмерами* (*кхму*) тайских земель. Однако *кхму* были вытеснены в горы племенами *лао* задолго до того и вряд ли могли вернуть утраченные земли после сложения в XIV в. феодального государства последних, речь, скорее всего, идёт о более раннем времени. Об этом же свидетельствует и упоминание в легенде *кхму* бронзовых барабанов с орнаментом, который характерен для бронзовых барабанов Донгшона.

Такое «совпадение» позволяет выдвинуть гипотезу о связи легендарных королевств горцев с эпохой донгшонской культуры. Надо полагать, что эти королевства имели определённый *тибето-бирманский*, *мон-кхмерский* и *индонезийский* субстрат, оставленный теми миграционными волнами, которые были вызваны стремлением оторваться от рабовладельческих государств в первые века нашей эры.

К этим данным примыкают предания *тьору*, согласно которым их правители были вассалами *тямских* королей и собирали для них дань, а также уже упоминавшиеся сведения о «садетах», или королях, индонезийскоязычных *джараев* и «княжествах» *ма*.

В IX – XI вв. со становлением феодальных государств равнинных народов Индокитая исчезают последние остатки самостоятельной государственности горцев. Они часто становятся особым придатком развитого феодального общества крупных народов. Так происходит с *чинами* в Мьянме, *лава* в Таиланде и *кхму* в Лаосе.

---

[1] Кха: общее название мон-кхмеров Лаоса.

Лишь в Южном Вьетнаме вплоть до XIX в. сохраняется живой остаток древней государственности в виде страны «короля огня» и «короля воды» у *джараев*, которые имели особые сакральные связи с Кампучией. Формально этих «королей», или «садетов», можно было бы считать её вассалами, но, скорее, было наоборот, о чём свидетельствует сохранившийся у кампучийцев миф о том, что во время своего пребывания в Южном Лаосе они находились в зависимости от индонезийского феодального государства Северного Лаоса.

* * *

Таким образом, в настоящем очерке было показано единство географической среды и становления основных этносов, типичное как для Вьетнама, так и для остальных государств материкового Индокитая.

В нём были затронуты вскользь или вообще не были затронуты такие специфические проблемы исторической этнографии, как местные традиции и внешние связи по данным материальной культуры [626, с.117 – 159] и ареальные проблемы духовной культуры [626, с.160 – 261].

Указанные проблемы затрагиваются по мере необходимости как в следующей статье, посвящённой вопросам археологии, так и при описании истории, социально-экономических отношений и культуры Вьетнама в каждом из томов «Полной академической истории Вьетнама».

Кроме того, в данном очерке почти не затрагивалась проблема взаимосвязей и взаимовлияний культур насельников Индокитая с южно-китайскими этносами, прежде всего – Сычуань-юньнаньской и Чжэцзян-фуцзяньской зон Южного Китая, так как эта она требует более тщательного изучения. Последнее связано с тем, что вопрос о том, что происходило на территориях от реки Янцзы до Северного Вьетнама в 1-ом тысячелетии до н.э., является одним из ключевых вопросов для понимания процессов, связанных с начальным этапом вьетнамской истории.

Поскольку указанная проблема имеет непосредственное отношение к возникновению и формированию *вьетского*, или *вьетнамского*, этноса, то она рассматривается в полном объёме первых трёх в главах «Части I» настоящего тома, которые посвящены возникновению, становлению и развитию ранней вьетской государственности.

Археология Вьетнама[1]

Настоящая статья в определённом смысле «выпадает» из структуры «Полной академической истории Вьетнама». Связано это с тем, что описываемый в ней археологический материал не связан напрямую с историческими событиями и, кроме того, имеет достаточно специфическую форму изложения. Тем не менее представляется, что без такой статьи вряд ли можно будет в полной мере понять всю сложность взаимосвязей и взаимовлияний культур материковой Юго-Восточной и юга Восточной Азии, которые существовали ещё с доисторических времён и которые легли в основу формирования ранней государственности на их территориях.

Также следует подчеркнуть, что поскольку в этой статье основное внимание уделяется специфике археологического материала, то в ней уделяется крайне мало внимания проблеме непосредственной связи этого материала с политической, социально-экономической и культурной историей раннего вьетского государства. Поэтому если связь памятников материальной культуры с теми или иными этносами прослеживается выше в «Кратком очерке географии и этнографии Вьетнама», то их связь с ранними государственными образованиями рассматривается по мере необходимости в последующих разделах «Полной академической истории Вьетнама».

Наконец, последнее. В данной статье даётся относительно мало ссылок на многочисленные работы археологов, большая часть которых не приводится и в «Сводной библиографии». Это связано с тем, что, с одной стороны, статья носит обобщающе-информационный характер, а с другой – тем, что включение всех работ, на которые опирался её автор, в библиографию, увеличило бы и последнюю, и так состоящую более чем из полутора тысяч наименований, как минимум в полтора – два раза. А учитывая,

---

[1] Смотри также иллюстрации в главах 1 – 3 «Части I», «Главе 1» «Части II», «Главе 1» «Части III» и главах 1 – 2 «Части IV» настоящего тома.

что статья «Археология Вьетнама» занимает менее 0,5% от общего объёма «Полной академической истории Вьетнама», такой «перекос» библиографии в сторону археологии представляется нецелесообразным.

1. *История археологических исследований во Вьетнаме*

С археологической точки зрения территория Вьетнама является наиболее изученной в Юго-Восточной Азии. Особенно хорошо исследована его северая часть в районе реки Красной. Исследования же Южного Вьетнама, который находился долгое время в нестабильной политической обстановке при американской оккупации, пока сильно отстают от исследований Северного Вьетнама. Сравнительно хорошо изучена и территория современного Таиланда, где с шестидесятых годов прошлого века активизировалась полевая работа тайских и иностранных археологов. Находящиеся меду ними Лаос и Камбожда исследованы крайне слабо, и археологическая работа здесь начинает развиваться только в последнее десятилетие, при этом особенно плохо известен догосударственный период их истории.

Археологическое изучение Вьетнама следует разделить на три основных периода: доколониальный, или антикварный (до конца XIX века), колониальный (последняя треть XIX в. – 1945 г.) и период независимости (после 1945 г.), которые в свою очередь можно подразделить на более мелкие этапы.

Случайные находки предметов материальной культуры предшествующих эпох во Вьетнаме известны издавна. Ещё в недавние времена вьетнамцы бережно хранили каменные топоры, которые зачастую служили амулетами и применялись в традиционной медицине, как это отмечали М.Колани и другие учёные. С этим же столкнулся в 1960 г. в провинции Тханьхоа П.И.Борисковский. В то же время П.-Б.Лафон наблюдал в Плейку обратное явление, когда представители местных малых народов стремились избавиться от случайно найденных топоров, закапывая или выбрасывая их в реку, так как они считались сделанными богом Грома и как таковые

могли принести беду. Наконец, известно, что вьетнамский учёный Ле Кюи Дон в XVIII в. собирал и исследовал надписи на каменных стелах и бронзовых колоколах.

Гораздо раньше, чем в большинстве стран мира, в эру Великой добродетели (1470 – 1497 г.) во Вьетнаме появляется первый закон об охране памятников материальной культуры, запрещающий разрушение и воровство бронзовых колоколов и буддистских статуй, состоявший из четырёхсот двадцати двух статей [1254, с.6]. Несомненно, если бы Вьетнам продолжил независимое историческое развитие, то там постепенно бы появилась археологическая наука в европейском понимании этого термина.

В период французской колонизации во Вьетнам устремляются военные и гражданские чиновники колониальной администрации, миссионеры, коммерсанты, путешественники и искатели приключений. Именно они начинают не только географическое обследование страны, включая ее отдалённые районы, но и собирание древностей, часть из которых попадает в Европу, в том числе и в поле зрения европейских археологов.

Большой интерес к Индокитаю в Европе, безусловно, вызвала экспедиция А.Муо в Ангкор в 1859 – 1860 гг., открывшая европейцам величественные храмы в джунглях Кампучии. Поэтому благодаря интересу к «предыстории» лейтенанта Ж.Мура, который в 1868 г. был назначен представителем французского протектората при дворе короля Камбоджи, первые археологические исследования в этом регионе начинаются именно там. Ж.Мура впервые обследовал памятник неолита – бронзового века в Самронг Сене в центральной Камбодже (ныне провинция Кампонг Чанг), откуда происходили древние каменные и бронзовые орудия и керамика, находившиеся в избытке местными жителями. В 1876 г. Ж.Мура перевез свои находки во Францию и передал их в Музей натуральной истории г.Тулузы. В дальнейшем материалы Мура исследовал Ж.-Б.Нуле, бывший в то время директором этого музея. Именно он издаёт первое научное

исследование по предыстории Индокитая. В тот же период исследованием неолитических находок из Кампучии занимался также М.Корр из Парижского антропологического общества [739, с.534 – 536], чуть позже Л.Жамм, материалы которого, однако, вызывают большие сомнения в подлинности [791, с.473 – 479; 1078, с.20 – 22]. Тем не менее научные – в полном смысле этого слова – исследования в Кампучии начинаются лишь в первой половине XX в. Работы ведутся на двух памятниках эпохи неолита – бронзового века: в 1923 г. А.Мансюи приступает к раскопкам в Самронг Сене, а в 1938 г. П.Леви копает памятник Млу Прей провинции Преа Вихиар на севере страны.

В 1870 – 1880 гг. французские колониальные чиновники и коммерсанты активно обследуют центральную и северную части Вьетнама, собирая и покупая у местного населения различные древности – каменные и бронзовые орудия, фарфор, керамику и т.д. Значительная их часть была позже вывезена в Европу. Лишь к началу XX в. колониальная власть предпринимает усилия по систематизации работы в области материальной культуры. В 1898 г. создаётся Индокитайская археологическая миссия, которая в 1900 г. преобразуется во Французскую школу Дальнего Востока[1] с центром в Ханое. Её первый директор Л.Фино и большинство членов этой школы были по профессии эпиграфистами, что, по-видимому, и предопределило первоначальный интерес этой «Школы» к эпиграфике, а также к исторической архитектуре, тогда как археологии в ней уделялось второстепенное место. В том же 1898 г. была создана и Индокитайская геологическая служба, производившая геологические изыскания, прежде всего – полезных ископаемых, но иногда обращавшаяся и к археологическим раскопкам. Примером тому являются блестящие работы М.Колани. Однако профессиональных археологов в обоих учреждениях было мало, а раскопки зачастую проводили люди далекие от археологии. Примером этого может служить деятельность Э.Пажо, бывшего

[1] Ecole Française d'Extrême-Orient.

циркового артиста, который занимался раскопками могильника Донгшон в северовьетнамской провинции Тханьхоа в 1925 – 1928 гг., или же уже упоминавшегося Л.Жамма, авантюриста и коммерсанта, продавшего собранные им предметы из Самронг Сена в США. Однако в то время были и настоящие исследователи, внёсшие значительный вклад в развитие археологии в Индокитае. Речь идёт о таких учёных, как А.Парментье, который был пионером в исследовании бронзового века Вьетнама; В.Голубев, который первым осуществил аэрофотосъёмку археологических памятников и исследовал донгшонскую бронзовую культуру; Э.Патт, который занимался исследованиями неолита во Вьетнаме и Лаосе; уже упоминавшиеся выше А.Мансюи и П.Леви, которые изучали доисторические памятники в Кампучии и Вьетнаме; М.Колани с её работами по неолиту и мезолиту во Вьетнаме и Лаосе и ряд других учёных. В колониальный период был открыт ряд важных памятников, ставших впоследствие основными для нескольких археологических культур. В 1906 г. П.Леви открыл памятник Фобиньзя в горах Бакшона провинции Хашонбинь, ставший первым памятником культуры раннего неолита на территории Вьетнама[I], а в 1926 г. М.Колани обнаружила и исследовала группу пещер в провинции Хоабинь, ставших первыми находками эпохи мезолита[II]. В середине двадцатых годов XX в. Э.Патт раскапывает ряд памятников среднего и позднего неолита, таких как Баучо в провинции Куангбинь и Дабут в провинции Тханьхоа, ставших позже центральными для одноименных культур. Ж.Фромаже и Э.Сорен исследовали человеческие остатки в северном Тамханге и Тампалое в Лаосе. В годы войны и после неё ряд важных открытий был сделан Л.Маллере и Э.Сореном, о которых речь пойдёт ниже.

Помимо сотрудников Французской школы Дальнего Востока и Геологической службы в Индокитае работали также шведские археологи О.Янсе и Й.-Г.Андерсон. Если последний,

---

[I] Культура Бакшон.
[II] Культура Хоабинь.

известный в основном своими находками в Северо-Западном Китае, лишь эпизодически проводил разведки и раскопки на побережье залива Халаунг[1], то О.Янсе работал в Кампучии и Вьетнаме на протяжении достаточно долгого времени, ведя разведку памятников первой и копая Донгшон и другие памятники раннего железного века во втором.

Деятельность торговцев антиквариатом привела к формированию в Европе и Америке обширных коллекций археологического материала из Индокитая и Южного Китая, главным образом таких бронзовых предметов, как барабаны, колокола и оружие. Основываясь на этих коллекциях, прежде всего на коллекции венского музея древностей, австрийский учёный Ф.Хегер разработал в конце XIX в. используемую и поныне классификацию донгшонских бронзовых барабанов Индокитая и Южного Китая, которая стала основой для всех последующих классификаций, предлагаемых вьетнамскими и китайскими учеными[1]. В то же время шведские учёные О.Карлбек и Б.Карлгрен выделили на базе бронзовых предметов европейских коллекций, прежде всего Музея дальневосточных древностей в Стокгольме, южный стиль китайских ритуальных бронзовых сосудов, так называемый стиль «хуай-и», связанный с бронзой Индокитая [1087, с.41 – 121][2]. На основе этих исследований Б.Карлгрен обращается непосредственно и к Донгшонской культуре. В 1934 г. австриец Р.Гейне-Гельдерн исходя из классификации бронзовых барабанов выдвинул концепцию «донгшонской цивилизации» как культурной общности, объединявшей народы Южного Китая и Юго-Восточной Азии в период развитой бронзы [822, с.177 – 206].

В колониальный период в 1918 г. был основан музей тямской скульптуры в Дананге, в 1926 г. – Музей Луи Фино, ставший позже Музеем истории Вьетнама, а также ряд провинциальных музеев в Сайгоне, Тханьхоа и Хюе. Хотя в то же время следует отметить, что значительная часть материалов

[1] Принятая транскрипция «Халонг».

была вывезена во Францию и оказалась во французских музеях, таких как, например Музей Гиме.

Археологические исследования, достигшие наибольшей аттивности в тридцатые годы XX в., были практически прерваны с началом Второй мировой войны. В 1941 г. Япония оккупирует Индокитай, остававшийся под номинальным контролем Франции. Во время оккупации археологическая работа почти не проводилась, практически единственным исключением следует считать активную деятельность Л.Маллере в дельте Меконга, открывшего культуру Ок-ео в 1944 г. Правда, известно, что некоторые японские учёные проявляли интерес к археологии Индокитая ещё в довоенный период. Полномасштабное исследование по доисторической археологии и этнографии народов Индокитая опубликовал Мацумото Нобухиро. Японские учёные также занимались и проблемой бронзовых барабанов.

Сразу после освобождения Вьетнама от японской оккупации и своего избрания президентом Хо Ши Мин выпускает 24-го ноября 1945 г. «Декрет №65» об охране памятников и объектов истории и национальной культуры. Однако война с Францией, а затем и с США сделали невозможной археологическую работу в течение долгих лет. Многие памятники культуры были разрушены систематическими бомбардировками американской авиации. Также следует отметить, что непосредственно перед образованием ДРВ в 1955 г. Французская школа Дальнего Востока переезжает из Ханоя в Сайгон, а в 1957 г. – в Париж.

Итогом колониального периода стал тот факт, что не было ни одного археолога-вьетнамца. Национальные кадры отсутствовали полностью, и перед молодой республикой стояла острая проблема их подготовки. В этот сложный для ДРВ период большую роль сыграла помощь СССР и других стран социализма. Лишь в 1959 г. удалось открыть курс археологии на историческом факультете Ханойского университета. В 1960 г. в Ханойский университет был приглашён ленинградский археолог П.И.Борисковский,

который не только проводил обучение вьетнамских археологов, но и был консультантом ряда археологических раскопок, в том числе и на горе До в провинции Тханьхоа, о котором речь пойдет ниже. Он был редактором «Очерка первобытной археологии Вьетнама», выпущенного в 1961 г. молодыми вьетнамскими археологами Ха Ван Таном и Чан Куок Вьонгом, который стал первой обобщающей работой по археологии вьетнамского палеолита. Многие вьетнамские археологи получили образование в СССР, НРБ, ГДР, ПНР и других братских странах.

После 1954 г. начинается обследование территории республики в поисках археологических памятников. Согласно закону, обязательные раскопки проводились при строительстве. Основными учреждениями, проводившими раскопки был отдел археологии Министерства культуры ДРВ (с 1956 г.), исторический факультет Ханойского университета и Институт истории Комитета общественных наук Вьетнама[I]. В 1968 г. из последнего было выделено специальное научно-исследовательское учреждение – Институт археологии Комитета общественных наук Вьетнама, который с 1969 г. стал издавать специальный журнал «Археология», а с 1972 г. – ещё и ежегодник «О новых археологических открытиях». В 1958 г. «Музей Луи Фино» стал «Музеем истории Вьетнама», который также начал производить не только исследования, но и археологические раскопки. Были также организованы местные комитеты культуры провинций и провинциальные музеи, которые в первую очередь способствовали выявлению археологических памятников и их разведке и раскопкам. В результате в период 1954 – 1975 гг. в Северном Вьетнаме было проведено большое количество раскопок. Были обнаружены и исследованы культура Фунгнгуен[II], относимая к позднему неолиту – раннему металлу, с которой следует связывать появление металла на территории Северного Вьетнама,

[I] В настоящее время этот комитет преобразован во Вьетнамскую академию общественных наук (ВАОН).

[II] Одноимённый памятник в провинции Футхо, 1959 г.

позднепалеолитические культуры Нгыом[I] и Шонви[II], а также неолитическая культура Кюиньван[III]. В 1961 г. были открыты и две основные культуры бронзового века в провинции Виньфук: Донгдоу и Гомун. Помимо этого в 1960 – 1961 гг. велись раскопки памятников Донгшон и Тхиеузьюнг в провинции Тханьхоа, а также других памятников связанной с ранней вьетнамской государственностью Донгшонской культуры, которой поэтому придавалось особенно большое значение.

В Южном Вьетнаме до 1975 г. археологические исследования практически не проводились. Исключением следует назвать деятельность Э.Сорена, который в 1968 г. обнаружил палеолитический памятник в Нянзя и в течении ряда лет копал стоянку Ханггон периода неолита – ранней бронзы в провинции Донгнай. В этой же провинции А.Фонтэн проводил раскопки памятника Фухоа. А этнограф П.-Б.Лафон обследовал неолитические памятники на плато Тэйнгуен в провинции Плейку. Систематическое же обследование территории Южного Вьетнама началось лишь после полного освобождения страны.

В 1975 – 2000 гг. археологическая работа во Вьетнаме характеризуется усиленным изучением юга. Была исследована культура Сахюинь и найден ряд памятников культуры Ок-ео. Были обнаружены новые культуры Донгнай, Сомкон и Биенхо[IV], а также исследован важный памятник бронзового века Доктюа в провинции Шонгба. На севере были открыты и исследованы культуры неолита Халаунг (1995 г.) и Хазянг (1990 г.). Кроме того, были найдены многие памятники тямской культуры. В этот период приобретают известность такие археологи, как первый директор Института археологии ВАОН академик Фам Хой Тхонг, Ха Ван Тан, Чан Куок Вьонг, Тьы Ван Тан, Ле Ван Лан и другие.

[I] Одноимённый памятник в провинции Бактхай, 1972 г.
[II] Провинция Виньфук, 1968 г.
[III] Провинция Нгеан, 1963 г.
[IV] Провинция Зялай, 1995 г.

В последнее десятилетие археология Вьетнама переживает период особенно бурного развития. Значительно возросло количество археологических изданий, в том числе – публикаций памятников, которых было относительно мало вплоть до 1979 г. включительно. В ходе интенсивного строительства ещё более активизируются археологические раскопки, ведётся много тематических научных раскопок и исследований. Из находок и исследований последних лет следует отметить памятники Сомчай[I], Дайчать[II] и ряд других. Продолжается и исследование открытых ранее памятников по всей территории Вьетнама. Следует отметить работы по каменному веку Нгуен Кхак Шы, Чинь Нанг Тюнга и Хоанг Сюан Тиня, по периоду палеометалла – Тьы Ван Тана, Нгуен Зянг Хая, Чинь Шиня и Ха Ван Фунга, по археологии юга – Фам Дык Маня и Хоанг Сюан Тиня. В 1998 г. в Институте археологии начала работать лаборатория радиоуглеродного анализа. Всё больше становится и международных проектов.

Следует отметить, что вьетнамская археология в период независимости всегда оставалась открытой для международного сотрудничества, в отличие, например, от китайской. Как уже отмечалось, в археологических раскопках во Вьетнаме принимали участие и советские учёные. Помимо П.И.Борисковского, участвовавшего в обследовании ряда памятников и написавшего несколько работ по археологии Вьетнама, также следует отметить труды А.Н.Матюхина, А.К.Анисюткина, В.И.Тимофеева и других советских и российских авторов. К проблемам археологии Вьетнама обращаются А.П.Окладников, А.П.Деревянко, С.А.Семенов, Д.В.Деопик, П.В.Познер и С.В.Лаптев. Также следует отметить, что с 2010 г. академик А.П.Деревянко проводит полевые исследования палеолита во Вьетнаме.

Кроме того, во Вьетнаме работали такие археологи из ГДР, как Г.Д.Кальке, участвовавший в раскопках памятника Хангхум в провинции Иенбай, Бруно Крюгер и другие, при

[I] Провинция Хоабинь, культура Хоабинь.

[II] Провинция Бакнинь, бронзовый век.

этом более двухсот образцов для радиоуглеродного анализа были обработаны в немецких лабораториях. В 1988 – 1991 гг. в Майдадиеу (культура Хоабинь) работала вьетнамо-болгарская экспедиция, в восьмидесятых годах прошлого века – вьетнамско-польская экспедиция в Фулыонге (культура Донгшон), при этом реставраторы из ПНР участвовали в реставрации тямских памятников в Центральном Вьетнаме. С девяностых годов XX в. начинается сотрудничество с Японией, ФРГ и другими странами, включая США. Более двадцати лет в раскопках во Вьетнаме участвует Нисимура Масанари, раскапывавший памятники от неолита до средневековья как на севере, так и на юге Вьетнама. В Южном Вьетнаме с 1990 г. работают группы из японских университетов (памятники культур Сахюинь, Ок-ео и тямские памятники). Японские специалисты также участвовали в раскопках культуры Донгшон в Северном Вьетнаме. В 1993 – 1995 гг. британско-японская группа Я.Гловера и Ямагата Марико изучала тямские памятники провинции Куангнам, а в 1989 г. на севере страны работали американские археологи. С 1994 г. в полевой работе на Юге активно участвует Германский археологический институт, представленный А.Рейнеке, который занимается раскопками памятников культур Сахюинь и Ок-ео. В 1996 г. группа археологов из Китайского университета Гонконга участвовала в раскопках памятника Чангкень близ Хайфона.

В самой Японии существует Общество исследований археологии Юго-Восточной Азии, в рамках которого бронзовыми барабанами занимаются Имамура Кэйдзи (Токийский Университет), Ёсикаи Масато (Университет Хоккайдо), Ёкокура Масаюки. Археологией Вьетнама занимаются также Кикути Сэйити, Ватанабэ Синья, культурой Донгшон – Тавара Кандзи (Токийский университет иностранных языков), народами «бать вьет»[1] – Ёсикаи Масато и Ёкокура Масаюки. Нитта Эйдзи также написал очерк о становлении государственности во Вьетнаме и Таиланде, а совместно с Сакаи Такаси и Нисимура Масао – очерк

[1] Сто вьет.

археологии Юго-Восточной Азии. Таким образом, в послевоенный период в Японии издаётся ряд аналитических исследований и проводится классификация археологического материала, в частности – бронзы, где, безусловно, японской науке принадлежит ведущее место. В то же время, к сожалению, археология Вьетнама зачастую рассматривается, за исключением периода Донгшон, вне связи с Юго-Восточным Китаем.

На Западе, где наибольший интерес вызывает археология Таиланда, исследованиями археологии Вьетнама в послевоенный период занимались в разное время М.Хайдль и А.Рейнеке (ФРГ), Я.Гловер (Великобритания), Г.Луфс-Виссова (Австралия) и некоторые другие. Гипотезу Р.Гейне-Гельдерна о роли Донгшонской культуры развили в послевоенный период Г.Р.ван Геекерен, У.Сольхейм, У.Мичэм и П.Беллвуд [1138, с.23 – 30].

Подводя итоги всему вышесказанному, надо отметить, что самый высокий в странах Юго-Восточной Азии уровень археологических исследований вьетнамской территории, безусловно, следует считать заслугой созданной в шестидесятые годы XX в. национальной археологической школы. Вьетнам также является единственной страной в Юго-Восточной Азии, где регулярно выпускается археологический журнал.

Издававшийся в Таиланде в шестидесятые – восьмидесятые годы XX в. журнал «Археология», к сожалению, прекратил своё существование, а в Кампучии лишь благодаря иностранной помощи в последние годы был налажен выпуск журнала «Восход», посвященного проблемам археологии, этнографии, эпиграфики и древней истории. Археологическое исследование Таиланда, несмотря на активность американских, датских, голландских, а в последние годы главным образом тайских археологов, ещё значительно отстаёт от Вьетнама. Количество открытых там памятников невелико, поэтому в дальнейшем, по мере накопления

археологического материала, возможны существенные пересмотры существующих концепций, теорий и схем.

Существенной проблемой является отсутствие археологического журнала в регионе и немногочисленность археологических публикаций. Многие из них из-за крайне малых тиражей труднодоступны. В находящемся между Таиландом и Кампучией Лаосе археологические исследования возобновились лишь в нашем веке, прежде всего – благодаря иностранной помощи. Большинство проектов в этих странах посвящено консервации и реставрации архитектурных памятников средневекового периода, таких, как Ангкор в Кампучии и Ват Фу в Лаосе, ставших мировым культурным наследием ЮНЕСКО. Археологическим исследованиям уделяется минимальное внимание, особенно доисторическому периоду, к которому можно отнести лишь несколько пробных раскопок. Исключением можно назвать проект Чучь Пына, С.В.Лаптева в северо-западной Камбодже и германский проект в устье Меконга, на границе Кампучии с Вьетнамом и в Мемоте. Существенными препятствиями для развития археологической науки в Кампучии следует назвать отсутствие финансовых средств и национальных кадров, опасности, связанные с противопехотными минами в Кампучии и неразорвавшимися американскими бомбами в Лаосе.

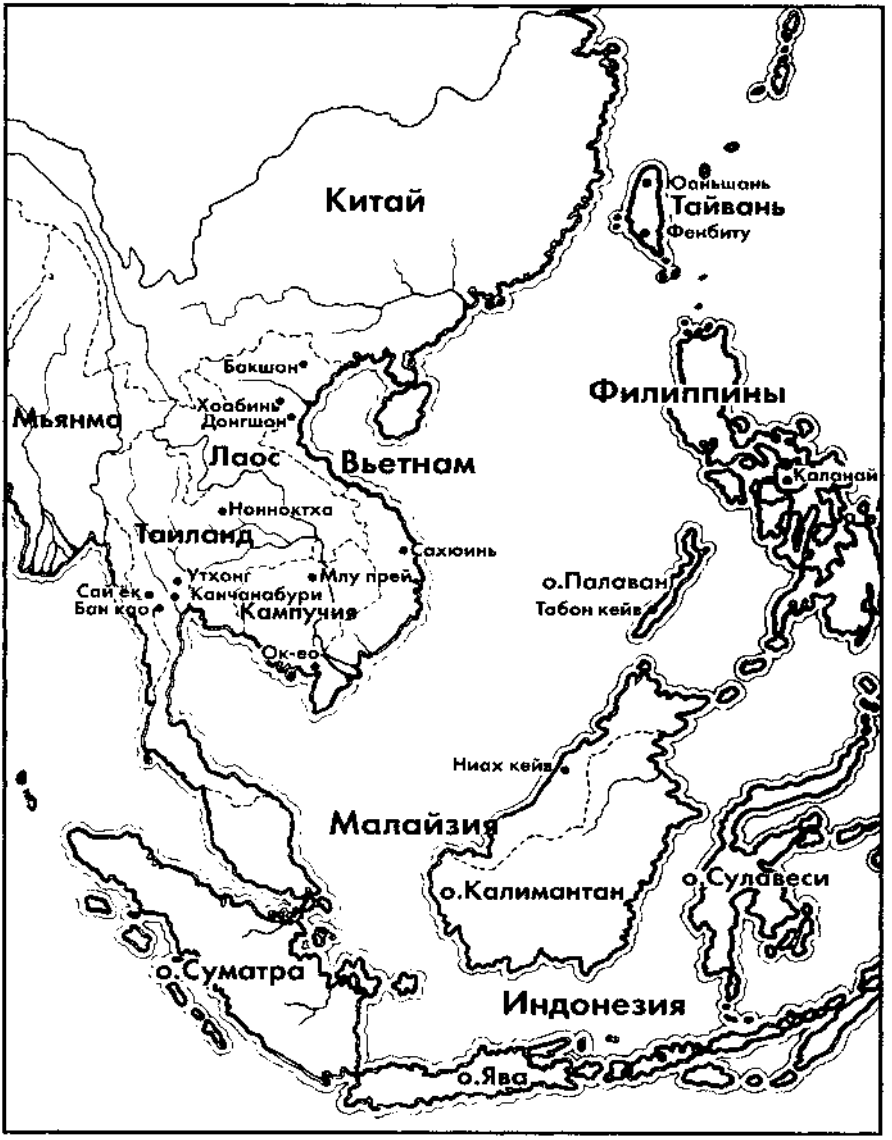
Таким образом, в настоящее время только вьетнамский материал даёт более или менее надёжную схему археологических культур, их последовательности и хронологии, позволяющую реконструировать историческое прошлое этого района от палеолита до исторического периода.

2. *Каменный век*

2.1. *Особенности вьетнамского палеолита*

Хотя палеолит во Вьетнаме был обнаружен достаточно поздно – только в 1960 г., о возможности его существовании выдвигали предположения ещё А.Мансюи в 1925 г. и М.Колани в 1927 г.[3].

Карта основных археологических памятников Юго-Восточной Азии

Учитывая, что палеолитические памятники были найдены практически во всех соседних с Вьетнамом странах Юго-Восточной Азии, удивляться этому не приходится.

Памятники раннего палеолита найдены на Яве, в Мьянме и Малайзии. Они также известны в Таиланде, Камбодже, Лаосе, Гонконге, на Калимантане.

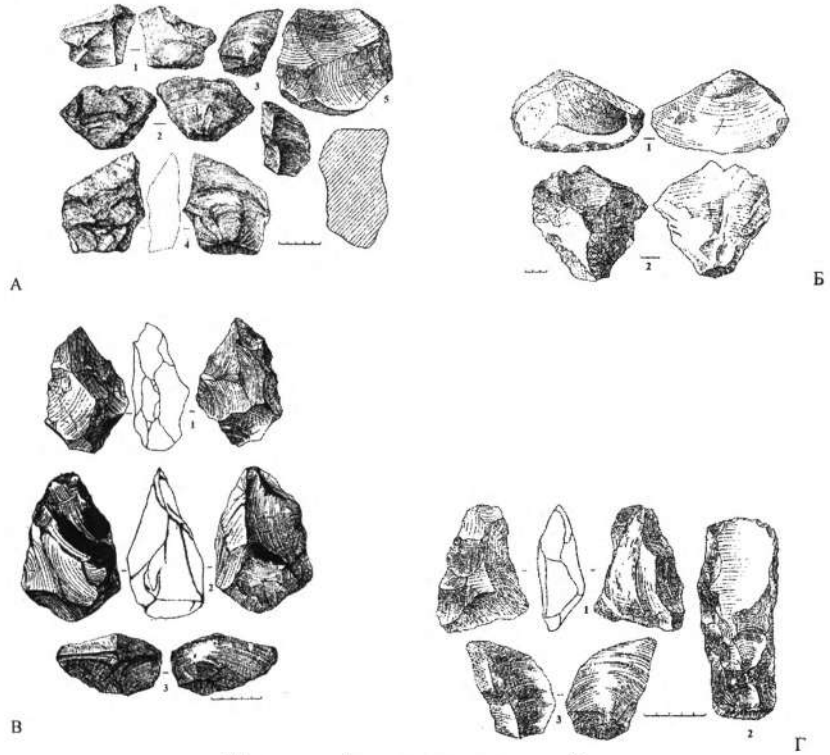
Помимо костных останков так называемого яванского человека[4] наиболее многочисленными и древними являются находки палеолитических орудий на Яве, относимых к Паджитанской индустрии, для которой характерно наличие как архаичных массивных и грубых клектонских отщепов[5], так и овальных очертаний отщепов и пластин леваллуа, а также оббитых с одной стороны проторубил. По времени производства они относятся к ашельскому и шелльскому этапам раннего палеолита[6]. Орудия паджитанского типа тоже найдены на Калимантане, Суматре и Бали. Геологически они относятся к концу среднего плейстоцена, что подтверждает их сходство с ашелльскими и шелльскими орудиями Индостана. К более позднему периоду, скорее всего, к эпохе среднего палеолита, – относится Сангиранская культура Явы.

Тампанскую культуру, представленную памятником под открытым небом с переотложенными орудиями на полуострове Малакка, трудно датировать геологически, но по типу для неё характерны всё те же клектонские отщепы, сделанные из них же или из гальки остроконечники, рубящие орудия: чоппиги, оббитые с двух поверхностей, и чопперы, оббитые с одной.

Хорошо представлен и палеолит Мьянмы, получивший название Аньятской культуры, ранняя стадия которой именуется Раннеаньятской. Более того, в Мьянме установлена тесная связь орудий Аньятской культуры с геологическими слоями. Для Раннеаньятской культуры характерны прямоугольные пластины – аналогичные каменным орудиям тёсла из ископаемого дерева, оббитые с одной поверхности, чоппиги, чопперы, клектонские отщепы и нуклеусы (ядрища). Ручных рубил нет. Характерная особенность Позднеаньятской культуры, относящейся к позднему палеолиту, в её сходстве с Раннеаньятской. В этот период по-прежнему сохраняются клектонские отщепы, хотя в целом орудия становятся меньше

по размеру, и появляются скребки. Аньятская культура в настоящее время датируется эпохой в 750 – 25 тысяч лет тому назад.

В 1960 г. вьетнамская экспедиция под руководством Нгуен Ван Нгиа открыла первый палеолитический памятник на горе До.

Каменный инвентарь горы До:
Отщепы (А1-4, Б2, В3, Г3), нуклеус (А5), чоппер (Б1),
ручные рубила (В1,2), чоппинг (Г1), кливер (Г2).
По П.И.Борисковскому [288]

Консультантом этой экспедиции был П.И.Борисковский. Основной материал для каменных орудий, найденных здесь, составляет базальт, которым богата данная местность. Около 95 % найденных здесь орудий составляют грубые базальтовые клектонские отщепы. Они характерны для начальных ступеней раннего палеолита, для шелльской техники раскалывания

камня. Характерные для ашелльского периода левалуазские отщепы здесь практически не встречаются. Таким образом, памятник имеет более древний характер, чем паджитанская индустрия. Об этом же свидетельствует и более архаический характер нуклеусов. Они крупные, массивные и носят характер скалывания массивных отщепов в одном направлении, без предварительной оббивки.

Кроме них имеются типичные шелльские рубила, грубые рубящие орудия, обработанные с одной стороны (чопперы) или с двух сторон (чоппинги), прямоугольные топоровидные орудия. Памятник был отнесён к раннему палеолиту, а его инвентарь можно датировать тремястами тысячами лет до н.э.[7]. В числе палеолитических находок во Вьетнаме числятся как орудия, так и костные остатки человека.

Гора До не единственный памятник раннего палеолита во Вьетнаме. В 1966 – 1968 гг. Э. Сорен обнаружил в Ханггоне провинции Донгнай базальтовые орудия раннего ашельского типа. Это ручные рубила, скребки, остроконечные орудия. Аналогичные орудия были найдены в этом районе и после освобождения Южного Вьетнама. Около горы До найдены палеолитические орудия на горах Нуонг и Куанием, которые также относятся к раннему палеолиту.

Во Вьетнаме от периода палеолита найдены как орудия, так и костные останки человека. В 1935 – 1936 гг. Ж.Фромаже и Э.Сорен обнаружили в пещерах Тамханг и Тампалой в Верхнем Лаосе зуб и фрагмент левой височной кости человека, близкого к синантропу[1]. В Тамханге рядом с костью найдены и грубо расколотые или оббитые по краям гальки, являющиеся, по-видимому, орудиями архантропа. В 1964 – 1965 гг. вьетнамские археологи обнаружил зубы архантропа в пещерах Тхамкхюен и Тамхай провинции Каобанг. Рядом с ними обнаружены кости и зубы как живуших по сей день барса, кабана и обезьяны, так и исчезнувших гигантской панды и восточноазиатского слона.

[1] То есть человек древнего вида или архантроп.

Эти находки датируются временем в 250 – 300 тысяч лет тому назад.

Средний палеолит во Вьетнаме представлен в основном костными остатками человека неандертальского вида и ископаемых животных. В 1975 – 1977 гг. в пещере Тхамом провинции Нгеан были найдены зуб палеоантропа[1], зубы и кости гигантской панды, восточноазиатского слона и большой человекообразной обезьяны, а также обработанные рукой человека галечные орудия в геологических слоях датируемых приблизительно временем в 125 тысяч лет тому назад.

В пещере Хум в слоях геологически датируемых временем в 40000 – 80000 лет тому назад были найдены четыре зуба человека, не исключено – современного вида. Если это так, то речь идёт об очень раннем распространении человека современного вида в Юго-Восточной Азии.

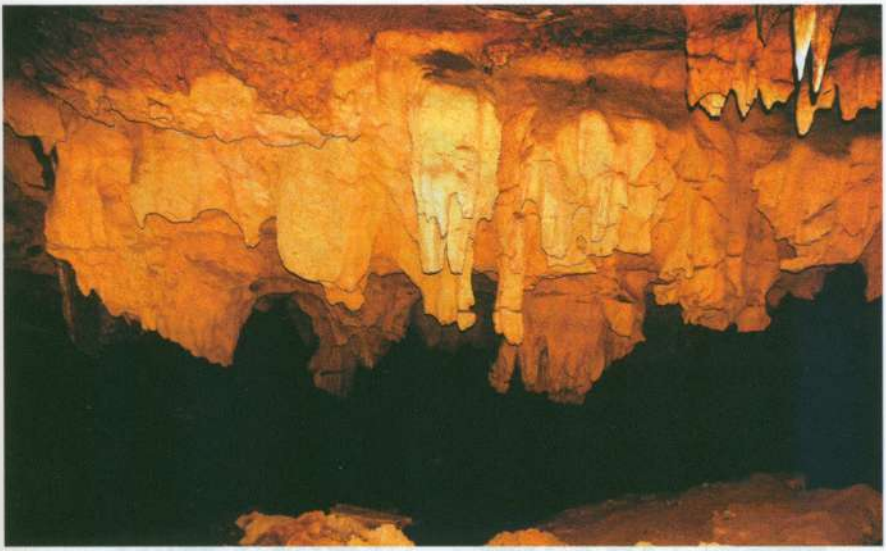
К верхнему или позднему палеолиту относится культура Нгыом, получившая свое название по одноимённой пещере, обследованной в 1980 – 1982 гг. Орудия этой культуры были обнаружены ещё в 1972 г. в пещере Миенгхо провинции Бактхай.

В пещере Нгыом выделяются три культурных слоя, верхний из которых относится к культуре Хоабинь, средний – к культуре Шонви, а к самой культуре Нгыом относится лишь самый нижний слой, где были найдены скребки, остроконечные орудия и небольшие отслоенные пластины. Такая техника отслаивания пластин, которая получила название «нгыомской», нехарактерна для последующих культур Шонви и Бакшон, характеризующихся обработкой нуклеусов.

Наиболее ранняя для вьетнамской археологии дата радиоуглеродного анализа нижнего слоя пещеры Нгыом даёт время в 23 100±300 лет тому назад, считая от 1950 г., что при калибровке составляет около 27526 – 28264 лет тому назад [1584, с.13].

---

[1] Неандерталец.

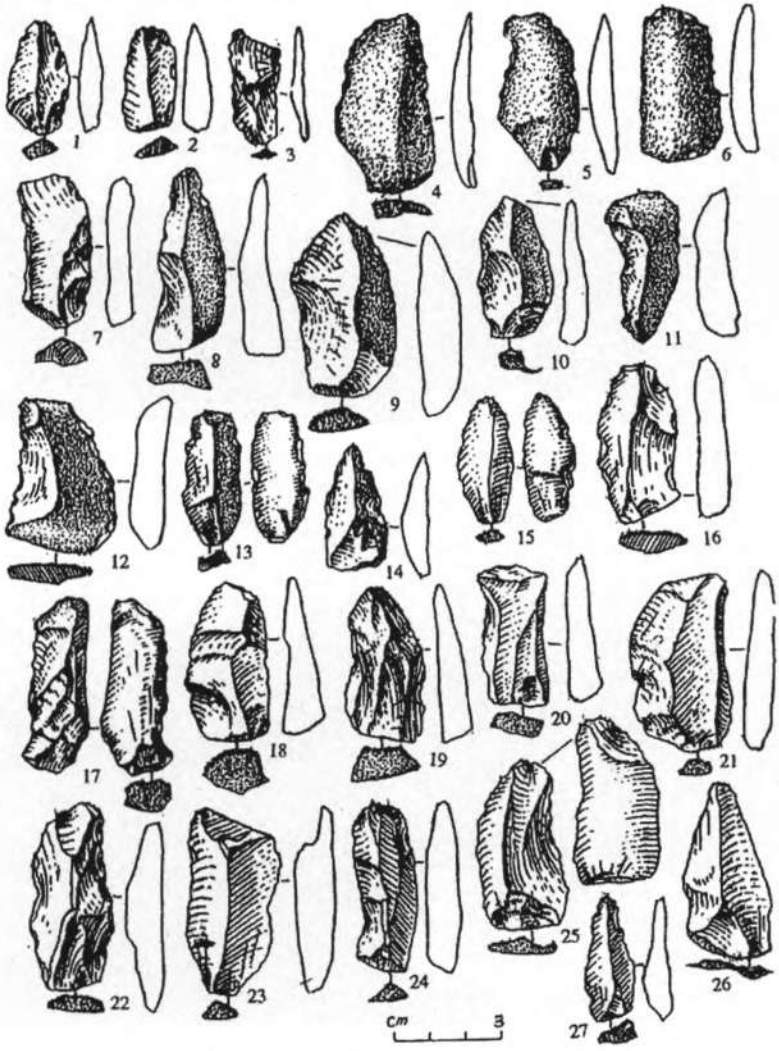

Вход в пещеру и сама пещера Нгыом.
Каобанг. 27.03.2011 г.

К самому концу верхнего палеолита относится культура Шонви, названная по памятнику в провинции Виньфук, который был обнаружен в 1928 г. Она датируется двадцатью

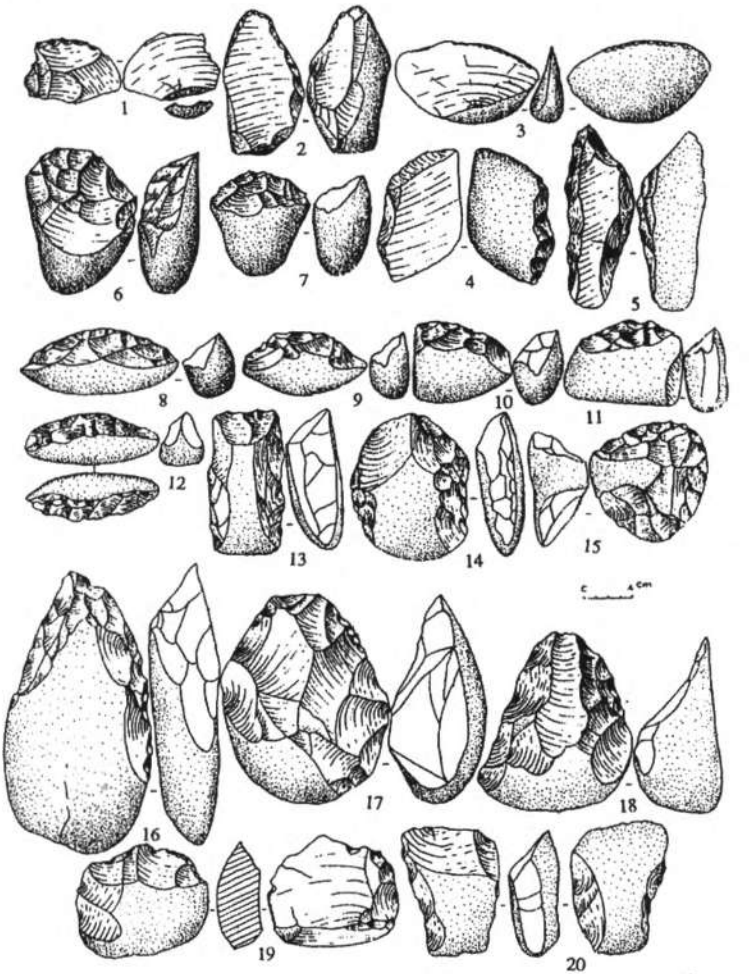
тремя – одиннадцатью тысячами лет тому назад. В последнее время найдено около двухсот памятников этой культуры в Центральном и Южном Вьетнаме.

Каменный инвентарь из грота Нгыом, нижний слой:
отслоенные пластины (1-27) [1531.2]

Особенностью этой культуры является существование двух видов памятников – на холмах открытой местности в долинах рек Красной, Ло, Да и других местах. Найденные там

орудия были собраны или извлечены из земли, в которой отсутствует культурный слой, а это свидетельствует о том, что люди использовали их как временные (сезонные) стоянки.

Каменный инвентарь культуры Шонви:
отщепы (1-5, 20), галечные орудия (6 – 19): скребки (8 – 12, 14 – 15, 19), рубила (16 – 18), кливер (13) [1531.2]

Другой тип памятников – это пещеры в известняковых скалах, например памятники Понг и Намтум в провинции Лайтяу, памятник Нуймот в провинции Тханьхоа и памятник

Камтхюи в провинции Ханам, где люди жили достаточно продолжительное время.

Особенность вьетнамского палеолита состоит в широком распространении галечных орудий при сравнительно небольшом видовом разнообразии орудий на отщепах. Причина этого в том, что Вьетнам достаточно беден кремнем, который здесь заменяют некоторые кремневидные вулканические породы, более твердые, чем кремень и, следовательно, более трудоёмкие для обработки. В культуре Шонви большая часть орудий изготовлены из галечных нуклеусов, хотя в небольшом количестве имеются и небольшие по размеру пластины, сделанные ударами галечного отбойника. Большинство орудий имеют следы вторичной обработки лезвия, хотя часть из них имеет следы использования непосредственно после первичного скола. Единственная техника, применявшаяся в этой культуре – это техника скола при помощи удара. Другие техники отсутствуют.

В пещере Онгкхюен найдены также зубы гигантской панды и слона, а пещера Намтум в провинции Лайтяу использовалась и как стоянка, и как мастерская по изготовлению каменных орудий. Видимо, последняя являлась и местом захоронения, так как в ней были найдены фрагменты костей человека. Здесь же были найдены кости и зубы водяного буйвола, кабана, оленя, слона и обезьяны, рыбьи кости и панцири черепахи. Отсюда следует, что насельники культуры Шонви жили не только собирательством, но и охотой.

2.2. *Мезолит*

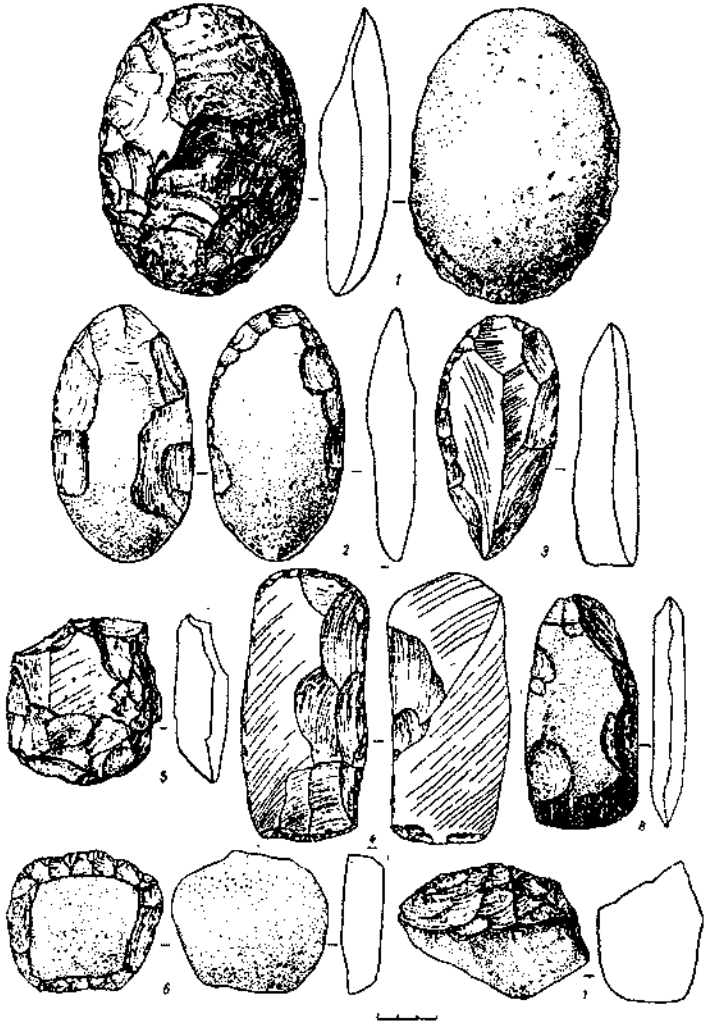
К мезолиту Вьетнама относится культура Хоабинь[8]. Обнаруженная в двадцатых годах прошлого века М.Колани она в настоящее время насчитывает свыше ста известных памятников. Культура Хоабинь обычно датируется 12 – 7 тысячами лет тому назад по большинству её памятников, хотя

некоторые из них дают даты до двадцати двух тысяч лет тому назад [1584, с.13][I].

Большинство памятников культуры Хоабинь представлено естественными пещерами и гротами. Входы в большую их часть были ориентированы на юг, юго-восток и юго-запад, что обеспечивало хорошее проникновение солнечных лучей, а следовательно и тепла в сырые пещеры. Пещеры располагались в непосредственной близости от рек или других источников пресной воды в тропическом и субтропическом лесу. Вероятно, это связано с тем, что речные русла были богаты галькой, являвшейся сырьём для каменных орудий, а леса служили прекрасным источником пищи. В культурном слое хоабиньских стоянок также находят много раковин, показывающих, что моллюски [II] также служили важным источником пищи. Кроме раковин в хоабиньских пещерах находят кости оленя, кабана, барса, дикобраза, рыси, слона, носорога и дикого быка, хотя их и не так много. Таким образом, хоабиньцы занимались собирательством и охотой. Немногочисленные находки зёрен позволяют предполагать и появление примитивного выращивания бобовых. Средняя толщина культурного слоя составляет один – два метра, что показывает, что хоабиньцы жили в них довольно долго. Некоторые из пещер достаточно велики, так что в них могло проживать до двадцати – тридцати человек. Основным местом жизнедеятельности была часть пещеры у входа, куда хорошо проникали солнечные лучи, а в её глубине находился очаг. Имеется и небольшое количество памятников культуры Хоабинь на открытой местности, служивших временными (сезонными) стоянками, которые использовались при собирательстве и охоте. Некоторые из пещер использовались на протяжении довольно долгого времени, как, например, пещера Конмоонг в провинции Тханьхоа, где найдены слои культур Шонви, Хоабинь и Бакшон.

[I] Например, пещера Сомчай.

[II] Прежде всего – Melania Antimelania, Angulyara.

Культура Хоабинь. Каменные орудия из Северного Вьетнама: суматролиты (1, 2), заостренное рубящее орудие (3), топоры (4, 5, 8), скрёбла (6, 7) [288]

К числу известных памятников культуры Хоабинь следует отнести грот Диеу и пещеры Конмоонг в провинции Тханьхоа, Сомчай и Фунгкхюен в провинции Хоабинь, Тхамхой в провинции Нгеан и другие.

Захоронения хоабиньской культуры находят там же в пещерах, где они жили. Костяки лежат в скрюченном положении. Рядом или вокруг него положены каменные орудия. В пещере Ланггао провинции Хашонбинь был обнаружен групповой некрополь, в котором часть костяков расчленена.

Орудия хоабиньцы изготавливали из гальки. Основной тип хоабиньских орудий – это суматролиты (топоры типа Суматра), круглые и овальные гальки, грубо оббитые с одной стороны и сохранившие естественную поверхность с другой (бывают и суматролиты, частично оббитые с обеих поверхностей). Они, видимо, использовались для рубки дерева, бамбука и могли быть вправлены в деревянную рукоять [288, с.76]. Также для этой культуры характерны галечные скребла, оббитые только по одному краю, овальные топоры оббитые с обеих поверхностей, короткие топоры, тщательно оббитые по краям, пестики для размельчения растительной пищи и некоторые другие типы орудий.

Помимо камня находят остроконечные орудия типа шила, из кости, режущие орудия и скребки из раковин. Также можем предполагать и наличие орудий из бамбука и дерева, которые не сохранились. В небольшом количестве встречаются украшения из раковин и зубов животных с проделанными в них отверстиями. Корме того, хоабиньцам было известно искусство: на стенах пещер и на каменных орудиях встречаются изображения человеческих лиц и растительный орнамент. На поздних этапах культуры Хоабинь появляются и грубые фрагменты керамики с сетчатым орнаментом.

В пещере Сомчай, датируемой по радиокарбону 22 – 28 тысячами лет тому назад [1584, с.13], в культурном слое на глубине 1 – 2 м были найдены зерна растений и каменные топоры, отшлифованные у лезвия. Возраст этих находок относится к 18 – 17 тысячам лет до н.э., что позволило некоторым учёным выдвинуть гипотезу об отнесении Хоабиньской культуры к неолиту.

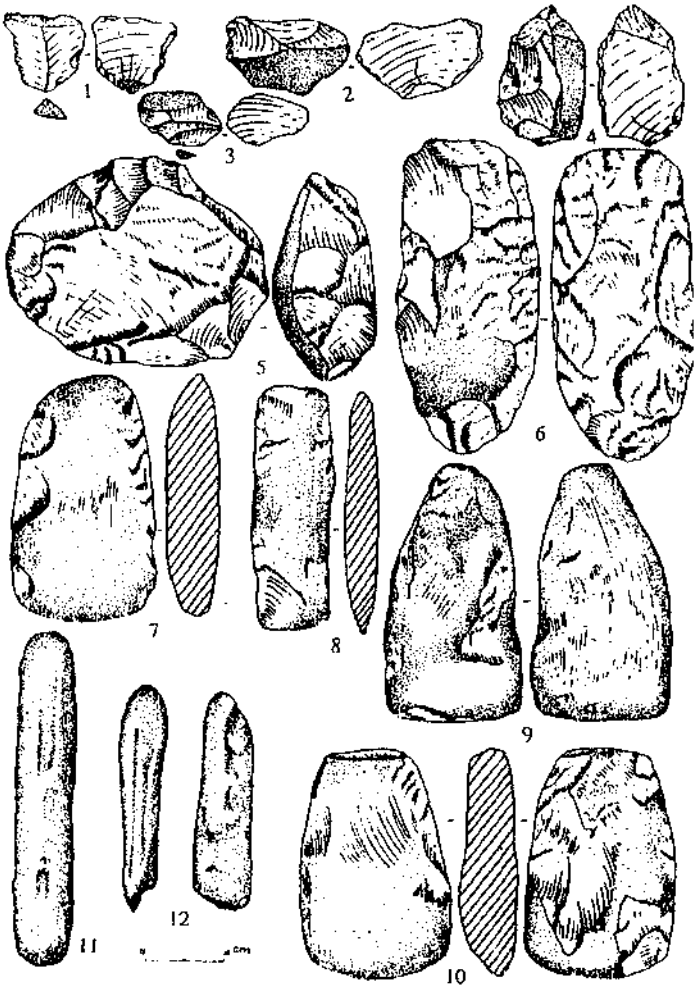
Памятники культуры Хоабинь ограничиваются окружёнными лесом горными районами и побережьем. Важно отметить, что памятники этой культуры выходят и за пределы территории Вьетнама. Они найдены в Верхнем Лаосе, Южном Китае[I], Таиланде[II], Мьянме[III] и полуостровной части Малайзии. Влияние этой культуры, характеризующейся техникой обработки гальки, орудиями типа суматролитов, отсутствием керамики, шлифовки камня и рядом других признаков, достигало и островной части Юго-Восточной Азии – Калимантана, Суматры и Филиппин. Тем не менее большая часть известных науке памятников Хоабиньской культуры сосредоточено в Северном Вьетнаме, где, видимо, находился её центр.

2.3. *Неолит*

К раннему неолиту относятся культуры Бакшон и Кюиньван. Первые памятники культуры Бакшон были обнаружены в пещерах известковых гор горного района Бакшон, по которому она и получила название. Известно более пятидесяти памятников Бакшонской культуры, которые в основном находятся на северо-востоке Вьетнама в провинции Лангшон. Тем не менее её памятники найдены и в более южных районах в Хоабине, Тханьхоа и даже Куангбине на севере и в северной части центрального побережья. Эта культура, по происхождению связяна с северо-вьетнамским региональным вариантом Хоабиня, но по своему характеру является уже типично неолитической со шлифованными каменными орудиями и керамикой. Культура Бакшон датируется 8-ым – 5-ым тысячелетиями до н.э.

Основные памятники этой культуры представляют собой глубокие и обширные пещеры, подобные пещере Боман в провинции Лангшон, шириной в 15 и глубиной в 11 м при высоте потолка 6,5 м в её центральной части.

[I] Гуанси-Чжуанский автономный район провинции Гуандун.
[II] Пещера Онгба.
[III] Пещера Падалин.

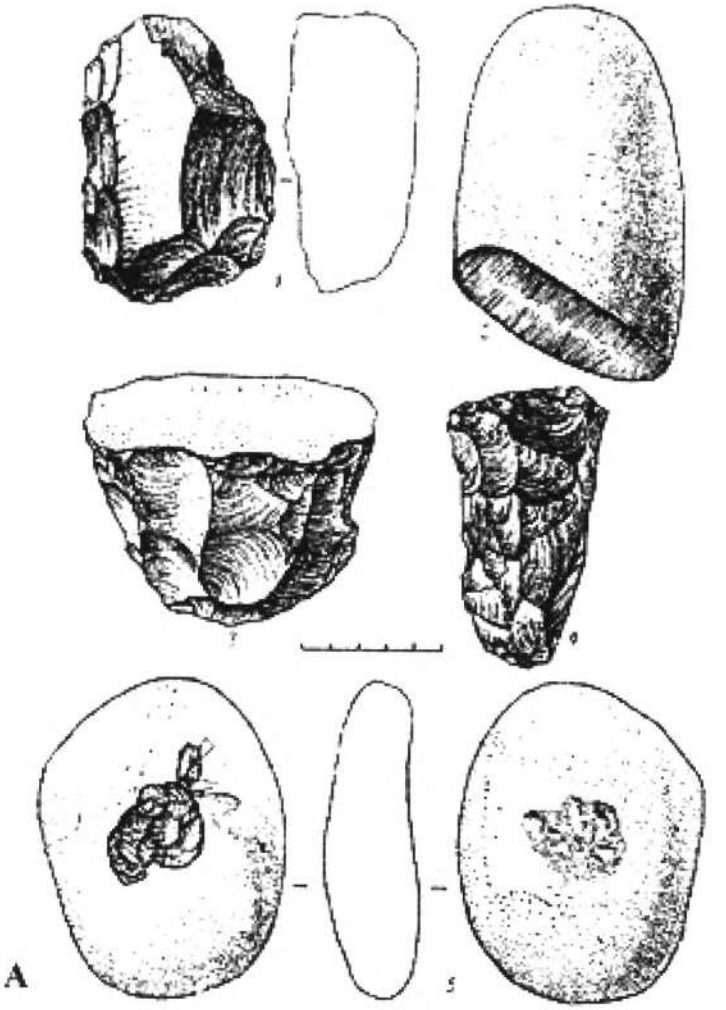
Культура Бакшон. Каменный инвентарь:
отщепы (1 – 4), скребок (5), каменные топоры (6 – 10),
орудия с углублениями («бакшонскими метками») (11 – 12) [1531.2]

Вход в пещеру расположен на юго-западе, что даёт хороший доступ солнечному свету и теплу. Пещера Тхамкхоак в той же провинции имеет ещё более впечатляющие размеры: 40 м в ширину и 200 м в глубину при высоте потолка 40 м. Культурный слой этой пещеры глубиной в 1 – 2 м

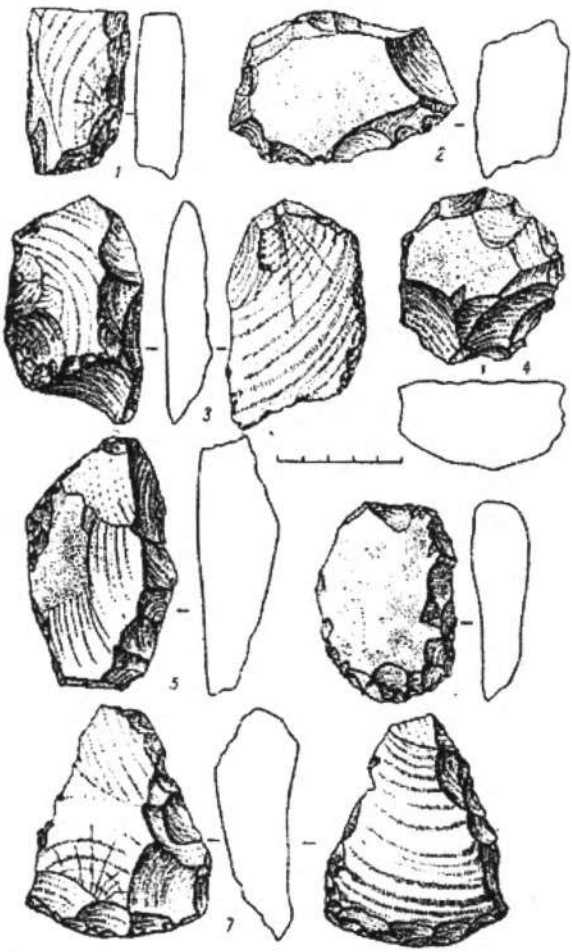
свидетельствует о том, что люди там жили в течение достаточно продолжительного времени.

В культуре Бакшон уже широко распространена шлифовка орудий. Наряду со шлифованными в ряде случаев встречаются и орудия хоабиньского типа, однако наиболее характерное орудие культуры Бакшон, длинный шлифованный каменный топор, встречающийся во всех памятниках данной культуры, сильно отличается от коротких топоров хоабиньского типа. Бакшонские топоры, как правило, шлифовались с двух сторон и привязывались к деревянной или тростниковой ручке. Много галечных (скребки, ножи, долота) и костяных орудий (шила, игла, долота). В культуре Бакшон появляется и керамика, дошедшая до наших дней во фрагментах. Её фрагменты покрыты плетённым, гребенчатым, из скошенных линий и иными орнаментами. В бакшонских пещерах находят кости оленя, медведя, барса, лисы и других животных. Очевидно, что охота играла значительную роль в хозяйстве бакшонцев. Культуры, близкие по типу к бакшонской, обнаружены в Лаосе, Таиланде, Малайзии, Индонезии.

Культура Кюиньван получила свое название по памятнику в провинции Нгеан, относящемуся к 3-му тысячелетию до н.э. и раскопанному в 1963 – 1964 гг. К настоящему времени известно около двадцати памятников этой культуры, которая в основном представлена раковинными кучами на побережье провинций Нгеан и Хатинь. Для культуры Кюиньван характерно широкое использование раковин, остававшихся от моллюсков Placuna placenta Linne, которые использовались в пищу наряду с рыбой. Раковинная куча Кюиньван в настоящее время находится в шести километрах от побережья залива Халаунг, но в эпоху неолита этот район, по-видимому, находился близко от берега. Помимо раковинных куч этой культуры также найдены относящиеся к ней захоронения, при этом в обоих типах её памятников обнаружены каменные орудия и керамика.

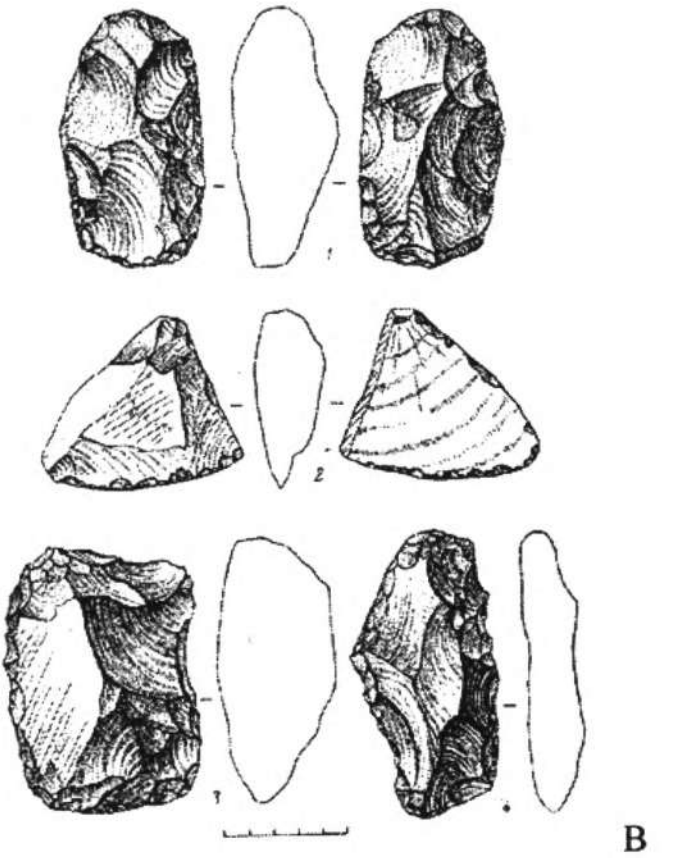

Для культуры Кюиньван характерно использование оббитых каменных орудий, в большинстве – галечных. Они представлены в основном скребками, сделанными из оббитых пластин, которые напоминают раннепалеолитические клектонские отщепы.

Б

В то же время, в отличие от палеолитических орудий, одна сторона скребков плоская и шлифованная. Каменные топоры этой культуры дентального типа (плоские, прямоугольной формы, напоминающие передние зубы человека), оббитые с двух сторон у лезвия. Характерная особенность культуры Кюиньван – отсутствие шлифовки. Много остроконечных костяных орудий, использовавшихся как шилья.

Культура Кюиньван. Каменный инвентарь:
скребла (А1, Б1, 2, 4 – 6), пест (А2), нуклеусы (А3,4), наковальня (А5), ножи (Б3, 7, В2), топоры (В1,3,4) [288]

В памятниках культуры Кюиньван было найдено большое количество фрагментов керамики из глины со значительной примесью песка. Она имеет среднюю толщину стенок, характеризуется низкой температурой обжига и легко ломается. Тем не менее на основе указанных фрагментов оказалось возможным реконструировать форму сосудов, которые представляли собой остроконечные мелкие миски и горшки без венчика. Все сосуды изготовлены без гончарного круга. Большая часть фрагментов керамики орнаментирована,

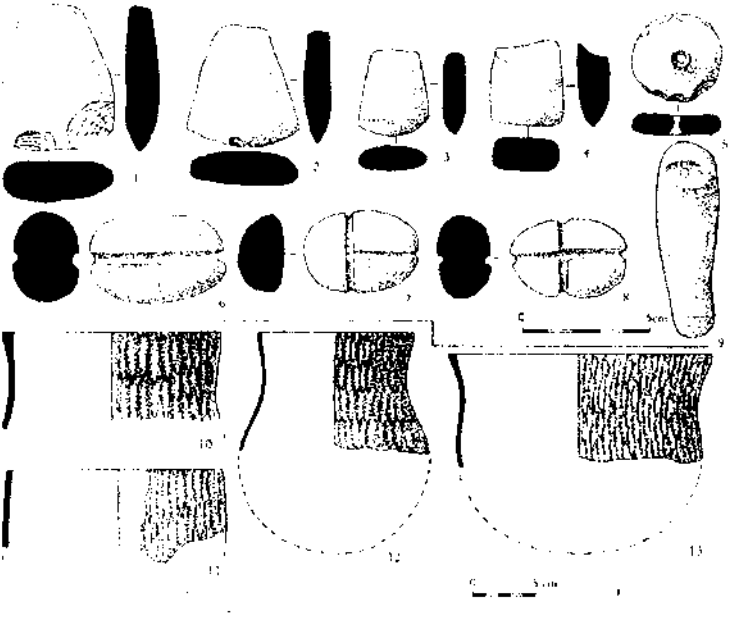
при этом наиболее часто встречаются орнаменты в форме плетёнки и прерывистых линий. Иногда на сосудах видны следы копоти, свидетельствующие о приготовления пищи. Помимо раковин моллюсков в памятниках культуры Кюиньван находят кости рыб, крабов и таких животных, как олень, водяной буйвол, дикобраз и собака. Основной род занятий куиньванцев был связан со сбором морских моллюсков и рыболовством. Важным промыслом служила и охота. Все кости считают относящимися к диким животным. Среди них встречаются и фрагменты слоновых бивней, показывающие, что и такие крупные животные, как слон, были объектом охоты. Кроме того, характерно наличие каменных ступок и пестиков, по-видимому, служивших для размельчения зёрен растений, не исключено диких, или, что возможно, уже одомашненных. Умерших хоронили прямо в поселениях. В земле или в раковинных кучах выкапывалась круглая яма диаметром около 60 см[1]. Скрюченный костяк помещался в яму головой к стенке. Вместе с ним захоранивались орудия труда, украшения и керамика.

Культура Дабут типологически относится к среднему неолиту. Основные памятники этой культуры расположены в провинциях Виньфук и Тханьхоа. Она получила своё название по памятнику Дабут в провинции Тханьхоа, раскопанному в 1926 г. Э.Паттом. Обследование этого памятника также проводилось в 1963 и 1972 гг. вьетнамскими археологами. Характерный тип памятников культуры Дабут – раковинные кучи, однако в отличие от культуры Кюиньван, они располагались по берегам рек, прежде всего реки Ма.

Главная особенность культуры Дабут состоит в господстве шлифованных орудий, прежде всего каменных топоров. Топоры здесь дентального типа, расширяющиеся к лезвию и отшлифованные с обеих сторон. Также найдено большое количество шлифовальных камней. В то же время в небольшом количестве встречаются и скребки из оббитых каменных пластин. Из других орудий данной культуры

[1] Иногда диаметр ямы был больше метра.

характерны плоские каменные пряслица с отверстием в центре, каменные ступки для размельчения зёрен и грузила для рыбной ловли. Много таких костяных орудий из костей рыб, в частности сома, и животных, как шилья, иглы, пилки.

Инвентарь культуры Дабут.
Камень: топоры (1 – 4), пряслице (5), грузила (6 – 8); глиняное орудие (9), керамика (10 – 13) [1457]

Помимо раковин моллюсков, служивших основным продуктом питания, на памятниках этой культуры находят также кости морских и пресноводных рыб, дикобраза, лисы, куницы, оленя, водяного буйвола и собаки, а также пеликана, фазана и воробья, изредка – кости змей и панцири черепах. Считается, что собака в этот период была уже одомашнена, а водяной буйвол был ещё диким. Люди культуры Дабут были рыболовами и охотниками, однако существует мнение о том, что у них уже было развито и земледелие. Об этом косвенно свидетельствует распространение больших керамических сосудов, видимо служивших для хранения зёрен. Другим, более четким свидетельством этого является появление

длинных заострённых каменных орудий, возможно, служивших для взрыхления почвы.

По результатам радиоуглеродного анализа памятник Дабут датируется временем 6095±60 лет назад (от 1950 г.). То есть получается, что этот средненеолитический по своему характеру памятник датируется раньше памятника Кюиньван, для которого есть две радиоуглеродные даты: 4785±100 и 4730±100 лет. Из этого следует предположение о том, что две с совершенно разной индустрией культуры[1] принадлежали к разным этническим группам. Однако специфический погребальный обряд и инвентарь культуры Кюиньван идентичен погребальному обряду культуры Дабут, что свидетельствует о том, что обе эти культуры были родственны друг другу. В целом культура Дабут датируется 5-ым – 4-ым тысячелетиями до н.э.

Памятники позднего неолита во Вьетнаме многочисленны и разнообразны[9]. В 1977 г. был раскопан памятник Гочунг в провинции Тханьхоа. Здесь были найдены шлифованные каменные топоры тыквообразной в разрезе формы. В то же время характерные для соседних культур топоры плечиковой формы здесь совершенно отсутствуют. Помимо шлифовки также типично широкое распространение технологии протирки отверстий. Находят также большое количество шлифовальных камней и орудий для протирки отверстий, известных по памятнику Дабут. Керамика представлена широкогорлыми простыми горшками и мисками с плетёным, спиралевидным и растительным орнаментами. Этот памятник относится к позднему неолиту и типологически близок культуре Дабут.

К позднему неолиту относятся также культуры Баучо и Халаунг. Памятники культуры Баучо, которые датируются концом 3-го – началом 2-го тысячелетий до н.э., были обнаружены в современных провинциях Нгеан и Куангбинь. Известно около тридцати её памятников. Культура получила

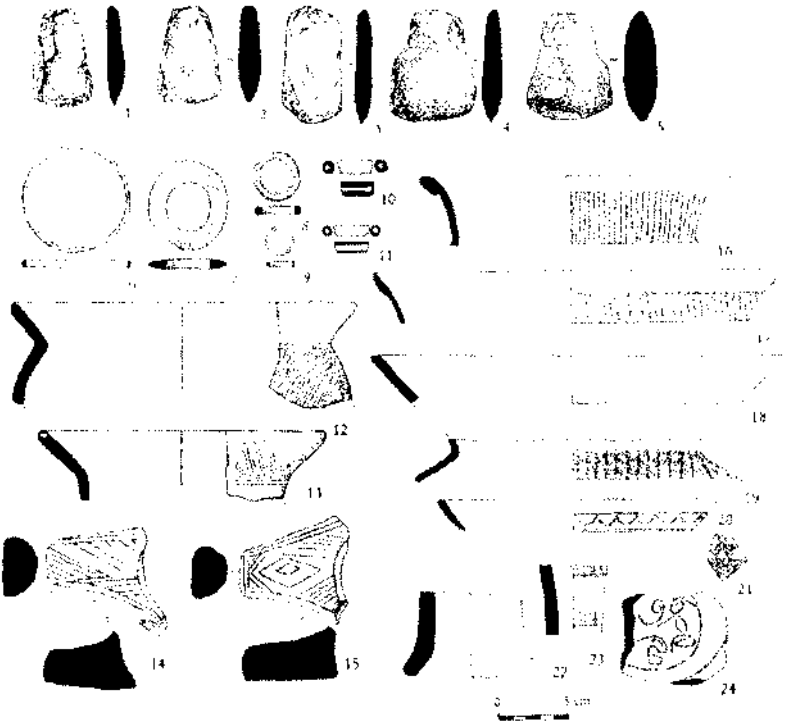
[1] Следует отметить, что если кюиньванцы делали орудия из отщепов, то дабутцы – из нуклеусов.

своё название по одноимённому памятнику – раковинной куче в провинции Куангбинь, открытому и раскопанному в 1923 г. Э.Паттом. Другой известный памятник этой культуры Баукэ был раскопан М.Колани в 1936 г. К этой же культуре относятся памятники Тхаклак, Тхакдай, Конжоймот, Хойхой, Чайой и другие в той же провинции. Памятники культуры Баучо бывают двух типов. Это песчаные холмы с раковинной кучей (Конжоймот) и без неё (Баукэ и Хойхой). По формам керамики культура Баучо делится на три периода: ранний, средний и поздний. Для раннего периода характерны остродонные широкогорлые сосуды с гребенчатым орнаментом[1], количество которых уменьшается в средний период, а в поздний они вообще исчезают. В средний период господствуют круглодонные сосуды, сделанные на гончарном круге и покрытые верёвочным орнаментом. В поздний период (памятники Тхаклак и Чайой) формы и орнаменты становятся более разнообразными. У венчика сосуды покрываются зубчатыми, волнистыми и спиралевидными орнаментами. Корпус сосудов тоже покрыт спиралевидными орнаментами. Все орнаменты штампованные. В этот же период появляется и крашеная керамика с полосами, нанесёнными красным цветом (охрой) по венчику и по корпусу. На памятнике Тхаклак найдены в большом количестве и ручки сосудов различной формы. Там же найдены фрагменты сосудов с приделанными ручками.

Все каменные орудия, в числе которых господствуют два типа топоров (прямоугольные дентальные и плечиковые), тщательно отшлифованы. Встречаются и починенные топоры, что, возможно, свидетельствует о недостатке сырья. Интересно, что хотя техника сверления (протирки) отверстий здесь присутствует, но встречается она редко. Оббитые орудия, встречающиеся в ранний период культуры Баучо, постепенно исчезают.

---

[1] Нижний слой Хойхой.

Инвентарь культуры Баучо.
Камень: топоры (1 – 5), браслеты (6 – 9), бусины (10, 11).
Фрагменты керамики (12 – 24) [1457]

Раковинные кучи культуры Баучо свидетельствуют о наличии собирательства и охоты. Кроме раковин встречаются кости оленя и дикого кабана. В то же время несомненна связь насельников этой культуры с земледелием. Это большое количество каменных ступок и пестиков в культурном слое песчаного холма Хойхой и каменные мотыги в погребальном инвентаре некрополя этого памятника. На памятнике Тхаклак и на ряде других найдено большое количество керамических пряслиц, часть из них даже украшена орнаментом, что свидетельствует о распространении ткачества. В отличие от культуры Дабут каменных украшений здесь мало, в то же время встречаются керамические украшения, в частности серьги.

Некрополи этой культуры располагались внутри поселений. На памятнике Тхаклак найдено две могилы прямоугольной формой с вертикальной камерой. Костяк в одной из них обращен лицом вверх, а в области груди положен плечиковый каменный топор. В другой могиле два костяка положены один на другой с ориентацией в противоположные стороны, то есть голова одного лежит в ногах другого. В области груди обоих костяков также положено по каменному топору.

Памятники культуры Халаунг расположены по побережью одноименного залива, и датируются 2-ым тысячелетием до н.э. На 1995 г. было известно около двадцати памятников этой неолитической культуры, которая была открыта Й.-Г.Андерсоном в 1938 г. Й.-Г.Андерсон, а затем М.Колани раскопали ряд памятников этой культуры, на островах в заливе Халаунг. Наиболее известным памятником этой культуры является памятник Катба.

Для культуры Халаунг характерна высокая техника обработки камня. Помимо шлифовки широко распространены протирка и сверление, которые используются в комбинации. Для каменных орудий характерны плечиковые топоры со сточенным с одной стороны лезвием и тыквообразные плечиковые топоры, заточенные с двух сторон. Встречаются и дентальные топоры. Плечиковые топоры, типологически близкие к культуре Халаунг, встречаются и на побережье китайской провинции Гуандун. Они отличаются от плечиковых топоров других областей Южного Китая, Филиппин, Индонезии и Малайзии. Для этой культуры характерно также наличие разнообразных украшений из камня в виде сомкнутых круглых, треугольных или Т-образных в разрезе колец, а также бусин различной формы. Встречаются и керамические серьги, как в культуре Баучо.

Керамика культуры Халаунг отличается большим разнообразием. Основные типы сосудов представлены горшками, кувшинами и мисками. Найдены и фрагменты

сосудов со сливом. Ряд сосудов имеет слегка отогнутый венчик.

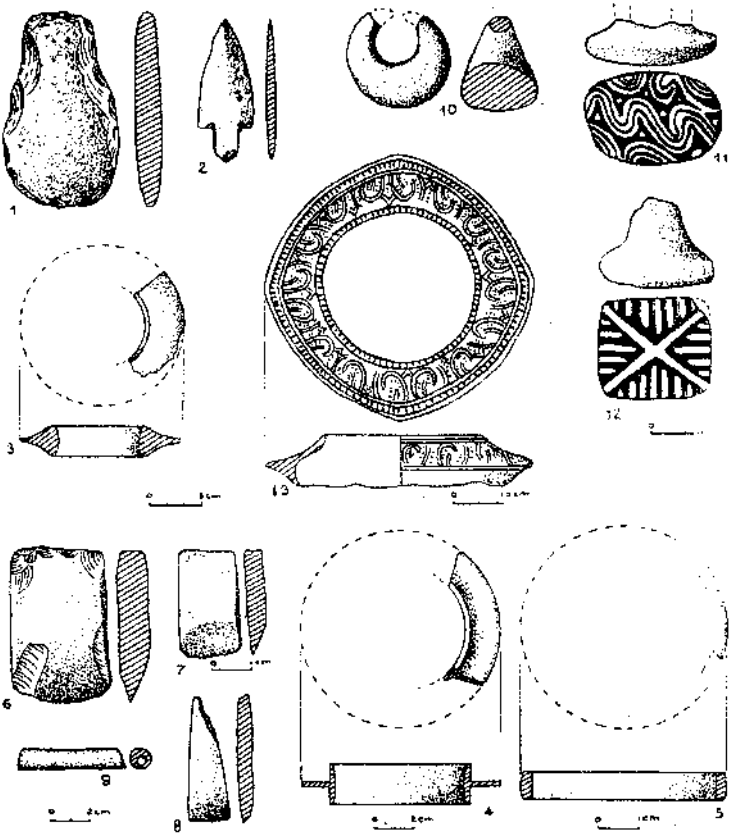
По типу дна они делятся на остродонные, круглодонные, сосуды на низкой или высокой ножке-подставке. Помимо сплошного верёвочного орнамента встречается и полосной орнамент из прямых линий, прямоугольных фигур, травинок, спиралей и других видов. Полосы орнамента, как правило, располагаются у венчика и по корпусу сосуда. Керамика серого и коричневого цветов. Толщина стенок сосудов в среднем 4 – 5 мм, но встречаются сосуды с очень тонкими стенками в 2 мм и толстостенные прочные сосуды в 10 мм.

Многослойность памятников культуры Халаунг свидетельствует о том, что люди жили подолгу на одном месте. Наличие большого количества грузил говорит о значении рыбной ловли для её насельников, а кости оленя и кабана – об их связи с охотой. Тем не менее следует отметить, что при наличии большого количества фрагментов керамики в культурных слоях халонгских памятников костей животных и грузил относительно немного. Видимо, это можно связать с уменьшением роли присваивающегося хозяйства в их жизни.

Позднепалеолитическая культура Хазянг, памятники которой находят в провинциях Каобанг и Хазянг, в самой северной горной части Вьетнама, обнаруживает связь с культурой Халаунг. Для неё также характерны шлифованные плечиковые и дентальные топоры, прямоугольной формы тёсла, большое количество каменных украшений, в том числе серёг. Здесь же находят и украшения из шлифованных раковин и обработанных жемчужин, фрагменты керамики с верёвочным орнаментом и керамические грузила.

Главное отличие культуры Хазянг от культуры Халаунг состоит в форме памятников. Основной тип её памятников представлен горными пещерами, причём в ряде пещер присутствует более ранний, бакшонский слой, в других же пещерах все слои новые. Основные памятники этой культуры представлены известной пещерой Баса в провинции Каобанг, находящейся на горном склоне на высоте 108 м, и пещерой

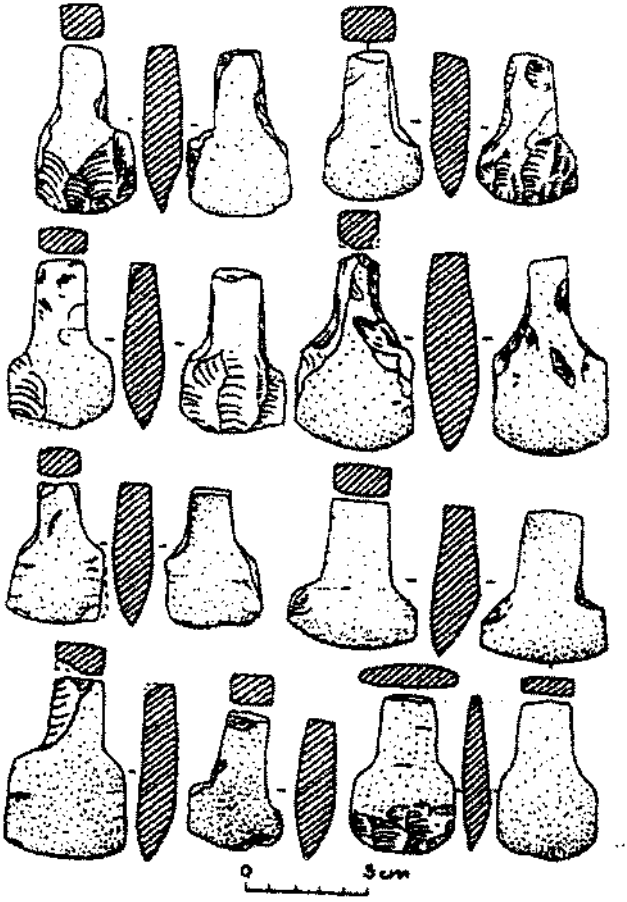
Майфа в провинции Лангшон, которая известна прекрасными образцами парадной керамики (кувшины с ручками), а также рядом других памятников [1531.2, с.244 – 252].

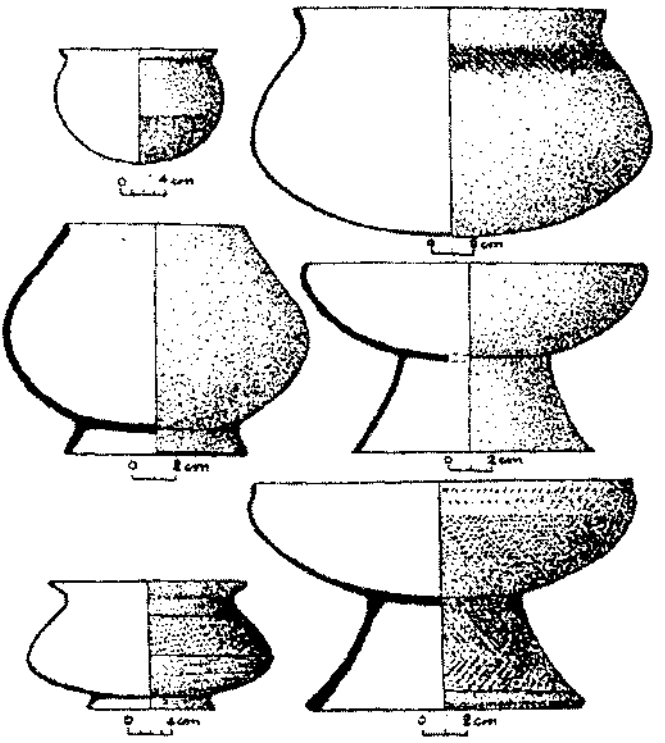

Инвентарь культуры Хоалок.
Каменные орудия: мотыга (1), стрела (2), браслеты (3 – 5), топоры (6, 7), долото (8), трубка (9). Керамика: серьга (10), штампы (11, 12), фрагмент сосуда (13) [1531.3]

Помимо этого известно порядка двенадцати памятников культуры Хоалок в провинции Тханьхоа, датируемых временем в 4,5 тысячи лет тому назад [1584, с.14][10]. Как и в культуре Хазянг это пещеры в горах. Их инвентарь также состоит из тщательно отшлифованных по всей поверхности дентальных и плечиковых топоров, каменных серёг и

браслетов, раковинных украшений и большого количества фрагментов керамики. Здесь же встречаются украшения из нефрита и слоновой кости. Основной орнамент на керамике также верёвочный. Кроме него встречаются зубчатый, волнистый и спиралевидный орнаменты, а также орнаменты в форме восьмёрки и из прямых и скошенных линий. В пещерах были найдены кости оленя, носорога, медведя, дикобраза и раковины моллюсков. По сравнению с прибрежными культурами здесь особенно значительную роль, по-видимому, играла охота. Были найдены и каменные мотыги, что свидетельствует о появлении земледелия [1531.3, с.166-172].

Инвентарь культуры Биенхо:
плечиковые каменные топоры; керамика [1374]

Памятники культуры Биенхо располагаются в районе Плейку провинции Зялай. На 1995 г. было известно двадцать шесть её памятников, датируемых 2000 – 1500 лет до н.э. Памятники неолита находят и ещё южнее в провинции Донгнай вдоль нижнего течения реки Донгнай.

Особенность культуры бассейна реки Донгнай заключается в широком распространении каменных мотыг, свидетельствующем о важной роли земледелия в этом районе [1531.3, с.285 – 290]. Орудия юга значительно отличаются по типологии от орудий культур Баучо и Халаунг. Большая часть топоров плечиковые, дентальных мало. Основные типы орудий юга представлены топорами, тёслами, мотыгами с ручкой. Все эти орудия удлинённой формы. Встречаются и

прямоугольные каменные ножи-серпы. Керамика в основном круглодонная, хотя встречаются и сосуды на широкой ножке-подставке. Большая часть керамики не орнаментирована, что тоже является важным отличием от неолита севера. Среди орнаментов преобладают верёвочные и гребенчатые, при этом иногда орнаментом украшен только венчик сосуда.

3. *Период металла (эпоха бронзы и появление железа)*

Исследования древних очагов металла в Юго-Восточной Азии начались сравнительно недавно. Как писал крупнейший археолог – специалист по Юго-Восточной Азии В.Сольхейм II, до 1965 г. «было принято считать, что культура Юго-Восточной Азии, включая и ее искусство, первоначально пришла из Индии и Китая и имели очень мало своего, однако археологические открытия, начавшиеся с находок в Северо-Восточном и Северо-Западном Таиланде в 1965 г., совершенно изменили это представление» [1136, с. 111].

В 1965 г. Ч.Горман обнаруживает свидетельства культивации бобовых и других злаков в Северо-Восточном Таиланде уже в 10-ом тысячелетии до н. э. После чего за пять лет до конца шестидесятых годов происходит ещё несколько замечательных открытий, сделанных Писитом Чароенвонгсой, Ч.Горманом, Д.Т.Баярдом, У.Сольхеймом и рядом других учёных. Их результатом стали находки следов ранней культивации риса, датируемой до 3500 г. до н. э., разведения домашних свиней, ранней керамики, датируемой не позднее 6800 г. до н. э., и, наконец, находка бронзовых и железных орудий.

Первая находка ранней бронзы была предварительно датирована по промежуточному отчёту о раскопках в Нонноктха в Северо-Восточном Таиланде 5000 г. до н. э., дав тем самым наиболее раннюю дату для бронзовых культур мира. Однако, как пишет автор отчета В.Сольхейм II, «эта дата была промежуточной и не являлась окончательным результатом» [1136, с. 112; 1023, с. 16].

В 1975 г. Ч.Горман и Писит Чароенвонгса обнаружили раннюю бронзу в Бан Чанг, неподалеку от Нонноктха, которая тогда была датирована термолюминесцентным методом периодом от 3600 до 2900 г. до н. э. Эта дата позже была скорректирована на основе анализов большого количества материалов в Университете Пенсильвании учениками Ч.Гормана, в частности Дж.Уайт, до 2100 г. до н.э. [1136, с.113]. Даты термолюминесцентного анализа этих памятников были опубликованы лишь спустя несколько лет, что позволило критикам теории ранней тайской бронзы из Австралийского национального университета во главе с Г. Виссова датировать Бан Чанг очень поздним для него временем: примерно 500 – 400 г. до н.э. Однако образцы, которые исследовались Австралийским национальным университетом, не являлись официальными образцами из Бан Чанга, а были получены, как это показал У.Сольхейм, в ходе нелегальных или пиратских раскопок. Следовательно, те поздние даты для Бан Чанга и тайской бронзы вообще, на которых настаивает Австралийский национальный университет и на которые позже стал опираться Ч.Хайхем, нельзя считать достоверными [1136, с.112 – 116; 1023, с.15 – 32; 1123, с.33 – 38]. Таким образом, единственными обоснованными с научной точки зрения остаются даты Д.Т.Баярда, У.Сольхейма и Дж.Уайт, первый относит появление ранней бронзы в Таиланде к 2700 г. до н.э., второй – к 1-ой половине 3-го тысячелетия до н. э. и третья – к 2100 г. до н.э. Специальное исследование хронологии Бан Чанга и связанных с ним археологических памятников в Университете Пенсильвания под руководством Дж.Уайт показало, что бронза вполне могла существовать в третьем тысячелетии до н.э., а железо появилось не позже чем в 500 г. до н. э., и не ранее 1000 г. до н.э., отвергая тем самым утверждения Ч.Хайхема о том, что бронза и железо пришли в Таиланд по рекам из Северного Китая [1165, с.285 – 301].

Таким образом, практически все данные говорят в пользу существования ещё одного очага раннего металла в Юго-Восточной Азии, связи которого было бы интересно

рассмотреть не только с Китаем, но и с Индией. Точки зрения о существовании очага ранней бронзы в Индокитае придерживается и У.Мичем, бывший долгие годы председателем Гонконгского археологического общества и руководителем множества археологических раскопок в Гонконге вплоть до последних лет, который отстаивает независимое самостоятельное развитие Южного Китая, связывая его с Юго-Восточной Азией [1104, с.89 – 106][11]. Если не считать территорию Северного Таиланда, то наиболее ранняя находка бронзы в Юго-Восточной Азии была сделана Э.Сореном в местечке Ханггон провинции Донгнай Южного Вьетнама, который нашёл там сделанные из песчаника формы для литья бронзовых топоров, похожие на найденные в Нонноктха. Они датируются радиоуглеродным методом 2120±250 г. до н. э. [983, с.433 – 452; 1023, с.27].

Наиболее ранние находки бронзы в Северном Вьетнаме относятся к культуре Фунгнгуен. Известно свыше шестидесяти памятников этой культуры, которые в основном находятся в провинциях Виньфук и Хайфон. Большинство учёных её датируют первой половиной 2-го тысячелетия до н.э.

Бронзовые пластины и бронзовая пыль были найдены в третьем этапе культуры Фунгнгуен, называемом этапом нижнего слоя памятника Донгдоу[1]. В памятниках Гобонг и Сомжен провинции Футхо, Донгваунг г.Ханой, Байты и Тюалай провинции Бакнинь, а также памятнике Хоалок провинции Тханьхоа были найдены бронзовые и свинцовые пластины и бронзовая пыль. Даже критически относящийся к ранней вьетнамской бронзе Нисимура Масанари считает, что только три из этих находок могут вызвать сомнение: Донгваунг, Байты и Тюалай [1585, с. 277]. Что же касается остальных, то их существование никто не подвергает сомнению. Радиокарбонный анализ материала донгдоусского периода культуры Фунгнгуен даёт для нижних слоёв Донгдоу

[1] В данном случае речь идёт не о культуре Донгдоу, а об одноимённом археологическом памятнике.

дату 3328±100 лет до наших дней и для нижних слоёв Чангкеня дату 3405±100 лет до наших дней [1584, с.15][1].

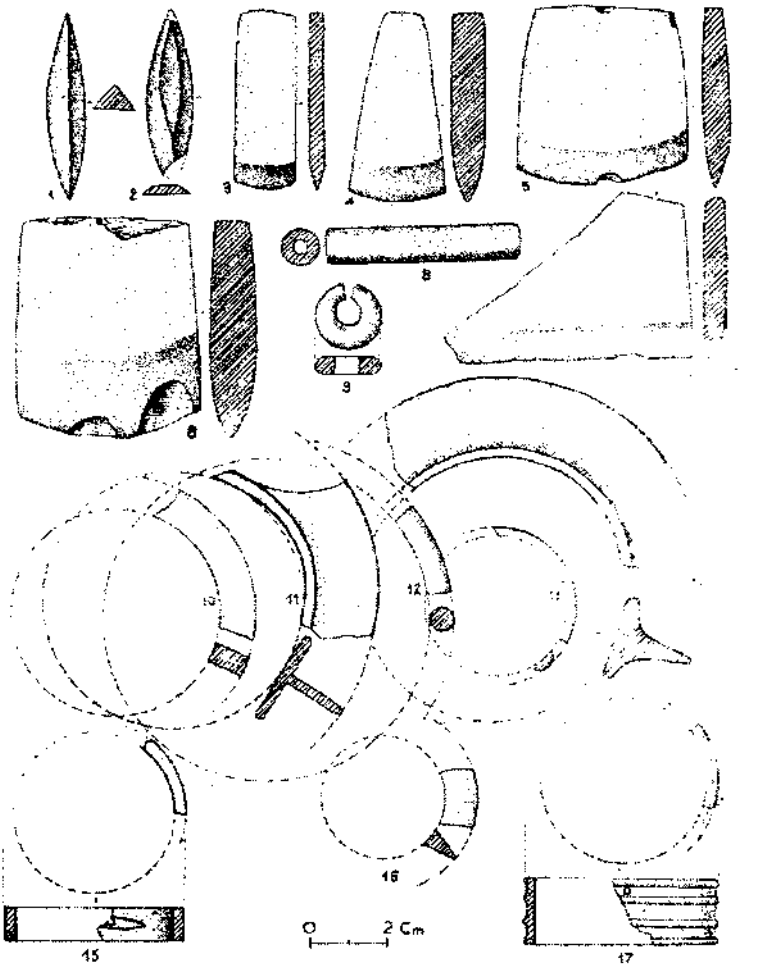
Наиболее известными памятниками культуры Фунгнгуен являются Фунгнгуен, Лунгхоа, Сомжен провинции Виньфук, Чангкень г.Хайфона и ряд других, практически на всей равнинной и горной территории Северного Вьетнама. Сам же Фунгнгуен был открыт в 1958 г., и раскопки там производились неоднократно, в результате чего была раскопана территория площадью свыше 4 000 м².

Некрополи этой культуры состоят из индивидуальных захоронений прямоугольной формы с вертикальной погребальной камерой. Характерной особенностью является сильная заглублённость захоронений, в ряде случаев свыше пяти метров. Могилы имеют ступенчатое углубление в центре и относительно высокую кромку. Захоронения ориетированы головой на юго-восток. Ряд могил имеет достаточно богатый инвентарь из нескольких десятков предметов, сосредоточенный, как правило, в головной части костяка. Он состоит из каменных орудий, украшений и керамики. Помимо некрополей и следов поселений также были найдены мастерские по производству каменных орудий (Чангкень). Характерно, что, как и в предыдущие периоды, некрополь и поселение, включая мастерские, составляют единый комплекс. Так, например, памятники Лунгхоа и Сомжен имеют богатые некрополи в черте поселений.

Инвентарь культуры Фунгнгуен состоит из камня, кости, керамики и бронзы. Каменные орудия и оружие чрезвычайно разнообразны. Это топоры, мотыги, тёсла, ножи, шилья, наконечники копий, стрелы и алебарды с отверстием, подобные распространённым в Южном Китае. Среди топоров преобладают дентальные, однако встречаются и плечиковые, как со сточенной с одной стороны поверхностью, так и заточенные с двух сторон.

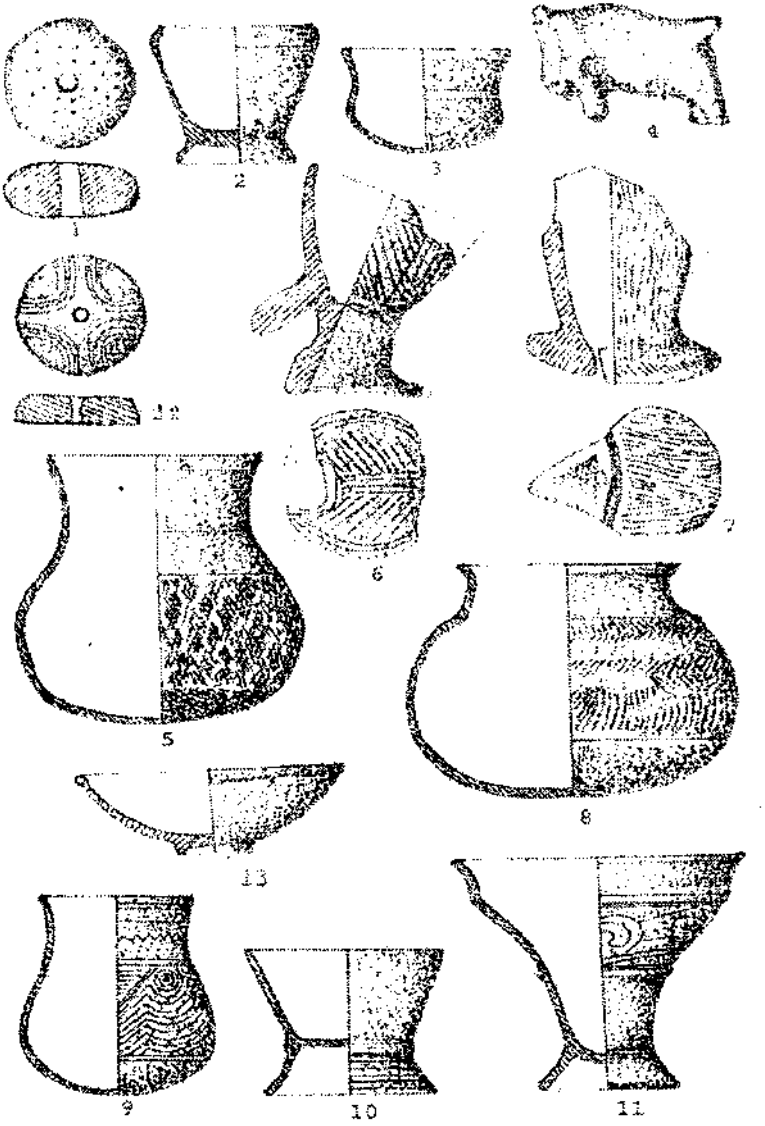
---

[1] Можно отметить, что плавильная форма для бронзового топора, относящаяся к XVII – XI вв. до н. э. или к эпохе Шан, была найдена и в Гонконге.

Мотыги имеют два типа лезвий – прямые и скруглённые. Большую часть украшений составляют каменные бусы, браслеты, встречаются и фигурки рыб, людей и другие высокохудожественные предметы.

Найдены также украшения из кости и рога, пряслица и другие предметы. Возрастает количество керамики, а её формы становятся более разнообразными. Так, в Сомжене на площади в 1000 м² свыше 25000 фрагментов керамики.

Инвентарь культуры Фунгнгуен.
А) Камень: стрелы (1, 2), топоры и долота (3 – 6), резак (7), трубка (8), серьга (9), браслеты (10 – 17); Б) Керамика: пряслица (1, 12), фигурка буйвола (4), трубки? (6, 7), сосуды (2, 3, 5, 8 – 11, 13) [1531.3; 1110]

Большая часть керамики изготовлена при помощи гончарного круга. Исключение составляют ножки и ручки

сосудов, пряслица и другие предметы, которые изготовлять на круге в принципе не очень удобно. Температура обжига составляла около 600 – 700 градусов. В керамике по-прежнему преобладают круглодонные сосуды, но появляются и сосуды плоскодонные, а также на низкой или высокой нередко фигурной ножке. Все они в основном серого и жёлтого цвета. По типу сосуды разделяются на сосуды для варки, хранения и употребления пищи. Отмечается большое разнообразие их видов и форм – от горшков, кастрюль и мисок до кувшинов. Большая часть сосудов широкогорлые, иногда с отогнутым венчиком. Значительная часть сохраняет плетёный и верёвочный орнаменты неолитического периода, однако характерная особенность культуры Фунгнгуен – высокохудожественная соединяющаяся двойная спираль в качестве поясного орнамента в сочетании с плетёным и верёвочным. Встречается и геометрический орнамент. Около трети фрагментов керамики вообще не орнаментированы.

Основным занятием людей культуры Фунгнгуен, несомненно, было земледелие, о чём косвенно свидетельствует и высокий уровень развития материальной культуры, невозможный при присваивающем хозяйстве. В фунгнгуенском слое памятника Донгдоу найдены зёрна риса на очаге. Также о наличии культивируемого риса говорит и анализ пыльцы с памятника Чангкень. Помимо риса здесь обнаружена пыльца бобовых растений, овощей и корнеплодов. Часто находят каменные серпы и мотыги. Важную роль в хозяйстве фунгнгуенцев играло и скотоводство. Находки керамических птичьих домиков свидетельствует о разведении кур. Считается, что кроме них в этот период держали не только собак, но и водяных буйволов и свиней, о чём свидетельствуют находки костей. Естественно, фунгнгуенцы активно использовали богатство тропического леса, собирая ягоды и коренья, что подтверждается находками косточек оливковых и других растений [1531.3, с.11 – 62].

В культуре Донгдоу уже широко распространены бронзовые оружие и орудия производства. Эта культура

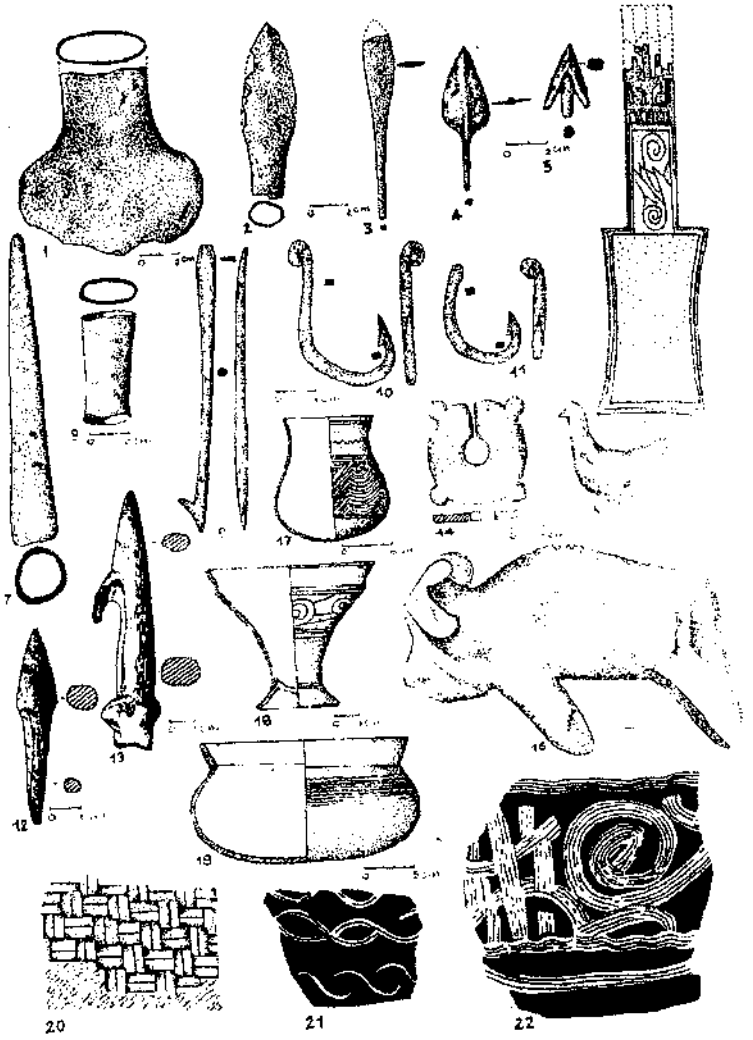
получила название по памятнику Донгдоу в провинции Виньфук, найденному в 1961 г. Она имеет радиоуглеродные датировки от 3280±150 до 2830±80 лет до наших дней [1585, с.277]. Есть ещё одна датировка 1999 г. донгдоусского слоя в Дайчати провинции Бакнинь, равняющаяся 3860±60 лет до наших дней. Однако столь ранняя датировка на сегодняшний день пока только одна [1585, с.277]. В целом же культура Донгдоу может быть датирована второй половиной 2-го тысячелетия до н.э.

Основным памятником этой культуры является многослойный памятник Донгдоу, нижний, пятый, слой которого относится к культуре Фунгнгуен, а верхний – к последующей культуре Гомун. Памятники этой культуры также найдены в равнинных и горных районах Северного Вьетнама в тех же местах, что и памятники культуры Фунгнгуен, при этом они большей частью расположены на естественных холмах.

Из бронзы в этот период изготавливается не только оружие, как это бывает на заре бронзовых культур, но и орудия производства, в том числе и сельскохозяйственные, что свидетельствует о широком распространении бронзы. В культуре Донгдоу найдены бронзовые топоры трёх разновидностей – прямоугольные, расширяющиеся в обе стороны и загнутые в одну сторону, которые и в дальнейшем остаются характерными для Северного Вьетнама, каменные и керамические формы для их выплавки, долота, наконечники копий и стрел, лопатки, ножи и рыболовные крючки. Химический анализ показал высококачественный бронзовый сплав с 80 % меди и 15 % олова.

Продолжают использоваться и такие каменные орудия, как дентальные и плечиковые топоры, а также удлинённой формы тесла. Из камня изготовляются и украшения, представленные плоскими и круглыми в сечении браслетами, часть из которых имеет выступы-украшения с четырёх сторон, различной формы серьги с разрезом, в который продевалась

мочка уха, бусинки. Из кости изготавливались шила, наконечники стрел и гарпуны.

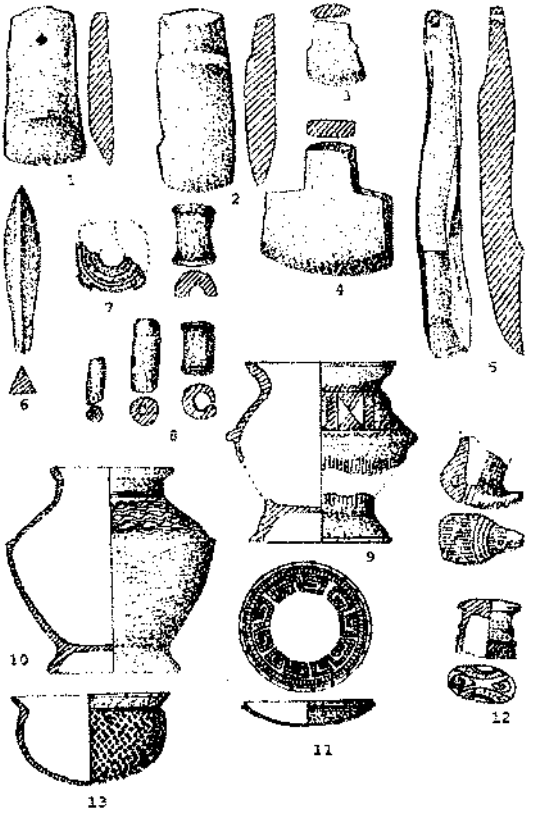

Инвентарь культуры Донгдоу.
Бронза: топор (1), наконечники копий (2, 3), стрелы (4, 5), лопатка (6), шило (7), крючки (9 – 11), трубка (8). Кость: стрела (12), крючок (13). Каменная серьга (14). Глиняные фигурки птицы (15), буйвола (16). Керамика и орнаменты на керамике (18 – 22) [1531.3]

В керамике помимо круглодонных сосудов широко распространяются сосуды на невысокой широкой подставке, скошенные ножки-подставки, напоминающие башмак, которые известны ещё по культуре Фунгнгуен. Сосуды в этот период не только широкогорлые, но и со слегка суживающимся горлом. Их корпус становится короче (ниже). Тем не менее основные типы те же, что и в культуре Фунгнгуен. Широко распространены и плоские в сечении пряслица. Керамика становится более прочной. По-прежнему в ней преобладает серый цвет, но при этом распространение также получают красный и коричневый. Орнаменты не покрывают весь корпус сосуда, а располагаются поясом или поясами по корпусу и венчику. В них преобладают гребенчатые и волнистые орнаменты из пяти линий. В остальном же сохраняются те же типы орнаментов, что и в культуре Фунгнгуен. Продолжает господствовать двойная спираль, широко распространён треугольный орнамент, а также орнамент из травинок и кругов. Единственный новый тип орнамента представляет собой одинарную спираль, отсутствующую как в культуре Фунгнгуен, так и в последующих культурах. Тем не менее стилистическое исполнение орнаментов новое, отличное от принятого в Фунгнгуене. В этот период также получают распространение различные фигурки животных и птиц из глины.

Основными занятиями донгдоусцев были земледелие, прежде всего рисоводство, о чём свидетельствуют многочисленные находки рисовых зёрен, и скотоводство. При этом разводили в основном водяных буйволов, свиней, кур и собак. Именно в этот период кости домашней свиньи начинают преобладать над костями дикого кабана. Тем не менее по-прежнему много костей оленя, которых больше, чем костей других животных, таких как кабан, дикий водяной буйвол и, насколько можно судить по бивням, слон. Они показывают, что охота продолжала занимать важное место в этом обществе, что объясняется, прежде всего, богатыми природными ресурсами Северного Вьетнама.

Культура Гомун получила своё название по памятнику Гомун, найденному в провинции Виньфук в 1961 г. В настоящее время известно свыше тридцати памятников этой культуры, которые датируются XI – VIII вв. до н.э. и расположены на холмах равнинных и горных районов бассейна реки Красной [1246, с.33 – 35, 176 – 182].

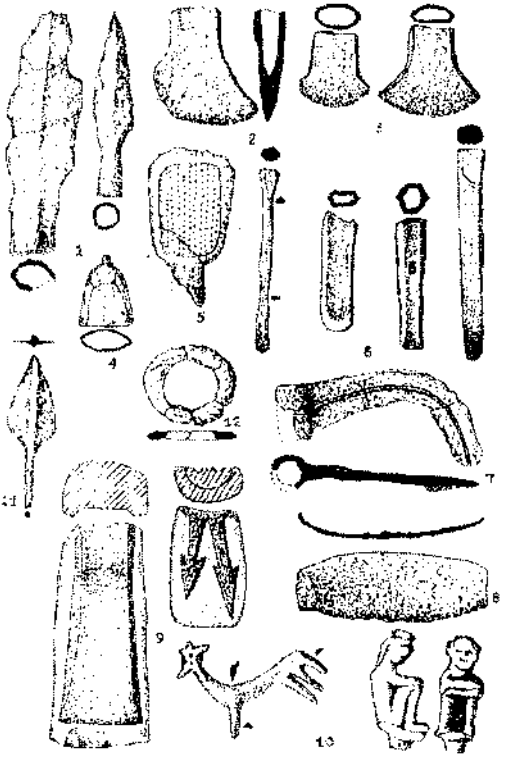

А

Памятник Гомун представляет собой достаточно обширный холм, при этом предполагаемая площадь древнего городища составляет пятнадцать тысяч квадратных метров. Бронзовые оружие и орудия производства на этом памятнике уже составляют половину от их общего числа. Бронзовый инвентарь культуры Гомун представлен топорами с лезвием, расширяющимся в обе стороны, со скошенным лезвием,

расширяющимся в одну сторону (башмаковидные), долотами, лопатами, серпами или косами с отверстием для рукояти и стрелами. Также были найдены каменные формы для выплавки топоров и стрел. Появляются такие украшения и изделия из бронзы, как кольца, браслеты, маленькие колокольчики, фигурки людей и птиц. Из каменного инвентаря сохраняются дентальные и плечиковые топоры, мотыги, серьги с разрезом и бусины в форме трубочек. То есть в камне сохраняются те же формы, что и в культуре Донгдоу, тогда как бронза становится всё более разнообразной.

Б

Инвентарь культуры Гомун.
Камень: топоры (А1 – 4), мотыга (А5), стрела (А6), серьги (А7), бусины (А8). Керамика (А9 – 12). Бронза: наконечник копья (Б1), топоры (Б2,3), колокольчик (Б4), лопатка (Б5), долото (Б6), серп (Б7), пластина (Б8), фигурки (Б10), стрела (Б11), браслет (Б12). Литейная форма (Б9) [1531.3; 1110]

Температура обжига керамики поднимается до девятисот градусов. Она становится ещё более прочной. Помимо круглодонных сосудов появляются и плоскодонные, больше становится сосудов на подставке, сосуды ещё больше вытягиваются по горизонтали, появляются и узкогорлые сосуды, распространяется отогнутый венчик. По типам для этой культуры характерны неглубокие круглодонные миски, горшки, кувшины на подставке, миски на высокой ножке и ряд других видов керамической посуды. Орнаменты практически во всех случаях штампованные, низ сосудов часто покрыт верёвочным орнаментом, по корпусу и у венчика идут поясные орнаменты из кругов, соединяющихся и не соединяющихся двойных спиралей, травинок и треугольников. То есть сохраняются всё те же типы, что и в предыдущий период, но стилизация их совершенно иная. В этот период появляется и геометрическая двойная спираль.

Как и в предыдущие периоды, основным занятием гомунцев было земледелие. О его прогрессе свидетельствует, например, находка бронзовых серпов на памятниках Донгдоу и Тюатхонг (Ханой) [1246, с.112]. Примечательно, что такой же по форме серп и две формы для его выплавки были найдены и на памятнике Млу Прей в северной Камбодже, достаточно далеко от региона распространения культуры Донгдоу. Об этом же свидетельствует и распространение ям-зернохранилищ.

В целом следует отметить, что культуры Фунгнгуен, Донгдоу и Гомун обнаруживают преемственность друг к другу по территории распространения, типу памятников, инвентарю и даже по орнаментам на керамике. Поэтому очевидно, что они отражают развитие одного и того же этноса, жившего здесь, по крайней мере, ещё в период неолита. Эти же черты унаследовала и следующая культура Донгшон.

Культура Донгшон уже относится к периоду раннего железа. Она получила свое название по памятнику в провинции Тханьхоа, впервые раскопанному в 1924 г. В настоящее время во Вьетнаме известно свыше ста двадцати

памятников культуры Донгшон [1531.1, с.22 – 45]. Наиболее известные памятники донгшонской культуры Колоа и Вьеткхе. Она датируется временем от VIII – VII вв. до н.э. до I – II вв. н.э. [1531.3, с.268].

Поселения культуры Донгшон располагались, как и в предыдущие периоды, на холмах с некрополями в их черте, хотя в этот период появляются и некрополи, стоящие на некотором расстоянии от поселений. Как и в предыдущий период, могилы прямоугольной формы с вертикальной погребальной камерой, костяк положен на спину с вытянутыми конечностями. Ориентация могил на север и на северо-запад. Инвентарь располагается в голове и в ногах. Количество инвентаря сильно различается в зависимости от могилы, что свидетельствует о значительном классовом расслоении. В некоторых могилах насчитывается несколько десятков металлических предметов, в других инвентаря либо нет вообще, либо это несколько керамических сосудов. В могиле памятника Вьеткхе найдено более ста предметов инвентаря, семьдесят девять из которых бронзовые, в том числе – два барабана.

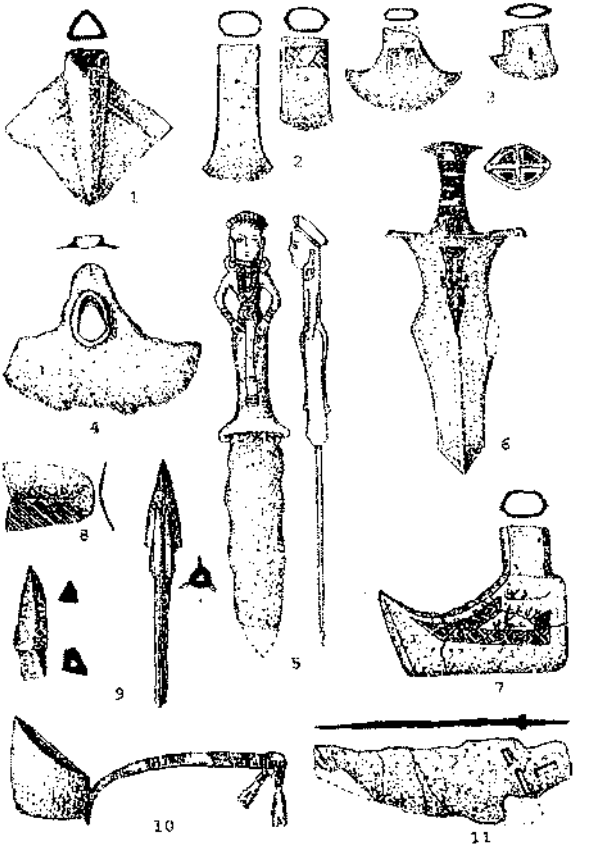
Большого размера укреплённое городище, обнаруженное в Колоа, позволяет говорить о появлении у донгшонцев крупных поселений[I]. Такое классовое расслоение, наличие укреплённых городищ и высокий уровень материальной культуры свидетельствуют о формировании у древних вьетов государственности. Важно отметить, что укрепления в Колоа продолжают использоваться и в первый период «Эпохи северной зависимости», когда северная часть Вьетнама была включена в состав империи Хань[II].

Камень в культуре Донгшон встречается уже крайне редко и в основном применяется для изготовления таких украшений, как браслеты, серьги и бусы. Встречаются и стеклянные бусы [1531.1, с.138 – 147]. Часто браслеты и

[I] План Крепости Улитки в Колоа на смотри с.254 в «Главе 2» «Части I» настоящего тома.

[II] Смотри «Главу 4» «Части I» настоящего тома.

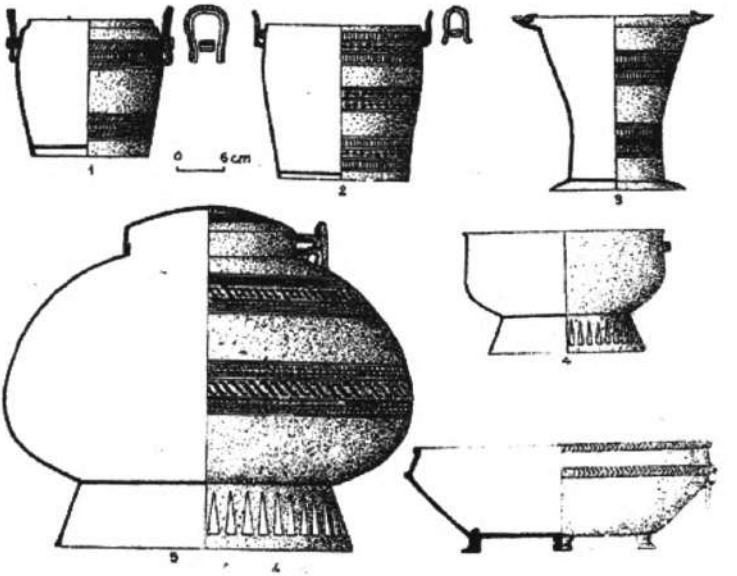
другие украшения изготавливаются из бронзы. Бронзовый инвентарь культуры Донгшон чрезвычайно разнообразен. Среди топоров по-прежнему распространены три типа: с прямоугольным лезвием, с лезвием, которое равномерно расширяется в обе стороны, и башмаковидные. В этот же период появляются различной формы бронзовые мотыги, бороны и ложки.

А

Из оружия помимо стрел и копий получают широкое распространение кинжалы, ряд которых имеет волнообразное на подобие малайских крисов фигурное лезвие и рукоять, украшенную фигурками стоящего человека, боевые башмаковидные кельты и алебарды. На памятниках Донгшона

по-прежнему находят керамические и каменные формы для отливки бронзовых орудий и оружия, и, как и в Северном Таиланде, здесь также обнаружены льячки или ковши для расплавленного металла.

Б

Культура Донгшон. Бронзовый инвентарь.
А. Орудия и оружие: плуг (1), топоры (2,3), мотыга (4), кинжалы (5,6), боевой топор (7), алебарда (11), ложка (10), стрелы (9), лезвие (8);
Б. Бронзовые сосуды [1531.3; 1110]

Появляются и такие достаточно крупные предметы из бронзы, как сосуды и барабаны, достигающие более метра в высоту и покрытые различными орнаментами. Бронзовые сосуды культуры Донгшона банкообразные, с плоским дном и стенками, приделанными ручками и зачастую с крышкой. Из получивших наибольшую известность донгшонских барабанов к собственно периоду Донгшон относятся только типы Хегер-1 и пре-Хегер. Бронзовые барабаны получают широкое распространение и за пределами донгшонской культуры

практически по всей Юго-Восточной Азии, включая южную часть Китая и острова Индонезии. Тем не менее большая их часть найдена в Северном Вьетнаме, доказывая тем самым, что центром их распространения является именно этот регион[1].

Бронзовый барабан Нгаук Лу: H 0,61 м., Ø 0,78 м.
Musée Guimet № 0359 2214/12

Помимо маленьких колокольчиков в культуре Донгшон распространяются и колокола большого размера. По частоте их находок очевидно, что, будучи, по всей видимости, ритуальными предметами, музыкальные инструменты играли особую роль в духовной культуре и религии древних вьетов. Именно они, как и бронзовые ритуальные сосуды у китайцев, стали знаковым символом Донгшонской культуры. Также появляется много разной бронзовой мелочи, представленной

[1] Иллюстрации с донгшонскими бронзовыми барабанми и частями их орнамента смотри в «Главах» «1» «Части I», «Части III» и «Части IV».

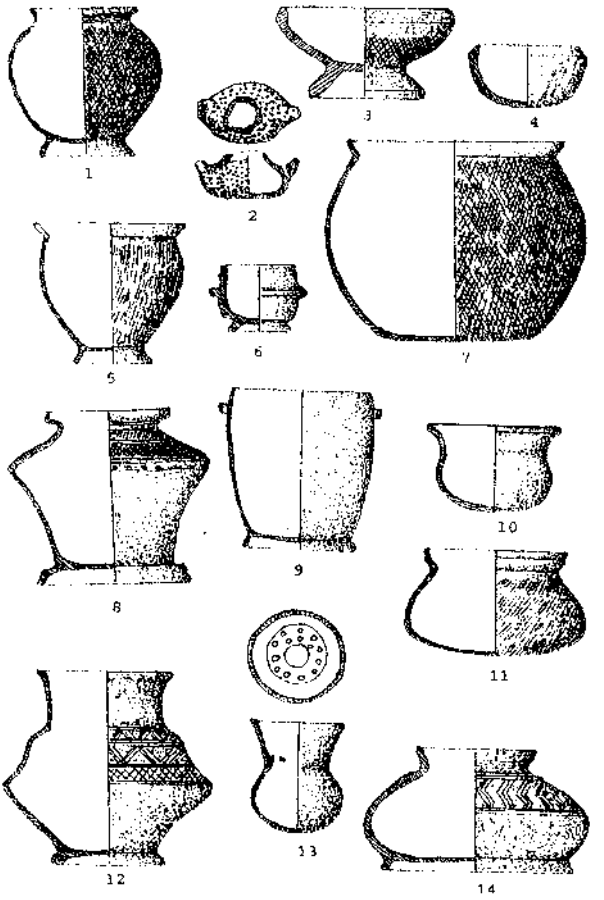
курительными трубками и фигурками людей и животных. Очевидно, что в ту эпоху бронза становится всё более дешёвым материалом, заполнившим повседневный быт. Многие предметы из бронзы имеют фигурные украшения и декорированы высокохудожественными орнаментами, в том числе изображениями людей, водяного буйвола, оленя и птиц. Таким орнаментом украшены даже небольшие предметы типа боевых кельтов. Наиболее частыми знаковыми фигурами на бронзовых барабанах становятся фигуры людей в плюмаже и летящих птиц с длинным клювом. Очевидно, они играли особую роль в религиозном сознании и мифологии древних вьетов.

Изменяется и химический состав бронзы. Процент содержания свинца в ней увеличивается до 20 %, а количество олова уменьшается, что, возможно, связано с нехваткой олова при широком распространении бронзы [1531.1, с.305].

В период Донгшон в VI – IV вв. до н.э. появляется и довольно быстро распространяется железо [1531.1, с.310 – 311]. Найдены, как куски железа, видимо оставшиеся при плавке, так и готовые изделия – мотыги, лопаты, топоры, кинжалы и ножи. Проблема в том, что железо плохо сохраняется в земле, и поэтому изделия из него доходят до нас реже и в худшем состоянии, чем бронза. Следовательно, можно предположить его ещё большее процентное распространение, чем то, которым характеризуются дошедшие до нас памятники. Поэтому культуру Донгшон, вне всякого сомнения, следует относить к раннему железному веку.

В керамике по-прежнему сохраняются те же типы и орнаменты, что и в предыдущий период, хотя их формы становятся разнообразнее. Сами же орнаменты, наоборот, упрощаются, что, видимо, следует связывать с утратой керамикой перешедшей к металлу ритуально значимой роли, хотя она и продолжает использоваться в погребальном инвентаре. Всё больше становится плоскодонных сосудов и сосудов на подставке, сохраняется и невысокая ножка. В отличие от Южного Китая и Таиланда во Вьетнаме совсем не

встречаются триподы, или сосуды на трех ножках. По назначению это различные горшки, кувшины, миски и сосуды для варки, парки и хранения продуктов. Также встречаются сосуды со сливом, наподобие чайника.

Культура Донгшон. Керамика:
горшки (1, 5, 6, 7, 9 – 11), кувшин со сливом (2), сосуд для варки на пару (13), кувшины (8, 12, 14), миски (3, 4, 10) [1110]

Наряду с сосудами, покрытыми по всему корпусу верёвочным или гребенчатым орнаментом, распространены и неорнаментированные или орнаментированные полосами

сосуды. Среди полосных орнаментов сохраняются те же основные типы, что и в культуре Гомун (круги, дойные спирали и треугольники), однако они больше стилизуются как геометрические. Ряд орнаментов становится более сложным технически, появляется и орнамент из птиц с длинным клювом, подобный орнаментам на бронзе. Керамика по-прежнему серого цвета, хотя появляются и красные, и светлосерые сосуды.

Культура Донгшон тесно связана с рядом соседних культур. Наиболее тесными были связи с культурой Шичжайшань в китайской провинции Юньнань, которую, видимо, следует считать одной из разновидностей Донгшонской культуры. Сходство с Фуцзянью и Гуандуном имеют орнамент из пунктирных линий, волнистый, треугольный и зубчатый орнаменты. Остальные орнаменты – свои, например «Г»-образный. Также свои и особенности сочетания различных элементов, имеющихся в орнаментах Гуандуна. Тем не менее сходство с Гуандуном и в орнаментах, и в их сочетаниях очевидно, с Фуцзянью же такого сходства нет. Точно так же и в бронзе отмечаются как общие черты Северного Вьетнама с Гуандуном, например похожий на гуандунский втульчатый кельт, расширяющийся к лезвию, так и свои, совершенно нехарактерные для устья реки Чжуцзян и тем более для Фуцзяни, например «башмаковидный» кельт.

Следует отметить, что жившие на территории Гуандуна и Северного Вьетнама *паньюэ* и *лаквьеты* оказываются гораздо более тесно связанными с миром северо-западных *вьетов* (Ба, Шу и Чу), чем с миром северо-восточных *вьетов* (Миньюэ и царство Юэ в Чжэцзяне). Это показывает и распространение кривых частично башмакообразных кельтов, которые есть в Юньнани, Сычуани, Гуанси, Гуандуне и Хунани, не считая, естественно, Вьетнама и Индонезии, но отсутствуют в Чжэцзяне и Фуцзяни, хотя там есть промежуточные формы в виде кельтов с сильно расширяющимся искривленным лезвием. Точно также широкие короткие кинжалы с узкой рукояткой, украшенной

геометрическим орнаментом или спиралями, распространены по всей территории Сычуани, Хунани, Гуанси, Гуандуна и Северного Вьетнама, а также в Хубэе и даже в Шэньси, но отсутствуют на юго-востоке КНР [1590, с.44 – 52; 1586, с.48 – 51; 1587, с.86 – 101; 1588, с.231 – 240; 1589, с.18 – 22; 1583, с.1 – 20; 1355, с.29 – 33]. То же самое можно сказать и о донгшонских банкообразных бронзовых сосудах с двумя ушками, которые распространены в Северном Вьетнаме, Юньнани, Гуанси и Гуандуне, но отсутствуют в Фуцзяни и Чжэцзяне. Алебарды с тонким удлинённым верхним концом, как правило, украшенные орнаментом по поясу, встречаются в Таиланде, Северном и Южном Вьетнаме, Юньнани и Сычуани. В Чжэцзяне хотя и есть похожий тип, но он всё-таки отличается как от тех типов, которые распространены в Индокитае, так и от того типа, который распространен в юго-западном Китае.

Разные степени близости *вьетов* (*юэсцев*) Вьетнама и Южного Китая в период раннего железного века были проанализированы вьетнамским учёным Нгуен Зюи Хинем. Согласно предложенной им схеме, в Южном Китае выделяется по отношению к донгшонской культуре четыре области. Первая – это район южного Гуанси и западного Гуандуна, который не имеет ничего общего с китайской бронзовой культурой и полностью связан с северовьетнамской бронзой. К западу от него находится регион с родственными Шичжайшаньской культурами, которые тоже близки к Северному Вьетнаму. Третьим идёт район реки Сянцзян на территории нынешней Хунани, культура которого сходна с Шу в Сычуани и где также попадаются и северо-вьетнамские вещи. Наконец, четвёртым обозначен регион культуры Гуандуна к востоку от устья реки Чжуцзян и Юго-Восточного Китая. Эта культура лишь в какой-то степени родственна Шу и Северному Вьетнаму [1355, с.29 – 33].

Культура Донгшон совпадает по времени с возникновением вьетской государственности. А вьетнамские учёные, относя эту культуру к фазе протогосударственности,

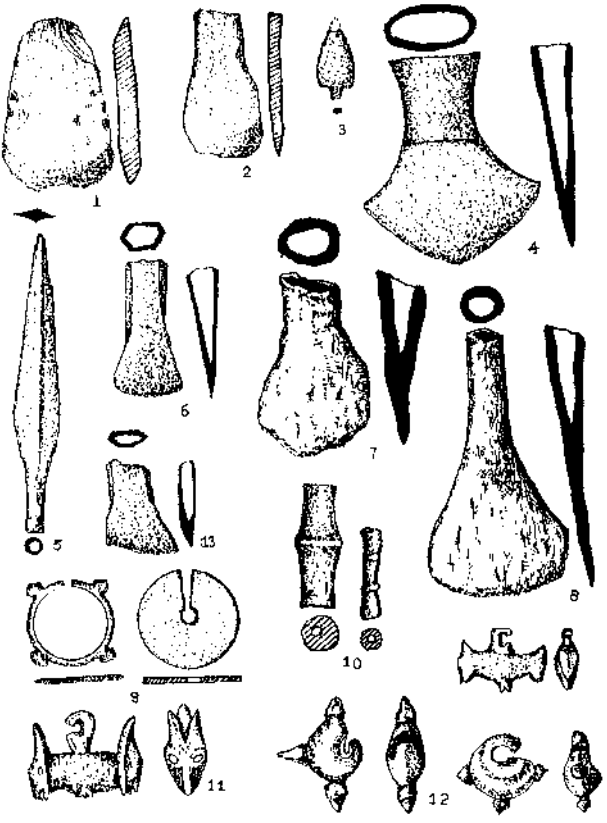
соотносят её с эпохой королей Мужественных [1531.1, с.428 – 429].

С районами Южного и южной части Центрального Вьетнама связи были слабее, здесь в этот период существует культура Сахюинь, которая сильно отличается от Донгшона. Тем не менее распространение бронзовых барабанов и колоколов показывает, что Донгшонская культура в этот период оказывала сильное влияние не только на Индокитайский полуостров, но и практически на весь регион Юго-Восточной Азии, включая его островную часть.

Культура Сахюинь занимает прибрежные районы Вьетнама от провинции Тхыатхиен-Хюе на севере и до провинции Биньтхуан на юге, не захватывая при этом дельту Меконга и юго-западный район Южного Вьетнама. Эта культура датируется приблизительно V в. до н.э. – I в. н.э. и затем продолжается в тямской культуре. Её памятники, обнаруженные ещё во французский период, начали широко исследоваться только после 1975 г. К настоящему времени они найдены по всему побережью в провинциях Тхыатхиен-Хюе, Дананг, Куангнам, Куангнгай, Биньдинь, Фуиен, Кханьхоа и Ниньтхуан. Памятники культуры Сахюинь встречаются и в горных районах. Основными памятниками этой культуры являются Лаунгтхань и Биньтяу в провинции Куангнгай, а её главный тип представлен песчаными холмами [1531.3, с.311 – 376]. Для этой культуры характерен специфический способ захоронения в больших керамических урнах достаточно большого, свыше одного метра, размера. Костяк помещался в урну в скрюченном состоянии. Погребальный инвентарь состоял из украшений, а также бронзовых и железных орудий, зачастую находившихся в специальных сосудах. Примечательно, что в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии обряд захоронения в больших керамических урнах известен только в Корее и на японском острове Кюсю.

Из бронзового инвентаря в культуре Сахюинь распространены топоры с симметрично расширяющимся лезвием, наконечники копий и стрелы. Примечательно, что

характерные для Донгшона башмаковидные орудия и оружие здесь отсутствуют. Из железных орудий здесь присутствуют топоры и мотыги, также сохраняются каменные топоры дентальной формы и стрелы с черенком.

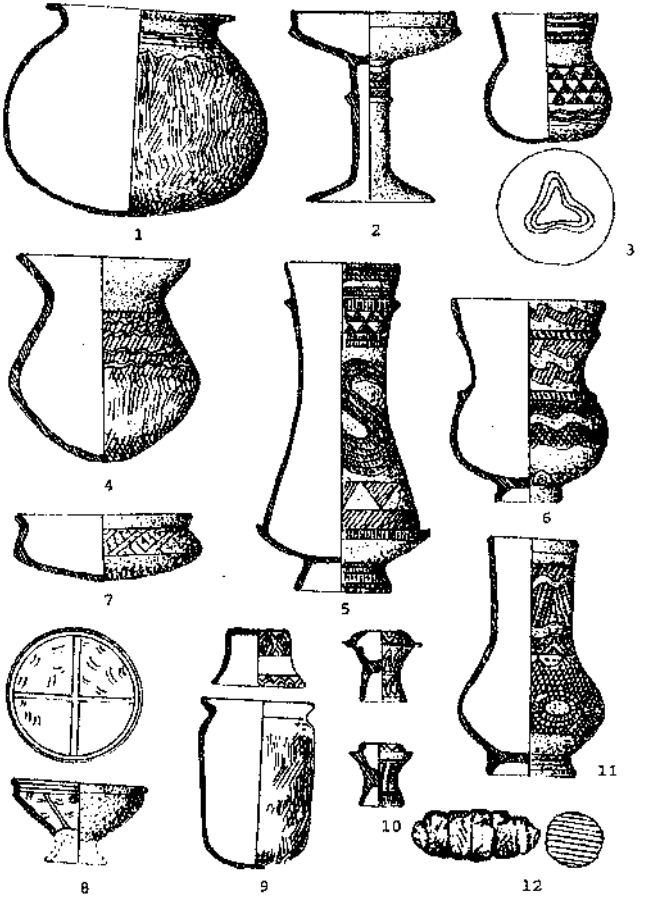

Инвентарь культуры Сахюинь.
Бронза: топоры (4, 6), стрела (3), наконечник копья (5); железо: заступы (7, 8); камень и стекло: топоры (1,2), серьги (9, 11, 12), бусина (10) [1110]

Много и таких украшений из камня, как серьги и браслеты с разъёмом и бусины. Отличительной чертой этой культуры является большое число украшений из карнелита, агата и стекла, в том числе бусин круглой, цилиндрической и ромбовидной форм. Встречаются и подвески в форме крючков

с тремя острыми выступами или фигуркой какого-то животного с двумя головами.

Керамика культуры Сахюинь также сильно отличается от Донгшонской как по формам, так и по орнаментам. Её характерная особенность состоит в удлинённой форме сосудов на невысокой подставке, представленных вазами и кувшинами различной формы.

Культура Сахюинь.
Керамика: горшки (1, 3, 4, 10), миски (2, 7, 8), погребальная урна (9), кувшины (5, 6, 11), грузило (12) [1110]

Другая её особенность, связанная с наличием остродонных сосудов с сильно расширяющимся венчиком и мисками на высокой ножке-подставке, тоже не характерна для севера. Также встречаются как круглодонные сосуды типа горшков и мисок, так и сосуды на невысокой ножке. Среди орнаментов господствуют гребенчатые. Многие сосуды покрыты волнистыми, спиралевидными и треугольными поясными орнаментами. Встречается и украшение-налеп на ножке или у венчика сосуда. Таким образом, ряд орнаментов, сходен с орнаментами северной керамики, но по своему стилю они значительно отличаются друг от друга [1531.3, с.311 – 376].

Культура Ок-ео получила известность в результате раскопок Л.Маллере в 1942 и 1944 гг. на одноимённом памятнике в нынешней провинции Анзянг. Однако некоторые памятники этой культуры были известны ещё с конца XIX в., как, например, Батхе в провинции Анзянг и Готхап в провинции Донгтхап. Инвентарь данной культуры описывался и до Л.Маллере, в частности М.Корром и А.Парментье [1302, с.25, 82]. Тем не менее, именно раскопки в Ок-ео не только дали обширный материал, позволивший охарактеризовать эту культуру, но и ряд уникальных предметов, показавших её связь с внешним миром.

Памятники этой культуры датируются на основе радиоуглеродного анализа I – VII вв. н.э.[1] и располагаются в районе дельты Меконга, в провинциях Анзянг, Киензянг, Миньхай, Кантхо, Чавинь, Тиензянг, Донгтхап, Лаунган и г.Хошимин. Ряд памятников этой культуры найден и на территории Кампучии. На территории Вьетнама на 1995 г. было известно восемьдесят девять её памятников, наиболее значительные из которых Ок-ео и Батхе в провинции Анзянг, Нентюа в провинции Киензянг, Лыукы в провинции Чавинь и Готхань в провинции Тиензянг.

---

[1] Наиболее ранняя дата 1880±50, а наиболее поздняя – 1150±55. Они были получены в памятниках Батхе и Докхи провинции Миньхай соответственно [1302, с.442 – 443].

Культура Ок-ео. Скульптура и мелкая пластика.
Каменная скульптура: Вишну (1,4,5), Шива (2), Будда (3), линга (7,8,11), линга и йони (9); бронзовая скульптура: Ганеша (6); золотая пластина (9), линга и йони из стекла (10) [1302]

Кроме того, культура Ок-ео распространяется практически на всю территорию Кампучии, где известен ряд таких её памятников, как Ангкор Борей в провинции Такео, Прохеар и Битмиа в провинции Прей Венг на границе с

Вьетнамом, Прей Кхменг в провинции Сием Реап и Пум Снай в провинции Бантэй Менчей на северо-западе страны[12]. Вряд ли можно сомневаться, что культура Ок-ео принадлежит древним *кхмерам*, так же как культура Сахюинь – *тямам*[13].

Для Ок-ео характерны три типа памятников: поселения, храмовые комплексы и некрополи. Если от поселений сохранились лишь следы деревянных конструкций, то культовые сооружения строились из обожженного кирпича или камня, и поэтому их фундаменты хорошо сохранились. По большей части, храмы имели прямоугольную конструкцию и были ориентированы с востока на запад, где находился алтарь. По форме некоторых фундаментов, например в Лыукы провинции Чавинь, можно предположить, что некоторые из них стояли на возвышенной площадке, символизирующей в индуизме гору Меру, при этом ряд сооружений имеет достаточно сложную конструкцию. Также встречаются и целые храмовые комплексы .

Инвентарь культуры Ок-ео состоит из каменной и деревянной скульптуры, украшений из золота, стекла и камней, а также керамики. Менее известны орудия труда и оружие. Характерная особенность этой культуры – большое количество индуистской и буддистской каменной скульптуры, представленной статуями Брахмы, Шивы, Вишну, Будды, Лакшми, Ганеши и других богов. Надо полагать, что эта особенность характерна для всего региона, так как такая скульптура встречается и в Центральном Вьетнаме (Тямпе). Есть линги и йони. Сохранилась и деревянная скульптура, как, например, в Ок-ео и Тхапмыое провинции Донгтхап.

Наиболее ранние образцы скульптуры относятся к V в., то есть ко времени падения Фунани или к позднему периоду культуры Ок-ео.

Важным свидетельством ранних контактов с западным миром служат находки римских монет и гемм с античными сюжетами и с надписями брахми, а также индийских монет, впервые обнаруженных в Ок-ео ещё Л.Маллере. В последнее

время такие монеты также были найдены и в дельте Меконга на северо-западе Кампучии.

Культура Ок-ео.
Античные и эллинистические геммы и монеты:
геммы – вверху в центре, монеты – остальные [887; 1582]

Также было найдено большое количество золотой фольги с изображениями божеств, людей, реальных и фантастических животных, цветов, использовавшихся в качестве храмовых приношений, костей животных с отверстиями, видимо, также связанных с храмовыми приношениями, стеклянных линг и йони, золотых и позолоченных медных колец, серёг, других мелких золотых предметов, бус из стекла, камня, карнелита, агата и других минералов круглой, цилиндрической, ромбовидной формы чёрного, синего, зелёного, красного и прозрачного цветов, бронзовых и железных орудий, керамики, керамических пряслиц. Иногда бусы имеют орнамент из полос. Ряд бус относится к так называемому индо-тихоокеанскому типу (цилиндрические рубленные бусы из стекла и минерального сырья), производившегося, вероятно, в Восточной Индии и материковой Юго-Восточной Азии. Они являлись продуктом широкого обмена и часто встречаются на юге Кореи, в Японии и на островах Индонезии[14].

Важный материал по культуре Ок-ео даёт памятник Пум Снай в Северо-Западной Кампучии, раскапывавшийся под руководством Чучь Пына и С.В.Лаптева[15]. В 2007 г. были проведены раскопки в пяти местах вокруг деревни Снай и в четырёх из них были обнаружены некрополи железного века и каменные стены прямоугольной формы. Кхун Самен, директор Национального музея Камбоджи того времени, их датировал периодом Пре-Ангкора, или V – VII вв. Эти некрополи демонстрируют сосуществование двух совершенно разных погребальных обрядов – горизонтального и ямного со значительным различием в инвентаре между ними.

В горизонтальных захоронениях костяк положен на спину с головой, повернутой набок, и ориентирован головой на запад или на северо-запад. Инвентарь ямных захоронений состоит лишь из небольшого количества керамики, тогда как в горизонтальных захоронениях он достаточно разнообразен. Керамические сосуды клали на живот и в ноги умершего, на

руки надевали бронзовые браслеты и иногда в них вкладывали меч.

Культура Ок-ео. Памятник Пум Снай. Фото С.В.Лаптева:

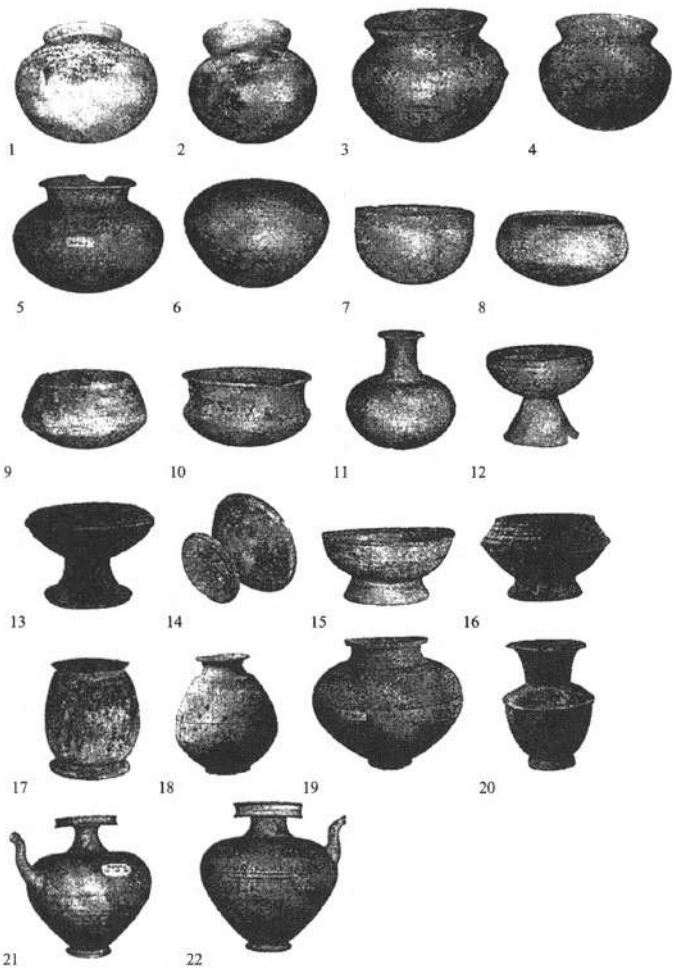
Первый тип захоронений. Раскоп В. Могила №1

Второй тип захоронений. Раскоп Е. Могила №13

Помимо этого встречаются золотые или позолоченные серьги, характерного для Ок-ео типа.

На основании сходства с культурой Ок-ео в Южном Вьетнаме некрополи Пум Сная следует датировать III – VI вв., то есть железным веком.

Масштаб:1 – 6,19 – 22 (1:10);11,17,18 (1:7); 7 – 10, 12 – 16 (1:5).
Культура Ок-ео. Памятник Пум Снай. Основные типы керамики: Круглодонная (1 – 6: горшки, 7 – 10: миски, 11: кувшин); миски на высокой ножке (12 – 14); миски на поддоне (15 – 16); плоскодонная (18 – 20: кувшины, 21 – 22: «кенди») [1097.2]

В керамике преобладает серая со средней толщиной стенок, реже, в основном в поздних периодах, крашенная тонкостенная керамика из жёлтой глины. Подавляющее большинство сосудов, кроме нескольких «кенди»[16] позднего типа, сделано без использования гончарного круга.

Керамика по большей части простой формы, преобладают круглодонные сосуды: горшки с отогнутым венчиком или без венчика со средней ширины горлышком или узкогорлые без венчика, а также открытые миски без венчика. Реже встречаются плоскодонные сосуды: кувшины с отогнутым поддоном и венчиком, «кенди». Есть также ряд сосудов на невысокой ножке-подставке – это открытые миски без венчика, реже с сужающимся венчиком.

Керамика покрыта простым верёвочным орнаментом, реже встречаются неорнаментированные сосуды.

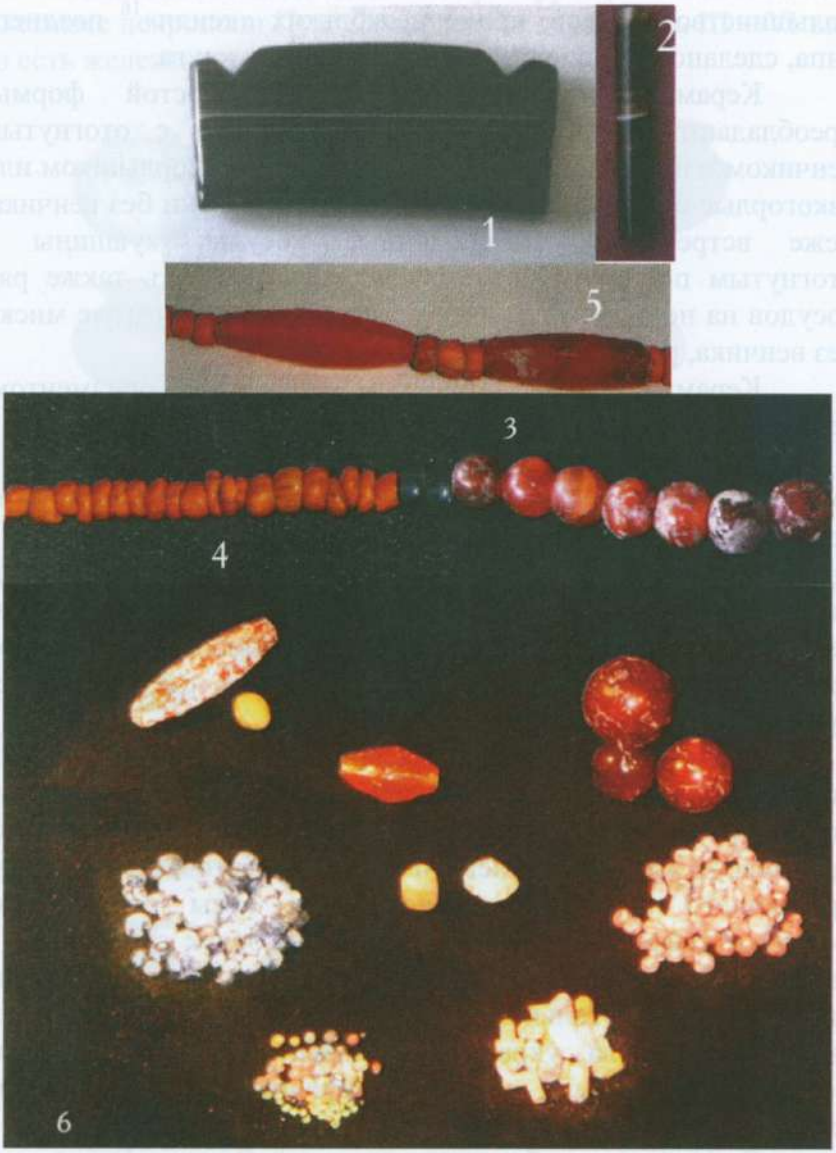
Сосуды из жёлтой глины, как правило, крашенные – имеют тонкую красную полосу по венчику и по центру корпуса. Встречаются и «кенди», выкрашенные охрой в красный цвет. Во время раскопок также был найден сосуд, окрашенный в жёлтый цвет с полосами орнамента из чередующихся горизонтальных линий, нанесённых красной краской, и полосами орнамента из солнц с расходящимися лучами.

Значительную часть найденного инвентаря составляют стеклянные, карнелитовые и агатовые бусы. По большей части они круглые или цилиндрические рубленные, жёлтого, оранжевого, красного, зелёного и синего цветов. Есть бусы из прозрачного кристалла, карнелитовые бусы ромбической формы и стеклянные бусы в форме трубочек с чёрными и светлыми полосками. Из этого же некрополя происходят пластинки прямоугольной формы с двумя выемками по бокам из тёмного стекла, украшенные более светлыми полосами. Вероятно, они были частью ожерелий, так как внутри пластинок проходит сквозное отверстие.

Бóльшая часть бронзовых изделий Ок-ео представлена значительным количеством различного типа и видов наручных

браслетов, среди которых встречаются как сомкнутые, так и с разъёмом.

Культура Ок-ео. Памятник Пум Снай. Фото С.В.Лаптева:

Инвентарь из стекла, агата, карнелита.
Масштаб 1, 3 (1:1,5), 2, 5 (1:2), 4 (1:1), 6 (1:1,5)

Как правило, эти браслеты не имеют украшений, хотя иногда они покрыты спиралевидным орнаментом.

Культура Ок-ео. Памятник Пум Снай. Фото С.В.Лаптева:

Инвентарь из бронзы. 1 – 7: браслеты, 8: заколка, 9 – 10: браслеты, 11: перстень, 12: ложица, 13 – 16: колокольчики.
Масштаб 1 – 10 (1:2,5), 11 (1:1), 12 (1:4), 13 – 15 (1:3), 16 (1:2)

Встречаются и браслеты с бубенчиками, как прикреплёнными с внешней стороны к браслету, так и

размещёнными в его полой внутренней части. Изредка встречаются бронзовые кольца, изредка украшенные головой водяного буйвола, маленькие колокольчики и бубенчики с петлей наверху. В разное время в Пум Снае было найдено несколько колокольчиков и бубенчиков с головой водяного буйвола и фрагменты бронзовой миски.

Железных орудий мало и все они очень плохой сохранности. Это несколько коротких мечей и фрагменты других орудий. Также в раскопе были обнаружены золотые серьги, при этом много позолоченных серёг было найдено местными жителями.

Инвентарь некрополя Пум Снай имеет большое сходство как с инвентарём памятника Прохеар, исследовавшегося в последние годы А.Рейнеке (ФРГ), так и с инвентарём памятников, раскопанных в дельте Меконга вьетнамскими археологами.

Это сходство прослеживается не только на парадном инвентаре, но и на рядовых предметах (керамике, а также бронзовых и железных орудиях), что подтверждает мнение о том, что культура Ок-ео относится к древним *кхмерам*. В то же время, находки культуры Ок-ео позволяют обратить внимание и на ряд черт, присущих *вьетам* и *кхмерам*, которые являются общими для народов, населяющих районы как к югу от Янцзы, так и долину Меконга, например культ водяного буйвола.

* * *

Такова общая картина археологических открытий на территории современного Вьетнама, позволяющая в определённой степени реконструировать материальную базу доклассовых хозяйственно-культурных общностей и этнокультурных систем классовых обществ эпохи формирования и развития ранней вьетской государственности, анализу которой посвящены главы «Части I» настоящего тома.

ЧАСТЬ I

Ранние вьетские государства Ванланг, Аулак и Намвьет

Глава 1

Юг Восточной Азии. Проблема ранней вьетской государственности и царства Ванланг

При анализе проблемы возникновения ранней вьетской государственности основным является ключевой вопрос об аутентичности сведений вьетнамских источников о царстве Ванланг, однозначного ответа на который не существует. Главная причина этого кроется в том, что хотя указанные сведения касаются всего громадного региона родственных культур к югу от Янцзы, фактически они относятся лишь к той его южной части, которая включает территорию современного Северного Вьетнама (Бакбо) с незначительными анклавами на севере (в Гуандуне и Гуанси) и на юге (северная часть Центрального Вьетнама, или Чунгбо). Такая специфика вьетнамских источников связана с тем, что они опираются на древнюю устную историческую традицию, которая восходит к 3-му тысячелетию до н.э. и образована тремя составляющими. Так, первая[I] отражает взаимосвязи всего региона родственных культур в границах большого «опрокинутого треугольника» территорий с основанием по реке Янцзы, западной стороной по линии Сычуань – Юньнань – Гуанси, восточной стороной по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун и вершиной в Бакбо; вторая[II] – связи по западной (Сычуань – Бакбо) и восточной (Чжэцзян – Бакбо) сторонам малого «треугольника» южных земель; наконец, третья[III] касается лишь вершины обоих «треугольников» (Гуанси – Бакбо – Гуандун), которая образует наименьший из всех «треугольник» земель крайнего юга.

Таким образом, анализ проблемы возникновения раннего государства на территории современного Северного

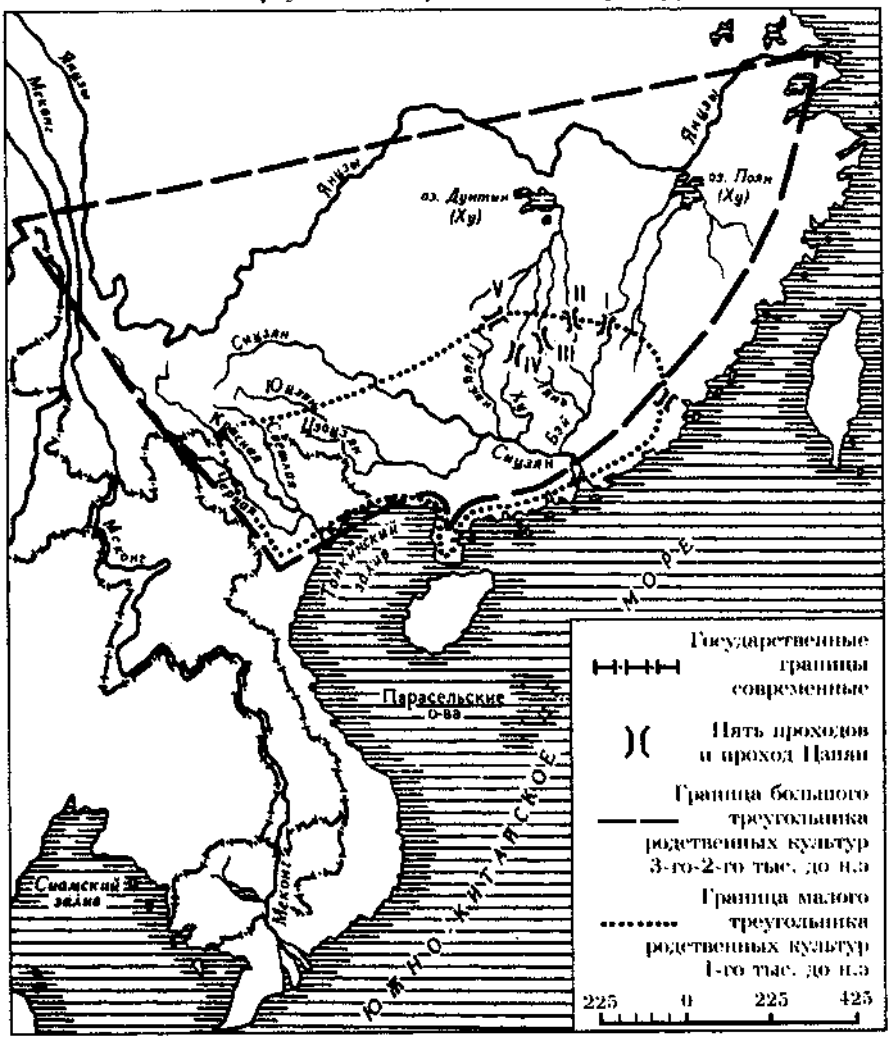
[I] Устная историческая традиция 3-го – 2-го тыс. до н.э.

[II] Устная историческая традиция 1-ой половины 1-го тыс. до н.э.

[III] Устная историческая традиция 2-ой половины 1-го тыс. до н.э., данные которой были записаны не позднее III – II вв. до н.э.

Вьетнама обуславливает привлечение материала по территории всего юга Восточной Азии [550, с.67, 68, 91].

Большой и малый треугольники родственных культур южнее Янцзы

При этом необходимо ещё раз подчеркнуть, что в исследуемую эпоху все эти территории образовывали самостоятельный этнокультурный регион (треугольник родственных культур), южной вершиной которого являлся

Северный Вьетнам, где гипотетически сложилось раннее вьетское государство, называемое во вьетнамских средневековых письменных источниках царством Ванланг. Если теперь обратиться к реальным фактам, то складывается следующая картина.

Во второй половине 3-го тысячелетия до н.э. на юге *хуаского*[1] мира обитал народ *цзяочжи*, при этом уточняется, что народ *саньмяо* жил в районе озера Дунтин, а *цзяочжи* проживали к юго-западу от него. При описании событий после XII в. до н.э. из китайских источников исчезает этноним *цзяочжи* и появляются этнонимы *цзинмань*, *чумань*, *маньи*, *июэ*, а затем с середины 1-го тысячелетия до н.э. или чуть ранее эти этнонимы в свою очередь заменяются этнонимами юэских племён: *уюэ* – в Цзянси, *яюэ* – в Хубэе и Хунани, *дяньюэ* – в Юньнани, *дунюэ* – в Чжэцзяне, *миньюэ* – в Фуцзяни, *наньюэ* – в Гуандуне, *лоюэ* – на юге Гуанси и на севере Вьетнама. Наконец, во 2-ой половине 1-го тысячелетия до н.э. указывается на выделение в провинциях Гуанси и частично Гуандун мелких юэских племён под общим названием «*сто юэ*», а также на выделение *сиюэ* на юге Гуанси и локализацию *лоюэ*, которые с этого момента будут называться во вьетнамской фонетике *лаквьет*, на территории Северного Вьетнама [486, с.136 – 148]. Название этноса *цзяочжи*, которое с этого места также будет приводиться во вьетнамском чтении *зяоти*, снова появляется в китайских источниках лишь в эпоху Хань при описании событий 111 – 110 г. до н.э. в качестве ханьского наименования одного из административных подразделений на территории Северного Вьетнама[1].

Приведённые выше сведения китайских памятников в определённой степени дополняются данными вьетнамских памятников, которые сообщают о *зяоти* следующее:

К концу 3-го тысячелетия до н.э. появляется «множество государств»[2], при этом отмечается, что «зяоти находились далеко за ста вьетами; ни его, ни другие государства нельзя было подчинить управлению; и тогда

[1] Хуа: принятое наименование собственно китайского этноса.

провели границу по юго-западной окраине»[3]. Также имеется интерпретация, согласно которой *зяоти* проживали далеко на юго-западной окраине территории обитания *ста вьет*[1] [36, с.109; 236.1, кн.1, с.1а]. Ко второй половине 3-го тысячелетия до н.э. относится упоминание о *зяоти* в составе других этнонимов, которые интерпретируются либо как пятнадцать племён, либо как пятнадцать административных управлений. Существует несколько списков их названий. Наиболее древний приведён в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» (№1), несколько более поздний – в «Удивительных сказаниях [о] Линьнани» Чан Тхе Фапа (№2), наконец, самый поздний – в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» и в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях», составленном по повелению императора» (№3). Сопоставление этих трёх списков даёт следующую картину упоминания и расположения указанных этнонимов в каждом из списков:

№1	№2	№3
1. Ванланг	–	1.+
2. Зяоти	1.+	2.+
3. Вьеттхыонг	2.+	3.+
4. Ниньхай	3.+	4.+
5. Лукхай	–	5.+
6. Хоайхоан	4.+	6.+
7. Вуниньь	5.+	7.+
8. Кыутян	6.+	8.+
9. Биньван	–	9.+
10. Кыудык	–	10.+
11. Куаннинь	–	–
12. Зянинь	–	–
13. Тханьтуен	–	–
14. Тансыонг	–	–
15. Нятнам	7.+	–
№2	№1	№3
8. Тюзиен	–	11.+
9. Фуклок	–	12+

[1] Сто вьет: вьетнамское чтение термина «сто юэ».

10. Зыонгтуен	–	13+
11.Ниньшон	–	–
12. Куезыонг	–	–
13. Тяндинь	–	–
14. Куелам	–	–
15. Тыонгкуан	–	–
№3	№1	№2
14. Вудинь	–	–
15. Танхынг		

Таким образом, названия Зяоти, Вунинь, Вьеттхыонг, Ниньхай, Хоайхоан и Кыутян упоминаются трижды; наименования Нятнам (списки №1 и №2), Ванланг, Лукхай, Биньван, Кыудык (списки №1 и №3), Тюзиен, Фуклок и Зыонгтуен (списки №2 и №3) – дважды; наименования Куаннинь, Зянинь, Тханьтуен, Тансыонг (список №1), Ниньшон, Куезыонг, Тяндинь, Куелам, Тыонгкуан (список №2), Вудинь и Танхынг (список №3) – один раз.

К этому можно добавить, что во 2-ой половине 3-го тысячелетия до н.э. племена *зяоти* локализуются в Намзяо, а к концу 2-го тысячелетия до н.э. относится запись о том, что земли *ста юэ* и *цзячжи* вошли в состав чжоуского округа Ян. К этому же периоду относится свидетельство, согласно которому род *Вьеттхыонг* на юге области Зяоти посылал дары ко двору династии Чжоу[4]. Аналогичное упоминание рода *Юэшан*[1] содержится и в китайских источниках [36, с.109; 236.1., кн.1, с.4а; 239.6, с.245 – 249].

Итак, очевидно, что этнонимы *зяоти* и *вьеттхыонг* занимают особое место в приведённых списках, а изучение вьетнамских источников позволяет также выделить название *Ванланг*. Отсюда следует, что проблема *зяоти – вьеттхыонг – Ванланг* должна рассматриваться как единое целое, и поэтому представляется целесообразным предварительно суммировать сведения о Ванланге в письменных источниках.

[1] Китайское чтение этнонима «Вьеттхыонг».

В соответствии с «Записью истории Великого Вьета, полным описанием» и «Отражением истории Вьета, основой [и] частностями, составленным по повелению императора» в начале 3-го тысячелетия до н.э. возникло государство Ванланг. Согласно традиции границы этого государства характеризовались следующими параметрами: на востоке они шли по береговой линии Южно-Китайского моря (Чжэцзян-фуцзяньский район и Гуандун), на западе – включали Ба и Шу (Сычуань-юньнаньский район и Гуанси), на севере они доходили до озера Дунтин (иначе – до берегов Янцзы), а на юге – до Хотона (одно из наименований государства Тямпа), то есть, они включали в себя северную часть Центрального Вьетнама. Согласно той же традиции Ванланг просуществовал с 2879 по 258 г. до н.э., и управляла им династия королей Мужественных, которых всего насчитывается восемнадцать [236.1, кн.1, с.3а – 4б; 239.6, с.225 – 227].

В Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» даётся иная интерпретация возникновения Ванланга. По этому источнику, между 696 и 681 гг. до н.э. человек из племени *зянинь* объединил под своей властью все племена, создал государство Ванланг и принял титул короля Мужественного. До 258 г. до н.э. было восемнадцать государей с этим титулом. Кроме того, сообщается о попытке Гоу Цзяня (правитель царства Юэ в Чжэцзяне) в 496 – 465 гг. до н.э. установить обмен посольствами с Ванлангом [36, с.109].

Наконец, все три источника сообщают о делении государства Ванланг на пятнадцать административных управлений, перечень которых приведён выше. Следовательно, согласно устной исторической традиции, границы легендарного Ванланга в 3-ем – начале 2-го тысячелетия до н.э. в основном совпадают с ареалом родственных культур той же эпохи в границах «опрокинутого» треугольника территорий с основанием по реке Янцзы, восточной стороной – по провинциям Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, западной стороной – по провинциям Сычуань, Юньнань, Гуанси и вершиной в Северном и северной части Центрального Вьетнама. А если

при этом учитывать тот факт, что центром собственно китайской цивилизации являлось среднее и нижнее течение Хуанхэ и что в 3-ем – начале 2-го тысячелетия до н.э. этой цивилизации лишь местами достигал Янцзы [360; 432, с.148], то «*именно среднее течение реки Янцзы с районом озера Дунтин следует признать "юго-западной окраиной" этого ареала и соответственно территорией расселения племён зяоти*» [1224.1, с.27 – 30].

Дальнейшие процессы этногенеза во 2-ом тысячелетии до н.э. привели к выделению из этнической общности *зяоти* целого ряда родственных групп [391, с.56 – 135], о которых говорилось выше. Однако здесь возможно определённого рода уточнение: если принять во внимание, что в китайских источниках по отношению к той эпохе термин *мань* применялся для определения «южных варваров», термин *и* – для определения «западных варваров», а термин *юэ* – для определения вьетских племён, то этнонимы конца 2-го – начала 1-го тысячелетия до н.э. приобретают совершенно иную окраску. *Цзинмань*, *чумань*, *маньи* и *июэ* интерпретируются соответственно как «южные варвары из Цзин», «южные варвары из Чу», «юго-западные варвары», «западные юэ». То есть речь идёт о локализации к XII в. до н.э. центральной и юго-западной группы родственных племён, которые территориально обитали в районе озера Дунтин, Сычуани, Юньнани и частично – Гуанси. В дальнейшем этноним *дяньюэ* заменяет этноним *июэ*, при этом он прямо увязывается с *июэским* государством Дянь, которое существовало на территории Юньнани в V – III вв. до н.э. [392, с.190, 191].

Чуть позже к началу 1-го тысячелетия до н.э. прослеживается аналогичное выделение юго-восточной группы родственных племён, которое уже с IX в. до н.э. сопровождается формированием ранних государств, или, по принятой в синологии терминологии, царств. Так, этноним *уюэ* однозначно интерпретируется как «юэ из царства У в Цзянси»; *дунюэ* – как «восточные юэ из Чжэцзяна и северной части

Фуцзяни», то есть территории, где к IX в. до н.э. отмечается появление царства Юэ, а после его падения в IV в. до н.э. – царства Дунюэ. Этноним *миньюэ* в свою очередь интерпретируется как «южные варвары юэ из Фуцзяни», где в конце IV – начале III в. до н.э. возникло государственное образование Миньюэ [392, с.152, 153]. Что же касается этнических групп *намвьет*, *лаквьет* и *тэйвьет*, или *тэйау*[1], то они непосредственно связаны с ранней государственностью на территории Северного Вьетнама, а потому о них пойдёт речь несколько ниже при рассмотрении вопроса о её возникновении. Здесь же необходимо отметить, что государственность у *намвьет* и *тэйау* возникает в III в. до н.э.: у *тэйау* – несколько ранее, в рамках государственного объединения Аулак, а у *намвьет* – несколько позже, в рамках государственного объединения Намвьет – Аулак под общим наименованием Намвьет, тогда как у *лаквьет* государственность сформировалась на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама. Косвенным свидетельством существования последней в начале V в. до н.э. является уже приведённая запись о попытке обмена послами, предпринятой Гоу Цзянем между 496 и 465 гг. до н.э. Ниже будет показано, что имеются все основания датировать возникновение государства Лаквьет или царства Ванланг с династией королей Мужественных не позднее VIII – начала VII в. до н.э.

Последним из упомянутых выше этнонимов является *яньюэ*, который интерпретируется как «юэ из Ян» и является синонимом этнонима *сто юэ*, при этом он заменяет его приблизительно к V в. до н.э. [392, с.185]. Территорией же расселения этой группы протовьетских племён на раннем этапе их развития являлись современные китайские провинции Хубэй и Хунань.

---

[1] В данном случае этнонимы приводятся во вьетнамском чтении, так как они связаны с собственно вьетскими территориями. Все предыдущие этнонимы приведены в китайском чтении. Важно лишь учитывать, что иероглифы 粤 и 越 читаются по-китайски как «юэ», а по-вьетнамски – как «вьет».

Таким образом, отмечаемая в письменных источниках консолидация этнических общностей в Сычуань-юньнаньском районе, в Приморской зоне и в зоне Гуандун – Гуанси – Северный Вьетнам на протяжении 3-го – 1-го тысячелетий до н.э. в целом соответствует процессу выделения в рамках родственного комплекса неолитических культур «опрокинутого» треугольника территорий Южного Китая и Северного Вьетнама более дробных культурных комплексов эпохи энеолита и бронзы [392, с.56 – 136, 152 – 177].

В свете вышеизложенного материала правомерно поставить вопрос о Вьеттхыонге и поздней локализации Зяоти.

Существует две версии о локализации Вьеттхыонга, историчность которого, подтверждаемая как китайскими, так и вьетнамскими письменными источниками, не ставится под сомнение. Согласно первой, Вьеттхыонг находился либо на территории провинции Хубэй, либо на территории уезда Юйчжан провинции Цзянси. То есть речь идёт о землях, которые позднее должны были входить либо в царство Чу, либо в царство Юэ и, по всей вероятности, в чжоуский округ Ян. Согласно второй версии, Вьеттхыонг находился на территории Северного или северной части Центрального Вьетнама. В качестве возможного местонахождения Вьеттхыонга указываются провинции Куангчи, Куангнам, Нгеан, Хатинь и даже Виньфу в долине Красной реки [239.6, с.235 – 241]. Анализ источников показывает, что для эпохи конца 2-го тысячелетия до н.э. вторая версия маловероятна. Она основывается на сообщении «Книги Мин» о том, что Вьеттхыонг находился на территории Линьи или Тямпы, то есть, на территории Центрального Вьетнама, на том, что Вьеттхыонг упоминается во всех списках пятнадцати административных управлений или племён Ванланга, и, наконец, на сведениях из вьетнамских летописных сводов. Но что же сообщается в этих сводах?

В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» содержится сообщение о том, что в правление короля Завершителя династии Чжоу (1115 – 1078 гг. до н.э.) род

Вьеттхыонг поднёс ему в дар белого фазана. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» уточняется: 1. Это произошло при одном из королей Мужественных; 2. Род Вьеттхыонг прямо связывается с Вьетом (Ванлангом); 3. Князь Чжоу не принял дары, повелел сделать колесницу и отправил на ней послов и дары обратно. Наконец, в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» приводятся следующие данные: 1. Род Вьеттхыонг находился на юге области Зяоти; 2. Послов посылали более трёх раз; 3. Приблизительно в 1110 г. до н.э. после долгих уговоров князь Чжоу принял дары, повелел поместить их в семейный поминальный храм и приказал отправить послов обратно другой дорогой на пяти колесницах; 4. Послы отправились в путь вдоль побережья стран Фунань и Тямпа и лишь год спустя вернулись домой. 5. В «Примечании» говорится, что Фунань расположена на большом острове к западу от Наньхая округа Нятнам и к юго-западу от Лэмап (Тямпы), при этом уточняется, что Фунань находится на расстоянии 7000 замов (около 3780 км) к северу от Нятнама и более 3000 замов (около 1620 км) к юго-западу от Тямпы [36, с.109; 236.1, кн.1, с.4а; 239.6, с.245 – 249].

Вышеприведённая географическая локализация Фунани, Тямпы и Нятнама содержит взаимоисключающие сведения. Из текста следует, что послы возвращались домой с севера (из Чжоу) на юг (во Вьет), но при этом они продвигались вдоль побережья Фунани и Тямпы, то есть с юга на север. На запад, юго-запад и север от побережья нет никакого острова, а есть материк. Наконец, историческая Фунань действительно находилась в Индокитае к юго-западу от Тямпы и была древнейшим докхмерским государством на этой территории, возникшим не позднее II в. н.э. Следовательно, возможность путешествия послов вдоль берегов Фунани и Тямпы следует исключить. Кроме того, уже отмечалось, что вплоть до середины 1-го тысячелетия до н.э. собственно хуаские царства междуречья Хуанхэ и Янцзы не имели контактов с южными районами юга Восточной Азии и, тем более, с Индокитаем. В

то же время миграционные процессы тесно связывали Приморскую зону юга Восточной Азии от устья реки Янцзы с Юньнанью через Гуандун и Гуанси. Не вызывает сомнения, что именно с этими миграционными процессами связаны многочисленные свидетельства о сохранившихся преданиях малых народов Юньнани и Северного Вьетнама, согласно которым их предки жили во Вьеттхыонге. А эти предания, в свою очередь, включают в себя легенду о постройке королём Завершителем династии Чжоу колесницы с устройством, указывающим путь на юг[5].

Если теперь обратиться к сведениям о том, что в конце 2-го тысячелетия до н.э. Вьеттхыонг находился на юге Зяоти, а само Зяоти локализуется в среднем течении реки Янцзы, то следует признать, что Вьеттхыонг находился где-то на стыке провинций Хубэй и Цзянси, к юго-западу от царства Юэ в Чжэцзяне [1224.1, с.37 – 42]. Этот вывод не вызывает сомнения и на сегодняшний день принимается всеми специалистами. В то же время представляется возможным точнее локализовать Вьеттхыонг как по временным рамкам, так и территориально. Согласно летописному своду «Запись истории Великого Вьета, полное описание», король Воинственный династии Чжоу (1122 – 1115 гг. до н.э.) разделил Поднебесную на девять округов, при этом земли *ста юэ* и *зяоти* вошли в состав округа Ян [236.1, кн.1, с.4а]. Однако известно, что этноним *сто юэ* является синонимом более раннего этнонима *яньюэ*, или «юэ из округа Ян». Кроме того, известно, что правящие роды ранних царств Чу и Юэ носили одно и те же родовое имя *Ми* [1224.1, с.43, 44]. Наконец, установлено, что прародиной протовьетских племён являлось среднее и, возможно, нижнее течение Янцзы, то есть район возникновения царств Чу и Юэ, а также более раннего чжоуского округа Ян. К этим сведениям примыкает факт миграции *яньюэ* на протяжении 1-го тысячелетия до н.э. на юг из Хубэя и Хунани в Гуандун, Гуанси и, возможно, Юньнань, где их различные группы с V в. до н.э. известны как *сто юэ*.

Все эти факты позволяют локализовать Вьеттхыонг в XII – XI вв. до н.э. на территории округа Ян и связать его с этнической группой янюэ. *Не исключено, что его правители также носили родовое имя Ми и были основателями царств Чу и Юэ. Однако возможно и то, что возникновение на рубеже 1-го тысячелетия до н.э. царства Чу и Юэ послужило импульсом к миграции* янюэ *на юг.*

Если теперь рассмотреть проблему локализации Зяоти во второй половине 1-го тысячелетия до н.э., то определение «юго-западная окраина», приобретает совершенно иной смысл. Расселение племён *ста юэ* в Гуандуне и Гуанси позволяет выделить в качестве юго-западной окраины территорию Северного и северной части Центрального Вьетнама, которая идентифицируется с территорией расселения *лаквьетов*, их ранним государством или царством Ванланг с династией королей Мужественных и пятнадцатью административными управлениями, или племенами.

Таким образом, представляется возможным указать на *аутентичность понятий* зяоти, лаквьет *и* Ванланг *для второй половины 1-го тысячелетия до н.э.*

Следовательно, процессы этногенеза и выделения родственных археологических комплексов на юге Восточной Азии эпохи позднего неолита и бронзы в 3-ем – 1-ом тысячелетии до н.э. могут быть соотнесены со следующими этапами формирования ранних классовых вьетских (юэских) обществ.

- Локализация в 3-ем – 2-ем тысячелетиях до н.э. племён *цзяочжи* (*зяоти*) в районе чжоуского округа Цзин (среднее течение Янцзы).
- Выделение к XII – XI вв. до н.э. протогосударственного объединения Юэшан (Вьеттхыонг) в районе чжоуского округа Ян (нижнее течение Янцзы).
- Образование в X в. до н.э. царств Чу и Юэ на месте чжоуских округов Цзин и Ян.

- Возникновение в VII – V вв. до н.э. царств Ба, Шу и *июэского* (*зивьетского*) царства Дянь (Диен) в Сычуань-юньнаньском районе.
- Обособление к V в. до н.э. в Центральном районе этнических групп *ста юэ* (*ста вьет*): а. Локализация с этого времени *зяоти* на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама; б. С падением царств Чу и Юэ – образование в южной части Центрального района в IV – III вв. до н.э. царства Елан; в. несколько позднее возникновение в её северной части царства Чанша.

Таким образом, очевидно, что если царство Ванланг в действительности существовало, то его следует связывать исключительно с *лаквьетским* этносом, а территориально оно должно было находиться на крайнем юге указанного ареала родственных культур, то есть, в границах современного Северного и, возможно, северной части Центрального Вьетнама. Также не вызывает сомнения, что наиболее тесные связи царство Ванланг должно было иметь с Приморской зоной по линии Гуандун – Фуцзянь – Чжэцзян и с Сычуань-юньнаньским районом по линии Гуанси – Юньнань – Сычуань. Иными словами, речь идёт о связях с царством Юэ в Чжэцзяне и царством Шу в Сычуани. Этот вывод принимался всеми исследователями древней истории Вьетнама – как теми, кто отрицал существование Ванланга, так и сторонниками его историчности. При этом основными аргументами как тех, так и других являются различные интерпретации сведений о 15-ти административных управлениях, или племенах, о происхождении названия Ванланг и о 18-ти королях Мужественных. Именно в этом порядке и будут рассмотрены указанные спорные вопросы древней истории *лаквьетского* государства.

В начале данной главы приведены основные сохранившиеся списки 15-ти административных управлений или племён, которые при сопоставлении для большего удобства обозначены №1, №2 и №3. Анализируя все три списка можно констатировать, что если в каждом из них

приводится лишь по 15-ть названий, то всего их насчитывается 25. При этом установлено, что название Зяоти восходит к концу 3-го – началу 2-го тысячелетия до н.э., а название Вьеттхыонг – к рубежу 2-го – 1-го тысячелетий до н.э., тогда как связанные с этими названиями территории локализуются в нижнем и среднем течении Янцзы. А не позднее, чем с середины 1-го тысячелетия до н.э., Зяоти уже локализуется на территории Северного Вьетнама. В это же время согласно традиции Вьеттхыонг локализуется на территории северной части Центрального Вьетнама в провинциях Куангнам и Куангчи [239.6, с.239][6]. Названия Вунинь, Ниньхай, Хоайхоан и Кыутян также упоминаются во всех трёх списках.

Согласно источникам, опиравшимся на географические исследования выдающегося вьетнамского учёного, поэта и общественного деятеля XV в. Нгуен Чая, Зяоти находилось на месте провинции Шоннам (современный Ханой или районы Ханоя, Намдиня и Хынгиена); Вьеттхыонг занимал территорию от Хайланга до Диенбана (бывшая провинция Тхуанхоа или часть территорий современных провинций Куангнам и Куангчи); Вунинь включал земли современного Бакзянга (Бакнинь или Киньбак); Ниньхай идентифицируется с Куангиеном (Анбангом); Хоайхоан – с Нгеаном, а Кыутян с Тханьхоа и частично с Нгеаном [239.6, с.239 – 241]. Из этих шести наименований два использовались как названия областей в составе округа Цзяо (Зяо) со 111 г. до н.э.: области Цзяочжи (Зяоти) и Цзючжэнь (Кыутян). Даже на примере этих шести наименований можно выделить три группы расселения: Зяоти и Вунинь – северо-западный и центральный район Северного Вьетнама; Ниньхай – район залива Халаунг; Кыутян, Хоайхоан и Вьеттхыонг – Приморская зона. Точно так же сопоставление наименований списка №1 позволяет проследить их деление на три группы: первая (Зяоти, Вунинь, Зянинь, Тханьтуен и Тансыонг) – в районе низменности Северного Вьетнама с примыкающими к ней северо-западными горными областями и частично территориями Гуанси и Гуандуна; вторая (Вьеттхыонг, Куаннинь, Кыутян,

Нятнам, Хоайхоан, Кыудык и Биньван) – в районе Приморской зоны южной части Северного и северной части Центрального Вьетнама; третья (Ниньхай и Лукхай) чётко идентифицируется с зоной залива Халаунг [1223, с.15, 16]. Что же касается Ванланга, то он идентифицируется как со всей этой территорией, так и с районом провинции Виньфу, то есть с самым центром северо-вьетнамской низменности. Списки №2 и №3 с другими наборами названий принципиально не изменяют указанного выделения территориальных групп.

Наконец, всё вышесказанное дополняется весьма интересной гипотезой, согласно которой названия 15-ти административных управлений представляют собой названия соответствующих родов. При этом роды населявшие земледельческие районы имели «мирные» наименования, а обитатели горных районов, как правило, носили «воинственные» имена. А из этого следует вполне обоснованный вывод, согласно которому «эти названия, быстро утратившие первоначальный смысл, могут свидетельствовать о том, что вначале существовало определённое различие между равнинными группами – основными производителями продуктов, возможно, переселившимися ранее, и приграничными горными группами, в хозяйстве которых большую роль играла охота и которые из-за своего пограничного положения часто участвовали в военных столкновениях» [342, с.121, 122; 770, с.224].

Таким образом, всё свидетельствует в пользу гипотезы о происхождении территориальных наименований из ранних этнонимов различных лаквьетских племён, населявших территорию Северного и северной части Центрального Вьетнама в 1-ом тысячелетии до н.э. Остаётся вопрос о цифре «15». Устойчивость этой цифры во вьетнамской исторической традиции свидетельствует либо о её реальности, либо о её сакральном характере. Однако имеются все основания считать, что цифра «15» реально отражает количество объединившихся в союз *лаквьетских* племён. В пользу этого говорят следующие данные.

Во-первых, 11-ть наименований упоминаются лишь один раз: 4 – в списке №1, 5 – в списке №2 и 2 – в списке №3. Таким образом, остаётся 14-ть наименований.

Во-вторых, можно говорить об устойчивом характере лишь 6-ти наименований, повторяющихся во всех трёх списках. В остальных случаях вполне допустима возможность ошибки при переписывании текстов на протяжении почти двух тысячелетий. Одна такая ошибка очевидна даже без специального анализа: Тханьтуен 泉湯 (список №1) и Зыонгтуен 泉楊 (список №2).

В-третьих, специфика записи наименований пятнадцати административных управлений, или племён, во вьетнамских источниках зачастую приводила исследователей к ошибке, в результате которой они указывали число «14». Связано это с тем, что сначала перечисляются 14-ть административных управлений, а затем указывается, что «управление Ванланг – место, где император расположил столицу» [239.6, с.233]. Таким образом, «терялось» 15-ое наименование, тем более что территория всего царства именовалась Ванланг. В свете сказанного выше представляется возможным по-новому поставить вопрос о наименовании Ванланг.

Существует две основных гипотезы о происхождении наименования Ванланг. Согласно наиболее распространённой из них, в настоящее время появление наименования Ванланг связано с ошибками китайских историографов эпохи Тан, которые подвергли искажению наименование Елан. В результате появились два наименования – Елан 郎夜 и Ванланг 郎文 – вместо одного [897.4, с.2, 3]. Согласно другой гипотезе наименование Ванланг должно интерпретироваться исходя из религиозных представлений и социального устройства лаквьетского общества. Так, иероглиф 郎 *ланг* является составной частью термина 郎官 *куан-ланг* («чиновник», «муж», «сударь»), а основным значением иероглифа 文 *ван* является понятие «письмо». Отсюда наименование Ванланг интерпретируется как «расписанный господин», о чём уже говорилось выше. При этом данная интерпретация

подтверждается сообщением источников о том, что *лаквьеты* разрисовывали тело, чтобы походить на «водяных драконов» (крокодилов?) [1224.3, с.33, 34]. Однако ни та, ни другая гипотезы не дают убедительного ответа на поставленный вопрос. Представляется, что для ответа на вопрос о происхождении наименования Ванланг необходимо обратиться к интерпретациям наименования Зяоти.

Этимология этнонима и географического названия Зяоти имеет два основных объяснения. Согласно первому, оно восходит к анималистическим представлениям древних вьетов, тотемом которых был крокодил: *зяоти* 趾交 – от древнего *зяолаунг* 龍交, то есть «крокодил». Согласно второму, в основе термина *зяоти* лежит понятие «скрещивания», и в этом случае он должен переводиться как «скрещенные пальцы». В пользу последней интерпретации приводятся свидетельства «Книги Обрядов» и «Книги Поздней Хань» о том, что на языке *мань* этноним *зяоти* означает: «Когда лёжа лицо обращают вверх, [а] ступни [ног] обращают внутрь [и] скрещивают ноги». Либо в другой трактовке: «Юноши [и] девушки купаются вместе [в одной] реке, это [и] называется *цзяочжи*».

Более широко *зяоти* интерпретируется как «место, где сходятся границы» или же как «местность *цзяо* в горах». Другими словами, опять-таки речь идёт о «скрещивании» либо границ, либо горных хребтов. Следовательно, по этим двум объяснениям термин *зяоти* следует связывать или с лаквьетским драконом – крокодилом, или с понятием «скрещивание» [1224.1, с.27 – 30; 486, с.137, 138]. Если теперь сопоставить наименования Ванланг 郎文 и Зяоти 趾交, то можно констатировать их значительную близость как в написании, так и в этимологии: «поклоняющиеся крокодилу» и «расписанный (или татуированный) господин». При этом после перемещения Зяоти из района среднего течения Янцзы в район Северного Вьетнама территориально оно совпадает с Ванлангом. Если к этому добавить, что 15-ть племён, или административных управлений, объединялись названием Ванланг и что в конце II в. до н.э. при ханьском

административном делении вьетских территорий практически они же были объединены в округ Цзяо, в рамках которого была выделена область Цзяочжи, то это совпадение нельзя признать случайным. В таком случае допустимы две гипотезы: 1. Ошибка китайских историографов 1-го тысячелетия до н.э., которые исходя из локализации Зяоти до XII в.до н.э. в среднем течении Янцзы заменили название Ванланг на Зяоти; 2. Разделение в начале 1-го тысячелетия до н.э. этнической общности *зяоти* на территории Северного Вьетнама на две родственные группы племён – собственно *зяоти* и *ванланг*, различие между которыми не было отмечено китайскими историографами той эпохи из-за этимологической близости этих наименований.

Обе эти гипотезы исключают возможность происхождения наименования Ванланг от наименования Елан. При этом вообще не исключено, что интерпретации названия Ванланг во вьетнамских и китайских письменных источниках не имеют между собой ничего общего. Так, если вьетнамские источники опираются на собственную древнюю устную историческую традицию, а затем на неофициальную храмовую или житийную историографию, то китайские источники в первую очередь опираются на записи имперских наместников во Вьете «Эпохи северной зависимости». Сами же эти наместники впервые получили доступ к вьетнамским храмовым записям лишь в конце II – начале III в., а по-настоящему они смогли достаточно широко ознакомиться с житийными вьетскими биографиями лишь VII – VIII вв. [544, с.116 – 118]. К этому можно добавить, что, согласно одной из научных гипотез, «все народы, жившие к югу от Янцзы, назывались, по крайне мере до XII в. до н.э., *цзяочжи*» [486, с.136, 137]. Если сопоставить все эти данные, то складывается следующая картина.

Вплоть до 1-го тысячелетия до н.э. Зяоти локализуется в среднем течении реки Янцзы, что фиксируется китайскими источниками. В первой половине 1-го тысячелетия до н.э. происходит изменение локализации Зяоти, которое

помещается в Бакбо (Северный Вьетнам). Этот факт отмечается китайскими историографами после завоевания Намвьета империей Хань в 111 г. до н.э. В то же время средневековые вьетнамские историографы, опиравшиеся как на собственную устную историческую традицию (до середины III в. до н.э.) и на неофициальную храмовую историографию (до X – XI вв.), так и на китайские синхронные источники (особенно по периоду со II в. до н.э. по X в. н.э.), свели воедино эти две китайские локализации Зяоти. Они локализовали Зяоти на территории Северного Вьетнама, при этом оно было представлено в виде этнонима «*народ зяоти*». Границы государства этого народа соответствовали рамкам треугольника родственных культур к югу от Янцзы. Это государство называлось Ванланг, а его возникновение датировалось 2879 г. до н.э. Надо полагать, что основы такого сведения в единое целое исторических фактов 3-го – 2-го тысячелетий до н.э. и первой половины 1-го тысячелетия до н.э. были заложены в конце III – II вв. до н.э. при создании вьетской концепции Поднебесной [544, с.87 – 89], которая была окончательно оформлена в рамках храмовой и житийной историографии на протяжении I – VI вв. Наконец, получившие в VII – VIII вв. доступ к произведениям этой историографии танские губернаторы дали возможность имперским летописцам включить в состав китайских историй сведения о Ванланге. Соответственно для вьетнамских средневековых историографов появление названия Ванланг в китайских источниках эпохи Тан явилось косвенным доказательством историчности данных национальной житийной историографии. Весь этот комплекс взаимовлияний показывает, что названия Ванланг и Зяоти находятся в тесной взаимосвязи и что определённая путаница между ними восходит ко времени сложения вьетской концепции Поднебесной и фиксации местной устной исторической традиции. Что же касается ошибок китайских историографов, то сначала в эпоху Хань ими был допущен целый ряд неточностей, которые затем в эпоху Тан привели к смешению названий Зяоти в среднем

течении Янцзы, Зяоти в Северном Вьетнаме и Ванланга. Если же привлечь к этому анализу изложенное выше исследование наименований пятнадцати племён или административных управлений, то наиболее вероятным будет вывод о том, что в первой половине 1-го тысячелетия до н.э. на территории Северного Вьетнама обитали два родственных племени – *зяоти* и *ванланг*.

Возможна следующая корректировка этого вывода: в начале 1-го тысячелетия до н.э. на территории Северного Вьетнама из племени *зяоти* выделилась новая этническая группа – *ванланг*, которая, достаточно быстро заняв главенствующее положение в племенном союзе, дала название раннегосударственному объединению *лаквьетов*.

В таком случае представляется возможным выявить определённое соподчинение: более древний этноним *зяоти* 趾交 («поклоняющиеся крокодилу») и выделившийся из него этноним *ванланг* 郎文 («расписанные [под] крокодила»).

Таким образом, представляется возможным сделать следующий вывод:

В 1-ой половине 1-го тысячелетия до н.э. на основе союза 15-ти лаквьетских племён на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама, а также частично южнокитайских провинций Гуанси и Гуандун возникло раннегосударственное объединение, или царство, Ванланг с территориальным делением по месту расселения упомянутых пятнадцати племён.

Возникновение раннегосударственного объединения, или царства, Ванланг следует датировать синхронно появлению в донгшонской культуре бронзовых барабанов типа I, то есть не позднее VIII – VII вв. до н.э.

Теперь, после окончательного выявления историчности наименования Ванланг и 15-ти племён (впоследствии – административных управлений), представляется возможным перейти к непосредственному рассмотрению проблемы 18-ти королей Мужественных.

Округ Фаунг. Главный центр королей Мужественных. 16.04.2011 г.

Наиболее подробно этот сюжет изложен следующим образом:

«Король Мужественный взошёл на престол… [Он] учредил гражданских руководителей, называвшихся маркизы лак, военных руководителей, называвшихся военачальники лак. Сын императора назывался Государственный Муж, дочь императора называлась Прекрасная Девушка, чиновники, наблюдавшие за делами, назывались Возглавляющие Множество[7]. Передачу трона от отца к сыну из поколения в поколение называли Путь Отца. Императоры всех правлений носили имя король Мужественный» [236.1, кн.1, с.3а]. Очевидно, в этом тексте пропущена цифра «18», так как последняя фраза, видимо, должна была выглядеть так: «Императоры всех [восемнадцати] правлений носили имя король Мужественный». Об этом свидетельствуют как текст вьетнамского летописного свода XIX в. [239.6, с.227], так и текст наиболее раннего официального вьетнамского источника, где этот сюжет представлен в крайне сжатом виде. В нём лишь сообщается: «В племени Зянинь был необыкновенный человек, который смог с помощью волшебства покорить все племена.

[Он] назвался королём Мужественным[I], основал столицу в Ванланге; государство называлось Ванланг; в стране существовали бесхитростные обычаи; государственные дела велись при помощи узелков. Передавался престол в восемнадцати поколениях, всех [государей] звали король Мужественный» [36, с.109].

В то же время вьетнамские тексты логически опираются на факты из ранних китайских источников III – V вв., которые уже были процитированы в полном объёме во «Введении». При этом последние, в свою очередь восходят к более ранним вьетским храмовым записям[8]. Эти данные дополняются историческими и этнографическими аналогиями. Здесь прежде всего следует отметить, что государи царства Чу носили имя Сюн, хотя их родовым именем, как и правителей царства Юэ, было имя Ми [1224.1, с.43, 44]. То есть государи царства Чу в среднем течении Янцзы носили то же личное имя, что и короли царства Ванланг на территории Северного Вьетнама[II]. Учитывая же двойную локализацию Зяоти, это совпадение вряд ли можно считать случайностью. Кроме того, согласно этнографическим данным, до 1945 г. старшие сыновья правителя *мыонгов* назывались *ланг* или *куан-ланг*, а дочери – *ме-нанг* или *нанг*. При этом старшие сыновья старшей ветви также назывались *ланг кун* и управляли группой селений или областью, а старшие сыновья младшей ветви назывались *ланг дао* и управляли одним селением. Эти данные особенно интересны, если принять во внимание, что этнически *мыонги* наиболее близки к *кинам*, или собственно вьетнамцам. Помимо этого необходимо отметить, что вожди у *мон-кхмерских* и *тайских* народов Вьетнама (*лаха*, *кханг*, *синьмун*, *кхму*, *лао*) назывались *кхун*. При этом установленное в исторической лингвистике совпадение на различных этапах его развития звуков «к», «кх» и «х» во вьетнамском языке позволяет считать титулы *кхун*, *кхунг* и *кун* модификациями титула *хунг*.

[I] В переводе А.Б.Полякова, по которому цитируется источник, имя «король Мужественный» приведено во вьетнамской транскрипции: «Хунг-выонг».

[II] То есть 雄 (кит. *Сюн*, вьет. *Хунг*), или «Мужественный».

Наконец, среди национальных меньшинств Вьетнама *эде*, *тхай* и *мыонг* существовал обычай, согласно которому власть вождя не наследовалась его сыновьями, а передавалась наиболее влиятельному человеку в племени или объединении племён. Этот обычай известен под названиями *птао*, *бтао*, *мтао*, *тао* и *дао*. Лингвистический анализ позволяет без колебаний свести все эти названия к слову *дао*, которое переводится как «Путь». Принято считать, что понятие *фу дао* 道父 в тексте вьетнамского летописного свода отражает именно этот принцип и что соответственно старшие сыновья вождей племён *лак* назывались *хунгами*. Из этого следует, что после избрания наиболее достойного из них главой объединения племён *лаквьетов* (хотя это и не уточняется) он получал имя «Хунг» [486, с.159].

Однако при такой интерпретации допускается явная неточность. Во-первых, в тексте источника речь идёт о старшем сыне мифического правителя, который принял титул короля Мужественного и основал государство Ванланг с одноимённой династией [236.1, кн. 1, с 3а]. Во-вторых, данный анализ опирается на перевод или, в лучшем случае, транскрипцию источника в современной вьетнамской письменности без учёта иероглифического текста, на котором он был написан. В этом случае понятие *phụ* может иметь различные толкования, в том числе в сочетании с понятием «дао» оно может быть интерпретировано как «путь воспомоществования», то есть соответствовать указанному выводу. Но если обратиться к иероглифам 道父, то возможен лишь перевод «Путь Отца», который указывает на наследование верховной власти от отца к сыну.

Если теперь сопоставить все приведённые выше данные, то складывается достаточно ясная картина, позволяющая не только выявить сущность имени «Мужественный» (Хунг), но и в значительной степени проследить систему терминов, которая строится вокруг него.

Для начала отметим, что имя «Мужественный» отражает древние этнокультурные связи по региону

родственных культур южнее Янцзы. Так, родовым именем правителей как царства Чу, так и царства Юэ было имя «Ми», а правители как царства Чу, так и царства Ванланг имели общее родовое имя «Мужественный». Составной частью названий (титулов) всех групп населения Ванланга являлся этноним *лак*. Наконец, употребление наименований *хунг*, *куан-ланг* и *ми-ньонг* в виде титулов отмечается как во вьетнамских средневековых источниках, так и в этнографических аналогиях вплоть до конца первой половины XX в. К этому можно добавить, что в этнографических аналогиях термин *ланг* 郎 имеет особое значение: старшие сыновья правителя именовались *куан-ланг* 郎官, при этом по старшей ветви *ланг хунг* (*кун*) 雄郎, а по младшей – *ланг дао* 道郎. То есть прослеживается прямая связь как с наименованием Ванланг 郎文, так и с термином, определяющим наследование по отцовской линии *фу дао* 道父.

Если же теперь обратиться к древним терминам, которые были образованы сочетанием иероглифов «*лак*» (雒, 駱, 貉)[1] с другими иероглифами, то складывается следующая картина:

1. *лак* + *выонг* = король лак 王雒 или 王駱; 2. *лак* + *хоу* = маркиз лак 侯駱; 3. *лак* + *тыонг* = военачальник лак 將駱; 4. *лак* + *зан* = народ лак 民駱; 5. *лак* + *диен* = поле лак 田駱; 6. *лак* + *вьет* = вьеты [племени] лак 越貉; 7. *Ау* + *лак* = [царство] Ау [племени] лак 貉甌.

В понятии 3 «военачальник» следует понимать как «военный чиновник», а в понятии 4 термин «народ» иногда понимается как «общинник». Очевидно, что титулы в сочетаниях 1, 2 и 3 имеют явно китайское происхождение, сочетание 5 относится к производственной деятельности, а сочетания 4, 6 и 7 имеют этногеографические характеристики. Наименование Аулак (7) относится к несколько более позднему периоду и рассматривается в следующей главе

[1] О соотношении этих иероглифов смотри «Главу 2» настоящего раздела.

настоящего тома. Определение *лак зан* в зависимости от его интерпретации «ближе» либо к этнониму *лаквьет* (при понимании *зан* = «народ»), либо к понятию лак диен (при понимании *зан* = «общинники»). Таким образом, для интерпретации иероглифа *лак* во всех этих сочетаниях остаются две основные пары: *лак вьет* и *лак диен*. Во вьетнамоведении существуют две основные гипотезы по поводу смысла иероглифа *лак*. Согласно первой, он является наименованием птицы-тотема наиболее южной группы вьетских племён, которая обитала на территории Северного Вьетнама. Эта птица идентифицируется с цаплей или аистом, а иногда и с одним из видов дрозда-пересмешника. Основным доказательством этой гипотезы служат теория о миграции вьетов из Чжэцзяна на территорию Северного Вьетнама морским путём и изображения на донгшонских бронзовых барабанах птиц Лак и экипажей кораблей в виде «людей птиц» [1224.1, с.83 – 86]. Согласно второй гипотезе, иероглиф *лак* обозначает понятие, связанное с обводнением рисовых полей. Отсюда *лак диен* трактуется как «заливное поле», а население, обрабатывавшее таким способом поля, именуется «лак» [796].

Обе эти гипотезы были детально описаны в советской научной литературе [486, с.177 – 181], однако, к сожалению, они не были подвергнуты критической оценке в сопоставлении с приведёнными выше данными. Последнее тем более странно, что А.И.Мухлинов приводит в своей работе выдержку из труда Чыонг Винь Ки [1012], который в свою очередь ссылается на раздел «Канон Яо» из «Книги Истории» о том, что в эпоху легендарного китайского Императора Яо (2357 – 2258 гг. до н.э.) высшие гражданские чиновники именовались ло-хоу (лак-хоу), высшие военные чиновники – ло-цзян (лак-тыонг), чиновники – пу-чжэн (бо-тинь), сыновья императора – гуань-лан (куанг-ланг), дочери императора – мэй-нян (ми-ныонг) [486, с.172]. Но, как уже указывалось, все эти титулы во вьетнамской историографии XV – XIX вв. связывались со структурой организации двора королей Мужественных. К этому также следует добавить, что если

возникновение легендарного Ванланга датируется 2879 г. до н.э., то начало правления королей Мужественных относится к 2637 г. до н.э., а начало правления Императора Яо датируется 2357 г. до н.э. [236.1, кн.1, с.3а]. Если исходить из того, что в первом временном разрыве (242 года) правили всего два вьетских государя, а второй имеет практически такую же протяжённость (280 лет), то получается, что первый король Мужественный правил в одну эпоху с Императором Яо.

Подобное совпадение по содержанию и по датировке вряд ли может быть случайным. Отсюда следует, что и наименование *лак* изначально имело китайское происхождение, но при этом в собственно китайских источниках II – IV вв. оно уже связывалось исключительно с *вьетами* на территории Северного Вьетнама в III в. до н.э. Таким образом, прослеживается почти полный синтез китайских и вьетнамских историко-мифологических сюжетов, конкретных исторических данных и этнографических свидетельств в отношении всех приведённых выше этнонимов, титулов и должностей в рамках официальной вьетнамской концепции возникновения национальной государственности. И хотя эта концепция вошла в официальные вьетнамские летописные своды лишь с начала XV в., есть все основания полагать, что она в целом уже существовала к III в. н.э., когда в усечённом виде вошла в состав записей имперских наместников. Следовательно, для точной интерпретации всех упомянутых понятий необходимо обратиться к этой концепции, которая определяется как «вьетская концепция Поднебесной» [544, с.87 – 90]. Поэтому представляется целесообразным детально рассмотреть весь комплекс входящих в неё историко-мифологических сюжетов, которые предваряют уже приведённый сюжет о королях Мужественных и об иерархической организации их двора.

В целом вплоть до воцарения Императора Светлого из рода Святого Пахаря можно говорить о единой концепции Поднебесной как для Китая, так и для Вьетнама, а вот дальше начинаются разночтения.

Правитель Дракон Лак, Шунг Лам. Поминальный храм.
Музейный комплекс королей Мужественных.
Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

Согласно вьетнамской концепции, взойдя на престол в 2879 г. до н.э., император Светлый разделил Поднебесную на

две части по реке Янцзы[I]. Его старший сын под именем императора Соответствующего стал управлять Севером, а младший, Лок Тук, получил власть над Югом. Последнее вполне логично, так как император Светлый женился во время своей инспекционной поездки на Юг на фее У из Улина. У них родился сын по имени Лок Тук, который, таким образом, уже по происхождению был «южанином». В дальнейшем родственная связь Севера и Юга подчёркивается тем, что сын от брака Лок Тука и дочери государя озера Дунтин, правитель Дракон Лак, женился на своей племяннице дочери императора Пшеницы фее Ауко. Правитель Дракон Лак и фея Ауко стали родоначальниками южных народов, а их старший сын основал царство Ванланг и принял имя короля Мужественного. В связи с этим важно отметить, что, согласно историко-мифологической традиции, первым именем Святого Пахаря является имя «император Огня». В свете этого становится очевидным противоречие между феей Ауко (род Огня) и правителем Драконом Лаком (род Воды), приведшее к их разводу.

Таким образом, в соответствии с вьетнамской концепцией термин Поднебесная является общим термином для обозначения «Вселенной», а не исключительно Китая[9]. И именно эта Поднебесная была разделена в 2879 г. до н.э. на Северное и Южное государства, основатели которых имели одного общего отца – императора Светлого[II].

Если теперь обратиться к анализу упоминаемых во вьетнамской концепции имён, то прежде всего следует констатировать их географическое соответствие региону родственных культур южнее Янцзы и несомненную фиксацию в устной исторической традиции связей вьетских племён на территории Северного Вьетнама со средним и нижним течением Янцзы и районом озера Дунтин в конце 4-го – начале

[I] О переводе-интерпретации титулов вьетских мифологических государей смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» настоящего тома.

[II] Последовательность смены создателей «Вселенной» согласно «Вьетской концепции Поднебесной» смотри в «Таблице №1» «Тома VI».

1-го тысячелетия до н.э. В то же время рассмотрение этих имён в их взаимной связи на основе сопоставления со всеми приведёнными выше данными даёт следующую схему структуры ранних вьетских мифов.

Поминальный храм королей Мужественных.
Музейный комплекс. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

Происхождение от «водяных драконов» или крокодилов воплощено в прародительнице вьетов – дочери государя озера Дунтин, которого звали весьма символично: Дух-Дракон. Согласно традиции дочь Духа-Дракона и её супруг, младший сын императора Светлого из рода Святого Пахаря Лок Тук, являлись прародителями всех южных вьетских племён. В пользу последнего свидетельствуют как границы легендарного Ванланга, совпадающие с границами «треугольника» родственных культу к югу от Янцзы, так и анализ титула Лок Тука «Кинь-зыонг выонг». На сегодняшний день существуют следующие гипотезы о происхождении этого имени.

Первая, как уже упоминалось[1], принадлежит Дао Зюи Аню и сводится к следующему. Иероглиф 荆 (*кинь*, *цзин*) и

[1] Смотри «Параграф 2» «Введения» настоящего тома.

иероглиф 楊 (*зыонг, ян*) связаны с названиями земель в среднем течении Янцзы, а также входят в состав этнонимов 蠻荆 (*цзинмань*, конец 2-го тысячелетия до н.э.) и 粤楊 (*яюэ*, первая половина 1-го тысячелетия до н.э.). По мнению Дао Зюи Аня несоответствие этих иероглифов иероглифам титула 涇 (*кинь, цзин*) и 陽 (*зыонг, ян*) несущественно. Вьетнамский учёный полагает, что в данном случае важно фонетическое совпадение наименований, а иероглифы на протяжении многих веков могли меняться неоднократно [1224.1, с.27 – 30]. В сочетании с указанной выше связью северо-вьетнамских территорий с районом озера Дунтин в Южном Китае данный вывод представляется достаточно убедительным.

Согласно второй, иероглиф 陽 по ассоциации с теорией Пяти Элементов натурфилософской школы Тёмного [и] Светлого начал обозначает «Мужское начало» и всё «светлое», связанное с ним. Иными словами, он может обозначать «солнце», «свет», «тепло», то есть всё, что обозначается иероглифом 南 (*нам, нань*). Иероглиф 涇 связан лишь с наименованием реки в провинциях Ганьсу и Шэньси и вряд ли мог первоначально входить в состав термина «Кинь-зыонг вьонг». В то же время известно, что родственные вьетнамцам *мыонги* именовали их *кинями* 京 (*кинь, цзин*), то есть этнонимом, имеющим значение «столица» или «столичный».

К этому можно добавить, что мифы о происхождении у *мыонгов* и у вьетнамцев крайне близки по содержанию, а согласно общепринятому мнению о *мыонгах*, они представляют собой этническую группу, которая в древности откололась от 越貉 *лаквьетов*, осела в горных районах и благодаря этому сохранила многие древние этнокультурные особенности, утраченные вьетнамцами. При таком понимании этногенетических процессов становится возможным предположение о том, что иероглиф 貉 (*лак*) был заменён иероглифом 涇 (*кинь*) с неизвестным на сегодняшний день значением. Что же касается фонетического совпадения иероглифов 涇 и 京, то и в данном случае вполне допустима

аргументация Дао Зюи Аня, исходящая из приоритета не смыслового значения, а фонетического совпадения при замене одного иероглифа на другой [544, с.89 – 90].

Обе эти гипотезы о происхождении титула «Кинь-зыонг выонг» вполне допустимы и не противоречат известным фактам этнокультурной истории древних вьетов, но ни первая, ни вторая не позволяют дать его смысловую интерпретацию или перевод. Поэтому представляется, что наиболее вероятным переводом-интерпретацией титула «Кинь-зыонг выонг» является «король "Канона Юга"», который в дальнейшем и используется при последующих упоминаниях мифологического прародителя вьетов[1].

Продолжение мифа о происхождении *лаквьетов* является логическим развитием концепции их родственной связи с «водяными драконами». Прежде всего здесь необходимо остановиться на титуле сына короля «Канона Юга» и дочери государя озера Дунтин – правителя Дракона Лака. Иероглиф 龍 (дракон) в этом титуле непосредственно связан с именем государя озера Дунтин 龍神 (Дух-Дракон), а иероглиф 貉 (*лак*) указывает на его прямую связь с этнонимом *лаквьет* 越貉 [544, с.90]. То есть в этой части мифа речь идёт о «водяном драконе» – предке *лаквьетов*. Но если первая часть мифа связана с событиями 3-го – 2-го тысячелетий до н.э., то данная его часть – с событиями, которые происходили в конце 2-го – начале 1-го тысячелетия до н.э. К такому выводу приводит сюжет о женитьбе правителя Дракона Лака на фее Ауко и их детях. Согласно этому сюжету, фея Ауко родила сто яиц, из которых вышло сто сыновей.

Впоследствии правитель Дракон Лак и фея Ауко расстались на том основании, что он принадлежал к роду Воды (Драконов), а она – к роду Огня (Фей), и поэтому они были «несовместимы». Пятьдесят сыновей ушли вместе с матерью в горы, а пятьдесят – остались вместе с отцом на низменности. Каждый из них стал родоначальником «своего» народа, при

[1] Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части IV» настоящего тома.

этом старший из последовавших за правителем Драконом Лаком сыновей стал родоначальником *лаквьетов*, основал государство Ванланг и принял титул короля Мужественного [236.1, кн.1, с.2а – 3а].

Король Мужественный с приближёнными.
Музейный комплекс. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

Прежде всего, здесь обращает на себя внимание широко распространённый среди малых народов Индокитая миф о ста сыновьях, которые вышли либо из яиц, либо из тыквы [626, с.251]. До последнего времени вьетский этногонический миф о ста сыновьях правителя Дракона Лака и феи Ауко интерпретировался исключительно как миф, связанный с происхождением родственных народностей Северного Индокитая, вернее – Северного Вьетнама [486, с.154]. Вероятно, такая интерпретация была связана с тем, что вьетские мифы брались в отрыве как от исторического контекста, так и от времени их создания. Если же учесть эти факторы, то суть данного мифа предстаёт в совершенно ином ракурсе. Упоминание элементов *огня* и *воды* указывает на наличие определённого влияния космогонического учения

натурфилософской школы Тёмного [и] Светлого начал, которое было воспринято *лаквьетами* не позднее начала второй трети 1-го тысячелетия до н.э. По всей вероятности, это учение было принесено во Вьет из древнего царства Чу. Приблизительно в это же время на территории современных китайских провинций Гуанси и частично Гуандун происходил процесс обособления мелких вьетских племён, которые известны под названием «сто юэ» [392, с.181 – 193]. Таким образом, если исходить из предположения, согласно которому миф о правителе Драконе Лаке отражает реальные события вьетской истории конца 2-го – начала 1-го тысячелетия до н.э., зафиксированные устной исторической традицией, то следует признать, что сюжет о ста сыновьях, вышедших из ста яиц, отражает процесс обособления племён «ста юэ», а не формирования различных народностей на территории Северного Вьетнама. С этой точки зрения данный миф принципиально отличается от этногонических мифов, связанных с тыквой, которые были детально исследованы Я.В.Чесновым [626, с.251 – 261]. Завершая сюжет о правителе Драконе Лаке, следует подчеркнуть, что в данном контексте упоминание ста яиц никоим образом не указывает на птицу-тотем *лакьетов*, ведь и крокодил (тоже тотем *лаквьетов*), как и большинство других пресмыкающихся, откладывает яйца.

Если теперь вернуться к рассмотрению сути термина *лак* в свете данных «Канона Яо» и вьетнамских средневековых летописных сводов, то представляется возможным выявить различия между его привнесённой извне формой и национальным содержанием. При этом последнее также будет касаться всех упоминаний титулов, должностей и терминов, связанных с королями Мужественными. Предположение, согласно которому сочетания *лак-вьет*, *лак-вьонг*, *лак-диен*, *лак-зан*, *лак-тыонг*, *лак-хоу*, не говоря уже о таких сочетаниях (титулах), как *бо-тинь*, *куан-ланг*, *ми-ныонг* и восходят к хуаской традиции «Какона Яо», принципиально не меняет сути вопроса. В данном случае ситуация аналогична ситуации с титулом «король Мужественный». Ведь, как известно, и

государи более раннего китайского царства Чу, и государи более позднего вьетского царства Ванланг носили титул 王雄 (кит.*Сюн-ван*, вьет. *Хунг-выонг*). Поэтому в данном случае речь должна идти не о *хуаском* или *вьетском* происхождении термина, а о конкретных фактах, суть которых сводится к следующему.

Во-первых, не вызывает сомнения факт «водного» характера термина *лак*, который связан с поливным рисоводческим хозяйством.

Во-вторых, не вызывает сомнения факт существования у вьетов на территории Северного Вьетнама тотема-птицы, жизнь которой была связана с заливными полями (цапля?).

В-третьих, не вызывает сомнения факт использования в раннеклассовом вьетском обществе на территории Северного Вьетнама указанной титулатуры, о чём свидетельствуют как китайские источники III – IV вв., так и устойчивая этнографическая традиция, прослеживавшаяся ещё в первой половине XX в.

В-четвёртых, вся система исторических мифов вьетнамской концепции Поднебесной в сочетании с конкретными историческими и этнографическими данными лишь подчёркивает единство территорий Северного Вьетнама и Южного Китая в рамках «треугольника» родственных культур к югу от Янцзы, а также выделяет тесные связи царства Ванланг с царством Шу в Сычуани, царством Чу в районе озера Дунтин и с царством Юэ в Чжэцзяне. И именно к царству Ванланг в границах территорий южнее Янцзы вьетнамская историко-мифологическая традиция относит титулатуру, которая также приводится в явно мифологизированном контексте «Канона Яо». Связь же вьетнамской историко-мифологической традиции с «Каноном Яо» косвенно подтверждается тем, что согласно этой традиции 1-ый год правления первого короля Мужественного на Юге (2637 г. до н.э.) совпадает с 61-ым годом легендарной эпохи Пяти Императоров и правления её первого императора, Императора Жёлтого (Хуанди), на Севере, тогда как его

праправнук, создатель «Канона Яо» (император Яо), вступил на престол в 2357 г. до н.э.[1].

Таким образом, не вызывают сомнения конкретные реалии, с которыми были связаны указанные термины или титулы. Также вполне вероятно, что они впервые упоминаются в связи с царством Чу в районе озера Дунтин («Канон Яо») или, иными словами, в связи с *лаквьетами* в среднем течении Янцзы и «большим» Ванлангом. Соответственно возникает вопрос: когда эти термины наложились на конкретные реалии раннеклассового вьетского северо-вьетнамского общества? Каким образом это могло произойти, будет показано в последующих двух главах, однако то, что этот процесс следует связывать с процессом сложения вьетской концепции Поднебесной, который датируется III – II вв. до н.э., также не вызывает сомнения [544, с.87 – 96].

Если сформулированная гипотеза верна, то тогда верна и гипотеза, согласно которой рассмотренные выше термины, или титулы, эпохи Ванланга начиная с VIII в. до н.э. соответствуют историческим реалиям, а не позднее III в. до н.э. имена (титулы), Хунг-выонг (король Мужественный), Куан-ланг (Государственный Муж) и Ми-ньюнг (Прекрасная девушка) уже безусловно имеют исторический характер. Надо полагать, что на ранних этапах существования племенной союз Ванланг возглавлялся одним из вождей *лак*, титул которого интерпретировался как самый Мужественный из всех вождей или королей *лак*. По мере превращения племенного союза в раннегосударственное объединение или царство Ванланг происходило и оформление наследственной власти *королей Мужественных*, старший сын каждого из которых носил титул *Государственный Муж*, а их дочери именовались *Прекрасная Девушка*. Тогда же, надо полагать, сложилась и иерархия высшей гражданской и военной родоплеменной знати в лице *маркизов лак* и *военачальников лак*.

---

[1] Последовательность смены мифологических и легендарных императоров Юга и Севера согласно вьетнамской историко-мифологической концепции представлена в «Таблице №1» «Тома VI».

Военачальник *лак* VIII – III вв. до н.э.
Поминальный храм Правителя Дракона Лака, Шунг Лама.
Музейный комплекс королей Мужественных.
Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

А эта знать, в свою очередь, опиралась на низшее звено родоплеменной знати, именуемой *Возглавляющие Множество*. В основе этой ещё достаточно примитивной организационной структуры были общинники или *народ Лак*, занимавшийся рисоводчеством на заливных *полях Лак*[1].

Наконец, остаётся вопрос о числе государей царства Ванланг, носивших титул короля Мужественного. Исходя из минимального срока существования Ванланга с VII по середину III в. до н.э. (около четырёхсот пятидесяти лет) и числа «18», получаем среднюю длину одного правления двадцать пять лет, что, учитывая средний срок жизни в ту эпоху, теоретически возможно для одного или нескольких государей, но совершенно невероятно для всех государей династии. Следовательно, число «18» не отражает действительно числа королей Мужественных и является либо вымышленным, либо сакральным. В пользу последней версии свидетельствуют следующие данные.

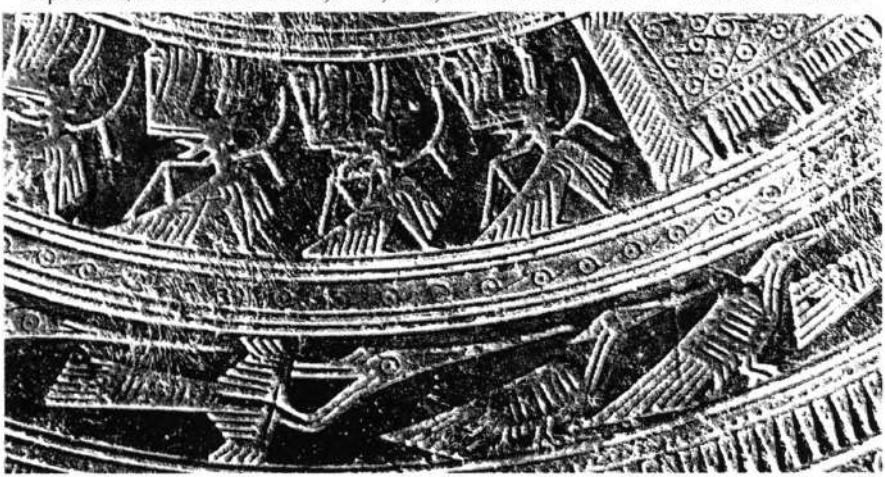
Ранее уже говорилось, что одним из тотемов *лаквьетов* являлась так называемая *птица Лак*, которая обычно идентифицируется с цаплей, аистом или дроздом-пересмешником. В то же время на орнаменте лицевой (ударной) части донгшонских бронзовых барабанов типа I, принадлежащих *лаквьетам*, имеется орнамент в виде расположенных равномерно по окружности изображений птицы Лак, которые повторяются тридцать шесть раз: поочерёдно восемнадцать раз в летящем положении и восемнадцать раз в сидячем. Кроме того, установлено, что изображения на этих бронзовых барабанах носят зеркальный характер. Иными словами, речь на самом деле идёт о чередующихся изображениях девяти *птиц Лак* в летящем положении и девяти *птиц Лак* в сидячем положении и их

[1] Вопрос о вариантах иероглифического написания этнонима «лак» рассматривается в следующей главе, при анализе наименования царства Аулак и титула «король Умиротворённого юга».

зеркальном отражении [943, с.10 – 12][1]. Эти сведения также дополняются неким Чан Цзюем, сообщающим в «Записях [о] южнокитайских государствах», о том, что в сычуаньском царстве Шу друг за другом правили девять императоров с наследственным именем Кай-мин [96, т.2, с.61, 72].

Половина ударной поверхности донгшонского бронзового барабана. Провинция Тханьхоа. H 0,61 м, D 0,78 м. № 0359 2214 / 4. Musée Guimet

Птицы Лак и лаквьетские воины на донгшонском бронзовом барабане. Провинция Тханьхоа. H 0,61 м., D 0,78 м. № 0359 2214 / 8. Musée Guimet

[1] Подробно об изображениях на бронзовых барабанах типа I смотри в «Главе 1» «Части IV» настоящего тома, в которой описываются ранние религиозные представления лаквьетов.

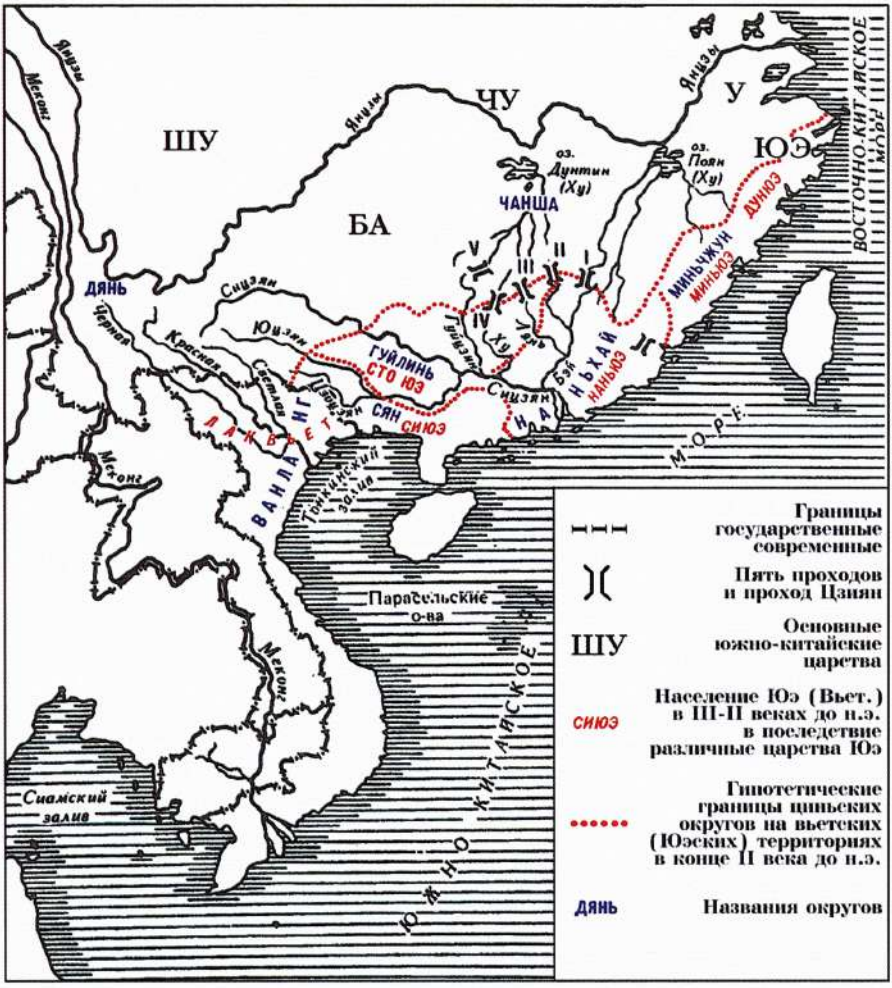
Учитывая древнейшие связи между Северным Вьетнамом и Сычуань-юньнаньским районом, а также сакральный характер «троичных» построений в регионе юга Восточной Азии[10], следует признать, что традиции о 9-ти императорах Кай-минах и 18-ти королях Мужественных принадлежат к одной системе ранних верований, а числа «9» и «18» являются сакральными и в конечно счёте восходят к древнейшим «троичным» натурфилософским воззрениям, которые были обобщены в начале 1-го тысячелетия до н.э. философской школой Тёмного [и] Светлого начал.

Итак, суммируя всё сказанное о возникновении раннеклассового государственного объединения лаквьетов и его политической истории, можно сказать следующее. В конце 2-го – начале 1-го тысячелетия до н.э. на материальной основе донгшонской бронзовой культуры произошло объединение *лаквьетов*, населявших как южные районы провинций Гуанси и Гуандун, так и территорию Северного и северной части Центрального Вьетнама, в родоплеменной союз Ванланг. Всего в этом союзе насчитывалось 15-ть племён, из которых с уверенностью можно указать лишь семь: *ванланг* плюс наименования племён, повторяющиеся во всех трёх существующих списках и, следовательно, имеющие устойчивый характер (*зяоти*, *вьеттхыонг*, *вунинь*, *ниньхай*, *хоайхоан* и *кыутян*). Во главе каждого племени стоял вождь или король лак, из числа которых избирался верховный вождь или король, получавший титул Мужественного.

По мере классового расслоения и оформления имущественного неравенства различных групп лаквьетского общества родоплеменной союз Ванланг превратился к VIII – VI вв. до н.э. в раннеклассовое государственное объединение, или царство, территориально-административное деление которого соответствовало территории расселения племён бывшего союза.

Таким образом, Ванланг состоял из 15-ти областей, или административных управлений, делившихся, судя по древним этнокультурным районам, на три зоны:

Царство Ванланг в конце VIII – середине III в.до н.э.

1. Юг провинций Гуанси и Гуандун с северо-западной горной частью и центром низменности Северного Вьетнама; 2. Зона залива Халаунг и приморская часть низменности Северного Вьетнама к северу от неё вплоть до границ провинции Гуандун; 3. Приморская зона к югу от залива Халаунг вместе с северной частью территории Центрального Вьетнама.

Во главе Ванланга стоял государь с наследственной властью и титулом короля Мужественного. Резиденция государя Ванланга, ассоциировавшаяся со столицей, видимо, находилась в округе Фаунг. Впоследствии этот район также назывался уездом Мелинь. Он находился в центре низменности Северного Вьетнама в бывшей провинции Шонтэй (современная провинция Хатэй) к северу от Ханоя. Наследник (старший сын короля) носил титул Государственный Муж, дочери – именовались Прекрасная девушка. Во главе каждой области стояли представители бывшей родоплеменной элиты *лаквьетских* племён: гражданские руководители или маркизы Лак и военные руководители или военачальники Лак. Реальная власть на местах принадлежала традиционной родоплеменной знати, именовавшейся «Возглавляющие Множество», так как, по сути, она являлась базовым звеном государственного административного механизма. По всей вероятности, Ванланг сохранял древние культурные контакты и имел связи с царством Юэ в Чжэцзяне, с царством Чу в среднем течении реки Янцзы и с царствами Сычуань-юньнаньского района, прежде всего с Ба и Шу. О первом свидетельствует попытка Гоу Цзяня обменяться послами с государями Ванланга между 496 и 465 гг. до н.э., о втором – наследственное имя государей Чу и Ванланга – «Мужественный», а о третьем – историко-мифологическая традиция о 9-ти императорах Кай-минах в Шу и о 18-ти королях Мужественных в Ванланге.

Если не считать миграционных потоков и культурных обменов, то основные межгосударственные контакты в то время происходили в форме военных столкновений. Ванланг же находился на периферии древнекитайских царств, между которыми в эпоху Вёсен [и] Осеней (721 – 480 гг. до н.э.) и в эпоху Сражающихся царств (480 – 246 гг. до н.э.) происходили ожесточённые столкновения в борьбе за гегемонию. Вероятно, с течением времени ему всё чаще приходилось отстаивать свою независимость от отступавших на юг военных отрядов. При этом речь шла не о разрозненных группах вооружённых

людей, а об организованном отступлении под напором военной силы крупных царств, военных лидеров и правителей аннексированных территорий к югу от Янцзы. В IV – III вв. до н.э. на юге Восточной Азии произошли существенные перемены в расстановке сил, которые окончательно втянули лаквьетское общество в сферу военно-политических конфликтов древнекитайских царств. В борьбе за гегемонию между царствами Цинь и Чу пали на востоке царство Юэ, а на западе – царства Шу и Ба. В 333 г. до н.э. Чу аннексировало территорию Юэ, а в 316 г. до н.э. циньский полководец Сыма Цо покорил Шу. Безусловно, в то время эти завоевания не означали полной аннексии упомянутых царств. Речь, скорее, шла о превращении их в полунезависимые от более мощных царств государственные объединения. Однако эти события придали новый импульс миграции на юг и привели к появлению в Приморской зоне юга Восточной Азии вьетских царств Дунюэ и Миньюэ. Аналогичные процессы протекали и в юго-западной Сычуань-юньнаньского района, где в 316 г. до н.э. царство Шу было захвачено Цинь [545, с.215, 216]. Но хотя большая часть его населения и осталась в Сычуани, источники свидетельствует о том, что наиболее боеспособная часть шуской армии во главе с представителем рода Шу отступила на юго-восток в Юньнань и вышла непосредственно к северо-западным границам Ванланга.

К этому времени, то есть к рубежу IV – III вв. до н.э., в Гуанси по течению Сицзяна и к югу от него возникло протогосударственное объединение вьетских племён Тэйау, а южнее, в Северном Вьетнаме, находилось лавьетское царство Ванланг. Наконец, после падения царства Чу в борьбе с Цинь в 280 – 279 гг. до н.э. отступившие чусцы осели в Юньнани, создали царство Дянь и оттеснили шусцев ещё дальше на юг.

В свете указанных событий наиболее вероятной представляется гипотеза, согласно которой шусцы во главе с отпрыском сычуаньской династии отступили на территорию Северо-Западного Вьетнама и закрепились там, подчинив себе *лаквьетское* племя *тэйву* [1224.3, с.25 – 29].

Глава 2

Царство Аулак и проблема короля Умиротворённого юга Тхук Фана

Сюжеты вьетнамских летописных сводов, в которых описываются события эпохи царства Аулак в 258 – 208 гг. до н.э., принадлежат (также как и рассмотренные в предыдущей главе сюжеты, связанные с царством Ванланг и династией королей Мужественных) к вьетнамской историко-мифологической традиции. Сложность анализа данных этой традиции по эпохе царства Аулак связана с тем, что в них теснейшим образом переплетены конкретные исторические факты и ранние религиозные представления вьетского общества на территории Северного Вьетнама, при этом основные линии её ключевого сюжета повторяются, правда, с незначительными модификациями, как минимум три раза во вьетнамской истории III в. до н.э. – VI в. н.э. Пожалуй, именно в этом феномене кроется решение самой сложной и противоречивой проблемы ранних периодов вьетнамской истории, известной под наименованием «династия Ранних Ли», и именно поэтому в данной главе тщательно изложены все аспекты историко-мифологических сюжетов, связанных с захватом Ванланга внуком короля Шу в Сычуани Шу Панем, с его последующей деятельностью и с его свержением циньским военачальником Чжао То.

Прежде всего следует указать на два весьма существенных момента, которые по логике изложения событий частично уже рассматривались в предыдущей главе.

Во-первых, корни рода Шу восходят к правящей династии одноимённого царства в Сычуани, а связи между этой юго-западной китайской провинцией и Северным Вьетнамом прослеживаются в рамках треугольника родственных культур южнее Янцзы как минимум с 3-го тысячелетия до н.э.

Во-вторых, во «Введении» были полностью приведены переводы текстов ранних китайских источников (III – V вв.), содержащие весьма скудные данные как о короле

Умиротворённого юга Шу Пане, так и по всей вьетнамской истории с 258 по 208 г. до н.э. [544, с.82 – 85][1]. При этом в наиболее раннем вьетнамском источнике (XII в.) вообще отсутствует начальная часть историко-мифологического сюжета о династии Тхук, а её заключительная часть приводится в крайне сжатом виде [36, с.109 – 110]. Поэтому основными источниками по проблеме Тхук Фана и царства Аулак являются вьетнамские летописные своды XV – XIX вв.

Согласно традиции вражда между королями Мужественными и правителями Шу из Тэйву возникла по следующей причине. К дочери короля Мужественного одновременно посватались король Шу, дух Гор и дух Вод. В итоге победил дух Гор. В результате этого сюжета возникают две антагонистические пары: первая – дух Гор и дух Вод, вторая – король Шу и король Мужественный.

Характер первой пары достаточно ясен. Речь идёт о той части мифа, в которой говорится о ежегодных нападениях духа Вод на духа Гор с целью вернуть себе невесту. Именно цикличностью этих «нападений» объясняется такое природное явление, как сезон дождей и наводнений в Северном Вьетнаме. Совершенно иначе выглядит вторая пара. Король Шу даже не был допущен до состязания женихов. Причём мотивировка его отстранения от состязания сформулирована в мифе предельно чётко: по мнению приближённых короля Мужественного, сватовство короля Шу на самом деле являлось лишь предлогом для последующего захвата царства Ванланг. Соответственно вражда, которая по логике должна была возникнуть между королём Шу и другими женихами, вернее, между королём Шу и духом Гор, на самом деле возникла между королём Шу и королём Мужественным.

---

[1] Поскольку речь идёт о китайских источниках и о том времени, когда этот государь ещё считался представителем династии одного из китайских царств, его имя приводится в китайской транскрипции «Шу Пань», тогда как во вьетнамской оно транскрибируется как «Тхук Фан». Именно эта транскрипция будет использоваться в дальнейшем, когда король Шу из Тэйву станет вьетским государем царства Аулак.

Насколько можно судить по данным источников, военные столкновения между Шу в Тэйву и Ванлангом продолжались, по меньшей мере, двадцать лет, при этом вьеты постоянно одерживали победы над шусцами. Но в 258 г. до н.э. внук основателя Шу в Тэйву, известный под именем «Шуский король Пань», неожиданно напал на Ванланг и захватил его столицу. В результате последний король Мужественный погиб, а власть перешла к правящему роду Шу [236.1, кн.1, с. 4а – 5а]. В более позднем источнике этот сюжет расширен сообщением о магической силе короля Мужественного, благодаря которой он уверовал в свою непобедимость.

Поэтому когда Пань застал короля Мужественного врасплох в его резиденции, тот был мертвецки пьян и неспособен к сопротивлению. Окружённый врагами, король покончил с собой, бросившись в колодец [239.6, с.249 – 251].

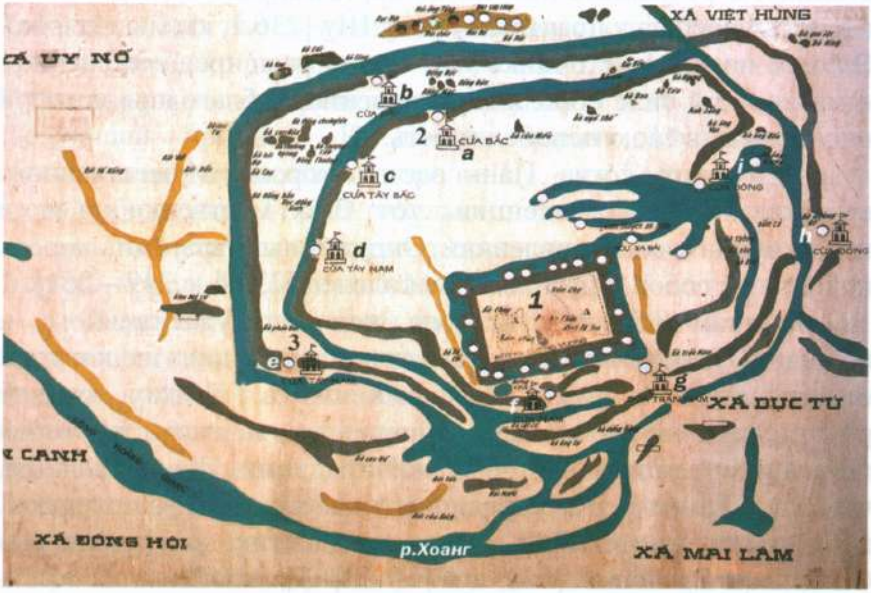
Таким образом, история короля Мужественного и короля Шу образована двумя сюжетами, один из которых относится к мифам, объясняющим в рамках ранних религиозных представлений природные явления, а второй принадлежит устной исторической традиции. Представляется, что в целом эта традиция действительно отражает происходившие в III в. до н.э. события на территории Северного Вьетнама [544, с.67 – 69]. Дальнейшая же часть сюжета о короле Шу, который с этого момента как вьетский государь именуется король Тхук, настолько важна для анализа событий вьетнамской истории VI в., что представляется необходимым привести его полный текстуальный перевод.

«Благодаря этому король Тхук [начал] возведение крепости во Вьеттхыонге, [её] протяжённость [составляла] более четырёх тысяч метров[1] [по периметру, по форме она была] круглой, подобно панцирю улитки, поэтому [и] назвали [её] "Крепость Улитка"; кроме того, [её] называли "крепость Замысла Дракона", ([а] танцы называли [её] "крепость Куньлунь", [что] свидетельствовало [о] высоте [её] стен).

[1] В тексте написано «более тысячи *чыонгов*». 1 чыонг ≈ 4 м.

[Строительство] крепости [ещё] не успевали завершить, а [её стены] уже рушились. Император испугался [и] стал поститься (для очищения), [затем он] попросил о помощи Небо, Землю [и] священных духов Гор [и] Вод, после чего возобновил строительные работы.

План-схема Крепости Улитки. Колоа. 25.03.2011 г.

Реки и водоёмы.

Сохранившиеся крепостные валы: **1**.Внутренний вал, главной цитадели с дворцом и храмом короля Умиротворённого юга Тхук Фана. **2**.Средний вал. **3**.Внешний вал.

Крепостные ворота: **a**.северные; **b**.внешние северные; **c**.северо-западные; **d**.западные; **e**.юго-западные; **f**.южные; **g**.внешние южные; **h**.внешние восточные; **i**.восточные.

Красный Конь. Год 3-ий. (Государь Восточного Чжоу, год начальный [255 г. до н.э.]).

Месяц 3-ий, весна. Неожиданно к крепостным воротам подошёл дух, указал на крепость и засмеялся: "Приступили к строительным работам, а когда же завершите [их]?"

Император пригласил [его] войти во дворец [и стал задавать] вопросы, тот дух ответил: "Дождитесь посла с Реки".

На утро следующего дня император вышел из крепостных ворот и увидел Золотую черепаху, которая подплывала с Востока по реке; [она] назвала себя послом с Реки, говорила по-человечески, [стала] говорить о делах будущего. Император очень обрадовался, взял золотой поднос, чтобы Золотая черепаха [на него] взошла, затем установил тот золотой поднос во дворце [и стал] спрашивать о причине разрушения крепости.

Дух – Золотая черепаха сказал:

"Это мужское и женское начала здешних гор, вод [и] земли, с ними объединился сын императора предыдущего правления, чтобы отомстить за страну; [он] укрылся на горе Тхатзиеу[1]. На той горе есть демон. То певец предыдущего правления, [который был] убит [и] там погребён. [Он-то и] превратился в демона.

Рядом с горой находится постоялый двор. Хозяина постоялого двора зовут Нго-кхонг, у него есть дочь и белая курица. То остальная часть мужского и женского начал.

Если человек проходит мимо того [места и] остаётся на ночь в том постоялом дворе, то обязательно погибает, так как демон [ему] вредит. Благодаря тому, что демоны смогли договориться, [они] объединились [и] стали рушить крепость.

Если убить белую курицу, изгнать те мужское и женское начала, то [строительство] крепости можно будет завершить [и она] будет прочной".

Император отнёс Золотую черепаху к постоялому двору, притворился путником, [желающим] остаться на ночлег. Хозяин постоялого двора сказал:

"Господин принадлежит к почтенным людям. Прошу Господина немедленно удалиться. Если остановитесь здесь, то [с Вами] неизбежно случится несчастье".

Император засмеялся [и] сказал:

"Смерть и жизнь предопределяются судьбой, что могут [с этим] поделать демоны?".

Тогда император остановился там.

---

[1] То есть последний король Мужественный.

Ночью услышал, как демон подошёл снаружи и потребовал открыть дверь. Дух – Золотая черепаха [стал] обвинять его [в преступлениях, и] демон не смог войти [в помещение].

Когда же запел петух, демон улетучился.

По просьбе духа – Золотой черепахи император преследовал его. Дойдя до горы Тхатзиеу, мужское и женское начала полностью исчезли.

Император вернулся на постоялый двор.

С наступлением утра хозяин постоялого двора, полагая, что император, конечно, умер, созвал людей на постоялый двор, чтобы позаботиться о погребении. [Хозяин постоялого двора] увидел, что император весел и смеётся, простёр руки и, почтительно склонившись, сказал:

"Если Господин так [спокоен], то [он] наверняка совершенный человек!".

Император попросил схватить белую курицу и принести её в жертву.

Как только курица была убита, дочь [хозяина] тут же умерла.

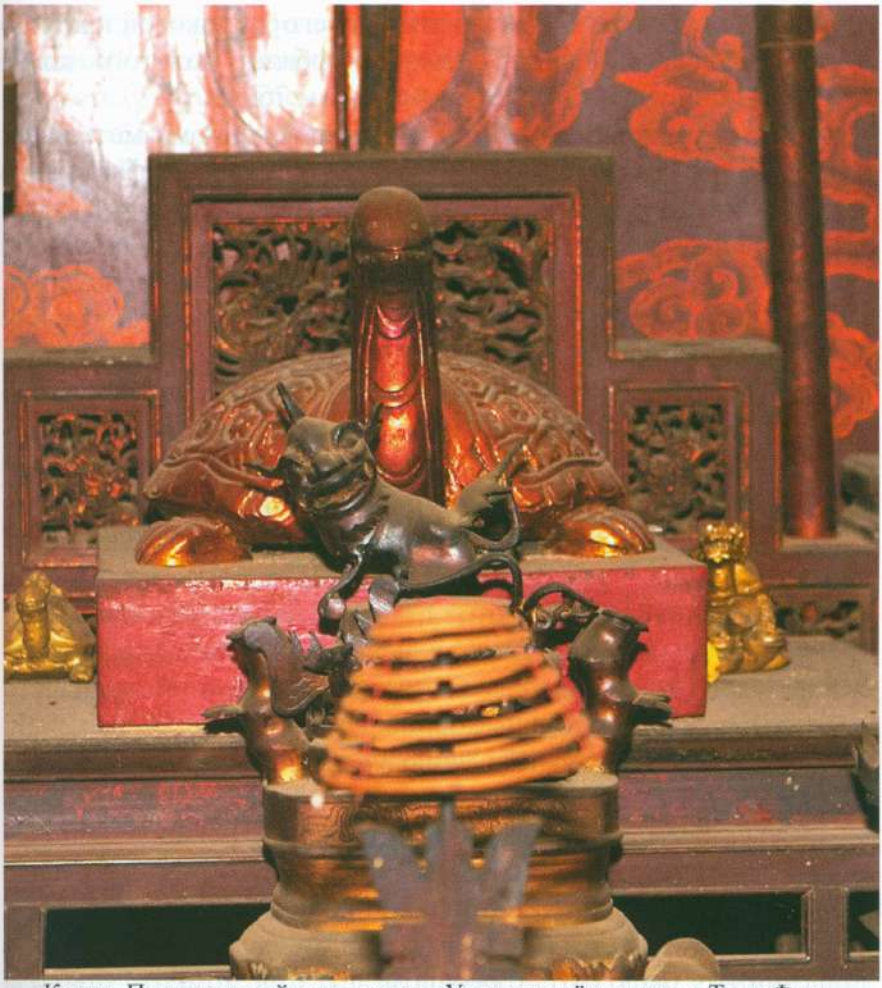
Император немедленно послал людей раскопать гору. [Нашли] древний музыкальный инструмент и кости певца. [Император] повелел [их] полностью сжечь, [а] пепел выбросить в реку. Лишь тогда ужасный дух исчез.

С того момента строительство крепости завершили всего за полмесяца.

Дух – Золотая черепаха [стал] прощаться, [с тем] чтобы вернуться [домой]. Император поблагодарил [его и] спросил:

"С помощью Господина построена прочная крепость. Если же нападут враги извне, то чем воспользоваться, чтобы их отразить?".

Тогда дух – Золотая черепаха выдернул коготь, отдал [его] императору и сказал:

Колоа. Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Дух – Золотая черепаха. 25.03.2011 г.

"Государство [находится] в спокойствии [или] в опасности – [на всё] имеются предначертания Неба. Однако наши люди всё же должны обороняться. Если увидишь, что приближается враг, то сделай из этого священного когтя спусковой крючок арбалета [и] пусти стрелу в направлении армии врага, после [этого] заботиться будет не о чем".

Император повелел подданному [по имени] Као Ло (одно предание называет [его] Као Тхонг) изготовить арбалет,

взять чудесный коготь [и] сделать [из него] спусковой крючок. [Этот арбалет] назвали "Чудесный арбалет золотого когтя прославленного духа"» [236.1, кн.1, с.6а – 7б].

Если теперь вернуться к вышеприведённому материалу и вычленить из него конкретные исторические факты, то представляется возможным в целом проследить основные этапы военных столкновений по линии Сычуань – Юньнань – Гуанси – Северный Вьетнам, которые привели к падению царства Ванланг и возникновению царства Аулак с династией Тхук.

В 316 г. до н.э. циньский полководец Сыма Цо разгромил царство Шу в Сычуани, а примерно через тридцать пять лет бежавшие шусцы осели на северо-западной окраине Вьетнама, покорив лаквьетское племя *тэйву*. Около 280 г. до н.э. начинаются военные столкновения между ними и Ванлангом.

Не исключено, что в ходе этих столкновений предпринимались попытки заключения союза с помощью брака между представителями правящих родов обоих царств (король Шу в Тэйву и дочь короля Мужественного). Наконец, в 258 г. до н.э. королю Шу Паню удалось захватить врасплох своего противника, в результате чего последний король Мужественный покончил с собой, а сам Шу Пань основал новую династию Шу, объединившую под своей властью территории Ванланга и Тэйву. Если исходить из указанных дат и предположить, что ушедшему из Сычуани представителю династии Шу было около двадцати лет, то к моменту прихода в Тэйву ему должно было быть около пятидесяти лет. Соответственно к моменту захвата Ванланга его сыну было сорок – пятьдесят лет, а его внуку Шу Паню – около двадцати лет. С точки зрения соотнесения дат исторических событий и срока жизни людей той эпохи данное предположение вполне допустимо.

Источники не сообщают о каких бы то ни было социальных или политических изменениях после прихода к власти Шу Паня. Надо полагать, что дело свелось к смене

одного правящего рода другим, который в управлении этими землями был вынужден опереться на традиционную лаквьетскую родоплеменную знать, тогда как малочисленные шусцы были довольно быстро ассимилированы вьетской средой. В противном случае более полувека оторванные от своей среды шусцы, видимо, и так уже значительно смешавшиеся с местным населением Юньнани, Гуанси и Тэйву, вряд ли смогли бы противостоять сложившемуся раннеклассовому обществу Ванланга. Именно поэтому Шу Паня как основателя новой вьетской национальной династии следует с этого момента именовать Тхук Фаном.

Придя к власти в 257 г. до н.э., Тхук Фан предпринял строительство новой столицы, остатки которой сохранились на территории современной деревни Колоа к северо-западу от Ханоя[1]. Дао Зюи Ань полагает, что Колоа следует считать центром расселения племени *тэйву*, на которое в управлении вьетскими землями опирался род Тхук, тогда как уезд Мелинь являлся центром расселения племени *зяоти*, на которое в управлении Ванлангом опирались короли Мужественные [1224.3, с.27, 28]. Если судить по вышеприведённому тексту и результатам археологических раскопок, то столица Тхук Фана, известная под названием «Крепость Улитка», являлась мощным укреплением. Помимо основного названия, а также тех, которые указаны в тексте летописного свода, Крепость Улитка иногда именуется крепостью Кхалу [239.6, с.257 – 259]. По форме она напоминала панцирь улитки, а её валы образовывали спираль из девяти витков. Окружность внешнего, девятого вала крепости приблизительно равнялась четырём километрам. На сегодняшний день сохранилось три вала укреплений и, судя по окружности внешнего, третьего вала, а также по высоте и толщине этих валов, письменные источники достаточно точно описывают мощь Крепости Улитки. Её гарнизон, видимо, состоял из воинов-профессионалов – опоры правящего рода Тхук. В центре крепости на берегу небольшого искусственного озера находился дворец правителя. Надо полагать, что строительство

такой крепости было длительным и трудоёмким мероприятием, но оно диктовалось суровой необходимостью. С одной стороны, поскольку не была исключена попытка реставрации власти королей Мужественных, Тхук Фан был вынужден обезопасить себя от внезапного нападения лаквьетской знати, с другой же – после объединения в 246 г. до н.э. древнекитайских царств междуречья Хуанхэ и Янцзы в империю Цинь всё ощутимее становилась угроза большой войны. Согласно сведениям источников, император Начинатель династии Цинь стремился к завоеванию южных территорий по целому ряду причин, из которых наиболее важными были богатства вьетских земель и воинственность населявших их племён, что создавало постоянную угрозу на южных границах империи [651, с.172][1].

К моменту начала южных завоевательных походов в империю Цинь уже вошли Сычуань, Хунань, Цзянси, Аньхуй и северная часть Чжэцзяна. В целом южная граница Цинь, видимо, шла по водоразделу бассейнов рек Янцзы и Сицзян, образованному горной цепью Аньшан (Южные горы), или Аньлиншан (Горы южных [горных] проходов). Этот труднопроходимый горный хребет можно было преодолеть относительно легко лишь в его центрально-восточной части, известной под названием Улин (Пять проходов). Путь к этим проходам вёл из округа Чанша через провинцию Хунань. Первый и второй проходы позволяли выйти в Гуандун и пройти к Паньюю на востоке; третий проход был малоудобен, но давал выход в северо-западный Гуандун; четвёртый проход открывал доступ в северо-западное Гуанси и, наконец, пятый обеспечивал наиболее удобный путь в Гуанси и на территорию Северного Вьетнама.

Некоторые источники вместо третьего прохода указывают путь по Приморской зоне через Фуцзянь и Гуандун в район Северного Вьетнама [651, с.145].

---

[1] Ссылки на тексты ранних китайских источников по вьетнамской истории III – II в. до н.э. даются по исследованию Л.Оруссо, в котором они приведены в иероглифическом оригинале.

Колоа. Главный вход в центральный комплекс Крепости Улитки. 25.03.2011 г.

Империя Цинь собрала 500-тысячную армию для завоевания южных территорий, которой командовал известный полководец Ту Цзюй. Надо полагать, что уже в то время на различных постах в этой армии служили Жэнь Ао и Чжао То. В 221 г. до н.э. циньская армия, разделившись на пять частей, двинулась на юг через Пять проходов.

Первая фаза войны завершилась к концу 220 г. до н.э. За эти два года были захвачены территории южного Чжэцзяна, Фуцзяни, северного и восточного Гуандуна, а также земли мелких вьетских племён или *ста юэ* на стыке Гуанси и Гуандуна. Таким образом, первая армия нанесла удар по

племенам *дуноу* и *миньюэ* из Цзянси. Вторая из Цзянси и третья армии из Хунани, пройдя первым и вторым проходами, захватили территорию племени *паньюэ*: вторая овладела северной частью восточного Гуандуна, а третья – районом Паньюя и примыкающими к нему территориями. Не исключено, что в Приморской зоне к ним присоединились части первой армии. Четвёртая и пятая армии из Хунани через четвёртый и пятый проходы двинулись на Гуанси. Они довольно быстро овладели северным Гуанси вплоть до бассейна реки Сицзян [651, с.234, 235].

С этого времени начинается вторая фаза войны: покорение племён *тэйау* и *лаквьет*. Не дав отдохнуть войскам и не проведя перегруппировки, Ту Цзюй начал военные действия в южном Гуанси и юго-восточном Гуандуне. Однако здесь циньская армия столкнулась с большими трудностями. Хорошо вооружённые, боеспособные отряды вьетов, трудные климатические условия, наконец, растянутость коммуникаций и отсутствие удобных путей для снабжения остановили продвижение армии Ту Цзюя. Начались затяжные, шедшие с переменным успехом бои. Такая ситуация сохранялась на протяжении трёх лет. И, видимо, в течение всего этого времени циньские военачальники готовили удобный путь для снабжения армии. Работами руководил некий Ши Лу, который, согласно преданиям, был *вьетом* [239.6, с.263 – 265][1]. Ши Лу проложил судоходный канал от пятого прохода через северное Гуанси до Сицзяна, что позволило водным путём снабжать армию в южном Гуанси и, в соответствии с планом дальнейших боёв, должно было обеспечить её снабжение в Северном Вьетнаме. Л.Оруссо, исходя из начала войны в 221 г. до н.э. и трёхлетних боевых операций, полагает, что канал был построен в 219 г. до н.э. Однако это событие следует датировать на год или два позже, так как отсчёт трём годам следует вести не с 221 г. до н.э., а с начала второй фазы войны в конце 220 г. до н.э. То есть канал был введён в эксплуатацию не в 219 г. до н.э., а в 218 – 217 гг. до н.э. [651, с.235].

[1] Если он был вьетом, то его имя должно читаться как «Ши Лок».

Лаквьетский воин IV – середины III в.до н.э.
Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.

Благодаря каналу циньская армия вторглась в южное Гуанси и нанесла поражение *тэйау*, при этом в одном из сражений был убит вождь этого племени Зитьхутонг. Однако население Тэйау почти поголовно ушло в труднодоступные горные районы, а армия Ту Цзюя, оказавшись в изоляции, не смогла развить успеха и вторгнуться на территорию Северного

Вьетнама. Этими событиями завершается вторая фаза южных завоевательных походов империи Цинь, которая длилась около шести лет: с 219 по 214 г. до н.э.

Третья фаза войны продолжалась около пяти лет: с 214 по 210 г. до н.э., и именно этот период вызвал наибольшие дискуссии среди исследователей. Проблема первого китайского захвата северо-вьетнамских территорий является одной из ключевых проблем древней истории Вьетнама. По этой проблеме существуют три основные гипотезы, которые были сформулированы А.Масперо, Л.Оруссо и Дао Зюи Анем соответственно.

Согласно гипотезе А.Масперо, циньской армии до начала третьей фазы южных походов так и не удалось захватить лаквьетские земли. Это произошло лишь в 212 г. до н.э., когда циньские военачальники Жэнь Ао и Чжао То сумели осуществить захват территорий «южных варваров», а затем разделили их на три области: Наньхай (современный Гуанчжоу), Гуйлинь (современный Сюньчжоу) и Сян[2]. Сопоставляя источники эпохи Хань и эпохи Тан, А.Масперо пришёл к выводу о том, что танские историографы допустили ошибку в трактовке данных предыдущих эпох и произвольно свели в одну область две совершенно различные территории. Так, согласно одним ханьским источникам, область Сян занимала западную часть Гуанси и юг Гуйчжоу, а по другим источникам той же эпохи, она идентифицировалась с областью Нятнам эпохи Хань, занимавшей северную часть Центрального Вьетнама, или Аннама. В эпоху Тан произошло смешение этих двух традиций, и в результате область Сян стали указывать в следующих границах: западная часть Гуанси, юг Гуйчжоу и все территории на юго-восток, включая Северный и Центральный Вьетнам. А.Масперо убедительно показал несостоятельность происхождения этой концепции области Сян и чётко определил границы последней в эпоху Цинь: «На севере она достигала истоков реки Юань, где жили племена “расы Паньху”, то есть, *мяоцзы*; на западе она граничила с царством Елан, где правили “короли Бамбука” –

также *мяоцзы*; наконец, на юге страна варваров Уху отделяла её от Цзяочжи» [897.3, с.55].

Таким образом, по А.Масперо, область Сян занимала западную часть Гуанси и юг Гуйчжоу, Гуйлинь – восточную часть Гуанси и Наньхай – территорию Гуандуна. В то же время, исходя из данных китайских источников, А.Масперо ставит под сомнение существование царства Аулак и историю короля Умиротворённого юга из династии Тхук. В своих доказательствах он ссылается на то, что «с III в. до н.э. легенда заменила историю» [897.1, с.18 – 20]. Весь этот сюжет, как и сюжет о короле Вьета Чиеу, относящийся к VI в. н.э., французский синолог считает вымышленным.

Совершенно иначе эту проблему рассматривает в своём фундаментальном труде Л.Оруссо, который пришёл к следующим выводам: легенда о короле Умиротворённого юга, бесспорно, содержит исторические сведения и отражает реальную войну между государем Аулака Тхук Фаном и государем Намвьета Чжао То [651, с.213, 239].

К 221 г. до н.э. основные вьетские племена населяли следующие территории: 1. *дуноу* жили в районе Вэньчжоу в южном Чжэцзяне; 2. *миньюэ* жили в районе Фучжоу в Фуцзяни; 3. *наньюэ* жили в районе Гуанчжоу в Гуандуне; 4. *тэйау* жили в юго-западном Гуандуне, южном Гуанси и Северном и Центральном Вьетнаме. По мнению Л.Оруссо, именно «*тэйау* были действительно аннамитами той эпохи» [651, с.234].

С 221 по 214 г. до н.э. продолжалось завоевание территорий южнее Янцзы войсками императора Начинателя династии Цинь. В 221 – 220 гг. до н.э. были покорены племена *дуноу* и *миньюэ*, захвачена территория племени *наньюэ* и большая часть территории Гуанси, на которой проживали «мелкие вьетские племена, известные под названием "*сто юэ*"» Однако на территории обитания племени *тэйау* войска Цинь столкнулись с серьёзным сопротивлением [651, с.234]. Видимо, в 219 – 218 гг. до н.э. они потерпели поражение от *тэйау* и были вынуждены отступить в район Гуанчжоу [652, с.235, 236]. Однако уже в 218 – 217 гг. до н.э. усиленные

подкреплением, которое привёл Чжао То, циньские войска возобновили наступление. В результате к 214 г. до н.э. все вьетские территории были захвачены и разделены на «области [и] уезды».

Таким образом, обширные территории, захваченные у *юэ*, были административно организованы между 221 и 214 гг. до н.э. Территория обитания *дуноу* и *миньюэ* – в 221 г. до н.э. была преобразована в область Миньчжун в Фуцзяни. Территория обитания южных племён *наньюэ* в 214 г. до н.э. была преобразована в области Наньхай и Гуйлинь. Наконец, в том же году «аннамиты из Тэйау и бесчисленные народности, жившие к югу от Перевала Облаков, были объединены в одной области, называвшейся Сян, или областью Слонов» [651, с.236].

Судя по карте, которую составил Л.Оруссо, область Наньхай занимала территорию Гуандуна; область Гуйлинь – северное и центральное Гуанси; область Сян – юг Гуанси, юго-запад Гуандуна, дельту Тонкина и территорию Аннама вплоть до 14-ой параллели (несколько южнее мыса Варелла) [652, с.236]. Все эти области находились под управлением Цинь до 210 г. до н.э., то есть до смерти императора Начинателя этой династии [651, с.237].

Согласно гипотезе Л.Оруссо, около 210 г. до н.э. потомок короля Шу из Сычуани, воспользовавшись слабостью династии Цинь, захватил аннамитские страны и основал первую аннамитскую династию Тхук, приняв имя короля Умиротворённого юга. В 208 – 207 гг. до н.э. наместник областей Наньхай и Гуйлинь Чжао То в свою очередь объявил себя независимым государем и вторгся в «аннамитские земли».

Не позднее 207 г. до н.э. Чжао То объявил о создании на базе трёх бывших циньских областей Наньхай, Гуйлинь и Сян государства Наньюэ [651, с.239, 240].

Наконец, согласно гипотезе Дао Зюи Аня, царство Аулак возникло в результате объединения двух групп вьетских племён – *лаквьет* и *тэйау*. Если *лаквьеты* – это группа племён, проживавшая на территории Северного Вьетнама, то *тэйау*

проживали по соседству в Гуанси. Дао Зюи Ань не согласен с А.Масперо, который считал, что этноним *тэйау* указывает на племена *ста юэ*, живших на западе в Гуанси и Северном Вьетнаме, тогда как этноним *дуноу* указывает на племена той же группы, обитавшие на востоке в Фуцзяни. Дао Зюи Ань исходит из того, что небольшая группа вьетов, проживавшая на юге Чжэцзяна, называлась *дуноу*, тогда как вьетские племена в Фуцзяни принадлежали к другим группам, как это показал ещё Л.Оруссо.

Таким образом, Дао Зюи Ань полагает, что *тэйау* – это не все вьетские племена, проживавшие на западе, а лишь одно из этих племён, занимавшее территорию на юге Гуанси, и, по его мнению, именно вьеты этой группы были покорены «сыном шуского короля Панем» [1224.3, с.39 – 41].

Но если царство Шу в Сычуани было разгромлено войсками циньского военачальника Сыма Цо в 316 г. до н.э., то маловероятно, что сын короля Шу мог захватить Ванланг в 257 г. до н.э.[1] и тем более править им до 207 г. до н.э.

Поэтому Дао Зюи Ань считает, что после падения царства Шу в Сычуани его правитель бежал на юго-восток и, дойдя до юга Гуанси, столкнулся с лаквьетскими племенами. Он разгромил лаквьетское племя *тэйву*, но был остановлен остальными лаквьетскими племенами, из которых главным являлось племя *мелинь*. Таким образом, король Шу стал управлять землями племени *тэйву*, которое занимало северо-восточное среднегорье Северного Вьетнама, находившееся между территориями проживания племён *тэйау* и *лаквьет*. Учитывая культурное родство племён по линии Сычуань – Северный Вьетнам, Дао Зюи Ань приходит к выводу, что Тэйву (Шу) по своей культуре было очень близко Ванлангу и что весь район расселения племён *тэйау*, *тэйву* и *лаквьет*, или *мелинь*, в IV – III вв. до н.э. можно рассматривать как район единой культуры [1224.3, с.25 – 29]. Видимо, в III в. до н.э. один из потомков правителя Шу в Тэйву, известный как сын шуского короля Шу Пань, вошёл в доверие к правившему в то

[1] Традиционная дата, которая указывается во всех вьетнамских источниках.

время королю Мужественному, сверг его и объединил лаквьетские племена *тэйву* и *мелинь* под своей властью. С этого времени столица Ванланга находилась в Колоа, однако, по мнению Дао Зюи Аня, это не означало ни создания царства Аулак, ни иноземного завоевания царства Ванланг. Всё свелось к смене одного правящего рода другим в протогосударственном объединении племён. Возникновение же государства Аулак вьетнамский учёный связывает с антициньской войной лаквьетских племён.

Арбалетчик армии Тхук Фана, середина III в. до н.э.
Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.

В 214 – 210 гг. до н.э. армия Цинь разгромила племя *тэйау* в Гуанси и в конце 210 г. до н.э. вторглась на территорию Северного Вьетнама. В ходе первого этапа войны был убит вождь племени *тэйау*, после чего вьетские племена

избрали «способного человека», чтобы возглавить борьбу с Цинь. Им и стал король Тхук Фан (Шу Пань), и это, по мнению Дао Зюи Аня, свидетельствует о том, что *лаквьеты* не считали Тхук Фана иноземным захватчиком. В результате разгрома войск Цинь авторитет Тхук Фана стал столь велик, что он объединил все союзные вьетские территории в государство Аулак с правящей династией Тхук, а сам принял титул короля Умиротворённого юга. По мнению Дао Зюи Аня, это произошло около 208 г. до н.э. С его точки зрения, само название Аулак 貉甌 свидетельствует об объединении в его составе племён [*тэй*] *ау* 甌 [西] и *лак* [*вьет*] [越] 貉.

По вопросу о локализации области Сян Дао Зюи Ань в целом согласен с А.Масперо и идентифицирует её с территорией расселения племён *тэйау* (западная часть Гуанси и, возможно, часть земель Гуйчжоу) [1224.3, с.39 – 53, 88, 89].

Если теперь сопоставить эти три гипотезы, то становится очевидным, что они содержат взаимоисключающие выводы по всем ключевым проблемам вьетнамской истории 257 – 208 гг. до н.э. Это касается и заключительной фазы южных завоевательных походов династии Цинь, и царства Аулак, и короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Вопрос о «совпадении» сюжетов, связанных с Тхук Фаном и королём Вьста Чиеу, рассматривается при изложении вьетнамской истории VI в., здесь же следует обратить внимание на проблему локализации области Сян в связи с падением царства Ванланг с династией королей Мужественных и образованием царства Аулак с династией Тхук.

Изучение китайских и вьетнамских письменных источников, а также указанных выше авторских исследований приводит к выводу, что максимального успеха циньские войска добились в результате второй фазы южных войн в 219 – 214 гг. до н.э. Вследствие победы над *тэйау*, одержанной благодаря каналу Ши Лу и подкреплениям, которые привели Жэнь Ао и Чжао То в 218 – 217 гг. до н.э., Ту Цзюй сумел овладеть территорией Гуанси. К 214 г. до н.э. он разделил захваченные территории на три области – Наньхай, Гуйлинь и

Сян, а захваченные в первой фазе войны южный Чжэцзян и Фуцзянь были преобразованы в область Миньчжун. Насколько можно об этом судить, локализация этих областей наиболее точно дана А.Масперо. То есть область Наньхай включала восточный Гуандун, область Гуйлинь – западный Гуандун и восточное Гуанси, а область Сян – западное и центральное Гуанси. При этом вывод Л.Оруссо о включении в состав области Сян территории Северного и северной части Центрального Вьетнама следует признать неправомерным, тем боле, что с 257 г. до н.э. эта территория была объединена под властью Тхук Фана, историчность которого на сегодняшний день не вызывает сомнения.

Начало третьей фазы войны, ознаменовавшейся, по общему мнению, объединением военных сил Тэйау и Ванланга (Лаквьета) под командованием Тхук Фана, следует датировать 214 – 213 гг. до н.э. В результате циньская армия была разгромлена, а её командующий Ту Цзюй погиб в сражении. В итоге вьетские племена *тэйау* и *лаквьет* были объединены в рамках царства Аулак, название которого было образовано этнонимами этих двух племён. В то время царство Аулак включало территории южного Гуанси и, возможно, юго-восточного Гуандуна, а также Северного и северной части Центрального Вьетнама. Надо полагать, что одновременно с провозглашением царства Аулак Тхук Фан принял титул короля Умиротворённого юга, что должно было символизировать установление спокойствия и порядка на вьетских землях.

Остатки экспедиционной армии отступили на восток в Гуандун, где циньские военачальники сохранили власть над частью области Гуйчжоу и областью Наньхай. Так как Ту Цзюй и Ши Лу были убиты, то армию возглавили Жэнь Ао и Чжао То, первый из которых в своё время был назначен охранителем области Наньхай, а второй – начальником уезда Лунчуань той же области. Укрепившись в Паньюе, они, видимо, занялись реорганизацией и приведением в боеспособное состояние находившихся под их командованием

войск, о численном составе которых позволяют судить следующие данные письменных источников. Первоначально под командованием Ту Цзюя и Ши Лу для наступления на юг находилась 500-тысячная армия.

В то же время китайские источники указывают на укрепление границы ссыльными после поражения Ту Цзюя [652, с.172 – 176] или на политику заселения южных земель ссыльными на протяжении тринадцати лет [651, с.180].

Если исходить из того, что начало этой политики должно совпадать с концом первой фазы южных завоевательных походов династии Цинь в 220 г. до н.э., то период в тринадцать лет завершается 207 г. до н.э. или датой падения империи Цинь, тогда как Ту Цзюй был убит в 214 или 213 г. до н.э. Во вьетнамских же источниках ничего не говорится о численности армии Ту Цзюя и Ши Лу, однако под 214 – 211 гг. до н.э. сообщается о том, что «[Династия] Цинь повелела Ао [и] То повести пятьсот тысяч ссыльных охранять Улин; тогда Ао [и] То задумали отделиться от [империи]» [239.6, с.277, 293 – 295]. Из сопоставления вышеприведённых дат следует, что здесь имеет место явное смешение двух событий. На самом деле ситуация, скорее всего, выглядела следующим образом.

Первоначально 500-тысячная армия Ту Цзюя и Ши Лу была образована из двух частей: одной, относительно немногочисленной, не более одной пятой части всей армии, состоявшей из воинов-профессионалов, и второй, состоявшей из разного рода изгоев общества, возможно, с семьями, которая должна была заселить захваченные вьетские территории и стать на них опорой имперской власти. В 218 – 217 гг. до н.э. Жэнь Ао и Чжао То привели в помощь Ту Цзюю ту часть профессиональной армии, которая была оставлена в виде заслона в горных проходах Аньшаня или Улина. Отсюда следует, что после десяти лет изнурительных военных действий Жэнь Ао и Чжао То могли иметь в 210 г. до н.э. не больше пятьдесяти тысяч относительно боеспособных воинов. Что же касается переселенцев, то они, скорее всего, большей

частью бежали обратно в империю, а оставшиеся были полностью деморализованы и не представляли собой сколько-нибудь значительной военной силы.

К этому времени слабость и скорый конец империи Цинь стали уже очевидны, и потому подкреплений вряд ли можно было ожидать. Жэнь Ао и Чжао То со своей немногочисленной армией оказались в окружении враждебных племён, которые внешне ещё соблюдали покорность империи. При этом единственным откровенно враждебным и независимым оставался значительно усилившийся в результате победы над циньской армией в 214 – 213 гг. до н.э. Аулак.

Приблизительно в 210 г. до н.э. Жэнь Ао и Чжао То предприняли ещё одну попытку покорить короля Умиротворённого юга. Основные военные действия развернулись в северо-вьетнамской провинции Бакзянг. Чжао То командовал сухопутной армией, а Жэнь Ао вёл боевые суда речным путём. Им противостояла армия Аулака, возглавляемая неким Као Ло, или Као Тхонгом.

Уже в первых сражениях армия Чжао То понесла значительные потери от лучников (возможно, арбалетчиков) противника и была вынуждена остановиться в Вунине. К тому же Чжао То вскоре остался один, так как Жэнь Ао заболел лихорадкой и вернулся в Паньюй. Надо полагать, что ни одной из сторон не удалось добиться решающей победы. Поэтому через год после начала военных действий Чжао То и король Умиротворённого юга Тхук Фан заключили мир, при этом сын Чжао То, Чжун Ши, остался заложником в Аулаке. Согласно данным источников, Чжао То сохранил господство над горными проходами к северу от реки Биньзянг, ведущими в низменность Северного Вьетнама[3].

В конце 209 или начале 208 г. до н.э. скончался император Начинатель династии Цинь, и вся созданная им первая гигантская общекитайская империя развалилась, а на её месте вновь возник целый ряд независимых государств, или царств.

Король Умиротворённого юга Тхук Фан.
Поминальный храм Ми Тяу. Музейный комплекс королей Мужественных.
Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

Его сын, Второй в роду, уже с самого начала своего правления столкнулся с мощными восстаниями, потрясшими

империю. Сначала эти восстания возглавил чусец Чэнь Шэн, но даже его гибель не отсрочила создания антициньской коалиции. В результате возникла реальная угроза возрождения целого ряда царств на территориях южнее реки Янцзы – как в Приморской зоне, так и в Центральном и Сычуань-юньнаньском районах. Находившаяся же на южной окраине империи область Наньхай вместе с подчинённой ей частью области Гуйлинь должна была самостоятельно противостоять враждебному окружению. Видимо, Жэнь Ао и Чжао То это прекрасно осознавали и готовились провозглашению независимости подвластной им территории с последующей войной.

Около 208 г. до н.э. скончался Жэнь Ао, передавший перед смертью всю полноту власти в Наньхае Чжао То. Надо полагать, что последний немедленно приступил к реализации выработанного совместно с Жэнь Ао плана, отражённой в заключительной части исторического мифа о короле Умиротворённого юга, начальный сюжет которого был текстуально приведён выше. Так как все перипетии столкновений между Тхук Фаном и Чжао То уже неоднократно описывались, то здесь достаточно будет указать лишь на ключевые моменты заключительного сюжета этого мифа. В нём присутствуют всё те же лица: Тхук Фан, Золотая черепаха с её магическим когтем и Као Ло или Као Тхонг, к которым добавились дочь Тхук Фана, принцесса Ми Тяу, будущий основатель следующей вьетской династии Чжао То и его сын Чжун Ши. Сам же сюжет выглядит следующим образом.

Чжао То неоднократно нападал на короля Умиротворённого юга, но каждый раз терпел поражение от Као Ло, вооружённого чудесным арбалетом со спусковым крючком из когтя Золотой черепахи. Сын Чжао То, Чжун Ши, остался заложником у Тхук Фана, женился на Ми Тяу, узнал тайну когтя, подменил его и уехал навестить родителей, предварительно договорившись с женой о том, что в случае её

отъезда из Крепости Улитки она тем или иным способом будет давать ему знать о своём местонахождении.

Ми Тяу. Поминальный храм.
Музейный комплекс королей Мужественных.
Округ Фаунг провинции Вьетчи.16.04.2011 г.

Чжао То нанёс поражение лишённому магической силы Тхук Фану и по следам, которые оставляла Ми Тяу, преследовал его. Добравшись до берега моря Тхук Фан обратился за помощью к Золотой черепахе, которая и поведала ему о предательстве дочери.

Ми Тяу ответила, что она была обманута мужем, призвала Небо в свидетели и попросила его в качестве доказательства своей невиновности превратить её после смерти в жемчужины. Тхук Фан обезглавил дочь, взял в руки ритуальный рог носорога и бросился в море. Чжун Ши привёз тело Ми Тяу в Крепость Улитку, где она перевоплотилась в жемчуг, а сам Чжун Ши, не выдержав горя, бросился в колодец. Согласно традиции, в последующие времена люди омывали в воде этого колодца жемчужины, выловленные в Восточном море, и те приобретали совершенно особую чистоту и блеск [236.1, кн.1, с.8б – 10б].

В связи с этим сюжетом интересно отметить два момента: во-первых, имя Ми Тяу переводится как «Прекрасная жемчужина»[4]; во-вторых, хотя Чжао То и овладел магическим когтем Золотой черепахи, этот коготь вообще больше не упоминается ни в связи с самим Чжао То, ни в связи с основанной им династией.

Заключительный сюжет исторического мифа о короле Умиротворённого юга Тхук Фане представляет значительный интерес не только в свете проблем вьетнамской истории VI в., но и в свете интерпретации во вьетнамских источниках перехода власти от королей Мужественных к династии Тхук. Сопоставление обоих сюжетов показывает, что и в случае перехода власти от королей Мужественных к Тхук Фану, и в случае перехода власти от Тхук Фана к Чжао То этот переход связан с браком и сверхъестественными силами. Детально этот вопрос, как уже говорилось, будет рассмотрен в следующем разделе настоящего тома при описании эпохи Ранних Ли. Здесь же важно подчеркнуть, что вопрос о короле Вьета Чиеу должен анализироваться не только в сопоставлении с фактами борьбы между Тхук Фаном и Чжао То в 208 г. до н.э., но и в

сопоставлении с борьбой между последним королём Мужественным и Тхук Фаном в 258 г. до н.э. Именно этот аспект был упущен из виду А.Масперо при исследовании проблемы династии Ранней Ли [897.1], а вслед за ним и остальные учёные, рассматривавшие указанную проблему, игнорировали первый из трёх сходных сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции – сюжет о переходе власти от первой ко второй национальной династии.

Теперь, после этого вышеприведённого уточнения, представляется возможным перейти к реконструкции исторических событий заключительного этапа борьбы между королём Умиротворённого юга Тхук Фаном и Чжао То.

К 208 г. до н.э. в Аулаке произошли большие перемены. Чжун Ши (сын Чжао То), ставший заложником при дворе короля Умиротворённого юга в результате войны 210 г. до н.э., вошёл в доверие к престарелому Тхук Фану, которому было не менее семидесяти лет, и женился на его дочери принцессе Ми Тяу. Надо полагать, что вследствие его интриг был изгнан Као Ло или Као Тхонг и армия Аулака осталась без командующего.

Тем временем Чжао То объявил в Наньхае военное положение и приказал готовиться к обороне от «мятежников», восставших против династии Цинь.

На самом же деле Чжао То разрушил подвесные мосты в горных проходах Аньшаня и перекрыл доступ в Гуандун с севера. Затем он под различными предлогами избавился от преданных Цинь военачальников и заменил их людьми из своего окружения. После этого, обезопасив себя от угрозы с севера и сосредоточив в своих руках всю полноту власти в области Наньхай, Чжао То перешёл к активным действиям на южном фронте. Он «снёсся» со своим сыном Чжун Ши и, воспользовавшись неподготовленностью Аулака к войне, неожиданно напал на Крепость Улитку. Не исключено, что при помощи сына ему удалось овладеть крепостью без боя. Король Умиротворённого юга бежал вместе с дочерью. Погоню возглавил Чжун Ши. Согласно традиции, Тхук Фан,

видя безнадёжность положения и узнав о предательстве дочери, казнил её и покончил с собой, бросившись в море.

Дворец-храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана.
Колоа. 25.03.2011 г.

Внутренний двор Крепости Улитки с искусственным бассейном.
Колоа. 25.03.2011 г.

А Чжун Ши, увидев свою жену мёртвой, также покончил с собой. Достоверность этих сведений вряд ли возможно установить, однако вероятность подобного развития событий представляется вполне допустимой [36, с.110; 236.1, кн.1, с.8а – 11б; 239.6, с.289 – 299][5]. Также можно полагать доказанным факт захвата Чжао То столицы короля Умиротворённого юга Тхук Фана и историчность личности последнего[6].

Таковым был ход событий политической истории раннего лаквьетского государства на территории Северного Вьетнама во второй половине III в. до н.э. Однако представляется необходимым остановиться на ряде частных вопросов этого периода и прежде всего на вопросе о личности Тхук Фана. Это особенно важно в свете того, что в современной исторической науке СРВ сложился устойчивый стереотип Тхук Фана как национального государя, а свергнувший его в 208 г. до н.э. Чжао То характеризуется как циньский завоеватель [1304.1, с.169 – 222]. Проблема Чжао То рассматривается в следующей главе, что касается личности Тхук Фана, то она далеко не столь однозначна.

Во-первых, предки Тхук Фана правили царством Шу в Сычуани вплоть до 316 г. до н.э., а 316 и 258 гг. до н.э. разделяют всего пятьдесят восемь лет.

Во-вторых, если исходить из того, что непосредственно после разгрома царства Шу в 316 г. до н.э. часть его населения во главе с представителем правящего рода ушла на юго-восток, то всё равно необходимо учитывать продвижение шусцев через Юньнань и Гуанси к северо-западным границам современного Вьетнама. Продвижение же это должно было осуществляться в условиях постоянных военных столкновений, что, видимо, и предопределило миграцию шусцев вплоть до лаквьетских территорий. В противном случае нет никаких причин для того, чтобы шусцы не осели где-нибудь ещё в Юньнани или Гуанси.

В-третьих, ни у одного из исследователей не возникло сомнения в том, что вторгшиеся на территорию проживания

лаквьетского племени *тэйву* на рубеже IV – III вв. до н.э. шусцы покорили это племя силой оружия. То есть речь идёт о военном завоевании северо-западных лаквьетских территорий группой мигрировавших шусцев, которые вследствие этого основали в Тэйву новое царство Шу со своим королём. Таким образом, на границах раннего лаквьетского государства Ванланг с династией королей Мужественных образовалось небольшое царство Шу с династией королей Шу, которая в управлении этими землями опиралась на выходцев из сычуаньского царства Шу, тогда как основную часть населения этого царства составляли *лаквьеты* племени *тэйву*.

В-четвёртых, согласно письменным источникам и историческим фактам, содержащимся в исторических легендах, с самого начала между Шу в Тэйву и Ванлангом начались конфликты, которые время от времени перерастали в военные столкновения. Начались же эти столкновения после неудачного сватовства основателя династии Шу в Тэйву к дочери короля Мужественного и продолжались они на протяжении правлений трёх государей этой династии. Совершенно очевидно, что основной мотивировкой этих вооружённых столкновений было не «оскорбление деда», а уязвимое положение шусцев. С севера и с северо-востока в условиях циньской экспансии территория царства Шу в Тэйву была открыта для прямого нападения. При этом на юге и юго-востоке это царство не имело прочного тыла, так как *лаквьеты* племени *тэйву*, что вполне естественно, культурно и этнически тяготели к *лаквьетам* Ванланга, тогда как правящий род Шу оставался для них чужеродным. В этих условиях выбор был не богат: либо *лаквьеты* Ванланга должны были «поглотить» Шу в Тэйву, либо правящий род Шу должен был покорить *лаквьетов* Ванланга, чем, как известно, и завершился полувековой конфликт между этими царствами.

Таким образом, исходя из вышеперечисленных фактов, король Шу Пань никоим образом не может быть признан национальным лаквьетским государем.

Однако если рассматривать данную проблему в свете традиционных этнокультурных связей всего региона южнее реки Янцзы и событий политической истории юга Восточной Азии IV – III вв. до н.э., то складывается гораздо менее однозначная картина. Как известно, этот период приходится на так называемую эпоху Сражающихся царств (480 – 246 гг. до н.э.). В течение этой эпохи многочисленные царства, расположенные южнее реки Янцзы, играли значительную роль в междоусобных войнах, при этом такие «некитайские» царства, как Чу и Юэ, даже были гегемонами главенствующей коалиции древнекитайских царств [353]. Именно с этими войнами было связано падение в 316 г. до н.э. царства Шу в Сычуани. В то же время в предыдущей главе были прослежены связи Ванланга как с царствами по нижнему течению Янцзы, включая царство Юэ в Чжэцзяне, и царствами по среднему течению Янцзы, включая царство Чу в районе озера Дунтин, так и с царством Шу в Сычуани. Иными словами, Ванланг являлся южной периферийной окраиной театра военных действий эпохи Сражающихся царств. В связи с этим становится понятна попытка Гоу Цзяня, государя царства Юэ в Чжэцзяне, установить контакты с Ванлангом между 496 и 465 гг. до н.э. [36, с.109]. В таком контексте эту попытку следует рассматривать как стремление объединить под лидерством Юэ все вьетские племена по восточной стороне «треугольника» родственных культур (Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун – Северный Вьетнам), что стало бы реальностью в случае возникновения союза Юэ и Ванланга. Точно также движение остатков *шусцев* после падения царства Шу в 316 г. до н.э. по западной стороне «треугольника» родственных культур (Сычуань – Юньнань – Гуанси – Северный Вьетнам) было вполне логичным маршрутом отступления под напором Цинь. При этом наиболее отдалённой от театра военных действий территорией, которая входила в зону междоусобиц эпохи Сражающихся царств и была культурно связана с Сычуанью, являлась территория расселения лаквьетских племён. Очевидно, что с этой точки

зрения Ванланг являлся естественным центром объединения южных вьетских племён в борьбе с нарождавшейся первой общекитайской империей.

Таким образом, столкновения между осевшими в Тэйву *шусцами* и *лаквьетами* Ванланга в первой половине III в. до н.э. происходили в рамках общих военных столкновений конца эпохи Сражающихся царств. В этих же рамках следует оценивать как свержение Шу Панем последнего короля Мужественного, так и воцарение в Ванланге в 258 г. до н.э. новой династии Тхук. Отсюда следует, что хотя между *лаквьетами* и *шусцами* в Сычуани до 316 г. до н.э. и особенно *шусцами* в Тэйву в первой половине III в. до н.э. прослеживается определённая культурная близость, династия Тхук на начальном этапе её правления в Ванланге, несомненно, воспринималась как иноземная. Однако с образованием империи Цинь в 246 г. до н.э. и тем более с началом её южных завоевательных походов в 221 г. до н.э. отношение *лаквьетов* к династии Тхук меняется.

Судя по данным письменных источников, Тхук Фан после своего воцарения в Ванланге сразу же предпринял строительство столичной крепости (Крепости Улитки). Строительство продолжалось длительное время и со значительными помехами. Из вышеприведённых данных вьетнамской историко-мифологической традиции следует, что возведению крепости препятствовали «демоны» – покровители погибшей династии королей Мужественных. Интерпретация этих данных однозначна: строительство Крепости Улитки было предпринято с целью защиты от возможных попыток реставрации лаквьетской династии, а враждебное окружение значительно затрудняло укрепление столицы Тхук Фана. Не следует исключать и вероятность прямых нападений отрядов лаквьетской знати на строящуюся крепость, о чём косвенно свидетельствует «рушившаяся» из-за происков «демонов» стена.

Наконец, указанный миф весьма интересен и тем, что в нём непосредственно после сообщения об успешном

завершении возведения Крепости Улитки следует сюжет о войне между Тхук Фаном и Чжао То. Судя по всему, это является косвенным свидетельством объединения шуской династии и лаквьетской знати перед лицом непосредственной угрозы со стороны империи Цинь. Процесс этого объединения был достаточно длительным. Начался же он не ранее 246 и не позднее 221 г. до н.э. Дао Зюи Ань был совершенно прав, выдвинув гипотезу о том, что принятие Тхук Фаном титула короля Умиротворённого юга и изменение названия царства с Ванланга на Аулак следует связывать с событиями антициньской войны. Только произошло это не в 208 г. до н.э., как считает вьетнамский учёный, а несколько ранее, вероятно, в первый же год начала третьей фазы войны или в 214 – 213 гг. до н.э., то есть до начала активных военных столкновений с войсками Чжао То. В свете этой гипотезы по-новому воспринимается смысловое содержание названия царства Аулак и титула «король Умиротворённого юга».

Выше уже говорилось, что согласно, гипотезе Дао Зюи Аня, название *Аулак* 貉甌 произошло от слияния этнонимов *тэйау* 甌西 и *лаквьет* 越貉, при этом, как убедительно показал Л.Оруссо, а затем уточнил Дао Зюи Ань, *тэйау* в основном проживали в Гуанси. И именно вождь *тэйау* Зитьхутхонг был убит в ходе второй фазы циньских южных походов в 218 или 217 г. до н.э.

Иной точки зрения придерживался А.И.Мухлинов. Он полагал, что наименование *оуло* 貉甌 – это топоним реки *Оу* 江甌 в Чжэцзяне [486, с.180]. Однако объединение *тэйау* и *лаквьета* под руководством Тхук Фана после гибели Зитьхутхонга, в результате которого циньская армия потерпела поражение, а её командующий был убит, представляется гораздо более логичным. Сопоставление же названия «аулак» с топонимами «тэйау» и «лаквьет» неизбежно влечёт за собой целый комплекс сопоставлений, связанных с анализом этнонима «лак». По временным рамкам он должен был бы быть рассмотрен в предыдущей главе, но все имена, названия, топонимы и этнонимы сюжетов

вьетнамской историко-мифологической традиции первой группы не могут быть интерпретированы в отрыве друг от друга. Поэтому их сопоставление проводится после рассмотрения всех событий древней истории Вьетнама, которые вошли в состав этих сюжетов.

Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана в десяти – пятнадцати километрах от главного входа в Крепость Улитку. Колоа. 25.03.2011 г.

Вышеизложенный материал позволяет иначе воспринимать уже упоминавшуюся гипотезу А.Масперо, согласно которой имя *Хунг* 雄 появилось в результате неверной записи в эпоху Тан этнонима вьетов *лак* 雒 [897.4, с.2, 3, 7]. Французский учёный исходит из сравнения сюжета о королях Мужественных в «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» с теми же сюжетами в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» и «Собрании таинств [и] чудес земли Вьет». При этом он отмечает, что если в первом источнике говорится о «короле Лак» 王雒 (*Лак-выонг*, *Ло-ван*), то в последних речь идёт о «короле Мужественном» 王雄 (*Хунг-выонг*, *Сюн-ван*). Близость иероглифов 雒 (*лак*, *ло*) и 雄 (*хунг*, *сюн*) очевидна, а появление в том же сюжете из «Записей

[об] округе Гуан» иероглифа 駱 вместо иероглифа 雒 привела А.Масперо к выводу о том, что существует лишь пара 雒 и 駱 (*лак, ло*), тогда как иероглиф 雄 (*хунг, сюн*) произошёл от неверной записи иероглифа 雒.

В целом эта гипотеза не вызывает возражений. Однако она не объясняет появление ещё одного, третьего иероглифа 貉 с вьетнамской фонетикой *лак* и китайской фонетикой *хэ*, который используется и в титуле «правитель Дракон Лак» 君龍貉, и в названии государства или царства «Аулак» 貉甌, и в этнониме *лаквьет* 越貉. Объяснение же этого феномена возможно лишь при привлечении к его анализу всего материала по проблеме королей Мужественных и царства Ванланг, что не было сделано французским учёным.

Представляется, что гипотеза А.Масперо, доработанная в свете вьетской концепции Поднебесной, которая сформулирована во вьетнамских историко-мифологических сюжетах первой группы, должна выглядеть следующим образом:

1. Младший сын Императора Светлого 明帝 король «Канона Юга» 主陽溟 женился на дочери государя озера Дунтин 庭洞 по имени Дух-Дракон 龍神 фее У 婺. У них родился сын, принявший титул правитель Дракон Лак 君龍貉, который женился на фее Ауко 姬嫗. У них из ста яиц родилось сто сыновей, из которых впоследствии пятьдесят ушли с матерью в горы, а пятьдесят остались с отцом на низменности. Старший из них принял титул «король Лак» 王雒, создал царство Ванланг 郎文. Ему подчинялись как маркизы и военачальники лак, так и общинники лак, обрабатывавшие поля лак. Во всех этих именах, титулах и названиях термин *лак* обозначался иероглифом 雒 (*лак, ло*).

Судя по всему, так выглядел первоначальный вариант вьетской концепции Поднебесной.

2. По мере развития и оформления вьетской концепции Поднебесной на протяжении I – V вв. была выстроена новая

более логичная система соподчинений. В имени «король Лак» иероглиф 雒 (*лак, ло*) был заменён почти идентичным ему иероглифом «Мужественный» 雄 (*хунг, сюн*), а в титулах, должностях и других терминах, содержащих иероглиф 雒 (*лак, ло*), последний был заменён иероглифом 駱 (*лак, ло*). В результате возникла система соподчинения иероглифов по времени, выстроенная следующим образом: 嫗 + 貉 = предки всех вьетов; 雄 = старший сын, король, основатель династии, далее – государи (короли) Ванланга; 駱 = остальные члены лаквьетского общества. Иероглиф же 雒 вообще был исключён из этой системы.

3. Наконец, замена иероглифа 甌 (*ау, оу*) из названия государства Аулак 貉甌 на иероглиф 嫗 (*ау, юй*) в имени феи Ауко 姬嫗 может быть объяснена на основании следующего вывода, сделанного ещё в первой половине VII в.[1] танским историографом Яньши Гу: 一之越貉甌西 (Тэйау – это Лаквьет) [239.6, с.313]. При этом известно, что этнонимом *тэйау* называется одно из *лаквьетских* племён, обитавшее на северо-западе Северного Вьетнама и примыкающей к ней территории Гуанси, и что именно этот район стал опорной базой сына короля Шу по имени Пань в его войне против царства Ванланг. Из этого следует, что название царства Аулак 貉甌 было образовано ключевыми иероглифами этнонимов *тэйау* и *лаквьет* в середине III в. до н.э. и что именно эти иероглифы первоначально входили в состав имён правителя Дракона Лака и феи Ауко.

Из вышесказанного следует предположение, согласно которому при оформлении вьетской концепции Поднебесной в I – V вв. титул правителя Дракона Лака как титул сына короля «Канона Юга» и лаквьетского государя был оставлен без изменений, а в имени феи Ауко, которая стала родоначальницей «горных народов», иероглиф *ау* 甌 из

[1] Как известно, именно с того времени имперские историографы получили доступ к основным данным вьетской историко-мифологической традиции.

вьетского этнонима *тэйау* 甌西 был заменён на иероглиф *ау* 嫗. Последнее тем более логично, что этот иероглиф переводится на русский язык как «мать» или «пестовать».

4. Наконец о соотношении иероглифов 雒 или 駱 с иероглифом 貉. Из текстов как ранних китайских, так и поздних вьетнамских источников следует, что первые два использовались исключительно для обозначения реалий, связанных с королями Мужественными и племенем *зяоти*. Второй же используется только в названии племени *лаквьет* и царства Аулак. Поэтому представляется возможным допустить, что первоначально ко всему союзу вьетских племён, образовавшему царство Ванланг, этноним *лаквьет* не имел отношения и что лишь после объединения вьетских территорий в рамках царства Аулак названия *Аулак* и *лаквьет* стали синонимами. В этом случае также возможно допустить, что А.И.Мухлинов прав и иероглиф *оу* 甌 в названии царства Аулак происходит от названия реки *Оуцзян* (*Аузянг*) 汪甌 в Чжэцзяне. Но тогда не понятно, почему название государства *Аулак* 貉甌 и этноним *лаквьет* 越貉 в китайской транскрипции читаются на русском языке как *Оуло* и *лоюэ*. Ведь иероглиф 貉 в китайской транскрипции читается на русском языке как «*хэ*». Не исключено, что указанный феномен связан либо с интерполируемой на иероглиф 貉 устоявшейся традицией чтения иероглифов 雒 и 駱 как «*ло*», либо с тем, что последний имеет ещё одно древнее и крайне редкое чтение «*ло*», которое не упоминается в словарях [3, с.133, №1398].

При такой трактовке названия *Аулак* представляется возможным более широко интерпретировать титул *король Умиротворённого юга* 王南安. В результате победы над циньскими войсками в 214 – 213 гг. до н.э. Тхук Фан объединил под своей властью основные южные вьетские территории, на которых установилось относительное спокойствие. Иными словами, по канонической терминологии письменных источников конфуцианского культурного ареала, он *умиротворил* 安 *юг* 南 и принял титул *короля* 王. Такая

интерпретация титула Тхук Фана применима как в отношении к признавшим в ходе войны его власть лаквьетским племенам, так и в отношении разгромленных им циньских войск под командованием Ту Цзюя.

Таким образом, весь период правления Тхук Фана с 258 по 208 г. до н.э. делится на три этапа:

1. 258 – между 246 и 221 гг. до н.э. – иноземный шуский завоеватель, свергнувший национальную династию королей Мужественных царства Ванланг;

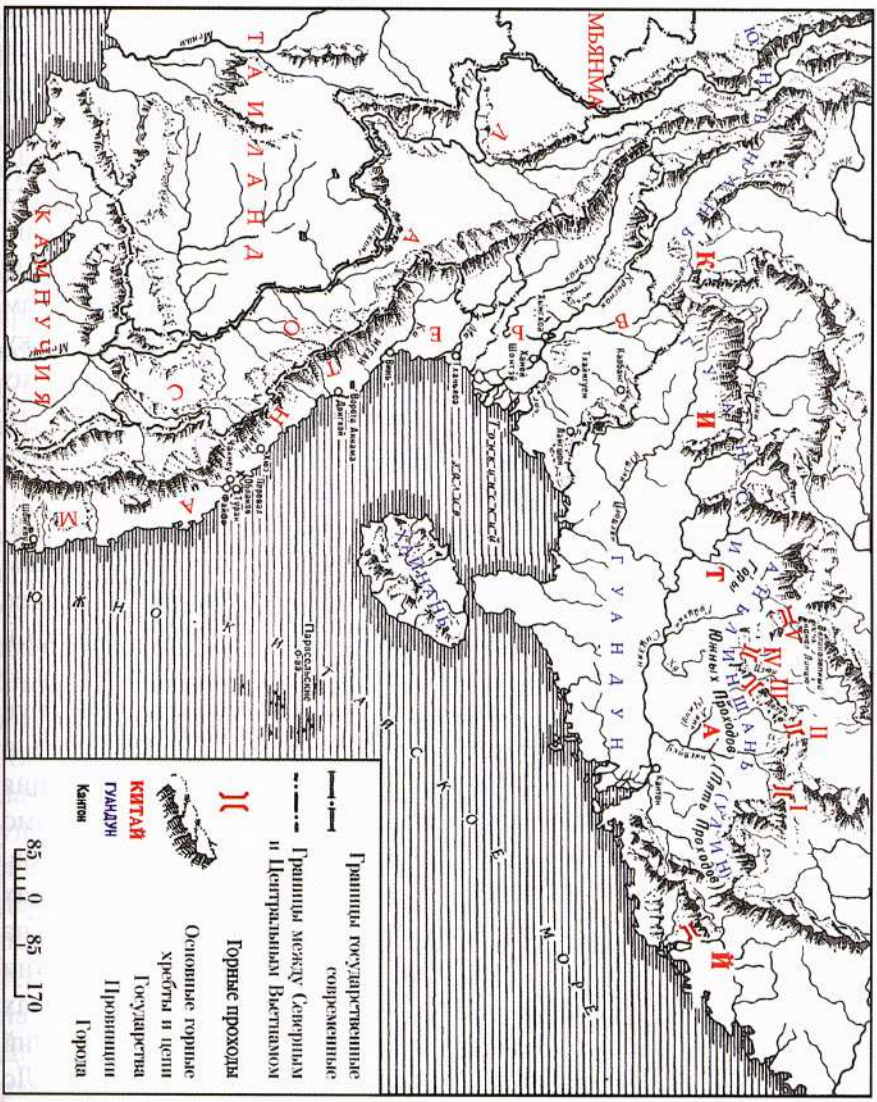
2. Между 246 и 221 – 214 гг. до н.э. – постепенное сближение с лаквьетской знатью, форсируемое растущей угрозой циньского вторжения;

3. 214 или 213 – 208 гг. до н.э. – основатель национальной династии Тхук, разбивший циньскую армию под командованием Ту Цзюя и объединивший племена тэйау и лаквьет, что символизировалось провозглашением царства Аулак и титулом «король Умиротворённого юга».

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что граница между «Главой 1» и «Главой 2» «Части I» первого тома «Полной академической истории Вьетнама» носит весьма условный характер. Связано это с тем, что в основе обеих глав лежат сюжеты первой группы устной вьетнамской историко-мифологической традиции, восходящей к 3-му тысячелетию до н.э., которые были зафиксированы в письменных источниках между I и V вв. н.э., а сами эти сюжеты теснейшим образом связаны между собой. Поэтому вычленить из каждого сюжета в отдельности реальные исторические факты без его сопоставления с другими сюжетами этой традиции просто не представляется возможным.

Глава 3

Царство Намвьет и проблема Чиеу Да[1] *(династии Чиеу) в свете вопроса о «первом китайском завоевании» Вьетнама*

С описания событий, связанных с правлением Чиеу Да как независимого государя царства Намвьет, начинается реальное изложение древней истории вьетского государства

как в китайских, так и во вьетнамских письменных источниках. Но если во вьетнамских летописных сводах правление династии Чиеу предварено достаточно пространными историко-мифологическими сюжетами [I], то в китайских источниках сообщения о событиях вьетнамской истории до 207 г. до н.э. ограничиваются лишь теми краткими текстами, которые уже были процитированы во «Введении» к настоящему тому при характеристике китайских письменных источников по древней истории Вьетнама. К этому следует добавить, что даже сама личность Чиеу Да достаточно противоречива и вызывает у исследователей различные толкования, которые в целом можно свести к двум точкам зрения, доминирующим в современной науке. А поскольку проблема первого государя династии Чиеу является одной из ключевых проблем древней истории Вьетнама, то представляется необходимым остановиться на ней более подробно.

Наиболее «древняя» оценка личности Чиеу Да, восходящая к синхронным его жизни письменным источникам, была сформулирована в написанных несколько позднее «Исторических записках» Сыма Цяня (140 – 87 гг. до н.э.), который характеризует государя Намвьета как ханьца[2].

Общепризнанным является и тот факт, что свергнув короля Умиротворённого юга Тхук Фана и захватив царство Аулак, Чиеу Да назначил двух легатов для управления областями Зяоти и Кыутян. Интересно, что данный факт прямо соотносится со сведениями ранних китайских источников, согласно которым ещё до 258 г. до н.э. чиновники в уездах назывались «военачальник Ло» и получали медную печать на зелёной ленте, подобно начальникам уездов при династии Цзинь в V в. н.э.[II]. Как это было показано в предыдущих главах, в упомянутых источниках отмечается смешение реалий различных эпох, однако то, что понятие «военачальник Ло (Лак)» относится ко всему времени исторического

[I] Смотри «Главу 1» «Части IV» настоящего тома.

[II] Смотри «Параграф 3.2» во «Введении» к настоящему тому.

существования лаквьетского общества эпохи царств Ванланг, Аулак и Намвьет, равно как и к периоду его полунезависимого существования после 111 г. до н.э.[I], не вызывает сомнения. Деление же территории Северного и северной части Центрального Вьетнама на «области и уезды» по имперскому образу и подобию вряд ли может датироваться ранее начала правления династии Тхук или даже династии Чиеу, в правление которой такое административное деление северовьетнамских территорий является неоспоримым фактом.

Этот тезис подтверждается целым рядом достаточно убедительных доказательств. Так, этнографические и археологические данные по территориям, насельниками которых в древности были *лаквьеты*, позволяют выделить две большие группы родственных культур. Первая локализуется в низменности Северного Вьетнама, вторая – в южной части этой низменности с примыкающими к ней районами Приморской зоны Центрального Вьетнама. Об этом же свидетельствует и анализ проблемы пятнадцати племён или административных управлений, названия которых достаточно чётко отражают наличие двух этнотерриториальных групп с центральными наименованиями каждой из них соответственно. Этими наименованиями являются бывшие этнонимы *зяоти* и *кыутян*[II]. Отсюда следует, что названия областей Зяоти и Кыутян произошли от этнонимов двух основных групп лаквьетских племён Северного Вьетнама, при этом первое упоминание об этих областях появляется в источниках лишь после 207 г. до н.э. одновременно со сведениями о назначении двух легатов. Совпадение этих двух фактов свидетельствует в пользу того, что административное оформление деления территорий расселения указанных групп лаквьетских племён на две области следует связывать с началом правления Чиеу Да. В таком случае, если подходить к сопоставлению данных ранних китайских источников с данными вьетнамских

[I] Смотри «Главу 4» «Части I» настоящего тома.
[II] Смотри «Главу 1» «Части I» настоящего тома.

летописных сводов с учётом этого вывода, представляется возможным интерпретировать их следующим образом.

Во главе лаквьетского общества (царство Ванланг) стоял государь, носивший титул короля Мужественного. Во главе этнотерриториальных объединений стояли племенные вожди, или короли Лак, опиравшиеся на родоплеменную знать в лице маркизов Лак. Высшую административную власть представляли военачальники Лак, которые в свою очередь опирались на Возглавляющих Множество [I]. В результате событий 258 – 257 гг. до н.э. место короля Мужественного занял Тхук Фан (царство Аулак), на протяжении правления которого произошло определённое смешение понятий «король Лак» и «маркиз Лак», а после прихода к власти династии Чиеу (царство Намвьет) титул «король Лак» вообще исчезает из источников. К этому можно добавить, что никаких уточнений о характере функций или личностях легатов, назначенных Чиеу Да для управления областями Зяоти и Кыутян, не приводится. Точно также не приводится и никаких сведений о делении указанных двух областей на уезды вплоть до 111 г. до н.э. Таким образом, получение военачальниками Лак медной печати на зелёной ленте, что соответствовало бы их назначению начальниками уездов, явно относится к более позднему времени. С воцарением династии Чиеу из источников окончательно исчезает титул короля Лак и появляется должность легата, хотя, судя по тем же источникам, лаквьеты продолжают жить в соответствии с собственными законами[II]. Из всего этого следует единственно возможный вывод, что в результате свержения династии Тхук и воцарения династии Чиеу в 207 г. до н.э. принципиальных изменений в жизни лаквьетского общества на территории бывшего царства Аулак не произошло.

Вся лаквьетская знать сохранила свои политические и социально-экономические позиции внутри страны и даже укрепила их, поскольку династии Тхук уже не было, а

[I] Смотри «Главу 1» «Части I» настоящего тома.
[II] Смотри «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

«опорные» территории династии Чиеу находились вне границ бывшего царства Аулак. Легатами же Чиеу Да назначил племенных вождей (бывших королей Лак) двух основных этнотерриториальных объединений лаквьетов *зяоти* и *кыутян* [239.6, с.297 – 303].

Лучник армии циньского военачальника,
а затем – императора Намвьета (Наньюэ) Чиеу Да (Чжао То).
Армия императора Начинателя династии Цинь. Сиань. 20.08. 2009 г.

Таким образом, в 207 – 196 гг. до н.э. сложилось новое царство Намвьет со столицей в Фиеннгу, где находился двор династии Чиеу[3], а её основатель Чиеу Да принял титул императора Воинственного. Это царство состояло из двух частей. Северная – это территория Гуандуна, или территория рассселения *наньюэ* и *сто юэ* (циньские области Наньхай и Гуйлинь). Южная – это территория Северного и северной части Центрального Вьетнама, разделённая по родоплеменному принципу на области Зяоти и Кыутян[4], которые де-факто управлялись на основании местных традиций главами одноимённых лаквьетских племенных объединений и де-юре назначались династией Чиеу легатами этих областей. Вероятно, таким же образом было организовано и управление территорией бывшего Тэйау в Гуанси (циньская область Сян), однако в источниках никаких сведений об этом не содержится.

За эти же десять лет произошла и серьёзная перестановка политических сил на территории бывшей империи Цинь. Победившая в антициньской войне коалиция царств Чу и Хань распалась, а затем король Хань, разгромив своих бывших союзников, объединил большую часть китайских территорий под своей властью и в 206 г. до н.э. принял титул императора. Одновременно с этим в Приморской зоне юга Восточной Азии восстановили свою независимость царства У, Донгвьет и Манвьет, на территории бывшего царства Чу усилилось царство Чанша, а к югу и юго-западу от него появились царства Дянь, Елан и Цану или Улин. Только что пришедшая к власти в империи династия Хань не располагала достаточными силами для военного подчинения всех этих государств. Однако уже в первые годы своего правления она предприняла целый ряд дипломатических шагов, в результате которых вышеперечисленные царства оказались включенными в орбиту имперского влияния, а их государи, признав верховную власть Высокого Предка династии Хань, получили от него титулы вассальных

правителей. Исключение составляло наиболее мощное из южных государств – царство Намвьет.

В 196 г. до н.э. император Высокий предок отправил к Чиеу Да посольство, которое возглавил некий Лу Цзя, перед которым стояла задача убедить государя Намвьета отказаться от императорского титула и принять, пожалованные ему ханьским императором символы власти[5]. Наиболее древним источником, в котором описывается произошедший при встрече Лу Цзя с Чиеу Да разговор, являются «Исторические записки» Сыма Цяня. Начиная с XV в. он почти без изменений приводится и во вьетнамских летописных сводах. Этот диалог намвьетского государя и ханьского посла настолько важен для понимания ситуации на крайнем юге Восточной Азии во II в. до н.э., что представляется целесообразным привести его здесь в полном объёме.

«Охранитель [Чжао] То принял [посла, с волосами] зачёсанными в «шиньон» [и] сидя на корточках[6]. Лу Цзя вышел вперёд [и] сказал [Чжао] То: "Вы человек Срединного государства; Ваши родственники [и] могилы Ваших предков находятся в Чжэньдине; теперь же Вы действуете против природы [и] отказываетесь от всего цивилизованного. Вы стремитесь использовать эту малюсенькую группку *юэ*, чтобы противостоять [стране] Сына Неба, как вражескому государству. Вас, несомненно, постигнет несчастье[7].

Послушайте, когда [династия] Цинь потеряла власть, все вассальные [государи[1] и] герои восстали, но король Хань первым перешёл границы [Цинь и] вошёл в Сяньян[8]. Сян Юй[9], нарушив договор, провозгласил себя королём, властителем западного Чу[10]. Под его началом было много подданных, [и] можно сказать, что [он] был очень силён. Но король Хань поднялся в Ба [и] Шу, чтобы управлять Поднебесной, [он] подчинил вассальных [государей] , [а] затем покарал Сян Юя, уничтожив [его]. Если [всего] за пять лет страна была

[1] Как правило, вассальные государи получали титул 王 короля или 侯 маркиза. В тексте сказано: 豪侯 «вассалы [и] герои».

умиротворена, то [это] не результат [его] человеческой силы, [а] было предначертано Небом.

Сын Неба знает, что Вы, [о] король, провозгласили [себя] королём Наньюэ вместо того, чтобы участвовать в уничтожении мятежников. Сначала [он], прислушиваясь лишь к собственному справедливому гневу, хотел послать против Вас армию [и] отнять у Вас [царство] Наньюэ, но [он] подумал, что неверно было бы снова заставлять страдать народ, который столь долго испытывал ужасы войны, [и], охваченный беспредельной жалостью, приняв свершённое [и] не желая вспоминать об оскорблении, отправил меня к Вам, чтобы вручить [Вам] инвеституру [и] сохранить [Ваше] царство.

А что сделали Вы? Вместо того чтобы принять меня как императорского посланника [и] воспринимать меня лишь как [олицетворение] высшего величия нашего общего Повелителя, вместо того чтобы с почтением принять знаки императорской милости [и], в знак покорности, склониться, обратившись лицом на Север, Вы повели себя презрительно [и] в моём присутствии отказали в уважении главе династии Хань.

Трепещите, король Наньюэ, Сын Неба, который сегодня жалует Вам знаки своей милости, страшен во гневе, он уничтожит Вас, извлечёт из могил прах Ваших предков [и] развеет [его] по ветру"».

Будучи ханьцем, Чиеу Да знал, что это не пустые угрозы. Конечно, до войны с империей было далеко, но угроза уничтожить могилы предков была вполне реальной и очень страшной для жителей ханьской империи, в основе религиозных верований которых лежал культ предков. Поэтому он поднялся с корточек и сказал: «Прошу извинить [мне] то, что Вы сочли некорректным в моём поведении, я далёк от мысли быть непочтительным [по отношению] к Сыну Неба – моему Повелителю, но я уже столь давно сражаюсь вдали от двора среди грубых и варварских народов, что, по правде говоря, забыл правила [и обычаи]».

Очевидно, что это извинение носит чисто формальный характер, что подчёркивается дальнейшим изложением беседы

Чиеу Да с Лу Цзя, спросившего у посла: «“Кого Вы предпочитаете: меня или великих полководцев Срединного государства Сяо Хэ [и] Цао Цаня?”[11]. “Я предпочитаю Вас этим двум полководцам”. – ответил Лу Цзя. “А кого Вы находите более великим [из нас]”, – безрассудно продолжил Чжао То, – “Сына Неба или меня?”.

Посол сказал: “Глава династии Хань наследовал Пяти Императорам [и] Трём Королям[12], [он] властвует [над] огромной территорией[I], [его] народы неисчислимы[II] [и] богаты. Со времени создания мира ни один государь не был более славен! Что же касается Вас, то Вы едва ли сможете собрать сто тысяч воинов, Вы управляете варварами, Ваше царство зажато горами [и] морем, в лучшем случае оно достигает [величины] одной области Империи. Как же Вы осмеливаетесь равняться с Сыном Неба?”.

Чжао То засмеялся и, вставая, сказал: “Послушайте, сила у того, [кто] умеет [ею] владеть. Если бы вместо того, чтобы направить оружие против бедного короля Ванланга, я направил бы [его] в Срединное государство, то, возможно, я был бы на месте Сына Неба”.

После этого [Чжао То] окружил вниманием посла Срединного государства, настоял [на том], чтобы [тот] продлил [своё] пребывание [в Наньюэ], устроил празднества в его честь [и] очень часто [с ним] беседовал. “Мне очень дорого Ваше присутствие здесь”, – говорил он [послу], – “в этой суровой стране Наньюэ я вижу только грубых людей, нет никого, с кем бы [я] мог [вести] умные беседы”. После двух месяцев пребывания при дворе Чжао То посол объявил о своём отъезде. Король отпустил [его], одарив тысячью брусков

[I] 里萬 (кит. *вань ли*; вьет. *vạn dặ, ван ык*): «десять тысяч *ли*» или, в данном контексте, «огромная территория». «*Ли*» – мера длины, равная 576 м [3, с.394, №4001, с.45, №423].

[II] 萬億 (кит. *и вань*; вьет. *ỷ vạn, ли ван*): «сто миллионов» или, в данном контексте, «неисчислимое [множество]» [3, с.806, №8376, с.394, №4001].

золота [и] торбой [с] жемчужинами огромной ценности» [651, с.184 – 195; 774, с.417 – 419][1].

Примечательно, что вьетнамские историографы в определённой степени «скорректировали» текст «Исторических записок». Прежде всего этого касается ключевой фразы Чиеу Да в его беседе с Лу Цзя. Так, в летописном своде XV в. она приведена в более жёсткой форме: «Император засмеялся [и] сказал: "Жаль, что я не восстал в той стороне. Откуда знать, не был бы я тогда на месте династии Хань!"», которая к тому же подчёркивается реакцией посла на эту фразу: «Цзя сидел молча, [его] лицо выражало растерянность» [236.1, кн.2, с.1б – 2б]. А в летописном своде XIX в. она наоборот несколько смягчена: «Король засмеялся [и] сказал: "Мне не повезло, что [я] не восстал в Срединном государстве, [а] стал королём здесь, почему же нельзя сравнивать [с династией] Хань?"» [239.6, с.309].

Все эти три текста исключительно важны для характеристики личности Чиеу Да и его оценки современниками, а также для понимания взаимосвязи наименований Ванланг и Аулак. Прежде всего бросается в глаза фраза Чиеу Да о том, что он «направил оружие против бедного короля Ванланга», которую цитирует Сыма Цянь. При этом следует отметить, что ханьскому историографу было известно об Аулаке, так как в книге, посвящённой биографии Чиеу Да приводится наименование Западный Аулак при перечислении вассалов царства Намвьет. Кроме того, в более раннем источнике, «[Записях] наставника из Хуайнани», говорится об убийстве вождя Западного Ау[13] в конце второй фазы южных походов династии Цинь. Соответственно ему должно было быть известно, что Чиеу Да покорил Аулак, а не Ванланг. И тем не менее, Сыма Цянь приводит фразу о «бедном короле Ванланга», которая отсутствует во всех вьетнамских источниках [651, с.172, 176, 196].

---

[1] Все переводы «Исторических записок», приведённые в настоящей главе, сделаны по иероглифическому тексту труда Сыма Цяня [249], частично приведённому Л.Оруссо и Г.Дюмутье в их исследованиях [651; 774].

Старший офицер армии циньского военачальника,
а затем – императора Намвьета (Наньюэ) Чиеу Да (Чжао То).
Армия императора Начинателя династии Цинь. Сиань. 20.08.2009 г.

Если в свете этих данных о обратиться к изложенной в предыдущей главе концепции появления названия Аулак в

результате объединения Западного Оу и Лаквьета (Ванланга) в 214 – 213 гг. до н.э., то становится понятным, почему Чиеу Да, который около 218 – 217 гг. до н.э. привёл подкрепление для циньской армии, считал Тхук Фана «королём Ванланга». В то же время вьетнамские историографы, согласно традиции датировавшие смену царства Ванланг с династией королей Мужественных царством Аулак во главе с королём Умиротворённого юга Тхук Фаном 258 г. до н.э., опустили наименование «Ванланг», полагая, что его упоминание в связи с событиями 207 г. до н.э. является ошибкой Сыма Цяня.

Что же касается характеристики личности самого Чиеу Да, которая содержится в «Исторических записках», то она очевидна. По Сыма Цяню – это имперский военачальник Чжао То родом из Чжэньдина, бывший по своему воспитанию и культуре истинным ханьцем, который в условиях распада империи Цинь и смут того времени создал собственное небольшое царство на покорённых им юэских территориях. Соответственно после объединения империи под властью династии Хань он неизбежно должен был признать верховную власть основателя новой династии императора Высокого Предка, приняв от него символы власти и в данном случае высший для вассального государя титул, титул короля.

Такая оценка личности Чиеу Да впервые была сформулирована Л.Оруссо, который в своём исследовании «Первое китайское завоевание аннамитских стран» [651] пришёл к выводу, что вьетские территории, включая территорию Северного Вьетнама, впервые были завоёваны в результате южных походов империи Цинь в 221 – 208 гг. до н.э. Именно этот вывод Л.Оруссо был взят на вооружение и положен учёными Демократической Республики Вьетнам в основу национальной концепции ранней вьетской государственности. Как следствие вьетнамские учёные считают, что циньский военачальник Чжао То, свергнувший национальную вьетскую династию Тхук, был иноземным захватчиком, а присоединение Аулака к Намвьету по своему характеру мало чем отличалось от последующего завоевания

Аулака в составе Намвьета империей Хань в 111 г. до н.э. [1224.3, с.77 – 93; 1253.1 – 2; 1284.1 – 4]. Иными словами, если прямо сформулировать позицию современных вьетнамских учёных, то из неё следует, что начало «Эпохи северной зависимости» должно датироваться не согласно данным летописных сводов 111-ым г. до н.э., а 207-ым г. до н.э. или временем свержения династии Тхук и падения царства Аулак, при этом династию Чиеу следует считать династией иноземных захватчиков. Как уже отмечалось, эта точка зрения в целом господствует и в западноевропейской науке, и в российском (советском) вьетнамоведении.

Однако проблема династии Чиеу и царства Намвьет далеко не так однозначна. Так, в 1918 г. А.Масперо, воздерживаясь от каких-либо прямых оценок личности Чиеу Да, подчёркивал, что и после 207 г. до н.э. на территории Северного Вьетнама вся реальная власть находилась в руках местной лаквьетской знати [897.5]. А спустя ровно сорок лет советский учёный Д.В.Деопик увидел в смене власти короля Умиротворённого юга властью Чиеу Да процесс, аналогичный смене власти королей Мужественных властью Тхук Фана и прямо называл династию Чиеу «вьетнамской» [340, с.86 – 89][14]. Наконец, спустя ещё почти сорок лет, проблема Чиеу Да получила всестороннее освещение в монографии П.В.Познера, который, опираясь на детальный анализ источников, пришёл к выводу о том, что ханьский по происхождению создатель царства Намвьет по своей сути являлся основателем новой вьетской династии Чиеу [550, с.89 – 112].

Если «Исторические записки» свидетельствуют, что Сыма Цянь считал, как это было показано выше, Чжао То ханьцем как по происхождению, так и по воспитанию, то они же не позволяют сомневаться в том, что ханьский посол покинул Намвьет лишь после того, как между ним и Чиеу Да был достигнут определённый компромисс. Судя по дальнейшим событиям, намвьетский государь официально принял переданные ему Лу Цзя символы инвеституры и согласился соблюдать по отношению к династии Хань

внешние формы вассальной покорности, однако внутри страны и по отношению к соседним вьетским государствам Чиеу Да не считался с приоритетом ханьского императора и продолжал вести себя как независимый монарх. Надо полагать, что Лу Цзя, хотя и был прекрасно осведомлён об этом[1], в докладе императору не стал огорчать своего повелителя столь «незначительными подробностями». В результате между царством Намвьет и империей Хань были установлены дипломатические и торговые отношения, которые строились на основе реального баланса сил в регионе.

Такой «статус-кво» сохранялся и после смерти в 195 г. до н.э. императора Высокого Предка династии Хань, но после прихода к власти в империи в 187 г. до н.э. императрицы Высокой Люй ситуация резко изменилась. Судя по всему, ещё задолго до этого момента между Намвьетом и тяготевшим к империи царством Чанша время от времени происходили столкновения, которые нередко завершались военными конфликтами. С приходом же к власти императрицы Люй при дворе Хань возобладало влияние короля Чанша, что предопределило его негативное отношение к Намвьету. Вследствие этого в 183 г. до н.э. императрица запретила продажу в Намвьет железных и металлических изделий, главным образом – орудий производства и оружия, а также ограничила продажу скота, исключив из неё продажу самок. В том же году, пытаясь наладить стремительно портящиеся отношения с Хань, Чиеу Да направил к императорскому двору посольство в составе внутреннего историка Фиена, срединного охранителя Као и придворного историка Биня, однако «никто не вернулся» [239.6, с.310, 311, 325]. Тогда Чиеу Да вновь открыто провозгласил себя императором Намвьета и напал на царство Чанша.

В ходе войны 183 – 182 гг. до н.э. войска Намвьета нанесли поражение армии противника, разграбили ряд

[1] Как известно, Лу Цзя не совсем «добровольно» провёл два месяца при дворе государя Намвьета и не мог не видеть того, что там происходило в действительности.

областей царства Чанша и с богатой добычей вернулись в Гуандун. Реакция империи последовала незамедлительно. Императрица Высокая объявила Чиеу Да преступником, повелела разрушить могилы его предков в Чжэньдине и направила против Намвьета карательную армию под командованием маркиза Лунлюя Чжоу Цзао. Видимо, подготовка карательной операции велась на протяжении всего 182 г. до н.э., а в 181 г. до н.э. имперские войска двинулись на юг. Объединённым войскам Чжоу Цзао и короля Чанша противостояла армия Намвьета, действовавшая в союзе с Манвьетом и усиленная войсками Тэйау. Но до генерального сражения дело не дошло. Ханьская армия попыталась вторгнуться в Намвьет традиционным путём через горные проходы Аньшаня (Улина), но была остановлена намвьетскими заслонами. Большая скученность людей и животных в условиях жаркого и влажного климата привела к вспышке эпидемий, в результате которых воины карательной армии гибли один за другим. Поэтому, чтобы избежать полного разгрома, Чжоу Цзао был вынужден отступить. В результате этой победы царство Намвьет стало гегемоном всех вьетских государств к югу от Аньшаня, а Чиеу Да стал открыто пользоваться символами императорской власти[15].

В 179 г. до н.э. в Хань взошёл на престол император Просвещённый, который решил вернуться к прежней политике добрых отношений с Намвьетом. Он отозвал армию на север, повелел восстановить могилы предков Чиеу Да и совершать в его семейном поминальном храме в Чжэньдине ритуальные жертвоприношения. Затем император Просвещённый отправил в Намвьет посольство во главе с Лу Цзя, который за семнадцать лет до этого сумел найти общий язык с Чиеу Да.

Король Намвьета радушно встретил старого знакомого, принял объяснения и дары ханьского императора, согласился именовать себя королём и даже отправил к императорскому двору послание и дары с ответным посольством. В этом послании он именовал себя «Старец [по имени] Да, великий

руководитель южных варваров» и благодарил императора Просвещённого династии Хань за милость.

Император Просвещённый династии Хань. 179 – 156 гг. до н.э.

Ключевым же моментом в послании Чиеу Да является его интерпретация предшествовавших событий:

«…Императрица Высокая разгневалась, вычеркнула Намвьет из списка подданных, прекратила обмен посольствами. Старец подозревал, что [это случилось из-за] происков короля Чанша, подданного, [известного своей] лживостью, поэтому [и] повёл армию на границы [с Чанша]. К тому же на юге [территории] низкие [и влажные, они] населены [варварами] маньи, [правители] Дун – Минь [и] Западного Оу провозгласили себя королями. [Поэтому] Старец провозгласил себя императором, лишь чтобы себя порадовать,

разве осмелился бы [он] посягнуть на титул Небесного короля!»[16].

Ханьский император принял это объяснение и щедро одарил Лу Цзя, тогда как Чиеу Да, «отправляя послов [ко двору династии] Хань всегда называл [себя] королём, следовал [ритуалу] аудиенции [и] прошений как вассал, однако [в своём] государстве, как и прежде, носил титул [императора]» [239.1, с.324 – 327].

Этот текст, повторяющийся с незначительными изменениями во всех китайских и вьетнамских источниках, представляет особый интерес. Исходя из событий 183 – 179 гг. до н.э., исследователи датировали создание царства Намвьет в границах Гуанси, Гуандуна и территорий Северного и северной части Центрального Вьетнама, а также принятие Чиеу Да императорского титула именно этим временем. Последнее связывалось с вассальным подчинением Намвьету царств Донгвьет, Манвьет и Тэйау, государи которых носили титул короля. Разночтения наблюдаются только в точной датировке этих событий в пределах указанных пяти лет. А.Масперо полагает, что это произошло в 181 г. до н.э. Л.Оруссо пришёл к выводу о том, что эти события датируются 180 г. до н.э. и что именно тогда Чиеу Да подчинил себе Тэйау и Аулак. Дао Зюи Ань с небольшой модификацией принимает точку зрения Л.Оруссо. Наконец, Д.В.Деопик в целом солидарен с Дао Зюи Анем [340, с.86, 89; 651, с.239 – 242; 897.5; 1224.3, с.77 – 79, 90 – 93; 1284.3, с.371]. Но из такой интерпретации событий следует, что царство Намвьет с династией Чиеу было создано на четверть века позднее той даты, которая указана в источниках[1]. Однако представляется, что этот вывод не соответствует действительности.

Выше было показано, что к 207 г. до н.э. Чиеу Да установил свою власть над территориями Гуанси и Гуандуна или бывшими циньскими областями Сян, Гуйлинь и Наньхай. К этому же времени он покорил царство Аулак, территория

[1] Разночтение в один год между датировками А.Масперо, Л.Оруссо, Дао Зюи Аня и Д.В.Деопика в данном случае не принципиально.

которого управлялась местной знатью на правах вассальных владений. Наиболее вероятен распад Аулака на две вассальные Намвьету территории – Тэйау и Лаквьет, соответствовавший древнему Ванлангу эпохи королей Мужественных. Последнее подтверждается как назначением двух легатов для управления бывшим Аулаком, так и высказыванием Чиеу Да о «бедном короле Ванланга» во время его первой встречи с Лу Цзя в 196 г. до н.э. Что же касается Тэйау, то, вероятно, в то время оно сохраняло значительно большую независимость по отношению к Намвьету.

Также не вызывает сомнения факт объявления Чиеу Да себя императором уже в 207 г. до н.э. с последующим формальным отказом от этого титула в результате первого посольства Лу Цзя в 196 г. до н.э. События же 183 – 179 гг. до н.э. привели к усилению зависимости Тэйау от Намвьета. Это было связано с тем, что для отражения удара объединённых войск империи Хань и царства Чанша через горные проходы Аньшаня (Улина) требовалось объединение сил всех вьетских государств, безусловным лидером которых являлся Намвьет.

Военно-политическое единство южных вьетских царств окончательно оформилось после заключения союза между Намвьетом и Манвьетом. Более того, с того момента как императрица Высокая разорвала дипломатические отношения с Намвьетом и повелела уничтожить могилы предков Чиеу Да, король Намвьета больше не имел даже формальных обязательств перед династией Хань. Поэтому он вновь провозгласил себя императором. Однако, судя не только по поздним вьетнамским, но и по синхронным жизни Чиеу Да китайским письменным источникам, государь Намвьета пользовался при своём дворе атрибутами императорской власти как до 183 г. до н.э., так и после 179 г. до н.э. А его победы в войнах 183 – 180 гг. до н.э. привели к тому, что Намвьет стал безусловным гегемоном коалиции вьетских государств южнее Аньшаня.

Таким образом, 181 или 180 г. до н.э. вряд ли может считаться датой реального завоевания Чиеу Да царства Аулак

(Тэйау плюс Лаквьет или Ванланг) и принятия им императорского титула. Однако четырёхлетнее победоносное противостояние Хань сыграло значительную роль в дальнейшей судьбе вьетских государств. С одной стороны, оно показало ханьским стратегам, что прямое завоевание вьетских земель южнее Янцзы связано с огромными трудностями и, по всей вероятности, ему будет противостоять коалиционная армия. С другой же стороны, было очевидно, что коалиция вьетских государств являлась серьёзной угрозой южным границам империи. Поэтому со 179 г. до н.э. династия Хань перешла к новой политике по отношению к южным соседям – политике провоцирования раскола между ними с их последующим поочерёдным поглощением.

Если теперь вернуться к вопросу о том, кем являлась династия Чиеу по отношению к древнему вьетнамскому государству, то следует начать с того, что признание её национальной династией произошло не позднее воцарения первой общенациональной династии после восстановления независимости вьетнамского государства на рубеже X и XI вв. Эта точка зрения, чётко сформулированная вьетнамскими историографами XIII в., господствовала вплоть до французского колониального завоевания Вьетнама, или до последней четверти XIX в. Также необходимо подчеркнуть, что вьетнамские историографы XIII – XIX вв. практически полностью цитировали данные китайских источников о циньских южных провинциях и роли Чиеу Да в свержении династии Тхук, о контактах между первым государем Намвьета и династией Хань, в том числе и о двух посольствах Лу Цзя, при этом указанные сюжеты китайских источников были ими значительно расширены благодаря их сведению воедино с сюжетами собственной историко-мифологической традиции о Тхук Фане и Чиеу Да. Иными словами, вьетнамским историографам были прекрасно известны как имперское прошлое Чиеу Да, так и его оценка в ханьских источниках. Тем не менее ещё в 1272 г. Чиеу Да получил следующую характеристику:

«Ле Ван Хыу сказал:

"В землях Ляодуна не было учителя Цзи, поэтому не установили обычаев ношения одеяний [и] головных уборов[17].

Если бы в землях Ухуя не было Тай Бо, то не смогли бы достичь положения могущественного короля[18].

Великий Шунь по происхождению человек из восточных варваров, [но он] стал славным государем [в ряду] Пяти Императоров[19].

Король Просвещённый[20] по происхождению человек из западных варваров, [но он] стал мудрым государем [в ряду] Трёх Династий[21].

Таким образом, если известно, [что какой-либо] человек предпринимает создание государства, [то] неважно, обширные [это] земли [или] малые, просвещённый [он] человек [или] варвар, [в этом случае] лишь необходимо [его] оценивать [с точки] зрения добродетели.

Император Воинственный Чиеу создал наше государство Вьет [и] сам провозгласил себя императором [своего] государства, чтобы противостоять династии Хань, хотя [и] назвал себя в письме «Старцем». [Чиеу Да – это] человек, начавший в нашем государстве Вьет дело императоров. Этот подвиг достоин [того, чтобы быть] названным величайшим.

Если бы люди, бывшие впоследствии императорами государства Вьет, брали пример с императора Воинственного Чиеу [и в соответствии с] Путём надёжно охраняли территорию [страны], тщательно установили военные [и] политические [дела], поддерживали отношения с соседями, избрали людей, чтобы блюсти престол, то [тогда они] сохранили бы территорию [государства] на долгие времена, [а] люди Севера никоим образом не смогли бы с жестокой жадностью посягать [на Вьет]"» [236.1, кн.2, с.8а, 8б].

Эта характеристика Чиеу Да была дополнена два века спустя в 1479 г. другим вьетнамским историографом:

«Придворный историограф Нго Ши Лиен сказал: "В «Комментарии»[22] говорится: "Человек, обладающий великой

добродетелью, как бы то ни было – получит трон, как бы то ни было – прославится, как бы то ни было – обретёт долголетие".

Что же свершил император, чтобы [всё] соответствовало этому? Только лишь соответствовал добродетели.

Если рассматривать ответ, который император дал Лу Цзя, то чем воинские слава [и] мужество императора уступают [тем же качествам] Высокого Предка [династии] Хань?

Когда же [он] узнал, что император Просвещённый [династии] Хань учредил должность блюстителя могил отца [и] матери, с тем чтобы в четыре времени года совершать жертвоприношения, [и] великодушно одарил [его] старших [и] младших братьев, император согласился снова покориться династии Хань. Благодаря этому в поминальном храме совершались жертвоприношения, [а] дети [и] внуки были в безопасности, разве [всё это] не благодаря добродетели?

В «Книге Перемен» имеется фраза: «Если [человек] низок, то [это] невозможно преодолеть». Император точно соответствовал этому правилу"[23]» [236.1, кн.2, с.8б].

Приведённые тексты не оставляют сомнения в трактовке личности Чиеу Да средневековыми вьетнамскими историографами, согласно которой первый государь Намвьета является не только основателем третьей вьетской национальной династии, но и по своим качествам и достоинствам уподобляется основателю династии Хань. Более того, сопоставление императора Воинственного Чиеу Да с императором Высоким Предком династии Хань опирается на конфуцианскую политико-философскую доктрину, а сам факт ханьского происхождения Чиеу Да, похоже, совершенно не смущает ни Ле Ван Хыу, ни Нго Ши Лиена. По их логике, циньский военачальник Чжао То, сначала захвативший царство Аулак и свергнувший короля Умиротворённого юга Тхук Фана, а затем основавший новое царство Намвьет и принявший титул императора, является легитимным вьетским государем – основателем легитимной национальной династии.

На первый взгляд этот вывод кажется парадоксальным, однако как структура самого царства Намвьет, так и деяния его основателя свидетельствуют в его пользу. Ранее уже отмечалось, что в результате событий 208 – 207 гг. до н.э. Аулак распался на прежние составляющие – территорию Гуанси (бывшее Тэйау) и территорию Северного Вьетнама (бывший Ванланг или Лаквьет), при этом последняя была разделена на области Зяоти и Кыутян. Формально каждой областью руководил легат, назначаемый династией Чжао, на самом же деле легатами назначались бывшие *короли Лак* родоплеменных объединений *зяоти* и *кыутян*. Иными словами, *в результате падения царства Аулак и династии Тхук бывшее царство Ванланг, или Лаквьет, фактически стало полунезависимым государственным объединением в составе царства Намвьет, во главе которого стояла местная родоплеменная знать*.

К 196 г. до н.э. король Намвьета объединил под своей властью земли бывших циньских областей Наньхай, Гуйлинь и Сян. Таким образом, в состав царства Намвьет вошли обширные южные территории, населённые племенами *намвьет*, *лаквьет*, *сто вьет*, *тэйау* и *тэйву*. Опорной территорией этого царства был Гуандун, где находилась его столица г.Паньюй (*Фиенгу*), Северный Вьетнам вошёл в состав Намвьета в качестве вассальной территории, а Тэйау в Гуанси признало верховную власть новой династии.

Наконец, в около 183 г. до н.э. Намвьет заключил союз с Манвьетом и стал гегемоном противостоявшей империи Хань южной коалиции вьетских царств. Обо всём этом прямо говорится в синхронных указанным событиям китайских источниках. Так, в «Исторических записках» имеется их «резюме», в котором Сыма Цянь делает крайне негативный для империи вывод. Безусловно, будучи главным придворным историографом династии Хань, он не мог прямо сказать о поражении ханьской армии и тревоге императорского двора, но даже из его формулировок можно понять степень угрозы,

которую представлял собой Намвьет для своего могущественного северного соседа:

«Императрица Высокая скончалась, [и ханьские] войска, [которые должны были атаковать Наньюэ], были немедленно отозваны. Чжао То вызывал своей военной силой опасения на границе [с Хань. Благодаря] богатым дарам, которые [Чжао То] им поднёс, Миньюэ [и] Си Оуло [1] вошли [в число] его вассалов» [651, с.196].

Если теперь взять за отсчёт дату послания намвьетского государя императору Просвещённому [династии] Хань, то по периоду, который завершается «резюме» Сыма Цяня, выстраивается следующая поэтапная последовательность роста могущества царства Намвьет.

1. 196 г. до н.э.: государь Намвьета формулирует свои претензии на равенство с империей Хань и достигает с ней компромисса, который сводится к тому, что Намвьет де-юре признаёт суверенитет Хань и его государь в отношениях с империей именует себя «королём», которая де-факто принимает лидирующее положение Намвьета среди южных царств.

2. 187 – 183 гг. до н.э.: попытка империи Хань нарушить в условия указанного компромисса, которая приводит к созданию антиханькой коалиции во главе с царством Намвьет, при этом государь последнего открыто провозглашает себя *императором*.

3. 183 г. до н.э.: царство Намвьет первым начинает военные действия, нанося поражение союзнику империи – царству Чанша.

4. 182 – 181 гг. до н.э.: династия Хань предпринимает карательную экспедицию против царства Намвьет; она завершается поражением имперской армии, которая отступает в царство Чанша.

5. 179 г. до н.э.: ханьские войска отзываются из царства Чанша на север, а сама империя вынуждена пойти на новый

---

[1] Си Оуло, то есть Тэй Аулак, или Западный Аулак; Миньюэ, то есть Манвьет.

компромисс с царством Намвьет, который сводится к тому, что Намвьет вновь де-юре признаёт суверенитет Хань и его государь в отношениях с империей снова именует себя «королём», при этом последняя вынуждена закрывать глаза на то, что в отношениях с *королями* царств южной коалиции государь Намвьета именует себя *императором* и открыто *использует символы императорской власти* при своём дворе.

Очевидно, что при оценке личности первого намвьетского государя средневековые вьетнамские историографы исходили из вышеприведённых параметров, которые практически позволяют поставить знак равенства между оценками короля Аулака[1] и короля Намвьета.

1. *207 – между 200 и 196 гг. до н.э. – Циньский военачальник Чжао То, иноземный завоеватель, свергнувший национальную династию Тхук и захвативший царство Аулак;*

2. *196 – 183 гг. до н.э. – Постепенное сближение с лаквьетской знатью, форсируемое растущей угрозой ханьского вторжения. Признание намвьетского государя выразителем вьетских национальных интересов и превращение его в лидера антиханьской коалиции. Именно в это время происходит «превращение» циньского военачальника Чжао То в короля Чиеу Да – основателя третьей вьетской династии Чиеу.*

3. *182 – 179 гг. до н.э. – Чиеу Да становится признанным лидером коалиции южных вьетских царств, сумевшим нанести поражение империи Хань и с этого времени известного под именем «император Вошственный». В результате царство Намвьет становится символом независимости вьетских территорий, а династия Чиеу окончательно превращается во вьетскую национальную династию.*

Наконец, если говорить непосредственно о территории расселения *лаквьетов* в Северном и северной части Центрального Вьетнама, то и после падения царства Ванланг с династией королей Мужественных, и после падения царства

[1] Смотри «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

Аулак с династией Тхук реальная власть на этой территории оставалась в руках лаквьетской родоплеменной знати. Поэтому правильнее говорить не о единых царствах Аулак и Намвьет, а, выражаясь современным языком, о *федеральных государствах, организованных по национальному признаку: Аулак* (*[Тэй]ау + Лак[вьет] или Ванланг*) *во главе с королём Умиротворённого юга Тхук Фаном и Намвьет* (*Намвьет + [Тэй]*ау + *Лак[вьет] или Ванланг*) *во главе с королём, а затем – императором Воинственным Чиеу Да.*

Таким образом, принципиальных различий между Тхук Фаном и Чиеу Да, за исключением длительности правления основанных ими династий, не существует: оба пришли во Вьет как иноземные завоеватели и оба стали выразителями национальных вьетских интересов. Первый – в борьбе с империей Цинь, второй – в борьбе с империей Хань. И именно так воспринимали этих двух государей вьетнамские средневековые историографы, особо подчёркивавшие заслуги Чиеу Да, который сумел создать коалицию вьетских царств, угрожавшую южным границам империи Хань.

События вьетнамской истории после 179 г. до н.э. показывают, насколько серьёзно в империи отнеслись к этой угрозе.

В 154 г. до н.э. началась серия военных столкновений между царствами У, Дунюэ, Миньюэ и Намвьет[1], в которых непосредственное участие принимала империя Хань. Она открылась выступлением уского короля Лю Пи против Хань.

---

[1] Так как со 154 г. до н.э. все эти вьетские царства, враждуя между собой, всё больше ориентировались на империю, а находились они на территории современного Южного Китая, то с этого времени их названия и имена их государей приводятся в китайском фонетическом чтении. Исключение составляет также находившееся на территории Южного Китая в Гуандуне царство Наньюэ, поскольку оно рассматривается в рамках государственного объединения Намвьет, в состав которого входили территории Гуандуна (царство Наньюэ), Гуанси (бывшее царство Тэйау, или Западный Аулак) и Северного и северной части Центрального Вьетнама (бывшие царство Ванланг или Лаквьет).

Воины армии циньского военачальника,
а затем – императора Намвьета (Наньюэ) Чиеу Да (Чжао То).
Терракотовая армия императора Начинателя династии Цинь.
Сиань. 20.08.2009 г.

Видимо, опасаясь нападения старого врага, король Дунюэ был вынужден присоединиться к У. Но после

поражения уских войск он убил бежавшего к нему Лю Пи, чем заслужил прощение от Хань. Более того, при поддержке империи Дунюэ восстановило свою власть над территориями к югу от устья Янцзы в Чжэцзяне. В результате это царство «переориентировалось» на Хань, что, по-видимому, вызывало раздражение родственного ему царства Миньюэ[24].

В 138 г. до н.э., подстрекаемый сыном убитого уского короля Цзы Цзюем, король царства Миньюэ по имени Ин напал на царство Дунюэ и осадил его столицу г.Дуноу. Тогда король Дунюэ обратился за помощью к Хань. К этому времени в империи произошли серьёзные перемены, связанные с восшествием на престол в 140 г. до н.э. императора Воинственного. Его правление знаменовало собой смену миролюбивой внешней политики империи, начатую императором Просвещённым, политикой прямого военного вмешательства в дела соседних государств, в том числе и юга. По повелению императора Воинственного на бывших уских землях сформировали армию из привычных к южному климату воинов, которую морем повёл на помощь Дунюэ ярый сторонник экспансионистской политики Чжуан Чжу. Узнав о приближении ханьской армии, Ин снял осаду с Дуноу и отступил.

В то время империя Хань ещё не была готова к большой войне и удовлетворилась этой формальной победой. Однако она воспользовалась сложившейся ситуацией, чтобы постараться расколоть союз вьетских государств. В результате живший под постоянной угрозой нападения Миньюэ король Дунюэ Ван, обратился к императору Воинственному с просьбой разрешить ему и его подданным переселиться в империю. Произошло это между 138 и 135 гг. до н.э. Просьба Вана была удовлетворена. Ему пожаловали титул «маркиз Воинственный [из] Гуан[дуна]»[25] и отдали земли бывшего царства Юэ к северу от устья Янцзы в Цзянси[1], на которые переселились около сорока тысяч дунюэсцев [651, с.255 – 257]. С царствами У и Дунюэ было покончено.

---

[1] После падения царства Юэ эти земли отошли к царству У.

Наступила очередь других вьетских царств, при этом задача империи Хань облегчалась кончиной престарелого государя Намвьета Чиеу Да в 137 г. до н.э.[26]. Ему наследовал внук Чиеу Хо[1], который, согласно традиции, был сыном Чаунг Тхюи и Ми Тяу. Иными словами, новый король Намвьета был внуком не только Чиеу Да, но и короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Если это так, то вступление Чиеу Хо на престол в Намвьете означало слияние династий Тхук и Чиеу[27]. Король Миньюэ Ин, который прежде боялся напасть на явного лидера вьетских царств, хотя и был уже давно раздражён интригами Чиеу Да, пытавшегося столкнуть его с Хань, чтобы ослабить их во взаимной борьбе, решил начать военные действия против его преемника. При этом Ин рассчитывал на бездеятельность империи, как это было во время его похода на Дунюэ. Он надеялся разгромить неопытного Чиеу Хо и создать мощную оппозицию Хань. В конечном счёте в этой войне должен был решиться вопрос о том, кто станет гегемоном царств к югу от Аньшаня (Улина): Миньюэ или Намвьет.

Военные действия начались в 135 г. до н.э. нападением войск Ина на Намвьет. На начальном этапе войны король Миньюэ добился определённого успеха и захватил ряд пограничных намвьетских территорий. Надо полагать, что Чиеу Хо растерялся, так как вопреки традиционной политике своего деда и советам приближённых обратился за помощью к Хань. Император Воинственный, продолжая политику ослабления вьетских государств, откликнулся на эту просьбу, и армия Чжуан Чжу двумя колоннами начала наступление на Миньюэ. Первая под командованием Ван Хуя двигалась из уезда Юйчжан, а вторая, которую возглавлял Хань Аньго, наступала из уезда Хуйцзи.

Ин попытался организовать оборону северных рубежей Миньюэ, однако война на два фронта была ему явно не по силам, что прекрасно осознавала миньюэская знать. Заговор возглавил брат короля Ю Шань. В 134 г. до н.э. Ин был

---

[1] Второй государь династии Чиеу известен под именем короля или императора Просвещённого.

схвачен и казнён, а его голова была поднесена командующему ханьскими войсками Ван Хую[28] [239.6, с.333; 651, с.257, 258].

Саркофаг с мумией короля Просвещённого Чиеу Хо и две его печати. На левой золотой печати надпись «Печать императора Просвещённого», на правой яшмовой печати надпись «Чжао Мо» [1157, с.32 – 34]. Музей короля Наньюэ. Гуанчжоу. 25.04.2011 г.

В результате ханьские войска прервали своё наступление на Миньюэ. На этом война завершилась, но император Воинственный попытался извлечь из неё максимальную пользу и ослабить оба враждовавших вьетских государства.

Для начала в империи Хань решили назначить королём Миньюэ правителя Чоу из Ю – одного из мелких княжеств, образованных не ушедшими в Цзянси немногочисленными дунюэсцами. Чоу был внуком казнённого короля Ина, но в его кознях участия не принимал и был верным союзником Хань, за что получил титул «король [царства] Ю[1] [народа] Юэ». Однако Ю Шань воспротивился назначению Чоу и при поддержке местной знати сам провозгласил себя королём Миньюэ. Ханьский император был вынужден согласиться с этим. Тем не менее в знак признания заслуг Чоу в войне с Ином, тот был награждён титулом короля Дунюэ и получил власть над частью бывших территорий этого царства.

Таким образом, царство Дунюэ было окончательно разделено на две части. На его северных территориях возникло марионеточное царство, управлявшееся королём Дунюэ Чоу, а его юго-западные территории оказались под властью короля Миньюэ Ю Шаня. Что же касается дунюэсцев, ушедших в Цзянси, то они смешались с местным уским населением и довольно быстро подверглись ассимиляции, так что граница их расселения может быть определена лишь по району распространения специфического «уского» диалекта. На западе она идёт по водоразделу последнего правого притока Янцзы и рек, впадающих в море, или по западной границе царства Дунюэ с остатками царства Чу и по землям царства Поянху, а на юге – по южному краю бассейна реки Оу или по границе между царствами Дунюэ и Миньюэ, которая совпадает с границей середины V в. между округами Ян и Цзян и с границей XI – XII вв. между округами Шэси и Фуцзянь [342, с.415, 418, 419; 651, с.255 – 259].

---

[1] Возможно чтение «Яо».

Покончив с царствами У и Дунюэ, а также значительно ослабив царство Миньюэ, империя Хань попыталась оказать давление на царство Намвьет, куда было направлено посольство во главе с Чжуан Чжу. Последний потребовал от Чиеу Хо приезда к ханьскому двору с выражением личной благодарности за вмешательство империи в манвьето-намвьетскую войну. Чиеу Хо обещал приехать с богатыми дарами и лично объявить о признании верховной власти императора Хань. Однако «Придворные отговаривали [короля, советовали]: "Армия Хань уничтожила Ина для того, чтобы устрашить [и] напугать Вьет. К тому же Покойный император[1] говорил: «По отношению к Хань нельзя не соблюдать ритуал, [но] ни в коем случае нельзя прислушиваться к приветливым речам [и] отправляться на аудиенцию [ко двору. Если] прибудешь на аудиенцию, [то] обратно не вернёшься, [лишь] государство погибнет из-за этого»". Тогда король сослался на болезнь, так [и] не отправился на аудиенцию». Тем не менее Чиеу Хо отправил к ханьскому двору посольство с дарами во главе со своим сыном Ань Те [239.6, с.336, 337].

Этими событиями завершилась двадцатилетняя серия военных столкновений 154 – 134 гг. до н.э. между царствами У, Дунюэ, Миньюэ и Намвьет, в которых немаловажную роль сыграло дипломатическое и военное вмешательство империи Хань. Следствием этих конфликтов стала ликвидация царств У и Дунюэ, а также значительное ослабление оставшихся вьетских государств. Новая политическая ситуация в регионе создала благоприятные условия для дальнейшей дипломатической, а впоследствии и военной экспансии династии Хань, которая умело воспользовалась пребыванием при своём дворе наследника намвьетского престола в качестве заложника. Во время своего жительства в империи Чиеу Ань Те женился на китаянке из уезда Ханьдань по имени Цзю-ши, которая до замужества имела любовную связь с неким Аньгуо

[1] То есть Чиеу Да, которому долгие годы служила большая часть придворных. Из этого текста очевидно, что они резко возражали против поездки нового намвьетского короля в империю.

Шаоцзи[29]. В 125 г. до н.э. скончался император Просвещённый Чиеу Хо и на престол вступил Ань Те. Он сразу же обратился к императору Хань, прося позволения пожаловать Цзю-ши титул императрицы и объявить своего сына от брака с ней, Хынга, наследником престола. Император удовлетворил его прошение и, прислав ответное посольство, потребовал приезда Ань Те в Чанань для официального получения инвеституры. Следуя примеру своего отца, Ань Те под благовидным предлогом отказался от поездки, а в 123 г. до н.э. он отправил своего старшего сына от жены-вьетки князя Последующего[30] заложником ко двору Хань. Тем самым король Намвьета, с одной стороны, формально выполнил повеление императора Воинственного, а с другой – избавил своего младшего сына от конкурентной борьбы за намвьетский престол. Последствия этого шага не замедлили сказаться после кончины Ань Те, который получил посмертное имя императора Светлого.

В 113 г. до н.э. Хынг наследовал отцу, однако на самом деле Намвьетом правила Цзю-ши, принявшая титул королевы-матери. В империи решили воспользоваться этой ситуацией, и ко двору Чиеу было направлено посольство во главе с бывшим любовником Цзю-ши. Помимо Аньго Шаоцзи в посольство были включены Чжун Цзюнь и Вэй Чэнь, а в Гуйяне была сосредоточена армия под командованием Лу Бодэ. Согласно источникам, «Король был ещё юн, королева Цзю снова вступила в связь с Шаоцзи. Люди в государстве это знали, большинство не подчинялось королеве-матери. Королева-мать испугалась мятежа, задумала опереться на мощь Хань, убедила короля [и] верных [ей] приближённых воспользоваться присутствием послов Хань [и] послать [императору] письмо с просьбой принять в категорию внутренних вассалов[31], [с тем чтобы] раз в три года прибывать [на аудиенцию] ко двору [и] ликвидировать границы [между Намвьетом и Хань]. Император Хань согласился, пожаловал первому министру Лы Зя серебряную печать, [также пожаловал] внутреннему историку, срединному охранителю [и] великому заместителю по печати, остальных [чиновников разрешил] назначать по

собственному усмотрению. Отменили государственные наказания клеймением [и] отрезанием [носа], ввели законы Хань. [Управляли] как внутренние вассалы. Послы остались [в Намвьете, чтобы] умиротворять» [239.6, с.342, 343].

Этот текст представляет большой интерес, так как он прямо свидетельствует о том, что до послания Цзю-ши государи Намвьета лишь формально признавали сюзеренитет ханьского императора, ведя собственную политику и отвергая любые попытки империи навязать им свою волю. Более того, из него явствует, что даже при наличии «своей» проханьской партии во главе с королевой-матерью и королём император Воинственный династии Хань был вынужден утвердить в занимаемых должностях трёх высших сановников Намвьета. Последнее весьма показательно, так как великим заместителем был утверждён Лы Зя – лидер антиханьской партии, которая была намного сильнее партии Цзю-ши, опиравшейся лишь на авторитет имперского посольства.

Лы Зя был приближённым всех трёх намвьетских государей. Он служил при дворе императора Воинственного Чиеу Да, возвысился в правление императора Просвещённого Чиеу Хо, а в 124 г. до н.э. император Светлый Чиеу Ань Те назначил Лы Зя великим заместителем. Более семидесяти его родственников занимали ответственные должности в государственном аппарате Намвьета, его сыновья были женаты на принцессах, а дочери выходили замуж за членов правящего рода. Кроме того, он был связан родственными узами с королём вассального Намвьету царства Цану[32]. К 112 г. до н.э. вся старая знать династии Чису поддерживала первого министра. В распоряжении Лы Зя был и находившийся под началом его младшего брата гарнизон столичной крепости [236.1, кн.2, с.12а – 14а].

Таким образом, столкновение между обеими партиями было неизбежно, однако обе стороны воздерживались от решительных действий, поскольку король Хынг не желал смерти Лы Зя, а Лы Зя стремился по возможности избежать прямого конфликта с Хань. Судя по всему, он выжидал

отъезда Цзю-ши и Хынга вместе с посольством в империю, с тем чтобы низложить их без кровопролития. Надо полагать, что такое положение вещей вызывало серьёзные опасения у проханьской партии, поэтому отъезд посольства постоянно откладывался.

Узнав о происходящих событиях, император Воинственный повелел некоему Чжуан Цаню повести двухтысячный отряд в Намвьет, чтобы устрашить противников Цзю-ши. Последний отказался от этой миссии, сказав: «Чтобы успокоить, достаточно [и] нескольких человек, [а] две тысячи человек [и с] оружием вряд ли смогут [что-либо] сделать» [236.1, кн.2, с.14б]. Император разжаловал Чжуан Цаня и поручил возглавить отряд командующему Цзибэя Хань Цяньцю [33], которому в помощники был назначен Цзю Юэ[34], младший брат королевы-матери Цзю-ши. Хань Цяньцю считал Намвьет ничтожным противником. Он похвалялся захватить и казнить Лы Зя лишь с помощью трёхсот отборных солдат [236.1, кн.2, с.14б].

Как показали последующие события, ханьский военачальник жестоко ошибался. К этому времени внутриполитическая обстановка в Намвьете накалилась до предела, и Цзю-ши решила нанести упреждающий удар ещё до прихода имперского отряда. Лы Зя получил приглашение на пир во дворец, от которого он не отказался. При этом мятежный сановник прекрасно осознавал меру грозившей ему опасности, поэтому в момент появления Лы Зя на пиру все подступы к дворцу были блокированы войсками его младшего брата. Во время пира Цзю-ши всячески оскорбляла Лы Зя, провоцируя ханьских послов на его убийство. Когда же Лы Зя направился к выходу, королева-мать хотела метнуть ему в спину секиру, однако Чиеу Хынг успел отвести удар. После этого Лы Зя укрылся в собственном доме, охраняемом преданными ему войсками, но так как на подходе был отряд Хань Цяньцю и Цзю Юэ, он уже не мог медлить. Поэтому Лы Зя обвинил Цзю-ши в предательстве дела династии Чиеу, Хынга – в неспособности управлять государством, захватил

дворец, убил их обоих и вырезал всё ханьское посольство. После этого он провозгласил правителем Намвьета императора Искусного [и] Солнечного Киен Дыка, который был старшим сыном императора Светлого Чиеу Ань Те от жены-вьетки. К этому времени Хань Цяньцю уже грабил пограничные районы Намвьета. Лы Зя собрал войска и выступил ему навстречу. Двухтысячный ханьский отряд был полностью уничтожен, при этом были убиты Хань Цяньцю и Цзю Юэ.

Овладев всей полнотой власти в стране, Лы Зя стал готовиться к неизбежной войне с империей. Прежде всего он поставил в известность о своих действиях короля царства Цану. Вероятно, он также попытался заручиться поддержкой Миньюэ и Тэйау, которое к тому времени уже не подчинялось Намвьету. Затем, стремясь избежать войны или хотя бы оттянуть её начало, Лы Зя предпринял попытку начать переговоры с империей. С этой целью он направил императору Воинственному династии Хань послание, в котором объяснял свои поступки, приносил формальные извинения и выражал готовность поддерживать традиционные отношения с империей, в подтверждение чего у Сайшана[35] представителю империи были переданы захваченные Навьетом знамёна ханьского посольства и отряда Хань Цяньцю. Одновременно с этим, прекрасно понимая, что с Хань вряд ли удастся договориться, Лы Зя начал готовиться к обороне [239.6, с.343 – 353; 774, с.429 – 433].

Со своей стороны имперские стратеги понимали, что речь идёт не только и не столько о Намвьете, сколько о дальнейшем влиянии империи на политику государств, находившихся к югу от Янцзы. Поэтому против Намвьета была предпринята военная экспедиция. Для того чтобы не дать Лы Зя времени на организацию монолитной антиханьской коалиции, подготовительные мероприятия был проведены в очень сжатые сроки.

Следует отметить, что организация южного похода на облегчалась ещё и тем, что на северных границах империи были успешно завершены войны с гуннами.

Боевые действия начались уже осенью 112 г. до н.э. В ходе этой войны ханьские военачальники постарались учесть ошибки всех предыдущих военных операций против вьетов.

Император Воинственный династии Хань. 140 – 86 гг. до н.э.

Удар наносился концентрированно, большими силами и с помощью союзных Хань вьетских войск и военачальников. В первую очередь это касалось флота, так как основное

наступление и переброска армии осуществлялись водным путём. Одну часть войск на «многопалубных» кораблях возглавлял Ян Пу – правитель небольшого вьетского княжества, расположенного к западу от Намвьета. Наступая с запада на восток, он должен был спуститься по реке Хэнпу и отрезать Намвьет от Лаквьета. Другой вьет, Чжэн Янь[36], командовал «копейными» кораблями и вместе с членами своей семьи, сестрой Цю Лэ и сыном Гуан Дэ, наступал от Линьлина или западных проходов Улина по реке Лишуй. Некий Тянь Цзя командовал армией Нижней Лай[37] и наносил удар по царству Цану, чтобы помешать его королю оказать помощь Намвьету. Маркиз Справедливый гонитель [врагов] по имени Гуй[38] наступал из Елана по реке Цзанко (Сицзян). Король Миньюэ Ю Шань также выразил готовность поддержать ханьскую экспедицию против Намвьета. Для этого он предложил Хань направить восьмитысячный отряд отборных солдат на «многопалубных» кораблях в Миньюэ, чтобы затем вместе двинуться на Намвьет. На самом деле это был манёвр со стороны Ю Шаня, направленный на то, чтобы выиграть время и оценить ситуацию. Так, в случае успешных действий Намвьета, он мог легко перебить этот отряд, захватить богатые трофеи и с тыла нанести удар ханьской армии. Однако ханьские военачальники разгадали замыслы короля Миньюэ и оставили его предложение без внимания. Верховным главнокомандующим был назначен Лу Бодэ, получивший звание Покорителя волн. Он вёл эскадру «многопалубных» кораблей из Гуйяна на Гуйлинь по реке Хуаншуй. Вся ханьская армия насчитывала порядка двухсот тысяч человек, при этом половина этой армии состояла из войск союзных империи вьетских государств. Перед армией была поставлена задача блокировать столицу Намвьета г.Паньюй и взять её штурмом [239.6, с.353 – 357; 774, с.433, 434].

Таким образом, можно констатировать, что основные удары наносились через территории Ба – Шу и западные (четвёртый и пятый) горные проходы Аньшань на Гуанси и вьетский Гуйлинь. Такая стратегия диктовалась тем, что

наступление наиболее удобным путём через первый и второй проходы Улина и Приморскую зону на Гуандун должно было проходить через территории полупокорённого Дунюэ и враждебного Миньюэ, а как показал опыт войн предыдущего периода, боевые действия против вьетов одновременно на нескольких фронтах были обречены на провал.

К зиме 111 г. до н.э. ханьские войска вышли на намеченные рубежи и приступили к решительным действиям. Ян Пу во главе ударной армии нанёс поражение намвьетским войскам у Сюнься на западе уезда Шуйсин провинции Гуандун. После этого он стремительным ударом захватил горный проход и крепость Шимень, что во многом предопределило общее поражение Намвьета. Шимень находился в непосредственной близости от Паньюя, преграждая доступ к городу по реке[1]. Там также были сосредоточены продовольственные запасы намвьетской армии и средства для их транспортировки. Всё это попало в руки Ян Пу, а ханьская армия получила оперативный простор для нанесения удара по столице Намвьета. Вскоре к Ян Пу присоединилась армия Лу Бодэ, с которым пришло около тысячи отборных воинов[39]. После этого, несмотря на начало сезона дождей, Ян Пу и Лу Бодэ начали наступление на Паньюй. Первый блокировал город с юго-востока, а второй – с северо-запада. Уже в начале штурма передовые части намвьетской армии были разбиты. В городе начались пожары. Ян Пу прекратил наступление и отправил к Лы Зя парламентёров с требованием капитуляции. Однако, несмотря на то что всем была обещана жизнь, ответа не последовало. Тогда Ян Пу предпринял ночной штурм. Намвьетская армия была постепенно вытеснена из города и прижата к лагерю Лу Бодэ, где была вынуждена сложить оружие, в то время как Киен Дыку и Лы Зя с небольшим отрядом отборных воинов удалось бежать морем. Однако ханьцы через пленников узнали, где они скрываются. В результате старший конюший Су Хун[40]

---

[1] Название Шимень переводится как «Каменные ворота».

захватил Чиеу Киен Дыка, а перешедший на сторону Хань вьет До Ке одновременно с этим пленил Лы Зя.

Получив известие о поражении Намвьета, король Цану капитулировал ещё до подхода армии Тянь Цзя, а инспектор Гуйлиня Цзюй Вэн обратился к Тэйау и Лаквьету, призывая их признать власть Хань. Надо полагать, что Тэйау с самого начала устранилось от участия в войне, чем и объясняется лёгкость продвижения армии Ян Пу через Гуанси. Таким образом, у Лаквьета больше не было союзника в Гуанси, а из-за того что флоту Ян Пу удалось захватить порт Хэпу в Тонкинском заливе[41], он оказался отрезанным от Гуандуна.

Однако и ханьские войска находились в сложном положении. Дело в том, что Ба и Шу, воспользовавшись войной Хань с Намвьетом, восстановили свою независимость, и наиболее удобный северо-западный путь в Лаквьет оказался перекрытым. Кроме того, из-за стремительного захвата Паньюя уцелели достаточно крупные силы намвьетской армии, которые не успели на защиту столицы. Её отряды численностью до десяти тысяч человек нападали на отдельные части ханьской армии, которая несла ощутимые потери. Наконец, в тылу армии Лу Бодэ находилось непокорённое царство Миньюэ, король которого мог воспользоваться его малейшей неудачей. Положение было крайне неустойчивым. Поэтому Лу Бодэ предпочёл по возможности избежать прямого военного конфликта с Лаквьетом и занять выжидательную позицию, которая, в конечном счёте, полностью оправдалась.

Согласно источникам «король Тэйву», не исключено – потомок, правившей в III в. до н.э. династии Тхук, предпринял попытку возрождения царства Аулак. Планам лидера клана *тэйву* воспротивились лидеры других лаквьетских кланов. Известно имя одного из них – левого генерал армии Хоанг Донга. Во главе этих кланов, судя по всему, стояли легаты областей Зяоти и Кыутян, которые, как известно, на самом деле были наследственными правителями одноимённых лаквьетских родоплеменных объединений.

Об этом свидетельствуют и опорные центры каждой из клановых группировок. Центром *тэйву* была древняя столица династии Тхук Крепость Улитка, а центрами *зяоти* и *кыутяи* были города Мелинь и Тыфо.

Войска «короля Тэйву» потерпели поражение, после чего род Тхук перестал играть какую бы то ни было значительную роль в политической истории древнего вьетского государства[42], тогда как одержавшие победу легаты Зяоти и Кыутяна формально признали верховную власть империи. В знак этого они отправили Лу Бодэ сотню буйволов, тысячу сосудов вина и посемейные реестры обеих областей. Последний принял их дары за выражение покорности и уже от имени императора Хань утвердил обоих легатов в занимаемых ими должностях [236.1, кн.2, с.12б – 18б; 239.6, с.360 – 370; 774, с.434, 435].

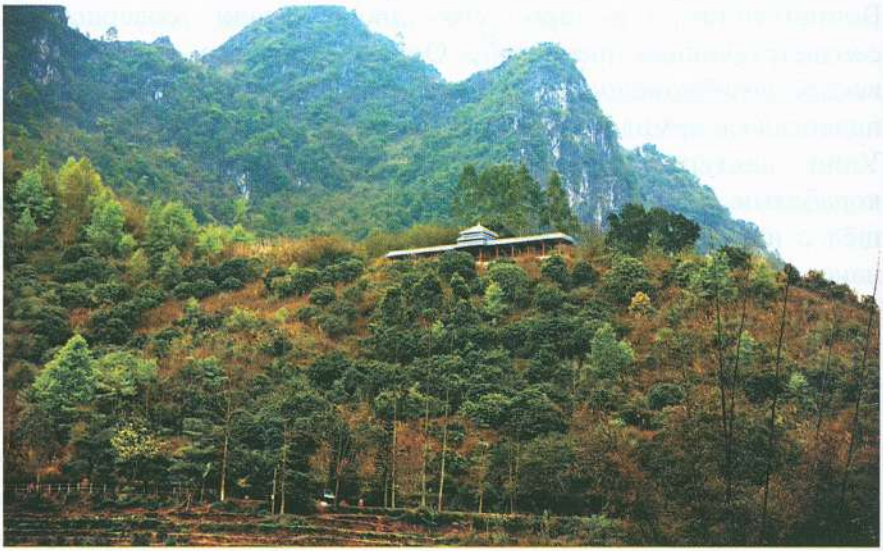
Таким образом, благодаря выжидательной позиции Лу Бодэ сумел избежать новой войны с объединёнными силами *лаквьетов* в Северном Вьетнаме, которая могла бы поставить под угрозу результаты его побед над вьетскими царствами Южного Китая. Эта угроза была вполне реальной, о чём свидетельствует последовавшая война с Миньюэ. Согласно одним источникам, в 111 г. до н.э. король Миньюэ сам напал на Хань, захватив марионеточное царство Дунюэ, согласно другим – после победы над Намвьетом в империи решили покончить с последним её серьёзным противником в Южном Китае. В данном случае это не принципиально, так как война в любом случае была неизбежна. Как и в 135 г. до н.э., одна ханьская армия наступала от озера Поянху на юг, а вторая шла от Паньюя на север. Король Миньюэ Ю Шань нанёс встречные удары в обоих направлениях. На севере его полководец Цзоу Ли, получивший титул «Пожиратель Хань», наступал из столицы Дунюэ г.Дуноу на Чанъань. Ему удалось нанести противнику серьёзное поражение и захватить район озера Поянху. На юге в только что завоёванном Намвьете вспыхнуло восстание, в результате которого погибли три ханьских военачальника, в том числе и главнокомандующий армии

Хань – Лу Бодэ. Чтобы исправить ситуацию, из империи было прислано подкрепление во главе с Чжан Чэном и Чжи, которые сумели остановить наступление Миньюэ в районе озера Поянху. Большего они так и не смогли добиться. Поэтому по повелению императора Воинственного династии Хань оба военачальника были обвинены в трусости и казнены.

После этой победы Ю Шань принял титул императора Воинственного, а при его дворе стали совершаться соответствующие ритуалы[43]. Однако ханьское наступление вскоре возобновилось. С севера от устья Янцзы на Миньюэ надвигалась армия под командованием Хань Юэ. С юга через Улин наступал Ян Пу со своими «многопалубными» кораблями. Вэнь Шу, возглавивший армию погибшего Лу Бодэ, шёл с юго-запада. Цзюнь Бо, военачальник Ю Шаня, сумел нанести ряд поражений ханьской армии в районе Улина, при этом в одном из сражений погиб её новый главнокомандующий Вэнь Шу. Его сменил Ян Пу, который послал против Цзюнь Бо усца Юань Чжунгу. В итоге войска Цзюнь Бо потерпели поражение, а сам он погиб в бою. Даже несмотря на эту победу, положение ханьской армии оставалось крайне неустойчивым. Ян Пу никак не мог решиться на общее наступление и тянул время, подобно казнённым за «трусость» Чжан Чэну и Чжи. Он даже отправил беглого миньюэского вельможу У Яна с посольством к Ю Шаню. И хотя переговоры завершились неудачей и военные действия возобновились, на этот раз ханьский император одобрил действия Ян Пу.

Война 113 – 110 гг. до н.э. против царства Миньюэ велась империей Хань при поддержке вставших на её сторону правителей мелких государств южнее Янцзы, среди которых были дунюэсцы Хань Юэ и Ао, миньюэсец У Ян и ряд других королей. Их участие во многом предопределило победу Хань над Миньюэ. Решающим же стало предательство Цзюй Гу – потомка первого короля марионеточного царства Дунюэ Чоу. В результате этого попавший в ловушку Ю Шань был обезглавлен, а Цзюй Гу поднёс его голову Хань[44]. После этого войска Миньюэ, часть которых под командованием То Гуаня

капитулировала, были вынуждены отступить с территории Дунюэ. По повелению императора Воинственного население Дунюэ было переселено на бывшие уские земли, на которые за двадцать пять лет до того добровольно ушло более сорока тысяч его жителей. Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, «Земли Дунюэ стали пустынными», а бывшее царство Миньюэ стало частью империи Хань [651, с.258].

Граница между территориями собственно Намвьета в Гуандуне и полунезависимого бывшего царства Аулак в Северном Вьетнаме. Территория КНР. Каобанг. 27.03.2011 г.

Таким образом, в 154 – 110 гг. до н.э. в результате «южных» войн в состав империи Хань были включены территории всех вьетских царств южнее Янцзы, но их окончательное покорение не было завершено. Исключение составляли царства Лаквьет (Ванланг) и Миньюэ, которое было окончательно покорено лишь в III в.[45], тогда как Лаквьет оставался практически независимым вплоть до середины I в.

Глава 4

Проблема «первого китайского завоевания» Вьетнама и полунезависимого государственного объединения Лаквьет

1. *Преамбула*

Отнесение периода вьетнамской истории со 110 г. до н.э. по 40 г. н.э. к эпохе ранней вьетской государственности противоречит восходящей как к китайским, так и к вьетнамским письменным источникам общепринятой точке зрения, согласно которой эпоха зависимости Вьетнама от различных китайских династий начинается с падения царства Намвьет в 111 г. до н.э. Если исходить из традиционной интерпретации вьетнамской истории, то данная глава должна была бы открывать историческую часть следующего раздела этого тома, в которой описываются события так называемой «Эпохи северной зависимости». Тем не менее, представляется, что это было бы ошибкой, так как указанный полуторовековой период на самом деле являлся временем практически независимого существования лаквьетского общества на территории Северного Вьетнама. При этом если со 110 г. до н.э. по рубеж нашей эры характер взаимоотношений между империей Хань и Лаквьетом (бывшее царство Ванланг) мало чем отличался от взаимоотношений последнего с Намвьетом в 207 – 111 гг. до н.э.[1], то с рубежа нашей эры начинается активное вмешательство имперской администрации во внутриполитическую жизнь лаквьетского общества. Именно эта попытка «мирного покорения» Лаквьета привела в 40 г. к изгнанию имперских чиновников и полному восстановлению независимости лаквьетских территорий. Поэтому последовавшие за этим события 40 – 44 гг. следует рассматривать не как карательную экспедицию ханьской армии против восставшего населения одной из имперских окраин, а как войну империи Хань с отказавшимся повиноваться полунезависимым вассальным государством.

[1] Имеется в виду царство Намвьет в Гуандуне. Смотри предыдущую главу.

Из такой оценки этапов завоевания южных вьетских территорий следует, что территория Северного Вьетнама была завоёвана империей Хань лишь в 40 – 44 гг., а период вьетнамской истории со 110 г. до н.э. по 44 г. н.э. относится к эпохе ранней лаквьетской государственности, в рамках которого выделяются подпериоды со 110 г. до н.э по 5 г. н.э. и с 5 по 44 г. н.э. Соответственно согласно этой периодизации, датой начала «Эпохи северной зависимости» следует считать не 111 г. до н.э., а 44 г. н.э.[1].

2. *Отношения между традиционным лаквьетским обществом на территории Северного Вьетнама и администрацией империи Хань в 110 г. до н.э. – 5 г. н.э.*

По указанному периоду вьетнамской истории письменные источники содержат многочисленные данные об административной и управленческой деятельности имперской администрации на захваченных северных территориях царства Намвьет в Гуанси и Гуандуне, при этом никаких конкретных сведений о какой-либо её деятельности в Северном Вьетнаме в этих источниках обнаружить не удаётся. Содержащиеся же в них сведения о бывшем Лаквьете I в. до н.э. скорее свидетельствуют как о сохранении его полунезависимого существования, аналогичного его развитию в составе Намвьета во II в. до н.э., так и об интерполяции данных второй половины I в. н.э. на этот период вьетнамской истории. Согласно данным и синхронных событиям китайских и более поздних вьетнамских письменных источников, после захвата Намвьета империей Хань произошло следующее.

В 111 – 110 гг. до н.э. территория Намвьета в соответствии с административным устройством империи Хань была разделена на области и уезды. Тому же административному делению формально подлежал и Лаквьет. Всего было образовано девять областей: Наньхай, Цану, Юйлинь, Хэпу, Чжуяй, Даньэр, Зяоти, Кыутян и Нятнам. Все эти девять областей образовали административное управление Цзяочжи[2].

Во главе административного управления стоял наместник, во главе каждой области – префект. Резиденция наместника административного управления Цзяочжи сначала находилась в г.Лиентху одноимённого уезда области Зяоти[1], однако уже в 106 г. до н.э. она была перенесена в уезд Гуансинь области Цану [239.6, с.371 – 381].

Уже сам этот список названий областей наводит на размышления. Во-первых, из девяти указанных в нём областей первые шесть находятся вне территории Северного и северной части Центрального Вьетнама. Тем не менее наименование всему административному управлению было дано по названию области, включавшей район дельты Красной реки, которое, как известно, восходит к древнему вьетскому этнониму Зяоти. При этом, если верить источникам, резиденция наместника сначала находилась именно в этой области, а спустя четыре года она была перенесена на территорию Южного Китая, что, надо полагать, диктовалось интересами безопасности.

Во-вторых, во всех источниках описание завоевательного похода империи Хань против Намвьета завершается событиями, связанными с падением столицы последнего г.Паньюя и пленением Лы Зя вместе с Чиеу Киен Дыком. Что же касается территории бывшего Аулака, то она, видимо, была «включена» в состав империи Хань «мирным» путём, так как о военных действиях в источниках ничего не сообщается.

В-третьих, на протяжении периода со 111 г. до н.э. по 44 г. н.э. область Нятнам упоминается в источниках лишь единожды и это как раз при описании административного деления вьетских территорий, приведённом выше. Последний факт в сочетании с упоминанием в источниках лишь двух легатов областей Зяоти и Кыутян свидетельствует о более позднем появлении области Нятнам, а её упоминание в составе девяти областей 111 – 110 гг. до н.э. является интерполяцией событий середины I в. н.э. В таком случае в качестве предварительного вывода можно сказать, что с самого начала

---

[1] Современная северовьетнамская провинция Бакнинь.

включения вьетских территорий в состав империи Хань район, включавший территории Гуанси, Гуандуна и Северного Вьетнама, воспринимался как единое целое под общим названием Цзяочжи (Зяоти), и это при том, что он объединял шесть южнокитайских областей и лишь две северо-вьетнамских области – Зяоти и Кыутян[I].

Согласно источникам, область Зяоти делилась на десять уездов: Андинь, Бакдай, Кеты, Коулоу, Кхукзыонг, Лаунгбиен[II], Лиентху, Мелинь, Тэйву и Тюзиен с населением порядка семисот сорока шести тысяч человек. Область Кыутян делилась на семь уездов: Вобиен, Вотхиет, Добанг, Зыфат, Кыфаунг, Тыфо и Хамхоан с общим населением порядка двухсот десяти тысяч человек [239.6, с.377; 257.1.1, кн.28, с.6а].

Основными центрами этих областей были Лиентху, Мелинь, Лоатхань[III], Лаунгбиен и Тыфо. Судя по всему, в Лаунгбиене находилась резиденция префекта области Зяоти, а в Тыфо – резиденция префекта области Кыутян. Симптоматично, что Лу Бодэ назначил префектами этих областей двух легатов, поднёсших ему дары и подворные списки населения, поручив им управлять «по старым обычаям». А если принять во внимание, что в эпоху Намвьета легатами были наследственные лидеры двух лаквьетских родоплеменных объединений *зяоти* и *кыутян*, то вряд ли можно сомневаться в том, что начальниками уездов «стали» представители традиционной лаквьетской родоплеменной знати [239.6, с.373 – 375]. О независимости местной знати свидетельствует и то, что Ши Дай, назначенный в 110 г. до н.э. первым наместником административного управления Цзяочжи, уже в 106 г. до н.э. счёл за лучшее устроить свою резиденцию вне традиционных лаквьетских территорий. Ши Дай оставался наместником почти четверть века. За ним в 86 – 74 гг. до н.э.

[I] Проблема области Нятнам будет подробно рассмотрена далее.

[II] Он также известен под названиями Лаунгуиен, Тханглаунг, Донгдо, Донгкуан, Донгкинь и, наконец, Ханой. Смотри главы «Части I» следующего тома.

[III] То есть Крепость Улитка.

наместником был Чжоу Чан, а затем, в 73 – 49 гг. до н.э., – Вэй Лан. На протяжении всего этого периода источники ничего не сообщают о назначении ханьцев в местную администрацию областей Зяоти и Кьутян. В них также отсутствуют и упоминания о префектах этих двух областей. Ничего не сообщается и о народных волнениях или восстаниях. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в 110 – 49 гг. до н.э. лаквьетское общество развивалось независимо по своим законам под руководством местной знати, а имперские наместники не вмешивались в управление областями Зяоти и Кьутян.

Надо полагать, что и последующий период вплоть до рубежа нашей эры, связанный с ослаблением Западной Хань и постепенным усилением влияния реформаторов в империи, завершившийся реформами Ван Мана[3], не принёс каких-либо существенных изменений в жизнь лаквьетского общества.

Однако эти предварительные выводы по периоду «мирного» включения лаквьетских территорий в состав империи Хань носят достаточно общий характер и требуют уточнения.

В контексте вышесказанного следует подчеркнуть, что лаквьетское общество на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама развивалось независимо и имело собственную государственность вплоть до 207 г. до н.э. В последующие же годы лаквьетские территории де-факто сохраняли статус независимых вассальных территорий сначала в составе Намвьета (по 111 г. до н.э.), а затем в составе империи Хань вплоть до рубежа нашей эры. Таким образом, с точки зрения развития лаквьетского общества период с 207 г. до н.э. по 5 г. н.э. представляет собой единое целое.

Если в свете этого заключения обратиться к приведённым во «Введении» текстам из наиболее ранних китайских источников по древнейшим периодам вьетнамской истории, то при их сопоставлении становится очевидным, что они неоднородны по своему характеру. Однако в общем массиве данных китайских источников проследить различия

между ними достаточно сложно. Поэтому они были сведены в единую нижеследующую таблицу, которая позволяет наглядно показать, чем они отличаются друг от друга.

Царство Ванланг и короли Мужественные	
Источник III – IV в. н.э.	**Источник V в. н.э.**
Время: Когда Цзяочжи ещё не было разделено на области и уезды	*Данные отсутствуют.*
Поля: Орошались с помощью подъёма и спада воды при приливах и отливах.	*Аналогично.*
Обрабатывавшие поля люди: народ Ло.	*Добавлено наименование полей*: поля Ло.
Время: Позднее, при разделении Цзяочжи на области и уезды,…	*Данные отсутствуют.*
Событие: Учредили короля Ло и маркизов Ло для управления ими.	*Данные отсутствуют.*
Военачальники Ло: Их было много в уездах и они получали медную печать на зелёной ленте.	*Вместо этого сказано*: Маркизы Ло кормились с полей Ло.
	Сказано, что: Уездные чиновники получали медную печать на зелёной ленте, подобно начальникам уездов эпохи Цзинь. Все они назывались военачальниками Ло.
Царство Аулак и сын короля Шу или король Умиротворённого юга Тхук Фан	
Источник III – IV в. н.э.	**Источник V в. н.э.**
Событие: Уничтожил короля Ло и маркизов Ло, подчинил всех военачальников ло.	*Событие*: Разгромил маркизов Ло.
Царство Намвьет (Наньюэ) и Чиеу Да (Чжао То)	
Источник III – IV в. н.э.	**Источник V в. н.э.**
Событие: Напал и победил короля Умиротворённого юга Тхук Фана.	*Аналогично.*
Данные отсутствуют.	*Событие*: Назначил двух легатов управлять областями Цзяочжи (Зяоти) и Цзэчжэнь (Кыутян), которые и являлмсь Оуло (Аулаком).

Сопоставление этих данных, а также их сопоставление с данными, рассмотренными в предыдущих главах, приводит к выводу о том, что при использовании китайской терминологии III – V вв. для определения традиционной устойчивой организации лаквьетского общества вплоть до конца III в. до н.э. в указанных двух текстах произошло смешение понятий

различных эпох. При этом вычленение соответствующих групп сведений по временным периодам позволяет достаточно точно реконструировать реальную картину происходивших событий, которая сводится к следующему.

С момента возникновения социальной организации лаквьетского общества, но до разделения его территории на «области [и] уезды», в нём существовала иерархия, состоявшая из короля Лак с титулом Мужественный, маркизов Лак, военачальников Лак и народа Лак. При этом маркизы Лак получали кормление с полей Лак, обрабатывавшихся народом Лак, а руководили всем военачальники Лак, которые, видимо, делились на две категории: вышестоящих, или собственно военачальников Лак, и нижестоящих, или Возглавляющих Множество.

В 258 г. до н.э. сын короля Шу (Тхука) сверг короля Лак (Мужественного), «уничтожил», или «разгромил», маркизов Лак и подчинил себе военачальников Лак. В результате произошла смена верховной власти, но социальная организация лаквьетского общества осталась прежней и реальная власть по-прежнему находилась в руках традиционной лаквьетской знати.

В 207 г. до н.э. Чжао То (Чиеу Да) сверг Тхук Фана и назначил двух «легатов для управления областями Зяоти и Кыутян», которые в то время на самом деле были территориями обитания родоплеменных объединений *зяоти* и *кыутян*. Назначив их лидеров «легатами», Чжао То оставил всю социальную организацию лаквьетского общества без изменений.

В 111 г. до н.э. Лу Бодэ назначил намвьетских «легатов областей Зяоти [и] Кыутян» префектами этих областей, формально включённых в состав империи Хань после разгрома Намвьета. Таким образом и на этот раз социальная организация лаквьетского общества не была затронута.

Следовательно, если исходить из вышеприведённой последовательности событий, то даже формальное преобразование территорий обитания родоплеменных

объединений *зяоти* и *кыутян* в области Зяоти и Кыутян не может датироваться ранее их вхождения в состав царства Намвьет. Более того, эта последовательность даёт возможность установить с достаточно высокой степенью вероятности дату реального начала деления лаквьетских территорий на «области и уезды».

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что вся используемая как в китайских, так и во вьетнамских источниках терминология по этой эпохе восходит к древнекитайским понятиям VII – II вв.до н.э. К ней же относится понятие «области [и] уезды». Понятие это парное и занимает промежуточное место в ряду понятий 郡州 «округ [и] области», 縣郡 «область [и] уезды», 社縣 «уезд [и] общины». То есть в каждой такой паре первой стоит более крупная административная единица, а второй – меньшая, на которые делится крупная. Соответственно такое административное деление Северного Вьетнама возможно лишь со времени его формального включения в состав империи Хань, так как только с этого времени упоминание указанных «пар» в источниках приобретает по отношению к нему устойчивый характер. Так, по отношению к бывшему царству Намвьет пара «округ [и] области» поначалу имеет вид «административное управление Цзяочжи [и] десять областей», при этом 部 «административное управление» нередко именуется 州 округом, в который оно, как это будет показано ниже, в итоге и было официально преобразовано. По отношению к территории расселения лаквьетов применяется пара «область [и] уезды», воплощённая в области Зяоти с десятью уездами и области Кыутян с семью уездами. И вот тут возникает противоречие.

Из текста источника следует, что фраза «когда Цзяочжи ещё не было разделено на **области** [**и**] **уезды**» относится исключительно к северо-вьетнамской низменности эпохи царства Ванланг. Но если «Цзяочжи» – синоним «Ванланга», то эта фраза должна иметь несколько иной смысл, а именно – «когда Цзяочжи ещё не было разделено на **область** [**и**] **уезды**».

Таким образом, очевидно, что использование по отношению к Цзяочжи – Ванлангу пары «области [и] уезды» является достаточно поздней интерполяцией китайских историографов. Если же понимать под делением «Цзяочжи» на области [и] уезды» с образованием на лаквьетских территориях областей Зяоти, Кыутян и, возможно, Нятнам, то в данном случае «Цзяочжи» – это административное управление, которое было учреждено в 111 г. до н.э.

Данное противоречие не имеет отношения к эпохе Хань. Оно возникло значительно позднее в III – V вв. н.э. И хотя связанные с ним проблемы уже рассматривались, правда, под иным углом зрения, в предыдущих главах, представляется необходимым вернуться к сути этих проблем. После 258 г. до н.э. из источников исчезает титул «король Лак» (Мужественный). С 207 г. до н.э. в них постепенно начинают смешиваться понятия, связанные с титулами «маркиз Лак» и «военачальник Лак», а лидеры двух основных лаквьетских родоплеменных объединений *зяоти* и *кыутян*, уже оформившихся по территориальному признаку, предстают в виде намвьетских чиновников – «легатов». Наконец, под 111 – 110 гг. до н.э. источники сообщают о том, что территория царства Намвьет была преобразована в «административное управление Цзяочжи», его лаквьетские «области Цзяочжи (Зяоти) и Цзючжэнь (Кыутян)» были разделены на «уезды», их «легаты» были назначены «префектами», а «военачальники Лак» стали «начальниками уездов» и получили в качестве символа власти «медную печать на зелёной ленте». Иными словами, в китайских источниках III и V вв. сведены воедино данные по вьетнамской истории VIII – III вв. до н.э., тогда как события II – I вв. до н.э. зафиксированы в синхронных им ханьских хрониках, что особенно важно при анализе проблемы двух легатов (префектов) и трёх областей.

Указанная проблема должна рассматриваться в контексте анализа данных по максимально широкому кругу источников. Таким образом, если исходить из ранних китайских письменных источников II в. до н.э. – V в. н.э. и

средневековых вьетнамских летописных сводов XII – XIX вв., в которых в той или иной степени затрагивался вопрос о легатах и области Нятнам (Жинань), то представляется необходимым привлечь к анализу этой проблемы данные следующих хроник и летописных сводов:

1. «Книга Ранней Хань», Бань Гу, около 100 г. до н.э. [257.1.1, кн.28, с.6а, 16а, 16б].
2. «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», III в. [247.1, кн.37, с.4, 62].
3. «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета», До Тхиен, 1127 г. [36, с.113].
4. «Краткие записи [об] Аннаме», Ле Так, 1333 г. [241, с.92][4].
5. «Запись истории Великого Вьета, полное описание», Нго Ши Лиен, 1479 г. [236.1, кн.2, с.1б, 17а, 17б].
6. «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», Фан Тхань Зян, 1856 – 1884 гг., [239.6, с.299 – 301, 365 – 369].

В этом перечне в качестве авторов официальных китайских и вьетнамских летописных сводов указаны главные придворные историографы, которые руководили их написанием. Что же касается источника «2», то вопрос о его авторе будет рассмотрен позже при описании событий вьетнамской истории конца II – начала III в. Для наглядности разночтений в этих источниках их сведения представлены в нижеследующей таблице:

№	Дата	Области	Легаты	Примечания
1.	111 г. до н.э.	Цзяочжи, Цзючжэнь, Жинань	Нет	Указаны при учреждении административного управления Цзяочжи
2.	207 г. до н.э.	Цзяочжи, Цзючжэнь	Два	Дата восстанавливается из контекста
	111 г. до н.э.	Цзяочжи, Цзючжэнь	Два	
3.	111 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян, Нятнам	Нет	Указаны при учреждении административного управления Цзяочжи

4.	111 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян, Нятнам	Три	Указаны при учреждении административного управления Цзяочжи
5.	198 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян	Два	
	111 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян, Нятнам	Три	
6.	198 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян	Два	
	111 г. до н.э.	Зяоти, Кыутян	Два	Согласно комментарию корректировка сделана на основании сопоставления источников «2» и «5»

Необходимо подчеркнуть, что в источниках «2», «4», «5» и «6» все три области Зяоти (Цзяочжи), Кыутян (Цзючжэнь) и Нятнам (Жинань) упоминаются под 111 г. до н.э. вместе с сообщением об учреждении административного управления Цзяочжи (Зяоти). В дальнейшем же в источниках говорится только о первых двух областях, а название области Нятнам (Жинань) в них даже не упоминается вплоть до событий 40 – 44 гг. Что же касается легатов, то синхронный или почти синхронный описываемым событиям китайский источник (1) о них ничего не сообщает. Также о них ничего не говорится и в наиболее раннем из известных вьетнамских источников (3). И это при том, что оба указанных источника являются официальными династийными летописными сводами. Впервые в полном объёме сведения о легатах появляются в неофициальном китайском источнике III в. (2), созданном на территории Вьета. Судя по ссылке в истории Ле Така (4), первая корректировка этих данных также связана с неофициальным китайским источником, созданным Цзэн Гунем в семидесятых годах IX в. на территории Вьета[1].

[1] О Цзэн Гуне смотри ниже в «Главе 3» «Части II», «Главе 3» «Части IV», которые посвящены политической обстановке во Вьетнаме и культурному развитию вьетнамского общества конца «Эпохи северной зависимости».

В этом несохранившемся произведении, известном под названием «Записи [об] округе Цзяо», впервые говорится о трёх легатах областей Зяоти, Кыутян и Нятнам, поднёсших списки населения Лу Бодэ и назначенных за это «префектами своих областей».

Центр вьетского сопротивления империи Хань в 1-ой половине I в. н.э. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

Таким образом, очевидно, что как минимум с IX в. историографы не ставили под сомнение факт образования области Нятнам непосредственно в 111 г. до н.э., равно как и назначение легатов префектами областей, основываясь в своих выводах на «Книге Ранней Хань» и «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» соответственно. Выше уже цитировалось сообщение из последнего источника о назначении легатов в 207 г. до н.э. после свержения династии Тхук в Аулаке. А под 111 г. до н.э. в них говорится:

«Книга Ранней Хань»: «Область Жинань – [это] древняя область Сян [династии] Цинь. [Её] воссоздал император Воинственный под новым наименованием в 6-ом году [эры] Изначального величия[1]. В ней насчитывается шестнадцать

[1] 111 г. до н.э.

малых рек общей протяжённостью в 1.831,68 км[1]. Область Жинань входит в состав округа Цзяо» [257.1.1, кн.28, с.6а].

«Записи [о] внешних территориях округа Цзяо»: «Король [Нань]юэ повелел двум легатам заботиться о населении двух областей Цзяочжи [и] Цзючжэнь. Позднее [династия] Хань послала командующего армией Покорителя волн Лу Бодэ разгромить короля [Нань]юэ. [Когда] Лу Бодэ дошёл до Хэпу, король [Нань]юэ послал двух легатов поднести командующему армией Лу сто голов скота, тысячу сосудов вина [и] посемейный реестр населения двух областей. Лу Бодэ назначил обоих легатов префектами [областей] Цзяочжи [и] Цзючжэнь. [Таким образом], военачальники Ло по-прежнему [сохраняли] власть [в своих руках], управляли населением по старому» [247.1, кн.37, с.62].

Первый текст весьма важен, так как помимо сообщения о Нятнаме (Жинани) он содержит явно ошибочное сообщение об идентификации этой области с древней областью Сян. Однако этот же источник указывает, что область Зяоти (Цзяочжи) – это северный горный массив и низменность Северного Вьетнама, область Кыутян (Цзючжэнь) – это Тханьхоа, а область Нятнам (Жинань) – это Нгеан. Но ранее при анализе в «Главе 2» проблемы локализации области Сян было показано, что в территорию этого округа никогда не входили собственно лаквьетские земли. Соответственно Нятнам никак не мог входить в состав этой области. Второй неточностью этого текста является использование термина 州 «округ» вместо термина 部 «административное управление». Таким образом, из указанных двух неточностей следует, что составители «Книги Ранней Хань» на рубеже II и I вв. до н.э. не располагали полными данными о том, что происходило на собственно лаквьетских территориях после завершения экспедиции Лу Бодэ против Намвьета – Аулака.

Иное дело – автор «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо», который, судя по всему, использовал какие-то

[1] В тексте сказано «3180 *ли*». 1 ли = 576 м.

дополнительные источники, из которых почерпнул новые сведения. Безусловно, часть этих источников имела имперское происхождение, однако если принять во внимание, что «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо» были созданы в III в. на территории самого Вьета, то не вызывает сомнения факт привлечения их автором в качестве дополнительных источников местных вьетских синхронных событиям записей [544, с.82 – 118]. Как было показано выше, именно эти записи содержат сведения о том, что происходило на вьетских территориях до того, как Цзяочжи было разделено на «области [и] уезды», и, судя по всему, в них же сохранились наиболее точные данные о том, что происходило после деления административного управления (округа) на области и областей на уезды.

Следовательно, нет никаких оснований сомневаться как в факте назначения между 207 и 189 гг. до н.э. лидеров двух лаквьетских родоплеменных объединений *зяоти* и *кыутян* легатами одноимённых административных единиц, так и в факте их назначения префектами областей Зяоти и Кыутян в 111 г. до н.э. Что же касается сведений о «третьем легате» и «третьей области», то об их достоверности можно судить из сопоставления данных всех привлечённых к рассмотрению этой проблемы источников, из которого следует, что:

1. Официальный летописный свод династии Хань (рубеж II и I вв. до н.э.) содержит явно неточные и малочисленные сведения о собственно лаквьетских территориях, которые, вероятно, неоднократно «корректировались» его последующими редакторами, как, например, в случае с соотношением понятий «округ Цзяо» и «административное управление Цзяочжи». К такого рода «корректировкам» следует отнести и включение в список областей округа Цзяо наряду с областями Зяоти и Кыутян области Нятнам. Упоминание в этом источнике области Нятнам в составе округа Цзяо под 111 г. до н.э. на самом деле является интерполяцией в его текст событий середины I в.

2. Первый официальный вьетнамский летописный свод XII в. в целом повторяет связанные с проблемой «трёх легатов» и «трёх областей» данные «Книги Ранней Хань», что связано со спецификой развития официального летописания во Вьетнаме X – XIV вв., опиравшегося на две параллельные историографические традиции[1] [544, с.119 – 137].
3. Завоевание территории Нгеана и образование области Нятнам с «третьим легатом» в эпоху государственного объединения Намвьет – Аулак более чем сомнительно, так как в противном случае данное событие неизбежно нашло бы отражение в памятнике III в. – «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» [342, с.441].
4. Окончательную «корректировку» этих событий китайских источниках следует датировать эпохой Тан (618 – 907 гг.), что нашло отражение в памятнике IX в. «Записях [об] округе Цзяо» Цзэн Гуня, в котором прямо говорится о «трёх легатах» и «трёх областях». Именно на этот памятник опирался прокитайски настроенный вьетнамский историограф XIV в. Ле Так при описании событий 111 г. до н.э. Что же касается двух легатов, назначенных Чиеу Да, то в его «Кратких записях [об] Аннаме» о них вообще не упоминается.
5. Во вьетнамских источниках попытка устранения этого противоречия связана с «Записью истории Великого Вьета, полным описанием» Нго Ши Лиена (XV в.), где под 198 г. до н.э. сообщается о двух легатах и областях, а под 111 г. до н.э. – о трёх легатах и областях. Именно тогда возникла иллюзия образования области Нятнам при династии Чиеу, хотя ни о каких территориях южнее области Кыутян, которые бы входили в царство Намвьет, в источниках не сообщается.
6. В XIX в. вьетнамские историографы осуществили ещё одну «корректировку» этого сюжета, вернувшись к данным китайского источника III в. (в обоих случаях – два легата и две области). При этом они исходили лишь из

[1] Придворную и храмовую.

сопоставления данных о легатах и областях в «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» (III в.) и «Записи истории Великого Вьета, полном описании» (XV в.), оставив без внимания проблему упоминания под 111 г. до н.э. области Нятнам в списке областей административного управления Цзяочжи, который приводится в «Книге Ранней Хань» (рубеж II и I вв.до н.э).

Таким образом, можно считать установленным, что первый этап завоевания Намвьета в 111 г. до н.э. привёл к образованию административного управления Цзяочжи с восемью областями и резиденцией наместника в уезде Гуансинь области Цану. Именно эта дата является датой деления административного управления Цзяочжи на «области [и] уезды», наиболее южными из которых были области Зяоти и Кыутян. Эти две области, территория которых соответствовала территории древнего лаквьетского царства Ванланг, фактически являлись полунезависимой вассальной южной окраиной империи Хань. Они управлялись лидерами двух лаквьетских территориальных родоплеменных объединений *зяоти* и *куытян*, которые между 207 и 198 гг. до н.э. получили от Чиеу Да звания легатов одноимённых областей, а в 111 г. до н.э. были назначены Лу Бодэ их префектами. В то время этнокультурное единство всей территории административного управления прекрасно осознавалось администрацией Хань, равно как у неё не вызывало сомнения культурное главенство в этой общности лаквьетов племени *зяоти*. Иначе нельзя объяснить «совпадение» названий административного управления Цзяочжи (Зяоти) и области Зяоти.

В свете указанного «совпадения» представляется возможным уточнить выводы «Главе 1», сделанные в связи с этнонимами (наименованиями) *зяоти* и *ванланг*. Так, в «Исторических записках» под наименованием Тэйаулак (Сиоуло) понимается объединение Тэйау (Сиоу) и Лаквьета (Лоюэ), при этом, цитируя Чиеу Да (Чжао То), Сыма Цянь не делает различия между наименованиями Лаквьет (Лоюэ) и

Ванланг (Вэньлан)[1]. А в «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» под Цзяочжи (Зяоти) до деления на «области [и] уезды» понимается сначала Лаквьет (Лоюэ), в котором все социальные группы общества указываются с этнонимом *лак* (*ло*), затем – Аулак (Оуло) с династией Тхук (Шу), и, наконец, после деления на «области [и] уезды» под ним понимается как всё административное управление Цзяочжи (Зяоти), так и основной центр лаквьетской культуры или область Зяоти (Цзяочжи). В этом контексте становится понятным, что смешение наименований *зяоти* и *ванланг* восходит к событиями конца II – I вв. до н.э., а именно – с делением Цзяочжи на области и уезды, и, соответственно, почему автор источника III в. заменил наименование Ванланг на наименование Зяоти (Цзяочжи).

Таким образом, анализ событий 111 – 110 гг. до н.э. не только подтверждает факт сохранения лаквьетского самоуправления на территории бывшего царства Ванланг, но и показывает, что многочисленные разночтения и путаница наименований, связанные с вьетнамской историей эпохи царств Ванланг, Аулак и Намвьет восходят к ошибкам китайских историографов, но не эпохи Тан, как полагал А.Масперо [897.4, с.2 – 4], а значительно более раннего времени – эпохи Хань. Окончательная же «корректировка» ранних китайских текстов по древней истории Вьетнама действительно принадлежит историографам эпохи Тан.

3. *Начало активной ассимиляции лаквьетских территорий имперской администрацией и восстание сестёр Чынг*

Итак, на всём протяжении I в. до н.э.в административном управлении Цзяочжи на южной окраине империи Хань сохранялась достаточно противоречивая ситуация: шесть областей этого управления находились под непосредственной властью имперского наместника, а две наиболее южные, Зяоти и Кыутян, фактически были

[1] Смотри выше «Главу 3».

независимы и управлялись лаквьетской знатью согласно местным традициям и обычаям.

Такая политическая ситуация в регионе не могла долго сохраняться, но при этом существовало всего лишь два выхода из создавшегося положения. Либо на лаквьетских территориях должна была восстановиться собственная государственность, либо империя должна была реально подчинить эти территории своей власти. Именно это и стало причиной постепенного перманентного роста вмешательства ханьских чиновников в жизнь лаквьетского общества. Особенно активно оно стало проявляться в эпоху Ван Мана, что, несомненно, следует связывать с реформаторской деятельностью сторонников последнего в округе Цзяо.

Для анализа методов «мирного» насаждения имперской администрации в Зяоти и Кыутяне наибольший интерес представляют поздние вьетнамские источники, которые полностью повторяют данные ранних ханьских источников, но при этом дают описываемым историческим событиям национальную оценку.

Первое упоминание о назначении ханьца по имени Си Гуан префектом области Зяоти относится к началу I в.[1]. Судя по источникам он сразу же приступил к политике постепенного внедрения ханьского законодательства в жизнь лаквьетов.

Не менее активный сторонник «китаизации» местного населения Жэнь Янь был назначен префектом области Кыутян в 25 г. Наконец, под 29 г. упоминается новый наместник Дэн Жан, по отношению к которому впервые употреблено звание «правитель». Поскольку в одном контексте с Дэн Жаном назван и Си Гуан, а о Жэнь Яне сказано, что он находился в должности четыре года, то можно предположить, что все они образуют единую группу реформаторов, деятельность которых в этом регионе была непосредственно связана с реформами Ван Мана в империи (9 – 22 гг.). В числе сторонников Дэн

[1] Между 1 и 5 гг.

Жана называется ещё один префект по имени Ду Му [239.6, с.391 – 395].

Характеристика этих политических деятелей как сторонников и проводников реформ Ван Мана на юге империи подтверждается также и тем, что до 29 г. Дэн Жан управлял Цзяочжи независимо. Лишь получив письмо с увещеваниями от своего близкого соратника военного чиновника Цэнь Пэна, он отправил от своего имени и от имени подчинённых ему префектов посольство с дарами ко двору императора Славного [и] Воинственного [династии] Хань.

Император Славный [и] Воинственный династии Хань. 25 – 58 гг.

К этому времени на территории Северного Вьетнама уже сложилась достаточно мощная прослойка имперской эмиграции. Она начала складываться в III в. до н.э. с приходом к власти династии Тхук и в течение южных завоевательных

походов династии Цинь. При династии Чиеу эта эмиграция значительно пополнилась, а в период со 111 г. до н.э. она уже образовала самостоятельную общину. Очевидно, что для ханьской администрации, начавшей политику активной «китаизации» лаквьетского общества в эпху Ван Мана, эта эмиграция была её естественной опорой при проведении проимперской политики в Северном Вьетнаме. После падения Ван Мана и воцарения династии Восточной Хань[1] новая волна эмиграции хлынула в административное управление Цзяочжи. По своей сути время с конца I в. до н.э. по первую треть I в. может быть названо периодом первой относительно массовой китайской эмиграции во Вьетнам: сначала на юг бежали противники Ван Мана, а после падения последнего – сторонники его реформ[5].

Суть имперской политики «китаизации» лаквьетского общества и методы её осуществления будут описаны ниже, здесь же важно отметить, что поначалу она проводилась весьма осторожно и на первых порах не вызывала сопротивления местного населения. Объясняется это тем, что лаквьетская знать впервые столкнулась с политикой мирного, этнокультурного поглощения и не осознавала последствий, к которым она могла привести. Кроме того, до 29 г. вряд ли можно говорить о серьёзном ущемлении привилегий местной знати, так как до этого реформы затрагивали в основном социально-экономические аспекты организации лаквьетского общества. О последнем свидетельствует оценка Си Гуана и Жэнь Яня, данная им Нго Ши Лиеном в его летописном своде:

«Си Гуан – [это] человек из Ханьчжуна, находясь в Зяоти [он] опирался на обряды, [чтобы] наставлять народ.

Кроме того, [династия] Восточных Хань назначила Жэнь Яня префектом [области] Кыутян. Жэнь Янь – [это] человек из земли Юань [принадлежащей Наньяну].

По традиции люди Кыутяна были рыболовами [и] охотниками, не [владели] искусством земледелия.

---

[1] 24 г.

Тогда Жэнь Янь научил народ обрабатывать [землю], каждый год возделывали [поля], все были сыты.

[В то время в Кыутяне] сватавшиеся [к девушкам] бедняки не имели [возможности] подносить дары.

Жэнь Янь приказал всем руководящим чиновникам помогать [им], отчисляя деньги [из своего] жалования. Тогда одновременно поженилось до двух тысяч человек.

Жэнь Янь заботился о делах четыре года, [после чего] был отозван ко двору. Люди Кыутяна воздвигли [ему] поминальный храм, [чтобы] поклоняться. [В тех] семьях, где рождались сыновья, [когда] давали [им] имена, всегда использовали иероглиф *жэнь*.

Распространение культуры в [землях] Линьнама началось с этих двух префектов» [236.1, кн.3, с.1а, 1б].

Этот текст крайне важен по целому ряду причин. Во-первых, он указывает на то, что с рубежа нашей эры вместо лаквьетских вождей префектами областей Зяоти и Кыутян стали назначаться имперские чиновники. Во-вторых, вместе с областями Зяоти и Кыутян не упоминается область Нятнам. В-третьих, о Си Гуане сказано лишь, что он «опирался на обряды, [чтобы] наставлять народ». Это чисто конфуцианская формулировка общего характера, при этом ни о каких конкретных его делах ничего не сообщается. Последнее достаточно симптоматично, особенно если учесть, что Си Гуан являлся префектом области Зяоти, то есть главного центра лаквьетской культуры, бывшего, по меньшей мере, с середины III в. до н.э. в тесном контакте с хуаской культурой и имевшего древние земледельческие традиции. В-четвёртых, при той же конфуцианской характеристике добродетелей Жэнь Яня в тексте приводятся совершенно конкретные факты о его деятельности в Кыутяне. И здесь весьма интересно отметить, что Жэнь Янь не только «научил» население Кыутяна земледелию, но и попытался изменить традиционную социальную организации лаквьетского общества, используя для этого институт брака. Безусловно, можно было бы предположить, что Жэнь Янь лишь помог беднякам Кыутяна

добыть средства для внесения выкупа за жену, однако анализ текста исключает подобную его интерпретацию. Дело в том, что насельники Кыутяна были рыболовами и охотниками, а не оседлыми земледельцами, для которых такого рода «выкупы» достаточно типичны. Кроме того, в качестве термина, обозначающего выкуп, использовано чисто конфуцианское понятие «[ритуальные] свадебные дары» 禮聘 [3, с.432, №4436], а сочетание иероглифов 吏長, переведённое как «руководящие чиновники», вполне может быть переведено и как «местный сеньор», и как «вождь племени»[6]. Поэтому весьма вероятно, что в данном тексте под чиновниками, из жалования которых оказывалась помощь женившимся беднякам, следует понимать местную лаквьетскую знать.

При такой интерпретации текста достаточно логично смотрится гипотеза об опоре Жэнь Яня на местное население области Кыутян, которое не воспринимало его как иноземного имперского чиновника. Такая идеологическая оценка этого префекта следует как из сообщения о поминальном храме воздвигнутом в его честь и о последующем массовом использовании иероглифа *жэнь* 任 в именах новорожденных, так и во фразе «был отозван ко двору», в котором использован модальный глагол *бэй* 被, имеющий оттенок «вынужденности», вместо нейтрального глагола *те* 特[7].

Таким образом, и Си Гуан, и Жэнь Янь пытались постепенно внедрять в жизнь лаквьетского общества нормы и обряды конфуцианства ханьского толка, при этом в более развитой области Зяоти упор делался на культурное влияние, а в более отсталом Кыутяне – помимо культурного и на экономическое воздействие. Главным же было то, что оба эти префекта не использовали насильственные методы насаждения имперских порядков и опирались в своих действиях на местное население, чем и объясняется положительная оценка их деятельности Нго Ши Лиеном. И хотя, надо полагать, главной опорой Си Гуана и Жэнь Яня были представители китайской эмиграции III – I вв. до н.э., собственно лаквьетское население не воспринимало их деятельность как угрозу

собственным интересам. Однако это было ошибкой, так как предварительные «мирные» шаги наместника Дэн Жана и префектов Си Гуана, Жэнь Яня и Ду Му заложили основу для дальнейшей открытой экспансии имперской администрации в Северном Вьетнаме.

В 34 г. префектом области Зяоти был назначен Су Дин, который от «мирных» шагов своих предшественников перешёл к физической расправе над представителями местной знати.

Поминальный храм сестёр Чынг.
Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

В результате прямая конфронтация между *лаквьетами* и имперской администрацией стала неизбежной. Всё началось с конфликта между Су Дином и начальником уезда Тюзиен области Зяоти Тхи Шатем, который принадлежал к родоплеменной знати и вёл свою родословную от

военачальников Лак. Вероятно, его род возглавлял лаквьетское племя *тюзиен* ещё в эпоху царства Ванланг. Кроме того, Тхи Шать был женат на женщине по имени Чак, которая была родом из уезда Мелинь и имела два родовых имени – Чынг и Лак. Согласно традиции, она также происходила из рода военачальника Лак, а если учесть, что уезд Мелинь в эпоху царства Ванланг был центром округа Фаунг и резиденцией королей Мужественных, которые имели родовое имя Лак, то можно предположить родственную связь Чынг Чак с древней династией королей Мужественных. Таким образом, можно предположить, что Тхи Шать был одним из главных лидеров оппозиционной ханьской администрации лаквьетской знати [236.1, кн.3, с.1б, 2а].

Согласно источникам, в 40 г. Тхи Шать написал письмо Су Дину, обвиняя того в жестокосердии и прося его вернуться к прежней политике ханьских представителей власти. Видимо, Су Дин решил воспользоваться случаем и нанести удар по лаквьетской оппозиции. Он приказал схватить Тхи Шатя, обвинил его в нарушении законов и казнил [236.1, кн.3, с.2а, 2б]. Однако тем самым Су Дин лишь поднёс горящий фитиль к бочке с порохом. В ответ на казнь Тхи Шатя вспыхнуло восстание, охватившее области Зяоти, Кыутян с примыкавшими к ней районами Центрального Вьетнама и Хэпу[1]. В нём приняли участие не только лаквьеты, но и проживавшие рядом с ними другие племена. Восставшими руководила традиционная лаквьетская родоплеменная знать во главе с двумя сёстрами – Чынг Чак и Чынг Ни[8]. Ханьская администрация не смогла оказать сёстрам Чынг серьёзного сопротивления, и к концу 40 г. все ханьцы были либо истреблены, либо изгнаны из восставших областей. Правда, главному виновнику произошедшего, Су Дину, повезло: ему удалось бежать в Наньхай. Источники сообщают, что Чынг Чак, объединив под своей властью шестьдесят пять городов в землях Линнани, приняла титул короля и объявила столицей своего государства г.Мелинь.

---

[1] Область, находившаяся в Гуандуне к северо-востоку от области Зяоти.

Таким образом, в результате восстания 40 г. была полностью восстановлена независимость юго-западной части бывшего царства Намвьет (древнее царство Лаквьет или Ванланг), освобождена часть его северо-восточной территории в Гуандуне и поставлена под угрозу судьба всех ханьских завоеваний к югу от Улина. Источники сообщают, что имперские наместник и префекты административного управления Цзяочжи думали только о собственном спасении и не помышляли о разгроме восставших [236.1, кн.3, с.2а, 2б; 239.6, с.397][9].

Реакция империи последовала незамедлительно. Надо полагать, при дворе династии Хань понимали, что восставшим нельзя давать передышки для реорганизации и укрепления власти. Уже в 41 г. в Чанша и оставшихся под властью империи районах административного управления Цзяочжи была проведена мобилизация населения для сбора продовольствия, подготовки повозок и кораблей к походу, а также ремонта дорог и мостов. В 42 г. армия была готова к наступлению. Возглавил её один из наиболее известных полководцев того времени Ма Юань, который в октябре предыдущего года победоносно завершил экспедицию против восставших в Аньхуе. Его соратник по той кампании Дуань Чжи командовал «многопалубными» кораблями, а заместителем Ма Юаня был назначен Лю Лун. Как и Лу Бодэ, Ма Юаню было пожаловано звание Покорителя волн. Этот факт свидетельствует о том, что экспедиция Ма Юаня приравнивалась по своему значению к войне 111 г. до н.э. Об этом же свидетельствует и состав имперской армии, ядром которой были 8000 профессиональных воинов из центральных округов империи и 12000 солдат из её южных областей, при этом в порту Хэпу её должны были ожидать две тысячи судов, на которых планировалось перебросить эту армию на низменность Северного Вьетнама. Соотношение указанных количества судов и числа профессиональных воинов (один к десяти) позволяет судить о реальном количественном составе армии Ма Юаня, который, даже если принять во внимание

провиант, оружие и другие грузы, перевозившиеся на кораблях, не мог быть меньше ста – ста пятидесяти тысяч человек.

Первый этап войны оказался не слишком удачным для Ма Юаня, который повёл свою армию проверенным путём Лу Бодэ и Ян Пу через 4-ый проход Улина в Гуанси и далее – на побережье Гуандуна. Однако в Хэпу его ждал неприятный сюрприз.

Сёстры Чынг Чак и Чынг Ни. Поминальный храм.
Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

В порту не оказалось достаточного количества судов, а командующий флотом Дуань Чжи вскоре после прибытия войск в Хэпу заболел и умер. Поэтому Ма Юаню пришлось наступать с большей частью своей армии по побережью через Лангшон. Несмотря на трудности пути, ханьская армия сравнительно легко вышла на низменность Северного Вьетнама, так и не встретив вооружённого сопротивления[10]. Однако затем, надо полагать, при наступлении на Мелинь, Чынг Чак нанесла Ма Юаню поражение и вынудила его отступить в предгорья Бакниня, где ханьская армия заняла укреплённые позиции.

Второй этап войны начался с нападения сестёр Чынг на ханьский лагерь в мае 43 г. В этом сражении Ма Юань наголову разбил противника. За ним последовало ещё несколько неудачных для вьетов столкновений. После них Ма Юань предоставил отдых основной части своих войск в завоёванной дельте Красной реки, в то время как Лю Лун нанёс удар по Мелиню, где укрепились Чынг Чак и Чынг Ни. В результате полугодовых боевых действий Лю Лун овладел Мелинем и нанёс окончательное поражение сёстрам в районе Камкхе. Согласно одной версии, сёстры Чынг пали в сражении, согласно другой – были захвачены в плен и казнены вместе с тысячью своих соратников. Головы обеих сестёр были отосланы в Лоян и к январю 44 г. население области Зяоти прекратило сопротивление.

Пока Лю Лун воевал с сёстрами Чынг и ещё почти год после их гибели, Ма Юань проводил на завоёванных территориях мероприятия организационного характера, целью которых являлось установление на них прочной власти империи. С этой целью, лишив лаквьетскую знать всех привилегий, он заменил местную администрацию имперской, внедрил в практику имперские законы, построил укреплённые посёлки и поставил в них ханьские гарнизоны. Кроме того, Ма Юань провёл административную реорганизацию наиболее опасных районов Зяоти. Так, наиболее крупный, образованный на наследственных землях рода Тхук и насчитывавший около тридцати трёх тысяч дворов уезд Тэйву являлся одним из основных центров восстания. Поэтому он был разделён на два уезда Фаунгкхе и Ваунгхай. В уезде Фаунгкхе была построена мощная крепость, известная под названием «Крепость Кокон», а в уезде Ваунгхай было возведено укрепление для ханьского гарнизона. Все эти мероприятия заняли почти год. Ма Юань счёл умиротворение Зяоти завершённым лишь к декабрю 44 г., о чём и послал сообщение императору Хань в Лоян.

Одновременно с умиротворением области Зяоти Ма Юань готовил армию к походу на Кьутян, куда отступили остатки армии сестёр Чынг во главе с одним из лаквьетских

военачальников До Зыонгом. В конце 44 г.[11] начался третий, завершающий этап экспедиции Ма Юаня. С флотом из двух тысяч джонок он спустился по реке Красной до реки Дай, по которой вышел в район побережья, находившийся в пятистах километрах к югу от центра Зяоти. В этом месте скалы были обращены непосредственно к морю, а изгиб берега образовывал удобную для судов бухту[12].

Боевые слоны сестёр-воительниц.
Поминальный храм сестёр Чынг.
Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

Ма Юань вторгся в Тханьхоа по южному рукаву реки Лоу и другим её притокам. Разметав небольшие отряды восставших, он дошёл со своей армией до водораздела рек Лоу

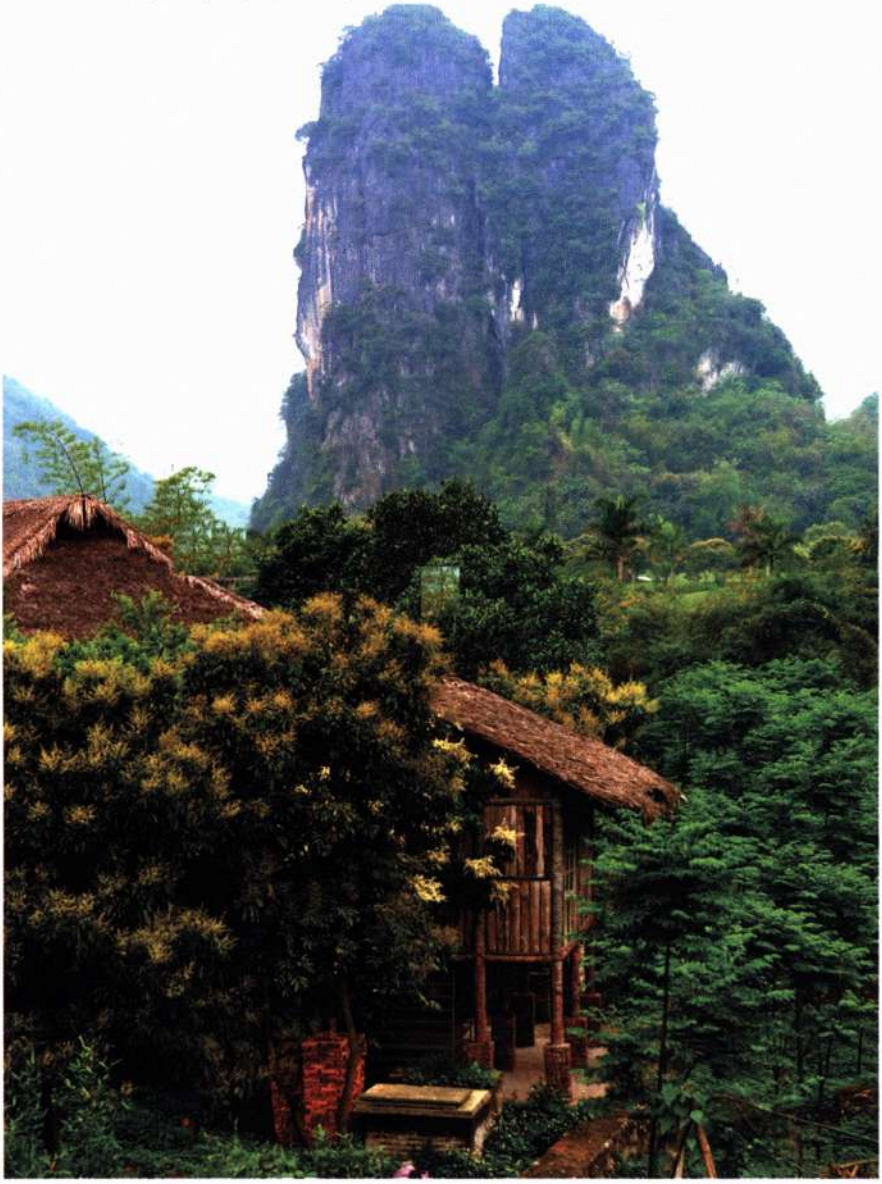
и Ма, где либо произошло решающее сражение с вьетскими отрядами, либо последние просто разбежались без боя. Известно, что ханьская армия преследовала бежавших вьетов вплоть до реки Лыонг, а их главному руководителю Тю Ба удалось скрыться. После этой победы Ма Юань разделил свою армию на две части. Первая под его командованием поднялась по реке Лыонг до Кыфаунга. Вторая спустилась по реке Ма и каналу, ведущему из Тханьхоа в Нгеан, и достигла Вобиена. В результате сопротивление в Кыутяне было жестоко подавлено, при этом казнили более пяти тысяч человек и вывезли несколько сот вьетских семей в южно-китайский Линлин.

О том, как далеко на юг продвинулась армия Ма Юаня, единого мнения не существует. В конце IV в. появляются тексты, в которых говорится о том, что Ма Юань также покорил северную и северную часть Центрального Вьетнама. Согласно этой версии Ма Юань дошёл до берегов Линьи[1], основал на этом месте поселение, в котором оставил отряд своих солдат с семьями, и воздвиг там бронзовый столб для обозначения южных границ империи. В некоторых источниках говорится о двух бронзовых столбах. Также сообщается о том, что Ма Юань поклялся уничтожить всех вьетов, если они свалят этот бронзовый столб. Поэтому местное население постоянно его укрепляло, подсыпая к нему камни и землю и, в конце концов, бронзовый столб был полностью покрыт землёй.

А.Масперо, детально изучив китайские источники, пришёл к выводу, что нет никаких оснований считать, что Ма Юань прошёл дальше Кыфаунга. Французский учёный также полагает, что основание в I в. н.э поселений этнических китайцев у реки Лэмап в центрально-вьетнамских провинциях Куангбинь и Куангнам необязательно следует связывать с Ма Юанем, как это делают источники IV – V вв., тем более, что несмотря на многовековые поиски столб Ма Юаня так и не был обнаружен. Последнее неудивительно, так как традиция

[1] Линьи (вьет. Лэмап): название этой реки стало первым названием индуистского государства Тямпа в Центральном Вьетнаме.

устанавливать бронзовые столбы относится к значительно более позднему времени, не ранее начала эпохи Тан.

Не исключено, что именно в таком месте Ма Юань оставил своих людей.
Нгеан. 31.03.2011 г.

Таким образом, сюжет о «бронзовом столбе Ма Юаня», скорее всего, является позднейшей интерполяцией, чего нельзя сказать о гипотезе, согласно которой Ма Юань проник в сердце Центрального Вьетнама и основал поселение в Лэмап.

Ма Юань в образе демона. Поминальный храм сестёр Чынг. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

Именно после этого события в источниках впервые появляется описание конкретных исторических событий, связанных с областью Нятнам. Так, к периоду между 58 и 75 гг. относится сообщение о назначении префекта этой области Ли Шаня, при этом по приписываемым ему добродетелям он вполне может быть приравнен к первым префектам областей Зяоти и Кыутян. Характеристика Ли Шаня, которая даётся ему во вьетнамских источниках, весьма своеобразна, и поэтому представляется целесообразным привести её целиком:

«Лишь во время императора Светлого [династии] Хань был человек по имени Ли Шань, [который], будучи префектом [области] Нятнам, опирался в управлении на милосердие [и] любовь, поощрял в [этой] отдалённой окраине людей с удивительными обычаями, [чем и] привлёк [к себе всеобщую] любовь. [В награду он] был повышен в префекты [области] Кыутян» [236.1, кн.3, с.4а][13].

Как несложно заметить, эта характеристика во многом напоминает приведённые выше оценки Си Гуана и Жэнь Яня. В ней подчёркиваются и конфуцианские добродетели Ли Шаня («милосердие [и] любовь» в управлении), и совершенно чужеродная по культуре среда, в которой этот префект был вынужден идти на компромиссы, чтобы избежать восстания («поощрял… …людей с удивительными обычаями»). По своим характеристикам Си Гуан, Жэнь Янь и Ли Шань образуют совершенно особую группу конфуцианцев – просветителей во вьетском обществе, чем принципиально отличаются от остальных имперских чиновников «Эпохи северной зависимости». Как будет показано в следующем разделе, положительные характеристики других имперских чиновников, служивших наместниками и префектами во Вьете в I – IX вв., имеют совершенно иную окраску и связаны с так называемыми «скрытыми» национальными правителями и династиями. Из этого следует, что если, по мнению вьетнамских средневековых придворных историографов, сформулированному не позднее XV в., первые префекты областей Зяоти и Кыутян Си Гуан и Жэнь Янь милостиво

управляли населением этих областей, обучая его основам конфуцианской культуры, то по аналогии и Ли Шань скорее всего был первым префектом области Нятнам. По крайней мере, до него ни о каких префектах области Нятнам ничего не сообщается.

Таким образом, представляется, что сообщение об области Нятнам, состоявшей из пяти уездов – Лызунг, Тиань, Тыонглам, Тэйкюен и Тюнго, в которых проживала 61000 человек, следует относить не к 111 г. до н.э., а к середине I в. н.э. Надо полагать, что учреждение этой области стало одним из результатов войны 40 – 44 гг. между империей Хань и Лаквьетом [239.6, с.415 – 419; 257.1.1, кн.28, 6а].

Завершив свою южную экспедицию, Ма Юань вернулся в Зяоти, где пробыл ещё некоторое время. Как вполне убедительно показал на основании источников А.Масперо, он замышлял установить водный путь из покорённых вьетских областей в Сычуань, связав между собой бассейны Красной реки и Меконга. Однако в то время он, очевидно, не располагал достаточными возможностями для реализации такого проекта, который к тому же осложнялся тем, что этот путь должен был пролегать по территориям независимых или лишь формально зависимых от империи Хань царств. Вероятно, тогда же, летом 45 г., Ма Юань покинул Зяоти и к сентябрю вернулся в столицу империи, где ему была устроена триумфальная встреча[14]. В ознаменование своей победы Ма Юань отлил из привезённой с юга бронзы коня, которого поместили перед воротами Лубань [236.2, кн.2, с16а – 18б, кн.3, с.1а – 4а; 239.6, с.361 – 419; 897.5, с.11 – 28].

4. Предварительные выводы по истории ранней вьетской государственности

Вышеописанными событиями завершается эпоха независимого развития ранней вьетской государственности на территории современного Северного и северной части Центрального Вьетнама. Описанные в четырёх главах

настоящего раздела события этой эпохи позволяют сформулировать по ней следующие предварительные выводы.

4.1. Можно считать доказанным, что:

4.1.3. Вьетская государственность на территории Северного Вьетнама возникла не позднее конца VIII – начала VII в. до н.э. До 258 г. до н.э. она развивалась в форме протогосударственного объединения, или царства Ванланг (Лаквьет), затем, с 257 по 207 г. до н.э., – в рамках царства Аулак (Ванланг или Лаквьет + Тэйау), которое сменило в 207 – 111 гг. до н.э. «федеративное» царство Намвьет (Намвьет в Гуандуне + Аулак), и, наконец, со 111 г. до н.э. по 44 г. н.э. – в границах древнего Ванланга (Лаквьета) как формально вассальная территория империи Хань.

4.1.4. Завоевание вьетского государства империей Хань проходило в два этапа. Сначала в результате войн 113 – 111 гг. до н.э. войска Лу Бодэ и Ян Пу захватили собственно Намвьет в Гуандуне и Гуанси, удовлетворившись формальной покорностью Лаквьета.

4.1.5. Попытка установления реальной власти империи над лаквьетскими территориями в начале нашей эры привела в 40 г. к открытому провозглашению их независимости под руководством сестёр Чынг, что поставило под угрозу все ханьские завоевания на вьетском юге. В результате войны 42 – 44 гг., в которой имперская армия под командованием Ма Юаня одержала победу, в состав империи Хань была окончательно включена территория Северного и северной части Центрального Вьетнама вплоть до современной провинции Куангнам.

4.1.6. Единство обширной территории от Аньшаня до Куангнама осознавалась династией Хань, так как в 110 г. до н.э. практически вся территория

бывшего царства Намвьет была преобразована в административное управление Цзяочжи (Зяоти), получившее своё название от названия центральной лаквьетской области Зяоти, в свою очередь восходящего к древнему лаквьетскому этнониму *зяоти*.

4.2. Административное деление территории Ванланга, или Лаквьета, на области Зяоти и Кьутян восходит к 207 г. до н.э. и правлению Чиеу Да, а в 111 г. до н.э. это деление было подтверждено ханьским указом.

4.3. Область Нятнам была образована в 44 г. после присоединения к империи территории Центрального Вьетнама вплоть до провинции Куангнам.

4.4. Также представляется возможным сформулировать ещё несколько выводов, носящих характер обоснованных гипотез.

4.4.3. Легендарную династию королей Мужественных следует считать исторической династией царства Ванланг, или Лаквьет, как минимум с V в. до н.э.

4.4.4. Король Умиротворённого юга Тхук Фан, правивший царством Аулак, также является исторической личностью.

4.4.5. Несмотря на то что Тхук Фан был выходцем из сычуаньского царства Шу, а Чиеу Да – циньским полководцем из Чжэньдина, объективная оценка их политики и их восприятие местным населением приводит к выводу о национальном, вьетском характере основанных этими двумя «китайцами» династий.

4.4.6. Область Сян эпохи Цинь никогда не включала в себя территории Северного и тем более Центрального Вьетнама.

4.4.7. Границы древнего Ванланга, или Лаквьета, включали территорию современного Северного Вьетнама, возможно, с незначительными анклавами в Гуанси и Гуандуне на севере, а на

юге они полностью или частично включали территорию современной провинции Нгеан.

4.4.8. В эпоху наибольшего расцвета ранней вьетской государственности при династии Чиеу границы Намвьета на юге оставались прежними, а на севере они включали циньские области Сян, Гуйлинь и Наньхай, или провинции Гуанси и Гуандун вплоть до Аньшаня.

Таким образом, датой начала зависимости лаквьетских территорий от различных общекитайских империй и южно-китайских царств или начала «Эпохи северной зависимости» является не 111 г. до н.э., а 44 г. н.э.

ЧАСТЬ II

Эпоха зависимости Вьетнама от общекитайских и южнокитайских династий

Глава 1

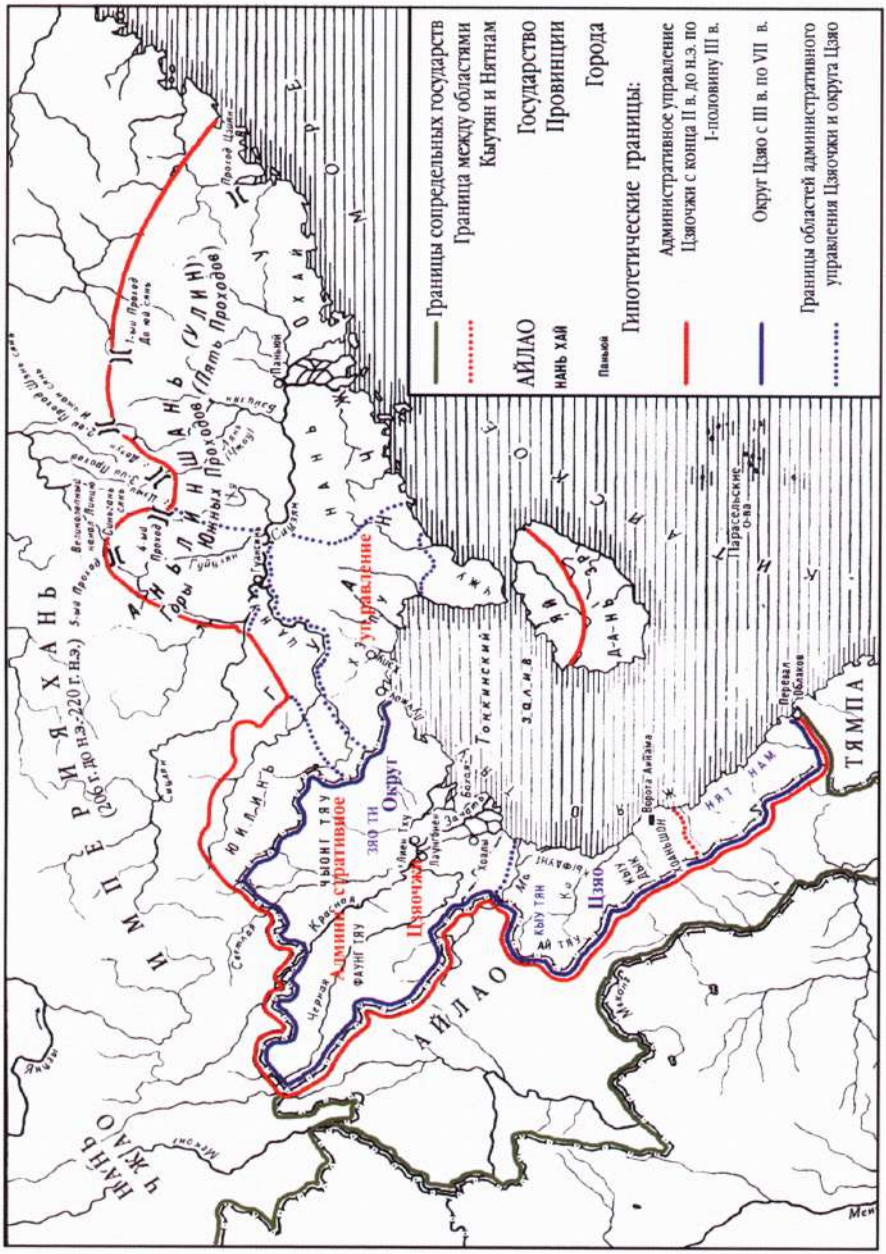
Зависимость от Восточной Хань, У, Вэй, Цзинь, Ранней Сун, Ци и Лян (44 – 540 гг.)

1. *Вьетнам в 44 – 187 гг.*

Политическая история трёх ханьских областей Зяоти, Кыутян и Нятнам, сформированных на территории древнего Лаквьета, в первой половине 1-го тысячелетия н.э. состоит главным образом из истории различных военных действий. Это либо восстания, либо междоусобицы между наместниками и префектами, либо военные столкновения с тямами. Значительный интерес представляет и тот факт, что власть китайских династий практически не распространялась на эту весьма отдалённую южную окраину империи, где полновластными хозяевами являлись имперские наместники. При этом зачастую император лишь формально утверждал в этой должности того, кто сумел силой или хитростью подчинить себе местную администрацию. Об этом свидетельствует тот факт, что как в китайских, так и во вьетнамских источниках сообщаемые о назначенных в административное управление Цзяочжи чиновниках сведения нередко противоречивы и касаются, как правило, лишь наместников, реже – префектов. При этом сопоставление текстов указанных источников показывает, что между ними нет принципиальных разночтений по этому периоду политической истории Вьетнама. Поэтому за основу взят наиболее полный вьетнамский летописный свод, в который включены почти все данные остальных источников[1], при этом в случае необходимости, его данные дополняются сведениями

[1] «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» [239].

из других китайских и вьетнамских хроник и летописных сводов.

Если исходить из, сформулированных в «Главе 4» предыдущего раздела выводов, то можно считать полностью установленным, что в результате похода Ма Юаня на территории современных вьетнамских провинций Тханьхоа и Нгеан была образована область Нятнам, а области Зяоти и Кыутян были окончательно подчинены имперской администрации. Таким образом, административное управление Цзяочжи в составе девяти областей с резиденцией наместника в уезде Гуансинь области Цану сложилось лишь к середине I в. н.э. При этом необходимо ещё раз указать на то, что в рамках этого административного управления была практически объединена вся территория бывшего государственного объединения, или царства Намвьет, и что тем самым династия Хань фактически признала и узаконила в рамках империи этнокультурное и политическое единство территорий Гуанси, Гуандуна и Северного Вьетнама.

Тем не менее политическая ситуация в регионе оставалась крайне сложной. Об этом свидетельствует отсутствие в источниках сведений по периоду с 44 по 58 гг. Возможно, это объясняется тем, что в только что «умиротворённых» вьетских областях административного управления Цзяочжи главную роль играли военные, которых оставил Ма Юань. Единственное упоминание в источниках о каком-то конкретном лице гражданской администрации – это назначение префектом области Нятнам Ли Шаня. И хотя (за исключением восхваления его добродетелей) никаких подробных данных о деяниях последнего в источниках не приводится[1], сведения последующих лет, относящиеся к 102 – 136 гг., всё же проливают определённый свет и на его правление. Под 102 г. сообщается что «до этого более трёх тысяч человек из уезда Тыонглам области Нятнам грабили народ [и] жгли общественные сооружения; [тогда] собрали армию в области [и её] уездах, чтобы умиротворить [разбойников]; удалось обезглавить вожаков, [их] сообщники

[1] Смотри «Главу 4» «Части I», а также «Комментарий», «Примечание 13» к указанной главе.

сдались; лишь после этого, чтобы защищаться от беспорядков в Тыонгламе, [там] была учреждена должность чиновника военного наместника». Если принять во внимание, что Тыонглам – это самый южный уезд области Нятнам, то интерпретация указанного события не вызывает сомнений: речь идёт о первом тямском набеге на вьетские территории[1]. А упоминание о «добродетелях» Ли Шаня в сочетании с противопоставлением «до этого» – «лишь после этого» приводит к следующему выводу: первый тямский набег произошёл между 58 и 75 гг. во время пребывания Ли Шаня на посту префекта области Нятнам, а должность военного наместника в области Нятнам была в учреждена 102 г. или чуть раньше [239.6, с.419, 421].

Судя по всему, учреждение должности военного наместника мало чему помогло. Во всяком случае, только после двенадцатилетней лакуны под 114 г. источники сообщают о весьма негативном предзнаменовании, а именно о том, что «в [области] Нятнам разверзлась земля более чем на 57 км.». Далее ещё одна лакуна в сведениях вплоть до 136 г., когда наместник административного управления Цзяочжи Чжоу Чан предпринял попытку усиления местной власти. В послании императору Благонамеренному династии Хань он предлагал преобразовать административное управление в округ с учреждением должности «правителя стороны [света]»[2]. Практически это означало бы значительное обособление Цзяочжи от империи и повлекло бы за собой резкое увеличение численности армии. Последнее оказалось бы возможным лишь за счёт уменьшения посылаемой ко двору дани. Предложение Чжоу Чана вызвало негативную реакцию. Более того, с этого времени в источниках при упоминании об административном управлении Цзяочжи говорится не о девяти, а о семи областях, так как из него были исключены области Даньэр и Чжуяй [239,6. с.421, 431, 433]. А это означало окончательную локализацию административного управления Цзяочжи в границах бывшего царства Намвьет[3]. После этого

сообщения о восстаниях и военных столкновениях в Нятнаме становятся непрерывными.

Летом 137 г. с юга в уезд Тыонглам вторглись несколько тысяч человек под руководством *мана*[4] Кху Лиена[5]. Надо полагать, что Кху Лиена поддержало местное население, так как наместник Цзяочжи Фань Янь оказался не в силах с ним справиться. Более того, десятитысячная армия областей Зяоти и Кыутян не только отказалась вторгнуться в Нятнам, но и прямо выступила против наместника, осадив его резиденцию. Последний, видимо, сумел успокоить солдат, но об экспедиции против восставших не могло быть и речи. Лишь через год придворный историк Цзя Чан привёл подкрепление и, присоединив к нему войска административного управления, попытался вторгнуться в Нятнам, но потерпел поражение. Более того, Кху Лиену удалось окружить ханьскую армию и блокировать её в течение года. К лету 139 г. положение этой армии было критическим. Поэтому при императорском дворе был собран совет для обсуждения сложившейся ситуации, при этом всерьёз дебатировался вопрос о посылке в Цзяочжи сорокатысячной армии из центральных округов. Однако это предложение было отвергнуто, так как его исполнение требовало крайне тяжёлых материальных и людских затрат. В результате было решено попытаться достигнуть соглашения с восставшими. С этой целью на пост наместника административного управления Цзяочжи был назначен некий Чжан Цяо, а префектом области Кыутян – Чжу Лян, которые уже сумели положительно проявить себя в такого рода мероприятиях. Вероятно, с помощью подкупов и посулов им удалось добиться прекращения военных действий. Учитывая же дальность путешествия и время, затраченное на переговоры, можно предположить, что относительное спокойствие было достигнуто не ранее лета 144 г. [239.6, с.433 – 445].

Однако в том же 144 г. после отъезда Чжан Цяо и Чжу Ляна в области Нятнам вспыхнуло новое восстание, которое поддержало и население области Кыутян. Новый наместник Цзяочжи Ся Фан, видимо, сумел договориться с восставшими,

и те сложили оружие. В источнике прямо сказано, что «Ся Фан действовал убеждением [и] милостью, мятежники покорились» [239.6, с.445]. За этот «подвиг» он получил повышение и был назначен префектом области Гуйян.

Следующий наместник Лю Цао вернулся к методам насильственного управления. Последствия не замедлили сказаться. Между 150 и 160 гг. вспыхнуло восстание в уезде Кыфаунг области Кыутян, которое возглавил местный житель Тю Дат. Восставшие объединились с манами, армия которых по-прежнему контролировала область Нятнам. Уже в первом бою был убит начальник уезда Кыфаунг. Затем потерпел поражение префект области Кыутян, который также был убит. В конце концов столичному охранителю Кыутяна Вэй Лану всё же удалось вытеснить восставших в Нятнам, но большего он добиться не сумел. Видимо, ситуация окончательно вышла из-под контроля имперской администрации, и поэтому в 160 г. наместником Цзяочжи снова был назначен Ся Фан, который вернулся к политике уговоров и компромиссов. По этому поводу в источнике говорится: «Фан издавна славился авторитетом, когда прибыл в область, то более двадцати тысяч разбойников пришли к Фану [и] сдались» [239.6, с.445 – 449].

Судя по всему, относительное спокойствие сохранялось до ухода Ся Фана с поста наместника. Возможно, он был отозван в империю или скончался, об этом в источниках ничего не сообщается. Но уже весной 178 г. вспыхнуло новое мощное восстание. На этот раз его возглавил вьет Лыонг Лаунг, к которому присоединилось население областей Зяоти и Хэпу, а также маны из района Уху в Гуандуне. Имперские войска оказались блокированными в крепостях. Глава обороны[6] Чжоу Юн не решался на какие-либо решительные действия против восставших. Поэтому в 181 г. ему на помощь был отправлен начальник уезда Ланьлин Чжу Цзюнь. Последний, видимо, был опытным военачальником. Поэтому, дойдя до границ административного управления Цзяочжи, он остановил наступление и отправил в лагерь восставших лазутчиков, которые путём подкупа и посулов сумели внести

раскол в ряды мятежников. После этого Чжу Цзюнь собрал все свои силы в единый кулак и нанёс удар по оставшимся верными Лыонг Лаунгу войскам. В результате восставшие потерпели поражение, а их предводитель был убит в сражении.

В тексте источника в одном месте говорится, что «[династия] Хань назначила Чжу Цзюня наместником», а в другом, что «Хань приказала начальнику уезда Ланьлин Чжу Цзюню оказать помощь Юну». Судя по дальнейшим событиям, верна вторая версия, так как в источнике говорится, что уже летом 184 г. восстал гарнизон области Зяоти, при этом восставшие казнили наместника Чжоу Юна и отправили к императорскому двору послание с сообщением о его «преступлениях». Из этого следует, что Чжоу Юн стал наместником административного управления Цзяочжи после Ся Фана и оставался им до лета 184 г. [239.6, с.449 – 453].

После гибели Чжоу Юна стало очевидным, что вооружённое вмешательство в дела удалённой от центра южной провинции империи и управление ею с помощью жёстких и насильственных мер лишь усиливает недовольство местного населения. Поэтому при дворе династии Хань было решено вернуться к политике мирных договорённостей с местной вьетско-ханьской элитой. В результате наместником административного управления Цзяочжи назначили опытного и мудрого политика Цзю Цуна[7]. Последний уже проявил себя в должности префекта области Хэпу, где он сумел стабилизировать обстановку, прекратив безудержный грабёж жемчуга, который являлся в Хэпу основным источником существования населения, и обменивался им на продукты питания, главным образом – на рис.

Прибыв в Зяоти Цзю Цун не только прибегнул к испытанной политике уговоров, посулов, подкупов и компромиссов, но и казнил наиболее жестоких представителей ханьской администрации. Таким образом, основные требования восставших были удовлетворены, и в административном управлении воцарилось спокойствие[8].

Цзю Цун пробыл в Цзяочжи три года и в 187 г. был отозван ко двору, где в награду получил должность мужа – советника, а наместником административного управления впервые был назначен вьет по имени Ли Тиен [239.6, с.453 – 461]. Его назначение знаменует собой качественно новый этап в политической истории Вьетнама «Эпохи северной зависимости». Однако, прежде чем переходить к его описанию, представляется целесообразным подвести предварительный итог событиям вьетнамской истории 44 – 187 гг.

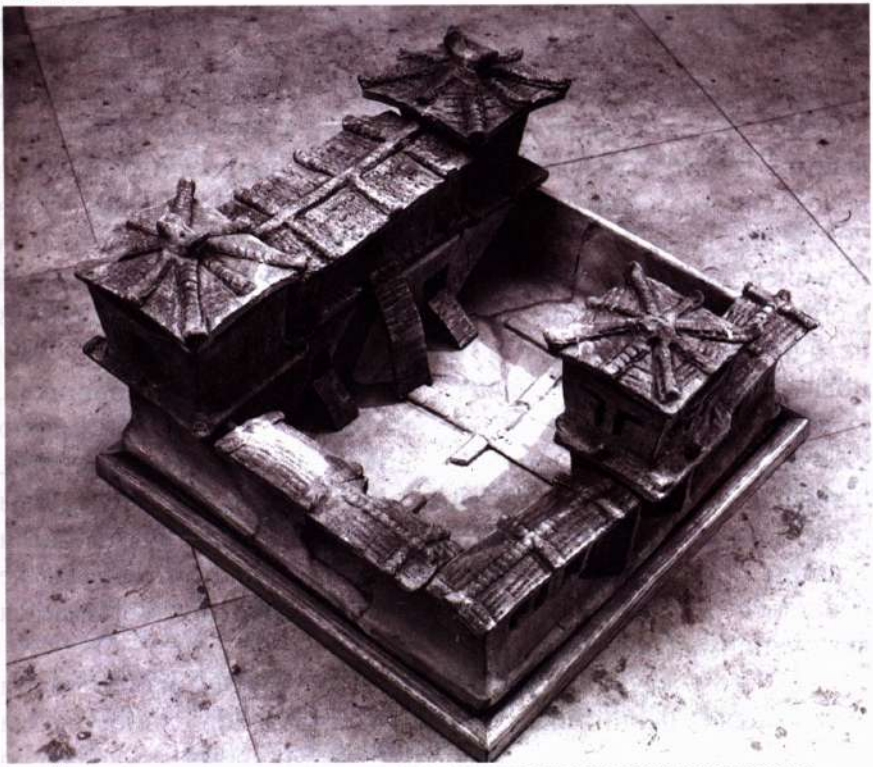
Весь изложенный выше материал позволяет сделать следующий достаточно принципиальный вывод:

Между 58 и 75 гг.империя Хань начала мало помалу терять реальную власть над областями Зяоти, Кыутян и Нятнам в Северном и северной части Центрального Вьетнама. Этот процесс начался с наиболее южной области Нятнам, которая после 137 г. уже находилась под контролем местных вождей. Последние же опирались на поддержку «южных варваров», или *манов*, которые на самом деле были насельниками возникшего во второй половине I в. и постоянно усиливавшегося тямского государства. И именно «южные варвары» или *маны* в это время были лидерами выступлений против имперской администрации.

Со 144 г. восстания охватывают соседнюю с Нятнамом область Кыутян, а со 178 г. они распространяются и на область Зяоти. Более того, они распространяются на южнокитайскую область Хэпу и другие примыкающие к области Зяоти районы Гуандуна. При этом с конца второй четверти II в. лидерами восстаний постепенно становятся *вьеты*, хотя *маны* всё ещё играют в них значительную роль.

Поворотным моментом в отношениях империи с вьетскими областями стало восстание 184 г., центром которого была область Зяоти. Его основной силой стали войска, набранные из местного населения и из осевших во Вьете и в Гуандуне переселенцев из империи. Не вызывает сомнения, что это восстание было поддержано и местным вьетским населением. С этого времени имперские власти вынуждены

удовлетворяться получением номинальной дани из Цзяочжи, тогда как руководство этим административным управлением полностью переходит в руки местной элиты, которая сформировалась в результате смешения вьетской знати с осевшими во Вьете ханьцами. Процесс установления такого статус-кво занял три года и завершился в 187 г. назначением на пост наместника представителя этой элиты – вьета Ли Тиена.

Даже такие дома-крепости плохо защищали ханьских чиновников.
Тханьхоа, 0,425 X 0,460 м, обожженная глина, эпоха Хань.
№ 0359 2324 / 1 Musée Guimet

Следовательно, ни о каком безоговорочном господстве империи Хань над вьетскими областями Зяоти, Кыутян и Нятнам на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама после 75 г. говорить не приходится,

при этом между 178 и 187 гг. империя де-факто теряет над ними даже остатки реальной власти.

2. *Проблема Си Ниепа и окончательное обособление Вьета в 187 – 227 гг.*

Одновременно с назначением Ли Тиена наместником административного управления Цзяочжи несколько других вьетов также получили различные должности и посты в управлении[9], но ключевым событием стало назначение Си Ниепа префектом области Зяоти. Вероятно, Ли Тиен и Си Ниеп со своим кланом, овладевшие к 187 г. всей полнотой власти в административном управлении Цзяочжи, достаточно быстро стали вызывать при ханьском дворе подозрение в нелояльности и сепаратизме. Поэтому неудивительно, что в 201 г. Ли Тиен был отозван в империю, а на его место был назначен некий Чжу Фу, который, назначив верных ему людей в области и уезды, вернулся к практике жестоких репрессий. В источнике говорится: «Прежде наместник Чжу Фу преимущественно назначал начальниками сообщников, угнетал [и] грабил сто семей, вынуждал платить [чрезмерно тяжёлые] налоги, сто семей ненавидели [его], подняли солдат, напали на округ, жгли области, Фу бежал в море, [но] был [ими пойман и] убит» [239.6, с.475]. Но хотя в источнике и сказано «сто семей»[1], совершенно очевидно, что здесь не обошлось без вмешательства Си Ниепа, что подтверждается дальнейшими событиями.

В том же 201 г. вместо убитого Чжу Фу наместником был назначен некий Чжан Цзинь, который в 203 г. вместе с Си Ниепом подал ханьскому императору Мудрому прошение о преобразовании административного управления в округ. В отличие от 136 г. прошение было удовлетворено. Вместо административного управления Цзяочжи был учреждён округ Цзяо, уравненный в правах с другими округами империи, а Чжан Цзинь был назначен его руководителем. Однако

---

[1] 姓百 (вьет. *bách tính*, кит. *бай син*, «сто семей» или «сто родов»): обобщающий термин, который следует понимать как «все люди».

практически всеми делами в округе заправлял Си Ниеп, который сумел после убийства Чжу Фу и его ближайших помощников добиться назначения на их места своих младших братьев. Си Нят стал префектом области Хэпу, Си Ви – префектом области Кыутян, а Си Ву – префектом области Наньхай [239.6, с.475 – 479]. Таким образом, в руках клана Си оказалась реальная власть над всей территорией Северного Вьетнама и примыкающей к ней территорией Гуандуна. Что же касается области Нятнам, находившейся в северной части Центрального Вьетнама, то к этому времени она уже полностью контролировалась тямами. При этом интересно отметить, что Си Ниеп не стремился стать наместником, ограничившись, видимо, устранением неугодных ему представителей империи.

Вскоре после описанных событий одним из офицеров округа был убит Чжан Цзинь, и правитель округа Цзин Лю Бяо собственной властью назначил наместником округа Цзяо начальника уезда Линлин Лай Гуна, а другого своего сторонника У Цзюя он назначил префектом области Цану вместо умершего префекта Ши Хуана. К этому времени династия Хань практически утратила свою власть в империи. В условиях междоусобных войн крупные чиновники ханьской провинциальной администрации стремились укрепить собственное влияние и, главным образом, выжидали победы той или иной группировки, чтобы присоединиться к ней. Именно в этих условиях император Хань объявил Лю Бяо мятежником и назначил Си Ниепа наместником округа Цзяо с совмещением должности префекта области Зяоти. В ответ на это, несмотря на разгоравшуюся смуту, последний направил ко двору посольство с дарами, за что был пожалован почётными званиями и титулами. Таким образом, Си Ниеп продолжал сохранять формальную верность династии Хань, однако в самом округе он по-прежнему методично избавлялся от соперников. Так, например, ему удалось столкнуть У Цзюя с Лай Гуном, в результате чего последний потерпел поражение и был вынужден бежать [239.6, с.483 – 485].

К 210 г. обозначился процесс постепенного раскола империи Хань на три царства, завершившийся к 220 г. когда Цао Пэй провозгласил себя императором царства Шу-Хань. В 221 г. Лю Бяо объявил себя императором царства Вэй. Наконец, в 222 г. правитель царства У, Суньцюань, первоначально признавший верховную власть царства Шу и даже получивший от Цао Пэя титул короля вместе с властью над округами Цзин и Цзяо, также принял титул императора [472, с.23]. Однако, надо полагать, реальную власть над южными территориями Суньцюань получил не позднее 210 г., так как именно в этом году он назначил своего ставленника Бу Чжи наместником округа Цзяо. Весьма любопытно, что Си Ниеп не воспротивился назначению уского наместника и, заявив о готовности своего клана служить Суньцюаню, отправил в царство У посольство с богатыми дарами. Кроме того, его сын Си Хам стал заложником при дворе У. Благодаря этому все привилегии клана Си были подтверждены, а сам Си Ниеп был пожалован новыми титулами.

Таким образом, несмотря на политические перемены в империи власть в округе Цзяо по-прежнему оставалась в руках Си Ниепа вплоть до его смерти в возрасте девяноста лет. Всего же он правил округом в течение сорока лет: со 187 по 226 гг. Фигура Си Ниепа является знаковой для того времени, поэтому о нём достаточно много писали как китайские, так и вьетнамские историографы. Так, в китайских источниках Си Ниеп восхваляется как образцовый префект области, отличившийся добродетелью и просвещённостью, сумевший на протяжении сорока лет сохранить вверенную ему мятежную территорию в спокойствии [472, с.22, 23][10]. Как имперского чиновника его оценивает в своих критических замечаниях к летописному своду XIX в. и вьетнамский император[11], который даёт Си Ниепу весьма нелестную оценку:

«Критика: Си Ниеп [это всего] лишь префект [династии] Хань, в зависимости от обстоятельств низко угодничал, лишь стремился к собственной выгоде, совершенно не имел [ни] мужества, [ни] таланта, [ни] высоких замыслов, лишь сам

передал [власть] по наследству [и] погиб, [это] недостойно похвалы, [а в] "Древней истории" [говорится, что даже младший] охранитель [Чиеу] Да не превзошёл [его]. Разве это не чрезмерная похвала?» [239.6, с.491, 493].

Надо отметить, что император был совершенно прав, говоря о принципиально иной оценке, данной Си Ниепу в «Древней истории», под которой подразумевается летописный свод XV в. Его составитель Нго Ши Лиен выделил правление Си Ниепа в особый раздел под названием «Эпоха короля Си», в котором подробно описал политические события, связанные с деяниями последнего. В заключение вьетнамский историограф даёт ему следующую оценку:

«[Я], историограф Нго Ши Лиен, скажу [так]: "Наша страна постигла [«Книгу] Песен» [и «Книгу] Истории», обрела обряды [и] музыку, [стала] просвещённым [государством, всё это] началось с короля Си. Такой подвиг добродетели принадлежит не только времени одного [правления, но и] постоянно влияет на [все] последующие [правления]; разве это не великое [свершение]? [То же, что] дети [были] лишены мудрости, [лишь] вина [самих] детей"» [236.1, кн.3, с.12а].

Сходную с этой характеристику Си Ниепу даёт и составитель утерянного на сегодняшний день летописного свода конца XIII в. Ле Ван Хыу:

«Король Си был великодушен [и] скромен, почитал учёных людей, пользовался любовью [людей и] добился процветания одного правления; Кроме того, ясно [постиг] великий смысл [книг], понимал ситуацию [и], хотя талантом [и] храбростью не был равен императору Воинственному Чиеу [Да], терпел [собственное] унижение, поклоняясь большой стране, [чтобы] сохранить территорию в целости. [его] всё же можно назвать умным [человеком].

Очень жаль, что наследовавшие [ему] дети не смогли продолжить дело предыдущего [правления], позволили снова разделить [наш] процветающий Вьет [на части]. [О, как] это печально!» [236.1, кн.3, с.11б].

Что же касается неофициальных вьетнамских исторических источников, то их оценка Си Ниепа как независимого вьетского государя ещё более категорична [196.2, с.107 – 112].

Итак, китайские и вьетнамские источники, излагая в целом идентично деятельность Си Ниепа[I], содержат две принципиально отличающиеся друг от друга оценки его личности, при этом в обеих указанных оценках он сравнивается с Чиеу Да – основателем древнего вьетского государства Намвьет, что вряд ли может быть случайностью. Соответственно в китайских источниках и вьетнамском летописном своде XIX в. Си Ниеп характеризуется как преданный, усердный и добродетельный имперский чиновник, но в китайских – со знаком плюс, а во вьетнамском – с негативным оттенком, при этом его сопоставление с Чиеу Да воспринимается как завышенная оценка этого «прислужника» империи. Иное дело вьетнамские своды XIII и XV вв., в которых Си Ниеп именуется «король Си» и уподобляется основателю царства Намвьет, хотя и не ставится на один уровень с ним. В свете этого противоречия и учитывая ключевой характер личности Си Ниепа для понимания последующих процессов первой половины «Эпохи северной зависимости», представляется необходимым сосредоточиться на характеристике Си Ниепа во вьетнамском летописном своде XV в., так как в ней практически дословно повторяются данные китайских источников, которые также воспроизведены в текстах неофициальной вьетнамской историографии.

«Красная Свинья. Год 21-ый [короля Си]. Год 12-ый [эры] Созидания спокойствия [династии] Хань[II].

Юань Хуй [династии] Хань обратился к министру [министерства] приказов Сюнь Юю со следующим письмом:

"В округе Цзяо военный правитель Ши [Се] глубоко [и] широко образован. К тому же [он] искусен в политических

[I] Разночтения отмечаются только в степени подробности изложения материала.

[II] 207 г.

делах, во время великих беспорядков более двадцати лет сохранял спокойствие в области, [на] территории [которой их] не было вообще, у народа нет недостатка в пище, те, кто побывал там, вспоминают [о нём] с благодарностью. Разве Доу Жун[12], управлявший [землёй] Хэси, поступал лучше, [чем он]? Когда имеет немного свободного от службы времени, то наслаждается комментариями [к] «Книге [Истории» и] «Комментарием господина Цзо» к [хронике Конфуция] «Вёсны [и] Осени». Обнаружив какие-либо непонятные места в исторических книгах, я всегда обращаюсь [к нему, и] он тут же объясняет [мне] всё сомнительное. [Это соответствует] наставлениям Учителя[I], [а его мысли] ясны [и] глубокомудры. К тому же он постиг ясно и полностью великий смысл прошлого и настоящего, [который несёт в себе] «Книга Истории».

[Его] старшие [и] младшие братья – все являются префектами областей. Сам [он] является мощным руководителем одного округа, живёт отдельно в месте крайне удалённом, никто не имеет [там] большего авторитета, [когда] выходит [к людям и] входит [во дворец], то играют колокола и музыкальные плиты, разносятся звуки труб и флейт, [всё это выглядит] очень величественно. [При этом] конные колесницы заполняют дорогу, до нескольких десятков человек людей Ху[13] составляют эскорт [его] колесницы и воскуряют благовония. Старшая и младшая жёны сидят в колесницах, дети и младшие [родственники] следуют за конными воинами[II]. Эти величие и блеск [вынудили] всех манов содрогнуться и покориться [ему]. Даже младший охранитель Чжао То и то не превзошёл [его]"» [236.1, кн.3, с.10а, 10б].

Приведённый текст, вне всякого сомнения, характеризует Си Ниепа как самостоятельного правителя, открыто использующего символы власти, и уж, во всяком случае, не как обычного префекта области Зяоти, каковым он официально являлся на всём протяжении своего пребывания у

[I] Конфуций.
[II] Гвардия.

власти. При этом сравнение Си Ниепа с Чиеу Да является ключом для понимания скрытого смысла этого текста. И тот и другой были выходцами из империи[14], и тот и другой вели себя как правители независимого государства в своей внутренней политике, но если Чиеу Да открыто уничтожил своих противников, объявил себя императором и противопоставил себя династии Хань, а затем лишь формально согласился признать сюзеренитет империи, то Си Ниеп во внешней политике вёл себя иначе. Соглашаясь именовать себя наместником округа и даже префектом области, посылая дары то династии Хань, то династии У, он сосредоточил в своих руках всю полноту власти в округе Цзяо, а неугодных ему имперских чиновников он либо изгонял из округа, либо казнил. Таким образом, при Си Ниепе впервые с момента ханьского завоевания в 44 г. вьетские территории практически независимо управлялись новой местной знатью, сформировавшейся в результате традиционной вьетской элиты с осевшими в стране выходцами из империи. Отсюда – логичное для вьетнамских историографов сравнение Си Ниепа как независимого государя, сумевшего добиться практической независимости от империи, с Чиеу Да. Не менее логична и позиция китайских историографов, которые даже государя Намвьета, не говоря уже о Си Ниепе, представляли как добродетельного подданного династии Хань. В их интерпретации и тот и другой являлись единственными «имперскими» правителями Вьета, при которых «южные варвары» сохраняли спокойствие.

Следовательно, период вьетнамской истории со 187 по 226 г. – это период практической независимости вьетских территорий, скрываемый формальной зависимостью от империи Хань и китайских государств эпохи Троецарствия, территорий, которые управлялись «скрытым правителем» Си Ниепом.

В 226 г., узнав о кончине Си Ниепа, У Суньцюань разделил округ Цзяо на два округа: его четыре южные области Хэпу, Зяоти, Кыутян и Нятнам остались в составе округа Цзяо,

а области к северу от Хэпу были объединены в округ Гуан[I]. Наместником округа Гуан был назначен Люй Дай, наместником округа Цзяо – Дай Лян, а префектом области Зяоти – Чэнь Ши[15]. Люй Дай остался в Наньхае, а Дай Лян вместе с Чэнь Ши направились в Цзяо.

Когда они добрались до Хэпу, то вопреки мнению старых придворных Си Ниепа, которые убеждали его сына Си Хюи продолжить политику отца, последний решил начать войну против У.

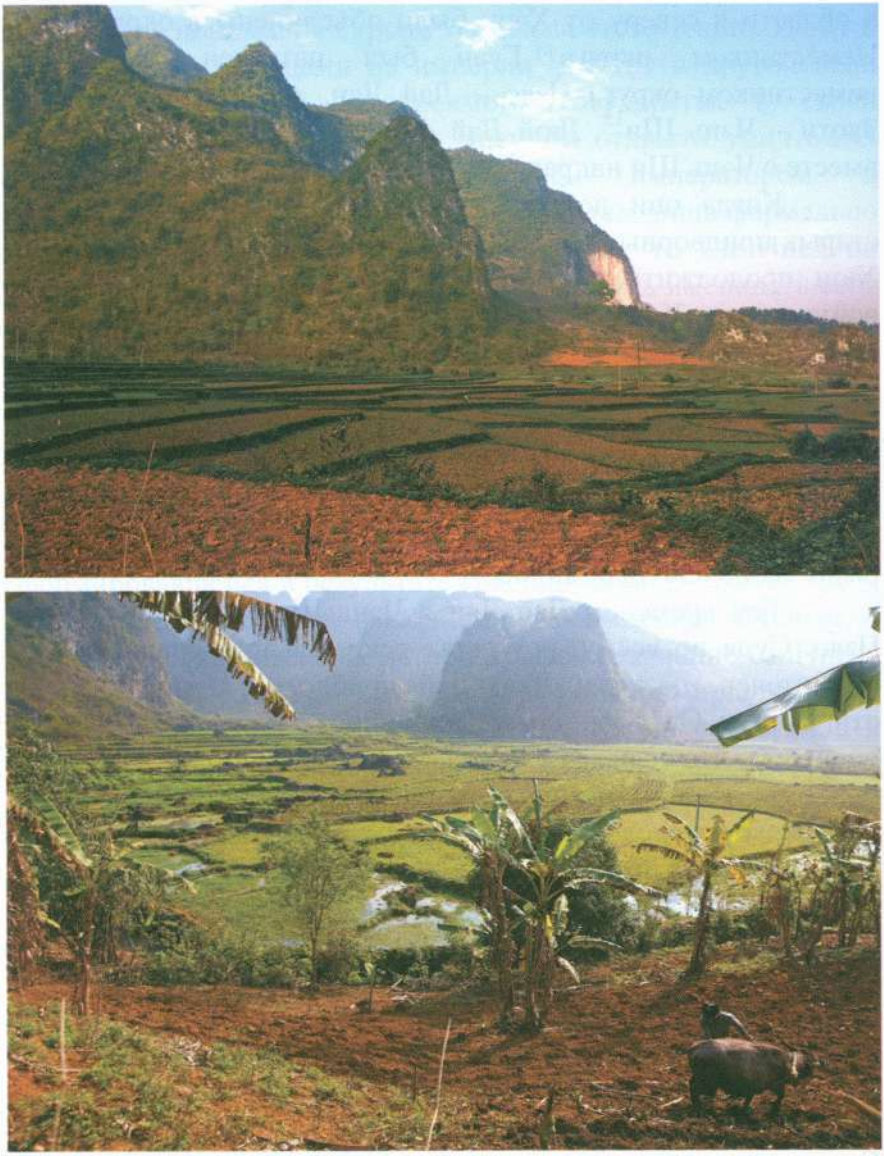
В результате конфликта Си Хюи с его приближёнными один из сподвижников Си Ниепа по имени Хуань Линь был насмерть забит плетьми. Тогда клан семьи Хуань во главе с Хуань Чжи и Хуань Фа, братом и сыном убитого, восстали против Си Хюи и осадили его крепость. Однако ни одной из сторон не удалось добиться преимущества, и между ними было заключено перемирие.

Тем временем Дай Лян и Чэнь Ши вторглись в округ Цзяо. Судя по всему, результат решительного сражения был сомнителен, поэтому Люй Дай прибегнул к хитрости. Он отправил к Си Хюи его двоюродного брата Си Кхуонга[II], пообещав, что если тот сдастся, то лишь «лишится [должности] префекта области, но никаких других [последствий] не будет. Дай скрытно следовал за Кхуонгом. Старший брат Хюи [по имени] Ки, младшие братья Кан [и] Тунг, всего шесть человек, обнажёнными вышли навстречу Даю» [239.6, с.499].

Последний сделал вид, что их простил, но уже на следующий день приказал их казнить, а голову Си Хюи отослал в Учан. Оставшиеся в живых члены клана Си, Нят, Ви и Кхуонг были разжалованы в простолюдины и вывезены в царство У. Та же участь постигла и Си Хама – сына Си Ниепа, который ещё в 210 г. был отправлен заложником ко двору Суньцюаня.

[I] То есть деление округа Цзяо на одноимённый округ и округ Гуан де-факто совпадало с «федеративным» делением царства Намвьет во II в. до н.э.

[II] Си Кхуонг: сын Си Нята.

Пейзаж, мало чем отличающийся от того, который люди видели восемнадцать – девятнадцать веков тому назад.
Северный Вьетнам. 28.03.2011 г.

Впоследствии, видимо, из-за попытки к бегству, Си Нят и Си Ви также были казнены, а сын первого Кхуонг ещё до

того «умер от болезни». Последним умер Си Хам. Таким образом, клан Си был полностью истреблён. Однако это не означало восстановления спокойствия в округе. После смерти Си Хама вспыхнуло восстание, которое возглавили один из военачальников Си Хюи по имени Гань Ли и упоминавшийся ранее Хуань Чжи. Люй Дай сумел довольно быстро разгромить восставших, за что получил титул маркиза Паньюя.

Если при жизни Си Ниепа тенденция вьетских территорий, выделенных в 226 г. в округ Цзяо, к сепаратизму ещё как-то камуфлировалась, то после его кончины она стала очевидной. Не менее очевидным стало и то, что их обособление в рамках отдельной административной единицы де-факто подтверждало этнокультурное единство этих территорий и являлось дополнительным фактором, стимулировавшим выступления вьетов против империи. Поэтому после подавления восстания Гань Ли и Хуань Чжи округ Гуан был ликвидирован и округ Цзяо был восстановлен в прежних границах, а его наместником был назначен Люй Дай. В источниках указана дата кончины Си Ниепа: 226 г. При этом начало вышеописанных событий, которыми завершается период практически независимого управления вьетскими территориями кланом Си, в одном источнике датируется 227 г., а в другом вообще не датируется. Последующие же события и в том, и в другом источнике датируются 231 г. Таким образом, события, связанные с ликвидацией клана Си и подавлением восстания Гань Ли – Хуань Чжи, представляется возможным датировать 226 – 230 гг. [236.1, кн. 3, с.11б, кн. 4, с.1а – 2б; 239.6, с.495 – 505, 507][16].

3. *Округ Цзяо в 228 – 540 гг. Проблема вьетских «скрытых» династий и правителей*

Хотя ставшему наместником Люй Даю и удалось уничтожить могущественный клан Си и его сторонников в области Зяоти и в других, более северных областях округа Цзяочжи, ситуация в его южных областях оставалась крайне напряжённой. Как уже говорилось, область Нятнам

практически вышла из состава округа, а в области Кыутян положение имперской администрации было весьма шатким. Об этом свидетельствует тот факт, что ещё в начале правления Си Ниепа при Восточной Хань вновь присланный префект Нятнама Хуан Гай, приказавший забить до смерти местного правителя, едва спасся бегством, а префект Кыутяна Дань Мэн, оскорбивший местную знать, был убит [239.6, с.509 – 511]. Поэтому Люй Дай предпринял поход на Кыутян, где ему удалось разгромить мятежников. В результате этой победы он получил богатые дары и, видимо, предложения о мире от государей Фунани, Тямпы и Танмина[17]. Однако источники ничего не сообщают об области Нятнам, которая, надо полагать, по-прежнему не подчинялась имперской администрации [239.6, с.505 – 507].

В 231 г. в Улине произошло восстание национальных меньшинств[18], и Люй Дай как отличившийся в южных походах военачальник был отозван из округа Цзяо, с тем чтобы возглавить экспедицию против мятежников. Однако вскоре его вернули в Цзяо на должность правителя округа. Формальным основанием для этого послужило послание префекта области Хэпу Сюэ Цзиньвэня императору царства У, тогда как на самом деле его возвращение объясняется взрывоопасной ситуацией на стратегически важных вьетских территориях, которая требовала присутствия решительного и умелого руководителя в округе [239.6, с.507, 517].

Тем не менее относительное спокойствие в округе сохранялось недолго. Так, источники сообщают, что «[Население] Кыутяна, как прежде, грабило города [и] сёла, округ [и его] области были в волнении», а руководила этим «населением» женщина, известная под именем «госпожа Чису»[19]. Лишь в 248 г. назначенный наместником Лу Инь сумел подавить восстание, при этом сообщается, что «Инь прибыл на территорию [области], успокаивал [и] убеждал, более тридцати тысяч семей покорились» [239.6, с.519, 521]. Из этого текста следует, что речь идёт не о серии разрозненных мятежей, а об одном большом восстании,

длившемся около трёх лет. Весьма примечателен и тот факт, что во главе восстания стояла женщина. В данном случае прослеживается прямая аналогия с восстанием сестёр Чынг в 40 – 44 гг., свидетельствующая о том, что женщины продолжали играть значительную роль во вьетском обществе той эпохи.

Весь последующий период вьетнамской истории окрашен борьбой за господство над Вьетом южнокитайских царств У, Вэй и Цзинь, чем ловко пользовались представители новой местной элиты в округе. Так, в 263 г. некий Лю Син убил вновь присланного царством У префекта области Зяоти Дэн Сюня вместе с его предшественником Сунь Сюем, а затем обратился за покровительством к царству Вэй. При этом сообщается, что «[Области] Кыутян [и] Нятнам поддержали [эту просьбу]». В ответ на это Уский Суньхао в 264 г. попытался сохранить под своей властью хотя бы часть округа Цзяо. Он преобразовал области Наньхай, Цану и Юйлинь в округ Гуан с резиденцией наместника в Паньюе, а области Хэпу, Зяоти, Кыутян и Нятнам остались в составе округа Цзяо, резиденцией наместника которого стал Лаунгбиен [239.6, с.523, 525, 527]. На практике это означало завершение процесса окончательного обособления собственно вьетских территорий Северного Вьетнама, начавшегося в 226 г. после смерти Си Ниепа.

Положение неустойчивого равновесия и чехарда наместников в округе Цзяо продолжались вплоть до 271 г. Хронологически это выглядело следующим образом:

1. 264 г. Царство Вэй назначило Люй Сина генералом армии Умиротворённого Юга[20], с тем чтобы он руководил военными делами непосредственно в округе Цзяо, а наместником округа Цзяо был назначен инспектор армии Хо И, для осуществления общего руководства округом из Наньчжуна. Последний назначил префектом области Зяоти своего ставленника некоего Цуань Гу[1]. В том же году ответственный за общественные работы Ли Тун убил Люй Сина и Цуань Гу.

[1] Иногда Цуань Гу 谷爨 также именуют Фань Гу 谷樊.

2. 265 г. Царство Цзинь назначило префектом области Зяоти Ма Жуна, который в том же году заболел и умер. Тогда Вэйский Хо И назначил вместо него некоего Ян Цзи.

3. 268 г. Царство У назначило наместником округа Цзяо Лю Цзюня, которому было приказано изгнать из округа Ян Цзи. Но случилось наоборот – Ян Цзи разгромил войска У в Хэпу и убил Лю Цзюня, после чего он назначил своих наиболее отличившихся военачальников Мао Цзюна и Дун Юаня префектами Юйлиня и Кыутяна соответственно.

4. 269 – 271 гг. В 269 г. царство У направило войска против Ян Цзи, которыми командовали инспектор армии Юй Фань, генерал армии Сюе Сюй и префект области Цану Тао Хуан[21]. Инспектор армии Ли Сюй[1] и инспектор войск Сюй Цунь, наступавшие морским путём через Цзяньань, должны были объединиться с основными силами в Хэпу. Ли Сюй испугался трудностей морского пути, убил офицера-проводника Фэн Фэя и вернулся на исходные позиции, за что он и Сюй Цунь были казнены. После этого Юй Фань, Сюе Сюй и Тао Хуан возобновили наступление и вступили в сражение с войсками Ян Цзи, которыми командовал Дун Юань. На первом этапе уские войска потерпели поражение и отступили в Хэпу. Однако затем Тао Хуан сумел серией неожиданных ударов, а также при помощи хитрости и подкупов овладеть округом. Дун Юань был убит в сражении, Мао Цзюн был казнён, а Ян Цзи был захвачен в плен и отправлен ко двору У, но в пути заболел и умер. Наконец, в 271 г. династия У, высоко оценившая заслуги Тао Хуана, назначила его наместником округа Цзяо [239.6, с.533 – 541].

Если период с 228 по 263 г. был временем относительно прочной зависимости Цзяо от царства У, а 263 – 271 гг. – временем, когда оно стало зоной военных действий между царствами У, Вэй и Цзинь, то приблизительно с 271 г. наступает довольно длительный период его полунезависимого

---

[1] Ли Сюй 勗李. Согласно примечанию вьетнамских историографов XIX в., в своей «Записи истории Великого Вьета, полном описании» Нго Ши Лиен неверно называет его «Ли Дин» 鼎李 [236.1, кн. 4, с. 5а; 239.6, с.532].

существования, связанный с именем Дао Хоанга[1]. В источнике говорится: «Хоанг – [человек] умный, жалеющий бедных [и] страдающих, готовый помочь, поэтому привлёк [к себе] людские сердца. Не было человека, который бы не обрадовался [его] назначению, куда бы [Хоанг] ни приходил – [везде] побеждал» [239.6, с.543]. Видимо, Дао Хоанг, опираясь на полную поддержку местной элиты и населения округа, стал слишком независим в своей деятельности. Поэтому император У принял решение о переводе Дао Хоанга на должность столичного инспектора Учана и назначил вместо него префекта области Хэпу Сю Юня. Однако это решение пришлось отменить. Согласно версии источника, Дао Хоанг был оставлен в округе потому, что «тысячи местных жителей просили» об этом, но, скорее всего, Дао Хоанг под каким-то благовидным предлогом сам отказался от этого сомнительного повышения, тогда как династия У просто не располагала достаточной силой для его насильного удаления из округа. О силе этого правителя свидетельствует тот факт, что вплоть до 280 г. династия У подтверждала его статус наместника округа Цзяо, а затем, после покорения царства У царством Цзинь, государь последнего оставил Дао Хоанга в той же должности. Об этом же свидетельствует и то, что когда в 280 г. династия Цзинь приняла решение о сокращении местных войск в бывших уских округах, оно не коснулось округа Цзяо. Известно, что Дао Хоанг отправил ко двору Цзинь послание, в котором аргументировал необходимость иметь в своём распоряжении значительные воинские силы следующими причинами. Во-первых, было необходимо противостоять угрозе с юга, где «Предводитель [варваров] *и* Фам Хунг издавна был разбойником [и] грабителем, постоянно разорял население, к тому же объединился с Фунанью...». Во-вторых, существовала угроза с севера, где на юге округа Гуан

[1] Уский военачальник Тао Хуан, став в 271 г. наместником округа Цзяо, по сути дела, превратился в «скрытого» вьетского государя и основателя «скрытой» национальной династии Дао. Поэтому с этого момента его имя следует произносить во вьетнамской фонетике как «Дао Хоанг».

оставалось более пятидесяти тысяч, а в Гуйлине – более десяти тысяч семей, «не пожелавших покориться» царству Цзинь, при этом ещё не менее пяти тысяч семей признали его господство лишь «по принуждению». В-третьих, отмечалась возможность лёгкого вторжения как водным, так и сухопутным путём из земель Хынгко округа Нинь в Цзяо, что, видимо, свидетельствовало о напряжённой ситуации и в этом районе.

Возражая против сокращения подчинённых ему войск перед лицом этих угроз, Дао Хоанг писал: «Кроме того, под командованием подданного всегда было более восьми тысяч человек. На Юге земли жаркие [и] влажные (в "*Древней истории*" ошибочно записано "приятные"), имеются ядовитые испарения. Ещё пришлось много лет сражаться [с разбойниками, солдаты] погибали от истощения, сейчас осталось всего две тысячи четыреста двадцать человек» [239.6, с.547 – 551]. Но Дао Хоанг явно лукавил, так как в письме речь идёт лишь о профессиональных воинах. Но ведь, как известно, были ещё и вспомогательные части. Кроме того, в распоряжении наместника находились туземные войска, и в случае необходимости он мог провести дополнительную мобилизацию среди поддерживавшего его местного населения. Таким образом, Дао Хоанг легко мог выставить двадцати – тридцатитысячную армию. Надо полагать, что при дворе Цзинь об этом были прекрасно осведомлены, но тем не менее аргументация Дао Хоанга была принята и решение о сокращении численности бывших уских войск в округе Цзяо было отменено.

Во время правления Дао Хоанга в округе сохранялась относительно спокойная обстановка. В первые же годы после прихода к власти он предпринял решительные меры, чтобы лишить тямов возможной поддержки со стороны в случае их вторжения в области Кьутян и Зяоти. Для этого он прибегнул к более дробному административному делению территорий, на которых обитали племена *и* и *лао*, создав новые области Тансьонг, Вубинь и Кьудык. Область Тансьонг находилась на землях древнего округа Фаунг в современной провинции

Шонтэй, область Вубинь – в районе древнего уезда Фаунгкхе на стыке современных провинций Хынгиен и Тхайбинь, а область Кыудык, включавшая территорию древнего Вьеттхыонга, состояла из восьми уездов и локализовалась в районе современной провинции Хатинь. В результате на севере был усилен контроль над горными районами области Зяоти, граничившими с Гуанси, а на юге – по границе между областями Кыутян и Нятнам [239.6, с.533, 535, 541 – 545].

Совершенно особое положение Дао Хоанга подтверждается не только длительным периодом спокойствия в округе Цзяо, что само по себе было в то время явлением исключительным, но и последующими событиями вьетнамской истории до 353 г. После кончины Дао Хоанга «восстали пограничные войска Кыутяна» под руководством некоего Чиеу Ти. Восставшие захватили область, а её префект был изгнан. Вновь назначенный наместник округа У Янь[1] продолжил дело своего предшественника и не тронул его сторонников, так как в источнике сообщается о том, что он сумел «всех умиротворить, был на посту двадцать пять лет, население области [его] очень уважало. Сам поднёс прошение о замене» [239.6, с.553]. Таким образом, Дао Хоанг и У Янь, формально являясь наместниками династий У и Цзинь, на самом деле управляли им практически самостоятельно, благодаря чему в мятежном округе длительное время сохранялось спокойствие.

После смерти У Яня наместником был назначен некий Ко Би, а после его смерти местная элита выдвинула в наместники его сына Тхама, а после смерти последнего власть захватил его младший брат Тхо, который решил уничтожить возможных конкурентов в округе. Ему удалось убить одного из них по имени Ху Чжао, однако второму, инспектору войск Лыонг Тхаку, удалось бежать. После чего он собрал преданные ему войска, захватил Ко Тхо в плен и казнил его. Фактически Лыонг Тхак оказался первым лицом в округе, но,

[1] В источнике XIX в. имя У Янь написано иероглифами 彦昔, а в источнике XV в. – иероглифами 彦奘.

официально отказавшись от власти, он провозгласил наместником округа Цзяо префекта области Цану, сына Дао Хоанга – Дао Уи. Согласно источнику, «Уи вступил в должность, весь народ [его] любил, пробыл [наместником] тридцать лет [и] умер. Младший брат Уи, Тхук, сын [Уи], Туи, сменяя друг друга были наместниками. От [Тао] Цзи до Туи – четыре поколения были наместниками. Цзи – это отец Хоанга (в *«Древней истории»* ошибочно записано «дед [по линии отца])» [239.6, с.553, 555]. Все эти события в источниках не датированы и помещены в интервале с 280 по 318 г. Проблема их датировки будет затронута ниже при завершении описания данного периода вьетнамской истории.

В 318 – 323 гг. в округах Цзяо и Гуан произошёл ряд междоусобных столкновений. Они начались с того, что династия Цзинь повелела наместнику округа Гуан Ван Цзи разгромить Лыонг Тхака в округе Цзяо. Надо полагать, что тогда в округе Гуан правил клан Ван, так как Ван Цзи, отличившийся в борьбе с мятежниками как в Шу, так и в Гуйлине, наследовал должность наместника этого округа от своего отца, выходца из Чанша по имени Ван Ни. Судя по этому тексту, Лыонг Тхак, который привёл к власти потомков Дао Хоанга, сохранил в своих руках реальную власть в округе Цзяо. Ему удалось отбить нападение и разгромить часть войск противника, возглавляемых сторонником Ван Цзи в Цзяо неким Ду Цзанем. После этого Лыонг Тхак истребил всех потенциальных сторонников Ван Цзи и провозгласил себя наместником. Тогда Ван Цзи отступил в Юйлинь, объединил свои войска с войсками своего давнего сторонника, выходца из Шу – Ду Хуна и передал тому символы верховной власти в округе Гуан. К тому времени династия Цзинь назначила наместником округа Гуан одного из представителей клана Дао по имени Кхан, но Ван Цзи, Ду Хун и подчинённые последнего Вэнь Шао и Лю Чэнь не признали этого назначения. Тогда Дао Кхан вторгся в округ Гуан. Вэнь Шао и Лю Чэнь были убиты в сражении. Ван Цзи также потерпел поражение и, надо полагать, был погребён своими

сторонниками, так как в источнике говорится о том, что Дао Кхан повелел раскопать его могилу и обезглавил его труп.

Тем временем в округ Цзяо прибыл назначенный династией Цзинь новый наместник Ван Лян. Однако Лыонг Тхак не только не подчинился ему, но и, захватив силой резиденцию наместника, потребовал у последнего отдать символ власти[1]. Поскольку Ван Лян отказался отдать этот символ, то, согласно источникам, Лыонг Тхак отрубил ему руку, в которой тот его держал. Таким образом, Лыонг Тхак по-прежнему оставался наместником в округе Цзяо. Однако вскоре Дао Кхан направил против него войско под командованием Гао Бао. Лыонг Тхак потерпел поражение и был казнён. За заслуги «Император Цзинь назначил Кхана наместником округа Цзяо, пожаловал звание "Главнокомандующий – покоритель Юга, устанавливающий власть [и] обряды, объединяющий три учреждения"» [239.6, с.555 – 563].

Следующее сообщение о событиях в Цзяо датируется 353 г. и связано с совершенно другими людьми, что позволяет выделить период с 271 по 353 г. в отдельный период вьетнамской истории, внутреннее содержание которого невозможно понять, если не рассматривать его как единое целое. И.Н.Машкина, рассматривая этот период, выделяет «местного диктатора» Лыонг Тхака. Кроме того, она также указывает на значительную слабость центрального имперского правительства в период наместничества Дао Хоанга и его преемников [472, с.36 – 39]. Её выводы подтверждаются более чётко сформулированными выводами Д.В.Деопика. В рамках анализируемого периода он выделяет две «скрытые» династии Ко и Дао, которые правили соответственно с 300 по 318 и с 318 (323) по 353 г. и насчитывали по три правителя каждая

[1] Символ власти: то есть, половинка специальной таблички, которая удостоверяла личность её владельца. Вторая половинка хранилась при дворе правящей династии. В случае прибытия посольства из империи в округ или из округа ко двору совпадение двух половинок таблички подтверждало легитимность этого посольства.

[349, с.58]. Однако ни И.Н.Машкина, ни Д.В.Деопик не обратили внимания на достаточно серьёзные противоречия в данных источников.

Согласно источникам, Дао Хоанг прибыл в округ Цзяо не ранее 269 г. и находился в округе тридцать лет, то есть по 298 г. Сменивший его на посту наместника У Янь находился в округе, согласно вьетнамским источникам, двадцать пять лет, затем попросил о замене, и его просьба была удовлетворена, а согласно китайским источникам он, пробыв на посту наместника двадцать лет, заболел и умер [472, с.36, 37]. Если даже принять за основу меньшую цифру, то датой смерти У Яня является 318 г., который, согласно данным источников, является годом назначения Дао Кхана наместником. И.Н.Машкина, опираясь в своих исследованиях на китайские источники, называет Дао Кхана наместником округа Гуан. При этом она отмечает, что Дао Кхан «ненадолго – до 330 г. – получил должность цы-ши Цзяочжоу, оставаясь, тем не менее, в Гуанчжоу» [472, с.38]. В целом вьетнамские источники не противоречат китайским. В них, как и в последних, под 318 г. сообщается, что наместнику округа Гуан Дао Кхану было поручено руководить всеми военными делами в округе Цзяо, а под 323 г. говорится о его назначении наместником этого округа [239.6, с.555, 561, 563]. Поэтому более чем вероятно, что с 318 г., будучи наместником округа Гуан, Дао Кхан отвечал за военные действия в соседнем округе, наместником которого он был назначен лишь в 323 г., тогда как период с 318 по 323 г. – это время смуты в округе Цзяо. Всё это время округ управлялся одним из представителей местной элиты Лыонг Тхаком, который, восстановив власть «скрытой» династии Дао, прерванную правлением «скрытой» династии Ко после смерти Дао Хоанга, сначала правил от её имени, после чего провозгласил себя наместником округа. Сам же факт существования «скрытых» вьетских династий Дао и Ко, государи которых формально считались имперскими наместниками, не вызывает сомнения, при этом очевидно, что по логике событий Лыонг Тхак является одним из государей

«скрытой» династии Дао. Однако открытым остаётся вопрос о датах правления государей этих «скрытых» династий.

Согласно источникам, основатель династии Дао был сыном некоего Тао Цзи (Дао Ко), который происходил из Молина, принадлежащего Даньяну. В них также сообщается, что и Тао Цзи был наместником, но не уточняется в каком именно округе [239.6, с.541, 555]. В 269 г. Дао Хоанг сыграл решающую роль в подавлении смуты в округе Цзяо, за что в 271 г. император У назначил его наместником этого округа. С того времени возглавляемый им клан Дао сосредоточил в своих руках всю власть в округе Цзяо. В 280 г. Дао Хоанг скончался, и в том же или в 281 г. наместником округа Цзяо стал У Янь.

Видимо, в конце III в. происходит усиление другого феодального клана Ко. Интересно, что именно во вьетнамском источнике говорится о добровольной отставке У Яня, который, не исключено, сам рекомендовал назначить наместником главу клана Ко по имени Би. При этом версия о добровольной отставке У Яня логически соответствует положительному восприятию вьетнамскими историографами тридцатилетнего правления клана Дао, так как благодаря этой отставке У Янь, с одной стороны, сохранил репутацию добродетельного правителя, а с другой – избежал опасности покушения на свою жизнь. Как уже отмечалось, наиболее вероятной датой назначения Ко Би наместником является 300 г., а после смерти последнего «население округа вынудило [его] сына Тхама руководить делами округа», которого в свою очередь сменил его младший брат Тхо, захвативший власть в округе Цзяо [239.6, с.553]. Надо полагать, что наступление на позиции клана Дао начались уже при Ко Би, однако физическое уничтожение его представителей связано с правлением Ко Тхо, при котором оставшиеся в живых члены и сторонники клана Дао были вынуждены бежать в округ Гуан. Один из таких военачальников клана Дао по имени Лыонг Тхак собрал в округе Гуан верные ему войска, вернулся в округ Цзяо, убил Ко Тхо и провозгласил наместником сына Дао Хоанга –

префекта области Цану Дао Уи. Таким образом, формально было восстановлено правление «скрытой» династии Дао, при которой вся реальная власть находилась в руках Лыонг Тхака.

Такая ситуация сохранялась вплоть до возникновения первой серьёзной угрозы округу Цзяо со стороны другого самозваного правителя – Ван Цзи, когда династия Цзинь вознамерилась его руками уничтожить сепаратистов в Цзяо. В результате Лыонг Тхак официально взял власть в свои руки и, разгромив Ван Цзи, объявил себя наместником. После этого он открыто отказался повиноваться династии Цзинь, овладел главным городом округа Лаунгбиеном и убил присланного из империи наместника Ван Ляна. Таким образом, Лыонг Тхак официально провозгласил себя наместником не после разгрома Ван Цзи, как это следует из источников, а после убийства Ван Ляна.

Потерпев поражение от Лыонг Тхака, Ван Цзи отступил в округ Гуан, объединился с другим мятежным феодалом Ду Хуном и попытался утвердиться в этом округе. Однако здесь он столкнулся с ещё одним представителем клана Дао – наместником округа Гуан Дао Кханом, которому в 318 г. также было поручено курировать военные дела в округе Цзяо. Ван Цзи и его союзники потерпели поражение и погибли. После этого Дао Кхан обрушился на Лыонг Тхака и, разгромив его войска, казнил последнего. Судя по всему, эти события происходили между 319 и 323 гг., так как именно в 323 г. в награду за победу над Лыонг Тхаком император Цзинь официально назначил Дао Кхана наместником округа Цзяо, который, согласно данным китайских источников, пробыл на этом посту до 330 г.

Однако здесь возникает явная нестыковка датировок. В вышеприведённом тексте вьетнамского источника говорится о том, что Дао Уи правил тридцать лет, после него наместниками поочерёдно были его младший брат Тхук и сын Туи, затем власть захватил Лыонг Тхак, а с 323 г. наместником был Дао Кхан, который, если верить китайским источникам, оставался на этом посту до 330 г. При этом установлено, что в

300 г. У Яня на посту наместника округа Цзяо сменил представитель клана Ко по имени Би. А из этого следует, что, согласно вьетнамским историографам, *тридцатилетнее правление Дао Уи включает в себя правления всех вышеперечисленных наместников от Ко Би до Дао Кхана.* Налицо явное противоречие, которое объяснимо, только если говорить не о тридцатилетнем правлении Дао Уи, а о втором тридцатилетнем периоде правления «скрытой» династии Дао. В этом случае выстраивается следующая последовательность датировок вышеизложенных событий вьетнамской истории конца III – начала IV в.

Между 369 и 371 гг. наместником округа Цзяо становится Дао Хоанг, который на самом деле является лидером главенствующего в округе феодального клана и основателем «скрытой» династии Дао. Он умирает в 380 г., и в том же или в 381 г. ему на смену приходит У Янь. Надо полагать, что прибывший из Цзинь в округ У Янь не стал ничего менять, оставил на своих постах членов клана Дао и во всём продолжил политику своего предшественника. Поэтому если по формальным признакам У Янь и не может считаться членом «скрытой» династии Дао, то по своей сути он является таковым. Со смертью или добровольной отставкой этого наместника в 300 г. завершается первый тридцатилетний период правления этой «скрытой» династии.

В 300 г. к власти в округе Цзяо приходит другой феодальный клан, или «скрытая» династия Ко, состоящая из трёх наместников, или правителей. В целом этот клан правил недолго, при этом большее время его нахождения у власти приходится на основателя «скрытой» династии Ко – Би. Судя по дальнейшим событиям он правил шесть – семь лет, а ещё один – два года связаны с его сыновьями Тхамом и Тхо. Не исключено, что Тхо помог «умереть» своему старшему брату, после чего провозгласил себя наместником. Однако в том же году он был свергнут и убит военачальником клана Дао Лыонг Тхаком. Таким образом, наиболее вероятно, что Ко Би правил с 300 по 306 г., Ко Тхам – с 306 по 307 г. и Ко Тхо – лишь в

308 г. В любом случае, если исходить из временного фактора, связанного с последующими событиями, очевидно, что «скрытая» династия Ко находилась у власти самое большее до 310 г. Отсюда следует, что Лыонг Тхак, убив Ко Тхо, провозгласил наместником Дао Уи между 308 и 310 гг. С этого времени начинается второй этап правления «скрытой» династии Дао. А так как в источниках почти ничего не сообщается о Дао Тхуке и Дао Туи, то можно предположить, что большая часть этого этапа связана с правлением Дао Уи. Вероятно, он скончался между 315 и 317 гг. Сколько правили его младший брат и сын, установить не представляется возможным, однако более чем вероятна гипотеза, согласно которой Дао Туи скончался в 318 г. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что на 318 – 320 гг. приходится как попытка императора Цзинь уничтожить Лыонг Тхака руками Ван Цзи и Ду Хуна, так и назначение Ван Ляна наместником округа Цзяо. Видимо, смерть последнего представителя клана Дао, контролировавшегося Лыонг Тхаком, не оставила ему выбора: для того чтобы сохранить власть в округе он был вынужден сам провозгласить себя его наместником. Только этим можно объяснить тот факт, что Лыонг Тхак, который вплоть до 318 г. удовлетворялся положением теневого руководителя Цзяо, и лишь нанеся поражение Ван Цзи, он не позднее 322 г. убил имперского наместника Ван Ляна и провозгласил себя наместником. Однако уже в 323 г. Лыонг Тхак сам был разбит и казнён Дао Кханом, который в том же году был назначен наместником округа Цзяо. Источники ничего не сообщают о родственных связях Дао Кхана с феодальным кланом Дао. Говорится лишь, что «Дао Кхан: Человек из Пояна» [239.6, с.557]. Однако это совпадение вряд ли может быть случайным, тем более что со смертью Дао Кхана в 330 г. завершается второй тридцатилетний период правления «скрытой» династии Дао. Поэтому если первый период её правления представлен парой Дао Хоанг – У Янь, то второй представлен парой Лыонг Тхак – Дао Кхан, в которой

Лыонг Тхак с 308 (310) по 318 г. правил от имени Дао Уи, Дао Тхука и Дао Туи.

Наконец, следует указать на то, что в источниках не содержится никаких данных и о том, кто стал наместником округа Цзяо после Дао Кхана. Не исключено, что его сменил ещё один из представителей клана Дао, но это уже относится к области догадок, так как с 323 (330) г. и вплоть до 353 г. ни вьетнамские, ни китайские источники больше ничего не сообщают об округе Цзяо. Поэтому условно 353 г. можно принять в качестве последнего года описываемого периода «скрытых» династий Дао и Ко, первая из которых, как установлено, насчитывала семь государей, а вторая – три. Такова общая канва политических событий во Вьете в 269 – 353 гг., которую позволяют выстроить достаточно отрывочные и нередко противоречивые данные источников.

353 г. является годом начала серьёзных столкновений с Тямпой. В начале этой главы уже говорилось о постепенном отторжении области Нятнам от округа Цзяо и периодических вторжениях с юга в его область Кыутян, которые начались с восстания Кху Лиена в 137 г. и продолжались на всём протяжении II – IV вв. Интересно, что и вьетнамские, и китайские историографы квалифицировали эти события как мятежи или восстания «южных варваров». Однако с 353 г. характер этих записей меняется. Под этим годом сообщается о неоднократных вторжениях короля Лэмап[1] Фам Фата[22] в округ Цзяо и о карательном походе наместника округа Юань Фу, который «разгромил более пятидесяти [тямских] укреплений» [239.6, с.565]. После этого в сведениях имеется лакуна в двадцать семь лет, после чего под 380 г. сообщается о том, что «префект Кыутяна Ли Сунь захватил округ, [поднял] мятеж».

Согласно источникам, Ли Сунь был главой мощного клана, который контролировал значительную часть округа Цзяо. Узнав, что в округ назначен новый наместник Тэн Дуньчжи, он поднял восстание и попытался захватить власть в Цзяо, однако натолкнулся на сопротивление префекта области

[1] Лэмап: первое ранее наименование Тямпы.

Зяоти До Виена. В 381 г. Виен захватил в плен и казнил Ли Суня, за что получил от императора Цзинь почётный титул. На самом же деле это была борьба между двумя феодальными кланами в Цзяо. При этом если клан Ли, скорее всего, пришёл из империи, то, судя по источникам, До Виен являлся представителем новой смешанной вьетской знати. Так, его дед по отцовской линии, бывший сначала префектом области Нинлу, эмигрировал в Цзяо, где в уезде Тюзиен области Зяоти и родился До Виен [239.6, с.571, 573]. Надо полагать, что с этого времени реальная власть в округе Цзяо принадлежала Виену, так как в источниках вообще не говорится о наместнике и, более того, в них отсутствуют какие-либо сведения о событиях вплоть до 399 г. Видимо, это и привело Нго Ши Лиена к выводу о назначении До Виена наместником в 381 г., что не соответствует действительности [236.1, кн.4, с.46]. «Согласно "Книге Лян", в тот год король Лэмап Фам Хо Дат[1] грабил Нятнам, захватил [в плен] префекта Цзюи Юаня, кроме того вторгся с грабежами в Кыудык, захватил [в плен] префекта Цао Бина. Префект Зяоти До Виен послал начальника охраны Дэн И сразиться [с ним, удалось] разгромить. [Династия] Цзинь сразу назначила Виена наместником» [239.6, с.573, 575].

Следующие полтора века в основном связаны с войнами против тямских вторжений и с многочисленными восстаниями и мятежами. Последовательно господствовавшие над округом Цзяо имперские династии Цзинь, Сун, Ци и Лян большую часть этого времени не имели реальной власти в округе, в котором на самом деле господствовали местные «скрытые» династии и правители. Основателем одной из таких династий и был До Виен, который, если принять во внимание, что с 381 до 399 г. прошло восемнадцать лет, к моменту своего назначения наместником До Виен был уже достаточно пожилым человеком. Вероятно, он скончался в 411 г., так как

[1] 399 г. Фам Хо Дат, также известен под именем Фам Ту Дат, внук Фам Фата.

именно под этим годом сообщается о назначении его сына До Хюе До наместником вместо умершего отца.

Уже с первых дней своего правления Хюе До пришлось отстаивать своё право на власть в сражениях с очень серьёзным противником. В том же 411 г. наместник округа Гуан Лу Сюнь[23] поднял мятеж, но потерпел поражение от одного из оставшихся верными Цзинь военачальников. Тогда Сюнь решил двинуться на юг и неожиданным ударом захватил область Хэпу. И хотя Хюе До нанёс ему поражение у Тхатьки, в армии Сюня всё ещё оставалось порядка трёх тысяч человек. Кроме того, к нему присоединились бывший сторонник Ли Суня некий Ли То и восставшие народности *ли* и *лао*, что увеличило армию Лу Сюня ещё на пять тысяч человек. В результате восьмитысячной армии мятежников удалось выйти к южным окраинам Лаунгбиена, где и состоялось решающее сражение.

Хюе До проявил себя умелым полководцем. Он сам возглавил армию и, воодушевляя воинов, раздал им всё своё имущество. Его младший брат префект области Зяоти Хюе Ки командовал флотом, а префект области Кыутян Чжан Минь – сухопутными войсками. Выждав, пока корабли Лу Сюня войдут в место сужения реки у крепости, флот Хюе До нанёс встречный удар, при этом его сухопутные войска с обоих берегов обстреливали суда противника. Мятежники были полностью разгромлены. Хюе До приказал обезглавить труп погибшего в сражении Лу Сюня, казнил его жену, детей и Ли То, сложил их головы в ящик и отправил ко двору Цзинь[24]. После этой победы Хюе До стал полновластным хозяином Цзяо и, надо полагать, держал под своим контролем округ Гуан [239.6, с.577 – 581].

Столь же успешно Хюе До воевал и с Тямпой. Когда в 413 г. войска Фам Хо Дата снова вторглись в Кыутян, он нанёс тямскому королю жестокое поражение[25]. Через два года в 415 г. Хюе До снова разбил войска вторгшихся в округ *тямов*, а ещё через пять лет он учинил им настоящий разгром. В 7-ом месяце 420 г. Хюе До сам предпринял военную экспедицию

против Тямпы, которая, согласно источникам, потеряла в сражениях с ним более половины своей армии. В результате «Лэмап просило капитуляции, поднесло [в дар] большого слона, золото, серебро, драгоценные вещи, [лишь] тогда получило прощение. [Люди], захваченные в разное время [в плен], все были отпущены» [239.6, с.583].

После этой победы Хюе До отправил посольство с дарами ко двору утвердившейся в империи династии Сун, а в округе Цзяо установилось спокойствие. Интересно, что вьетнамские историографы XIX в. воспринимали этого «китайского» наместника как совершенного государя, о чём однозначно свидетельствует следующий текст:

«Хюе До жил в округе, носил холщовую одежду, питался овощами, запретил непристойные культы, построил школы, в голодный год раздавал [населению] собственное жалование, управлял внимательно [и] добросовестно, подобно [тому как] заботятся [о собственной] семье. Чиновники [и] народ – все уважали [и] любили [его]. Ночью крепостные ворота оставались открытыми. На дорогах никто не подбирал [потерянного] другими имущества». Из текста также следует, что Хюе До своей властью назначал чиновников в округе. Так он назначил префектом Кьутяна своего сына Хоанг Вана, которого император Сун утвердил наместником после кончины Хюе До. «Хоанг Ван также был великодушным [и] справедливым, пользовался всеобщей [поддержкой], унаследовал титул маркиз Лаунгбиена» [239.6, с.583 – 585]. Он скончался в 427 г.

Следующая запись, датированная 431 г., сообщает ряд сведений, которые позволяют уточнить некоторые даты, связанные с правлением представителей клана До. Так, в источнике говорится: «С тех пор как скончался наместник округа До Виен, не проходило года без вторжения Лэмап в обе области Нятнам [и] Кьутян, было множество убийств [и] грабежей, даже округ Цзяо был ослаблен. В начале эры Изначального [и] прекрасного[1] Зыонг Май грабил с крайней

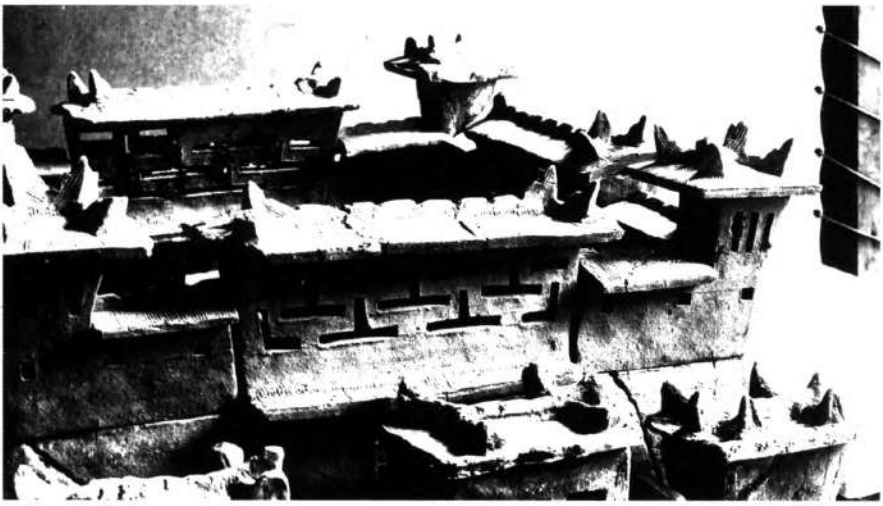
[1] 424 – 453 гг.

жестокостью. Хоанг Ван хотел [его] покарать, [но] узнав, что [ему] на замену послан [новый наместник], отказался [от похода]» [239.6, с.589]. Иными словами, Тямпа, совершавшая на протяжении второй половины IV в. регулярные набеги на Цзяо и вынужденная в 420 г. просить пощады в результате жестокого поражения от До Хюе До, в 424 г. или чуть позже возобновила свои набеги на Нятнам и Кыутян.

В связи с этим представляется, что начало нового витка тямских нападений на округ следует связывать с кончиной Хюе До, при жизни которого *тямы* остерегались нарушать мирный договор 420 г.

Что же касается Хоанг Вана, то относительно него в источнике содержится определённое противоречие. В вышеприведённом тексте говорится, что, узнав о назначении нового наместника, он отказался от карательного похода против *тямов*, а в предыдущем тексте сообщается о том, что в 427 г. династия Сун призвала Хоанг Вана ко двору, что он был болен и приближённые отговаривали его от путешествия, что на уговоры он ответил: «Мы держим табличку три поколения, всегда хотел лично поднести дары императорскому двору, тем более что [сейчас сам император меня] призвал». После этого он на паланкине отправился в путь, но уже в округе Гуан скончался. Наместником же вместо Хоанг Вана был назначен некий Ван Хуй [239.6, с.587]. Но если Хоанг Ван был так тяжело болен, то очевидно, что он физически был не в состоянии выступить в поход против *тямов*. Поэтому представляется, что сообщение об отмене похода на Тямпу в связи с присылкой нового наместника достаточно сомнительно. Кроме того, маловероятно, что династия Сун могла назначить нового наместника из империи при действующем наместнике из феодального клана До, контролировавшего округ Цзяо более сорока лет. Скорее всего, оно имеет целью оправдание бездеятельности «праведного» правителя перед лицом тямской угрозы.

Всё это позволяет реконструировать события указанного периода следующим образом.

Укреплённая резиденция крупного ханьского чиновника в округе Цзяо. Тханьхоа, 0,425 X 0,460 м, обожженная глина, эпоха Хань. № 3592 321 / 29 Musée Guimet

В 424 г. умирает Хюе До. Его сменяет уже достаточно больной Хоанг Ван, и с этого момента возобновляются ежегодные вторжения *тямов* в область Нятнам и южные районы области Кыутян, а после смерти Хоанг Вана и назначения наместником округа Цзяо в 427 г. Ван Хуя эти вторжения становятся непрерывными, а в 431 г. наступает развязка. В том году король Тямпы Фам Зыонг Май направил более ста многопалубных кораблей на захват Кыутяна. В ответ, сменивший Ван Хуя на посту наместника Юань Мичжи, решил нанести удар *тямам* с тыла, приказал военачальнику Дао Шэну обойти тямскую армию и нанести удар по крепости Кхулат, которая находилась в уезде Кхулат области Нятнам. Однако Дао Шэн потерпел неудачу, а *тямы* практически стали хозяевами области Кыутян и серьёзно угрожали области Зяоти. Дело дошло до того, что в 433 г. Фам Зыонг Май отправил посольство с дарами и письмом к сунскому двору, в котором просил отдать округ Цзяо ему в управление. Правда, это «прошение» было отклонено, а наместником вместо Юань Мичжи был назначен Ли Сючжи [239.6, с.589-593]. Тем не

менее, тямы оставались полноправными хозяевами двух южных областей округа Цзяо вплоть до 446 г.[26].

В том году наместник округа Тань Хэчжи предпринял по повелению сунского императора военный поход против Тямпы. Интересно отметить, что, как и наиболее удачливые его предшественники, Тань Хэчжи был представителем новой местной смешанной элиты[27]. Известны и имена двух наиболее значительных военачальников его армии, которыми были некий Цзун Цюе, назначенный командующим авангардом, и военный прокурор округа Цзяо[I] Цзян Чжунцзи. При этом в источниках особо отмечаются добродетели и бескорыстность первого[28].

Надеясь, что Суны отменят карательную экспедицию, тямский король «отправил послов сообщить об освобождении ранее захваченных людей из Нятнама, поднести в дар 6000 кг золота [и] 60000 кг серебра»[II], но когда к нему для переговоров прибыл Цзян Чжунцзи, то он был схвачен и убит [239.6, с.595, 597]. Началась война. Поначалу Тань Хэчжи осадил в крепости Кхулат тямские войска под командованием Фам Фу Лаунга, а Цзун Цюе встречным ударом разгромил шедшего на выручку осаждённым Фам Кон Ша Дата. Вскоре Кхулат пал. Хэчжи казнил Фам Фу Лаунга и двинулся на уезд Тыонгфо.

Все эти события происходили в третьем – пятом месяцах 446 г. Вероятно, несколько южнее поста Тюнго и крепости Кхулат[29] произошло решающее сражение, в котором отличился Цзун Цюе, сумевший разогнать закованных в доспехи тямских боевых слонов. Тань Хэчжи одержал полную победу и захватил тямскую столицу, где захватил «имущество, такое драгоценное [и] роскошное, что [и] не пересказать, кроме того, [он] переплавил золотых людей[30] [и] получил несколько тонн[III] жёлтого золота» [239.6, с.597, 599]. Большая

[I] Полное название этой должности: «военный прокурор учреждения двора резиденции наместника».

[II] В тексте сказано: «10000 *кан* золота [и] 100000 *кан* серебра». Один 斤 (вьет. *cân*, *кан*, кит. *цзинь*) = 596,816 гр.

[III] В тексте сказано: «несколько сот тысяч *кан* жёлтого золота».

часть этих ценностей была вывезена в империю. Надо полагать, что благодаря этой победе администрация округа Цзяо снова смогла взять под контроль область Кытян и, не исключено, северные районы области Нятнам. Однако тямскому королю Фам Зыонг Маю с сыном удалось бежать. Вероятно, это было одной из причин, по которой *тямы* достаточно быстро оправились от поражения и восстановили свои позиции в Нятнаме. Этому также способствовала и не прекращавшаяся междоусобная борьба между вьетскими феодальными кланами, лидеров которых сунский император формально утверждал в должности наместника округа Цзяо.

Источники сообщают, что после Тань Хэчжи одним из редких наместников из империи был назначен некий Лю Му. Пробыв на этом посту какое-то время, он заболел и в 468 г. умер, а ему на смену был направлен другой имперский чиновник Лю Бо. Тем временем крупный вьетский феодал Ли Чыонг Нян истребил всех прибывших с Лю Му из империи чиновников, объявил себя наместником и преградил Лю Бо доступ в округ. Последний был вынужден отступить и вскоре умер. Тогда Чыонг Нян отправил к сунскому двору посольство с просьбой назначить его не наместником, а на более низкую по своему статусу должность «управляющего делами округа». Император Сун, приняв этот шаг Чыонг Няна за «извинение» и не имея возможности что-либо изменить, удовлетворил его «просьбу».

В 479 г. Чыонг Няна сменил его младший брат Тхук Хиен, бывший до этого префектом области Вубинь[31]. История его прихода к власти весьма любопытна. В источниках сообщается, что сначала народ отказался ему подчиниться, так как он не был утверждён в должности императором. Тогда Тхук Хиен направил посольство к Сунам. В результате наместником был назначен префект Наньхая Шэнь Хуань, а Тхук Хиен получил должность конюшего армии Дальнего умиротворения, префекта двух областей Тансыонг [и] Вубинь. «Народ с радостью повиновался [ему]». Но любопытно то, что народ «с радостью повиновался» не императорскому

повелению, а приказу Тхук Хиена перекрыть дороги, с тем чтобы не допустить Шэнь Хуаня в округ Цзяо. Последний был вынужден отступить в Юйлинь, где и умер, тогда как пришедшая к власти в империи династия Ци утвердила Тхук Хиена в должности наместника.

Совершенно очевидно, что весь этот сюжет имеет целью показать силу имперской власти, которая на самом деле в то время практически не ощущалась в Цзяо. Слабость имперской власти подтверждается и тем, что присланные из империи наместники Лю Му, Лю Бо и Шэнь Хуань не только не смогли добраться до места назначения и были вынуждены отступить на близлежащие территории, но и все как один заболели и умерли. Такое совпадение вряд ли может быть случайным. Очень похоже на то, что им всем кто-то помог «умереть». Лишь в 485 г. династия Ци, значительно укрепив свои позиции в империи, направила против Тхук Хиена армию, мобилизованную в областях Панькан, Лулин и Шисин под командованием Лю Кая. Тхук Хиен попытался откупиться, послав императору Ци вооружение, изготовленное из серебра[32], и павлиньи перья. Не получив прощенья, он кратчайшим путём добрался до столицы Ци, где явился с повинной ко двору[33]. Лю Кай же без боя занял округ Цзяо и был назначен его наместником [239.6, с.601 – 607]. Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что речь должна идти ещё об одной «скрытой» вьетской династии, правившей с 468 по 485 г. во время междоусобиц в империи, которые были связаны со сменой династии Сун династией Ци.

Однако спокойствие в округе Цзяо сохранялось недолго. В 488 г. наместником округа вместо Лю Кая был назначен префект области Шисин Фан Фачэн. Согласно источникам, Фачэн либо был болезненным человеком, либо притворялся больным, чтобы спокойно отдаваться своему главному увлечению – чтению книг. Поэтому всеми делами в округе заправлял старший историограф Фу Дэнчжи. На самом же деле наместник, как об этом свидетельствуют последующие события, предпочитал «не замечать» происходившего и не

выступал против местного феодала Дэнчжи, опиравшегося на реальную силу. В конце концов, в 490 г., побуждаемый к решительным действиям имперскими чиновниками, которых возглавлял делопроизводитель Фан Цзивэнь, наместник приказал заключить Фу Дэнчжи в тюрьму. Последнему удалось бежать при помощи зятя наместника. Он привёл преданные ему войска, захватил резиденцию наместника, уничтожил своих противников и посадил Фан Фачэна под домашний арест. После этого Дэнчжи сообщил в империю о «болезни» наместника. «[Тогда] династия Ци назначила Дэнчжи наместником округа Цзяо, возвращаясь [в Ци], Фачэн [добрался до У]лина [и] умер» [239.6, с.611, 613].

Последние годы V в. и начало VI в. в округе Цзяо характеризуются столкновениями между сторонниками династии Ци и сторонниками пришедшей к власти в империи династии Лян. Так, сменивший Дэнчжи на посту наместника Ли Кай[1] отказался повиноваться династии Лян, но в 505 г. он был убит одним из чиновников округа по имени Ли Цзи, которого Ляны утвердили наместником. Тем не менее сопротивление Лянам продолжалось до 516 г., когда Ли Цзи удалось разгромить основные силы сторонников династии Ци и казнить их предводителя Юань Цзуньсяо. После этого была объявлена амнистия всем сторонникам Ци [239.6, с.613, 615]. Столь долгое сопротивление свидетельствует о том, что «сторонники династии Ци» это не кто иной, как новая местная элита, которая не желала отдавать власть. Отсюда и амнистия, так как вряд ли в округе было такое число сторонников Ци, что после разгрома их основных сил необходима была ещё и амнистия для установления спокойствия.

Таким образом, на протяжении III – начала VI в. положение в центральных областях округа Цзяо всё более обострялось. На юге ситуация также оставалась крайне напряжённой из-за постоянных тямских вторжений. Тогда как

[1] Нго Ши Лиен в своём летописном своде XV в. называет Ли Кая «Лиюань Кай», что, по мнению комментаторов летописного свода XIX в., является ошибкой.

различные имперские династии всё меньше контролировали мятежные южные территории.

Типичные северовьетнамские пейзажи, которые на протяжении столетий, если не тысячелетий, оставались неизменными.
Северный Вьетнам. 28.03.2011 г.

Видимо, это послужило причиной того, что в 523 г. была проведена административная реформа округа Цзяо. По этому поводу в источниках сообщается лишь о том, что область Кыутян была преобразована в округ Ай, при этом ни об области Зяоти, ни об области Нятнам вообще ничего не говорится [239.6, с.617]. Поэтому надо полагать, что в результате этой реформы были стёрты различия между округом Цзяо (Зяо) и областью Зяоти, а область Нятнам уже полностью контролировалась *тямами*, что и потребовало усиления военно-административного контроля над Кыутяном. Тем не менее все попытки имперской администрации стабилизировать ситуацию в округе Цзяо окончились провалом, и в 541 г. вспыхнуло восстание, в результате которого вьетские территории были полностью освобождены. Рассмотрению хода этого восстания и связанных с ним проблем вьетнамской истории посвящена следующая глава настоящего тома. Однако перед этим представляется целесообразным обобщить материал данной главы, сформулировав на его основе ряд предварительных выводов.

Анализ источников показывает, что время с 44 по 541 г. представляет собой отдельный период в рамках так называемой «Эпохи северной зависимости», который в свою очередь делится на подпериоды. Если брать политическую историю Вьетнама, то это положение прослеживается как минимум на трёх основных моментах.

Первый момент: эволюция характера восстаний и мятежей в Цзяо.

Как отмечалось выше, события 40 – 44 гг. не являются восстанием. По сути дела, это заключительный этап завоевания вьетских территорий крайнего юга, где нападающей стороной была отборная армия одного из лучших полководцев империи Хань – Ма Юаня, а обороняющейся стороной – вьеты, возглавляемые традиционной лаквьетской знатью под верховным командованием клана Чынг – Шать. Для определения таких событий, как войны, не играет роли, кто нанёс первый удар. Здесь важно лишь их внутреннее

содержание. Что же касается таких понятий, как восстания и мятежи, то они применимы к событиям на территории Цзяо лишь после 44 г. При их анализе чётко выделяются две подгруппы: 75 – 203 гг. и 203 – 541 гг. Первая группа восстаний также может быть разделена на два типа по рубежу 178 г.

Время с 75 по 178 г. характеризуется образованием очага мятежей в Нятнаме. Здесь вряд ли можно согласиться с мнением, что главной причиной, вызвавшей рост числа выступлений в Цзяо, являлось введение системы ханьского налогообложения, а их движущей силой были лаквьетские «крестьяне-общинники» [341, с.164 – 168]. Если исходить из такой предпосылки, то, так как в области Зяоти ханьское налогообложение было введено в 74 г., в области Кыутян – несколько позже, а в области Нятнам – лишь в 84 г., крестьянские восстания должны были бы начаться в Зяоти и распространяться с севера на юг через Кыутян в Нятнам. Однако реальные факты свидетельствуют об обратной тенденции, которая может быть объяснена только следующим образом.

В результате войны 40 – 44 гг. правящий класс лаквьетского общества был не только полностью разгромлен, но и отстранён от всяческого участия в управлении Цзяо. Его место заняла имперская администрация, которая в своём управлении территорией опиралась прежде всего на выходцев из империи и в меньшей степени – на местную служилую знать, формирование которой началось ещё в правление Чиеу Да. Кроме того, в традиционном лаквьетском земледельческом центре области Зяоти был дислоцирован относительно сильный воинский контингент, который также контролировал положение в области Кыутян. В этих условиях решающим фактором начала выступлений против имперской администрации могла стать не насильственная смена традиционной формы эксплуатации ханьскими формами, а насаждение нового господствующего класса в виде служилой и в своём большинстве иноземной знати. Безусловно, действия

ханьской администрации вызывали резкое недовольство лаквьетского крестьянства и тем более лаквьетской знати. Однако в результате принятых Ма Юанем мер, у них не было ни вождя, ни внутреннего единства, которые позволили бы этому недовольству вылиться в серьёзное выступление против имперской администрации. Поэтому для реализации недовольства лаквьетов потребовался дополнительный толчок, которым и стали начавшиеся во второй половине I в. южные вторжения *манов* в Нятнам. При этом последовательность взаимодействия *манских* набегов и возмущения лаквьетских крестьян достаточно очевидна. С 75 г. – вторжения в самый южный уезд области Нятнам[I]; на рубеже I и II вв. – вторжения, опирающиеся на поддержку местного населения, охватывают всю область Нятнам; к концу первой половины II в. *маны* уже совершают набеги на самый южный уезд области Кыутян[II], которые постепенно распространяются на всю область.

Что же касается сообщений о самих *манах*, вторгавшихся в Цзяо с юга, то совершенно очевидно, что речь идёт о нарождающемся тямском государстве. Во-первых, это вытекает из направления самого распространения набегов – с юга на север; во-вторых, об этом свидетельствует и само наименование уезда Тыонглам[III]; наконец, в-третьих, первым действительно крупным вторжением, связанным с восстанием лаквьетов в Нятнаме, были военные действия против ханьской администрации в 137 г., которыми руководил основатель тямского королевства Лэмап (Линьи) Кху Лиен[IV]. То что в ходе указанных набегов главным образом уничтожались насаждаемые ханьцами институты и грабились «местные богачи», никоим образом не свидетельствует о «крестьянском» характере восстаний этого периода [341, с.165]. Скорее здесь можно говорить об объединении *манов* или ранних *тямов* с близкими им по культуре и верованиям *лаквьетами* против

[I] Уезд Тыонглам.

[II] Уезд Кыфаунг.

[III] Смотри «Комментарий», «Примечание 1» к настоящей главе.

[IV] Смотри «Комментарий», «Примечание 30» к настоящей главе.

инокультурного и в значительной степени иноземного господствующего класса.

Видимо, этот юный *тям* унаследовал воинственность своих предков. Провинция Ниньтхуан. 06.04.2011 г.

Качественное изменение характера восстаний происходит в 178 г., когда под руководством *вьета* Лыонг Лаунга возмутилось население главного лаквьетского центра округа – области Зяоти, поддержанное населением области Хэпу и *манского* района Уху в Гуандуне. Здесь уже движущей силой восстания являются лаквьетские общинники, но поддерживают их не более южные области Кыутян и Нятнам, а северо-восточные соседи, в том числе и горные племена.

С этого времени и вплоть до 203 г. можно говорить о почти непрерывной серии крестьянских восстаний, которые столь характерны для всей первой половины «Эпохи северной зависимости». Наконец, после 203 г. чётко выделяются собственно вьетские восстания, восстания горных племён и вторжения Тямпы, которые с 353 г. приобретают характер перманентной военной угрозы с юга.

Второй момент: процесс формирования «сино-аннамитской» элиты[1].

Процесс формирования «сино-аннамитской» элиты связан с постепенным смешением местного лаквьетского населения с имперской эмиграцией. Первым симптомом этого процесса стали восстания и мятежи имперских гарнизонов в Цзяо, которые провоцировались неугодными решениями того или иного наместника или префекта. Весьма симптоматично, что первый такой мятеж связан с попыткой организовать карательную экспедицию против Кху Лиена в 137 г., а настоящего размаха они достигают в 178 – 184 гг., совпадая по времени с вьетскими крестьянскими восстаниями в области Зяоти.

Фактически с этого времени власть в округе Цзяо постепенно начинает переходить в руки формирующейся новой местной элиты. В качестве промежуточного этапа можно указать наместничество Цзю Цуна, когда, видимо, были выработаны формы взаимоотношений со слабеющей империей.

В 187 г. с назначением наместником *вьета* Ли Тиена наступает период «скрытых» вьетских династий и правителей.

---

[1] Смотри «Комментарий», «Примечание 16» к настоящей главе.

Попытка вернуться к прямому насильственному управлению округом, связанная с назначением на должность наместника Чжу Фу, немедленно вызвала одновременное восстание *вьетов* и военного гарнизона, в результате которого наместник был убит. А описание событий 187 – 203 гг. не оставляет сомнения в том, что убийство Чжу Фу было инспирировано лидером новой элиты Си Ниепом.

С этого времени оппозицию империи возглавила новая вьетская элита, которая, с одной стороны, выступала против прямого назначения наместников и префектов из южнокитайских царств, а с другой – играла ведущую роль в войнах с Тямпой и в подавлении народных восстаний. И именно с этой элитой следует связывать постоянные военные мятежи в Цзяо в III – IV вв. Наиболее сильные её представители де-факто становились «скрытыми» правителями и основателями «скрытых» династий, причём ими могли быть не только *вьеты* или *ханьцы*, семьи которых, подобно Си Ниепу, жили в Цзяо на протяжении нескольких поколений. «Скрытым» правителем или основателем «скрытой» династии вполне мог стать наместник, чья семья жила в Цзяо одно – два поколения, как, например, роды Дао и До. В данном случае важна не длительность проживания в округе, а характер взаимоотношений конкретного лидера с местной элитой и представителями империи.

Таким образом, под «скрытым» правителем, или основателем «скрытой» династии, следует понимать того представителя местной элиты, который управлял округом как вассальный государь, лишь формально получавший инвеституру из империи.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что процесс формирования «сино-аннамитского» общества на территории Северного Вьетнама, связанный с периодом «скрытых» правителей и династий, протекал на фоне перманентного ослабления империи Хань (187 – 220 гг.), смут эпохи Троецарствия (220 – 280 гг.) и междоусобиц эпохи Южных и Северных династий (265 – 583 гг.), которые особенно

усилились с падением династии Цзинь (265 – 419 гг.). Поэтому ни империя Хань, ни южнокитайские царства не имели реальной силы для установления эффективного контроля над вьетскими территориями крайнего юга империи.

Третий момент: тенденция обособления древних южных лаквьетских территорий в рамках китайской империи.

Как известно, при создании административного управления Цзяочжи в него вместе с древними лаквьетскими территориями были включены территории Гуанси и Гуандуна к югу от Улина, при этом в него также входили какие-то островные территории[I]. В 136 г. отмечается первая неудачная попытка преобразования административного управления в округ, в результате чего от него были отсечены две островные области. В 203 г. при Си Ниепе административное управление реорганизуется в округ Цзяо. Именно поэтому 203 г. является рубежом между подпериодами первого периода «Эпохи северной зависимости».

Наконец, в 226 г. округ Цзяо делится на два округа – Цзяо и Гуан, при этом в рамках первого объединяются древние лаквьетские территории, а в рамках второго – территории Гуанси и Гуандуна. Весьма знаменательно, что это произошло одновременно с началом действий У Суньцюаня, направленных против власти преемников основателя первой вьетской «скрытой» династии Си Ниепа. Иными словами, округ Гуан превращался в опорный пункт борьбы с сепаратистскими тенденциями новой знати округа Цзяо. Последнее подтверждается и тем, что после ликвидации кланов Си и Хуань округа Цзяо и Гуан были вновь слиты в один округ Цзяо[II].

Однако уже в 264 г. прежнее деление на два округа было восстановлено, и с того времени под округом Цзяо понимались исключительно древние лаквьетские территории.

[I] В 111 г. до н.э. формально, с 44 г. – реально.

[II] Смотри выше «Параграф 2». Вероятно, это произошло в 228 г. или чуть позже.

Дальнейшее развитие тенденции обособления древних лаквьетских территорий во второй половине III – первой половине VI в. привело к тому, что «сино-аннамитская» знать, опираясь на недовольство всех слоёв населения Цзяо[I] и исходя из значительного ослабления имперской администрации[II], предприняла попытку перейти от «скрытых» форм правления к провозглашению собственной государственности.

Таким образом, сопоставление указанных трёх моментов позволяет не только выделить период с 44 по 541 г. в качестве самостоятельного этапа «Эпохи северной зависимости», но и указать на его решающее значение для восстановления государственности на территории Северного Вьетнама, чего не произошло с ранними вьетскими государствами на территории Южного Китая, которые были полностью ассимилированы китайской империей. Если же говорить о факторах, предопределивших специфику этого периода вьетнамской истории, то представляется, что решающими из них были следующие.

Для всего периода: удалённость и географическая обособлённость территории Северного и северной части Центрального Вьетнама, которая значительно затрудняла установление жёсткого контроля над ней со стороны империи.

Для 1-ой половины периода (44 – 220 гг.): 1. Растущая слабость империи Хань; 2. Фактор южных вторжений, связанный с процессом формирования тямской государственности; 3. Процесс постепенного слияния лаквьетского населения с имперской эмиграцией, приведший к началу формирования «сино-аннамитской» элиты.

Для 2-ой половины периода (203 – 541 гг.): 1. Слабость имперского контроля над Цзяо, связанная с междоусобицами «Эпохи Троецарствия» и «Эпохи Южных и Северных династий»; 2. Полное слияние *лаквьетов* с имперской

[I] Результат перманентных усобиц, мятежей, тямских набегов и грабежей.

[II] Результат раздробленности и усобиц второй половины эпохи Южных и Северных династий.

эмиграцией III в. до н.э. – I в. н.э. и образование нового общества со своей элитой, в руках которой находилась реальная власть в Цзяо, что воплотилось в последовательном чередовании «скрытых» вьетских династий и правителей.

Следовательно, главным итогом первой половины «Эпохи северной зависимости» является трансформация традиционного лаквьетского, или вьетского, общества в общество вьетнамское в современном понимании этого этнонима.

Глава 2

Ещё раз к вопросу о династии Ранней Ли (541 – 602 гг.)

Усиливающиеся тенденции развития вьетского общества первой половины «Эпохи северной зависимости» привели в 541 г. к мощному восстанию, в результате которого традиционные вьетские территории в Северном Вьетнаме были полностью освобождены от имперского господства. Окончательно это восстание было подавлено в 605 г.[1].

События этого более чем полувекового периода весьма запутанны и противоречивы, и именно с ними связаны наиболее серьёзные разночтения между вьетнамскими и китайскими источниками по «Эпохе северной зависимости». Поэтому представляется целесообразным подробно изложить существующие версии событий данного периода вьетнамской истории, а затем рассмотреть их в сопоставлении друг с другом.

Представляется, что такой подход позволит наиболее полно восстановить реальную картину событий, происходивших на вьетских территориях в 541 – 605 гг., с тем чтобы, насколько это возможно, поставить точку в спорах о династии Ранней Ли.

1. *Источники*

Если обратиться к описанию истории династии Ранней Ли во вьетнамских летописных сводах, то складывается следующая картина.

1.1. *Структура*

Свод XII в. «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета». Период династии Ранней Ли никак структурно не выделен и находится в разделе «Наместники сменявшихся эпох» [36, с.113].

Свод XIII в. «Запись истории Великого Вьета». Судя по сохранившемуся описанию этого свода, структурирование в нём сюжетов о династии Ранней Ли ничем не отличается от их структурирования в своде XV в., за исключением отсутствия

выделения в отдельный раздел «Эпохи короля Вьета Чиеу» с включённым в неё описанием деяний короля – господина Дао [236.1, кн.4, с.17б].

Свод XV в. «Запись истории Великого Вьета, полное описание». В этом своде время существования династии Ранней Ли выделена в три равнозначных раздела, которые озаглавлены «Эпоха Раннего Ли», «Эпоха короля Вьета Чиеу» и «Эпоха Позднего Ли». При этом интересно отметить, что Нго Ши Лиен выделил эти разделы в рамках четвёртой книги, сделав их равнозначными не только по отношению друг к другу, но и по отношению к первому разделу указанной книги «Эпоха зависимости [от] У, Цзинь, Сун, Ци [и] Лян» [236.1, кн.4, с.1а, 14б – 22б].

Свод XIX в. «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора». В этом своде четвёртая книга начинается с описания событий, связанных с династией Ранней Ли, при этом интересно отметить, что если вся книга насчитывает сорок иероглифических страниц и охватывает период с 541 по 861 г. (321 год), то изложение событий с 541 по 602 г. (62 года) занимают в ней четырнадцать иероглифических страниц или около одной трети объёма всей книги. Что же касается структурной организации текста, то она, как и во всём летописном своде, строится по принципу «основы» и «частностей» [239.6, с.623 – 677].

1.2. *Содержание*

В официальных вьетнамских письменных источниках наиболее подробно сюжеты о династии Ранней Ли изложены в летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание», в котором они практически идентичны сюжетам неофициальной вьетнамской историографической традиции. С некоторыми сокращениями и стилистической обработкой они воспроизводятся в последнем вьетнамском династийном летописном своде XIX в. Что же касается наиболее раннего произведения официальной вьетнамской историографии –

«Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» и несколько более позднего, утерянного на сегодняшний день летописного свода «Запись истории Великого Вьета», то в них описание событий вьетнамской истории 541 – 602 гг. в целом совпадает с их описанием в китайских источниках и в прокитайском историческом сочинении Ле Така «Краткие записи [об] Аннаме» [241]. Причины этого феномена уже достаточно подробно рассматривались в советской исторической науке при исследовании особенностей вьетнамского летописания [544, с.119 – 144], поэтому в настоящей главе они будут затрагиваться лишь в той степени, в какой это будет необходимо для анализа той или иной конкретной проблемы.

Таким образом, исходя из вышесказанного представляется целесообразным при характеристике *вьетнамской интерпретации* сюжета о династии Ранней Ли опираться на летописный свод Нго Ши Лиена «Запись истории Великого Вьета, полное описание», дополняя в случае необходимости его данные сведениями из остальных источников.

1.2.1. *Сюжет об императоре Южного Вьета Ли Боне*[2]

К середине VI в. вследствие непрекращавшихся междоусобиц и военных мятежей политическая ситуация в Цзяо предельно усложнилась. Этому способствовало и то, что наместником округа был назначен некий Сяо Цзы, который крайне жестоко подавлял любые проявления недовольства. Видимо, он стремился запугать мятежное население и тем самым избежать открытых восстаний, подобных тем, которыми были насыщены предыдущие годы. Однако результат такой политики оказался прямо противоположным. Доведённые до отчаяния *вьеты* сплотились вокруг первого же значительного лидера, поднявшего знамя восстания. Им оказался некий Ли Бон, предки которого эмигрировали в Цзяо в конце эпохи Западной Хань. В каком поколении рода Ли в

Цзяо родился Ли Бон, установить достаточно сложно. В источнике сообщается: «Прошло семь поколений, [поэтому] потомки превратились в людей Юга» [236.1, кн.4, 14б]. Известно, что род Си эмигрировал в Цзяо от мятежа Ван Мана, что вполне соотносится с концом эпохи Западной Хань, а правивший в конце II – начале III в. Си Ниеп был потомком этого рода в шестом колене [236.1, кн.3, с.8а]. Поэтому потомки рода Ли «превратились в людей Юга», скорее всего, в эпоху Си Ниепа. Отсюда следует, что если два – два с половиной века насчитывают шесть – семь поколений упомянутых родов, то ещё три с половиной века должны насчитывать не менее девяти поколений. Поэтому можно очень приблизительно установить, что к середине VI в. род Ли находился в Цзяо пятнадцать – шестнадцать поколений, при этом не вызывает сомнения, что сам Ли Бон принадлежал к традиционной «сино-аннамитской» элите местного общества.

Известно, что Ли Бон был чиновником в империи Лян. Не исключено, что, будучи выходцем из Цзяо, он не мог рассчитывать на серьёзное продвижение по службе, чему не противоречит и источник: «Император принадлежал к древней знатной семье, имел от природы выдающиеся таланты, служба чиновника не соответствовала [его] замыслам» [236.1, кн.4, с.15а]. Поэтому, оставшись неудовлетворённым службой, Ли Бон оставил её и вернулся домой в Тхайбинь, а к моменту восстания он уже был префектом области Кыудык. Приблизительно в то же время в Цзяо вернулся другой оскорблённый на чиновничьей службе в империи представитель вьетской элиты, Тинь Тхиеу, который поддержал Ли Бона. Наконец, военачальник из Тюзиена, некий Чиеу Тук, также присоединился к нему со своим войском. Надо полагать, что Ли Бона поддержала местная знать и в других районах Цзяо. Так, источник сообщает: «Император в то время управлял областью Кыудык [и] поэтому связался с отважными [людьми] в нескольких областях. Все они поддержали его» [236.1, кн.4, с.15а]. Судя по всему, восстание было единодушно поддержано всем населением округа, так

как оно оказалось на редкость бескровным, а восставшие одержали молниеносную победу.

Один из опорных пунктов восстания Ли Бона.
Каобанг. 27.03.2011 г.

Видимо, из-за того, что наместник Сяо Цзы находился в родстве с императором Лян, Ли Бон, войдя в столицу округа Цзяо крепость Лаунгбиен, принял от него богатые дары и позволил ему бежать в округ Гуан. В результате традиционные лаквьетские территории были полностью освобождены от имперского господства.

Все вышеизложенные события датированы 541 г. В летописном своде XIX в. говорится, что восстание произошло в 12-ом месяце 541 г. [239.6, с.623]. Но в нём опущен следующий сюжет, который в источнике XV в. датирован также 12-ым месяцем 542 г. [236.1, кн.4, с.15а, 15б]. Согласно этому источнику, именно тогда император Лян повелел Сунь Цзюну и Лу Цзысюну возглавить карательную экспедицию против Ли Бона. Сунь Цзюн, ссылаясь на климатические условия в Цзяо, пытался перенести экспедицию с весны на осень, но наместник округа Гуан по имени Хуань, которого торопил с началом военных действий Сяо Цзы, не позволил этого сделать. Поход состоялся весной и завершился катастрофой. Согласно источникам, почти вся армия погибла от болезней, а оставшиеся в живых солдаты разбежались. Тем не менее император династии Лян по доносу Сяо Цзы обвинил Сунь Цзюна и Лу Цзысюна в трусости и повелел им покончить с собой. Это поражение показало, что для подавления восстания необходима серьёзная подготовка. Поэтому следующий поход лянских войск против мятежных *вьетов* состоялся лишь спустя три года [236.1, кн.4, с.14б – 15б]. Ли Бон же воспользовался передышкой для укрепления своей власти в стране и защиты южных территорий округа.

Как известно, в первой половине VI в. *тямы* практически бесконтрольно грабили южные вьетские территории. В 4-ом месяце 543 г. произошло очередное вторжение армии Лэмап в Нятнам и, укрепивший свою власть в Цзяо Ли Бон, направил против тямов войска под командованием одного из своих военачальников по имени Фам Ту[3]. Последнему удалось разгромить противника в Кыудыке. Судя по всему, эта победа вряд ли может считаться полной,

так как в источнике ничего не говорится об освобождении Нятнама. Тем не менее, надо полагать, что победы 542 и 543 гг. значительно укрепили авторитет Ли Бона. В результате он решил оформить свою власть юридически. В 1-ом месяце 544 г. он объявил о создании государства Вансуан[4], принял титул «Император Южного Вьета» и провозгласил девиз правления «Небесная добродетель». Ближайшие сподвижники Ли Бона были назначены на ключевые государственные посты. Чиеу Тук стал великим заместителем[1], а Тинь Тхиеу и Фам Ту возглавили военных и гражданских чиновников. В источнике также сообщается, что император учредил должности «ста чиновников» и построил дворец «Бесконечного долголетия»[5], где собирался двор [236.1, кн.4, с.15б]. Создание на практике такой полной придворной иерархии при Ли Боне представляется достаточно сомнительным, однако само объявление о создании таковой в сочетании с собственным поражением в 542 г. и частичным поражением тямских войск в 543 г. показали династии Лян, что южные вьетские территории могут быть окончательно потеряны для империи.

К лету 545 г. в империи была завершена подготовка карательного похода. Наместником округа Цзяо был назначен некий Ян Пяо, а командующим войсками в должности конюшего стал один из наиболее выдающихся имперских полководцев того времени Чэнь Басянь[6]. Военные действия начались в 6-ом месяце 545 г. Согласно плану Ян Пяо вместе с наместником округа Дин Сяо Бо должен был собрать местные войска и присоединиться к Чэнь Басяню в Цзянси для совместного наступления. Однако Сяо Бо, который был близким родственником бывшего наместника Цзяо Сяо Цзы и находился в родственных связях с императором Лян, попытался задержать выступление Ян Пяо.

В этом месте в источнике отмечается определённое противоречие. С одной стороны, сообщается, что Чэнь Басянь обвинил одного родственника императора (Сяо Цзы) в беспорядках в Цзяо, а другого (Сяо Бо) – назвал «близоруким в

[1] То есть первый министр.

управлении человеком», после чего принял решение начать наступление. С другой же стороны, сообщается о том, что Ян Пяо назначил Чэнь Басяня командующим авангардом, после чего началось наступление [236.1, кн.4, с.16а]. При этом в дальнейшем главная роль в победе над восставшими отводится Чэнь Басяню.

Представляется, что указанное противоречие отражает типичное конфуцианское противопоставление «негативных» родственников теряющей «мандат Неба» династии Лян с будущим получателем этого «мандата» и основателем новой династии Чэнь. Надо полагать, что это противопоставление перешло во вьетнамские источники из «Книги Чэнь» [257.11].

Вторгшейся в Цзяо имперской армии противостояла тридцатитысячная армия Ли Бона. Потерпев незначительные поражения в сражениях у Тюзиена и в устье реки Толить, вьетская армия отступила к крепости Зянинь, у которой в 1-ом месяце 546 г. произошло решительное сражение. Основные силы Ли Бона были разгромлены, а сам он с остатками армии бежал в Тансьонг[7]. Здесь Ли Бон собрал новую армию общей численностью в 20000 человек, ядро которой составляли бежавшие с ним войска, а большую часть – племена *лао* или так называемые *маны*.

Военные действия возобновились уже в 8-ом месяце 546 г. Спустившись с гор на низменность, Ли Бон вышел к озеру Диенчиет, где он заранее подготовил значительное количество судов и лодок для нападения на Чэнь Басяня, который расположился лагерем на месте впадения реки Зянинь в озеро. В результате армия Лян, которая около полутора лет находилась во враждебной стране и не получала подкреплений из империи, оказалась в критическом положении. Длительные военные действия могли привести только к её поражению, что и отметил Чэнь Басянь в своём обращении к войскам. Однако его призыв немедленно навязать противнику решительное сражение не был поддержан остальными военачальниками. Тем не менее воспользовавшись неожиданным подъёмом воды

в реке[1] и мощным течением, прижавшим суда вьетов к берегу, Чэнь Басянь под покровом ночи неожиданно напал на армию Ли Бона. Благодаря течению лянские суда стремительно достигли вражеских позиций, а неожиданно ударившие барабаны и крики наступающих усилили эффект внезапности. Вьетская армия практически не оказала сопротивления и обратилась в бегство. Сам же Ли Бон сумел бежать и укрылся в горном уезде Кхуатлао[8].

Согласно вьетнамскому источнику, император Южного Вьета Ли Бон прожил в Кхуатлао около двух лет. Там он готовил армию для дальнейшей войны, поручив главнокомандующему по имени Чиеу[9] «блюсти государство, собрать войска [и] напасть [на] Чэнь Басяня». В 3-ем месяце 548 г. Ли Бон отравился ядовитыми испарениями, заболел и умер [236.1, кн.4, с.16б, 17а, 18а].

В целом за одним достаточно принципиальным исключением, весь этот сюжет излагается идентично и во вьетнамских, и в китайских источниках. Так, согласно китайским источникам, Ли Бон был убит жителями горного уезда Кхуатлао в 548 г., которые поднесли его голову имперским военачальникам. Но при этом непонятно почему, И.Н.Машкина ссылается не только на китайские источники, но и на «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» в подтверждение этих сведений [472, с.48]? Ведь в этом наиболее раннем из вьетнамских источников летописном своде сказано буквально следующее: «Бон не подготовился [к бою и] поэтому был разбит, отступая, расположился в пещере Кхуатлао, заболел [и] умер» [36, с.119]. Таким образом, сведения об убийстве Ли Бона следует связывать лишь с данными китайских источников, которые во вьетнамской историографии повторяются только Ле Таком [241, с.159].

1.2.2. *Сюжет о Ли Тхиен Бао*

Несмотря на свою краткость, этот сюжет представлен в летописных сводах в двух вариантах, которые содержат ряд

---

[1] Согласно источникам вода поднялась на 2,2 м. [236.1, кн.4, с.16б].

достаточно любопытных разночтений и позволяют достаточно убедительно интерпретировать его содержание.

Горный уезд Зананг мог выглядеть таким образом. Каобанг. 27.03.2011 г.

В источниках говорится следующее:

550 г. «Старший брат императора Южного [Вьета] Ли [Бона] – Тхиен Бао жил в районе Зи-лао, провозгласил себя королём – господином Дао, создал государство, назвал: государство Зананг.

Прежде, когда император Южного [Вьета] Ли [Бон] бежал в горный уезд Кхуатлао, Тхиен Бао [и] военачальник [из его] семьи Ли Фат Ты[10] привели тридцатитысячную армию в область Кыутян.

Чэнь Басянь пошёл [за ним и нанёс] удар, Тхиен Бао проиграл сражение, собрал войска, которых оставалось ещё десять тысяч человек, [и] бежал в район Зи-лао государства Айлао. [Он] увидел, что горный уезд Зананг в верховьях реки Дао имеет земли обширные, плодородные [и] прекрасные, [которые] пригодны для проживания. Поэтому возвёл там крепость [и], взяв наименование тех земель, дал имя государству. К тому времени воины почтительно возвели Тхиен Бао в государи, провозгласили королём – господином Дао»[11] [236.1, кн.4, с.19а, 19б].

555 г. «Король – господин Дао скончался в государстве Зананг, не имел сына, чтобы наследовать трон. Воины почтительно возвели в наследники престола Ли Фат Ты, чтобы [он] их возглавил» [236.1, кн.4, с.19б].

Без точной датировки. «Сын Бона по имени Тхиен Бао отправился в Кыутян. Басянь привёл войска [и] умиротворил [его], изменил название Кыутян на Айлао» [36, с.120].

Это единственный случай когда Ли Тхиен Бао называется «сыном», а не «старшим братом» Ли Бона. В остальном же этот сюжет из вьетнамского летописного свода XII в. ни чем не отличается от того, который приводится в китайских источниках [472, с.48].

1.2.3. *Сюжет о короле Вьета Чиеу*

Как отмечалось выше, этот сюжет наиболее спорный из всех сюжетов вьетнамской истории второй половины VI в. В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» и в

китайских источниках он вообще отсутствует, при этом в официальной вьетнамской историографии он приведён полностью лишь в летописном своде XV в., а в летописном своде XIX в. – в несколько сокращённом виде. Сам же этот сюжет образован двумя составляющими: мифологической канвой и исторической фактологией. О мифологической канве речь пойдёт чуть позже, тогда как историческая фактология из «Записи истории Великого Вьета, полного описания» сводится к следующему.

Когда в 546 г. Ли Бон отступил в горный уезд Кхуатлао, то он поручил руководство всеми военными операциями сыну своего ближайшего сподвижника Чиеу Тука. Согласно источнику, он происходил из уезда Тюзиен, имел личное имя Куанг Фук[12] и в предыдущие годы был главнокомандующим армии Ли Бона. В начале 547 г. произошло столкновение двадцатитысячной армии Чиеу с превосходящими силами Чэнь Басяня. Чтобы избежать поражения, Чиеу вместе со своим войском отступил в уезд Тюзиен, где укрылся на острове посреди непроходимых болот, известных под названием топи Зачать. Добраться до этого острова можно было только на лёгких цельнодолбленных лодках, которые управлялись шестами и скользили по болотным травам. Кроме того, было необходимо точно знать направление движения к острову, так как потеря ориентации в болотах Зачати грозила неминуемой гибелью. Опасность увеличивалась ещё и тем, что топь кишела ядовитыми змеями. Чтобы не выдать противнику местонахождение острова, Чиеу запретил днём разводить костры и подавать какие-либо признаки жизни. Ночью же он предпринимал вылазки, нападая на отдельные отряды армии Чэнь Басяня, который так и не сумел ни навязать Чиеу решающее сражение, ни прорваться на остров.

Как известно, в 548 г. скончался император Южного Вьета Ли Бон, и с этого времени Чиеу именуется в источнике королём Вьета.

На протяжении 547 – 555 гг. положение существенно не изменялось. Часть имперских войск блокировала топь Зачать,

а другая их часть в 548 – 549 гг. вела боевые действия против армии Ли Тхиен Бао. В 550 г. император Лян пожаловал Чэнь Басяню титул генерала армии Светлого устрашения и назначил его наместником округа Цзяо. Но в 555 г. в империи произошёл мятеж Хоу Цзина и Чэнь Басянь был отозван ко двору династии Лян, а армию возглавил его заместитель Ян Чань. Воспользовавшись тем, что с Чэнь Басянем ушла его личная гвардия и ослабленные имперские войска лишились талантливого полководца, король Вьета Чиеу внезапно обрушился на Ян Чаня. В результате сам Ян Чань погиб в сражении, а его армия, остатки которой бежали из Цзяо в империю, была разгромлена. Резиденцией Чиеу сначала стала крепость Лаунгбиен, а затем – крепость Вунинь.

Далее, не считая сообщения о кончине короля – господина Дао Ли Тхиен Бао в 555 г., в источнике нет никаких сведений о событиях вплоть до 557 г. А под этим годов сообщается о столкновении между королём Вьета Чиеу и Ли Фат Ты, который к тому времени стал королём Зананга. Так как ни одна из сторон не смогла добиться решительной победы, то был заключён мир, на основании которого Чиеу пришлось уступить часть своих владений. К Ли Фат Ты отошли земли к западу от демаркационной линии, которая проходила от отмели Куантхан между общинами Тхыонгкатзьой и Хакатзьой[13] уезда Тылием, а его резиденцией стала крепость Озиен в общине Хамо того же уезда. Мирный договор был скреплён браком между сыном Ли Фат Ты Ня Лангом и дочерью короля Вьета Чиеу принцессой Као-ныонг. Молодые обосновались при дворе Чиеу.

После этого в источнике снова отмечается лакуна и лишь под 570 г. сообщается о том, что Ня Ланг выведал через свою жену секрет силы короля Вьета Чиеу, поехал навестить отца и вместе с ним подготовил заговор с целью захвата всей власти в стране. В 571 г. Ли Фат Ты напал на короля Вьета Чиеу. Нападение было внезапным, и кроме того, из-за предательства Ня Ланга противнику были известны все слабые стороны обороны Чиеу. Потерпев поражение, Чиеу вместе с

дочерью бежал на юг, но не смог скрыться от преследователей. Поэтому, добравшись до устья реки Дайня, он покончил с собой, бросившись со скалы в море [236.1, кн.4, с.17а – 21а].

1.2.4. *Сюжет об императоре Южного Вьета Позднем Ли*

После поражения и гибели короля Вьета Чиеу источник говорит о Ли Фат Ты (Ли – Сын Будды), именуя его императором Южного Вьета Поздним Ли. Однако никаких сведений после 571 г. и вплоть до 602 г. о нём не сообщается. Правда, под 602 г. приводятся сведения, которые смело можно отнести к значительно более ранним годам правления Позднего Ли. Из них следует, что сначала он сделал своей резиденцией Лаунгбиен, а затем переместил её в Фаунгтяу[14]. При этом сыну своего старшего брата Дай Кюену он поручил охранять крепость Лаунгбиен, а другого своего родственника по имени Ли Фо Динь назначил командующим гарнизона крепости Озиен.

К этому времени в империи завершились междоусобные войны и она была объединена под властью династии Суй. По рекомендации одного из своих приближённых Ян Су[15] император Суй назначил наместника округа Гуа Лю Фана командовать экспедиционным корпусом для подавления мятежа в округе Цзяо. Под его началом находилось двадцать семь армейских лагерей. В армии поддерживалась строжайшая дисциплина. Любая провинность каралась смертью. Но при этом Лю Фан лично заботился о снабжении армии и о больных воинах. Поэтому трудный поход, который начался в 602 г., почти не сказался на боеспособности армии.

Первое столкновение с вьетской армией, которое произошло у горного хребта Долаунг малой провинции Кханьвиен[16], завершилось лёгкой и стремительной победой Лю Фана. Затем, блокировав военный лагерь императора Южного Вьета в Фаунгтяу, он предъявил Позднему Ли ультиматум о сдаче. Последний испугался силы противника и

капитулировал. Лю Фан отправил Ли Фат Ты в империю, где тот через некоторое время скончался [236.1, кн.4, с.20б – 22б]. Но на этом военные действия не завершились. Так, под 603 г. сообщается, что Лю Фан «захватил старых военачальников Позднего императора Юга, людей мужественных [и] отважных, всем отрубил голову». В следующем же тексте говорится: «Чёрная Буйволица, Суй, эпоха императора Пламенного, эра Великого дела, год 1-ый[I]. Весна, месяц 1-ый. Не успел Лю Фан умиротворить нашу страну, как [среди] подданных [династии] Суй некоторые [люди стали] говорить: "[В] стране Линьи множество драгоценных [и] удивительных вещей"» [236.1, кн.5, с.1а]. А из этого следует, что военные действия завершились лишь к 605 г.

Весь этот сюжет в почти неизменённом виде повторяется в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора». Однако в этом источнике уточняется, что при сражении у горного хребта Долаунг Лю Фан столкнулся с двухтысячной вьетской армией, а блокировал он Позднего Ли в Фаунгтяу, где, вероятно, и находился его военный лагерь [239.6, с.675].

Наконец, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» этот сюжет вообще сводится к следующему, более чем лапидарному сообщению: «Лю Фан. Во втором году эры Жэнь-шоу правления Вэнь-ди [династии] Суй[II] Нгуен Фат Ты поднял восстание и занял крепость Вьетвьонг[17]. Сын старшего брата [по имени] Дай Кюен занял Лаунгбиен. Вэнь-ди назначил [Лю] Фана синцзюнь-цзунгуанем[18] и послал подавить мятеж Фат Ты. Фат Ты испугался и сдался» [36, с.120].

Почему-то во вьетнамоведении принята точка зрения, согласно которой данные «Краткого [изложения]» совпадают с данными китайских источников. Однако это не совсем так. Китайские источники дают целый ряд других сведений, при этом не только по истории Ли Фат Ты, но и по периоду,

---

[I] 605 г.

[II] 2-ой год эры Гуманного долголетия императора Просвещённого [династии] Суй или 602 г.

который вьетнамские источники связывают с правлением короля Вьета Чиеу. Так, в них сообщается, что в 555 г. наместником округа Цзяо был некий Лю Юаньянь, который с десятками тысяч воинов оказывал помощь Ван Линю. Также они сообщают о том, что в 558 г. династия Чэнь объединила округа Гуан и Цзяо в рамках единой военно-административной единицы, так называемого военного наместничества, во главе которого был поставлен некий Оуян Вэй, ведавший девятнадцатью округами[19]. Под 589 – 590 гг. говорится о восстании *вьета* Ли Тхуана, которое было подавлено имперскими войсками под командованием Ян Су. Что же касается похода Лю Фана, то и здесь имеются некие уточнения. Так, сообщается, что Лю Фан, чтобы застать противника врасплох, решил нанести удар со стороны Юньнани. Однако из-за жаркого климата и усталости воинов в армии начались болезни, которые значительно сократили её численность. Тем не менее Лю Фан с отборными частями сумел завершить поход и вторгнуться в Цзяо [472, с.52 – 54].

Таким образом, вряд ли можно говорить о совпадении данных «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» и сведений китайских источников по указанному периоду вьетнамской истории. Скорее, следует говорить о чётком разграничении источников по этому периоду на две группы.

A. Ранние официальные вьетнамские летописные своды «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» и утерянная на сегодняшний день «Запись истории Великого Вьета», а также китайские династийные хроники, которые полностью игнорируют сюжет о короле Вьета Чиеу, в том числе и историю его столкновений с Ли Фат Ты.
B. Ранние вьетнамские неофициальные письменные источники и официальные вьетнамские летописные своды, начиная с «Записи истории Великого Вьета, полного описания», в которых приводится сюжет о короле Вьета Чиеу в полном объёме.

Из всего вышесказанного следует, что сведения по истории Вьетнама с 541 по 548 г., а также сведения по 602 г. о

разгроме Ли Фат Ты суйским полководцем Лю Фаном можно считать достоверными. Что же касается сведений по периоду с 548 по 602 г., касающихся вьетских междоусобиц, они требуют специального дополнительного рассмотрения, в рамках которого также будут проанализированы мелкие разночтения в источниках по другим периодам так называемой династии Ранней Ли.

2. *Проблема династии Ранней Ли и короля Вьета Чиеу*

Сторонники интерпретации вьетнамской истории второй половины VI в. по данным китайских источников опираются главным образом на аргументы А.Масперо [897.1, с.14], не замечая при этом, что он оговаривает возможность аутентичности вьетнамских источников [544, с.97]. Поскольку французский синолог в своих выводах исходит из анализа мифологических сюжетов, связанных с жизнью и деятельностью короля Вьета Чиеу, представляется необходимым остановиться на них отдельно, вне исторической фактологии[20]. Но так как эти сюжеты уже рассматривались и были целиком опубликованы на русском языке [544, с.42 – 45, 56 – 63, 110 – 113], то ниже будет проведён лишь их детальный анализ и сопоставление с аналогичными сюжетами вьетнамской истории.

Главным аргументом А.Масперо, на котором основывается его вывод о вымышленности личности короля Вьета Чиеу, является то, что этот сюжет, по его мнению, идентичен сюжету о короле Умиротворённого юга Тхук Фане. Этот же аргумент является основным и у всех остальных сторонников концепции вымышленности сюжета о короле Вьета Чиеу. Однако здесь прежде всего необходимо отметить, что если в 1916 г. выдающийся французский синолог А.Масперо был первопроходцем в изучении ранних периодов вьетнамской истории, то за истекшие с того времени годы было опубликовано достаточное количество работ, которые полностью или частично ставят под сомнение вывод

А.Масперо, сформулированный к тому же в виде гипотезы. В связи с этим следует обратить внимание на три момента.

Во-первых, А.Масперо отметил лишь «совпадение» двух историко-мифологических сюжетов, признав при этом оба сюжета вымышленными.

Во-вторых, сюжет о короле Умиротворённого юга Тхук Фане отражает конкретные исторические факты и события вьетнамской истории конца III в. до н.э. На сегодняшний день этот, подтверждённый целым рядом детальных исследований[I] факт, уже не подвергается сомнению.

В-третьих, А.Масперо не отметил третий, ещё более ранний историко-мифологический сюжет того же типа, связанный с концом эпохи королей Мужественных[II].

На самом же деле выявить совпадения и разночтения в этих трёх сходных историко-мифологических сюжетах можно лишь при условии их детального сопоставительного анализа, которому и посвящены следующие параграфы данной главы.

3. *Совпадения и разночтения в историко-мифологических сюжетах, связанных с борьбой между Тхук Фаном и последним королём Мужественным, между Чиеу Да и королём Умиротворённого юга Тхук Фаном, а также между императором Южного Вьета Поздним Ли и королём Вьета Чиеу*

В целом представляется возможным выделить следующие моменты: 3.1. Причина конфликта; 3.2. Повод для конфликта; 3.3. Первый этап конфликта (поражение будущего победителя из-за магической силы противника, раздел сфер влияния между противниками и брак сына будущего победителя с дочерью врага); 3.4. Второй этап конфликта (предательство дочери в пользу мужа, потеря магической силы и, как следствие, смена династии); 3.5. Происхождение магической силы. Итак, каковы же эти пять моментов в

[I] Смотри «Часть I» «Глава 2».

[II] Смотри «Часть I», «Глава 1» и «Глава 2».

каждом из трёх историко-мифологических сюжетов, условно обозначенных по их хронологии буквами **А**, **Б** и **В**?

3.1. *Причина конфликта*

А. Стремление короля Шу (Тхук), потерпевшего поражение от Цинь и бежавшего на юг, захватить царство Ванланг.

Б. Стремление бывшего циньского полководца Чжао То (Чиеу Да) захватить власть в Аулаке и создать собственное царство в условиях падения империи Цинь.

В. Стремление Ли Фат Ты свергнуть короля Вьета Чиеу и объединить всю страну под своей властью.

3.2. *Повод для конфликта*

А. Оскорбление, нанесённое деду, который сватался вместе с Духом Гор и Духом Вод к дочери короля Мужественного принцессе Ми-ньюнг.

Б. Повод не указан.

В. Повод не указан.

3.3. *Первый этап конфликта*

А. Многократные неудачные нападения внука оскорблённого короля Шу Тхук Фана на короля Мужественного.

Б. Нападение Чиеу Да на короля Умиротворённого юга Тхук Фана, завершившееся поражением из-за того, что Тхук Фан владел волшебным арбалетом со спусковым крючком из когтя Духа – Золотой черепахи, который был сделан его помощником Као Ло. Тем не менее Тхук Фан заключил мир с Чиеу Да, выделил ему во владение обширные земли и согласился на брак сына Чиеу Да по имени Чаунг Тхюи со своей дочерью принцессой Ми Тяу. При этом молодые остались жить при дворе Тхук Фана.

В. Нападение Ли Фат Ты на короля Вьета Чиеу, завершившееся поражением из-за того, что Чиеу владел магическим когтем дракона, который был прикреплён к его

шлему. Тем не менее Чиеу заключил с ним мир, отдал ему во владение обширные земли и согласился на брак его сына Ня Ланга со своей дочерью принцессой Као-ньонг. При этом молодые остались жить при дворе Чиеу.

3.4. *Второй этап конфликта*

А. Уверовав в то, что ему помогает дух, король Мужественный забросил военные дела и проводил время в пирах и пьянстве. Поэтому нападение Тхук Фана застало совершенно пьяного короля Мужественного врасплох, который, чтобы не попасть в плен, покончил с собой, бросившись в колодец. В результате династия королей Мужественных сменилась династией Тхук, а название царства Ванланг, расширенного на северо-запад за счёт части территории Гуанси, было изменено на Аулак.

Б. Зазнавшийся Тхук Фан изгнал своего помощника Као Ло. Его дочь выдала своему мужу тайну арбалета. Чаунг Тхюи подменил волшебный спусковой крючок арбалета и под предлогом посещения родителей уехал к отцу. Чиеу Да вновь напал на короля Умиротворённого юга, который не смог оказать ему сопротивления и бежал вместе с дочерью. Погоня преследовала его по пятам, так как Ми Тяу по договорённости с мужем бросала на дорогу перья из своей подушки. Тхук Фан добрался до моря, где Дух – Золотая черепаха сообщил ему о предательстве дочери. Тхук Фан отрубил дочери голову и покончил с собой, бросившись в море, при этом он держал в руках ритуальный рог носорога. Чаунг Тхюи привёз тело жены домой, где оно превратилось в «прекрасный жемчуг»[1], а сам покончил с собой, бросившись в колодец. В результате династия Тхук сменилась династией Чиеу, а название царства Аулак, расширенного за северо-восток за счёт территории Гуандуна, было изменено на Намвьет.

В. Дочь короля Вьета Чиеу выдала своему мужу тайну когтя дракона. Ня Ланг похитил волшебный коготь и под

[1] Смотри выше «Часть I», «Глава 2» об имени «Ми Тяу», которое переводится как «Прекрасная жемчужина».

предлогом посещения родителей уехал к отцу. Ли Фат Ты вновь напал на короля Вьета Чиеу, который не смог оказать ему сопротивления и бежал вместе с дочерью на юг. Он не смог уйти от погони, которая преследовала его по пятам. Поэтому, добравшись до побережья, Чиеу покончил с собой, бросившись в море.

3.5. *Источник магической силы*

А. В сюжете о сватовстве к дочери одного из королей Духа Гор, Духа Вод и короля Шу (Тхук), в котором победил Дух Гор, сказано, что все последующие короли Мужественные в борьбе с мстившим им Духом Вод, который ежегодно насылал на Ванланг наводнения, опирались на помощь Духа Гор. Иными словами, речь идёт о силах природы, в которых и заключалась магическая сила последних королей Мужественных.

Б. При возведении Крепости Улитки королю Умиротворённого юга Тхук Фану пришлось столкнуться с противостоянием магических сил. От Духа – Золотой черепахи он получил указание что сделать, чтобы победить демонов, воплощавших дыхание гор и рек (вод), которые были связаны с захоронением музыканта эпохи королей Мужественных. После победы над демонами Дух – Золотая черепаха дал королю Умиротворённого юга свой коготь. В этом когте и заключалась магическая сила Тхук Фана.

В. В мифологической части сюжета о короле Вьета Чиеу ключевое место занимает история топи Зачать, которая также именуется «Топь одной ночи», и с островом посреди этой топи, который именуется «Островом Природы». Согласно сохранившемуся преданию, когда-то дочь одного из королей Мужественных по имени Тиен-зунг Ми-ныонг (Прекрасная девушка Божественная красота) во время прогулки встретила на речной отмели юношу по имени Тьы-донг Ты (Юноша, живущий [на речной] отмели). Она сочла, что это её жених, посланный Старцем, [сидящим под] Луной, и без позволения отца вышла за него замуж. На отмели возникло многолюдное

поселение. Однако король Мужественный решил покарать непослушную дочь с мужем. На следующую ночь случилась страшная буря, а наутро на месте поселения образовалась огромная топь с островом посередине. Именно на этом острове укрылся от Чэнь Басяня король Вьета Чиеу. Обосновавшись на острове, Чиеу поставил алтарь и воскурил благовония духам Неба и Земли, после чего ему явился верхом на драконе «Юноша, живущий на [на речной] отмели». Он вырвал у дракона коготь и отдал его Чиеу, который прикрепил его к шлему. В этом когте и заключалась магическая сила короля Вьета Чиеу.

Если теперь сопоставить приведённые данные этих трёх историко-мифологических сюжетов, то складывается следующая картина. Общность сюжетов **А**, **Б** и **В** объясняется, во-первых, тем, что заключение союза при помощи брака было обычным явлением в древних и средневековых обществах; во-вторых тем, что такой брак не только не препятствовал нарушению союза, но и создавал наилучшие условия для внезапного нападения, так как усыплял внимание противной стороны; в-третьих, известно, что в древних обществах пленение государя считалось наибольшим позором, тогда как при самоубийстве он лишь терял жизнь, но не честь. Все эти положения справедливы и для вьетского общества на ранних этапах его становления, что и отразилось в историко-мифологической традиции, в которой описывается смена всех ранних национальных династий. Единство этих династий в той или иной степени увязывается со ссылкой на первую полулегендарную династию основателей вьетской государственности, или на династию королей Мужественных. Указанные совпадения исчерпываются тем, что в сюжетах **Б** и **В** атрибутом магической силы является коготь.

Разночтения же в этих мифологических сюжетах значительно более серьёзны. Прежде всего, уже установлено, что сюжеты **А** и **Б** отражают реально происходившие события середины – конца III в. до н.э. и могут считаться историко-

мифологическими или полулегендарными[1]. Затем в сюжетах **А** и **Б** речь идёт о борьбе законных вьетских государей с вторгшимся извне иноземным захватчиком, тогда как в сюжете **В** речь идёт о междоусобной войне. Кроме того, интересно отметить, что в каждом из случаев магическая сила действует весьма специфически: в сюжете **А** магическая сила не помогла королю Мужественному, который пировал и пьянствовал, не думая об опасности; в сюжетах **Б** и **В** магическая сила не спасла от потери части владений, а затем была «утрачена» из-за беспечности её обладателя и предательства. Иными словами, речь идёт о вполне реальных факторах. Несущественный характер этой магической силы подтверждается и тем, что, в отличие от традиционных сказочных сюжетов, где волшебный предмет наделяет силой любого его владельца, в сюжетах **Б** и **В** переход магического когтя от одного владельца к другому влечёт за собой лишь потерю магической силы предыдущим владельцем, но не сообщает её новому владельцу. Что же касается сюжета **А**, то в нём вообще не имеется такого волшебного предмета.

Наконец, совершенно особо стоит вопрос о религиозной канве этих сюжетов.

В сюжете **А** религиозный антураж создаётся ранними религиозными представлениями, в которых в лице Духа Гор и Духа Вод обожествляются силы природы, игравшие особую роль на ранних этапах становления земледельческих обществ. В данном конкретном случае ситуация очевидна: в начальный период развития рисоводческого хозяйства основными задачами были борьба с наводнениями и управление водой для полива полей. Именно поэтому террасное рисоводство на склонах гор является одним из самых древних в регионе. При таком земледелии горы являются естественными союзниками людей в борьбе с наводнениями, также как Дух Гор становится союзником королей Мужественных в борьбе с Духом Вод.

В сюжете **Б** религиозный антураж носит значительно более сложный характер, главным действующим лицом

[1] Смотри «Часть I», «Глава 1» и «Глава 2».

которого является Дух – Золотая черепаха. Не вызывает сомнения тот факт, что культ черепахи – одно из древнейших «южных», и в том числе вьетских, анимистических верований. Не исключено даже, что черепаха была тотемом рода Тхук (Шу). Во всяком случае, Золотая черепаха сопровождала Тхук Фана и давала ему советы с самого начала его борьбы за власть и вплоть до последних минут жизни. Также весьма интересен с религиозной точки зрения и сюжет о возведении Крепости Улитки. Прежде всего, здесь можно констатировать наличие устоявшегося поминального культа, которого был лишён музыкант короля Мужественного, вследствие чего превратившийся в демона. В связи с этим демоном опять возникают понятия гор и вод, но уже в виде «дыхания» или так называемых эфирных частиц, имеющих в данном случае двоякое значение. С одной стороны, они воплощаются в пособников демона – белую курицу и дочь хозяина постоялого двора Нго-кхонга, в другой же – имеют явное геомантическое значение, так как строящаяся на месте их действия крепость постоянно разрушается. Таким образом, можно говорить об отражении в этом сюжете ранних, специфически южных натурфилософских или даосских религиозных представлений. Наконец, коготь Золотой черепахи и ритуальный рог носорога, который Тхук Фан, согласно одному источнику, держал в руках, а согласно другому – взял в рот при самоубийстве [36, с.110; 236.1, кн.1, с.10а], вне всякого сомнения, представляют собой амулеты, восходящие к эпохе ранних тотемистических и анимистических религиозных представлений. Таким образом, в сюжете **Б** религиозный антураж образован смешением ранних тотемистических и анимистических верований с уже достаточно оформившимся представлением о поминальном культе и элементами раннего, специфических южного натурфилософского или даосского учения.

Что же касается сюжета **В**, то в нём нашли отражение новые религиозно-философские взгляды, оформившиеся во Вьетнаме на протяжении IV – VI вв.[21]. В развёрнутом мифологическом антураже сюжета **В** прослеживается чёткая

временная связь власти Чиеу с эпохой создателей полулегендарного национального государства. При этом именно от них Чиеу получает магическую силу, поскольку «Юноша, живущий [на речной] отмели» был женат на принцессе из рода королей Мужественных. В этом сюжете также упоминается специфическое даосское божество – Старец, [сидящий под] Луной, который во Вьетнаме почитался в качестве бога браков. Даже сама топь Зачать связана с магической символикой, о чём свидетельствует и само её название – «Топь одной Ночи», в котором прослеживается дальнейшее развитие южных натурфилософских понятий, которые следует связывать с философским учением школы Тёмного и Светлого начал. Это же косвенно подтверждается и названием острова, на котором король Вьета Чиеу нашёл убежище, – «Остров Природы».

Наконец, «Юноша, живущий [на речной] отмели» спустился к Чиеу с Неба, сидя верхом на драконе. Этот дракон принципиально отличается от древних вьетских «водяных драконов», восходящих к крокодилу-тотему, и связан с другой системой вероисповеданий. А коготь дракона в данном случае является чистым амулетом и не связан с конкретной реальностью, подобно когтю Духа – Золотой черепахи в сюжете **Б**, где магический коготь, используемый в качестве спускового крючка арбалета, на самом деле отражает реальную силу лучников Тхук Фана. Точно также, если в сюжете **Б** черепаха-тотем сопровождает Тхук Фана и руководит его действиями на протяжении всего его правления, то в сюжете **В** действие духа-покровителя ограничиваются передачей королю Вьета Чиеу магической силы, олицетворённой в когте дракона. Всё это позволяет определить мифологический антураж сюжета **В** как смешение ранних религиозных представлений с элементами развитой религиозно-философской системы. А сочетание элементов философской школы Тёмного и Светлого начал, народного даосизма и магической силы, которые увязаны воедино в

одном сюжете с именем Сын Будды (Ли Фат Ты)[1], приводит к выводу о связи этого антуража с одной из ранних школ южноазиатского буддизма – буддизма школы Созерцания.

Таким образом. Если на первый взгляд сюжеты **Б** и **В** выглядят мифологическими и в целом идентичными, то при детальном их рассмотрении в сочетании с сюжетом **А** становится очевидным, что и с точки зрения реальной фактологии, и с точки зрения их религиозно-мифологической составляющей они имеют принципиальные различия. А если принять во внимание, что сюжеты **А** и **Б**, как доказано, отражают происходившие в действительности конкретные исторические события, то правомерно предположить, что и сюжет **В** также отражает реальные события вьетнамской истории второй половины VI в.

4. *Истоки и сущность путаницы в интерпретации событий вьетнамской истории 548 – 602 гг.*

При рассмотрении вьетнамских исторических источников как официальной, так и неофициальной историографической традиции термин «династия Ранняя Ли» нигде не встречается по отношению ко всему периоду 541 – 602 гг. Более того, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» термины «ранний» и «поздний» вообще не употребляются, а титул «император Южного Вьета» или «Намвьета» атрибутируется только к Ли Бону [36, с.119, 120]. Впервые же этот титул упоминается в связи с Ли Фат Ты лишь в «Записи истории Великого Вьета, полном описании», однако и в этом источнике всё не столь очевидно. Как уже отмечалось, весь этот период разбит в нём на три равнозначных раздела, озаглавленных «Эпоха Раннего Ли», «Эпоха короля Вьета Чиеу» и «Эпоха Позднего Ли», при этом в первом и третьем случаях имеются подзаголовки «Император Юга, Ранний Ли» и «Император Юга, Поздний Ли» [236.1, кн.4, с.14б, 18а, 20б]. Наконец, в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» Ли Бона в одном

[1] Об интерпретации этого имени смотри ниже в настоящей главе.

случае называют «император Южного Вьета», в другом – «император Юга» и в обоих случаях – без употребления титула «Ранний», тогда как Ли Фат Ты в одном случае именуется «Поздний император Ли», а в другом – «Поздний император Юга» [239.6, с.629, 667, 673]. Таким образом, наиболее полные титулы, которые можно реконструировать, выглядят следующим образом: «император Южного Вьета, Ранний Ли» и «император Южного Вьета, Поздний Ли». В этих двух титулах, во-первых, прослеживается претензия на связь с древним царством Намвьет, а во-вторых, в них противопоставляются понятия «ранний» и «поздний», связанные соответственно с Ли Боном и Ли Фат Ты.

Если теперь обратиться к конкретным персонажам указанных сюжетов и связанных с ними датировкам описываемой эпохи, то и в них также прослеживается достаточно много противоречий. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть, каким образом эти персонажи представлены в каждом из вышеуказанных источников.

4.1. *Вьетнамские источники*

4.1.1. «*Краткое* [*изложение*] *истории* [*Великого*] *Вьета*» [36, с.119, 120]

А. Фамилия – Нгуен[22]; имя – Бон; девиз правления – Небесная добродетель; титул – император Южного Вьета; название государства – Вансуан; умер своей смертью от болезни в пещере Кхуатлао; датировок нет.

Б. Фамилия – Нгуен; имя – Тхиен Бао; сын Нгуен Бона (А); потерпел поражение в области Кытян, которая после того была переименована в округ Ай; датировок нет.

В. Фамилия – Нгуен; имя – Фат Ты; сам захватил крепость Вьетвыонг; потерпел поражение от Лю Фана (О), сдался в плен и был отправлен в империю, где и умер; дата – 602 г.

Г. Фамилия – Нгуен; имя – Дай Кюен; сын старшего брата Фат Ты; командовал крепостью Лаунгбиен; датировок нет.

М. Фамилия – Ян; имя – Пяо; наместник округа Цзяо династии Лян; датировок нет.

Н. Фамилия – Чэнь; имя – Басянь; командующий экспедиционным корпусом Лян; будущий основатель династии Чэнь; нанёс поражение Нгуен Бону (А) и Нгуен Тхиен Бао (Б); датировок нет.

О. Фамилия – Лю; имя – Фан; наместник округа Цзяо династии Суй; нанёс поражение Нгуен Фат Ты (В) и Нгуен Дай Кюену (Г); дата – 602 г.

4.1.2. «*Запись истории Великого Вьета, полное описание*» [236.1, кн.4, с.14б – 22б, кн.5, с.1а]

А. Дополнительно сообщается: даты: 541 г. – начало восстания; 542 г. – нанесение поражения первому карательному походу из империи; 543 г. – победа над *тямами*; 544 г. – принятие императорского титула и провозглашение девиза правления; учредил императорский дворец под названием «Бесконечное долголетие»; 545 г. – окончательное поражение; 548 г. – дата смерти.

Б. Дополнительно сообщается: старший брат Ли Бона; после поражения в Кыутяне (приблизительно в 546 – 547 гг.) обосновался в районе Зи-лао государства Айлао; к 550 г. – создал государство Зананг и принял титул «король – господин Дао»; 555 г. – дата смерти.

В. Дополнительно сообщается: 550 г. – военачальник на службе у Ли Тхиен Бао (Б); 555 г. – стал государем Зананга, наследовав королю – господину Дао; 557 г. – напал на короля Вьета Чиеу (З), в результате, несмотря на поражение, заключил с ним мир посредством брака своего сына (Л) с дочерью Чиеу (К), получил во владение территории к северу от уезда Тылием с центром в крепости Озиен; 570 г. – благодаря «предательству» получил преимущество над Чиеу; 571 г. – повторное нападение на Чиеу, завершившееся победой; принятие титула «император Южного [Вьета] Поздний Ли».

Г. Всё аналогично.

Д. Фамилия – Чиеу; имя – Тук; 541 г. – военачальник Ли Бона; 544 г. – великий заместитель при дворе Ли Бона (А).

Е. Фамилия – Тинь; имя – Тхиеу; 541 г. – военачальник Ли Бона; 544 г. – руководитель военных чиновников при дворе Ли Бона (А).

Ж. Фамилия – нет; имя – Фам Ту; военачальник Ли Бона; 543 г. – командующий военной экспедицией против *тямов*; 544 г. – руководитель гражданских чиновников при дворе Ли Бона (А).

З. Фамилия – Чиеу; имя Куанг Фук; сын Чиеу Тука (Д); до 546 г. – главнокомандующий вьетской армии; 547 г. – был разбит Чэнь Басянем (Н); 548 г. – после смерти Ли Бона (А) принял титул «король Вьета Чиеу»; в 555 г. – разгромил остатки экспедиционной армии Лян под командованием Ян Чаня (Ф) и занял крепость Лаунгбиен; 557 г. – оставил за собой территорию к югу от уезда Тылием и переместил столицу в крепость Вунинь; 557 г. – потерпел поражение от Ли Фат Ты (В) и покончил с собой, бросившись в море.

И. Фамилия – Ли; имя – Фо Динь; военачальник Ли Фат Ты (В); 571 г. – командующий гарнизоном крепости Озиен.

К. Имя (титул) – Као-ныонг; дочь короля Вьета Чиеу (З); совершила предательство, выдав секрет силы войск Чиеу мужу.

Л. Имя – Ня-ланг; сын Ли Фат Ты (В); супруг Као-ныонг (К), сообщил отцу секрет силы войск Чиеу (З).

М. Всё аналогично.

Н. Всё аналогично.

О. Дополнительно сообщается: до 602 г. – наместник округа Гуа.

П. Фамилия – Сяо; имя – Цзы; родственник императора Лян; 541 г. – жестокий наместник округа Цзяо, откупился от Ли Бона и бежал в округ Гуан; 542 г. – один из руководителей неудачного карательного похода.

Р. Фамилия – Сунь; имя – Цзюн; 542 г. – военачальник, руководитель неудачного карательного похода; был осуждён по доносу Сяо Цзы (П) и покончил жизнь самоубийством.

С. Фамилия – Лу; имя – Цзысюн; 542 г. – военачальник, руководитель неудачного карательного похода против Ли Бона; был осуждён по доносу Сяо Цзы (П) и покончил жизнь самоубийством.

Т. Фамилия – Хуань; 542 г. – наместник округа Гуан.

У. Фамилия – Сяо; имя – Бо; родственник императора Лян; наместник округа Дин; 545 г. – вместе с Ян Пяо (М) и Чэнь Басянем (Н) был назначен руководителем второго карательного похода.

Ф. Фамилия – Ян; имя Чань; до 555 г. – заместитель Чэнь Басяня (Н); 555 г. – возглавил армию после Чэнь Басяня; потерпел поражение от Чису (З); убит в бою.

Х. Фамилия – Ян; имя – Су; 602 г. – рекомендовал императору Суй назначить Лю Фана командующим экспедиционной армии.

4.1.3. *«Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора»* [239.6, с.623 – 677]

В целом в этом летописном своде все события описываются аналогично «Записи истории Великого Вьета, полному описанию». Исключение составляют лишь четыре следующих момента.

Во-первых, дворец Ли Бона (А) назван так же, как и само его государство: «Вансуан», или «дворец Бесконечного процветания».

Во-вторых, Тинь Тхиеу (Е) назван руководителем гражданских, а Фам Ту (Ж) – военных чиновников.

В-третьих, первый карательный поход датирован 545 г., который также назван годом назначения Чэнь Басяня (Н) руководителем второго карательного похода.

В-четвёртых, в источнике говорится, что Чиеу Куанг Фук (З) до 546 г. был не главнокомандующим, а левым генералом армии, или генералом армии, [командующим] левым [крылом].

4.2. *Китайские источники*[23]

В целом китайские и вьетнамские источники не имеют разночтении по сообщениям об имперских военачальниках, хотя в китайских и названо несколько новых незначительных имён, однако по данным о вьетских персоналиях в них отмечаются принципиальные расхождения.

Д. Не упоминается.

Е. Не упоминается.

З. Не упоминается.

И. Не упоминается.

К. Не упоминается.

Л. Не упоминается.

Не упоминается также имя Ян Чаня (Ф), оставшегося вместо Чэнь Басяня (Н) в Цзяо. В то же время сообщаются дополнительные сведения о военных операциях и новые имена вьетских руководителей восстания. Так, сообщается, что приблизительно в 555 – 557 гг. происходили военные столкновения в округе Ай (бывший Кыутян) и в области Нятнам, а также говорится ещё о двух вьетских персонажах.

Ц. Фамилия – Ли; имя – Тхуан; руководитель восстания в 589 – 590 гг.; разбит китайским военачальником Ян Су (Х).

Ч. Фамилия – Ли; имя – Тиеу Луан; военачальник Ли Тхиен Бао (Б), а Ли Фат Ты (В) в этом контексте не упоминается.

Без сравнительного изучение всех изложенных данных не представляется возможным ни на основании отдельного вьетнамского источника, ни тем более китайских источников сделать какой-либо определённый вывод о существовании единой династии Ранней Ли во Вьетнаме в 541 – 602 гг. Кроме того, очевидные и значительные лакуны в «Кратком изложении истории [Великого] Вьета» и в китайских источниках также труднообъяснимы, особенно с учётом того факта, что за исключением сюжета о короле Вьета Чиеу эти лакуны принципиально отличаются друг от друга во вьетнамском и в китайских источниках. Во вьетнамском источнике текст вообще крайне лапидарен и сух, сообщается

лишь минимальная выборка фактов, которые касаются личностей Ли Бона и Ли Фат Ты, которые сумели подчинить своей власти всю страну. В этом смысле отсутствие сюжета о короле Вьета Чиеу, во-первых, не образует значительной по объёму лакуны и, во-вторых, оправданно, так как Чиеу не был ни наместником, управлявшим всем округом Цзяо, ни руководителем восстания, изгнавшим иноземных захватчиков и независимо управлявшим всей страной на протяжении более или менее длительного срока.

Совершенно иначе выглядят лакуны в китайских источниках. При полном отсутствии сюжета о короле Вьета Чиеу остальные перипетии этого периода вьетнамской истории в них описаны довольно подробно. При этом китайские историографы весьма выборочно игнорируют целый ряд моментов и в этих сюжетах. Так, в сюжете о Ли Боне упоминается лишь военачальник Фам Ту (Ж), а более важные помощники вьетнамского императора Чиеу Тук (Д) и Тинь Тхиеу (Е) не упоминаются. Точно также при описании вторжения армии Лэмап в Цзяо говорится, что оно произошло по повелению императора династии Лян [472, с.45]. Наконец, в китайских источниках сообщается ряд сведений, которые отсутствуют во вьетнамских летописных сводах, в том числе и новые имена руководителей вьетских восстаний.

Очевидно, что интерпретация столь запутанных и противоречивых фактов требовала тщательного изучения и сопоставления всего комплекса источников по вьетнамской истории второй половины VI в. При этом известно, что практически все французские миссионеры, исследователи и учёные конца XIX – 1-ой трети XX в., являвшиеся пионерами европейской науки о Вьетнаме, прежде всего были специалистами по Китаю. Поэтому неудивительно, что сначала они опирались на некритический анализ источников и первых обобщающих работ вьетнамской интеллектуальной элиты, которые появились в конце XVIII – начале XIX в. Наиболее выдающимся представителем этой элиты был Фан Хюи Тю, академический труд которого [213] лёг в основу

первой европейской хронологии вьетнамских династий, созданной П.Кадьером [701]. В этой работе, которая была опубликована в 1905 г., впервые в европейской науке была представлена единая вьетнамская династия Ранняя Ли (541 – 602 гг.). Однако уже в 1916 г. была опубликована фундаментальная статья выдающегося французского синолога А.Масперо, в которой он, опираясь на накопленные знания по истории Вьетнама и тщательное изучение материала как вьетнамских, так и китайских источников, опровергал гипотезу о существовании этой династии и доказывал вымышленный характер сюжета о короле Вьета Чиеу [897.1].

С этих двух публикаций в современном вьетнамоведении начался спор об аутентичности версии вьетнамских источников. По мере накопления знаний о ранних периодах вьетнамской истории всё чаще ставились под сомнение многие положения статей А.Масперо, при этом особенно интересно, что это делали и такие крупные французские учёные, как Л.Оруссо [651], Э.Гаспардон [796] и М.Дюран [781].

К сожалению, все эти учёные, обращая внимание на значительные разночтения в описании истории 541 – 602 гг. во вьетнамских и китайских источниках, ограничивались, как известно, лишь констатацией факта наличия или отсутствия в них всего сюжета о короле Вьета Чиеу и не учитывали многочисленные вышеуказанные мелкие несоответствия и противоречия между фактами, которые приводятся в источниках при изложении этого сюжета. Кроме того, если между сюжетами о короле Вьета Чиеу и короле Умиротворённого юга Тхук Фане постоянно проводилась параллель, то сюжет о падении династии королей Мужественных ни разу так и не был привлечён для сопоставления с этими двумя сюжетами. Не исключено, что этим и объясняется традиционная интерпретация сюжетов о короле Вьета Чиеу и короле Умиротворённого юга Тхук Фане.

Безусловно, работа каждого из упомянутых учёных внесла свой вклад в решение проблемы династии Ранней Ли.

Однако лишь исследование указанных мелких несоответствий всего комплекса источников по этой проблеме в сочетании со сравнительным анализом не двух, а трёх сходных историко-мифологических сюжетов вьетнамской историографии может дать ключ для реконструкции событий истории Вьетнама второй половины VI в.

5. *541 – 602 гг. в истории Вьетнама: факты и вымыслы*

Изучение всего материала по истории данного периода во вьетнамских официальных и неофициальных источниках, а также китайских династийных записей позволяет придти к выводу о том, что как в одних, так и в других имеются значительные неточности.

Наличие в древней вьетской храмовой житийной историографической традиции, восходящей ко II в. до н.э. и сохранявшей свою роль вплоть до неоконфуцианского синтеза XV в., привело с X – XI вв. к сосуществованию во Вьетнаме параллельных храмовой житийной и официальной династийной историографий. Будучи храмовой и буддийской, житийная историография концентрировала своё внимание на конкретных персонажах описываемых событий, в первую очередь – на деталях и нюансах деятельности этих персонажей, используя любой удобный предлог для введения в повествование религиозно-мифологического антуража. Официальная же династийная историография ограничивалась строгой фиксацией наиболее важных моментов истории страны и их хронологией.

Такое положение вещей было логичным в условиях господства буддизма школы Созерцания как государственной идеологии во Вьетнаме X – XIII вв. Указанные неофициальная и официальная будлийские историографические традиции существовали одновременно и дополняли друг друга, при этом каждая из них занималась своей группой данных. Если первая уделяла основное внимание событиям «Эпохи северной зависимости», то вторая, сложившаяся в правление императоров первой общевьетнамской династии Ли (1010 –

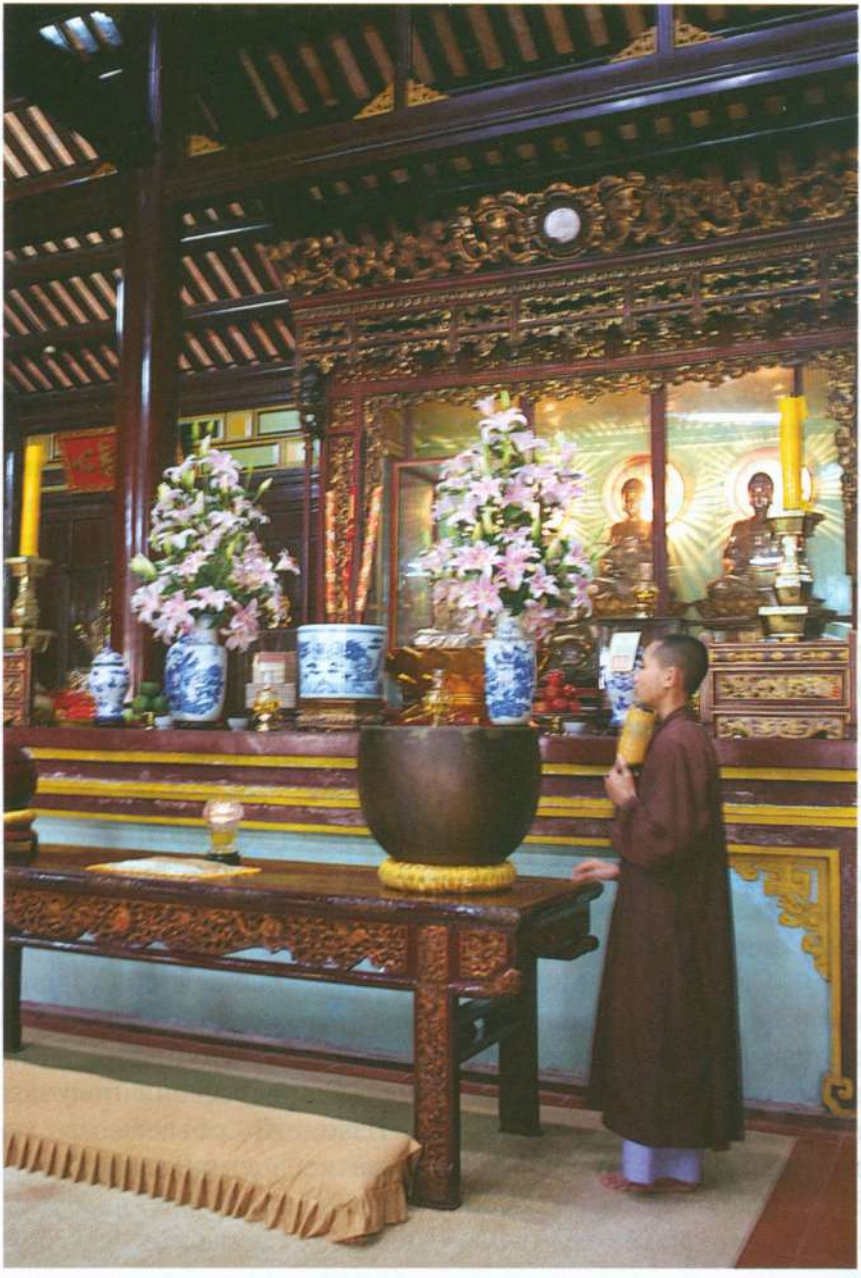
1226 гг.), описывая их свершения, ограничивалась лишь краткой констатацией наиболее важных фактов предшествовавшей эпохи. И именно эту официальную буддийскую историографическую традицию представляет собой летописный свод «Краткое изложение истории [Великого] Вьета», что не могло не сказаться как на его структуре, так и на его содержании.

Однако на протяжении XIII – XV вв. по мере роста влияния неоконфуцианства в государственном аппарате Вьетнама произведения буддийской житийной историографии, равно как и сам буддизм, постепенно «вытеснялись» из сферы механизма государственного управления. А это влекло за собой исключение весьма важных сюжетов национальной истории до X в. из официальной государственной истории. Поэтому в неоконфуцианском идеологическом синтезе, завершившемся во Вьетнаме в начале XV в., одним из ключевых моментов является синтез житийной храмовой и официальной придворной историографических традиций. И именно летописный свод «Запись истории Великого Вьета, полное описание» является первым вьетнамским историческим документом, в котором воплощён этот синтез. Это специфически вьетнамское явление объясняет характер лакун в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета», в котором авторы сознательно опустили многие детали и в том числе сюжет о короле Вьета Чиеу, как относящиеся к сфере житийного храмового летописания [544, с.70 – 137][1].

Совершенно иной характер имеют лакуны в китайских источниках, которые, надо полагать, связаны с двумя основными причинами. Во-первых, необходимо отметить, что историографы династий Лян, Чэнь и Суй нередко не получали сведений из мятежного округа Цзяо, что объясняется как слабостью или отсутствием китайской администрации во Вьете, так и смутами в самой империи.

---

[1] Об этом феномене смотри «Параграф 7» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома и параграф «Летописание» в «Томе II».

Буддийский монах – хранитель письмён алтаря.
Пагода Небесной или Усопшей Наставницы. Хюе. 01.04.2011 г.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что представители имперской администрации в округе просто не имели доступа к житийным храмовым записям, которые тщательно скрывались от них[24].

Наконец, не менее важным фактором является сознательное искажение событий в округе Цзяо, связанное, прежде всего, с личностью Чэнь Басяня.

Годы восстания Ли Бона были периодом заката династии Лян. В результате же смут, вызванных её падением, к власти в империи пришла новая династия Чэнь, которая находилась у власти в 557 – 583 гг., а затем, после очередного периода смут, её в свою очередь сменила общекитайская династия Суй (589 – 619 гг.). Таким образом, Чэнь Басянь, подавив мятеж в Цзяо, вернулся в империю и стал основателем новой династии. Естественно, что с точки зрения официальной историографии он был «совершенным человеком», и именно поэтому ему во всём сопутствовал успех. Именно этим и объясняется специфика описания событий в Цзяо имперскими историографами той эпохи [257.11].

Согласно традиционной конфуцианской концепции исторического развития [1063], падение правящей династии сопровождается смутами. С этой точки зрения восстание Ли Бона, присвоение им императорского титула и провозглашение государства символизировало собой упадок династии Лян. Аналогична и интерпретация войны Ли Бона с Тямпой (Лэмап). Согласно официальной версии, Тямпа была вассальным государством по отношению к Лян. Отсюда и истолкование этой войны как выполнение приказа из империи о наказании мятежника. С этой точки зрения, нападение Тямпы на Вьет в 543 г. ничем не отличается от первого карательного похода против Ли Бона в 542 г., а оба они рассматриваются как мероприятия династии Лян против мятежного Цзяо. Поэтому в изложении китайских историографов их неудача выглядит вполне логичной и закономерной, тем более, что изгнанный Ли Боном наместник округа Цзяо и вдохновитель карательного похода 542 г. были родственниками императора Лян.

Когда же речь идёт о карательном походе 545 г., которым, по сути, командовал Чэнь Басянь, то характер оценки событий в китайских источниках принципиально меняется. Хотя, как это следует из источников, карательную экспедицию возглавляли родственник императора Лян Сяо Бо и Ян Пяо, который назначил Чэнь Басяня командующим авангардом, изложение событий строится таким образом, что несомненное лидерство последнего неоспоримо. Совершенно очевидно и стремление показать непобедимость будущего основателя династии Чэнь, и лёгкость, с которой он захватил ключевые укрепления мятежников. И хотя в текстах иногда проскальзывает намёк на сложность ситуации, как, например, в обращении Чэнь Басяня к своим военачальникам перед решающей битвой, само это сражение описывается как лёгкая и безусловная победа над превосходящими силами мятежников. Точно также и в вопросе о смерти Ли Бона. Его кончина от болезни в окружении приближённых и в безопасности умаляла бы ореол величия будущего императора. Поэтому китайские историографы, видимо, сознательно пошли на искажение фактов, согласно версии которых Ли Бон был убит местными жителями, поднёсшими в знак покорности его голову Чэнь Басяню. Аналогичен и сюжет о Ли Тхиен Бао, победа над которым преподносится как незначительное событие. При этом, естественно, не упоминается факт существования под его властью независимой территории в отдалённых районах страны. Однако все эти события завершаются в 555 г. и соответственно относятся к периоду, предшествовавшему восшествию Чэнь Басяня на престол в империи в 557 г. И вот здесь возникает вопрос о том, что же произошло в 556 г.

И.Н.Машкина полагает, что если бы Чэнь Басянь, как это следует из вьетнамских источников, непосредственно воевал бы с Чиеу, то имперские историографы имели бы об этом прямые документальные свидетельства и, несомненно, отразили бы это событие в династийных хрониках [472, с.50, пр.87]. В подтверждение этого она ссылается на китайские

источники, вскользь упоминающие о каких-то «реальных» столкновениях с мятежниками в Цзяо в 555 – 557 гг. [472, с.52, 53], то есть в годы, когда должна была происходить борьба между Чэнь Басянем и королём Вьета Чиеу. Представляется, что такая интерпретация событий не совсем соответствует действительности. Будущий победоносный основатель имперской династии Чэнь не сумел справиться с загнанным в непроходимые топи мятежником. Более того, оставив против него, видимо, незначительные и утомлённые сражениями силы, Чэнь Басянь с отборными частями ушёл в империю, чтобы принять участие в междоусобной борьбе за власть. С конфуцианской точки зрения, такой поступок никоим образом не соответствовал образу «совершенного человека», которому суждено было получить «Мандат Неба». Если же принять во внимание, что династийную хронику, в которую были занесены события этого периода, писали придворные историографы династии Чэнь, то «исключение» сюжета о короле Вьета Чиеу как незначительного события является искажением того же порядка, что и искажение обстоятельств смерти Ли Бона или умолчание ряда фактов, связанных с деятельностью Ли Тхиен Бао. В то же время упоминание о «мелких» столкновениях в 555 – 557 гг. позволяет сохранить видимость «объективного» изложения событий. Последующий же период просто остался вне поля зрения китайских историографов, так как в то время ни одного представителя имперской администрации в Цзяо не было. И лишь с воцарением династии Суй в 589 г., которая после трёх с половиной веков раздробленности объединила под своей властью всю империю, были предприняты решительные меры для восстановления имперской власти над вьетскими территориями.

Поэтому не случайно, что первое упоминание о Цзяо после 557 г. в китайском источнике, в котором сообщается, что имперские войска «умиротворили» мятеж «человека из округа Цзяо» Ли Тхуана, относится лишь к 589 – 590 гг. То что этот факт не отмечен во вьетнамских источниках, говорит либо о

том, что восстание Ли Тхуана не затронуло основные вьетские территории и происходило на юге Гуандуна, либо о том, что Ли Тхуан упоминается в этих источниках под другим именем. При описании же событий 602 г. имперские источники говорят о Ли Фат Ты как о рядовом и трусливом мятежнике. При этом ни слова не говорится ни о его деятельности, восходящей ко времени Ли Бона, ни о факте принятия им императорского титула. В основном же речь в них идёт не об этом последнем представителе династии Ранней Ли, а о свершениях Лю Фана во время его карательного похода на Юг во главе имперского экспедиционного корпуса. Такая подача событий в китайских источниках вполне естественна. Как уже отмечалось, с 557 г. имперские историографы не имели сведений о положении в Цзяо и соответственно о предшествовавших 602 г. связанных с Ли Фат Ты событиях, не говоря уже о том, что они писали свои хроники при дворе династии Суй, которая жестоко карала любое принижение её величия.

Наконец, прежде чем сформулировать гипотезу о реальном ходе событий вьетнамской истории 541 – 602 гг., необходимо остановиться ещё и на проблеме интерпретации имён Ли Тхиен Бао (Б), Ли Фат Ты (В), Дай Кюен (Г), Чиеу Тук (Д), Тинь Тхиеу (Е), Фам Ту (Ж), Чиеу Куанг Фук (З), Ли Фо Динь (И), Ли Тхуан (Ц) и Ли Тиеу Луан (Ч).

Структура имён «Б», «В» и «З» не соответствует общепринятым нормам образования имён, которые встречаются во вьетнамских источниках. По своему типу они, скорее, относятся к именам государей, образованным сочетанием фамилии и девиза правления, что является довольно распространённой формой прижизненного наименования государя в конфуцианском культурном ареале эпохи средневековья. Учитывая же, что все эти три человека, согласно источникам, были независимыми правителями, а их предшественник Ли Бон имел собственный девиз правления «Небесная добродетель», подобная интерпретация этих имён представляется более чем вероятной. В таком случае в имени «Б» «Ли» – фамилия, а «Небесное богатство» (Тхиен-бао) –

девиз правления; в имени «В» «Ли» – фамилия, а «Сын Будды» (Фат-ты) – девиз правления; в имени «З» «Чиеу» – фамилия, а «Славная реставрация» (Куанг-фук) – девиз правления. Но в таком случае остаются неизвестными имена этих людей. Однако представляется, что имена «Д», «Ж» и «Ч» могут пролить определённый свет на эту проблему.

В источниках сказано, что с 541 г. Чиеу Тук был ближайшим сподвижником Ли Бона, а в 544 г. он стал великим заместителем при его дворе. В то же время про Чиеу Куанг Фука сообщается, что он был сыном Чиеу Тука, командовал левым крылом армии, в 546 г. стал главнокомандующим, а в 548 г. практически наследовал Ли Бону. Но до 548 г. не говорится ни слова о Чиеу Куанг Фуке, а после 544 г. – о Чиеу Туке, и это при том, что они были отцом и сыном, сражавшимися в одно и то же время за одно и то же дело. Столь очевидное противоречие позволяет предположить, что Чиеу Тук и Чиеу Куанг Фук – это два имени одного и того же человека. Если это так, то всё становится на свои места: *фамилия* – «*Чиеу*», имя – «*Тук*», *девиз правления* – «*Славная реставрация*», *титул* – «*Король Вьета*».

Несколько более сомнительной, но в принципе допустимой является гипотеза, связанная с реконструкцией следующего имени. Выше отмечалось, что, согласно вьетнамским источникам, Ли Тхиен Бао имел помощника по имени Ли Фат Ты, а согласно китайским источникам, «союзником» Ли Тхиен Бао был «разбойник Ли Тису Луан». Так как Ли Фат Ты лицо вполне историческое, то причин сомневаться в его совместной деятельности с Ли Тхиен Бао не имеется. Иное дело – Ли Тиеу Луан. Китайские историографы, которые вообще вскользь говорят о деятельности Ли Тхиен Бао, вдруг называют какого-то неизвестного «разбойника» и ставят его по значимости на тот же уровень, что и руководителя восстания. Такое несоответствие, скорее всего, связано с тем, что имперские историографы располагали двумя информациями о старшем брате Ли Бона, в одной из которых он назван собственным именем, а в другой – девизом

правления. Если принять во внимание фрагментарность информации и сложность вычленения девиза правления в её контексте, то не исключено, что в китайском источнике указаны два человека вместо одного. Тогда гипотеза об имени старшего брата Ли Бона формулируется следующим образом: *фамилия* – «*Ли*», имя – «*Тиеу Луан*», *девиз правления* – «*Небесное богатство*», *титул* – «*Король – господин Дао*».

Теперь – о реальном имени Ли Фат Ты. Девиз правления «Сын Будды» явление для данного культурного ареала исключительное и свидетельствует о сильном индийском влиянии. Кроме того, известно, что Ли Фат Ты был главным военачальником старшего брата Ли Бона и принимал участие в военных действиях в области Кыутян и в Айлао. В то же время как вьетнамские, так и китайские источники сообщают, что в 543 г. победу над *тямами* одержал Фам Ту, впоследствии ставший одним из высших сановников при дворе Ли Бона. Имя «Фам Ту» по своему характеру не является вьетским, а в тямской среде такие имена явление обычное. Наконец, известно, что Тямпа была индуистским государством. Учитывая эти три факта, а также то, что Фам Ту упоминается до 544 г., а Ли Фат Ты – лишь с 550 г., хотя они и жили в одно и то же время и одновременно принимали участие в восстании Ли Бона, можно предположить, что настоящим именем Ли Фат Ты является имя Фам Ту. При такой интерпретации представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: *фамилия* – «*Ли*», имя – «*Фам Ту*», *девиз правления* – «*Сын Будды*», *титул* – «*Император Южного* [*Вьета*] *Поздний Ли*».

Таким образом, остаётся ещё три имени, которые необходимо идентифицировать: Тинь Тхиеу (Е), Ли Фо Динь (И) и Ли Тхуан (Ц), так как идентификация имени Дай Кюен (Г) не вызывает сомнения. Что касается Тинь Тхиеу, то это типично вьетское имя, а сообщаемые о нём биографические сведения позволяют признать в нём одного из первых сподвижников Ли Бона. Тот же факт, что после 544 г. он больше не упоминается в источниках, вероятно, связан с

гибелью Тинь Тхиеу во время решающего сражения на озере Диенчиет в 8-ом месяце 546 г.

Как известно, Ли Фо Динь был одним из полководцев Сына Будды, которого последний назначил командующим крепости Озиен. Представляется, что в данном случае возможно уточнение. Источники сообщают, что сначала резиденцией Сына Будды была крепость Озиен, а затем резиденция была перенесена в крепость Вьетвыонг, тогда как крепостью Лаунгбиен командовал сын старшего брата Сына Будды – Ли Дай Кюен. Однако, если крепость Озиен была одной из резиденций Сына Будды, то назначение её командующим рядового военачальника по меньшей мере странно. Учитывая же совпадение фамилий и редкость имени «Фо» среди *вьетов*, можно предположить, что именно Ли Фо Динь и был старшим братом Сына Будды. В этом случае выстраивается вполне логичная схема: император назначил своего брата комендантом одной из трёх ключевых крепостей, своего племянника – комендантом второй крепости, а сам контролировал положение в столичной крепости.

Наконец, о Ли Тхуане вряд ли можно сказать что-либо определённое. Скорее всего, он был руководителем небольшого восстания *вьетов* в 589 – 590 гг. в южной части округа Гуан, который, как известно, был объединён в одну административную единицу с Цзяо в 558 г. династией Чэнь. Тогда все девятнадцать мелких округов эпохи Лян, образовавших новую административную единицу, находились под управлением Оуян Вэя. Поэтому, с точки зрения китайских историографов, это восстание произошло в Цзяо и было подавлено военачальником Ян Су [472, с.53], тогда как в самом Цзяо это восстание осталось неизвестным.

Безусловно, изложенная выше интерпретация и идентификация имён имеет характер более или менее обоснованных гипотез. Однако необходимо отметить, что они основаны на максимально широком и детальном сопоставлении фактов вьетнамской истории второй половины VI в. и позволяют снять целый ряд серьёзных противоречий

между данными различных китайских и вьетнамских источников.

Поэтому до тех пор, пока не будут приведены убедительные аргументы в пользу неверности этих гипотез, они останутся главным инструментом, позволяющим осуществить реконструкцию вьетнамской истории 541 – 602 гг.

6. *Наиболее вероятная реконструкция основных событий вьетнамской истории 541 – 602 гг.*

6.1. *Период династии Раннего Ли*

В 541 г. в округе Цзяо вспыхнуло восстание против администрации династии Лян во главе с префектом области Кыудык Ли Боном, происходившим из Тхайбиня. Его род эмигрировал во Вьет в конце эпохи Западной Хань и к началу восстания он насчитывал уже порядка пятнадцати – шестнадцати поколений, постоянно проживавших в округе Цзяо. Таким образом, Ли Бон был типичным представителем местной сино-аннамитской элиты. С самого начала к нему присоединились ещё один представитель вьетской элиты по имени Тинь Тхиеу и военачальник из Тюзиена Чиеу Тук. В числе руководителей восстания также следует назвать старшего брата Ли Бона – Ли Тиеу Луана и, надо полагать, тямского по происхождению, военачальника Ли Фам Ту вместе с его старшим братом Ли Фо Динем. Восстание единодушно поддержала как местная знать, так и всё население округа. Поэтому оно оказалось на редкость бескровным, а восставшие одержали молниеносную победу. Видимо, из-за того что наместник Сяо Цзы находился в родстве с императором Лян, Ли Бон, войдя в столицу округа Цзяо крепость Лаунгбиен, принял от него богатые дары и позволил ему бежать в округ Гуан. В результате традиционные лаквьетские территории были полностью освобождены от имперского господства.

Вероятно, в империи решили не тянуть с подавлением восстания, так как уже в 12-ом месяце 541 г. император Лян повелел военачальникам Сунь Цзюну и Лу Цзысюну

возглавить карательную экспедицию против Ли Бона. Сунь Цзюн, ссылаясь на климатические условия в Цзяо, пытался перенести экспедицию с весны на осень, но наместник округа Гуан, Хуань, которого торопил с началом военных действий Сяо Цзы, не позволил ему этого сделать. Поход начался весной 542 г. и завершился катастрофой. Почти вся армия погибла от болезней, а оставшиеся в живых солдаты разбежались. Виноватыми в поражении «назначили» Сунь Цзюна и Лу Цзысюна, которых по доносу Сяо Цзы император династии Лян обвинил в трусости и повелел им покончить с собой.

Затем в 4-ом месяце 543 г. Ляны спровоцировали нападение Лэмап на южные территории округа Цзяо. Ли Бон направил против *тямов* Ли Фам Ту, которому удалось разгромить противника в Кыудыке, однако самая южная область округа Нятнам по-прежнему оставалась в руках тямов. Тем не менее победы 542 и 543 гг. значительно укрепили авторитет Ли Бона. Поэтому в первом месяце 544 г. он объявил о создании государства Вансуан, принял титул «Император Южного Вьета» и провозгласил девиз правления «Небесная добродетель». Была учреждена императорская резиденция под названием «Дворец Бесконечного долголетия», в которой должны были собираться придворные чиновники, а ближайшие сподвижники Ли Бона были назначены на ключевые государственные посты. Чиеу Тук стал первым министром, тогда как Тинь Тхиеу и Фам Ту возглавили военных и гражданских чиновников. В результате на освобождённых территориях округа Цзяо была полностью восстановлена вьетская государственность. Естественно, что империя Лян с этим не могла смириться.

К лету 545 г. в империи была завершена подготовка второго карательного похода против *вьетов*. Наместником округа Цзяо и главнокомандующим был назначен некий Ян Пяо, который в свою очередь назначил командующим авангарда одного из наиболее выдающихся имперских полководцев того времени Чэнь Басяня. Военные действия начались в шестом месяце 545 г. Согласно плану Ян Пяо

вместе с наместником округа Дин Сяо Бо должен был собрать местные войска и присоединиться к Чэнь Басяню в Цзяоси для совместного наступления. Однако Сяо Бо, который был близким родственником бывшего наместника Цзяо Сяо Цзы и находился в родственных связях с императором Лян, попытался задержать выступление Ян Пяо. Тогда Чэнь Басянь обвинил Сяо Цзы в том, что тот спровоцировал мятеж в Цзяо, заявил, что Сяо Бо не способен командовать войсками, и принял решение о начале самостоятельного наступления.

Вторгшейся в Цзяо имперской армии противостояла тридцатитысячная армия Ли Бона. Наконец, решительное сражение произошло в 1-ом месяце 546 г. у крепости Зянинь. Потерпевшая ранее незначительные поражения в сражениях у Тюзиена и в устье реки Толить армия Ли Бона была полностью разгромлена, а сам он с её остатками бежал в Тансыонг, где начал собирать новую армию. С этой же целью он направил в южные районы страны Ли Тиеу Луана, дав ему в помощь испытанного в боях Ли Фам Ту. При себе же Ли Бон оставил Тинь Тхису и Чиеу Тука.

Военные действия возобновились с новой силой в 8-ом месяце 546 г. Они начались с того, что Ли Бон во главе двадцатитысячной армии, большую часть которой составляли так называемые *маны*, спустился с гор на низменность и вышел к озеру Диенчиет, где было подготовлено значительное количество судов и лодок для нападения на Чэнь Басяня, расположившегося лагерем на месте впадения реки Зянинь в озеро. Одновременно с юга из Кыутяна наступала армия под командованием Ли Тиеу Луана и Ли Фам Ту. В результате армия Лян, около полутора лет находившаяся во враждебной стране и не получавшая подкреплений из империи, оказалась в критическом положении. Она просто не выдержала бы длительных военных действий. Избежать поражения можно было лишь стремительно разбив каждую из вьетских армий по отдельности, чтобы не дать им возможности замкнуть кольцо окружения. Чэнь Басянь призвал войска немедленно навязать противнику решительное сражение, но его призыв не был

поддержан другими военачальниками. И тут на помощь Чэнь Басяню неожиданно пришла природа. В реке начался сильный подъём воды, а вызванное им мощное течение прижало вьетские лодки к берегу. Воспользовавшись этим, Чэнь Басянь ночью напал на армию Ли Бона. Благодаря течению лянские суда стремительно достигли вражеских позиций, при этом гром барабанов и крики наступающих усилили эффект внезапности. В результате вьетская армия потерпела сокрушительное поражение, её командующий Тинь Тхиеу был убит, а сам Ли Бон вместе с Чиеу Туком и остатками войск отступил на запад, где укрылся в горном уезде Кхуатлао на современной границе между Вьетнамом и Лаосом. Чэнь Басянь его не преследовал, так как с юга приближалась вторая часть вьетской армии под командованием Ли Тиеу Луана и Ли Фам Ту. Вероятно, в 547 г. произошло очередное сражение, в котором вьеты также потерпели поражение и были вынуждены уйти из Кьутяна. Однако это не было разгромом. Ли Тиеу Луан и его главные полководцы братья Ли Фам Ту и Ли Фо Динь остались живы. Им даже удалось сохранить десятитысячное войско, с которым они отступили на юго-запад в район современного горного Лаоса. Таким образом, на широте области Зяоти в уезде Кхуатлао горного массива на границе Вьетнама и Лаоса нашёл убежище Ли Бон вместе с Чиеу Туком, а несколько южнее на широте области Кьутян в том же горном массиве укрылись его старший брат Ли Тиеу Луан вместе с Ли Фам Ту и Ли Фо Динем.

Ли Бон сумел воспользоваться передышкой, которую ему дали военные действия между Чэнь Басянем и Ли Тиеу Луаном в конце 546 – начале 547 г. Чтобы обезопасить себя от преследования, он пожаловал Чиеу Туку титул короля, передал ему верховную власть в стране[25] и направил с остатками армии во Вьет, где последний создал опорную базу на острове посреди топи Зачать в труднодоступном районе своего родного уезда Тюзиен. Этот расчёт полностью оправдался. Силы имперской армии оказались скованными, так как, с одной стороны, Чэнь Басянь не мог предоставить врагу

свободу действий в области Зяоти, а с другой – у него не было возможности нанести ему поражение, из-за того что Чиеу Тук вёл партизанскую войну и уклонялся от прямого сражения. Таково, надо полагать, было положение к 3-му месяцу 548 г., когда истощённый испытаниями и болезнями Ли Бон скончался в горном уезде Кхуатлао.

После кончины Ли Бона Чиеу Тук, опираясь на верховную власть и титул, которые ему были пожалованы, открыто заявил о своём намерении наследовать императору Южного Вьета. Он добавил к своему титулу название страны, назвав себя «король Вьета», и провозгласил девиз правления «Славная реставрация» (548 – 571 гг.). Если исходить из конфуцианских принципов организации государственной власти, то очевидно, что девиз правления декларировал намерение Чиеу Тука объединить под своей властью всю страну путём реставрации власти национального императора.

Теоретически Чиеу Тук мог бы сразу принять титул императора, однако Ли Тиеу Луан, обосновавшийся в Айлао, также, как старший брат Ли Бона, выступил в роли его законного наследника императора Южного Вьета. Он объявил о создании на подвластной ему территории государства Зананг, принял титул «король – господин Дао» и провозгласил девиз правления «Небесное богатство» (548 – 555 гг.). Главным советником короля стал Ли Фам Ту.

В 555 г. король – господин Дао Ли Тиеу Луан скончался, а его главный советник Ли Фам Ту «унаследовал» верховную власть в государстве Зананг.

Этими событиями завершается период правления династии Раннего Ли, насчитывающий двух государей: императора Южного Вьета Ли Бона с девизом правления «Небесная добродетель» и короля – господина Дао Ли Тиеу Луана с девизом правления «Небесное богатство». Они никак не затрагивают последующего конфликта между двумя основными военачальниками этой династии Чиеу Туком и Ли Фам Ту.

6.2. *Период междоусобиц (Чиеу Тук и Ли Фам Ту)*

В 555 г. произошло событие, оказавшее решающее значение на ход войны во Вьете. Основные силы имперского экспедиционного корпуса под командованием Чэнь Басяня ушли из Цзяо, чтобы вмешаться в междоусобную борьбу за трон династии Лян. Незначительные силы, оставшиеся под командованием Ян Чаня для блокады в Тюзиене короля Вьета Чиеу, не только оказались не в состоянии справиться с двадцатитысячной вьетской армией, но и потерпели в итоге сокрушительное поражение. Ян Чань был убит в сражении, а остатки его армии бежали в империю.

Король Вьета Чиеу Тук занял столицу округа крепость Лаунгбиен, восстановив тем самым полную независимость государства Вансуан, основанного Ли Боном. Однако по неизвестной причине он так и не провозгласил себя императором. Не исключено, что Чиеу Тук не мог принять императорского титула до решения проблемы с королём царства Зананг Ли Фам Ту.

Приблизительно в 557 г. произошёл ряд столкновений между бывшими союзниками – Ли Фам Ту и Чиеу Туком. Ни тому ни другому не удалось добиться победы. Поэтому между ними был заключён мирный договор, согласно которому сын Ли Фам Ту (условно Ня Ланг) получал в жёны дочь Чиеу Тука (условно Као-ньонг) и оставался жить при дворе последнего в качестве заложника. Ли Фам Ту получал во владение обширные территории с центром в крепости Озиен, которая стала его резиденцией. А король Вьета Чиеу переместил свою резиденцию в крепость Вунинь, так как Лаунгбиен был слишком близко расположен к владениям Ли Фам Ту.

Несмотря на заключённый мирный договор, в отношениях между Ли Фам Ту и Чиеу Туком продолжались трения, перераставшие время от времени в военные столкновения. Равновесие сил сохранялось до 570 г., когда, видимо, благодаря сведениям, полученным Ня Лангом от Као-ньонг, Ли Фам Ту получил решающий перевес над королём Вьета, который он сумел реализовать в 571 г., неожиданным

ударом овладев крепостью Вунинь. Чиеу Туку бежал вместе с дочерью, но, преследуемый по пятам, он оказался загнанным в тупик на морском побережье и покончил с собой.

6.3. *Период императора Южного Вьета, Позднего Ли*

В 571 г. благодаря победе над королём Вьета Чиеу Туком Ли Фам Ту оказался единоличным правителем возрождённого им независимого государства Вансуан. В ознаменование этого он в подражание Ли Бону принял титул императора Южного Вьета и провозгласил девиз правления «Сын Будды» (571 – 602 гг.).

Новый император назначил своего брата Ли Фо Диня комендантом крепости Озиен, а его сына и соответственно своего племянника Ли Дай Кюена – комендантом крепости Лаунгбиен. Свою же резиденцию он устроил в Крепости Улитке – древней столице короля Умиротворённого юга Тхук Фана, которая в то время именовалась крепость Вьетвыонг.

Далее вплоть до начала VII в. ничего определённого о событиях во Вьете нельзя сказать, за исключением того, что к тому времени реальная власть, по всей вероятности, перешла в руки более молодых членов клана Ли Фам Ту, так как сам он с братом были уже достаточно старыми людьми[26] и вряд ли принимали непосредственное участие в управлении страной. Не исключено, что фактически власть принадлежала племяннику престарелого императора Ли Дай Кюену, а упоминающийся в китайских источниках под 589 – 590 гг. «разбойник» Ли Тхуан был военачальником последнего и, что в таком случае весьма вероятно, его родственником. Очевидно, что в этих условиях в Вансуане не могло быть сильной централизованной власти, что в значительной степени облегчало задачу возглавляемой Лю Фаном экспедиционной армии династии Суй, которая не позднее середины 601 г. начала подготовку к походу с целью возвращения мятежных вьетских территорий в состав империи. Поэтому когда в 602 г. Лю Фан с отборными частями своей армии скрытно прошёл через Юньнань и вторгся в Северный Вьетнам с северо-запада,

откуда его не ждали, то он застал *вьетов* врасплох и практически без боя овладел Крепостью Улиткой.

Ступа пагоды Небесной, или Усопшей, Наставницы. Хюе. 01.04.2011 г.

Император Южного Вьета Ли Фам Ту попал в плен и был отправлен в империю, где вскоре скончался. Однако его военачальники, оправившиеся от эффекта внезапного

нападения, продолжали оказывать сопротивление имперским войскам вплоть до 605 г. Видимо, этим сопротивлением после, казалось бы, безоговорочной победы Лю Фана в 602 г. и были вызваны осуществлявшиеся по его приказу массовые казни представителей вьетской, или сино-аннамитской, элиты.

Таким образом, очевидно, что династия Ранняя Ли в составе императора Южного Вьета Раннего Ли, короля Вьета Чиеу и императора Южного Вьета Позднего Ли никогда не существовала, так как определение «Ранний» относится к Ли Бону и по логике описываемых событий распространяется на его старшего брата Ли Тиеу Луана, а определение «Поздний» относится исключительно к Ли Фам Ту. Такая пара из двух двух связанных друг с другом порядком наследования власти государей, правления которых разделены царствованием какого-либо третьего властителя, явление достаточно распространённое во вьетнамской истории[27].

Соответственно следует говорить не о единой династии Ранних Ли, а о династии Ли в царстве Вансуан второй половины VI в., состоящей и императора Южного Вьета, Раннего Ли (544 – 548 гг.), короля – господина Дао в царстве Зананг на территории Айлао, который наследовал своему старшему брату (548 – 571 гг.), и императора Южного Вьета, Позднего Ли, который в свою очередь унаследовал власть в царстве Вансуан после кончины старшего брата Ли Бона (571 – 602 гг.). Что же касается определений «Ранний» и «Поздний», то они, по всей вероятности, имеют более позднее происхождение и были введены для выделения временного разрыва между государями династии Ли, образованного правлением короля Вьета Чиеу (548 – 571 гг.)[28].

Наконец, в заключение необходимо подчеркнуть, что независимо от количества государей в династии Ли весь период вьетнамской истории второй половины VI в., начиная с восстания Ли Бона в 541 г. и до подавления последних очагов вьетского сопротивления в 605 г., является эпохой непрерывной полной или частичной независимости вьетских территорий[29].

Глава 3

Зависимость от общекитайских династий Суй и Тан (603 – 880 гг.)

Второй период так называемой «Эпохи северной зависимости» по своему характеру значительно отличается от предыдущего. В 44 – 540 гг. Вьетнам последовательно находился под властью сменявших друг друга общекитайской династии Восточная Хань, династий Вэй, Шу (Хань) и У (эпоха Троецарствия), династий Цзинь, [Ранняя] Сун, Ци и Лян (эпоха Южных и Северных династий). При этом сильная имперская власть была только в эпоху Хань до 186 г. В дальнейшем же, в эпоху Троецарствия и при Южных династиях, слабость имперской администрации повлекла за собой, как это было показано ранее, появление «скрытых» местных династий и во многом независимого управления вьетскими территориями, в котором главную роль играла всё более укреплявшая свои позиции «сино-аннамитская» знать.

603 – 880 гг. в истории Вьетнама на самом деле являются годами зависимости не от двух, а от одной великой общекитайской династии Тан, поскольку династия Суй, объединившая империю после почти четырёх веков раздробленности, была весьма недолговечной (589 – 619 гг.). Соответственно пятнадцатилетняя зависимость от Суй не могла оказать сколько-нибудь серьёзного влияния на развитие вьетнамского общества, в то время как двести пятьдесят два года прямой зависимости от одной мощной династии, казалось бы, должны были наложить неизгладимый отпечаток на его характер. Об этом же свидетельствуют и повторяющиеся во вьетнамских летописных сводах данные китайских источников о регулярных административных преобразованиях во Вьете в эпоху Тан, которые выглядят как мероприятия по созданию максимально дробной структуры управления, способной успешно держать под контролем мятежную окраину империи[1].

Кроме того, известно, что население многочисленных царств к югу от Янцзы, которые ещё в III – I вв. до н.э. были преобразованы в различные имперские административные

единицы, во многом оставалось чуждым хуаским культуре и этносу вплоть до VII в., когда при династии Тан были реализованы давние ханьские тенденции их культурной ассимиляции. И лишь на крайнем юге империи только одно из этих обществ, а именно – вьетское, или вьетнамское, сумело сохранить в VII – IX вв. свою обособленность, что в конечном счёте привело в X в. к возрождению его национальной независимости и государственности.

Вероятно, поэтому принято считать, что китайское господство над вьетнамскими территориями в VII – XIX вв. оставило наиболее значительный след в истории Вьетнама [472, с.55]. Более того, именно наличием сильной танской администрации в VII – начале VIII в. объясняются лакуны в китайских источниках при описании вьетнамской истории того периода: «Не было каких-либо экстраординарных событий, нарушающих "спокойствие" китайских властей, поэтому многие годы развития Аньнаня выпали из поля зрения китайских летописцев.

Хроники содержат лишь короткие замечания о назначениях определённых лиц на ту или иную должность» [472, с.62].

Необходимо подчеркнуть, что эта точка зрения является общей и что лишь Д.В.Деопик придерживается иного мнения, формулируя его следующим образом: «Из десяти танских администраторов менее одного возвращалось с повышением, трое погибали, шестеро – уезжали с понижением. На этих прекрасно известных (и, видимо, с подробностями) условиях мало кто желал уехать в Цзяо, и источники сохранили несколько свидетельств этого. В Цзяо приглашали служить разжалованных; некоторые чиновники предпочитали казнь за отказ ехать править в Цзяо сомнительному исходу путешествия туда. Риск был слишком велик, Цзяо ни в коей мере не было провинцией в обычном смысле этого слова, тем более в последний период, при Танах. Это было, судя по всем данным, полупокорённое, зависимое государство, контроль над которым никогда не был особенно прочным» [349, с.72].

Таким образом, можно констатировать наличие двух принципиально различных интерпретаций событий эпохи Тан во Вьетнаме. При этом господствующей интерпретацией на сегодняшний день является первая, восходящая к А.Масперо[2] [893; 897.1, с.4 – 6], вторую же поддержал и развил в своей монографии только автор данной главы [550, с.192 – 219].

Теперь, после этого краткого введения в суть проблемы, представляется возможным перейти к непосредственному рассмотрению событий вьетнамской истории описываемого периода.

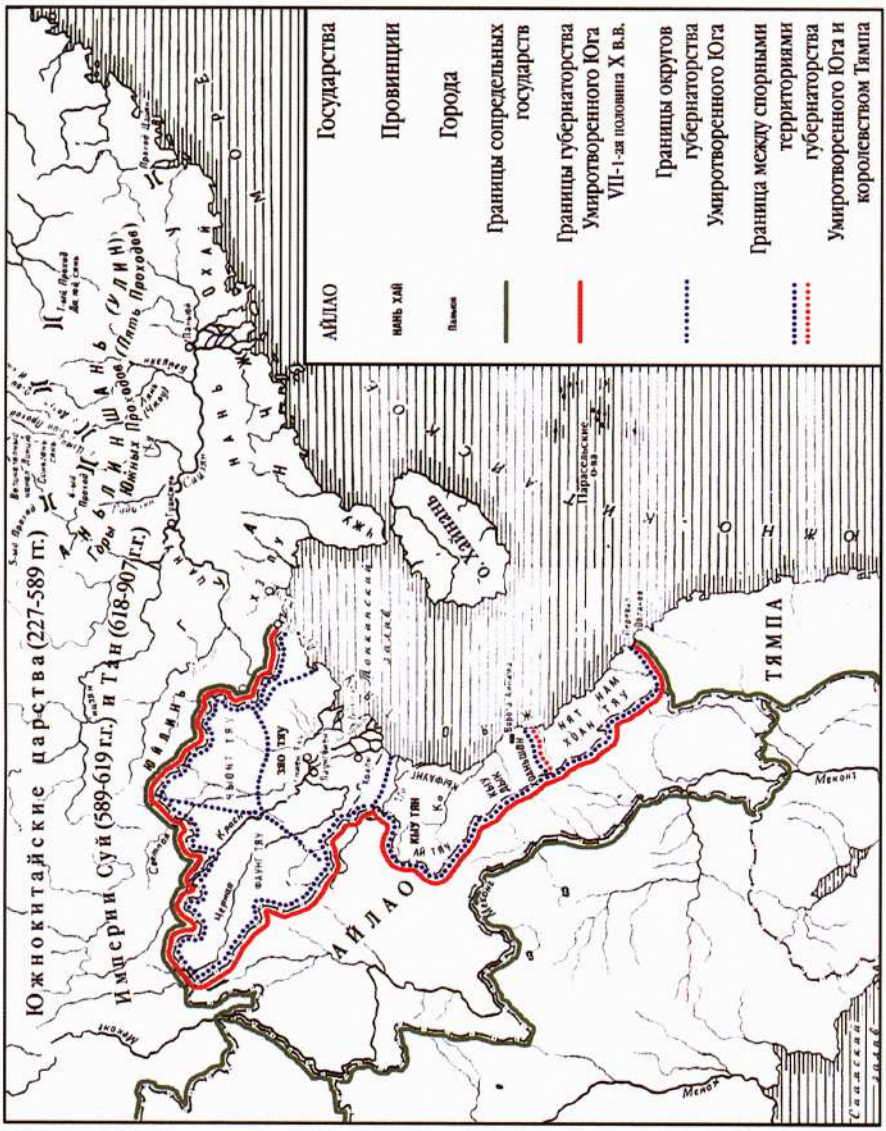
1. *Структура административной организации Вьетнама в VII – IX вв.*

Весь ход предыдущего исследования выявил две основные тенденции развития административной структуры Вьетнама в составе империи.

Первая – это тенденция обособления вьетских территорий Северного и северной части Центрального Вьетнама, проявляющаяся в эволюции от административного управления Цзяо из семи областей к его разделению на два округа Цзяо и Гуан, которое было оформлено в 226 – 286 гг. При этом необходимо отметить и неудачную попытку нового объединения этих округов в более крупную и значимую административную единицу в 558 г., а именно – в военное наместничество [472, с.53].

Вторая – это тенденция административного дробления территорий в рамках округа Цзяо, связанная с обособлением горных районов с так называемым манским населением и консолидацией районов низменности с собственно вьетнамским населением. Обе эти тенденции оставались характерными и для эпохи Тан. Поэтому на самом деле эволюция административной структуры Вьетнама в VII – IX вв. отражала внутриполитические процессы, протекавшие в местном обществе, которые лишь узаконивались имперскими указами.

Согласно одним источникам, округ Цзяо был упразднён на основании доклада танскому императору некоего Цю Хэ в 622 г. [36, с.120]. Согласно другим – это произошло в 679 г.

Наиболее же вероятен следующий ход событий. В 622 г. Цю Хэ подал доклад с просьбой об учреждении в округе Цзяо военного наместничества, и хотя она не была удовлетворена,

самого Цю Хэ всё же назначили великим объединяющим управление[3]округа Цзяо. В 679 г. вместо округа Цзяо было учреждено губернаторство Умиротворённого юга 府護都南安 [36, с.120; 236.1, кн.5, с.3а; 472, с.57]. В 757 г. в этом названии иероглиф 安 (ань) был заменён иероглифом 鎮 (чжэнь), что внесло ряд нюансов в его содержание[4]. Однако уже в 768 г. было восстановлено прежнее название [236.1, кн.5, с.4б, 5а]. В шестом месяце 863 г. губернаторство Умиротворённого юга было упразднено, а вместо него была учреждена администрация округа Цзяо в Хаймэне. Однако в 7-ом месяце того же года губернаторство было восстановлено, но при этом его резиденция осталась в Хаймэне[5] [236.1, кн.5, с.12а]. В дальнейшем в источниках ни о каких изменениях названия всей провинции не сообщается, при этом интересно отметить, что в источниках эпохи Тан она по-прежнему именуется округом Цзяо.

Что же касается административной структуры собственно Вьетнама в VII – IX вв., то здесь складывается весьма запутанная и противоречивая картина. Кроме того, представляется невозможным привести более или менее точные датировки учреждения не только уездов, но и округов, которые, надо полагать, заменили в танской административной структуре области.

Наиболее подробно этот вопрос освещён в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора», авторы которого в XIX в. провели детальное сопоставление данных всех источников. Согласно их исследованию, при создании в 679 г. губернаторства в его состав было включено двенадцать следующих округов, насчитывавших пятьдесят девять уездов.

1. Округ Ай из шести уездов: Антхуан, Куаннинь, Кыутян, Нятнам, Чыонглам и Шунгбинь. Он находился на месте области Кыутян династии Лян.
2. Округ Вуан из двух уездов: Вуан и Лэмзянг. Фан Хюи Тю полагал, что он находился в Анбанге, или Куангиене конца XIX в.

3. Округ Вунга из семи уездов: Вузи, Вузюен, Вулао, Вунга, Вунгиа, Лыонгшон и Ньыма. Он находился на территории административного управления Вудинь эпохи Хань в Туенкуанге конца XIX в.
4. Округ Зяо из восьми уездов: Биньдао, Вубинь, Зяоти, Лаунгбиен, Намдинь, Тонгбинь, Тхайбинь и Тюзиен. Он находился на территории семи областей упразднённого административного управления Цзяочжи эпохи Хань.
5. Округ Зиен из семи уездов: Вузунг, Вуким, Вуланг, Лаунгчи, Тыноиг, Хоайхоан и Чунгнгиа. Он находился на территории административного управления Вьеттхыонг эпохи Хань или в малой провинции Зиентяу провинции Нгеан конца XIX в.
6. Округ Лу из трёх уездов: Нинхай, Улэй и Хуацин. Он находился в бывшей области Хэпу в приморской зоне Южного Китая – на её стыке с территорией Северного Вьетнама.
7. Округ Ти из семи уездов: Анлаунг, Биньтэй, Даван, Лакзием, Лаккуанг, Фусюен и Хантхань. Он находился на территории административного управления эпохи Хань в Хынгхоа конца XIX в.
8. Округ Тханг из трёх уездов: Зыонгтуен, Латхиеу и Луктхюи. Он находился на территории административного управления Вудинь эпохи Хань в Туенкуанге конца XIX в.
9. Округ Фаунг из пяти уездов: Зянинь, Каошон, Тансыонг, Тхыахоа и Тяулук. Он находился на территории древнего округа Фаунг эпохи королей Мужественных.
10. Округ Фуклок из трёх уездов: Дыонглам, Нювиен и Фуклок. Он находился в провинции Тханьхоа конца XIX в.
11. Округ Хоан из четырёх уездов: Вьеттхыонг, Кыудык, Фозыонг и Хоайхоан. Он идентифицируется с округом Зиен (5), при этом первоначально этот округ назывался Хоан, между 627 и 650 гг. его название было изменено на Зиен, затем – снова на Хоан, а в 764 г. его территория была разделена на округа Зиен и Хоан.

12. Округ Чыонг из четырёх уездов: Ванзыонг, Донгтхай, Китхыонг и Чыонгшон. Он находился на территории административного управления Вудинь эпохи Хань в Туенкуанге конца XIX в. [236.1, с.318; 239.6, с.691 – 701].

Локализация всех этих округов и уездов представляет значительную трудность и в большинстве случаев может быть осуществлена только весьма приблизительно, да и то лишь в форме более или менее обоснованной гипотезы.

Даже при некритической оценке вышеприведённого танского административного деления Вьетнама, в нём однозначно просматривается этнотерриториальный принцип формирования округов. Так, на низменности бывшей области Зяоти с преимущественно вьетнамским населением был образован округ Зяо (4), а в его горных районах, где обитали так называемые *южные маны*, или *зи* и *лао*, было образовано семь округов, которые располагались с северо-запада на северо-восток в следующей последовательности: 1. Фаунг (9); 2. Ти (7); 3. Чыонг (12); 4. Тханг (8); 5. Вунга (3); 6. Вуан (2). При этом последний округ, скорее всего, входил в состав области Хэпу, но так как основная её часть относилась к Южному Китаю, то там был образован 7-ой округ Лу (6). На низменности бывшей области Кыутян был образован округ Ай (1), а её горные районы на границе с Лаосом были объединены в округ Фуклок (10). Наконец, бывшая область Нятнам, также как и область Кыутян, была разделена на два округа Зиен (5) и Хоан (11), которые соответствовали территориям северного и южного Нгеана.

Приблизительно аналогичную картину даёт и детальное критическое исследование А.Масперо. Французский учёный полагает, что при династии Тан административная структура Вьетнама создавалась в два этапа. Первый этап, когда были учреждены основные округа и уезды, датируется 621 – 627 гг. Второй этап, когда эта структура приняла окончательный вид, датируется 627 – 907 гг. Если судить по карте А.Масперо, то в эту эпоху он проводит параллель между областями и уездами.

Как и сегодня, в VII – IX вв. море кормило вьетнамцев своими дарами. Дананг, 04.04.2011 г. Нячанг, 06.04.2011 г.

Первый этап, по его мнению, отличается от второго более дробной административной структурой, которая затем была приведена в соответствие с реальными

территориальными областями Вьетнама. В целом А.Масперо оперирует теми же наименованиями округов и уездов, однако организованы они у него несколько иначе. По схеме французского учёного вьетнамские территории в 627 – 907 гг. делились на пять нижеследующих округов: 1. Округ Фаунг включал северо-западные горные районы и предгорья Северного Вьетнама; 2. Округ Лу включал приморские районы Южного Китая (бывшее Хэпу) и, возможно, примыкающие к ним северо-восточные горные районы с узкой полосой прибрежной низменности Северного Вьетнама; 3. Округ Зяо включал низменность Северного Вьетнама и, возможно, предгорья его северной части; 4. Округ Чыонг включал южную часть бывшей области Зяоти там, где низменность начинает сужаться, а также север бывшей области Кыутян в районе Намдиня начала XX в.; 5. Округ Ай включал центр и юг бывшей области Кыутян на территории провинции Тханьхоа начала XX в. Что же касается центра горного массива Северного Вьетнама, то его принадлежность к тому или иному округу неясна.

Таким образом, первые три округа были образованы на территории бывшей области Зяоти, а бывшая область Кыутян, согласно А.Масперо, была разделена на два округа. При этом интересно отметить, что по А.Масперо в районах предгорий и горного массива Северного Вьетнама насчитывалось значительное количество более мелких административных единиц, на низменности округа Зяо их число значительно сокращается, а в округах Чыонг и Ай они практически отсутствуют. Наконец, А.Масперо также отмечает, что инфраструктура водных путей, на которой во многом строилось административное деление Вьетнама в 1910 г., была практически аналогичной этой инфраструктуре эпохи Тан и, вероятно, всей «исторической эпохе» [893, с.680, 681][6].

Если сопоставить выводы А.Масперо с приведёнными выше данными вьетнамского летописного свода XIX в., то складывается достаточно красноречивая картина. Населённые национальными меньшинствами районы Северного Вьетнама

имеют весьма разработанную структуру административной организации. Согласно источнику, из двенадцати вьетнамских округов они занимают шесть округов плюс округ Лу. Согласно А.Масперо, из пяти округов они занимают три, при этом французский учёный поместил округ Чыонг в Намдине, и, что совершенно непонятно, описав достаточно подробно административную структуру центральной части горного массива Северного Вьетнама, он не включил её ни в один из округов. Представляется, что в карте А.Масперо имеется определённая неточность, так как по логике округ Чыонг должен был бы находиться севернее. В этом случае северо-западному массиву будет соответствовать округ Фаунг, центральному – округ Чыонг и северо-восточному – округ Лу, к которым примыкает низменность Северного Вьетнама, или округ Зяо, что составляет четыре округа из пяти, при этом пятый округ Ай соответствует территории прежней ханьской области Кыутян. Сопоставление сведений вьетнамских историографов (1) и выводов А.Масперо (2) без учёта Нгеана, или бывшей ханьской области Нятнам, выглядит следующим образом:

Горный массив Северного Вьетнама		**Низменность Северного Вьетнама**		**Северная часть Центрального Вьетнама**	
1	**2**	**1**	**2**	**1**	**2**
Семь округов	**Три округа**	**Один округ**	**Один округ**	**Два округа**	**Два округа**

Очевидно, что принципиального разночтения между выводами вьетнамских историографов XIX в. и А.Масперо не наблюдается, хотя убедительнее (большее количество округов в горном массиве Северного Вьетнама[1]) выглядит несколько уточнённая реконструкция французского учёного, исходя из которой представляется возможным предложить следующую гипотезу административной структуры Вьетнама эпохи Тан.

Ещё в первой половине VI в. в правление династии Лян была предпринята попытка дробления крупных областей на

[1] О причинах создания значительного числа небольших округов в горном массиве Северного Вьетнама эпохи Тан речь пойдёт несколько позже.

округа, что, видимо, имело целью как установление более жёсткого контроля над местным населением, так и повышение статуса локальной администрации[I]. Указанные преобразования затронули прежде всего округ Гуан, однако в какой-то мере они коснулись и округа Цзяо, вместо которых было учреждено девятнадцать округов. В 548 г. династия Чэнь повторно утвердила специальным указом такое административное устройство южных земель. Оно также сохранялось как при династии Суй, так и в начальный период правления династии Тан[II]. Правда последняя, возможно, дополнила её несколькими округами в Цзяо. Наконец, в 627 – 679 гг. было завершено структурирование территории Цзяо, претерпевавшее в дальнейшем лишь незначительные изменения.

В 679 г. округ Цзяо был ликвидирован, а вместо него было учреждено губернаторство Умиротворённого юга. На северо-западе горного массива бывшей области Зяоти, населённого *южными манами*, был создан округ Фаунг, его центральная часть образовала округ Чыонг, а северо-восток этого массива был объединён в округ Лу, большую часть которого составили территории бывшей области Хэпу. Низменные районы бывшей области Зяоти с вьетнамским населением были преобразованы в округ Зяо. Наконец, организация бывшего Кыутяна со смешанным населением практически осталась без изменений. Изменилось лишь название области, которая с этого момента стала именоваться округом Ай. Что же касается округов Вуан, Вунга, Ти и Тханг в горном массиве Северного Вьетнама, а также округа Фуклок в Тханьхоа, то, надо полагать, они действительно существовали, но имели статус не округов, а областей. Со времени правления династии Лян, и особенно со времени правления династии Тан путаница между понятиями 路 «большой округ» и 州 «округ» при сохранении 郡 «областей» и крупных 縣 «уездов», видимо, привела к тому, что названия

[I] Округ выше области, соответственно статус окружного чиновника выше статуса областного.

[II] По А.Масперо – с 621 по 627 г.

с термином 州 *чжоу* стали использоваться не только для обозначения «округов», но и в отношении «областей» и даже более мелких административных единиц. В результате если до VII в. описываемая в источниках административная структура отличалась чёткостью, то затем в них встречается множество наименований, которые крайне сложно идентифицировать.

Наконец, об округах Зиен и Хоан, согласно источнику учреждённых вместо бывшей области Нятнам в Нгеане. Учитывая, что территория Нгеана уже не один век контролировалась Тямпой, не вызывает сомнения, что в реальности эти два округа никогда не существовали и не могли существовать. Формально же они вполне могли быть учреждены указом императора Тан, послужившего основой для выводов вьетнамских историографов XIX в.

Таким образом, вышеописанная структура административной организации вьетнамских территорий позволяет как минимум выделить две следующие тенденции её развития в VII – IX вв.

Во-первых, по отношению ко всему региону южнее Янцзы. Судя по всему, тенденция обособления Вьета как целостной политико-административной единицы и выделения его в рамках этнотерриториальных общностей, которая чётко прослеживается в течение первой половины «Эпохи северной зависимости», окончательно оформилась в эпоху Тан.

Во-вторых, внутри Вьетнама. В источниках при описании горных районов Северного Вьетнама упоминается большое количество дробных административных единиц. При описании административной структуры его низменности количество и дробность этих единиц падает. Наконец, описание в источниках организации южных районов низменности Северного и северных районов Центрального Вьетнама ничем не отличается от описания в них организации указанных районов в III – VI вв. Очевидно, что указанная специфика подачи информации свидетельствует как о тенденции размежевания между горными национальными меньшинствами и собственно вьетнамским населением

низменности, так и о не прекращавшейся тенденции отторжения от Вьетнама его южных территорий.

2. *Восстания и войны на территории Вьетнама в эпоху зависимости от общекитайских династий Суй и Тан*

Захватив в плен императора Южного Вьета Позднего Ли, Лю Фан одержал пиррову победу. Война же продолжалась вплоть до конца 604 г. и, судя по массовым казням, была войной на уничтожение. Однако победой над вьетнамцами война не завершилась. Во всех источниках сообщается, что придворные доложили о тямских сокровищах императору Суй, который повелел Лю Фану покорить Тямпу [236.1, кн.5, с.1а]. Весьма интересен тот факт, что одновременно с этим он пожаловал Лю Фану звание объединяющего управление экспедиционной армией округа Хоан. Последнее весьма характерно для имперской риторики того времени, когда желаемое выдавалось за действительное, поскольку даже из самого текста источника следует, что под названием «округ Хоан» понималась Тямпа[7].

В 605 г. Лю Фан начал наступление из северных районов Нгеана. Сухопутную армию, двигавшуюся из Вьеттхыонга, возглавлял наместник округа Цинь Нин Чанчжэнь, под командованием которого находилось более десяти тысяч человек. Сам же Лю Фан вместе с неким Чжан Сюнем повёл боевые корабли из бухты Баккань. В 3-ем месяце произошло столкновение с передовыми отрядами тямской армии, которые были рассеяны. После этого Лю Фан форсировал реку Доле и вторгся на исконные тямские территории. Вскоре произошло решающее сражение, в котором тямы использовали боевых слонов. Однако против слонов были использованы специальные мощные арбалеты и замаскированные ловушки. В результате слоны повернули вспять и, врезавшись в центр тямской армии, нарушили её боевые порядки. *Тямы* потерпели сокрушительное поражение, потеряв при этом тысячи воинов[8]. В 4-ом месяце Лю Фан, преследуя отступавшего противника, захватил столицу Тямпы.

Источники сообщают, что Лю Фан прошёл бронзовый столб Ма Юаня, после чего продолжал наступление ещё восемь дней и лишь тогда достиг тямской столицы. Тямскому королю Фам Ти удалось бежать на корабле, но Лю Фан его не преследовал. Захватив в столице огромные богатства[9], он повернул на север. Тем не менее, несмотря на безоговорочную, по мнению всех источников, победу, поход Лю Фана против Тямпы завершился трагедией. При возвращении на север половина имперской армии вместе со своим командующим «погибла от болезней» [236.1, кн.5, с.1а, 1б].

В самом же походе Лю Фана прослеживается крайне интересная аналогия с экспедицией Ма Юаня, связанная с упоминанием бронзового столба. Как было указано при описании событий первой половины I в., Вьет в то время фактически являлся вассальным государством. Он был окончательно покорён лишь в 44 г. в результате похода Ма Юаня, который дошёл до Хоангшона, или северной границы тямских территорий. Лю Фан также покорил независимый на протяжении второй половины VI в. Вьетнам, прошёл путём Ма Юаня, но вторгся на «восемь дней пути» глубже в тямские земли. Как и Ма Юаню, ему не удалось удержать захваченные земли, но при этом Лю Фан оказался значительно несчастливее своего предшественника, умерев при возвращении. Вообще, при исследовании источников складывается впечатление, что «возвращение на север» было вынужденным. Слишком уж часто при описании «южных» экспедиций китайские источники ссылаются на климатические условия и приводят прямо-таки устрашающие последствия их воздействия, как, например, в случае с Лю Фаном. Безусловно, климат и болезни играли определённую роль в деморализации армий, но не настолько серьёзную. В противном случае напрашивается вывод о том, что имперские войска легко уничтожали на юге любого противника, а затем сами становились жертвой климата и болезней! Поэтому есть все основания предполагать, что при отступлении армию Лю Фана преследовали *тямы* и

мятежные вьетнамцы и что смерть от отравленной стрелы или шипа вполне могла быть истолкована как смерть от болезни.

Таким образом, поход Лю Фана следует интерпретировать не как карательную экспедицию против мятежной территории, ограниченную одним 602 г., а как полномасштабную и довольно тяжёлую затяжную войну, которая проходила в три этапа: 1. Лёгкая победа (602 г.) и затяжные военные операции во Вьетнаме (602 – 605 гг.), в результате которых были вновь покорены вьетнамские территории. 2. Экспедиция против Тямпы (605 г.), в результате которой были захвачены значительные ценности в её столице и на какос-то незначительное время остановлены тямские грабежи. 3. Возвращение в империю (606 г.), во время которого погибла половина имперской армии, в том числе и её командующий Лю Фан.

Дальнейшие войны не были столь длительными. Так, в 618 г. бывший соратник Лю Фана, наместник округа Цинь, Нин Чанчжэнь попытался захватить округ Цзяо, с тем чтобы присоединить его к вновь провозглашённому царству Лян в Гуандуне[10]. Но префект округа Зяо[11] Цю Хэ сумел разгромить его войска. После этого наступил период относительного спокойствия, который длился около шестидесяти лет [236.1, кн.5, с.2б].

В 687 г. восстало население Линнани во главе с вьетнамцем Ли Ты Тиеном. Поводом для восстания послужило повышение в седьмом месяце 687 г. местных налогов. Несмотря на то что губернатору Лю Янью удалось захватить и казнить Ли Ты Тиена, основные силы восставших под командованием Динь Киена взяли приступом губернаторскую резиденцию, а сам губернатор был убит. При этом в источниках сообщается о том, что «[Человек из] знатного рода округа Гуан Фэн Цзыю хотел совершить подвиг, держал армию [на месте], не выступал [на помощь]. Янью был убит»[12] [239.6, с.703]. Судя по этим данным, к тому времени, когда конюший округа Гуй Цао Сюаньцзин подавил это восстание и

обезглавил Динь Киена, оно длилось уже не менее года [236.1, кн.5, с.4а, 4б].

В 722 г. вспыхнуло новое восстание, во главе которого стоял некий Май Тхук Лоан. Восставшим удалось овладеть всем округом[13]. Затем, заключив военный союз с Тямпой и Ченлой, их предводитель, провозгласил себя «императором Тёмным». Согласно источникам, объединённая армия Май Тхук Лоана насчитывала до 300000 человек. Для подавления восстания из империи были направлены значительные силы под командованием внутреннего придворного[14] Ян Сысюя, которому удалось разгромить войска Май Тхук Лоана [236.1, кн.5, с.4б][15].

В 767 г. во Вьетнам вторглась армия Конлона и Тяба[16], которая овладела главной крепостью губернаторства. Легат – устанавливающий закон Чжан Бои был вынужден обратиться за помощью к столичному охранителю Удина Гао Чжэнпину, которым совместными усилиями удалось нанести поражение врагу в Тюзиене [236.1, кн.5, с.4б, 5а].

Особо следует обратить внимание на события 791 г. Правивший в то время губернатор Гао Чжэнпин отличался крайней жестокостью. По-видимому, последней каплей, вызвавшей восстание в четвёртом месяце 791 г., стало введение дополнительной нормы общественных работ. Возглавлял восстание вьетнамец по имени Фунг Хынг, происходивший из общины Дыонглам уезда Фуклок округа Зяо. Ближайшим помощником Фунг Хынга был его младший брат Фунг Хай, а советником – односельчанин До Ань Хан. В источнике говорится, что Фунг Хынг «происходил из богатой семьи, имел [такие] храбрость [и] силу, что [мог] свалить буйвола [и] взять [голыми руками] тигра» [236.1, кн.5, с.6а]. По совету До Ань Хана восставшие окружили резиденцию губернатора, у которого «от волнений, страха [и] раздражения начались [такие] боли в спине, [что он] умер» [236.1, кн.5, с.6б]. Через какое-то время независимо управлявший губернаторством Фунг Хынг скончался. Его сын Фунг Ан посмертно пожаловал отцу титул «Великий король,

[воплощение] родительской [добродетели]»[17]. В 5-ом месяце 791 г. династия Тан учредила армию дальнего умиротворения. В 7-ом месяце того же года губернатором был назначен Чжао Чан. Последний сумел убеждениями успокоить народ, а затем отправил послов и к Фунг Ану. Надо полагать, что дело не обошлось без даров и вознаграждений, так как в источнике XIX в. говорится: «Ан привёл армию, сдался, [Чан] пожаловал [ему звание] легат – устанавливающий закон, принимающий решения, карающий [за] преступления» [239.6, с.727].

Несложно заметить, что проблема этого сюжета аналогична проблеме династии Ранней Ли, рассмотренной в предыдущей главе. Его нет ни в китайских источниках [472, с.63][18], ни во вьетнамском летописном своде XII в. [36, с.121], тогда как во вьетнамских летописных сводах XV и XIX вв. и источниках неофициальной историографической традиции он изложен весьма подробно [236.1, кн.5, с.6а, 6б; 239.6, с.721 – 727]. В китайских же источниках под 791 г. говорится о восстании «местного сеньора из Аньнани До Ань Хана» и об учреждении «армии дальнего умиротворения» [239.6, с.725; 470, с.63][19].

Таким образом, в китайских и раннем вьетнамском источниках встречается второй случай своеобразной специфики включения в них спорных сюжетов вьетнамской истории, первый из которых связан с событиями второй половины VI в., а второй – с событиями конца VIII в. Такое совпадение вряд ли может быть случайным, а учитывая обоснованную в предыдущей главе аутентичность сюжета о династии Ранней Ли, оно лишь подтверждает и аутентичность сюжета о Фунг Хынге.

Остаётся неясным только вопрос о датировке этого восстания. Совершенно очевидно, что разрыв в один месяц между началом восстания и ответными мерами династии Тан крайне мал, особенно, если принять во внимание, что успех эти меры принесли через два месяца[1]. Поэтому, если принять во внимание дату 791 г., под которой в китайских источниках

[1] Согласно источнику, это 4-ый, 5-ый и 7-ой месяцы 791 г.

указывается окончание восстания До Ань Хана 791 г., то его начало следует датировать не позднее 790 г. При этом, учитывая, что в решение проблемы восстания был непосредственно вовлечён даже императорский совет, более логичной выглядит следующая гипотеза.

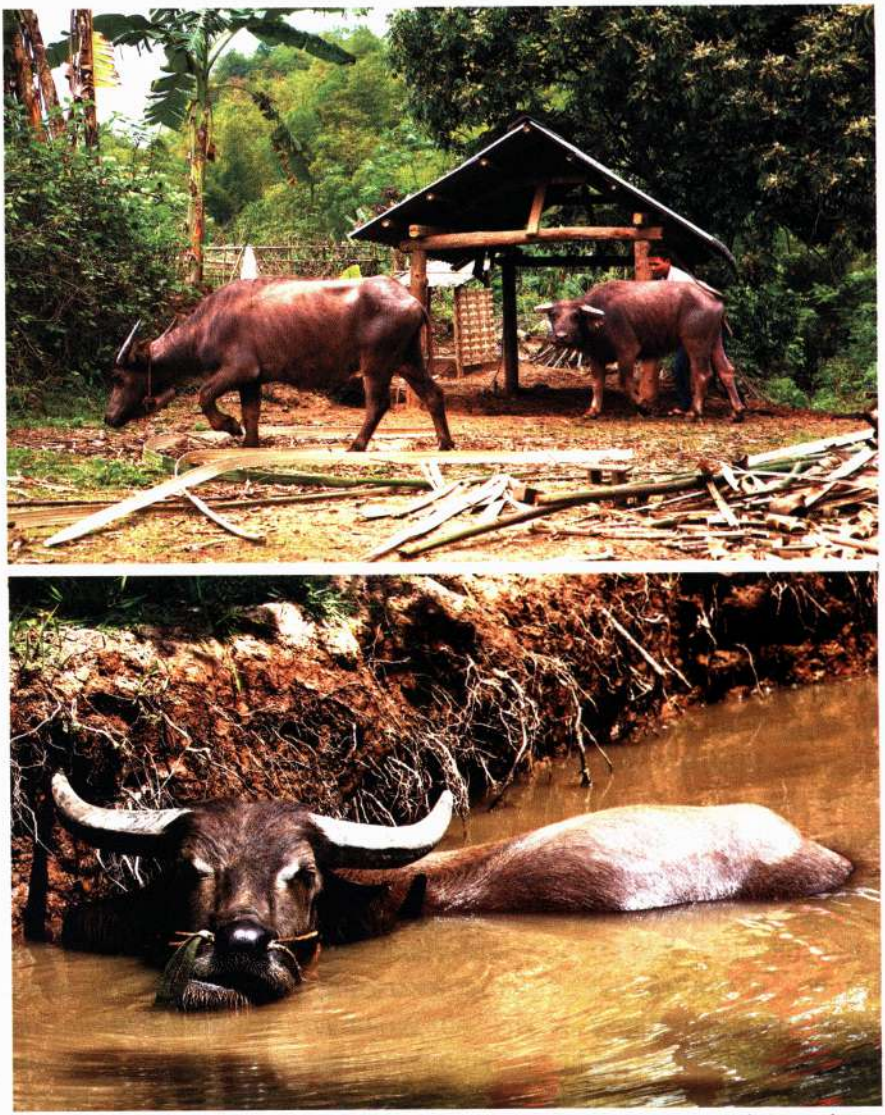
Восстание Фунг Хынга началось в 4-ом месяце 790 г. и к весне 791 г. закончилось его полной победой. На протяжении трёх – четырёх месяцев в империи шла подготовка к его подавлению, что подтверждается императорскими указами от пятого и седьмого месяцев 791 г. Вероятно, лишь весной 792 г. армия Чжао Чана смогла войти на территорию губернаторства, где он сумел уговорами убедить восставших сложить оружие. Таким образом, восстание Фунг Хынга должно было длиться не четыре месяца, а не менее полутора – двух лет.

Согласно источникам, Чжао Чан управлял губернаторством семнадцать лет, то есть до 808 г., но это не совсем точно. В 801 г. по собственной просьбе он был отпущен на отдых, а вместо него был назначен чиновник военного министерства Пэй Тай, который заставил солдат заниматься строительством и укреплением крепости. Поэтому он вскоре был изгнан возмутившимся гарнизоном под командованием Ван Цзиюаня.

В 12-ом месяце 803 г. губернатором вновь назначили Чжао Чана, которому к тому моменту уже было более семидесяти лет, что на время разрядило политическую обстановку [236.1, кн.5, с.6б, 7а][20].

Наконец, с 819 г. начинается череда непрерывных восстаний и военных столкновений с Наньчжао, первым из которых стал мятеж *манов* в Хоангдонге[21].

Губернатор Ли Сянгу приказал наместнику округа Хоан[22] Зыонг Тханю возглавить трёхтысячное войско и подавить это восстание. Однако вместо этого Зыонг Тхань, который сам происходил из знатной манской семьи, напал на губернаторскую резиденцию, в результате чего губернатор и более тысячи человек из его окружения были убиты.

В «Эпоху северной зависимости» предки этих буйволов также философски воспринимали жизнь в Цзяо. Провинция Хоабинь. 17.04.2011 г.

Далее начинаются разночтения между источниками. Согласно китайским источникам и вьетнамскому летописному своду XIX в., Зыонг Тхань был амнистирован и назначен

наместником округа Хоан[I]. Однако он отказался подчиниться новому губернатору Гуй Чжуну. Тогда последний подкупил манскую знать, которая перешла на его сторону вместе с семитысячным войском. После этого Гуй Чжуну окружил Зыонг Тханя в крепости, захватил его в плен и казнил. Вероятно, в 820 г. губернатором был назначен Ма Цзун. Он известен тем, что был учёным-конфуцианцем, правил добродетельно и при нём всё было спокойно. Кроме того, Ма Цзун поставил два бронзовых столба, на которых вырезал описание добродетельных свершений династии Тан, а сам он называл себя «потомком Покорителя волн», или Ма Юаня. В 824 г. новый губернатор Ли Юаньцзя перенёс столицу губернаторства на берег реки Толить, а в 825 г. она была перенесена в уезд Тонгбинь. В 828 г. восстал наместник округа Фаунг Ван Шэнчао. Очередной губернатор Хань Юэ подавил это восстание и казнил его предводителя, но вскоре возмутился гарнизон губернаторской резиденции. В результате губернатору пришлось бежать в округ Гуан. Одновременно с этим в китайских источниках сообщается о мятеже «*манов* из жёлтых пещер» в 825 – 826 гг., которые повторно восстали в 842 г., призвав на помощь Тямпу. Последнее достаточно сомнительно, так как название «жёлтые пещеры» 峒黃 – это возможный вариант перевода названия «Хоангдонг», где *маны* восстали в 819 г.[II] [239.6, с.735 – 759; 472, с.64, 65].

Совершенно иначе и гораздо более логично описаны события 819 – 828 гг. во вьетнамском летописном своде XV в. По его версии главной опорой Зыонг Тханя были племена *мыонг-ман*, а также *маны* из Хоангдонга, призвавшие на помощь тямские войска. После убийства губернатора он последовательно отразил карательные экспедиции Гуй Чжуну и Ли Юаньцзя, который в 824 г. был назначен губернатором Умиротворённого юга. В 828 г. он потерпел незначительное

[I] Согласно вьетнамским источникам, он уже был наместником этого округа.

[II] В то время Тямпа уже именовалась не Лэмап, а Хоанвыонг. То есть если исходить из данного текста, то получается, что восставшие «*маны*», скорее всего, не «призвали на помощь Тямпу», а сами были *тямами*.

поражение от нового губернатора Хань Юэ, которому удалось разгромить часть восставших под командованием Выонг Тханг Чиеу. Но вскоре Зыонг Тхань сумел нанести поражение Хань Юэ, и последнему пришлось спасаться бегством в округ Гуан [236.1, кн.5, с.7а – 8а].

Если же теперь сопоставить данные вьетнамских и китайских источников, то получается, что, согласно первым, Зыонг Тхань был направлен на подавление мятежа восставших в 825 – 826 гг. горных племён, при этом во вторых уточняется, что ими были *маны* из Тэйнгуена. И те и другие источники сообщают, что эти племена объединились с Тямпой, но во вьетнамских это событие датируется 819 г., а в китайских – 842 г. (?). Из всего этого складывается такое впечатление, что танские историографы стремились создать впечатление о стабильном положении в губернаторстве. По этой причине вышеописанные восстания представлялись ими как незначительные локальные мятежи. Но даже при таком их описании сложность ситуации во Вьете того времени достаточно очевидна. Поэтому вьетнамская версия происходивших событий представляется более вероятной. А это значит, что поддержанное тямскими войсками восстание Зыонг Тханя фактически отрезало от империи южную и горную северо-западную часть губернаторства. Под контролем танского губернатора оставалась лишь низменность Северного Вьетнама, при этом резиденция губернатора всё время находилась под угрозой нападения. Только этим можно объяснить последующее развитие событий во Вьетнаме.

Назначенный в 841 г. легатом – устанавливающим закон У Хунь был изгнан уже в 843 г. Согласно официальной версии он попытался использовать солдат на ремонтных работах в крепости, что и вызвало мятеж её гарнизона. У Хунь бежал в округ Гуан, губернаторский дворец был сожжён, а хранилища – разграблены. И.Н.Машкина полагает, что это «один из симптомов обострения противоречий в самом Китае, которые меньше чем через сорок лет привели к крестьянской войне под руководством Хуан Чао» [472, с.65]. На самом же

деле всё обстояло значительно проще. Судя по всему, У Хунь намеревался предпринять поход против восставших территорий, что и вызвало мятеж танского гарнизона. При этом источник сообщает, что «инспектор армии Дуань Шицэ успокоил восставшую армию» [236.1, кн.5, с.8а]. Вряд ли здесь может идти речь о каких бы то ни было карательных мероприятиях. Скорее всего, солдаты удовлетворились изгнанием неугодного им губернатора и обещанием не принуждать их к гибельному походу против мятежников.

В 846 г. на губернаторство обрушился новый удар, на этот раз с северо-запада. Под этим годом впервые упоминается о вторжении Наньчжао, которое с большим трудом было отражено войсками нескольких военных округов под командованием нового легата – устанавливающего закон Пэй Юаньюя. К этому времени имперские чиновники практически потеряли всякий контроль над губернаторством. Местные феодалы действовали по собственному усмотрению, опираясь на личные военные формирования. Так, источники сообщают о шести тысячах воинов в уезде Даолам округа Фаунг под командованием манского вождя Ли Зо Дока, которому по рекомендации руководителя округа были переданы все функции управления в этом районе. Также известно, что Ли Зо Док заключил союз с одним из военачальников Наньчжао, женившись на его дочери. Поэтому неудивительно, что когда между 851 и 855 гг. губернатор Ли Чжо ввёл крайне высокие налоги, со стороны местных феодалов последовала незамедлительная реакция. В источниках сообщается о том, что когда за сопротивление указам Ли Чжо казнил манского племенного вождя До Тон Тханя, местное население восстало и призвало на помощь войска Наньчжао, которые вторглись в губернаторство [236.1, кн.5, с.8а – 9а][23]. Если же к этому добавить, что уезд Даолам округа Фаунг находился в Тэйнгуенс, который был охвачен восстанием с 819 г., то напрашивается вывод о союзе горных феодалов, или *манских* вождей, как с Наньчжао, так и с Тямпой, сложившемся на

протяжении 819 – 850 гг., союзе, которому ничего не могли противопоставить танские губернаторы.

Судя по источникам, добиться относительного спокойствия в губернаторстве смог лишь Ван Ши, который был назначен легатом – губернатором устанавливающим закон в 1-ом месяце 858 г. К тому времени «армия губернатора насчитывала несколько сотен жалких [и] слабых человек» [236.1, кн.5, с.8б]. Ван Ши начал с того, что укрепил свою резиденцию. Затем новый губернатор ужесточил наказания за нарушение дисциплины, заставив солдат беспрекословно подчиняться своим приказам. Он поставил в палки и изгнал на поселение старшего офицера Ло Сингуна, который благодаря тому, что под его командованием находились 2000 отборных воинов, де-факто узурпировал губернаторскую власть. В результате этих мероприятий позиции Ван Ши значительно усилились, а командующий армией Наньчжао отказался от штурма губернаторской резиденции и принёс ему свои формальные извинения[24]. Надо полагать, что именно с этого момента сложился определённый баланс сил в отношениях между Ван Ши и Наньчжао, которое на время приостановило набеги в низменные районы округа Зяо. Судя по источникам, Ван Ши также удалось договориться с Тямпой[25] и Ченлой, которые прислали к нему посольства с дарами. Однако военные мятежи и восстания местного населения не прекратились. Так, в одну из ночей 7-го месяца 858 г. мятежники окружили резиденцию Ван Ши и потребовали от него «возвращения на север» под предлогом ожидавшегося нападения «армии Жёлтых голов»[26]. В стане Ван Ши началась паника. Сам же он сохранил спокойствие и, выйдя на крепостную стену в полном вооружении вместе с преданными ему воинами, убедил восставших разойтись, а на утро зачинщики мятежа были схвачены и казнены [236.1, кн.5, с.8б – 9б].

Однако всего лишь через два неполных года после своего назначения Ван Ши был отозван в империю, на чём и

завершился кратковременный период относительного спокойствия в губернаторстве.

Ли Ху, сменивший в 3-ем месяце 860 г. Ван Ши на посту губернатора, начал свою службу с того, что казнил одного из влиятельных манских вождей До Тху Чынга. В ответ вспыхнуло восстание, клан До призвал на помощь Наньчжао, и Ли Ху был вынужден бежать из губернаторства в округ У. Тогда в 1-ом месяце 861 г., императорским указом была проведена мобилизация в управлении Юн[27] и в соседних военных округах, которую возглавил Ван Куань, назначенный в 6-ом месяце того же года новым легатом – устанавливающим закон. Тем временем Ли Ху с помощью войск округа У сумел отбить у Наньчжао губернаторскую резиденцию, но, несмотря на это, всё равно был понижен в должности[28].

Во 2-ом месяце 862 г. Наньчжао снова вторглось в губернаторство. Ван Куань, будучи не в силах что-либо противопоставить этому вторжению, отправлял в империю гонца за гонцом. Тогда император Тан назначил вместо него Цай Си, которому были подчинены войска округов Сюй, Хуа, Сюй, Бянь, Цзин, Сян, Тань и Ао. Общая численность армии составила 30000 человек. Не приняв боя, *маны* и армия Наньчжао отступили из низменных районов Северного Вьетнама. Однако уже в 5-ом месяце большая часть танской армии была отозвана в империю. Согласно официальной версии, причиной этого послужило послание императорского родственника[29] Цай Цзина. В нём сообщалось о том, что *маны* окончательно рассеяны, армия Наньчжао ушла, а потому войска, которые Цай Си использует в собственных целях, следует отозвать в империю. Так как Цай Цзин был любимцем первого министра двора Тан, то просьбы Цай Си о необходимости оставить в губернаторстве хотя бы 5000 солдат были оставлены без внимания[30].

В результате губернаторство осталось без надёжной защиты и уже в 10-ом месяце 862 г. в него вторглась 50-тысячная армия Наньчжао. На помощь Цай Си было направлено 2000 солдат из Цзиннани и Хунани, 3000

добровольцев из управления Гуй, а спустя два месяца – ещё 1000 лучников из восточного округа Шаньнань. К тому времени Цай Си был уже блокирован в резиденции губернаторства, которую войска Наньчжао взяли приступом в 1-ом месяце 863 г.

Согласно источникам, битва продолжалась более суток. К моменту своей гибели Цай Си был ранен десятком стрел, порядка семидесяти членов его семьи пали в сражении. Остатки губернаторских войск были прижаты к реке. Однако ночью четыреста отборных воинов под командованием Юань Вэйдэ неожиданно перешли в наступление и, уничтожив более двух тысяч солдат противника, вновь овладели крепостью. Когда же к армии Наньчжао подошло подкрепление под командованием манского военачальника Зыонг Ты Тана, исход битвы был окончательно решён.

В результате двух вторжений Наньчжао, опиравшихся на поддержку *манского* населения, во Вьетнаме было уничтожено и захвачено в плен около 150000 человек. Государь Наньчжао оставил под командованием Зыонг Ты Тана и ещё одного манского военачальника Доан Ту Тхиена 20-тысячную армию, при этом первый отвечал за оборону главной крепости округа, а второй был назначен на должность легата – законодателя. В результате имперская администрация в губернаторстве прекратила своё существование [236.1, кн.5, с.9б – 12а].

Анализ событий конца 860 – 863 гг. свидетельствует о том, что с середины 862 г. в губернаторстве Умиротворённого юга постоянный танский гарнизон насчитывал не более 2000 человек, к которым к концу этого периода присоединилось подкрепление в количестве 3000 профессиональных солдат и трёх тысяч добровольцев. Итого – 8000 тысяч человек. Источники же сообщают о 150000 убитых и пленных. Очевидно, что даже если допустить, что эта цифра значительно завышена, то всё равно речь не может идти исключительно о танских войсках. Надо полагать, что от вторжений армии Наньчжао, действовавшей совместно с

мыонг-манами, или горными национальными меньшинствами, одними из лидерами которых были Зыонг Ты Тан и Доан Ту Тхиен, собственно вьетнамское население низменности Северного Вьетнама также значительно пострадало. В то время танские губернаторы, не имевшие реальной власти вне границ своих резиденций, просто не могли защитить местное население от грабежей и убийств. Поэтому если с 819 г. на ранних этапах столкновений с *манами* и войсками Наньчжао вьетнамские феодалы поддерживали антиимперские движения или же, в лучшем случае, сохраняли нейтралитет, то в войне 861 – 863 гг. они уже поддерживали танские гарнизоны. Только этим можно объяснить, что при относительной малочисленности танских войск в губернаторстве война повлекла за собой столь большие потери. То есть «150000 убитых и пленных», о которых сообщают источники, включают и потери среди мирного населения[1]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что последовавшая экспедиция танской армии получила полную поддержку всего вьетнамского населения низменности Северного Вьетнама.

Династия Тан официально признала потерю губернаторства Умиротворённого юга. Поэтому в 6-ом месяце 863 г. оно было упразднено, а вместо него была учреждена администрация округа Цзяо в торговом центре Хаймэнь. Наместником округа Цзяо был назначен Сун Жун, а Кан Чэнсюню поручили управлять всеми армейскими лагерями Линнани. Но уже в 7-ом месяце того же года название «губернаторство Умиротворённого юга» было восстановлено, а Сун Жун был назначен легатом – устанавливающим закон, при этом под его командование была отдана десятитысячная армия из Шаньдуна. Кроме того, по рекомендации некоего Чэнь Паньши были построены большие транспортные корабли, перевозившие до 130 т риса, на которых продовольствие менее чем за месяц доставлялось из Фуцзяни в округ Гуан. Благодаря этому, несмотря на взяточничество чиновников, удалось

[1] Даже с учётом этого фактора, указанная цифра всё равно представляется значительно завышенной.

наладить регулярное снабжение армии. К этому времени в район Хаймэня были стянуты воинские части из многих армейских лагерей, общая численность которых достигла 25000 человек. Наконец, в 864 г. подготовка армии к походу была завершена. Однако назначенный управлять округом Цзяо объединяющий управление, легат – устанавливающий закон Чжан Инь, который получил повеление возглавить армию и вернуть губернаторство в состав империи, опасался противника и тянул с началом наступления. Поэтому в 7-ом месяце того же года вместо него был назначен крупный имперский военачальник Гао Пянь. Однако и он готовился к походу, не торопя события. В результате имперская армия выступила из Хаймэня лишь через год в 7-ом месяце 865 г. [236.1, кн.5, с.12а, 12б].

Согласно принятому плану Гао Пянь начал наступление во главе 5-тысячного авангарда отборных воинов, за которым должны были двинуться основные войска под командованием инспектора армии Ли Вэйчжоу. В 9-ом месяце Гао Пянь неожиданно вторгся в уезд Намдинь округа Фаунг, где застал врасплох 50000 человек, которые спокойно занимались уборкой риса. Поэтому *маньи* не смогли оказать ему серьёзного сопротивления, а один из их военачальников по имени Чыонг Тхюен попал в плен и был обезглавлен. В результате в руки Гао Пяня попало значительное количество продовольствия. Однако, учитывая, что государь Наньчжао оставил в губернаторстве 20-тысячную армию, а из упомянутых 50000 человек воинов было не более 2000 – 3000, это был лишь первый относительно небольшой успех [236.1, кн.5, с.12б, 13а].

Основные военные действия развернулись в 866 г. после того, как в 4-ом месяце того года государь Наньчжао пожаловал Доан Ту Тхиену наследственный титул легата – законодателя Тхиенсиена[31] и отправил ему на помощь армию под командованием Зыонг Тап Ты. Кроме того, губернатором главной крепости был назначен *манский* военачальник Фам Нат Та[32], а ещё один из *манских* вождей Чиеу Нак Ми был назначен губернатором уезда Фуза[33]. Тем временем Гао Пянь

получил 7-тысячное подкрепление под командованием Вэй Чжунцзая. Таким образом, он начал боевые действия против объединённых сил *манов* и Наньчжао имея под своим командованием армию из 12000 отборных воинов.

На протяжении пяти месяцев Гао Пянь одерживал победу за победой над войсками противника, о чём неоднократно посылал сообщения в империю. Однако до двора они не доходили, так как их задерживал в Хаймэне Ли Вэйчжоу. Более того, последний отправил донос императору, в котором сообщал о том, что Гао Пянь стал лагерем в округе Фаунг и боится продолжать наступление. Император Тан в гневе назначил Ван Яньцюаня главнокомандующим вместо Гао Пяня, тогда как Ли Вэйчжоу был оставлен на посту инспектора армии. Когда Гао Пянь, окруживший в 11-ом месяце ядро армии Наньчжао в резиденции губернатора и начавший её осаду, получил извещение о случившемся, он передал командование Вэй Чжунцзаю, а сам с небольшим отрядом отправился в империю. Но уже в Хаймэне Гао Пянь получил повеление императора о том, что он остаётся главнокомандующим. Это случилось благодаря тому, что двум гонцам Вэй Чжунцзая удалось проскользнуть мимо постов Ли Вэйчжоу и доставить танскому императору донесение об истинном положении дел. Гао Пянь вновь осадил главную крепость округа, взял её приступом и нанёс решающее поражение армии Наньчжао[34].

Согласно источникам, Гао Пянь захватил в плен Доан Ту Тхиена вместе с ещё одним *манским* вождём Тю Ко Дао, который был проводником армии Наньчжао, после чего последовали массовые казни. Было «отрублено более тридцати тысяч голов»[35]. Победу завершил захват двух горных уездов, в которых обитали восставшие *маны*. Их вожди были казнены. В результате «местные *маны*, предводители [и] народ в количестве семнадцати тысяч человек, прибыли [и] покорились [Гао Пяню]». В том же 11-ом месяце 866 г. танский император издал указ об учреждении вместо губернаторства Умиротворённого юга наместничества армии

Моря спокойствия. Гао Пянь был назначен его легатом – законодателем. Кроме того, для защиты наместничества под его командование были переданы войска округов Цзяо, Юн и Си, которые и образовали армию Моря спокойствия [236.1, кн.5, с.13а -14б; 239.6, с.807 – 821].

На этом практически завершается эпоха войн IX в. на территории Вьетнама в составе империи Тан[36]. В 875 г. Гао Пянь был переведён из наместничества с повышением в Сичуань, а легатом – законодателем стал его внук Гао Сюнь, отличившийся большой отвагой в сражениях с Наньчжао и *манами*. В 878 г. последнего сменил Цзэн Гунь, который прежде служил младшим офицером в армии Гао Пяня. К этому времени в империи Тан сложилась критическая ситуация, вызванная крестьянской войной Хуан Чао. В танском гарнизоне наместничества всё чаще отмечались случаи недовольства и дезертирства, которые завершились его восстанием в третьем месяце 880 г. Цзэн Гунь бежал в империю, а вслед за ним ушли и все танские войска. С этого времени ближайшие к Вьетнаму имперские гарнизоны располагались лишь в пограничном управлении Юн [236.1, кн.5, с.16б – 17а].

3. *Типология деятельности руководителей имперской администрации во Вьетнаме в VII – IX вв.*

Хронология имперских наместников во Вьетнаме в VII – IX вв., характеристика их деятельности и то, как они завершали свою карьеру в губернаторстве, сводятся к следующему[1].

1. Лю Фан, 603 – 605 гг., только воевал, погиб при возвращении из похода против Тямпы [236.1, кн.5, с.1а, 1б].

2. Цю Хэ. В «Биографии Цю Хэ» из «Книги Тан» сообщается, что он происходил из Лояна, был чиновником

[1] Безусловно, приведённые ниже данные источников нередко фрагментарны и имеют лакуны, однако они достаточно полно отражают истинное положение вещей, для того чтобы воссоздать общую картину баланса сил во Вьетнаме второй половины «Эпохи северной зависимости».

династии Чжоу (557 – 583 гг.), затем служил династии Суй в округах Цзы, Лян и Пу, «во [всех] трёх округах был известен великодушием [и] мягкостью» [239.6, с.687]. В конце правления династии Суй он был назначен префектом области Зяоти. С 618 г. Цю Хэ практически независимо управлял уже всем округом. В 621 или 622 г. он признал власть династии Тан и был назначен великим объединяющим управление (наместником) округа Цзяо. Будучи во Вьете, Цю Хэ скопил огромные богатства, получая от Тямпы и государств к западу от неё жемчуг, рога носорогов, золото и драгоценности. Согласно источникам, по своему богатству он мог равняться с королями. Нго Ши Лиен пишет, что Цю Хэ пробыл в округе Цзяо шестьдесят лет [236.1, кн.5, с.2б, 3а]. Если это так, то речь идёт о периоде с 618 по 679 г., что, если судить по нижеследующим данным, достаточно сомнительно. Конец карьеры неизвестен.

3. Ли Шоу. Упоминается под 635 г. Столичный инспектор округа Цзяо. Отличался жадностью, за что был наказан, несмотря на то, что был родственником танского императора. Вместо него хотели назначить наместника округа Ин Лу Цзушана. Однако последний, сначала согласившись принять должность, затем сослался на болезнь, а после этого прямо отказался поехать во Вьетнам и по императорскому указу был казнён за ослушание [236.1, кн.5, с.3б]. Ни в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета», ни в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора», ни в китайских источниках о Ли Шоу в связи с Вьетнамом ничего не говорится.

4. Ли Даосинь. Упоминается под 642 г. в связи с его смертью от болезни. Столичный инспектор округа Цзяо. Также родственник танского императора [236.1, кн.5, с.4а]. Ни в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета», ни в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора», ни в китайских

источниках о Ли Даосине в связи с Вьетнамом ничего не говорится.

В коллизии с Цю Хэ, Ли Шоу и Ли Даосинем возможны два варианта. Либо Ли Шоу и Ли Даосинь правили параллельно с Цю Хэ, что маловероятно, либо правление Цю Хэ завершилось в начале 30-х годов VII в. В любом случае непонятно, почему в китайских источниках ничего не говорится о пребывании Ли Шоу и Ли Даосиня во Вьетнаме.

5. Лю Янью. 679 – 687 гг. Был назначен губернатором губернаторства Умиротворённого юга, повысил налоги и казнил возмутившегося ими вьета Ли Ты Тиена. В результате последовавшего за этим восстания Лю Янью был убит [236.1, кн.5, с.4а, 4б]. О назначении Лю Янью губернатором в 679 г. говорится только в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» [36, с.120], а в остальных источниках он упоминается только под 687 г. [239.6, с.683 – 701; 470, с.56 – 62]. Не исключено, что Лю Янью действительно был назначен губернатором в 679 г. при преобразовании округа Цзяо в губернаторство Умиротворённого юга.

6. Цюй Лань Между 705 – 710 гг. Губернатор. Отличался жадностью и жестокостью. Убит [36, с.121][37].

7. Гуан или Юань Чукэ. Единственное упоминание под 722 г. в связи с подавлением восстания Май Тхук Лоана. Губернатор. Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.4б].

8. Чжан Шунь. Между 756 и 763 гг. Губернатор. При нём в 757 г. было изменено название губернаторства. Конец карьеры неизвестен [36, с.121].

9. Чжан Бои, сын Чжан Шуня. Упоминается под 767 г. в связи с перестройкой и укреплением крепости Ла, а также вторжением армии Конлона и Тяба. Легат – устанавливающий закон. Вероятно, при нём в 768 г. было восстановлено прежнее название губернаторства. Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.4б, 5а].

10. Гао Чжэнпин. Упоминается под 791 г. Губернатор. Оказал помощь Чжан Бои в войне с Конлоном и Тяба. Принуждал население к дополнительным тяжёлым

общественным работам. Убит восставшими *вьетами* (по источнику – «умер от страха») [236.1, кн.5, с.4б,6а, 6б].

11. Чжао Чан. 791 – 801 гг. Губернатор (см. п. 13).

12. Пэй Тай. 801 – 803 гг. Губернатор или столичный инспектор. Принуждал гарнизон к тяжёлым работам по перестройке крепости. Изгнан или убит одним из своих офицеров [36, с. 121; 236.1, кн.5, с.6б, 7а].

13. Чжао Чан (повторно). 803 – 808 гг. Губернатор. Отличался мягкими методами управления, действовал убеждениями и подкупом, назначал недовольных, как, например, Фунг Ана на должности. Интересовался внутренними делами Вьета и путешествовал по губернаторству, написал книгу «Записи [губернаторской] резиденции округа Цзяо». Дополнительно укрепил крепость Ла. За заслуги неоднократно повышался в должности и жаловался титулами. Окружённый почётом скончался в возрасте восьмидесяти пяти лет [236.1, кн.5, с.6б, 7а; 239.6, с.725 – 733].

14. Чжан Чжоу. Упоминается под 808 г. Губернатор. Усердно занимался военными приготовлениями, построил флот, расширил и дополнительно укрепил крепость Дайла, восстановил две крепости в округах Хоан и Ай. Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.7а].

15. Чжао Цзюнь. Кроме имени, ничего неизвестно [36, с.121].

16. Ли Сянгу. Упоминается под 819 г. Отличался алчностью и жестокостью. Убит восставшими вьетами [236.1., кн. 5, с.7а, 7б].

17. Ма Цзун, второе имя Юань Хуй. 819 – 822 гг., губернатор. Управлял мягко и справедливо, считал себя потомком Ма Юаня, установил два бронзовых столба с надписями о добродетельных свершениях династии Тан. Конец карьеры неизвестен [239.6, с.741 – 743].

18. Ли Юаньцзя. 822 – 827 гг. Губернатор. Построил новую небольшую крепость, куда перевёл резиденцию. Впоследствии эта крепость была перестроена Гао Пянем и

получила название «Крепость Ла». Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.7б].

19. Хань Юэ. Упоминается под 828 г., губернатор. Воевал с *манами* и Наньчжао. Был изгнан восставшим гарнизоном [236.1, кн.5, с.8а].

20. Ма Чжи. 836 г. или чуть позже. Губернатор. Отличался скромностью, был справедливым и искусным правителем. За заслуги был повышен в должности и переведён из губернаторства в Цзяньчжун на должность легата – инспектора [239.6, с.751 – 753][38].

21. У Хунь. Упоминается под 841 г. Легат – устанавливающий закон. Принуждал гарнизон заниматься строительством в крепости. Был изгнан восставшими солдатами [236.1, кн.5, с.8а].

22. Пэй Юаньюй. Упоминается под 846 г. Легат – устанавливающий закон. Одержал победу над вторгшимися войсками Наньчжао. Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.8а].

23. Ли Чжо. Правил между 851 и 855 г. Легат – устанавливающий закон. Пытался крутыми мерами навести порядок. Был изгнан или убит [236.1, кн.5, с.8б, 9а].

24. Чжу Я. Упоминается под 857 г. Легат – устанавливающий закон. Кроме имени, ничего неизвестно. По одному из источников вернулся в округ Гуан [236.1, кн.5, с.8а, 8б; 239.6, с.763 – 765].

25. Ван Ши. 858 – 860 гг. Легат – губернатор устанавливающий закон. Правил весьма умело, используя как репрессии, так и подкуп. В 860 г. был отозван в империю с повышением и направлен на подавление мятежа в Сидуне [236.1, кн.5, с.8б – 10а].

26. Ли Ху. 860 г. Губернатор. Казнил одного из манских вождей. *Маны* призвали на помощь армию Наньчжао, которая захватила губернаторскую резиденцию, а Ли Ху бежал из округа [236.1, кн.5, с.10а].

27. Ван Куань. 861 – 862 гг. Легат – устанавливающий закон. За то что не смог справиться с *манами* и Наньчжао, был снят с должности [236.1, кн.5, с.10а].

28. Цай Си. 863 г. Легат – устанавливающий закон. Воевал с *манами* и Наньчжао. Был убит [236.1, кн.5, с.10б – 12а].

29. Сун Жун. В 6-ом месяце 863 г. назначен наместником администрации округа Цзяо в торговом центре Хаймэнь. В 7-ом месяце того же года назначен легатом – устанавливающим закон с резиденцией губернаторства в Администрации округа Цзяо. Готовил армию для вторжения во губернаторство и войны с *манами* и Наньчжао. Других сведений не сообщается [236.1, кн.5, с.12а].

30. Чжан Инь. 864 г. Получил повеление вернуть губернаторство в состав империи. Объединяющий управление, легат – устанавливающий закон. Продолжал готовить армию вторжения. По обвинению в проволочках и трусости был снят с должности [236.1, кн.5, с.12б].

31. Гао Пянь. 864 – 875 гг. Объединяющий управление губернаторством, легат – устанавливающий закон [и] карающий [за] преступления. 10-ый месяц 866 г. Старший инспектор, министр министерства общественных работ. 11-ый месяц того же года. Назначен легатом – законодателем армии Моря спокойствия. После долгой подготовки вторгся во Вьетнам и в нескольких сражениях разбил армию Наньчжао. Проложил водные пути и построил крепость Ла, которая, судя по источникам, была внушительной твердыней[39]. 875 г. Переведён с повышением в Сичуань [236.1, кн.5, с.10б – 16б].

32. Гао Синь, внук Гао Пяня. 875 – 878 гг. Легат – законодатель. Отличился храбростью и мужеством в войнах с *манами* и Наньчжао. Конец карьеры неизвестен [236.1, кн.5, с.16б, 17а].

33. Цзэн Гунь, младший офицер армии Гао Пяня. 878 – 880 гг. Легат – законодатель. Был доброжелателен и пользовался народной любовью. Написал книгу «Записи [об]

округе Цзяо». Был изгнан из губернаторства восставшим гарнизоном[40] [236.1, кн.5, с.17а].

Таким образом, этот восстановленный на основании как китайских, так и вьетнамских источников список руководителей китайской администрации во Вьетнаме 2-ой половины «Эпохи северной зависимости», образован именами 32 наместников (губернаторов), из которых 8 – умерли или были убиты (1, 4, 5, 6, 10, 16, 23 и 27, под вопросом 16-ый, возможно, был изгнан); 8 – были изгнаны или отозваны, как не справившиеся с работой (3, 12, 19, 21, 26, 27, 30 и 33); 4 были отозваны с повышением (11, 20, 25 и 31); наконец, судьба же 12 неизвестна (2, 7, 8, 9, 14, 15, 17, 18, 22, 24, 29 и 32).

Следовательно, половина всех наместников этой эпохи завершила свою деятельность во Вьетнаме либо смертью, либо концом карьеры, и только четверо получили повышение в результате своей службы в губернаторстве. Что же касается «неизвестных судеб» двенадцати наместников, то они в определённой степени могут быть реконструированы на основании сопоставления карьеры того или иного наместника, судьба которого известна, с характером его поведения в губернаторстве. Соответственно указанное сопоставление даёт следующий результат. Из шестнадцати пострадавших на службе во Вьетнаме наместников двое погибли во время военных действий (1 и 28); пятеро были убиты из-за собственной алчности и жестокости (5, 6, 10, 16 и 23); один умерший не имеет характеристики (4). Из изгнанных или казнённых шестеро характеризуются алчностью, жестокостью и насилием по отношению к подчинённым (3, 12, 19, 21, 26 и 27); один был наказан за бездеятельность (30); один отличался мягкостью и справедливостью, но был изгнан восставшим гарнизоном, который желал вернуться в империю, рушившуюся в огне крестьянской войны (33). Из четырёх награждённых наместников двое были мягкими, добрыми и справедливыми (11 и 20); деятельность одного отличалась крутыми мерами по отношению к восставшим горным племенам и справедливостью по отношению к местному

вьетнамскому населению (25); один руководил разгромом Наньчжао и *манских* племён, которые более десяти лет терроризировали вьетнамское население низменности (31).

Если теперь обратиться к судьбе наместников, о конце карьеры которых ничего не сообщается, то исходя из внутриполитической ситуации во Вьетнаме на момент их правления в сочетании с теми или иными особенностями поведения каждого, можно предположить следующее. Пять наместников были либо убиты, либо изгнаны из губернаторства (14, 15, 18, 22 и 24); один был снят с должности за нерешительность (29); пять могли относительно спокойно завершить свою карьеру (7, 8, 9, 17 и 32). Наконец, особо стоит вопрос ещё об одном наместнике – Цю Хэ (2). Согласно характеристике он был человеком великодушным и мягким по отношению к местному населению, но при этом он вёл сложную политическую игру: прибыв во Вьетнам в качестве префекта области династии Суй, он сначала выступил против царства Лян, а затем признал верховную власть династии Тан, за что был назначен наместником округа. На самом же деле Цю Хэ вёл себя достаточно независимо и занимался личным обогащением, что позволило ему скопить огромные богатства. Поэтому наиболее вероятно, что по повелению из империи он был устранён, хотя не исключено и вполне благополучное завершение его карьеры.

Таким образом, представляется возможным выделить два типа руководителей имперской администрации во Вьетнаме 603 – 880 гг. К первому из них принадлежало подавляющее число наместников (22 человека). Этот тип отличался алчностью, жестокостью, а также трусостью или беспомощностью в условиях войны. Соответственно все его представители закончили свою карьеру либо смертью, либо изгнанием и наказанием. Второй тип – это энергичные, справедливые и решительные в критической ситуации наместники, среди которых были награждённые должностями и титулами (10 человек). Вероятно, девятеро из них

благополучно вернулись в империю, а судьба одного вряд ли может быть точно установлена.

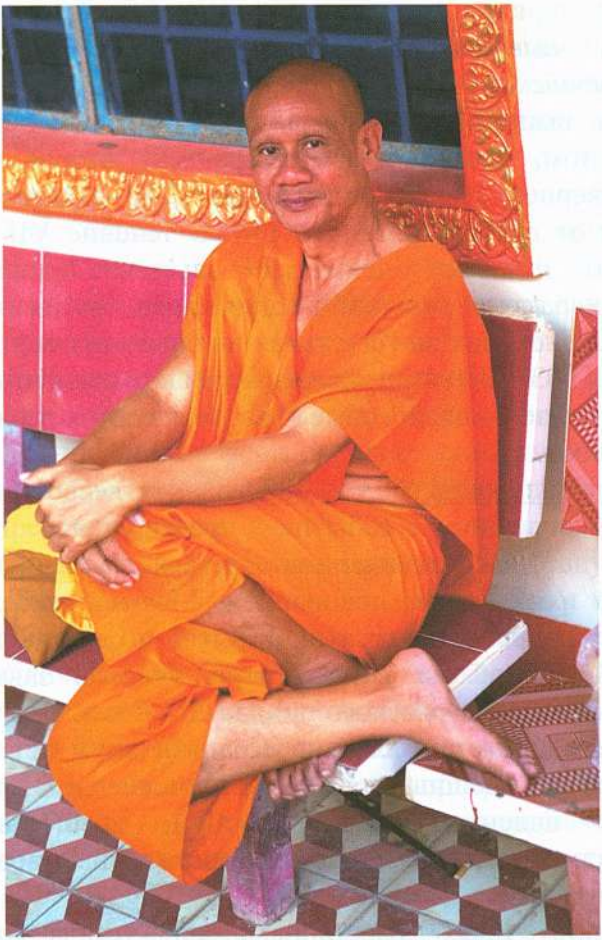
4. *Общие выводы о характере зависимости от общекитайских династий Суй и Тан*

Весь вышеизложенный материал позволяет придти к выводу о том, что по своему характеру вторая половина «Эпохи северной зависимости» (603 – 880 гг.) значительно отличается от первой (44 – 540 гг.). В течение VII – IX вв. совершенно исчезают «скрытые» вьетские династии и меняется характер восстаний, при этом во вьетнамском обществе происходит значительная поляризация сил. В целом же в рамках 603 – 880 гг. представляется возможным выделить три основных периода, которые характеризуются следующими особенностями.

Первый период (603 – 687 гг.). На весь этот период наложили отпечаток события предыдущего полувека, связанные с восстановлением независимости вьетских территорий и их новым покорением. Местное население не сразу смогло оправиться от этих событий и связанной с ними длительной войной на уничтожение, которая завершилась вместе с окончанием тямского похода Лю Фана. Тем не менее приблизительно на протяжении двадцати двух лет империя практически не вмешивалась во вьетнамские дела, что было связано с падением династии Суй, восшествием на общекитайский престол династии Тан и существованием в Гуандуне буферного царства Лян.

Именно такая расстановка сил стала причиной появления в округе Цзяо единственного за вторую половину «Эпохи северной зависимости» «скрытого» правителя Цю Хэ, который правил приблизительно с 610 по 628 гг. Весьма интересно, что Цю Хэ предпринял попытку законодательно оформить своё обособление, подав в 622 г. доклад танскому императору с просьбой о трансформации округа в военное наместничество. По сути прошение Цю Хэ показало танским политикам, что угроза потери вьетских территорий, которые за

двадцать лет до того лишь с большим трудом были вновь присоединены к империи, всё ещё продолжала существовать.

В эпоху Тан (VII – IX вв.) такие буддийские монахи были духовными наставниками как вьетнамцев, так и китайцев. Кантхо. 10.04.2011 г.

О том как завершилось правление Цю Хэ, ничего неизвестно, но известно, что 628 – 687 гг. стали годами принципиальных решений в империи, которые во много предопределили дальнейшее развитие Вьетнама. Вероятнее всего, именно в это время в империи было принято решение о поиске союзников среди горных племён или так называемых

манов, с тем чтобы опираясь на них создать противовес вьетнамцам. Этот вывод подтверждается и заключением А.Масперо о двух этапах создания административного деления вьетнамских территорий[1]. Отсюда – тщательная разработка структурной организации горных районов Северного Вьетнама, имеющая конечной целью противопоставление этих районов низменности и их полное административное обособление. Такое решение об административном делении округа Цзяо было связано с тем, что движущей силой восстаний первой половины «Эпохи северной зависимости» являлось *вьетское* население. До середины II в. оно выступало стихийно, нередко – совместно с *тямами*. Со второй половины II – начала III в. восстания *вьетов* сливаются с армейскими мятежами, при этом они всё чаще возглавляются лидерами формирующейся «сино-аннамитской» элиты[41]. В то же время *маны*, в целом придерживаясь оппозиционной политики по отношению к вьетнамскому населению, в большинстве конфликтов занимали нейтральную позицию. Именно поэтому, чтобы окончательно противопоставить *манов* вьетнамскому населению в горных районах Северного Вьетнама, были учреждены округи и уезды, организация которых принципиально отличалась от аналогичных административных единиц низменности. Они создавались на основе родоплеменных объединений, верховные вожди получали должность наместника, главы кланов – начальника уезда, а власть передавалась по наследству. Кроме того, *манским* феодалам было разрешено иметь собственные войска. В обмен на это *маны* должны были оказывать поддержку имперским губернаторам. Такие округа получили наименование «округ прочной связи»[42].

Естественно, что *вьетнамцы*, видевшие в усилении горных племён угрозу собственной безопасности, противились политике имперских эмиссаров, из-за чего поездки последних в округ Цзяо были сопряжены с большими опасностями. Поэтому неудивительно, что многие из них отказывались

[1] До и после 627 г.

ехать во Вьетнам даже под угрозой смертной казни. Принимая же во внимание, что все три наместника этого периода либо «умерли», либо были убиты, нельзя не признать опасения танских чиновников обоснованными. Тем не менее, надо полагать, к 679 г. реорганизация административной структуры Вьетнама была завершена, что было оформлено учреждением губернаторства Умиротворённого юга. С этого времени, если судить по более поздним данным источников, *танские* губернаторы опирались в управлении как на собственные гарнизоны, численностью до 4000 воинов, так и на воинские формирования крупных *манских* феодалов, которые насчитывали до 7000 человек. Поэтому не случайно, что Лю Янью, который первым получил в 679 г. должность губернатора, опираясь на столь внушительную военную силу, повысил заниженные на период реорганизации налоги до имперской нормы. В результате этого в 687 г. вспыхнуло восстание, которым завершается первый, внешне относительно спокойный период танского господства во Вьетнаме.

Второй период (687 – 819 гг.). Этот период можно охарактеризовать как время реализации планов империи Тан в отношении Вьетнама, которые в целом завершились крахом. Для начала следует указать на то, что имперским стратегам не удалось предотвратить *вьетнамские* восстания, которые следовали с периодичностью в 30 – 40 лет. В результате восстания 687 г. был убит губернатор. Хотя источники ничего не сообщают о каком-либо крупном мятеже в то время, губернатор, правивший в 705 – 710 гг., также был убит. О судьбе следующего губернатора ничего неизвестно, однако, надо полагать, что, принимая во внимание его деятельность, которая привела к крупному восстанию, охватившему южные районы губернаторства в 722 г., она была незавидной. Это восстание отличается от предыдущих тем, что его возглавлял *тям*, который опирался на поддержку Тямпы и Ченлы. Это не простое отличие. На самом деле оно символизирует начало краха *танской* политики изоляции *вьетнамцев*, так как именно с этого времени фактор внешних вторжений начинает играть

всё большую роль в управлении губернаторством. К такого рода вторжениям относится и война 767 г., связанная с агрессией островных государств. Но в ту эпоху речь ещё шла о южных вторжениях, которые, надо полагать, охватывали главным образом юг губернаторства и не оказывали решающего влияния на его центральные и северные районы. Тем не менее отсутствие в источниках сведений о конце карьеры всех трёх правивших в 710 – 767 гг. (?) губернаторов в сочетании с сообщениями о войнах уже само по себе достаточно красноречиво свидетельствует об их судьбах. Определённый свет на характер начавшихся в 722 г. «южных войн» проливает следующее, весьма своеобразное сообщение источников. Под 767 г. В нём приводятся сведения о некоей «праведной женщине» по имени Ким-тхи, которая наставляла своего сына Дао Те Лыонга. «[говоря о делах] праведных, Лыонг упрямо не слушал, [тогда она его] прогнала, сама [работала] в поле, [чтобы добывать] пищу, ткала, [чтобы] одеваться. В деревнях округа [её] уважали, [подражая ей, соблюдали] законы, [император] Тан назначил двух [человек] прислуживать госпоже, заботиться [о ней] до самой смерти». Представляется, что этот сюжет позволяет придти к двум следующим выводам.

Во-первых, очевидно, что если бы имперские историографы не стремились любыми способами обосновать поддержку вьетнамским населением *танской* политики в губернаторстве, то столь незначительное событие вряд ли заслуживало бы включения в состав «Книги Тан» [239.6, с.719 – 721].

Во-вторых, он косвенно также свидетельствует и о враждебности *вьетнамского* окружения, в условиях которого незначительный *танский* гарнизон и ненадёжные воинские формирования *танских* феодалов были просто не в состоянии противостоять вторжениям с юга и восстаниям местного населения. Этот вывод полностью подтверждается событиями 790 – 792 гг., в ходе которых восставшие стремительно овладели резиденцией «умершего от страха» губернатора Гао

Чжэнпина, в результате чего Вьетнамом стала править независимая династия Фунг. Ситуация усугублялась ещё и тем, что империя, ослабленная мятежом Ань Лушаня, не могла выставить значительную армию против *вьетнамцев*. Поэтому для того чтобы удержать губернаторство в составе империи, династии Тан было необходимо срочно менять свою политику в отношении собственно вьетнамского местного населения.

Главатаем новой политики стал назначенный губернатором в 791 г. Чжао Чан. Путём компромисса он сумел достичь соглашения с вьетнамскими феодалами, вследствие чего в обмен на признание верховной власти губернатора и сюзеренитета империи им была предоставлена значительная самостоятельность. Это подтверждается и тем, что вождь *вьетов* Фунг Ан не только не был наказан, но был назначен на ответственную должность в администрации губернаторства. Попытка же вернуться после отзыва Чжао Чана в империю к прежним методам управления в 801 – 803 гг. немедленно спровоцировала восстание гарнизона под командованием *вьетнамского* военачальника и изгнание губернатора. Лишь возвращение Чжао Чана в губернаторство прекратило мятеж. Этими событиями завершается второй период зависимости вьетнамских территорий от общекитайских династий Суй и Тан, который показал несостоятельность выработанной в течение её первого периода стратегии борьбы с вьетнамскими восстаниями.

Третий период (819 – 880 гг.). Наконец, в течение третьего периода окончательно выявились негативные последствия *танской* политики, направленной на обособление горных районов губернаторства и опору на *манские* воинские формирования. Под 819 – 880 гг. не упоминается ни одного *вьетнамского* восстания, что объясняется изменением роли *вьетнамских* феодалов в губернаторстве. Зато 819 г. является первым годом непрерывной серии *манских* выступлений, при этом, если в 819 – 826 гг. *маны* выступали совместно с Тямпой, то с 846 г. у них появился значительно более опасный союзник – государство Наньчжао. С этого момента набеги на

низменность и грабежи, чередовавшиеся с настоящими военными вторжениями, стали повседневной реальностью. А в результате войны 861 – 863 гг. *маны* и Наньчжао полностью овладели губернаторством, изгнав оттуда имперские войска.

В сложившихся политических условиях вьетнамские феодалы и их воинские формирования стали естественными союзниками танских губернаторов. Надо полагать, что к началу IX в. они располагали уже значительными силами, хотя в источниках, как уже говорилось, об этом имеются лишь косвенные упоминания.

Известно, что первые упоминания в источниках о новой *вьетской элите* восходят к концу II – началу III в. В конце V – начале VI в. представители именно этой, уже окончательно сформировавшейся элиты предприняли попытку восстановления государственной независимости Вьета. А вышеуказанные расчёты *танской администрации* об опоре на горных, или *манских*, феодалов являются косвенным свидетельством существования таковых в более развитом вьетнамском обществе VII – VIII вв. Наконец, более поздние относящиеся к X в. сведения источников позволяют предположить, сколько было *основных вьетнамских феодальных родов в IX в.* Судя по всему, к этому времени их было порядка *двенадцати* и они обладали всей полнотой власти на контролируемой ими территории [236.1, кн.5, с.25а, 25б]. Именно они стали главной опорой *танской* армии в борьбе с *манами* и Наньчжао в IX в., а в 863 – 865 гг. они продолжали самостоятельно оборонять свои владения. Поэтому поход Гао Пяня, начавшийся в 865 г., был поддержан как вьетнамским населением низменности, так и воинскими формированиями местных феодалов, что в конечном счёте и предопределило его успех в 867 г. Вследствие этой войны окончательно сложилась система взаимоотношений, которая начала формироваться ещё при Чжао Чанс. В результате власть на местах оказалась в руках *двенадцати наиболее крупных вьетнамских феодальных родов*, которые возглавлялись Гао Пянем. Сам же он выступал в двух лицах:

по отношению к вьетнамцам – как лидер местных феодальных кланов, а по отношению к империи – как верноподданный губернатор. Только такая гипотеза о процессе формирования вьетнамских феодальных родов и их роли в VII – IX вв. может удовлетворительно объяснить три противоречия, которые до сих пор обходят молчанием или же в лучшем случае просто констатируют.

1. В «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» сказано, что «[Гао] Пянь, став во главе округа, объявил себя королём» [36, с.123]. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» говорится: «Гао Пянь удерживал [под своей] властью наше управление, провозгласил [себя] королём» [236.1, кн.5, с.14б]. В «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» эта формулировка несколько изменена: «Население округа почитало [и] боялось Пяня, называло его "король Гао"» [239.6, с.823]. В то же время известно, что в течение правления во Вьетнаме Гао Пянь не был пожалован титулом короля. Этот факт был прекрасно известен вьетнамским историографам, которые тем не менее его игнорировали, а самого Гао Пяня характеризовали как достойного всяческого уважения добродетельного государя.

2. Без видимой причины после окончания правления Гао Пяня и его внука Гао Синя начинаются мятежи в *танском* гарнизоне, которые между 880 и 906 гг. приводят к изгнанию губернатора и самовольному уходу имперского гарнизона из Вьета. При этом его уход не повлёк за собой нового покорения вьетнамских территорий *манами* и Наньчжао.

3. В начале X в. Вьетнам оказался под властью двенадцати крупных феодальных родов, или двенадцати легатов-правителей, при этом в источниках очень точно указываются границы владений каждого из этих родов, возникших, казалось бы, из «ничего».

Однако представляется, что указанные «противоречия» скорее кажущиеся и между ними вполне можно установить логическую связь, которая сводится к следующему.

Гао Пянь принял титул короля Высокого[43], легализовав тем самым свои взаимоотношения с крупными феодальными родами внутри страны. Сами же эти феодальные роды готовы были признать сюзеренитет рода Гао, сыгравшего ведущую роль в победе над Наньчжао, тогда как назначение после Гао Синя нового губернатора из империи и возврат к прежним порядкам были для них уже неприемлемы. Нет никакого сомнения в том, что к концу IX в. *вьетнамские* феодалы уже обладали достаточной силой, чтобы путём психологического давления вынудить незначительный *танский* гарнизон покинуть страну, после чего двенадцать крупнейших феодальных родов начали междоусобную борьбу за власть, которая продолжалась на протяжении почти всего X в.

Как и в X в., в пагодах совершаются публичные молебны во славу Будды. Нячанг. 06.04.2011 г.

Таким образом, период с 603 по 687 г. по своему характеру примыкает к первой половине «Эпохи северной зависимости» с её «скрытыми» династиями и государями. В течение этого периода в империи была выработана стратегия опоры на *манов* в борьбе с *вьетскими* мятежниками. Период с 687 по 819 г. – это время реализации и краха указанной стратегии, которая, с одной стороны, привела к новым восстаниям, нередко сопровождавшим южные нашествия Тямпы, Ченлы и островных государств, а с другой – позволила вождям горных племён Северного Вьетнама подготовить собственные военные формирования и объединиться с Наньчжао для захвата Вьетнама.

Наконец заключительный период «Эпохи северной зависимости» начинается с 819 г. и характеризуется союзом *вьетнамских* и имперских сил для борьбы с *манами* и Наньчжао, а завершается он переходом всей власти в руки *вьетнамских* феодалов и уходом имперских войск в гибнущую империю Тан в 880 г.[44].

Глава 4

Период вооружённой борьбы за восстановление государственной независимости (880 – 1009 гг.)

С самого начала необходимо указать на то, что во вьетнамоведении не принято выделять 880 – 981 гг. в качестве самостоятельного периода. При этом во всех вьетнамских источниках конец «Эпохи северной зависимости» датируется годом разгрома китайской экспедиционной армии на реке Батьданг и воцарением династии Нго, то есть концом 938 – началом 939 гг. [36, с.125, 126; 236.1, кн.5, с.19а – 20б; 239.6, с.853 – 865]. В связи с этим интересно отметить, что в этих источников «Эпоха северной зависимости» выделена в особый раздел, который в каждом из них имеет разные временные границы. Так, в «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета» её события выделены в книгу первую, которая завершается 1009 г. [36, с.109 – 138]. В «Записи истории Великого Вьета, полном описании» они образуют пять книг раздела «Внешние записи», который первоначально завершался 938 г. (впоследствии его рамки были расширены вплоть до 967 г.) [236.1, кн.5, с.26а, 26б]. Наконец, в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» им также посвящены пять книг раздела «Предварительные записи», завершающегося 967 г. [239.6, с.909]. Таким образом, если брать все существовавшие датировки конца эпохи зависимости и примыкающего к ней периода полунезависимого развития Вьетнама в национальных источниках, то можно говорить лишь о трёх датах: 938, 967 и 1009 гг.[1].

Также предварительно следует сказать, что указанный период исследовался исключительно вьетнамскими учёными, а главное внимание уделялось его двум ключевым моментам: битве на реке Батьданг в 938 г. вместе с проблемой Нго Кюена

---

[1] О причине данного различия в структуре вьетнамских летописных сводов смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Тома II» и «Параграф 1.3» «Главы 1» «Части III» «Тома III».

и битве на реке Батьданг в 981 г. вместе с проблемой Ле Хоана. Весьма интересно, что статьи по этим проблемам, а также связанным с ними вопросам истории Вьетнама X в. появляются в СРВ в виде единого комплекса публикаций в 1981 – 1983 гг. и группируются следующим образом: три статьи по первой проблеме [1349; 1396; 1442], восемь статей по второй проблеме [1235; 1282; 1346; 1489; 1490; 1538; 1547; 1559] и пять статей общего характера по X в. [1341; 1345; 1443; 1549; 1575][1]. Уже из одного такого распределения статей позиция их авторов достаточно очевидна. Из него следует, что изучение событий 938 г. в целом завершено, поэтому в их анализ вносятся лишь незначительные уточнения. Основное же внимание уделяется исследованию проблемы 981 г. и обобщению фактов и событий вьетнамской истории X в. во взаимосвязи с историей Юго-Восточной Азии. Это объясняется тем, что в 1971 г. был опубликован обобщающий труд по «Эпохе северной зависимости», которая, согласно общепринятой в СРВ точке зрения, рассматривается как единое целое и завершается 938 г. [1306.1, с.454 – 480].

Таким образом, учёные СРВ, да и вообще все вьетнамоведы, которые хотя бы в общих чертах описывали этот период вьетнамской истории, принимают за рубеж между «Эпохой северной зависимости» и государственной независимостью феодального Вьетнама 938 г., то есть, дату разгрома Нго Кюеном войск Южной Хань на реке Батьданг. Иными словами, принимается точка зрения Нго Ши Лиена до редакции его свода Фам Конг Чы [544, с.125]. Однако этот вывод в значительной степени схематизирует весьма сложный и неоднозначный процесс восстановления национальной независимости Вьетнама в конце IX – X вв. Представляется, что полную картину этого процесса может дать лишь анализ вьетнамской истории по 1009 г. включительно[2], тогда как временем окончательного восстановления независимости Вьетнама следует считать 981 г.

Исходя из такого подхода к этой проблеме наиболее целесообразно рассматривать события политической истории

этого периода вьетнамской истории в двух ракурсах: во-первых, взаимоотношения Вьетнама с империей, отражённые в официальных документах, и, во-вторых, внутренняя ситуация и междоусобная борьба между феодальными кланами в самом Вьетнаме.

1. *Вьетнамо-китайские отношения в 880 – 981 гг.*[3]

Как уже отмечалось, после 880 г. танская администрация практически потеряла контроль над Вьетнамом, где реальная власть перешла в руки местных феодальных родов. В 906 г., предпоследнем году своего правления[4], династия Тан была вынуждена признать этот факт, о чём свидетельствует пожалование звания легата – законодателя главе одного из таких родов по имени Кхук Тхыа Зу. Однако после смерти последнего в 907 г. танский император формально подчинил Вьетнам легату – законодателю округа Гуан Лю Иню, пожаловав ему титул короля Умиротворителя юга и должность легата – законодателя армии Моря спокойствия.

В ответ сын покойного Кхук Тхыа Хао объявил себя легатом – законодателем и занял губернаторскую резиденцию. Лю Инь, резиденция которого находилась в Паньюе, ничего не смог ему противопоставить. В 911 г. он скончался. Ему наследовал младший брат Лю Янь[5], основавший в 917 г. династию Южных Хань. Желая установить с ним дружеские отношения, Кхук Тхыа Хао отправил ко двору Лю Яня своего сына Кхук Тхыа Ми.

В том же году Хао скончался и Ми наследовал должность легата – законодателя Вьетнама. В 919 г. он обратился с просьбой об официальном утверждении своей должности, но не к государю Южной Хань, а к династии Лян, укрепившейся в Чанъани. Тогда Лю Янь обвинил Кхук Тхыа Ми в измене и направил против него армию под командованием Ли Кэчжэна. Судя по данным источников, задачей этой экспедиции являлось наказание мятежного рода Кхук и превращение его владений в округ Южной Хань под

контролем наместника. Военные действия начались в 923 г. В первом же сражении вьетская армия была рассеяна, Ли Кэчжэн практически без боя захватил резиденцию правителя и пленил самого Кхук Тхыа Ми, которого отправил в Паньюй. Однако эта победа не была окончательной. Ли Кэчжэн овладел лишь округом Зяо, тогда как округ Ай контролировал военачальник Кхук Тхыа Хао по имени Зыонг Динь Нге[6].

Лю Янь, принявший к этому времени титул императора, назначил наместником округа Зяо Ли Цзиня, оставил в округе войска под командованием Ли Кэчжэна, а Зыонг Динь Нге пожаловал «титул [и] ранг». При этом он аргументировал своё решение следующим образом: «Народ Цзяочжи любит мятежи, [поэтому] лишь таким [способом] можно присоединить [его к империи]» [236.1, кн.5, с.18а]. Это умозаключение Лю Яня оправдалось очень быстро, так как уже в 931 г. Зыонг Динь Нге напал на имперские войска в округе Зяо. Ли Цзинь сообщил о нападении в Паньюй, однако ещё до подхода подкрепления ханьский гарнизон был разгромлен, а сам он едва спасся бегством. После этого Зыонг Динь Нге нанёс поражение пришедшим Ли Цзиню на помощь имперским войскам, при этом их командующий Чэнь Бао погиб в бою.

В 938 г. один из вьетнамских феодалов, некий Киеу Конг Тиен, потерпевший поражение в междоусобной борьбе, обратился за помощью к Южной Хань. Лю Янь решил воспользоваться этим и, оказав помощь Киеу Конг Тиену, окончательно захватить вьетнамские территории. И хотя военная экспедиция против вьетнамцев требовала значительной мобилизации людских и материальных ресурсов, Лю Янь стремился завершить подготовку к походу как можно быстрее. Согласно плану ханьского императора ударные части армии под командованием его сына Хун Цао должны были наступать водным путём. Перед ними была поставлена задача овладеть всеми ключевыми районами противника, включая его столицу – крепость Дайла. Хун Цао, который должен был начать наступление из Паньюя, сначала был назначен легатом – законодателем армии Моря спокойствия, а затем

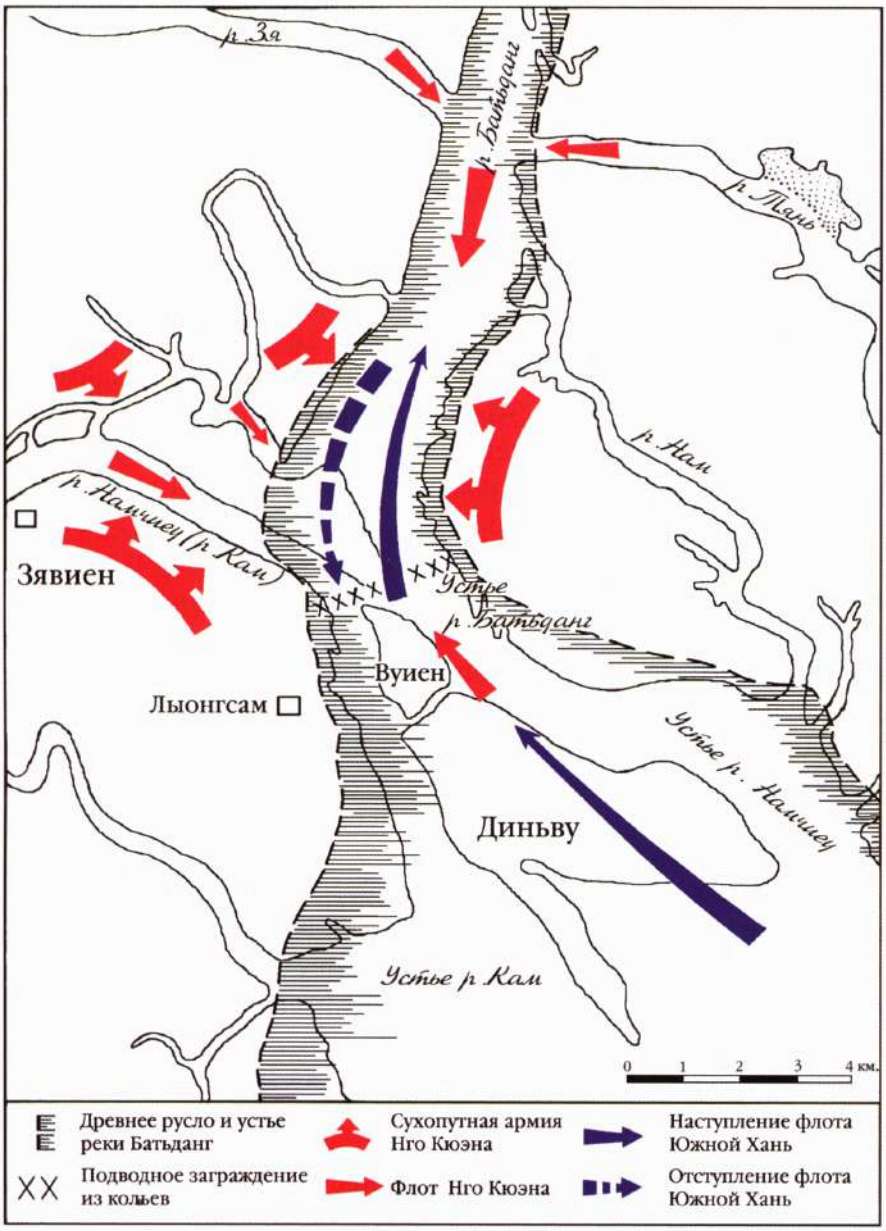
получил титул короля Цзяо. Сам же Лю Янь возглавил сухопутную армию в Хаймэне, которая в случае необходимости должна была нанести удар по противнику из Гуанси. Интересно отметить, что Лю Янь не обратил внимания на предостережение своего советника Сяо И, который предложил сначала тщательно разведать дорогу и наступать, соблюдая все меры предосторожности[7]. Более того, он даже не принял во внимание того факта, что во Вьетнаме произошли серьёзные изменения в расстановке сил. Киеу Конг Тиен был убит, а крепостью Дайла командовал уже другой вьетнамский феодал по имени Нго Кюен, которому удалось собрать значительную армию для отражения вторжения Южной Хань. В 10-ом месяце 938 г. Хун Цао, имевший в резерве сухопутную армию под командованием Лю Яня в Хаймэне, начал наступление. В этих условиях Нго Кюен принял единственно правильное решение о нанесении опережающего удара с целью полного разгрома флота противника до того как к нему на помощь не подтянется сухопутная армия из Гуанси.

Ханьский флот наступал традиционным путём, которым обычно шли суда из Гуандуна в Северный Вьетнам. Этот был путь морем вдоль побережья до района современного залива Халаунг, а оттуда по реке Батьданг в центральную часть низменности [1306.1, с.471, 472][8]. Этот традиционный путь был прекрасно известен вьетнамцам, что позволило Нго Кюену разработать план сражения, который сводил на нет преимущество ханьской армии в боевых и транспортных судах.

Согласно источникам, река Батьданг была образована слиянием двух рукавов реки Лукдоу, а вся её длина от места слияния рукавов до впадения в море составляет 16 км 700 м при ширине около 1 км 150 м. Течение этой реки было бурным и изобиловало водоворотами, а её скалистые берега были покрыты густыми зарослями. Главной же особенностью реки Батьданг было то, что в зависимости от морских приливов и отливов уровень воды этой реки значительно изменялся. Именно этот фактор и лёг в основу подготовленного Нго

Кюеном и его военачальниками плану генерального сражения [239.6, с.859 – 861].

Схема битвы на реке Батьданг 31-го декабря 938 г.

Всё произошло приблизительно 31-го декабря 938 г. [1306.1, с.475]. Следуя плану, часть вьетнамской армии на лёгких джонках вышла навстречу флоту Хун Цао и навязала ему сражение. Затем, сдерживая более мощный флот врага, вьетнамские джонки стали медленно отходить к устью реки, постепенно прижимаясь к её берегам. Спустя 10 – 12 часов начался отлив и тут сработал замысел Нго Кюена. Дело в том, что в дно прибрежной полосы у входа в устье реки, а также от устья реки вдоль её берегов были вбиты острые колья, которые при приливе находились довольно глубоко под водой, тогда как при отливе выступали над её поверхностью, а в зарослях обоих скалистых берегов реки укрывались готовые к бою войска. Тяжёлые ханьские суда сели на колья и с берегов на ханьскую армию обрушились свежие вьетнамские силы. Сражение превратилось в побоище. Весь имперский флот был уничтожен. Более половины армии вторжения погибло. Хун Цао тоже был убит в бою. Узнав об этом разгроме, Лю Янь собрал уцелевшие войска и поспешно вернулся в Паньюй [236.1, кн.5, с.17б – 20а; 239.6, с.837 – 861].

Первое сообщение о вьетнамо-китайских контактах после этих событий датировано в источниках 954 г., то есть пятнадцать лето спустя. В том году Нго Сыонг Ван обратился за инвеститурой к государю Южной Хань Лю Шэну, который формально пожаловал вьетнамскому государю должность губернатора с совмещением должности легата – законодателя армии Моря спокойствия. Для вручения символов власти во Вьетнам было отправлено посольство под началом некоего Ли Юя, однако до места назначения оно не добралось. Ли Юй был встречен на границе[9] приближёнными Нго Сыонг Вана, которые не пустили его в страну под тем предлогом, что «морские разбойники восстали, сухопутная дорога непроходима» [239.6, с.881 – 883]. Следующий контакт отмечается после ещё одного большого перерыва и носит ещё более условный характер. В 965 г. указом государя Южной Хань Лю Чана вьетнамский феодал Динь Бо Линь был

«утверждён» легатом – законодателем округа Цзяо [239.6, с.885, 905 – 909][10].

С этого времени вьетнамо-китайские отношения вступают в новую фазу. С 969 по 977 гг. в объединённую под властью династии Сун империю было отправлено пять посольств, а во Вьетнам прибыло два ответных[I]. Все они носили разведывательный характер. Посольства Динь Бо Линя в 969 и 972 гг.[II] были связаны с падением Южной Хань и завоеванием Гуандуна династией Сун. В результате обеим сторонам стало ясно, что война хоть и принесёт Вьетнаму огромные беды, но вряд ли позволит Сунам добиться над ним решительной победы. Поэтому они пошли на компромисс. Динь Бо Линь формально признал сюзеренитет империи, а также обязался получать от императора Сун инвеституру и посылать раз в три года посольство с дарами к его двору. Со своей стороны династия Сун пожаловала вьетнамскому государю должность губернатора Умиротворённого юга, легата – законодателя наместничества армии Моря спокойствия, а его сын получил титул короля области Цзяочжи.

В 973 г. для официального вручения символов власти[11] и императорского послания во Вьетнам было направлено сунское посольство [239.4, т.6, с.6 – 23 («Основные записи», кн.1, с.1а – 5б)]. В 975 г. Динь Бо Линь делает новый тактический ход: в империю направляется посольство с дарами и извещением о том, что Динь Бо Линь удаляется на покой, а власть переходит к его сыну. В том же году во Вьетнам прибыло ответное сунское посольство с инвеституро́й для Динь Лиена[12]. Соответственно в 976 г. к Сунам было направлено посольство с благодарностью и дарами, а в 977 г. ещё одно с поздравлениями по случаю восшествия на престол в империи нового государя[13] [239.4, т.6, с.26 – 29 («Основные записи», кн.1, с.6б, 7а)].

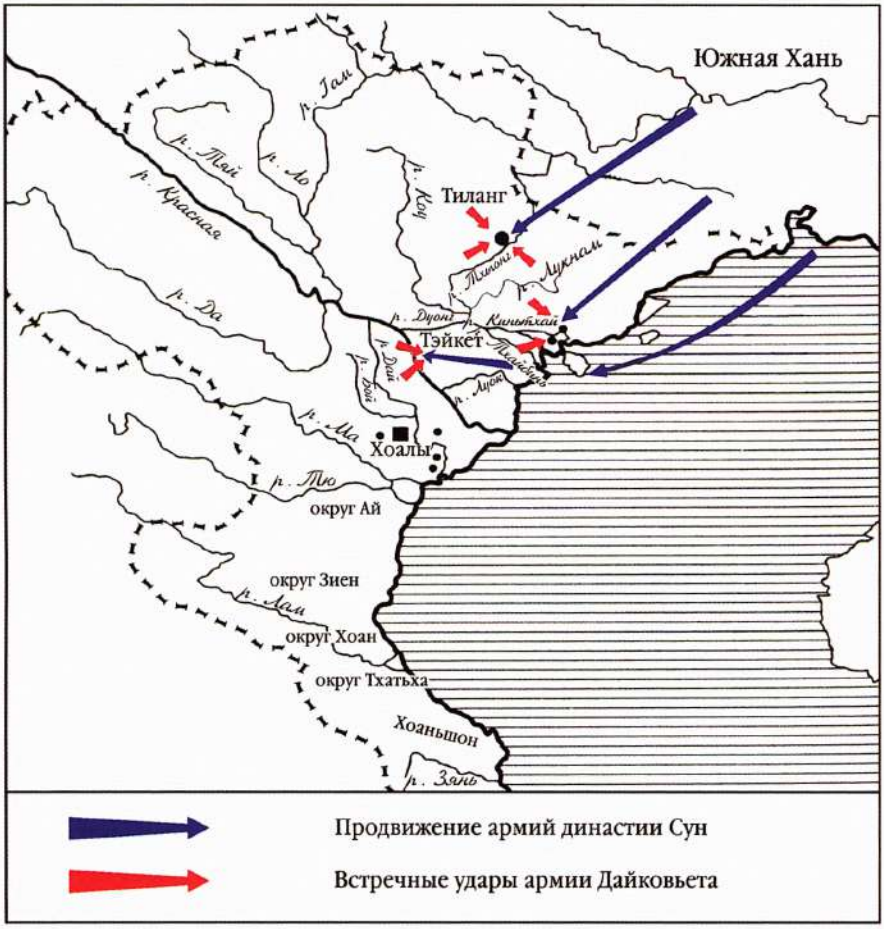
[I] Вьетнамские посольства: 969, 972, 975, 976 и 977 гг.; сунские посольства: 973 и 975 гг.

[II] Второе посольство возглавлял сын вьетнамского государя Динь Лиен.

Тем не менее, несмотря на такие внешне гладкие отношения, при сунском дворе исподволь вынашивалась мысль о военной экспедиции с целью захвата вьетнамских территорий и бесповоротного присоединения их к империи. С точки зрения имперских стратегов, связанная со смертью Динь Бо Линя смута во Вьетнаме 979 – 980 гг. делала его достаточно лёгкой добычей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 980 г. руководитель округа Юн, некий Хоу Жэньбао, подал доклад императору Сун, в котором он просил поручить ему покорение Вьетнама. Его просьба была поддержана видным придворным Лудо Сунем[14]. В результате сунский двор принял решение о формировании на базе округа Юн экспедиционного корпуса. Хоу Жэньбао был назначен легатом – руководителем водных [и] сухопутных [сил] округа Цзяо, командующим стал Сунь Цюаньсин, а помощниками – Чэнь Циньцзо, Лю Дэн и Цзя Чжи. Кроме того, во Вьетнам было направлено посольство во главе с Лудо Сунем с ультимативным требованием сдаться без боя. В противном случае, говорилось в послании, «за неисполнение повеления будете уничтожены» [239.4, т.6, с.48 – 53, 64, 65 («Основные записи», кн.1, с.12а – 13а, 16а)]. Реакция во Вьетнаме оказалась прямо противоположной той, которую ожидали в империи. Ле Хоан, который до этого был объявлен помощником при малолетнем государе династии Динь, при общей поддержке двора и армии был провозглашён императором. Сам же он направил сунскому императору послание, в котором объяснял, что принял сан регента для поддержки малолетнего государя династии Динь, просил утвердить его в этой должности и отозвать войска. По всей вероятности, в задачу посольства входили сбор информации о подготовке военной экспедиции и, по возможности, её максимальная задержка с целью выигрыша времени для подготовки к обороне. В какой-то степени эта задача была выполнена, поскольку от сунского двора прибыло очередное посольство с новым ультиматумом, в котором повелевалось всей семье малолетнего императора Динь с её главными приближёнными прибыть к императорскому двору. В случае

выполнения этого повеления было обещано пожаловать инвеституру малолетнему Диню и официально утвердить Ле Хоана его опекуном. Ответа на это послание не последовало. Однако вся эта дипломатическая игра оттянула начало сунской экспедиции почти на целый год [239.4, т.6, с.52 – 55, 64 – 67 («Основные записи», кн.1, с.13а, 13б, 16а, 16б)][15].

Схема основных сражений войны 981 г.

Наступление имперских войск началось в 3-ем месяце 981 г. К этому времени они занимали следующие исходные позиции: Хоу Жэньбао и Сунь Цюаньсин вышли к Лангшону,

Чэнь Циньцзо наступал от Тэйкета, а Лю Дэн находился у устья реки Батьданг.

Дальнейшее описание событий во вьетнамских источниках значительно отличается от их изложения в китайских, но так как в последних факты противоречат друг другу и явно не соответствуют действительности[16], то характеристика военных действий строится на основе данных вьетнамских летописных сводов.

Ле Хоан лично возглавил вьетскую армию и, воспользовавшись опытом Нго Кюена, устроил засаду на реке Батьданг. Многочисленному флоту Лю Дэна, которому ничего не было известно об особенностях этой реки, не удалось избежать ловушки, и около двухсот его кораблей село на колья.

Разгром сунского флота на реке Батьданг в 981 г.
Реконструкция. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Узнав об этом, Сунь Цюаньсин хотел остановить наступление, однако Хоу Жэньбао не позволил ему это сделать. Решающее сражение произошло у реки Тиланг. Хоу Жэньбао потерпел поражение, был захвачен в плен и казнён, после чего Лю Дэн поспешно отступил. Чэнь Циньцзо также попытался уйти на территорию империи, но его настигла вьетнамская

армия, и он был вынужден принять сражение, в результате которого более половины его армии было уничтожено, а два его главных военачальника, Го Цзюньбянь и Чжао Фэнсюнь, попали в плен и были доставлены во вьетнамскую столицу. Получив известие об этих событиях, сунский император повелел всем ещё остававшимся во Вьетнаме войскам немедленно вернуться в империю. Таким образом, попытка династии Сун восстановить господство империи над Вьетнамом завершилась крахом [239.4, с.66 – 73 («Основные записи», кн.1, 16б – 18а)].

Экспедиция 981 г. и её разгром являются не только крахом стремления династии Сун вновь включить в состав империи территорию Северного и северной части Центрального Вьетнама. Они знаменуют собой окончательное восстановление независимости вьетнамского государства. Во многом период с 880 по 981 г. сходен с другим важнейшим периодом вьетнамской истории, периодом с 541 по 602 г. Так, уход имперских войск в 880 г. был связан с ослаблением династии Тан, а первое открытое неподчинение повелению из империи связано с Кхук Тхыа Хао и датируется 907 г., или годом падения династии Тан и началом эпохи Пяти династий в Китае. Успех же вьетского восстания в 541 г. связан с перманентным ослаблением власти имперских наместников в округе Цзяо эпохи Южных и Северных династий в Китае. Иными словами, и в том и в другом случае восстановление независимости вьетнамских территорий связано с междоусобицами в империи. Точно также поход Южной Хань в 938 г. во многом аналогичен экспедиции Ян Пяо и Чэнь Басяня в 545 – 555 гг. Однако имеются и принципиальные различия. Если в VI в. будущему основателю династии Чэнь всё время сопутствовал успех и лишь после его ухода в империю для участия в борьбе за престол король Вьета Чиеу разгромил относительно слабые силы Ян Чаня, то в 938 г. имперская армия даже не смогла продвинуться вглубь вьетнамской территории. Более того, основное ядро этой армии было уничтожено, командовавший ею сын императора

Южной Хань был убит, а сам император с остатками армии был вынужден поспешно ретироваться. Наконец, поход Лю Фана в 601 – 605 гг. был связан с воцарением общекитайской династии Суй, а поход Хоу Жэньбао в 981 г. – с воцарением общекитайской династии Сун. Но если Лю Фану удалось «умиротворить» мятежный округ Цзяо и почти на три века продлить «Эпоху северной зависимости», то сунские полководцы в первом же крупном сражении потерпели сокрушительное поражение, причину которого следует искать в особенностях внутреннего развития вьетнамского общества IX – X вв.[17].

2. *Период феодальных смут 880 – 967 гг.*

Во всех вьетнамских источниках под 966 г. приводится список двенадцати национальных феодальных кланов, или так называемых легатов-правителей. Представляется, что рассмотрение вьетнамской истории периода восстановления независимости страны следует начинать с сопоставительного анализа списков этих кланов, включающих в себя имена этих феодалов. Список «Отражения истории Вьета, основы [и] частностей, составленного по повелению императора» выглядит следующим образом: «Прежде местный вождь Чан Лам провозгласил [себя] князем Светлым [по фамилии] Чан, укрепился в Бохайкхоу (1). Киеу Конг Хан провозгласил [себя] Управляющим Тройственным [по фамилии] Киеу, укрепился в округе Фаунг (2). Нгуен Кхоан провозгласил [себя] Великим миротворцем [по фамилии] Нгуен, укрепился в Нгуензялоане, [принадлежащем] Тамдаю (3). Нго Нят Кхань провозгласил [себя] князем Осматривающим [по фамилии] Нго, укрепился в Дыонгламе (также указывается Зяотхюи) (4). Ли Кхюе провозгласил [себя] князем Блистательным [по фамилии] Ли, укрепился в Шиеулоае (5). Нгуен Тху Тиеп провозгласил [себя] князем Приказов [по фамилии] Нгуен, укрепился в Тиензу (6). Лы Дыонг провозгласил [себя] князем Помощником [по фамилии] Лы, укрепился в Тезянге (7). Нгуен Шиеу провозгласил [себя] князем Правого[18] [по фамилии] Нгуен,

укрепился в Тэйфулиете (8). Киеу Тхуан провозгласил [себя] князем Приказов [по фамилии] Киеу, укрепился в Хойхо (9). Фам Бать Хо провозгласил [себя] Обороняющим [и] предотвращающим [по фамилии] Фам, укрепился в округе Данг (10). К тому времени Нго Сыонг Си (11) [и] До Кань Тхак (12) ещё удерживали Бинькиеу [и] Додонг. Сообщается, что за всё время было двенадцать легатов-правителей» [239.6, с.891 – 893].

Список «Записи истории Великого Вьета, полного описания» отличается от этого списка лишь тем, что он открывается именем Нго Сыонг Си (11), а До Кань Тхак (12) упомянут пятым [236.1, кн.5, с.25а,, 25б]. Наконец, в списке

«Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» при перечислении феодалов сначала называются их титулы, за которыми следуют имена; имя Нго Сыонг Си (11) отсутствует, а вместо него на пятом месте называется Нгуен Зу Зить управлял Бинькиеу; наконец, Нго Нят Кхань назван Чан Нят Кханем [36, с.128].

Таким образом, если не считать незначительных разночтений, все три списка практически идентичны. О разночтениях речь пойдёт несколько ниже, при характеристике двухлетнего периода двенадцати легатов-правителей, тогда как здесь важно подчеркнуть, что, вне всякого сомнения, эти списки содержат имена крупных вьетнамских феодальных кланов, которые формировались на протяжении всей второй половины «Эпохи северной зависимости». Надо полагать, что к 880 г. вьетнамские феодалы уже реально контролировали ситуацию на территории Северного Вьетнама. Что же касается упоминавшегося в предыдущем параграфе клана Кхук, то о нём в источнике говорится: «Семья Кхук, люди округа Хонг, [это семья из] древнего знатного рода. Тхыа Зу – это человек добрый, великодушный, жалеющий людей. С наступлением смуты, будучи местным вождём, провозгласил себя легатом – законодателем, обратился к [императору] Тан с просьбой [о] повелении, [император] Тан согласился, пожаловал [ему должность]» [239.6, с.837][19]. То есть из этого текста следует, что клан Кхук принадлежал к той же группе вьетнамской феодальной знати.

Вероятно, уже в конце «Эпохи северной зависимости» между вьетнамскими феодальными кланами происходили постоянные столкновения из-за сфер влияния, которые продолжались и после ухода танских войск в 880 г. Однако вплоть до 906 г., когда клан Кхук захватил лидирующую позицию, никому из них не удалось добиться ощутимого преимущества. В связи с этим кланом впервые во вьетнамской истории упоминается классическая триада правителей, оформленная соответствующей порядковой титулатурой: Ранний государь Кхук (Тхыа Зу, 906 г.), Срединный государь

Кхук (Тхыа Хао, 907 – 917 гг.) и Поздний государь Кхук (Тхыа Ми, 917 – 923 гг.)[20]. Свержение клана Кхук войсками Южной Хань не изменило ситуации, так как к власти пришёл один из главных военачальников этого клана Зыонг Динь Нге, который разгромил имперские войска и объявил себя легатом – законодателем. В 937 г. он был убит представителем клана Киеу по имени Конг Тиен, в свою очередь провозгласившим себя легатом – законодателем. И именно это событие знаменует собой начало открытой борьбы за власть между вьетнамскими феодальными кланами. В лице Киеу Конг Тиена источники впервые упоминают один из феодальных родов списка 966 г. Так, известно, что он происходил из округа Фаунг [239.6, с.851], а названный в списке легат-правитель Киеу Конг Хан (2) опирался именно на этот округ. В этом же сюжете участвует и Нго Кюен, чей клан также представлен в указанном списке (11). Согласно источникам, Нго Кюен происходил из общины Дыонглам. Его отец, Нго Ман, был правителем округа[21]. Сам Нго Кюен, прославившийся своими талантами и силой, стал зятем Зыонг Динь Нге, который назначил его управлять округом Ай. Узнав об убийстве своего тестя, Нго Кюен привёл верные ему войска, разгромил армию Киеу Конг Тиена и захватил столичную крепость Ла. Конг Тиен обратился за помощью к Лю Яню, но ещё до подхода армии Южной Хань он был пленён и казнён Нго Кюеном. После этого Нго Кюен сумел объединить разрозненные силы вьетнамских феодалов и в конце 938 г. нанести решающее поражение ханьской армии[1].

Если теперь обратиться к списку двенадцати легатов-правителей, то получается следующее. На самом деле, семья Нго представляет три феодальных клана X в.: Кхук, Зыонг и Нго, а так как в этом списке приведены два представителя клана Нго, то, вероятно, более точным является список «Краткого [изложения]», в котором вместо Нго Сыонг Си указан Нгуен Зу Зить. Такая интерпретация представляется тем более верной, что в качестве владения Нго Нят Кханя

[1] Об этих событиях смотри предыдущий параграф настоящей главы.

назван Дыонглам. Единство правлений Кхук, Зыонг и Нго подтверждается также и некоторой интерполяцией фактов в рамках 906 – 939 гг. Так, под 907 г. сообщается, что Тхыа Хао «учредил большие округа, малые провинции, округа [и] общины, назначил главных руководителей [и их] заместителей, упорядочил налоги с полей, отменил трудовые повинности, составил подворные реестры, записал имена [и] фамилии, старосты посёлков блюли деревенские списки. Кроме того, в "Примечаниях" имеется уточнение, согласно которому в уездах все деревни были преобразованы в посёлки, во главе которых стояли управляющие и заместители руководителя, наблюдавшие за семьями и собиравшие налоги» [239.6, с.841 – 843]. В то же время под 939 г. в «Основе [и] частностях» записано: «Нго Кюен провозгласил [себя] королём, [учредил] столицу в Колоа[I]… …[Женщина из] семьи Зыонг[II] возведена в [сан] императрицы… …Учреждены [должности] ста чиновников, установлены придворные обряды, определены цвета одеяний» [239.6, с.861 – 863]. Совершенно очевидно, что речь идёт об упорядочении всей государственной структуры как в области административно-территориальной организации и руководства на местах, так и центрального аппарата в столице. Однако если в 907 г. и могло быть что-то предпринято в указанном направлении, то это были лишь незначительные мероприятия, а не полностью завершённые организационные действия. В целом представляется, что оба процитированных отрывка свидетельствуют об основной тенденции государственной деятельности феодальной группировки Кхук – Зыонг – Нго. А при Нго Кюене, вероятно, был окончательно оформлен первый после восстановления независимости, ещё достаточно примитивный и малоэффективный аппарат государственного управления. Об этом свидетельствует и тот факт, что после смерти Нго Кюена в 944 г. в стране вновь вспыхнула борьба за власть между феодальными кланами.

[I] То есть Крепость Улитка. Смотри «Главу 2» «Части I».

[II] То есть дочь Зыонг Зиен Нге и жена Нго Кюена.

Умирая, Нго Кюен поручил младшему брату своей жены, некоему Зыонг Там Кха, опекать наследника престола Нго Сыонг Нгапа. Однако Зыонг Там Кха немедленно провозгласил себя королём Мирным[22]. Дальнейший ход событий лишь подтверждает гипотезу о единстве феодальных кланов Кхук – Зыонг – Нго. Так, Нго Сыонг Нгап бежал в Чахыонг провинции Хайзыонг к князю Приказов Фаму[23]. Последний укрыл его сначала в своём доме, а затем спрятал в горной пещере. В источнике сообщается о том, что «Там Кха заботился о [Нго] Сыонг Ване, втором сыне короля Нго, как о своём сыне. Младшие сыновья [Нго] Нам Хынг [и Нго] Киен Хынг были маленькими, полностью подчинялись императрице Зыонг. Там Кха приказал Зыонг Кат Лою [и] До Кань Тхаку[1] повести солдат, найти Сыонг Нгапа; трижды искали, [но] схватить не удалось. Князь Приказов спрятал Сыонг Нгапа в горной пещере. Там Кха узнал [об этом, приказал] снова всё обыскать, [но] поймать [так и] не удалось» [239.6, с.867].

Противостояние семей Нго и Зыонг получило дальнейшее развитие в 950 г. В том году Зыонг Там Кха направил отряд под командованием Нго Сыонг Вана, Зыонг Кат Лоя и До Кань Тхака[24] против восставших в Тхайбине поселений Дыонг и Нгуен. Однако те вместо того чтобы сражаться с восставшими, напали на резиденцию самого Там Кха и пленили его, но не казнили, а лишь лишили его титула короля, пожаловав взамен титул князя Чыонгзыонга[25]. Вся эта история никоим образом не напоминает кровавую усобицу, в которой противники стремятся вырезать всю семью претендента на верховную власть. В данном случае скорее можно говорить о внутриклановой борьбе за лидерство между семьями Нго и Зыонг, которая велась с учётом тесных родственных связей [239.6, с.871 – 873]. В 951 г. Нго Сыонг Ван принял титул короля Продвигающегося на Юг, отправил послов за своим братом и пригласил его вернуться ко двору. Последний вернулся, принял титул короля Замысла Неба и на правах старшего брата овладел всей полнотой власти. Однако

[1] Ещё один легат-правитель, или лидер феодального клана.

переход верховной власти в руки сыновей Нго Кюена не привёл к новому объединению страны.

Ранее уже говорилось о практически независимом правлении в Хайзыонге князя Приказов Фама, укрывшего Сыонг Нгапа от преследования Там Кха. Также известно, что легат-правитель Чан Лам, правивший Бохайкхоу под титулом князя Светлого, передал всю военную власть одному из своих военачальников по имени Динь Бо Линь. Последний обосновался в горной крепости Хоалы и, надо полагать, после смерти Чан Лама, в 951 г. отказался признавать верховную власть семьи Нго. Тогда братья Нго предприняли против него карательный поход. Сначала Динь Бо Линь пытался заключить с ними союз, отправив к ним заложником своего сына Динь Лиена. Но это не остановило братьев, которые продолжили наступление, взяв Динь Лиена с собой. После длившейся целый месяц безуспешной осады Хоалы, они повелели подвесить Динь Лиена над острым колом и потребовали от Динь Бо Линя капитуляции, угрожая в противном случае убить его сына. В ответ Динь Бо Линь приказал своим лучшим лучникам стрелять в Динь Лиена. Видя такое упорство, братья Нго сняли осаду и увели армию восвояси[1] [239.6, с.875 – 879].

В 954 г. скончался король Замысла Неба Нго Сыонг Нгап и Нго Сыонг Ван стал править единолично[26]. И хотя, если не считать кончину Сыонг Нгапа и обмен посольствами с Южной Хань в 945 г., источники ничего не сообщают о событиях во Вьетнаме с 951 по 965 г., надо полагать, что всё это время продолжались столкновения между вьетнамскими феодальными кланами, что подтверждается и косвенными данными. Так, под 965 г. в летописном своде приводятся сведения о некоем Тю Тхае из области Тхаозянг, которого Сыонг Ван разгромил и обезглавил. Однако в том же году во время карательного похода против восставших в Тхайбине деревень Сыонг Ван был поражён насмерть стрелой из засады [239.6, с.881 – 889].

---

[1] Интересно, что Динь Лиен остался жив и позднее вернулся в Хоалы.

Согласно традиционной историографии, именно это событие знаменует собой начало периода смут, или эпохи двенадцати легатов-правителей, список которых был приведён в начале настоящего параграфа. Однако уже через два года в выдвинувшийся в 967 г. в лидеры страны правитель крепости Хоалы Динь Бо Линь сумел подчинить себе упомянутые феодальные кланы.

Если теперь попытаться дать оценку периоду вьетнамской истории с 880 по 967 гг., то его следует признать единым по своему характеру. В течение этого времени до 965 г. в источниках упоминаются следующие легаты-правители:

1. Нго (единый клан Кхук – Зыонг – Нго); 2. Фам; 3. До [Кань Тхак]; 4. Чан Лам (вместе с Динь Бо Линем)[27]. Иными словами, одна треть названных под 966 г. феодальных кланов. Кроме того, посмертной градации титулов представителей семьи Кхук (Ранний, Срединный и Поздний государи) полностью соответствует аналогичная градацию и представителей семьи Нго. Так, Нго Кюен именуется Ранним королём Нго; Зыонг Там Кха не имеет посмертного имени, но занимаст явно «срединное» положение; Нго Сыонг Нгап и Нго Сыонг Ван объединены одним именем – Поздние короли Нго. В дальнейшем же такое «троичное» деление государей исчезает. Всё это приводит к выводу о едином периоде относительного равновесия сил между крупными феодальными кланами на протяжении 880 – 967 гг., в рамках которого можно выделить определённое выдвижение клана Кхук – Зыонг – Нго в 907 – 944 гг., связанное с той ролью, которую сыграли Кхук Тхыа Хао и Нго Кюен в борьбе против Южной Хань.

Таким образом, под эпохой двенадцати легатов-правителей следует понимать весь период вьетнамской истории с 880 по 967 г., а не его последние два года, когда междоусобная борьба между основными феодальными кланами становится главным фактором, определяющим жизнь вьетнамского общества эпохи раннего средневековья.

3. *Вьетнам в эпоху правления династии Динь и перехода власти к династии* [*Ранняя*] *Ле* (*968 – 981 гг.*)

Источники сообщают, что отец Динь Бо Линя, некий Динь Конг Чы, выдвинулся ещё на службе у Зыонг Динь Нге и был назначен наместником округа Хоан. Этот пост он сохранил и при Поздних королях Нго. Мать Динь Бо Линя происходила из рода Дам одноимённой деревни, в которой и вырос рано потерявший отца будущий основатель династии.

План-макет крепости Хоалы. Музей истории. Ханой. 17.04.2011 г.

1. Реки и водоёмы.
2. Сухопутные дороги.
3. Крепостные стены между скал.
4. **Ворота крепости**: **A**.Северо-восток; **B**.Север; **C**.Юго-запад; **E**.Восток.
5. Внешняя крепость; **6**. Внутренняя крепость. **7**. Южная крепость.
8. Поминальный храм Динь Бо Линя. **9**. Поминальный храм Ле Хоана

Сам Динь Бо Линь с детства отличался талантами и силой[1]. Когда он вырос, то поступил на службу к князю Светлому Чан Ламу, который владел крепостью Хоалы. Быстро продвинувшись по служебной лестнице, Бо Линь возглавил его войска, а после кончины Чан Лама унаследовал всю полноту власти в Хоалы [239.4, т.6, с.7 («Основные записи», кн.1, с.1а)].

Главный вход в крепость Хоалы.
Хоалы, провинция Ниньбинь. 30.03.2011 г.

Выше уже говорилось об удачном для Динь Бо Линя исходе его столкновения с Поздними королями Нго. С наступлением же периода открытых междоусобиц он предпринял попытку захватить власть в стране. В 965 г. умер Нго Сыонг Ван, что спровоцировало борьбу за власть между помощником, выносящим обвинения Лы Сы Бинем и наместником округа Фаунг Киеу Чи Хыу. Бо Линь вмешался в их междоусобицу. В 967 г. он разгромил их войска и принял

[1] Было ли это так в действительности, трудно сказать. Скорее всего, это просто штамп, типичный для источников конфуцианского культурного ареала. Подобная характеристика детских талантов будущего основателя династии лишь свидетельствует о предначертанной ему Небом судьбе.

титул «король Десяти тысяч побед»[28] [239.6, с.905 – 907; 239.4, т.6, с.11 («Основные записи», кн.1, с.2б)]. После этого Бо Линь нанёс поражение ещё одному крупному феодалу Фам Фаунг Ату, захватив его резиденцию в Додонге[29]. После этого на протяжении 967 – 968 гг. Динь Бо Линь сумел подчинить оставшихся легатов-правителей. Надо полагать, что он добился такого успеха не только благодаря военной силе. Источник сообщает, что Нго Нят Кханю (клан Нго) была отдана в жёны принцесса из рода Динь, его матери был пожалован титул королевы, а его младшая сестра стала наложницей Динь Лиена. Интересно, что при этом в источнике говорится «умиротворил» [30] Нят Кханя [239.4, т.6, с.45 – 47 («Основные записи», кн.1, с.11а, 11б)].

В 968 г. после победы над легатами-правителями Бо Линь официально объявил о восшествии на престол династии Динь, принял титул «Великий победитель, император Светлый» и, дав название государству Дайвьет[1], провозгласил его столицей крепость Хоалы[31]. С этого момента и вплоть до 975 г. Динь Бо Линь занимался подавлением ещё тлевших очагов сопротивления и созданием аппарата государственной власти, которая, прежде всего, связывалась с организацией придворной иерархии и этикета. Эту деятельность он начал с того, что установил посреди дворцового двора клетку со свирепыми тиграми. За любое преступление наказание было одно: провинившегося бросали в эту клетку. Естественно, что смельчаков, которые преступили бы установленные правила поведения, почти не было. В 969 г. был провозглашён девиз правления «Великий мир», пяти жёнам были присвоены официальные титулы, а старший сын Динь Лиен получил титул великого князя Намвьета. В 971 г. были установлены ранги гражданских и военных чиновников, при этом Нгуен Бак получил титул князя Государственных установлений, Лыу Ко

---

[1] Одновременно с этим названием существовало и название Дайковьет, связанное с особенностями развития буддийской сангхи во вьетнамском обществе эпохи династий из Хоалы. Смотри «Примечание 17» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части IV» настоящего тома.

был назначен губернатором, вершащим правосудие в Лаунгбиене, а Ле Хоан стал генералом армий десяти военных округов[32]. Но хотя о назначении Ле Хоана и сообщается под 971 г., сами эти военные округа были учреждены лишь в 974 г. Поэтому лишь с того времени можно говорить о военно-административном делении Дайковьета, при котором военный округ стал базовой административной единицей. При этом десять воинов образовывали подразделение, десять подразделений – формирование, десять формирований – отряд, десять отрядов – армию, а десять армий – военный округ.

Таким образом, при тотальной мобилизации все военные округа могли выставить боеспособную стотысячную армию. Также сообщается, что для каждого ранга военных чиновников были установлены особые головные уборы. Однако это сообщение следует датировать уже 975 г., когда, согласно источникам, были установлены формы и цвета одежды и головных уборов для гражданских и военных чиновников. Наконец, под 971 г. впервые упоминается о пожаловании трём вьетнамским служителям буддийского культа особых титулов[33] [239.4, т.6, с.5-29 («Основные записи», кн.1, с.1а – 7а)].

Осуществив все вышеуказанные реформы, Динь Бо Линь в начале 977 г. объявил наследником своего второго и любимого сына Ханг Ланга, а третьему сыну, Туену, он пожаловал титул великого князя Обороняющего. Это был достаточно необдуманный и рискованный шаг, который привёл к целому ряду дворцовых убийств и переворотов. Так, весной 979 г. оскорблённый великий князь Намвьета Динь Лиен организовал убийство Ханг Ланга, в результате чего при дворе Динь сложилась крайне напряжённая политическая ситуация. Этим воспользовался маркиз-воспитатель[34] евнух До Тхить, который сумел убить и Динь Лиена, и даже Динь Бо Линя. Однако плодами этих убийств он не успел воспользоваться, так как сам был схвачен и казнён Нгуен Баком, который вместе с Ле Хоаном и ещё одним придворным Динь Диеном присвоил Бо Линю посмертное имя «Император

Предок» и похоронил его со всеми подобающими императорскому сану почестями на высоком утёсе в Хоалы. После чего на престол был возведён его сын великий князь Обороняющий Динь Туен [239.4, т.6, с.29 – 37 («Основные записи», кн.1, с.7а – 9а)].

Однако между союзниками очень быстро произошёл раскол. Началось с того, что Ле Хоан, обладавший реальной военной силой, вошёл в запретный дворец, в результате чего возведённая в сан королевы-матери вдова Динь Бо Линя королева Зыонг была вынуждена назначить его опекуном малолетнего императора. В тексте летописного свода прямо сказано: «Поручила выполнять обязанности князя Чжоу»[35] [239.4, т.6, с.39 («Основные записи», кн.1, с.9б)]. Тогда придворные лидеры Нгуен Бак, Динь Диен и Фам Хап обвинили Ле Хоана в намерении узурпировать власть и бежали в округ Ай, где они, собрав войска, начали наступление на Хоалы. Одна часть их армии шла пешим порядком, а другая – на боевых кораблях. Согласно источнику, королева-мать Зыонг поручила Ле Хоану разгромить мятежников, хотя, надо полагать, она уже не обладала никакой властью и лишь формально утвердила решение регента. Первое сражение произошло в округе Ай и завершилось полным разгромом сухопутных войск Нгуен Бака и Динь Диена, которым удалось бежать. Во время второго сражения Ле Хоан сжёг их флот, при этом Динь Диен был убит в сражении, а Нгуен Бак попал в плен и был казнён. Узнав об этом, Фам Хап бежал в Бакзянг, где также был настигнут и казнён Ле Хоаном [239.4, т.6, с.31 – 43 («Основные записи», кн.1, с.7б – 10б)].

Наконец, в том же 979 г. Ле Хоану только чудом удалось избежать войны с Тямпой. Дело в том, что лидер клана Нго, Нго Нят Кхань, несмотря на то, что получил в жёны принцессу и был пожалован титулами, ещё в 968 или 969 году бежал в Тямпу. Узнав о гибели Динь Бо Линя, он уговорил тямского короля напасть на Дайвьет. Однако при переходе через заливы Дайня и Тиеукханг тямский флот попал в ураган. Сам Нго Нят Кхань и большая часть армии утонули, а её

остатки вместе с заболевшим королём повернули вспять [239.4, т.6, с.45 – 49 («Основные записи», кн.1, с.11а – 12а)].

Динь Бо Линь. Поминальный храм.
Хоалы. 30.03.2011 г.

Таким образом, Ле Хоан остался полновластным опекуном при малолетнем императоре и королеве-матери Зыонг. Не исключено, что такое положение вещей сохранялось бы до совершеннолетия Динь Туена, однако в дело снова «вмешался» имперский фактор.

К лету 980 г. под предлогом защиты законной династии Динь и наказания узурпатора Ле Хоана общекитайская династия Сун приняла решение о нападении на Дайвьет. Об этом в Хоалы сообщил чиновник округа Ланг и королева-мать поручила Ле Хоану готовиться к отражению этого вторжения. Одновременно с этим главнокомандующий вьетнамской армией Фам Кы Лыонг обратился к своим подчинённым с призывом избрать Ле Хоана императором. Он аргументировал это тем, что император Динь Туен ещё мал, а в условиях неизбежной войны с Сунами стране необходим сильный лидер. Увидев всеобщую поддержку этого предложения, королева-мать Зыонг принесла императорское одеяние и передала его Ле Хоану. Так в 7-ом месяце 980 г. произошла смена династии Динь династией [Ранняя] Ле [239.4, т.6, с.49 – 57 («Основные записи», кн.1, с.12а – 14а)].

Источники сообщают, что прежде Ле Хоан последовал за старшим сыном императора Динь Лиеном. Его сила и способности были замечены Динь Бо Линем, который назначил его командующим двухтысячного отряда, а затем легатом – управляющим передового дворца, генералом армии десяти военных округов. Взойдя на престол, Ле Хоан женился на вдове Динь Бо Линя, провозгласил девиз правления «Небесное счастье», оставил столицу в Хоалы, пожаловал своему отцу Ле Митю посмертный титул «король Чыонгхынга», а матери, женщине из рода Данг, титул королевы-матери. После этого он возглавил армию и к концу 981 г. нанёс сокрушительное поражение сунским войскам. За эту победу Ле Хоана ему был поднесён титул «Император, почитающий Предков, добившийся Гуманности, Процветания [и] Мира, Воинственный духом[36], соответствующий Судьбе [и]

Светлому Небу» [239.4, т.6, с.53 – 63, 73 («Основные записи», кн.1, с.13а – 15б, 18а)].

Поминальный храм Динь Бо Линя.
Хоалы. 30.03.2011 г.

4. *Династия Ле, или условно – [Ранняя] Ле (980 – 1009 гг.)*[37]

Несмотря на её краткость, всего тридцать лет, политическая история второй вьетнамской национальной династии из Хоалы может быть разделена на два основных периода, первый из которых образуется царствованием самого Ле Хоана, а второй – борьбой за власть между его сыновьями, завершившейся падением династии [Ранняя] Ле. Внутри этих двух периодов также представляется возможным выделить три основных аспекта государственной деятельности, в соответствии с которыми и будет описываться история этой династии.

4.1. *Взаимоотношения с империей*

С 982 г. после разгрома сунской армии отношения между Дайвьетом и империей носили главным образом характер обмена посольствами. Отмечается тринадцать

посольств от династии Ле[I] и семь посольств от Сунов[II]. Здесь интересно отметить, что хотя формально между империей Сун и Дайвьетом сохранялись отношения по схеме «сюзерен – вассал», Ле Хоан стремился при организации и отправке посольств всячески демонстрировать свою самостоятельность. Первое послевоенное посольство было направлено в империю в 982 г. от имени несуществующей династии Динь под предлогом поднесения традиционной дани, с тем чтобы разведать настроения при сунском дворе, а год спустя ко двору императора Сун прибыло новое посольство с сообщением о победоносной войне с Тямпой. Реакция на эти посольства показала, что Суны не собираются предпринимать новую военную экспедицию против Дайвьета.

Более того, в 985 г. они сами направили ответное посольство ко двору Ле Хоана, который, воспользовавшись этим, направил очередное посольство в империю с прошением об инвеституре [239.4, т.6, с.75 – 79, 83 – 85 («Основные записи», кн.1, с.18б – 19б, 20б, 21а)]. В 986 – 994 гг., уже происходит регулярный обмен посольствами, при этом сначала от Сунов прибывало послание с сообщением о пожаловании очередного титула вьетнамскому государю, а затем в том же году в империю отправлялась ответная миссия с дарами и благодарностью[III].

Интересно отметить, что чем большие титулы жаловали Ле Хоану, тем независимее он вёл себя с имперскими послами, а получив в 993 г. титул короля, он предпринял нападение на территории Гуандуна и Гуанси, которое явилось следствием новой расстановки сил на вьетнамо-китайской границе. Сначала во 2-ом месяце 996 г. более ста вьетнамских судов напали на управление Жухун и, захватив богатую добычу, вернулись домой. Затем пятитысячная вьетнамская армия вторглась в округ Юн, но, встретив сопротивление, ушла обратно[38]. Однако сунский двор предпринял санкции не

[I] 982, 983, 985, 986, 988, 990, 991, 993, 994, 997, 1004, 1006 и 1007 гг.
[II] 985, 986, 988, 990, 993, 1006 и 1007 гг.
[III] 986, 988, 990 и 993 гг.

против Дайвьета, как этого можно было бы ожидать, а против имперских чиновников. Связано это было с тем, что чиновник – руководитель большого округа Гуанси Чжан Гуань и начальник сыска воинских частей управления Жухун Вэй Чжаомэй, докладывая императору о нападении, сообщили о том, что Ле Хоан был изгнан вернувшейся к власти династией Динь. Поэтому он укрылся на одном из островов и был вынужден заниматься грабежами, для того чтобы добыть себе и своим людям пропитание.

Кроме того, сообщалось, что к моменту написания послания Ле Хоан уже умер. Для проверки этих сведений в Дайковьет был отправлен специальный посланник. Поскольку они оказались ложными, Чжан Гуань был наказан и смещён с должности, после чего он заболел и умер, а Вэй Чжаомэй был казнён. Более того, бежавший в округ Цинь вьетнамский феодал Ван Зунг был выдан Ле Хоану вместе со своими сообщниками[39].

В ответ на это Ле Хоан отправил в империю двадцать семь человек, из которых ни один не говорил по-китайски, а в сопроводительном письме сообщалось, что они и есть те самые «морские разбойники», грабившие Гуандун[1]. При этом вьетнамский государь извинился за небрежную охрану побережья, обещал не допускать больше подобных «ошибок» и прислал Сунскому императору богатые дары. Когда же к нему прибыл имперский посол, то Ле Хоан отверг все его упрёки, признал лишь упомянутую «ошибку» и, поклонившись на Север, принёс за неё свои извинения.

Интересно, что вместо карательного похода, который должно было спровоцировать подобное поведение вассального государя, Сунский император отправил в 997 г. в Дайковьет очередное посольство с указом о пожаловании Ле Хоану титула «король Мирного Юга». Это же посольство привезло и повеление об отмене прежнего правила, по которому из

[1] Надо полагать, что Ле Хоан отправил к Сунам преступников, которых за их деяния и в Дайковьете ожидала смертная казнь.

империи регулярно прибывали миссии для определения объёма подношения соли и норм взимания налогов.

Ле Хоан.
Хоалы. 30.03.2011 г.

С этого момента указанные обязанности возлагались на имперских пограничных чиновников, которые должны были передавать соответствующие повеления сунского двора вьетнамским пограничным чиновникам [239.4, т.6, с.121-131 («Основные записи», кн.1, с.30а-32б)].

В 997 г., после успешного похода против Тямпы, Ле Хоан направил к Сунам ещё одно посольство с дарами[40] и объяснением причин этой экспедиции. Посольство было богато одарено, а Ле Хоану были посланы в дар жемчужный пояс, доспехи и конь. Наконец, в 1004 г., назначив одного из своих младших сыновей, Лаунг Вьета, наследником, Ле Хоан отправил к Сунам посольство во главе с другим сыном по имени Минь Де. Последний по собственной инициативе обратился к Сунскому императору с просьбой утвердить его в должности наместника округа Хоан. Тем не менее его просьба была удовлетворена, а сам он получил богатые дары. Надо полагать, что в ожидании кончины Ле Хоана, Сунский двор стремился в лице Минь Де привлечь одного из возможных наследников на свою сторону.

После смерти Ле Хоана в 1005 г. в Дайвьете началась борьба за власть между его сыновьями, в результате которой на трон взошёл Лаунг Динь. Поэтому в 1006 г. руководитель округа Гуанчжоу Лин Цэ подал доклад сунскому двору, в котором просил разрешения направить в Дайвьет военную экспедицию и, воспользовавшись смутой, покорить его. При этом Лин Цэ и его соратник Шао Хуа даже представили карты с оптимальными путями продвижения войск на юг. Сторонники вторжения полагали, что при нанесении одновременного удара с суши и с моря можно будет ограничиться воинскими формированиями областей южного Гуанчжоу, усиленными пятью тысячами отборных воинов из Цзин – Ху[41], для полного завоевания вьетнамских территорий. Однако император Сун отклонил это прошение, сказав

«Поскольку [Ли] Хуань[1] в прошлом был верным и покорным, многократно присылал положенную дань, то ныне радоваться по случаю мятежа или идти карательным походом, когда траур, нельзя». Вместо этого в 6-ом месяце того же года Шао Хуа был направлен в Дайвьет с посланием, в котором говорилось: «Если их [Ваша] взаимная борьба долго не прекратится, то [мы] вынуждены будем прислать войска спросить с виновных, тогда род Ли[42] будет истреблён до конца» [472, с.92].

Поминальный храм Ле Хоана.
Хоалы. 30.03.2011 г.

В ответном послании Лаунг Динь обещал обеспечить спокойствие у себя в стране и просил позволения у сунского двора прислать ему очередное посольство с дарами, которое было отправлено во главе с его младшим братом Минь Шионгом весной 1007 г. Оно было принято с большими почестями, при этом также благосклонно было принято послание Лаунг Диня с различными просьбами. Со своей же стороны вьетнамский государь поднёс в дар сунскому

[1] В этой и последующей цитатах из китайских источников вьетнамские имена приведены в китайском чтении: Ли Хуань = Ле Хоан, род Ли = род Ле.

императору белого носорога, который после отъезда посольства был отпущен на волю на морском побережье[43].

Осенью того же года прибыло посольство от сунского императора в Дайвьет, которое привезло инвеституру и печать для Лаунг Диня с надписью «Король области Цзяочжи», при этом Ле Хоану был пожалован посмертный титул «Король Наньюэ». В дар вьетнамскому государю были поднесены инкрустированные золотом доспехи вместе с привезёнными по его просьбе текстами буддийского канона и конфуцианских классических и канонических книг[I]. Дайвьету также было позволено продолжать прямую торговлю с округом Лянь и управлением Жухун в Гуандуне, а прошение о торговле с округом Юн в Гуанси было отклонено[44] [239.4, т.6, с.133 – 135, 165 – 177 («Основные записи», кн.1, с.33а, 33б, 41а – 44а)].

Этими событиями исчерпываются основные контакты между Дайвьетом и империей Сун в 982 – 1009 гг.

4.2. *Организационные мероприятия и подавление сопротивления внутри страны*

Уже первые шаги Ле Хоана в его внутриполитической деятельности после вступления на престол в Дайвьете свидетельствуют о том, что он сознательно выступал в роли преемника Динь Бо Линя. В 982 г. он пожаловал вдове своего предшественника титул «Великая победительница, королева-мать Светлая»[II], одновременно с этим пожаловав титулы другим четырём королевам. Но в источнике говорится о пяти супругах Ле Хоана. Поэтому нельзя исключать того, что его пятой женой стала королева-мать Зыонг. При такой интерпретации данных источника становится понятным, почему, взойдя на престол в 980 г., Ле Хоан лишь «понизил» Динь Туена, лишив его титула императора и вернув ему титул великого князя Обороняющего. При этом вплоть до смерти Туена никаких столкновений между ними не отмечается [239.4, т.6, с.53, 73 – 75 («Основные записи», кн.1, с.13а, 18а, 18б)].

[I] Трипитака, Пятикнижие и Четырёхкнижие.

[II] То есть титул самого Динь Бо Линя. Смотри выше.

В 984 г. Ле Хоан начинает первую в истории Вьетнама комплексную организацию двора. Прежде всего были отлиты монеты с иероглифами девиза правления «Небесное счастье». Затем был возведён комплекс императорского дворца[1]. Затем была создана придворная гвардия. В 8-ом месяце 986 г. прославившиеся своей храбростью воины были отобраны в армию Постоянной охраны, которая получила название Личной армии. На лбу каждого из её воинов чёрной тушью вытатуировали иероглифы «Армия Сына Неба». В 10-ом месяце того же года один из сподвижников Ле Хоана, Ты Мук, получил титул маркиза и был назначен Объединяющим управление. Ему было поручено руководить гражданскими и военными делами. Другой видный военачальник императора Фам Кы Лыонг стал Великим заместителем [239.4, т.6. с.85, 89 («Основные записи», кн.1, с.21а, 22а)].

Опираясь на уже частично реорганизованные армию и центральный аппарат управления, Ле Хоан предпринял решительные действия по распространению своей власти на всю территорию Дайвьета. Это выразилось в окончательном подчинении феодальных кланов императорской власти, которое началось ещё при Динь Бо Лине. Об основных этапах этой деятельности можно судить по смене девизов правления: предварительные организационные мероприятия – «Небесное счастье» (980 – 988 гг.), период борьбы с феодальными кланами – «Процветание единства» (989 – 993 гг.), период завершения организации государственной структуры и армии – «Соответствие Небу» (994 – 1005 гг.).

Пятилетие «Процветания единства» открывается амнистией противникам и назначением сыновей Ле Хоана на ключевые в военно-стратегическом отношении посты. Об этом свидетельствуют их титулы: старший сын Лаунг Тхоу стал наследным принцем с титулом «Великий князь, Опора Неба», второй сын Нган Тить получил титул «Великий князь Восточной крепости», которой являлась вторая по значению после столицы Хоалы крепость Ла, наконец, третий сын Лаунг

[1] Смотри «Главу 3» «Части IV».

Вьет получил титул «Великий князь владений Юга», то есть он стал королём южных, граничащих с *тямами* территорий [239.4, т.6, с.97, 119 («Основные записи», кн.1, с.24а, 29б)]. Всё это приводит к выводу о том, что активные военные действия начались в 989 г. И хотя источники содержат о них мало сведений, тем не менее даже этой незначительной информации достаточно, чтобы судить о характере сопротивления централизаторской политике Ле Хоана, которое было связано не только с оппозиционными действиями феодальных кланов, но и с народными восстаниями.

Согласно источникам, в 989 г. инспектор Зыонг Тиен Лок в соответствии с императорским указом отправился собирать налоги в округах Ай и Хоан, но, воспользовавшись недовольством населения, он спровоцировал восстание, которое сам же и возглавил. Восстание потерпело поражение, а Зыонг Тиен Лок был схвачен и казнён, при этом в источнике сообщается о массовых казнях. Под 997 г. говорится о личном участии Ле Хоана в походе на Додонг, в результате которого было захвачено много пленных. В 999 г. также при личном участии императора был покорён Хадонг, что повлекло за собой подчинение центральной власти сорока девяти горных уездов в провинции Тханьхоа. В источнике говорится, что с этого времени все территории покорились Ле Хоану, но, видимо, в данном случае под «всеми территориями» следует понимать лишь южные территории Дайвьета. Об этом свидетельствует то, что Чинь Ханг, который в 1000 г. поднял восстание в округе Фаунг, потерпев поражение, бежал в горы Танвиен провинции Шонтэй, то есть на север. Этим событием, надо полагать, следует датировать окончательное поражение всех феодальных родов, так как в том же 1000 г. Ты Мук был направлен инспектировать границы в Хайтэс, а Нго Ты Ан – границы на севере страны.

За рамки этого периода формально выходит лишь один карательный поход в провинцию Тханьхоа, предпринятый в 1001 г. против *манского* племени *кылаунг*. Он примечателен тем, что суда под командованием Ле Хоана попали в засаду в

месте сужения реки. Сам император был защищён от стрел непроницаемой бронёй, но одна из них поразила насмерть последнего представителя предыдущей династии великого князя Обороняющего Динь Туена. Тем не менее в результате этого похода племя *кылаунг* было покорено [239.4, т.6, с.97 – 99, 129, 135 – 137 («Основные записи», кн.1, с.24а, 24б, 32а, 33б, 34а, 34б)].

Таким образом, описание всех воинных экспедиций внутри страны с личным участием Ле Хоана свидетельствует о том, что, за исключением последнего случая, речь идёт о военном покорении мятежных феодальных кланов. В двух случаях прямо названы имена феодальных лидеров, тогда как Додонг и Хадонг известны как традиционные опорные центры легатов-правителей. Наконец, хотя, как уже говорилось, никаких противоречий между Ле Хоаном и Динь Туеном не отмечается, гибель последнего избавила Ле Хоана от потенциального соперника его наследников. Поэтому нельзя исключать и того, что гибель Динь Туена стала результатом тщательно разработанного плана. Во всяком случае, сам факт того, что столь знатный полководец не был облачён в непроницаемые для стрел доспехи, наводит на эту мысль. Данный вывод полтверждается ещё и тем, что окончание упомянутых военных экспедиций сопровождается оформлением административно-территориального деления Дайвьета и завершением реформ в армии.

Под 1002 г. источники приводят весьма подробные данные, которые позволяют судить о том, что Ле Хоан именно в этом году завершил военную реформу, начатую ещё в 984 г. Так, был проведён набор «сильных [и] храбрых» общинников в регулярную армию, а её командный состав был разделён на два ранга[45]. Сама армия состояла из шести корпусов, при этом воины каждого из них носили свои особые шлемы. Принимая во внимание, что это произошло одновременно с отменой деления страны на военные округа, а также то, что для обозначения военного округа и армейского корпуса использовался один и тот же иероглиф, представляется

возможным выдвинуть следующую гипотезу о сути военной реформы Ле Хоана:

В 1002 г. ополчение, набиравшееся на основе территориального принципа деления Дайвьета на военные округа, было заменено регулярной армией с императорской гвардией и армейскими корпусами. В результате, военные округа были упразднены. Вместо них учредили большие округи[1], *малые провинции и округи* [239.4, т.6, с.141 («Основные записи», кн.1, с.35а)].

Если теперь сопоставить все вышеприведённые данные, то складывается достаточно ясная картина деятельности Ле Хоана по укреплению власти династий из Хоалы, которая была начата ещё основателем династии Динь.

982 – 988 гг. Время укрепления личной власти императора в столице и осуществление самых насущных государственных реформ.

989 – 993 гг. Время активных военных действий против феодальных кланов, при этом к 992 г. окончательная победа центральной власти над ними уже вряд ли вызывает сомнения. Этот вывод подтверждается тем, что под 992 г. в источниках приводится список сыновей Ле Хоана, которым в том году были пожалованы титулы и владения, куда вошли практически все важнейшие районы страны. О первых трёх сыновьях Лаунг Тхоу, Нган Тите и Лаунг Вьете, которые получили титулы и должности в 989 г., говорилось выше. Остальные сыновья получили следующие титулы и владения: четвёртый сын Лаунг Динь – титул «Великий князь Противостоящий манам» и округ Фаунг, пятый сын Лаунг Динь[46] – титул «Великий князь Открыватель Света» и округ Данг, шестой сын Лаунг Нган – титул «Великий князь Противостоящий Северу» и военный лагерь Фулан в уезде Дыонгхао провинции Хайзыонг, седьмой сын Лаунг Тунг – титул «Великий князь Правитель [дальних] владений» и земли по течению реки Нгухюен в провинции Шонтэй, восьмой сын Лаунг Тыонг – титул «Великий князь Помощник, [военных] лагерей [и] крепостей»

[1] Эквивалент провинции.

и Додонг, девятый сын Лаунг Кинь – титул «Великий князь Срединного государства» и уезд Матлиен малой провинции Кхоайтяу провинции Хынгиен, десятый сын Лаунг Манг – титул «Великий князь Южного государства» и округ Вулунг провинции Тханьхоа, одиннадцатый сын Лаунг Де – «Великий князь Командующий походными войсками» и округ Колам провинции Бакнинь, наконец, двенадцатый приёмный сын Ле Хоана, имя которого неизвестно, получил титул «Великий князь Фудоя» и управлял деревней Фудой уезда Виньлай провинции Хайзыонг [239.4, т.6, с.105 – 111 («Основные записи», кн.1, с.26а – 27б)]. Всего двенадцать сыновей, а как известно, во вьетнамских источниках говорится о двенадцати легатах-правителях или феодальных кланах X в., упоминания о которых полностью исчезают именно после 993 г.

Такое совпадение вряд ли может быть случайным. Поэтому наиболее вероятна гипотеза, согласно которой Ле Хоан в 992 г. поставил своих сыновей во главе территорий, принадлежавших прежде двенадцати легатам-правителям[47].

994 – 1002 гг. Время окончательного подавления последних очагов сопротивления и завершения реформ, которые лежали в основе деятельности Ле Хоана, направленной на усиление централизации государственной власти в Дайвьете[48].

Здесь необходимо отметить, что конец правления Ле Хоана знаменуется началом восстаний местного населения против национальных династий, на которые пытались опереться последние представители феодальных кланов. Так, под 1003 г. в источниках сообщается, что по императорскому указу в округе Хоан было согнано множество людей на строительство канала Дакай, которые, не выдержав непосильного труда, подняли восстание. Восстание было подавлено, и «Император повелел обезглавить [мятежников], устрашить [население] местности. Сумевший скрыться от преследования местный сеньор, предводитель восставшего населения, обитавшего в районе крепости Нятхиеу, Хоанг Кхань Тап, бежал в округ Цинь провинции Гуандун. Сунские

[власти] пытались заставить [его] вернуться в Дайковьет, однако [он] предпочёл остаться со своими ста пятьюдесятью единомышленниками на морском побережье[49]» [239.4, т.6, с.143 – 145 («Основные записи», кн.1, с.35б, 36а)].

Следовательно, в отличие от вышеупомянутых восстаний, которые либо провоцировались феодалами, либо были мятежами национальных меньшинств, это восстание является первым после восстановления независимости восстанием собственно вьетнамского населения против национальной династии.

4.3. *Войны с Тямпой*

Одним из важнейших аспектов деятельности Ле Хоана было упрочение государственных границ Дайвьета на юге, что было связано с постоянной угрозой тямских вторжений. Ситуация усугублялась тем, что часть южных вьетнамских территорий практически контролировалась тямскими военачальниками. Но так как война на два фронта с Тямпой и империей Сун была заранее обречена на провал, то после восшествия на престол в 980 г. Ле Хоан попытался договориться с наименее опасным из противников. С этой целью к тямскому королю было направлено посольство во главе с Ты Муком и Нго Ты Анем, которое было задержано тямами. После этого стало очевидно, что войны с Тямпой не избежать и, разгромив сунскую армию, Ле Хоан начал к ней готовиться. Сухопутная дорога на юг была крайне сложной и изобиловала труднопроходимыми препятствиями, поэтому было предпринято строительство канала Тан в обход гор Донгко с выводом его в реку Бахоа или в провинцию Тханьхоа. Война началась в 982 г. Вьетнамские боевые суда повёл в наступление сам Ле Хоан. В результате тямская армия потерпела поражение, командовавший ею военачальник Бе Ми Тхюе был убит в сражении, и множество её воинов попало в плен. Тямский король был вынужден бежать из столицы. В руки к вьетнамцам попали даже его наложницы, при этом они захватили много ценностей и разрушили храмы тямских

государей. К концу того же года армия Ле Хоана, отягчённая богатой добычей, вернулась в Хоалы. Надо полагать, что канал, позволивший вьетнамцам наступать на боевых кораблях, сыграл значительную роль в этой победе, однако окончательно его строительство было завершено лишь в 983 г. [239.4, т.6, с.77 – 81 («Основные записи», кн.1, с.19а – 20а)]. После этой победы Тямпа признала сюзеренитет Дайвьета. Об этом свидетельствует тот факт, что когда тямский король прислал посольство с дарами и просьбой о мире под началом некоего Те Донга, то Ле Хоан его не принял под тем предлогом, что не был соблюдён соответствующий ритуал. И лишь когда в 994 г. прибыло новое посольство во главе с внуком тямского короля Те Каем, оно было принято [239.4, т.6, с.121 («Основные записи», кн.1, с.30а)].

В 997 г. тямы снова вторглись в Дайвьет, но уже в четвёртом месяце того же года Ле Хоан нанёс им новое поражение, а захваченную добычу отправил в дар сунскому двору [239.4, т.6, с.129 («Основные записи», кн.1, с.32а)]. Надо полагать, что к этой же серии войн на южных границах следует отнести и описанный выше поход 1001 г. в Тханьхоа против *манского* племени *кылаунг*.

Таким образом, всё приводит к выводу о том, что 1000 – 1002 гг. являются временем наивысшего расцвета династии [*Ранняя*] *Ле, при этом последовавшее за ним её быстрое падение не затронуло результатов государственной деятельности Ле Хоана, а свелось лишь к смене правящей в Дайвьете династии.*

4.4. *Борьба за престол между сыновьями Ле Хоана и падение династии* [*Ранняя*] *Ле*

Судя по всему, Ле Хоан, как и Динь Бо Линь, сам создал предпосылки для последовавших событий, когда вопреки обычаям и мнению двора назначил в начале 1004 г. наследником своего третьего сына Лаунг Вьета. К тому времени его старший сын Лаунг Тхоу скончался и, согласно обычаям, наследником престола должен был стать второй сын

императора Нган Тить, при этом пятый сын Лаунг Динь также обратился к отцу с просьбой о назначении его наследником. Поначалу Ле Хоан хотел назначить наследником Диня, но затем отказался от этой мысли, согласившись с мнением двора о том, что наследование должно происходить по старшинству. Однако после этого он почему-то сделал наследником своего третьего сына, при этом второй и пятый сыновья получили титул «великий князь», тогда как четвёртый сын остался без внимания [239.4, т.6, с.145 – 147 («Основные записи», кн.1, с.36а, 36б)]. Очевидно, что в такой ситуации борьба за престол между сыновьями императора становилась после его кончины почти неизбежной.

Основатель династии [Ранняя] Ле скончался в 3-ем месяце 1005 г. Также как и Динь Бо Линь, Ле Хоан, получив посмертное имя «Великий Начинатель», был погребён в Хоалы, после чего почти сразу же взорвалась заложенная в его решении о наследнике мина. Надо полагать, что борьба за власть между сыновьями императора началась ещё в последние месяцы его жизни. Так, источник сообщает о противостоянии второго и девятого сыновей Ле Хоана (Нган Тития и Лаунг Киня) его пятому сыну (Лаунг Диню), которое не позволило наследнику взойти на престол. Война между ними длилась восемь месяцев и завершилась победой Лаунг Диня, при этом Нган Тить бежал в округ Тхатьха провинции Хатинь, где и был убит местными жителями. Это событие датировано десятым месяцем 1005 г., что приводит к выводу о начале войны между братьями не позднее начала 1005 г. за один – полтора месяца до кончины Ле Хоана. После завершения братоубийственной войны на престол взошёл официальный наследник Лаунг Вьет, но всего лишь три дня спустя он также был убит Лаунг Динем. При погребении он получил посмертное имя «[Император] Срединный рода [Ле]»[50]. Интересно отметить, что в этом сюжете впервые встречается упоминание о будущем основателе первой великой вьетнамской династии Ли. В источнике говорится о том, что после убийства императора все его приближённые в страхе

бежали из дворца и только [командующий] армией передового дворца Ли Конг Уан рыдал над трупом Лаунг Вьета. Лаунг Динь счёл, что это признак верности и честности и возвысил Ли Конг Уана, назначив его заместителем командующего армией Четырёх пределов[51].

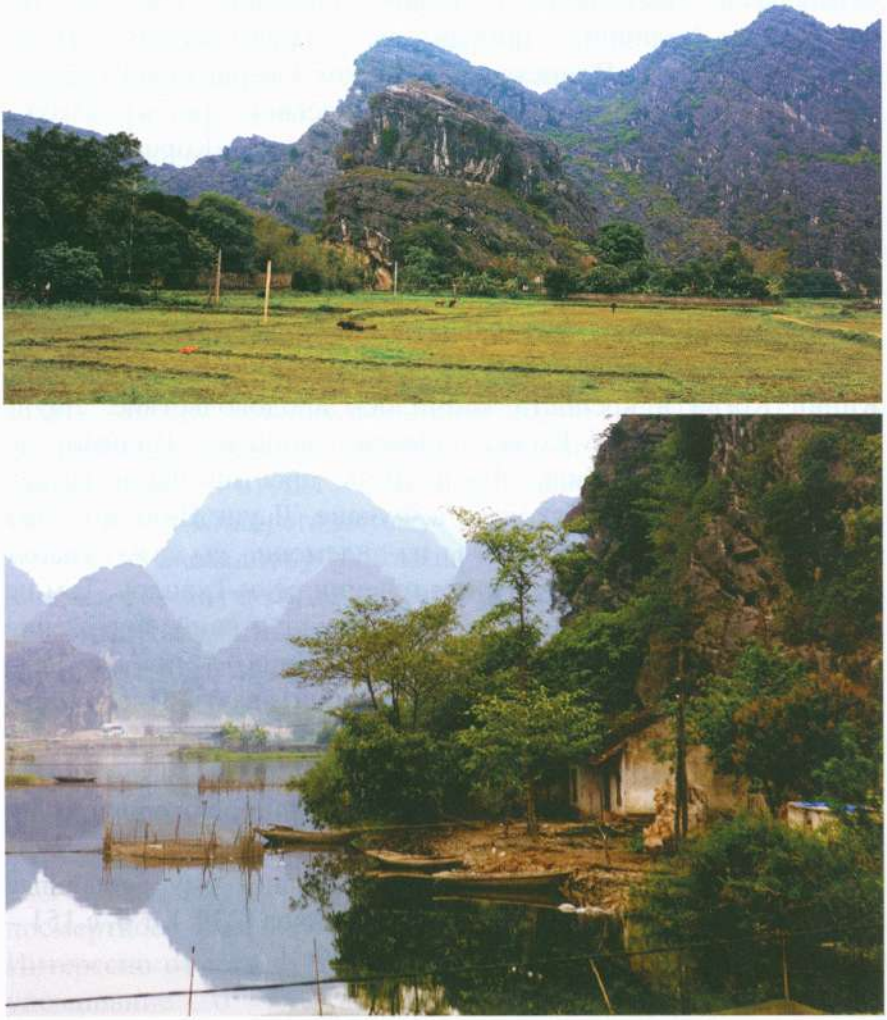
Взойдя на престол Лаунг Динь принял титул «Император [имеющий] Сыновнее почтение, Светлый [и] славный, Великий победитель, Почитающий Путь, Следующий Небу, Воинственный духом, Свершенный учёный, Соответствующий Судьбе, Провозвестник [воли] Неба», пожаловал своей матери титул «Королева-мать, Величественная святая, [основа] Процветания государства» и титул «Королева» своим четырём жёнам. После этого Лаунг Динь приступил к военным действиям против тех из своих братьев, которые отказались признать его власть.

Первый удар был нанесён по Фулану, где укрылись шестой и девятый сыновья Ле Хоана (Лаунг Нган и Лаунг Кинь). Когда в крепости кончилось продовольствие, Лаунг Нган, выдав Лаунг Киня, попросил пощады. Видимо, по причине давней вражды Лаунг Динь, простив Лаунг Нгана, казнил Лаунг Киня. Находясь в Фулане, Лаунг Динь получил известие о том, что *маны* из племени *кылаунг* грабят провинцию Ниньбинь в нижнем течении реки Тхандоу. Тем не менее, он сначала двинулся в округ Фаунг и нанёс поражение четвёртому сыну Ле Хоана (Лаунг Диню)[1], после чего остальные братья признали его верховную власть. После этого он вернулся в свои владения на реке Тхам в округе Данг, преобразовал этот округ в малую провинцию Тхайбинь и укрепил понёсшую в междоусобных войнах потери армию. Обезопасив себя таким образом от нападения с тыла, Лаунг Динь обрушился на племя *кылаунг* и нанёс ему решающее поражение в округе Ай провинции Тханьхоа [239.4, т.6, с.151 – 161 («Основные записи», кн.1, с.37б – 40а)].

---

[1] О совпадении чтения имён четвёртого и пятого сыновей Ле Хоана на русском языке смотри «Примечание 46» в «Комментарии» к настоящей главе.

На этом завершается описание междоусобной борьбы между сыновьями Ле Хоана, в результате которой в 1005 г. на престол в Дайвьете взошёл его пятый сын Лаунг Динь.

Природные крепостные стены столицы династий Динь и [Ранняя] Ле. Хоалы. 30.03.2011 г.

Как уже говорилось ранее, в 1006 – 1007 гг. вновь возникает угроза сунского вторжения и усиливается роль дипломатической игры между Дайвьетом и империей. И хотя в источниках приводятся достаточно отрывочные сведения по этому времени, они всё же позволяют придти к выводу о том, что и в эти годы Лаунг Динь продолжал борьбу за окончательное укрепление своей власти. При этом он пытался создать себе опору из ближайших родственников. Для этого в 1006 г. Лаунг Динь жалует своему сыну Ша титул «Великий князь Открыватель владений», приёмным сыновьям Тхиеу Ли и Тхиеу Хынгу – титулы «Великий князь Шо» и «Великий князь Хан»[52] соответственно. Наконец, в начале 1008 г. он провозглашает девиз правления «Блистающий скипетр». Надо полагать, что провозглашение собственного девиза правления знаменовало собой окончательное упрочение как власти нового императора внутри страны, так и его позиций во внешней политике [239.4, т.6, с.161 – 177 («Основные записи», кн.1, с.40а – 44а)]. Об этом же свидетельствуют и события последующих двух лет.

Помимо провозглашения девиза правления под 1008 г. сообщается лишь о пожаловании молочному сыну одной из королев Ле Ок Тхюену титула «Великий князь Трёх начал»[53] [239, т.3, с.35 («Основные записи», кн.2, с.1а)], тогда как сведения, сообщаемые под 1009 г., связаны лишь с проблемой покорения южных, пограничных с Тямпой территорий.

В начале 1009 г. Лаунг Динь по просьбе одного из своих военачальников Киеу Хань Хиена повелел проложить дороги и построить укрепления в округе Ай, при этом главным объектом строительства стал канал, который нужно было проложить от устья реки Тилаунг к реке Вулунг в обход гор Диньшон. В источнике говорится, что император лично прибыл к реке Вулунг и повелел устроить на ней постоянно действующую переправу. В 7-ом месяце того же года была предпринята попытка продвинуться ещё дальше на юг в округа Хоандыонг и Тхатьха, то есть на юг провинции Тханьхоа и в провинцию Нгеан. Легату – [командующему] обороной, Хо

Тху Итю, было приказано возглавить пятитысячный отряд и проложить дорогу от реки Тяузяп к устью реки или заливу Намзьой. Сам же Лаунг Динь направился к этому заливу морем [239, т.3, с.35, 36 («Основные записи», кн.2, с.1а, 1б].

Последующее изложение событий выглядит в значительной мере как вставной сюжет, имеющий целью показать неизбежность гибели Лаунг Диня и династии [Ранней] Ле. Уже при описании строительства переправы через реку Вулунг говорится о том, что «кто бы ни переправлялся [через] реку Вулунг, [с тем] обычно [приключалась] беда» [239, т.3, с.35 («Основные записи», кн.2, с.1а, 1б)]. Также сообщается о том, что во время перехода к заливу Намзьой императорский флот попал в страшный шторм. Поэтому корабли были вынуждены укрыться в гавани, а испугавшийся Лаунг Динь сухопутной дорогой вернулся в Хоалы. Наконец, большой отрывок текста, датированный 10-ым месяцем 1009 г., посвящён жестокому характеру Лаунг Диня, его пристрастию к убийствам и издевательству над пленными, при этом вскользь упоминается о его намерении убить Ли Конг Уана. В конце же этого текста сообщается о возвращении Минь Шионга из империи Сун, который привёз в дар брату китаянку по имени Сяо-ши. Лаунг Динь сделал её своей наложницей, неумеренно предавался любовным утехам, от которых заболел и умер. В этом же тексте приводится и объяснение одного из его имён: «Возлежащий [на] троне». Дело в том, что, заболев, Лаунг Динь не мог ходить, и ему приходилось управлять государством, лёжа на кушетке в зале приёмов [239, т.3, с.36, 37 («Основные записи», кн.2, с.1б, 2а)].

Таким образом, если исходить из вышеизложенного материала, то, несмотря на его скудность, он позволяет выделить следующие основные этапы царствования Ле Лаунг Диня.

1005 г. Время борьбы за власть между сыновьями Ле Хоана, завершившейся подчинением всех братьев его пятому сыну Лаунг Диню, а также гибелью Лаунг Вьета, Нган Титя,

Лаунг Киня и, возможно, Лаунг Диня, то есть третьего, второго, девятого и четвёртого сыновей.

1006 – 1007 гг. Время укрепления личной власти Лаунг Диня в Хоалы, признания законности его восшествия на престол империей Сун и активизации дипломатических контактов последней с Дайковьетом.

1008 г. Время законодательного оформления власти Лаунг Диня.

1009 г. Время, связанное с мероприятиями по укреплению южных границ, войнами с непокорными *манскими* племенами и созданием инфраструктуры, которая могла позволить оперативную переброску войск на юг.

Вероятно, во время походов в Тханьхоа и Нгеан Лаунг Динь заболел и был вынужден вернуться в Хоалы. Спустя два или три месяца он скончался, а власть перешла к одному из его главных военачальников Ли Конг Уану, который вскоре объявил о восшествии на престол в Дайвьете новой династии Ли (1010 – 1225 гг.) и провозгласил девиз правления «Покорность Небу»[54].

5. *Основные этапы восстановления государственной независимости Вьетнама последней четверти IX – первого десятилетия XI в.*

Прежде всего, при анализе вышеизложенного в настоящей главе материала выделяется период с 880 по 967 г. Он характеризуется значительным ослаблением влияния внешнего фактора или, иными словами, вмешательства империи во внутреннюю жизнь губернаторства Умиротворённого юга, что было связано с междоусобицами эпохи Пяти династий. Внутри самого губернаторства этот период определяется междоусобной борьбой крупных вьетнамских феодальных кланов за лидерство. Достаточно условно можно считать, что таких феодальных кланов было двенадцать. Сам же этот период может быть разделён на два подпериода. Первый, с 880 по 938 г., это время постепенного выдвижения на лидирующие позиции клана Кхук – Зыонг –

Нго, который представлял собой главную силу, противостоящую имперской экспансии. Его завершение связано с военной экспедицией Южной Хань, которая, опираясь на поддержку феодального клана Кису и его союзников, предприняла попытку покорения вьетских территорий. Разгром Нго Кюеном в конце 938 г. армии Южной Хань на реке Батьданг знаменовал собой как значительное упрочение независимости возрождавшегося вьетнамского государства, так и максимальное усиление возглавлявшего сопротивление феодального клана. Результатом этого явилось выделение средневековыми вьетнамскими историографами последней по счёту семьи этого клана в национальную династию Нго. Однако со смертью Нго Кюена в 944 г. усобицы между вьетнамскими феодальными кланами вспыхивают с новой силой. При этом к 965 г. они достигают такого ожесточения, что в летописной традиции 965 – 967 гг. просто указываются как «Эпоха двенадцати легатов-правителей». Именно поэтому вряд ли можно говорить о полноправной династии Нго, правившей с 939 по 965 г.

Гораздо более точным и правомерным является выделение первого (880 – 938 гг.) и второго (944 – 967 гг.) подпериодов междоусобных войн, которые разделены кратковременным единством вьетнамских феодалов. Последнее было связано с необходимостью объединения всех сил в условиях угрозы нападения Южной Хань, а также с превращением Нго Кюена в безусловного национального лидера в результате победы 938 г.

В то же время необходимо отметить, что этот период характеризуется рядом внутренних мероприятий клана Кхук – Зыонг – Нго, направленых на создание государственной политико-административной структуры и заложивших основы для преобразований второго периода эпохи восстановления независимости Вьетнама, который датируется 968 – 1009 гг. Очевидно, что с точки зрения процесса укрепления независимости вьетнамского государства, усиления императорской власти в Дайвьете и централизации его

управленческого аппарата эти годы представляют собой единый период династий из Хоалы.

Динь Бо Линь, который стал основателем первой после восстановления независимости вьетнамской династии и создателем государства Дайвьет, прямо ассоциировал своё правление с древним вьетским государством, о чём свидетельствует пожалование наследнику престола титула великого князя Намвьета. Он в значительной степени подчинил крупные феодальные кланы, или так называемых двенадцать легатов-правителей, начал реорганизацию двора и общегосударственной структуры, а также значительно укрепил безопасность страны. Успех мероприятий Динь Бо Линя в борьбе с феодальными кланами, которая велась крайне жестокими мерами, не вызывает сомнения. В пользу последнего свидетельствует и то, что он был убит не в ходе междоусобных войн, а в результате попытки дворцового переворота, а само это убийство ничего не изменило в расстановке сил.

На самом деле все внутригосударственные и внешнеполитические мероприятия династии [Ранняя] Ле представляют собой логическое продолжение деятельности Динь Бо Линя. Так, продолжая дело предыдущего императора, Ле Хоан завершил как подчинение феодальных кланов, так и создание структуры государственного управления, а также преобразовал армию из ополченческой в регулярную. При этом он одержал победу как над империей Сун, так и над Тямпой. Преемственность династий Динь и [Ранняя] Ле также прослеживается и на характере перехода власти от одной династии к другой под влиянием внешней угрозы. Именно поэтому избрание Ле Хоана императором было поддержано всей правившей в Хоалы, включая представителей династии Динь, группировкой. В этом нет ничего удивительного. Ведь речь шла не о вторжении относительно слабой армии династии Южной Хань, а о войне с мощной общекитайской династии Сун. Поэтому её разгром в 981 г. и следует считать датой

окончательного восстановления независимости вьетнамского государства.

Наконец, борьба сыновей Ле Хоана за власть была не междоусобной войной различных феодальных кланов, а внутридинастийной борьбой за престол, поэтому, как и убийство Динь Бо Линя, она не привела к ослаблению вьетнамской государственности.

Таким образом, представляется возможным говорить *не о двух династиях из Хоалы, а о единой династии Динь – Ле, которую сменила первая общевьетнамская династия Ли, при которой тенденции предыдущего периода были реализованы на качественно новом уровне.*

Именно этой многозначностью событий вьетнамской истории конца IX – начала XI в. и объясняются различные варианты её периодизации как во вьетнамских средневековых летописных сводах, так и в современной исторической науке СРВ. При этом обособление создателями самого раннего из сохранившихся вьетнамских летописных сводов всей вьетнамской истории по 1009 г. включительно наиболее точно соответствует основным этапам её развития [36, с.109 – 138].

ЧАСТЬ III

Социально-экономическая история Вьетнама до X в. н.э.[1]

Глава 1

Вьетнамское общество в эпоху древности и особенности его перехода к эпохе раннего феодализма (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.)

В VIII – VI вв. до н.э. на основе рассмотренных в «Кратком очерке географии и этнографии Вьетнама» хозяйственно-культурных общностей на территории современного Северного Вьетнама возникли ранние формы государственности. Материальной составляющей этой государственности являлось поливное рисоводство и донгшонская бронзовая культура. Что же касается этнической составляющей, то она была представлена в первую очередь *лаквьетами*, имущественное расслоение которых позволяет предположить возникновение в их среде классового общества уже к началу 1-го тыс. до н.э. В целом же это общество было полиэтническим, где в рамках региона Гуандун – Гуанси – Северный Вьетнам уже существовали центростремительные тенденции, создававшие условия для формирования единой этнополитической общности [432, с.3, 4]. Однако с конца II в. до н.э. и особенно с середины I в. н.э. всё большую роль в развитии лаквьетского общества начинает играть политический фактор, который в конце концов привёл к нарушению этих центростремительных тенденций.

Все эти процессы хронологически связаны с периодом становления и развития древнего государства на территории Северного Вьетнама, а также с переходным периодом вьетского общества от эпохи древности к эпохе раннего феодализма. Соответственно настоящая глава состоит из двух частей.

Первая часть посвящена эпохе древности, в течение которой доминировали внутренние этнокультурные и экономические факторы развития общества.

---

[1] Смотри также иллюстрации в статье «Археология Вьетнама», «Главах 1 – 3» «Части I», «Главе 1» «Части II» и «Главах 1 – 2» «Части IV» этого тома.

Вторая часть посвящена эпохе зарождения феодальных отношений и переходному периоду к эпохе раннего феодализма в условиях доминирующего воздействия внешнеполитического фактора.

1. *Социально-экономическое развитие Вьетнама в эпоху ранней государственности (начало VIII в. до н.э. – середина I в. н.э.)*

1.1. *Социальная структура лаквьетского общества*

Реконструкция социальной структуры лаквьетского общества осуществляется на основе трёх взаимодополняющих видов источников. Это отрывочные и краткие сведения летописных сводов, археологический материал (в первую очередь – изображения на бронзовых барабанах) и результаты этнографических исследований[1]. К сожалению, эти источники позволяют лишь в самом общем виде реконструировать социальную организацию лаквьетского общества, при этом наиболее полно – его правящего класса.

Вследствие процессов разложения родоплеменного строя в лаквьетском обществе к VIII в. до н.э. выделились три основные группы правящего класса в лице высшей знати, крупной военно-земельной аристократии и его наиболее многочисленной группы, являвшейся, по сути, связующим звеном с общиной. Достаточно условно эти три группы можно назвать *короли Лак*, *маркизы* и *военачальники Лак* и *возглавляющие множество*. На начальном этапе становления государственности в форме царства Ванланг различия между этими тремя группами правящего класса ещё не имели принципиального характера. Однако по мере укрепления государственных институтов положение каждой из этих групп становилось всё более самостоятельным, что привело к созданию системы их взаимозависимостей и относительно чёткой стратиграфии, которая явилась основой возникновения верховной наследственной власти с соответствующей придворной иерархией. В источниках выделяются лишь три указанные группы правящего класса лаквьетского общества,

тогда как упоминания о придворных должностях и титулах отсутствуют в них вплоть до середины III в. до н.э.[I]

С включением Ванланга в состав царства Аулак с его более сложной организационной структурой в источниках появляется упоминание о должностях главнокомандующего и левого генерала армии. Также имеются свидетельства о том, что в то время уже существовали профессиональные воины, которых, несомненно, следует относить к низшему звену господствующего класса[2]. Положение воинов в Аулаке было тем более привилегированным, что хотя Тхук Фан и должен считаться национальным государем, он, как об этом свидетельствует его титул, покорил *лаквьетов* силой оружия, а потому воины из Шу были своеобразными гарантами его безопасности[II]. На самом деле Тхук Фан и его окружение представляли собой отдельную социальную группу, обособленную в Тэйву, тогда как традиционным лаквьетским центром оставался Мелинь[3].

Ситуация оставалась аналогичной и в эпоху государственного объединения Намвьет – Аулак. Как известно, двор династии Чиеу был организован по образцу и подобию двора имперских династий[4]. Среди высших чиновников этой династии в источниках упоминается великий заместитель, что предполагает наличие значительного количества других более низких должностей[5]. Иными словами, речь идёт уже о серьёзной дифференциации правящего класса, связанной с созданием системы титулов и должностей, которые жаловались придворным династии Чиеу в Фиеннгунге (Паньюе). Однако самого лаквьетского общества эти перемены не коснулись, если только не считать того, что Аулак был разделён на области Зяоти и Кыутян, которыми стали управлять от имени династии Чиеу два легата. На самом же деле последнее означало определённый возврат к эпохе Ванланга, так как эти легаты назначались из представителей традиционной родовой знати (королей или маркизов лак).

[I] Смотри «Главу 1» «Части I».
[II] Смотри «Главу 2» «Части I».

Ничего не изменило и свержение в 111 г. до н.э. войсками ханьского императора Воинственного династии Чиеу, которое, как известно, не затронуло ни социальной организации лаквьетского общества, ни традиционной стратиграфии его правящего класса[1].

Таким образом, если постепенное распространение в лаквьетском обществе «китайских» должностей и титулов на протяжении периода с середины III в. до н.э. по середину I в. н.э. следует связывать с представителями иноземной культурной традиции, то их носители были представителями местной культурной традиции, которая возникла к VIII в. до н.э., а к середине III в. до н.э. приобрела устойчивый характер.

Следовательно, социальная организация правящего класса лаквьетского общества выглядит неизменной на протяжении VIII в. до н.э. – I в. н.э., но это лишь поверхностное впечатление, основанное на том, что во вьетнамских источниках его структура относится ко всей этой эпохе. Если же исходить из введения в оборот «имперских» должностей и титулов на рубеже II – III вв. до н.э., которые «накладываются» на вьетские, то не вызывает сомнения лишь факт стабильного существования последних именно с этого момента, который характеризуется весьма своеобразной системой взаимосвязей. С одной стороны, сохранялись родоплеменные связи, основой которых была община, или, иными словами, каждый представитель знати был прочно связан с той или иной общиной. С другой же стороны, родоплеменные владения *лаквьетов* были преобразованы в особые территориальные единицы, которыми управляли в соответствии с устоявшейся иерархией представители бывшей родоплеменной знати, получившие должность легата. В результате этого сложилась двойная система взаимосвязей: родоплеменная и административно-территориальная, тогда как община являлась объединяющим звеном между этими двумя типами связей.

---

[1] Смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части I».

К такому выводу приводит анализ текстов двух наиболее древних из сохранившихся источников, в которых описывается эта эпоха[1]. Из них следует, что знать получала «кормление» с *полей Лак*, которые обрабатывались *народом Лак*. Соответственно высшая знать в лице *королей Лак* осуществляла общий контроль над управлением, средняя знать в лице *маркизов*[6] и *военачальников Лак*, которые фактически были начальниками уездов, непосредственно руководила управлением на местах, наконец, низшая знать в лице *Возглавляющих Множество*, являясь родоплеменной верхушкой, непосредственно контролировала общину.

Как известно, в эпоху Цинь «чиновники, даже самые высшие, не имели земельных владений: все они получали от государства регулярное натуральное довольствие» [432, с.137]. То есть, судя по указанным текстам, их авторы попытались «наложить» характерные для Намвьета при династии Чиеу реалии эпохи Цинь на лаквьетское общество Аулака. На самом же деле под областями, уездами и общинами в Ванланге – Аулаке следует понимать традиционные родоплеменные владения лаквьетской знати, с которых она получала «кормление». Об этом также свидетельствует отсутствие упоминания в источниках по той эпохе традиционного имперского посемейного налогообложения, на основе которого имперские чиновникам выделялось «кормление» [432, с.139].

Элементы родоплеменных отношений, в том числе и матриархата, сохранялись у *лаквьетов* ещё достаточно долго, как минимум до середины I в. н.э., о чём свидетельствует характер сюжетов о восстании сестёр Чынг. В этих сюжетах ничего не говорится ни об отце сестёр, ни о муже старшей сестры, убийство которого послужило поводом для восстания [236.1, кн.3, с.2а – 2б]. Об этом же говорит и тот факт, что в поминальном храме матери сестёр Чынг, на территории которого находится её могила, нет даже поминальной таблички кого-либо из представителей мужской ветви этого

[1] Смотри «Введение», «Параграф 3.2.1.IV» и «Параграф 3.2.1.V».

рода. Также известно, что Чынг Чак на два года отменила ежегодное подношение даров маркизами Лак, что говорит о сохранении традиционных форм взаимоотношений в лаквьетском обществе того времени [1144, с.38, 39]. Главным же в этих традиционных формах взаимоотношений было то, что основной производственной и налоговой единицей лаквьетского общества была не семья, а община, в которой главными производителями были свободные общинники, или *народ Лак*[7]. Именно эта его особенность в сочетании с отсутствием собственной сильной монархической власти лежит в основе длительного существования сравнительно простой социальной стратиграфии лаквьетского общества, сохранявшего относительную стабильность вплоть до середины I в. н.э.

Таким образом, процессы развития хозяйственно-культурных общностей Северного и северной части Центрального Вьетнама привели в первой половине VIII в. до н.э. к возникновению на их территории классового общества и ранней государственности. С этого времени и вплоть до середины VI в. до н.э. по мере укрепления государственных институтов и усиления роли государя на базе общины как основной производственной и фискальной единицы, происходила всё большая дифференциация социальных групп лаквьетского общества. Однако из-за включения лаквьетского общества сначала в состав царства Аулак (Ванланг + Тэйву), затем – в состав царства Намвьет (Лулак + Намвьет) и, особенно, в состав империи Хань, указанный процесс резко замедлился[1]. Вероятно, это было связано с отсутствием своей собственной верховной монархической власти в лаквьетском обществе той эпохи, которое возглавлялось двумя легатами, формально назначаемыми извне.

Как следствие в течение указанных трёх веков вьетское государство выступало в отношениях с империями Цинь и Хань как единое целое, тогда как главная лаквьетская составляющая общества развивалась в рамках собственной

[1] То есть речь идёт о трёхвековом периоде с 257 г. до н.э. по 44 г. н.э.

единой духовной и материальной культуры. Поэтому с точки зрения внешнеполитических отношений как династия Тхук, так и династия Чиеу являются вьетскими национальными династиями. В то же время придворное ядро этих династий оставалось чужеродным элементом во вьетском обществе, которое сохраняло свою традиционную социальную организацию, но было лишено мощного катализатора социальной дифференциации в лице императорского двора. Поэтому с точки зрения внутриполитических отношений как династия Тхук, так и династия Чиеу являются иноземными династиями. Не исключено, что этот двойственный характер обеих династий явился причиной искусственного торможения процессов социальной дифференциации лаквьетского общества, которое только усилилось с его формальным подчинением династии Хань в 1-ой половине I в. Именно с этим следует связывать своеобразие вьетской общины в последующие века, которая вместо того чтобы прекратить своё существование в качестве производственной единицы в III в. до н.э. – I в. н.э., сохранилась в лаквьетском обществе в прежнем виде, что привело к консервации в ней многих элементов доклассового общества.

Наконец, необходимо остановиться на проблеме, которая является одной из самых сложных при исследовании раннеклассовой структуры лаквьетского общества – проблеме рабства. По этому вопросу имеются две основные точки зрения. Первая отрицает наличие рабства и называет лаквьетское общество «обществом феодальных владений» [651, с.238, 239]. Вторая характеризует Аулак как «восточную деспотию» и указывает на то, что в нём существовало «развитое рабство, направленное на производство прибавочного продукта» [342, с.272, 273]. Если же обратиться к источникам по исследуемому периоду вьетнамской истории, то однозначной картины также не получается. В письменных источниках никаких сведений о рабах или каких-либо формах рабства не содержится. Однако на бронзовых барабанах имеются изображения людей, которые можно

интерпретировать, как изображения неполноправных мужчин или домашних рабов во время работы [943, с.8, 9][8].

Бронзовый барабан Нгаук Лу. H 63 см., Ø 79,3 см. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

И хотя во вьетнамском языке имеются специальные термины для обозначения рабов, восходящие к древним языковым пластам, следует отметить, что иероглиф 奴, входящий в состав каждого из них, имеет как значение «раб»,

так и значение «прислуга» [3, с.553, №5951]. А это вполне «укладывается» в сочетание изображения на бронзовых барабанах раба вместе с женщиной, занимающихся домашними работами, которое свидетельствует в пользу существования в лаквьетском обществе неразвитых форм рабства. Использование рабского труда в основном на подсобных работах также оправдывается характером поливного рисоводческого хозяйства, которое требовало коллективного общинного труда. Поэтому рабский труд был наиболее вероятен в домах знати и на внутриобщинных работах, связанных со строительством, рытьём каналов и ремеслом. Отсюда следует, что процент рабов был невелик, а их труд вряд ли мог оказывать значительное влияние на уровень производства прибавочного продукта.

В связи с проблемой рабства также возникает вопрос о происхождении рабов. Теоретически возможны два варианта: внешний, за счёт военных захватов, и внутренний, путём обращения в рабство общинников. О том что часть рабов действительно захватывалась во время военных походов, свидетельствуют изображения на бронзовых барабанах, где на палубе корабля-птицы представлена сцена расправы над пленником. Однако представляется, что основное количество рабов поставлялось за счёт внутренних резервов. Среди них в первую очередь следует назвать долговое рабство, добровольную продажу себя или членов своей семьи в рабство, обращение в рабство преступников и членов их семей. Иными словами, в лаквьетском обществе рабство развивалось, правда, с некоторым отставанием, в соответствии с теми же тенденциями, что и в циньском и ханьском обществах. В лаквьетском, как и в древнекитайском, обществе рабы являлись одним из компонентов этноса, тогда как иноземные рабы представляли собой величину, не оказывавшую влияния на процентное соотношение социальных групп и слоёв [432, с.5, 6, 8, 31 – 35].

В пользу этого вывода свидетельствует как отсутствие в письменных источниках упоминания о каких-либо серьёзных

завоевательных походах *лаквьетов*, так и то, что используемая для обозначения рабов и рабства терминология связана исключительно с семейными категориями. Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что в лаквьетском обществе существовал класс свободных общинников, которые занимались сельскохозяйственным производством, и нарождающийся класс рабов, который ещё не оформился к моменту окончательного завоевания лаквьетских территорий империей Хань. Следовательно, представляется возможным охарактеризовать лаквьетское общество IV в. до н.э. – I в. н.э. как раннеклассовое общество с неразвитыми формами рабства, в котором рабы являлись одним из компонентов этноса, а основными производителями прибавочного продукта были полноправные общинники.

Таким образом, складывается достаточно сложная система социальных связей в раннеклассовом лаквьетском обществе. Многие из этих связей восходят к эпохе родоплеменного строя и в силу указанных выше особенностей развития вьетского государства, сохранялись в полной мере вплоть до середины I в. н.э. Именно они и предопределили как стабильность социальной организации общины на протяжении веков, так и сохранение в обществе таких древних обычаев, как левират, существование которого в среде национальных меньшинств Вьетнама отмечалось ещё в XVIII в.[9].

В заключение этого раздела представляется целесообразным резюмировать эволюцию социальных слоёв и групп лаквьетского общества VIII в. до н.э. – I в. н.э. на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама в следующей схеме:

Дата	Господствующий класс	Класс производителей
VIII – V вв. до н.э.	1. Государь и высшая родоплеменная знать (король Мужественный и короли Лак). 2. Военно-земельная аристократия (маркизы и военачальники Лак). 3. Общинная знать (Возглавляющие Множество).	1. Общинники (народ Лак). 2. Семейные рабы ?

IV в. – 257 г. до н.э.	**1**. Государь и высшая земельная знать (король Мужественный, короли и маркизы Лак). **2**. Военно-административная знать (военачальники Лак). **3**. Без изменений	**1**. Народ Лак: общинники, общинные и семейные рабы – *лаквьеты*. **2**. Общинные и семейные рабы – инородцы.
257 – 208 гг. до н.э.	**1**. Династия Тхук и её окружение (Тхук Фан). **2** и **3**. Без изменений.	**1** и **2**. Без изменений.
207 – 111 гг. до н.э.	**1**. Династия Чиеу и её двор в Фиеннгунге (Чиеу Да). **2** и **3**. Без изменений. **4**. Легаты областей Зяоти и Кыутян (назначались из бывших королей, маркизов и военачальников Лак).	**1** и **2**. Без изменений.
111 г. до н.э. – 44 г. н.э.	**1**. Ханьская администрация вне территории бывшего Аулака. **2**, **3** и **4**. Без изменений.	**1** и **2**. Без изменений.

1.2. *Экономическое развитие*[10]

1.2.1. *Сельское хозяйство*

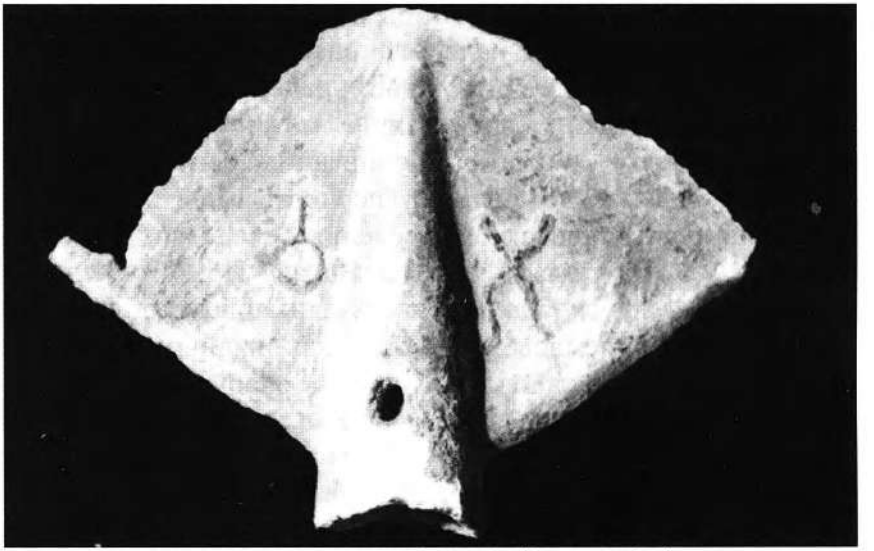
В исследуемый период ранней государственности территория Северного Вьетнама была относительно малонаселённой, при этом подавляющее большинство населения обитало в низменных районах[11]. Наиболее же густонаселённой местностью была зона слияния Чёрной, Красной и Светлой рек.

Основным занятием *лаквьетов* было поливное рисоводство, которое имело древние традиции. На ранних этапах развития земледелия применялась весьма своеобразная техника орошения, основанная на исключительно благоприятных условиях низменности Северного Вьетнама. Она была основана на том, что реки данного региона имеют крайне малый угол падения, поэтому каждый прилив очень высоко поднимает в них уровень воды[12]. Вследствие этого во время приливов пресная вода заливала значительные площади, одновременно удобряя их речным илом. Таким образом, на северо-вьетнамской низменности сама природа решала одну из

труднейших задач поливного земледелия – задачу подъёма воды и заливку ею обширных площадей. Для удержания воды на полях достаточно было соорудить примитивные ограждения и дамбы, которые позволяли бы задерживать воду на полях во время отлива и в случае необходимости преграждали бы её избыточный доступ на поля во время приливов. Такая примитивная система орошения просуществовала во Вьетнаме без значительных изменений по меньшей мере с начала 1-го тысячелетия до н.э. по рубеж нашей эры. Правда, надо полагать, что в IV – III вв. до н.э. уже началось постепенное строительство разветвлённой системы взаимосвязанных дамб и каналов[13], однако настоящее развитие она получила в последующие эпохи. В то же время на окраинах северовьетнамской низменности и в предгорьях широкое распространение получила более древняя система подсечно-переложного земледелия, связанная с расчисткой джунглей под посевные площади, остатки которой прослеживались у горных национальных меньшинств Северного Вьетнама ещё в XIX в.

При обработке земли основными орудиями производства являлись мотыга и плуг. Интересно отметить, что при кропотливой обработке рисовых полей продолжали широко испльзоваться каменные плечиковые лезвия составных древесно-каменных мотыг, которые применялись наряду с также составными бронзовыми мотыгами. Последние, несмотря на относительное многообразие типов, представлены главным образом экземплярами с втульчатым креплением, при котором кельт насаживается на деревянную колодку, в свою очередь крепящуюся перпендикулярно рукоятке. Подобная система крепления бронзового кельта – обычное явление во всём ареале распространения плечиковых каменных орудий. Исходя из форм, можно выделить три основных типа этих кельтов: применявшиеся исключительно как тёсла; применявшиеся исключительно как мотыги; применявшиеся и как тёсла, и как мотыги. Последний вид был наиболее распространённым. Формы этих кельтов, а также явных мотыг,

происходящих от первых хозяйственных башмаковидных топоров, свидетельствуют о связях этой материальной культуры с бассейном реки Хуанхэ и с Восточной Индией, которые опираются на местные традиции, явно прослеживающиеся в эпоху неолита [342, с.150 – 165].

Бронзовый лемех. № 0359 2234/6, Musée Guimet

Особо следует остановиться на четырёхчастной конструкции лаквьетского плуга с неправильной ромбовидной формы лемехом, приспособленным для вскрытия густого травянистого покрова, что является необходимым условием для пахоты в тропиках. Этот плуг известен по изображению на камне и по неоднократным находкам бронзовых лемехов как одиночного характера, так и в комплексе Донгшонского могильника. На плуге вдоль короткой оси помещалась втулка с отверстием для гвоздя. Его лемех, размером 14 – 16 см, имел утолщения вдоль верхних крыльев для сопротивления давлению земли.

К этому следует добавить, что плуг имел резак, а его рукоятка была сделана из особого куска дерева. Всё это позволяет отнести его к высокоразвитым типам плуга.

На сохранившемся изображении плуга чётко видно дышло, в которое впрягались два буйвола. Последнее

неудивительно, так как во Вьетнаме имеются местные породы диких буйволов, а в его северо-западных районах проживают горные меньшинства, занимающиеся разведением домашних буйволов. Их использование для пахоты диктуется особенностями обработки болотистых полей, которые в древности составляли подавляющее большинство культивировавшихся площадей. По способу крепления дышла лаквьетские плуги имеют общие элементы с китайскими образцами, однако вряд ли можно говорить о непосредственном северном влиянии на их конструкцию, так как они восходят к доханьскому периоду, то есть к периоду отсутствия тесных контактов населения Северного Вьетнама с населением междуречья Хуанхэ и Янцзы. При этом следует отметить, что плуги эпохи Хань были приспособлены для просоводческого земледелия, тогда как наличие упряжных пахотных орудий в районах поливного рисоводства Южного Китая ещё не отмечается даже в I в. н.э. [432, с.149 – 152]. Также важно подчеркнуть, что находка в могилах столь дорогостоящего орудия производства, как бронзовый лемех, свидетельствует не только о частном владении им, но и предполагает частную собственность его владельца как минимум на двух буйволов. То есть речь идёт уже о значительной имущественной дифференциации в лаквьетской общине.

Помимо плуга в лаквьетской среде применялось ещё одно сельскохозяйственное орудие производства – серп, который представлял собой изогнутое массивное орудие, имевшее вместо ручки поперечное утолщение, что говорит о возможности его использования в качестве косаря [342, с.148 – 149].

Таким образом, в районах подсечно-переложного земледелия в основном использовались хозяйственные башмаковидные топоры для расчистки лесных массивов, а также мотыги и серпы, тогда как на низменности в районах поливного рисоводства – плуги, мотыги и серпы. Главным же тягловым животным был буйвол. Правда, не исключено, что в

районах подсечно-переложного земледелия с более сухими почвами использовались и быки.

Судя по данным источников, быки ввозились во Вьет из Юньнани и Сычуани, откуда в ханьское время поступали и лошади, так и не получившие в лаквьетском обществе значительного распространения. Об этом позволяет судить запрет на ввоз самок крупного скота из империи Хань в Намвьет, который датируется 183 г. до н.э. [239.6, с.310, 311, 325][1]. Помимо использования в хозяйстве буйвола, быка и в какой-то мере лошади во Вьете ещё с неолитических времён разводили свиней, собак и домашнюю птицу, особенно – курицу и индейку.

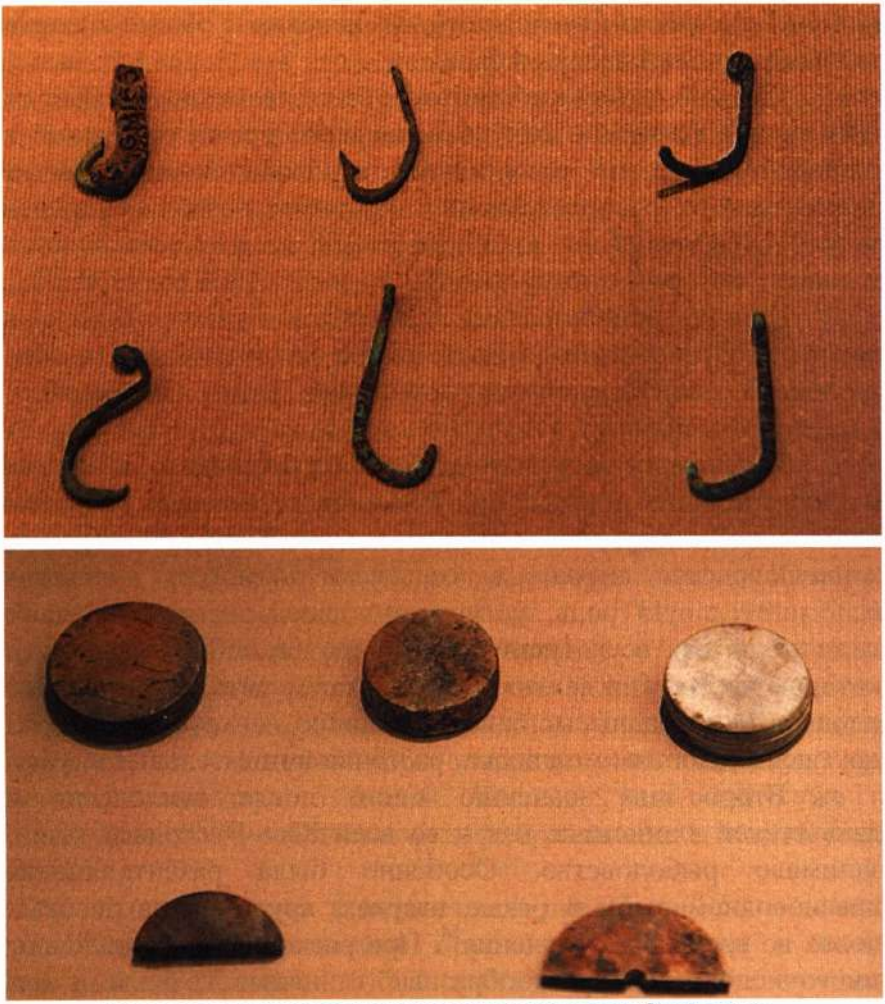
В целом же скотоводство было слабо развито, и им, как и до последнего времени, занимались главным образом невьетские горные народности. Таким образом, животноводство играло в сельском хозяйстве лаквьетов вспомогательную роль, уступая по своей значимости даже типичному для всех тропических народов собирательству, в котором по степени важности следует отметить дикорастущие плоды (плоды пальмы, бананы, папайю, цитрусовые и ряд других), съедобные моллюски, растения и питательные клубни.

Второе по значению место после земледелия в лаквьетской экономике, как и во всей Юго-Восточной Азии, занимало рыболовство. Особенно была развита ловля пресноводной рыбы в реках, озерках, прудах и на рисовых полях во время их затопления[14]. При раскопках были найдены многочисленные и разнообразные глиняные грузила и как бронзовые, так и составные рыболовные крючки. Среди речных промысловых рыб в первую очередь следует назвать карпа и окуня.

Также можно предположить и наличие достаточно развитого морского рыболовства, так как, судя по изображениям, лаквьетские суда были для него прекрасно приспособлены, а на орнаментах встречаются изображения крупных рыб.

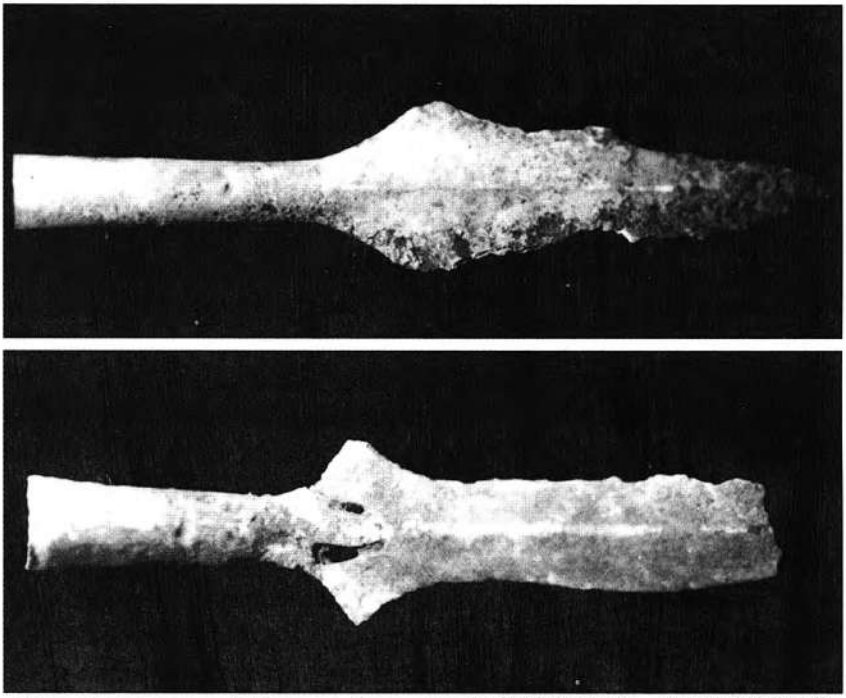
[1] Смотри «Главу 3» «Части I».

Бронзовые крючки и каменные грузила для рыбной ловли.
Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

В качестве орудий рыбной ловли должны были использоваться сети (перемёты), удилища и различного рода верши, а при морской ловле, вероятно, ещё и гарпуны из крепких пород дерева. Из морских рыб добывали главным образом сардину, тунца, камбалу и макрель. Не исключено, что лаквьеты промышляли и ловлей дельфина, но последнее довольно сомнительно.

Охота играла незначительную роль в хозяйстве лаквьетов. Связано это с тем, что *лаквьеты* жили на низменности, где было мало диких животных. Об этом свидетельствует лаквьетское оружие, в котором отсутствует охотничье и довольно мало оружия смешанного характера[1].

Наконечники копий. Бронза. Донгшон. № 0359 2234/7 и № 0359 2234/3. Musée Guimet.

Этнографические аналогии позволяют предположить и существование ловушек самого различного типа. *Лаквьеты* охотились главным образом на оленя, мелких животных и водоплавающую птицу, которая в изобилии водилась на заболоченной низменности Северного Вьетнама[15].

Таким образом, если исходить из степени важности типов хозяйствования в лаквьетском обществе, то устанавливается следующая их последовательность: на первом месте с большим отрывом стоит земледелие, далее следуют

[1] К оружию смешанного характера обычно относят стрелы и дротики.

рыболовство, собирательство, животноводство и охота. Эта последовательность сохранялась не только на протяжении описываемого периода вьетнамской истории до X в. н.э., но и в последующие века.

1.2.2. *Ремесло*

Обширный археологический материал позволяет судить о том, что в лаквьетском обществе развитие ремесла достигло значительных высот. Уровень металлургии и кораблестроения, несомненно, требовал существования специализированных групп населения, занимавшихся исключительно литьём и деревообработкой. Не исключено, что уже в то время начали возникать прототипы столь характерных для средневекового Вьетнама специализированных общин. Надо полагать, что именно здесь на тяжёлых подсобных работах в определённой степени должен был использоваться рабский труд.

Среди изделий металлургии прежде всего следует отметить уже неоднократно упоминавшиеся донгшонские бронзовые барабаны. Они многократно описывались различными исследователями, поэтому ниже приводится лишь их самая общая характеристика.

Размеры барабанов варьируют в высоту от 125 до 15 см, а их диаметр – от 110 до 10 см. Практически все они изготовлены в литейных формах однократного использования довольно сложной конструкции. Форма состояла из нескольких частей: двухсоставных, иногда трёхсоставных, для внешних поверхностей и семи-восьми и более частей – для внутренних поверхностей. Все детали барабана, включая орнамент, отливались единовременно вместе с его корпусом как завершённое изделие без дальнейшей ковки и чеканки.

Орнамент бронзовых барабанов является важнейшим источником для реконструкции многих аспектов жизни лаквьетского общества эпохи его ранней государственности. Классификация донгшонских бронзовых барабанов по их формам и характеру орнамента была проведена Ф.Хегером ещё в 1902 г. С тех пор она является общепринятой [1073].

Бронзовые клевцы и секира. Донгшон. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Бронзовые барабаны и примыкающие к ним бронзовые гонги встречаются по всей Юго-Восточной Азии, в том числе и островной, а также в провинциях Юньнань и Гуанси юго-западного Китая. Существует несколько точек зрения об их происхождении, однако представляется, что гипотеза А.Парментье, согласно которой центром происхождения

бронзовых барабанов и гонгов является Северный Вьетнам, наиболее убедительна. При этом необходимо подчеркнуть, что эта гипотеза опирается как на наиболее точную классификацию, так и на самое развёрнутое описание бронзовых барабанов [943; 945].

Среди изделий лаквьетской металлургии помимо бронзовых барабанов следует отметить орудия производства и оружие. Первые уже достаточно подробно описывались выше, что же касается оружия лаквьетов, то это прежде всего оружие тяжеловооружённых пехотинцев. Наиболее распространённым типом вооружения были «широколезвийные втульчатые копья вытянутых пропорций с длинными и короткими бамбуковыми древками» [342, с.182 – 184]. Их втульчатые наконечники имеют длинное лезвие без грани посередине, резко заостряющееся к концу. Сама втулка длинная и литая. То есть они отличаются как от западнокитайских типов наконечников, так и от наконечников китайских копий эпохи Сражающихся царства (403 – 221 гг. до н.э.). Во Вьетнаме также были найдены более древние черешковые наконечники копий, что свидетельствует о местном происхождении втульчатых. Кроме того, отмечены немногочисленные случаи находок лезвий дротиков, которые являются уменьшенным повтором копейных [342, с.184 – 190].

Не менее важным типом оружия являлась секира, отличавшаяся законченностью форм.

Но если форма копий позволяет предположить определённое влияние китайского оружия, то тут «исключительное своеобразие формы и орнаментов, оригинальный способ крепления, отсутствие секир в Китае почти абсолютное совпадение границ распространения топоров с летописными данными о расселении лаквьетов – всё это позволяет считать их специфической особенностью культуры предков вьетнамского народа» [342, с.191]. Лезвия лаквьетские боевых топоров имеют втулку длиной в 4 – 6 см, которая в сечении представляет собой эллипс или шестигранник с двумя удлинёнными сторонами. Общий

принцип «башмака» характерен для всех форм найденных лезвий секир и топоров, как боевых, так и, как отмечалось выше, хозяйственных. Боевые топоры богато орнаментированы, а их орнамент во многом сходен с орнаментом бронзовых барабанов. К этому же типу оружия следует отнести и церемониальные секиры, которые отличаются от боевых лишь размерами и имеют другой орнамент.

Чисто лаквьетским по происхождению оружием являются и мечи-кинжалы, лезвия которых достигают в длину 30 см. Все кинжалы отливались из одного куска бронзы в двусторонней форме, а их лезвия напоминают наконечники копий. У церемониальных кинжалов лезвия и рукоятки орнаментированы, а в некоторых случаях рукоятка представляет собой фигуру человека (*лаквьета*?). В целом по форме лезвия и рукоятки, а также по наличию перекрестья они подразделяются на два типа. Церемониальные или ритуальные кинжалы тяготеют по своей форме к первому типу мечей-кинжалов, которые являлись как колющим, так и рубящим оружием. Ко второму типу относятся мечи-кинжалы, являвшиеся только колющим оружием.

Среди других типов оружия следует выделить лук и стрелы, наконечники которых были найдены в большом количестве в Колоа. Вьетский лук был длиной около 1 м и изготовлялся из твёрдых пород дерева. Известно, что лаквьеты пользовались и отравленными стрелами. Это было оружие пешего воина.

Д.В.Деопик считает, что арбалет вытеснил у вьетов лук лишь в раннем средневековье, тогда как в древности арбалет существовал лишь в китайских царствах [342, с.196]. В противоположность этому К.Тэйлор полагает, что арбалет был привезён в Китай с юга задолго до этого ещё в IV – III вв. до н.э. При этом он исходит из того, что большая часть спусковых механизмов вьетских арбалетов делалась из бамбука и поэтому не сохранилась. Американский учёный видит подтверждение своей гипотезы в том, что во Вьетнаме было найдено всего

лишь два бронзовых спусковых механизма той эпохи. Интересно, что именно с арбалетом он связывает легенду о когте Золотой черепахи [1144, с.21].

Орнаментированный башмаковидный топор. Бронза. Донгшон. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

Однако бронзовые черешковые наконечники лаквьетских стрел, имевшие форму трёхгранной пирамиды со сточенными в нижней части гранями, говорят о северном влиянии. Поэтому надо полагать, что арбалет действительно был принесён во Вьет из империи, но не в эпоху раннего средневековья, а, как об этом свидетельствует клад стрел в Колоа, в середине III в. до н.э. королём Умиротворённого юга Тхук Фаном, чьи стрелки составляли ударную силу армии царства Аулак[1].

Бронза. Механизм арбалета. № 0359 2234/16, Musée Guimet

Среди различных видов лаквьетского оружия также следует назвать бронзовые клевцы и мечи. Тяжёлые длинные мечи, являвшиеся вооружением знати, так и не получили значительного распространения. Эти мечи ввозились с севера и почти не производились во Вьете. Клевцы, которые тоже были не очень распространены, в своём большинстве изготовлялись *лаквьетами*.

По форме они делятся на три типа, имеющих более или менее прямые аналогии на севере, прежде всего – у *зивьетов* Юньнани. Наиболее интересен третий тип, представленный единственной находкой в Северном Вьетнаме. Это узколезвийный проушной топор с длинным отростком-

[1] Смотри «Главу 2» «Части I».

бородкой с расплющенным концом. Подобные клевцы были найдены в районе расселения *тэйау* в Гуанси.

Таким было наступательное оружие *лаквьетов*. Что же касается их оборонительного оружия, то оно ограничивалось шлемами, щитами и небольшими панцирями типа фалар.

Кинжалы. Бронза. Донгшон. № 0359 2234/14 и № 0359 2234/4. Musée Guimet

Шлемы представляли собой головной убор из плотного материала, к которому крепились два пучка перьев. Интересно, что на бронзовых барабанах стрелки из лука изображались вообще без шлемов, а кормчий боевого корабля – без оружия, но в шлеме без украшения из перьев и подобии панциря. Последний, видимо, имел плетёное основание, на которое нашивались бронзовые пластины длиной от 14 до 16 см с отверстиями для крепления в каждом углу. Защитой воинам также служили небольшие плетёные передники и щиты. Щиты

были диной около 200 см. и шириной около 40 см, при этом их низ, возможно, дополнительно укреплялся, не исключено – обшивался кожей. А так как на изображениях бронзовых барабанов воины на кораблях и пехотинцы-копьеносцы щитов не имеют, то логично предположить, что щиты использовались воинами, которые были вооружены боевыми топорами и клевцами.

Таким образом, если производство лаквьетского наступательного оружия требовало развития металлургии, то производство оборонительного, за исключением немногочисленных фалар, опиралось на традиционное искусство плетения. Кроме того, ещё долгое время сохраняло своё значение, особенно при изготовлении наконечников стрел, камнерезное дело. К этому можно добавить, что лаквьетское оружие имело либо автохтонное происхождение, либо оно появилось под влиянием родственных культур в рамках опрокинутого треугольника территорий южнее Янцзы, которые располагались по его западной стороне в Сычуани, Юньнани и Гуанси.

Среди изделий металлургии следует отметить и связанную с ним такую отрасль ремесла, как ювелирное дело. Основной вид ювелирного производства у *лаквьетов* представлен бронзовым литьём, которым покрывались оружие, предметы ритуала, украшения и даже орудия производства. Наиболее выдающийся образец этого искусства представлен донгшонскими бронзовыми барабанами. Из ювелирных изделий и украшений можно отметить литые бронзовые кольца, рамки и скульптуры, изображающие людей и животных. В своей работе лаквьетские ювелиры использовали чеканы, пуансоны и другие инструменты, найденные в незначительных количествах. По-прежнему в ювелирном деле заметную роль играли камнерезы. Из агата, корнелиана, янтаря и других видов полудрагоценных камней изготовлялись несомкнутые кольца, бусы, серьги, подвески и иные украшения, требовавшие сложных навыков в сверлении и обточке камня. Интересно отметить, что лаквьетское

ювелирное дело наиболее явно несёт на себе отпечаток ханьских и индийских влияний, а само оно, в свою очередь, оказало значительное влияние на искусство народов Юго-Восточного и Южного Индокитая, а также предков индонезийцев в бассейне Яванского моря. Что же касается изделий из золота и серебря, то считается, что до сих пор они не были обнаружены в лаквьетских погребениях. Последнее верно, если говорить о погребениях на территории Северного Вьетнама, но если говорить о первых вьетских царствах до ханьского завоевания, особенно о Намвьете с династией Чиеу, то это далеко не так [1146; 1155][16].

В заключение обзора металлургического производства в лаквьетском обществе представляется целесообразным привести целиком наиболее полный вывод о его характере, сформулированный Д.В.Деопиком на основании исследований европейских и вьетнамских учёных ещё в 1961 г.:

«Добыча металла (бронза[17] и олово, впоследствии железо) осуществлялась на территории Аулака самими *лаквьетами*. Широко распространилась и достигла высокого уровня техника литья, зато чеканка и ковка развиты слабо. Высококачественная бронза наилучшего состава (9:1), сложные процессы литья возможны лишь при большом числе ремесленников в одном коллективе и значительном разделении труда и специализации внутри коллектива. Литьё производилось в глиняных и каменных формах, как одно-, так и двусторонних, с клиньями и другими приспособлениями. Широко применялись разъёмные формы из многих частей, литьё по восковой или сальной модели, художественное литьё многофигурных композиций. У *лаквьетов*, как и у других вьетов, в этот непосредственно предшествующий появлению железа период техника обработки бронзы становится поистине виртуозной. Это характерно для эпохи перехода к железу и является одним из доказательств того, что для *лаквьетов* переход к железу был естественным продолжением их предыдущего развития, а не только результатом соседства с переходящим к железному веку населением бассейна реки

Хуанхэ. Необходимо отметить стандартизацию изделий в пределах Аулака, зашедшую уже далеко [342, с.170 – 171].

Этот вывод весьма важен, так как он постулирует как наличие достаточно развитой классовой структуры, так и высокую специализацию ремесленного производства в лаквьетском обществе середины III в. до н.э.

Из других ремёсел следует отметить плетение и камнерезное мастерство, которые уже упоминались в связи с сельскохозяйственными орудиями труда, оружием и ювелирным делом. К сказанному можно добавить, что камень также широко использовался для изготовления как каменных наконечников мотыг, так и предметов обихода типа ступ, пестиков, тушечниц и других мелких предметов. Плетение тоже играло не меньшую роль. Помимо доспехов из плетёных конструкций, *лаквьеты* плели корзины, вёдра, предметы обихода, части одежды и украшения. В некоторых случаях плетёные конструкции использовались при строительстве кораблей и домов.

Значительное развитие получили также ткацкое и плотницкое ремёсла. Шёлковую или шерстяную нить сучили пальцами, наматывая её на веретена с грузиками. Судя по изображениям, материя изготовлялась либо на вертикальном, либо наклонном подобном ханьскому ткацком станке [432, с.156 – 160].

О плотницком ремесле можно судить по достаточно многочисленным бронзовым плотницким орудиям, которые были найдены при раскопках[1]. Интересно отметить, что в этом инвентаре пила так и не была обнаружена.

Как известно, с плотницким делом теснейшим образом связано строительство. На основании изображений на бронзовых барабанах, материалов раскопок в Донгшоне и этнографических аналогий правомерен вывод о том, что подобно современным домам ряда национальных меньшинств Северного Вьетнама лаквьетские дома имели столбовую

[1] Тёсла, долота, топоры и другие инструменты.

конструкцию. Их высокая и крутая крыша[I] опиралась на центральную одностолбовую конструкцию, тогда как стены никакой нагрузки не несли. Такого рода строительство требовало определённой специализации, так как была необходима заготовка, обрубка, доставка и тщательная обработка значительного количества тяжёлых и твёрдых пород дерева.

Важным элементом строительства были и землекопные работы. Наиболее примечательным образцом такого комплексного строительства является знаменитая Крепость Улитка в Колоа. Согласно источникам, по форме она напоминала панцирь улитки, так как её валы образовывали спираль из девяти валов, при этом, окружность внешнего девятого вала равнялось приблизительно четырём километрам. Сохранившиеся на сегодняшний день три вала укрепления, судя по их толщине и высоте, а также по окружности внешнего третьего ряда, подтверждают сведения письменных источников о мощи этой крепости. Хотя её крепостные валы и были земляными, сам факт широкого использования дерева при строительстве Крепости Улитки не вызывает сомнения[18].

В центре крепости на берегу небольшого искусственного озера находился дворец короля Умиротворённого юга Тхук Фана, который, как и другие её внутренние помещения, был деревянным, при этом, надо полагать, возведение его перекрытий и столбовых конструкций требовало большого мастерства[II].

Ещё более сложным делом было строительство кораблей, которые могли плавать на далёкие расстояния. Их изображения сохранились в большом количестве на бронзовых изделиях, прежде всего – на бронзовых барабанах. Это были многовёсельные суда с поднятыми носами и кормами. Некоторые изображения позволяют предположить, что они также имели мачту и парус, а корабль государя был оббит бронзовыми листами [943, с.7].

[I] Аналогия с носой частью корабля.

[II] Смотри план Крепости Улитки в «Главе 2» «Части I» настоящего тома.

Ещё одним древнейшим видом ремесленного производства было гончарное дело[19]. Лаквьетская керамика изготовлялась на примитивном круге, по конструкции близком к современному гончарному кругу горных народов Лаоса. Она отличалась чёткими и дифференцированными формами, лепилась из хорошо обработанной глины и обжигалась в печах. В основном эта керамика представлена большими плоскодонными горшками со слегка отогнутым венчиком, небольшими круглодонными или с маленьким дном горшками, шаровидными вазами на поддоне или без него с отогнутым венчиком и выступом на наиболее выпуклой части стенок, полусферическими чашами на невысокой ножке и рядом других сосудов.

Среди последних встречаются небольшие кубки и ведрообразные сосуды, имеющие аналоги в поздней бронзе, а также глиняные лампы достаточно тонкой работы. Все сосуды покрыты штампованным орнаментом из ромбов, сегментов, кругов с крестами внутри и «ёлочек». Орнамент расположен по зонам в определённой последовательности. В дальнейшем, вероятно, под влиянием ханьской керамики, все эти виды сосудов упростились, а наиболее употребительным стал цилиндрический сосуд со штампованным орнаментом. «Вся [лаквьетская] керамика резко отличается от кхмерской и китайской [ханьской], с протоиндонезийской у неё общие неолитические корни; также она близка к шуской» [342, с.173].

Наконец, существовали вспомогательные ремёсла, к которым можно отнести добывающие промыслы. Наиболее важными из них была разработка рудных месторождений и соляной промысел, основанный на выпаривании. Правда, учитывая традиционные связи Северного Вьетнама с Сычуанью, нельзя исключать и возможность колодезного соляного промысла. Также вполне можно допустить существование производства лаковых изделий, поскольку «наиболее широкое распространение лаковая посуда имела в южных районах империи Хань» [432, с.162 – 165].

Таким образом, если суммировать всё сказанное о ремесле в лаквьетском обществе, то представляется возможным выделить их специализированный (не исключено, государственный), промежуточный и внутриобщинный виды.

Керамика. Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

К первому относятся все ремёсла, связанные с металлургией и крупным строительством, таким как строительство боевых кораблей и возведение крепостей; ко второму – деревообработка, камнерезное дело и, возможно, ювелирное производство; к третьему – ткачество, плетение, гончарное производство и ряд других более мелких ремёсел.

Иными словами, уровень развития ремесленного производства лаквьетского общества в эпоху его ранней государственности предполагает выделение специальных групп населения, занимавшихся этой сферой экономической деятельности IV – II вв. до н.э.

1.2.3. *Торговля*

В письменных источниках содержится крайне мало сведений торговле с лаквьетским государством в ту эпоху. Наиболее ранние из них относятся к эпохе Цинь или к середине III в. до н.э. Поэтому о ней можно судить лишь по набору «привозных» вещей в могильниках на территории Аулака и Намвьета, также по зоне распространения древнейшей вьетской культуры.

Прежде всего необходимо отметить, что основные торговые пути были водными, а главным торговым центром и морским перевалочным пунктом в регионе со II в.до н.э. была столица царства Намвьет город Фиеннгу[20]. Также, видимо, традиционным был путь через Гуанси и Юньнань в Сычуань. Не исключено, что к I в. н.э. уже существовало ответвление этого пути в Восточную Индию. Традиционными были и торговые контакты с южными народами, в том числе – морские связи с населением Центральной Индонезии. Не следует забывать и о том, что при раскопках в Ок-ео в дельте Меконга были найдены многочисленные предметы, происходившие из Индии, а также римские монеты эпохи Антонина Пия (138 – 161 гг.). Наконец, известно, что в 166 г. купцы Марка Аврелия по пути в империю Хань посетили округ Цзяо. И хотя речь идёт о контактах, которые происходили спустя почти три века после падения Намвьета, нет никаких оснований сомневаться в том, что государственное объединение Намвьет – Аулак могло иметь непосредственные морские контакты с Индией и даже с ещё более «западными» государствами. Таким образом, древний морской путь между Западной и Восточной Азией также способствовал развитию торговых отношений [1144, с.60].

В эпоху Аулака и особенно Намвьета из китайских царств, а затем из империи Хань ввозились крупный рогатый скот и незначительное количество лошадей[I], дорогостоящее оружие[21] и орудия производства, редко встречающиеся тонкой работы бронзовые флаконы со стилизованными масками 饕餮 «тао-ти», бронзовые и керамические вазы баллюстровых форм с резным поддоном и прорезными стенками, бронзовые пряжки чиновников, ткани, дорогая посуда и предметы роскоши. Массовым был ввоз керамики, представленной большими плоскодонными сосудами сфероконической формы со стоячим венчиком и налепными маленькими ручками, которые впоследствии вызвали многочисленные местные подражания. Из тямских и кхмерских районов ввозились некоторые виды металлических изделий, ювелирные украшения, а также драгоценности и слоновая кость.

В свою очередь из Вьета вывозились тонкое бронзовое литьё, перья зимородка, драгоценные камни, жемчуг, ювелирные изделия, рог носорога, редкие породы деревьев и т.д. Но если об импорте во Вьет (Намвьет – Аулак) тех или иных товаров можно судить по материалам раскопок, то сведения об экспортируемых товарах содержатся лишь в весьма скупых и отрывочных данных таких письменных источников, как, например, «[Записи] наставника [из] Хуайнани» [248; 651, с.172][II].

Торговля, особенно на ранних этапах развития вьетского общества, носила главным образом обменный характер, однако уже к IV – III вв. до н.э. в торговле прочно утвердился денежный эквивалент. В этом смысле наибольший интерес представляют серии находок в многовековом могильнике Донгшон, который находится около г.Тыфо в провинции Тханьхоа. Необходимо отметить, что во Вьете, как и в Хань, драгоценные металлы не использовались в качестве денежного эквивалента, а наиболее древней формой денег, сохранявшейся по крайней мере до I – II вв. н.э., были

[I] Смотри «Главу 3» «Части I».

[II] Смотри «Параграф 3.2.1.I» «Введения» к настоящему тому.

каменные несомкнутые кольца с узкими прорезями, которые хранились в связках подобно медным деньгам. Не исключено, они восходят к эпохе доклассовых хозяйственно-культурных общностей.

Из монет наиболее древним видом являются имперские монеты типа 兩𠂇 *пан лян*[22], бывшие в ходу в 246 – 118 гг. до н.э., то есть во время независимого существования царств Аулак и Намвьет эпохи империй Цинь и Хань. Самой же распространённой денежной единицей была монета типа 銖五 *у шу*[23], бывшая в обращении в империи со 112 г. до н.э. по VI в. н.э. Последнее объясняется аннексией царства Намвьет в Гуандуне в 111 г. до н.э. и независимым существованием бывшего Аулака на территории Северного Вьетнама вплоть до 44 г.н.э.[I].

Наконец, в двух донгшонских могилах были найдены монеты эпохи Ван Мана (9 – 23 гг.), которые абсолютно преобладают в ханьских склепах на территории Северного Вьетнама и Гуандуна. Этот факт прямо соотносится с выводами политической истории о тесных связях группы Си Гуана во Вьете с окружением Ван Мана[II], а также позволяет датировать верхнюю границу существования донгшонского могильника 20 – 40 гг. [342, с.224, 226, 227].

Таким образом, материал раскопок позволяет прийти к выводу о том, что на раннем этапе вьетской государственности местным денежным эквивалентом являлись несомкнутые каменные кольца с узкими прорезями, а своей медной и бронзовой монеты в стране не было[24]. Поэтому перманентный количественный рост имперской монеты в лаквьетских могилах III в. до н.э. – I в. н.э. свидетельствует не только об увеличении внешнеторгового оборота, но и о значительном развитии внутренней торговли и становлении внутреннего рынка. Последнее в немалой степени было связано с указанной выше специализацией важнейших видов ремесленного

[I] Смотри «Главу 3» и «Главу 4» «Части I».

[II] Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части I».

производства, прежде всего – с металлургией, находившейся под непосредственным контролем центральной власти.

Высокий уровень ремесленного производства и постепенное формирование внутреннего рынка также позволяет поставить вопрос о проблеме городов в ранних вьетских государствах. Известно, что в империи Цинь и особенно в империи Хань, где города являлись политическими, ремесленными и торговыми центрами, градостроительство характеризовалось значительными масштабами [432, с.48 – 50]. Учитывая же общность социально-экономических процессов, протекавших в Южном Китае и Северном Вьетнаме, логично предположить начало возникновения городов в местах расположения основных политических центров Аулака и Намвьета[25]. Однако их окончательное формирование как политико-экономических центров на территории Северного Вьетнама следует относить к более поздней эпохе включения лаквьетских территорий в экономическую структуру империи Хань.

2. *Социально-экономическое развитие вьетских территорий на протяжении первой половины «Эпохи северной зависимости» (I – VI вв.)*

При всём кажущемся обилии материала по «Эпохе северной зависимости», особенно по её первой половине, в источниках почти нет данных по социально-экономической истории Вьетнама этого периода. Те же незначительные сведения, которые всё же вкраплены в тексты, приводятся в связи с аналогичными сведениями по Южному Китаю. Если к этому добавить, что политической истории лаквьетского или вьетского общества уделяется большое внимание, а территории его расселения издавна входили в единую экономическую зону с южнокитайскими провинциями, то напрашивается вывод о едином характере социально-экономических процессов во всём этом регионе. Поэтому ниже речь пойдёт о единых, как для северовьетнамских территорий,

так и для территорий Гуанси и Гуандуна социально-экономических процессах.

2.1. *Социальная структура*

В результате экспедиции Ма Юаня, приведшей к реальному включению бывшего Аулака в состав империи Хань, на территории Северного Вьетнама произошло принципиальное изменение социального положения различных групп населения. Основным социальным итогом поражения сестёр Чынг в войне 40 – 44 гг. в значительной степени стало физическое уничтожение традиционной лаквьетской знати, опиравшейся на два основных центра: центр древнего царства Ванланг в уезде Мелинь и родовое владение династии Тхук царства Аулак в уезде Тэйву. Оставшиеся в живых немногочисленные представители этой знати были лишены какой-либо власти и быстро потеряли главенствующее положение в обществе. Место наследственной лаквьетской земельной и военно-административной знати де-факто заняли представители имперской администрации, что повлекло за собой быстрое выдвижение на передний план новых социальных групп.

Известно, что на протяжении III в. до н.э. – I в. н.э. из империи во Вьет прошло несколько эмиграционных войн, которые были связаны с южными завоевательными походами, начатыми империей Цинь и продолженными после её падения империей Хань. Также известно, что если ядро имперских экспедиционных корпусов составляли профессиональные воины, то большая их часть формировалась из бродяг, преступников, зятьёв-примаков и обездоленных, то есть из потенциальных мятежников, готовых примкнуть к любой смуте. Они становились колонами и, получая лучшие земли на завоёванных территориях, волей-неволей становились проводниками имперской политики. При этом в случае восстания местного населения или иноземного вторжения именно эти колоны принимали на себя первый удар, что

позволяло сохранить для решающего сражения относительно небольшое ядро имперского гарнизона [432, с.53, 54].

Первая волна поселенцев из империи осела на вьетских землях в 221 – 210 гг. до н.э. на территории Гуандуна и явилась главной опорой циньского полководца Чжао То (Чиеу Да) в борьбе за создание и укрепление собственного государства. Нет никакого сомнения в том, что уже на протяжении 207 – 111 гг. до н.э. произошло определённое смешение этой эмиграции с местной элитой, вследствие чего в государственном объединении Намвьет – Аулак возникла смешанная придворная знать, ярким представителем которой был первый министр последних императоров династии Чиеу[I].

Вторая эмиграционная волна связана с завоевательными походами императора Воинственного династии Хань в 113 – 110 гг. до н.э., в результате которых часть смешанной намвьетской знати бежала на территорию Северного Вьетнама, где нашла поддержку у *лаквьетов*. В то же время на территории Гуандуна и Гуанси осели новые поселенцы. Однако в отличие от оторванных от империи и вынужденных считаться с враждебным местным населением колонов циньского времени, они опирались на мощь империи Хань и были проводниками её политики.

Третья эмиграционная волна уже была связана не с южными завоевательными походами, а с событиями внутри империи. Первая её часть была вызвана восшествием на императорский престол Ван Мана и его реформами, а вторая – падением этого императора и приходом к власти его противников [432, с.24]. Во Вьете, или бывшем Аулаке, эти события следует связывать с правлением группы реформаторов в начале I в. н.э.[II].

Четвёртая эмиграционная волна стала следствием карательного похода Ма Юаня в 42 – 44 гг. По своему характеру она аналогична двум первым, но была значительно

[I] Об этом первом министре по имени Лы Зя смотри «Главу 3» «Части I».

[II] Об этой группе и её лидерах Дэн Жане, Си Гуане, Жэнь Яне и Ду Му смотри «Главу 4» «Части I».

меньшей по своим масштабам. При этом созданные Ма Юанем военные поселения в основном находились на южных территориях Северного Вьетнама и должны были их защищать от «южных варваров», или *манов*. Как известно, эти территории были достаточно быстро отторгнуты от округа Цзяо[1].

С этого времени и на всём протяжении I – VI вв. можно констатировать более или менее регулярный приток людей из империи и южно-китайских царств в Цзяо. Большая их часть была представлена чиновниками, направленными на службу в округ, их свитой и участниками карательных походов. Многие из них погибали, другие через какое-то время возвращались на север. Но это уже были не переселенцы, поток которых к тому времени уже почти иссяк. Во время войн «Эпохи Троецарствия» (220 – 280 гг.), а также почти непрерывных смут «Эпохи Южных и Северных династий» (265 – 583 гг.), особенно в период правления династии Цзинь (265 – 420 гг.), отмечается некоторый рост числа переселенцев в Цзяо. Однако, поскольку в то время Северный Вьетнам, Гуандун и Гуанси уже представляли собой единый политико-административный, экономический и культурный регион, а из источников вообще исчезают сообщения о поселениях переселенцев из империи в Цзяо. Конечно, определённые миграционные процессы в рамках этих территорий протекали на всём протяжении «Эпохи северной зависимости», но, учитывая, что они протекали в едином комплексе родственных культур, они вряд ли могут квалифицироваться как эмиграция [392, с.223, 278, 280][26].

Таким образом, в течение «Эпохи северной зависимости» отмечается лишь крайне незначительная эмиграция в настоящем смысле этого слова, а в предшествующую ей эпоху таковой может считаться лишь третья волна переселенцев, так как первая, вторая и четвёртая были связаны с созданием военных поселений в результате

[1] Об этих событиях смотри «Главу 4» «Части I», «Главу 1» «Части II» и «Параграф 1» «Части I» «Заключения».

завоевательных походов имперских войск. Об этом свидетельствуют как данные китайских источников, так и вьетнамских летописных сводов. Практически все ссылки на восприятие вьетским обществом имперских культурных норм связаны с деятельностью представителей именно третьей эмиграционной волны эпохи Ван Мана. При этом если с начала I в. говорится о привнесении культуры извне, то к концу II – началу III в. в источниках сообщается о выделении новой местной смешанной элиты, взявшей власть в свои руки в Цзяо. Наиболее ярким из первых её представителей, правлением которого датируется окончательное оформление этой элиты, является Си Ниеп. С ней же связано и появление так называемых «скрытых» правителей и династий первой половины «Эпохи северной зависимости». При этом новая местная элита не случайно определяется как «сино-аннамитская», так как это определение сразу же ставит вопрос о её местных корнях.

На протяжении I – III вв. происходило относительно интенсивное смешение имперской эмиграции с местным населением. Ряд данных позволяет сделать вывод о постепенном выдвижении в течение этого периода собственно вьетов, которые, смешавшись с имперской эмиграцией, стали «родоначальниками» новой местной элиты. В источниках под 187 г. приводятся сведения о назначении *вьетов* на различные ответственные посты как в Цзяо, так и в самой империи. Так, Чыонг Чаунг, «человек из области Хэпу», был назначен чиновником благодаря успеху на экзаменационных конкурсных испытаниях в Лоцзине и последовавшей за ним беседе с императором Светлым династии Хань (58 – 75 гг.). Другой *вьет* из округа Цзяо по имени Ли Тиен был назначен чиновником в 137 г., отличился при исполнении служебных обязанностей, за что был назначен сначала префектом области Линлин, а затем наместником округа Цзяо, которым управлял со 184 по 189 гг. Наконец, ещё один «человек из округа Цзяо» по имени Ли Кам также стал лауреатом конкурсных испытаний, служил при дворе императора Хань и получил

повышение в результате личной беседы с ним. Точная дата назначения Ли Кама не указана, однако из источников следует, что он был современником Ли Тиена. И хотя в них говорится лишь о трёх таких «назначенцах», совершенно очевидно, что их должно было быть значительно больше [236.1, кн.3, с.8б – 9б; 239.6, с.461 – 471].

Весьма симптоматично, что все эти сведения, относящиеся к периоду с 58 по 189 гг., приведены под 187 г., которым датируется начало правления Си Ниепа. Такое совпадение вряд ли может быть случайным. Совершенно очевидно, что этот сюжет обобщает все данные, свидетельствующие о постепенном сближении вьетской элиты с элитой имперской эмиграции эпохи Ван Мана, их слияния и возникновения новой смешанной или «сино-аннамитской» элиты, которая персонифицируется в личности Си Ниепа. В ходе указанного процесса *вьеты* восприняли многие элементы ханьской культуры, тогда как представители ранней имперской эмиграции, приняв основные элементы местного образа жизни и местных традиций, стали органичной составляющей социальной структуры элиты вьетского общества той эпохи.

Аналогичные процессы протекали и в остальных социальных группах вьетского общества. Военные поселенцы, осевшие в III в. до н.э. – I в. н.э. на территории Северного Вьетнама, постепенно смешивались с лаквьетскими общинниками и уездной верхушкой и, надо полагать, к концу II – началу III в. образовали с ними единое целое. Следствие этого стало привнесение в жизнь низших слоёв вьетского общества более передовых методов орошаемого земледелия с использованием железных орудий производства. Ремесло также получило новый импульс к своему развитию. Однако в области культуры ханьское влияние на вьетское общество на уровне уезда оказалось значительно слабее, чем на уровне элиты, а на уровне общины оно вообще почти не сказалось. Последнее объясняется тем, что община, являвшаяся базовым звеном вьетского общества, сохранялась в качестве главной

производственной и фискальной экономической единицы на всём протяжении «Эпохи северной зависимости»[27].

Непосредственно с общиной связан вопрос о её верхушке, которая должна была играть роль связующего звена между общинниками и правящим классом. Однако источники не содержат никаких сведений об этой социальной группе, что позволяет сделать вывод об отсутствии каких-либо прямых контактов между общиной и имперской администрацией.

Таким образом, представляется, что наиболее вероятная социальная структура общества на территории Северного Вьетнама, которая сложилась к концу II – началу III в. и просуществовала до конца VI – начала VII в., выглядит следующим образом.

Основной производящей социальной группой общества был класс свободных общинников с примыкавшими к ним различными группами полузависимых общинников и рабами, существование которых отмечается как на всём протяжении «Эпохи северной зависимости», так и в течение первых веков после восстановления государственной независимости страны. Господствующий класс состоял из низшей группы, представленной старостами общин, их помощниками, писцами, сборщиками налогов и, возможно, старейшинами, которые непосредственно контролировали сбор налогов и общественные работы, а также имели прямой контакт с уездной администрацией.

Последняя формировалась из представителей средней группы господствующего класса или местной «сино-аннамитской» элиты, которые фактически осуществляли координацию всей политической и хозяйственно-экономической деятельности в округе Цзяо. Они также обеспечивали поступление налогов и выплату содержания имперской администрации, которая формировалась из представителей высшей группы правящего класса или той же «сино-аннамитской» элиты на уровне администрации округа и его областей.

Тот факт, что большая часть наместников округа назначалась непосредственно из империи, ничего не менял. Де-юре эти наместники должны были осуществлять управление округом, опираясь на находившиеся в их распоряжении военные силы, но их было явно недостаточно. При этом если большая часть аппарата наместника округа состояла из имперских чиновников, то префекты областей и особенно начальники уездов, как правило, были представителями местной элиты, а их окружение было вьетским. Поэтому де-факто имперские чиновники осуществляли управление вверенными им территориями через местную «сино-аннамитскую» знать, что нередко приводило к появлению так называемых вьетских «скрытых» правителей и династий. Игнорирование же этих реалий влекло за собой восстание и изгнание или убийство того или иного слишком «самостоятельного» имперского руководителя. Иначе говоря, те из представителей имперской администрации, которые, согласно письменным источникам, были «образцовыми правителями», обеспечившими относительное спокойствие в Цзяо, на самом деле были либо тесно связаны с местной «сино-аннамитской» элитой, либо сами были её представителями. Именно представители этой элиты III – V вв., «родоначальником» которой можно достаточно условно считать Си Ниепа, и были «скрытыми» вьетскими правителями и основателями «скрытых» вьетских династий первой половины «Эпохи северной зависимости». Поэтому хотя формирование класса вьетнамских феодалов-землевладельцев, опиравшихся на зависимых общинников и собственные вооружённые отряды, происходило на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости», начало этого процесса генетически связано с её первой половиной[1].

К этому же зарождающемуся классу вьетских феодалов можно отнести буддийские монастыри и пагоды, выступавшие в роли коллективного собственника. Распространение

[1] Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части II».

буддизма на протяжении первых веков нашей эры на территории Северного Вьетнама сопровождалось созданием разветвлённой системы храмов со своей экономикой. Надо полагать, что именно они стали первыми частными землевладельцами в Цзяо, а их хозяйства обслуживали зависимые общинники или храмовые прислужники. Кроме того, известно, что во Вьете буддийские монастыри и пагоды являлись центрами образования. Поэтому логично допустить, что их многочисленные ученики также выполняли разнообразные хозяйственные работы[28].

Следует упомянуть ещё о двух социальных группах, постепенное оформление которых связано с развитием городского строительства. Речь идёт о ремесленниках и торговцах. В первую половину «Эпохи северной зависимости» и те и другие ещё окончательно не оформились в обособленные социальные группы, хотя в источниках и приводятся косвенные свидетельства их существования. О высоком уровне ремесленного производства говорят данные источников, перечисляющие товары, которые вывозились из Цзяо в «Эпоху Троецарствия» и в последующее время.

Что же касается торговцев, то об их существовании можно судить по значимости округа Цзяо во внешней торговле южнокитайских династий III – VI вв. Безусловно, главную роль в торговле играли имперские купцы, благодаря которым в Цзяо возникли торговые центры с «местным обслуживающим персоналом» – приказчиками, счетоводами, писцами и т.д. [472, с.26, 27]. На его основе постепенно стал формироваться новый социальный слой местных торговцев и ремесленников, который стал играть ведущую роль в экономике юга второй половины «Эпохи северной зависимости». И ремесленники, и торговцы группировались как в городах, так и вокруг буддийских монастырей, традиционно являвшихся центрами международных контактов и распространения культуры[29].

Таким образом, вьетское общество первой половины «Эпохи северной зависимости» характеризуется социальной стратиграфией, специфика которой определялась тем, что это

общество было интегрировано в единый комплекс с обществом южнокитайских царств, находившимся на пороге средних веков[30].

Слева: тяжёлые железные мечи в ножнах. Справа: навершие и гарда рукояти, скоба для пояса и обивка ножен.
Музей короля Наньюэ. Гуанчжоу. 25.04.2011 г.

2.2. Экономическое развитие

Если об уровне экономического развития ранних вьетских государств на территории Северного Вьетнама позволяет судить достаточно богатый и своеобразный археологический материал, который дополняет отрывочные сведения письменных источников, то по «Эпохе северной зависимости» вычленение вьетского археологического материала почти невозможно из-за того, что датируемые этой эпохой археологические находки на территории Вьетнама в своём подавляющем большинстве аналогичны синхронным находкам в Китае. Это объясняется тем, что II – III вв. характеризуются в сфере материального производства качественными изменениями, которые связаны со сменой древней донгшонской бронзовой культуры металлургией железа, а также с тем, что с того времени большая часть ранее ввозимых имперских изделий стала производиться непосредственно в Цзяо. Эти изменения происходили, как это было показано в предыдущем параграфе, одновременно с серьёзными изменениями в социальной структуре лаквьетского общества, территория проживания которого была включена в единый политико-административный регион с провинциями Гуандун и Гуанси в Южном Китае. Поэтому есть все основания полагать, что с точки зрения экономики весь регион должен был характеризоваться едиными процессами.

В области сельского хозяйства изменения были связаны с широким повсеместным переходом к поливному земледелию на всей низменности Северного Вьетнама, который сопровождался созданием разветвлённой системы каналов и дамб для регулируемого подъёма воды на поля. В этом смысле трудно переоценить роль имперского влияния, которое шло по нарастающей с момента прихода к власти в Аулаке династии Тхук. Ещё более интенсивно достижения ханьского Китая стали распространяться в лаквьетском обществе после падения Намвьета в 111 г. до н.э. При этом начало массового распространения достижений ханьской материальной

культуры во Вьете, датируемое первыми десятилетиями I в. н.э., следует связывать с третьей волной имперской эмиграции эпохи Ван Мана, а завершение этого процесса – с оформлением «сино-аннамитской» элиты в правление Си Ниепа.

Таким образом, к III в. сельскохозяйственное производство в Северном Вьетнаме приобрело те свои черты и особенности, которые затем просуществовали на протяжении всей традиционной истории Вьетнама. Как методы ведения хозяйства и орудия производства, так и способы возделывания земли[1] оставались неизменными и лишь совершенствовались на протяжении пятнадцати веков, что во многом было связано с консервативным характером поливного рисоводческого хозяйства. Соответственно на протяжении III – VI вв. шло лишь его экстенсивное развитие за счёт расширения обрабатываемых площадей благодаря строительству новых дамб и каналов. Интересно, что, говоря о Вьетнаме VII – IX вв., А.Масперо писал: «За исключением нескольких мелких деталей, тонкинская дельта в эпоху Тан, также как, вероятно, и на протяжении всего исторического периода, должна была быть идентичной [дельте] сегодняшнего [дня]» [893, с.680]. А так как, по мнению французского учёного, «исторический период» вьетнамского общества начинается с момента его включения в орбиту империи Хань, то получается, что инфраструктура северовьетнамской низменности оставалась неименной на протяжении I – XIX вв.

Принимая этот вывод в целом, представляется, что нижняя граница указанных девятнадцати веков должна быть смещена на рубеж II – III вв. Эта «поправка» связана с тем, что более высокая материальная культура Хань стала доминирующим фактором развития сельскохозяйственного производства на территории Северного Вьетнама лишь после её реального включения в состав империи в середине I в. в результате похода Ма Юаня. В свою очередь, междоусобные войны «Эпохи Троецарствия» и «Эпохи Южных и Северных

[1] Система дамб и каналов, плуги, мотыги, серпы, пахота на буйволах и т.д.

династий» во многом замедлили экономическое развитие всего южного региона.

Наряду с внедрением более высоких форм материальной культуры включение вьетского общества в состав империи повлекло за собой и насаждение законодательства Хань, наиболее важным моментом которого стало изменение налоговой системы. Суть этого изменения состояла в переходе от лаквьетской системы общинного налогообложения к ханьской системе посемейного или подворного налогообложения, в переходе, который не мог быть осуществлён без полной структурной перекомпановки общины [432, с.139].

В свете указанной «перекомпановки» значительный интерес представляют данные китайских источников о переписях населения, проводившихся на северовьетнамских территориях округа Цзяо в различные периоды «Эпохи северной зависимости» [893, с.681, 682]:

Даты	Число очагов	Численность населения
I в. (начало)	92 440	746 237
III в. (конец)	25 600	нет
607 – 618 гг.	30 516	нет

Эти данные коррелируются со сведениями более общего характера обо всём округе Цзяо (Северный Вьетнам, Гуандун и часть Гуанси) [432, с.42][1]:

Даты	Число очагов	Численность населения
2 г.	215 448	1 372 290
140 г.	270 769	1 114 444

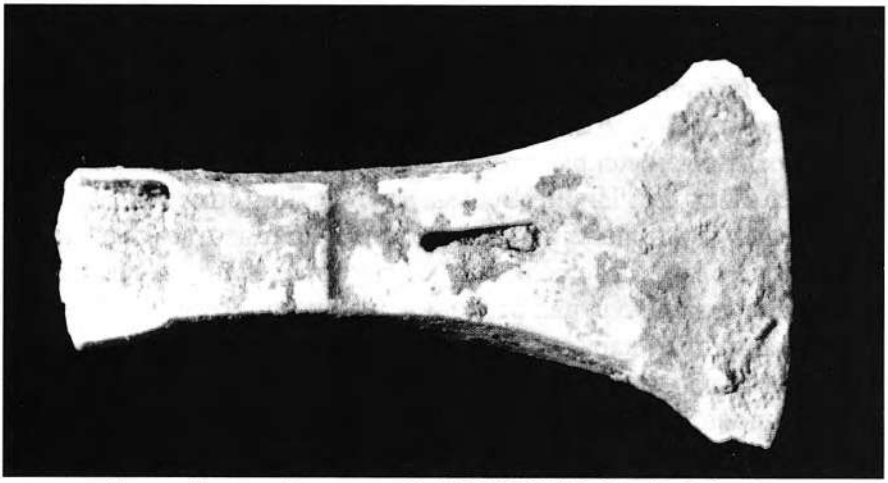
Интересно отметить, что первые данные обеих таблиц относятся ко времени закрепления позиций империи Хань в Гуандуне и деятельности группы Си Гуана во Вьете, при этом они не отражают реального числа налогоплательщиков на территории Северного Вьетнама, где основной производственной и фискальной единицей оставалась община. Этот вывод следует из того, что именно попытка введения посемейного налогообложения привела к войне 40 – 44 гг. Но

[1] Эти же данные, дополненные указанием численности очагов и населения по уездам, приводятся и в работе К.Тэйлора [1144, с.55].

если это так, то списки лаквьетского населения на начало I в. могли попасть в руки ханьских историографов лишь в результате захвата придворных записей императоров Намвьета. Что же касается данных 140 г., то, во-первых, они относятся к периоду наибольшего доминирования империи Хань над округом Цзяо и, во-вторых, они касаются всего округа, без выделения бывших лаквьетских территорий. В свою очередь, данные конца III в. относятся ко времени периода смут «Эпохи Троецарствия» и «скрытых» вьетских правителей, первым из которых был Си Ниеп. Весьма интересно, что эти данные характеризуются падением в 3,6 раза количества очагов по сравнению с I в. Даже если допустить определённое численное уменьшение количества населения, очевидно, что эти сведения имеют неполный характер. Надо полагать, что в данном случае переписью было охвачено лишь то население, которое проживало в районах размещения имперских гарнизонов на низменности Северного Вьетнама. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении данных 607 – 618 гг., которые, по всей вероятности, представляют собой лишь приблизительные списки населения, составленные во время карательной экспедиции Лю Фана. Отсюда следует, что за исключением данных первой переписи все остальные данные отражают не реальное количество *вьетов*, а только число тех из них, кто проживал в районах, находившихся под непосредственным контролем имперской администрации.

Таким образом, под ханьскую систему налогообложения должно было попасть порядка трети вьетского населения, на которое также ложилось выполнение общественных работ. Соответственно именно на эту часть населения ложился двойной гнёт: гнёт сохранявшихся элементов традиционной системы эксплуатации и гнёт имперской системы налогообложения. Очевидно, что такое положение вещей не могло сохраняться длительное время. Скорее всего, оно было реальным лишь в течение господства империи Хань с середины I по начало III в. В дальнейшем же при кажущемся сохранении системы посемейного

налогообложения произошёл скрытый возврат к общинной форме налогообложения в сочетании с данническими выплатами наместнику, назначенному тем или иным южнокитайским царством.

Топор. Бронза. Тханьхоа. № 0359 2234/13. Musée Guimet

Такое развитие событий вполне соответствует процессам, протекавшим на юге Китая, где в результате междоусобных войн «Эпохи Троецарствия» реальная власть оказалась в руках крупных кланов, которые опирались на «систему феодального местничества, обеспечивавшую автоматическое назначение на должность по родовитости». А в правление династии Цзинь, особенно на юге в бывшем царстве У, местные феодалы уже практически являлись независимыми правителями [431, с.16, 21, 22]. Это усиление тенденции появления крупных феодальных родов в «Эпоху Южных и Северных династий» было связано с переходом к интенсивным формам хозяйствования. «Благодаря широкому распространению с IV в. ирригации и метода глубокой вспашки[31] значительно выросла урожайность – именно в V в. крестьяне юга научились собирать по два урожая в год; товарно-денежные отношения окрепли настолько, что, например, в 475 г. деньги составили 39% общего поступления в казну. Увеличение объёма производимой продукции, как

сельскохозяйственной, так и ремесленной, сказалось в постоянной и острой нехватке монеты. Выпуск в 456 г. недоброкачественных денег при сохранении старых полновесных повлёк за собой финансовый кризис, предоставивший императорскому фиску, купцам и ростовщикам дополнительные возможности обогащения за счёт простых тружеников. Вместе с развитием торговли разрушались и крупные вотчинные хозяйства – экономическая основа аристократического строя» [431, с.31].

Практически на юге бывшей империи Хань на протяжении конца II – начала VI в. сложились феодальные отношения на основе оппозиции вотчинно-кабального и общинного укладов. Предводители кланов имели как своё войско, так и многочисленные категории зависимых, которые переходили по наследству. Наблюдался и рост крупной частной земельной собственности. При этом «на Юге условия колонизируемой страны, относительно развитая торговля [и] бессилие центральной власти воспрепятствовали утверждению государственной феодальной собственности» [431, с.43]. Всё это также нашло отражение как в организации деревни и в повышении роли родственно-личных отношений, так и в становлении сословного характера общества на юге империи [431, с. 38 – 58]. Такова была ситуация в царствах, от которых непосредственно зависели северовьетнамские территории.

Совершенно очевидно, что протекавшие в этих царствах процессы не могли не затронуть вьетское общество. По сути дела, формирование «сино-аннамитской» элиты, а также появление «скрытых» вьетских династий и государей явилось их местным отражением. Однако официальная зависимость в определённой степени скоррелировала проявление указанных тенденций во Вьете. Юридически земля считалась государственной собственностью и распределялась между общинами, а налог собирался с очага. При этом часть общин жаловалась в «кормление» чиновникам администрации Цзяо, которые, как известно, нередко принадлежали к местной элите. На самом же деле большая часть земельного фонда

находилась в частном владении у представителей «сино-аннамитской» элиты разных уровней, а общинники, по сути дела, являлись частно-зависимыми крестьянами, которые объединялись общинной организацией с её круговой порукой. В результате имперские наместники не только не имели доступа к реальным спискам населения, но и не стремились к их получению. Связано это было с тем, что речь шла не о нормальном функционировании налоговой системы, а о получении имперскими наместниками своеобразной дани, которая им выплачивалась местной элитой под видом собранных налогов. Последнее в полной мере соответствовало специфике полунезависимого положения северовьетнамских территорий периода «скрытых» династий и правителей.

Одновременно с указанными изменениями в области сельскохозяйственного производства продолжалось развтие ремесла и связанных с ним добывающих промыслов. В эпоху Хань отмечается добыча жемчуга, меди, серебра, слоновой кости и рога носорога [432, с.181]. Значительную роль играли рыбная ловля, лесной и морской промыслы. Высокого уровня достигла торговля. О торговых путях, которые связывали империю с Индией, а также со странами материковой и островной Юго-Восточной Азии, упоминается ещё с эпохи Хань. Известно, что в «Эпоху Троецарствия» в область Цзяочжи прибывали традиционным путём даннические миссии к императору царства У[1] из таких государств, как Фунань, Лэмап и Ганмин. Туда же прибыло в 226 г. и второе римское посольство. К середине VI в. округ Цзяо превратился в важнейший торговый центр. В источниках говорится: «Морские корабли доставляли иностранных купцов несколко раз в году для обмена товарами. В прежние времена в округах и областях скупали [эти товары] на рынке за полцены, а затем продавали с прибылью, в несколько раз превышающей [уплаченную сумму. Подобная] многолетняя политика стала обыкновением» [472, с.61]. Эта запись в «Книге Лян» относится к области Наньхай, которая непосредственно

[1] У Сюньцюань.

примыкает к территории Северного Вьетнама. А значительное количество имперских монет, найденных во вьетских погребениях, свидетельствует и о развитии внутреннего рынка, что было связано с появлением торговых центров и портов в Цзяо [472, с.22 – 27].

Имперские монеты эпохи Тан

Таким образом, первая половина «Эпохи северной зависимости» характеризуется принудительным вовлечением северо-вьетнамских территорий в социально-экономическую структуру Южного Китая, в результате произошло выравнивание экономического уровня развития всего региона. Однако начиная с III в. политическая слабость центральной имперской власти привела к значительной самостоятельности вьетских крупных родов, или «сино-аннамитской» элиты, опиравшейся на традиционную общинную организацию общества. Эта самостоятельность, в определённой степени нивелировавшаяся общностью материального и культурного развития всего региона, носила как политический, так и экономический характер. Однако именно она привела в условиях междоусобиц и смуты второй половины VI в. к

попытке восстановления независимости вьетнамских территорий.

Дальнейшая социально-экономическая история Вьетнама выходит за рамки настоящей главы. Она связана с его развитием в условиях зависимости от мощных общекитайских империй Суй и Тан, что предопределило принципиально иной характер взаимоотношений вьетнамского и китайского обществ второй половины «Эпохи северной зависимости».

Глава 2

Социально-экономическое развитие вьетнамского общества в эпоху раннего средневековья

1. *Преамбула*[1]

Вторая половина «Эпохи северной зависимости» является эпохой окончательного оформления описанных в предыдущей главе тенденций социально-экономического развития вьетнамского общества. Именно в ней следует искать корни росшего на протяжении VII – X вв. расхождения векторов развития вьетнамского и китайского обществ, приведшего в конечном итоге к их политическому обособлению. В указанном расхождении сыграли роль как внешнеполитические, так внутриполитические факторы.

К первым относятся военная угроза со стороны горных национальных меньшинств, или манов, которые сознательно использовались империей Тан в качестве сдерживающей силы против вьетнамских феодалов. Позднее таким фактором стала постоянная угроза вторжения со стороны Наньчжао, в войне против которого имперские войска и военные формирования вьетнамских феодалов выступали совместно.

Определяющим внутриполитическим фактором явилась политика танского двора, в результате которой на окраинах империи выделялись военные губернаторства с относительно небольшими самостоятельными вооружёнными силами, организованными по региональному принципу. Именно эта политика привела к политико-экономическому обособлению окраинных регионов и к резкому росту крупного частного землевладения, что в свою очередь сопровождалось всё более ярко выраженными сепаратистскими тенденциями.

Во время восстания Ань Лушаня на северо-востоке империи в 755 г. её южные окраины ещё сохраняли относительное спокойствие. При этом сепаратистские тенденции вьетнамских территорий крайнего юга в значительной степени нивелировались войнами с Наньчжао. Когда же на юге начались мятежи, переросшие в 874 г. в

крестьянскую войну под руководством Хуан Чао, приведшую к распаду империи Тан, вьетнамские феодалы оказались полновластными хозяевами своих территорий. В дальнейшем, опираясь на собственные окрепшие в войнах с Наньчжао военные формирования, они сумели восстановить государственную независимость страны и отстоять её от посягательств как Южной Хань, так и общекитайской империи Сун [431, с.14 – 21].

2. *Социально-экономическое развитие Вьетнама в VII – IX вв.*

События второй половины VI в., выразившиеся в частичном или полном восстановлении государственной независимости Вьетнама, свидетельствуют о формировании во вьетнамском обществе новой господствующей силы, которая претендовала на политическую и экономическую самостоятельность. Этой силой был нарождавшийся класс вьетнамских феодалов, опиравшийся на систему частного землевладения. Внешне, особенно после восстановления зависимости от империи Суй и в начальный период зависимости от империи Тан, эта система выступала в форме государственной собственности на землю, которая жаловалась в «кормление» за службу или заслуги. Однако первые проявления скрытых форм частного землевладения отмечаются намного раньше. Ещё в 411 г. До Хюе До был пожалован титулом «маркиз Лаунгбиена» и получил в «кормление» тысячу дворов [1144, с.112, 113]. Но, как известно, он был основателем «скрытой» династии До и практически независимо управлял округом Цзяо.

Таким образом, местные феодалы де-факто владели землёй, а общинники были их арендаторами. Внешнее же сохранение общинной структуры диктовалось, с одной стороны, стремлением избежать прямой конфронтации с имперским законодательством, а с другой – соответствием традиционной организации общины с её круговой порукой нуждам фиска. Такое положение вещей было неизбежным в условиях жёсткой регламентации формирования имперского

административного аппарата [431, с.14 – 17]. Имперской администрации, по крайне мере находившейся в Цзяо, было прекрасно известно о реальном положении вещей. Об этом свидетельствуют как проводившиеся в губернаторстве с целью поставить под контроль действия вьетнамской знати административные реформы, так и характер официального налогообложения при Ганах. Представляется, что данные о содержании этого налогообложения позволят лучше судить о характере экономики вьетского общества танской эпохи.

Фискальная политика династии Тан в отношении губернаторства Умиротворённого юга была идентичной остальным районам империи: взимались поземельный налог [и] промысловая подать, [а также] устанавливались трудовые повинности. Земельный налог со взрослого мужчины составлял 207,1 л проса или 155,32 л клейкого риса. Каждый человек должен был отработать двадцать дней в году на общественных работах, а в високосный год прибавлялось ещё два дня. Вместо отработки можно было внести 0,96 м тонкого шёлка за каждый день. Промысловая подать состояла [из] двух кусков тонкого шёлка, [из] 3,2 м набивного шёлка [и] 111,9 гр хлопка. Сверх этих обычных налогов, собираемых с имперских провинций, [губернаторство] Умиротворённого юга должно было подносить двору дары из местных товаров [472, с.59, 60].

В «Первоначальном описании Аньнани» [Гао Сюнчжэна][2] говорится: «Хотя [в период] обеих Хань [и] Шести династий [округ Цзяо] входил в состав [империи], тем не менее, нет записей предметов, [присылавшихся] в дань». В "Книге Тан" [сказано]: "Дань губернаторства Умиротворённого юга – бананы, бетелевый орех, акулья кожа, желчь пифона [и] перья зимородка. Дань округа Ай – некрученая нить, грубая шёлковая ткань [и] хвост павлина. Дань Фулу – белый воск [и] коричневый бамбук. Дань округа Чан – золото. Дань округа Хуань – золото, листовое золото, золотой песок, слоновая кость, рог носорога, орлиное дерево [и] пёстрый бамбук. Дань округа Фэн – серебро, изделия [из]

тростника, белый воск, желчь пифона [и] бобы. Дань округа Лу – золото, черепаховый панцирь, кожа аллигатора, перья зимородка [и] благовония".

Норма названных вещей не определяется, имеются лишь сведения общего [характера]. Дань губернаторства [Умиротворённого юга]: золото – десять слитков, бананы – десять гроздей, бетелевый орех – две тысячи плодов, рыбья кожа – 1.200 кг, желчь пифона – от двадцати штук, перья зимородка – двести [штук]. Дань области Хэюйшань: панцирь черепахи – два, кожа аллигатора – 36 кг, благовония – 1,8 кг. Дань Жинани: листовое золото [и] золотой песок – 414,19 л. По другим округам количество неизвестно"» [246.1, кн.2, с.81][3].

Сам по себе этот список достаточно интересен, но он требует некоторого пояснения. Так, в ханьский «округ Цзяо» входил не только Северный Вьетнам, но и Гуандун с частью Гуанси, а танское «губернаторство Умиротворённого юга» включало в себя только северовьетнамские территории. Из шести танских округов Ай, Лу, Фулу, Фэн, Хуань и Чан, как минимум пять являются вьетнамскими округами Ай, Фаунг Фуклок, Хоан и Чыонг. Наконец, также известно, что административная единица под названием Нятнам если и существовала в эпоху Тан, то только на бумаге. Ещё в конце III – начале IV в. область Нятнам, включавшая в себя территории юга Северного и севера Центрального Вьетнама, была аннексирована Тямпой (Лэмап). Поэтому её деление на округа Зиен и Хоан в эпоху Тан имело формальный характер. Последнее подтверждается и тем, что в то время Тямпа именовалась королевством Хоанвыонг[1].

Открытым остаётся вопрос об области Хэюйшань, которая вообще не упоминается в описаниях губернаторства Умиротворённого юга [472, с.60, примечание 115]. Косвенные свидетельства позволяют предположить, что под этим названием подразумевается древняя область Кыутян,

---

[1] Смотри «Параграф 1.5» в «Заключении» настоящего тома.

разделенная при Танах на округа Ай и Чыонг, территория которых также во многом контролировалась Тямпой.

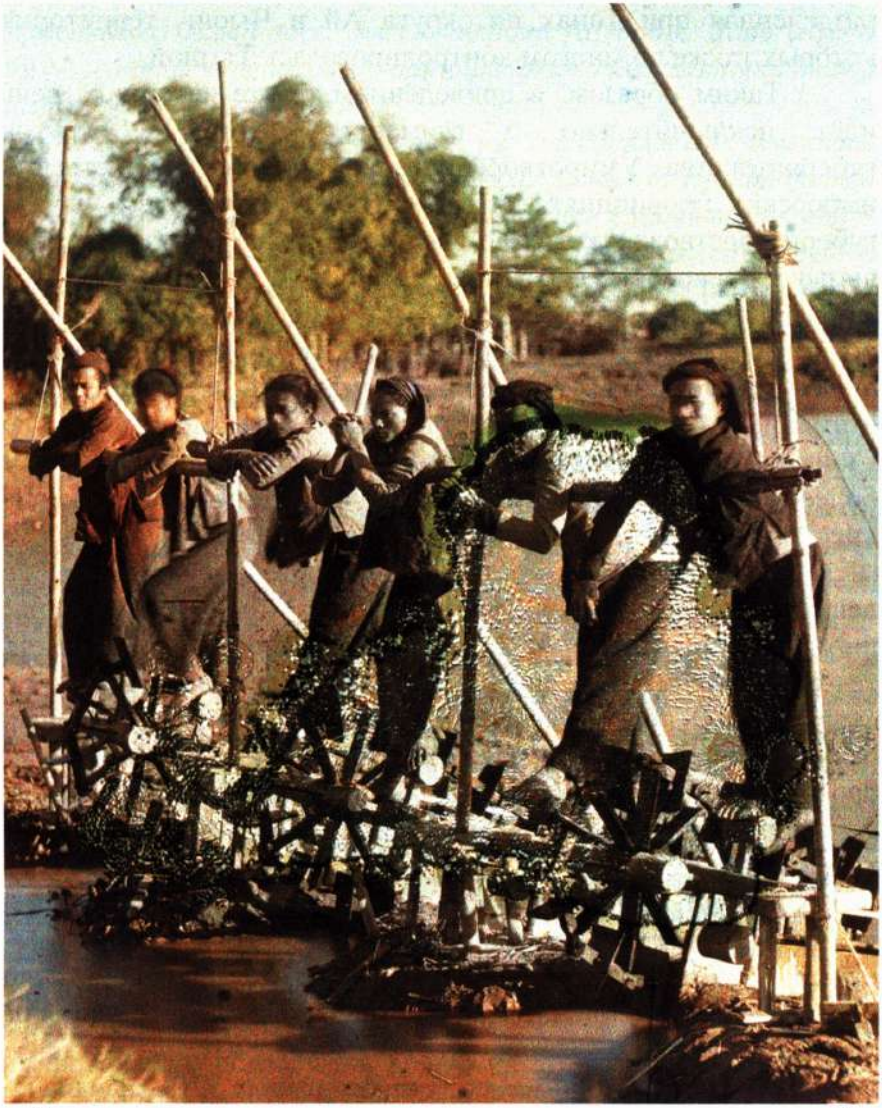
Таким образом, в приведённом тексте источника речь идёт исключительно о взимании налога с округов губернаторства Умиротворённого юга, а не о собственно имперских провинциях, которым уподобляется в его начале губернаторство. Уже само по себе такое «уподобление» вызывает некоторые сомнения.

Известно, что танский поземельный налог был ориентирован на надельную систему, которой в то время не существовало на вьетнамских территориях. Соответственно взимание с них такого налога было невозможно, а Гао Сюнчжэн просто выдаёт желаемое за действительное, тем более что даже в самой империи Тан списки налогообложения «несли на себе груз подлогов и фальсификаций».

По существу, речь идёт «о компромиссе с действительностью, не влезавшей в прокрустово ложе параграфов и уставов» [431, с.17]. Интересно, что вторая часть текста источника значительно более детализирована по сравнению с первой. Она учитывает специфику различных округов «провинции», при этом, судя по содержанию и способу взимания, этот дополнительный налог очень напоминает контрибуцию, взимаемую с покорённой территории.

Всё это больше похоже на простой вывоз ценностей, а не на сбалансированную налоговую политику. Кроме того, сумма этих ценностей, судя по данным переписей, явно превышает сумму налога. В предыдущей главе приводились данные переписей конца VI – начала VII в., которые дополняются следующими их данными начала VIII – начала IX в. [893, с.681, 682].

Даты	Число очагов	Численность населения
VIII в. (начало)	17523	88728
726 г. (?)	25694	нет
742 г.	24230	99652
807 г.	27135	нет

Так на протяжении веков орошали рисовые поля при помощи ножной качалки. Северный Вьетнам, 1914 – 1915 гг.
A005270. Musée Albert Kahn. France

Иными словами, численность налогооблагаемого населения для всей этой эпохи не превышает 100000 человек при средней семье из 4 – 5 человек. При этом налогом

облагался «очаг», который условно приравнивается к семье, в которой был один взрослый мужчина – налогоплательщик. Таким образом, официальным налогом облагалось от 24000 до 27000 «очагов».

Совершенно очевидно, что это число явно занижено и имеет целью скрыть реальное количество потенциальных налогоплательщиков от имперского фиска. Об этом свидетельствуют события политической истории «Эпохи северной зависимости». Известно, что, за исключением относительно кратких периодов времени, имперские наместники и губернаторы не имели реальной власти за пределами территорий, которые непосредственно примыкали к крепостям с военными гарнизонами. В то же время на протяжении III – VII вв. на основе новой смешанной, или «сино-аннамитской», знати во Вьете сложился класс феодалов-землевладельцев, который обладал реальной властью на местах. При этом, как уже отмечалось, частное землевладение камуфлировалось спецификой организации вьетнамской общины и тем, что формально власть находилась в руках представителей имперской администрации.

В рамках жёсткой регламентации империи Тан внешние формы губернаторской власти были чётко обозначены, а в отчётах, которые направлялись в столицу империи, положение в губернаторстве характеризовалось как полностью контролируемое администрацией. Однако в условиях непрерывных войн с манами, а затем с Наньчжао при наличии сильных вооружённых отрядов вьетнамских феодалов и слабости имперского гарнизона ни о какой сбалансированной налоговой политике не могло быть и речи. А сумма налогов, которую можно было собрать с реально контролируемого населения, была смехотворной с точки зрения имперского фиска[4]. Вышеприведённые данные переписей эпохи Тан приводят к выводу, что в них попало не более одной пятой от общего числа потенциальных налогоплательщиков. Поэтому нет ничего удивительного, что население губернаторства облагалось фиксированной данью, которая поступала в

империю через вьетнамских феодалов, или, по терминологии источников, «местных сеньоров». Таким образом, реальное количество налогоплательщиков не имело значения, так как объём дани не зависел от их числа. Отсюда и кажущееся противоречие между первой и второй частями вышеприведённого списка налогообложения губернаторства Умиротворённого юга.

Текст Гао Сюнчжэна интересен не только с точки зрения анализа налогообложения губернаторства в эпоху Тан. Источники свидетельствуют о том, что в ту эпоху на его территории возникли оживлённые торговые центры, а его порты соперничали с имперскими. В датируемом VIII в. докладе танскому двору о состоянии торговли сказано: «Купцы из далёких стран только преследуют выгоду, умилостивишь их, они снова придут, побеспокоишь, тогда они уходят. В Гуанчжоу издавна во множестве собирались корабли, [которые] ныне вдруг переменили [место стоянки] на Аньнань, если это не из-за слишком [больших] притеснений и поборов, то, значит, кто-то переманил их на свою сторону» [472, с.62]. Из этого доклада следует, что в превратившемся в крупнейший торговый центр губернаторстве Умиротворённого юга уже должно было существовать достаточно многочисленное торговое сословие. А список «даров» Гао Сюнчжэна вполне мог соответствовать самым высоким запросам иноземных купцов. Помимо этого в числе экспорта можно назвать благовония, ценные породы деревьев и растений, драгоценности, а также редких птиц и животных. Большую ценность представляли и изделия ремесленного производства.

Судя по данным политической истории, сведениям письменных источников и артефактам материальной культуры, между внутренними и особенно южными районами империи существовал в то время достаточно интенсивный торговый оборот с северовьетнамскими территориями [472, с.61 – 62]. К тому же, созданная к эпохе Тан инфраструктура водных путей в виде системы рек и каналов гарантировала надёжность и

относительную дешевизну товарооборота во всём южном регионе империи [893, с.680].

Интересно, что в этом обороте не упоминаются изделия местных ремесленников, что может объясняться двумя факторами. Во-первых, изделия вьетнамских ремесленников не должны были принципиально отличаться от имперских изделий, тогда как их доставка требовала достаточно длительного времени и дополнительных затрат. Во-вторых, проводя в отношении вьетнамского населения губернаторства главным образом «данническую» политику, имперские власти, скорее всего, предпочитали «вывоз» наиболее искусных местных ремесленников вместо плода их трудов. Не исключено, что это происходило под предлогом общественных работ. В любом случае, военные затраты и дополнительные расходы, связанные как с вывозом самих ремесленников, так и с вывозом их изделий, были приблизительно равны, но в первом случае результат был значительно выше[5].

Что же касается номенклатуры ввоза товаров в губернаторство, то, к сожалению, она неизвестна. Исходя из вышеприведённой цитаты доклада императору можно лишь предположить, что она была достаточно разнообразной и представляла большую ценность. Также можно предположить, что импорт в Северный Вьетнам не отличался от хорошо известного по источникам импорта в саму империю. Скорее всего, часть товаров оседала в губернаторстве при провозе в империю. Последнее неудивительно, если принять во внимание, что вьетнамские порты «потеснили» Гуанчжоу, а также тот факт, что в эпоху Тан целые кварталы торговых центров и портов Северного Вьетнама были заселены купцами, которые были либо выходцами из империи, либо приезжали с товарами для торговли на длительное время[6]. Не исключено, что именно в то время начала складываться известная ситуация, при которой в последующие века самостоятельного развития вьетнамского государства ключевые позиции в торговле занимали натурализованные *китайцы*. Надо полагать, что мелкие торговцы играли роль посредников между

ремесленниками, жившими в специализированных поселениях вокруг торговых центров, и крупными оптовыми торговцами. И хотя внутри страны торговля всё ещё носила характер натурального обмена, многочисленные находки имперской монеты свидетельствуют о повсеместном распространении и денежного эквивалента [1084, т.1, с.51 – 55][7].

Таким образом, можно говорить о том, что в эпоху Тан на территории Северного Вьетнама сложился значительный внутренний и внешний рынок, становление которого было связано с развитием ремесленного производства и ростом городов.

Экономическое развитие вьетнамских территорий на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» сопровождалось оформлением тех тенденций социального развития общества, которые наметились в течение её первой половины. Господствующий класс был представлен прежде всего феодальными кланами, которые в VIII – IX вв. уже владели обширными феодами и содержали значительные вооружённые отряды. Достаточно сказать, что основная тяжесть войн того времени с *манами* и Наньчжао легла на эти формирования. Именно оформление указанных феодальных кланов в единый класс на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» и привело к постепенному изменению баланса сил в губернаторстве Умиротворённого юга. Об основных феодальных родах того времени можно судить на основании данных о так называемых двенадцати легатах-правителях конца IX – X в. При этом прямо называется местонахождение их феодов и в определённой степени прослеживается генеалогия их родов вглубь эпохи зависимости[1]. Поскольку крупные феодальные кланы не могли взяться ниоткуда и существовать в безвоздушном пространстве, то из этого логично следует вывод о достаточно многочисленной группе средних и мелких феодалов, выросших из различных слоёв «сино-аннамитской» элиты первой половины «Эпохи северной зависимости».

---

[1] Смотри «Параграф 2» «Главы 4» «Части II» настоящего тома.

К крупным феодальным властителям следует отнести и буддийские монастыри, которые владели обширными землями и являлись экономическими центрами. О богатстве буддийских монастырей можно судить по тому факту, что в империи Тан к середине IX в. оно достигло такого уровня, что его конфискация в определённой мере компенсировала затраты двора на содержание огромных армий [431, с.21]. В Северном Вьетнаме крупные феодальные роды отдавали часть своих владений пагодам и монастырям, которые благодаря этому не только богатели, но и становились их идеологической и культурной опорой. Так, известно, что в начале IX в. род Нгуен построил пагоду в Киен-шо и пригласил обосноваться в ней со своей школой монаха Кам-тханя. С того времени пагода Киен-шо превратилась в главный опорный центр этого феодального клана [1144, с.214][8].

Промежуточное положение в этой системе занимали профессиональные воины, а также купцы и торговцы различных категорий, которые являлись военной и экономической опорой формировавшегося класса вьетнамских феодалов.

При этом если военные по своему положению тяготели к господствующему классу, то торговцы не имели никаких привилегий и юридически были более бесправны, чем полноправные общинники.

Класс производителей состоял их свободных общинников, которые в основном входили в податные реестры танской администрации. Как уже было показано, в эти реестры было включено не более одной пятой всех потенциальных налогоплательщиков Северного Вьетнама. Поэтому, надо полагать, в то время их реальное количество в пересчёте на «очаги» составляло порядка ста пятидесяти тысяч при общем количестве населения с учётом других социальных групп порядка миллиона человек.

Помимо свободных общинников этот класс был представлен различными группами зависимых, из которых наиболее бесправными были арендаторы и семейные рабы[9].

Традиционное террасное земледелие. Предгорья Северного Вьетнама. Каобанг. 27.03.2011 г.

К классу производителей также относились различные группы ремесленников, которые, как правило, были приписаны к той или иной общине. Сама же община, как это уже отмечалось выше, сохранялась в качестве основной производственной и фискальной единицы, члены которой были связаны круговой порукой.

Промежуточное положение в этой социальной структуре вьетнамского общества занимали относительно многочисленные представители общин, сумевшие получить образование. Они пополняли ряды писцов, счетоводов и сборщиков налогов, становились монахами или странствующими учителями. Иногда кому-нибудь из них удавалось выдержать конкурсные испытания в империи, в результате чего он становился мелким чиновником и переходил в господствующий класс.

Подводя итог сказанному в этом параграфе необходмо подчеркнуть значительную сложность социальных связей вьетнамского общества «Эпохи северной зависимости». А с учётом деятельности имперской администрации, которая, с одной стороны, была вынуждена считаться с реальной обстановкой на юге, а с другой – пыталась внедрить в округе Цзяо, а затем в губернаторстве Умиротворённого юга танское законодательство, положение выглядит ещё более запутанным. Анализ социальной структуры вьетнамского общества той эпохи дополнительно осложняется ещё и тем, что в докладах двору Тан местные чиновники стремились представить губернаторство как имперскую провинцию, которая функционирует на основании общих для всей империи законов. Поэтому неудивительно, что в синхронных второй половине «Эпохи северной зависимости» источниках губернаторство представлено как типичная имперская провинция, отличающаяся разве что мятежным по своему характеру населением. О главной же особенности социальной структуры вьетнамского общества того времени, или о феодальных кланах и значительном секторе частного землевладения при сохранении общины в качестве производственно-фискальной

единицы, что стало определяющим фактором развития этого общества не позднее VII в., в источниках вообще не упоминается. Поэтому лишь весьма незначительные косвенные данные социально-экономического характера в сочетании с достаточно подробным описанием в источниках событий политической истории позволяют в общем виде реконструировать основные тенденции социально-экономического развития вьетнамского общества «Эпохи северной зависимости».

Главным выводом из этой реконструкции является то, что на протяжении I – VI вв. вьетское общество восприняло основные материальные и культурные достижения империи. В результате этого к VII в., то есть к моменту воцарения общекитайской династии Тан, уровень экономического развития губернаторства Умиротворённого юга был приблизительно равен уровню развития южных областей империи Тан, тогда как социальные структуры губернаторства и империи значительно отличались друг от друга.

3. *Оформление социально-экономических процессов второй половины «Эпохи северной зависимости» во вьетнамском обществе конца IX – начала XI в.*

3.1. *Характер данных письменных источников*

Если источники содержат относительно много сведений по политической истории Вьетнама с момента ухода танских войск и до воцарения династии Ли, то по культурной истории этого периода их уже гораздо меньше, тогда как сведения по социально-экономической истории в них вообще отсутствуют. Это касается как вьетнамских, так и китайских письменных источников. Поэтому единственно возможным способом реконструировать хотя бы в виде обоснованной гипотезы социально-экономические процессы, протекавшие во вьетнамском обществе конца IX – начала XI в., является интерполяция аналогичных процессов второй половины «Эпохи северной зависимости» и начального этапа правления династии Ли на этот период. Такая интерполяция тем более

правомерна, что временной отрезок с VII в. по начало XI в. характеризуется единым процессом становления вьетнамского раннефеодального общества. Однако сначала необходимо выделить имеющиеся в источниках сведения социально-экономического характера по периоду с 880 по 1054 г.

Под 907 г. сообщается о том, что Кхук Тхыа Хао «упорядочил налоги с полей, отменил трудовые повинности, составил подворные реестры, записал имена [и] фамилии, старосты посёлков[10] блюли деревенские списки» [239.6, с.841].

Под 984 г. впервые упоминается о том, что была отлита собственная вьетнамская монета, получившая название «деньги [эры] Небесного счастья» [239.4, т.6, с.81 («Основные записи», кн.1, с.20а)].

Под 1013 г. впервые сообщается о введении градации налогов в соответствии с их видами и районами взимания. Она настолько важна, что представляется целесообразным привести целиком весь текст из основного источника, а также его модификации из других источников.

В источнике XIX в. сообщается:

«Весна, месяц 2-ой. Установлены правила взимания налогов.

1. Налог с водоёмов [и] полей. 2. Денежный налог с тутовых деревьев. 3. Налог продуктами с горных [и] лесных [районов]. 4. Налог солью[11] с местностей, [находящихся] под контролем пограничных постов. 5. Налог рогом носорога, слоновой костью [и] благовониями с [районов обитания] горных манов. 6. Налог деревом, бамбуком, цветами [и] плодами с горных районов. [Данное] установление [следует] распространить повсеместно [и предельно] ясно для взимания налогов. Поручить всем [великим] князьям, маркизам [и] принцессам руководить [сбором] налогов в зависимости от каждого ранга по-разному» [239.1, «Основные записи», кн.2, с.15б – 16а].

В источнике XV в. по пункту «2» уточняется, что налог взимается «деньгами» и «рисом», по пункту «5» уточняется, что речь идёт о налоге с «манов [и] зи», а по пункту «6»

уточняется, что речь идёт о «предгорьях». Остальной части текста в этом источнике нет [165.1, т.1, с.194].

Видимо, так собирали рис и в IX – X вв. Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.

Наконец, в наиболее раннем источнике XII – XIII вв. этот текст вообще отсутствует, а под 1016 г. приводится весьма интересное сообщение:

«Большой урожай. 30 "пучков" риса стоили 70 монет. [Населению] страны разрешено не платить налог в течение трёх лет» [36, с.143].

В первом из приведённых источников также сообщается об отмене налогов, но ничего не говорится об урожае и стоимости риса. Кроме того, под 1010 г. в нём приводятся данные о прощении всех долгов за предыдущий период и об отмене налогов на три года вперёд, а под 1018 г. сообщается о прощении половины налога с полей [239.1, «Основные записи», кн.2, с.11б, 21а].

Непосредственно к этой записи примыкает сообщение о том, что в столице было отобрано более тысячи жителей, которых «сделали» монахами. В двух ранних источниках оно датировано 1016 г., тогда как в источнике XIX в. под 1019 г. говорится, что прежде обратили в монахов жителей столицы, а

в том году – по всей стране [36, с.143; 165.1, т.1, с.195; 239.1, «Основные записи», кн.3, с.21б]. Эта запись имеет значение как для реконструкции социально-экономического развития, так и для исследования буддийской сангхи во Вьетнаме того времени, с которым могут быть связаны основные разночтения в интерпретации данного сюжета[I].

Этими записями ограничиваются сведения по налоговой политике вьетнамского государства конца IX – начала XI в., которые логически дополняются данными уложения о наказаниях за различные преступления. Это уложение именуется в летописных сводах «Книгой законов» и упоминается под 1042 и 1044 гг. С точки зрения социально-экономической истории наибольший интерес представляет сообщение от 1042 г., так как именно в нём описываются наказания, связанные со злоупотреблениями при взимании налогов. Это описание предваряется достаточно важным текстом, в котором говорится о том, что чиновники, ведающие сбором налогов, сдают в общественные хранилища 100% налога. После этого они имеют право собрать в свою пользу дополнительный налог в размере одной десятой от общей суммы государственного налога[12]. Превысившие эту сумму подвергались наказанию в зависимости от размера злоупотребления. Весьма интересно, что простые налогоплательщики, сообщившие о злоупотреблениях, на три года освобождались от повинностей, а жители столицы – получали вознаграждение. Также сообщается о том, что присвоивший отрез шёлка[II] в карался ста палочными ударами, а присвоивший штуку шёлка[III] – годичной ссылкой [239.1, «Основные записи», кн.3, с.3б – 4а].

О других видах злоупотреблений и наказаний ничего не сообщается, но при этом приводятся важные для понимания организации вьетнамского общества положения «Книги законов». Поэтому ниже они цитируются в полном объёме.

[I] Смотри «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома.

[II] В тексте сказано «*тхыок*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

[III] В тексте сказано «*там*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

«Если кто продаст совершеннолетнего мужчину[13] в домашнюю прислугу, [то] если сделка совершена, [он] наказывается ста палочными ударами [и его] лицо клеймят двадцатью иероглифами. [Если кто] ещё не продал, но принуждал прислуживать людей, то [он] наказывается ста палочными ударами [и его] лицо клеймят десятью иероглифами. Тот, [кто] знает [о противозаконности] сделки, но всё равно покупает, также карается за преступление, однако [кара] смягчается на одну ступень.

Кто тайно похитил общественного[14] буйвола, карается ста палочными ударами. Укравший одного [буйвола должен] возместить [кражу] двумя.

Когда ночью [кто] войдёт в дом [и] вступит в связь с женой [или] наложницей, [и] если в тот момент хозяин [дома его] убьёт, то [хозяин] не будет обвинён в преступлении.

Кто тайно использует силу для того, чтобы отнимать имущество у людей, [тот] наказывается ста палочными ударами. Если ещё не отнял, но досаждал людям, то наказывается ссылкой» [239.1, «Основные записи», кн.3, с.5а – 5б].

Сопоставление данных всех письменных источников, включая выше приведённые тексты, позволяет выделить четыре основных сообщения, которые относятся к следующим годам соответственно: 907, 1013 и 1042 г., при этом к последнему относятся два текста, датируемые девятым и десятым – одиннадцатым месяцами. Анализ этих сообщений позволяет в свою очередь выделить следующие ключевые моменты. Во-первых, нигде точно не определены размеры налогов. Во-вторых, все законодательные мероприятия направлены прежде всего на ограничение злоупотреблений при сборе налогов в пользу государства. В-третьих, система наказаний за злоупотребления при сборе налогов, за продажу свободного общинника и за кражу «общественного» буйвола не исключает того, что в основе вьетнамского налогообложения той эпохи лежит частное землевладение с

зависимыми общинниками. Представляется, что этот вывод можно расширить и уточнить

Отсутствие упоминания о размерах налогообложения в пользу государства предполагает, что они уже были определены. Но, за исключением налогообложения эпохи Тан, данных о размере налогов не имеется. Поэтому наиболее логично предположение о том, что и после 880 г. с большей или меньшей степенью эффективности продолжала действовать танская система. В этом случае становится понятной запись, датированная 907 г. Под «упорядочиванием налога с полей» следует понимать распространение этой системы налогообложения, которая в эпоху Тан затрагивала лишь районы, находившиеся под непосредственным контролем имперской администрации, на всю территорию вьетнамского государства. Соответственно перепись населения была проведена формально, или, иными словами, Кхук Тхыа Хао «составил подворные реестры» на основании сведений, представленных местными феодалами. При этом следует учитывать, что речь идёт не о крупных феодальных кланах, а о зависимых от них мелких феодалах, «имена [и] фамилии» которых также были записаны. Их социальный статус был формально подтверждён назначением на официальные должности и определением их функций, и именно на них ложилась ответственность за отчисление налоговых поступлений в пользу центральной власти.

Таким образом, в 907 г. была предпринята попытка распространения танской системы сбора налогов с частных владений местных феодалов на всю страну. Эта система действовала без изменений вплоть до воцарения первой общевьетнамской династии Ли, которая в 1013 г. расширила её специальной градацией. Если в эпоху Тан «дополнительный налог» или дань взимался со всех полунезависимых районов Северного и северной части Центрального Вьетнама, то после объединения всей страны под властью династии Ли в полунезависимом от неё положении остались лишь покрытые джунглями и лесными массивами предгорья и горные районы,

где обитали национальные меньшинства. Соответственно с земледельческих районов низменности взимался регулярный налог в натуральном и денежном выражении, а с районов обитания национальных меньшинств взималась дань, которая поступала непосредственно в распоряжение императорского двора. Сопоставление явно неполного списка предметов этой дани с аналогичным списком танского «дополнительного налога», за исключением ряда предметов роскоши, принципиальных разночтений не даёт. Но, во-первых, на том этапе становления вьетнамской государственности внимание, по крайней мере – в законодательстве, акцентировалось не на предметах роскоши, и, во-вторых, имеются косвенные свидетельства о взимании налога рядом предметов, которые не указаны в номенклатуре династии Ли. Так, особое выделение в 9-ом месяце 1042 г. наказания за присвоение шёлка свидетельствует о том, что шёлк, который, как известно, занимал видное место в номенклатуре «дополнительного налога» Тан, представлял собой большую ценность в рамках указанной дани династии Ли.

Из вышесказанного следует, что дополненное в 1013 г. законодательство 907 г. представляет собой преломление танского сочетания налогообложения с данью второй половины «Эпохи северной зависимости» в условиях постепенного усиления централизованной власти вьетнамского раннефеодального государства. В свете этого вывода иначе воспринимаются и положения «Книги законов». Надо полагать, что с их помощью императорский двор династии Ли стремился ограничить произвол феодальных кланов на местах. При этом весьма интересен запрет на продажу совершеннолетних общинников, который не распространялся на мужчин моложе восемнадцати лет и женщин. Фактически речь идёт не о принципиальном запрете на продажу зависимых, а о запрете на переход внесённых в подворные реестры налогоплательщиков от одного собственника к другому. В таком случае данное законодательство должно было устанавливать фиксированный

налог с того или иного района в зависимости от числа проживавших в нём совершеннолетних общинников. Поэтому изменение их количества в результате купли-продажи влекло за собой изменение нормы налога и таким образом затрагивало всю систему налогообложения.

Переоденьте пахаря в одежду общинника описываемой эпохи и получите картину сельскохозяйственных работ того времени.
Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.

Сама же система частной зависимости общинников от того или иного феодала никоим образом не затрагивалась этим

законодательством. Последнее подтверждается двумя фактами. Во-первых, наказание за продажу совершеннолетнего общинника мало чем отличалось от наказания за присвоение буйвола, который являлся главной тягловой силой в рисоводческом хозяйстве.

То есть ценность совершеннолетнего общинника приравнивалась к ценности буйвола. Во-вторых, сообщение от 1016 г. о том, что более тысячи жителей столицы были обращены в монахи, никоим образом не следует понимать буквально. Насильственное или, по меньшей мере, «директивное» обращение в монахи следует связывать с пожалованием буддийским монастырям большой группы зависимых, которые, формально становясь монахами, выполняли различные хозяйственные работы. Отсутствие же упоминаний о подобных пожалованиях светским феодалам вполне логично, так как если последние издавна присвоили себе власть над зависимыми от них территориями, то церковные феодалы стали обретать силу лишь с момента начала восстановления независимости страны, особенно во время правления династий Динь, (Ранняя) Лс и первой общевьетнамской династии Ли. К этому можно добавить, что опорой династий из Хоалы и династии Ли были различные буддийские сангхи. Поэтому естественно, что новая династия стремилась усилить свою сангху. Согласно источникам, одним из важнейших мероприятий первых императоров этой династии было повсеместное строительство пагод и ступ, при этом не вызывает сомнения, что на этих строительных работах в первую очередь использовались зависимые от буддийских монастырей общинники[1].

Поэтому наиболее вероятна гипотеза о своеобразной форме «крепостной» зависимости общинников от духовных и светских феодалов, своевластие которых, исходя из танского опыта VIII в., государство стремилось ограничить законами [431, с.20]. Так, если наказание за присвоение чужого

[1] Смотри «Параграф 4» и «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома.

имущества, установленное в 1042 г., ещё может быть отнесено к домам общинников, то освобождение от кары за убийство любовника жены или наложницы, пойманного в момент прелюбодеяния, по своему характеру может касаться лишь имущих слоёв населения. Скорее всего, речь идёт об охране имущества и собственности мелких феодалах, в значительной степени идентифицируемых с общинной верхушкой, от посягательств крупных феодальных кланов. Последнее тем более вероятно, что законодательное оформление их прав началось ещё в 907 г., а в 1013 г. была законодательно оформлена рента этих мелких землевладельцев в размере 10% от общей суммы собираемых налогов.

Таким образом, крайне немногочисленные сведения по социально-экономической истории Вьетнама конца IX – начала XI в. в сопоставлении с данными по второй половине «Эпохи северной зависимости» позволяют реконструировать многие аспекты экономической политики вьетнамского государства того времени. Они также позволяют сделать вывод о том, что именно мелкие феодалы-землевладельцы являлись экономической опорой центральной власти вьетнамского раннефеодального государства. Надо полагать, что необходимость защиты этой опоры и предопределила содержание его законодательства, оформленного в «Книге законов». Однако в вышеприведённых текстах не содержится никакой информации по проблеме типологии форм земельной собственности. На их основании нельзя даже выдвинуть предположение о том, была ли земля на начало правления династии Ли государственной собственностью или же она являлась частной собственностью и официально могла быть объектом купли-продажи. Ответ на этот важнейший вопрос может быть дан лишь в форме весьма зыбких логических выводов, строящихся на материале политической истории[1].

Согласно логике после ухода танских войск из губернаторства земля, формально бывшая собственностью империи, перешла в собственность вьетнамских феодальных

[1] Смотри «Главу 4» «Части II» настоящего тома.

кланов. В период господства феодальной группировки Кхук – Зыонг – Нго[I] и особенно в период правления династий Динь и Ле из Хоалы[II] формировавшаяся центральная власть вела наступление на позиции крупнейших феодальных кланов, которое завершилось ликвидацией последних одновременно с вступлением на престол династии Ли[III]. Однако нигде в источниках не содержится упоминания об объявлении земли государственной собственностью. При этом если, как это было показано выше, законодательство регламентировало куплю-продажу зависимых общинников, то о земельных отношениях в нём нет и речи. Более того, об этих отношениях не упоминается на всём протяжении XI в. И лишь под 1140 г. появляется следующее сообщение:

«Зимой в двенадцатом месяце издан указ о том, что все проданные с правом выкупа обрабатываемые поля можно выкупить в течение двадцати лет. Обо всех спорных обрабатываемых землях тяжбы более 5 – 10 лет не продолжать. Проданные обрабатываемые земли, на которые есть купчая крепость, не могут быть выкуплены» [36, с.184][15].

Из этого текста следует, что в середине XII в. существовало развитое частное землевладение, а земля являлась объектом купли-продажи. А учитывая характер земельных отношений при Танах и тот факт, что данная запись вообще является практически единственной фиксацией в летописных сводах земельных отношений на всём протяжении правления династии Ли[IV], а также то, что широкомасштабное наступление на позиции частного землевладения во Вьетнаме начинается лишь в конце правления династии Чан[V], можно с большой долей вероятности полагать, что в конце IX – начале XI в. частное землевладение являлось основной формой земельной собственности. Что же касается традиционного для

[I] 906 – 965 гг.
[II] 968 – 1009 гг.
[III] 1010 г.
[IV] 1010 – 1225 гг.
[V] 1225 – 1400 гг. и 1407 – 1413 гг.

всех обществ конфуцианского культурного ареала представления о верховной собственности императора на землю, которая жаловалась в «кормление» тому или иному чиновнику-феодалу без права продажи, то во Вьетнаме это явление относится к гораздо более позднему времени. Во всяком, случае очевидно, что жалование земли в «кормление» не могло получить значительного распространения во Вьетнаме ранее конца XIII – начала XIV вв.[16].

Представляется, что проведённый сопоставительный анализ данных письменных источников позволяет теперь перейти к воссозданию социально-экономической организации вьетнамского общества конца IX – начала XI в.

3.2. *Социальная стратиграфия вьетнамского общества в 880 – 1054 гг.*

3.2.1. *Преамбула (политический фон)*[1]

Не вызывает сомнения тот факт, что основные социальные группы вьетнамского общества данного периода сложились на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости», тогда как в конце IX – начале XI в. происходило лишь их законодательное оформление в рамках национального государства. Наряду с этим в течение исследуемых полутора веков в социальной структуре общества также продолжались и определённые изменения, но затронули они главным образом крупнейшие феодальные кланы и храмово-монастырскую структуру. Начало этих изменений следует связывать с приходом к власти династии Динь и провозглашением государства Дайвьет в 968 г.

К тому времени власть в стране была поделена между крупными феодальными кланами. Согласно источникам, таких кланов было двенадцать, а их лидеры носили титул легата-правителя. Однако на самом деле их было больше, при этом

---

[1] О событиях политической истории и об идеологической причине изменения названия государства смотри «Параграф 3» и «Параграф 4.2» «Главы 4» «Части II», а также «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома.

некоторые из них представляли собой единые военно-феодальные группировки. К такого рода группировкам относился и объединённый клан Кхук – Зыонг – Нго, который в 906 – 965 гг. выдвинулся в качестве лидера борьбы за независимость. Другой группировкой того же типа был феодальный клан Чан – Динь – Ле, захвативший власть в период раннефеодальных смут 966 – 967 гг., который провозгласил создание первого вьетнамского государства Дайковьет после восстановления независимости и управлял им в 968 – 1009 гг. Остальные крупные феодальные кланы, в большей или меньшей степени поддерживая как первую, так и вторую группировку в борьбе с внешним врагом, оставались полновластными хозяевами своих территорий и управляли ими, опираясь на собственный двор и собственные военные формирования.

Такая расстановка сил в элите подтверждается двумя следующими фактами. Во-первых, центр родового владения и резиденция лидера ведущей феодальной группировки одновременно являлся и столицей государства[17]. Во-вторых, об этом свидетельствует вся политика Динь Бо Линя и особенно Ле Хоана, направленная на подчинение центральной власти наиболее мощных феодальных кланов. Последний, подчинив или ликвидировав лидеров этих кланов, поставил их под контроль правящего дома, который, скорее всего, носил лишь политический характер[18]. Именно с деятельностью династий из Хоалы следует связывать политическое объединение ведущих феодальных группировок вьетнамского общества под властью общенациональной династии, основателем которой стал один из главных военачальников Ле Хоана[19]. Приход к власти новой династии повлёк за собой очередную смену столицы в 1009 – 1010 гг.[20]. Наконец, завершение этого периода становления политического единства Вьетнама знаменуется сменой придворной буддийской сангхи и датируется 1054 г.

Таким образом, исходя из предпосылки, что социальная структура вьетнамского общества 880 – 967 гг. в целом мало

чем отличалась от его социальной структуры второй половины «Эпохи северной зависимости», основное внимание будет уделено социальной стратиграфии вьетнамского общества эпохи государства эпохи династий из Хоалы (968 – 1054 гг.).

3.2.2. *Социальная стратиграфия господствующего класса*

Анализ структуры господствующего класса вьетнамского раннефеодального государства Дайвьет позволяет выделить три его основных слоя. Первый был образован представителями правящей династии, её ближайшим окружением и военно-административной верхушкой. Крайне важен тот факт, что уже с самого начала правления династии Динь значительную роль в религиозно-идеологической консолидации власти этой лидирующей социальной группы стало играть общенациональное по характеру своей деятельности буддийское духовенство, которое в лице сангхи секты Уянь Туна представляло собой единое социальное целое с правящей династией[1]. Именно это становится одним из решающих факторов укрепления политического единства в стране с воцарением династии Ли[21]. Следует отметить, что в этот же период формируется основная родовая и династийная титулатура, а также структура высших придворных и духовных званий, которые, по форме копируя танские, на самом деле отражали систему связей в элите вьетнамского господствующего класса X – начала XI в.

Второй социальный слой господствующего класса вьетнамского общества той эпохи был образован достаточно многочисленной группой феодалов.

К сожалению, в источниках о её представителях содержится крайне мало упоминаний, что затрудняет его характеристику. Тем не менее есть все основания предполагать, что именно эти феодалы являлись главной опорой как крупных феодальных кланов, так и постепенно усиливавшейся

---

[1] Смотри «Параграф 4» и «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома.

центральной власти. С одной стороны, они были непосредственно связаны с общиной и контролировали её деятельность через общинную верхушку, а с другой – являлись экономической и военной опорой феодальных группировок. Надо полагать, что выдвинувшиеся благодаря военным талантам и ставшие основателями собственных династий Динь Бо Линь, Ле Хоан и Ли Конг Уан, принадлежали именно к этому социальному слою.

Весьма интересно, что во Вьетнаме X в., как и в Китае конца IX в. прослеживается тенденция «ложных отцов и детей». Так, Динь Бо Линь был приёмным сыном главы феодального клана Чан, а Ле Хоан женился на вдове Динь Бо Линя и отдал своему приёмному сыну в подчинение один из двенадцати регионов страны.

Иными словами, как в Китае «Эпохи Пяти династий», так и во Вьетнаме эпохи борьбы феодальных группировок за власть «узы фиктивного родства стали обычным средством консолидации военных группировок» [431, с.35].

«Промежуточное» положение феодалов второго социального слоя предопределило их заинтересованность в укреплении центральной власти, для которой они являлись естественной опорой, что в свою очередь предопределило политическое поражение феодальных группировок в борьбе с нарождавшейся императорской властью.

Как следствие с середины X в. эти феодалы, представлявшие собой реальную экономическую и военную силу, стали постепенно трансформироваться в служилое, или военно-чиновничье, сословие, на которое опиралась центральная власть в борьбе с крупной земельной знатью.

Эта трансформация подтверждается тем, что с момента воцарения династии Ли при упоминании в источниках того или иного даже высокопоставленного чиновника обязательно указывалось название общины его происхождения, которое в XI в., как правило, совпадало с названием его родового поместья или фсода[22].

Колесо-водочерпалка для подъёма воды на поля.
Интересно, сколько веков существует это приспособление?
Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.

В то же время в законодательстве первой половины XI в. чётко оговорено, что члены императорской семьи, её родственники и наследственная знать получали «кормление» в соответствии со своим титулом непосредственно с подвластной им территории, а не через государственное перераспределение. В тексте даже подчёркивается, что они «руководят [сбором] налогов». Те же, кто осуществлял сбор налогов как с частных, так и с государственных земель, получили право сбора в свою пользу дополнительной «десятины»[23]. Надо полагать, что этим способом была официально узаконена традиционная рента общинной верхушки, имевшей частные земельные владения и зависимых[24]. По сути дела, эта общинная верхушка представляла собой третий социальный слой господствующего класса, или мелких землевладельцев, которые большей частью входили в организационную структуру общины. Надо полагать, что указ Кхук Тхыа Зу от 907 г. если и затрагивал в определённой мере интересы феодалов, то в первую очередь – этой их группы. Именно её представители, непосредственно отвечавшие за сбор налогов, назначались управляющими, заместителями управляющего и старостами посёлков. На самом деле представители этого социального слоя были богатыми общинниками, которые на основе частного землевладения и сдачи земли в аренду поставили в зависимое от себя положение большую часть населения общин. Соответственно именно эта часть господствующего класса являлась первичным звеном в системе перераспределения общественного продукта. Поэтому её благосостояние затрагивало все слои вьетнамского раннефеодального общества. Лишь этим можно объяснить включение в законодательство 1042 г. тех разделов, которые обеспечивали неприкосновенность личного имущества и оберегали людей от злоупотреблений при сборе налогов. Этим же объясняется и отмена налогов в 1010 – 1019 гг., включая противоречивое на первый взгляд сообщение об отмене налога на три года при большом урожае в 1016 г. Надо полагать, что после

длительного периода феодальных смут и войн многие общинные хозяйства были в значительной степени разорены. Поэтому объединившая под своей властью всю страну династия Ли могла либо продолжать принудительный сбор налогов, что в итоге привело бы к окончательному разорению мелких землевладельцев и общинной верхушки, которые были её опорой, либо отменить государственные налоги, ограничившись лишь частнофеодальной рентой[25]. Отсюда прощение всех недоимок до 1010 г. и отмена налогов с 1010 по 1013 и с 1016 по 1019 г. включительно. Этот вывод подтверждается тем фактом, что, насколько можно судить по источникам, были отменены только налоги на общинные хозяйства, тогда как остальные виды указанных выше налогов продолжали собираться.

Таким образом, к концу X – середине XI в. в господствующем классе вьетнамского раннефеодального общества достаточно чётко выделились три основных социальных слоя. Первый был представлен крупной родовой феодальной знатью, составлявшей определённую оппозицию усилению императорской власти. Второй, основной слой феодалов, являлся главной административной и военной опорой правящей династии. Третий, мелкие землевладельцы, составлял главную экономическую опору правящей династии. Последние, которых практически невозможно отделить от общинной верхушки, обеспечивали административно-хозяйственное функционирование всего государственного механизма.

3.2.3. *Социальная стратиграфия эксплуатируемых классов вьетнамского общества*

В основе социальной структуры всего вьетнамского раннефеодального общества лежала община, состав которой был далеко не однороден. Поэтому и выделить единый критерий для её анализа достаточно сложно. Тем не менее представляется, что таких основных критериев два: характер зависимости и возраст общинника, сочетание которых

наиболее адекватно отвечает задаче анализа социальной стратиграфии эксплуатируемых классов вьетнамского общества конца IX – начала XI в.

Как уже говорилось, согласно законодательству 1042 г. запрещалось продавать и покупать совершеннолетних общинников. Согласно комментарию Нго Тхи Ши, записанные с восемнадцати лет в реестр общинники назывались «жёлтыми мужчинами», а с двадцати лет и старше – именовались «великими жёлтыми мужчинами» [239.1, «Основные записи», кн.3, с.5а – 5б]. Эти названия связаны с тем, что, являясь основными налогоплательщиками, они вносились в «Жёлтую книгу»[26]. В другом источнике под 1059 г. сообщается о том, что из различных категорий столичных жителей отобрали мужчин, которые «стали жёлтыми мужчинами», под 1083 г. – о разделе «жёлтых мужчин» столицы на три категории [36, с.157, 168]. Наконец, под 1162 г. говорится следующее:

«[Жителей в возрасте] свыше шестидесяти [лет] считать [категорией] *лао лиет*[I], от семнадцати до девятнадцати [лет] – второй категорией, ниже шестнадцати лет считать [категорией] *хоанг нам*[II]» [36, с.189].

Представляется, что этот текст требует специального комментария. Из сопоставления текстов следует, что в одном случае возраст второй категории указан в диапазоне от восемнадцати до двадцати лет, а в другом – от семнадцати до девятнадцати включительно. Данное разночтение не имеет принципиального значения, тем более что, судя по всему, оно связано с интерпретацией иероглифов. Поэтому надо полагать, что диапазон от семнадцати до девятнадцати лет является верным для всех текстов. Иное дело отнесение названия «жёлтые мужчины» к категории детей до шестнадцати лет включительно. Безусловно, одним из значений иероглифа 男 является «ребёнок», но всё-таки главным его значением является «мужское» начало в противопоставлении «женскому». Кроме того, в этом тексте отсутствуют упоминания о

[I] Старые [и] немощные.

[II] Жёлтые мужчины.

мужчинах столицы, ставших «жёлтыми мужчинами», о делении «жёлтых мужчин» на три категории и об их основной категории в возрасте от двадцати до шестидесяти лет.

Таким образом, получается, что в различных текстах этого источника содержатся взаимоисключающие друг друга сообщения, а при их сопоставлении с текстом законодательства 1042 г. складывается впечатление, что в тексте 1162 г. имеется лакуна. Представляется, что этот текст мог выглядеть следующим образом:

«Все мужчины страны были разделены на три категории. Первая, от шестидесяти [лет и] старше, "старые [и] немощные". Вторая, от двадцати до шестидесяти [лет], "великие жёлтые мужчины". Третья, от семнадцати до девятнадцати [лет], "жёлтые мужчины". Дети мужского пола с шестнадцати [лет и] моложе не образуют категории».

При такой интерпретации изменения градации основных налогоплательщиков страны с 1042 по 1162 г. логически выстраивается структура всех четырёх приведённых записей и соответственно выявляются как лакуна, так и искажения в наиболее поздней из них. Однако всё это относится к той эпохе вьетнамской истории, которая рассматривается в следующем томе. Для данной же эпохи важен лишь один аспект, вытекающий из законодательства 1042 г. и не опровергнутый последующими записями вплоть до 1162 г.: за исключением мужского налогооблагаемого населения страны, или общинников в возрасте от семнадцати до шестидесяти лет, все остальные категории зависимых могли продаваться и покупаться без ограничения[1].

Если в свете вышеизложенного обратиться к земельному законодательству 1140 г., то складывается впечатление, что и совершеннолетнее мужское насление также могло быть объектом купли-продажи, но, в отличие от других категорий, только вместе с землёй, благодаря чему достигалась относительная стабильность соотнесения налогооблагаемого населения с территорией обрабатываемых

[1] Речь идёт о детях, женщинах и, возможно, стариках.

земель в каждом конкретном районе страны. То есть вместе с землёй, по всей вероятности, могли продаваться и покупаться три следующие основные категории совершеннолетних общинников: зависимые от феодальных семей, зависимые от государства или правящей династии, зависимые от буддийских монастырей. Каковы же были отличительные черты каждой из этих категорий?

Как уже отмечалось, на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» на основе частного землевладения происходила постепенная трансформация общинной верхушки в слой мелких и средних феодалов, основная масса которых представляла собой служилое сословие при дворах крупных феодалов, которые жаловали им часть своих территорий в «кормление» за службу. И хотя со временем мелкие и средние феодалы начали распоряжаться жалованными землями почти как собственными феодами, не следует забывать, что все они вместе с обрабатывавшим их населением являлись собственностью крупных феодальных кланов. Следовательно, первая категория была образована совершеннолетними общинниками, которые в своём подавляющем большинстве зависели от относительно небольшого количества крупных землевладельцев.

Ранее было показано, что первые вьетнамские династии конца IX – начала XI вв. возникли на основе объединения основных феодальных кланов в различные политические группировки. По мере укрепления центральной власти происходило расширение личного феода правящей династии. Так, в 968 г. произошло объединение владений группировок Кхук – Зыонг – Нго и Чан – Динь – Ле. Затем Ле Хоан полностью или частично присоединил к своим владениям земли ликвидированных им легатов-правителей. В результате к моменту объединения Дайвьета под властью династии Ли феод правящей династии значительно превосходил по своему размеру феоды сохранившихся феодальных кланов. При этом средние феодалы и мелкие землевладельцы поддерживали процесс усиления центральной власти, которая ограничивала

произвол удельных властителей. Следствием этого явилось растущее экономическое подчинение крупных феодов центру, которое выразилось в отчислении в пользу двора части их доходов в форме налогов. Именно эта тенденция экономического развития отражена регламентацией всех основных категорий зависимых общинников на протяжении 1042 – 1162 гг. Она имела целью обеспечение стабильности поступления государственных налогов, а не превращение феодально-зависимых общинников в государственно-зависимых[27]. Следовательно, на раннем этапе становления вьетнамского феодального государства характер зависимости от правящей династии мало чем отличался от первого типа зависимости.

Что же касается буддийских монастырей и пагод на территории Северного Вьетнама на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости», то говорить о значительном числе зависимых от них общинников вряд ли представляется возможным. В основном они содержались за счёт пожертвований, деятельности монахов и членов своей сангхи, а также беглецов, которые искали в них убежища. Однако со второй половины X в. положение существенно меняется. Надо полагать, что с приходом к власти династии Динь, идеологической опорой которой стала сангха Уянь Туна, буддийские монастыри и пагоды начинают получать в дар от правящей династии земли и общинников. Представляется, что сообщение 1016 г. об обращении в монахи более тысячи жителей столицы на самом деле является сообщением о дарении монастырям значительного числа зависимых общинников, за которым в 1019 г. последовали дарения по всей стране. Следовательно, на этом этапе развития вьетнамского раннефеодального государства церковно-зависимые общинники являлись государственно-зависимыми общинниками, которые использовались для обслуживания династийной буддийской сангхи[1].

---

[1] Смотри следующий параграф, а также «Главу 3» «Части IV» настоящего тома.

Таким образом, можно утверждать, что социальная стратиграфия эксплуатируемых слоёв вьетнамского общества X – XI вв. дифференцировалась как по принадлежности[I], так и по отношению к земле[II], при этом последнее определялось полом и принадлежностью к соответствующей возрастной группе[III].

Помимо этих социальных групп эксплуатируемых слоёв вьетнамского раннефеодального общества следует выделить ремесленников и торговцев, которые, как об этом свидетельствует материал источников, уже существовали в конце VII – VIII в. К сожалению, источники ничего не сообщают об этой социальной группе вьетнамского общества в IX – начале XI в. Поэтому исходя из данных предыдущей и последующей эпох, можно лишь предположить, что ремесленники и торговцы были простолюдинами, приписанными к той или иной специализированной общине, которая находилась в непосредственной близости от крупного города или торгового центра.

К зависимым слоям вьетнамского населения той эпохи также относится и довольно многочисленная челядь как императорского двора, так и при дворах крупных феодальных кланов[28].

Наконец, необходимо упомянуть национальные меньшинства предгорий и гор Северного и северной части Центрального Вьетнама. В эпоху династий Динь и [Ранняя] Ле они ещё не были инкорпорированы в социальную структуру вьетнамского общества, сохраняли свою этническую и культурную целостность, свою, как правило, доклассовую социальную организацию и управлялись своей родоплеменной знатью. Они лишь формально подчинялись правящей элите Дайвьета, при этом их мирные, в основном торговые контакты

[I] Частно-феодальная, государственно-династийная и государственно-церковная формы зависимости.

[II] Купля-продажа зависимых с землёй или без неё.

[III] Моложе семнадцати лет, от семнадцати до девятнадцати лет, от двадцати до шестидесяти лет, от шестидесяти лет и старше.

с вьетнамцами постоянно чередовались с вооружёнными столкновениями.

Как и в то время национальные меньшинства Каобанга продолжают разводить лошадей и складывают своеобразные стога сена. 27.03.2011 г.

Именно поэтому, как уже отмечалось, районы обитания национальных меньшинств облагались не регулярным налогом, а своеобразным налогом в форме дани, сбор которой являлся достаточно опасным занятием.

4. *Система перераспределения общественного продукта в свете налоговой политики и общественных повинностей в Дайвьете эпохи династий из Хоалы*

В предыдущем разделе была рассмотрена социальная стратиграфия господствующего и эксплуатируемых классов вьетнамского общества X – начала XI в. При этом крайняя скудность источников вынуждала в ряде случаев интерполировать на указанный период данные, относящиеся даже к началу второй половины XII в. Ещё более сложной представляется реконструкция системы взаимозависимостей между различными слоями вьетнамского общества той эпохи, которая в принципе невозможна без сопоставительного анализа сведений почти по всему периоду правления династии Ли. Поэтому если исходить из того, что социально-экономическая структура раннефеодального вьетнамского общества сложилась в 880 – 1054 гг., а на протяжении второй половины XI – XII в. она лишь получила законодательное оформление[29], то можно полагать корректной интерполяцию таких данных на временной отрезок с верхней границей по 1042 г.[30].

Выше уже отмечалось, что к VIII в. различий в уровне социально-экономического развития между территориями Южного Китая и Северного Вьетнама практически не отмечается. Но если в империи уже на протяжении нескольких веков основной фискальной единицей был «двор» или «очаг», то во вьетнамском обществе основной фискальной единицей оставалась община. На самом деле процессы «Эпохи северной зависимости», с одной стороны, резко стимулировали экономическое развитие вьетнамских территорий, а с другой – блокировали распад устаревших структур социальной

организации их обитателей. Как следствие во время зависимости от империи Тан вьетнамское общество, как и китайское, «вошло» в эпоху раннего феодализма, однако процессы консолидации империи, связанные с последующим изменением социальных структур её общества, лишь в незначительной степени затронули вьетнамское, на котором они сказались в полной мере в правление династии Ли [431, с.13 – 24, 28 – 36].

Соответственно семья постепенно становится основной производственно-фискальной единицей вьетнамского общества лишь с начала XI в., что не могло не сказаться на системе коллективной ответственности за выполнение повинностей и уплату налогов. Надо полагать, что именно этим объясняются различные мероприятия вьетнамских династий той эпохи по укреплению социальной организации общины, которые были подробно описаны в предыдущем параграфе. В целом эта структура функционировала следующим образом.

Все общинники были разделены в соответствии с полом и возрастом на четыре категории, при этом две основные категории налогоплательщиков[I] были прикреплены к земле и могли продаваться только вместе с ней.

В целом в конце IX – X в. налоги мало чем отличались от тех, которые взимались с вьетнамских территорий в пользу империи Тан в последние два века «Эпохи северной зависимости». И лишь на протяжении XI в. начинают вводиться новые, достаточно немногочисленные налоги. Так, для снабжения армии продовольствием [II] стал взиматься фиксированный налог в размере тридцати девяти литров риса с каждых трёх тысяч шестисот квадратных метров рисовых полей. Существовал и денежный налог, о чём можно судить по сообщениям о том, что он мог взиматься с тутовых деревьев, и о его неоднократном прощении [III]. Точный размер этого

[I] 17 – 19 лет и 20 – 59 лет.
[II] 1092 г.
[III] 1013, 1040, 1044 гг.

денежного налога неизвестен, но можно предположить, что единицей его измерения была стоимость тридцати пучков риса, которая в 1016 г. составляла семьдесят монет [36, с.143; 239.1, «Основные записи», кн.3, с.1б,11б, кн.4, с.1а].

За сбор налогов отвечали специальные чиновники, которым подчинялось руководство общин. Низшим звеном общинной круговой поруки был «патронат», состоявший из трёх семей. Далее следовал «посёлок», или «большой патронат» из десяти семей. По всей вероятности, он был образован из трёх «патронатов» по три семьи во главе с ещё одной «старшей» семьёй. Несколько «посёлков» образовывали деревню, а несколько деревень – общину. Во главе этой общинной структуры стояли начальники подворных [реестров], управляющие посёлками, заместители управляющих посёлками, руководители десяток и старосты[31]. В качестве вознаграждения они получали одну десятую от суммы собранного ими налога. Злоупотребления карались достаточно сурово, при этом простолюдин, донёсший о злоупотреблениях при сборе «дополнительной» десятины, освобождался от повинностей, а житель столицы получал вознаграждение.

Наконец, существовала и обычная феодальная рента, которая, как уже говорилось, была узаконена в отношении членов императорской семьи в 1013 г. Она устанавливалась в зависимости от ранга знатности или титула. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и крупные феодальные кланы взимали аналогичную ренту со своих владений.

Поэтому прямое налогообложение предназначалось исключительно для обеспечения государственных нужд, в первую очередь – для содержания армии, чиновничьего аппарата и двора, тогда как традиционная рента прямо взималась крупными землевладельцами, в том числе и правящей династии, со своих феодов. О существовании такой двойной системы свидетельствуют как небольшой объём государственных налогов, так и тот факт, что они были отменены в течение семи из первых десяти лет правления

династии Ли, которая бы не смогла удержаться у власти, не имей она другого источника доходов.

При этом, в отличие почти от всех феодальных кланов правящий род имел ещё один источник дохода в форме налога (дани) с национальных меньшинств.

Отсюда следует, что освобождение от уплаты государственного налога в те или иные годы не означало освобождения от податей, которые взимались в виде феодальной ренты. В этих условиях положение частно-зависимых общинников было значительно тяжелее, чем положение государственно-зависимых. Оно усугублялось и общественными работами, которые являлись для них дополнительной нагрузкой, тогда как для государственно-зависимых общинников они были основной формой трудовой повинности.

Таким образом, взаимодействие в рамках единой системы государственных налогов, феодальной ренты и трудовых повинностей устанавливало фиксированную норму эксплуатации и гарантировало перераспределение общественного продукта в интересах господствующего класса, при этом оно ставило как средних и мелких феодалов, так и общинников династийного феода в значительно более выгодное по сравнению с аналогичными группами населения феодов крупной земельной знати положение.

Остаётся открытым вопрос о времени оформления указанной системы во вьетнамском обществе. Как уже отмечалось, она, если отвлечься от специфической роли общины, не отличается от системы, существовавшей в танском обществе VII – VIII вв. [431, с.29 – 33]. Однако во вьетнамском обществе она сложилась значительно позднее. Если судить по вышеприведённым данным источников, то не вызывает сомнения, что система «двойного» налогообложения во вьетнамском обществе уже была законодательно оформлена и функционировала в полном объёме 1136 – 1162 гг. Однако данные о первоначальном законодательном оформлении общины в сочетании с данными о введении первого

систематизированного государственного налогообложения и со сведениями о законодательном разделении видов наград за донос о злоупотреблениях[1], позволяют считать, что *первый вариант системы «двойного» налогообложения и трудовых повинностей вьетнамского раннефеодального общества эпохи династий из Хоалы был оформлен веком раньше в «Книге законов» 1042 г.*

5. *К вопросу о содержании общественных и феодальных повинностей*

Насколько это возможно при достаточно скудном материале источников, в двух предыдущих параграфах были рассмотрены как система налогообложения, так и содержание самих налогов во вьетнамском раннефеодальном обществе. В связи с этим затрагивалась и проблема трудовых повинностей. Однако если с конца XIV – начала XV в. они описаны в источниках также подробно, как налоги, земельное законодательство, социальная организация общества и т.д., то по XI в. включительно никаких конкретных данных о содержании повинностей в источниках не содержится. Тем не менее целый ряд косвенных свидетельств позволяет выделить несколько видов общественных работ в эпоху династий из Хоалы, которые главным образом были связаны с широкомасштабным строительством.

Наиболее масштабными являются работы по возведению дворцовых комплексов, отдельных дворцов, городских сооружений и зданий, водоёмов и парков, а также крепостных укреплений и стен в столицах государства. Первый такой дворцовый комплекс был возведён в столице династий Динь и [Ранняя] Ле крепости Хоалы в 984 г. [239.4, т.6, с.81 – 83 («Основные записи», кн.1, с.20а – 20б)][II]. Однако уже 1010 – 1012 гг. в новой столице династии Ли городе Тханлаунге строится дворцовый комплекс, состоящий из двенадцати дворцов, хранилища, двух внутренних ворот,

---

[1] 907, 1013 и 1042 гг. соответственно.

[II] Смотри «Параграф 3» «Главы 4» «Части II» настоящего тома.

лестницы с галереей и внешней стены с четырьмя воротами. В 1029 – 1030 гг. этот комплекс был полностью реконструирован, в 1047 г. в нём был построен дворец для тямских наложниц, а в 1049 – 1051 гг. на его территории были разбиты парки с каналами, водоёмами, мостами и сооружениями.

Кроме того, под 1024 г. источники сообщают о начале городского строительства, а под 1035 г. в них содержатся сведения о строительстве рынка и моста с галереей над рекой Толить.

Не менее масштабным по своему характеру было и возведение культовых сооружений. Так, помимо пагоды в Хоалы (984 г.) в 1010 – 1048 гг. в дворцовом комплексе Тханлаунга и в самом городе было построено восемь храмов, две ступы и алтарь для молитв об урожае и принесения жертв каждые четыре времени года[1].

Однако работы велись не только в столице. Так, под 1031 г. сообщается о завершении строительства ста пятидесяти монастырей по всей стране. При этом также сообщается о строительстве новых путей сообщения в южных районах страны, что диктовалось необходимостью оперативной переброски войск в условиях постоянных военных столкновений с Тямпой. Ещё при династиях из Хоалы в 984, 1003 и 1009 гг. в Тханьхоа и Нгеане была построена гавань и велось строительство дорог и каналов [239.4, т.6, с.77 – 81 («Основные записи», кн.1, с.19а – 20а); 239.1, «Основные записи», кн.2, с.1а – 2б].

При династии Ли в 1025 г. на юге округа Хоан, или на тямской границе, были возведены укрепления, в 1036 г. был построен походный[32] императорский дворец в Нгеане, при этом сам округ был преобразован в военный округ, а в 1053 г. на северо-востоке Тханьхоа в уезде Нгу была построена ещё одна гавань под названием Калам [36, с.144, 153].

Наконец, под 1042 г. сообщается о строительстве почтовых станций на всех основных дорогах страны, в том

---

[1] О культовом значении многих из вышеперечисленных дворцов и сооружений смотри «Главу 3» «Части IV» настоящего тома.

числе – о почтовой станции Хоайвиен в Зяламе для послов из соседних стран, а под 1047 г. – о почтовой станции в торговой слободе Ваунгкуок и о семи почтовых станциях в Куидыке, Баокханге, Туенхоа, Тханьбине, Виньтхонге, Камхоа и Анзане со стелами «с надписями, чтобы чужеземные варвары останавливались там на ночлег» [36, с.152].

Кроме того, нельзя забывать и о ряде других повинностей, которые династийные летописцы не сочли достойными упоминания. К ним относятся работы по поддержанию и ремонту оросительной системы, дамб, каналов и сухопутных дорог, обслуживанию императорского двора, дворов феодальной знати, монастырей и пагод, а также ряд других повинностей.

Очевидно, что такое масштабное строительство требовало не только привлечения профессиональных зодчих, строителей и ремесленников, но и широкого использования труда зависимых общинников. Можно предположить, что если для работ в столице в основном привлекались государственно-зависимые общинники, а для строительства монастырей, пагод и ступ – церковно-зависимые, то на общественные работы вне столичного феода привлекались местные жители, которые в основном были частно-зависимыми. Таким образом, на них, как и в системе налогообложения, ложилась двойная нагрузка, так как помимо общественных работ они должны были обслуживать владения «своего» феодального клана. Правда, не исключено, что на этом этапе развития вьетнамского раннефеодального государства ответственность за общественные работы на местах возлагалась непосредственно на глав феодальных кланов.

Следовательно, если не представляется возможным установить, существовала ли во второй половине X – первой половине XI в. какая-либо регламентация общественных работ, то данные источников позволяют восстановить основное содержание этих повинностей вместе с основной тенденцией их развития. Также можно предположить, что цикл привлечения зависимых к общественным работам составлял

три года, косвенным свидетельством чего является уже неоднократно упоминавшееся выше освобождение от налогов на этот срок, который, надо полагать, являлся одним циклом налогообложения и повинностей. Но даже если в ту эпоху и имелась определённая регламентация повинностей, то создание их всеобъемлющей структуры в государственном масштабе относится к значительно более позднему периоду вьетнамской истории.

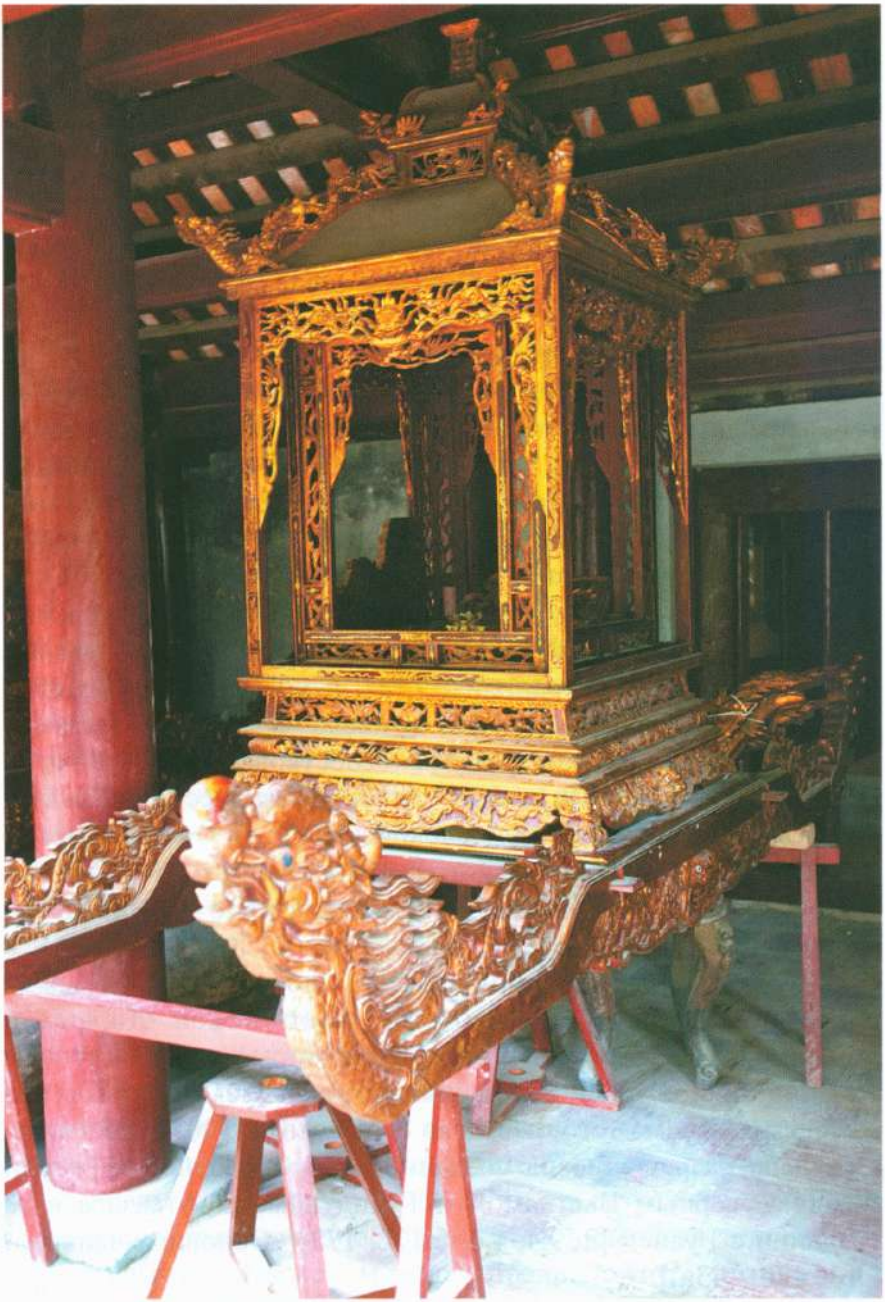
6. *Торговля, ремёсла и промыслы*

Выше в «Параграфе 2» было показано, что в эпоху Тан губернаторство Умиротворённого юга играло важную роль в имперской торговле, а также имело место высокоразвитое ремесленное производство и промыслы. Однако, в результате войн с Наньчжао в IX в., с Южной Хань и Сун в X в., а также феодальных смут второй половины X – начала XI в. внешнеторговые связи Дайвьета оказались в значительной степени подорванными. Тем не менее традиционные торговые связи частично сохранились, а ремёсла и промыслы продолжали развиваться, что привело к новому расцвету внешней торговли, которому способствовало воцарение в Дайвьете династии Ли в 1010 г., открывающее длительный период относительного спокойствия и стабильности вьетнамского раннефеодального государства.

Косвенным доказательством достаточно интенсивного торгового обмена между Дайвьетом и Южным Китаем являются данные о об обмене посольствами между династиями Динь и [Ранняя] Ле с вьетнамской стороны и династией Сун со стороны империи, которые, как известно, в большинстве случаев одновременно являлись и торговыми миссиями[1]. Кроме того, известно о том, что в 1007 г. династия Сун дала разрешение на создание зоны свободной торговли между Северным Вьетнамом и Гуандуном, но отказала в её создании с Гуанси [239.4, т.6, с.172, 173 («Основные записи», кн.1, 42б – 43а)].

---

[1] Смотри «Главу 4» «Части II».

Позолоченный паланкин с драконами. Хоалы. 30.03.2011 г.

Но так как в источниках отмечается ввоз в 1013 г. лошадей из Юньнани в Дайвьет вопреки запрету династии Сун, то, надо полагать, он носил чисто формальный характер [239.1, «Основные записи», кн.2, с.16б – 17а][33].

Помимо торговли с империей существовали торговые обмены с другими странами. Прежде всего речь идёт о Тямпе, пограничные войны с которой сменялись периодами мира и соответственно торговли. Об этом же свидетельствуют сообщения о строительстве в 1042 г.почтовых станций на всех основных дорогах страны, а в 1047 г. – ещё семи почтовых станций для «чужеземных варваров» и одной в столичной торговой слободе Ваунгкуок. При этом интересно, что название последней переводится как «Государственный досмотр». Значение этих сведений очень велико, так как если империя Сун и была «чужеземной», то её представители ни в коем случае не могли квалифицироваться как «варвары». Всё это позволяет сделать вывод о том, что не позднее 1042 – 1047 гг. происходит значительный приток иноземных купцов в Дайковьет как из сунской империи, так и из Тямпы, Индии и индуизированных государств материковой и островной Юго-Восточной Азии. Наконец, не следует забывать, что как, и в предыдущие эпохи, через вьетнамские территории шли основные транзитные торговые пути с юга в империю Сун.

Надо полагать, что номенклатура экспорта товаров из Дайковьета, видимо, немногим отличалась от номенклатуры «дополнительного налога» эпохи Тан, несколько расширенной за счёт изделий местного ремесленного производства. Что же касается импорта, то здесь можно с уверенностью говорить лишь о ввозе в Дайвьет из империи Сун лошадей, коров, железных изделий и предметов роскоши, а из Тямпы – слонов, слоновой кости, драгоценностей и других «редкостей».

По всей вероятности, в торговле Дайвьета с другими странами ведущая роль принадлежала прямому обмену, но при этом денежное обращение уже в то время начинало играть всё большую роль. Известно, что ещё в «Эпоху северной зависимости» со времён Хань во Вьете использовалась

имперская монета, оборот которой рос на протяжении всех её последующих веков. Как об этом свидетельствуют археологические изыскания, хождение в стране также имели монеты других стран, с которыми у неё были торговые отношения. Кроме того, уже с момента восстановления государственной независимости в Дайвьете начали лить собственную монету, называвшуюся по девизу правления государя, при котором она была отлита[I]. Известно, что в 1010 г. императорский двор выделил двадцать тысяч монет[34] на строительство пагод и вознаграждения. В источниках также сообщается, что в 1010, 1028 и 1050 гг. двор жаловал старейшин и народ деньгами и шёлком. Наконец, как уже отмечалось, в источниках под 1016 г. приводятся данные о том, что тридцать пучков риса стоили семьдесят монет, под 1013 г. прямо говорится о денежном налоге, а под 1044 г. – о прощении половины этого налога [239.1, «Основные записи», кн.2, с.8б, 11б, 29б, кн.3, с.11б, 15а]. Всё это свидетельствует о том, что в Дайковьете начала правления династии Ли деньги уже стали одним из основных средств взаиморасчётов даже во внутренней торговле в стране.

Таким образом, можно констатировать, что к середине XI в. во вьетнамском обществе существовал значительный торговый обмен, во многом опосредованный денежными единицами или выполняющими их функции товарами-эквивалентами, среди которых главную роль играл шёлк[II].

В основе вышеописанного торгового оборота, особенно, во внутренней торговле, в Дайвьете важную роль играла продукция местного ремесленного производства. Прежде всего следует отметить значительное развитие отраслей, связанных с металлургией, деревообработкой, выделкой различного рода тканей, красок и лаков, кораблестроением, не говоря уже о таких традиционных отраслях, как ювелирное

[I] В 984 г. были отлиты деньги «Небесного счастья», а в 1043 г. – деньги «Светлого Пути» [239.1, «Основные записи», кн.1, с.20а, кн.3, с.7б].

[II] Надо полагать, что именно этим объясняется ужесточение наказания за хищение шёлка в 1042 г.

дело и гончарное производство. И хотя в источниках не содержится прямого упоминания о производстве железного инструмента, о высокой технике земляных работ, обработки дерева и камнерезания, сведения о широкомасштабном строительстве дворцовых комплексов с конца X в., об их великолепной отделке, в том числе – золотом и серебром, косвенно свидетельствуют как о высокой технике золотого и серебряного литья, так и об использовании различных лаков и красок. Точно также законодательное введение различных одеяний и головных уборов для каждой категории придворной знати и воинских подразделений вряд ли могло быть осуществлено без высокого уровня выделки тканей и развитого оружейного дела [239,4, т.6, с.23 – 25, 141, 163 – 165 («Основные записи», кн.1, с.5б, 6а, 35а, 40б, 41а); 239.1, «Основные записи», кн.2, с.3а - 5б, кн.3, с.10а – 10б]. Наконец, имеются данные о производстве особых шёлковых тканей с драгоценной вышивкой, которые высоко ценились при сунском дворе. Наконец, о высоком уровне ремесленного производства свидетельствуют сообщения как о строительстве в 1043 г. нескольких сотен боевых кораблей, носовые и кормовые части которых были сделаны «в форме драконов, фениксов, рыб, змей, тигров, попугаев» [36, с.150], так и об изготовлении в 1045 г. украшенной тонкой резьбой и инкрустированной золотом императорской колесницы, в которую впрягались тямские слоны[35] [239.1, «Основные записи» кн.3, с.12б].

Не меньшую роль в торговле наряду с ремесленным производством играли различные промыслы, наиболее важным из которых был соляной, поставленный под прямой контроль государства уже в 997 г. [239.4, т.6, с.131 («Основные записи», кн.1, с.32б)]. Императорским указом в 1013 г. был введён специальный соляной налог. Составной частью этого налога был особый соус из морской рыбы[1], что косвенно свидетельствует и о наличии рыболовства, которое, как известно, облагалось в эпоху Тан отдельным налогом.

---

[1] Смотри «Примечание 11» к настоящей главе.

Рыбная ловля в реках и пресных водоёмах всегда была для вьетнамцев важным источником пропитания. Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.

Не менее важным древним промыслом являлась и охота. В X – XI вв. особую роль стала играть добыча редких ценных пород птиц и животных. Так, в источниках неоднократно сообщается о высокой ценности перьев зимородка, панциря черепахи, крокодиловой кожи, тигров, носорогов и слонов, среди которых особенно ценились белые. Интересно, что даже императоры династии Ли считали для себя возможным принимать участие в охоте на слонов.

Судя по списку налогов эпохи Тан и указу династии Ли от 1013 г., в Дайвьете существовали ещё и промыслы, связанные с добычей золота, серебра, ценных пород дерева, благовоний, редких плодов и т.д. При этом в источниках под 1033 г. сообщается о промысле жемчуга в Чиеузыонге, а под 1039 г. – о центре золотодобычи в Куангиене и о серебряных рудниках в Лангшоне и Каобанге [239.1, «Основные записи», кн.2, с.366. 37б, 44б – 45б]. Наконец, хотя в источниках об этом ничего не сообщается, совершенно очевидно существование развитого промысла, связанного с добычей железной и медной руды, без которого указанная выше при характеристике ремёсел металлургия была бы невозможна.

ЧАСТЬ IV

Основные этапы становления вьетнамской культуры

На ранних этапах своего становления культура неразрывно связана с религиозными представлениями, в рамках которых отмечается большая часть её проявлений. Более того, в большей или меньшей степени эта связь сохраняется вплоть до эпохи нового времени. Именно этим и объясняется структура данного раздела, в котором значительное место отведено характеристике ранних вьетских верований и культов с последующей реконструкцией основных этапов формирования вьетнамской культуры. В известном смысле для описываемого периода вьетнамской истории можно говорить о частичном совпадении понятий культура и религия.

Глава 1

Ранние этапы формирования вьетской культуры.

1. *Религиозные представления и проблема формирования единой религиозной системы во вьетском обществе VIII в. до н.э. – I в. н.э.*

Проблема формирования ранних религиозных представлений в лаквьетском обществе представляет значительные трудности для исследования, так как по этой проблеме практически не имеется письменных источников. Что же касается археологического материала, то он позволяет лишь в самом общем виде воссоздать некоторые аспекты религиозной жизни этого общества. Здесь особое место занимают изображения на донгшонских бронзовых барабанах, которые являются важнейшим источником для сопоставления с этнографическими и историко-культурными аналогиями, зафиксированными и описанными в конце XIX – начале XX в. Религиозный аспект этих аналогий был изучен первым поколением французских исследователей Вьетнама. И вплоть

до настоящего времени публикации этих учёных остаются лучшими публикациями по указанной проблеме[1].

Учитывая важность изображений на донгшонских бронзовых барабанах для характеристики ранних лаквьетских верований, представляется целесообразным привести их краткое описание.

Изображения располагаются как на ударной части барабанов, так и на их боковой поверхности, при этом они имеют зеркальный характер. Исключением является изображение многолучевой звезды-солнца в центре ударной части барабанов, которая принадлежит одновременно и миру «реальных» изображений и миру «отражений» этих реалий. Композиционно с ним связаны тщательно проработанные скульптурные изображения лягушек в типичном для них сидячем положении. Скульптуры лягушек встречаются не на всех барабанах (соотношение барабанов со скульптурами и без

них – 1:2), но там, где они встречаются, они расположены симметрично относительно друг друга и звезды-солнца.

Бронзовый барабан Тхон-буй со скульптурными изображениями лягушек. Н47 см., Ø70 см. Музей истории. Ханой. 18.04.2004 г.

Если исходить из этнографических аналогий, то можно предположить, что одним из культовых значений бронзовых барабанов было вызывание дождя, так как для земледельческих народов верования в то, что кваканье лягушки связано с громом и дождём, достаточно типичны. При такой интерпретации изображений ударной поверхности барабанов звезда-солнце, естественно, занимает центральное положение. Последнее подтверждает вывод Л.Кадьера о существовании в лаквьетской среде культа верховного божества – Солнца, или солярного культа [697, с.119]. К этому можно добавить, что с солярным культом теснейшим образом связано поклонение «господину Грому», которое нашло неоднократное отражение во вьетских мифологических сюжетах.

Не менее важным в культовом отношении являются изображения птиц и птиц-людей на боевых кораблях и во время религиозных процессий. На орнаменте лицевой (ударной) части донгшонских бронзовых барабанов «типа I», которые принадлежат *лаквьетам*, имеется орнамент в виде расположенных равномерно по окружности изображений птицы Лак, повторяющихся тридцать шесть раз. Она изображена поочерёдно восемнадцать раз в летящем положении и восемнадцать раз – в сидячем, но так как изображение носит зеркальный характер, то следует говорить о девяти птицах Лак в летящем положении и девяти – в сидячем и их зеркальном отражении. При этом как специфика цифрового кодирования числа государей «18» и «9» по линии Северный Вьетнам – Сычуань, так и сакральный характер троичных построений в регионе[1], позволяют говорить о связи указанных изображений с древнейшими троичными натурфилософскими построениями, которые были обобщены в 1-ом тысячелетии до н.э. натурфилософской школой Тёмного и Светлого начал [840, с.10 – 12; 943, с.94, 95]. Иными словами, изображения птицы Лак на донгшонских бронзовых барабанах

[1] Северовьетнамский, Сычуань-юньнаньский и Дунтин-поянхуский районы.

свидетельствуют об определённом влиянии её учения в лаквьетском обществе уже на ранних этапах его становления[2].

С изображениями птиц связаны и изображения боевых кораблей на бронзовых барабанах. Весьма интересно, что эта связь прослеживается как по конструкции корабля, так и по внешнему облику его команды, члены которой явно ассоциируются с людьми-птицами. Насколько можно судить по изображениям, основой корпуса и килем лаквьетских боевых судов являлся долбленый ствол дерева, на который нашивались длинные доски. Возможно, борта кораблей надстраивались плетёными конструкциями. Носовая и кормовая части кораблей были высоко подняты, при этом на носовой части, богато украшенной перьями, лентами и знамёнами, был изображён глаз, а кормовая часть напоминала хвостовое оперенье птицы. Судя по фактуре изображений, на некоторых кораблях носовая и кормовая части были обиты бронзовыми пластинами. На многих кораблях был спардек, под которым хранились запасы продовольствия и воды.

По поводу мачты среди исследователей нет единого мнения. Некоторые учёные, в том числе А.Парментье, принимали за мачту невысокое сооружение в центре корабля, тогда как Д.В.Деопик определяет это сооружение как боевой кожаный барабан с подобием флексотона, который неоднократно встречается на позднечжоуских изображениях батальных сцен, относящихся к тому времени [342, с.282].

Длина лаквьетских боевых кораблей, или галер, составляла около 14 – 16 м. На изображениях показано до восьми гребцов, однако, судя по размерам кораблей, их число могло быть и большим. Для гребли использовались относительно небольшие вёсла. Таким веслом гребли, стоя лицом к носу корабля и упираясь им в ногу, так как уключин не было. Управлялся корабль длинным кормовым веслом (около 2,5 м). На боевых судах изображено до двенадцати воинов, вооружённых луками (стрелок на спардеке), одним или двумя копьями и топорами. Воины с топорами, вероятно, составляли ударную силу экипажа в абордажном бою. Кроме

воинов и гребцов, на которых надеты плетёные передники и шлемы из перьев (люди-птицы), на судне изображены ещё два человека. Один из них – командир. Он стоит или сидит около барабана (мачты?), в одной руке у него какой-то предмет[3], а в другой – короткий меч. Второй – кормчий. Он укрыт за спардеком и единственный из воинов, имеющий доспехи. Интересно, что рядом с ним за спардеком изображена собака. Есть ещё два единичных изображения. В одном случае представлена сцена расправы над пленником, который намеренно показан маленьким без шлема и без передника. В другом случае среди воинов на корабле изображена птица Лак, что лишь подтверждает религиозный характер ассоциаций: корабль-птица, люди-птицы и тотем-птица.

Таким образом, всё свидетельствует в пользу того, что фигурирующая на донгшонских бронзовых барабанах птица, которую обычно идентифицируют с цаплей или аистом, являлась одним из основных тотемов *лаквьетов*. Отсюда и её название «птица Лак», которое условно можно интерпретировать как «Прародитель рода Лак племени вьетов».

Не менее значимо и изображение другой сцены, также характерной для лаквьетских бронзовых барабанов. Речь идёт о процессии явно религиозного характера. В зависимости от барабана в процессии участвуют от четырёх до семи человек, которые идут слева направо на одинаковом расстоянии друг от друга. Они изображены рельефом «по-египетски»: грудью к зрителю, а ноги и голова – в профиль. Участники процессии одеты в саронги, на головах у них боевые шлемы с перьями (люди-птицы), а во главе процессии идёт человек с копьём в левой руке, которое, как и шлем, богато украшено перьями. В правой руке он несёт какой-то предмет, возможно, трещотку. Этот же предмет несут и все остальные движущейся к храму или общинному дому участники процессии. Аналогичного рода трещотки встречаются в изображениях шествия музыкантов на ритуальных бронзовых топорах *лаквьетов*, что подтверждает эту гипотезу [805, с.15, табл. XXV][4]. Процессию

[1] Смотри иллюстрацию 75 настоящего тома.

замыкают два музыканта. На одном из них одежда с нашитыми на неё бляхами, которые украшены традиционным орнаментом *лаквьетов* (двойной спиралью), а играет он на инструменте, встречающемся только в Юго-Восточной Азии (кене). У второго музыканта трещотка и своеобразный ударный инструмент, похожий на букву «П» с дополнительной перекладиной, по которой скользят, ударяясь о ножки инструмента, обрезки бамбука. Этот инструмент типичен для Индонезии. На другом изображении второй музыкант играет на инструменте типа литавр, который довольно редко встречается в Юго-Восточной Азии. Таким образом, речь идёт о религиозной процессии людей-птиц во главе со жрецом, которая направляется к храму или общинному дому. Весьма интересно, что по архитектуре последний, насколько можно судить по изображениям на бронзовых барабанах и по этнографическим аналогиям, также напоминает и корабль, и птицу, а это в свою очередь позволяет судить о композиционном единстве всех упомянутых сюжетов на бронзовых барабанах.

Ко времени появления первых донгшонских бронзовых барабанов, то есть к VIII – VII вв. до н.э., вряд ли можно говорить о значительной дифференциации лаквьетских святилищ, которую следует относить к более позднему времени, не ранее IV – III вв. до н.э. Судя по изображениям, ранний лаквьетский храм представлял собой в разрезе прямоугольник, а архитектурно отражал древние этнокультурные связи. Так, несущие опоры здания, оформленные в виде колонн-столбов, прямо ассоциируются с опорами свайных построек, тогда как загнутые коньки седловидной крыши напоминают передние (носовые) части лаквьетских боевых судов на бронзовых барабанах. Такие крыши имеют индонезийское происхождение, появление которых на свайных постройках вьетнамских национальных меньшинств объясняется древнейшими связями между континентальной и островной Юго-Восточной Азией, в том числе – и мореходными традициями *лаквьетов*. При этом

весьма интересен тот факт, что ещё в первой половине XX в. у национальных меньшинств Юго-Восточной Азии такого рода дом прямо ассоциировался с кораблём. На его седловидной крыше нередко совершались жертвоприношения, а члены общины, обитавшие в нём, воспринимались как команда одного судна. Не менее важно и наблюдение, согласно которому монкхмерские народы Южного Лаоса и Центрального Вьетнама не только строили крыши свайных построек в виде лодок, но и придавали им ещё и облик птицы. Поэтому если принять во внимание тот факт, что в боевых кораблях на донгшонских бронзовых барабанах изображены люди-птицы, то, по-видимому, правы те, кто в религиозных обрядах донгшонцев видит черты шаманизма, аналогичные обряду сибирских шаманов, улетающих во время камлания на птицах [626, с.103].

Таким образом, в лаквьетском обществе на ранних этапах его развития господствовал солярный культ, в котором главой всего сущего являлось Небо и его «глаз» – Солнце. Оно детерминировало порядок и взаимосвязь событий как земной, так и загробной жизни. О веровании в загробную жизнь, аналогичную жизни реальной, свидетельствуют зеркальный характер изображений на бронзовых барабанах и сопроводительный погребальный инвентарь из могильников. Последнее подтверждается ещё и тем, что уже на ранних этапах вьетской истории в сопроводительном материале появляются символические копии реальных вещей, или так называемые вотивные предметы. С таким представлением о загробной жизни был тесно связан культ предков, который восходит к древнейшим этапам становления лаквьетского общества. Первоначально он носил характер общинно-семейного культа и отправлялся в общинном доме или храме. Развитие культа предков происходило по мере становления лаквьетского государства. Оно было связанно с дифференциацией его храмов на семейные, родовые и династийные, которая сопровождалась выделением храмов общинного, регионального и общегосударственного значения.

Конструкция общинного дома лаквьетов могла быть схожей с конструкцией этого дома в современном поселении народа *мыонг* Зянгмо. Община Биньтхань, уезд Танлак, провинция Хоабинь. Северный Вьетнам, 17.04.2011 г.

Эта дифференциация относится к значительно более позднему периоду. Её начало датируется не ранее конца III –

начала II вв. до н.э., то есть эпохой Аулак – Намвьет[5]. Изображения на бронзовых барабанах также свидетельствуют о том, что уже в эпоху Ванланга в лаквьетском обществе появились особые служители культа, а об их существовании в более позднее время говорится и в письменных источниках. При отправлении культа широко использовались ритуальные музыкальные инструменты (бронзовые барабаны и гонги, кены, трещотки, упоминавшиеся выше ударные инструменты в форме буквы «П» с перекладиной, литавры, а позднее, в эпоху Намвьета, ксилофоны). Также использовалось ритуальное оружие (кинжалы, мечи, топоры), которое было украшено орнаментом и изображениями различных бытовых и культовых сцен[1]. Вероятно, это оружие использовалось и при жертвоприношениях. В основном в жертву приносились домашняя птица и крупные домашние животные. Также в числе жертвоприношений следует упомянуть рисовые пироги и вотивные предметы, которые подносились усопшим в рамках культа предков. Весьма интересна связь всех религиозных и культовых сюжетов на бронзовых барабанах с изображением птицы Лак, что позволяет определить её как главный или верховный тотем *лаквьетов*. А изображения воинов-птиц на кораблях, в ритуальных шествиях и танцах свидетельствуют о сохранении определённых элементов шаманизма в культовых обрядах *лаквьетов*.

Источники свидетельствуют также о том, что помимо поклонения птице Лак в среде *лаквьетов* были распространены и другие анималистические верования. Так, например, ранее уже говорилось о связи образа лягушки с ритуалом вызывания дождя. Также можно упомянуть и о поклонении «водяному дракону» – крокодилу, который согласно древней историко-мифологической традиции, был одним из предков *лаквьетов*. Согласно той же традиции, в древности на *лаквьетов* нападали «водяные чудовища». Тогда люди стали покрывать всё тело татуировкой. В результате «водяные чудовища» сочли их родственными существами и

[1] Смотри иллюстрацию 132 настоящего тома.

перестали на них нападать [236.1, кн.1, с.2а – 3б]. Интересно отметить, что обычай татуировки тела под «крокодила» сохранялся с эпохи Ванланга и вплоть до конца «Эпохи северной зависимости».

Элемент крыши. Мифическое животное (дракон?).
Тахньоа. № 0359 52/3. Musée Guimet

Возможно, что с ним была связана и весьма своеобразная причёска, о которой свидетельствуют как китайские письменные источники, так и ранняя вьетская скульптура: ровный валик волос надо лбом и висками, а сзади волосы заплетались в косу. У женщин коса падала на спину, тогда как у мужчин коса торчала от затылка. Имела ли эта причёска какое-либо сакральное значение – неизвестно, однако тот факт, что она исчезает одновременно с татуировкой тела, которая прямо связана с тотемом-крокодилом, косвенно свидетельствует в пользу этого.

Необходимо упомянуть ещё об одном аспекте лаквьетских верований, который типичен для всего юга Восточной Азии и известен под названием «народного даосизма». Культы «народного даосизма» включают в себя обожествление природных явлений, неодушевлённых предметов природы, таких как камни, валуны, скалы, деревья, веру в магические свойства амулетов и многое другое. Особенности преломления этих культов во вьетской среде были подробно исследованы Л.Кадьером [697; 699; 705; 709; 711; 713]. Они также нашли отражение в сюжетах вьетской историко-мифологической традиции, о которой речь пойдёт в следующем параграфе. Все аспекты и нюансы этих верований представляют большой интерес для исследования, однако для обобщающей работы наибольшее значение имеет аспект, связанный с южным характером их происхождения и со связями «народного даосизма» с древнекитайскими философскими школами.

Ранее уже говорилось о связи троичных построений в исследуемом регионе с учением натурфилософской школы Тёмного и Светлого начал, которая прослеживается как на анализе числа изображений птицы Лак на бронзовых барабанах, так и на проблеме цифрового соотнесения 18 королей Мужественных в Ванланге с 9 императорами Кайминами сычуаньского царства Шу. К этому можно добавить, что сложившаяся в царстве Чу[1] школа Тёмного и Светлого

[1] Дунтин-поянхуский район.

начал стала космогонической основой оформившейся в этом же регионе древней философской школы Даосизма, религиозной основой которой являлись культы «народного даосизма». А учитывая, что одним из основных элементов школы Тёмного и Светлого начал являлась астрология, за лаквьетскими служителями культа или жрецами следует признать ещё одну функцию – функцию астрологов.

Таким образом, древнейшие связи северо-вьетнамских территорий с Сычуань-юньнаньским и Дунтин-поянхуским районами Южного Китая наряду с приведёнными фактами свидетельствуют о том, что уже на ранних этапах своего развития лаквьетское общество находилось в зоне влияния древнекитайских философских школ Тёмного и Светлого начал и Даосизма.

Следовательно, на ранних этапах становления лаквьетского общества его верования являли собой целый комплекс различных религиозных представлений синкретического характера, которые были связаны с достаточно сложным культовым ритуалом и обрядами, отправлявшимися жрецами в специальных святилищах или общинных домах.

Наряду с ранними тотемистическими и анимистическими верованиями, а также элементами шаманизма в этот комплекс входили и некоторые элементы древних «южных» философских школ Тёмного и Светлого начал и Даосизма. Процесс его оформления происходил на всём протяжении 1-го тысячелетия до н.э., а к концу III – началу II в. до н.э. (эпоха Аулак – Намвьет) его развитие достигло того уровня, когда он должен был окончательно трансформироваться в единую религиозную систему.

Данный вывод подтверждается как событиями политической и экономической истории древнего Вьетнама, так и особенностями историко-мифологических сюжетов

первой группы[1], содержащихся во вьетнамских письменных источниках.

2. *Первая группа вьетнамских историко-мифологических сюжетов*

К сожалению, до настоящего времени не дошло не только списков, но и упоминаний о собственно вьетнамских письменных источниках или литературных произведениях, созданных до XI – XII вв. н.э. Тем не менее сохранившиеся в поздних летописных сводах данные вьетской историко-мифологической традиции, наличие двух специальных средневековых сборников сюжетов той же традиции [236; 237; 239; 242; 245], а также сопоставление данных этих сюжетов с данными ранних китайских письменных источников [248; 251; 257] позволяют сделать вывод о том, что истоки вьетской историко-мифологической традиции восходят к догосударственной эпохе, и о том, что уже на ранних этапах становления вьетской государственности можно констатировать наличие собственного летописания [544]. Поэтому в настоящей главе рассматриваются лишь те аспекты этой проблемы, которые имеют непосредственное отношение к религиозным и культовым процессам, протекавшим в лаквьетском обществе в 1-ом тысячелетии до н.э.

При разграничении первой группы вьетнамских историко-мифологических сюжетов по хронологическому и тематическому принципам выделяются три достаточно обособленные подгруппы таких сюжетов.

Первая подгруппа объединяет сюжеты исторических легенд, связанных с происхождением лаквьетов, территорией их расселения и их обособлением в рамках отдельного государства. Сюжеты этой подгруппы восходят к древней вьетской устной исторической традиции и охватывают период с 4-го до середины 1-го тысячелетия до н.э.

---

[1] Под первой группой историко-мифологических сюжетов понимаются сюжеты, в которых затрагивается история Вьетнама с древнейших времён до конца II в. до н.э., или до начала «Эпохи северной зависимости».

Вторая подгруппа занимает промежуточное положение. Её сюжеты отражают ранние представления лаквьетов о взаимосвязи природных явлений с целенаправленной деятельностью сверхъестественных сил. Единственный сохранившийся сюжет этой подгруппы относится к первой половине III в. до н.э.

Третья подгруппа объединяет исторические легенды, повествующие о восхождении на престол династии Тхук, её правлении и о перипетиях борьбы её государя Тхук Фана с циньским военачальником Чжао То, который в итоге стал основателем новой вьетской династии Чиеу. Таким образом, её сюжеты охватывают период с 258 по 207 г. до н.э.

Одно замечание. В сюжете второй подгруппы действует предок будущей династии Тхук, а по временной датировке событий этот сюжет непосредственно предваряет сюжеты третьей группы. Поэтому не исключена возможность градации историко-мифологических сюжетов первой группы не на три, а на две подгруппы. Однако если принять во внимание, что одним из героев этого сюжета является последний король Мужественный, и исходить из религиозного содержания ранних вьетских исторических легенд, то их троичная градация представляется более оправданной.

Сюжеты первой группы вьетской историко-мифологической традиции имеют две составляющие, одна из которых сводит воедино исторические события двух с половиной тысячелетий, а вторая является их религиозно-культовой составляющей. При сопоставлении исторического содержания вьетской историко-мифологической традиции с реальными фактами древнейшей истории региона родственных культур южнее Янцзы её сюжеты уже приводились, а иногда даже цитировались почти в полном объёме[1]. И тем не менее представляется целесообразным ещё раз вернуться к их мифологическому содержанию. Безусловно, здесь неизбежны повторы. Но если в упомянутых разделах сюжеты излагались кусками в контексте конкретных

[1] Смотри «Введение», «Глава 1» и «Глава 2» » «Части I» настоящего тома.

исторических событий, то в данном случае речь идёт о кратком последовательном изложении мифологической составляющей первой группы вьетских историко-мифологических сюжетов в том виде, в каком она была включена во вьетнамские письменные источники. Последнее же необходимо как для понимания сути вьетской концепции Поднебесной, так и для установления времени её окончательного оформления.

Сначала Поднебесной 天下 правили легендарные императоры, единые как для китайской, так и для вьетской историко-мифологической традиции[I]. Затем, в 2879 г. до н.э., Император Светлый 帝明 разделил Поднебесную на «Север» и «Юг». «Севером» стал править его старший сын Император Соответствующий 宜帝, а «Югом» – младший сын, король «Канона Юга» 王陽涇 по имени Лок Тук 續祿. Судя по вьетскому варианту мифа, Император Светлый формально передал власть старшему сыну раньше, но в действительности сохранил её в своих руках, так как 2879 г. до н.э. указывается и как 10-ый год правления Императора Соответствующего, и как 1-ый год правления короля «Канона Юга». С того времени «Юг» именовался Государство Красных Демонов 鬼亦, а Лок Тук стал основателем династии Славная [и] Щедрая 氏龐鴻[II].

Король «Канона Юга» женился на фее У 女倭婺, дочери государя озера Дунтин 庭洞, которого звали Дух-Дракон 龍神. Супруги стали прародителями всех вьетских племён к югу от реки Янцзы 江子揚.

Старший сын короля «Канона Юга» правитель Дракон Лак 君龍貉 по имени Шунг Лам 覽崇 женился на фее Ауко 姬嫗. Она родила сто яиц, из которых вышло сто сыновей. После этого супруги расстались. Пятьдесят сыновей остались на низменности с отцом, а пятьдесят – ушли с матерью в горы.

[I] О переводе-интерпретации титулов вьетских мифологических государей смотри ниже в «Параграфе 3».

[II] О смене легендарных императоров и династий в Поднебесной, предшествовавших этой дате, смотри «Таблицу №1» в «Томе VI».

Они стали родоначальниками всех вьетских племён, известных под названием «Сто Вьет» 粵百.

В 2637 г. до н.э. старший сын Правителя Дракона Лака и феи Ауко, государь *лаквьетов* 越貉, основал царство Ванланг 郎文, принял титул короля Мужественного 王雄 и стал родоначальником одноимённой династии восемнадцати королей Мужественных 氏王雄. Наследник престола носил имя Государственный Муж 郎官, дочери государя назывались Прекрасная девушка 娘媚. При дворе королей Мужественных существовала иерархия, в которой высшую знать представляли маркизы Лак 侯駱 и военачальники Лак 將駱, наследственную знать – Возглавляющие Множество 正蒲, а основную массу населения составлял народ Лак 民駱, обрабатывавший поля Лак 田駱.

В правление последнего короля Мужественного к его дочери посватались Дух Гор, Дух Вод и король Шу 王蜀 из Тэйву 干西, или Тэйау 甌西. Короля Шу даже не допустили к состязанию, в котором победил Дух Гор, ставший мужем принцессы. С тех пор началась вражда между Духом Гор и Духом Вод, а также между королём Шу и королём Мужественным. Своего апогея она достигла при внуке оскорблённого короля Шу Пане 泮蜀. Король Мужественный обладал магической силой, поэтому Пань постоянно терпел поражение. Государь Ванланга так уверовал в свою непобедимость, что целыми днями пировал и пьянствовал в своём дворце. В итоге Пань напал на него врасплох и захватил крепость. Тогда король Мужественный покончил с собой, бросившись в колодец. Шу Пань объединил Ванланг и Тэйву в царство Аулак 貉甌, основал новую вьетскую династию Тхук (Шу) и принял титул короля Умиротворённого юга 干陽安. Эти события датируются 257 г. до н.э.

Тхук Фан (Шу Пань) возвёл мощную крепость, которую назвал Крепость Улитка и сделал своей столицей. В строительстве ему мешали мужское и женское начала, воплощавшие силу гор, вод и предыдущих правителей, а также

демон – погибший придворный певец королей Мужественных, перевоплощавшийся в дочь хозяина постоялого двора и белую курицу. Тогда Тхук Фану пришёл на помощь Дух – Золотая черепаха. С её помощью он одолел врагов. Прощаясь, Золотая черепаха подарила Тхук Фану свой коготь, из которого он поручил сделать своему военачальнику Као Ло, или Као Тхонгу, спусковой крючок арбалета. Этому арбалету никто не мог противостоять.

Далее следует сюжет о вражде между Тхук Фаном и циньским военачальником Чжао То 陀趙. Столкновения между ними длились несколько лет, но благодаря волшебному арбалету Тхук Фан постоянно побеждал. Тогда Чжао То отправил ко двору Тхук Фана своего сына Чжун Ши заложником. В итоге тот женился на дочери короля Умиротворённого юга Ми Тяу 珠媚 (Прекрасная жемчужина), узнал от неё тайну волшебного когтя, подменил его и уехал навестить родителей. После этого Чжао То вновь напал на Аулак. Без волшебного арбалета Тхук Фан потерпел поражение и бежал вместе с дочерью, которая, по договорённости с мужем, оставляла метки. По этим меткам преследователи настигли короля Умиротворённого юга на берегу моря. Тут появилась Золотая черепаха и сообщила Тхук Фану о предательстве дочери. Ми Тяу сказала, что она была обманута мужем, и просила Небо в знак её невиновности, превратить её после смерти в прекрасный жемчуг. Тхук Фан обезглавил дочь, взял в рот ритуальный рог носорога и покончил с собой, бросившись в море. Чжун Ши привёз тело жены в крепость и с горя тоже покончил с собой, бросившись в колодец, а тело Ми Тяу превратилось в прекрасный жемчуг, которым славится Восточное море.

В результате Чиеу Да (Чжао То) объединил Аулак со своими владениями в Гуандуне, назвал новое царство Намвьет 越南, став основателем новой вьетской династии Чиеу (Чжао) 趙. Это событие датируется 207 г. до н.э.

На этом сюжете вьетская историко-мифологическая традиция прекращает своё существование, с тем чтобы в

середине I в. н.э. появиться вновь. Иными словами, речь идёт о временно́м разрыве в двести пятьдесят лет. Причину же этого «разрыва» можно понять только исходя из сопоставительного анализа всех трёх подгрупп первой группы вьетской историко-мифологической традиции.

Бронза. Стоящий на коленях воин с копьём. Эпоха Аулак – Намвьет (Хань). Тахньхоа. № 0359 2274/9. Musée Guimet

Первая подгруппа. Начальные сюжеты этой подгруппы вплоть до 2879 г. до н.э. просто переписаны из китайской историко-мифологической традиции. К ним примыкают сюжеты, связанные с мифическими вьетскими государями – королём «Канона Юга» и правителем Драконом Лаком. Последний её сюжет датирован 2637 г. до н.э. В нём говорится о возникновении династии королей Мужественных и царства Ванланг. Все эти сюжеты опираются на реальные сведения о расселении и связях протовьетских племён в конце 4-го – начале 1-го тысячелетий до н.э. на территориях к югу от Янцзы. Содержащиеся в них исторические данные смещены по времени в рамках длительной устной исторической традиции (около трёх тысячелетий), а их мифологическая составляющая отражает ранние тотемистические и анимистические представления *лаквьетов*. Безусловно, титулы король «Канона Юга» и правитель Дракон Лак, также как имена Лок Тук, Шунг Лам, Ву и Ауко, носят вымышленный характер, но появились они значительно позднее. Наиболее вероятно их появление одновременно с включением ранних сюжетов китайской концепции Поднебесной во вьетскую[6].

Вторая подгруппа. Как уже говорилось, сюжеты этой подгруппы имеют промежуточный характер, при этом они далеко не однородны. В этих сюжетах приводятся сведения, относящиеся непосредственно к территории расселения лаквьетов и примыкающим к ним северным территориям. На протяжении всего периода, который они охватывают, точность этих сведений постоянно возрастает, а при чтении сюжетов второй половины III в. до н.э. складывается впечатление, что это синхронная письменная фиксация происходящих событий. Мифологический антураж сюжетов этой подгруппы также резко меняется. Он совершенно теряет черты этногонического мифа и отображает весьма сложные религиозные представления своих создателей, а также динамику их развития на протяжении X – III вв. до н.э.

Первый сюжет связан с силами природы и их тесной взаимосвязью с жизнью людей. Это миф о Духе Гор и Духе

Вод, столкновения между которыми имеют годовую цикличность. Учитывая, что основным оборонительным пунктом Духа Гор была одна из священных гор лаквьетов, гора Танвиен, находящаяся в районе слияния Чёрной и Красной рек в предгорьях провинции Шонтэй, а также тот факт, что в древности при приливах и наводнениях вода достигала этого района, следует признать справедливым предположение о возникновении мифа о Духе Гор и Духе Вод в связи с особенностями раннеземледельческого общества лаквьетов [342, с.143, 144]. Вставленный в этот миф сюжет о короле Шу имеет значительно более позднее происхождение. Судя по контексту, это было сделано для объяснения последующей вражды между шускими правителями из Тэйву и королями Мужественными царства Ванланг. Единственный элемент этого сюжета, тяготеющий к предыдущему сюжету, это сообщение о какой-то «магической силе» короля Мужественного, благодаря которой он успешно отражал все нападения короля Шу.

Таким образом, если сам миф о Духе Гор и Духе Вод, несомненно, восходит к началу 1-го тысячелетия до н.э., то вставленный в него сюжет о короле Шу не может датироваться ранее середины III в. до н.э.

Следующий сюжет этой подгруппы датируется 257 – 255 гг. до н.э. Мифологическая составляющая этого сюжета уже содержит достаточно полный спектр ранних вьетских религиозных представлений. В нём и обожествление гор (священная гора Танвиен), и вера в злых и добрых духов (демон и Золотая черепаха), и ритуалы (пост Тхук Фана при строительстве Крепости Улитки, музыкальный инструмент в могиле и принесение в жертву белой курицы), и вера в Небо как в верховное божество (обращение к Небу Тхук Фана), и вера в магические силы (волшебный коготь Золотой черепахи). Наконец, слова Золотой черепахи в этом сюжете прямо говорят о восприятии *лаквьетами* учения космогонической школы Тёмного и Светлого начал: «Рядом с горой находится постоялый двор. Хозяина постоялого двора зовут Нго-кхонг, у

него есть дочь и белая курица. То – остальная часть мужского и женского начал… …Если убить белую курицу, изгнать те мужское и женское начала, то [строительство] крепости можно будет завершить [и она] будет прочной» [236.1, кн.1, с.6а – 7б]. Этот же сюжет свидетельствует и об определённом влиянии раннего конфуцианства в лаквьетском обществе III в. до н.э. Такой вывод следует из сентенции Тхук Фана «Смерть и жизнь предопределяются судьбой, что могут [с этим] поделать демоны?», которая неразрывно связана со словами хозяина постоялого двора «Если Господин так [спокоен], то [он] наверняка совершенный человек!» [236.1, кн.1, с.7а]. Здесь важно подчеркнуть, что, в отличие от предыдущих сюжетов, религиозно-мифологический антураж этого сюжета опирается на следующие реальные исторические события[1]: 1. Война между Ванлангом и Шу в Тэйву; 2. Свержение Шу Панем короля Мужественного; 3. Объединение Ванланга и Шу в царство Аулак с новой династией Тхук; 4. Строительство Крепости Улитки и принятие Тхук Фаном титула короля Умиротворённого юга.

Третья подгруппа. Она состоит всего из одного сюжета, который датируется 210 – 207 гг. до н.э. Мифологическое содержание этого сюжета ничем не отличается от мифологического содержания последнего сюжета о Тхук Фане. Из нового можно лишь указать на ритуальный рог носорога и на превращении дочери Тхук Фана Ми Тяу после её казни в «прекрасный жемчуг». В связи с этим интересно отметить, что если Тхук Фан успешно противостоял циньскому полководцу Чжао То благодаря волшебному когтю Золотой черепахи, то после того как последний обманом им овладел и сверг короля Умиротворённого юга, этот коготь просто исчезает из вьетских историко-мифологических повествований.

Из вышесказанного следует, что с точки зрения мифологического антуража сюжет третьей подгруппы принадлежит к династийным мифам второй подгруппы, тогда как первый сюжет последней является связующим звеном

[1] Смотри выше «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

между этногоническими мифами первой подгруппы и династийными мифами рода Тхук. Такая структура вьетской исторической мифологии прослеживается и на религиозно-философских элементах сюжетов указанных трёх подгрупп. Так, в мифах первой подгруппы выстраивается стройная легенда о происхождении *лаквьетов* от легендарных правителей древности и первопредка – «водяного дракона» или крокодила, а религиозный антураж и космогоническое учение школы Тёмного и Светлого начал (противопоставление правителя Дракона Лака из рода Воды и феи Ауко из рода Огня) носят вспомогательный характер. Более древняя часть мифа второй подгруппы уже строится на религиозном представлении о взаимодействии обожествлённых сил природы и человека, тогда как в его более поздней части и в мифе третьей подгруппы религиозный фактор прямо выдвигается на передний план. Наконец, в этих сюжетах вьетнамской мифологии впервые появляется волшебный персонаж – черепаха, которая действует весьма активно и во многом предопределяет поступки Тхук Фана. Интересно, что если с этого момента ранние тотемы *вьетов* (птица Лак и крокодил) полностью исчезают из вьетнамских исторических легенд, то черепаха сохраняется в них вплоть до XV в.[7].

Таким образом, очевидно, что сюжеты первой, второй и третьей подгрупп логически связаны не только последовательностью исторических событий, но и их перманентно расширявшимся и углублявшимся религиозно-мировоззренческим содержанием. Также не вызывает сомнения, что эта концепция начала формироваться не позднее середины 1-го тысячелетия до н.э. на основе устной исторической традиции и приобрела свой окончательный вид в момент письменной фиксации её сюжетов. Именно с этой письменной фиксацией следует связывать раннюю общую редакцию первой группы вьетских историко-мифологических сюжетов, которая происходила синхронно возникновению настоящей письменной исторической традиции[8].

3. *Вьетская концепция Поднебесной в свете проблемы письменности и раннего летописания в древнем Вьетнаме*[9]

При исследовании дошедших до нас вьетнамских летописных сводов бросаются в глаза настойчивые попытки средневековых вьетнамских историографов поставить своеобразный знак равенства между Вьетнамом и Китаем. И здесь важно отметить два момента. Во-первых, чем позднее создаётся свод, тем чётче формулируется это «равенство», которое во вьетнамском официальном летописании связывается с оформлением неоконфуцианства и включением в его структуру сюжетов неофициальной историко-мифологической традиции [544, с.119 – 137]. Во-вторых, это «равенство» доказывается через «равную» древность происхождения от общего предка[I]. Именно поэтому под «Вьетской концепцией Поднебесной» понимается такая, исключительно вьетская по своему происхождению система аргументации, в которой была сформулирована концепция «равенства» Вьетнама и Китая[10].

Включение сюжетов вьетской концепции Поднебесной в официальные вьетнамские летописные своды произошло в XIV – XV вв.[II], однако их письменная фиксация произошла значительно раньше. Гипотеза о письменной фиксации вьетских историко-мифологических сюжетов исторической традиции, восходящей к концу 4-го – началу 3-го тысячелетия до н.э. во второй половине III в. до н.э. подтверждается, как это уже не раз отмечалось, самим характером изложения сведений в этих сюжетах: от весьма общих, достаточно расплывчатых и нередко смещённых по времени на несколько веков (первая подгруппа), сообщаемые в них исторические факты всё более конкретизируются, а к III в. до н.э. они уже приобретают характер письменной традиции (третья подгруппа). При этом следует учитывать, что династия Тхук пришла в Тэйву из древнекитайского царства Шу в Сычуани, в

[I] Как известно, подобная система позитивной аргументации на примере древних образцов типична для конфуцианского культурного ареала.

[II] Смотри «Главу 1» и «Главу 2» «Части III» «Тома II».

котором существовала письменность. Поэтому сам факт наличия иероглифической письменности при дворе короля Умиротворённого юга Тхук Фана в Аулаке (257 – 208 гг. до н.э.) не подлежит сомнению.

Ещё более бесспорен факт широкого распространения письменности при дворе династии Чиеу в Намвьете. Также очевидно, что при династиях Тхук и Чиеу использовался древнекитайский письменный язык в его древней, доханьской форме[11]. В то же время вопрос о существовании письменности во Вьетнаме эпохи Ванланга в целом остаётся открытым. В пользу существования последней свидетельствует то, что на территориях, имеющих древние этнические и культурные связи с территорией Северного Вьетнама, была обнаружена собственная древняя оригинальная письменность. Так, при раскопках на горе Янцзышань у Чэнду были найдены бронзовые печати с пиктографическими знаками и бронзовые сосуды с такими же знаками на дне. Эти знаки получили название письма Ба – Шу, и они, по свидетельству специалистов, «не имеют ничего общего с древнекитайской письменностью». А из датировки указанных печатей и сосудов следует, что в Сычуани не позднее V – IV вв. до н.э. имелась собственная письменность [392, с.169].

На примыкающей к Сычуани с юго-запада территории Юньнани также была обнаружена собственная пиктографическая письменность, датируемая IV – концом I в. до н.э. (царство Дянь). В могиле №13 Шичжайшанского могильника был найден обломок (верхний конец) прямоугольной бронзовой пластины с пиктографическим текстом. На этом обломке (длина – 42 см, ширина – 12,5 см, толщина – 0,1 см) сверху вниз расположены четыре поля с гравированными рисунками, отделённые друг от друга орнаментированной полосой. Согласно выводу археологов эта пластина представляет собой пиктографическую запись какого-то фискального или торгового акта [392, с.193].

Наконец, в пятнадцати пунктах Фуцзяни были обнаружены пиктограммы на скальных поверхностях.

Китайский учёный Хун Ли предположил, что их создателями могли быть жители царства Дунюэ (конец III – II вв. до н.э.) [392, с.159, 160].

Таким образом, в едином культурном очаге, ограниченном рамками «опрокинутого треугольника» с восточной стороной по линии Чжэцзян – Фуцзянь – Гуандун, западной стороной по линии Сычуань – Юньнань – Гуанси, основанием по реке Янцзы и вершиной в Северном Вьетнаме на юго-востоке и на юго-западе были обнаружены различные варианты собственной письменности и лишь на его южной вершине таковой пока обнаружено не было. В свете этих данных весьма интересно сообщение наиболее древнего из сохранившихся вьетнамских летописных сводов: «Государство называлось Ванланг, в стране существовали бесхитростные обычаи, государственные дела велись при помощи узелков» [36, с.109]. Иными словами, речь идёт об узелковой письменности, подобной древней письменности майя. Также существует гипотеза, согласно которой часть орнамента на донгшонских бронзовых барабанах на самом деле является пиктографическим письмом. Согласно другой гипотезе, во Вьете до III в. до н.э. существовала фонетическое письмо со шрифтом на базе пали [1284, т.3, с.298 – 301, т.4, с.364 – 372]. В целом представляется наиболее вероятным существование в эпоху Ванланга примитивной пиктографической или узелковой письменности. Наличие таковой наиболее адекватно соответствовало бы реальному социально-экономическому и политическому развитию лаквьетского общества VII – IV вв. до н.э. Не исключено преобразование этой письменности в фонетическое письмо в IV в. до н.э.[12], которое в середине III в. до н.э. было вытеснено более развитым иероглифическим письмом. Однако если факт распространения иероглифики с началом правления династии Тхук в Аулаке не вызывает сомнения, то гипотеза о более ранней автохтонной письменности остаётся лишь предположением, требующим доказательств, которые могут появиться только в результате новых археологических открытий[13].

Из всего вышесказанного следует, что историко-мифологические сюжеты древней вьетской устной исторической традиции были зафиксированы в письменном виде в эпоху Аулака при династии Тхук (вторая половина III в. до н.э.). Но при этом остаётся открытым вопрос о том, когда эти сюжеты были отредактированы и преобразованы в единую национальную концепцию Поднебесной? Представляется, что ответ на этот вопрос может дать сопоставительный анализ титула мифологического основателя царства *Ванланг*, титула основателя царства *Аулак* и названия царства *Намвьет*[I].

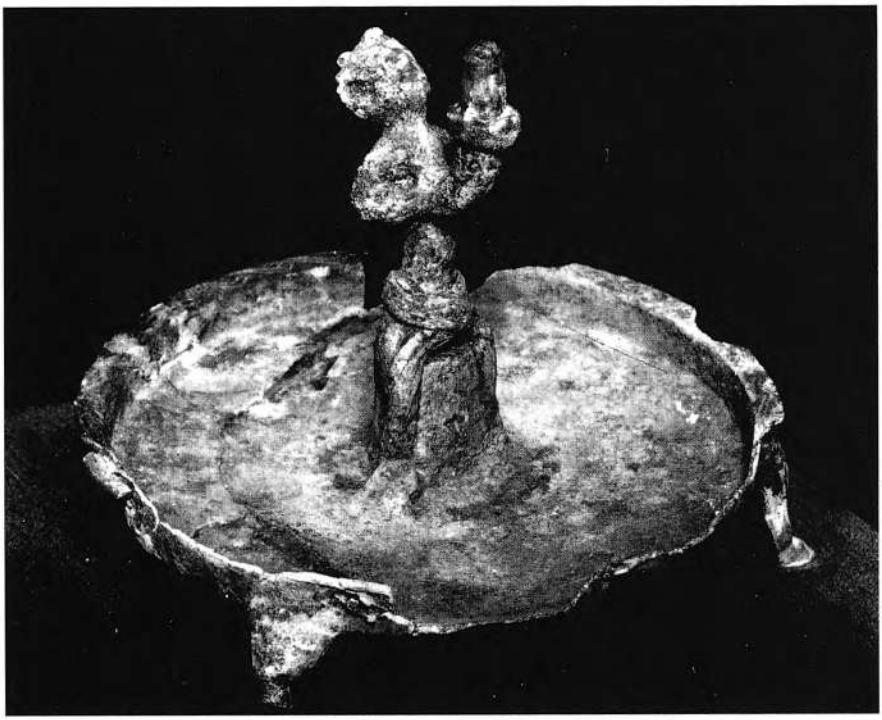
1. Известно, что царство 越南 (Намвьет, Наньюэ, 207 – 111 гг. до н.э.) было образовано циньским военачальником Чжао То (Чиеу Да) в результате покорения им царства Аулак, при этом в состав Намвьета вошла территория Северного и северной части Центрального Вьетнама (Ванланг), юго-восточная часть территории Гуанси (Тэйву или Тэйау) и большая часть территории Гуандуна, где находилась столица династии Чиеу город Паньюй. Перевод названия этого царства не представляет никаких сложностей. Основное значение иероглифа 南 – «Юг» [3, с.379, №3832], а иероглиф 越 является этнонимом «Вьет» [3, с.541, №5826]. Отсюда совершенно однозначный перевод: «Южный Вьет». Интересно отметить, что современное название «Вьетнам» является прямой репликой наименования древнего царства и переводится как «Вьетский Юг».

2. Известно, что титул 王陽安 (Ан-зыонг вьонг, Ань-ян ван) принадлежит потомку государей царства Шу в Сычуани Тхук Фану (Шу Паню)[II], принявшего его после покорения царства Ванланг и создания царства Аулак (257 – 207 гг. до н.э.), в состав которого вошли территория Северного и

[I] Нижеприведённые даты указываются в соответствии с данными вьетнамских летописных сводов. О реальных датах образования царств Аулак и Намвьет смотри главы «Части I» настоящего тома.

[II] Вызвавший многочисленные споры исторический характер этого титула был обоснован в «Главе 2» «Части I».

северной части Центрального Вьетнама (Ванланг) и юго-восточная часть территории Гуанси (Тэйву или Тэйау).

Бронза. Антропоморфная лампа. Эпоха Аулак – Намвьет (Хань). Тахньхоа. № 0359 2254/17. Musée Guimet

Первоначально титул Ан-зыонг выонг был переведён как «правитель Мирный-Солнечный», поскольку иероглиф 王 переводился как «правитель», иероглиф 安 – как «мирный», а иероглиф 陽 – как «солнечный» [544, с.166]. Безусловно, такая интерпретация этих иероглифов допустима, однако работа с иероглифическими текстами источников привела к иному варианту перевода этого титула [550, с.534]. В новом варианте иероглиф 王 переводится как «король» [3, с.32, №312][1]. Основным значением иероглифа 安 является «умиротворение» [3, с.850, №8828] в смысле военного усмирения мятежа,

[1] Смотри «Комментарий», «Примечание 4» к «Введению».

противника или населения покорённой территории. Наконец, иероглиф 陽 [3, с.429, №4389]. В своём основном значении он образует пару с иероглифом 陰 [3, с.838, №8669], которая представляет собой основополагающее понятие единства и противоположности в древнекитайской философии, давшее название древней натурфилософской школе 家 [3, с.518, №5594], а именно – понятие Тёмного [и] Светлого 陽陰 начал [3, с.838, №8669]. Поэтому иероглиф 陽 переводится в контексте таких «единств и противоположностей» (светлый – тёмный, мужской – женский, южный – северный и т.д.) как «юг». А при такой интерпретации иероглифов 安, 陽 и 王 вполне логичен вывод о том, что Тхук Фан, *умиротворив территории к югу от своих владений*, принял титул «король Умиротворённого юга».

3. Известно, что титул 王陽涇 (Кинь-зыонг выонг, Цзин-ян ван) принадлежит легендарному прародителю *вьетов*. Как отмечалось, этот он имеет вымышленный характер. Также уже рассматривалась проблема происхождения иероглифов, составляющих этот титул. По одной гипотезе первоначально в состав этого титула входили иероглифы 荊 [3, с.275, №2839] и 楊 [3, с.429, №4389], по другой – иероглифы 貉 [3, с.133, №1398] или 經 [3, с.18, №127] и 陽 [3, с.429, №4385][1].

Вторая гипотеза исходила из первоначального перевода этого титула как «правитель Солнечный Кинь» [542, с.171] или «король Солнечный Кинь» [548, с.61-62, 532]. При этом были предложены ещё два варианта его перевода. Согласно первому в случае замены иероглифа 貉 на иероглиф 涇 [3, с.19, №128] титул мог переводиться как «король Солнечный Лак», при этом иероглиф 陽 переводился как «солнечный». Но в титуле «король Умиротворённого юга» этот же иероглиф переводился как «южный», а в контексте мифа понятия «южный» и «вьетский» являются синонимами. В результате допускался перевод данного титула как «король Лак Вьет» [550, с.443,

[1] Смотри «Параграф 2» «Введения» и «Главу 1» «Части I» настоящего тома.

444]. Согласно второму, «Если исходить из написания иероглифов и культурного содержания вьетнамских исторических легенд, напрашивается предположение о том, что иероглиф 經 (*кинь*) со значением «классический» по какой-то причине был заменён иероглифом 涇 с аналогичной фонетикой. В этом случае имя "Солнечный Кинь" может быть интерпретировано как "Классический (или Канонизированный) король Солнечный"» [550, с.62]. Но так как оба эти варианта были достаточно сомнительными, то титул Кинь-зыонг выонг и в дальнейшем переводился как «король Солнечный Кинь» [239.6, с.1075]. Таким образом, иероглиф 涇 так и остался непереведённым и по-прежнему давался в транскрипции «кинь». Однако последующая работа над иероглифическими текстами вьетнамских источников позволила выдвинуть новую и, как представляется, более обоснованную гипотезу перевода титула Кинь-зыонг выонг.

Прежде всего, речь идёт об унификации перевода иероглифов в титулах. В данном случае – иероглифа 陽 титулах Ан-зыонг выонг («юг») и Кинь-зыонг выонг («солнечный»). Вышеприведённое обоснование варианта «юг» для первого титула даёт все основания для использования его и при переводе второго. Наконец, перевод иероглифа 王 как «король» уже достаточно апробирован и носит устойчивый характер. Таким образом, имеются две составляющие перевода титула Кинь-зыонг выонг: «король» и «юг». Остаётся вопрос с иероглифом 涇.

Представляется, что в данном случае решение проблемы кроется в самом мифе о легендарном прародителе вьетов Лок Туке. Согласно мифу он был младшим сыном последнего легендарного государя единой Поднебесной – Императора Светлого, который разделил её на две части. «Север» он отдал в управление своему старшему сыну Императору Пшеницы, а «Юг» – младшему, Лок Туку. Из того же мифа следует, что старший сын Лок Тука правил «Югом» в одну эпоху с легендарным Императором Яо, который правил на «Севере» и, согласно традиции, был автором «Канона Яо».

В этом произведении впервые упоминается организация императорского двора, характерная для двора государей Ванланга[I], а в его названии иероглиф 典 (*điển, диен, дянь*) [3, с.750, №7893] обозначает понятие «канон», которое также нередко обозначается иероглифом 經[II]. Если к этому добавить, что вьетская концепция Поднебесной строится на принципах равенства Северного и Южного государств, то вполне допустима гипотеза, согласно которой в титуле Кинь-зыонг выонг иероглиф 涇, почти идентичный по написанию иероглифу 經, прямо ассоциировался с понятием «канон».

Таким образом, иероглиф 涇 может интерпретироваться как «канон», иероглиф 陽 – как «юг» и иероглиф 王 – как «король». Если это так, то титул Кинь-зыонг выонг следует интерпретировать как «король "Канона Юга"»[14]. Такой перевод этого титула более логичен ещё и потому, что он позволяет относительно точно установить время создания вьетской концепции Поднебесной, для чего сначала необходимо суммировать выводы, сформулированные на основании вышеизложенного материала, которые сводятся к следующему.

3.1. Сюжеты первой группы вьетской историко-мифологической традиции предваряются историко-мифологическими сюжетами китайской концепции Поднебесной, описывающими события с момента создания Поднебесной до 2879 г. до н.э.

3.2. Сюжеты первой группы вьетской историко-мифологической традиции открываются мифом о прародителе *вьетов* Лок Туке, младшем сыне легендарного китайского Императора Светлого, который с 2879 г. до н.э. правил «Югом» под титулом король «Канона Юга». Этот сюжет играет роль связки

[I] Смотри «Главу 1» «Части I» настоящего тома.

[II] Например, в этом значении он используется в общем названии пяти китайских канонических книг, или «Пятикнижия». А в него входит и «Книга Истории», в состав которой включён «Канон Яо».

между сюжетами китайской и вьетской историко-мифологических традиций и носит явно вымышленный характер.

3.3. Старший сын правителя Дракона Лака и внук короля «Канона Юга» стал основателем *лаквьетской* династии королей Мужественных и царства Ванланг. Имеется описание организации *лаквьетского* общества той эпохи, которая начинается с 2637 г. до н.э. Впервые же титулатура с этнонимом *лак* (*ло*) упоминается в «Каноне Яо», включённом в «Книгу Истории» при описании организации двора легендарного китайского Императора Яо, начало правления которого датируется 2357 г. до н.э.

3.4. Для эпохи с конца VIII – середины VII в. до н.э. по середину III в. до н.э. царство Ванланг с династией королей Мужественных, а также описание организации *лаквьетского* общества того периода носят исторический характер.

Таким образом, вышеприведённые выводы свидетельствуют о переносе реальных фактов 1-го тысячелетия до н.э. в мифологические сюжеты, относящиеся к 2637 – 2357 гг. до н.э., в рамках которого проводится аналогия между совершенномудрым Императором Яо, давшим «Закон» «Северу» («Канон Яо»), и прародителем вьетов Лок Туком, давшим «Закон» «Югу» («Канон Юга»).

3.5. Древняя вьетская устная историческо-мифологическая традиция, восходящая к концу 4-го – началу 3-го тысячелетия до н.э., была записана во второй половине III в. до н.э. при дворе короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Последний сюжет этой традиции датируется 210 – 207 гг. до н.э., после чего она исчезает, с тем чтобы возродиться через два с половиной века в форме второй группы вьетских историко-мифологических сюжетов.

3.6. В конце III – II в. до н.э. сюжеты первой группы вьетской историко-мифологической традиции преобразуются в национальную концепцию Поднебесной, главной идеей которой является доказательство равенства между «Югом» и «Севером» или вьетским царством и китайской империей по древности происхождения обоих государств.

3.7. В до-ханьских исторических источниках содержатся крайне скудные сведения о вьетских территориях. И только после завоевания Намвьета в 111 г. до н.э. в главе 113 и ряде других разделов «Исторических записок» Сыма Цяня, который, как известно, был главным придворным историографом императора Воинственного династии Хань, появляется достаточно подробное описание этого вьетского царства и династии Чиеу.

При сведении воедино вышеприведённых выводов складывается такое впечатление, что автор вьетской концепции Поднебесной должен был, с одной стороны, обладать знанием китайской культуры и китайских классических и канонических текстов, а с другой – он должен был быть *вьетом* или, по крайней мере, *иметь к вьетам непосредственное отношение и находиться в жёсткой оппозиции к китайской империи*. В древней истории Вьетнама под эти параметры подпадает только циньский военачальник Чжао То (Чиеу Да), который объединил в рамках царства Намвьет (207 – 111 гг. до н.э.) территории юго-западного Гуанси, Гуандуна, а также Северного и северной части Центрального Вьетнама, стал основателем новой вьетской династии Чиеу, принял титул императора и успешно противостоял империи Хань[1].

Известно, что двор Чиеу Да был организован по образцу и подобию двора ханьского императора, при котором одной из важнейших должностей была должность главного придворного историографа. Следовательно, сложно допустить,

---

[1] Смотри «Главу 3» «Части I» настоящего тома.

что при имперском дворе Чиеу Да не было должности историографа, который бы не вёл придворной хроники. Никаких сведений об этой хронике не сохранилось, но только её существованием можно объяснить как внезапное «превращение» сюжетов первой группы вьетской историко-мифологической традиции в национальную концепцию Поднебесной, так и появление подробных сведений о Намвьете после его покорения империей Хань в «Исторических записках» Сыма Цяня. При этом наиболее вероятной представляется следующая гипотеза:

Придворные историографы государя Намвьета императора Воинственного Чиеу Да[1] *отредактировали сюжеты вьетской историко-мифологической традиции и предварили их сюжетами китайской мифологии, связав китайские и вьетские исторические мифы друг с другом «вставкой» о «короле "Канона Юга"»*[15]. *В результате этого сложилась единая непротиворечивая вьетская концепция Поднебесной, своего рода историко-мифологический летописный свод, описывающий деяния вьетских государей до образования царства Намвьет и воцарения династии Чиеу, который сменялся придворной погодной хроникой правящей династии* (*условное название – «Анналы династии Чиеу»*)[16]. Существование такой историографии при дворе Чиеу Да вполне соответствовало бы как военно-политическому противостоянию царства Намвьет и империи Хань, так и принципам летописания конфуцианства ханьского толка.

Если теперь на основании изложенного материала обобщить культурное развитие *лаквьетского* общества на протяжении VII – середины III в. до н.э. или эпохи царства Ванланг и королей Мужественных, то складывается следующая картина.

В *лаквьетском* обществе VII – V вв. до н.э. господствовал солярный культ, в котором главой всего сущего являлось Небо и его глаз – Солнце. Наряду с ним существовали многочисленные верования и культы, связанные

[1] 207 – 136 гг. до н.э.

с обожествлением сил природы и неодушевлённых предметов (камней, валунов, скал, гор, деревьев и т.д.). Бытовали верования в демонов, духов и аналогичную земной загробную жизнь, с которыми теснейшим образом был связан культ предков, имевший на ранних этапах развития общества характер общинно-семейного культа. То есть речь идёт о комплексе ранних верований, который на территориях к югу от реки Янцзы известен как «народный даосизм».

Скульптурные изображения домашних животных и птиц.
Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

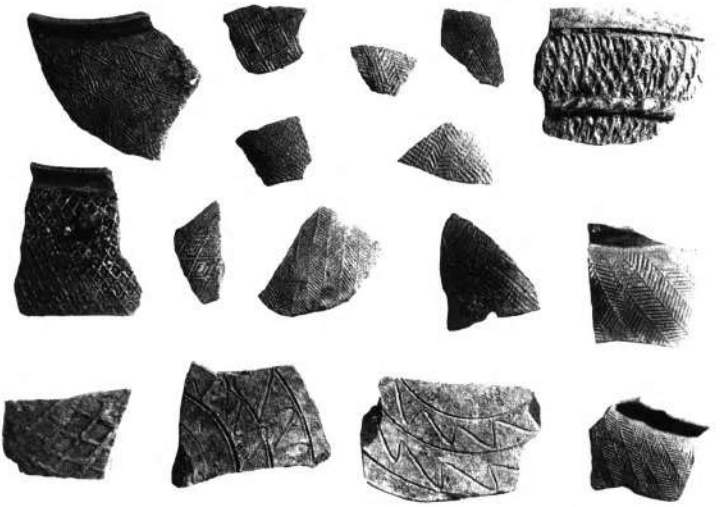
Этот комплекс ранних верований генетически связан с натурфилософским учением школы Тёмного и Светлого начал, определённое влияние которого прослеживается уже на ранних этапах развития лаквьетского общества. В рамках этого влияния можно отметить как сакральный характер троичных

построений, так и жертвоприношения домашних птиц и животных, сопровождающиеся различными астрологическими прорицаниями. Другой тип жертвоприношений связан с культом предков. В этом случае подношения нередко включали символическую пищу и дары усопшим (вотивные предметы), заменявшие реальные жертвоприношения. Наряду с этими общими для юга Восточной Азии верованиями существовали и исключительно лаквьетские тотемистические и анимистические культы. Главными тотемами были птица Лак (цапля или аист), «водяной дракон» (крокодил) и лягушка (провозвестница грома и дождя). С этими тотемами следует связывать определённые элементы шаманизма, стиль ритуальных костюмов людей-птиц, своеобразную причёску лаквьетов и их обычай покрывать татуировкой всё тело. Судя по бронзовым барабанам, празднества имели сакральный характер, при этом танцы и музыка являлись составным элементом ритуальных действий. Культовую окраску имела и архитектура, древняя традиция которой была прямо связана с древнейшими региональными верованиями. Это прежде всего касается общинных храмов, которые имели прямоугольную форму с несущими опорами и седловидными крышами с загнутыми коньками, ассоциировавшимися со столбами свайных домов и лодками-кораблями *лаквьетов* на бронзовых барабанах. При этом сам сюжет о Крепости Улитке свидетельствует о значительном прогрессе в области военного строительства к середине III в. до н.э.

Необходимо также отметить, что у лаквьетов, как об этом свидетельствуют находки культур Гомун и Донгшон, была примитивная каменная и бронзовая скульптура антропоморфного и зооморфного характера. Надо полагать, что существовала и примитивная живопись, о чём свидетельствуют дошедшие до нашего времени образцы последующих эпох, которые не могли быть созданы без наличия соответствующих традиций.

Имелась ли у *лаквьетов* собственная письменность – неизвестно, однако уровень развития общества и

многочисленные косвенные свидетельства позволяют предположить наличие у них узелкового, или пиктографического, письма. Во всяком случае, в Ванланге существовала древняя устная историко-мифологическая традиция, сюжеты которой восходят к концу 4-го – началу 3-го тысячелетия до н.э., а их мифологическая канва почти полностью отражает все указанные культурные характеристики лаквьетского общества.

Фрагменты керамики. Северный Вьетнам.
Тханьхоа. № 0359 394/2. Musée Guimet

С конца IV в. до н.э. на лаквьетском обществе всё больше сказывается влияние китайской культуры. Не исключено, что уже в то время в Северный Вьетнам была принесена доханьская иероглифическая письменность, существование которой во второй половине III в. до н.э. не вызывает сомнения.

Именно в эту эпоху были записаны сюжеты древней вьетской устной историко-мифологической традиции. Дальнейшее развитие претерпевает культ предков, в который наряду с семейным и общинным культами не позднее IV в. до н.э. уже входил культ правящей династии. Значительно

большее распространение в лаквьетской среде получает учение натурфилософской школы Тёмного и Светлого начал и связанные с ним астрология и геомантия.

В конце III – II вв. до н.э. (эпоха Намвьет – Аулак) распространяются даосизм, который идеально соответствовал культам «народного даосизма», и, возможно, легизм и раннее конфуцианство.

Распространение во Вьетнаме древнекитайских учений следует относить ко времени правления династий Тхук и Чиеу, с которой также следует связывать и возникновение собственной вьетской письменной исторической традиции[I]. И именно потому, что *лаквьеты* не считали эти династии иноземными [II], время их правления стало периодом естественного восприятия лаквьетским обществом культурных достижений сначала южнокитайских царств, а затем – циньской и ханьской империй, которые лишь корректировали древнюю вьетскую культурную традицию, сохранявшуюся практически в неизменном виде вплоть до середины I в. н.э.

В заключение необходимо отметить, что хотя по времени появление во Вьете буддизма и житийных хроник относится к концу описываемого в настоящей главе периода вьетнамской истории, по своему содержанию они связаны с социальными и культурными процессами её последующего периода. Поэтому о них пойдёт речь в следующей главе.

[I] Смотри «Главу3» «Части I» настоящего тома.

[II] Вьетская концепция Поднебесной плюс «Анналы династии Чиеу».

Глава 2

Основные особенности и этапы становления вьетнамской культуры в «Эпоху северной зависимости»; буддизм и конфуцианство ханьского толка в I – IX вв.

Одним из ключевых вопросов вьетнамской истории является проблема формирования вьетнамской культуры и её оформления в том виде, в каком с ней столкнулись европейские исследователи, которые занимались её изучением во второй половине XIX – первой половине XX в. При этом уже с самого начала стало очевидным, что, будучи по своему внешнему оформлению схожа с китайской культурой, она значительно отличается от неё по своему содержанию. Последнее признавалось даже сторонниками её определения как своеобразного деривата имперской, прежде всего – танской, культуры [835].

Оригинальность ранней лаквьетской культуры до ханьского завоевания в 111 г. до н.э. – 44 г. н.э. не вызывает сомнения, однако длительное включение вьетского общества в состав различных общекитайских империй и южнокитайских царств (44 – 880 гг.) является главным аргументом сторонников китайского происхождения вьетнамской культуры. Поэтому культурные процессы, протекавшие во вьетнамском обществе на протяжении «Эпохи северной зависимости», являются ключевыми для определения истоков вьетнамской культуры и типологии её дальнейшей эволюции со второй половины XI по XIX в. При этом, если под лаквьетской и вьетской культурой подразумевается древняя автохтонная культура, восходящая к раннеклассовому лаквьетскому обществу периода царств Ванланг, Аулак и государственного объединения Намвьет – Аулак (VIII в. до н.э. – I в. н.э.), то под вьетнамской культурой понимается культура, сложившаяся в результате синтеза элементов вьетской, китайской и индийской культур[1] на протяжении исследуемого периода вьетнамской истории. Тогда как дошедшие до нашего времени данные источников свидетельствуют о том, что к

середине XI в. в целом уже оформилась та культурная общность, которую принято именовать вьетнамской.

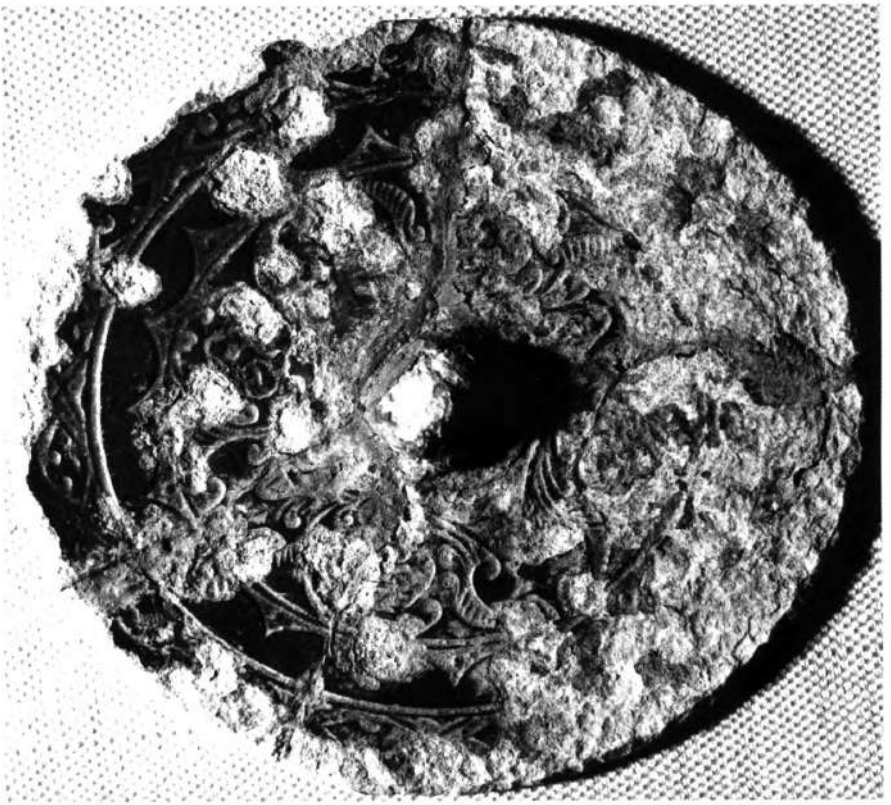
Наконец, в предварительном порядке необходимо указать на принципиальное различие между периодизацией истории культуры и периодизацией политической истории Вьетнама в IX – XI вв. Так, если с точки зрения политической истории период восстановления государственной независимости Вьетнама следует датировать концом правления династий из Хоалы, или 1009 г., то с точки зрения оформления культурных процессов тот же период завершается 1054 г. Иными словами, периодизация истории вьетнамской культуры «отодвигает» верхнюю границу ранней истории Вьетнама на пятьдесят лет, которые связаны с династией Ли и рассматриваются во втором томе «Полной академической истории Вьетнама».

1. *Религия и идеология в «Эпоху северной зависимости»*

Материал предыдущей главы позволяет сделать вывод о том, что к концу III – началу II вв. до н.э. развитие раннего комплекса лаквьетских верований достигло того уровня, когда он должен был окончательно оформиться в рамках единой государственной религиозно-идеологической системы. По своему характеру этот комплекс был наиболее близок к религиозно-философской системе даосизма, центром распространения которого было древнекитайское царство Чу. Однако на протяжении III – II вв. до н.э. произошло объединение древнекитайских царств как в политическом[1], так и в религиозно-философском аспекте. Последнее нашло своё выражение в так называемом первом конфуцианском синтезе, в результате которого все древнекитайские религиозно-философские учения были синтезированы в рамках конфуцианства ханьского толка. Единственным исключением стал даосизм, который в эпоху Хань не играл значительной роли ни в политической, ни в духовной жизни общества. К

[1] Как известно, политическое объединение древнекитайских царств произошло сначала в рамках империи Цинь, а затем – империи Хань.

этому можно добавить, что сам по себе даосизм никогда не претендовал на роль всеобъемлющей религиозной политико-философской системы[2].

Бронза. Зеркало. Эпоха Поздней Хань или Шести династий.
Тахньхоа, Бимшон, могила 1А. № 0359 2244/1. Musée Guimet

Таким образом, столкнувшись в конце II в. до н.э. – I в. н.э. с прямой военной экспансией династии Хань, вьетское общество столкнулось и с имперской культурной экспансией в форме политико-идеологической и религиозно-философской системы конфуцианства Дун Чжуншу.

Если исходить из событий политической истории, то начало насильственного насаждения этой системы во вьетском обществе следует датировать поражением восстания сестёр Чынг, или серединой I в. н.э. Однако следует учитывать тот

факт, что вплоть до конца I – начала II в. ханьские чиновники уделяли основное внимание укреплению политической власти и административного аппарата империи на территории Северного Вьетнама. Поэтому начало масштабной культурной экспансии конфуцианства ханьского толка нельзя датировать ранее конца I в., а это означает, что она началась либо одновременно, либо несколько позднее распространения буддизма в этом регионе[3].

Как известно, конфуцианство ханьского толка насаждалось во вьетском обществе насильственными методами, иное дело буддизм[4]. На сегодняшний день не вызывают сомнения два факта. Во-первых, экспансия буддизма осуществлялась как по морским, так и по сухопутным традиционным торговым путям. Во-вторых, практически одновременно он стал распространяться и в Северном Вьетнаме, и в Южном Китае, при этом не исключено, что во Вьетнаме благодаря морскому пути он появился раньше [953; 1009, с.205]. Такой вывод следует из географии морского торгового пути, который вёл из Индии вдоль побережья Индокитайского полуострова к побережью Южного Китая в Паньюй, который, как известно, был столицей древнего вьетского царства Намвьет. Однако насколько велико было влияние буддизма на различных территориях этого региона родственных культур в I – II вв., сказать трудно, хотя, надо полагать, что во II в. он уже имел достаточно прочные позиции во Вьете. Известно, что в то время множество людей бежало из империи в Цзяо, где они занимались изучением буддизма. При этом, судя по источникам, многие из них были даосами, о которых говорится следующее: «После кончины императора Божественного в империи [началась] смута, только лишь в округе Цзяо было относительно спокойно. Выдающиеся люди с Севера прибывали туда на жительство. Многие [из них] предавались там заклинанию божеств [и] духов, воздержанию [употребления в пищу] зерновых [и поисками] бессмертия» [1009, с.215]. Согласно исследованию П.Пелльо, один из этих даосов по имени Моу Бо родился между 165 и 170 гг. в Цану,

то есть в округе У провинции Сицзян. Не позднее 189 г. Моу Бо вместе с матерью прибыл в Цзяо, при этом в источниках сообщается: «[И] тогда Учитель Моу принял буддизм» [1009, с.215]. Моу Бо пробыл в Цзяо до двадцати пяти лет, а затем вернулся в Цану и женился. Несмотря на то что местное население относилось к буддизму весьма негативно, Моу Бо продолжал его проповедовать и в Цану. Ему также приписывается трактат под названием «Учитель Моу», который был исследован П.Пелльо [1009, с.214, 215].

Вышеприведённые данные источников представляют двоякий интерес. Во-первых, они свидетельствуют о том, что к 189 г. буддизм уже играл достаточно значительную роль во Вьете, и, во-вторых, они позволяют судить о том, что начало процесса синтеза буддизма и даосизма во Вьете совпадает по времени с правлением Си Ниепа. Последнее никоим образом не может быть случайностью. При описании политической истории уже указывалась исключительная роль, которую сыграл период правления Си Ниепа в дальнейшем развитии истории Вьетнама. Если же говорить о его религиозно-идеологической характеристике, то многочисленные тексты китайских и вьетнамских источников, представляя Си Ниепа как добродетельного конфуцианского мужа, указывают на присутствие в его окружении многочисленных буддийских монахов – выходцев из Индостана [1009, с.206]. В свете этого кажущегося противоречия весьма интересна следующая характеристика Си Ниепа во вьетнамском летописном своде XV в.:

«В преданиях сообщается, что после того как король Си был погребён, в конце [правления] династии Цзинь, спустя более ста шестидесяти лет [после его смерти], в округ Зяо вторглись с грабежами [и] разбоями люди Лэмап. [Они] вскрыли могилу короля Си [и] увидели, что [его] тело [и] лицо как у живого, тогда, поражённые ужасом, [они] снова [его] погребли. Местные жители сочли [его] духом, основали поминальный храм, назвали [его] Святым королём Си. Благодаря тому, что светлое дыхание не рассеялось, [он]

перевоплотился в духа. (Поминальный храм находится в старой крепости Лаунгбисн)» [236.1, кн.3, с.12а].

Это описание рисует облик даосского святого, а не совершенномудрого конфуцианца. Таким образом, с одной стороны, с правлением Си Ниепа связывается распространение литературы, обрядов, музыки и культуры или, иными словами, конфуцианской культуры в широком понимании этого термина, а с другой – Си Ниеп явно характеризуется как приверженец даосизма и буддизма. И это в одном и том же тексте,... Но на самом деле никакого противоречия в этом нет. И китайские историографы-конфуцианцы II – III вв., и вьетнамские историографы-неоконфуцианцы XIII – XIV вв. писали о Си Ниепе как об официальном чиновнике династии Хань, при котором в мятежном округе Цзяо сохранялось спокойствие, а сам округ процветал, при этом, естественно, использовались хвалебные конфуцианские штампы. Что же касается даосских и буддийских реалий, то они отражают действительную ситуацию при дворе Си Ниепа, тогда как их смешение связано с тем, что на ранних этапах распространения буддизма в этом регионе его философские понятия интерпретировались через философские понятия даосизма. Согласно Чан Ван Зяпу, такой метод интерпретации был особенно распространён во Вьетнаме в III – начале IV в.

Помимо выходца из Цану Моу Бо известны имена ещё трёх людей, с которыми связано начало расцвета буддизма во Вьете. Это Сэн-хуй, Кальянаручи и Марадживака. Согласно источникам, предки Сэн-хуя пришли в Индию из Согдианы. Его семья занималась торговлей и жила в Индии на протяжении нескольких поколений. Наконец, отец Сэн-хуя, который, видимо, торговал с вьетами, переселился в Цзяочжи. Когда Сэн-хую исполнилось десять лет, его родители скончались. Сам же он после длительного траура обратился в буддизм и прославился изучением Трипитаки[5] и других философских, научных и литературных произведений. Около 247 г. Сэн-хуй переехал из Вьета в столицу царства У город Наньцзин, где под его влиянием государь этого царства

Суньцюань принял буддизм и повелел возвести ступу. Переведя множество буддийских книг с санскрита на китайский язык, Сэн-хуй скончался в царстве У в 280 г.

Приблизительно в то же время, между 255 и 257 гг.[6], в Цзяо находился некий Кальянаручи, о котором известно только то, что он был индоскифом, прибыл во Вьет из Индии и, будучи там, сделал первый перевод с санскрита на китайский язык трактата «Канон о Трёх Добродетелях [и] Прославленных Законах».

Наконец, в 249 г. по пути из Индии в Китай в Цзяо останавливался известный буддийский проповедник Марадживака. Известен и маршрут его передвижений: из Индии он прибыл в Фунань, затем вдоль побережья поднялся в Цзяо, оттуда переехал в Гуандун, после чего добрался до Сяняна, а между 290 и 306 гг. он жил в Лояне при дворе династии Цзинь. Когда же в империи начались смуты, Марадживака вернулся в Индию [1009, с.211 – 215].

Кроме четырёх вышеупомянутых адептов буддизма во Вьете II – III вв. источники сообщают о его посещении ещё целым рядом буддийских паломников. Среди них упоминается адепт буддийской школы Закона Дживака, который находился в Цзяо между 168 и 189 гг. и проповедывал при дворе Си Ниепа. Одновременно с этим сообщается о пребывании в Цзяо «истинного брахмана» по имени Кхоудала или Калатяле. Исследование этих двух имён привело Чан Ван Зяпа к выводу о том, что в первом случае подразумевается понятие «Кшудра», а во втором – титул или прозвище «Каласарья», которое переводится как «Чёрный лекарь». Чан Ван Зяп полагает, что местные жители так называли всех индийских паломников, которые останавливались в Цзяо [1009, с.216 – 220].

Таким образом, во II – III вв. на территории Северного Вьетнама отмечается высокая активность буддийских проповедников, направлявшихся из Индии в Китай. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идёт о Южном Китае, население которого по своей культуре в то время было значительно ближе к *вьетам*, чем к собственно *хуасцам*. Всё

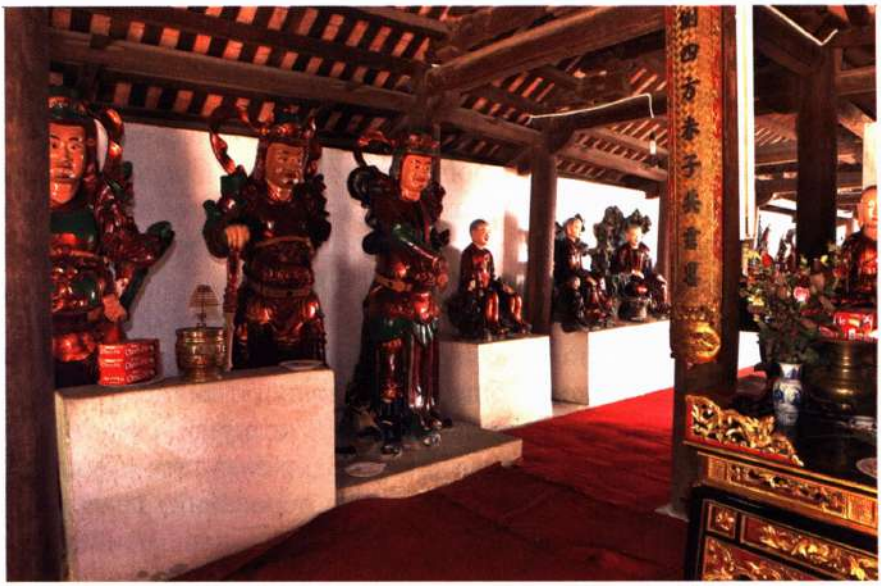
это привело французского учёного[7] к следующему выводу: «Представляется, что Тонкин послужил посредником между Индией и Китаем и явился одним из очагов экспансии буддизма. Аннамитский буддизм, быть может, дал Китаю больше, нежели получил от него» [1009, с.216].

Если этот совершенно правильный вывод несколько расширить и дополнить результатами последующих исследований, то его можно будет сформулировать следующим образом:

На протяжении I – II вв. благодаря деятельности буддийских миссионеров, прибывавших в Северный Вьетнам непосредственно из Индии морским путём, буддизм наложился на близкие ему местные вьетские культы и был достаточно быстро воспринят местным населением. Этот процесс получил своё окончательное завершение в конце II – начале III в. в правление Си Ниепа, в результате чего Вьет превратился в один из основных очагов буддийской экспансии на юге Восточной Азии.

В дальнейшем вплоть до VIII в. вьетские территории оставались связующим звеном в интенсивном культурном и торговом обмене между Индией и Китаем, а на протяжении всей «Эпохи северной зависимости» буддийские пагоды и монастыри Северного Вьетнама являлись крупнейшими центрами перевода буддийских текстов на китайский язык. Не исключено, что это объясняется тесными контактами *вьетов* как с *тямами* и островными государствами, так и с китайской империей. Именно поэтому знание санскрита, яванского и древнекитайского языков было обычным явлением во вьетском обществе, что в сочетании с широким распространением буддизма и большим числом паломников и монахов создавало исключительно благоприятные условия для перевода священных текстов. Источники сообщают биографии целой группы таких паломников-переводчиков, как *китайцев*, так и *вьетов*, трудившихся над буддийскими текстами во Вьете [1009, с.220 – 227].

«Пагода Горного Сокровища» с её деревянной скульптурой. Одна из древнейших сохранившихся на сегодняшний день пагод Вьетнама. XIII – XIV вв., провинция Ханой. 25.03.2011 г.

Таким образом, вышеизложенный материал свидетельствует о том, что уже в течение первой трети «Эпохи

северной зависимости» буддизм значительно «потеснил» конфуцианство ханьского толка в духовной жизни вьетского общества, что было обусловлено целым рядом факторов, важнейшими из которых были следующие.

1.1. К моменту завоевания империей Хань Северного Вьетнама, которое растянулось на полтора века (111 г. до н.э. – 44 г. н.э.) развитие раннего комплекса лаквьетских верований достигло достаточно высокого уровня, но при этом его окончательного оформления в единую государственную религиозно-идеологическую систему ещё не произошло. Также следует учитывать, что с этими верованиями сосуществовали учения ранних китайских философских школ, прежде всего – конфуцианства и даосизма, которые были прекрасно известны элите вьетского общества уже с IV – III вв. до н.э.

1.2. После поражения восстания сестёр Чынг в 40 – 44 гг. и начала длительной политической зависимости от различных имперских династий насаждение китайской культуры в форме конфуцианства ханьского толка грозило вьетскому обществу потерей духовной и культурной аутентичности, что, как известно, произошло со всеми древними царствами в рамках треугольника родственных культур южнее реки Янцзы.

1.3. Экспансия буддизма в Северном Вьетнаме совпала по времени с началом насаждения конфуцианства ханьского толка во вьетском обществе. Между этими событиями возможен полувековой разрыв, который не имеет принципиального характера[8]. В результате буддизм наложился на комплекс местных верований, известных под названием народного даосизма, что привело к синхронному сосуществованию культовой практики трёх религиозно-идеологических доктрин: конфуцианства, буддизма и даосизма, которые в зависимости от конкретной необходимости удовлетворяли всю полноту духовных и культовых потребностей различных слоёв вьетского общества.

Однако эти факторы могли бы уступить концентрированному административному и культурному напору империи Хань, как это произошло на севере государственного объединения Намвьет – Аулак, территория которого была завоёвана в 111 г. до н.э., если бы не сказался ещё один крайне важный фактор. Дело в том, что завоевания лаквьетских территорий Северного Вьетнама, или бывшего царства Аулак, в середине I в. совпало по времени с началом падения могущества империи Хань. А это в свою очередь привело к постепенному ослаблению политической опоры конфуцианства ханьского толка в лаквьетском обществе. Иными словами, полтора века, отделяющие завоевание территории Гуандуна, или собственно Намвьета, от завоевания территории Северного Вьетнама, или Ванланга – Аулака, предрешили оформление указанного выше сосуществования комплекса трёх религиозно-идеологических доктрин со значительным преобладанием буддийско-даосских элементов в духовной жизни лаквьетского общества. Более того, необходимо учитывать, что рост экспансии буддизма в условиях междоусобных столкновений и раздробленности привёл к возрождению даосизма в южнокитайских царствах эпохи Троецарствия (220 – 280 гг.). А в эпоху Южных и Северных династий (265 – 583 гг.), особенно в правление династии Цзинь (265 – 419 гг.), буддизм занимал господствующее положение в духовной жизни всего юга Восточной Азии. Специфика этой эпохи характеризуется тем, что именно здесь в III – V вв. протекал процесс синтеза философского даосизма и буддизма, в результате чего возник так называемый восточноазиатский буддизм, или буддизм школы Созерцания[9].

Дальнейшее развитие китайской идеологии, включая эпоху правления общекитайских династий Суй и Тан[1], связано с сосуществованием трёх основных религиозно-политических учений этого региона. В то время буддизм и даосизм, влияние которых несколько снизилось по сравнению с эпохой династии

[1] 589 – 619 и 618 – 917 гг.

Цзинь, по-прежнему продолжали играть важную роль в духовной жизни имперского общества, тогда как со II в. до н.э. его официальной государственной идеологией являлась та или иная модификация конфуцианства ханьского толка. И лишь в конце правления династии Тан в империи начались процессы, которые на протяжении IX – XII вв. привели к синтезу буддийско-даосской идеологии и конфуцианства в рамках неоконфуцианского учения [1063][10].

Если после этого краткого обзора развития религиозно-идеологической ситуации в Южном Китае и Северном Вьетнаме на протяжении II – X вв. вернуться к правлениям имперских наместников в Цзяо первой половины «Эпохи северной зависимости», то тот факт, что многие из них сами были буддистами, вряд ли должен вызывать сомнения. В первую очередь это касается тех префектов и наместников, которые на самом деле являлись государями «скрытых» вьетских династий, начало которым положило правление Си Ниепа (конец II – начало III в.).

Как уже говорилось, в III – IV вв. Вьет играл ведущую роль в буддийской экспансии на север и лишь с V в., то есть с начала формирования буддизма школы Созерцания, отмечается постепенное возрастание обратного влияния южно-китайских буддийских школ и сект на эволюцию этого учения во вьетском обществе. Дело в том, что философский даосизм не получил значительного распространения во Вьете, поэтому его первоначальный синтез с буддизмом мог протекать только в Южном Китае. Дальнейшее же развитие нового учения связано как с территорией Южного Китая, так и с территорией Северного Вьетнама, сформировались свои секты школы буддизма Созерцания.

Начало восточноазиатскому буддизму положил индус Кумараджи, который прибыл в Чанъань в 401 г. и прожил там до своей смерти в 413 г., переведя на китайский язык значительное количество буддийских текстов. Однако официально основателем этой школы буддизма считается

некий Бодхидхарма, который прибыл из Индии в Южный Китай между 520 и 526 гг. в правление династии Лян.

Пожилая вьетнамка в нарядной одежде. Надо полагать, что она мало чем отличается от своих предков «Эпохи северной зависимости». Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.

Согласно традиции, Бодхидхарма, бывший тридцать восьмым патриархом этого учения в Индии, стал его первым патриархом в Китае. Безусловно, на протяжении II – X вв. как в Китае, так и во Вьетнаме было множество буддийских школ и сект, однако основой духовной жизни вьетского общества стал лишь буддизм школы Созерцания. Третьим патриархом этой школы в Китае стал Сэн-цань[1], одним из его духовных сыновей которого был индийский брахман Винитаручи, прибывший в Чанъань в 574 г.

К этому времени буддизм уже значительно потерял свои позиции при дворе династии Чэнь (557 – 583 гг.), а после прихода к власти в 589 г. общекитайской династии Суй тенденция к вытеснению буддизма из общественно-политической жизни империи ещё больше усилилась. Поэтому в начале девяностых годов VI в. Винитаручи, последовав совету своего духовного отца, отправился во Вьет, который оставался оплотом буддизма в регионе. При этом известно, что в 594 г. Винитаручи учредил в Бакнине свою секту буддизма школы Созерцания, а Бакнинь в то время являлся одним из главных опорных центров восстановившего временную независимость вьетского государства во главе с династией Ранняя Ли (541 – 602 гг.). Самое же интересное это то, что Винитаручи создал свою секту при третьем государе этой династии императоре Южного Вьета Позднем Ли, который провозгласил девиз правления «Сын Будды» (571 – 602 гг.). Такое «совпадение» ни в коем случае не может быть случайным.

Кроме того, при дальнейшем изложении истории вьетнамской культуры будет показано, что в рамках исследуемого временного периода отмечается ещё как минимум два таких «совпадения» принципиальных политических и религиозно-культурных событий. Эти «совпадения» приводят к выводу о том, что политическая деятельность императора Южного Вьета Позднего Ли и религиозная активность Винитаручи во Вьетнаме были тесно

[1] В 592 г. Сэн-цань назначил своего преемника, а в 606 г. он скончался.

взаимосвязаны и что именно в этом контексте следует понимать уникальный для региона девиз правления «Сын Будды», который, надо полагать, символизировал собой объединение политических и духовных сил страны[I] перед лицом имперской угрозы[11]. С этого времени секта Винитаручи сохраняла господствующее положение во вьетнамском обществе при восьми поколениях патриархов после кончины её основателя, при этом известны имена первого (626 г.), четвёртого (686 г.) и восьмого (868 г.) из них[12]. В IX в. секта Винитаручи уступила лидирующие позиции во вьетнамском обществе другой секте буддизма Созерцания[II], но при этом ещё целых полтора века вплоть до её окончательного распада в 1216 г. главным центром первой вьетнамской секты буддизма школы Созерцания оставался Бакнинь.

Наконец, последнее. На фоне вышеизложенного материала «совпадение» важнейших политических событий вьетнамской истории во II и в VI вв. позволяет выдвинуть следующую гипотезу.

Если начало формирования «сино-аннамитской» элиты следует датировать концом II – началом III в., или правлением Си Ниепа и началом расцвета буддизма во Вьете, то завершение формирования этой элиты следует датировать последней третью VI в., или правлением императора Южного Вьета Позднего Ли под девизом «Сын Будды» и возникновением первой вьетнамской секты буддизма школы Созерцания Винитаручи. *Соответственно процесс формирования «сино-аннамитской» элиты на самом деле является процессом трёхвековой трансформации вьетской культуры во вьетнамскую, с завершением которого следует говорить уже не о вьетской, а о вьетнамской народности и культуре.*

Таким образом, в духовной жизни вьетнамского общества вторая половина «Эпохи северной зависимости»

[I] Династия Ранняя Ли и буддийская сангха Винитаручи.

[II] Основателем этой секты был буддийский монах Уянь Тун, о котором смотри далее.

связана с сектой буддизма школы Созерцания Винитаручи. Формально привнесённая из империи, она, скорее всего, содержала много элементов индийского учения. Последнее вполне логично, если принять во внимание, что её основатели в империи и во Вьетнаме – оба были индийскими брахманами. В пользу этого свидетельствует и девиз правления «Сын Будды» императора Южного Вьета Позднего Ли, который, согласно сформулированной выше гипотезе, носил имя Ли Фам Ту и был *тямом* по происхождению, а потому вполне мог выступать носителем индийской традиции во вьетнамском обществе[1].

С сектой Винитаручи следует связывать и введение в практику вьетнамского буддизма метода медитации, известного под названием «Созерцание стены»[13]. Основная же доктрина этой секты была сформулирована в учении о четырёх состояниях души: 1). *Состояние внимания*: разум концентрируется на идее; 2). *Состояние радости*: происходит возвышение до прямого постижения; 3). *Состояние счастья*: после радости постижения достигается абсолютное спокойствие; 4). *Состояние полного безразличия*: при продолжении медитации сердце становится безразличным [1009, с.229, 230]. Сущность этой доктрины состояла в том, что помимо постулата «человек от рождения чист и в первом же рождении может достичь стадии бодхисатвы», постулата, представляющего собой максимально допустимую либерализацию учения буддизма махаяны, или «Большой колесницы», учение Винитаручи допускало активную общественную деятельность при условии отсутствия эмоциональной задействованности, что достигалось особой формой медитации.

Такого было содержание духовной жизни вьетского, или с середины VI – начала VII в. вьетнамского, общества на всём протяжении «Эпохи северной зависимости». Более того, эта духовная основа нередко становилась опорой политико-

---

[1] Смотри «Параграф 5» и «Параграф 6» «Главы 2» «Части II» настоящего тома.

административной власти, но только в том случае, когда речь шла либо о «скрытых» государях и династиях, подобных «скрытой» династии Си, либо об открытом провозглашении независимости, как это было в правление династии Ранняя Ли. Одновременно с этим не следует окончательно сбрасывать со счетов конфуцианство, которое на всём протяжении «Эпохи северной зависимости» оставалось главной идеологической опорой имперского административного аппарата и имело такой важный фактор воздействия на умы, как письменный язык. Суть этого фактора заключается в том, что для получения какой-либо должности в имперском административном аппарате требовалось знание древнекитайского письменного языка, а изучение последнего традиционно опиралось на конфуцианские классические и канонические книги, трактаты известных конфуцианских учёных и комментарии ко всем этим произведениям.

В связи с этим следует подчеркнуть, что уровень конфуцианской образованности во Вьетнаме «Эпохи северной зависимости» был достаточно высок. В предыдущем параграфе уже отмечалось, что с конца II – начала III в. на территории Северного Вьетнама находился один из важнейших центров распространения буддийской литературы в конфуцианском культурном ареале. С самого начала этот центр располагался в Бакнине, где в III – V вв. буддийская община уделяла основное внимание переводу священных текстов с санскрита на древнекитайский язык, и который с VI в. стал главной опорой буддизма школы Созерцания в трактовке Винитаручи. Не исключено, что всё это как раз и было связано с высоким уровнем конфуцианской образованности в этом регионе, так как перевод упомянутых текстов требовал не только прекрасного знания санскрита, пали и древнекитайского языка, но и глубокого понимания сути буддийской религиозно-философской терминологии одновременно с полным постижением древнекитайской специфики выражения её понятий. Соответственно, это позволяет предположить, что не позднее конца II в. во Вьете

существовала относительно развитая система образования, которая опиралась на высокообразованную элиту и значительное число просто грамотных людей, при этом целый ряд факторов позволяет в выявить некоторые особенности этой системы.

Источники сообщают, что уже в середине I в. «имелись *вьеты*, получившие образование в империи [и] выдержавшие конкурсные экзаменационные испытания на должность чиновника», а к концу II в. таких людей была уже целая группа [236.1, кн.3, с.8б – 9б; 239.6, с.461 – 473]. В связи с этим интересно отметить три момента. Во-первых, первый *вьет*, выдержавший конкурсные экзамены на должность чиновника, был допущен к беседе с императором Светлым династии Хань между 58 и 76 гг., и именно этими годами принято датировать начало распространения буддизма в империи. Во-вторых, источники упоминают об остальной группе *вьетов*, сдавших конкурсные экзамены в империи Хань, в связи с событиями 187 г., а этот год, как известно, является годом начала правления Си Ниепа. В-третьих, в дальнейшем в источниках отсутствуют упоминания о *вьетах*, сдававших конкурсные экзамены в империи. Последнему можно дать два объяснения.

Не исключено, что с III в. получение представителями вьетской элиты образования в империи и сдача ими конкурсных экзаменов стало обычным явлением, которое поэтому перестало отмечаться в китайских источниках. Это объяснение возможно, но маловероятно, так как с момента падения династии Хань и вплоть до начала правления династии Тан[1], конкурсные экзамены не играли значительной роли ни в южнокитайских царствах, ни при кратковременном правлении общекитайской династии Суй. Поэтому более вероятным представляется другое объяснение.

С момента падения империи Хань *вьеты* получали образование либо в Цзяо, где к III в. было достаточное число грамотных людей, либо в одном из южнокитайских царств, что являлось формальным основанием для назначения на

[1] То есть с III по VII вв.

чиновничью должность в администрации округа. При этом известно, что в странах конфуцианского культурного ареала в основе системы образования с древнейших времён лежал институт странствующих учителей, у которых ученики на уровне общины учились грамоте и от которых получали первоначальные знания о конфуцианских текстах. Поэтому логично предположить, что в эпоху империи Хань представители нарождавшейся смешанной вьетской или «сино-аннамитской» элиты добивались общественного признания своих социальных прав посредством сдачи конкурсных испытаний. Тогда как в эпоху ослабления и распада империи первичное образование носило исключительно частный характер, главными распространителями которого были странствующие конфуцианские книжники и буддийские монахи, а дальнейшее образование получалось в буддийских монастырях, где обучение санскриту, пали и древнекитайскому письменному языку сочеталось с изучением классических и канонических текстов.

С приходом к власти в империи династии Тан ситуация в самом Вьетнаме мало изменилась. Это объясняется тем, что если по мере централизации империи и её государственного аппарата при Танах на основе развития конфуцианской философской мысли происходило постепенное возрождение конфуцианской системы подготовки кадров, то во Вьетнаме главной духовной и культурной опорой выдвигавшихся на ведущие позиции местных феодальных кланов оставались буддийские монастыри.

Таким образом, весь изложенный в настоящем разделе материал приводит к следующим выводам основополагающего характера.

I. С конца II в. и на всём протяжении первой половины «Эпохи северной зависимости», особенно в эпоху Южных династий, закладываются основы культурной близости вьетского и китайского обществ, которая в течение её

второй половины способствовала восприятию вьетнамским обществом многих достижений танской культуры.

Бронза. Утка. Эпоха Тан.
Тахньхоа. № 0359 3274/3. Musée Guimet

II. Ещё с эпохи государственного объединения Намвьет – Аулак конфуцианство в трактовке Конфуция и Мэн-цзы, как и остальные философские учения древнего Китая, было известно образованным слоям вьетского общества. Однако, поскольку на протяжении первой половины «Эпохи северной зависимости» оно насильственно насаждалось во вьетском обществе в форме конфуцианства ханьского толка, конфуцианство стало восприниматься *вьетами* как идеология иноземной администрации.

III. Распространение буддизма в южнокитайских царствах и его влияние в империи Тан мало что изменило, так как вся система управления строилась на принципах всё того же, отторгаемого вьетнамским обществом конфуцианства ханьского толка. Поэтому любая возможность политико-административного сближения вьетнамского и китайского

обществ на протяжении второй половины «Эпохи северной зависимости» была полностью исключена. И также именно поэтому вьетнамская культура, воспринявшая многие достижения более развитой китайской, прежде всего – танской культуры, так и не была ею ассимилирована.

IV. Конфуцианский вектор развития общественного сознания, заложенный в описываемый период вьетнамской истории, сказался значительно позднее в эпоху превращения Вьетнама в централизованное феодальное государство, но уже не в форме конфуцианства ханьского толка, которое так и не было воспринято вьетнамским обществом, а в форме неоконфуцианства[14].

2. *Литература и проблема вьетнамской иероглифической письменности (нома)*

2.1. *Литература*

В III – IV вв. можно констатировать широкое распространение разной буддийской литературы во вьетском обществе, осуществлявшееся через буддийские монастыри во главе с основным центром перевода этой литературы с санскрита на иероглифику, который находился в крупнейшем северовьетнамском буддийском монастыре в Бакнине. Её тексты на санскрите попадали в Северный Вьетнам как из Индии и южных буддийских и индуистских государств, так и из Южного Китая. И хотя в источниках об этом не содержится никаких сведений, надо полагать, что из Южного Китая также привозились конфуцианские и даосские тексты, терминология которых, как известно, использовалась при переводе буддийских сочинений. Зато в источниках содержатся сведения об исторических произведениях, которые в «Эпоху северной зависимости» создались непосредственно на территории Северного Вьетнама.

Наиболее ранним из этих произведений является хроника «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», которую А.Масперо датирует в одном случае III, а в другом случае IV веками. Автор этой хроники неизвестен, а её

фрагменты сохранились в составе «Комментария [к] "Книге Вод"» Ли Даоюаня, созданном в VI в. [651, с.209 – 211]. Кроме того, известно ещё о двух аналогичных исторических произведениях конца «Эпохи северной зависимости». Одно из них, «Записи [губернаторской] резиденции округа Цзяо»[1], принадлежит кисти Чжао Чана, другое, «Записи [об] округе Цзяо», было создано Цзэн Гунем. Первый был танским губернатором во Вьетнаме в 791 – 801 и 803 – 808 гг. а второй управлял губернаторством в 878 – 880 гг. Произведения Чжао Чана и Цзэн Гуня не сохранились даже во фрагментах [239.6, с.727, 835].

Само по себе упоминание этих исторических сочинений в сопоставлении с датами их написания и личностями авторов представляет большой интерес. Известно, что впервые более или менее подробные сведения о вьетнамской истории эпохи Ванланга и Аулака появляются в имперских исторических источниках в IV – V вв. со ссылкой на «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо». В «Главе 1» настоящего раздела уже указывалось на то, что сведения по ранним периодам вьетнамской истории распределены в китайских источниках весьма специфически: в источниках, датируемых не позднее конца II в. до н.э., содержатся лишь общие фразы; в источниках, датируемых I в. до н.э. – II в. н.э., появляется подробное описание правления династии Чиеу в Намвьете; наконец, лишь в источниках, датируемых III в., приводятся сведения о Ванланге и Аулаке до контактов последнего с Намвьетом. Однако не следует забывать, что этим же III в. А.Масперо датировал «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», создание которых в таком случае в целом совпадает по времени с периодом правления во Вьете «скрытой» династии Си (конец II – начало III в.). Иными словами, речь идёт о целом блоке далеко не случайных «совпадений», ключ к пониманию которых лежит в анализе

[1] Возможен вариант перевода названия этого произведения как «Записи губернатора округа Цзяо».

второй группы вьетнамских историко-мифологических сюжетов.

Классический вьетнамский дракон-крокодил.
Колоа. Крепость Улитка. 25.03.2011 г.

Если первая группа сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции даёт чёткую картину эволюции древних исторических легенд от древней устной исторической традиции конца четвёртого – начала третьего тысячелетия до н.э. и вплоть до их письменной фиксации в III в. до н.э., то вторая группа вьетнамских историко-мифологических

сюжетов не имеет ничего общего с такой логикой развития. Уже с момента появления её первого сюжета, относящегося к событиям 40 – 44 гг., она представляет собой устойчивую историографическую традицию биографического или, вернее, житийного характера. Во всех сюжетах этой традиции прослеживается более или менее стабильное соотношение конкретных исторических описаний и вставок сугубо религиозного содержания[1], тогда как их сохранившиеся списки позволяют констатировать ещё три важных момента.

Во-первых, авторы житийных сюжетов также переписали сюжеты первой группы, несколько модифицировав их при этом. Во-вторых, фиксация житийных сюжетов происходила как в семейных и общинных поминальных храмах, так и в буддийских монастырях и пагодах. Здесь важно подчеркнуть, что они неоднократно переписывались на протяжении I – XIII вв., что привело к появлению нескольких модификаций одного и того же сюжета[15]. В-третьих, авторы второй группы историко-мифологических сюжетов создавали их одновременно или почти одновременно с теми событиями «Эпохи северной зависимости», которые в них описывались. Поэтому в этих сюжетах изложены те же события, что и в китайских летописях и хрониках, однако изложены они под иным углом зрения и, нередко, даже более подробно.

В связи с этим возникает крайне важный для вьетнамской культуры вопрос: когда же возродилась прерванная или, вернее, исчерпавшая себя ко II в. до н.э. вьетская историко-мифологическая традиция? Ответ на этот вопрос даёт анализ сохранившихся списков её сюжетов: из восьми списков семь открываются биографией Си Ниепа, а в одном она вообще отсутствует [544, с.97 – 105, 116 – 118]. То есть, можно констатировать ещё одно «совпадение», связанное с Си Ниепом. Если же к этому добавить, что во всех вьетнамских неофициальных и официальных исторических

[1] Эта особенность второй группы сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции была детально описана при рассмотрении проблемы династии Ранняя Ли в «Главе 2» «Части II» настоящего тома.

источниках проводится аналогия между политической деятельностью Си Ниепа и государственными мероприятиями Чиеу Да, то надо полагать, что такая аналогия может быть прослежена и в духовно-культурном плане, а её реконструкция позволит дать ответ на многие животрепещущие вопросы истории становления «сино-аннамитской» культуры на территории Северного Вьетнама.

В III – II вв. до н.э. вместе с окончательным оформлением политической и социально-экономической структуры древнего[16] *лаквьетского* государства сложилась и его духовно-культурная традиция. Это произошло в условиях угрозы военного завоевания государственного объединения Намвьет – Аулак империей Хань. В этом смысле Чиеу Да олицетворял собой единство *вьетов* в противостоянии этой угрозе. В области письменной культуры окончательное оформление древней вьетской государственности выразилось в достаточно широком распространении древнекитайского иероглифического письма, фиксации сюжетов древней устной исторической традиции в семейных и общинных поминальных рамах на территории Аулака и в появлении первой в истории Вьетнама официальной династийной хроники, условно – «Анналы династии Чиеу», при императорском дворе в Фиеннгу[1].

Во II – III вв. на традиционных вьетских территориях в Северном Вьетнаме или в имперском округе Цзяо сложилась во многом аналогичная ситуация, но в это время речь шла не об угрозе политической независимости государства, а об угрозе полной культурной ассимиляции его коренного населения. Выше уже говорилось о том, что именно в правление «скрытой» династии Си вьетские территории, где буддизм, наложившись за предыдущие полтора века на традиционные местные культы, получил широкое распространение, превращаются в один из главных центров экспансии этой мировой религии на север. Тогда же произошло и первоначальное оформление новой «сино-

[1] Смотри «Главу 1» «Части IV» настоящего тома.

аннамитской» элиты, с которой следует связывать возникновение во вьетском обществе той духовно-культурной традиции, которая к концу VII – середине VIII в. трансформировалась во вьетнамскую культуру в её современном понимании. Все эти процессы протекали в Цзяо в условиях насаждения конфуцианства ханьского толка и угрозы полной ассимиляции вьетского этноса в рамках ханьской культуры. При этом одной из важнейших составляющих этого противостояния вьетской и ханьской культур стало возрождение под влиянием буддизма историко-мифологической традиции в виде «Семейных записей» поминальных храмов культа предков и житийных биографий буддийских пагод и монастырей. Сам же Си Ниеп в определённом смысле олицетворял собой вьетскую сторону в этом культурном противостоянии.

Такая интерпретация роли Чиеу Да и Си Ниепа в противостоянии с империей позволяет понять, почему во вьетнамской культурной традиции эти два персонажа воспринимаются как национальные государи и почему, будучи таковым, последний несомненно должен был иметь доступ к местным культовым записям. В то же время и Чиеу Да, и Си Ниеп во многом являлись носителями имперской культурной традиции, которая предполагает ведение при дворе независимого или вассального государя погодной хроники. Аналогичные записи должны были вестись и при дворах наместников отдалённых имперских территорий. Как известно, впоследствии на основе таких хроник придворные историографы составляли династийные летописные своды. Проблема династийной хроники династии Чиеу в Намвьете уже рассматривалась в предыдущей главе. Что же касается правления Си Ниепа в Цзяо, то с ним и его «скрытой» династией следует связывать не только возрождение неофициальной вьетнамской историографической традиции. То что при дворе этого «скрытого» правителя, как и в резиденциях других имперских наместников, велись записи происходивших событий, которые использовались китайскими

историографами при написании придворных хроник, не вызывает сомнения. Однако представляется, что сама личность Си Ниепа в сочетании с вышеуказанными «совпадениями» позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой *автором первого исторического произведения, давшего начало ранней вьетской историографии на основании записей имперских наместников в Цзяо «Эпохи северной зависимости», или «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо», следует считать Си Ниепа.*

Как уже говорилось, сами эти произведения не сохранились, однако известны названия трёх из них, которые дошли до наших дней по разным причинам.

1). «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо». Время написания: рубеж II – III вв. Автор: Си Ниеп. Название сохранилось, так как это было первое попавшее в руки китайских историографов историческое сочинение, в котором описывались события во Вьете до середины III в. до н.э. Кроме того, не говоря уже о личности самого Си Ниепа, необходимо подчеркнуть, что это был один из редких периодов спокойствия в мятежной имперской провинции.

2). «Записи [губернаторской] резиденции округа Цзяо». Время написания: рубеж VIII – IX вв. Автор: Чжао Чан. Название и имя автора этого произведения сохранились, так как правление этого губернатора также отмечено редким периодом спокойствия, а сам Чжао Чан сыграл важную роль в установлении баланса сил между вьетнамскими феодалами и имперской администрацией. Не случайно именно этот губернатор сумел мирными средствами прекратить восстание Фунг Хынга в 792 г. и усмирить мятеж Ван Цзиюаня в 803 г.

3). «Записи [об] округе Цзяо». Время написания: 70-е годы IX в. Автор: Цзэн Гунь. Название и имя автора этого произведения сохранились, поскольку последний являлся одним из сподвижников Гао Пяня, при котором был заключён военный союз между вьетнамскими феодалами и имперской администрацией с целью разгрома армии Наньчжао и манских племён. Кроме того, согласно традиции, Гао Пянь был

известным даосом[17], имя которого часто встречается во вьетских буддийских житийных сюжетах. Также интересно отметить, что во вьетнамских исторических сочинениях Гао Пянь характеризуется только положительно, а учитывая, что он возглавлял имперскую армию вторжения, это уже само по себе достаточно симптоматично. Наконец, следует отметить, что Цзэн Гунь был последним руководителем имперской администрации губернаторства Умиротворённого юга и что именно при нём танские войска ушли из Вьетнама. Поэтому наиболее вероятно, что Цзэн Гунь написал свои записи уже в империи после 880 г.

Все эти три, возможно, единственные исторические произведения, созданные руководителями имперской администрации во Вьетнаме «Эпохи северной зависимости, представляют собой китайско-конфуцианскую по происхождению культурную традицию. Конфуцианский характер этой традиции также косвенно подтверждается гипотетической связью между произведениями Си Ниепа и Цзэн Гуня. Как известно, в «Записях [о] внешних территориях округа Цзяо» главным образом описываются события вьетнамской истории до включения территории Северного Вьетнама в состав империи Хань. Более того, в них впервые в китайских источниках приводится описание Ванланга и Аулака, опирающееся на данные первой группы сюжетов вьетнамской историко-мифологической традиции. Иными словами, речь идёт о событиях, происходивших до прямого включения Вьета в зону влияния китайской культуры и раннего конфуцианства при династии Чиеу. Если же при этом вспомнить, что первоначально в округ Цзяо входили как территории Северного и северной части Центрального Вьетнама, так и территории Гуандуна и Гуанси и что именно при Си Ниепе тенденция к обособлению бывших лаквьетских территорий стала очевидной, то по-иному воспринимается и само название «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо». Очевидно, что в этом названии под «внешними территориями» подразумевается территория Северного Вьетнама, тогда как

территории Гуандуна и Гуанси являлись «внутренними территориями» округа Цзяо эпохи Троецарствия.

В противоположность этому в сочинении Цзэн Гуня главным образом описываются события «Эпохи северной зависимости». Исходя из того, что Цзэн Гунь создал своё произведение не ранее 880 г., то есть, в период начала синтеза буддизма с конфуцианством, который отразился в историографии делением летописных сводов на раздел «Предварительных записей» и раздел «Основных записей»[18], представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу:

«Записи [об] округе Цзяо» были написаны как «Основные записи» по отношению к «Записям [о] внешних территориях округа Цзяо». В этом случае не исключена возможность того, что Цзэн Гунь также отредактировал произведение Си Ниепа[19].

Помимо указанной историографической традиции китайская, прежде всего – южнокитайская и танская, культура оказала значительное влияние на становление вьетнамской культуры «Эпохи северной зависимости». Выше уже неоднократно говорилось о многочисленных переводах буддийской литературы во Вьете, что подразумевало широкое распространение среди местной элиты китайской философской литературы. Кроме того, не позднее эпохи Тан во вьетнамской среде была воспринята и имперская светская литература, прежде всего – поэзия. Об этом можно судить как по характеру политической истории эпохи зависимости, так и по сохранившимся произведениям вьетнамской средневековой литературы [513, с.9 – 123].

Не менее значительным было влияние танской культуры и на формирование вьетнамской музыкальной культуры, на оформление принципов местной архитектуры, на храмовую скульптуру и на этические нормы взаимоотношений в обществе. Однако здесь необходимо отметить два принципиальных момента.

Во-первых, влияние китайской культуры начало сказываться не позднее рубежа III – II вв. до н.э. При этом в

эпоху зависимости от Хань её влияние резко упало и лишь с повсеместным распространением буддизма оно снова начало возрастать, достигнув в эпоху Цзинь и особенно в эпоху Тан максимального уровня.

Скульптурное изображение льва, созданное, несомненно, под определённым влиянием традиционной китайской храмовой скульптуры. «Древняя пагода Защиты Государства». Ханой. 24.03.2011 г.

Во-вторых, элементы китайской культуры накладывались на местные культурные традиции, что

приводило к их значительной модификации. При этом влияние китайской культуры «наталкивалось» на влияние индийской культуры, которое особенно сказалось в храмовой скульптуре XI – XIII вв., примером чему может служить статуя Авалокитешвары в пагоде Одного столба в Ханое.

Более подробно различные аспекты культурных взаимовлияний в регионе рассматриваются в следующей главе, тогда как здесь представляется целесообразным остановиться на одном из важнейших феноменов вьетнамской культуры.

2.2. *Проблема вьетнамского иероглифического письма, или «нома»*

В начале данной главы уже говорилось о возрождении вьетской историко-мифологической традиции, представленной двумя типами произведений. Первый – это историко-мифологические сюжеты второй группы, которые были записаны либо в виде житийных биографий в буддийских пагодах и монастырях, либо в виде «Семейных записей» поминальных храмов культа предков. Этот тип произведений лёг в основу двух сборников светской вьетнамской литературы XIV в.: «Удивительных сказаний [о] Линьнаме» Чан Тхе Фапа и «Собрания таинств [и] чудес земли Вьет» Ли Тс Сюена. Второй – это биографии буддийских миссионеров, выдающихся буддийских монахов и патриархов буддийских школ во Вьете «Эпохи северной зависимости», которые также писались в буддийских пагодах и монастырях. Они были обобщены в буддийском трактате XIII в. «Собрание высказываний выдающихся святых [из] Сада Дхъяны» [244; 1009, с.193 – 196]. Как известно, большая часть произведений вьетнамской неофициальной историографической традиции была впервые записана древнекитайским иероглифическим письмом, которое получило распространение во Вьете не позднее III в. до н.э. Однако частично они были написаны на специфическом вьетнамском иероглифическом письме «ном»[1].

[1] Это название означает «Южная письменность», противопоставляя его тем самым классическому иероглифическому письму, принесённому с Севера.

В отличие от древнекитайского письма, в котором иероглиф является понятием, в «номе» иероглифы приспособлены к особенностям вьетнамского языка на основе системы «лю шу», или шести способов образования китайских иероглифов[20], но при этом они нередко употребляются только в качестве фонем. Создание этой письменности облегчалось ещё и тем, что вьетнамский язык содержит огромное количество китаизмов, число которых, по разным мнениям, колеблется от пятидесяти до восьмидесяти процентов. Процесс развития «нома» после его появления связан с перманентными изменениями и дополнениями этой письменности, которая так и не приобрела устойчивого, нормативного вида. И хотя в его основе лежат модифицированные китайские иероглифы, «номовские» иероглифы непонятны даже образованному *китайцу*.

Таким образом, если древнекитайский письменный язык был понятен во всех странах конфуцианского культурного ареала и служил средством коммуникации[21], то для чтения текстов на «номе» было необходимо как знание многих «необычных» иероглифов, так и владение вьетнамским языком. При этом важно подчеркнуть, что этот письменный язык так и не приобрёл устойчивого, нормативного вида, хотя попытки сделать его государственной письменностью и предпринимались. Первая из них связана с завершившимися крахом реформами Хо Кюи Ли в 1400 – 1407 гг., а вторая – с правлением династии Тэйшон в 1788 – 1802 гг., которая, отвергая всё, что имело хоть какое-то отношение к династии Ле (1428 – 1789 гг.), отвергала и бывшую её официальным письменным языком древнекитайскую иероглифику. Наконец, следует сказать, что наиболее ранние из известных текстов датируются XIII в., при этом вплоть до конца XVIII в. на нём писались многие создававшиеся в буддийских пагодах на территории Вьетнама тексты [796, с.126 – 149]. Поэтому во вьетнамоведении принято считать, что «ном» был создан между X и XIII вв.[22].

Если это так, то возникает вопрос о вызвавшей создание «нома» причине при условии существования как минимум на

протяжении пятнадцати веков развитой китайской иероглифической письменности.

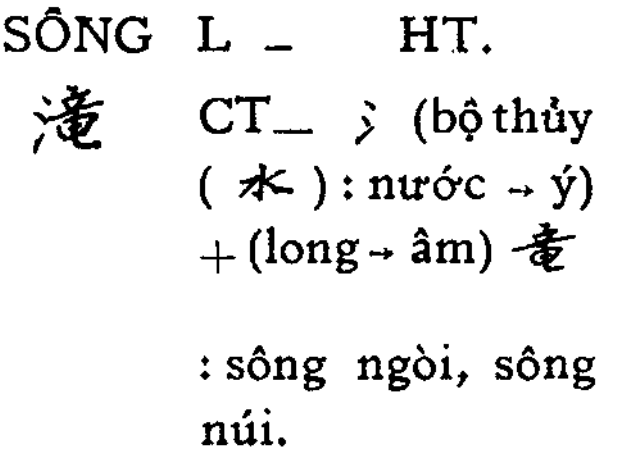
Другой вопрос связан с очевидным фактом того, что, являясь сакральным письменным языком буддийской религии во Вьетнаме, «ном», надо полагать, был создан и для того, чтобы «нежелательные лица» не могли понять храмовые записи. Однако в XIII в. таких «нежелательных лиц» в стране не было, а потому не было и никаких видимых причин для его создания в эпоху Ли – Чан. В то же время лингвистические исследования показывают, что «ном» своими корнями уходит в эпоху зависимости, когда «нежелательных лиц» в лице представителей имперской властей было предостаточно.

В свете сказанного по-иному воспринимается известная характеристика Си Ниепа, согласно которой при нём «страна постигла литературу, обрела обряды [и] музыку, стала страной культуры» [236.1, кн.3, с.12а]. Не секрет, что в конфуцианской традиции понятие культуры неразрывно связано с литературой и её письменным языком. Однако в источниках прямо говорится, что конфуцианская культура распространилась во Вьете ещё при Чиеу Да на рубеже III – II вв. до н.э., а в правление Си Гуана в начале I в. н.э. её распространение получило дополнительный импульс [236.1, кн.2, с.8а – 8б, кн.3, с.1а – 1б]. В то же время всё те же источники свидетельствуют о том, что именно при Си Ниепе в результате «сино-аннамитского» культурного синтеза на основе буддизма были заложены основы вьетнамской культуры. Поэтому, скорее всего, понятие «культура» в оценке, данной Нго Ши Лиеном Си Ниепу, которого он, как известно, считал национальным государем, следует трактовать как «вьетнамская культура».

Соответственно если исходить из такой интерпретации характеристики Си Ниепа, а также принять во внимание блок «совпадений», приходящихся на время правления «скрытой» династии Си, в сочетании с вышеприведённым анализом возможных причин создания «нома», то нельзя не согласиться с точкой зрения вьетнамского учёного Нгуен Донг Ти, согласно которой этот письменный язык был создан во II в.

[544, с.85, 86; 1365; 1366]. При этом представляется, что этот вывод может быть несколько уточнён.

«Ном» был создан на базе древнекитайской иероглифики и вьетнамского разговорного языка в правление «скрытой» династии Си в конце II – начале III в. в качестве сакральной храмовой письменности для фиксации тех событий внутренней жизни вьетского общества «Эпохи северной зависимости», которые не должны были стать известны в империи. Его совершенствование продолжалось на всём протяжении «Эпохи северной зависимости», при этом нельзя исключать того, что «ном» был официальным письменным языком при государях так называемой династии Ранняя Ли.

Типичный пример иероглифа письменного языка «ном». Этот иероглиф читается «sông» (*шонг*) и имеет значение «вода», что соответствует китайскому иероглифу 水 (*шуй*). При этом он образован сочетанием сокращённого написания иероглифа *шуй* с одним из редких написаний иероглифа 龍 (*лун*), имеющего значение «дракон» [14, с.685]

Данная гипотеза является тем более вероятной, что в последующие века вьетнамской истории нельзя обнаружить ни одного периода, когда внутренняя политико-культурная ситуация в стране предполагала бы создание новой письменности в условиях наличия развитого и повсеместно принятого письменного языка.

Глава 3

Период раннефеодального государства Дайковьет как эпоха окончательного превращения вьетской культуры во вьетнамскую

1. *К вопросу о терминологии*

В истории Вьетнама период с 880 г., или с момента ухода войск империи Тан, и до 1054 г., или даты провозглашения династией Ли государства Дайвьет, является эпохой окончательного становления вьетнамской культуры в современном понимании этого термина. Поэтому, для того чтобы избежать путаницы в понятиях, представляется целесообразным провести разграничение между терминами «вьетский» и «вьетнамский».

Древняя автохтонная культура, восходящая к раннеклассовому обществу периода царств Ванланг и Аулак, а также государственного объединения Намвьет – Аулак вместе с последующим временем независимого существования последнего на территории Северного Вьетнама с типологической точки зрения является вьетской культурой (конец VIII в. до н.э. – середина I в. н.э.). Доминировавшая на той же территории начиная с правления Си Ниепа и вплоть до конца правления так называемой династии Ранней Ли культурная традиция определяется как «сино-аннамитская» культура (рубеж II – III вв. – начало VII в.).

Наконец, вторая половина так называемой «Эпохи северной зависимости» – это время трансформации «сино-аннамитской» культуры во вьетнамскую (VII – IX вв.), окончательное оформление которой произошло при династиях из Хоалы и в эпоху Дайковьета (конец IX – начало XI в.).

Поэтому термин «вьетская» может относиться ко всей культурной традиции на территории Северного Вьетнама вплоть до 880 г., при этом с VII в. параллельно с ним может употребляться термин «вьетнамская», который с 880 г. становится единственным определением местной культурной традиции.

2. *Буддизм как официальная идеология независимых государей династий Динь и [Ранняя] Ле, а также первой общевьетнамской династии Ли в борьбе за упрочение независимости раннефеодального государства Дайковьет*

В предыдущей главе было подробно рассказано о том, каким образом во вьетском (вьетнамском) обществе VI – IX вв. распространился буддизм школы Созерцания в трактовке Винитаручи, который, как известно, сыграл значительную роль в укреплении самостоятельности крупных вьетнамских феодальных родов, опиравшихся в управлении своими владениями на поддержку буддийских пагод и монастырей. Однако в конце IX – X в. военно-политическое и религиозное единство в борьбе за независимость сменилось разобщённостью и соперничеством между отдельными раннефеодальными группировками, каждая из которых опиралась на своего духовного лидера. При этом одним из важнейших условий сохранения государственной независимости в то время было не только восстановление военно-политического единства страны, но и укрепление религиозно-идеологической основы всего вьетнамского общества. Поэтому именно с этих позиций следует оценивать структурные изменения его религиозно-идеологической организации в эпоху Дайковьета.

3. *Раскол школы буддизма Созерцания и проблема Уянь Туна*

В VIII в. произошёл раскол между духовными сыновьями пятого патриарха имперской школы Созерцания Хун-жэня (605 – 675 гг.), в результате которого образовались Северная школа во главе с Шэнь-сюем (умер в 706 г.) и Южная школа – во главе с Хуй-нэном (638 – 713 гг.). Последняя вскоре заняла ведущие позиции в китайском обществе, и поэтому её глава вскоре был провозглашён шестым патриархом буддизма школы Созерцания в империи Тан. В дальнейшем при девятом патриархе этой школы произошёл ещё один раскол.

Буддийская монахиня. «Пагода Усопшей Наставницы». Середина XVII в. Хюе. 01.04.2011 г.

Согласно источникам, девятый патриарх Бо-чжан (умер в 814 г.) имел двух духовных сыновей. Первый из них, Вэй-шань (умер в 853 г.), стал десятым патриархом и проповедовал буддизм школы Созерцания в соответствии со взглядами Бо-чжана. А его ученик Ян-шань, ставший одиннадцатым патриархом, основал новую секту этой школы под названием Вэй-ян, которое образовано первыми иероглифами имён Вэй-шань и Ян-шань.

Вторым духовным сыном Бо-чжана был некий Уянь Тун из рода Чжэн, происходивший из округа Гуан. Он изучал буддизм в пагоде Чжан-лин округа У, ездил на поклонение к восьмому патриарху Ма (Ма-цзуну), там стал учеником Бо-чжана и помогал Вэй-шаню в постижении тайн учения. В 820 г. Уянь Тун прибыл в Северный Вьетнам и обосновался в пагоде Киен-шо провинции Бакнинь[1], где основал свою секту и проповедовал до своей кончины в 826 г.

Ученик Уянь Туна и настоятель пагоды Киен-шо по имени Кам-тхань воздвиг в его честь ступу и начал проповедовать его учение. Поэтому 826 г. считается годом начала его распространения во Вьетнаме, а время по 1011 г. является периодом его расцвета, когда учение Уянь Туна занимало ведущее положение во вьетнамском обществе, тогда как 1337 годом датируется его полное исчезновение. На весь же кратковременный период господства буддизма школы Созерцания в трактовке Уянь Туна во Вьетнаме приходится четыре поколения её патриархов[2] [1009, с.233, 234, 243 – 252].

К сожалению, в источниках не содержится сведений о доктринальных различиях между школами Винитаручи и Уянь Туна, но при этом между ними проводится чёткое разграничение. В связи с этим можно предположить, что если эти учения мало чем отличались друг от друга по религиозно-философскому содержанию, то главное их различие было в том, какой из феодальных кланов они поддерживали в борьбе за власть. То есть речь идёт не об их доктринальном, а об их политическом противостоянии. А в таком случае данные

политической истории Вьетнама IX – X вв. могут помочь найти причину смены школы Винитаручи школой Уянь Туна.

4. *Династии из Хоалы. Оформление первой официальной вьетнамской буддийской иерархии и школа Уянь Туна*

О первых вьетнамских раннефеодальных династиях после восстановления независимости страны можно говорить лишь начиная с династий Динь и Ранняя Ле, или так называемых династиях из Хоалы (968 – 1009 гг.), так как предыдущий период (880 – 967 гг.), как уже говорилось, является периодом восстановления независимости Вьетнама в условиях феодальных междоусобиц и распрей[3]. Поэтому свидетельства о преобразованиях в области культуры, прежде всего – в сфере религии и идеологии, и появляются в источниках лишь с началом правления указанных династий, или с момента стабилизации политической ситуации в государстве. Среди мероприятий того времени можно отметить следующие.

В 968 г. впервые упоминается об учреждении императорского алтаря предков [36, с.130]. В 971 г. Динь Бо Линь пожаловал духовному наставнику Нго Тян Лыу титул «Великий учитель, опора Вьета», буддийскому монаху Чыонг Ма Ни – звание «Наставник Сангхи» и буддийскому монаху Данг Хюен Куангу – звание «Величественный [и] прямой [блюститель] строгих обрядов» [239.4, т.6, с.18, 19 («Основные записи», кн.1, с.4б)]. В 984 г. в Хоалы был возведён дворцовый комплекс с чётко выраженной культовой ориентацией по сторонам света и с башней-пагодой. В 985 г. по случаю императорского дня рождения проводились ритуальные состязания по гребле, при этом на реке были возведены «искусственные горы на кораблях» [36, с.134]. Под 987 г. впервые упоминается о ритуальной пахоте. Согласно источнику, император сначала пахал поле в Дойшоне, где был найден слиток золота, затем – поле у горы Банхай, где нашли слиток серебра. С тех пор эти два поля именовались «поля Золота [и] Серебра» [239.4, т.6, с.92, 93 («Основные записи»,

кн.1, с.22б – 23а)][4]. Наконец, под 1007 г. сообщается о посольстве ко двору династии Сун с просьбой прислать девять конфуцианских классических и канонических книг, а также тексты Трипитаки[5] [239.4, т.6, с.172, 173 («Основные записи», кн.1, с.43а)].

Если теперь обратиться к датировкам, то складывается следующая картина.

968 – 1009 гг.: время правления династий Динь и [Ранняя] Ле. 820 – 826 гг.: начало распространения учения секты Уянь Туна во Вьетнаме. Период наивысшего расцвета этого учения во вьетнамском обществе: нижняя граница неизвестна, верхняя граница – 1011 г., что в принципе совпадает со временем воцарения династии Ли и перенесением столицы из Хоалы в Тханлаунг (1010 г.) [36, с.142]. То есть даты прямо связывают секту Уянь Туна с феодальной группировкой Чан – Динь из Хоалы, а затем с правлением династий Динь и [Ранняя] Ле. В таком случае нижнюю границу начала расцвета учения Уянь Туна во Вьетнаме следует датировать 968 г., или годом официального воцарения династии Динь. В связи с этим возникает ещё одна проблема.

Ранее уже говорилось, что на территории Северного Вьетнама находился один из главных центров по переводу буддийских текстов с санскрита на иероглифику. Кроме того, тесная связь с империей и деятельность в губернаторстве таких администраторов, как Гао Пянь не оставляют сомнения, что во Вьете были достаточно широко распространены произведения имперской классической исторической и философской литературы, в том числе базовые девять классических и канонических книг. Налицо противоречие: в империю Сун направляется посольство с просьбой прислать эти произведения, хотя все они уже имеются в стране. Однако это противоречие только кажущееся.

Прежде всего следует напомнить, что буддизм школы Созерцания сложился в едином регионе Южного Китая и Северного Вьетнама в VI в. на основе синтеза буддизма

махаяны (Большой Колесницы) с философским даосизмом. При этом в Южном Китае бóльшую роль играл философский даосизм, а в Северном Вьетнаме – его религиозно-мистическая составляющая, или так называемый «народный даосизм», при этом некоторые конфуцианские классические и канонические книги являлись таковыми и в философской системе даосизма[6]. Наконец, уже с рубежа VIII – IX вв. в империи Тан отмечается начало процесса второго конфуцианского синтеза, завершившегося в XII в. созданием неоконфуцианской философской системы Чжу Си[7]. Именно с этим процессом следует связывать упоминавшийся выше раскол имперской школы Созерцания в IX в. и возникновение его новой секты Вэй-ян, последователем которой, как известно, был Уянь Тун. Такая последовательность развития событий позволяет установить главное различие между сектами Виниторучи и Уянь Туна. Оно кроется в трактовке взаимоотношений центральной власти и отдельной личности.

Учение Виниторучи исходило из традиционной буддийской концепции личности и её самосовершенствования путём медитации и не-деяния, или самоустранения личности из активной общественной и государственной деятельности. Как таковое оно стало, по всей вероятности, религиозно-философским обоснованием противостояния вьетнамских военно-феодальных кланов тенденции централизации государственной власти.

Учение же Уянь Туна, в целом исходившее из тех же философских концепций, что и учение Виниторучи[8], возникло на начальном этапе процесса второго конфуцианского синтеза в империи Тан и, вероятно, уже включало в себя некоторые элементы конфуцианства, которое видело в сильной центральной власти главную опору государства. Судя по всему, именно этот его аспект сделал учение Уянь Туна идеологической опорой династий из Хоалы в их борьбе против сепаратистских тенденций военно-феодальных кланов. Как следствие, укрепление центральной власти при династиях Динь и [Ранняя] Ле сопровождалось расцветом секты Уянь

Туна в качестве государственной религиозно-философской доктрины Дайвьета. Соответственно, так как именно в империи Сун процесс синтеза буддизма школы Созерцания с конфуцианством получил максимальное развитие, в определённой степени сказавшись на деятельности династий из Хоалы, то и обращение к сунскому императору с просьбой о присылке девяти конфуцианских классических и канонических книг вместе с Трипитакой следует связывать с деятельностью секты Уянь Туна при дворе династии Динь. В её деятельность также прекрасно вписывается учреждение династийного поминального храма, ритуальные лодочные гонки и обряд пахоты, которые являлись важными элементами обожествления императорской власти. Как можно судить по названиям отдельных строений и по их расположению, возведение в 984 г. при династии [Ранней] Ле дворцового комплекса преследовало аналогичную цель. Этот комплекс был расположен на горе Дайван (гора Великих Облаков), а его планировка соответствовала сторонам света. Находившийся на востоке комплекса дворец «Ветра [и] Потоков» был местом отдыха и развлечений. На западе комплекса находился дворец «Фиолетового цвета»[9]. На севере – дворец «Обиталище Бессмертных». На юге – дворец «Царство Теней»[10]. Кроме того, были возведены башня «Великие Облака»[11], дворец «Вечная Весна» и дворец «Огненный Дракон»[12]. Все эти дворцы были богато украшены золотом и серебром, при этом крыша последнего была покрыта серебряной черепицей, а весь их комплекс получил название «Дворец тысячи лет бесконечного богатства» [239.4, т.6, с.80 – 83, («Основные записи», кн.1, с.20а – 20б)]. Культовая организация этого дворцового комплекса не вызывает сомнения, так как в ней прослеживается прямая связь с геомантией и астрологическими построениями, которые весьма характерны для императорских дворов китайских империй. Судя по всему, внешняя атрибутика имперской государственной власти, опиравшейся на конфуцианские ритуалы и принципы управления, была воспринята в Дайвьете в такого рода

проявлениях, что, безусловно, являлось одним из последствий «Эпохи северной зависимости».

Буддийский монах показывает приёмы пользования мечом.
Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана.
Колоа. 25.03.2011 г.

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь между процессом укрепления императорской власти в раннефеодальном вьетнамском государстве и деятельностью последователей Уянь Туна, которые, судя по приведённой выше титулатуре, с 971 г. занимали в Хоалы высшие духовные и светские государственные посты. Но при такой оценке роли

секты Уянь Туна возникает вопрос: почему в условиях сохранения и даже усиления влияния буддизма школы Созерцания во вьетнамском обществе секта Уянь Туна теряет свои позиции с воцарением династии Ли и переводом столицы в Тханглаунг? Ведь её учение адекватно соответствовало тенденции усиления императорской власти и централизации государства, а сам основатель династии Ли, как известно, являлся одним из военачальников Ле Хоана и, несомненно, был связан с буддийской элитой Дайковьета. Для ответа на этот вопрос представляется необходимым обратиться к некоторым взаимосвязанным аспектам истории буддизма и начального периода правления династии Ли во Вьетнаме.

5. *Первые императоры династии Ли и проблема смены во вьетнамском буддизме школы Созерцания секты Уянь Туна сектой Тхао Дыонга*

С точки зрения периодизации политической истории правление династии Ли выходит за временные рамки настоящего тома, однако если исходить из периодизации религиозно-культурного развития Вьетнама, то события, связанные с восшествием на престол династии Ли и правлением её первых императоров, должны рассматриваться в данном томе. Поэтому здесь излагаются лишь те аспекты вьетнамской культуры, без которых характеристика её окончательного оформления в IX – XI вв.[1].

Согласно источникам, Ли Конг Уан родился в 974 г. и ещё в детстве проявил необычайные способности. Он обучался в пагоде Лук-то, где его наставником был монах Ван Хань, который предсказал восшествие своего ученика на престол. В 1009 – 1010 гг. Ли Конг Уан был одним из главных военачальников при дворе династии Раняя Ле, а после смерти её последнего императора захватил власть в Дайковьете и объявил о восшествии на престол новой династии [36, с.43, 44].

---

[1] Об основных аспектах развитии вьетнамской культуры в XI в. смотри следующий том.

Став императором Ли Конг Уан сразу же предпринял широкомасштабное культовое строительство в столице. Так, за время его правления было построено восемь храмов и возведено четыре статуи Небесного Императора[13]. При нём же в 1016 г. в монахи было обращено более тысячи жителей столицы, а в 1019 г. – «множество жителей» на всей территории государства [36, с.139 – 145; 1009, с.258].

В 1028 г. Ли Конг Уан скончался и ему было присвоено посмертное имя «Великий Предок». В том же году ему наследовал старший сын, при котором в стране продолжилось строительство буддийских храмов и монастырей как в столице, так и по всей стране. Так, согласно одному источнику, при этом императоре, у которого было два имени Дык Тинь и Фат Ма[14], в 1031 г. было завершено строительство ста пятидесяти монастырей, а в другом источнике говорится о том, что их было построено девятьсот пятьдесят [1009, с.258]. Одновременно с этим источники сообщают о ритуальных гонках на лодках (1013 и 1038 гг.), ритуальной пахоте (1031 и 1038 гг.), о посольстве к сунскому двору с просьбой прислать текст Трипитаки (1038 г.), наконец, об учреждении алтаря для молений о даровании урожая в каждое из четырёх времён года (1048 г.). В источниках также содержатся сведения о многочисленных чудесах, таких как находки древней статуи Будды, следов его стопы и других буддийских реликвий [36, с.143,145 – 154; 1009, с.258, 259]. В 1054 г. этот император скончался и получил посмертное имя «Великий рода [Ли]», а ему наследовал его третий сын. В том же году название государства Дайковьет было изменено на Дайвьет, что символизировало собой завершение процесса консолидации власти в руках династии Ли, начавшегося в 1010 г. с перенесения столицы государства из Хоалы в Тханлаунг.

Если теперь обратиться непосредственно к истории религии, то вышеприведённые данные могут быть дополнены следующими фактами.

В начале XI в. в империи Сун выделилась ещё одна секта буддизма школы Созерцания, основателем которой был

некий Сюедоу Мин-цзюе. Согласно источникам, Сюедоу – это название горы в округе Мин. То есть имя этого монаха может быть переведено как «Провозвестник [горы] Сюедоу [округа] Мин». Он также известен под именем «Наставник Созерцания Сюедоу» и под посмертным именем «Великий наставник, провозвестник Мин». Интересен тот факт, что посмертное имя ему пожаловал в 1012 г. сам сунский император. Одним из духовных сыновей этого буддийского наставника был монах по имени Цао Тан, который последовал за своим учителем в Тямпу, где был захвачен в плен вьетнамской армией и отдан в прислужники Наставнику Сангхи. Поскольку Цао Тан проявил выдающиеся способности в толковании текстов, то император династии Ли пожаловал ему титул «Наставник государства». С этого момента имя 草堂 будет писаться не в китайской (Цао Тан), а во вьетнамской фонетической транскрипции (Тхао Дыонг).

Многочисленные последователи Тхао Дыонга провозгласили его основателем новой секты буддизма школы Созерцания. Этим событием датируется начало её господства в духовной жизни вьетнамского общества, которое продлилось с 1069 по 1225 г. и связано с деятельностью пяти поколений патриархов[15].

Чан Ван Зяп полагает, что Тхао Дыонг был захвачен в плен и доставлен ко двору династии Ли во время знаменитого разгрома Тямпы в 1069 г. [36, с.161, 162]. Исходя из этого, он пришёл к выводу, согласно которому учение Тхао Дыонга получило распространение во Вьетнаме с того года [1009, с.253, 254]. Отсюда следует, что правления императоров Великого Предка (1010 – 1028 гг.), Великого рода [Ли] (1028 – 1054 гг.) и Совершенного рода [Ли] (1054 – 1072 гг.) вплоть до 1069 г. никак не связаны с сектой Тхао Дыонга, учение которой после прибытия наставника ко двору Ли сразу же становится господствующей религиозно-идеологической доктриной Дайвьета. О последнем свидетельствует и то, что скончавшийся в 1072 г. император Совершенный был первым официальным патриархом секты Тхао Дыонга [1009, с.255]. Но

в таком случае совершенно необъяснима причина того, почему в «Семейных записях» и житиях буддийских храмов сообщается от том, что в 1054 г. название государства Дайковьет было изменено на Дайвьет? Более того, само путешествие Тхао Дыонга с Сюедоу в Тямпу становится более чем сомнительным, так как Сюедоу скончался в 1052 г. в возрасте семидесяти трёх лет в империи Сун [1009, с.253]. Поэтому представляется, что вывод о захвате Тхао Дыонга в плен во время тямского похода 1069 г. и датировка времени господства секты Уянь Туна во Вьетнаме являются одними из редких неточностей блестящего исследования Чан Ван Зяпа. В то же время сопоставление дат и фактов вьетнамской истории той эпохи с приведёнными выше сведениями позволяет выдвинуть иную гипотезу.

Согласно источникам, в 1044 г. династия Ли предприняла военную экспедицию против Тямпы, завершившуюся полным разгромом тямской армии и захватом в плен более пяти тысяч человек. Во время этого похода был даже убит тямский король, но в отличие от 1069 г. столица Тямпы не была захвачена [36, с.151]. Соответственно в свете данных о Сюедоу и Тхао Дыонге было бы более логично предположить, что в результате экспедиции 1044 г. последний попал в плен и был доставлен ко двору династии Ли, а его наставник сумел вернуться в империю Сун, где и скончался в 1052 г. Если это так, то представляется возможность реконструировать последовательность происходивших событий следующим образом.

Императоры Великий Предок и Великий рода [Ли] в целом были последователями буддийской секты Уянь Туна, хотя и не поддерживали исключительно только её представителей. Объясняется это тем, что секта Уянь Туна имела своей опорой Хоалы, тогда как в остальных районах Дайвьета значительным влиянием пользовались и другие секты буддизма школы Созерцания[16]. Иными словами, речь идёт о самостоятельных сангхах, из которых в определённой степени выделялась сангха Хоалы, так как она представляла

собой официальное государственное учение и имела утверждённую императором духовную иерархию. Поэтому, хотя воцарение новой династии Ли и перенесение столицы в Тханлаунг в 1010 г. и привели к некоторому падению влияния секты Уянь Туна, она всё-таки сохраняла господствующее положение в государственной структуре страны вплоть до 1054 г. С появлением же в 1044 г. при дворе династии Ли буддийского наставника Тхао Дыонга трактовка буддизма Созерцания в интерпретации Сюедоу привлекла внимание придворных сановников, в числе которых оказался и третий сын императора Великого рода. Источники сообщают, что неизвестный прорицатель предсказал этому принцу восшествие на престол [36, с.145, 146], а сопоставление дат свидетельствует в пользу того, что этого «неизвестного прорицателя» следует идентифицировать с Тхао Дыонгом. В этом случае стремительное возвышение этого монаха после восшествия на престол императора Совершенного в 1054 г. становится вполне объяснимым. Однако при этом всё ещё остаётся непонятным, почему смена учения одной секты буддизма школы Созерцания учением другой его секты в качестве официальной придворной идеологической доктрины сопровождалась сменой названия государства? Для ответа на этот вопрос следует сначала попытаться понять смысловое значение самих названий 越瞿大 (Дайковьет) и 越大 (Дайвьет).

Если перевод названия Дайвьет как «Великий Вьет» очевиден, то перевод названия Дайковьет вызывает определённые затруднения, связанные с иероглифом 瞿. По этому поводу во вьетнамоведении существуют две основные гипотезы, при этом если первая из них требует некоторого уточнения, то вторая не выдерживает никакой критики[17]. Так, согласно первой названия Дайковьет никогда не существовало, а иероглиф 瞿 по неизвестным причинам был вставлен в название Дайвьет вьетнамскими историографами династии Ли в XI – XII вв. Как следствие, в источниках появился сюжет о смене названия государства. Согласно же второй иероглиф 古, имеющий значение «древний» [3, с.120, №1270], по какой-то

неизвестной причине был заменён в названии государства 越古大 (Дайковьет) иероглифом 瞿, которое в этом случае должно переводиться как «Великий древний Вьет».

В то же время анализ проблемы изменения названия государства в контексте культурного развития Вьетнама в начале XI в. позволил выдвинуть третью гипотезу, носящую более обоснованный характер [550, с.75, 76, 78, 79]. Согласно этой гипотезе, *иероглиф* 瞿, *являющийся сокращением имени* 曇瞿 (*Гаутама*) [8, a-m, с.110], *именно в этом своём значении был включён в название* 越瞿大 (*Дайковьет*) *и тем самым отражает религиозную составляющую этого названия.*

Если исходя из этой гипотезы обратиться к событиям, связанным со сменой секты Уянь Туна сектой Тхао Дыонга в качестве религиозно-идеологической доктрины вьетнамского раннефеодального государства, то складывается следующая картина.

О первом патриархе буддизма школы Созерцания во Вьетнаме индийском брахмане Винитаручи, учение которого восходит непосредственно к основателю этого учения в Индии Бодхидхарме, равно как и о развитии учения его секты с конца VI по IX в. говорилось в предыдущей главе. Здесь же необходимо только указать на то, что в X в. центром учения Винитаручи были территории, принадлежавшие феодальному клану Нго, духовным наставником которого был её патриарх, живший в то время. Поэтому с возвышением клана Нго после ухода танских войск из Вьетнама (880 г.) началось и возвышение учения Винитаручи. А после того как Нго Кюен объединил страну и разгромил армию Южной Хань на реке Батьданг (939 г.), учение Винитаручи заняло господствующее положение во вьетнамском обществе. Однако со смертью Нго Кюена (945 г.), падением клана Нго – Зыонг (965 г.) и наступлением периода феодальных междоусобиц, или эпохи двенадцати легатов-правителей (966 – 967 гг.), оно стало терять свои позиции, постепенно уступая их другим сектам буддизма школы Созерцания, которые находились во

владениях этих легатов-правителей и соответственно являлись их духовной опорой.

Учение Уянь Туна в конечном счёте тоже восходит к учению Бодхидхармы, но уже в опосредованном виде через отколовшееся от него учение шестого патриарха Хуй-нэна и его дальнейшую модификацию в рамках основанной десятым и одиннадцатым патриархами секты Вэй-ян. Также не следует забывать, что учение Уянь Туна было «принесено» проповедником из Южного Китая между 820 и 826 гг. То есть оно было воспринято во Вьетнаме в условиях зарождения военно-политического союза вьетнамских феодалов с имперской администрацией для борьбы с Наньчжао. И хотя в то время в империи Тан уже отмечаются некоторое усиление конфуцианства и первые признаки неоконфуцианского синтеза, учение буддизма Созерцания всё ещё сохраняло, особенно в её южных провинциях, достаточно сильные позиции. Но если феодальный клан Нго – Зыонг опирался на учение Винитаручи, то центром учения Уянь Туна были владения клана Чан – Динь в Хоалы. Поэтому с 968 г. это учение и стало идеологической опорой династий из Хоалы, или династий Динь и Раняя Ле. Как таковое оно противостояло другим вьетнамским сектам буддизма школы Созерцания, в первую очередь – секте Винитаручи, на учения которых опирались эти кланы. Надо полагать, что в течение всего периода его господства учение Уянь Туна воспринималось как имперская форма буддизма школы Созерцания, являвшаяся идеологическим обоснованием подчинения военно-феодальных кланов династиям из Хоалы. Соответственно оно связывалось исключительно с правлением этих династий, чем и объясняется официальная датировка конца его господства (1011 г.). Однако очевидная связь учения Уянь Туна с названием Дайковьет и рассмотренные выше датировки распространения учения Тхао Дыонга приводят к выводу о том, что конец господства учения Уянь Туна приходится на 1054 г.

Чан Ван Зяп указывает на то, что Уянь Тун принципиально использовал метод медитации Бодхидхармы

«Созерцание стены», а потому определяет период господства этой секты как период «чистой дхъяны» [1009, с.256]. Данный вывод не вызывает сомнения, но ведь и Винитаручи был последователем Бодхидхармы, в учении которого также использовался указанный метод медитации. Поэтому представляется, что главным отличием учения Уянь Туна было то, что оно проповедовало буддизм в достаточно редкой форме, концентрируя внимание на учении Гаутамы. Во всяком случае, это единственное более или менее обоснованное объяснение феномена появления и существования названия Дайковьет при династиях из Хоалы.

«Привнесённое» же из индуистской Тямпы учение Тхао Дыонга было связано с сектой буддийского наставника эпохи Сун, или с эпохой активного формирования неоконфуцианства и вытеснения буддизма из государственной идеологии в империи. Также следует указать на то, что учение Тхао Дыонга являлось новым для вьетнамского общества и не было связано ни с одной из традиционных сект буддизма школы Созерцания во Вьетнаме. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в условиях укрепления позиций первой общевьетнамской династии Ли на начальном этапе формирования раннего феодального государства оно сменило при её дворе достаточно локальное учение секты Уянь Туна, ассоциировавшееся с жестокими репрессиями императоров из Хоалы. Таким образом, наиболее вероятна следующая последовательность событий, связанных со сменой секты Уянь Туна сектой Тхао Дыонга.

В 1044 г. Тхао Дыонг прибывает из Тямпы ко двору династии Ли. В 1054 г. его ученик и третий сын императора Великого наследует престол, объявляет о возвышении своего наставника, утверждает его учение в качестве официального в придворной сангхе и меняет название государства[18]*. В 1069 г. император Совершенный сам становится патриархом новой секты буддизма школы Созерцания и в ознаменование этого события жалует своему учителю титул «Наставник государства».*

Интересно, что Чан Ван Зяп, называя Тхао Дыонга «китайским наставником дхъяны», определяет период господства его учения как «период аннамитской дхъяны» [1009, с.256]. О дальнейшей судьбе его учения в эпоху Ли – Чан речь пойдёт в следующем томе. Однако до этого, в целом принимая основные выводы Чан Ван Зяпа, представляется целесообразным их несколько уточнить уже в этом томе.

Развитие буддизма во Вьетнаме прошло через четыре периода, при этом три из них связаны с буддизмом школы Созерцания. Если говорить о периодах, связанных с буддизмом школы Созерцания, то их можно определить следующим образом. Первый (секта Винитаручи, конец VI – IX в.) – «индийский», опирающийся на метод медитации Бодхидхармы «Созерцание стены». Второй (секта Уянь Туна, X – середина XI в.) – «индийско-китайский», опирающийся на тот же метод медитации и проповедующий буддизм в форме учения Гаутамы. Третий (секта Тхао Дыонга, середина XI в. и далее) – «вьетнамский». Он характеризуется отказом как от «индийского» метода медитации, так и от проповеди буддизма в форме учения Гаутамы, а также тем, что первым официальным патриархом «вьетнамской» секты буддизма школы Созерцания стал третий император династии Ли, которая в дальнейшем оказывала ей всяческое покровительство.

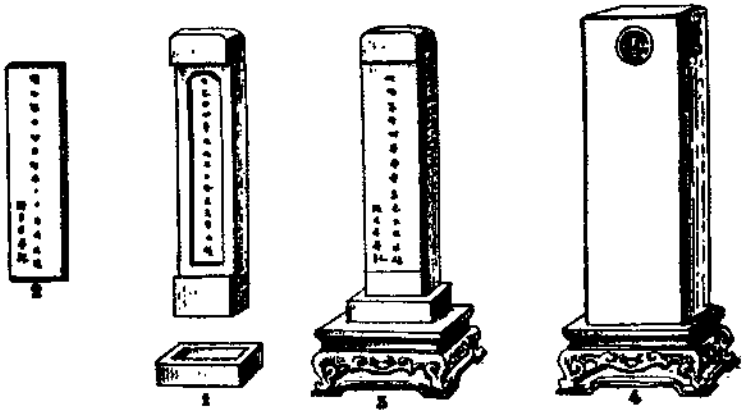
6. *Структура религиозных верований в 968 – 1054 гг.*

Весь вышеизложенный материал позволяет утверждать с достаточной степенью вероятности, что к моменту воцарения династии Ли во Вьетнаме уже оформилось сочетание двух дополняющих друг друга основных культов, каждый из которых крайне сложно выделить без специального исследования. Это культ предков и буддизм.

В основе первого лежат древнейший вьетский культ предков и связанные с ним народные верования, или «народный даосизм», о чём уже упоминалось выше. Судя по характеру развития вьетнамского общества, этот комплекс

религиозных представлений оформился в X – начале XI в. в единую трёхступенчатую систему, которая затем на протяжении веков лишь модифицировалась и совершенствовалась. Её базовой ступенью являлся семейный культ, центром которого был домашний алтарь. Перед ним помещались поминальные таблички четырёх поколений умерших предков: прапрадеда с прапрабабушкой, прадеда с прабабушкой, деда с бабушкой и отца с матерью. После установления новой поминальной таблички самая старая снималась с алтаря и захоранивалась. Поминальные таблички изготавливались из непрочных сортов дерева для того, чтобы после захоронения они быстро разложились и «исчезли».

В том случае, когда тот или иной знатный и богатый род имел свой семейный поминальный храм, в его центре устанавливалась поминальная табличка родоначальника, которая никогда не снималась.

Поминальная табличка домашнего алтаря Предков, по Л.Кадьеру.
1. Внутренняя табличка со скрытой надписью и её подставка.
2. Внешняя табличка с надписью – посвящением.
3. Обе таблички в специальном чехле
4. Собранная поминальная табличка в коробе на цоколе [835, с.99]

Ритуальные жертвоприношения и обряды совершались перед поминальными табличками как минимум пять раз в году в строго установленные дни.

Считалось, что если табличка умершего не помещена на алтарь и перед ней не воскуряют благовоний и не возлагают к ней никаких символических жертвоприношений, то умерший из доброго духа-покровителя семьи превращается в кровожадного демона. Поэтому если в семье не оставалось наследников, чтобы отправлять поминальный культ, то её последний представитель мог обеспечить общественное отправление поминального культа дарами буддийской пагоде или общинному храму.

С семейным культом непосредственно связан и культ общинного духа-покровителя. Однако в отличие от семейного культа в данном случае речь идёт о коллективном поклонении общины либо прославившемуся чем-то её уроженцу, либо известному полководцу, предводителю восстания, народному герою или другому выдающемуся человеку, чьи свершения были связаны с территорией этой общины.

Обожествление такого человека в народной традиции превращало его в духа-покровителя «своей» общины, которую он защищал от демонов, природных катаклизмов, врагов и всяческих иных напастей. Значимость культа духа-покровителя каждой общины напрямую зависела от степени влияния его свершений на её последующее развитие. Таким образом, низший уровень поминального культа состоял из двух ступеней: индивидуально-семейной и коллективно-общинной.

На более высоких региональном и общенациональном уровнях это соотношение повторяется. Так, в некоторых случаях свершения того или иного исторического лица, оказавшие влияние на судьбу нескольких общин или целых регионов или даже всей страны, приводили к его «превращению» в духа-покровителя целых областей. В результате он становился региональным духом-покровителем с главным и второстепенными храмами, в которых отправлялся его культ.

В исключительных случаях культ такого регионального духа-покровителя становился национальным[19].

Домашний поминальный алтарь. Частный дом.
Южный Вьетнам, провинция Бенче. 11.04.2011 г.

Наконец, высшим уровнем культа предков в этой системе стал культ правящей династии, который одновременно является как общенациональным, так и семейным. Если не считать большей пышности, то от обычного семейного культа предков он отличается лишь тем, что таблички с именами умерших членов правящего рода вообще не снимались с алтаря династийного поминального храма.

Интересно отметить, что с восшествием на престол новой династии поминальный культ предыдущей трансформировался в культ национально-регионального значения[20]. Таким образом, речь идёт о достаточно сложной системе взаимосвязей культа предков, в которой семейный культ был индивидуальным, общинный и национально-региональный – коллективными, правящей династии – индивидуальным и общенациональным одновременно, при этом в определённых обстоятельствах индивидуальные поминальные культы могли трансформироваться в коллективные.

Весь этот комплекс культа предков уже в своей основе был связан с верованиями в добрых духов и демонов, в которых перевоплощались души умерших. Существование последних и в загробной жизни строилось в соответствии с земной иерархией. Они были знатью, чиновниками, военными, простолюдинами и так далее, при этом они подчинялись бессмертным существам, таким, как горные матери-прародительницы, небесные принцы и другие придворные Небесного Императора, который управлял загробным миром. В эту же схему включались упоминавшиеся выше верования, связанные с культом камней и деревьев, явлениями драконов и фениксов и многим другим. Весь этот комплекс верований был теснейшим образом связан с системой прорицаний из двух равнозначных составляющих. К первой относилось составление гороскопов на базе циклического календаря и геомантии, а в её основе лежало древнее натурфилософское учение Тёмного и Светлого начал. Вторая опиралась на

спиритизм и деятельность медиумов, роль которых в основном исполняли пожилые женщины. В пантеон всей этой системы понимаемого в широком смысле его содержания культа предков постоянно включались новые божества, которые привносились из других религиозных систем, а также создавались путём обожествления умерших выдающихся исторических деятелей. Благодаря этому в указанном пантеоне объединены всевозможные божества индуистского, буддийского и даосского происхождения вместе с обожествлёнными историческими личностями и божествами местного происхождения[21].

Безусловно, о том, что из себя представляла система культа предков в эпоху Дайковьета, можно судить лишь по её сохранившимся описаниям XVIII – начала XX в., однако имеются все основания полагать, что к X в. она уже в основном оформилась и в дальнейшем только эволюционировала, включая в себя всё новые элементы. Выше говорилось о том, что одним из первых мероприятий Динь Бо Линя при восшествии на престол в Хоалы было учреждение в 968 г. императорского алтаря предков. Это дополняется сообщением о возведении в 1016 г. при первом императоре династии Ли пагод Небесной славы и Небесной добродетели с четырьмя статуями Небесного Императора в Тханглаунге. Оба эти события соотносятся друг с другом по признаку основателя династии, при этом если в первом случае прямо говорится об «императорском алтаре предков», то упоминание статуй Небесного Императора, занимающего верховное положение в системе культа предков, свидетельствует в пользу того, что во втором случае речь идёт о поминальном храме династии Ли. Иными словами, культ императора уже существовал во Вьетнаме X – XI вв.

Более того, уже по отношению к тому времени представляется возможным говорить об определённом «обожествлении» самого императора и вере в то, что его власть распространяется и на загробный мир, иерархия которого копировала взаимоотношения реальной жизни. Так,

после воцарения первый император той или иной династии жаловал своим предкам императорские титулы. Кроме того, известно, что достаточно широко практиковалось пожалование национальным и региональным духам-покровителям почётных титулов за содействие, оказанное тому или иному императору в его начинаниях[22]. То есть, императору приписывалась власть и над сверхъестественными силами. Наконец, император наделялся магической силой в обеспечение плодородия, а, как известно, культ плодородия с древнейших времён являлся одним из важнейших культов в традиционных земледельческих обществах. Об этом свидетельствуют упоминавшиеся выше гонки на лодках по случаю императорского дня рождения, а также ритуальная пахота или обряд первой борозды, которые символизировали оплодотворение земли божественной властью императора. Можно констатировать, что уже при первых императорах династии Ли эта магическая сила императора приобрела форму специального культа, о чём свидетельствует сообщение, согласно которому в 1048 г. «установили алтарь Са за воротами Чыонг-куанг, чтобы во все четыре времени года молиться об урожае» [36, с.152][23]. То есть, речь идёт об алтаре, на котором с того времени императоры всех вьетнамских династий лично совершали жертвоприношения в каждое из времён года, молясь о даровании богатого урожая.

В результате такой персонификации оплодотворения земли центральным звеном древнего культа предков вместо семейного культа постепенно стал культ предков правящей династии, с которым связывалось благополучие всего государства и народа. Надо полагать, что ещё при первых императорах династии Ли этот процесс зашёл достаточно далеко, а потому представляется возможным уже с середины XI в. определять культ предков в структуре раннефеодального вьетнамского общества как культ императора.

Безусловно, культ предков – это древний культ вьетского общества, имеющий автохтонное происхождение, однако его общенациональное оформление в рамках культа

императора вместе с такими внешними его проявлениями, как обряд первой борозды, система жертвоприношений, культовая планировка дворцовых комплексов и так далее, вне всякого сомнения, были восприняты от китайских династий Тан и Сун. Иными словами, культ императора и его придворное оформление в значительной мере сложились под влиянием организационных форм императорского культа указанных имперских династий. А так как эти формы прослеживаются главным образом в названиях и ранжировании придворных должностей и военных подразделений, в планировке дворцовых комплексов и в названиях их отдельных сооружений, равно как и в ряде других внешних проявлений, то, видимо, это и дало повод средневековым историографам Вьетнама сделать под 1006 г. следующую запись:

«**Снова учреждена структура [должностей] придворных чиновников.**

Снова учреждена структура [должностей] придворных гражданских [и] военных чиновников в полном соответствии [с их структурой при дворе династии] Сун» [239.4, т.6, с.163 («Основные записи», кн.1, с.40б].

Таким образом, при династиях Динь, Ранняя Ле и в начальный период правления династии Ли имперское влияние на вьетнамское общество реализовывалось во внешних структурных формах, связанных со становлением культа императора, который по своему содержанию был также теснейшим образом связан с древним культом предков и народными религиозными представлениями. Однако весь этот комплекс верований, восходящий к древнему лаквьетскому обществу и принявший в X – XI вв. китаизированную форму культа императора, являлся лишь первой составляющей вьетнамской религиозной структуры, в которой не меньшую, если не большую, роль играла его вторая составляющая в форме буддизм школы Созерцания.

Ранее уже было достаточно много сказано о первой, игравшей ведущую роль во вьетнамском обществе с конца VI по начало IX в., секте буддизма школы Созерцания – секте

учителя Винитаручи. Поэтому представляется целесообразным вернуться к её проблеме лишь с точки зрения иерархической организации этой секты. В целом она выглядит следующим образом: **поколение** = *патриарху*, проповедовавшему в какой-то определённой пагоде, + *буддийские наставники*, каждый из которых проповедовал в «своей» пагоде, + их *ученики* [1009, с.236 – 238, 242]. Насколько можно судить по этой схеме, следующим патриархом становился главный духовный сын, или любимый ученик, предыдущего патриарха, который продолжал проповедовать в пагоде своего учителя или в другой пагоде той же буддийской общины. Соответственно новый патриарх вместе с жившими одновременно с ним буддийскими наставниками и учениками образовывали новое поколение этой секты. При такой схеме очевидно, что хотя все буддийские наставники формально признавали главенство патриарха, реальной иерархии ещё не существовало. Каждая пагода фактически являлась самостоятельным центром и содержалась за счёт подношений местного населения, прежде всего – местных феодалов. Так, выше говорилось о том, что будущий основатель династии Ли обучался в пагоде Лук-то, где его наставником был буддийский монах Ван Хань. И хотя пагода Лук-тхо также упоминается в связи с деятельностью одного из патриархов секты Винитаручи, то, судя по контексту, Ван Хань проповедовал буддизм в своём понимании этого учения [1009, с.238]. Если к этому добавить, что параллельно с сектой Винитаручи существовало значительное количество других буддийских сект со своими общинами, то складывается картина, типичная для всего региона распространения буддизма школы Созерцания. Судя по вышеизложенному материалу, главным структурным элементом сангхи в этом регионе была буддийская община той или иной секты во главе с патриархом, образованная более мелкими общинами, которые группировались вокруг отдельных пагод со своими наставниками. Практически аналогичная ситуация отмечается и в начальный период становления секты Уянь Туна в 820 – 956 гг.

О наставниках этой секты ничего не говорится вплоть до четвёртого поколения её патриархов. В четвёртом же поколении сообщается о двух наставниках, при этом имя второго также неизвестно. Зато биография самого патриарха этого поколения представляет собой большой интерес. Его мирское имя было Нго Тян Лыу. Согласно традиции, он сначала изучал конфуцианство, а затем обратился в буддизм и постигал его основы под руководством третьего патриарха школы Уянь Туна, по завещанию которого он и стал патриархом. Когда Нго Тян Лыу было сорок лет, император Предок династии Динь пожаловал ему титул «Руководитель [буддийских] монахов» [1009, с.245]. Однако здесь отмечается явное несоответствие. Согласно источникам в 971 г. Нго Тян Лыу получил титул «Великий учитель, опора Вьета», а монахи Чыонг Ма Ни и Данг Хюен Куанг – звания «Наставник Сангхи» и «Величественный [и] прямой [блюститель] строгих обрядов». В то же время в нём сообщается, что Нго Тян Лыу скончался в 1011 г. в возрасте пятидесяти двух лет. Таким образом, получается, что в 971 г. ему было двенадцать лет [1009, с.245]. Представляется, что в тексте источника была допущена ошибка или, что более вероятно, описка. В данном случае наиболее логичным выглядит предположение, согласно которому с восшествием на престол в 968 г. Динь Бо Линь пожаловал сорокалетнему наставнику Нго Тян Лыу первый титул, в 971 г. – второй титул, а в 1011 г. в возрасте восьмидесяти двух лет этот патриарх скончался. Тогда складывается следующая картина.

С восшествием на престол династия Динь официально утверждает главенствующее положение «своего» патриарха, который проповедовал в пагоде, находившейся в феоде Хоалы. Несомненно, на специфику его буддийского учения наложило отпечаток изучение им конфуцианской доктрины, что, по логике вещей, должно было лежать в основе взаимосвязи учения данной секты буддизма школы Созерцания с тенденцией усиления центральной власти при династиях Динь и [Ранняя] Ле. Однако в этот период вьетнамской истории

император обладал всей полнотой власти лишь в столице и в своём наследственном феоде, поэтому и официальная секта буддизма школы Созерцания безоговорочно господствовала в пределах той же территории. Таким образом, с 968 г. отмечаются первые шаги вьетнамских императоров, направленные на трансформацию сангхи Уянь Туна в придворное духовное ведомство путём создания под эгидой двора собственной духовной иерархии. В дальнейшем, по мере усиления политического господства правящих династий в результате деятельности Динь Бо Линя и Ле Хоана, возрастает и степень подчинения буддийских наставников – адептов секты Уянь Туна высшим придворным буддийским сановникам. Тем не менее их общины, или сангхи, продолжают сохранять значительную самостоятельность, тогда как общины других направлений буддизма школы Созерцания остаются независимыми.

С воцарением династии Ли указанная тенденция лишь усиливается. Так, если в начале правления этой династии основное внимание уделялось культовому строительству в самой столице и «обращению в монахи» части её жителей, то в 1019 – 1031 гг. речь уже идёт как о завершении строительства множества пагод и монастырей, так и об «обращении в монахи» большого количества людей по всей стране. Все эти действия были направлены на включение духовной жизни вьетнамского общества эпохи династий из Хоалы в сферу влияния придворной сангхи, представленной сектой Уянь Туна, патриархи и наставники которой оставались высшими духовными сановниками династии Ли вплоть до середины XI в. Об этом свидетельствует и тот факт, что будущий основатель собственно вьетнамской секты буддизма школы Созерцания Тхао Дыонг был отдан в прислужники Наставнику Сангхи лишь в 1044 г.[24]. Таким образом, период господства секты Уянь Туна насчитывает не четыре, а шесть поколений патриархов, при этом в пятом поколении насчитывается два наставника, а в шестом – три. Весьма интересен и тот факт, что в то время патриархи назначались только из числа столичных

наставников, а император правящей династии мог быть учеником наставника, который не был патриархом. Так известно, что в 1037 г. император Великий династии Ли был учеником третьего наставника в шестом поколении секты Уянь Туна [1009, с.252].

Однако поворотным моментом в развитии вьетнамского буддизма становится 1054 г., когда на престол взошёл последователь Тхао Дыонга император Совершенный династии Ли (1054 – 1072 гг.). В том же году он изменил название государства, назначил своего наставника главой буддийской иерархии и сделал его учение придворным. Затем, в 1069 г., император пожаловал Тхао Дыонгу титул «Наставник государства»[1], при этом сам он стал патриархом и официальным основателем первого поколения наставников этой сангхи буддизма школы Созерцания в Дайвьете. Наконец, в 1205 г., когда император Высокий, бывший шестнадцатым наставником пятого поколения патриархов секты Тхао Дыонга, повелел именовать себя Буддой. Этот же год является годом конца официального господства секты Тхао Дыонга при дворе вьетнамских императоров [1009, с.255, 258]. Обо всех этих событиях, кроме последнего, уже говорилось, и, кроме того, они выходят достаточно далеко за рамки настоящего тома. Однако без их сведения воедино невозможно понять логику развития религиозной ситуации во Вьетнаме X – XII вв. Представляя собой на первый взгляд формальную смену одной секты буддизма школы Созерцания другой его сектой в качестве официального религиозно-идеологического учения правящей династии, он на самом деле *является процессом слияния культа императора и соответственно всего комплекса верований, связанного с культом предков, с официальной придворной буддийской сангхой.*

Таким образом, развитие религиозно-идеологической структуры Вьетнама при династиях из Хоалы свидетельствует о стремлении столичной сангхи стать общенациональной, а при династии Ли – о начальном этапе формирования

[1] Эквивалент титула «Великий учитель, опора Вьета».

теократического буддийского государства. Вероятно, из-за того что сангхе Тхао Дыонга противостояли как пользовавшиеся определённым влиянием сангхи Винитаручи и Уянь Туна, так и другие сангхи буддизма школы Созерцания, имевшие своих адептов в Дайвьете, указанная тенденция так и не возобладала. Кроме того, не следует забывать и о других направлениях буддизма во Вьетнаме, которые также противостояли официальному учению[25]. Наконец, необходимо подчеркнуть, что основным фактором, который воспрепятствовал превращению Вьетнама в буддийское теократическое государство, стало противоречие, заложенное в единство обожествления императора в рамках культа предков и его идентификацию с Буддой[26].

7. *Архитектура*[1], *скульптура и изобразительное искусство, музыка и литература*

До нашего времени не дошло ни одного памятника вьетнамской архитектуры конца IX – начала XI в. за исключением уникального архитектурного сооружения, известного под названием пагоды Одного столба, строительство которой датируется 1049 г.[27] [239.1, «Основные записи», кн.3, с.14а – 14б]. Однако в источниках содержатся многочисленные и детальные описания возведения дворцовых комплексов, данные о строительстве пагод и монастырей и сведения о культовой скульптуре и живописи, о которых уже упоминалось выше в связи с деяниями династий из Хоалы и первых императоров династии Ли. Помимо них необходимо упомянуть ещё два сообщения источников, согласно которым в 1036 г. была завершена работа над большой статуей Будды, а в 1040 г. было изваяно более тысячи статуй Будды, написано более тысячи изображений Будды и соткано более тысячи культовых штандартов для пагод [239.1, «Основные записи», кн.2, с.40б, кн.3, с.1б]. Если исходить из этих данных письменных источников и сопоставить их с сохранившимися

[1] Подробно об архитектуре смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» Тома III».

памятниками XIII – XIV вв., которые, вне всякого сомнения, теснейшим образом связаны с традицией эпохи Ли, то в целом представляется возможным дать общую характеристику вьетнамской культовой и дворцовой архитектуре, а также вьетнамской скульптуре и живописи эпохи Дайковьета.

Как показывают археологические и этнографические источники, первичным и, надо полагать, древнейшим звеном вьетнамской культовой архитектуры является тип здания, генетически связанный с общинным домом или общинным поминальным храмом, которые мало чем отличаются друг от друга. Он представляет собой одноэтажное здание правильной прямоугольной формы с несущими деревянными столбами на каменном фундаменте. Передняя и задняя, реже – боковые стены общинного поминального храма сделаны из деревянных щитов-дверей. На его несущие столбы опирается седловидная крыша с загнутыми коньками, а вся эта конструкция имеет прямую аналогию с древними свайными постройками лаквьетов [626, с.117 – 132]. Помещение дома (храма) делится двумя деревянными перегородками на три больших зала. В первом находится алтарь для подношений духам, во втором – поминальные таблички, в третьем – статуя обожествлённого лица, превратившегося в духа-покровителя общины. Поминальный храм национально-регионального значения отличается от общинного лишь большими размерами и пышностью убранства внутренних помещений. Наконец, династийный поминальный храм, принципиально ничем не отличаясь от двух предыдущих, выделяется лишь ещё большими размерами и пышностью убранства.

Последние два типа храмов имеют ещё дополнительный комплекс построек вспомогательного характера, стоящих перпендикулярно самому храму и образующих внешние стены трёх дворов. Конструкция этих зданий аналогична конструкции храмового строения. Иногда по бокам этих дворов, как правило – во втором дворе, размещаются искусственные водоёмы прямоугольной формы. Через все дворы проходят три параллельные сквозные дорожки, а в

стенах между дворами сделаны три арки, по одной для каждой из дорожек. В третьем дворе находится храм, перед которым в центре специальной площадки находится алтарь и статуи. Такая система дворов является обязательным атрибутом всех сохранившихся памятников XIII – XVI вв., однако не исключено, что она имеет достаточно позднее происхождение, в отличие от конструкции самого храма, которая восходит к зодчеству эпохи древности.

Пагода Трёх Величий.
Центральный Вьетнам. Район Дананга. 03.04.2011 г.

Конструкция поминального храма также лежит в основе планировки вьетнамских пагод. Однако если поминальный храм делится на три внутренних помещения, то в пагоде каждому помещению храма соответствует специальное здание. Эта взаимосвязь подтверждается и тем фактом, что во Вьетнаме встречаются поминальные храмы, состоящие из трёх отдельных зданий, как, например, храм королей Мужественных в Виньфу. Об этом же свидетельствует идентичность названий помещений поминального храма и зданий пагоды: первые именуются «нижними», вторые – «средними» и третьи – «верхними». Иногда перед пагодой возводилась ступа с предшествовавшими ей искусственными водоёмами или «полулунными прудами», которые располагались с правой и левой сторон её первого двора. Указанная троичная организация архитектурных комплексов[1] прослеживается во всех сохранившихся во Вьетнаме культовых и светских средневековых архитектурных памятниках. Единственным исключением из этого правила является уже упоминавшаяся пагода Одного столба. Она символизирует собой цветок лотоса на стебле, растущий посреди искусственного квадратного пруда. И если крыша этой пагоды имеет прямую аналогию с традиционной конструкцией крыш во вьетнамской архитектуре, то общая её композиция – квадратное строение с одним помещением, внутри которого находится статуя Будды, с опорой на единственный столб в центре водоёма – уникальна. Учитывая же, что эта пагода впервые упоминается под 1049 г., то, скорее всего, её появление следует связывать с влиянием тямского зодчества на Тхао Дыонга, который, как известно, в 1044 г. был привезён из Тямпы ко двору династии Ли.

Таким образом, главным элементом вьетнамской культовой архитектуры X – XI вв., несомненно, являлось здание, восходящее по своему типу к поминальному храму культа предков, при этом не исключено, что к тому времени относится и зарождение троичной организации архитектурных

[1] Три двора, три дороги, три помещения или три здания.

комплексов. Во всяком случае, они прослеживаются на примере сохранившегося в Ханое Литературного храма, который впервые упоминается в источниках под 1070 г. [239.1, «Основные записи», кн.3, с.29б – 30а]. Кроме того, судя по вышеприведённому описанию дворцового комплекса в Хоалы, традиционная композиция архитектурных сооружений была дополнена ориентацией зданий по четырём сторонам света, при этом здания были расположены таким образом, что в центре комплекса оставалась обширная площадь. Источники также свидетельствуют о том, что аналогичная композиция была характерна и для дворцового комплекса, возведённого в Тханглаунге в 1010 – 1011 гг. [239.1, «Основные записи», кн.2, с.10а – 13б]. Нет никакого сомнения в том, что ориентация зданий по сторонам света, имеющая культовое значение, прямо связана с геомантией, которая опиралась на учение древней натурфилософской школы Тёмного и Светлого начал. Точно также вышеприведённые названия сооружений дворцового комплекса в Хоалы непосредственно связаны с даосскими понятиями, которые использовались как в буддизме школы Созерцания, так и в системе прорицаний школы Тёмного и Светлого начал[28].

В результате складывается такое впечатление, что в X – XI вв. вьетнамская архитектура опиралась на автохтонные культурные традиции, подвергшиеся значительному китайскому, вернее – конфуцианскому, влиянию, которое сказалось, в первую очередь на организации дворцовых комплексов и, возможно, троичной структуре храмов и пагод, и в меньшей степени – тямско-индуистскому влиянию, о наличии которого свидетельствует пагода Одного столба.

При характеристике вьетнамской скульптуры и живописи IX – XI вв. прежде всего необходимо подчеркнуть их культовый характер. Об этом свидетельствуют как данные письменных источников [239.1, «Основные записи», кн.2, с.40б, кн.3, с.1б], так и сохранившиеся средневековые скульптуры в храмах и пагодах XIII – XIV вв. Насколько можно судить по аналогиям, в «верхнем» помещении

поминального храма находилась статуя обожествлённой личности, которая в некоторых случаях была окружена скульптурами приближённых, как, например, в сохранившихся поминальных храмах Динь Бо Линя и Ле Хоана в Хоалы. Что же касается пагод, то в них обычно скульптуры размещались следующим образом. В «нижнем» здании пагоды справа и слева от алтаря помещались скульптурные изображения духов и демонов – властителей стихий. В «среднем» здании находились статуя Будды в одной из его ипостасей или же серия скульптур, каждая из которых соответствовала определённой его ипостаси, как, например, в пагоде Фо-минь современной провинции Ханамнинь. Наконец, в «верхнем» здании стояли скульптуры архатов и буддийских святых.

Сохранившиеся достаточно поздние скульптуры (не ранее XVII в.) в целом позволяют судить о технике их изготовления, которая, судя по тщательной и весьма искусной отделке статуй, имела многовековые традиции. Большие статуи стоящих духов и демонов в два и более человеческих роста делались из глины, обжигались, расписывались и покрывались лаком. Более мелкие скульптуры, изображавшие обычно архатов и буддийских святых в сидячем положении, вырезались из дерева. Эти скульптуры отличались высоким качеством отделки, а их покрытая лаком искусная роспись подчёркивала выражение лиц, положение рук и детали одежды. Наконец, скульптурные изображения Будды, как правило, вырезались из дерева и были одноцветными, нередко – чёрными.

Нет никакого сомнения в том, что традиция вьетнамской глиняной и деревянной скульптуры восходит к «Эпохе северной зависимости». Вероятно, она испытала определённое влияние китайского искусства эпохи Тан, но наиболее ощутимо в ней влияние южной тямской скульптуры и, соответственно, индуизма. Особенно явно это влияние прослеживается на скульптурных изображениях Тысячерукого Будды (Западная пагода в Ханое и пагода Фо-минь, дерево, лак, XVII в.) и Авалокитешвары (пагода Одного столба,

позолоченная бронза, XVII в.). Поэтому не исключено, что техника скульптурного литья была известна вьетнамцам эпохи Дайковьета, куда она была принесена из Тямпы, где, как известно, уже в VI – VII вв. отливались скульптуры из золота и серебра. Однако поздняя датировка вьетнамской литой скульптуры XVII – XIX вв. заставляют в этом сомневаться.

Наконец, следует отметить ещё один тип вьетнамской скульптуры местного происхождения – драконах, черепахах и птицах, столь типичных для вьетнамского искусства XIII – XIX вв. Не говоря уже о строительстве в 1043 г. «нескольких сотен военных кораблей … в форме драконов, фениксов, рыб, змей, тигров, попугаев» [36, с.150], можно указать на то, что коньки вьетнамских храмовых и дворцовых седловидных крыш часто сделаны в форме змей-драконов, которые происходят от лаквьетского «водяного дракона», или крокодила [626, с.175 – 200]. Эволюция от крокодила-дракона к классической китаизированной скульптуре дракона чётко прослеживается на изменении характера их скульптурных изображений во вьетнамских пагодах и поминальных храмах XIII – XIX вв. Не менее важно и изображение стоящей птицы Лак (аиста, цапли?). Оно встречается в самых разных видах: как от рельефного контура на кирпиче из Крепости Улитки до рисованных изображений на вазах и стенах храмов, так и в виде деревянных и бронзовых скульптур.

Интересно отметить, что во вьетнамском искусстве с птицей Лак неразрывно связана черепаха. Известно, что скульптура черепахи со стелой на спине широко распространена во всём конфуцианском культурном ареале. Самые ранние из таких вьетнамских скульптур датируются не ранее XV в. и находятся во дворе стел лауреатов конкурсных испытаний в Литературном храме. Но если изображение черепахи со стелой имеет конфуцианское происхождение, то автохтонное происхождение изображения самой черепахи не вызывает сомнения[1].

---

[1] Смотри иллюстрации 4, 78, 150, 159, 167 в настоящем томе, 59, 60, 91, 92, 95 в «Томе II» и 56, 76, 77 в «Томе III».

Во-первых, об этом свидетельствует уникальный культ Золотой черепахи с храмом национально-регионального значения в центре озера Возвращённого меча в Ханое, в котором хранится скелет этой (?) черепахи.

С культом той же черепахи связан и поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана в Крепости Улитке, украшенный изображениями черепахи и птицы Лак[29].

Ворота в главный двор Крепости Улитки. Колоа. 25.03.2011 г.

Во-вторых, об этом же свидетельствуют две исключительно важные бронзовые скульптуры Литературного храма, каждая из которых изображает птицу Лак стоящую на спине черепахи[1]. Очевидно, что в этих скульптурах воплощено единство древних культов черепахи и птицы Лак, имеющих, как известно, автохтонное происхождение[30].

Поэтому нет никаких причин сомневаться в том, что восходящие ещё к эпохе лаквьетского общества изображения драконов, черепах и птиц создавались как в «Эпоху северной зависимости», так и в эпоху Дайковьета, где они были элементами культовой символики в храмах и пагодах.

---

[1] Смотри иллюстрацию в «Параграфе 3» «Главы 3» «Тома II».

Гораздо сложнее сделать заключение о характере ранней вьетнамской живописи. Если исходить из приведённых выше сообщений о живописных изображениях Будды и штандартах, то можно предположить их религиозную направленность. Техника рисунка водяными красками на шёлке, видимо, была принесена из империи Тан, при этом надо полагать, что стилистика живописных изображений Будды не должна была значительно отличаться от стилистики его скульптур. Наконец, так называемые штандарты вообще имеют весьма отдалённое отношение к живописи. Они представляли собой длинные полосы шёлка, которые подвешивались к потолку пагоды или храма с обеих сторон алтаря, а более короткие полосы шёлка крепились на стены. На эти полосы наносился культовый орнамент или же иероглифами писались выдержки из сакральных текстов. И хотя в описываемой культурной традиции каллиграфия считалась искусством, его вряд ли можно рассматривать как живопись, которая получила распространение во Вьетнаме лишь в конце XIV – XV в., тогда как в IX – XI вв. если там она и существовала, то носила достаточно ограниченный и исключительно культовый декоративно-прикладной характер[31].

В источниках также содержится ряд сведений, которые позволяют предположить существование музыки и музыкальных представлений в эпоху Дайковьета. Так, под 1008 г. упоминается о придворном артисте из империи Сун при дворе Ле Лаунг Диня, а под 1025 г. приводятся данные о певцах в гвардейских охранных подразделениях. Особо следует выделить сообщение о том, что при праздновании императорского дня рождения в 1028 г. были сооружены искусственные горы. Их вершины, покрытые золотом и серебром, служили сценой для артистов, которые развлекали гостей игрой на кене и флейтах, а также песнями и танцами. Наконец, под 1034 г. в сообщении о пожаловании императрице почётных титулов упоминается о том, что в её свите было сто певиц [239.1, «Основные записи», кн.2, с.22б, 24б, 25а, 32а, 39а]. Если исходить из достоверности всех этих записей, то

представляется возможным сделать вывод о том, что уже при императорах династий из Хоалы существовали музыкальные представления, ставшие рядовым атрибутом придворного ритуала в начальный период правления династии Ли. К этому можно добавить, что, скорее всего, музыкальные представления, как и остальные придворные ритуалы, были принесены в Дайвьет из империй Тан и Сун. Однако, соответствуя по форме конфуцианскому придворному ритуалу, они содержали и элементы местной традиционной музыки, о чём свидетельствует упоминание древней вьетнамской свирели, или *кена*.

Наконец, главной составляющей вьетнамской культуры IX – XI вв. была литература, которая характеризуется дальнейшим развитием храмовой буддийской литературной традиции. Судя по всему, в эпоху династий из Хоалы началось её деление на два наиболее ранних направления, которыми были официальное летописание, храмовые жития, при этом нельзя исключать и возможности зарождения уже в то время третьего направления, а именно – светской литературы в форме новелл. В предыдущей главе подробно рассматривалась проблема второй группы вьетнамских историко-мифологических сюжетов житийных биографий и «Семейных записей» поминального культа предков. В X – XIII вв. биографии этой, продолжавшей развиваться историко-литературной традиции отличаются от её биографий «Эпохи северной зависимости» большим объёмом исторических данных по сравнению с объёмом вставленных в них буддийских религиозных мифов. Кроме того, с IX в. историко-мифологические сюжеты, как об этом свидетельствует исследование их содержания в сочетании с текстологическим анализом сохранившихся вьетнамских летописных сводов, всё больше приобретают форму житийных биографий.

Последнее было обусловлено тем, что не позднее прихода к власти феодального клана Нго при дворах вьетнамских государей стали вестись официальные хроники, к которым «перешла» задача описания собственно исторических

событий [544, с.116 – 122]. А как это убедительно доказал А.Б.Поляков, упомянутые ранние вьетнамские хроники имели буддийский характер [36, с.52 – 74]. То есть если в «Эпоху северной зависимости» существовало противопоставление местных буддийских храмовых житий официальным конфуцианским записям имперских чиновников, то начиная с X в. положение принципиально меняется, так как речь идёт о сосуществовании национальных буддийских храмовых житий с буддийским придворным летописанием, в результате которого произошёл своеобразный тематический «раздел». Храмовые жития всё больше приобретали характер биографий выдающихся людей, прежде всего – буддистов, что сопровождалось их расширением за счёт религиозных вставок с описанием различного рода чудес. В дальнейшем эти биографии стали источником таких вьетнамских буддийских произведений, как «Собрание высказываний выдающихся святых [из] Сада Дхъяны» [244][1].

Одновременно с этим биографии выдающихся исторических деятелей и национальных героев, которые представляли собой завершённые по форме сюжеты, постепенно стали излагаться в виде новелл, вероятно, ставших наиболее ранней формой вьетнамской светской литературы. Как уже отмечалось, именно они легли в основу двух первых известных вьетнамских сборников исторических новелл XIV в. [242; 245]. Исходя из такого понимания эволюции житийной историографии в X – XIII вв. представляется возможным выделить её биографии той эпохи в третью группу вьетнамских историко-мифологических сюжетов.

В то же время официальная буддийская историография описывала события придворной и политической истории страны, о чём можно судить по первому вьетнамскому династийному летописному своду 1127 г., сохранившемуся в

[1] Это произведение было написано в первой половине XIII в. и отредактировано не позднее 1337 г. [1009, с.193 – 196].

составе «Краткого изложения истории [Великого] Вьета» [544, 119 – 120][1].

Молитва в буддийском храме. Хошимин. 12.04.2011 г.

[1] Смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Тома II».

Наконец, необходимо отметить, что, по логике вещей, во вьетнамском обществе эпохи династий из Хоалы и первого полувека правления династии Ли помимо конфуцианского Девятикнижия и буддийской Трипитаки определённое распространение должна была получить и китайская светская литература, прежде всего – в форме поэзии эпохи Тан. Не исключено, что и в Дайвьете того времени по её образцам и канонам тоже создавались собственные поэтические произведения, однако никаких сведений об этом не сохранилось. В какой-то степени косвенным свидетельством их существования можно считать упоминавшиеся выше данные источников о выступлениях артистов, которые в обществах конфуцианского культурного ареала обычно ассоциировались с поэзией. Таким образом, подводя итог описанию вьетнамской культуры конца IX – начала XI в., можно сделать следующий вывод.

К IX в. в результате процессов взаимодействия автохтонной вьетской, южной тямско-индийской и северной китайской культур на протяжении всей «Эпохи северной зависимости» сложилась своеобразная культурная традиция, которую с конца IX – начала XI в. следует идентифицировать с вьетнамской культурой. В дальнейшем при всех изменениях внешних форм её внутреннее содержание практически не изменялось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Часть I

Древние государства на территории Центрального и Южного Вьетнама[I]

1. *Королевство Тямпа*[I]

Королевство Тямпа в период своего наивысшего расцвета занимало территорию Центрального Вьетнама от провинции Тханьхоа на севере до провинции Биньтхуан на юге. Большая часть этой территории занята труднопроходимыми горами. Узкая прибрежная полоса изрезана бухтами, некоторые из которых являются настоящими крепостями, созданными природой[II]. И только в Тханьхоа имеется относительно большая низменность, занятая рисовыми полями. Поэтому тямы в основном занимались выращиванием овощных культур, о чём свидетельствуют сохранившиеся в долинах Фанранга, Фанри и Фантхиета остатки целой ирригационной системы.

Тямы умело пользовались природными богатствами своей земли, добывая золото, серебро, железо, драгоценные камни, жемчуг, ценные породы дерева и многое другое. Но они не только их добывали. Тямы были искусными ремесленниками, которые занимались золотым, серебряным и бронзовым литьём, изготовляли различную керамику и плели верёвки, канаты и циновки из листьев кокоса. Последние высоко ценились, так как в них нередко вплетались золотые и серебряные нити. Будучи прекрасными мореходами, тямы торговали всеми этими ценностями и изделиями не только со своими южными и северными соседями. Известно, что их суда появлялись даже на Малаккском полуострове и на Яве. В торговле *тямы* почти не пользовались деньгами: они предпочитали менять один товар на другой. Интересно, что торговали они не только собственным товаром. Воинственные

[I] Смотри иллюстрацию 96 в «Томе II».

[II] Например, Камрань и Дананг и Кюиньон.

и отважные тямские пираты опустошали и грабили прибрежные поселения своих южных и северных соседей, при этом они захватывали богатую добычу и угоняли в плен местное население, обращая его в рабство. Эта добыча и в первую очередь работорговля составляли едва ли не главную статью тямского торгового дохода [891, с.33 – 36].

Наконец, *тямы* были искусными зодчими и скульпторами. Об этом свидетельствуют остатки многочисленных тямских храмов и башен, сохранившихся на всей территории Центрального Вьетнама. Главным строительным материалом был тёмно-красный обожжённый кирпич, тогда как камень использовался для скульптур, лучшие из которых собраны в Музее тямской скульптуры в Дананге[2].

Судя по всему, тямский погребальный обряд был схож с индийским. Умершего простолюдина хоронили на следующий день, знатного – через три дня, короля – через семь. Гроб с телом покойного везли на колеснице до какого-нибудь водного потока. За колесницей следовали музыканты и члены семьи, при этом обритые наголо мужчины и женщины стенали и плакали, выражая тем самым своё горе. На берегу наступала тишина, в которой тело покойного сжигалось на костре. Пепел собирался в специальную урну, которая затем опускалась в воду. После этого все возвращались домой в полной тишине[1]. Индийский обряд, по которому жена сжигалась вместе со своим покойным супругом, не был обязательным, но считался почётным в среде тямской знати [891, с.31, 32].

В повседневной жизни *тямы* использовали индийские времяисчисление и календарь. Они также отмечали и индийские праздники, наряду с которыми отмечались праздники, имевшие автохтонное происхождение. Так, на Новый год они отпускали на свободу слона, с тем чтобы избавиться от злых духов, а на 4-ой луне проводили своего

---

[1] Абсолютная тишина соблюдалась для того, чтобы дух покойного не нашёл по шуму обратного пути и не вернулся, чтобы досаждать жителям поселения.

рода регаты, в которых принимали участие даже рыбачьи лодки. Но самый значимый из местных праздников отмечался в день зимнего солнцестояния (день полной луны 11-го месяца). В этот день все провинции подносили двору образцы своей сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Дары сортировались и оценивались около месяца, а затем, на 15-ый день 12-ой луны, они складывались в строго установленном порядке в построенную за пределами столицы деревянную башню, которая затем сжигалась при большом стечении народа. На торжественной церемонии присутствовали король и его приближённые в парадных одеяниях [891, с.32, 33].

Страна делилась на три, иногда – на четыре больших провинции. Провинция Амаравати на севере, главным городом которой была Индрапура со своим портом Синхапурой[I]. Провинция Виджайя с одноимённым центром и портом Шри Винайя в центре страны[II].

Наконец, самая большая провинция Пандуранга, или Пуран, с центром в городе Вирапура на юге[III]. В Пандурангу входила и страна Каутары, которая иногда выделялась в самостоятельную провинцию с центром в Янпунагаре [891, с.24 – 26][IV].

Происхождение *тямов* обычно принято связывать с создателями известной археологической культуры Сахюинь в Центральном Вьетнаме (1000 г. до н.э. – 200 г. г.э.)[V]. Согласно основанной на лингвистических исследованиях гипотезе,

---

[I] Согласно А.Парментье, Амаравати, Индрапура и Амарендрапура – это названия одного и того же города, руины которого были найдены в Донгзыонге. Порт Сихапура, или Синхапура, по всей вероятности, находился в устье реки Тхубон. Не исключено, что с ним следует связывать руины Чакиеу.

[II] Современная провинция Биньдинь.

[III] Она также называлась Раджапура. В Пандурангу входили долины Фанранга и Биньтхуана, при этом её границы простирались до Камбоджи.

[IV] Она занимала современную провинцию Кханьхоа, а согласно наиболее вероятной гипотезе, с Янпунагарой следует ассоциировать, сохранившееся до сегодняшнего дня в Нячанге святилище Понагар.

[V] Смотри «Главу 1» «Части III» настоящего тома.

тямский язык имеет *малайско-полинезийские* корни, из чего следует вывод о *малайско-полинезийском* происхождении *тямов*, первые упоминания о которых относятся к концу II в. Оно подтверждается и сохранившимися элементами характерного для этих народов матриархата [891, с.7, 19].

Основной религией *тямов* был индуизм, в котором главным был культ Шивы в форме фаллического культа. Как правило, линга была заключена в специальный футляр, или *коça*, изображавший божество. Оно имело собственное имя и существовало самостоятельно, но, судя по характеру культа, являлось эманацией Шивы. Культ Вишны также имел значительное распространение, тогда как влияние культа Брахмы почти не ощущалось [891, с.9 – 11]. Будучи в целом индуистским, тямское общество делилось на четыре касты – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Однако, судя по всему, тямский индуизм отличался от индийского[3], так как он в значительной степени смешался с буддизмом, в котором, в отличие от Явы и соседней Камбоджи, главную роль играло не учение махаяны (Большой колесницы), а гораздо более консервативное учение хинаяны (Малой колесницы) [891, с.11, 17, 18].

Надо полагать, что первые тямские государи были либо сами индусами, либо они были индуизированы, о чём свидетельствует древнейшая надпись на «правильном санскрите», сделанная не позднее III в. Она сохранилась на гранитном блоке из Воканя [891, с.8, 44, 45]. Согласно эпиграфике, тямские короли подтверждали легитимность своего происхождения, исходя из мифологической традиции, которая восходит либо к «Клану Арека», либо к «Клану Кокоса». Традиция «Клана Арека» связана с историей некоего короля Вишитрасагары, или просто Вишитры, который жил в 5911 г. эпохи Два́пары[4] и воздвиг на земле в стране Каутара лингу. Традиция же «Клана Кокоса» повествует о неком мудреце по имени Бхргу, который по поручению Шивы воздвиг на земле лингу и основал богатейший на земле город под названием Тямпа. После этого Шива сделал королём этого

города некоего Уроджа. Согласно традиции, наследный принц носил титул Ювараджа, при этом его восшествие на престол утверждалось Советом Старейшин. После восшествия на престол наследник получал тронное имя, а после кончины – посмертное имя, которое и употреблялось при дальнейшем упоминании этого короля [891, с.19, 20, 43, 44][5].

1.1. *Первая династия*

О первом реальном короле Тямпы по имени Шри Мара говорится в вышеупомянутой надписи из Воканя, которая была сделана по повелению его сына или внука. Судя по всему, основателя первой тямской династии следует идентифицировать с Кху Лиеном, грабившим летом 137 г. уезд Тыонглам. Известно, что уже в то время Тямпа граничила на юге с государством Каутара или, иными словами, что её южные границы включали современную провинцию Нячанг [891, с.45, 51, 52; 238.6, с.433].

Видимо, между 226 и 230 гг. к наместнику округа Цзяо Люй Даю прибыло первое тямское посольство от одного из потомков Шри Мары, и с этого времени в источниках появляется название Лэмап[1]. Тем не менее *тямы* продолжали грабить области Зяоти и Кыутян, при этом в 248 г. они разгромили имперский флот, которому было поручено изгнать их из наместничества. Интересно, что во вьетнамских источниках под этим годом сообщается о том, что «[Население] Кыутяна, как прежде, грабило города [и] сёла» под руководством «госпожи Чиеу» и что только Лу Иню удалось установить спокойствие [891, с.53; 238.6, с.519, 521]. Правда, в данном случае представляется возможным идентифицировать вышеупомянутое «население» с *тямами*, так как вряд ли население области стало бы постоянно грабить собственные города и сёла.

[1] Китайское произношение «Линьи».

Тямская башня-святилище.
Провинция Биньдинь (Виджайя) на траверсе Кюиньона (Шри Винайя).
05.04.2011 г.

Имена остальных королей прямой ветви первой тямской династии неизвестны. Известно лишь, что между 270 и 280 гг. Лэмап правил Фам Хунг, сын сестры или дочери последнего прямого потомка Кху Мара, у которого не было сыновей. Фам Хунг заключил союз с королём Фунани и с удвоенной силой продолжал грабить вьетские территории. Лишь в 280 г. «скрытому» вьетскому государю Дао Хоангу удалось полностью изгнать союзные войска Лэмап и Фунани из областей округа Цзяо [891, с.54, 55; 238.6, с.547 – 551]. Наконец, в 284 г. ко двору династии Цзинь прибыло первое тямское посольство, направленное непосредственно в империю сыном Фам Хунга – Фам Затом.

В течение долгого царствования Фам Зата в стране царило спокойствие. Король занимался подготовкой армии и возведением крепостей, в чём ему помогал бывший раб по имени Ван, который быстро вошёл в полное доверие к стареющему королю. Воспользовавшись ситуацией, он стал главнокомандующим, заручился поддержкой армии и сумел добиться изгнания наследника престола, вслед за которым из страны бежал и его младший брат. Поэтому, когда в 336 г. скончался Фам Зат, легитимных наследников не оказалось и Ван провозгласил себя королём Лэмап под именем Фам Ван.

Таким образом, *первая династия тямских королей (между 137 и 192 гг. ? – 336 г.) выглядит следующим образом: основатель – Шри Мара Кху Лиен (между 137 и 192 ? гг.); прямая ветвь, включая автора надписи из Воканя (193 – между 270 и 280 ? гг.); побочная ветвь – сестра или дочь последнего короля прямой ветви (между 270 и 280 ? г.) – Фам Хунг (между 270 и 280 гг. – 284 г. ?) – Фам Зат (между 280 и 284 гг. ? – 336 г.)* [891, с.57].

1.2. *Вторая династия*

Придя к власти, Фам Ван уморил голодом тех жён и наложниц своего предшественника, которые отказали ему в близости, и силой оружия покорил все остававшиеся

независимыми царства «варварских» племён на территории Тямпы.

Тямская башня-святилище A10, вид с северо-востока.
Мишон (Индрапура), провинция Куангнам, март 1903 г.
Музей Гиме № A14512

Наконец, в 340 г. он отправил ко двору династии Цзинь посольство и поднёс императору в дар домашних слонов и драгоценности. С того времени подобные посольства тямских королей ко двору китайских императоров стали достаточно частыми явлением. Но главное это то, что Фам Ван отправил цзиньскому императору *письмо на санскрите, в котором впервые просил, чтобы разделительным знаком на границе между Лэмап и империей стала гора Хоаньшон*. Иными словами, речь шла о том, чтобы империя официально признала власть Лэмап над земледельческими районами области Нятнам. Естественно, император ответил отказом, и Фам Ван, выжидая удобного момента, начал готовиться к вторжению в Нятнам, которое началось в 347 г. Он быстро захватил весь округ и, разгромив высланные против него войска, весной следующего года вторгся в Кыудык, где почти целиком вырезал весь имперский гарнизон. Наконец, в конце 349 г. он разбил у Лозунга объединённую армию округов Гуан и Зяо. Однако во время этого сражения Фам Ван был серьёзно ранен стрелой и в том же году скончался [891, с.57 – 59]. В связи с этими событиями интересно отметить, что во вьетнамских источниках ничего не говорится ни о Фам Ване, ни о вторжении *тямов* в Нятнам и Кыудык в 347 – 349 гг. Зато в них сообщается о связанном с сыном этого короля тямском набеге в 353 г.[1].

Взойдя на трон, Фам Фат решил немедленно продолжить дело своего отца, захватившего Нятнам, и вторгся в область Кыутян. Однако он потерпел поражение и был вынужден подписать в 351 г. мирный договор, который нарушил уже в 353 г. В том же году *тямы* потерпели сокрушительное поражение, и Нятнам снова оказался под властью империи. Тем не менее тямские набеги на вьетские территории продолжались с переменным успехом вплоть до 359 г. В том году, после того как *тямы* потерпели очередное поражение, Фам Фат подписал очередной мирный договор с империей, по которому территория области Нятнам к северу

[1] Смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части II» настоящего тома.

от бухты Онканг оставалась под властью империи, а к югу – отходила *тямам*. С этого времени и вплоть до своей смерти в 380 г. Фам Фат соблюдал условия этого договора, признавал себя вассалом императора Цзинь и даже отправил в 372 г. посольство с дарами ко двору династии У, подтверждая тем самым своё подчинение империи [891, с.59 – 61].

Новый король Лэмап Фам Хо Дат, который был либо младшим сыном Фам Фата, либо его внуком, в 380 г. был ещё слишком мал, чтобы самостоятельно управлять государством. Но уже в 399 г. он вернул *тямам* Нятнам и Кыудык, захватив в плен префектов этих областей. Потерпев поражение от высланных против него наместником округа Зяо До Висном[1] войск, Фам Хо Дат на некоторое время затаился, а затем возобновил свои набеги. После очередного тямского набега на Нятнам в 407 г. До Виен отправил к берегам Лэмап свой флот и разгромил её прибрежные поселения. То было время падения династии Цзинь и До Виен, а затем его сын До Хюе До были вынуждены сосредоточить свои усилия на защите округа Зяо с севера от мятежников, которые захватив Хэпу вторглись в округ Гуан. В 413 г. Фам Хо Дат, воспользовавшись ситуацией в империи, снова захватил Нятнам и вторгся в Кыутян. Вторжение *тямов* сопровождалось грабежами, пожарами и резнёй, однако в решающем сражении До Хюе До полностью разгромил армию тямского короля. Известно, что один из его сыновей и главный военачальник были убиты, другой сын попал в плен, а о его собственной судьбе никаких сведений не сохранилось. Личность самого Фам Хо Дата весьма примечательна, так как его следует идентифицировать с Дхармамахараджой Шри Бхадраварманом I, создателем трёх самых древних после надписи Шри Мары эпиграфических памятников и первого храма в Мишонс [891, с.61 – 64].

Сын Бхадравармана I Дить Тьон известен тем, что он стал первым тямским королём, который, предприняв паломничество к берегам Ганга, добровольно отрёкся от престола. Связано это было с тем, что такие путешествия из

[1] То есть основатель «скрытой» династии До (381 – 427 гг.).

Восточного Индокитая в Индию, являвшиеся трудным и опасным предприятием, практически исключали возможность возврата паломника домой. Дить Тьон также упоминается в источниках под именем Гангараджа. Согласно преданию короля подвигло на паломничество бегство его младшего брата по отцу Дить Кхая вместе с матерью, которого он так и не смог вернуть обратно. Отречение Дить Тьона ввергло страну в анархию. Сначала вопреки сопротивлению первого министра Танг Лана, королём стал тямский вельможа, имя которого неизвестно. Однако из надписи на стеле Пракасадхарма Викрантавармана I можно предположить, что наследником Гангараджи стал Маноратхаварман. Его царствование было непродолжительным, так как он был вскоре убит племянником казнённого им Танг Лана. Трон наследовал брат Дить Кхая по матери, которого звали Ван Зить.

Интересно отметить, что даже в условиях этой чехарды претендентов на трон тямские короли не только продолжали грабить округ Зяо, но и сумели отправить для отвода глаз два посольства в империю (414 и 417 гг.). Всё завершилось в 420 г., когда До Хюе До в ходе карательной экспедиции против Тямпы уничтожил более половины её армии и учинил по тямскому примеру резню среди мирного населения. В результате *тямы* в очередной раз признали верховную власть империи и откупились подношением ручных слонов, золота, серебра и хлопка.

Судя по всему, это сокрушительное поражение на фоне кровавой гражданской войны и привело в том же году к очередной смене тямских династий. [891, с.64 – 68].

Таким образом, *вторая династия тямских королей (с 336 по 420 г.) выглядит следующим образом: бывший раб Фам Ван (336 – 349 гг.) – Фам Фат (349 – 380 гг.) – Фам Хо Дат или Бхадраварман I (380 – 413 гг.) – Дить Тьон или Гангараджа, отрекшийся от престола в пользу своего племянника (413 г. – ?) – Маноратхаварман, убитый сыном казнённого им первого министра Танг Лана (?) – Ван Зить, брат Дить Кхая по матери (? – 420 г.).*

Тямские башни-святилища. Группы B и C.
Мишон (Индрапура), провинция Куангнам.
04.04.2011 г.

В 421 г. новый тямский король Фам Зыонг Май I отправил в империю посольство с просьбой о пожаловании ему титула «Король Лэмап». О происхождении этого короля ничего не известно. Ходили слухи о том, что он был младшим сыном Фам Хо Дата, но надо полагать, что это не так и на самом деле он происходил из низших каст. Об этом свидетельствует тот факт, что этот король был вынужден доказывать легитимность своей власти через легенду о происхождении своего имени[6].

Вскоре после восшествия на престол Фам Зыонг Май умер и ему наследовал девятнадцатилетний сын по имени Дот, принявший имя своего отца. В 427 г. наместник округа Зяо До Хоанг Ван, готовивший очередную карательную экспедицию против продолжавших свои набеги на округ *тямов*, был отозван в империю. Новый наместник был вынужден отложить экспедицию, что Зыонг Май II, отославший в 430 г. дань к сунскому двору, счёл признаком слабости. Поэтому уже в 431 г. тямский флот из более чем ста башенных кораблей был направлен к берегам Нятнама и Кыутяна. Одновременно с этим он предложил королю Фунани принять участие в этом нападении, но получил отказ. Предпринятая в ответ имперская карательная экспедиция завершилась неудачей, из-за того что сунский флот сильно пострадал от шторма. Тогда в 433 г. Зыонг Май отправил к сунскому двору посольство с просьбой назначить его наместником округа Зяо, в чём ему было отказано. Более того, император, возмущённый этим прощением и скудностью даров, которые не соответствовали его величию, повелел покарать мятежного вассала. Решение о карательной экспедиции было принято в 443 г., но началась она только спустя три года и завершилась полным разгромом Тямпы, в результате которого сунская армия разрушила её столицу и захватила огромные богатства[1]. Правда, Фам Зыонг Маю с сыном удалось бежать, но когда вернувшись в столицу он увидел её руины, то с горя скончался [891, с.67 – 75].

---

[1] О событиях, связанных с сунской карательной экспедицией, смотри «Параграф 3» «Главы 1» «Части II» настоящего тома.

Царствование его сына Фам Тхан Тханя было относительно мирным. В 455, 458 и 472 гг. он посылал в империю посольства с драгоценными дарами, которые были высоко оценены сунским двором. Кончина этого короля привела к смуте, в результате которой некий Фам Данг Кан Тханг захватил власть и провозгласил себя королём Лэмап. Согласно одной версии, он был сыном короля Фунани Джайявармана, согласно другой – простолюдином или даже рабом. Известно, что он бежал в Тямпу, чтобы избежать наказания за совершённые на родине преступления. Джайяварман даже пытался убедить императора Сун предпринять карательный поход против своего мятежного подданного, но император отказался от этого предложения. Сам же Джйаяварман если предпринял что-то, то успеха не добился, так как известно, что ещё в 491 г. в ответ на драгоценные дары император династии Ци пожаловал Кан Тхангу титул «Генерал – умиротворитель юга, верховный руководитель всех военных дел [на] побережье, король Лэмап». Но уже на следующий год в империю прибыло посольство с известием, что правнуку Фам Зыонг Мая по имени Фам Тьы Нонг удалось свергнуть узурпатора. Ему был пожалован тот же титул, который был заменён в 495 г. на титул «Главнокомандующий, поддерживающий порядок [на] юге».

В 495 г. Тьы Нонг утонул во время морской прогулки. Ему наследовали сначала Фам Ван Кхоан, а затем его сын Фам Тхиен Кхай, о которых известно только то, что они посылали в империю посольства[I] и получили от императора тот же титул, что и их предшественники. Также известно, что Фам Тхиен Кхай наследовал отцу в 510 г., а его имя может читаться на санскрите как Деваварман. Сын последнего, Виджайяварман, известен лишь по сообщениям в источниках о двух его посольствах в империю, за что он получил подтверждение унаследованного титула[II] [891, с.75 – 79].

[I] 502, 510, 512 и 514 гг.

[II] 526 и 527 гг.

Виджайяварман был последним королём третьей тямской династии. Не исключено, что у него не было прямых наследников, так как на престол взошёл сын дочери одного из потомков убитого короля второй династии Маноратховармана по имени Рудраварман.

Таким образом, *третья династия тямских королей (420 – 528 гг.) выглядит так: Фам Зыонг Май I (420 г. – ?) – Фам Зыонг Май II (? – 443 гг.) – Фам Тхан Тхань (443 – ? гг.) – узурпатор Фам Данг Кан Тханг (? – 491 гг.) – Фам Тьы Нонг (491 – 498 гг.) – Фам Ван Кхоан (498 – 510 гг.) – Фам Тхиен Кхай, он же – Девавармаи (510 г. – ?) – Виджайяварман (? – 528 гг.).*

1.4. *Четвёртая династия*

Рудраварман, как и его предшественники, формально признал сюзеренитет империи, отправив в 534 г. посольство с дарами к лянскому двору. После этого последовал длительный перерыв, после которого тямские посольства снова посетили империю в 568 и 572 гг. с признанием новой династии Чэнь. В 543 г., не исключено, что по просьбе империи, Рудраварман вторгся в округ Зяо, но потерпел поражение от вьетского военачальника Ли Фам Ту[7]. Этот король также известен тем, что при нём пожар уничтожил знаменитый храм Бхадрешвары (Бога Богов), возведённый в конце IV – начале V вв. Бхадраварманом I в Мишоне.

Наследовавший ему сын Самбхуварман, пользуясь слабостью империи, длительное время не посылал к императорскому двору посольств с дарами, однако в 595 г. он счёл за лучшее выразить покорность династии Суй. Но это не помогло, так как со времён разгрома Лэмап в 446 г. в империи ходили легенды о несметных сокровищах тямских королей. Поэтому в 605 г. после подавления восстания Ранней Ли в округе Зяо имперский полководец Лю Фан вторгся в Тямпу. Как и за полтора века до того, тямская армия была разгромлена и Лю Фан захватил огромные сокровища в столице Лэмап, при этом самому Самбхуварману удалось

бежать[I]. После ухода Лю Фана он, чтобы избежать нового вторжения, отправил посольство ко двору Суй, однако затем снова достаточно долго пренебрегал обязанностями вассала по отношению к раздираемой смутой империи. С восшествием же на престол в империи новой династии Тан он возобновил подношение дани[II].

Самбхуварман также известен тем, что поддерживал хорошие отношения с кхмерским королём Махендраварманом, один из министров которого был постоянным послом при тямском дворе. Он также восстановил сгоревший при его отце храм Бхадрешвары, поставив внутри храма украшенный серебром кирпичный алтарь со статуей Лакшми. Скончавшемуся в 629 г. Самбхуварману наследовал его сын Кандарпадхарма. Этот король отличался мирным нравом и известен разве что посольствами с богатыми дарами к танскому двору. Особенно богатыми были посольства 630 и 631 гг. О его сыне и наследнике Шри, или Пра, Бхасадхарме известно только то, что его звали Фам Чан Лаунг, что в 640 и 642 гг. он отправлял посольства в империю и что в 645 г. он был убит одним из своих министров. У Бхасадхармы либо не было детей мужского пола, либо они были убиты вместе с ним. Поэтому корону наследовал сын его младшей сестры и брахмана Шри Бхадрешвараварман. Однако вскоре он был свергнут сторонниками прежнего короля, которые возвели на трон дочь жены первого ранга короля Кандарпадхармы [891, с.79 – 89].

Видимо опасаясь, что в условиях смуты женщина не сможет править страной, тямские вельможи подобрали ей мужа, который мог соответствовать статусу короля. Выбор пал на одного из потомков Кандарпадхармы некоего Пракасадхарму, одной из жён которого была дочь кхмерского короля Ишанавармана. При восшествии на трон в 653 г. этот король получил имя Викрантаварман. В его правление было

[I] О событиях, связанных с походом Лю Фана на Лэмап (Тямпу), смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части II» настоящего тома.

[II] 623, 625 и 628 гг.

отправлено всего пять посольств в империю Тан[I]. Более всего Викрантаварман известен установкой статуй различным богам, строительством храмов, при этом именно в его царствование в Тямпе впервые был возведён храм, посвящённый богу-творцу Вишну Парушоттаме. В отличие от него его преемник, которого также звали Викрантаварман, отправил в империю пятнадцать посольств с дарами и прославился богатыми пожертвованиями храмам. Наконец, о последнем короле этой династии Рудравармане II известно только то, что в 749 г. он отправил посольство к танскому двору [891, с.89 – 94].

Таким образом, *четвёртая династия тямских королей (529 – 757 гг.) выглядит следующим образом: Рудраварман I (529 г. – ?) – Самбхуварман Фам Фан Ти (? – 629 гг.) – Кандарпадхарма (629 – ? гг.) – Бхасадхарма Фам Чан Лаунг (убит в 645 г.) – Бхадрешварварман (645 г. – ?) – королева Лэмап, дочь жены первого ранга короля Кандападхармы, имя неизвестно (? – 653 г.) – Викрантаварман I Пракасадхарма (653 – 679? гг.) – Викрантаварман II (686? – 713? гг.) – Рудраварман II (? – 757 гг.)*[8].

1.5. *Пятая династия*

С началом пятой династии из источников исчезает название Лэмап, а вместо него появляется название Хоанвьонг, которое на самом деле является одним из титулов тямских королей и может переводиться как «король Вездесущий». Интересно, что при этой династии не было выгравировано ни одной надписи в храмовом комплексе Мишона. Вся её эпиграфика найдена на юге в районе Пандуранги или страны Каутары [891, с.95, 96][II].

Приблизительно в 757 г. скончался Рудраварман II и старейшины избрали королём принца Притивиндравармана из «Клана Арека», правившего на юге в Пандуранге. Из надписи, оставленной его племянником Индраварманом I, известно, что

[I] 653, 654, 657, 669 и 679 гг.

[II] То есть речь идёт об эпиграфике из Понагара и Фанранга.

этот король получил посмертное имя Рудралока и что ему наследовал сын его сестры Сатьяварман.

Тямские башни-святилища С4 и С7.
Мишон (Индрапура), провинция Куангнам. 04.04.2011 г.

То было время малайских, главным образом – яванских набегов на Восточный Индокитай, которые сопровождались грабежами, пожарами и резнёй. В 767 г. губернатор Умиротворённого юга Чжан Бои с большим трудом сумел нанести им поражение[1]. В 774 г. *малайцы* вторглись в Каутару и, разграбив храм Мукхалинги, захватили лингу в футляре с образом Шивы (Шивамукхам). Сатьяварман догнал грабителей в море и уничтожил их флот. Но, несмотря на победу, король был в трауре, так как святилище Мукхалинги было разрушено, а сама линга утонула вместе с одним из малайских кораблей. В течение десяти лет он возводил на месте старого деревянного святилища новый большой каменный храм, где в 784 г. поместил Мукхалингу Шиве, образ его супруги – богини Каутары и рядом с ними – изображение священного слона. Также известно, что Сатьяварман построил для себя в Пандуранге великолепный дворец с парковым ансамблем [891, с.96 – 100].

Из эпиграфики следует, во-первых, что этот король скончался после недолгого царствования, во-вторых, что ему наследовал его брат Индраварман I, и, наконец, в-третьих, что последний был великим воином, прославившимся в сражениях, о которых ничего не сообщается [891, с.100, 101]. В связи с этим французский исследователь Ж.Масперо выдвигает сразу несколько гипотез. Согласно одной, Сатьяварман ушёл из жизни не без помощи своего брата, который потом силой оружия подчинил себе всю страну. Согласно другой, Сатьяварман скончался сам, а Индраварман прославился войнами на севере, так как династия Тан, вынужденная противостоять мятежам феодалов в империи, просто не могла направить войска на её южные окраины. Поэтому не исключено, что богатые дары, пожертвованные им Индрапарамешваре, были добычей, которую этот король захватил в ходе набегов на округа Хоан и Ай губернаторства Умиротворённого юга. Наконец, согласно ещё одной гипотезе

[1] Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части II» настоящего тома.

Индраварман I вторгся в соседнюю богатую кхмерскую империю, которая в то время была «погружена в анархию».

Двор стел. Июнь 1903 г.
Мишон (Индрапура), провинция Куангнам. Музей Гиме № 14535

Однако всё это, как пишет Ж.Масперо, ещё даже не гипотезы, а предположения о возможном ходе событий [891, с.101 – 103]. При этом достоверно известно о новом набеге яванских пиратов, сжегших храм Бхадрадхипаратишвары на западе города Вирапура, в результате которого его храмовые сокровища были разграблены, жители были либо убиты, либо увезены в рабство, а сам город превратился в руины.

Город Вирапура считался «столицей, равной городу Богов» [891, с.103]. Поэтому Индраварман сделал всё возможное для возрождения его величия. Одновременно с этим он решил возобновить прерванные с падением четвёртой династии отношения с танской империей. В 793 г. этот тямский король отправил в дар императору династии Тан носорогов и буйволов, но на этом всё и закончилось, так как по неизвестной причине других посольств в империю он больше не отправлял.

Индраварману наследовал его зять, известный под именем Харивармана I[1]. Он начал своё правление с вторжения в 803 г. в округа Хоан и Ай, разграбив которые вернулся домой с богатой добычей. Шесть лет спустя тямский король снова вторгся в губернаторство Умиротворённого юга, но потерпел поражение от губернатора Чжао Чана и был вынужден поспешно отступить [891, с.105, 106]. У короля Харивармана был сын от первой жены – сестры двух предыдущих королей. Этому сыну он отдал в управление территорию Пандуранги, но так как тот был ещё слишком молод, чтобы самостоятельно править провинцией, его опекуном был назначен командующий армией по имени Пар. Согласно источникам, этот военачальник во главе войск наследника успешно воевал с *кхмерами*, но нет никаких свидетельств тому, что правивший в то время могущественный кхмерский король Джайяварман II потерпел от него какое-либо поражение. Скорее речь идёт о грабеже пограничных территорий, которые тем не менее принесли богатую добычу. Благодаря этой добыче Пар возвёл три богатых храма и получил награду от короля, назначившего его министром [891, с.106, 107].

Хариварману I наследовал вышеупомянутый сын, который правил под именем Викрантавармана. Он известен возведением храмов и своими дарами. Так, в 854 г. он пожертвовал обширные владения храму Викрантарудры в качестве «дара, приносящего славу в обоих мирах» [891, с.107]. Вскоре после этого Викрантаварман III скончался и получил посмертное имя Викрантешвара [891, с.96 – 108].

Таким образом, *при пятой династии тямских королей или династии Пандуранги (758 – 859 гг.) первичное название тямского королевства Лэмап было изменено на Хоанвьонг, а его столицей стал город Вирапура. Эта династия выглядит следующим образом: Притивиндраварман Рудралока (758 г. – ?) – Сатьяварман Ишваралока (774 г.? – 784 г.?) –*

[1] Верховный правитель Кампапуры. Полное тронное имя Шри Хариварман-Дэва-Раджадхираджа.

Индравармaн I (784 г.? – 803 г.) – Харивармaн I (803 г. – ?) – Викрантавармaн III Викрантешвара (? – 859 г.).

1.6. *Шестая династия*

Судя по эпиграфике, у Викрантавармана III не было детей, поэтому он сам избрал наследника престола, известного под именем Индравармана II. Именно этот король стал основателем шестой тямской династии, столицей которой была Индрапура, или Донгзыонг, провинции Куангнам Центрального Вьетнама. Именно там была найдена стела с описаниями свершений этого короля. Согласно её данным родословная основателя шестой тямской династии восходит к первому легендарному тямскому королю Уродже, потомками которого были Рудравармaн и Бхадравармaн, или дед и отец Индравармана. И хотя на самой стеле все они именуются королями, Индраварман настаивает на том, что он получил власть не благодаря деду и отцу, а благодаря собственным достоинствам.

Царствование Индравармана II было долгим и довольно спокойным. Имперскому правителю соседнего губернаторства Умиротворённого юга Гао Пяню было не до Тямпы, так как он занимался ликвидацией последствий оккупации подчинённых ему территорий войсками Наньчжао. В империи также хватало внутренних проблем, которые усугублялись тем, что на троне находился малолетний император Добродетельный рода династии Тан. Поэтому за всё правление Индравармана II в империю было направлено лишь одно посольство, которое поднесло в дар императору обученных слонов[1]. Наконец, кхмерский король Джайяварман II, скончавшийся в 869 г. после шестидесятисемилетнего правления, а также правившие после него Джайяварман III и Индраварман I (первый из великих строителей Ангкора) больше думали не о внешней экспансии, а о сохранении мира на своей территории. Правда, в конце жизни Индраварману II пришлось отражать нападение кхмерского короля Ясовармана. В результате кхмерское

[1] 877 г.

войско было разгромлено, при этом сам Ясоварман только чудом избежал гибели.

Известно, что Индраварман II был горячим поклонником буддизма. Так, он восстановил лингу, возведённую ещё Бхадравармaном I и уничтоженную во время войн Рудравармана I. При этом восстановленную лингу, укрытую в богато украшенный футляр с золотым лицом, он посвятил не её создателям Бхадравармaну и Камбхувармaну, которым воздаётся похвала на двух установленных в святилище стелах, а легендарным Бхргу и Уродже. Однако более всего Индраварман II прославился своими богатыми дарами буддийским общинам [891, с.109 – 114].

Супруга Индравармана II королева Харадеви, также прославившаяся своими религиозными свершениями, не имела детей. Поэтому она предложила назначить наследником сына своей старшей сестры, который наследовал дяде под именем Джайя Синхавармана I. Об этом короле известно только то, что он царствовал уже в 898 г. и правил ещё в 903 г. Кроме того, известно, что он воздвиг статую своей тёте в образе богини Харомадеви в храме, который она сама построила в столице. Часть этого храма была посвящена Индравармaну II, а часть – её родителям. Наконец, известно, что Джайя Синхаварман I издал указ о защите и неприкосновенности двух храмов, возведённых командиром его личной гвардии. Другой же командир его личной гвардии по имени По Клун Пили Раджадвара, бывший родственником королевской семьи и сохранявший свой пост при трёх последующих тямских государях, с позволения короля отправился в столицу Явы, где приобрёл магические знания, которыми он и объяснял свою удачу [891, с.114 – 116].

Джайя Синхавармaну наследовал его сын. Но если об отце хоть что-то известно, то о сыне вообще нет никаких данных, да и само его имя – Джайя Шактиварман известно только благодаря надписи, которую оставил вышеупомянутый командир королевской гвардии.

Затем царствовал Бхадравармaн II. Каковы были его родственные отношения с предыдущим королём неизвестно, так как та часть стелы, на которой об них говорилось, была уничтожена. Однако, судя по эпиграфике, этот тямский король пришёл к власти в результате кровавой войны со своими родственниками. Также известно, что при дворе короля Бхадравармана II министрами были братья его жены Уградеви, командиром его личной гвардии оставался всё тот же По Клун Пили Раджавара, также то, что он находился на троне в 908 и 910 гг., под которыми упоминается его имя [891, с.116, 117].

После Бхадравармана II на трон взошёл его сын Индравармaн III, прославившийся своей образованностью и знанием философии. Вскоре после своего воцарения в июне 918 г. этот король воздвиг в храме Понагара золотую статую богине Бхагавати. Однако уже в 945 или 946 году Понагар был захвачен войсками кхмерского короля Раджендравармана II. Надпись на одной из стел сообщает, что «движимые жадностью Камбуджас ограбили [богиню], а потому погибли» [891, с.118, прим.7]. И действительно, кхмерские войска вскоре были разбиты *тямами* и ушли восвояси, понеся при этом громадные потери. С Индравармaном III также связано возобновление дипломатических отношений с империей, которые не поддерживались с конца правления династии Тан. В 951 г. он отправил в империю посольство по случаю воцарения династии Чжоу. В 958 г. в империю прибыло второе посольство, а на следующий год – третье [891, с.117 – 119].

Его преемник Джайя Индравармaн I в 960 г. также отправил в империю посольство с дарами по случаю восшествия на престол династии Сун. Всю свою жизнь этот тямский король поддерживал дружеские отношения с империей, регулярно отправляя к сунскому двору посольства с дарами в виде слонов, носорогов, доспехов, благовоний, шёлка, хлопка и многого другого[1]. Кроме того, в 965 г. Джайя Индравармaн I установил взамен вывезенной за двадцать лет

[1] Известно, что Джайя Индравармaн I отправлял посольства в империю в 960, 962, 966, 967, 970 и 971 гг.

до того статую богине Бхагавати в Понагаре, правда, эта статуя была уже не золотой, а каменной [891, с.119 – 121].

Наследовавший Джайя Индраварману I король Парамешвараварман I также регулярно отправлял к сунскому двору в империю посольства с богатыми дарами[I]. С этим же королём связано и возобновление масштабных вторжений во Вьетнам. Так, после смерти Динь Бо Линя Парамешвараварман поддался уговорам бежавшего к нему легата-правителя Дыонглама Нго Нят Кханя и в 979 г. лично возглавил морскую экспедицию против Дайвьета. Поначалу всё складывалось благополучно: тямский флот успешно пересёк море, прошёл по реке Красной и встал на якорную стоянку в нескольких часах пути от Хоалы. Однако ночью на флот обрушился ураган, почти все тямские корабли были потоплены, многие воины, в том числе и Нго Нят Кхань, утонули, а остальные попали в плен к *вьетнамцам*. Лишь нескольким тямским судам, среди которых был и королевский корабль, удалось поставить паруса и уйти в открытое море.

На следующий год взошедший на престол в Дайвьете Ле Хоан направил к тямскому двору посольство с предложением заключить мир, но вместо этого король Парамешвараварман I арестовал всё посольство. Поэтому в 982 г. Ле Хоан сам начал военные действия против Тямпы. Тямский король был убит в первом же сражении, а провозглашённый королём Индраварман IV был вынужден бежать из столицы, оставив её на разграбление победителям [891, с.121 – 123].

Бежавший на юг в Фанранг Индраварман IV отправил в империю Сун брахмана по имени Цзинь Оума с жалобой на захват территории Тямпы Ле Хоаном, но в ответ получил лишь совет жить в согласии со своими соседями[II].

[I] Известно, что Парамешвараварман I отправлял посольства в империю в 972, 973, 974, 976, 977 и 979 гг.

[II] Об этих событиях также смотри соответствующие разделы «Главы 4» «Части II» настоящего тома.

Донгзыонг, первая крепостная стена, западные ворота центральной башни.
Провинция Куангнам. Сентябрь 1902 г. Музей Гиме № 14702

Кхыонгми. Три тямские башни-святилища. Вид с северо-востока.
Провинция Куангнам. Июль 1903 г. Музей Гиме № 14858

Однако реализовать этот совет было более чем затруднительно, так как большая часть страны была захвачена врагами, которые боролись друг с другом за трон. О деталях этой борьбы, как и об именах её участников, сведений не сохранилось. Известно лишь, что ещё при жизни Парамешваравармана в 978 г. к сунскому двору прибыло посольство с дарами от некоего Цзи Нань Да Чжи, именовавшего себя королём Тямпы. Кто был этот человек и по какому праву он именовал себя королём Тямпы, неизвестно, но он был первым из известных узурпаторов. Вскоре после захвата Тямпы *вьетнамцами* на авансцену вышел ещё один узурпатор по имени Лыу Ки Тонг. В 863 г. он отрубил голову одному из приёмных сыновей Ле Хоана, прибывшему к нему с посольством, и во главе десятитысячной армии, включавшей конницу и боевых слонов, вторгся в Дайвьет. Ле Хоан известил сунского императора о своём намерении покарать врага и собрал армию. Однако из-за того что морской путь в это время года был слишком опасен, он двинулся крайне тяжёлой, особенно между горой Донгко и рекой Бахоа, сухопутной дорогой. Вскоре люди и животные в его армии выбились из сил, и он был вынужден отдать приказ о возвращении домой. В результате Лыу Ки Тонг оказался полновластным хозяином севера Тямпы, а после смерти Индравармана IV в 986 г. он провозгласил себя королём всего тямского государства, о чём немедленно известил сунского императора. Но настоящим королём этот *вьетнамец*, который презирал *тямов* и обращался с ними крайне жестоко, так и не стал. В течение 986 – 988 гг. часть *тямов* бежала в империю, найдя приют на острове Хайнань и в провинции Гуанчжоу, а большая их часть объединилась в Виджайе вокруг национального претендента на престол, который в 989 г. был провозглашён королём под именем Харивармана II. Что же на самом деле случилось с Лыу Ки Тонгом, неизвестно, но упоминания о нём исчезают с 988 г. [891, с.123 – 126][9].

Таким образом, *при шестой династии тямских королей, или династии Индрапуры (875 – 986 гг.), название тямского*

королевства было изменено на Тиемтхань, а его столицей стал город Индрапура. Эта династия выглядит следующим образом: Индраварман II (875 г. – ?) – Дажйя Синхаварман I (?, 898 и 903 гг. – ?) – Джайя Шактиварман (? – ?) – Бхадраварман II (?, 908 и 910 гг. – ?) – Индраварман III (?, 918 – 960 гг.) – Джайя Индраварман I (960 – 979 гг.) – Парамешвараварман I (979 – 982 гг.) – Индраварман IV (982 – 986 гг.) – узурпатор Лыу Ки Тонг (986 – 988 гг.).

1.7. *Седьмая династия*

Хотя Хариварман II и был избран королём в Виджайе, он вернул столицу в Индрапуру, которая была столицей всех тямских королей, происходивших или декларировавших своё происхождение из «Клана Кокоса». Это было достаточно смелым поступком, так как Хариварман лично пережил все ужасы войны и разграбление столицы войсками Ле Хоана. К тому же ему досталась ослабленная междоусобицами и разорённая внешним врагом страна с деморализованной и небоеспособной армией. Последнее подтвердилось в 990 г., когда Ле Хоан снова вторгся в Тямпу, разграбил уездный центр Диали в Нятнаме и увёл большую часть его обитателей в плен. Тямскому королю оставалось только обратиться за помощью к сунскому императору, который на этот раз повелел Ле Хоану прекратить набеги на территорию южного соседа. Сам же Хариварман хотел только мира. Поэтому он категорически отказался поддержать некоего Зыонг Тан Лока, поднявшего мятеж в округах Ай и Хоан. В результате Ле Хоан не только прекратил свои набеги на Тямпу, но отпустил в 992 г. триста шестьдесят *тямов*, уведённых в полон за два года до того. В том же году к Харивармaну прибыло посольство от сунского двора с богатыми дарами, в ответ на которое тямский король отправил своё посольство с ещё большими дарами и письмом, в котором безоговорочно признавал свою покорность империи[10]. Правда, в 994 г. Хариварман II отправил своего внука заложником ко двору Дайвьета, о чём Ле Хоан в 995 г. поставил в известность Сунов. Надо полагать,

что тямский король отправил своего внука в Дайвьет, чтобы избежать карательной экспедиции за несанкционированные набеги тямов на пограничные вьетнамские территории [891, с.127 – 129].

В 999 г. Харивармана II сменил некий Ян Пу-ку Виджайя, который, чтобы избежать подчинения императору Дайвьета, окончательно перенёс в 1000 г. столицу Тямпы в Виджайю. В 1004 г. он отправил к сунскому двору посольство, которое там столкнулось с вьетнамским посольством, возглавляемым сыном Ле Хоана, и с делегацией арабов. Император Сун устроил для всех трёх посольств приём с иллюминацией. Два года спустя Ян Пу-ку Виджайя отправил в империю новое посольство с посланием, в котором он просил покровительства и защиты от *вьетнамцев*. Когда при передаче даров сунский император стал задавать послу вопросы о его стране, тот ответил: «В древности моя страна зависела от округа Цзяо, затем мы бежали в Виджайю, находящуюся в семистах *ли*[1] к югу от местонахождения прежней [столицы]» [891, с.129 – 132].

В 1010 г. тямским королём уже был Харивармaн III, о котором известно только то, что в этом году он отправил к Сунам посольство с прошением об инвеституре. С ним же, скорее всего, следует связывать дарение сунскому и вьетнамскому императорам «львов» в 1011 г. и посольство в империю в 1015 г. Однако правление Харивармана III было довольно коротким, о чём свидетельствует сообщение о прибытии уже в 1018 г. к сунскому двору посольства от тямского короля Парамешваравармана.

В правление этого короля в начале 1021 г. на укрепление Ботянь, которое прикрывало тямские границы с севера, внезапно напала подошедшая с моря под командованием старшего сына[11] Ли Конг Уана вьетнамская армия. *Тямы* попытались оказать сопротивление, но были разбиты, а их командующий погиб в сражении, но при этом они нанесли врагу такие серьёзные потери, что наследник

[1] Около четырёхсот километров. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

вьетнамского престола не решился продолжить наступление. В 1026 г. *вьетнамцы* напали на тямский округ Диен, детали которого неизвестны.

Под 1030 г. упоминается король Викрантаварман IV, о правлении которого известно только то, что его конец, по всей вероятности, был связан с распрями и мятежами. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1038 и 1039 г. сын этого короля обращался к императору Дайвьета за помощью, при этом в конце 1039 г. весь гарнизон укрепления Ботянь направил прошение о предоставлении убежища вьетнамскому императору Великому рода династии Ли.

Вероятно, Викрантаварман скончался в 1041 г., так как под 1042 г. говорится о том, что его сын Джайя Синхаварман II направил посольство в империю с просьбой об инвеституре. В 1043 г. его флот обрушился на вьетнамское побережье, где *тямы* занимались грабежами и насилием вплоть до подхода вьетнамской армии. После этого Великий рода династии Ли начал подготовку к карательному походу против южного соседа, который уже шестнадцать лет не присылал посольств с дарами. К 1044 г. вьетнамский флот из более чем ста кораблей был готов к походу. Это были новые боевые суда, стилизованные под драконов, фениксов, рыб, змей, тигров, леопардов и попугаев. Надо полагать, что размеры этих кораблей были достаточно внушительными, так как флот насчитывал десять тысяч вёсел. В январе 1044 г. император пожаловал своему старшему сыну Нят Тону титул «король Императорского начала», назначил его регентом, а сам лично возглавил флот и двинулся в поход.

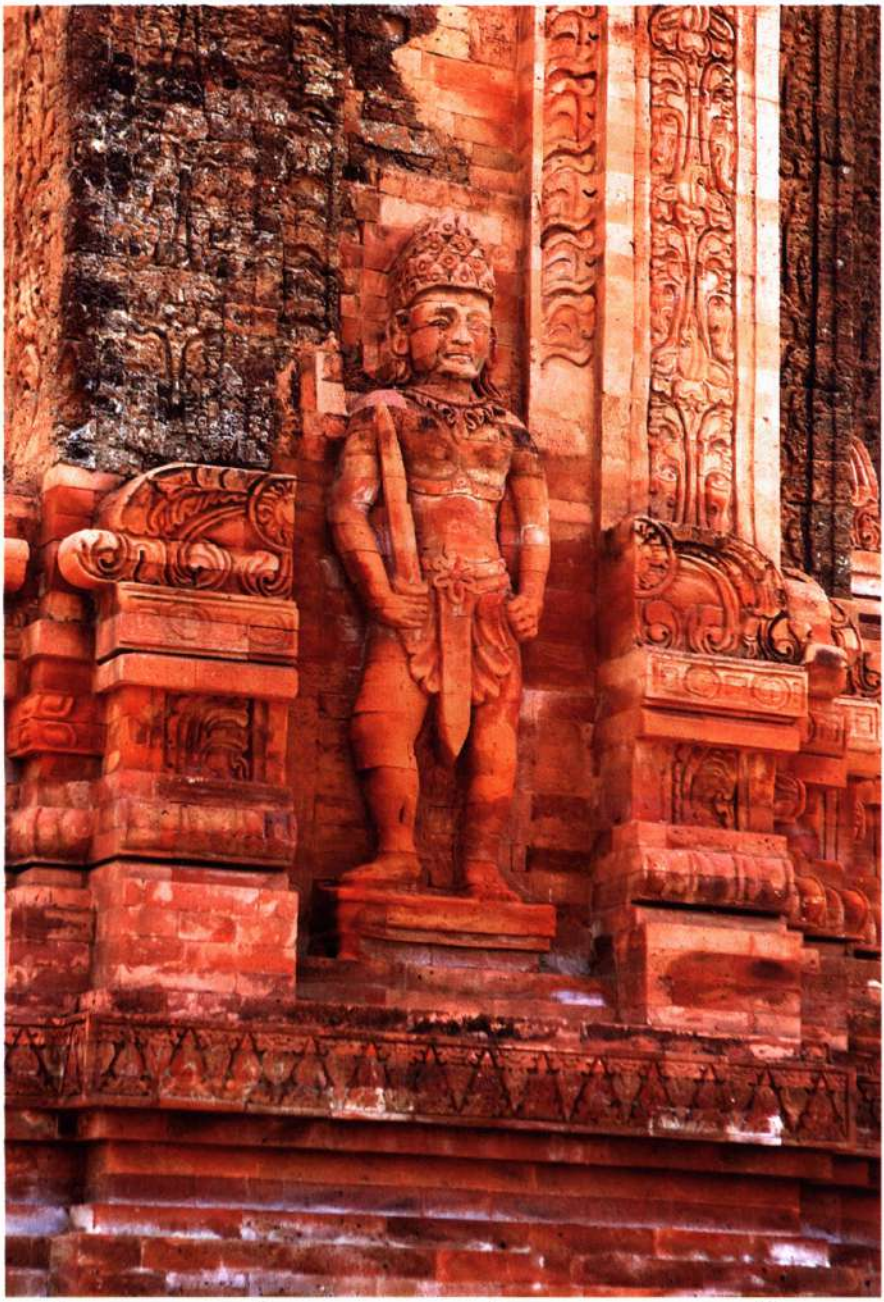
Вся подготовка сопровождалась неблагоприятными знамениями, на которые вопреки мнению астрологов император не обращал внимания. И он оказался прав: вьетнамская армия одержала полную победу. В 7-ом месяце того же года император Великий захватил Виджайю, а в 9-ом вернулся в свой дворец с огромной добычей [891, с.129 – 136][1].

---

[1] О перипетиях этой военной экспедиции смотри также «Главу 1» «Части I» «Тома II» «Полной академической истории Вьетнама».

Тямская башня-святилище со скульптурными украшениями.
Район Фанранга. 06.04.2011 г.

Скульптурное изображение одного из богов, не исключено – Шивы.
Район Фанранга. 06.04.2011 г.

Таким образом, *при седьмой династии тямских королей, или первой династии Виджайи (991 – 1044 гг.), столицей тямского королевства стал город Виджайя. Эта династия выглядит следующим образом: Хариварман II (991 – 999 гг.) – Ян Пу-ку Виджайя (999 г. – между 1004 и 1010 гг.) – Хариварман III (не позднее 1010 г. – не позднее 1017 гг.) – Парамешвараварман II (не позднее 1018 г. – между 1026 и 1030 гг.) – Викрантаварман IV (не позднее 1030 – 1041 гг.) – Дажйя Синхаварман II (1041 – 1044 гг.).*

2. *Древние государства на территории Южного Вьетнама*

Если истории Тямпы посвящено, как это следует из предыдущего параграфа, хотя бы одно всеобъемлющее исследование первой трети XX в., принадлежащее Ж.Масперо, то по истории древнейших государств на территории Южного Вьетнама таковых в принципе нет[12]. Существует лишь единственная монография обобщающего характера, написанная английским исследователем Д.Дж.Е.Холлом[I]. Но поскольку этот труд посвящён всему региону Юго-Восточной Азии от её предыстории до 1955 г., нет ничего удивительного, что она содержит лишь два относительно небольших раздела, в которых идёт речь о древних государствах на территории Южного Вьетнама [619].

2.1. *Фунань*

Впервые Фунань упоминается в китайских источниках середины III в., при этом до сих не установлено происхождение этого наименования. Так, Этьен Эймонье[II] предположил, что название Фунань 南扶 является чисто китайским и означает «Защищённый юг». В свою очередь Поль Пелльо заметил, что в китайских источниках встречается ещё два написания этого названия: в III в. оно было написано иероглифами 南大, а в VIII в. – иероглифами 南跋, которые

[I] Смотри «Примечание 20» к «Заключению» в «Комментарии» к настоящему тому.
[II] Ibid.

читаются как «Банань» [950, с.288]. Исходя из последних иероглифов Д.Дж.Е.Холл полагает, что это название на самом деле является древним титулом кхмерских королей[13]. В любом случае не вызывает сомнения, что Фунань является докхмерским государством, возникшим в I в. в нижнем течении и дельте Меконга.

Первоначально Фунань была одним из многочисленных ранних государств этого региона. Первоначально она локализуется в древнейшем центре цивилизаций в Камбодже между вьетнамским Тяудоком и кхмерским Пномпенем, а её столица Вьядхапура[I] находилась в современной кхмерской провинции Прей Венг на месте Ангкор Борея. Надо полагать, что одной из главных причин быстрого расцвета Фунани было её географическое положение: через неё проходил великий морской путь из Китая в Индию. Именно поэтому её основной морской порт Ок Ео и стал, как о том свидетельствуют археологические раскопки, одним из крупнейших торговых центров Юго-Восточной Азии [619, с.37; 887; 950, с.290][II].

Первоначальными насельниками Фунани были индонезийцы, говорившие на докхмерском языке австроазиатской группы. Первое описание фунаньцев, дошедшее до нашего времени, принадлежит ускому послу Кан Таю, который посетил эту страну в первой половине III в. Если опустить упоминание о городах с крепостными стенами и дворцами, то, надо полагать, оно вполне применимо к начальному периоду существования фунаньского общества, сведения о котором сохранились в форме легенды. Согласно этой легенде некий Каундинья узнал во сне о своём предначертании, прибыл в Фунань, победил местную государыню по имени «Лист Ивы», поразив её чёлн стрелой из волшебного лука, женился на ней и основал первую династию королей Фунани[14]. П.Пелльо полагает, что Каундинья был

[I] Д.Дж.Е.Холл переводит это название как «Город охотников».

[II] Согласно Д.Дж.Е.Холлу, этот порт находился в ста девяноста километрах от столицы. О культуре Ок-ео смотри раздел «Археология» настоящего тома.

брахманом и скорее всего прибыл в Фунань на торговом корабле из Индии в I в. В то время и мужчины, и женщины ходили обнажёнными и татуировали тело. По повелению Каундиньи женщины стали обёртывать тело куском ткани с отверстием для головы и завязывать волосы в пучок, но мужчины продолжали ходить обнажёнными. Не исключено, что под влиянием Кан Тая правивший в то время король издал указ, согласно которому мужчины также должны были обёртывать бёдра куском ткани[1]. Согласно Кан Таю, ещё в первой половине III в. обитатели Фунани были некрасивыми, имели чёрный цвет кожи и курчавые волосы. Фунаньцы были просты нравом и не склонны к воровству. Они занимались земледелием, сея в первый год и три года собирая урожай, резьбой орнаментов и чеканкой. Значительная часть их домашней утвари была сделана из серебра. Подати платились не деньгами, а золотом, серебром, жемчугом и благовониями. В то время в Фунани уже использовалось индийское письмо, напоминавшее письмо *ху*[II]. Также имелись книги и хранилища документов. Погребальные и свадебные обряды в общем были аналогичны тем, что существовали у *тямов* [619, с.38, 39; 950, с.254]. К этой характеристике можно добавить, что, как об этом свидетельствует богатый археологический материал, фунаньцы были искусными мореходами и торговали со многими странами [887].

Согласно вышеупомянутой легенде у Каундиньи и местной государыни родился сын, которому он отдал во владение область с семью городами. Вполне вероятно, что наделение сыновей такими крупными владениями могло бы сказаться на стабильности центральной власти[15], если бы не один из потомков Каундиньи по имени Хунь Паньхуан, который отменил это решение и стал давать сыновьям,

---

[1] Вероятно, речь идёт о первоначальном варианте одежды, именуемой современными кхмерами *сампот*.

[II] Ху: народ, живший в Центральной Азии и пользовавшийся индийским письмом.

получавшим титул «малый король», лишь по одному городу в управление.

Хунь Паньхуан правил во II в. и, согласно китайским источникам, скончался в возрасте девяноста лет, оставив трон младшему сыну Пань Паню. Последний передоверил всю полноту власти своему военачальнику Фань Маню, или Фань Шиманю. [619, с.37; 950, с.290, 291][16]. После кончины короля Фань Мань правил от имени формально существующей династии ещё три года, а затем при всеобщей поддержке был избран королём Фунани.

Фань Шимань[17] был главным созидателем величия Фунани. Его флот господствовал на морях, помогая этому королю подчинять себе новые государства. Точные границы Фунани при Фань Шимане установить не представляется возможным, однако наиболее вероятной представляется следующая гипотеза. На севере территория Фунани достигала Камраня, в центре она включала в себя район озера Тонле Сап, а также низовья и дельту Меконга, при этом одна из завоёванных Фань Шиманем областей, возможно, является птолемеевской Каттигарой, которая, по мнению П.Леви, находилась на низменности Южного Вьетнама; наконец, П.Пелльо включает в состав Фунани большую часть Малаккского полуострова, полагая, что Фунань, имея выход к Индийскому оксану, владела значительной частью побережья Сиамского залива. Благодаря этим завоеваниям Фань Шимань принял титул «Великий король Фунани».

Согласно китайским источникам, Фань Шимань умер от болезни во время похода против царства Цзиньлинь[1]. По мнению Д.Дж.Е.Холла, это царство отождествляется либо со страной Суварнабхуми (Золотая земля), либо со страной Суварнакудья (Золотая стена), которая находилась либо в Южной Бирме, либо на Малаккском полуострове. В то же время П.Пелльо считает, что Цзиньлинь находился на побережье Индийского океана в районе Мартабана.

---

[1] Цзиньлинь, то есть «Золотой предел».

После смерти Фань Шиманя войско возглавил его сын Фань Цзиньшен, который также должен был наследовать престол. Однако сын старшей сестры Фань Шиманя по имени Фань Чжань провозгласил себя королём, после чего казнил вернувшегося из похода легитимного наследника престола [619, с.37, 38; 950, с.291, 292].

С узурпатором Фань Чжанем следует связывать первые прямые контакты между Фунанью и Индией. Известно, что этого короля посетил уроженец индийского царства Таньян некий Цзя Сянли, который так заинтересовал его своими рассказами, что тот отправил в Индию посольство под руководством своего родственника по имени Су-у[1]. По всей вероятности, посольство отплыло из порта Таккола на Малаккском полуострове и, достигнув Индии, поднялось по Гангу до владений одного из индийских раджей, по мнению С.Леви – представителя династии Мурунда. Через четыре года Су-у вернулся, но за время его отсутствия произошло много важных событий, а Фунанью правил уже другой человек. К тому времени Фань Чжань был убит Фань Чаном, младшим сыном Фань Шиманя, которому удалось спастись. Последний вырос вдали от двора и, достигнув двадцатилетнего возраста, отомстил убийце своего брата. Если Фань Чан и стал королём, что неизвестно, то правил он недолго, так как вскоре в свою очередь был убит военачальником по имени Фань Сюнь, ставшим очередным королём Фунани.

Точная дата первого контакта Фунани с империей неизвестна, но скорее всего его следует связывать с посольством Кан Тая и Чжу Ина в 225 – 230 гг., которое было направлено в Фунань наместником округа Цзяо Люй Даем от имени императора У. Точно также нельзя утверждать, что фунаньское посольство, поднёсшее в дар императору У музыкантов и различные ценности в 225 г., было послано в ответ на это посольство, но при этом три факта не вызывают

[1] Чтение на санскрите многих имён и названий, связанных с Фунанью, неизвестно, так как они дошли до нашего времени благодаря китайским источникам. Поэтому их чтение приводится в китайской фонетике.

сомнения. Во-первых, именно Кан Таю и Чжу Ину китайские историографы обязаны информацией по истории Фунани и более сотни других царств до середины III в. Во-вторых, имперские послы были приняты в Фунани королём Фань Сюнем. В-третьих, на аудиенции они столкнулись с Чэнь-суном, послом правителя Мурунда. Также из поздравительного письма уского наместника округа Цзяо Дао Хоанга восшедшему на имперский престол основателю династии Цзинь в 280 г. следует, что Фань Сюнь заключил союз с Тямпой (Лэмап), войска которой совершали регулярные набеги на вьетские земли.[1] Последнее же сообщение об этом короле связано с посольством, которое он отправил в империю ко двору династии Цзинь в 287 г.

Сопоставление всех вышеприведённых датировок и описаний позволило П.Пелльо предложить следующую гипотезу о датах правления первых королей Фунани.

Временные ориентиры начального периода: в первой половине I в. н.э. брахман Каундинья на торговом корабле прибыл из Индии, женился на местной государыне и основал первую династию королей Фунани. Затем последовательно правили его сын и его потомки. Один из них Хунь Паньхуан дожил до девяноста лет. Ему наследовал младший сын Пань Пань, который передоверил управление своему военачальнику Фань Шиманю.

Относительно точные даты: Фань Шимань умер в 205 (210) г., узурпатор Фань Чжань правил в 205 (210) – 225 гг., а основатель второй династии Фань Сюнь находился на троне как минимум с 225 г. по 287 г. [950, с.292 – 293][18].

Исходя из того, что источники сообщают о прибытии в 357 г. ко двору Цзинь посольства от индийца Чжу Чжаньтаня, именовавшего себя королём Фунани, П.Пелльо полагает, что за время, прошедшее между этим сообщением и последним сообщением о Фань Сюне, в стране могли произойти серьёзные изменения, связанные, по всей вероятности, с ростом индийского влияния[19]. Однако основные изменения

[1] Смотри «Главу 1» «Части II» настоящего тома.

произошли между 357 г. и 434 г. За это время Фунань была окончательно индуизирована неким Каундиньей. Согласно легенде, сохранившейся в китайских источниках V в., брахман Каундинья был призван духом на юг в страну Пань Пань, откуда люди Фунани, устроив ему торжественную встречу, увезли его к себе. После этого Каундинья, взяв Индию за образец, полностью реорганизовал государственное устройство страны. Больше об этом брахмане ничего неизвестно, и даже время его правления устанавливается из того, что он был одним из королей, правивших после Чжаньтаня с посольством в 357 г., а следующее посольство в 434 г. отправил один из королей, правивших после него. Таким образом, Каундинья должен был править в конце IV или в начале V в.

В 434, 435 и 438 гг. король Фунани, имя которого может читаться как Шресхтхаварман, отправлял посольства ко двору династии Сун. Скорее всего, именно к этому королю обращался в 431 или 432 г. тямский король Фам Зыонг Май II с предложением о совместном вторжении в округ Цзяо, на которое тот ответил отказом[I].

Спустя ещё какое-то время Фунанью правил один из её величайших королей Каундинья Джайяварман. Вероятно, между 480 и 484 г. он отправил купцов с товарами в Гуанчжоу. На обратном пути их корабль потерпел крушение у берегов Тямпы и купцы попали в плен, но бывший с ними монах Нагасена сумел добраться до столицы Фунани по суше. В то время в Тямпе захватил власть выходец из Фунани Фам Данг Кан Тханг[II]. Надо полагать, что желая покарать мятежного подданного, Каундинья Джайяварман отправил в 484 г. Нагасену с богатыми дарами ко двору императора Ци с просьбой о совместном выступлении против Тямпы. В ответ же он получил благодарность за дары, но никакой военной помощи не последовало. В 503 г. Каундинья Джайяварман отправил посольство ко двору восшедшей на престол в

[I] Смотри выше «Параграф 1.3» настоящего «Заключения».
[II] Ibid.

империи династии Лян, за что получил титул «Генерал Умиротворённого юга, король Фунани». Каундинья Джайяварман умер в 514 г., успев отправить в империю ещё два посольства (511 и 514 гг.).

В то время фунаньцы, как и их северные соседи *тямы*, были искусными мореходами, торговцами и морскими пиратами, постоянно грабившими своих соседей. Они жили в свайных домах с пальмовыми крышами, а их селения в целях защиты обносились деревянным частоколом. Их национальной одеждой оставался обёрнутый вокруг бёдер кусок ткани (*сампот*[1]). Главным развлечением простых людей в то время были петушиные и свиные бои. Король жил во дворце с многоярусной крышей, построенном из обожжённого кирпича. Надо полагать, что знать также жила в домах из обожжённого кирпича. Во время праздников или по поводу какого-то важного события король выезжал к народу на слоне. В обычае был «божий суд».

В Фунани существовало четыре вида погребальных обрядов: тела умерших бросали в реку, сжигали, закапывали в землю и выставляли на съедение птицам. Надо полагать, что основной погребальный обряд по-прежнему был схож с заимствованным из Индии тямским обрядом. Что же касается остальных, то, вероятно, они были связаны с обычаями проживавших в стране национальных меньшинств. Также известно об обычае омовения в общих бассейнах, используемых одновременно несколькими семьями. Он сохранился до наших дней и носит наименование *трапеанг*. Окончательная индуизация страны привела к тому, что в Фунани господствовали две основные религии, наложившиеся на местные верования, прежде всего – на культ предков. Это более ранний брахманистский шиваизм. Именно с ним, по мнению П.Пелльо, связаны как двуликие и четверорукие, так и четырёхликие и восьмирукие статуи Махешвары (Шивы) и его приближённых, которые держат в руках ребёнка, животное, солнце и луну[20]. Однако буддизм также получил значительное

[1] Малайский «саронг».

распространение, в пользу чего свидетельствует надпись, которая принадлежит индийскому монаху, жившему какое-то время в Фунани. Помимо этого известно, что во времена Каундиньи Джайявармана в империю Лян приехали два фунаньских монаха, которые до конца своих дней занимались там переводом буддийских священных книг с санскрита на иероглифику. Поэтому П.Пелльо и полагает, что установить какая из этих двух религий (шиваизм и буддизм) была основной в то время, невозможно [619, с.41, 42; 950, с.294].

Кончина короля Каундиньи Джайявармана стала началом конца величия Фунани. Всё началось с того, что его старший сын, родившийся от наложницы, убил своего младшего сводного брата Гунавармана, который был легитимным наследником, так как родился от официальной жены короля, и провозгласил себя королём под именем Рудравармана. В период своего царствования он отправил несколько посольств в империю[1]. В 539 г. Рудраварман направил посольство ко двору династии Лян с обещанием преподнести императору в дар волос Будды длиной около четырёх метров. Император немедленно послал за реликвией монаха по имени Юнь Бао. Вероятно, это было последнее посольство независимых королей Фунани в китайскую империю [619, с.40 – 43; 950, с.293, 294].

2.2. *Ченла*

Среди многочисленных вассалов Фунани было и государство Ченла, территория которого включала в себя территории современных южного Лаоса и северной Камбоджи. Согласно легенде, сохранившейся в надписи X в., отшельник Камбу Свайамбхува женился на небесной нимфе Мера, посланной ему Шивой, и основал династию правителей Ченлы. Надо полагать, что эта легенда была придумана для объяснения названия «Камбуджа», которое *кхмеры* приняли после индуизации своего государства. Его столица находилась

[1] Рудраварман отправлял посольства в империю в 517, 519, 520, 530, 535 и 539 гг.

близ горы Лингкиапопо, или Лингапарвата, с храмом богу Потоли (Бхадрешвара, или Шива), которому государь Ченлы ежегодно приносил человеческую жертву. Династийным именем королей Ченлы было имя Чали, или Кшатрия.

Приблизительно в 550 г. в Ченле произошло восстание против господства Фунани, которое возглавили братья Бхававармана и Читрасена (Четосеуна). Последний при загадочных обстоятельствах достаточно быстро овладел столицей Фунани Вьядхапурой. Представители правящей династии были вынуждены перенести столицу в один из южных городов королевства и признать сюзеренитет бывшего вассала. Ж.Сёдес считал, что это восстание было вызвано попыткой реставрации легитимных фунаньских королей, так как братья были внуками последнего короля Фунани. Согласно этой гипотезе, отцом Бхававармана I был вассал Фунани по имени Вираварман, а его дед имел имя Сарвабхаума, которое было личным именем Рудравармана. В свою очередь П.Пелльо полагает, что какие родственные узы связывали Рудравармана и Бхававармана, неизвестно, но при этом он абсолютно уверен в том, что Вираварман никогда не царствовал и соответственно не мог быть вассалом фунаньского короля. Вираварман женился на принцессе Лакшми из династии Камбу – Мера, уже существовавшей к тому времени на протяжении полутора столетий. Д.Дж.Е.Холл полагает это событие ключевым для объяснения того, каким образом кхмерские короли могли претендовать на одновременное происхождение от «лунной» и «солнечной» династий: с первой они были связаны через Рудравармана, который принадлежал к «лунной» династии Каундиньи – Сомы, а со второй, «солнечной», через принцессу из династии Камбу – Мера [619, с.42, 84, 85; 950, с.295, 296].

Объединив Ченлу и Фунань в одно государство, Бхававармн не перенёс столицу в Вьядхапуру, где оставались министры Рудравармана, ставшие служить новому господину. Где находилась столица новой Ченлы, точно неизвестно. Д.Дж.Е.Холл считает, что «возможно, она находилась в Ват

Пху или Стунг Ченге». По всей вероятности, правление этого короля было связано с войнами за подчинение своей власти всех территорий от Тямпы до Бенгальского залива и большей части Малаккского полуострова, которые входили в состав Фунани. Однако, судя по всему, власть Бхававармана признала только собственно Фунань, тогда как малайские княжества предпочли по примеру монского царства Дваравати на реке Тяу Прайя[I] установить дипломатические отношения с Китаем. Известна только одна точная дата правления Бхававармана – 598 г., под которым сообщается об основании им святилища (*линги*). Однако можно предположить, что он взошёл на престол сразу после восстания (около 550 г.), а приблизительно в 600 г. ему наследовал под именем Махендравармана [II] уже достаточно пожилой Читрасена, бывший всё это время главнокомандующим войсками своего старшего брата. Будучи королём, Читрасена захватил долину реки Мун, а его надписи были найдены на берегах Меконга, около Кратие и Стунг Ченга, а также к западу вплоть до Бурирама и Сурина. На всех захваченных землях он воздвигал святилища (*линги*) в честь Гириса (Правителя горы) [619, с.85; 950, с.296].

Сын Читрасены Ишанасена, или Ишанаварман, наследовал отца приблизительно в 611 г.[III]. В 627 г., возможно, чуть позднее, этот король завершил завоевание Фунани. На этом завершается её существование даже как вассального государства. Правда, ещё отмечались случаи прибытия к танскому двору посольств из Фунани, но, согласно принятой точке зрения, то были миссии протеста, посылавшиеся свергнутой династией. Ишанаварман также захватил Аниндитапуру (Баладитьяпуру) – княжество, основанное

[I] Д.Дж.Е.Холл, как и многие авторы, называет эту реку «Менам». Эту ошибку отметили советские редакторы перевода его монографии на русский язык [619, с.85].

[II] Д.Дж.Е.Холл переводит это имя как «Протеже великого Индры».

[III] П.Пелльо не столь категоричен. Он лишь делает предположение о том, что Ишанаварман правил страной уже в 616 – 618 гг.

Баладитьей, потомком властителей фунаньской династии Каундиньи-Сомы. Затем он основал свою первую столицу в Стунг Сене Ишанапуру, предположительно находившуюся километрах в тридцати от современного города Компонг Том. Ишанаварман также захватил в северо-западной Камбодже княжества Какранкапура, Амогхапура и Бхимапура, а также южные территории вплоть до современного города Чантабун, то есть до границ монского царства Дваравати. При этом, чтобы не воевать на два фронта, Ишанаварман, как и его отец, избегал конфликтов на востоке с Тямпой. Он даже женился на тямской принцессе. Предположительно, этот кхмерский король правил до 635 г. [619, с.85, 86; 950, с.296 – 303].

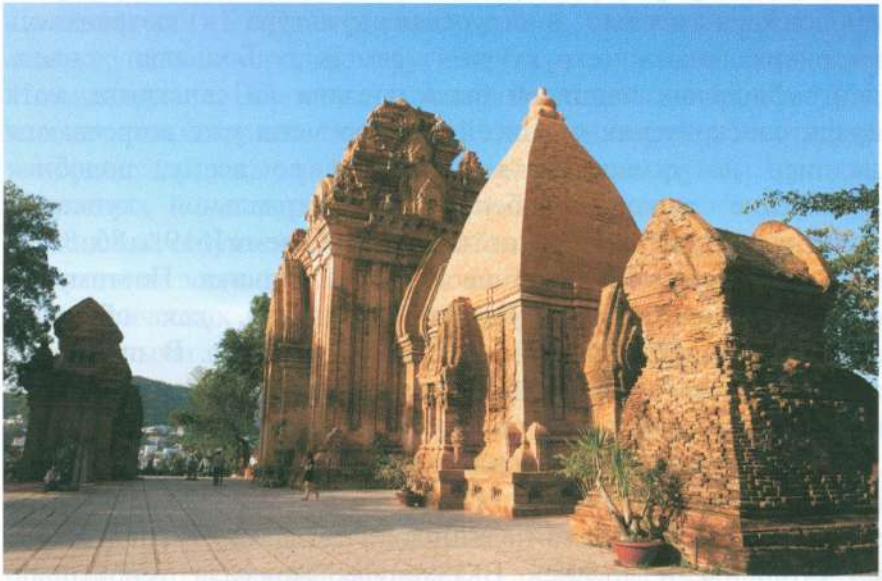
Родственные связи между Ишанавармaном и наследовавшим ему Бхававармaном II неизвестны. Существует точка зрения о том, что его отцом был сын Бхававармана I, о котором не сохранилось никаких сведений. Время его правления может быть датировано лишь по одной из его надписей, относящейся к 639 г. Бхававарману II наследовал Джайяварман I. Одни исследователи считают его сыном предыдущего короля, другие – относят к династии Ишанавармана. Вероятно, этот король взошёл на трон в 657 г. или несколько ранее. В отличие от Ишанавармана, в столице которого найдены наиболее впечатляющие руины из всех известных памятников Камбоджи до Ангкорского периода, правивший около сорока лет Джайварман I не оставил никаких памятников зодчества. Правда, он является автором множества эпиграфических надписей. Джайяварман I известен своими постоянными войнами и захватом обширных территорий. Так, он завоевал центральный и северный Лаос вплоть до границ с Наньчжао. Даже при жизни он с трудом удерживал покорённые земли, раздираемые гражданскими войнами. Видимо, ещё при нём на западе империи Ченла возникло враждебное государство со столицей в Баладитьяпуре. Также сомнительно, что Джайявarману I удалось удержать под своей властью южные территории, завоёванные ещё Ишанавармaном.

Известно, что вплоть до правления Джайявармана I экономика Ченлы характеризовалась наличием мелких крестьянских хозяйств, которые выращивали рис, рожь, мелкое и немного крупного проса. В низовьях Меконга и в районе озера Тонле Сап от того времени остались развалины «кирпичных башен, одиночные или расположенные группами скульптуры, в которых проявляется сходство с индусскими прототипами и в то же время сильно выражены местные черты, и богато декорированные изваяния, подобные тем, которые были в таком изобилии созданы в Ангкорский период» [619, с.86]. А эпиграфика свидетельствует о том, что основной религией стал культ Шивы вместе с поклонением Харихаре (единение Шивы и Вишну), первое появление которого на скалах Бадами и Махавелипур в стране Паллавов датируется временем до 450 г. Придворная культура основывалась на санскритской классике, при этом широко использовалась мифология «Рамаяны», «Махабхараты» и пураны. Однако из той же эпиграфики следует, что в обществе большую роль продолжала играть доиндусская культура и сохранялась матриархальная структура семьи. Большая часть эпиграфических надписей была сделана на санскрите, хотя среди санскритских надписей того времени уже встречаются надписи на кхмерском языке. Судя по всему, подобное положение вещей, особенно в материальной культуре, сохранялось ещё достаточно длительное время [619, с.86, 87].

У Джайявармана I не было наследника. Поэтому на престол взошла его супруга Джайядеви, как об этом свидетельствует её надпись, датируемая 713 г. В правление этой королевы произошёл окончательный раскол кхмерской империи на две части, именуемые Сухопутной Ченлой и Водной Ченлой. Согласно танским историографам, это произошло после 706 г.[21]. Сухопутная Ченла находилась на территории современной Камбоджи, тогда как Водная Ченла со столицей в древней Вьядхапуре занимала территорию Южного Вьетнама, и, видимо, именно она была преемницей королевства Джайявармана I. Эта часть бывшей кхмерской

империи и является территорией Южного Вьетнама, которая была присоединена к империи Дайвьет в XVI – XVII вв.

Тямские святилища в Понагаре.
Нячанг. 06.04.2011 г.

Первоначально на территории Водной Ченлы существовало три царства. Первое, Самбхупура, находилось в районе современных Самбора и Кратие. Как о том свидетельствуют надписи 681 – 716 гг., оно отпало от Ченлы ещё при Джайявармане I. Его правители принадлежали к «солнечной» династии Камбу – Мера. Кроме того, в четырёх надписях 770 – 781 гг., которые были обнаружены в Самбхупуре, упоминается король Джайяварман, который не был включён в ранее принятый список камбоджийских королей[I].

Второе, Аниндитапура, было прежней завоёванной ещё Ишанаварманом, Баладьяпурой, независимость которой восстановил Нарипатиндраварман, потомок Баладитьи и соответственно представитель древней «лунной» династии Каундиньи – Сомы. Он присоединил к своему царству побережье с дельтой Меконга в районе древнего фунаньского порта Ок-ео. Согласно наиболее вероятной гипотезе столица этого царства находилась в Ангкор Борее. Его сын Пушкарекша женился на наследнице трона Самбхупуры, что, надо полагать, на самом деле было скрытым присоединением Самбхупуры к Аниндитапуре. Не исключено, что этот, имевший собственный культ Пушкарекши, государь стал первым обожествлённым королём в истории Камбоджи[II].

Наконец, правители третьего княжества Вьядхапура, вероятно, контролировали лишь узкую полоску территории вдоль Меконга в районе расположения древней фунаньской столицы. Сын Пушкарекши в свою очередь женился на наследной принцессе Вьядхапуры и, объединив тем самым всю Водную Ченлу в единое целое, стал королём под именем Самбхувармана. Ему наследовал сын Раджендраварман I, которому также наследовал сын Махипативарман. Судя по

[I] Во избежание путаницы Ж.Сёдес называет этого короля «Джайяварман I-бис».

[II] Из надписи, которая датируется 716 г., следует, что монахи и знатные брахманы воздвигли в храме Пушкары статую бога Пушкарекша.

всему, столица всех этих королей находилась в Ангкор Борее [619, с.88][22].

В то время побережье Ченлы, Тямпы и даже Северного Вьетнама, включая его северные провинции, нередко подвергались нападениям малайских пиратов с Явы на Водную Ченлу. Как уже отмечалось, под термином «малайские пираты с Явы» могут скрываться морские разбойники как с Явы, так и с Суматры или Малаккского полуострова, которые нередко действовали вместе. В VIII в. они устроили на захваченном ими острове Пулокондор базу откуда совершали свои набеги. Известно, что в 774 и 787 г. эти пираты нападали на Тямпу и на Ченлу, но кхмерские надписи ничего об этом не сообщают. В то же время одна из яванских надписей содержит сведения о том, что Водная Ченла была захвачена королём Санджайей. Судя по всему, речь идёт о событиях, описанных арабским автором X в. Абу Саид аль-Хасаном со слов купца Сулеймана, который во время своего плавания у берегов Южного Вьетнама в 851 г. собрал сведения о нападении на Водную Ченлу малайских пиратов с Явы в конце VIII в.

Если верить этому купцу, молодой кхмерский король, которым, вероятно, и был Махипативарман, потребовал, чтобы ему принесли на блюде голову махараджи Забага[1]. Узнав об этом, махараджа (Санджайя?) сам напал на кхмерскую столицу, пленил короля, отрубил ему голову и увёз её с собой. Затем он забальзамировал эту голову и отправил её в урне новому кхмерскому королю в качестве предупреждения. Хоть эта история и похожа на легенду, многие исследователи полагают, что в целом она соответствует действительности.

Преемником Махипативармана стал Джайяварман II. Поскольку очевидно, что для того чтобы занять трон, он должен был прибыть с Явы, то была выдвинута гипотеза, согласно которой его семья обосновалась на Яве в период смут и волнений, а его самого держали при дворе Шайлендеров в качестве заложника. В одной из более поздних кхмерских

[1] Забаг, то есть Шривиджайя, где правила династия Шайлендра.

надписей сообщается о том, что до воцарения будущий король прибыл с посольством ко двору Шайлендеров на Яве.

Деревня Биньлаунг, община Биньфу, уезд Кайлэй, провинция Тиензянг. Типичный, как во времена Фунани и Ченлы, пейзаж Южного Вьетнама. 11.04.2011 г.

Не исключено, что как преемник казнённого короля он это сделал для принесения присяги верности Шривиджайе. Согласно основной гипотезе о его восшествии на кхмерский престол, Джайяварман II, который не принадлежал к династической ветви Раджендравармана I, был избран королём министрами Махипативармана по указанию яванского махараджи. Об отце Джайявармана II ничего неизвестно, а более поздние надписи говорят о нём как о правнуке короля Аниндитапуры Нарипатиндравармана[1].

Первоначальная зависимость этого короля от Шайлендеров подтверждается и тем, что когда Джайяварман II установил власть над своим государством, он, собрав подданных на торжественную церемонию, публично провозгласил свою независимость от кого бы то ни было. Это событие стало началом знаменитого королевства Ангкор, первую столицу которого её основатель Джайяварман II назвал Индрапурой. Судя по всему, она была расположена в районе археологических раскопок Бантей Прей Нокор к востоку от Кампонг Тяма в нижнем течении Меконга [619, с.88, 89].

* * *

Дальнейшее изложение истории Тямпы и Водной Ченлы, история которой связана с Ангкором и кхмерским государством на территории современной Кампучии, выходит далеко за временные рамки настоящего тома. Поэтому та их часть, которая имеет отношение к народам, проживавшим в Южном Вьетнаме, приводится в следующем томе «Полной академической истории Вьетнама».

[1] Д.Дж.Е.Холл делает вполне справедливое замечание о том, «что тот, кому удавалось захватить трон, всегда мог быть обеспечен подходящей генеалогией» [617, с.89].

Часть II

Периодизация истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья

Существующие на настоящее время периодизации древней и раннесредневековой истории Вьетнама либо имеют весьма общий и поверхностный характер, либо в них отмечаются постоянные нестыковки по датам с реальными фактами, о которых сообщается в источниках. Дело в том, что на самом деле следует говорить о трёх типах периодизации вьетнамской истории до конца X в., а именно – периодизациях политической, социально-экономической и культурной, «взаимоналожение» которых позволяет в итоге предложить единую периодизацию ранних этапов вьетнамской истории. Такая специфика периодизации обусловлена особенностями взаимодействия вьетнамского и китайского обществ на протяжении всей так называемой «Эпохи северной зависимости». Поэтому сначала речь пойдёт о каждой из указанных периодизаций, которые затем будут сведены воедино.

1. *Периодизация политической истории*

В результате этногенетических процессов, которые протекали на территории материковой и островной Восточной и Юго-Восточной Азии, в конце 3-го – начале 2-го тысячелетия до н.э. в рамках «опрокинутого треугольника» родственных культур с основанием по реке Янцзы, западной стороной по провинциям Сычуань, Юньнань, Гуанси, восточной стороной по провинциям Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и вершиной в Северном Вьетнаме произошло как оформление единой большой этнокультурной общности, так и выделение индокитайского очага земледельческой рисоводческой цивилизации. На протяжении всей этой эпохи основным направлением культурных влияний было их распространение *с юга на север*. С конца 2-го тысячелетия до н.э. вектор этих влияний постепенно начинает меняться, а к началу 1-го тысячелетия до н.э. он становится обратным: *с*

севера на юг. К этому времени в рамках указанных этнокультурных процессов происходит как упрочение связей по западной и восточной сторонам большого треугольника родственных культур к югу от реки Янцзы, так и их обособление по линии Гуанси – Гуандун – Северный Вьетнам. При этом протекавшие во 2-м – 1-м тысячелетиях до н.э. этнокультурные процессы сопровождались формированием классовых обществ и возникновением ранних государственных образований или, по принятой в синологии терминологии, царств.

1.1. *Эпоха ранней вьетской государственности*

Конец VIII – начало VII в. до н.э. – это время, когда в Северном Вьетнаме на основе донгшонской бронзовой культуры и раннеклассового объединения пятнадцати лаквьетских племён возникает первое раннее лаквьетское государство, условно называемое Ванланг.

Как полностью независимое или зависимое лишь во внешнеполитическом отношении, но самостоятельное во внутриполитической деятельности, это раннее государство или царство просуществовало вплоть до 44 г. н.э. При этом представляется возможным выделить ряд самостоятельных периодов существования этого раннего лаквьетского государства.

Конец VIII – начало VII – середина III в. до н.э. Период царства Ванланг с династией королей Мужественных.

258 – 214 гг. до н.э. Начало этого периода связано с объединением *лаквьетов* Ванланга с *лаквьетами* из Тэйву (северо-западная граница Вьетнама) и сменой династии королей Мужественных династией Тхук, а его конец знаменуется ещё одним объединением с *вьетами* из Тэйау (юго-западное Гуанси), в результате которого название государства было изменено на Аулак.

213 – 208 гг. до н.э. Этот период характеризуется борьбой царства Аулак (Ванланг + Тэйву + Тэйау) с

экспансией империи Цинь, которая персонифицируется в личности короля Умиротворённого юга Тхук Фана.

207 – 111 гг. до н.э. Этот период, связанный с военным объединением Аулака с царством Намвьет в Гуандуне, характеризуется следующей особенностью. С одной стороны, это время существования единого государства Намвьет (Намвьет + Аулак) с династией Чиеу. С другой – управление территорией бывшего царства Ванланга, разделённого на области Зяоти и Кыутян, находилось в руках традиционной лаквьетской знати, лидеры которой формально назначались императорами династии Чиеу легатами указанных областей. На самом же деле Намвьет представлял собой военно-политическое государственное объединение *вьетов* в борьбе с экспансией империи Хань, которая персонифицируется в личности Чиеу Да.

110 г. до н.э. – 44 г. н.э. По своему характеру этот период имеет некоторое внешнее сходство с предыдущим, так как хотя территория бывшего царства Ванланг политически входила в состав империи Хань, в то время она по-прежнему управлялась лаквьетской знатью во главе с легатами областей Зяоти и Кыутян. Однако если в эпоху Намвьета, скорее, можно говорить об отношениях старшего и младшего союзников в борьбе с общим врагом, то в данном случае ситуация была принципиально иной. Ханьские чиновники рассматривали северовьетнамские территории исключительно как составную часть империи. Поэтому уже с конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. на ней начинается «мирное», а затем и насильственное насаждение имперских порядков, которое привело к восстанию 40 г. В результате последовавшей за ним войны сначала была восстановлена государственная независимость лаквьетских территорий бывшего Ванланга, однако кончилось всё их окончательным завоеванием империей Хань в 44 г.

Этот период завершается образованием на юге традиционных лаквьетских территорий третьей области, или области Нятнам.

1.2. *Эпоха северной зависимости*

Обычно во вьетнамоведении под «Эпохой северной зависимости» понимается время со 111 г. до н.э. по 939 г. н.э., которое интерпретируется как время прямого включения территории Северного и северной части Центрального Вьетнама в состав различных общекитайских империй и южнокитайских царств. Однако на самом деле это далеко не так. *На самом деле «Эпоха северной зависимости» начинается в 44 г. и завершается в 880 г., при этом она делится на две принципиально отличающиеся друг от друга половины, в рамках которых выделяются далеко неоднозначные периоды.*

1.2.1. *Первая половина*

44 – 186 гг. Период полной зависимости от империи Хань, в течение которого происходит постепенное выделение вьетских областей на территории Северного Вьетнама и закладываются основы формирования «сино-аннамитской» элиты.

187 – 540 гг. Этот период характеризуется тремя моментами. Во-первых, в то время окончательно устанавливаются северные границы области Зяоти, которые в целом соответствуют современной вьетнамо-китайской границе. Во-вторых, с ним связано появление «скрытых» вьетских династий и правителей, первыми из которых был Си Ниеп и его «скрытая» династия. В-третьих, именно тогда происходит слияние «сино-аннамитских» культурных компонентов не только на уровне элиты вьетского общества, но и на всех его остальных уровнях.

Поэтому с конца этого периода можно уже говорить не о вьетском, а о вьетнамском обществе. В истории Вьетнама он является переходным от эпохи древности к эпохе раннего феодализма.

1.2.2. *Кратковременная независимость*

541 – 602 гг. Этот шестидесятилетний период независимости северовьетнамских территорий (условно –

эпоха царства Вансуан) связан с деятельностью трёх группировок вьетнамских феодальных лидеров. Первая – это группировка императора Южного Вьета Раннего Ли, или Ли Бона, вторая – короля Вьета Чиеу, предположительно – Чиеу Тука, и третья – императора Южного Вьета Позднего Ли, предположительно – Ли Фам Ту. Он также характеризуется борьбой за власть между второй и третьей группировками, завершившейся победой последней.

1.2.3. *Вторая половина*

603 – 687 гг. Кратковременный период безусловного господства общекитайских династий Суй и Тан, в течение которого проводилась административная реорганизация вьетнамских территорий и вырабатывалась новая имперская стратегия обуздания вьетнамских феодалов.

687 – 819 гг. Период восстаний горных манских племён и южных вторжений, связанный с перманентным ослаблением имперских сил и ростом влияния местных феодальных группировок в губернаторстве Умиротворённого юга.

819 – 880 гг. Период вторжений Наньчжао, в войнах с которым де-факто сложился военно-политический союз вьетнамских феодалов и танских губернаторов. Этот период завершается покорением горных *манов*, разгромом и изгнанием войск Наньчжао, окончательным уходом остатков армии Тан из губернаторства в империю и переходом всей власти в руки вьетнамских феодальных кланов.

1.3. *Эпоха полного восстановления независимости вьетнамского государства*

880 – 939 (945) гг. Период борьбы между вьетнамскими феодальными кланами за власть и их объединения под властью клана Кхук – Зыонг – Нго перед угрозой имперского вторжения, который завершился со смертью Нго Кюена, разгромившего в 939 г. войска Южной Хань в битве на реке Батьданг.

945 – 981 (1009) гг. Период феодальных междоусобиц, который в свою очередь делится на три подпериода. Первый (945 – 967 гг.) связан с борьбой между феодальными кланами и постепенным усилением клана Чан – Динь из Хоалы. Второй (968 – 980 гг.) связан с начальным этапом существования государства Дайвьет – Дайковьет во главе с династией Динь и подавлением её основателем Динь Бо Линем очагов сопротивления внутри страны. Третий (980 – 981 гг.) связан со сменой династии Динь династией [Ранняя] Ле на престоле в Дайвьете и разгромом Ле Хоаном в 981 г. армии общекитайской династии Сун на реке Батьданг, которым знаменуется окончательное восстановление независимости вьетнамского государства. Однако логически этот подпериод завершается в 1009 г., так как с точки зрения как внешней, так и внутренней политики правления династий из Хоалы (Динь и [Ранняя] Ле) образуют единое целое.

Таким образом, представляется возможным выделить следующие ключевые моменты, предопределившие весь ход вьетнамской истории эпохи древности и раннего средневековья:

257 – 136 гг. до н.э. – правления Тхук Фана и Чиеу Да; 187 – 227 гг. – правление Си Ниепа и «скрытой» династии Си; 541-602 гг. – правления Ли Бона, Чиеу Тука и Ли Фам Ту (условно – эпоха царства Вансуан); 906 – 1009 гг. – правления феодального клана Кхук – Зыонг – Нго и династий из Хоалы (династии Динь и [Ранняя] Ле).

2. *Периодизация социально-экономической истории*

В целом социально-экономическое развитие Вьетнама до конца X в. чётко делится на три этапа, каждый из которых в свою очередь делится на отдельные периоды, что необходимо для понимания особенностей развития вьетнамского общества на ранних стадиях его формирования.

А. VIII (VII) в. до н.э. – рубеж II – III вв. н.э. В целом этот этап можно охарактеризовать как эпоху возникновения и

развития раннего рабовладения у *лаквьетов*, в рамках которой выделяются следующие периоды.

а. VIII (VII) – середина III вв. до н.э. Период становления лаквьетской государственности с неразвитыми формами рабовладения и значительными пережитками родоплеменного строя.

б. Середина III в. до н.э. – середина I в. н.э. Период развития раннерабовладельческого вьетского общества в условиях перманентного роста влияния империй Цинь и Хань. Он делится на два важных подпериода:

б-1. 258 – 111 гг. до н.э. Время развития вьетского общества в условиях собственной государственности;

б-2. 110 г. до н.э. – 44 г. н.э. Время развития лаквьетского общества в условиях политико-экономической автономии.

в. Середина I – рубеж II – III вв. Период насильственного включения вьетского общества в социально-экономическую структуру империи Хань, что во многом подорвало традиционные социальные связи этого общества, но резко стимулировало темпы его экономического развития. Именно этим объясняется тот факт, что рабовладение во вьетском обществе так и не вышло за рамки неразвитых форм. Известно, что сам характер поливного рисоводческого земледелия исключает использование рабского труда в качестве основной производительной силы, но не это главное. Главной причиной того, что вьетское общество во многом миновало стадию более или менее развитого рабовладения, стало его включение с середины I в. в значительно более развитую социально-экономическую структуру империи Хань, общество которой находилось «на пороге средних веков» [431].

Б. III – VI вв. Как для вьетского, так и для китайского общества этот этап в целом является переходным к эпохе феодализма. В это время социально-экономическое развитие северовьетнамских территорий протекает в едином блоке с развитием южнокитайских, провести разграничение между которыми в то время практически не представляется

возможным. Именно тогда происходит синтез традиционных вьетнамских и китайских социальных структур, что к концу этого этапа привело к первоначальному оформлению сохранившейся на многие века вьетнамской социальной организации общества.

В. VII – X вв. Эпоха раннефеодального вьетнамского общества. По своему содержанию этот этап далеко не однороден и в целом может быть разделён на три основных периода.

а. VII – середина VIII в. Период социально-экономического развития в рамках южных областей империи Тан. В это время политика обособления окраинных имперских территорий в губернаторстве [433, с.18] фактически изолировала их от процессов формирования централизованной феодальной империи Тан. Поэтому вьетнамское общество губернаторства Умиротворённого юга оказалось под влиянием двух факторов. С одной стороны, территория губернаторства являлась одним из важных торговых центров империи, благодаря чему вьетнамское общество, естественно, воспринимало и её экономические достижения. С другой стороны, социальные процессы, протекавшие в центре империи, практически не затрагивали социальной структуры вьетнамского общества, которая оставалась на уровне начального периода эпохи раннего феодализма.

б. Середина VIII – конец IX в. Период социально-экономического обособления северовьетнамских территорий от империи. Этот процесс протекал не под влиянием факторов экономического характера. Сказались политические факторы, из которых важнейшими были войны с Наньчжао и растущая слабость империи Тан, приведшая к её распаду в конце IX в. Поэтому и на протяжении этого периода нельзя говорить о принципиальном изменении социально-экономических структур вьетнамского общества. Представляется возможным лишь констатировать, что на его протяжении произошло окончательное оформление общей для всего этапа тенденции

возникновения крупных вьетнамских военно-феодальных кланов со своими наследственными владениями.

в. Конец IX – X в. Период независимого существования вьетнамского общества и возникновения раннефеодального государства. В социально-экономическом плане он характеризуется нестабильностью развития, связанного с феодальными междоусобицами, которые постепенно уступают место тенденции централизации всей, в том числе и социально-экономической, жизни страны.

Если же сравнивать социально-экономическое развитие Вьетнама и Китая в VII – X вв., то складывается следующее впечатление. Период «а» идентичен в обоих случаях. Период «б» является решающим для сохранения прежней социальной структуры во вьетнамском обществе одновременно с её значительным развитием и изменением в китайском обществе эпохи централизованной империи Тан. Период «в» во вьетнамском обществе связан с созданием раннефеодального государства, тогда как китайское общество вступает в эпоху развитых феодальных отношений с образованием империи Сун. Поэтому представляется, что с определёнными поправками вьетнамское общество эпохи династий из Хоалы (968 – 1009 гг.) следует сопоставлять с китайским эпохи династии Суй (589 – 619 гг.), а вьетнамское общество эпохи династии Ли (1010 – 1225 гг.) с китайским эпохи династии Тан (618 – 907 гг.). При этом также необходимо учитывать, что хотя по времени границы империи конца эпохи Суй и начала эпохи Тан относятся к периоду «а» социально-экономического развития вьетнамского общества, социально-экономическое развитие их обществ сопоставимо с вьетнамским лишь начиная с периода «б».

Наконец, говоря о периодизации социально-экономического развития Вьетнама нельзя не остановиться ещё на двух важнейших проблемах, которые лишь косвенно затрагивались в соответствующих главах настоящего тома, поскольку общетеоретические вопросы истории выходят за рамки «Полной академической истории Вьетнама». Речь идёт

о формах землепользования и социально-экономических формациях применительно к ранним этапам истории Вьетнама, в связи с которыми советский синолог В.П.Илюшечкин сформулировал в отношении древнего Китая следующую точку зрения.

«В нём ещё отсутствовали частная собственность на обрабатываемые земли, частнособственническая эксплуатация и антагонистические классы. Обрабатываемая земля... принадлежала общинам и делилась на надельные и "общественные" поля. Социальная стратиграфия по-прежнему ограничивалась сословно-правовой и имущественной. К трём унаследованным от иньского периода сословиям (знать, свободные рядовые общинники и небольшое число рабов в услужении знати) в IX – VIII вв. до н.э. прибавилось начавшее складываться ещё ранее четвёртое сословие – чиновников, являвшееся привилегированным, но обладавшее меньшими привилегиями, чем титулованная знать. Знать и чиновники... существовали за счёт эксплуатации массы общинников посредством ренты-налога, также дани с побеждённых соседних племён и регулярных приношений от общинников. Рабы содержались за счёт той же ренты-налога и не играли сколько-нибудь существенной роли в экономической жизни общества» [380, с.174, 175; 381].

Представляется, что с определёнными поправками эта характеристика китайского общества вполне применима к вьетскому обществу эпохи Ванланга с VIII (VII) по середину III вв. до н.э. Не исключено, что какие-то зачаточные формы частного землепользования существовали во Вьетнаме уже в то время, однако говорить о процессе его возникновения можно говорить лишь в эпоху Аулака, включая его развитие в составе Намвьета и Западной Хань, или с середины III в. до н.э. по середину I в. н.э. При этом если в эпоху Аулака складывавшаяся система частного землевладения ещё не играла значительной роли, то с включением лаквьетских территорий в состав империи Хань, где господствовало крупное частное землевладение, ситуация принципиально

изменилась. С середины I в. н.э. под влиянием имперских институтов началось «выравнивание» уровней социально-экономического развития вьетского и ханьского обществ. Однако вследствие того что империя Хань пала на рубеже II – III вв., вьетское общество так и не достигло уровня социально-экономического развития ханьского общества эпохи его расцвета [380, с.222 – 230]. Последовавшее с конца III в. постепенное развитие надельной системы землепользования, которая была формально повсеместно внедрена в империи к концу VI – началу VII в., не затронуло вьетнамские территории, где сохранялось частное землевладение. И если в империи Тан «к середине VIII в. система надельного землепользования потерпела полный крах в связи с огромным ростом частного землевладения, обезземеливанием крестьян и исчерпанием резервов казённых земель, предназначенных для раздачи сельскому населению» [380, с.239], то во Вьетнаме её просто не существовало. Этот вывод подтверждается также тем фактом, что на экономически тесно связанных с ним сопредельных территориях Южного Китая надельная система землепользования так и не получила значительного распространения [380, с.231]

. Из вышесказанного следует, что в IX – X вв. на вьетнамских территориях должно было сохраняться крупное частное землевладение. При этом, если даже в Китае верховная власть императора и формальная собственность государства на весь земельный фонд в значительной степени камуфлировали частную собственность и становление различных типов частно-зависимых и казённо-зависимых крестьян [380, с.239 – 240], то во Вьетнаме «Эпоха северной зависимости» и устойчивый характер общины как основной производственной единицы вообще не позволяют выявить частное землевладение вплоть до X в., когда «неожиданно» появляются крупные феодальные кланы со своими земельными владениями.

В связи с вышеприведённой характеристикой систем землепользования также необходимо уточнить значение таких

терминов, как «эпоха раннего феодализма», «эпоха феодализма» и других, которые используются в настоящей работе и связаны с проблемой социально-экономических формаций. Как известно, эта проблема вызывала и продолжает вызывать многочисленные дискуссии, особенно – в отношении Востока. В контексте этих дискуссий наиболее убедительной выглядит точка зрения В.П.Илюшечкина о том, что в истории древнего и средневекового Китая «имел место лишь один коренной качественный перелом в развитии исторических типов техники и ступеней развития производительных сил». Он относится к VI – IV вв. до н.э. и связывается с появлением частной собственности на землю, что знаменует собой переход к сословно-классовому обществу. То есть В.П.Илюшечкин отрицает двухформационную (рабовладельческую и феодальную) схему развития китайского общества в эпоху древности и средневековья, которые он делит по рубежу IV – VI вв. Это «отрицание» он относит не только к китайскому, но и «ко всем другим, в том числе и западноевропейским, сословно-классовым обществам» [380, с.219, 220]. Не вступая в теоретические споры по столь сложной проблеме, представляется возможным отметить лишь следующее.

Во-первых, в принципе датирование «коренного перелома» VI – IV вв. до н.э. является справедливым и для вьетского общества, хотя не исключено, что в данном случае его следует датировать несколько более поздним временем, а именно – IV – III вв. до н.э.

Во-вторых, во вьетском обществе существовали только неразвитые формы рабовладения. Поэтому речь может идти не о рабовладельческой формации, а лишь о существовании раннерабовладельческого общества или даже – общества с элементами раннего рабовладения.

В-третьих, с III и особенно с VI в. явственно прослеживается качественное изменение в развитии вьетского общества. И хотя данное качественное изменение нельзя с полной уверенностью связывать с феодальной формацией, для

определения вьетнамского общества, начиная с VI в. и далее используется термин «феодальный».

К сожалению, на сегодняшний день иного аргументированного определения системы частного землевладения с различными типами частно-зависимых и государственно или казённо-зависимых крестьян не существует. Поэтому, даже принимая точку зрения В.П.Илюшечкина о появлении сословно-классового общества в VI – IV вв. до н.э. и о существовании этого общества на протяжении древности и средневековья, нельзя ограничиваться только таким его определением, так как в этом случае всё сведётся лишь к формальной замене определения «азиатский способ производства» определением «сословно-классовое общество». Именно по этой причине для определения ключевых социально-экономических этапов развития вьетнамского сословно-классового общества до XI в. используются, быть может, и не совсем правомерно, такие понятия, как «ранний феодализм» и «феодализм».

3. *Периодизация культурной истории*

Наконец, периодизация культурной истории Вьетнама до конца X в. занимает промежуточное положение между периодизациями его политической и социально-экономической истории. Она также может быть разбита на несколько основных этапов, которые в свою очередь делятся на периоды.

А. VIII (VII) в. до н.э. – середина I в. н.э. Это этап становления автохтонной культуры *лаквьетов*, в рамках которого выделяются следующие важнейшие периоды.

а. VIII (VII) – конец III в. до н.э. Период формирования вьетской культуры на базе интенсивных культурных обменов в рамках «опрокинутого треугольника» южных территорий с основанием по реке Янцзы. Одновременно прослеживаются культурные контакты со значительно более удалёнными районами как на севере, так и на юге. Первоначально культурное влияние распространялось с юга на север, однако к

концу этого периода отмечается постепенное возобладание культурного влияния с севера на юг.

б. Конец III – конец II в. до н.э. Период максимального влияния имперской культуры в условиях независимого развития вьетского общества.

в. Конец II в. до н.э. – середина I в. н.э. Период развития вьетской культуры как фактора, блокирующего культурную ассимиляцию лаквьетов империей Хань.

Б. Середина I – конец IX в. Этап становления «сино-аннамитской» культуры, её оформления и перерастания в культуру вьетнамскую. Данный этап является ключевым для понимания особенностей формирования последней. По своему характеру он делится на несколько ключевых периодов, каждый из которых по-своему крайне важен.

а. С середины I по рубеж II – III вв. Переходный период, в течение которого сложились предпосылки для синтеза вьетской и китайской культур в условиях начала экспансии буддизма и возрождения даосизма в Южном Китае и Северном Вьетнаме.

б. С рубежа II – III по VI вв. Период формирования и развития «сино-аннамитской» культуры на базе вьетских и китайских компонентов в условиях упрочения позиций буддизма. Он характеризуется если не идентичностью, то максимальной близостью культурного развития Южного Китая и Северного Вьетнама, которые представляли собой в то время единый регион формирования восточноазиатского буддизма или буддизма школы Созерцания.

в. VI – конец IX вв. Период трансформации «сино-аннамитской» культуры в культуру вьетнамскую, который был связан с дальнейшим восприятием достижений китайско-буддистко-даосской культуры эпохи Тан. В результате вьетнамская культура, синтезировав элементы этой во многом светской культуры, не восприняла элементов конфуцианской культурной традиции, возрождение которой было связано с формированием в империи централизованного феодального государства. Именно поэтому к концу данного периода

отмечается значительное расхождение между ранними формами вьетнамской культуры и китайской культурой эпохи её расцвета в империи Тан.

Конец IX – начало XI в. Этот этап истории вьетнамской культуры в первую очередь связан с эпохой Дайковьета, в течение которой окончательно оформились сложившиеся на протяжении «Эпохи северной зависимости» тенденции культурного развития Вьетнама. При этом с началом правления первой общевьетнамской династии Ли главной особенностью этого этапа становится не только сохранявшееся доминирование буддизма школы Созерцания в религиозной и светской жизни общества, но и его превращение в идеологическую основу развития феодального государства.

4. ***Общие выводы по периодизации истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья***

Не сложно заметить, что все три вышеприведённые периодизации имеют существенные временные расхождения. До сих пор они либо не замечались, либо игнорировались как несущественные. Однако только их взаимоналожение позволяет предложить единую периодизацию ранних этапов вьетнамской истории, из которой понятно, почему во всём регионе юга Восточной Азии только Вьетнам сумел сохранить собственную государственность. В целом эта единая периодизация сводится к следующему.

1. Эпоха возникновения, становления и равномерного развития всех составляющих вьетского общества. То есть речь идёт о типичной для всех ранних обществ ситуации.
   1.1. VIII (VII) – конец II в. до н.э. Период самостоятельного развития лаквьетов в условиях зарождения и становления собственной ранней государственности.
   1.2. Конец II в. до н.э. – середина I в. н.э. Период самостоятельного развития лаквьетов в условиях административной и общественной автономии, мало чем отличавшихся от условий предыдущего периода.

2. Эпоха северной зависимости. Первая половина.
   2.1. Середина I – рубеж II и III вв.
      2.1.1. С точки зрения политической истории – это период максимальной зависимости вьетских территорий от империи Хань и южнокитайских царств.
      2.1.2. С точки зрения социально-экономического развития – это период выравнивания уровня развития Северного Вьетнама и Южного Китая.
      2.1.3. С точки зрения культурного развития – этот период связан с попыткой насильственного насаждения ханьской культуры, которой противостояла автохтонная вьетская культура.
   2.2. Рубеж II и III – VI вв.
      2.2.1. С точки зрения политической истории – это период минимальной зависимости вьетских территорий от южнокитайских царств.
      2.2.2. С точки зрения социально-экономического и культурного развития – это период, когда Северный Вьетнам и Южный Китай представляют собой единый регион.
3. Эпоха северной зависимости. Вторая половина.
   3.1. VII – середина VIII в.
      3.1.1. С точки зрения политической истории – это период резкого усиления зависимости вьетнамских территорий от общекитайских империй Суй и Тан.
      3.1.2. С точки зрения социально-экономического и культурного развития – это период достаточно условного единства Северного Вьетнама и Южного Китая.
   3.2. Середина VIII – конец IX в.
      3.2.1. С точки зрения политической истории – это период перманентного ослабления зависимости вьетнамских территорий от империи Тан, завершившийся их полным освобождением.

3.2.2. С точки зрения социально-экономического развития – это период образования «разрыва» между вьетнамским и китайским обществами, обусловленного тем, что первое не затрагивается процессами централизации государственной власти в империи. То есть речь идёт не о «разрыве» в уровне экономического развития, а о «разрыве» в уровне социальной организации общества.

3.2.3. С точки зрения культурного развития – это период намечающегося «разрыва» между вьетнамским и китайским обществами, который менее очевиден по сравнению с их «разрывом» в социальной организации. Наметившийся в этот период культурный «разрыв» был связан с тем, что вьетнамское общество, с одной стороны, воспринимало достижения светской буддистско-даосской культуры танского общества, а с другой – отторгало элементы конфуцианской культуры, возрождавшейся в империи.

4. Эпоха восстановления государственной независимости.

4.1. Конец IX – середина X в.

4.1.1. С точки зрения политической истории – это период феодальных междоусобиц и смут, а также начала становления национальной государственности.

4.1.2. С точки зрения социально-экономического и культурного развития – это период, когда постепенно увеличивающийся «разрыв» между вьетнамским и китайским обществами уже становится очевидным и не вызывает никакого сомнения.

4.2. Середина X – середина XI в.

4.2.1. С точки зрения политической истории – это период развития Вьетнама в рамках ещё

неустойчивого и относительно слабого раннефеодального государства Дайвьет.

4.2.2. С точки зрения социально-экономического и культурного развития – это период роста «разрыва» между вьетнамским и китайским обществами.

Таким образом, при внешнем сопоставлении китайского общества эпохи Сун (960 – 1279 гг.) с вьетнамским обществом эпохи династии Ли (1010 – 1225 гг.) создаётся впечатление, что последнее находилось на уровне развития первого в эпоху Тан (618 – 907 гг.) и что соответственно «разрыв» в их развитии достигает полутора – двух веков. Вероятно, это наблюдение и привело выдающегося французского учёного А.Масперо к ошибочному выводу о том, что Вьетнам был «китаизирован» именно в эпоху Тан [893; 897]. На самом деле если бы вьетнамское общество и могло было бы быть «китаизировано», то только в эпоху Хань. Но тогда оно было бы полностью ассимилировано и уже никогда не восстановило бы собственной государственности. Что же касается внешней культурной «китаизации» вьетнамского общества, то она связана лишь с его восприятием достижений светской культуры танского общества. При этом важно подчеркнуть, что именно в эпоху Тан, а именно – в VIII в. векторы развития вьетнамского и китайского обществ разошлись, в результате чего между ними и образовался вышеуказанный «разрыв».

Иными словами, речь идёт не о «разрыве» стадиального характера между обществом «вторичной» культуры, находившимся на стадии раннего феодализма, и обществом «первичной» культуры, уже вступившим в эпоху развитых феодальных отношений, а о разных направлениях развития двух обществ единого ареала родственных культур.

КОММЕНТАРИЙ

В «Комментарии» знаком «*» отмечены редакторские сноски к тексту. Авторские сноски специальных отметок не имеют.

Предисловие

[1] Учитывая диакритические знаки и знаки тонов, восстановить написание вьетнамских имён и названий из русской транскрипции практически невозможно. Более того, все вьетнамские документы до французской колонизации Вьетнама в конце XIX в. писались на иероглифике, которая вообще никак не соотносится с транскрипцией на русском языке.

[2] «Комментарий» в принципе является одним из ключевых элементов, превращающих научно-популярную работу или учебное пособие в научный труд. Именно в «Комментарии» сопоставляются различные гипотезы, данные источников и точки зрения других авторов, позволяющие делать наиболее обоснованные выводы касательно того или иного события.

[3] Об этих школах, о вышедших из них учёных и об их трудах, многие из которых до сих пор не потеряли своей актуальности, говорится во «Введении» «Тома I» «Полной академической истории Вьетнама». Об авторах же нашего «Проекта» можно узнать из кратких биографических справок, включённых в «Том VI». Здесь же хотелось бы только отметить, что наши вьетнамские авторы представлены учёными Института истории Вьетнамской Академии Общественных Наук (ВАОН).

[4] Под «Конфуцианским культурным ареалом» понимается ареал государств, находившихся под влиянием конфуцианской идеологии и пользовавшихся иероглифическим письмом, которое позволяло их элитам читать тексты, написанные иероглификой на языке любого из этих государств. Иными словами, речь идёт о государствах, находившихся на территориях Китая, Вьетнама, Японии и Кореи в древности и средневековье.

Представляется, что для обозначения комплекса родственных культур в эпохи древности и средневековья правильнее его называть не по имени того или иного современного государства, а по присущему ему религиозно-идеологическому содержанию, из которого в эпоху Возрождения выросла культура каждого из входящих в этот комплекс народов. Этот процесс, как вполне убедительно показал академик Н.И.Конрад, характерен как для Запада, так и для Востока [407].

При таком понимании исторических процессов представляется возможным выделить четыре основных культурных ареала: христианский, мусульманский, буддийско-индуистский и конфуцианский. При этом

первый и второй, равно как третий и четвёртый, нередко частично или полностью «накладываются» друг на друга.

[5] Часть иллюстраций представлена оригинальными рисунками, картами, схемами, реконструкциями и фотографиями как из французских, так и из вьетнамских музеев. Однако подавляющее большинство фотографий было сделано специально для «Полной академической истории Вьетнама» профессиональным фотографом С.П.Максютой, который проехал на машине весь Вьетнам с севера на юг. Точно также основные схемы и прорисовки были подготовлены на основании предоставленных в его распоряжение материалов дизайнером С.А.Фадеевым.

[6] Будучи директором Института востоковедения Российской Академии Наук (РАН), Р.Б.Рыбаков подписал 24.10.2008 г. приказ №07 по Институту о создании авторского коллектива по написанию «Полной академической истории Вьетнама», хотя ни для кого, ни тем более для него, не был секретом тот факт, что российская фундаментальная, в первую очередь – гуманитарная, наука финансируется по остаточному принципу, а потому РАН никогда не сможет изыскать средства для реализации такого «Проекта».

Введение

[1] В случае требующих пояснения расхождений между взглядами авторов глав настоящего тома и общей концепцией «Полной академической истории Вьетнама» или в том случае, когда какая-то проблема требует дополнительного освещения, они даются в специальных примечаниях в рамках «Комментария» или в постраничных сносках, имеющих обычный порядковый номер, после которого стоит символ «*».

[2] Помимо этих исследователей следует указать ещё и таких археологов, этнографов, лингвистов и историков, как Л.Безасье, А.Бонифацы, В.Голубев, М.Колани, Ж.Кюзинье, Ле Тхань Кхой, А.Парментье, А.Теон, а числе современных – Данг Фыонг Нги, Ф.Лангле и Н.Луи-Энар.

[3] В течение «французского» периода во вьетнамоведении целый ряд учёных других стран в своих исследованиях также использовали вьетнамский материал. Однако это были прежде всего археологи, как, например, Де Гроот, Р.Гейне-Гельдерн, О.Янсе, Б.Карлгрен, а в последующие годы – У.Сольхейм. Что касается самой истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья, то в США в конце 60-х годов и в 70-х годах XX в. появилось несколько статей американских учёных, в

которых в основном излагаются взгляды французских вьетнамоведов первой трети XX в.

[4] «Курс аннамитской истории» Чыонг Винь Ки был написан на французском языке на основе летописного свода «Запись истории Великого Вьета, полное описание» [1012] без учёта включённых в этот свод исторических легенд. Чыонг Винь Ки также использовал данные китайских источников. Эпоха древности описана в его работе достаточно поверхностно, при этом в становлении вьетской государственности подчёркивается роль Аулака как в период его независимого существования, так и во время его вхождения в состав Намвьета. Именно потому, что Чыонг Винь Ки принял европейскую (французскую) точку зрения о господстве китайских элементов во всех областях жизни вьетского общества на ранних этапах его развития, в своём труде он использовал в первую очередь китайские письменные источники и работы французских авторов. Поэтому в целом его «Курс аннамитской истории» по своему структуре весьма близок к произведениям вьетнамской историографической летописной традиции.

В 1926 г. в Ханое вышла работа До Динь Нгиема «Взгляд на историю Аннама» [760]. От «Курса аннамитской истории» эта публикация отличается лишь тем, что в ней были учтены данные «Отражения истории Вьета, основы [и] частностей, составленного по повелению императора» [239], а также новых работ по истории региона.

Первой же работой, аналогичной публикациям Чыонг Винь Ки и До Динь Нгиема, в которой рассматриваются вопросы древней и раннесредневковой истории Вьетнама и которая написана на вьетнамском языке, является монография крупнейшего национального буржуазного историка Чан Чаунг Кима «Краткое изложение истории Вьетнама», вышедшая первым изданием в Ханое в 1928 г. [1511]. В целом Чан Чаунг Ким придерживался периодизации вьетнамской истории, предложенной Нго Ши Лиеном в летописном своде «Запись истории Великого Вьета, полное описание» [236]. Опираясь на этот источник, он признаёт историчность включённых в него легенд. Иными словами, Чан Чаунг Ким не подвергает сомнению аутентичность сведений, которые содержатся во вьетнамских историко-мифологических сюжетах, включённых в национальные исторические источники. Точно также его оценка различных событий вьетнамской истории в целом совпадает с их оценкой в летописной традиции. Соответственно Чан Чаунг Ким выделил древнюю и раннесредневековую историю Вьетнама в две книги (главы), граница между которыми проходит по рубежу традиционного начала «Эпохи северной зависимости» [1511, с.28 – 41].

По своему характеру три указанные монографии вьетнамских авторов не могут считаться строго научными обобщающими работами. Они, скорее, занимают промежуточное положение между произведениями вьетнамской

летописной традиции и историческим исследованием в европейском понимании этого термина. Следует указать на то, что подобные работы уже появлялись во вьетнамской историографии конца XVIII – начала XIX в. до французского колониального завоевания и что они связаны с именами Ле Кюи Дона и Фан Хюи Тю [194; 195; 213, с.145, прим.2, 3, 4; 796, с.1 – 33].

Определённые элементы критической оценки событий содержатся даже в последнем вьетнамском династийном летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» [544, с.128 – 136]. Последнее, видимо, и побудило Д.В.Деопика отнести этот летописный свод к историческим сочинениям историографического характера [342, с.9 – 10; 19]. Однако это далеко не так. Если выстраивать на вьетнамских исторических сочинениях логическую цепочку перехода от традиционного летописания к современной исторической работе, то выявляется следующая последовательность:

1. Обобщение летописной традиции XV – XVIII вв. в последнем летописном своде, который был создан при дворе императоров династии Нгуен в 1856 – 1884 гг.
2. Первые вьетнамские сочинения исторического характера со значительным содержанием элементов традиционного летописания, написанные Ле Кюи Доном и Фан Хюи Тю в конце XVIII – первой половине XIX в.
3. Произведения, созданные на основе национальной летописной традиции при некотором влиянии французской исторической науки конца XIX – первой четверти XX в., или соответственно произведения Чыонг Винь Ки, До Динь Нгиема (на французском языке) и Чан Чаунг Кима (на вьетнамском языке).

[5] Одной из сложных проблем перевода иероглифических текстов является проблема перевода титулатуры, которую, как правило, просто транскрибируют. Однако это не решает проблемы, так как при транскрипции иероглифов из источников различных государств конфуцианского культурного ареала один и тот же термин имеет различные фонетические чтения (китайское, вьетнамское, японское или корейское). Поэтому правильнее не транскрибировать (что, конечно, проще), а переводить термины, пытаясь при этом выработать единую унифицированную систему их перевода.

Первая попытка такого перевода в советской науке была предпринята П.В.Познером, который предложил два варианта перевода титула 王: «правитель» или «князь-правитель». Второй вариант должен был подчеркнуть различие между этим титулом и титулом 君, который также переводился как «правитель» [544, с.172, 173, 176]. В следующей работе эти два титула были разграничены: титул 王 переводился как «король», а титул 君 – как «правитель» [550, с.524, 530]. Наконец, в своей последней

работе, связанной с публикацией и переводом текста «Книги Начальной» и «Предварительных записей» (пять книг) «Отражения истории Вьета, основы [и] частностей, составленного по повелению императора» [239.6], П.В.Познер пришёл к следующей, окончательной модели перевода титулов независимых государей по степени их важности:

1.帝皇 – император (*Хоангде, Хуанди*); 2. 王 – король (*Выонг, Ван*); 3.候 – маркиз (*Хоу, Хоу*); 4.公 – князь (*Конг, Гун*); 5.君 – правитель (*Куан, Цзюнь*); 6.主 – государь (*Тюа, Чжу*). Помимо этого, во вьетнамской специфической иероглифической письменности «ном» имеется иероглиф , нижняя часть которого представлена иероглифом *Бу* 布, а верхняя – иероглифом *Ван* 王. Такого иероглифа ни в «ханвьете», ни в «вэньяне» нет, а на «номе» он читается «*Вуа*» и переводится как «Император», составляя пару с термином «Государь» (6). (Уточнённый вариант перевода этих титулов смотри в «Приложении» к «Указателю специальных терминов и переведённых на русский язык наименований» в «Томе VI»).

Наконец, последнее. Начиная с середины пятидесятых годов XX в. в советском (российском) вьетнамоведении неоднократно менялись принципы транскрипции географических и этнографических наименований, что было связано с изменениями в грамматике вьетнамского языка. Так, например, название города Hà Nội транскрибировалось как «Ха-ной», «Ханой» и «Ха Ной», как теперь оно пишется по-вьетнамски. С этим названием всё очевидно, так как есть его устоявшееся написание на русском языке. Однако с другими названиями всё не так просто. Поэтому в «Полной академической истории Вьетнама» принято традиционное слитное написание географических и этнических наименований.

Также следует отметить, что вьетнамские имена традиционно транскрибировались по-русски тремя отдельными составляющими. Например, имя Đỗ Minh Cao транскрибируется как «До Минь Као», и хотя это не совсем верно, такая транскрипция сохранена и в настоящей работе. Дело в том, что вьетнамские имена, в основе которых лежит иероглифическое написание, ничем не отличаются по своей структуре от китайских, а согласно значительно более ранней транскрипции китайских имён на русский язык упомянутое имя должно транскрибироваться как «До Минькао» (高明杜).

В заключение следует также отметить, что до сих пор окончательно не выработаны принципы транскрипции ряда вьетнамских фонем на русский язык. Так из букв *o*, *ô* и *ơ* первую иногда транскрибируют как «о», а иногда как «ау»; из букв *a*, *ă* и *â* последняя иногда транскрибируется как «а», а иногда как «э». И таких примеров можно ещё привести некоторое количество.

Всё вышеизложенное относится к проблемам лингвистических споров, которые никоим образом не затрагиваются в «Полной академической истории Вьетнама». *Что же касается специальной терминологии, а*

также вьетнамских наименований и имён, то следует учитывать, что её авторы, как правило, их только транскрибировали тем или иным образом, тогда как перевод терминов и унификация транскрипции были осуществлены при общей редакции всех шести томов «Полной академической истории Вьетнама».

[6] Авторами этого тома были Ха Ван Тан, Лыонг Нинь, Фан Хюи Ле и Чан Куок Выонг.

[7] Краткий анализ проблемы приоритета вьетнамских или китайских источников по ранним эпохам вьетнамской истории непосредственно во «Введении» представляется целесообразным по той причине, что хотя в основной части работы эта важнейшая источниковедческая проблема рассматриваться не будет, её краткий анализ необходим для правильного понимания принципов работы авторов тома с источниками. Опирается же он на специальную монографию, посвящённую исключительно проблеме источников по древней и раннесредневековой истории Вьетнама [544].

[8] Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что как временные, так и географические границы «Главы 1» и «Главы 2» «Части III» настоящего тома достаточно далеко выходят за его рамки.

Что касается временных границ, то представляется, что разноска всего географического, этнографического и археологического материала по пяти томам «Полной академической истории Вьетнама» сделает его безликим и не позволит в полной мере использовать при описании социально-экономических процессов. Поэтому он помещён целиком в «Томе 1» перед началом характеристики ранних этапов социально-экономической истории Вьетнама.

В то же время известно, что этногенетические процессы и взаимодействие различных материальных культур во Вьетнаме не ограничивались только территорией этой страны. Они охватывали, особенно в доклассовую и раннеклассовую эпохи, всю Юго-Восточную и юг Восточной Азии. А их связи прослеживаются до Ближнего Востока на западе, до Центральной Азии на севере, до Японии на востоке и до Океании на юге. Поэтому представляется, что ограничиться при характеристике этногенетических процессов и материальных культур только территорией современного Вьетнама было бы как минимум неправильно.

Наконец, следует указать ещё на один момент. Уже сам заголовок «Параграфа 3» «Главы 1» «Части III» настоящего тома говорит о том, что этот параграф в значительной степени является компиляцией обобщающих коллективных монографий М.В.Крюкова, В.В.Малявина, М.В.Софронова и Н.Н.Чебоксарова [430; 431; 432; 433], а также обобщающих монографий Р.Ф.Итса и Я.В.Чеснова [392; 626]. В этих трудах сведены воедино

результаты всех исследований по антропологии и этнографии Юго-Восточной и юга Восточной Азии до конца второй трети XX в. Безусловно, использовались и иные работы как этих, так и других авторов, однако с момента публикации упомянутых исследований ничего принципиально нового по указанной проблематике в мировой науке не появилось.

[9] До последнего времени вьетнамские учёные также традиционно рассматривали историю Вьетнама лишь в его официальных границах на тот или иной исследуемый период. Однако надо полагать, что в течение первого десятилетия XXI в. этот подход значительно изменился. Теперь, по их мнению, исследование любого периода вьетнамской истории должно включать в себя изучение истории всех территорий, которые входят в состав современного вьетнамского государства. То есть исследование ранних периодов вьетнамской истории должно включать в себя изучение истории Центрального и Южного Вьетнама или, иными словами, изучение истории Тямпы и Фунани.

Это новое видение истории собственной страны отражено в многотомной истории Вьетнама, которая готовится к изданию в Ханое, а указанная точка зрения была высказана ведущими учёными СРВ 19 апреля 2011 г. на встрече-дискуссии с П.В.Познером в Институте Истории Вьетнамской Академии общественных наук.

Разделяя в целом точку новую позицию вьетнамских учёных, авторы первого и второго томов «Полной академической истории Вьетнама» включили в «Заключение» каждого из двух томов «Очерк истории королевства Тямпа и древних государств на территории Южного Вьетнама». Но наиболее полно древнее единство территорий современного Вьетнама отражено в главах, посвящённых археологии.

На вышеупомянутой встрече-дискуссии вьетнамские учёные также согласились с тем, что с 257 по 111 г. до н.э. территории Северного Вьетнама являлись независимой федеративной частью царства Намвьет (Нанъюэ) со столицей в городе Фиенгу (Паньюй или современный Гуанчжоу), которое находилось в южнокитайских провинциях Гуанси и Гуандун. Однако, по вполне понятным политическим причинам, они не могут позволить себе рассматривать его историю в рамках древней истории Вьетнама. Формально это мотивируется тем, что на сегодняшний день территории Гуанси и Гуандуна не входят в состав Вьетнама.

Кроме того, на той же встрече – дискуссии выяснилось, что вьетнамские учёные изменили свою точку зрения на эпоху зависимости вьетнамских территорий от различных общекитайских империй и южнокитайских царств («Эпоха северной зависимости»). Прежде она безоговорочно датировалась временем со 111 г. до н.э. по 939 г. н.э. и описывалась как единый период безусловного господства Китая над Вьетнамом. Теперь же мнение вьетнамских учёных по этой проблеме, как и по проблеме южнокитайских территорий в эпоху царства Намвьета, в целом совпадает с

точкой зрения советских (российских) вьетнамоведов, которая в первоначальном варианте была впервые сформулирована ещё в 1980 г.

[10] В «Параграфе 2» «Введения» специальные термины приводятся в транскрипции так, как это делали авторы, работы которых рассматриваются в этом параграфе. После каждого термина в скобках даётся его перевод на русский язык. Во всех остальных разделах «Полной академической истории Вьетнама» все специальные термины приводятся только в переводе на русский язык, а их иероглифическое и вьетнамское написание вместе с вьетнамской и китайской транскрипциями на русском языке даются в «Указателе специальной терминологии и переведённых на русский язык наименований».

[11] В качестве примера следования позиции А.Масперо и сведениям китайских источников при отрицании достоверности данных вьетнамских летописных сводов по проблеме династии Ранняя Ли в советском вьетнамоведении можно назвать работу И.Н.Машкиной, в которой эта проблема весьма тщательно рассмотрена [472, с.44 – 54].

[12] Перевод этого летописного свода на русский язык был впервые опубликован А.Б.Поляковым под названием «Краткая история Вьета» [36]. Ему же принадлежит и детальный текстологический анализ этого памятника, позволяющий по-новому увидеть различные аспекты вьетнамской истории XI – XIII вв. [36, с.9 – 108].

Тем не менее представляется, что перевод названия памятника не совсем точен. Иероглиф 略 действительно переводится как «краткий», но, учитывая специфику развития вьетнамского летописания в XI – XV вв., правильнее было бы переводить этот иероглиф как «Краткое [изложение]», так как полная история образовывалась суммарными сведениями официальной и неофициальной буддийских историографических традиций, синтез которых произошёл во Вьетнаме в рамках неоконфуцианства в XV в. Соответственно при существовании термина «Краткое [изложение]» в названии буддийского летописного свода XIV в. появление термина «Полное описание» 書全 в названии неоконфуцианского летописного свода XV в. вряд ли может носить случайный характер.

Что же касается иероглифа 大 «Великий», то А.Б.Поляков совершенно верно указал на то, что поскольку в то время вьетнамское государство называлось «Дай Вьет» 越大, этот иероглиф по неизвестным причинам был опущен позднейшими переписчиками этого летописного свода.

Поэтому более точный перевод названия этого летописного свода – «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета».

[13] В поздних источниках книги, или, как их иногда называют, главы (卷 кит. *Цзюань*, вьет. *Кюен*), более или менее одного объёма. Однако в ранних источниках ситуация несколько иная, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, как это показало исследование А.Б.Полякова [36, с.9 – 108], книги внутри «Краткого [изложения]» значительно отличаются друг от друга по объёму. Во-вторых, это же исследование показало, что 3 книги «Краткого [изложения]» мало отличались по объёму от 30 книг летописного свода Ле Ван Хыу. Приблизительно стабильный объём книги во вьетнамских летописных сводах установился лишь в XV в. с появлением свода Нго Ши Лиена, что подтверждается его сопоставлением с последним национальным летописным сводом Фан Тхань Зяна.

[14] Возможность такой редакции в конце XIV в. не исключена, так как внешне весь памятник достаточно однороден и его градация на три принципиально разные части оказалась возможной лишь в результате тщательного текстологического исследования. То есть очевидно, что определённая унификация всего текста имела место быть. Однако была ли эта унификация проведена полностью Чан Тю Фо в начале XIII в. или же она была доведена до конца автором списка девизов правлений династии Чан в конце XIV в. – неизвестно.

В названии этого летописного свода особый интерес представляет сочетание иероглифов 記史 (*Ши цзи*, *Ши ки*), которое в российском китаеведении принято переводить как «Исторические записки», а само это название вызывает немедленную ассоциацию с великим историческим сочинением Сыма Цяня. Однако этот перевод не является каноническим. Так, на французский язык название произведения Сыма Цяня переводится как « Les Mémoires Historiques » [96][1], что в принципе не соотносится с «Историческими записками». Само сочетание этих иероглифов в наименовании того или иного вьетнамского летописного свода, свидетельствует о влиянии Сыма Цяня и конфуцианства ханьского толка на авторов этого свода, тогда как их исчезновение и появление в наименовании свода иероглифов 監通 (*Тун цзянь*, *Тхонг зям*) и 目綱 (*Ган му*, *Кыонг мук*) или понятий «Отражение» и «Основа – частности» говорит о влиянии неоконфуцианства в его чжусианской форме.

Таким образом, если отдельно взятое название «Исторические записки» не вызывает особых возражений, то названия «Исторические записки Дайвьета», «Полное собрание исторических записок Дайвьета», «Полные исторические записки Дайвьета» или «Исторические записки Дайвьета, полное описание» представляются не самыми удачными. Тогда как в общем контексте вьетнамского летописания названия «Запись истории Великого Вьета» и «Запись истории Великого Вьета, полное описание»

[1] Исторические мемуары.

более точно отражают изменение идеологической составляющей структуры этих летописных сводов.

Вероятно, подобная интерпретация устоявшегося в российском китаеведении названия вызовет возражения. Однако эти разногласия не представляются столь принципиальными. Важно лишь понимать, что речь идёт об одном и том же термине 史記 (*Ши цзи*, *Ши ки*), который переводится в наименовании китайских произведений как «Исторические записки», а в названиях вьетнамских – как «Запись истории».

[15] Сопоставление сводов «Краткое [изложение] истории [Великого] Вьета» и «Запись истории Великого Вьета, полное описание» позволило А.Б.Полякову выявить в последнем значительную лакуну при описании перехода власти от династии Ли к династии Чан в 1225 г. [36, с.9 – 108]. В «Кратком [изложении]» этот период, связанный с правлением императрицы Блистательной династии Ли, описан достаточно подробно, что позволяет выявить основные этапы захвата власти феодальным родом Чан. Учитывая, что Нго Ши Лиен при описании этого периода опирался на свод Ле Ван Хыу – Фан Фу Тиена, А.Б.Поляков делает вполне закономерный вывод о том, что историограф династии Чан, Ле Ван Хыу, в своём своде «Запись истории Великого Вьета» сознательно опустил события 1225 г., а историограф династии Ле, Фан Фу Тиен, начиная свои «Дополнительные записи» 1225 г., следовал установившейся при Чанах версии прихода этой династии к власти.

[16] Роль письменных источников в данном регионе определялась концепцией цикличности развития культуры человечества, при этом подъём развития в начале каждого цикла завершался к концу историко-мифологической эпохи становления общества. Исторический же период развития общества, отражённый в письменных династийных источниках, оценивался как эпоха перманентной «деградации». Таким образом, каждый предыдущий этап исторического развития рассматривался по морально-этическим показателям как более прогрессивный по сравнению с последующим. Отсюда – роль письменных источников как аккумулятора конкретных примеров противоборства добра и зла в предшествующие более прогрессивные эпохи [1063; 1064].

[17] Проблема взаимосвязи структуры династийных летописных сводов с государственной идеологией стран конфуцианского культурного ареала, затронутая выше в примечаниях 12 – 16, является предметом детального анализа в соответствующих разделах последующих томов «Полной академической истории Вьетнама», которые посвящёны событиям вьетнамской истории XII – XIX вв.

[18] Одной из сложнейших проблем I – IX вв., почти не получившей освещения ни во вьетнамских, ни в китайских источниках, являются социально-экономические процессы, протекавшие во вьетнамском обществе «Эпохи северной зависимости». Ничем не лучше обстоят дела и с исследованиями данной проблемы по начальному периоду окончательного восстановления независимости Вьетнама (конец IX – начало XI в.). Однако при исследовании этого периода вьетнамской истории ситуация с источниками представляется более обнадёживающей. Социально-экономические процессы, характерные как для начального, так и для последующих периодов «Эпохи северной зависимости», завершились в первый век правления династии Ли (1010 – 1225 гг.). Поэтому описание реформ в области налогообложения, организации общины, государственного аппарата и других реформ в эпоху династии Ли в XI – XII вв. позволяет в той или иной степени судить об организации вьетнамского общества предыдущей эпохи его развития. Такого рода «интерполяция» является чуть ли не единственным способом исследования социально-экономических процессов во Вьетнаме IX – X вв. И здесь роль вьетнамских исторических памятников трудно переоценить, так как именно они являются единственным источником сведений по социально-экономическим мероприятиям династии Ли.

[19] Сведения о вьетских государствах на территории Северного и северной части Центрального Вьетнама и о завоевательных походах имперских войск против этих государств в III – II в. до н.э., содержащиеся в данной группе китайских источников, полностью приведены в исследовании Л.Оруссо, причём как в переводе, так и в оригинальном иероглифическом написании. Поэтому в настоящем томе при использовании данных китайских источников этой группы в ссылке указывается соответствующая страница монографии французского учёного.

[20] «Исторические записки» по традиции приписываются Сыма Цяню, который является автором основной части их текста. Однако эта работа была начата ещё его отцом, Сыма Таном. В неё также входят написанные в последующие века комментарии, с которыми «Исторические записки» образуют единое целое. Кроме того, необходимо отметить, что Сыма Цянь хоть и наследовал титул своего отца Главный придворный историограф династии Хань, создал «Исторические записки» как авторское произведение, а не как официальный летописный свод династии Хань, каковым является «Книга Ранней Хань» Бань Гу. Правда, принципы летописания, введённые в оборот Сыма Цянем, оказали сильнейшее влияние на Бань Гу и последующих имперских историографов.

[21] Термин «книга» 書 (*Шу*, *Тхы*) иногда переводят как «история», а династию Ранняя Хань нередко называют Западная Хань.

[22] Л.Оруссо предполагает, что эти «Записи [об] округе Гуан» являются произведением либо Гу Вэя династии Цзинь (III – V вв.), либо Пэй Юаня (V в.). Он также указывает на то, что имеется ещё несколько произведений с аналогичным названием, однако в данном случае речь скорее всего идёт о сочинении Гу Вэя. Что же касается «Господина Яо», то это, вероятнее всего, Яо Вэньсянь, автор утерянных «Записок [об] округе Цзяо», которые были написаны в V – VI вв. Таким образом, Л.Оруссо предполагает, что цитата из этого памятника была сначала воспроизведена в «Записях [об] округе Гуан» Гу Вэя, а затем взята оттуда Сыма Чжэнем (VIII в.) и включена в его «Поиски скрытого [в] "Исторических записках"» [651, с.209, прим.1, с.213, прим.3].

[23] Д.В.Деопик предположил, что авторы этого памятника и его комментаторы были уроженцами юга и даже, возможно, вьетами [342, с.74].

[24] К сожалению, сами записи имперских наместников не сохранились. Однако известны названия ряда их произведений, цитируемых в китайских источниках К ним прежде всего относятся «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», «Записи [об] округе Цзяо» Яо Вэньсяня, а также ряд других произведений наместников второй половины «Эпохи северной зависимости», о которых пойдёт речь ниже при упоминании их авторов в «Части II» настоящего тома.

[25] В 880 г. имперские войска окончательно ушли с вьетских территорий, что практически знаменовало собой восстановление независимости. С этого времени китайские историографы располагали лишь информацией, связанной с вьетнамо-китайскими отношениями и военными экспедициями против независимого вьетнамского государства. Информация же о его внутриполитическом положении, как это показывает анализ синхронных событиям китайских династийных летописных сводов [257.15], была им недоступна уже с конца IX в. Таким образом, китайские памятники по истории Вьетнама конца IX в. и далее по своему характеру примыкают к первой группе китайских источников (описание событий по 44 г.). Но их роль в изучении вьетнамской истории значительно меньше, так как в это время (X – XI вв.) происходит возрождение официальной вьетнамской историографической традиции, не говоря уже о продолжавшем развиваться параллельно ей неофициальном храмовом летописании.

[26] Это относится не только к китайским и вьетнамским древним и средневековым текстам, но и к японским, корейским и другим текстам, написанным на классической иероглифике.

[27] Все вьетнамские источники и исторические произведения, создававшиеся на протяжении всего исследуемого периода на территории Северного Вьетнама (Схема, пп.1, 2, 3, 6, 8), рассматриваются отдельно в «Части IV» настоящего тома «Полной академической истории Вьетнама».

[28] Например, такие хроники как «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», «Записи [губернаторской] резиденции округа Цзяо» и «Записи [об] округе Цзяо».

[29] В качестве примера этой традиции можно назвать буддийскую хронику «Собрание высказываний выдающихся святых [из] Сада Дхъяны», написанную в первой половине XIII в. и отредактированную не позднее 1337 г. [1009, с.193 – 196].

[30] Примерами этой традиции являются хроники «Запись истории» До Тхиена и «Записи [о] Вьете» Чан Тю Фо (смотри выше о «Кратком [изложении] истории [Великого] Вьета»).

[31] Первое произведение: летописный свод «Запись истории Великого Вьета» Ле Ван Хыу.

[32] Первое произведение: летописный свод «Запись истории Великого Вьета, полное описание» Нго Ши Лиена.

[33] «Собрание таинств [и] чудес земли Вьет» Ли Те Сюена и «Удивительные сказания [о] Линьнаме» Чан Тхе Фапа. Эти два памятника содержат многие сведения, содержащиеся в группах источников, которые указаны в «Схеме» под подпунктами 1, 2, 3 и 6 («Том I», с.67).

Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама

[1]* Данную статью лишь с большой натяжкой можно называть «Кратким очерком географии и этнографии Вьетнама», так как большая часть его «этнографической» части посвящена всему Индокитаю, в которой материал наиболее изученных регионов интерполируется Я.В.Чесновым на весь полуостров. Такой подход к проблеме межэтнических связей и взаимовлияний горных народов Индокитая вполне оправдан, так как даже в настоящее время, не говоря уже о древности и средневековье, государственные границы для этих народов носят достаточно условный характер.

Точно также, если исходить из хронологии, то «Параграф 1» и «Параграф 2» настоящего очерка должны были бы входить в предисловие «Тома V», а «Параграф 3» – предварять «Главу 1» «Части I» «Тома I». Но,

так как «Полная академическая история Вьетнама» рассчитана не только на вьетнамоведов, то представляется, что предварительная характеристика условий, в которых происходил генезис вьетнамского народа и протекали события его истории, значительно облегчит восприятие всего материала для неподготовленного читателя.

Последнее тем более верно, что с конца эпохи мезолита, не говоря уже о начале исторического периода вьетской, а затем и вьетнамской государственности (VIII – VI вв. до н.э.), ни климат, ни флора, ни фауна страны принципиально не изменились.

[2]* Бакбо, Чунгбо и Намбо, или, по французской классификации, Тонкин, Аннам и Кохинхина. В этих названиях термин «бо» (bộ 部) со значением «часть» заменил в XX в. архаичный термин «ки» (kỳ 圻) со значением «предел». В данном случае термин «бо» (часть) и термин «ки» (предел) являются синонимами, которыми обозначается ограниченная определённым образом территория страны. Поэтому наиболее правильно переводить эти названия как «Северная область», «Центральная область» и «Южная область».

[3] В «Параграфе 1.3» и «Параграфе 1.4» настоящего очерка речь идёт исключительно о дикорастущих растениях, диких животных и полезных ископаемых как о природном явлении. Что же касается окультуренных растений, животноводства и добычи полезных ископаемых в современном Вьетнаме, то о них речь пойдёт в соответствующих разделах «Тома V».

[4]* Как можно судить из контекста «Параграфа 2» и «Параграфа 3» они в основном представляют собой краткое обобщение монографий Р.Ф.Итса и Я.В.Чеснова [392; 626], дополненное рядом выводов коллективных монографий М.В.Крюкова, В.В.Малявина, М.В.Софронова и Н.Н.Чебоксарова [430; 431; 432; 433]. Это связано с тем, что в указанных монографиях было изучено, переработано и творчески дополнено всё, что уже было сделано к последней трети XX в. в мировой науке по антропологии и исторической этнографии описываемого региона. С того времени ничего принципиально нового в мировой науке по данной проблематике не появилось.

[5] Эта деревня считается бедной, так как из-за очень крутых горных склонов в ней крайне мало сельскохозяйственных земель. Тем не менее её жители более зажиточны, имеют лучшие дома, лучше одеваются и питаются, чем их соседи. При этом интересно отметить, что если прежде деревенская ремесленная продукция обменивалась на рис, то уже в середине XX в. она преимущественно продавалась за деньги.

[6] Интересно отметить, что у *южных чинов*, где торговля не так развита, торгуют лишь с теми из соседей, у которых берут жён. У *северных* же *чинов* это правило получило уже совершенно иной оттенок. Треть браков аристократической верхушки заключается в относительно удалённых деревнях, что мотивируется стремлением к расширению торговли.

[7] Речь идёт о бронзовых котлах, гонгах, железных копьях, серебряных и золотых женских поясах, серебряных браслетах и серьгах, шёлке для одеял, бусах, больших вазах для алкогольных напитков, которые используются во время коллективных пиршеств, и многом другом.

[8] Горцы Северного Таиланда поставляли на равнину чай, ротанговые циновки, железо и кованные из него предметы, а также лесные продукты, в том числе – дрова. Горцы Лаоса поставляли в Луанпрабанг дрова, уголь, бананы и банановые листья, бамбуковые ростки, ротанг, воск, мёд, коренья, съестную зелень из леса, лекарственные растения, сахарный тростник, листья перца-бетеля, чили, тыквы, кукурузы, а также корзины, циновки, щётки, плетёные табуреты и подносы, продавали лак, опиум и ароматические вещества. В обмен же они получали рис, соль, одежду ткани, оружие, железные изделия, прежде всего – топоры, утварь, одеяла, керамику, реже – предметы роскоши.

Речь идёт о таких народах, как *тин* и *лава* в Таиланде, *кхму*, *ламеты* и ряд других в Лаосе. При этом надо учитывать, что каждый из этих народов продавал и покупал не весь комплекс вышеперечисленных товаров, а лишь ту его часть, на производстве которой он специализировался [626, с.75, 76].

[9] В обществах, занимавшихся поливным рисоводством на аллювиальных равнинах, в частности – во вьетском, рабовладение, как это показано в главах «Части III», не получило значительного развития. В этих обществах рабы использовались лишь для выполнения тяжёлых неквалифицированных работ, а также для обслуживания знати.

[10] Не исключено, что роль горцев Индокитая является в определённой степени аналогичной роли варварских германских и славянских племён в крушении рабовладельческого мира на Западе. Безусловно, это лишь гипотеза, но лишь она удовлетворительно объясняет факты, полученные в результате анализа этнокультурных систем Индокитая.

[11] К этому периоду можно отнести выделение региона юга Восточной Азии, в первую очередь – его южных территорий) вместе с Северным Вьетнамом и, возможно, Северным Лаосом в особую зону, или историко-этнографическую область, подчинённую историко-этнографической области Индокитая, которая в свою очередь является областью второго порядка по отношению ко всей Юго-Восточной Азии.

К этому же или несколько более раннему периоду можно отнести и окончательное формирование основных хозяйственно-культурных типов в регионе: 1. равнинные оседлые земледельцы с выращиванием злаковых культур; 2. приморские собиратели-рыболовы, оставившие раковинные кучи; 3. лесные и неспециализированные собиратели, представленные жителями пещерного Хоабиня и постепенно исчезнувшие на протяжении эпохи бронзы [626, с.24, 25].

[12]* Проблема первого очага, или очага хуаской культуры, выходит за рамки данной работы. Следует лишь указать на то, что она была детально изложена в монографии М.В.Крюкова, М.В.Софронова и Н.Н.Чебоксарова [430].

[13]* Речь идёт о своеобразном «противостоянии» территорий современного Китая к северу от междуречья Хуанхэ и Янцзы с центром в Пекине и к югу от бассейна Янцзы с центром в Гуанчжоу.

В связи с этим следует ещё раз указать на то, что г.Гуанчжоу в своё время являлся столицей древнего вьетского царства Наньюэ (Намвьет). В то время этот город назывался Паньюй (Фиеннгу). При этом даже сегодня там говорят на диалекте, который не понимают в Пекине и понимают в Северном Вьетнаме.

Смотри «Главу 3» «Части I» настоящего тома.

[14] В XVI – XVII вв. у горцев сложились столь дружественные отношения с тямами, что вплоть до конца XIX в. в деревнях *эде*, *кохо* и *ма* бережно хранились сокровища скрывавшихся у них тямских королей [626, с.62].

[15] «Садет» – это лаосская форма кхмерского слова «сдагт», которое переводится как «король».

[16] Тибето-бирманское государство в Юньнани. В IX в. Наньчжао сумело захватить территорию Северного Вьетнама, но затем его армия была разгромлена объединёнными силами вьетнамских феодалов и войсками имперского губернатора Гао Пяня. По сути, этими событиями знаменуется начало периода восстановления независимости вьетнамского государства. Смотри «Главу 3» «Части II» настоящего тома.

[17] *Цяны*, или, как они себя называли с VIII в., *мранма* – это известный с древности народ Восточного Тибета, занимавшийся земледелием и скотоводством. Они пришли в северо-восточную Бирму с севера через территорию Наньчжао.

[18] В этом случае 掌南 «Намтъыонг» – это синоним 詔南 «*Наньчжао*». При этом в использовании титула-названия «тъыонг» или «чжао» в названии

государства усматривается аналогия с использованием этнонима 越 (*юэ, вьет*) в названии древнего вьетского царства 越南 (*Наньюэ, Намвьет*). В таком случае можно предположить наличие весьма распространённого дихотомического деления раннегосударственных образований в Юго-Восточной Азии [626, с.67].

Археология Вьетнама

[1] В КНР в последние годы разработана своя классификация бронзовых барабанов, которая стала основой полемики о том, что бронзовые барабаны происходят не с территории Вьетнама, а с территории Китая. Тем не менее нет никакого сомнения в том, что в КНР наиболее древние барабаны типа I, которые находят на юге провинции Юньнань недалеко от Северного Вьетнама, связаны с древними вьетами.

[2] Хуай-и 夷淮: дословно – «Варвары Хуай», так древние китайцы называли народ, живший к юго-востоку от них на реке Хуайхэ в провинции Аньхуй. Это название было условно принято западными авторами для обозначения южного стиля китайской бронзы региона реки Янцзы.

[3] М.Колани относила к палеолиту нижние слои хоабиньских памятников, что в дальнейшем было отвергнуто.

[4] Яванский человек, или питекантроп, обитал на острове Ява в Индонезии. Кости яванского человека были обнаружены Э.Дюбуа в 1891 – 1893 гг. Его возраст оценивается около семисот тысяч лет до нашего времени. Питекантроп является региональной разновидностью архантропа – человека прямоходящего, подобно синантропу или пекинскому человеку в Китае и гейдельбергскому человеку в Европе. Он традиционно рассматривался как промежуточное звено между австралопитеками и неандертальцем, хотя в последнее время появилась точка зрения, что питекантроп является тупиковой ветвью человеческой эволюции.

[5] Техника отщепов, получившая название по стоянке Клектон-он-Си в английском графстве Эссекс, где материалом для отщепов служили куски кремня близких к полузаготовкам форм.

[6] Шелльская техника, получившая своё название по находкам в северной Франции, приблизительно датируется временем в 700 – 300 тыс. лет до нашего времени. Для Шелльской культуры характерны рубила, массивные отщепы, чоперы, чопинги. Ашельская техника получила название по находкам в Сент-Ашель на севере Франции, где Ашельская культура датируется временем в 400 – 100 тыс. лет до нашего времени,

подразделяясь на Древнеашельскую, Новоашельскую и Верхненашельскую. Для ашельской техники харктерны ручные рубила, оббитые с двух сторон, грубые рубящие орудия и клектонские отщепы.

[7] В 1989 году советский археолог А.Е.Матюхин предположил, что находки на горе До и на памятнике Нуонг относятся не к раннему палеолиту, а являются полузаготовками мастерской неолитического времени или периода бронзы, где орудия подвергались только первоначальной обработке. Эта точка зрения обсуждалась вьетнамскими археологами. Тем не менее на настоящий момент она отвергнута, а гора До прочно вошла во вьетнамские и зарубежные издания по археологии как палеолитический памятник. Её следует считать таковым прежде всего по архаическому анализу нуклеусов. Как считают Н.К.Аниксюткин и В.И.Тимофеев, работавшие многие годы с палеолитическим материалом Вьетнама, предложение А.Е.Матюхина «неприемлемо» [273, с.22].

Кроме того, еще при первоначальной оценке и датировке этого памятника П.И. Борисковский выдвигал гипотезу о мастерской и сам же отверг её на основании следующих факторов. Прежде всего, здесь нет шарообразных отбойников, используемых при первоначальной обработке камня. Мало отщепов, полученных в результате первоначальной обивки. Большинство отшепов имеет следы предшествующих сколов. Нуклеусы отличаются от хоабиньских, или неолитических. И, наконец, важным доводом является сходство индустрии с горы До с шелльскими и раннеашельскими памятниками Индонезии, Малайзии и Европы.

Совсем неподалёку от горы До найдена неолитическая мастерская в Донгкхой. Однако найденные здесь отщепы совершенно отличны от отщепов на горе До. Они имеют более острые рёбра и углы, меньшее изменение цвета поверхности, маленькие ударные площадки. Таким образом, никаких оснований для того, чтобы считать этот памятник неолитической мастерской, не имеется. В своём письме от 17-го июля 2011 г. автору настоящего раздела заместитель начальника Отдела камня Института археологии ВАОН Чинь Нанг Тюнг также поддержал точку зрения, согласно которой гора До безусловно является палеолитическим памятником.

[8] Существуют разные идеи о том, куда следует относить культуру Хоабинь: к мезолиту или неолиту. Доводом в пользу последнего является появление примитивного выращивания растений, шлифовки и керамики на её заключительном этапе. Тем не менее, поскольку для большинства памятников этой культуры шлифовка и керамика нехарактерны, она типологически относится к мезолиту.

[9] Это разнообразие дало основание вьетнамским учёным для нередкого выделения многочисленных культур одним или несколькими памятниками.

В данном очерке рассматриваются лишь наиболее значительные из них по количеству материала культуры.

[10] Фам Ван Кинь, Куанг Ван Кай, Райнеке и Насимура [1429; 1584] относят культуру Хоалок к неолиту, тогда как ряд других учёных полагает, что она является культурой периода металла [1543; 1531.3].

[11] Дело в том, что Ч.Хайхем практически одинок в своей теории развития бронзового века из Северного Китая фактически без участия Южного Китая, что само по себе уже невозможно. Он основывается на некоторых ранних датировках китайских археологов, которые, в отличие от материалов Северного Таиланда, никто не проверял даже в самом Китае, и на работах Чжан Гуанчжи, которые для западных археологов остаются единственным теоретическим и практическим источником для материала по китайской археологии. Между тем У.Мичем, самостоятельно работавший в Южном Китае, показывает полную несостоятельность теорий Чжан Гуанчжи, которые и сам их автор в последние годы был вынужден несколько скорректировать. Чжан Гуанчжи, принадлежащий к сформировавшейся ещё в довоенный период школе китайских археологов, предерживается моноцентристских взглядов на развитие цивилизации в Китае. Его основная теория (концепция «луншаноидной экспансии») предлагает распространение «передовых» позднеолитических культур из долины Хуанхэ на юг Китая, принося передовые технические знания. При этом следует учитывать, что последние находки в Лянчжу полностью опровергают теорию «луншаноидной экспансии», от которой Чжан Гуанчжи так никогда и не отказался [442.1, с.37 – 185; 1104, с.101 - 109; 1105c, с.89 – 106; 1106, с.215 – 216; 1139, с.125 – 128].

[12] Как уже отмечалось в историографическом разделе, археологические исследования в Кампучии были одними из первых в Восточной и Юго-Восточной Азии. Они фактически прекратились на долгое время с начала Второй мировой войны и до конца гражданской войны в Кампучии. Поэтому вплоть до XXI в. доисторический период археологии этой страны от каменного до железного века был белым пятном на фоне развивающейся археологии соседних Таиланда и Вьетнама. Большой проблемой также являются и нелегальные раскопки, которые спонсируются из-за рубежа и проводятся местными жителями с целью извлечения доходов.

[13] Исследования доисторической Кампучии показывали, что, по крайней мере, с периода бронзы её материальная культура обнаруживает преемственность как до периода Ангкора, так и позже, вплоть до современности, при этом зачастую даже места поселений те же, что и в древности. Согласно М.Транэ, современные кхмеры это тот же народ, что и в древности, только претерпевший индианизацию [1582, с.35 – 37].

Происхождение мон-кхмерских народов, скорее всего, следует искать в Индонезии, и хотя они относятся к аустроазиатам, они также являются близкими родственниками аустронезийцев, что подтверждается и их генетическими исследованиями [1582, с.6 – 9]. С другой стороны, вьеты и тайцы абсолютно отличны от кхмеров по внешнему облику и относятся к северным аустроазиатам, и кроме того, как уже отмечалось, бронзовая культура Юньнани сходна с бронзовой культурой Северного Вьетнама. Таким образом, можно предполагать, что этническая принадлежность древнего населения Юньнани, являвшегося также прародиной тайцев и северных аустроазиатов, была близка к вьетам [1582, ил.159].

[14] Термин «индо-тихоокеанские бусы» был введен П.Фрэнсисом Младшим для обозначения стеклянных и сделанных из естественных минералов рубленных бус, распространённых преимущественно в районе Индийского и Тихого океанов (Indo-Pacific beads). Изучению этого, одного из наиболее часто встречаемых объектов торговли и обмена посвящён ряд сравнительных исследований, созданных главным образом в последние годы [660; 1052; 1097.1].

[15] Автор данного раздела с 2003 года одним из первых начал исследование доисторического периода прошлого Камбоджи, прежде всего с разведки памятников в северо-западной части страны, где гражданская война продолжалась наиболее долго, в провинциях Бантей Менчей и Оддар Менчей, а также в провинции Сием Реап, где находится Ангкор. Подробнее смотри отчёт о раскопках [1097.2].

[16] «Кенди» имеют круглый или фигурный «амфорообразный» корпус с узким горлышком, отогнутым, как правило массивным венчиком и прямым или изогнутым фигурным сливом без ручки. Они закрываются вогнутой вовнутрь крышкой с круглой ручкой.

Часть I

Глава 1

[1] Во вьетнамоведении также высказывалась точка зрения, согласно которой «все народы, жившие к югу от Янцзы, назывались, по крайне мере до XII в. до н.э., китайским термином *цзяочжи*» [486, с.136, 137]. Однако эта точка зрения ошибочна, так как в столь отдалённое время области к югу от Дунтина не имели каких-либо прямых контактов с ареалом хуаской цивилизации.

[2] В текстах летописных сводов используется термин «10 тысяч», что в данном контексте означает «множество».

[3] Тексты из «Краткого [изложения] истории [Великого] Вьета» приводятся в переводе А.Б.Полякова [36].

[4] В летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» сообщается следующее:

«В "Предварительных записях" "Основы [и] частностей" Цзиньлюй Сяна [говорится]: "В год [Самца] Зелёной Обезьяны, 5-ый год правления Тан-Яо, династия Вьеттхыонг прибыла ко двору, поднесла [в дар] духа-черепаху.

Примечание

Дух-*черепаха*: Во "Всеобщих записях" Чжэн Цяо [сказано]: "Правление Тао-Тан, юг принадлежал династии Вьеттхыонг, [она] дважды посылала [послов], поднесла [в дар] духа-черепаху; та черепаха жила тысячу лет, [она] была размером более 0,96 м[1], на спине были [начертаны] письмена-головастики, [которыми] были записаны [все события] с сотворения мира; Яо повелел [их] переписать, назвал "Календарь Черепахи"».

Это событие датируется 2357 – 2258 гг. до н.э. Оно относится к вьетской историко-мифологической традиции, которая рассматривается ниже в связи со становлением вьетской концепции Поднебесной [239.6, с.245].

Цзиньлюй Сян: учёный-конфуцианец эпохи Юань. В конце XIII в. он написал раздел «Предварительные записи» летописного свода Чжу Си.

Чжэн Цяо: чиновник-конфуцианец эпохи Сун. В XII в. он написал хронику «Всеобщие записи» объёмом в 200 книг.

[5] Эти данные приводятся А.И.Мухлиновым, который, сожалению, не обратил внимания на противоречие в тексте, иначе он не написал бы следующего: «Вьетнамские анналы сообщают, что посланцы Вьеттхыонга трижды совершали путешествие ко двору Чжоуского Чэнь-вана в 1110 г. до н.э., поднося белого фазана, и что чжоуский правитель, довольный их обращением, приказал выделить пять женских повозок с пологами и приспособить их для мужчин. В этих экипажах посольство вернулось берегом моря в Фунань и Линьи, проделав путь за год» [486, с.140, 141].

В самом же источнике сказано: «...князь Чжоу собрал пять повозок с пологами, все экипажи были подготовлены для [поездки на] юг...». Путаница в терминах «колесница» и «женская повозка с пологом», а также смещение понятий «мужчина» и «юг» связаны с тем, что А.И.Мухлинов опирался на современный вьетнамский перевод текста летописного свода и на комментарии к нему вьетнамских переводчиков: **Chu-công cho năm cỗ xe biển đều làm theo lối chỉ nam**. 1. *Thứ xe dùng cho phụ nữ, có vải che* [239.6,

[1] В тексте сказано: «3 *тхыока*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

с.247]. Иероглифический же оригинал текста летописного свода выглядит следующим образом: 制之南指爲皆乘五車軿綜錫公周 [239.6, с.246].

Из этого текста следует, что ни о каких «женских повозках с пологами», которые надо было «приспособить» «для мужчин», и речи нет. Более того, А.И.Мухлинов сам приводит легенды малых народов Юньнани и Северного Вьетнама, противоречащие его интерпретации текста.

Точно также А.И.Мухлинов не упоминает, что, в соответствии с более ранним источником, князь Чжоу вообще отказался принимать дары от рода Вьеттхыонг.

Наконец, следует отметить, что посмертный титул короля Завершителя династии Чжоу 王成 транскрибируется на русский язык не как «Чэнь-ван», а как «Чэн-ван», но это, скорее всего, издательская опечатка [236.1, кн.1, с.4а; 239.6, кн.1, с.244, 245].

[6] Если вспомнить о том, что малые народы Юньнани и Северного Вьетнама сохранили предания о своём переселении на юг с родом Вьеттхыонг, то, возможно, правомерно будет по-новому поставить вопрос о локализации Зяоти и Вьеттхыонга. Другими словами, точно также как вследствие образования царства Чу на месте чжоуского округа Цзин локализация области Зяоти сместилась из среднего течения Янцзы на юг, в результате образования царства Юэ на месте чжоуского округа Ян локализация Вьеттхыонга сместилась из района нижнего течения Янцзы на юго-запад.

[7] Термин 正蒲 (вьет. Бо-тинь, кит. Пу-чжэн) переводился в разное время как «Главный друг» [544, с.166], «Основа управления» или «Администратор» [550, с.514] и «Возглавляющие Множество» [239.6, с.1054]. Последний перевод принят в качестве основного, так как из контекста следует, что речь идёт не о должности, а о низшем титуле лаквьетской знати, которая возглавляла основную массу населения на местах, или «множество».

[8] В данном случае имеются в виду вьетские историко-мифологические сюжеты первой группы (до 207 г. до н.э.), сохранившиеся в виде биографий поминального культа предков и в буддийских редакциях житийных записей в пагодах [544, с.82 – 118].

Что же касается указанных записей имперских наместников, то, за исключением двух текстов, авторы и точные даты написания всех остальных хроник неизвестны. В отношении приведённого текста V в. смотри в «Комментарии» «Примечание 19» к «Введению».

В отношении же отрывка III – IV вв. из «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо» никаких гипотез об их авторе не существует. Этот вопрос требует специального исследования. Однако уже сейчас представляется возможным сформулировать предположение о том, что автором этого текста являлся имперский наместник и первый «скрытый»

вьетский государь «Эпохи северной зависимости» Си Ниеп, который в конце II – начале III в. получил определённый доступ к вьетским храмовым записям. Несколько подробнее этот вопрос затрагивается при рассмотрении периода правления Си Ниепа, а также в том разделе этого тома, который посвящён формированию вьетской культуры.

[9] В соответствии с этой концепцией, первоначальный вариант которой возник не позднее начала I в. до н.э., вьетское государство рассматривало себя по отношению к своим южным и северным соседям таким же Срединным государством, каким империя Хань считала себя по отношению к вассальным территориям, в том числе и к Вьету. Поэтому если для ханьских историографов термины 國中 «Срединное государство» и 下天 «Поднебесная» были синонимами, то уже начиная с эпохи Намвьета вьетские летописцы понимали Поднебесную как единство Северного (Китай) и Южного государств (Вьет). Отсюда и название «Южного государства» той эпохи: 越南 «Намвьет», или «Вьетский Юг».

[10] Наиболее раннее свидетельство о троичном строении природы в натурфилософских взглядах насельников этого региона содержится в одной из книг конфуцианского Пятикнижия – «Книге Перемен», в основу которой положены триграммы [252.1]. Смотри «Примечание 5» к «Главе 3» «Части IV» настоящего тома.

В своей блестящей монографии, на которую опирается настоящая работа, китайский учёный Фэн Юлань подробно исследовал этот вопрос в сочетании с проблемой системы удвоений в космогонических учениях ранних философских школ древних царств междуречья Хуанхэ и Янцзы, а также территорий юга Восточной Азии [1063].

Глава 2

[1] Согласно традиции столица Тхук Фана находилась на территории уезда Фаунгкхе, переименованного затем в уезд Донгнган провинции Бакзянг. Затем эта территория была преобразована в уезд Донган провинции Бакнинь, которая затем была преобразована в провинцию Виньфук. Таким образом, в настоящее время столица Тхук Фана локализуется в деревне Колоа уезда Донгань провинции Виньфук на северо-западе низменности Северного Вьетнама в бассейне Красной реки.

[2] В данном случае это вопрос путаницы в терминологии, которая восходит к статье А.Масперо «Округ Сян» [897.3]. Название статьи « La Commanderie de Siang » принято переводить на русский язык как «Округ Сян», так как французская административная единица « commanderie » переводится на русский язык как «округ». В российском (советском)

вьетнамоведении при упоминании административных единиц, учреждённых империей Хань в результате южных завоевательных походов, принято именовать их округами. То есть, согласно этой терминологии, Наньхай, Гуйлинь и Сян являются округами, при этом последний упоминается в текстах источников только в сочетании с названием административной единицы, которая обозначается иероглифом 郡 (*куан, цзюнь*), а не иероглифом 州 (*тяу, чжоу*).

Если же исходить из традиционно принятой в синологии терминологии перевода административных единиц эпох Цинь и Хань, то складывается следующая последовательность: 州 (*тяу, чжоу*) – переводится как «округ», 郡 (*куан, цзюнь*) – переводится как «область», 縣 (*хюен, сянь*) – переводится как «уезд», 社 (*са, шэ*) – переводится как «община». Интересно отметить, что при Цинь территория Северного и северной части Центрального Вьетнама объединяется в рамках «округа Сян» (郡象, Тыонгкуан, Tuong-quân, Сянцзюнь), который на самом деле должен называться «область Сян» [651, с.237], а при Хань она объединяется в рамках «округа Цзяо» (Зяотяу, Giao-châu, Цзяочжоу). Надо полагать, что такое разночтение было вызвано большими размерами циньских административных единиц на вьетских территориях, и поэтому начиная с А.Масперо их стали называть «округами», хотя на самом деле они были «областями». Таким образом, циньские Наньхай, Гуйлинь и Сян являются не округами, а областями.

[3] Согласно традиции Чжао То первоначально укрепил свои позиции у горы Тиензу, а затем отступил к горе Вунинь. Оба места находятся на территории бывшей провинции Бакзянг (ныне Бакнинь). Жэнь Ао привёл подкрепления к горе Вунинь по реке Тиеузянг, а последующее разграничение между владениями Тхук Фана и Чжао То произошло по реке Биньзянг. Река Биньзянг, сливаясь с рекой Биньтхан, принимает новое название Тхиендык и впадает в Красную реку, левым или восточным рукавом которой она является. Известно ещё одно наименование этой реки: Донгнган. Если исходить из этого названия, то река протекала по тому же уезду, где находилась Крепость Улитка (смотри примечание 1). В то же время по провинции Бакзянг протекает река Бакзянг, берущая начало в бассейне Красной реки. Она течёт на северо-восток, сливается с рекой Юйцзян, которая в свою очередь сливается с рекой Сицзян в её среднем течении. Следовательно, можно предположить, что армия Жэнь Ао и Чжао То, продвигаясь следующим водным путём по рекам Сицзян – Юйцзян – Цзоцзян – Бакзянг – Тиеузянг, добралась до реки Биньзянг и соответственно водной системы реки Красной [1224.1, с.97; 239.6, с.281 – 287].

[4] Между именем Ми Тяу 珠媚 (кит. Мэй Чжу) и именем-титулом Ми-ныонг 娘媚 (кит. Мэй-нян) прослеживается прямая связь, которая подчёркивается

иероглифом 媚. Имя Ми Тяу переводилось и как «Прекрасная жемчужина» [64, с.174; 548, с.82], и как «Прелестная жемчужина» [239.6, с.996, 1090], а имя-титул Ми-ньюнг переводилось только как «Прелестная девушка» [544, с.174; 550, с.526; 239.6, с.996, 1090]. Так как в русском языке определение «прелестная» не слишком удачно согласуется с «жемчужиной», а его синоним «прекрасная» вполне согласуется и с «жемчужиной», и с «девушкой», то в настоящем варианте перевода обоих имён используется определение «прекрасная».

[5] Высокая степень достоверности сюжетов вьетнамских исторических легенд по VII – III вв. до н.э. была показана П.В.Познером ещё в 1980 г. [544, с.40 – 69], а в 1994 г. он полностью обосновал их достоверность в своей фундаментальной монографии по древней истории Вьетнама [550, с.322 – 352].

[6] Помимо вышеприведённого материала в пользу этого свидетельствует жемчужница, обнаруженная китайским археологом Юй Вэйганом в районе Гуанчжоу, которая после 1-го января 1956 г. была передана вьетнамским учёным.

Это сосуд глубиной в половину указательного пальца, имеющий форму сердца. В нём два отверстия: в верхней части маленькое отверстие, а в нижней – несколько большего размера.

На лицевой стороне жемчужницы записаны все годы 60-летнего цикла. Они образуют прямоугольник из десяти столбцов по 12 знаков в каждом (всего 120), по углам которого четырежды написаны слова: «Сокровища Умиротворённого юга». Все иероглифы достаточно большие. По мнению Дао Зюи Аня, запись цикла начертана почерком эпохи Инь (до XII в. до н.э.), тогда как повторяющаяся надпись начертана соответственно почерками начала эпохи Чжоу (около IX в. до н.э.), эпохи Сражающихся царств (около IV в. до н.э.), конца эпохи Цинь (III в. до н.э.) и начала эпохи Хань (конец III – начало II вв. до н.э.). Некогда расположенные по окружности и утерянные на протяжении веков речные жемчужины окаймляли эти надписи.

На задней стороне жемчужницы в поперечном направлении нанесены изображения пяти крючков, значения которых до сих пор остаются невыясненными [1224.3, с.72 – 76].

По имени предполагаемого владельца и по следам речного жемчуга находка именуется «Жемчужницей короля Умиротворённого юга». Обоснованность этого названия вряд ли можно оспаривать, так как датировка нижней границы надписей почерком эпох Цинь и Хань свидетельствует о том, что жемчужница была сделана в середине – конце III в. до н.э. В то же время тот факт, что она была найдена в Гуанчжоу, подтверждает вероятность захвата Чжао То Крепости Улитки, в результате

чего жемчужница попала в руки правителя Наньюэ и была перевезена в Паньюй.

Глава 3

[1] Известно, что Чжао То был одним из военачальников императора Начинателя династии Цинь, возглавлявших южные походы его армий. Поэтому сегодня благодаря археологическому открытию «терракотовой армии» первого циньского императора мы располагаем достоверными сведениями о внешнем виде воинов и командиров, находившихся в подчинении у Чжао То. Вместе с тем он является основателем третьей вьетской династии Чиеу и вьетского «федеративного» царства Намвьет (Наньюэ в Гуандуне + Тэйау + Лаквьет). Тому, как это происходило и почему Чжао То следует считать вьетским государем, посвящена значительная часть настоящей главы.

[2] Согласно Сыма Цяню, «То» это личное имя Чжао То, который происходил из Чжэньдина, где находились могилы его предков. Сыма Чжэн (VIII в.), цитируя Вэй Чжао (III в.), сообщает, что Чжэньдин – это название древнего округа эпохи Хань, находившийся в Чжили. Впоследствии он был преобразован в уезд, принадлежащий Чанщаню. В начале XX в. это был уезд Чжэньдин в Чжили [651, с.184, 189].

[3] 禺番: вьет. Фиеннгу, кит. Паньюй. Древняя столица Намвьета, европейское название первой половины XX в. – Кантон, современный китайский г. Гуанчжоу в провинции Гуандун.

[4] О совпадении территориально-племенного и административного деления на ранних этапах вьетской государственности говорилось выше при рассмотрении проблемы пятнадцати административных управлений или племён царства Ванланг. Что же касается областей Зяоти и Кыутян, то согласно «Книге Ранней Хань», численность их населения равнялась трёмстам тысячам человек, а население ещё одной области, находившейся к югу от Кыутяна, области Нятнам, составляло шестьдесят девять тысяч пятьсот человек [342, с.368]. Однако эти сведения относятся к I в. н.э., а не ко времени воцарения Чиеу Да в Намвьете.

Таким образом, речь идёт об интерполяции численности населения более чем на полтора – два века, которая, не исключено, соответствует действительности. Но в отношении области Нятнам нет никаких оснований признавать факт её существования ранее I в. н.э. Подробнее смотри ниже – при характеристике административного деления Лаквьета в 111 – 110 гг. до н.э., а также при описании военной экспедиции Ма Юаня в 40 – 44 гг. н.э.

[5] Лу Цзя должен был от имени императора Хань вручить Чиеу Да инвеституру и пожалование титула короля. Согласно обряду Чиеу Да полагалось выехать с пышной свитой, чтобы торжественно встретить посла и, повернувшись лицом на север в сторону империи, принести клятву верности династии Хань. В ответ посол должен был вручить ему серебряную печать на шёлковом шнуре с выгравированной на ней надписью 王越南 (Король Наньюэ) и половину особого знака-извещения. Этот знак обычно имел форму таблички, разделённой на две половинки. Наличие этой половины знака-извещения подтверждало полномочия посольства одной стороны, прибывавшего ко двору другой [239.6, с.303, 925 – 926].

[6] Ханьский посол был возмущён тем, что Чиеу Да демонстративно пренебрёг правилами придворного ритуала: он не надел символы власти, полученные им от династии Цинь, и сидел на корточках по древнему вьетскому обычаю.

[7] Весь этот абзац построен на классическом конфуцианском дуализме, восходящем к учению школы Тёмного и Светлого начал. В данном случае – это пара «цивилизация – варварство», из которой следует канонический вывод о том, что выбирающего «варварство» неизбежно «постигнет несчастье».

[8] Речь идёт о захвате столицы империи Цинь, находившейся в провинции Шэньси. Это произошло в ноябре – декабре 207 г. до н.э. [63, т.2, с.537, 544; 651, с. 184].

[9] Сян Юй: военачальник династии Цинь, восставший против неё и первоначально выступавший в союзе с королём царства Хань Лю Баном. Затем он стал одним из основных противников будущего основателя династии Хань в борьбе за власть в империи [63, т.2, с.516].

[10] Лю Бан захватил царства Ба и Шу или территорию Сычуани в феврале – марте 206 г. до н.э. [651, с.184].

[11] Сяо Хэ и Цао Цань: сподвижники Лю Бана, отличившиеся в боях, особенно отличился Сяо Хэ. Оба были отмечены наградами и титулами [63, т.2, с.401 – 402, 517, 523]. Иероглиф 參 может читаться и как «шэнь», поэтому имя второго военачальника также может произноситься как «Цао Шэнь», хотя обычно его именуют «Цао Цань».

[12] Пять Императоров: то есть, пять совершенномудрых императоров конфуцианской древности, список которых открывается императором Жёлтым. Смотри «Таблицу №1», «Том VI».

Три короля: согласно вьетнамским комментаторам летописного свода XIX в., – это основатели трёх великих династий китайской древности Ся, Шан и Чжоу [182, кн.1, с.91 прим. 3; 239.6, с.307]. Судя по всему, они исходили из того, что Лу Цзя сначала назвал «Пять Императоров», а потом «Трёх королей», что соответствует хронологии. В таком случае Лу Цзя сознательно не назвал четвёртую общекитайскую династию Цинь, которая была свергнута основателем династии Хань, потеряв за «преступления покровительство Неба». Но возможно и то, что речь идёт о Трёх Императорах, или Трёх Властителях – основателях Поднебесной, и Лу Цзя на самом деле сказал: «Глава династии Хань наследовал Трём Властителям [и] Пяти Императорам». В этом случае придётся допустить, что слова ханьского посла были отредактированы в угоду династии Хань придворными историографами. Смотри «Таблицу №1», «Том VI».

[13] Название Тэйау 甌西 переводится как «Западное Ау». Это небольшое было вьетское царство, находившееся в Гуанси.

[14] Эта в целом совершенно верная точка зрения была сформулирована Д.В.Деопиком в виде необоснованной гипотезы лишь в небольшой статье. Вероятно, он обосновал свою гипотезу в диссертации, которая, к сожалению, так и не была опубликована [342].

[15] В летописном своде говорится: «С востока на запад [подчинённые ему территории простирались на] десять тысяч километров, ездил на жёлтой колеснице с бунчуком левой [руки], установил ритуал равный [двору династии] Хань» [239.6, с.313]. Колесница называлась «жёлтой» потому, что она была отделана жёлто-золотистым шёлком. К её левой стороне крепился специальный бунчук, сделанный из хвостов буйволов и лисиц.

[16] Дун-Минь: это царства Дунюэ в Чжэцзяне и Миньюэ в Фуцзяни. А так как вместе с ними говорится о царстве Тэйау в Гуанси (смотри выше «Примечание 13»), то из этого текста следует, что Чиеу Да открыто претендовал на главенство над всеми вьетскими южными царствами, государи которых носили титул «короля». Поэтому очевидно, что он «провозгласил себя императором» не для того, «чтобы себя порадовать». В таком контексте слова Чиеу Да больше похожи на насмешку, а не на извинения. Однако его положение было столь прочным, что ханьскому императору пришлось удовлетвориться этими весьма сомнительными извинениями намвьетского государя.

[17] Учитель Цзи 子箕. В этом имени иероглиф 箕 читается как «цзи» [3, с.750, №7878], хотя Р.В.Вяткин транскрибирует его как «ци» [63, т.1, с.395].

Учитель Цзи был старшим чиновником, ведавшим музыкой при жертвоприношениях двора династии Инь. Однажды Цзи посмел возразить

отличавшемуся развратом последнему иньскому императору Чжоу[-синю] и, опасаясь наказания, притворился сумасшедшим и стал изображать раба, но всё равно был посажен в тюрьму. Король Воинственный династии Чжоу после победы над Инь освободил Цзи из тюрьмы. Затем, прослышав о его мудрости и составленном им «Великом Законе» (глава в «Книге Шан»), король Воинственный спросил его «о причинах гибели Инь. Учителю Цзи было больно говорить о преступлениях Инь[ского дома], поэтому он стал рассказывать о том, что способствует существованию и гибели государства, король Воинственный тогда устыдился и [тоже] стал спрашивать о путях [правления, определённых] Небом» [63, т.1, с.177, 189, 318 прим. 101].

[18] Тай Бо: старший сын чжоуского князя Гу. Р.В.Вяткин предполагает, что иероглифы «Бо» и «Гу» на самом деле могут быть составляющей частью титула, так как имена и титулы сановников той эпохи трудноразличимы. Поэтому он пишет это имя «Тай Бо» как «Тай-бо». Это же относится и к именам князя Гу и другого его сына Юй Чжуна (смотри ниже), которые записаны как «Гу-гун» и «Юй-чжун» [63, т.1, с.306, примечание №23].

У Тай Бо было два брата. Когда у младшего брата родился сын, то было знамение, свидетельствующее о том, что родился будущий «Сын Неба». Поэтому князь Гу решил передать власть младшему сыну, чтобы ему наследовал внук. В «Исторических записках» сказано: «Старшие сыновья Тай Бо и Юй Чжун поняли, что князь Гу намерен поставить у власти Цзи Ли, чтобы впоследствии ему наследовал Чан, и они оба бежали к цзинским *манам*. [Там они] татуировали тело, обрезали волосы, тем самым уступив [право наследования] Цзи Ли [63, т.1, стр.181].

С точки зрения вьетнамской истории интересен тот факт, что братья бежали к «цзинским *манам*». Р.В.Вяткин в своём комментарии пишет: «Всех жителей южных районов называли общим словом *мань* 蠻, не различая их по племенам. Название Цзин 荊 появилось в середине 1-го тысячелетия до н.э. в применении к землям княжеств Чу, У и Юэ. В данном случае употреблено двойное наименование разновременного состава *цзин-мань*, т.е. "южные варвары в цзинских землях"» [63, т.1, с.306 прим. 22]. То есть данный текст прямо указывает на то, что Тай Бо с братом «бежали» к *лаквьетам* или родственным им племенам, которые «татуировали тело» и «обрезали волосы».

[19] Шунь или Юй-Шунь: Согласно традиции он правил в 2255 – 2205 гг. до н.э. Совершенномудрый император китайской древности, последний властитель «Эпохи Пяти Императоров». Смотри «Таблица №1», «Том VI».

[20] Король Просвещённый: это Чан, внук князя Гу, основатель династии Чжоу и отец короля Воинственного (смотри выше примечания 17 и 18). Известно, что при жизни он носил титул «Повелитель Запада» [63, т.1, с.306, 307 прим. 24].

[21] Три Династии: династия Ся (согласно традиции 2205 – 1767 гг. до н.э.), династия Шан-Инь (согласно традиции 1776 – 1122 гг. до н.э.) и династия Чжоу (согласно традиции 1122 – 247 гг. до н.э.). Р.В.Вяткин приводит даты правления государей династий Инь и Чжоу с 1753 г. до н.э., при этом он полагает, что с 841 г. до н.э. все датировки точны [63, т.I, с.378 – 381].

[22] «Комментарий»: «Комментарий господина Цзо» Цзо Цюмина к хронике Конфуция «Слова [и] изречения».

[23] Этот текст является примером неоконфуцианской оценки деяний того или иного человека во Вьетнаме XVв. Чиеу Да противопоставил себя империи Хань после того, как императрица Высокая Люй разрушила могилы его предков и семейный поминальный храм, но как только император Просвещённый их восстановил, он немедленно признал власть сюзерена. Поэтому Нго Ши Лиен и делает вывод о том, что «Император точно соответствовал этому правилу», то есть правилу, следующему из единства цитат «Комментария господина Цзо» и «Книги Перемен».

[24] Этот конфликт восходит ко времени борьбы за гегемонию в VIII – IV вв. до н.э. между царствами У и Юэ в Чжэцзяне. Образовавшиеся после падения империи Цинь царства Дунюэ и Миньюэ продолжали относиться враждебно к также восстановившему свою независимость царству У. Однако в результате событий 154 – 140 гг. до н.э. империя Хань сумела спровоцировать раскол между Дунюэ и Миньюэ.

[25] Маркиз Воинственный [из] Гуан[дуна] 侯武廣: интерпретация второго и третьего иероглифов не вызывает сомнения. Что же касается первого, то он должен был бы относиться к владениям, которые Вану пожаловал император Хань. Но Ван получил во владение земли в Цзянси, а иероглиф 廣 является ключевым в названиях Гуандун, Гуанси и Гуанчжоу. Поэтому логично предположить, что император Воинственный пожаловал Вану титул маркиза территорий, из которых происходили его предки.

[26] Согласно расчётам Г.Дюмутье намвьетский государь Чиеу Да правил семьдесят один год год и скончался в возрасте ста двадцати одного года [774, с.426].

[27] В 1983 г. на горе Сянган в Гуандуне около г.Гуанчжоу было найдено погребение второго государя династии Чиеу императора Просвещённого Чиеу Хо (136 – 125 гг. до н.э.), которое находится в скале на глубине 20 м от вершины горы, откуда в него ведёт вертикальная штольня. Оно состоит из шести помещений общей длиной 10,85 м и шириной 12,43 м.

Это богатейшее погребение на территориях южнее Янцзы, а по ряду предметов – для всей империи эпохи Хань. В нём были обнаружены изделия из бронзы, железа, золота, серебра, слоновой кости, яшмы, лака, бамбука, шёлка, глины и других материалов. Сам же погребальный инвентарь представлен оружием, орудиями производства, культовыми предметами, предметами бытового назначения, ювелирными изделиями и т.д. Кроме того, в нём были найдены лекарственные минералы.

Особый интерес представляют двадцать семь бронзовых колоколов трёх форм и восемнадцать каменных гонгов двух форм, а также бронзовые украшения, орнаментированные «звериным стилем». Это искусное бронзовое литьё с изображениями зверей, в которых прослеживается связь с гуннами. Таким образом, вывод о древних связях вьетских территорий с регионом Центральной Азии через Гуанси, Юньнань и Сычуань приобретает совершенно иное звучание.

Также в различных помещениях погребения были обнаружены костяки наложниц, телохранителей, прислуги и рабов, принесённых в жертву при погребении императора. Точное число костяков установить не представляется возможны, известно лишь, что их было более десяти. Однако, учитывая восемнадцать каменных гонгов, восемнадцать (всего) и девять (на груди покойного) печатей, не исключено, что и в данном случае речь может идти о восемнадцати принесённых в жертву людях. Но и одних печатей достаточно, чтобы с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно при императорах династии Чиеу в Намвьете была окончательно оформлена и зафиксирована в письменном виде древняя вьетская концепция Поднебесной. Смотри «Таблица №1», «Том VI».

Наконец, совершенно особо выделяется уникальная для погребений эпохи Хань находка девяти печатей на груди покойного государя. В первой статье об этом погребении, опубликованной в газете «Гуанмин жибао» от 11-го ноября 1983 г., сообщалось о восемнадцати печатях. Оттиск главной золотой печати 蠻亞帝文 переводится как «Вторая [императорская] печать, император Просвещённый», хотя в китайском музейном каталоге она названа «Административная печать императора Просвещённого» [1155, с.32 – 33]. Однако представляется, что если это перевод, то он не совсем верен. Известно, что император Просвещённый был вторым императором Намвьета. Соответственно, его печать была «второй», а «первая» принадлежала основателю династии Чжао То (Чиеу Да). Эта золотая печать второго намвьетского государя, свидетельствует о том, что хотя в источниках он и именуется «королём», но на самом деле он по примеру Чиеу Да официально именовал себя «императором». При этом в источниках, за исключением Чаунг Тхюи (Чжун Ши), история которого, окружённая мифологическими сюжетами, описана довольно подробно, ничего не сообщается о детях Чиеу Да. Поэтому наиболее логичен вывод о том, что император Просвещённый и был тем самым сыном Чаунг Тхюи и Ми Тяу [236.1, с.8б – 10б].

Однако этот вывод, на первый взгляд, противоречит надписи на яшмовой печати, которую учёные КНР переводят как имя «Чжао Мо» [1155, с.34], читающееся по-вьетски как «Чиеу Мат». Если это так, то данные всех как китайских, так и вьетнамских письменных источников, в которых император (в китайских текстах – король) Просвещённый именуется 胡趙 (Чжао Ху, Чиеу Хо) оказываются неверными. И хотя надпись, сделанную на печати древними иероглифами, воспроизвести не представляется возможным, имеется лишь два объяснения указанного противоречия.

Во-первых, не исключено, что этот император мог иметь второе имя или же иероглиф 妹 мог иметь второе чтение «Ху» («Хо»).

Во-вторых, *учёные КНР неправильно перевели древний иероглиф.*

Второе объяснение представляется тем более вероятным, что в музее на могильнике императора Просвещённого в Гуанчжоу даже не упоминается о раннем вьетском царстве Намвьет (Наньюэ), объединявшем территории Северного Вьетнама, Юго-западного Гуанси и Гуандуна. Речь идёт исключительно о южно-китайском царстве Наньюэ. Более того, нельзя даже исключать возможности сознательного искажения имени императора Просвещённого для того, чтобы полностью исключить связь этого царства с вьетнамской историей, так как китайские учёные-переводчики вряд ли могли не знать как об этой связи, так и о содержании собственных письменных источников. (Смотри «Примечание 6» к предыдущей главе).

[28] Надо отметить, что на этом этапе покорения южных территорий империя Хань стала значительно шире использовать привычное к влажному и жаркому климату местное население. Так, главнокоандующий ханьской армией Хуй был королём южного царства Даси.

[29] Вьетнамские историографы пишут, что Цзю-ши до связи и замужества с Чиеу Ань Те была любовницей Аньгуо Шаоцзи. Судя по всему, они сознательно смягчили характеристику Цзю-ши, которая стала императрицей Намвьета. Г.Дюмутье, опираясь на китайские источники, пишет, что Цзю-ши была придворной проституткой, при этом, живя с Ань Те в течение всего его пребывания при дворе Хань, она сохраняла любовную связь с Аньгуо Шаоцзи [774, с.429].

[30] Князь Последующий 公次: этот титул обычно воспринимается вьетнамистами как имя Тхы Конг, однако на самом деле он является либо титулом наследника престола, либо, скорее всего, титулом второго по старшинству сына императора. Последнее подтверждается ещё одним значением иероглифа 次: «второстепенный, второочередной» [3, с. 456, №4785]. Таким образом, Ань Те не только сам не поехал ко двору Хань, но и не отправил в империю своего старшего сына – официального наследника. Возможно, этому воспротивилась намвьетская знать во главе с

премьер-министром Лы Зя, о чём свидетельствуют события последующего десятилетия.

[31] Внутренний вассал: сановник с титулом вассального по отношению к империи государя (как правило, король или маркиз), получавший кормление с территории, которая полностью входила в состав империи, но была пожалована ему в кормлении. Поэтому просьба «принять в категорию внутренних вассалов» на самом деле являлась просьбой о принятии в число подданных и отказом от государственной независимости.

[32] В том время королём царства Цану был Чжао Гуан из рода Цинь.

[33] Командующий Цзибэя Хань Цяньцю: Цзибэй (Северное Цзи) – название местности, в котором иероглиф «цзи» 濟, судя по всему, является частью названия реки Цзихэ в провинции Хэнань, а Яньши Гу сообщает, что Хань Цяньцю – это человек из уезда Цзя, принадлежащего Инчуаню.

[34] Цзю Юэ: иероглиф 樂 может читаться и как «юэ», и как «лэ», поэтому то, что Д.В.Деопик называет имя Цзю Лэ вполне допустимо. Однако при этом совершенно непонятно, почему он называет Цзю Юэ младшим братом Лы Зя и военачальником антиханьских вьетских войск, когда, согласно источникам, Цзю Юэ на самом деле был младшим братом Цзю-ши и был правой рукой Хань Цяньцю в походе против Намвьета [342, с.396].

[35] Сайшан: то есть, гора Сай, при этом иероглиф 塞 имеет значение «крепость». Сайшан – это наименование вершины горы Даюй у четвёртого горного прохода Аньшана, через который идёт наиболее удобный путь в Гуанси, а оттуда по реке Сицзян в Гуандун на Паньюй. Таким образом, можно говорить о концентрации ханьских войск, авангардом которых был отряд Хань Цяньцю у западных проходов Аньшана (Улина).

[36] Чжэн Янь: также известен под именами Чжао Янь и Янь Нань. Этот ханьский военачальник был правителем одного из мелких вьетских царств, объединённых названием «Сто юэ» [239.6, с.355].

[37] Нижняя Лай: согласно источникам, эта река имела многочисленные перекаты и отмели, а иероглиф «лай» означает «стремительное течение». Судя по всему, истоки этой реки находились в Аньшане, а низовья – в Цану. Поэтому армия Тянь Цзя и называлась армией Нижней Лай.

Как и Чжэн Янь, Тянь Цзя был правителем одного из мелких царств «Ста юэ» [239.6, с.355 – 357].

[38] Маркиз справедливый [гонитель] врагов Гуй: также известен под именем Сы И. В источнике прямо сказано «Гуй это человек из Юэ». Так как он вёл армию из царства Чанша, то можно предположить, что он был правителем одного из мелких вьетских царств в Гуанси [239.6, с.357].

[39] Возможно, с Лу Бодэ пришёл лишь арьергард ханьской армии. Однако не исключено, что ударная часть в тысячу профессиональных воинов из империи опиралась на вспомогательное сборное войско, в котором было не менее десяти тысяч человек. Также можно предположить, что при переписке текстов была допущена ошибка, и вместо десяти тысяч было записано «тысяча отборных воинов». В этом случае армия Лу Бодэ вместе с профессиональным ядром в десять тысяч человек должна была насчитывать от пятидесяти до ста тысяч воинов [239.6, с.361]. В противном случае ханьская армия не имела бы шансов в войне с Намвьетом, о чём свидетельствует судьба двухтысячного отряда Хань Цяньцю. А о численности армии Намвьета можно судить и цитировавшейся в этой главе беседе Чиеу Да с ханьским послом Лу Цзя в 196 г. до н.э., в которой шла речь ста тысячах воинов.

[40] Д.В.Деопик указывает имя «Сыма Сухун» [342, с.400]. Однако представляется, что такой перевод иероглифов 弘蘇馬司校 неверен, так как сочетание этих иероглифов однозначно свидетельствует о том, что первые три – это название должности или звания «старший конюший» (Сяо сыма), а последние два – это имя «Су Хун».

[41] Д.В.Деопик указывает на то, что Ян Пу с помощью двух других вьетских правителей овладел портом Хэпу ещё до подхода основных сил под командованием Лу Бодэ, за что все трое получили по титулу маркиза [342, с.401]. Однако это утверждение представляется сомнительным, так как переброска флотом значительных сил из Гуанси непосредственно в Тонкинский залив без захвата побережья в Гуандуне представляется почти невозможной. Скорее всего, порт Хэпу был захвачен ханьским флотом в ходе преследования Чиеу Киен Дыка и Лы Зя уже после падения столицы Намвьета города Паньюя.

[42] Д.В.Деопик полагает, что семья Тхук в Тэйву играла ведущую роль в событиях вьетнамской истории I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., в том числе и в восстании сестёр Чынг [342, с.489]. Однако ни после создания государственного объединения Намвьет – Аулак, ни после захвата Намвьета ханьскими войсками имя «Тхук» больше не упоминается в источниках, тогда как вожди с родовым именем «Лак» продолжают доминировать во вьетском обществе вплоть до 44 г. Подробнее смотри следующую главу.

[43] Это второй и последний случай в истории ранних вьетских государств, местный правитель провозглашал себя императором, тем самым уравнивая себя с ханьским императором. Первый (успешный) связан, как это было показано выше с государем Намвьета Чиеу Да. Спустя семьдесят лет король Миньюэ Ю Шань также провозгласил себя императором, но при этом кончил трагически.

[44] Л.Оруссо говорит, что Цзюй Гу «по традиции убил Ю Шаня и кампания [против Миньюэ] была завершена» [651, с.258]. Надо полагать, что французский учёный проводит параллель между тем как в 134 г. до н.э. Ю Шань вероломно схватил и обезглавил своего старшего брата Ина и событиями 110 г. до н.э.

[45] Связанные с ассимиляцией Миньюэ события I – III вв. не имеют непосредственного отношения к вьетнамской истории. Поэтому следующая глава настоящего тома посвящена исключительно развитию северо-вьетнамского лаквьетского общества эпохи его полунезависимого существования в составе империи Хань.

Глава 4

[1] Общепринято считать датой начала «Эпохи северной зависимости» 111 г. до н.э. Правильность этой датировки даже не оспаривается, хотя на самом деле детальное исследование источников даёт совершенно иной результат. Поэтому помимо прочего одной из основных задач данной главы является обоснование новой датировки реального начала эпохи зависимости северовьетнамских территорий от империи Хань.

[2] Как будет показано ниже, в то время области Нятнам не существовало и поэтому она не могла входить в состав административного управления Цзяочжи. Её упоминание под 111 г. до н.э. является интерполяцией на этот год значительно более поздних событий, датируемых серединой I в.

[3] Ван Ман, личное имя Цзюйцзюнь: С 8 г. до н.э. по 8 г. н.э. Ван Ман был регентом при различных ханьских императорах. Особенно его позиции усилились после того, как он выдал свою дочь замуж за императора Мирного [династии] Хань. В 8 г. он сверг династию Хань и в 9 г. провозгласил о восшествии на имперский престол династии Синь, единственным представителем которой он так и остался. Правил в 9 – 23 гг. Известен своими реформами, связанными прежде всего – с крупным землепользование и с оборотом золота и чеканки золотых монет. В 23 г. он был свергнут и казнён восставшими. В традиционной китайской историографии Ван Ман рассматривается как узурпатор. Правление Ван

Мана делит правление династии Хань на две части: до Ван Мана её называют династией Ранней или Западной Хань, а после – династией Поздней или Восточной Хань.

[4] Во «Введении» произведение Ле Така не рассматривалось, так как его «Краткие записи [об] Аннаме» ничего существенного к упомянутым китайским и вьетнамским источникам не добавляют. Бежавший вместе с монголо-китайскими войсками династии Юань в империю, Ле Так в своём произведении приводит лишь данные китайских источников, изложенные под несколько иным углом зрения. Поэтому, хоть по своему происхождению и вьетнамец, его скорее следует считать китайским историографом.

[5] Именно последние пришли к власти в административном управлении Цзяочжи, о чём свидетельствует их активность в проведении реформ. Надо полагать, что это вполне устраивало восстановившую в империи свою власть династию Хань. С одной стороны, сторонники реформ Ван Мана были далеко от столицы и не являлись угрозой для правящей династии, а с другой -- они направляли всю энергию на ассимиляцию полупокорённой южной окраины империи.

[6] Иероглиф 長 переводится как «старший» или «главный чиновник», иероглиф 史 – как «писарь» или «мелкий чиновник», то есть речь идёт о «старших [и] младших чиновниках» или о «руководящих чиновниках» на местах. Однако известно, что в то время во Вьете на местах управляла местная лаквьетская знать, представители которой нередко именовались «местными сеньорами» 日頭, при этом понятия, обозначаемые сочетаниями иероглифов 吏長 и 日頭, весьма близки друг другу.

[7] В русском языке фраза «был отозван ко двору» имеет как положительный, так и отрицательный оттенок. В иероглифическом же тексте эта фраза имеет оттенок ярко выраженного сожаления по поводу отъезда этого ханьского чиновника. Поэтому на самом деле она имеет следующий смысл: «Получив повеление вернуться ко двору, Жэнь Янь был вынужден вопреки собственной воле и пожеланиям людей вернуться ко двору».

[8] Согласно этнографическим данным и сведениям источников, женщины играли значительную роль в жизни традиционного вьетского общества. Известны примеры, как в случае с Чынг Чак и Чынг Ни, когда они даже возглавляли целые кланы. Что же касается выступления женщин в качестве руководителей народных движений и восстаний, то это далеко не единичный случай в истории Вьетнама.

[9] Вероятно, Су Дин допускал, что казнь Тхи Шатя может вызвать какое-то возмущение местного населения, однако полномасштабное вооружённое восстание стало полной неожиданностью для ханьских чиновников, которые ничего не могли ему противопоставить. Поэтому, надо полагать, имперская администрация Цзяо находилась в состоянии шока.

[10] Несмотря на критическую ситуацию и указ о подавлении восстания, внутриполитическая ситуация в империи не позволила отправить войска против сестёр Чынг ранее окончания сезона дождей в 42 г. Однако восставшие не воспользовались передышкой. Надо полагать, это было связано с тем, что лаквьетская знать лишь формально признала главенство Чынг Чак и обособилась в своих родовых владениях. Только этим можно объяснить тот факт, что ханьская армия не встретила организованного сопротивления при вторжении на низменность Северного Вьетнама.

[11] В датировках, которые приводятся в источниках начиная с 42 г. прослеживается определённая путаница. Так, 19-ый год эры Воинственного созидания династии Хань соответствует 43 г., однако под этой датой явно описываются события, растянутые по времени на один год, что вполне справедливо отмечено в исследовании А.Масперо [897.5, с.19 – 21]. Соответственно в данном случае речь идёт о событиях конца 44 г.

[12] А.Масперо полагает, что древний рельеф впоследствии был изменён с помощью дамб. Он приводит данные источников о том, что уже к XV в. в указанном районе была возведена дамба, благодаря которой у моря был отвоёван значительный кусок земли и скалы оказались относительно далеко от побережья [897.5, с.22].

[13] В источнике XIX в. о Ли Шане сказано буквально следующее:

«Спустя три года Юань вернулся [ко двору]. С тех пор прошли правления Светлого, Ясного, Мирного, Несовершеннолетнего [и] Умиротворителя, всего – пять императоров, правивших восемьдесят два года, но [за этот период] можно отметить только лишь одного Ли Шаня при императоре Светлом, человека [области] Наньян, который был префектом Нятнама, любил народ, правил благосклонно, привлекал людей издалека, позднее он стал префектом Кыузянга.

На протяжении [указанных правлений] из всех [ханьских чиновников во Вьете] можно отметить только его [Ли Шаня] как обладающего способностями [и] умением; это, [вероятно], упущение авторов [исторических] сочинений».

Далее в «Примечаниях» уточняется:

«*Ли Шань*, [по] "*Рассказам* [*о*] *добродетелях*" [из "*Книги*] *Поздней Хань*" Ли Шань обладал манерами [и] справедливостью. В правление [императора] Славного [и] Воинственного был назначен учителем наследника; в

правление императора Светлого был назначен в министерство общественных работ; так как [он обладал] способностями разрешать запутанные [и] сложные [дела, то его] назначили префектом [области] Нятнам; [он] любил народ, правил благосклонно, привлекал людей издалека, [за это его] назначили префектом Кыузянга; не добравшись [до Кыузянга, он] заболел [и] умер» [239.6, с.415 – 419].

При сравнении текстов XV и XIX вв. принципиальных разночтений между ними не отмечается. Исключение составляет лишь сообщение о переводе Ли Шаня с поста префекта области Нятнам на другую должность.

В тексте источника XIX в. говорится со ссылкой на «Книгу Поздней Хань» о том, что Ли Шань с поста префекта области Нятнам был повышен в префекты области Кыузянг 九江, а в источнике XV в. – префекты области Кыутян 九真.

Это противоречие прослеживается и при сравнении текста летописного свода Нго Ши Лиена с примечанием его переводчиков на современный вьетнамский язык [236.1, с.223], которые не обратили на него внимания.

Однако если исходить из первичности «Книги Поздней Хань» и из контекста самого сюжета, согласно которому Ли Шань был назначен префектом за заслуги, то таким «повышением» вряд ли могло быть его назначение на должность префекта области Кыутян, которая немногим отличалась по своему статусу от должности префекта области Нятнам. Надо полагать, что Ли Шань был назначен префектом имевшей значительно более высокий статус собственно имперской области Цзюцзян (Кыузянг). Что же касается указанной неточности в тексте Нго Ши Лиена, то она либо связана с близостью наименований обеих областей, либо просто является ошибкой более поздних его переписчиков. Где конкретно находилась область Цзюцзян, к сожалению, установить не удалось, но, видимо, она находилась достаточно далеко от Нятнама, так как в пути на новое место службы Ли Шань успел заболеть и умереть.

[14] Если исходить из того, что Ма Юань начал поход против Кыутяна в конце или даже в начале 43 г., то дата его возвращения в империю, которую приводит А.Масперо (лето 43 г.), явно ошибочна [897.5, с.27]. Сопоставление же дат и событий 42 – 44 гг. свидетельствует о значительной путанице в датировках и приводит к выводу либо об отъезде Ма Юаня в империю до окончания военных действий, либо о том, что он начал поход против Кыутяна в конце 44 г. и вернулся в столицу не ранее лета 45 г.

К такому же выводу приводит и весь ход исследования самого французского учёного [897.5, с.19 – 27]. Поэтому надо полагать, что в опубликованном тексте работы А.Масперо скорее всего допущена опечатка: вместо «45 г.» в нём было напечатано «43 г.».

Часть II

Глава 1

[1] Название уезда Тыонглам уже само по себе даёт основание для размышлений. Очевидно, что оно состоит из двух равнозначных по смыслу частей: 象 (*тыонг*, *сян*) и 林 (*лам* или *лэм*, *линь*). Первая, несомненно, восходит к названию 郡象 (*область Сян*, *Тыонгкуан*, *Сянцзюнь*) эпохи Цинь, а вторая связана с ранним названием Тямпы – 邑林(*Лэмап*, *Линьи*). Не исключено, что именно с этим названием I – II вв. связано возникновение концепции о включении в циньскую область Сян во второй половине III в. до н.э. южных вьетских территорий вплоть до современного Нгеана (более подробно смотри предыдущий раздел). Иными словами, это название и его толкование в источниках лежат в основе проблемы локализации циньской области Сян. И, наконец, очевидно, что первое название Тямпы происходит от названия этого уезда, где, судя по всему, зародилась тямская государственность.

[2] Правитель стороны [света]. Первый вариант перевода названия этой должности был «Руководитель окраины» [550, с.419]. В эпоху Хань это должность высокопоставленного чиновника, имеющего всю полноту власти над вверенной ему территорией. Как правило, такого рода должность учреждалась в периферийных округах империи, а положение чиновника на этой должности было сопоставимо с положением вассального государя, за тем лишь исключением, что он не мог передавать свою должность по наследству.

[3] Такое решение выглядело вполне логичным, так как в результате его принятия мятежные вьетские территории оказались административно обособленными. В данном случае интересен тот факт, что во II в. современные провинции Гуанси и Гуандун, надо полагать, воспринимались как традиционно вьетские, а не как ханьские территории.

[4] Маны, или «южные варвары». Под этим термином чаще всего подразумевалось население горных районов территории Северного Вьетнама, прежде всего, его северо-западной части на стыке с китайскими провинциями Гуанси и Юньнань. Также манами называли и племена, обитавшие на севере Центрального Вьетнама, как, например, в случае с Кху Лиеном, о котором в «Книге Поздней Хань» сказано: «Кху Лиен из внешних манов… …напал на уезд Тыонглам» [239.6, с.433]. Возможно, под «внешними манами», которых со временем стали именовать тямами, понимались «южные варвары», обитавшие во II – III вв. за пределами южных границ империи.

[5] Кху Лиен. Вьетнамские историографы указывают на то, что в китайских источниках «Книга Цзинь» и в «Рассмотрение сборника "Основа [и] частности"» это манское имя записано как 連區, тогда как его правильным написанием является 憐區 [239.6, с.435].

[6] Глава обороны. Первый вариант перевода названия этой должности был «Руководитель края» [550, с.420]. В принципе допустимы оба варианта перевода. Судя по контексту, эта должность соответствовала должности наместника.

[7] Цзю Цун, также известен под именем Цзя Мэнцзянь. Согласно источникам он происходил из Шанюя области Хуйцзи.

[8] Во всех китайских и вьетнамских источниках приводится следующая песня, которую люди пели о нём:

Отец Цзя пришёл с опозданием,
Мы были вынуждены восстать,
Теперь видим чистоту [и] спокойствие,
Кто же осмелится продолжать восстание?

А в каноническом неоконфуцианском произведении XI в. «Отражение [истории], основа [и] частностях» Чжу Си приводится ещё одна строка из этой песни:

Чиновники не осмеливаются больше грабить.

[9] Одновременно с Ли Тиеном на различные должности были назначены Ли Кам и несколько других вьетов, которые сумели обратить внимание ханьского императора на то, что они не менее талантливы, чем выходцы из империи. В источнике прямо сказано: «С тех пор талантливые люди Вьета повышались также, как люди Хань, [всё это] благодаря Ли Тиену и Ли Каму, которые открыли [им] дорогу» [239.6, с.465]. Ли Кам также известен под именем Нгуен Кам. Также в этой группе вьетов был и осевший в Цзяо ханец по имени Чыонг Чаунг (Чжан Чжун). Все они получили хорошее конфуцианское образование и выдержали испытания конкурсные испытания на должность чиновника в империи [239.6, с.461 – 471].

[10] Из «Введения» и предыдущего раздела видно, что практически все китайские источники по истории Вьетнама до начала «Эпохи северной зависимости» приводятся в трудах французских учёных – исследователей древней истории Вьетнама первой половины XX в. [239.2; 239.3; 239.5; 652; 770; 774; 897 и др.]. Это вполне объяснимо, так как все они были синологами по образованию, а некоторые из них являлись представителями франко-вьетнамской смешанной элиты. Поэтому эти исследователи

блестяще знали иероглифику и работали как с китайскими, так и с вьетнамскими текстами.

Однако с китайскими источниками по истории Вьетнама «Эпохи северной зависимости» ситуация совершенно иная. В западной литературе можно говорить только о двух достаточно специальных исследованиях, в которых они цитируются [893; 1009], а в советских (российских) исследованиях они вообще не цитировались. В этом смысле исключением является монография советского китаиста И.Н.Машкиной, в которой исследуется история Вьетнама III – XIII вв. [472]. Не обсуждая научные качества этого исследования необходимо подчеркнуть, что одним из его главных достоинств является постоянная отсылка на китайские источники, которые И.Н.Машкина, судя по всему, достаточно глубоко изучила. Кроме того, целый ряд данных китайских источников цитируется во вьетнамских летописных сводах XV и XIX вв. [239.6]. Поэтому, учитывая, что тексты китайских источников по указанному периоду вьетнамской истории находятся в специализированных хранилищах библиотек и недоступны для рядового читателя, ссылка при их упоминании в настоящем томе даётся либо на книгу И.Н.Машкиной, либо на вьетнамские летописные своды.

[11] В летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» имеются специальные разделы, называемые «Критика», которые были написаны лично Поддерживающим род императором Выдающимся династии Нгуен (1848 – 1883 гг.), в которых император давал свою оценку описываемым событиям.

[12] Доу Жун происходил из Пинлу и был главой одного из знатнейших кланов в правление Поздней Хань. Он служил в Хэси на северо-западной окраине империи. В эру Обновлённого начала (23 – 24 гг.) Доу Жун захватил Хэси и провозгласил себя главнокомандующим пяти областей. Когда император Славный [и] Воинственный династии Хань покорил Шу, Доу Жун добровольно признал его власть, за что был награждён титулами и должностями.

[13] Люди Ху 人胡. В этом термине иероглиф 胡 имеет значение «глупый», «тёмный», безрассудный» [3, с.346, №3467]. Учитывая, что об этих людях сказано, что они составляют эскорт правителя и воскуряют благовония, а также принимая во внимание факт написания этого текста конфуцианским историографом, наиболее логичным будет предположение о том, что речь идёт о буддийских монахах.

[14] Си Ниеп 燮士 (вьет. *Sĩ-Nhiếp*, кит. *Ши Се*). В тексте источника XV в. нижняя часть иероглифа 燮 представлена не иероглифом 又, а иероглифом 火. При таком написании вторая часть этого имени должна читаться, по

мнению переводчиков иероглифического текста, «Тиеп» [236.1, кн.3, с.8а, 235]. Однако такого иероглифа нет ни в одном словаре, при этом в летописном своде XIX в. написан иероглиф 燮, но в переводе даётся чтение «Тиеп», а в примечании говорится, что чтение «Ниеп» неверное [239.6, с.472, 473].

Тем не менее, логичнее предположить, что по какой-то неизвестной, возможно, сакральной причине Нго Ши Лиен в XV в. заменил в иероглифе 燮 элемент 乂 на элемент 火, и поэтому само имя следует читать в традиционно принятой фонетике как «Си Ниеп».

По поводу Чжао То (Чиеу Да) смотри «Главу 3» «Части I». Что же касается самого Си Ниепа, то в летописном своде XV в. «Запись истории Великого Вьета, полное описание» Нго Ши Лиена о нём сказано следующее:

«Король [по] фамилии Си, имени Ниеп, псевдоним Нган-уи – [это] человек из Гуансиня [области] Цану. [Его] предок – человек из Вэньяня царства Лу, во время мятежа Ван Мана при Северном дворе (*9 – 23 гг.*) бежал от беды во Вьет, до [воцарения] короля прошло шесть поколений.

Отец [по имени] Ты во время [правления] императора Воителя [династии] Хань (*147 – 167 гг.*) служил префектом [области] Нятнам. Король, когда был молод, отправился учиться в столицу [династии] Хань, следовал за Люцзы Ци из Инчуаня в изучении [книги] "Вёсны [и] осени" с "Комментарием [господина] Цзо", написал пояснения, выдержал [конкурсные] испытания [на] звание "почтительный [и] бескорыстный", был назначен [на должность] помощника министра, но из-за общественного дела (*траур по умершему отцу*) был освобождён от должности.

После [окончания] траура по отцу Си Ниеп выдержал [конкурсные] испытания [на] звание "блестящий талант", был назначен начальником [уезда] Уян, затем [его] повысили, назначили префектом [области] Зяоти [и] пожаловали [титул] "маркиз [Справедливых] решений равных [решениям] Дракона". [Он] расположил столицу в Зоаньлоу (*Лаунгбиене*)» [236.1, кн.3, с.8а].

А под 207 г. уточняется, что император Хань направил Си Ниепу послание, в котором, в частности, говорилось: «Теперь же назначаем [Вас] офицером – срединным мужем умиротворителем юга, [поручаем] управлять семью областями как прежде», а ещё через две строки сообщается, что «Император Хань снова издал указ, пожаловав королю должность генерала армии Дальнего умиротворения [и] титул маркиз [Справедливых] решений равных [решениям] Дракона» [236.1, кн.3, 10б – 11а].

Этот же текст повторяется без изменений каких-либо принципиальных изменений со ссылкой на раздел «Биографии» из «Записей У» во вьетнамском летописном своде XIX в. [239.6, с.473, 483, 485].

Единственным, но весьма принципиальным отличием текста XV в. от всех остальных китайских и вьетнамских записей о Си Ниепе является то, что Нго Ши Лиен именует его «королём».

[15] Чэнь Ши 時陳 – настоящее имя этого префекта области Зяоти, но поскольку иероглиф 時 входил в состав престольного имени императора династии Нгуен, правившего под девизом «Наследованная добродетель» (1848 – 1883 гг.), то он был заменён на иероглиф 辰. Поэтому в летописном своде «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» вместо имени Чэнь Ши написано имя «Чэнь Чэнь» 辰陳 [239.6, с.496, 497].

[16] Целый ряд весьма важных проблем, связанных с правлением Си Ниепа, относится к разряду вопросов, которые лежат в сфере социальной и культурной проблематики и соответственно выходят за рамки данного раздела. Тем не менее, представляется целесообразным уже здесь оговорить три основные проблемы, которые детально рассматриваются в последующих разделах настоящего тома.

Во-первых, период правления Си Ниепа является временем начала оформления смешанной «сино-аннамитской» элиты на территории Северного Вьетнама. Этот термин был введён в оборот французскими католическими миссионерами, путешественниками и учёными в XIX – начале XX в. К сожалению, прямой перевод этого термина на русский язык «"вьетнамо-китайская" элита» не отражает понятия синтеза традиционной вьетской элиты с эмигрировавшими во Вьет и оседавшими там на протяжении III в. до н.э. – II в. н.э. ханьцами, а другого аналогичного термина не существует. Поэтому для обозначения явлений, связанных с появлением новой, смешанной элиты на ранних этапах её существования используется термин «сино-аннамитский». По времени ему предшествует термин «вьетский», а сменяется он термином «вьетнамский». С этой точки зрения совершенно прав К.Тэйлор, использующий понятие «Великие Хань-Вьетские роды» для обозначения смешанной «сино-аннамитской» элиты эпохи «скрытых» династий и правителей, которая открывается правлением Си Ниепа [1144, с.48 – 84].

Во-вторых, правлением Си Ниепа следует датировать начало укрепления в стране позиций буддизма. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о путешествиях буддийских миссионеров непосредственно из Индостана в Цзяо в конце II – III вв. [1009, с.206 – 220], а также упоминание «людей Ху» в свите Си Ниепа (смотри выше «Примечание 12», а также «Главу 2» «Части IV» настоящего тома).

В-третьих, данные о правлении Си Ниепа позволяют выдвинуть гипотезу об авторстве анонимных «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо» [247.1], датируемых в одном случае III, а в другом – IV в. [651, с.209 – 211].

С одной стороны, даты правления «скрытой» династии Си (конец II – начало III в.) и дата написания указанного памятника (III в.) вполне соотносимы. С другой – известно, что в этом памятнике впервые появляются данные вьетской «житийной» историко-мифологической традиции, к данным которой основатель первой «скрытой» «сино-аннамитской» династии вполне мог иметь доступ [544, с.82 – 85]. Наконец, также известно, что Си Ниеп отличался высокой степенью образованности и интересовался историческими сочинениями (смотри «Примечание 13»). Поэтому логично предположить, что получивший доступ к данным вьетской «житийной» историко-мифологической традиции Си Ниеп или кто-либо из его ближайшего окружения является автором «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо».

[17] Танмин также известен под названием Даомин. В источнике уточняется, что эта страна находится на расстоянии в четыре тысячи километров к северу от области Нятнам в районе моря. Также возможна интерпретация: «в центре моря» [239.6, с.519]. Однако в комментарии к летописному своду Чжу Си указывается, что Даомин находится к северу от Ченлы, а это привело японского учёного С.Наиро к выводу о локализации Танмина на территории современной вьетнамской провинции Нгеан [472, с.26]. Обе эти локализации Танмина достаточно сомнительны, так как в первом случае это государство должно было бы находиться на побережье северных китайских территорий, тогда как территория Нгеана в то время уже принадлежала Лэмап (Тямпе). Правда, нельзя исключать, что на ранних этапах становления Лэмап на её северных границах существовала страна Танмин. Последнее было бы логично, так как в источнике говорится о том, что «Короли Фунани, Лэмап [и] Танмина, – все прислали послов, поднесли дань» Люй Даю. Иными словами, речь идёт о королях государств, расположенных к югу от округа Цзяо [239.6, с.507].

[18] В тексте сказано: «восстали маны из Уси [области] Улин [государства] У» [239.6, с.507], что означает неханьские и соответственно «варварские» народности, обитавшие в районе пяти горных проходов, которые соединяли Фуцзянь с Гуандуном.

[19] Полное имя руководительницы восстания – Ле Хай Ба, личное имя – Чинь, родовое имя – Чиеу. Она была младшей сестрой умершего к тому времени крупного представителя местной знати Чиеу Куок Дата. Одним из значений иероглифа 媪 (вьет. *âu, ay*, кит. *oy*) является уважительное обращение к знатным пожилым женщинам. Поэтому, так как Ле Хай Ба была главой рода и возглавляла восстание, то её называли «Чиеу-ау», то есть, «Госпожа Чиеу». Согласно историко-мифологическому сюжету, длина её грудей равнялась 96 см, она была незамужней, сражалась, сидя на голове слона, а после гибели превратилась в духа. Поминальный храм

госпожи Чиеу находится в общине Фудиен уезда Михоа провинции Тханьхоа [239.6, с.521, 523].

[20] Принято считать, что термин 南安 (*Умиротворённый юг, Аннам, Аньнань*) впервые был введён в оборот для наименования зависимых вьетских территорий лишь в правление династии Тан в 679 г. Однако данный текст свидетельствует о том, что он использовался династией Вэй ещё в 264 г., то есть, за четыре века до династии Тан.

[21] С этого времени начинается второй период кратковременного господства царства У над округом Цзяо.

[22] Имя Фам Фат переводится как «Образ» или «Воплощение Будды». Согласно источникам, первым королём Тямпы стал Кху Лиен. Ему наследовал племянник по материнской линии Фам Хунг, а тому – сын по имени Фам Зат, после смерти которого престол захватил один из придворных Фам Ван. Сыном последнего и был Фам Фат [239.6, с.565, 567]. Весьма примечательно, что в состав имён всех ранних тямских королей входит иероглиф 範, который переводится как «образец», «модель», производным от чего является понятие «образ», «воплощение». Однако он также имеет значение «обычай», «правило», «закон» [3, с.669, №7032]. Таким образом, возможен перевод имени Фам Фат и как «[Воплощение] закона Будды».

[23] Согласно китайским источникам, Лу Сюнь был префектом области Юнцзя в современном Чжэцзяне. Он потерпел поражение в борьбе за области Юйлинь и Цану, после чего отступил в Цзяо, где, объединившись с Ли То, попытался захватить этот округ [472, с.39]. Таким образом, между китайскими и вьетнамскими источниками имеется разночтение лишь в должности Лу Сюня.

[24] В данном случае имеется некоторое разночтение между цитируемыми вьетнамскими и китайскими источниками. Во вьетнамских сказано, что Хюе До сжёг флот противника с помощью факелов, в китайских же уточняется, что он повелел привязать факелы к хвостам фазанов, которых пустили на флот Лу Сюня. Кроме того, сказано, что, потерпев поражение, Лу Сюнь отравил жену и детей, а слугам и наложницам предложил вместе с ним покончить с собой. Казнив тех, кто отказался, Лу Сюнь бросился в воду. До Хюе До выловил его труп, отрезал голову и отправил в столицу Цзинь Цзянькан [472, с.39]. Как можно заметить, это разночтение не имеет принципиального характера.

[25] Разгромив тямскую армию, Хюе До захватил в плен сына тямского короля Тян Чи и казнил его. В плен также попали тямский военачальник Фам Киен с сыном и более ста знатных тямов.

[26] В работе И.Н.Машкиной приводится дата 466 г., что, вероятно, является типографской ошибкой [472, с.40, примечание 64].

[27] В источниках сообщается, что Тань Хэчжи (Дан Хоа Ти) был родом из Кимхыонга провинции Каобанг, однако его имя нетипично для вьетов. Судя по всему, он был представителем одного из имперских родов, осевших в Цзяо.В 456 г. он был назначен наместником округа Янь, но вскоре за пьянство и мздоимство был снят с должности. После этого, «заболев, увидел демонов Ху, [явившихся его] терзать, [и] умер» [239.6, с.599]. Надо полагать, что «демоны Ху» – это древние сюнну, которые в южных легендах нередко обретают образ демонов, а из контекста самого сюжета следует, что Тань Хэчжи скорее всего умер от белой горячки.

[28] В источнике сказано: «тогда был человек, происходивший из семьи [учёного] конфуцианца [области] Наньян [по имени] Цзун Цюе. Цюе обожал военную профессию, обычно говорил: "Хочу оседлать вечный ветер, покорить бесконечную волну"... ...Цюе страстно просил [позволения] присоединиться к армии. Император Сун назначил Цюе генералом армии воинственным вдохновителем. Хэчжи назначил Цюе [командовать] авангардом... ...Цюе вывел армию из засады, [нанёс] удар [и] полностью разгромил... Зыонг Май собрал военную [силу всего] государства, полностью защитил слонов доспехами, не было [даже] щели. Цюе сказал: "Говорят, в далёких странах есть лев, [ему] покоряются все животные", немедленно сделал изображение [льва], противопоставил слонам, естественно, слоны в испуге бежали... ...Цюе ничего [себе] не взял, вернулся домой в поношенной одежде» [239.6, с.595 – 599].

Такое преувеличение конфуцианских добродетелей Цзун Цюе, имеет, надо полагать, несколько причин, однако главной из них, несомненно, является противопоставление идеального военачальника из империи погрязшему в пороках туземцу, который только волею случая оказался его начальником (смотри предыдущее примечание).

[29] Тыонгфо – уезд на северо-западе Тямпы, который следует идентифицировать с уездом Тыонглам эпохи Хань. Он находился в области Нятнам. Позднее уезд Тыонгфо был переименован в уезд Лэмап.

Тюнго – пост или укрепление в одноимённом уезде, учреждённом при династии Хань на севере области Нятнам.

Крепость Кхулат. В источнике сообщается, что она находилась на севере государства Тиемтхань (более позднее название Тямпы). Согласно «Комментарию к "Книге Вод"» Ли Даоюаня река Лозунг, берёт начало в

одноимённом уезде области Нятнам на высокой горе к югу от крепости Кхулат и с востока огибает северную сторону крепости Кхулат [239.6, с.591, 599]. Остатки этой крепости сохранились до нашего времени, а на её территории было найдено много тямского оружия и военного снаряжения.

Таким образом, можно констатировать, что в области Нятнам самым северным укреплением Тямпы являлся пост Тюнго, южнее которого её защищала крепость Кхулат, а ещё южнее находился уезд Тыонгфо, где, судя по источникам, в то время была расположена столица Тямпы (Лэмап).

[30] В источнике сказано: «Золотые люди: [Согласно] "Книге Сун" [жители] Лэмап следовали учению "Пути Небесной Монахини", отливали золотые [и] серебряные статуи людей величиной в шестнадцать метров» [239.6, с.601].

Согласно «Словарю буддийского учения», «Путь Небесной Монахини» (Nirgrantha) – это одна из джайнских индийских религиозных сект. Её адепты упражнялись в аскетизме с целью преодоления соблазнов трёх миров: мира страстей (kāmadhātu), мира реального (kāmaloka) и мира иллюзорного (rūpaloka). Они жили нагими и натирали тело угольной золой. Вьетнамские буддисты называют эту секту «Внешний Путь бессердечия», а её адептов – «Сыновья Небесной Монахини» [11.2, с.325, 326].

[31] В китайских и вьетнамских источниках по этому периоду наблюдается ряд разночтений. Так, в китайских источниках Тхук Хиен назван двоюродным братом Чыонг Няна. Кроме того, в них ничего не говорится о том, что Тхук Хиен прежде был префектом области Вубинь. В то же время китайские историографы сообщают о том, что Ли Чыонг Нян отказался от китайского календаря, который было приказано снова принять Тхук Хиену при его утверждении в должности. В «Книге Сун» говорится, что в 468 – 479 гг. на посту наместника округа Цзяо сменилось семь чиновников, а в «Книге Южной Ци» и у Сыма Гуана описание событий совпадает с их описанием во вьетнамских источниках. Исходя из этих фактов И.Н.Машкина приходит к выводу о том, что преемственности между Ли Чыонг Няном и Тхук Хиеном не было, и, видимо, поэтому она принимает идею о ряде шести или семимесячных правлений наместников [472,с.41].

Не вызывает сомнения, что указанная путаница связана с нерегулярной и зачастую искажённой информацией, поступавшей в империю из округа, в котором правила «скрытая» династия Ли. При этом не исключено, что какие-то формальные назначения имперских чиновников и происходили, но это не меняло самой сути событий, тем более, что в самой империи шёл процесс смены династии Сун династией Ци. В этих условиях данные вьетских источников, основанные на сведениях неофициальной историографической традиции, представляются более вероятными.

Что же касается сообщения о том, что Ли Чыонг Нян отказался от китайского календаря, то возникает вопрос: от какого календаря? Циклического или по годам девизов правления имперских династий?

Представляется, что в данном случае речь идёт о втором календаре, которым в Цзяо никогда широко не пользовались.

Скорее всего, Ли Чыонг Нян отказался от летоисчисления по годам девизов правления династии Сун, а Ли Тхук Хиен получил прямое повеление использовать летоисчисления по годам девизов правления новой династии Ци. (*Смотри статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI»*).

[32] В китайских источниках уточняется: «Двенадцать панцирей [и] шлемов» [472, с.41], а во вьетнамском говорится: «поднёс шлемы [и] копья из чистого серебра [количеством] на двадцать отрядов [и] изменяющиеся павлиньи перья» [239.6, с.607].

«Изменяющиеся павлиньи перья». Согласно комментарию вьетнамских историографов, это павлиньи перья, которыми себя украшали для того, чтобы изменить свой внешний вид и придать себя блеск и красоту [239.6, с.609].

[33] Противоречивость событий, которая отмечена выше в «Примечании 30», не осталась незамеченной и вьетнамскими историографами, давшими ей с конфуцианской точки зрения свою оценку. Так, историограф XVIII в. Нго [Тхи] Ши пишет: «Такие действия людей Ци [свидетельствуют о] неправильных законах. Тхук Хиен – это подданный из[категории] мятежников, присвоил себе [должность] правителя округа. Поскольку императорский указ [ещё] не прибыл, просил [о своём назначении] Срединную династию. Когда получил императорский указ, то [всё равно] воспрепятствовал прибытию наместника из Юйлиня.

Воспользовавшись этим противостоянием, [династия] Ци, пожаловала [ему] должность наместника. Будучи уже пожалован бунчуком [и] табличкой, опять прекратил подношение дани. Когда Лю Кай, следуя указу, наступал, чтобы покарать, снова позволили коротким путём прибыть ко двору, не слыхал, [о том, что] прямо [объявили о] наказании за нарушение закона! Такое же [и более] позднее дело Дэнчжи. [Если] запрещать [и] поощрять подобным [образом, то] как же можно привлечь сердца людей [и] прославить государство?» [239.6, с.607, 609].

Из этого текста следует, что мятежник Ли Тхук Хиен, прибыв ко двору императора Ци так и не понёс никакого наказания, что, по меньшей мере, странно. В свете этого не менее странен и следующий сюжет, связанный с упомянутым Нго [Тхи] Ши старшим историографом Дэнчжи, или Фу Дэнчжи, который фактически сверг наместника и был назначен династией Ци вместо него. Все эти «странности» могут объясняться только одним: слабостью власти имперских династий во Вьете описываемого периода.

[1] Имеется несколько датировок периода династии Ранняя Ли. А.Масперо называет 543 – 601 гг. [897.1, с.1], Д.В.Деопик несколько модифицирует эти даты, говоря о 541 – 603 гг. [349, с.59], тогда как во вьетнамских источниках говорится о 541 – 602 гг. (смотри ниже в настоящей главе об источниках по периоду династии Ранняя Ли). Представляется, что такое расхождение в датах требует определённого пояснения.

Позиция А.Масперо достаточно очевидна. Как уже отмечалось, он отрицает единство этого периода. Согласно его выводам, восстание действительно началось в 541 г., но начало правления Раннего Ли датируется 543 г., то есть годом успешного похода против Тямпы и принятия им после этого похода титула императора. Конец правления Раннего Ли он датирует 547 г., когда армия восставших была полностью разгромлена Ян Пяо и Чэнь Басянем [897.1, с.20]. Далее А.Масперо показывает, что восстание Позднего Ли и его кратковременную победу следует датировать не ранее 598 г. Спустя же всего три года (конец 601 – март 602 гг.) власть Позднего Ли была фактически ликвидирована, а в 603 г. он был захвачен Лю Фаном в плен и восстание было подавлено [897.1, с.24, 25]. С 548 по 600 г. А.Масперо указывает лишь на несколько разрозненных кратковременных восстаний и отмечает общую нестабильность имперского господства в округе Цзяо на протяжении этого периода [897.1, с.20 – 24]. Таким образом, согласно точке зрения французского учёного период смут датируется 541 – 603 гг., а период правления династии Ранняя Ли, существование которой он отрицает, должен был бы датироваться по первому и последнему правлениям этой династии с 543 по 601 г.

Д.В.Деопик для датировки восстания и правления династии Ранних Ли принимает 541 – 603 гг. К сожалению, советский учёный никак не обосновывает свою точку зрения, что весьма сходно с его подходом к характеристике периода вьетнамской истории со 111 г. до н.э. по 44 г. н.э. [341, с.164 – 171; 349, с.58, 59, 61, 68 – 71]. Так, описывая «скрытые» династий, Д.В.Деопик даёт следующую справку: «6. Независимая династия Ранних Ли (в китайских источниках описана как серия разрозненных восстаний) (четыре представителя) – 541 – 603 гг.» [349, с.59], при этом он ни слова не говорит о проблеме короля Вьета Чиеу.

Таким образом, с одной стороны, по версии вьетнамских источников и согласно официальной точке зрения вьетнамоведческой науки СРВ, династия Ранняя Ли существовала, а с другой, как полагают на основании китайских источников А.Масперо и ряд других учёных, это лишь серия разрозненных восстаний. Что же касается Д.В.Деопика, то он, занимая промежуточную позицию, считает китайские источники базовыми для реконструкции описываемого периода становления вьетнамского общества.

Тем не менее, предваряя изложенный в настоящей главе материал, следует сказать, что наиболее вероятной представляется датировка, которая дана Нго Ши Лиеном в его летописном своде XV в. «Запись истории Великого Вьета, полное описание», то есть период династии Ранняя Ли следует датировать 541 – 602 гг., а конец самого восстания – 605 г., годом подавления его последних очагов Лю Фаном.

[2] А.Масперо первым обосновал и ввёл в оборот во вьетнамской литературе чтение иероглифа 賁 как *Би*, однако в данной работе используется более свойственное вьетнамским именам чтение *Бон*.

[3] Имя Фам Ту необычно для вьетов, тогда как среди тямов имена такого типа явление весьма распространённое. Более того, первый иероглиф этого имени являлся первым иероглифом имён большинства ранних тямских королей. Поэтому, весьма вероятно, что Фам Ту был тямом по происхождению, прекрасно знал «южные» традиции и имел опору среди населения области Нятнам. Благодаря этому он сумел организовать отпор тямскому вторжению, спровоцированному, по всей вероятности, династией Лян.

[4] Наименование царства Вансуан переводится как «Десять тысяч вёсен», или «Вечное процветание», что в сочетании с титулом «император Южного Вьета» указывало на стремление Ли Бона провести параллель между своим правлением и правлением императора Воинственного Чиеу Да в древнем вьетском царстве Намвьет, а также на его решимость сопротивляться любым попыткам восстановления какой бы то ни было зависимости от империи.

[5] В летописном своде XV в. «Запись истории Великого Вьета полное описание» название этого дворца обозначается иероглифами 殿壽萬 (*Ван-тхо диен, Вань шоу дянь*) [236.1., кн.4, с.15б], которые переводятся как «дворец Десяти тысяч лет» или «дворец Бесконечного долголетия», при этом переводчики этого летописного свода на современный вьетнамский язык называют его 殿春萬 (*Ван-суан диен, Вань-чунь дянь*) [236.1, с.291], что совпадает с вышеприведённым в предыдущей ссылке названием царства Ли Бона. Наконец, в летописном своде XIX в. «Отражение истории Вьета, основа [и] частности, составленное по повелению императора» и в иероглифическом тексте оригинала, и в переводе на современный вьетнамский язык этот дворец называется также, как и само государство [239.6, с.628, 629]. Судя по всему, вьетнамские переписчики летописного свода XIX в. просто допустили ошибку, которую повторили его переводчики на современный вьетнамский язык, тогда как ошибка

переводчиков летописного свода XV в. на современный вьетнамский язык ничем не объяснима.

[6] Чэнь Басянь. Один из самых выдающихся имперских полководцев той эпохи. Смута в империи началась с того, что в 547 г. военачальник династии Восточная Вэй Хоу Цзин, поднял восстание против Вэй, одновременно начав войну с Лян. С его смертью в 552 г. смута не завершилась. Поэтому Чэнь Басянь, формально отозванный в империю династией Лян в 555 г., на самом деле принял участие в борьбе за престол, в результате чего стал основателем южнокитайской династии Чэнь, которая правила в 557 – 588 гг.

[7] Судя по источникам, Тансыонг – это уезд, находившийся в горных районах Лаоса или «манских районах», которые граничили с вьетскими территориями [236.1, кн.4, с.16б; 239.6, с.639].

[8] Все описанные военные действия происходили в древних вьетских районах области Зяоти, главным образом – в бывшем древнем округе Фаунг и уезде Тюзиен, находившемся к северо-западу от него. Что же касается горного уезда Кхуатлао, то его локализация по источникам невозможна. Тем не менее исходя из театра военных действий можно предположить, что он находился к западу от Тюзиена на границе с Айлао, то есть в горном массиве на стыке территорий современных Лаоса, Северного Вьетнама и, возможно, южнокитайской провинции Юньнань.

[9] То есть король Вьета Чиеу, сюжет о котором в соответствии с хронологией приводится несколько ниже.

[10] Имя, которым традиционно принято называть во вьетнамоведении этого государя (Ли Фат Ты), на самом деле не является именем, оно образовано его фамилией (Ли) и девизом правления (Фат-ты или Сын Будды). Подробнее смотри ниже в соответствующем параграфе настоящей главы.

[1] Точно также как и имя Ли Фат Ты (смотри предыдущую сноску), имя этого государя образовано его фамилией (Ли) и девизом его правления (Тхиен-бао, или Небесное богатство). Подробнее смотри ниже в соответствующем параграфе настоящей главы.

Что же касается его титула, то обычно он переводится как «король Даоланга», в котором «Даоланг» понимается как название местности, которой правил старший брат Ли Бона. В принципе такое понимание этого титула верно, но в данном случае речь идёт не о государстве, которое именуется «Зананг», титул же связан с названием реки Дао (汀洮 Даозянг), поэтому он и переводится как «король – господин Дао[зянга]» (王郎[汀]洮 Дао[зянг] ланг-выонг).

[12] Точно также как имена Ли Фат Ты и Ли Тхиен Бао (смотри обе предыдущие сноски), имя этого государя образовано его фамилией (Чиеу) и девизом его правления (Куанг-фук, или Славная реставрация). Подробнее смотри ниже в соответствующем параграфе настоящей главы.

[13] Иногда эти две общины именуют деревнями, а их названия переводятся как «верхний отрез границы» и «нижний отрез границы». Указанные территории находились в области Зяоти, вероятнее всего – к северу от Лаунгбиена.

[14] Как известно, древний округ Фаунг (Фаунгтяу) был расположен на северо-западе Зяоти и являлся родовым владением королей Мужественных, то есть он был традиционным центром вьетской оппозиции империи. (Смотри выше о завоевании Намвьета и Аулака империей Хань).

[15] Согласно летописному своду Ян Су – человек из Хуайня в Хуннуне, Лю Фан – человек из Чанъаня в Цзинчжао, а округ Гуа в эпоху Тан входил в состав военного округа Шаньнань [239.6, с.675].

[16] Иными словами, сражение произошло на северо-западе Северного Вьетнама у выхода из горного массива на низменность.

[17] Во всех источниках эта крепость называется Вьетвыонг, что является вторым названием древней столицы короля Умиротворённого Юга Тхук Фана крепости Колоа, или Крепости Улитки. Однако в работе И.Н.Машкиной приведено название «Вьеттхыонг» [472, с.53]. Надо полагать, что эта ошибка вызвана близостью древнего этнонима и названия раннего вьетского протогосударственного объединения Вьеттхыонг и крепости Вьетвыонг. Само же название «крепость Вьетвыонг переводится как «крепость короля Вьета». Поэтому, надо полагать, что оно восходит ко времени учреждения в ней резиденции короля Вьета Чиеу Тука.

[18] То есть «Император Просвещённый [династии Суй] назначил [Лю] Фана объединяющим управление экспедиционной армией».

[19] Этот шаг можно рассматривать своеобразной данью взошедшего в 557 г. на престол Чэнь Басяня своему походу в Цзяо. Однако на практике объединение округов Гуан и Цзяо не было осуществлено, так как вьетские территории были свободны от имперской администрации. Что же касается девятнадцати округов, то в данном случае, очевидно, речь идёт о трансформации прежних областей в округи для повышения значимости должностей имперских чиновников в этом регионе [472, с.53].

[20] Анализ религиозно-мифологической канвы этих сюжетов отдельно от их фактологического содержания, изложенного выше, значительно облегчит вычленение фактов исторического характера из указанных сюжетов при их всестороннем сопоставлении.

[21] Речь идёт о формировании на основе синтеза народных верований или «народного даосизма», философского даосизма и буддизма махаяны (Большой Колесницы), характерного для Южного Китая и Северного Вьетнама буддийского учения, известного под наименованием буддизма школы Созерцания. Подробнее смотри главы «Части IV» настоящего тома.

[22] Замена иероглифа 李 (Ли) на иероглиф 阮 (Нгуен) в «Кратком изложении истории [Великого] Вьета» связана с запретом называть настоящую фамилию императоров правящей династии [36, с.42, 43].

[23] Указанные источники, как и большая часть китайских источников по «Эпохе северной зависимости», приводятся на русском языке либо по монографии И.Н.Машкиной [472], либо по статье А.Масперо [897.1]. Поэтому для того чтобы читателю было легче ориентироваться, при упоминании данных китайских источников ссылки даются на одну из этих двух работ.

[24] Имеются веские основания полагать, что житийные храмовые источники писались на особом, сакральном письменном языке – *номе*, созданном специально для этой цели и восходящем к древней вьетской письменности. Также представляется возможным предложить идею о последовательности проникновения данных неофициальной вьетнамской историографической традиции в официальные китайские династийные источники. Выше уже говорилось о том, что данные по истории лаквьетов впервые были зафиксированы в китайском источнике «Записи [о] внешних территориях округа Цзяо», авторство которого, по всей вероятности, следует связывать с Си Ниепом (смотри «Примечание 16» в «Комментарии» к «Главе I» «Части II»). В то же время известно, что эти данные снова попадают, но в ещё более сокращённом виде, в китайские источники лишь в эпоху Тан (618 – 907 гг.). Что же касается «Записей [о] внешних территориях округа Цзяо», то они известны по своим фрагментам, которые сохранились в труде Ли Даоюаня [247.1], при этом А.Масперо отмечает, что этот труд был создан непосредственно перед восстанием Ли Бона в 535 г. [897.1, с.10, сноска 1]. В связи с этим хотелось бы отметить особенность включения сведений по древней и раннесредневековой истории Вьетнама в официальные китайские письменные источники.

В период постепенного формирования «сино-аннамитской» элиты и появления первой вьетской «скрытой» династии Си (вторая половина II в. – первая треть III в.) сведения храмовой вьетской историографии попадают в

записи имперских наместников («скрытых» национальных правителей). В период назревания первой попытки восстановления государственной независимости Вьета фрагменты этих записей попадают в труд Ли Даоюаня (первая половина VI в.), тогда как после восстановления господства империи над вьетнамскими территориями часть сведений из этих фрагментов включается в официальные хроники династии Тан (начало VII в.). Надо полагать, что такая последовательность вряд ли может быть случайной. О её причинах смотри соответствующие разделы «Части IV» настоящего тома.

[25] Суммируя все сведения по этому государю из различных источников, представляется возможным сделать предположение о его карьерном росте. До 544 г. Чиеу Тук был левым генералом армии или командующим левым крылом армии Ли Бона [239.6, с.641]; 544 г. он был назначен великим заместителем, или первым министром и, вероятно, главнокомандующим [236.1, кн.4, с.15б, 17а]; в 546 г. – был пожалован титулом короля и получил верховную власть в стране [236.1, кн.4, с.17а]; наконец, в 548 г. Чиеу Тук провозгласил себя королём Вьета [236.1, кн.4, с.18а].

[26] Если предположить, что в 541 г. Ли Фам Ту было около двадцати лет, а его брат был старше на год или два, то к 602 г. Им было уже около восьмидесяти лет. При этом даже если принять официальную версию источников, согласно которой братья примкнули к восстанию приблизительно в 550 г., то и в этом случае получается, что им было не менее семидесяти лет.

[27] Например, смотри ниже о правлениях Кхук (906 – 922 гг.) и Нго (939 – 965 гг.).

[28] Предположительно, определения «Ранний» и «Поздний» были присоединены к титулу император Южного Вьета вьетнамскими придворными историографами XIV в. Само же название «династия Ранняя Ли», или «династия Ранних Ли» (541 – 602 гг.), было введено в оборот первыми французскими исследователями вьетнамской истории для того, чтобы отличать эту династию от первой общевьетнамской династии Ли (1010 – 1224 гг.), а после появления знаковой статьи А.Масперо [897.1] оно стало восприниматься вьетнамоведами как аксиома. Поэтому хотя в названии «династия Ранняя Ли» термин «Ранняя» и не заключён в квадратные скобки, как это делается при упоминании «династии [Ранняя] Ле», следует помнить, что речь идёт (пусть и о достаточно условной) первой вьетнамской «династии Ли». Смотри «Примечание 37» в «Комментарии» к «Главе 4» «Части II» настоящего тома.

[29] С этого момента вместо этнонима «вьеты» будет употребляться этноним «вьетнамцы», а вместо наименования «Вьет» – наименование «Вьетнам». О причинах такого изменения смотри «Параграф 1» «Главы 2» «Части IV» настоящего тома.

Глава 3

[1] Иными словами, речь идёт о выдвижении имперского административного аппарата на уровень уезда, а для повышения его статуса на столь низком уровне уезды были приравнены к областям, тогда как области преобразованы в округа (смотри ниже данную главу).

[2] А.Масперо первым сформулировал гипотезу, согласно которой основы вьетнамской культуры и государственности сложились при Танах. Именно к этой эпохе он возводит сложение основных вьетских историко-мифологических сюжетов, «китаизацию» вьетского общества, оформление границ территории его расселения и многое другое [893; 897.1.4.5.6].

[3] Великий объединяющий управление. Из контекста следует, что эта должность соответствует должности наместника. Не исключено, что это название должности наместника более высокого ранга.

[4] Иероглиф 鎮 имеет то же значение «умиротворённый», что и иероглиф 安, однако он несёт несколько иную эмоциональную нагрузку. Поэтому, чтобы по возможности отразить этот нюанс, при переводе на русский язык было использовано его синонимичное значение «успокоенный» [239.6, с.713, 943]. Одновременно с этим он имеет и другое значение: «пограничный район» или «опасная (уязвимая) область». Также одним из значений этого иероглифа является «подавлять», «репрессировать». В таком контексте, с одной стороны, название «губернаторство Успокоенного юга» выглядит репликой названия «губернаторство Умиротворённого юга», а с другой – возможно его толкование как «Пограничные территории юга» или «Южное военное наместничество». В источниках причины изменения названия губернаторства не указаны. Возможно, это было связано с попыткой изменения статуса Вьета для его более тесного объединения с провинциями Южного Китая после подавления восстания Май Тхук Лоана. Но так как поставленную задачу решить не удалось, то уже в 768 г. было восстановлено прежнее название губернаторства.

[5] К названию Хаймэнь в виде определения добавлен иероглиф 鎮, который позволяет определить его как наименование резиденции правителя или военного наместника опасной и удалённой от центра империи территории. Согласно источникам, Хаймэнь находился на западе уезда Бобай области

Юйлинь провинции Гуандун. Само же название Хаймэнь, переводящееся как «Морские ворота», указывает на то, что этот город являлся одним из основных портов губернаторства.

[6] Под «исторической эпохой» А.Масперо понимает период развития Вьетнама со времени его включения в сферу китайского или ханьского влияния не ранее 207 г. до н.э. (начало правления династии Чиеу) и не позднее 44 г. н.э. (подавление восстания сестёр Чынг).

[7] Об этом же свидетельствует и один из титулов короля Тямпы: король Вездесущий, или Хоан-вьонг. Сама Тямпа в то время также именовалась «государство Хоанвьонг» 國王環. Совершенно очевидно, что, выдавая желаемое за действительное, имперские историографы после похода Лю Фана именовали северную часть территории этого государства округом Хоан 州驩. В данном случае использование разных иероглифов является лишь попыткой закамуфлировать прямую ассоциацию, вызываемую совпадением их фонетического чтения (*хоан*, *хуань*).

[8] В источниках сообщается, что было захвачено и обезглавлено несколько десятков тысяч человек. Представляется, что эта цифра явно завышена с целью придать большую значимость победе Лю Фана.

[9] Интересно отметить, что в главном храме тямской столицы Лю Фан захватил восемнадцать золотых идолов [236.1, кн.5, с.16] или восемнадцать золотых кумирен [239.6, с.679]. То есть речь идёт о прямой аналогии с восемнадцатью королями Мужественными вьетской легендарной и полулегендарной древности.

[10] В 617 – 621 гг. в Гуандуне существовало царство, или «империя», Лян, основанное Сяо Сянем в условиях ослабления и падения династии Суй.

[11] В источнике сказано «префект округа». Однако во главе округа стоял наместник. Поэтому, судя по контексту, Цю Хэ был префектом области Зяо.

[12] Под Линнанью в данном случае следует понимать Вьетнам. Что же касается местного населения, то в наиболее древнем из сохранившихся вьетских источников уточняется: «Раньше народ Ли в год вносил половину податей» [36, с.120], при этом, какой «народ Ли» имеется в виду, установить не удалось. Однако, учитывая исходя из совпадения фонетического чтения иероглифа 李 в имени Ли Ты Тиена и иероглифа 俚 (этноним «Ли»), можно предположить, что население, находившееся в феодальной зависимости от клана Ли, также именовалось «народ Ли». Данная гипотеза подтверждается и тем, что в этом сюжете встречаются и

другие разночтения в написании имён. Так, последний иероглиф в имени Ли Ты Тиен пишется и как 僊 [36, с.120], и как 先 [236.1, кн.5, с.4а], и как 仙 [239.6, с.702, 703], а в имени Фэн Цзыю последний иероглиф пишется и как 由 [236.1, кн.5, с.4б], и как 猷 [239.6, с.702, 703].

Наконец, весьма любопытно и то, что один имперский военачальник, желая «совершить подвиг», не оказал помощи другому, в результате чего тот был убит восставшими. Из этого следует, что уже само недопущение распространения смуты на какую либо территорию этого региона расценивалось в империи как «подвиг».

[13] Хотя к этому времени губернаторство Умиротворённого юга существовало уже около пятидесяти лет, в источниках, как, например, в данном случае, оно нередко по-прежнему именуется округом.

[14] Внутренний придворный, то есть чиновник, допущенный во внутренний дворец или евнух.

[15] Согласно китайским источникам, у Май Тхук Лоана была четырёхсоттысячная армия, а восстание охватило тридцать два округа. Помимо Тямпы и Ченлы восстание поддержало Кимлан, или Кимчан, находившееся в тысяче двухстах км к западу от Фунани. Против восставших была брошена стотысячная армия под командованием Ян Сысюя, которая вторглась во Вьет «прежним путём Ма Юаня». О самом же Май Тхук Лоане известно, что он происходил из уезда Тхиенлок округа Хоан малой провинции Дыктхо провинции Хатинь. Известно, что у Май Тхук Лоана был очень тёмный цвет кожи, с чем, вероятно, связан принятый им титул «император Тёмный». Поэтому, исходя из того, что у Май Тхук Лоана была «индонезийская» внешность, а происходил он из традиционного тямского центра, можно предположить, что и сам он был тямом [239.6, с.709 – 713].

[16] Тяба, также именуется Доба [239.6, с.713]: под этим названием понималась Ява вместе с подчинёнными ей островными государствами.

[17] Дословно этот титул или, вернее, посмертное имя переводится как «Великий король Родитель (布) [и] Родительница (蓋)», а на русский язык он был переведён исходя из конфуцианской параллели отношений «отец – дети» = «государь – подданные»: «Великий король, [воплощение] родительской [добродетели]» [239.6, с.723 – 725].

[18] В китайских источниках упоминается лишь До Ань Хан, но ничего не сообщается ни о Фунг Хынге, ни о роли его семьи в восстании.

[19] И.Н.Машкина приводит данные, согласно которым в 724 г. четырёх округов юга объединяли пятнадцать тысяч четыреста человек, а армия округа Цзяо насчитывала четыре тысячи двести воинов из их числа. Надо полагать, что «армия дальнего умиротворения», которую И.Н.Машкина называет «армия умиротворения далёких [окраин]», была учреждена на их основе [472, с.63].

[20] Ситуация достаточно очевидная. Губернатор, который удовлетворяется формальным признанием своей власти и не посягает на привилегии местной знати, пользуется почётом и уважением. Тогда как любая попытка вмешаться во внутренние взаимоотношения местных кланов и навязать им нежелательное решение приводит к восстанию и изгнанию или убийству губернатора.

[21] Хоангдонг: буквально «горный уезд Хоанг». Согласно источникам, он находился на территории современного Тэйнгуена и имел второе название «горный уезд Хоангтянь». Горные районы на границе с Наньчжао также иногда называли Хоангман или Хоангтак, то есть «маны [рода] Хоанг» или «разбойники Хоанг» [239.6, с.739].

[22] Иными словами, Зыонг Тхань фактически был «наместником» тямской территории и, не исключено, сам был тямом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что между манами и Тямпой сложился союз, о котором речь пойдёт несколько ниже.

[23] Говоря о восстании Зыонг Тханя в 819 г., И.Н.Машкина приводит данные китайских источников о том, что на сторону танского губернатора перешли представители местной знати с семитысячным войском, однако во вьетнамских источниках об этом ничего не говорится. В то же время в них сообщается о том, что маны издавна имели вооружённые формирования в количестве не менее шести тысяч человек, а их племенные вожди, в частности – Ли Зо Док, помогали «удерживать порядок». Не исключено, что в данном случае имела место интерполяция более позднего факта на предшествовавшее событие [472, с.64].

[24] В тексте буквально сказано следующее: «Мы прибыли [сюда] покарать армию восставших манов, [а совсем] не для [того, чтобы] грабить» [236.1, кн.5, с.8б].

[25] Первое упоминание Тямпы под названием Тиемтхань, которая до этого называлась Лэмап.

[26] Имеются в виду отборные воинские части, солдаты которых повязывали головы жёлтыми платками. Они располагались в Чжуну и использовались для карательных экспедиций.

[27] Как правило, эта административная единица именуется округом Юн. В дальнейшем, особенно при упоминании воинских частей, округа нередко называют управлениями.

[28] Надо полагать, что в империи были сильно обеспокоены размахом восстаний и мятежей во Вьете. Так, в источнике говорится: «[Император] Тан обвинил Ху [в том, что он] потерпел поражение, понизил, [назначив] начальником подворных [реестров] округа Дань. Недолгое [время] спустя [император отметил, что] семья До могучая [и] процветающая, поэтому решил сгладить ошибку, пожаловал отцу Тху Чынга [должность] генерала армии Цзиньу. Снова обвинил Ху в преступлении за убийство Тху Чынга, навечно сослал в округ Яй, назначил легата – командующего обороной округа Янь, Ван Куаня, вместо [него]» [239.6, с.779 – 781].

[29] В источнике Цай Цзин именуется 左庶子, то есть, «побочный наследник». Иероглиф 左 кроме основного значения «левый» имеет ещё значение «побочный», а сочетание иероглифов 庶子 в одном из значений отражает понятие «дети наложницы». Таким образом, Цай Цзин был побочным наследником императора от наложницы [239.6, с.787].

[30] Не исключено, что одной из причин отказа были интриги Цай Цзина, но основная, вероятно, состояла в том, что империя просто не располагала на юге достаточным количеством регулярных войск для удовлетворения просьбы Цай Си. Одно дело – мобилизация воинских частей нескольких близлежащих округов (приблизительно по две тысячи солдат в каждом) и нерегулярных войск или добровольцев для подавления восстания или отражения нападения извне, а другое – резкое увеличение численности постоянного гарнизона в окраинном округе.

[31] Тхиенсиен. Согласно источникам, это одна из столиц царства Наньчжао, находившаяся на северо-западе округа Зяо [239.6, с.819].

[32] В имени Фам Нат Та иероглиф 毘 также читается как «Ни» [239.6, с.815].

[33] Уезд Фуза. Исходя из того, что Доан Ту Тхиен был назначен легатом – законодателем Тхиенсиена, а Чиеу Нак Ми – объединяющим управление в Фуза (кит. Фусе), можно было бы предположить, что речь идёт о крепости Фусе, находившейся к северо-западу от вьетнамских территорий в уезде Лоцы военного округа Дяньчжун современной провинции Юньнань.

Однако это маловероятно, так как весь этот сюжет посвящён войне с Наньчжао на территории губернаторства Умиротворённого юга. Поэтому наиболее вероятно, что речь идёт об одноимённом вьетнамском уезде Фуза округа Вудинь. Также интересно отметить, что в одном источнике в названии уезда первым стоит иероглиф 扶 «фу», а в другом – иероглиф 浮 с той же фонетикой «фу», при этом в одном случае второй иероглиф 邪 написан на современной вьетнамской письменности «da» (за), а в другом – «tà» (та) [236.1, кн.5, с.13б; 239.6, с.819 – 821].

[34] В источнике XV в. достаточно подробно повествуется об интригах, с которыми была связана война с Наньчжао. А поскольку эти интриги позволяют судить о ситуации при танском дворе, который уже практически потерял всякий контроль над вьетскими территориями, представляется целесообразным привести здесь этот сюжет в полном объёме.

«Красный Пёс. Год 7-ой эры Всеобщего проникновения [династии] Тан (866 г.)…

…Зима, месяц 10-ый. Гао Пянь окружил крепость округа [и осаждал её] более десяти дней. В тот момент Гао Пянь получил письмо от Ван Яньцюаня. В этом письме говорилось: "Мы вместе с Ли Вэйчжоу выступаем с великой армией из Хаймэня". Гао Пянь немедленно передал командование армией Вэй Чжунцзаю, [а] затем с сотней людей своего знамени отправился [назад в империю] Тан.

До этого Вэй Чжунцзай призвал малого посланника Ван Хуйцзаня, Гао Пянь призвал младшего командира Цзэн Гуня, повелели обоим отвезти послание с докладом ко двору династии Тан. Приближаясь к Хаймэню, Ван Хуйцзань [и] Цзэн Гунь [ещё] издали заметили знамёна, шедшие с востока. Спросили [о том, кто это, у людей с] дозорного судна, [им] ответили: "Это наступают новый легат – устанавливающий закон вместе с инспектором армии". Они оба подумали: "Ли Вэйчжоу наверняка нас задержит [и] отнимет доклад двору". Тогда они спрятались на острове, подождали, пока пройдёт Ли Вэйчжоу, [и] спешно отправились в столицу.

Император Тан получил доклад, очень обрадовался, немедленно пожаловал Гао Пяню [должность] старшего инспектора, министра министерства общественных работ, повелел Гао Пяню [снова возглавить войска и] разгромить армию манов. Добравшийся до Хаймэня Гао Пянь повернул назад.

Ван Яньшюань – человек глупый [и] ничтожный, всё делалось только по приказам Ли Вэйчжоу. Ли Вэйчжоу – человек жестокий [и] алчный, командиры не желали ему служить, поэтому кольцо окружения разомкнулось [и] более половины армии манов бежало.

Гао Пянь добрался до места, снова бросил воинов на приступ [и] захватил крепость…» [236.1, кн.5, с.14а, 14б].

Не менее подробно этот сюжет излагается и в источнике XIX в. [239.6, с.815 – 819].

[35] Видимо, для устрашения головы отрубались и у трупов. В противном случае эта цифра явно завышена.

[36] И.Н.Машкина приводит данные китайских источников о том, что в 876 г. Наньчжао направило миссию к Гао Пяню, который казнил посла, что вызвало новое вторжение и осаду резиденции губернатора. Однако Гао Пяню удалось отразить и это нападение [472, с.70]. При этом необходимо подчеркнуть, что во вьетнамских источниках об этом событии даже не упоминается. Кроме того, если указанная И.Н.Машкиной дата верна, то это событие должно было произойти не в правление Гао Пяня, а в правление Гао Синя.

[37] Упоминается только в «Кратком изложении истории [Великого] Вьета» [36, с.121].

[38] Упоминается только в «Отражении истории Вьета, основе [и] частностях, составленном по повелению императора» со ссылкой на китайские источники. Даты правления этого губернатора более или менее точно восстанавливаются из контекста [239.6, с.751 – 757].

[39] Внешний периметр стен крепости Гао Пяня составлял 7 км 930 м, высота стен достигала 10 м 40 см. По четырём углам крепости ещё на 2 м 20 см возвышались башни. Кроме того, имелось пятьдесят пять специальных ниш для часовых и шесть предвратных укреплений. Внутри крепости было около четырёхсот тысяч помещений, три водохранилища и тридцать четыре дороги. Главное укрепление было обнесено валом периметром 8 км 503 м, высотой 6 м и толщиной у основания 8 м [235.1, кн.5, с.14б, 15а][1]. Считается, что в 767 г. Чжан Бои возвёл в Донгкуане крепость и назвал её «Крепость Ла», которую Чжао Чан укрепил между 791 г. и 801 г. Между 808 и 810 гг. Чжан Чжоу перестроил эту крепости и назвал её «Крепость Дайла». В 824 г. Ли Юаньцзя переместил резиденцию губернатора к реке Толить и построил там небольшую крепость, которую назвал «Крепость Ла». В 825 г. резиденция была переведена в уезд Тонгбинь. Эти территории находятся в дельте Красной реки, однако вряд ли все упомянутые крепости можно рассматривать как одну, постоянно расширявшуюся крепость Дайла. Согласно мнению комментаторов, Гао Пянь лишь построил внешнюю стену этой «единой» крепости, которая была названа «Крепость Ла», а её внутренняя часть называлась «Золотая крепость». из-за формы укреплений эту крепость также называют «Крепость Кокон» [239.6, с.743 – 749, 823 –

[1] В тексте сказано: «1982 *чыонга* 5 *тхыоков*»... 2 *чыонга* 6 *тхыоков*... 2125 *чыонгов* 8 *тхыоков*... 2 *чыонга* 5 *тхыоков*... 5 *чыонгов* 5 *таков*». Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

831]. Существует гипотеза, согласно которой Гао Пянь значительно расширил, возведённую в 767 г. в Донгкуане крепость. Вероятно, она была заложена Цю Хэ около 618 г. Не исключено, что эта крепость находилась в старой части современного Ханоя.

Согласно источникам, Гао Пянь также организовал расчистку старых и строительство новых каналов из округов Юн и Гуан во Вьет, точное местонахождение которых не установлено [236.1, кн.5, с.15а – 16б].

[40] Известно имя ещё одного танского губернатора Чжу Цюаньюя, который в 905 г. по доносу своего младшего брата был снят с поста «за глупость». Однако к тому времени во Вьетнаме уже не было танских войск. Поэтому если формально Чжу Цюаньюй и был губернатором, то его резиденция находилась не во Вьетнаме, а в одном из округов Южного Китая [236.1, кн.5, с.17а]. Что же касается самого Цзэн Гуня, то, согласно второй версии, он уговорами и убеждениями сумел заставить восставший гарнизон смириться и больше не напоминал своим солдатам об их «ошибках». К нему «часто присоединялись» войска из пограничного управления Юн, которые за это «получали вознаграждение». Люди в округе Цзяо любили Цзэн Гуня за ум и доброту и называли его «Министр Цзэн». Цзэн Гунь пробыл в округе четырнадцать лет (по 892 г.), после чего губернатором (легатом – законодателем) был назначен Чжу Цюаньюй [239.6, с.833 – 837].

В целом эти сведения не меняют общих выводов, так как источники свидетельствуют о начале ухода танских войск в империю в 880 г. Не исключено, что Цзэн Гунь остался в губернаторстве, но его власть уже опиралась на силу местных феодальных кланов, а не на имперскую армию. Учитывая же, что он был одним из доверенных лиц Гао Пяня, политику его правления следует рассматривать как продолжение политики Гао Пяня и Гао Синя, поэтому он не мог восприниматься, да и не воспринимался, вьетнамскими феодалами как имперский губернатор.

[41] О «сино-аннамитской» элите смотри выше параграф «Проблема Си Ниепа и окончательное обособление Вьета в 187 – 227 гг.» в «Главе 1» «Части II». Именно эта элита стала ключевым фактором, не позволившим ханьской культуре ассимилировать вьетскую, как это произошло с культурой вьетских обществ Южного Китая.

[42] Понятие «прочная связь» образовано иероглифами «недоуздок» 羈 [и] «кольцо» 靡, которое продевается в ноздри буйвола. Отсюда название «округ прочной связи» 州靡羈 интерпретируется как округ, всё население которого привязано к империи так прочно, как привязываются лошади и буйволы в стойле при помощи недоуздка и кольца.

[43] Не исключено, что Гао Пяня называли «король Гао», так как иероглиф его имени 高 переводится в традиционной системе посмертных имён устоявшимся термином «Высокий», который обычно является посмертным именем основателя династии.

Гао Пянь был не только имперским губернатором «де-юре» и вьетнамским феодалом «де-факто». Он также был известным геомантом. Об этой стороне его деятельности во Вьетнаме смотри «Параграф 3.2» статьи «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме».

[44] Все описанные в «Части II» события вьетнамской истории свидетельствуют вопреки господствующей точке зрения о том, что так называемая «Эпоха северной зависимости» была далеко не однородна. При этом если в течение её первых трёх веков ещё можно говорить о безусловной зависимости вьетских территорий от империи Хань, то начиная с правления Си Ниепа и вплоть до конца первой половины «Эпохи северной зависимости» (44 – 540 гг.) речь должна идти о «полупокорённом» государстве, управлявшемся «скрытыми» правителями и династиями. Что же касается её второй половины (603 – 880 гг.), то начиная с конца VI – VII в. уже следует говорить о скрытой форме вассального государства, которое с 541 г. являлось форпостом империи в перманентных войнах с «южными варварами», или *манами* и Наньчжао. Именно поэтому наличие независимых районов в удалённых частях губернаторства Умиротворённого юга вообще не упоминаются в источниках, а собственно вьетские восстания против имперской власти в VIII – IX вв. постепенно уступают место союзу вьетнамских феодальных кланов с танскими губернаторами в борьбе с внешней угрозой.

Глава 4

[1] Не исключено, что в этом списке не учтены некоторые статьи учёных СРВ, так как в его основу положены публикации ведущего вьетнамского исторического журнала «Изучение истории». Однако в целом пропорциональность распределения статей по указанным проблемам вряд ли может быть нарушена. Что же касается публикаций учёных других стран по истории Вьетнама конца IX – начала XI вв., то, за исключением нескольких работ, которые рассматриваются в настоящей главе, они носят описательный характер и весьма кратко передают фактологический материал источников. Поэтому эти публикации не являются научными исследованиями в прямом смысле этого слова, скорее, они представляют собой учебные пособия.

[2] Таким образом, из трёх сохранившихся официальных вьетнамских летописных сводов наиболее вероятная периодизация содержится в самом раннем из них буддийском летописном своде династии Ли, составившем первую и вторую книги «Краткого изложения истории [Великого] Вьета» [36, с.109 – 180; 544, с.119, 120]. Этой проблеме частично посвящена заключительная часть настоящей главы.

[3] Вьетнамо-китайские отношения IX – X вв. характеризуются в монографии И.Н.Машкиной [472, с.70 – 95], которая подходит к их анализу с традиционных синологических позиций. Поэтому представляется необходимым несколько подробнее остановиться на этой проблеме, затронув её под иным углом зрения. При этом выделение вьетнамо-китайских отношений в отдельный параграф позволит как восстановить последовательность событий внутриполитической истории Вьетнама данного периода, так и выявить основную тенденцию становления вьетнамской государственности в 880 – 981 гг.

[4] Династия Тан пала в 907 г., что лишний раз подчёркивает формальный характер признания её власти феодальным кланом Кхук в 906 г.

[5] В «Примечании» историографов «Основы [и] частностей» говорится:

«*Государь* [*Южной*] *Хань*: сначала звали Янь 嚴; было явление белого дракона, [поэтому] изменил имя на Гун 龔; [поскольку имя] Гун пользы не принесло, снова изменил [имя] на Янь 龑.

Янь 龑: фонетика "янь" имеет значение "высокий [и] светлый", скрытый смысл – "явился дракон в Небе", поэтому [и] принял [это] имя» [239.6, с.847].

К этому можно добавить, что верхняя часть иероглифа « 龔 гун» образована иероглифом 龍 со значением «дракон», а его нижняя часть иероглифом 共 со значением «совместно», тогда как в иероглифе «янь 龑» верхняя часть также образована иероглифом со 龍 значением «дракон», а нижняя – иероглифом 天 со значением «небо».

[6] В одном источнике второй иероглиф этого имени 延 имеет фонетическое чтение на современном вьетнамском языке «диен» [236.1, кн.5, с.18а], а в другом – «зиен» [239.6, с.847]. То есть это имя может читаться и как «Зыонг **Зиен** Нге», и как «Зыонг **Динь** Нге», при этом второе чтение является общепринятым.

[7] Сяо И буквально сказал следующее: «Теперь дождь идёт несколько недель, морской путь долгий [и] опасный, Нго Кюен человек могучий [и] искусный, нельзя относиться [к нему] пренебрежительно. Великая армия

должна быть осмотрительной, следует послать много [людей] проложить дорогу, лишь затем можно наступать» [239.6, с.855].

[8] О традиционности этого пути свидетельствуют как описания предыдущих вторжений имперских армий на территорию восставшего Цзяо, так и маршрут флота сунской армии во время войны 981 г., о которой речь пойдёт несколько ниже.

[9] В источнике уточняется, что посольство Ли Юя было задержано на границе округа Бо, то есть на границе между Гуандуном и Северным Вьетнамом.

[10] Пожалование Динь Бо Линю должности легата – законодателя округа Цзяо является попыткой Южной Хань сохранить хотя бы при собственном дворе видимость господства над Вьетнамом, так как у себя в стране основатель династии Динь открыто именовал себя императором.

[11] Вручение символов власти сопровождалось следующим посланием сунского императора:

«[Династия Динь] является великим родом, [который] охраняет далёкую окраину [и постоянно] стремится следовать обычаям Хуа (Китая – П.П.). [Когда же] были объединены Девять округов (имеется в виду объединением империи под властью династии Сун. – П.П.) [и] умиротворён Улин, [то] сразу же преодолел море [и] поднёс традиционную дань. [Теперь же пожалован] императорский указ на управление окраиной, разрешающий главе [рода] жаловать [земельными] наделами, устанавливать [ранги и звания, чтобы] управлять армией [и] регулировать [взимание] земельного налога. Как же [можно] не покориться [при виде] такой добродетели [императора Сун]?» [239.4, т.6, с.20 – 23 («Основные записи», кн.1, с.5а – 5б].

[12] Этот факт свидетельствует либо о том, что при сунском дворе не располагали достоверной информацией о событиях во Вьете, либо, что ещё более красноречиво свидетельствует о независимости Динь Бо Линя, делали вид, что верят в отречение вьетнамского государя.

[13] Речь идёт о восшествии на престол второго государя династии Сун – императора Великого (976 – 997 гг.).

[14] В своём докладе Хоу Жэньбао писал:

«В округе Цзяо мятежи, [для его покорения] хватит [и] моих войск. Прошу позволения лично прибыть [ко двору, чтобы] доложить [об] обстановке».

При этом Лудо Сунь прокомментировал доклад Хоу Жэньбао следующим образом:

«[Такие] внутренние мятежи [свидетельствуют о том, что] Небо готовит [мятежникам] гибель. [Император] должен поднять войска [и] напасть врасплох, ударив как гром [и молния, чтобы мятежники] не успели опомниться. Если же сначала призвать [Хоу] Жэньбао ко двору, то [наши] замыслы станут ясными. Они [успеют] подготовиться к обороне [и тогда их покорить] будет нелегко. [Если же] повелеть [Хоу] Жэньбао тайно подготовить [всё необходимое и] собрать войско [непосредственно на] далёкой окраине, [то] тогда несомненно [одержим] полную победу» [239.4, т.6, с.51 («Основные записи», кн.1, с.12б)].

Таким образом, убедившись в безрезультатности словесных убеждений (смотри «Примечание 11»), династия Сун решила воспользоваться благоприятным, с точки зрения её стратегов, моментом, для того чтобы вновь присоединить Вьет к империи с помощью военной силы.

[15] Если исходить из вышеизложенных данных источников, то решение сунского двора о нападении на Вьетнам было принято не позднее 7-го месяца 980 г., тогда как его реализация началась не ранее 3-го месяца 981 г., то есть минимум через восемь месяцев после его принятия.

[16] Смотри данные китайских источников в монографии И.Н.Машкиной [472, с.82 – 84].

[17] Таким образом, битва на реке Батьданг в 938 г. в какой-то степени может быть уподоблена битве на Куликовском поле 1380 г. Как известно, победа Дмитрия Донского над Мамаем является символом освобождения России от татаро-монгольского ига, но она лишь заложила основу для его падения. Точно также победа Нго Кюена над Южной Хань лишь заложила основу для возрождения вьетнамской государственности, тогда как разгром Ле Хоаном армии империи Сун в 981 г. знаменовал собой окончательное восстановление независимости Вьетнама.

[18] Иероглиф 右 «правый» имеет смысл «правая сторона» или «правая часть чего-то». Как правило, в таком контексте он подразумевает присутствие антонима 左 «левый», а так как в данном списке титулов указанная пара отсутствует, то можно предположить, что в то время существовал и «князь Левого», который по какой-то причине не попал в этот список.

[19]Кхук Тхыа Зу не упоминается ни в «Кратком изложении истории [Великого] Вьета» [36, с.125], ни в «Записи истории Великого Вьета, полном описании» [236.1, кн.5, с.17б]. Не исключено, что это связано с тем, что этот вьетнамский феодал находился у власти лишь один год (906 г.), а потому его правление не считалось легитимным.

[20] Впервые неполный вариант указанной триады во вьетнамской истории встречается в сюжете, связанном с так называемой династией Ранняя Ли (541 – 602 гг.): император Южного Вьета Ранний Ли, король Вьета Чиеу и император Южного Вьета Поздний Ли, в которой Чиеу занимает положение «срединного государя».

[21] В тексте источника сказано: «правителем [своего] родного округа». Таким образом, из текста следует, что Нго Ман был местным сеньором, которого имперские власти формально утвердили правителем округа. Также достаточно интересна и семантика имени Нго Кюена. Согласно источнику, «[Когда] Нго Кюен родился ослепительное сияние залило дом, [его] лицо было необычным, на спине было три чёрных родинки. Физиономисты были поражены, сказали, что впоследствии может стать государем одной стороны. Поэтому дали имя Кюен» [239.6, стр.853]. Это имя более чем символично, так как оно обозначается иероглифом 權, который имеет значение «Власть».

[22] В этом титуле иероглиф 平 является определением, поэтому он переводится как «мирный» в отличие от иероглифа 安, который в таких случаях переводится как «умиротворённый».

Интересно отметить и семантику имени Зыонг Там Кха 哥三楊, которое переводится как «Старший [из] Трёх [Братьев]». Учитывая опекунство Зыонг Там Кха над сыновьями Нго Кюена такое совпадение смыслового значения имени с реалиями вряд ли может быть случайным. Отсюда следует, что король по имени Нго Власть поручил опекунство над своими сыновьями младшему брату своей жены по имени Зыонг Старший [из] Трёх [Братьев], который после кончины государя тут же принял титул короля Мирного и вступил в борьбу за власть с его двумя старшими сыновьями. А из текста следует, что эти сыновья Нго Кюена были не на много младше своего родственника-опекуна. Опять триада, но уже «триада братьев», борющихся за престол.

[23] Имеется в виду Фам Бать Хо, который в списке двенадцати легатов-правителей упоминается под титулом «Обороняющий [и] предотвращающий».

[24] Имеется в виду легат-правитель До Кань Тхак, присвоивший себе титул князя и захвативший земли у реки Додонг.

[25] Другими словами, это земли Чыонгзыонга уезда Тхыонгфук, которые были пожалованы Зыонг Там Кха в кормление.

[26] В китайской «Истории Пяти династий» говорится о том, что за инвеституров к императору Южной Хань обратился не Нго Сыонг Ван 文昌吳, а Нго Сыонг Туан 濟昌兒, хотя из контекста очевидно, что речь идёт об одном и том же государе – сыне Нго Кюена [239.6, с.883 – 885].

[27] Князя Светлого Чан Лама вместе с его военачальником и будущем основателем династии Динь Бо Линем следует рассматривать как руководителей единого феодального клана, имевшего в качестве опоры крепость Хоалы.

[28] Во вьетнамских источниках сообщается, что Динь Бо Линь принял титул «король Десяти тысяч побед», тогда как в китайском источнике XVIII в. «Вёсны [и] осени десяти государств» У Жэньчэня говорится о том, что он принял титул «король Великой победы». Интересно отметить, что вьетнамские историографы, цитируя китайский источник, не отмечают и не комментируют указанное разночтение [239.6, с.905, 907].

[29] Вероятно, Фам Фаунг Ат наследовал Фам Бать Хо, который провозгласил [себя] Обороняющим [и] предотвращающим в округе Данг, тогда как Додонг принадлежал До Кань Тхаку. Однако переход владений от одного феодального клана к другому в условиях постоянной междоусобицы вряд ли может вызвать удивление.

[30] В данном случае иероглиф 平 является глаголом. Поэтому он переводится как «умиротворять», а не как «мирный». Однако, в отличие от умиротворения силой оружия, которое обозначается иероглифом 安, Нго Нят Кхань был «умиротворён» путём убеждения и подарков, что нашло отражение в использовании другого иероглифа для обозначения этого термина. Смотри также «Примечание 22».

[31] Поскольку до 968 г. восстановившее свою независимость вьетнамское государство не имело собственного названия и формально всё ещё именовалось или губернаторством Умиротворённого юга, или округом Цзяо, то, скорее всего, перенос даты завершения «Внешних записей» летописного свода Нго Ши Лиена с 938 г. на 967 г. при его редактировании Фам Конг Чы следует объяснять принятием названия Дайвьет. Очевидно, что его принятие должно было символизировать в глазах вьетнамских неоконфуцианских историографов завершение периода восстановления государственной независимости страны. Поэтому вполне логично, что раздел «Главные записи» в летописном своде XV в. и раздел «Основные записи» в летописном своде XIX в. открываются описанием событий национальной истории с 968 г.

О названии «Дайковьет» и смысле иероглифа 戫 (вьет. *ко*, кит. *цюй*) в его составе и связанных с этим гипотезах смотри «Параграф 5» «Главы 3» «Части IV» настоящего тома.

[32] Это звание позволяет сделать вывод о том, что при династии Динь Дайвьет был разделён на десять военных округов, а военное командование являлось основным звеном административно-управленческой структуры государства, что было естественно в условиях междоусобной борьбы за власть между феодальными кланами.

[33] Смотри «Главу 3» «Части IV».

[34] Должность придворного, допущенного во внутренний дворец или в императорские покои. Поэтому неслучайно уточняется, что До Тхить был евнухом. Ведь по роду своей деятельности он имел дело с детьми и соответственно с жёнами и наложницами императора.

[35] Иными словами, Ле Хоан должен был опекать наследника престола династии Динь подобно тому, как князьЧжоу опекал сына короля Воинственного династии Чжоу (1122 – 1114 гг. до н.э.) короля Завершителя (1115 – 1077гг. до н.э.). То есть данная фраза представляет собой классическую конфуцианскую метафору.

[36] В этом титуле сочетание иероглифов 武神 может переводиться и как «Воинственный Дух», однако представляется, что в общем контексте титула правильнее звучит перевод «Воинственный духом».

[37] Название «династия [Ранняя] Ле» имеет достаточно условный характер. Оно было введено в оборот французскими исследователями Вьетнама для того, чтобы было проще отличать первую династию Ле (980 – 1009 гг.) от второй великой вьетнамской династии Ле (1428 – 1789 гг.). Как известно, во вьетнамоведении существует ещё одна аналогичная «пара», в которой термин «Ранний» также был введён в оборот французскими учёными. Речь идёт о соотнесении эфемерной «династии Ранняя Ли» (541 – 602 гг.) с первой великой вьетнамской династией Ли (1010 – 1224 гг.). Смотри «Примечание 28» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части II» настоящего тома и в «Параграфе 6» этой главы.

Поэтому когда в тексте «Полной академической истории Вьетнама» говорится о «династии [Ранних] Ле», то для того, чтобы подчеркнуть его условность термин «Ранний» этого названия заключён в квадратные скобки, так как на самом деле речь идёт о первой вьетнамской «династии Ле».

[38] То есть речь идёт о морской экспедиции на побережье Гуандуна и о сухопутных набегах на Юньнань и Гуанси, которые свидетельствуют о том,

что к концу X в. вьетнамцы не только не опасались нового вторжения сунских войск, но и сами грабили южные территории китайской империи.

[39] Судя по данным источников, Ван Зунг, возглавлявший феодальный клан из Чиеузыонга, выступил против Ле Хоана, и, потерпев поражение, бежал к Сунам, где первоначально ему было предоставлено убежище. Во вьетнамо-китайских отношениях выдача беглеца-мятежника – событие совершенно исключительное и противоречащее всем традициям. Поэтому выдача Ван Зунга свидетельствует о том, что сунский двор, сознательно закрывая глаза на пиратские рейды вьетнамцев в Гуандун, Юньнань и Гуанси, стремился любой ценой сохранить с Вьетнамом формальный тип отношений по схеме «сюзерен – вассал».

[40] Судя по контексту, в виде даров сунскому императору была отправлена часть захваченной в Тямпе добычи.

[41] Цзин – Ху 湖荆, то есть Цзинчжоу 州荆 в провинции Хубэй 北湖.

[42] Фамилия этого рода (династии) обозначается иероглифом 黎, который по-вьетнамски читается «ле», а по-китайски – «ли». Тогда иероглиф 李, обозначающий фамилию императоров первой великой вьетнамской династии (1010 – 1224 гг.), и по-вьетнамски, и по-китайски читается «ли».

[43] Даже в X – XI вв. белый носорог уже встречался крайне редко, да и то лишь на тямских территориях Центрального Вьетнама. При этом он считался сакральным животным, имевшим связь с единорогом. Надо полагать, что по этой причине сунский император не решился держать в неволе подаренного ему носорога.

[44] Надо полагать, что торговля между вьетами и населением южнокитайских провинций осуществлялась явочным порядком без всяких на то разрешений. Правда, это было сопряжено с определёнными рисками. В данном случае разрешение на торговлю стало бы своеобразной охранной грамотой. Поэтому отказ в официальном разрешении на торговлю в округе Юн следует рассматривать как попытку ограничить ввоз в Дайковьет товаров из западного Гуанси и Юньнани, прежде всего – скота. Такая торговая политика в отношении Вьетнама имела давние традиции, восходящие ещё к правлению Чиеу Да, что, как известно, послужило одной из причин его конфликта с государыней Люй династии Хань во II в. до н.э.

[45] Надо полагать, что офицерских чинов было значительно больше. Скорее всего, под «делением на два ранга» подразумевается деление командного состава армии на высший и низший командные составы. Так, например, в

современной российской армии все офицеры от младшего лейтенанта до майора это младший командный состав, а от подполковника и выше – старший.

[46] В русской фонетике имена четвёртого и пятого сыновей Ле Хоана совпадают и пишутся Лаунг Динь. Однако по-вьетнамски они уже пишутся по-разному: Long **Đĩnh** и Long **Đinh**, а на иероглифике написание этих имён в принципе отличается друг от друга: 鋌龍 и 釘龍, при этом интересно отметить, что, за исключением второго и двенадцатого приёмного сына Ле Хоана, первым из двух иероглифов, образующих имена сыновей, стоит иероглиф 龍, то есть «дракон». Поэтому не исключено, что второй сын Ле Хоана, которого звали Нган Тить, также не был его родным сыном.

[47] В пользу гипотезы о контроле двенадцати сыновей Ле Хоана над бывшими владениями двенадцати легатов-правителей, или феодальных кланов, свидетельствует как имя второго сына, о котором говорилось в предыдущей сноске, так и упоминание двенадцатого приёмного сына, о котором известно только то, что он получил титул «великий князь Фудоя». Поэтому, надо полагать, что ключевым элементом этого текста является цифра «12».

[48] Как будет показано далее, все дальнейшие столкновения и междоусобицы во Вьетнаме конца правления династии Ранняя Ле и начала правления династии Ли связаны с борьбой за власть между членами правящего рода Ле. Что же касается других вьетнамских феодальных родов, то в этих столкновениях они уже не играли значительной роли.

[49] Канал Дакай известен также под названием «канал Хыонгкай» и находится на юго-западе уезда Хынгнгуен провинции Нгеан. Что же касается Хоанг Кхань Тапа и его сподвижников, то, судя по всему, они обосновались в устье реки Зунгбо на месте поселения Отхо, находившегося на границе Гуандуна и Северного Вьетнама. Это вьетнамская территория, которая в то время контролировалась Сунами. Поэтому названия реки и поселения приводятся во вьетнамском, а не в китайском чтении.

[50] Убийство Лаунг Динем брата через три дня после того как тот взошёл на престол, может быть объяснено только желанием Лаунг Диня формально выполнить волю покойного отца, что подтверждается пожалованием Лаунг Вьету посмертного имени и «порядкового номера» в официальном списке императоров династии Ле. В пользу этого свидетельствует и то, что посмертное имя было присвоено Лаунг Вьету в нарушение ритуала, согласно которому новый император провозглашал свой девиз правления по истечении года действия предыдущего девиза правления и лишь после этого он считался окончательно взошедшим на престол.

[51] Иными словами, Ли Конг Уан был назначен верховным главнокомандующим, так как армия делилась на авангард, срединную армию, правую армию или крыло и левое левую армию или крыло, которые образовывали армию Четырёх пределов.

[52] Данная титулатура весьма интересна. Выше уже говорилось, что Ле Хоан пожаловал девятому сыну Лаунг Киню титул великого князя Срединного государства 北國中. Теперь же Лаунг Динь пожаловал сыновьям титулы великого князя Чу 王楚 (Шо) и великого князя Хань 王漢 (Хан).

Складывается такое впечатление, что императоры династии Ранняя Ле сознательно подчёркивали своё равенство с могущественным соседом, не считаясь с его возможным неудовольствием или даже возмущением.

[53] По поводу этого титула авторы летописного свода пишут следующее: «В "Примечаниях" «Древней истории» говорится: "Имеются места, где записано «Двух Начал»"». Если это так, то можно предположить, что имеются в виду «Тёмное [и] Светлое начала».

[54] Вопрос о законности перехода власти к основателю династии Ли, с которым связан целый комплекс религиозно-философских сюжетов, рассматривается в следующем томе «Полной академической истории Вьетнама» [36, с.43, 44].

Часть III

Глава 1

[1] Безусловно, на протяжении VIII в. до н.э. – середины I в. н.э.в социально-экономической структуре лаквьетского общества на территории Северного Вьетнама происходили значительные изменения. Однако этот период представляет собой единую эпоху возникновения и становления ранней вьетской государственности, которая была насильственно прервана в результате военно-административного присоединения лаквьетских территорий к империи Хань. Учитывая же фрагментарность сведений в источниках, особенно по периоду до середины III – начала II в. до н.э.., наиболее логичным является реконструкция социальной структуры общества на протяжении всей указанной эпохи путём при интерполяции с определённой коррекцией фактов её ранних периодов на более поздние.

[2] Известно, что на раннем этапе становления государственности профессиональные воины являлись одним из звеньев господствующего класса и его опорой внутри страны. При внешних же войнах они

составляли ядро армии, большая часть которой формировалась из свободных общинников.

[3] Об этом же свидетельствуют события войны 40 – 44 гг., когда уезд Мелинь был основным опорным пунктом армии сестёр Чынг , а также сведения о дроблении Ма Юанем крупного уезда Тэйву на более мелкие уезды. Существование такого крупного уезда до 44 г. было связано с тем, что его административное выделение в эпоху Намвьет – Аулак преследовало не только политико-административные цели, но и было связано с обособленностью отдельной группы населения, консолидировавшейся вокруг наследственного владения семьи Тхук, с чем не могли не считаться государи династии Чиеу.

[4] О такой организации двора династии Чиеу сообщают как китайские, так и вьетнамские письменные источники. Можно предположить, что, как в прошлом циньский военачальник, Чиеу Да взял за образец двор династии Цинь, хотя нельзя исключать и подражание структуре ханьского двора [432, с.136, 137].

[5] «Великий заместитель» – это одно из наименований должности первого министра, в подчинении которого по имперской модели должны были быть различные министерства и учреждения с большим аппаратом гражданских и военных чиновников.

[6] Если в эпоху царства Ванланг маркизы лак входили в одну социальную группу с военачальниками лак, а короли лак представляли собой выделившуюся группу племенных вождей во главе с королём Мужественным, то в эпоху царства Аулака и особенно царства Намвьет (государственного объединения Намвьет – Аулак), короли и маркизы практически сливаются в одну социальную группу высшей знати. Как следствие короли лак перестают упоминаться в источниках.

[7] Основной производственной единицей в империях Цинь и Хань был двор (семья), а община являлась низшим административным звеном и в определённой степени осуществляла контроль за сбором налогов и выполнением общественных работ. Именно попытка насаждения этой системы во Вьете начала нашей эры, которая была связана со сломом традиционной структуры лаквьетского общества и прямо затрагивала интересы всех слоёв населения, явилась главной причиной восстания сестёр Чынг.

[8] И первая, и вторая точки зрения имеют много сторонников, которых достаточно условно можно разделить на сторонников «формационного развития» азиатских обществ и на сторонников «азиатского способа

производства». В данном случае первая приводится в формулировке Л.Оруссо, а вторая – Д.В.Деопика, который в советском вьетнамоведении первым высказал её в одной из своих ранних статей [340, с.86, 87]. Затем Д.В.Деопик обосновал свою точку зрения в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук [342], однако ни в одной фундаментальной публикации он, к сожалению, так этого и не сделал.

[9] Примером таких традиций, правда, в несколько модифицированном виде, является женитьба Ле Хоана на вдове Динь Бо Линя или же сообщения о четырёх – пяти официальных жёнах вьетнамских императоров. Смотри «Параграф 3» «Главы 4» «Части II».

[10] Хотя этот параграф и посвящён экономическому развитию лаквьетского общества в период его ранней государственности, в нём главным образом затрагиваются проблемы периода развитой бронзы, то есть периода синхронного эпохе царства Аулак и государственного объединения Намвьет – Аулак. Это объясняется характером сведений, которые содержатся в письменных источниках.

[11] О численности населения низменности Северного Вьетнама в IV – II вв. до н.э. можно судить по данным ханьских переписей начала I в. н.э., согласно которым даже в то время его численность была менее миллиона человек. Смотри ниже «Параграф 2.2» настоящей главы.

[12] Не исключено, что из-за значительно более узкой дельты Красной реки в древности (о чём можно судить по её современному расширению на сто метров в год по линии побережья) подъём воды при приливах достигал места слияния Чёрной и Красной рек, или предгорий Шонтэя. Если это так, то древний лаквьетский миф о вражде между духом Гор и духом Вод отражает эту особенность морских приливов на низменности Северного Вьетнама.

[13] А.Масперо полагал, что возведение дамб и каналов следует датировать ранними этапами вьетской истории, что к VII – VIII вв. она окончательно сложилась и просуществовала практически без изменений вплоть до рубежа XIX и XX вв.

[14] Не исключено, что речь может идти о примитивном прудовом хозяйстве, связанном с разведением рыбы на заливных полях с последующим её отловом в ловушки при спуске воды с полей.

[15] Надо полагать, что при охоте на водоплавающую птицу из неё были исключены птицы-тотемы. Их изображения являются одним из главных

орнаментов бронзовых барабанов и других культовых предметов (*птица лак*, с которой, возможно, ассоциировались цапля или аист).

[16] Смотри «Примечание 6» к «Главе 2» и «Примечание 27» к «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

[17] Надо полагать, что здесь Д.В.Деопик просто допустил описку, назвав медь бронзой.

[18] Известно, что во Вьетнаме ещё в XI в. крепостные башни традиционно возводились из деревянных конструкций, которые были окончательно вытеснены сырцом и обожжённым кирпичом лишь в XIII – XIV вв.

[19] Подробное описание лаквьетской керамики и её анализ являются темой специального археологического исследования и выходят далеко за рамки данной обобщающей работы. Поэтому в настоящем разделе даётся лишь самая общая характеристика лаквьетского гончарного ремесла IV – II вв. до н.э.

[20] Фиеннгу, или Паньюй, был своеобразным перевалочным пунктом морского пути, связывавшего Северный Вьетнам с империей. Именно этим путём вторгся в Намвьет флот Лу Бодэ в 111 г. до н.э., а в I – X вв. шли морские силы имперских войск, которые направлялись против восставших вьетов, тямов и первых независимых вьетнамских династий (смотри «Главу 3» «Части I», «Главу 1», «Главу 2», «Главу 3» и «Главу 4» «Части II», а также «Часть I» «Заключения»).

[21] В частности, таким оружием были китайские бронзовые ножи, клевцы и кинжалы с кольцеобразным навершием рукоятки VI – III вв. до н.э. и тяжёлые дорогостоящие бронзовые мечи V – I вв. до н.э., а в эпоху Намвьета – железные мечи и копья [342, с.222; 432, с.131].

[22] В названии этой монеты иероглиф 兩 (лян) обозначает меру веса, которая равняется 37,301 гр. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

[23] То есть «пять шу». Иероглиф 銖 в названии этой монеты обозначает меру веса, которая равняется 0,777 гр. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

[24] Не исключено, что в Аулаке отливалась медная и бронзовая монета по имперским образцам. Но если даже это и так, то отличить её от ханьской монеты не представляется возможным.

[25] В числе таких центров можно назвать Тыфо в области Кыутян, родовой и политический центр лаквьетской знати Мелинь, и столицу царства Аулак

Колоа. Что же касается столицы Намвьета, то Паньюй упоминается в числе крупнейших городов империи Хань ещё у Сыма Цяня [432, 165, 166].

[26] Р.Ф.Итс убедительно показал, что по своему характеру эти процессы относятся к этногенетическим миграциям юга Восточной Азии в эпоху раннего средневековья [392, с.178 – 280].

[27] Об этом свидетельствует характер вьетнамской общины после восстановления независимости страны. Исследование источников показывает, что «китаизация» вьетнамского общества носила верхушечный характер и затрагивала главным образом организацию государственного аппарата. Этот процесс протекал крайне медленно на всём протяжении X – XIV вв. по мере усиления централизаторских тенденций во вьетнамском средневековом государстве. И лишь в результате качественных изменений в структуре власти на основе внедрения неоконфуцианства в конце XIV – начале XV в. внешние формы организации государственного аппарата вьетнамской империи были окончательно «китаизированы». В то же время их содержание во многом отличалось от содержания аналогичных форм государственной организации Китая. Смотри «Том II».

[28] Это явление вообще было достаточно распространённым. Известно, что в последующие века ученики вместо платы за обучение выполняли различные хозяйственные работы в монастырских владениях. Более того, чтобы избежать разорения и дополнительного гнёта в условиях войн или при стихийных бедствиях свободные общинники нередко добровольно становились зависимыми от монастыря или же продавались в рабство, которое мало чем отличалось от зависимости. Такие факты известны как во вьетнамском, так и в китайском буддизме.

[29] Не исключено, что именно в это время начал складываться прототип специализированных торгово-ремесленных общинных поселений вокруг городских центров, который достаточно чётко прослеживается во вьетнамском позднем средневековье, а с XVI – XVII вв. прибретает ту своеобразную форму, которая в европейской истории нового времени именуется «слободой».

[30] В настоящем параграфе почти нет ссылок на источники, так как все они даются в соответствующих разделах, посвящённых политической истории.

[31] Нельзя исключать того, что поливное рисоводство с системой дамб и каналов вместе с глубокой вспашкой пришли в Южный Китай из Северного Вьетнама, где этот способ земледелия, естественно, в более простой форме и с более примитивными орудиями производства, практиковался издавна. Смотри «Параграф 1.2.1» настоящей главы.

Глава 2

[1] Представляется, что краткая «Преамбула», в которой отмечаются ключевые моменты политической истории описываемого периода, необходима в данной главе для более чёткой привязки к ним событий социально-экономической истории. Подробно о политической истории Вьетнама VII – X вв. смотри в «Главе 3» и «Главе 4» «Части II».

[2] В архивах Французской школы Дальнего Востока хранится семь списков «Первоначального описания Аньнаня» [246.1], которые были исследованы и опубликованы французским учёным Э.Гаспардоном. До него этими текстами занимались Л.Кадьер и П.Пелльо, а также Л.Оруссо и П.Демьевиль [246.1, с.7, сноска 1; 715, с.12, 13]. В результате своего исследования Э.Гапардон пришёл к выводу о том, что первым вариантом этого источника были «Записи [об] Аньнани» 志南安 неизвестного автора XV в. В XVII в. он был дополнен также анонимным кратким предисловием, а не позднее 1691 г. этот источник был отредактирован и дополнен более обширным «Резюме». Автором последнего был Гао Сюнчжэн, которого принято считать автором всего этого произведения.

Сам Гао Сюнчжэн родился в городке Ченьци округа У провинции Гуанси в семье учёного-конфуцианца. Он известен своей образованностью и литературно-философскими трудами [246.1, с.27 – 29, 38].

[3] В выделенном курсивом тексте наиболее полно отражено содержание танского налогообложения в губернаторстве Умиротворённого юга. Курсив в данном случае заменяет кавычки, так как этот, состоящий из двух частей текст был цитатно взят из монографии И.Н.Машкиной. Его первая часть принадлежит самой И.Н.Машкиной, а вторая – представлена сделанным ею переводом текста указанного в предыдущем «Примечании» китайского источника [472, с.59, 60]. Однако, поскольку этот текст перегружен китайскими транскрипциями, он был отредактирован, чтобы сделать его понятным не только для китаистов.

Кроме того, в текст перевода И.Н.Машкиной были внесены незначительные уточнения по иероглифическому тексту «Первоначального описания Аньнаня» [246.1, кн.2, с.81(一十八。二第卷)].

[4] Иными словами, если исходить из абсолютно невероятного предположения, что все учтённые переписью налогоплательщики полностью платили налоги и выполняли все повинности, то их будет максимум двадцать семь тысяч «очагов». Однако надо полагать, что из-за стихийных бедствий и войн не менее одной трети налогоплательщиков были не в состоянии полностью или даже частично платить налоги и

выполнять общественные работы. Таким образом, число официальных «очагов» – налогоплательщиков сокращается до восемнадцати тысяч или даже меньше, что как минимум выглядит достаточно странно для провинции империи Тан.

[5] «Вывезенному» в империю искусному ремесленнику можно было приказать изготовить то или иное изделие в соответствии со вкусом заказчика, тогда как при вывозе готовой продукции приходилось удовлетворяться лишь тем, что поднесли в виде «даров».

[6] Их не следует путать с представителями трёх первых волн имперской эмиграции, которые, смешавшись с местной элитой, образовали новую вьетскую, или «сино-аннамитскую», элиту. Речь идёт о первых общинах натурализованных китайцев, или «хуаских эмигрантов», которые до сих пор существуют во Вьетнаме

[7] Как известно, первые имперские монеты были найдены в погребальном инвентаре вьетов ещё в эпоху Западной Хань. Что же касается специализированных торгово-ремесленных поселений, то, как уже отмечалось, не исключено, что они начали появляться в Северном Вьетнаме ещё в конце первой половины «Эпохи северной зависимости». Смотри «Параграф 1.2.3» предыдущей главы, а также «Примечание 29» к этой главе.

[8] Единство развития буддизма с середины VI в. в регионе Южного Китая и Северного Вьетнама уже рассматривалось в «Параграфе 1» «Главы 2» «Части IV» настоящего тома. Об особенностях этого развития в IX – X вв. смотри «Параграф 2» «Главы 3» той же части.

[9] В случае необходимости лидеры феодальных кланов формировали из представителей зависимых от них групп населения дополнительные вооружённые формирования своего войска, ядром которого были профессиональные воины.

[10] Староста посёлка являлся руководителем низшего звена в системе общинной круговой поруки.

[11] Соляной налог взимался не только солью, но и особым остросолёным рыбным соусом «ныок мам» (*nước mắm*) или «водным рассолом». Это, писавшееся до появления латиницы иероглифами «нома» вьетнамское название, в записи на «ханьвьете» не встречается [14, с.472, 528].

[12] Иными словами, налогооблагаемое население было вынуждено платить 100% официального государственного налога плюс 10% дополнительного

налога, который именовался «хоань доу» (вьет. *hoành đầu*, кит. 頭宏, *хун моу*). Исходя из того, что во вьетнамском языке одно из значений первого иероглифа «обширный» [7, с.574 宏 3а], а второго – «две части» [7, с.402 頭 2с], представляется, что этот термин может интерпретироваться как «[Вторая] часть полного [налога]».

[13] «Совершеннолетний мужчина», то есть «Жёлтый мужчина» (вьет. *hoàng nam*, *хоанг нам*, кит. 男黃, *хуан нань*): свободный общинник в возрасте до восемнадцати лет. Смотри ниже «Примечание 26».

[14] Иероглиф 公 (вьет. *công*, *конг*, кит. *гун*) может переводиться и как «общественный», и как «рабочий». В последнем случае сочетание иероглифов 牛公 переводится как «рабочий скот», что для данного текста не имеет принципиального значения.

[15] Проблема взаимосвязи между куплей-продажей земли и куплей-продажей зависимых общинников является отдельным вопросом, который рассматривается в следующем параграфе при анализе социальной стратиграфии вьетнамского общества X – начала XI в.

[16] Идентификация государства с династийной властью в лице императора, приведшая к его формальному превращению в верховного собственника земли, а всего класса феодалов в класс феодального служилого чиновничества, получавшего гарантированную ренту посредством перераспределения общественного продукта государством, связана во Вьетнаме с резкой централизацией и усилением государственной власти на основе неоконфуцанской идеологии. Начало этому процессу было положено реформами Хо Кюи Ли последней трети XIV – начала XV в., которые были завершены императором Совершенным династии Ле (1460 – 1497 гг.). Смотри соответствующие разделы «Тома II».

[17] Резиденцией группировки Кхук – Зыонг – Нго была Крепость Улитка – столица короля Умиротворённого юга и царства Аулак в III в. до н.э., а столицей группировки Чан – Динь – Ле был родовой центр клана Чан – Хоалы.

[18] Ле Хоан назначил верховными правителями территорий, которыми владели крупнейшие феодальные кланы, своих одиннадцать родных и одного приёмного сына.

[19] То есть Ли Конг Уан, который больше известен под посмертным именем Великий Предок династии Ли (1010 – 1028 гг.).

[20] Сразу же после прихода к власти Ли Конг Уан перенёс столицу в крепость Дайла, которую переименовал в 1010 г. в Тханглаунг. С того времени столица постоянно находилась в этом городе, который при династии Хо был переименован в Донгдо, в период кратковременной зависимости от империи Мин – в Донгкуан, при династии Ле – в Донгкинь, а при династии Нгуен – снова стал именоваться Тханглаунг. Наконец, в 1831 г. город получил своё современное название Ханой.

[21] Наиболее вероятно, что первоначально большая часть высшей военно-административной и духовной знати при дворе династии Ли была представлена ближайшим окружением феодальных группировок Кхук – Зыонг – Нго и Чан – Динь – Ле, усилиями которых была достигнута независимость и упрочнена центральная власть. Это тем более вероятно, что власть перешла к династии Ли мирным путём.

[22] Указание наименований родовых общин представителей служилого чиновничества и высшей знати в источниках прослеживается на протяжении всей истории вьетнамской монархии, однако его содержание в течение этого времени менялось. Если в X – XIII вв. оно совпадало с названием родового феода, то с конца XIV – начала XV в. община уже являлась базовым звеном формирования служилого сословия и социальной мобильности в обществе, а с XVII в. оно превратилось в чисто формальное упоминание, основанное на многовековой традиции соотнесения людей с той или иной общиной. Подробнее смотри соответствующие разделы «Тома II».

[23] Из этого текста следует, что низшее звено исполнителей на уровне общины представлено старостой посёлка, должность которого может интерпретироваться как «руководитель десятки» 長甲.

Над старостой посёлка стояли управляющий посёлком 甲管知, или «инспектор», и заместитель управляющего посёлком 甲知副, а ниже его, вероятно, был староста 邑守. В наименование должности последнего входит иероглиф 邑, который в принципе переводится как «удел», но не исключено, что этим же иероглифом обозначались наиболее мелкие объединения общинников или патронаты.

Эти должности достаточно логично дополняют структуру общинной организации, в которой имелись мелкие объединения по три семьи (патронаты 保), более крупные – по десять семей (посёлки 甲 или большие патронаты), которые объединялись в деревни 村 или 鄉.

Правда, следует учитывать, что этот вывод сделан на основании данных, которые разделены почти целым веком: о «посёлке» можно судить по записи 1042 г., в которой упоминаются «руководители десяток» [239.1,

«Основные записи», кн.3, с.3б], а о «патронатах» – по сообщению об их учреждении в 1136 г. [36, с.182].

[24] Надо полагать, что десятая часть суммы собранного налога в целом была равна традиционной ренте. Размеры этого дохода могли изменяться пропорционально размерам урожая, который мог уменьшаться из-за засухи, наводнений, эпидемий и т.д. Однако его поступление носило стабильный характер, поскольку оно не зависело от воли крупных феодалов. Таким образом, общинная верхушка и мелкие землевладельцы были заинтересованы в трансформации своей ренты в государственную ренту, получаемую на основе объёма сданных налогов.

[25] Как будет показано ниже, наиболее вероятным является сосуществование в эпоху Ли системы государственных налогов и частнофеодальной ренты, которая прямо взималась крупными феодальными сеньорами со своих феодов, при этом правящий род Ли являлся самым могущественным из них.

[26] Термин «жёлтый» не имеет разночтений с термином «золотой», а оба эти термина обозначаются одним и тем же иероглифом 黃. Различный перевод этого иероглифа связан с устоявшейся во вьетнамоведении традицией. Само же название «Жёлтая», или «Золотая книга», интерпретируется как «Реестр совершеннолетних [общинников мужского пола]».

Существует несколько интерпретаций связи определения «жёлтый» с понятием «совершеннолетний мужчина», из которых наиболее вероятной представляется следующая. Согласно древней системе ассоциаций пяти первоэлементов космогонического учения школы Тёмного и Светлого начал элемент «Земля» характеризуется жёлтым цветом. А так как совершеннолетние общинники были неотделимы от земли, то они и именовались «жёлтыми мужчинами» (Смотри статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI»).

[27] Поскольку в X – начале XIII в. правящая династия сама являлась крупнейшим феодальным кланом, который отличался от других кланов лишь богатством и мощью, то и различия между феодально-зависимыми и государственно-зависимыми общинниками не имели ярко выраженного характера. Такая ситуация сохранялась на всём протяжении правления династии Ли. Смотри соответствующие разделы «Тома II».

[28] К этой группе зависимых следует отнести охрану, прислугу, наложниц, артистов и семейных рабов, существование которых отмечается ещё XV в.

[29] Определённая эволюция этой системы происходила на всём протяжении XI – XII вв., но её последствия сказались лишь в XIII и особенно в – XIV вв. Поэтому её особенности рассматриваются в «Томе II».

[30] Верхней границей периода, начинающегося с 880 г., взят 1042 г., так как именно этим годом датируется последнее законодательное оформление налоговой системы в Дайковьете.

[31] Логично предположить, что старосты стояли во главе патронатов из трёх семей, а управляющие посёлками и заместители управляющего посёлками на самом деле руководили деревнями, тогда как начальники подворных [реестров] одновременно являлись и руководителями общинами. Смотри «Примечание 23».

[32]* Определение «походный», использованное А.Б.Поляковым, в данном конкретном случае не совсем точно. Основное значение иероглифов 營行 «армейский лагерь». Именно поэтому этот термин используется в сочетании с названием «военный округ Нгеан» 兵道安乂.

Таким образом, правильнее было бы перевести название императорской резиденции не как «походный императорский дворец», а как «военный лагерь императора» или даже «лагерь императорской армии».

[33] В источниках говорится о манах, которые прежде торговали в округе Вилаунг. Император повелел на них напасть, в результате чего было захвачено более десяти тысяч лошадей.

В «Примечании» уточняется, что речь идёт о манах из Наньчжао, где всегда было много отличных лошадей. В данном случае не принципиально, куплены были лошади или захвачены у манов из Наньчжао, которое, как известно, находилось в провинции Юньнань. То есть речь идёт о древнейших региональных связях по линии Северный Вьетнам – Гуанси – Юньнань.

[34] В тексте источнике написано «двадцать тысяч куанов денег». Куан представлял собой связку из 600 монет, которая имела хождение во Вьетнаме в XVIII в.

Не исключено, что это название было интерполировано вьетнамскими историографами на более ранний период для того, чтобы текст источника был более понятен.

Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

[35] Речь идёт об особой разновидности диких слонов, которые водились в Центральном Вьетнаме и хорошо поддавались дрессировке.

Часть IV

Глава 1

[1] Здесь прежде всего необходимо выделить работы и исследования Л.Кадьера [694 – 712], Л.Безасье [664; 665], А.Бонифацы [671 – 680], Г.Дюмутье [768 – 774], а также ряда других учёных [868; 926; 927; 936; 965; 966; 967; 1009]. В советской научной литературе эти аналогии наиболее полно описаны в монографии Я.В.Чеснова [626]. Все эти работы лишь косвенно лишь косвенно затрагивают рассматриваемую в этой главе проблему, и поэтому они не рассматривались в историографическом параграфе «Введения» к настоящему тому.

[2] Речь идёт о цифрах «36», «18» и «9». Во-первых, отмечается устойчивая историко-мифологическая традиция, связанная с восемнадцатью королями Мужественными в царстве Ванланг (Северный и северная часть Центрального Вьетнама) и девятью императорами Кай-минами в царстве Шу (Сычуань). Во-вторых, сумма девяти летящих и девяти сидящих птиц Лак равняется восемнадцати, а вместе с числом их «зеркальных» отображений в потустороннем мире она равняется тридцати шести. Все эти цифры кратны трём, при этом большая получается путём удвоения меньшей. Этот принцип близок принципу триграмм «Книги Перемен», который лежит в основе учения школы Тёмного и Светлого начал. Центром же возникновения одноимённой натурфилософской школы было древнекитайское царство Чу (Дунтин-поянхуский район). Следовательно, выстраивается схема единой натурфилософской концепции мироздания в границах «треугольника» родственных культур к югу от Янцзы, южной вершиной которого являлись лаквьетские территории.

[3] Не исключено, что это палка, которой били в барабан для подачи тех или иных сигналов.

[4] Процессию аналогичного типа, изображённую на ритуальном бронзовом топоре, возглавляет человек, у которого трещотки в обеих руках. Д.В.Деопик полагает, что это изображение исключает гипотезу, согласно которой предметы в руках людей не трещотки, а бумеранги, тем более, что бумеранг не распространён в Восточном Индокитае [342, с.264 – 265].

[5] О такой последовательности дифференциации ритуала культа предков свидетельствуют сюжеты вьетской историко-мифологической традиции, о которых речь пойдёт ниже при описании культурных процессов эпохи Намвьет – Аулак.

[6] О том, когда, каким образом и по какой причине это произошло, речь идёт ниже при описании культурных процессов эпохи Намвьет – Аулак.

[7] Об этом свидетельствует одна из модификаций мифа об озере Возвращённого меча в Ханое, согласно которой Золотая черепаха дала Ле Лою меч, с помощью которого будущий основатель династии Ле изгнал минских захватчиков. Как известно, минские войска были изгнаны из Дайвьета в начале XV в. Об этом смотри следующий том.

[8] Никаких сведений об этой исторической письменной традиции не сохранилось, однако сопоставление вьетнамских и китайских письменных источников по древней истории Вьетнама позволяет сделать вывод о её существовании. О том, каким был механизм перехода от устной исторической традиции к письменной фиксации её историко-мифологических сюжетов с последующим переходом к придворному летописанию, речь пойдёт в следующем параграфе настоящей главы.

[9] В этом параграфе излагаются лишь главные моменты развития древней вьетской исторической традиции. Подробнее смотри в специальном исследовании, посвящённом вьетнамскому летописанию [544, с.87 – 89].

[10] Надо полагать, что вьетские царства на территории Северного Вьетнама никогда не признавали главенства китайских империй Цинь и Хань, но только в эпоху Намвьета концепция «равенства» становится очевидной. Поэтому в идеологии Намвьета «юг» и «север» рассматривались как равноправные части «Поднебесной», а для ханьских идеологов понятия «Поднебесная» и «Срединное государство», как правило, являлись синонимами. Соответственно, Намвьет трактовал себя по отношению к своим южным и северным соседям таким же Срединным государством, каким империя Хань считала себя по отношению к другим государствам, в том числе и к Намвьету.

[11] Надо полагать, что и династия Тхук, и династия Чиеу использовали циньское письмо, так как древнее царство Шу в Сычуани граничило с Цинь, а Чиеу Да (Чжао То) был циньским военачальником. Также не исключено, что при дворе Тхук Фана в Аулаке использовалось и оригинальное шуское письмо Ба – Шу, но распространение последнего на всю территорию Северного Вьетнама более чем сомнительно.

[12] Проблема ранней вьетской письменности была рассмотрена в специальной монографии, посвящённой вьетнамскому летописанию [544, с.85 – 87]. В данном же случае эта проблема затрагивается лишь в той мере, в какой это необходимо для рассмотрения вопроса об оригинальной

вьетнамской письменности «ном», о которой речь пойдёт в следующей главе настоящего тома.

[13] Следует учитывать, что непрерывные войны на территории Вьетнама с 1939 по 1979 г. значительно затрудняли ведение систематических археологических изысканий, а нередко делали их вообще невозможными. Более того, из-за экономического положения страны проведение таких раскопок даже на месте уже выявленных городищ всё ещё не представляется возможным. Поэтому вероятность новых, принципиально важных археологических открытий в будущем достаточно высока.

[14] Не следует забывать, что если в титулах король «Канона Юга» и король Умиротворённого юга понятие «юг» выражается иероглифом 陽, то основным иероглифом, обозначающим это понятие, является иероглиф 南.

[15] Об этом также косвенно свидетельствуют название царства Намвьет, этноним *лаквьет*, а также титулы король «Канона Юга» и король Умиротворённого юга. Название царства образовано сочетанием иероглифов 南 (юг) и 越 (вьет), при этом хоть столица этого царства и находилась в Гуандуне, в его название был включён иероглиф, которым обозначались *вьеты*, жившие в Северном Вьетнаме, а не иероглиф 粵 (вьет), которым обозначались племена *ста юэ*, населявшие Гуандун. А вымышленный титул король «Канона Юга» и реальный титул король Умиротворённого юга связаны друг с другом иероглифом 陽, который понимается как «юг». Таким образом, выстраивается последовательность – 越 – 陽 – 南, свидетельствующая о том, что название царства *Намвьет* и титул король *Умиротворённого юга*, возможно, стали отправным моментом для создателей вьетской концепции Поднебесной с вымышленным сюжетом о короле «Канона Юга» Лок Туке – прародителе вьетов.

[16] Таким образом, принимая во внимание, что существование короля Умиротворённого юга Тхук Фана, его победа над последним королём Мужественным и создание им царства Аулак в результате объединения царства Ванланг с Тэву или Тэйау, также как и столкновения Тхук Фана с циньским военачальником Чжао То (Чиеу Да), завершившиеся гибелью первого и созданием царства Намвьет с новой вьетской династией Чиеу (Чжао), можно считать доказанными (смотри главы «Части I» настоящего тома), то и вывод А.Масперо, согласно которому «с III в. до н.э. легенда заменила историю» [897.1, с.18 – 20], уступает место следующему заключению:

В конце III в. до н.э. история заменила устную историческую традицию, сюжеты которой были записаны во второй половине того же века.

Глава 2

[1] Наименования «китайская» и «индийская» в данном случае носят условный характер и используются для удобства, чтобы не расшифровывать каждый раз их конкретное понимание, например «ханьская», «южнокитайская», «танская», «тямская» и т.д. Однако там где это необходимо, указанные понятия будут конкретизироваться.

[2] Характеристика основных этапов возникновения, становления и развития государственной идеологии в Китае с древнейших времён до XII в. включительно даётся в «Параграфе 1» «Главы 2» «Тома II».

[3] Проблема проникновения буддизма во Вьетнам и его развития в этой стране, а также проблема формирования вьетнамского буддизма были рассмотрены блестящим вьетнамским учёным Чан Ван Зяпом в специальной монографии, которая и на сегодняшний день остаётся лучшим исследованием в этой области [1009]. Поэтому следует учитывать, что основные данные, связанные с проблемой вьетнамского буддизма, приводятся по работе Чан Ван Зяна и сопровождаются ссылками либо при прямом цитировании текста этой работы, либо в том случае, когда некоторые выводы вьетнамского учёного уточняются или корректируются.

[4] Согласно традиционной точке зрения распространение буддизма в империи Хань началось в правление императора Светлого этой династии или между 58 и 76 гг. Речь идёт о центральных имперских областях, куда буддизм проник не сразу. Если же говорить о морском пути буддийской экспансии в регионе, то шёл через Индокитай в Южный Китай и только затем в центральные области междуречья Хуанхэ и Янцзы. При такой последовательности распространения буддизма логично предположить его появление на вьетских территориях не позднее 2-ой половины I в. до н.э. – I-ой половины I в. н.э., то есть до начала активного насаждения во вьетском обществе конфуцианства ханьского толка.

[5] Смотри «Примечание 5» к следующей главе.

[6] Чан Ван Зяп в одном месте даёт дату 255 г., а в другом – 257 г. [1009, с.214 – 215].

[7] Чан Ван Зяп был вьетнамцем и впоследствии стал одним из ведущих учёных ДРВ. Однако он получил прекрасное европейское образование и в момент написания своего исследования о вьетнамском буддизме работал во Французской школе Дальнего Востока. Поэтому относительно к тому

периоду его жизни Чан Ван Зяпа правомерно называть французским учёным.

[8] Пришёл буддизм во Вьет за полвека до начала или одновременно с началом активного насаждения конфуцианства ханьского толка во вьетском обществе – не имеет значения. В любом случае конфуцианство ханьского толка столкнулось не с относительно слабым сопротивлением местных культов и верований, которые были бы достаточно легко им ассимилированы, а с теми же культами в блоке с даосизмом и, главное, буддизмом, который конфуцианству, несмотря на серьёзную административную поддержку, так и не удалось ассимилировать. Иное дело, если бы буддийская экспансия во Вьете началась полвека спустя, то есть на рубеже I и II вв. В этом случае вьетская культура, скорее всего, была бы ассимилирована ханьской, как это произошло с культурой вьетских насельников Южного Китая.

[9] Буддизм школы Созерцания: под этим термином понимается модификация в конфуцианском культурном ареале учения индийской буддийской школы «дхъяна», которое в Китае известно под названием «чань», во Вьетнаме – «тхиен», а в Японии – «цзэн».

[10] Оформление неоконфуцианства в единую, непротиворечивую и догматическую систему произошло в период правления общекитайской династии Сун и обычно связывается с именем Чжу Си (1130 – 1200 гг.). Этот процесс также известен под названием второго конфуцианского синтеза. Смотри «Параграф 1.4.» «Главы 2» «Части III» «Тома II».

[11] Найти иное объяснение провозглашения девиза правления «Сын Будды» не представляется возможным. Оно также подтверждается и тем, что в то время империя уже была объединена под властью общекитайской династии Суй, при которой началось наступление конфуцианства на позиции буддизма в китайском обществе, что, вероятно, и привело к эмиграции Винитаручи во Вьет.

Также возникает вопрос о точной дате провозглашения этого девиза. Логичнее всего было бы датировать это событие датой учреждения секты Винитаручи в Северном Вьетнаме одновременно с началом правления императора Южного Вьета Позднего Ли. Однако начало его правления датируется 571 г., а учреждение школы Винитаручи – 594 г. Тем не менее этот 23-летний разрыв достаточно условен. Согласно традиции, Винитаручи был брахманом из Южной Индии. В молодости он перебрался в Западную Индию, где изучал буддизм. В 574 г. он отправился на юго-запад и прибыл в Чанъань, затем он поехал в Хунань к Шэн-цаню, а от него дальше на юг в округ Гуан откуда и прибыл во Вьет. Там Винитаручи обосновался в пагоде Фап-ван (пагода Закона облаков). В XV в. она

именовалась пагодой Тхиен-динь (пагода Установления созерцаний), а в первой половине XX в. предположительно именовалась пагодой Зиен-ынг (пагода Длительного соответствия). Если это так, то она находилась в деревне Кхыонгты уезда Шиеулоай провинции Бакнинь. При этом в тексте источника сообщается о том, что в 594 г. Винитаручи передал своё духовное завещание любимому ученику и скончался. То есть в связи с Винитаручи в источнике упоминаются только две даты: дата прибытия в Чанъань и дата кончины [1009, с.235, 236]. Таким образом, Винитаручи вполне мог оказаться во Вьете уже в 575 г. В этом случае разрыв в четыре года между его прибытием во Вьет и воцарением Позднего Ли не имеет принципиального характера, тем более что из источников не следует, что этот император провозгласил девиз правления «Сын Будды» в год своего восшествия на престол.

[12] Под «поколением патриарха» понимаются глава школы и наследовавшие ему и друг другу последующие руководители этой школы, но только при том условии, что центром их деятельности была одна и та же пагода. Когда же центром становилась другая пагода, то это означало приход нового «поколения патриарха». Поэтому в каждом «поколении» мог быть как один патриарх, так и несколько. Например, в шокле Винитаручи первое поколение насчитывает два патриарха (сам учитель плюс первый патриарх), четвёртое поколение – тоже два патриарха (имя второго неизвестно), а в восьмом поколении известны имена трёх учеников патриарха. Всего же до 1216 г. школа Винитаручи насчитывает двадцать восемь патриархов, образующих девятнадцать их поколений [1009, с.235 – 243].

[13] Хотя Чан Ван Зяп и не даёт интерпретации этого процесса самоуглубления, из его исследования очевидно, что «Созерцание стены» оставалось основным методом медитации в секте буддизма школы Созерцания Уянь Туна, которая пришла ей на смену. Термин 觀壁 переводится как «быть нейтральным», «безучастный», «равнодушный» [3, с.25, №200], при этом первый иероглиф 壁 переводится как «стена», а иероглиф 觀 как «смотреть», «видеть», «созерцать» [3, с.705, №7420]. В буддийской же терминологии сочетание двух иероглифов 觀壁 означает «созерцание стены [вплоть до достижения полного равнодушия ко всему происходящему]», то есть достижения «состояние пустоты», за которым следует «озарение». При этом необходимо отметить, что данный метод медитации несомненно содержит в себе элементы даосизма, так как одним из значений иероглифа 觀 помимо значения «созерцать» является значение «даосский скит».

[14] В этих условиях восприятие конфуцианства в качестве государственной идеологии облегчалось и тем, что в сунской империи в результате синтеза

буддийско-даосской идеологии и конфуцианства оформилось неоконфуцианское учение (смотри «Примечание 10»). Во Вьетнаме этот процесс занял четыре века, при этом вьетнамское неоконфуцианство XV в. ещё сохраняло многие особенности как раннего конфуцианства, так и конфуцианства ханьского толка. И лишь в XVII в. оно стало практически адекватным по своей форме чжусианству [544, с.70 – 137]. Особенности и основные этапы становления вьетнамского неоконфуцианства будут рассмотрены в следующем томе «Полной академической истории Вьетнама».

[15] Модификация деталей одного и того же сюжета достаточно чётко прослеживается как на примере сопоставления сохранившихся восьми списков сюжетов историко-мифологической традиции, так и на примере сопоставления содержания одного и того же сюжета в сборниках светской литературы XIV в. и в официальных летописных сводах, прежде всего – в своде XV в. [236; 242; 245].

[16] Имеется в виду собственно вьетское государство на территории Северного Вьетнама в конце эпохи царства Ванланг и в период существования царства Аулак. Безусловно, этому процессу во многом способствовало развитие раннего лаквьетского государства в рамках объединённого царства Намвьет – Аулак.

[17] Как уже отмечалось при рассмотрении проблем религии, в этом регионе крайне сложно провести разграничение между «чистыми» даосами и адептами восточноазиатского буддизма. При этом одним из важнейших знаний, которым обладали даосы, была геомантия, а Гао Пянь, который, как известно, был даосом, также прославился и как геомант. Таким образом, с точки зрения вьетнамцев, Гао Пянь не только был их союзником в войне с Наньчжао, но и был близок им по своей культуре.

[18] Оформление деления летописных сводов на «Предварительные записи» и «Основные записи» с выделением в первые историко-мифологических сюжетов, а также недостаточно или сомнительно документированных событий древности произошло в китайской историографии на протяжении XI – XII вв. Оно связано с именами Сыма Гуана и Чжу Си и отражает оформление неоконфуцианских принципов официального летописания. Однако начало этого процесса датируется второй половиной VIII в. [544, с.26 – 39].

[19] Было бы логичным предположить, что Цзэн Гунь при редакции произведения Гао Пяня должен был изменить и его первоначальное название, включив в него понятие «Предварительные записи». Однако против такого предположения говорят два факта: во-первых, название

«Записи [о] внешних территориях округа Цзяо» впервые упоминается лишь в произведении Ли Даоюаня в VI в. и, во-вторых, в названии сочинения самого Цзэн Гуня отсутствует понятие «Основные записи», что не позволяет с полной уверенностью говорить о паре, которую образуют отредактированное Цзэн Гунем сочинение Гао Пяня и произведение самого Цзэн Гуня. Тем не менее сочетание иероглифов 記域外 «записи [о] внешних территориях» в определённом контексте может быть интерпретировано как «Предварительные записи», что привело к не совсем точному переводу названия сочинения Гао Пяня как «Предварительные записи [об] округе Цзяо» [544, с.84, 96, 103, 143, 177].

[20] Подобную письменность имеют и некоторые другие малые народы Вьетнама, например *таи* или *зао*.

[21] Фактически древнекитайская письменность являлась своеобразной «латынью» восточноазиатского региона, но, в отличие от латыни, в данном случае требовалось лишь знание понятия, выраженного тем или иным иероглифом, тогда как чтение этого иероглифа в каждом случае соответствовало фонетике национального языка (смотри, например, «Примечание 9»).

[22]* Известный российский вьетнамист В.С.Панфилов полагает, что вести отсчёт истории вьетнамской литературы можно только после XIII в., когда появляется литература на собственно вьетнамской иероглифике, тогда как до этого литература была исключительно китайской [474].

В свою очередь, автор глав о вьетнамской литературе во втором – пятом томах «Полной академической истории Вьетнама» Т.Н.Филимонова полагает, что это не совсем точно, так как произведения на «китайском» языке писались вьетнамцами. Она также считает, что создание «нома» было не единовременным актом, а постепенным, растянувшимся на века процессом приспособления китайской иероглифики, включая создание оригинальных знаков, к фонетическим особенностям вьетнамского языка. Согласно её точке зрения, «номная» письменность как система не могла появиться раньше X в. В подтверждение своего мнения Т.Н.Филимонова приводит работу М.Дюрана и Нгуен Чан Хуана «Введение во вьетнамскую литературу», в котором рассматривается только литература на вьетнамской письменности [785].

Т.Н.Филимонова не учла того факта, что выдающийся французский учёный М.Дюран и прежде всего Нгуен Чан Хуан, или «доктор Хуан», как его называли друзья и коллеги, специально занимались литературой на вьетнамской письменности, в первую очередь – на её латинизированном варианте. Именно поэтому ученице и последовательнице Мориса Дюрана госпоже Николь Луи-Энар и было предложено написать разделы о

вьетнамской культуре эпохи латинизированной письменности (quốc ngữ) до 1945 г. в «Том III» и «Том IV» «Полной академической истории Вьетнама».

Наконец, если вопрос о времени появления «нома» является дискуссионным, то тезис о том, что до XIII в. произведения «вьетнамской литературы» писались на «китайском языке», в принципе является неверным и не выдерживает никакой критики. Смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части III» «Тома III».

Глава 3

[1] Эта пагода находится в общине Фудонг уезда Тиензу, который исторически связан с деятельностью королей Мужественных.

[2] Секта Уянь Туна просуществовала с 869 по 1221 г. Она насчитывает пятнадцать поколений, которые образованы сорока патриархами и наставниками. При этом известны как имена, так и даты избрания патриархов всех четырёх поколений периода господства этой секты буддизма школы Созерцания в Дайковьете [1009, с.252, 253].

[3] Принято считать первой независимой вьетнамской династией династию Нго (939 – 965 гг.), также как и считать датой восстановления государственной независимости Вьетнама дату разгрома Нго Кюеном армии Южной Хань на реке Батьданг (939 г.). Однако на самом деле это не так. Победа Нго Кюена лишь заложила основы восстановления независимости Вьетнама, а сам он был одним из лидеров военно-феодального клана Кхук – Зыонг – Нго. Подробнее смотри выше «Главу 4» «Части II».

[4] Связь ритуальной пахоты с находками на «Полях Золота [и] Серебра» является типичной для всего конфуцианского культурного ареала культовой символикой, символизирующей «оплодотворяющую» силу императора по отношению к земле. Сама же эта ритуальная пахота представляет собой модификацию обряда первой борозды, который характерен для всех древних земледельческих обществ.

[5] Пятикнижие [252] состоит из «Книги Перемен» [252.1], «Книги Песен» [252.2], «Книги Истории» [252.3], «Книги Обрядов» [252.4] и хроники Конфуция «Вёсны [и] Осени» [252.5].

Четырёхкнижие [249] состоит из «Великого Учения» [249.1], трактата Конфуция «Слова [и] Изречения» [249.2], «Срединного Постоянства» [249.3] и «Мэн-цзы» [249.4.] Все эти произведения образуют Девятикнижие, или девять классических и канонических книг конфуцианского учения.

Иногда в Пятикнижие в едином блоке с хроникой «Вёсны [и] Осени» включается «Комментарий господина Цзо» Цзо Цюмина [249.2.1].

Буддийский канон «Трипитака» (Три Корзины) был утверждён в V в. на соборе буддийской церкви в Раджагрихе. Он состоит из следующих текстов: «Виная» (устав и правила поведения), «Сутры» (высказывания Будды) и «Абхидхарма» (философско-метафизические тексты). Во вьетнамских источниках «Трипитака» также упоминается под названием «[Классические] книги Великих Корзин».

[6] В первую очередь это касается «Книги Перемен» и всего, что имеет отношение к учению древней натурфилософской школы Тёмного и Светлого начал.

[7] Смотри «Примечание 2» и «Примечание 10» к предыдущей главе.

[8] О Винитаручи смотри «Примечание 12» и «Примечание 13» к предыдущей главе.

[9] Фиолетовая звезда, или «Звезда "Фиолетового сокровения"», является одной из основных звёзд при астрологических прорицаниях, которые восходят к учению древней натурфилософской школы Тёмного и Светлого начал и опираются на циклический шестидесятилетний лунно-солнечный календарь. Таким образом, можно предположить, что «Дворец "Фиолетового цвета"» был местом, где император со своим учёным окружением занимался астрологией. Смотри статью «Летоисчисление, система прорицаний и восприятие общей структуры Мироздания в традиционном Вьетнаме» в «Томе VI».

[10] Нет никакого сомнения в том, что названия «Обиталище Бессмертных» и «Царство Теней» отражают религиозные представления об ориентации мест обитания бессмертных или божеств и душ умерших. Конкретное предназначение каждого из этих дворцов установить не представляется возможным. Однако, судя по их названиям, можно предположить, что находившийся на севере «Дворец "Обиталище Бессмертных"» служил для поклонения божествам, а находившийся на юге «Дворец "Царство Теней"» являлся поминальным храмом культа предков правящей династии.

[11] Судя по названию «башня "Великие Облака"», речь идёт о ступе. Таким образом, если предположение о роли «дворца "Обиталище Бессмертных"» верно, то она должна была примыкать к нему, образуя комплекс пагода – ступа.

[12] Если исходить из того, что иероглиф 龍 (дракон) входил в состав имён почти всех двенадцати сыновей Ле Хоана (исключение составляют имена

второго и приёмного сыновей), то можно предположить, что «Дворец "Огненный Дракон"» являлся местом обитания его сыновей. А поскольку этот дворец упоминается в паре с «Дворцом "Вечной Весны"», то логично предположить, что последний являлся местом обитания дочерей и, возможно, жён и наложниц императора.

[13]* А.Б.Поляков переводит 像四帝大 [236.2, с.36] как «четыре фигуры небесных императоров» [36, с.143]. Однако из контекста, а также из того, что, согласно вьетнамским религиозным представлениям, основанным на «народном даосизме, Небесный император является верховным правителем загробного мира, правильным является перевод И.Н.Машкиной «четыре фигуры Тянь-ди (Небесного императора)» [472, с.175]. Его иногда также именуют «Верховным Императором» (смотри ниже «Примечание 22»).

[14] Первое имя имеет явно конфуцианскую окраску и переводится как «Добродетельный руководитель», тогда как второе, которое переводится как «Агатовый Будда», явно буддийское по своему происхождению.

[15] На самом деле Тхао Дыонг не был официальным патриархом сангхи буддизма школы Созерцания, которую он основал во Вьетнаме. Её первое поколение насчитывает три патриарха и наставника, первым из которых был император Совершенный династии Ли. Всего же сангха Тхао Дыонга насчитывает пять поколений, образованных восемнадцатью патриархами и наставниками. Имена всех этих патриархов и наставников известны. Кроме того, известны даты правления первого патриарха и дата избрания шестнадцатого патриарха [1009, с.255].

[16] Смотри «Примечание 25».

[17]* При археологических раскопок в Хоалы были найдены кирпичи с надписью 磚城軍國越大 (Кирпич цитадели [военной крепости] государства Дайвьет). При этом известно, что название 越翟大 (Дайковьет) появляется лишь в летописном своде Нго Ши Лиена в XV в., а в своде XII – XIII вв. не упоминается не только название Дайковьет, но и, что совсем странно, название Дайвьет [36, с.9]. Поэтому складывается такое впечатление, что оба этих названия были удалены китайскими редакторами, в руки которых этот свод попал в «Эпоху зависимости от Мин» в XV в. Эта «правка» вполне объяснима, так как для китайских историографов определение «Великий» могло относиться только к Китаю.

Проведя тщательный анализ вышеприведённых фактов, А.Б.Поляков пришёл к выводу о том, что первым названием вьетнамского государства было наименование «Дайвьет», а названия «Дайковьет» никогда не существовало [555, с.233, 234, 239]. Однако этот вывод требует уточнения.

Надо полагать, что светским наименованием, которым назвал своё государство Динь Бо Линь, было название «Дайвьет». Однако вряд ли Нго Ши Лиен просто выдумал другое название. У него просто не было для этого никаких оснований. Поэтому представляется, что в процессе объединения официальной и неофициальной историографических традиций вьетнамский историограф XV в. обнаружил в «Семейных записях» и в житиях буддийских храмов неоднократно повторявшееся наименование «Дайковьет», которым в них обозначалось вьетнамское государство эпохи династий из Хоалы (смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Тома II»). Надо полагать, что в этих источниках сообщалось и о том, что название «Дайковьет» было отменено в 1054 г. В то же время, различия между правлениями династий из Хоалы и династии Ли очевидны. Судя по всему, Нго Ши Лиен написал, что Динь Бо Линь назвал государство «Дайковьет», а в 1054 г. император Ли изменил это название на «Дайвьет», чтобы подчеркнуть эти различия. Исходя из сказанного, наиболее вероятной представляеся следующая гипотеза:

В 880 – 1054 гг. вьетнамское государство имело два названия: официальное или светское – «Дайвьет» и культовое, или храмовое, – «Дайковьет» (Вьет Великого Гау[тамы]), отражавшее господство буддизма школы Созерцания в трактовке Уянь Туна. С установлением же господства учения этой школы в трактовке Тхао Дыонга в 1054 г., исчезает и наименование «Дайковьет».

Кирпич из Хоалы с иероглифами 越大 (Дайвьет) в верхней части.
Музей истории. Центральная часть Императорского города в Тханглаунге.
Фотография А.Б.Полякова. Ханой. 29.11.2012 г.

Что же касается гипотезы о замене в название 越瞿大 (Дайковьет) иероглифа 瞿 на иероглиф 古, то она достаточно сомнительна. Обычно такие замены происходили либо по сакральным причинам, либо потому, что тот или иной иероглиф входил в имя скончавшегося императора и был табуирован. В данном случае ничего подобного не отмечается.

Наконец, следует отметить, что недавно была сформулирована ещё одна гипотеза, согласно которой вьетнамское государство эпохи династий из Хоалы называлось «Намвьет». Она строится на том, что согласно сообщению одного из сунских чиновников XII в. в то время, «как и сейчас», вьетнамские торговцы прибывали в империю с бумагой, на которой стояла печать 國越南 (государство Намвьет) [613, с.310 – 319]. Но в XII в. сунским чиновникам было доподлинно известно, что бывшее имперское губернаторство именуется «Дайвьет». Поэтому скорее всего надпись на этой печати следует понимать как своеобразный таможенный штамп «Южное вьетское государство».

[18] Именно потому, что иероглифы 瞿 и 古 с фонетикой «ко» имеют почти идентичную фонетику во вьетнамском языке, смысловое значение первого (Гаутама) достаточно быстро утратило свой смысл в названии Дайковьет, которое стало восприниматься как древняя модификация названия Дайвьет. В результате принципиальное изменение содержания названия государства не вызвало значительных затруднений, так как его произношение по-вьетнамски практически не изменилось.

[19] Примером такого национального культа может послужить культ выдающегося вьетнамского полководца Чан Куок Туана, возглавлявшего вьетнамские войска в двух войнах против монголо-китайских вторжений в XIII в. Он больше известен под именем Чан Хынг-дао, которое на самом деле является частью титула 王大道興陳 и переводится как «Великий князь Процветающего Пути [по фамилии] Чан».

Чан Куок Туан (1232? – 1300 гг.) был сыном старшего брата второго императора династии Чан – императора Великого рода. Его главный храм находится в Киепбаке, а сам обожествлённый полководец выступает в роли гаранта национальной безопасности и покровителя женщин. Ещё в начале XX в. к его храму ежегодно приходили просить о помощи тысячи людей со всех концов страны.

О Чан Куок Туане смотри «Главу 2» «Части I» «Тома II».

[20] В качестве примера такой трансформации можно указать поминальные культы Динь Бо Линя и Ле Хоана в Хоалы.

[21] Комплекс вьетнамских народных верований и связь шестидесятилетнего лунно-солнечного циклического календаря с практикой составления

гороскопов наиболее полно и доступно были охарактеризованы в монографии П.Юара и М.Дюрана [835]. При этом, если данная работа имеет достаточно популярный характер, то М.Дюран подробно исследовал на обширном фактологическом материале весь комплекс вьетнамских верований и связанную с ним практику спиритических сеансов, проводимых пожилыми женщинами – медиумами [779; 780]. Последнее исследование вместе с более ранней монографией Л.Кадьера, посвящённой всестороннему изучению вьетнамских верований [710], является важнейшим источником для реконструкции ранних этапов истории вьетнамской религии.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что весь материал по вьетнамским народным культам и верованиям, изложенный в настоящем томе и особенно в данной главе, был взят из указанных монографий французских учёных.

[22] В качестве примера можно привести заключительный абзац новеллы о сёстрах Чынг:

«[Когда] наступила великая засуха, император Выдающийся рода [династии] Ли повелел буддийскому монаху Тинь Зью молиться [в] храме [о ниспослании] дождя; естественно [хлынул] дождь, стало прохладно [и] зябко. Император обрадовался [и] прилёг отдохнуть. Во сне ему явились две незнакомые девицы. [Их] лики были подобны цветам, брови – словно листья ивы. [На них] были зелёные платья [и] широкие красные штаны. [Они] ехали мимо на железных конях. Изумившись, император спросил, [кто они]. Последовал ответ:

– Мы сёстры Чынг, ниспославшие вниз по повелению Верховного Императора дождь.

Император проснулся [и в знак] благодарности повелел отремонтировать храм воительниц, после чего возложил жертвенные дары [на их] алтарь. [Кроме того, он] отправил посланников в Бакдай, [чтобы] возвести [там] храм Воинственных Наставниц [для] поклонения. Впоследствии [сёстры] снова явились во сне императору, просили основать поминальный храм в Колае. Император согласился, [он также] пожаловал [сёстрам] титул "Непорочные [и] чудесные почтенные девы".

В четвёртый год Громкого процветания (1288 г.) старшей сестре был пожалован титул "Приносящая победу почтенная дева", в двадцать первый год Процветания возвышенного (1313 г.) дополнительно пожалованы два иероглифа – "Чистая [и] непорочная", кроме того обеим сёстрам были пожалованы ещё два иероглифа – "Оберегающие спокойствие". [Их] чудесные свершения всё ещё продолжаются» [196.3, с.36; 242].

Существует несколько иероглифических списков новеллы о сёстрах Чынг, в которых молившийся о ниспослании монах называется разными именами, а пожалованные сёстрам титулы и названия их поминальных храмов несколько отличаются друг от друга. Существует и

художественный перевод М.Н.Ткачёва этой новеллы на русский язык, который, естественно, не местами совпадает с её вышеприведённым текстуальным переводом [51, с.8 – 9]. Однако в данном случае эти разночтения непринципиальны, так как независимо от них сюжет о сёстрах Чынг свидетельствует о том, что император мог жаловать духам титулы и звания, как своим подданным. Что же касается подношения титулов покойным родителям при восшествии на престол основателя новой династии, то такого рода сведения приводятся во всех вьетнамских династийных источниках, как, например, при восшествии на престол основателя династии Ли – Ли Конг Уана [36, с.141].

[23] «Алтарь Са» – это сокращённое термина «са-так» 稷社 (вьет. *xã-tắc*; кит. *ше-цзи*). Дословно этот термин переводится как «община [и] рис», но при этом он имеет значение «духи 神 (*тхан, шэн*) Земли [и] Урожая» и является синонимом понятия «государство». Поэтому сообщение в источниках о гибели этого алтаря соответствовало сообщению о падении династии или о гибели государства. Алтарь духов Земли и Урожая устанавливался перед южными воротами столицы, откуда и общее название самого культа: «Южная сторона» 郊南 (*нам-зяо, нань-цзяо*) [8, т-х, с.3 и с.573].

В термине «Чыонг-куанг» иероглиф 長 (*чыонг, чжан*) имеет значения «старший, глава, начальник, командир» [3, с.523, №5656]; иероглиф 光 (*куанг, гуан*) имеет значения «свет, сияние, слава» [3, с.695, №7333]. В данном случае этот термин можно перевести как «Высшая слава», так как им названы южные ворота столицы, через которые при отправлении культа Южной стороны проходил император для восшествия на алтарь духов Земли и Урожая.

[24] В своём исследовании Чан Ван Зяп в одном месте интерпретирует титул 僧錄 как «Руководитель монахов Двора», а в другом – он приводит этот титул полностью 僧錄道士 и переводит его как «Наставник Сангхи» [1009, с.253,257]. Очевидно, что в первом случае речь идёт о содержании титула, а во втором даётся его перевод.

[25] Во Вьетнаме продолжали существовать различные буддийские школы как махаянистского (Большой Колесницы), так и хинаянистского (Малая Колесница) толка, принесённые во Вьетнам в первые века нашей эры (смотри предыдущую главу).

Во вьетнамском обществе прослеживается и определённое влияние чисто южных буддийских учений, что подтверждается частичным ренессансом тхеравады в первой половине XX в. [546]. Что же касается различных сект буддизма школы Созерцания, то, как известно, в то время сохраняли определённое влияние секты Винитаручи и Уянь Туна (смотри «Примечание 2» и «Примечание 8»). Также не следует забывать об учениях

наставников, поддерживавших в X в. оппозицию крупных вьетнамских феодальных родов, или легатов-правителей, центральной власти. Надо полагать, что часть их сангх продолжала существовать при провинциальных пагодах.

Наконец, можно предположить, что ещё как минимум четыре секты буддизма школы Созерцания получили в то время некоторое распространение во Вьетнаме. Это секты Цао-дун, Юнь-мэнь, Фа-янь и Линь-цзи, которые широко известны в империи, но не упоминаются во вьетнамских источниках [1009, с.242, 244, 252, 255, 257].

[26] Культ предков – это один из древнейших культов конфуцианского культурного ареала. Поэтому в той форме, в которой культ предков сложился в этом ареале, он генетически тяготел к конфуцианству и его нормам, тогда как отождествление императора с Буддой в 2005 г. при императоре Высоком рода династии Ли полностью им противоречило. Об этом разрешимся в XV в. внутреннем культовом «противостоянии», речь пойдёт в соответствующих главах следующего тома.

[27] При упоминании того или иного вьетнамского памятника архитектуры необходимо учитывать, что их датировки даются по упоминанию о них в письменных источниках. Однако поскольку материалом для строительства этих памятников было дерево, то за время своего существования они неоднократно разрушались, восстанавливались и перестраивались. Поэтому самые ранние из сохранившихся на сегодняшний день памятников вьетнамской архитектуры датируются в лучшем случае второй половиной XVII вв. Исключение составляют только каменные культовые сооружения тямов в Центральном Вьетнаме.

[28] Например, упоминавшийся выше дворец «Фиолетового цвета» в архитектурном комплексе Хоалы (смотри «Примечание 9») прямо ассоциируется с Фиолетовой звездой, давшей имя популярной во Вьетнаме технике составления гороскопов. Смотри статью «Летоисчисление и традиционное восприятие структуры мироздания во вьетнамском обществе» в «Томе VI».

[29] Согласно легенде рыбак по имени Ле Лой однажды ловил на озере в Тханлаунге (Ханое) рыбу. То было время господства династии Мин, захватившей Дайвьет в 1407 г. Вдруг из пучин озера всплыла Золотая черепаха. Она вручила Ле Лою волшебный меч, с помощью которого он изгнал захватчиков в 1418 – 1427 гг., после чего основал новую вьетнамскую династию Ле (1428 – 1789 гг.). Уже будучи императором, Ле Лой отправился на прогулку по озеру. Достигнув его середины, он бросил меч в воду, вернув его тем самым Золотой черепахе. С тех пор это озеро носит название озера Возвращённого меча. При этом сам характер

историко-мифологических сюжетов не позволяет усомниться в том, что эта же Золотая черепаха дала за шестнадцать с половиной веков до этого королю Умиротворённого юга Тхук Фану чудодейственный коготь, из которого тот сделал спусковой крючок волшебного арбалета. Указанная связь символизируется в единстве изображений черепахи и птицы Лак, объединение которых, видимо, восходит к эпохе становления лаквьетской государственности на территории Северного Вьетнама.

Правда, существует модификация этой легенды о Ле Лое и волшебном мече, в которой отсутствует Золотая черепаха. Согласно ей во время рыбной ловли Ле Лой «выловил» из озера меч, излучавший свет, а впоследствии, когда он вместе со свитой приносил жертву духу озера, меч сам вышел из ножен, и, превратившись в дракона, бросился в воду.

Однако, поскольку эта модификация древней легенды имеет ярко выраженный конфуцианский характер, есть все основания полагать, что она была создана уже в эпоху устойчивого существования светской литературной традиции.

[30] Эти скульптуры отличаются большими размерами (полтора человеческих роста) и высоким мастерством исполнения. Следует отметить, что объединение в одно целое черепахи и птицы Лак свидетельствует о южном происхождении культа черепахи. В свою очередь это позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой распространение скульптурного изображения черепахи-стелы, равно как и образа крокодила-дракона, происходило во всём регионе от Северного Вьетнама до Центральной Азии в направлении с юга на север.

[31] Наиболее ранними из сохранившихся образцов вьетнамской живописи являются портреты из погребальных мавзолеев, как, например, портрет выдающегося вьетнамского государственного деятеля, полководца, учёного, философа, писателя и поэта конца XIV – начала XV в. Нгуен Чая. Лишь с XVI в. во Вьетнаме отмечается распространение пейзажной живописи, которая, судя по буддистско-даосским канонам её символики, сразу сложилась под влиянием китайской живописи эпохи Тан как светское искусство. В целом нельзя исключать возможность появления такой живописи во Вьетнаме «Эпохи северной зависимости».

Во всяком случае, нет сомнения в том, что она была известна получавшей китайское образование элите вьетнамского общества. Однако даже если это и так, то она не была воспринята местной традицией и не вошла составной частью в культурный комплекс вьетнамского общества эпохи Дайковьета. Об этом свидетельствуют и источники, которые не содержат ни прямых, ни косвенных сообщений о существовании такой живописи во Вьетнаме X – начала XI в.

Заключение

[1] Проблема возникновения и развития королевства Тямпа до сегодняшнего дня остаётся достаточно слабо изученной. Основными источниками для исследования ранних периодов её истории являются археологический материал, прежде всего – эпиграфика на санскрите, а также данные китайских и вьетнамских письменных источников, при этом с XI – XII вв. последние становятся основными. Главная заслуга в изучении тямской эпиграфики принадлежит таким выдающимся учёным, как А.Парментье, Л.Оруссо и в первую очередь – Л.Фино. Единственным же всеобъемлющим трудом по истории Тямпы, опирающимся на все указанные источники, до сих пор остаётся блестящая работа Ж.Масперо «Королевство Тямпа». Впервые она была опубликована в номерах журнала «Тунг Пао» с марта 1910 по май 1913 г. [1672]. Её историко-археологический и географический указатели были изданы отдельной брошюрой в 1914 г. Наконец, в 1928 г. после окончательной доработки Ж.Масперо издал свою монографию в виде отдельного тома [891]. Также следует подчеркнуть, что указанная монография снабжена постраничными ссылками и комментариями, в которых указаны и охарактеризованы как все источники, так и мнения других авторов по исследуемой проблеме. Именно поэтому исследование Ж.Масперо и легло в основу представленного ниже краткого очерка истории тямского королевства. По этой же причине этот очерк вместо подробного комментария снабжён многочисленными ссылками на работу французского учёного.

[2] Учитывая специфику «Полной академической истории Вьетнама, в «Части I» настоящего «Заключения» основное внимание уделяется политической истории Тямпы. Что же касается социально-экономической организации тямского общества и его культуры, то здесь обозначаются лишь основные тенденции их развития. В связи с этим необходимо указать на следующее «отклонение» от хронологического принципа построения материала:

В «Заключении» «Тома I» даётся иллюстративный материал по зодчеству на всём протяжении существования Тямпы.

В «Заключении» «Тома II» даётся иллюстративный материал по скульптуре на всём протяжении существования Тямпы.

Безусловно, с точки зрения хронологии такой подход не совсем верен, однако он гораздо более логичен и верен с точки зрения целостного восприятия иллюстративного материала.

[3] Так, Л.Фино указывает, что тямы нередко объединяли Будду с богами индийской «Тримурти» (Брахма, Вишну и Шива). При этом в тямской эпиграфике не существует ни одной надписи, в которой отмечалась

репродуктивная сила линги Шивы. Интересно, что хотя супруга Шивы (Шакти) имела свой отдельный культ под именем Бхагавати, тямы видели в ней древнюю местную богиню и, как правило, называли её Ян Пу Нагара. Соответственно её главный храм находился в По Нагаре [891, с.9 – 10].

[4] Два́пара ю́га (Dvāpara yuga) — третья из четырёх «юг», или эпох, в индуистском временном цикле. Следует за Трета югой и предшествует Кали юге. Согласно «Пуранам» (каноническим текстам индуизма), Двапара юга закончилась в тот день, когда Кришна покинул эту планету.

[5] Сохранилась легенда, связанная с «Кланом Арека». Согласно этой легенде рядом с дворцом короля Тямпы росла пальма арека, на которой был цвёл плод невероятных размеров. Когда наступило созревание, то плод не раскрылся. Тогда король сказал слугам: «Взберитесь на пальму и посмотрите, что в этом плоде. Молодой слуга вскарабкался на пальму, сорвал плод и принёс его королю. Вскрыв плод, король увидел внутри него дитё с лицом удивительной красоты. Король обрадовался этому ребёнку и назвал его Раджа По-Клонг. Женщинам было приказано кормить ребёнка, но тот отказывался сосать грудь. Но у короля была корова, шерсть которой была окрашена в пять различных цветов, а у коровы в то время был телёнок. Король приказал надоить молока этой коровы, и ребёнок с удовольствием его выпил. Поэтому тямы не убивают коров и не едят говядины. Вершина стебля, бывшая опорой плода пальмы арека, стала королевским щитом, а сам стебель – его мечом. Когда Раджа По-Клонг вырос, то он женился на дочери короля, наследовал ему и основал огромный город на семи холмах, назвав его Бал.

С «Кланом Кокоса» связана аналогичная легенда, в которой арек заменён на кокос.

П.Дюран предположил, что развалины Бал-Ханоин (Виралура?) – это столица «Клана Арека», а Бал-Канар (Индрапура?) - столица «Клана Кокоса». Ж.Масперо отмечает, что короли, относившие себя к «Клану Арека», оставили записи только в Пандуранге [891, с.17, 18].

[6] Для подтверждения легитимности своей власти этот король поощрял распространение легенды, согласно которой его матери приснилось, что когда она родила сына, то принимавший ребёнка дух положил его на великолепное золотое покрывало. Поэтому она поняла, что её сына ждёт великое будущее и назвала его именем Зыонг Май, которое понимается как «Золотой Принц».

Интересно отметить, что китайские историографы той эпохи отмечали, что «варвары» именуют этого короля Ян Май, или «Золотой Принц» (邁陽), хотя по правилам это имя должно писаться «Цзинь Мо» (磨金) [891, с.67].

[7] То есть речь идёт о войне тямов с временно восстановившим свою независимость под руководством Ли Бона Вьетом. Смотри «Параграф 6» «Главы 2» «Части II» настоящего тома.

[8] Интересно, что начиная с Фам Хунга (между 270 и 280 гг.) и до Бхасадхармы Фам Чан Лаунга (645 г.) в имена почти всех тямских королей входил иероглиф 范, (образец, модель [3, с.670, №7051]). А принимая во внимание имя короля 佛范 (Фам Фат, 349 – 380 гг.), которое переводится как «Воплощение Будды», можно предположить, что все эти тямские короли ассоциировали себя с земным воплощением Будды.

[9] Судя по дальнейшим событиям, Лыу Ки Тонг был убит в 988 г. либо самими тямами, либо кем-то из своего окружения. Интересно, что в одном месте Ж.Масперо указывает 986 г. как год конца правления этой династии, а в другом – 991 гг. [891 с.109,125]. Надо полагать, что в первом случае указывается дата конца правления последнего легитимного короля шестой династии, а во втором – год официального восшествия на престол первого короля седьмой династии.

[10] По всем меркам дары действительно были очень богатыми. Сунский император пожаловал тямскому королю двух белых коней, большое количество плужных лемехов, сосуд для воскурения благовоний, а также пять штандартов, пять мечей в серебряных ножнах, пять копий из того же металла и пять луков со стрелами. В ответ тямский король поднёс императору десять рогов носорога, триста доспехов для слонов, пять килограмм черепаховых панцирей, килограмм камфары, две тысячи различных благовоний, восемьдесят килограмм сандалового дерева, сто килограмм перца, пять циновок и двадцать четыре тысячи триста пар фазанов.

[11] То есть речь идёт о сыне императора Великого Предка династии Ли, которого звали Фат Ма (другое имя – Дык Тинь) и который известен как второй государь династии Ли под именем императора Великого рода. Следует напомнить, что первое имя этого наследника вьетнамского престола 瑪佛 переводится как «Агатовый Будда».

[12] Безусловно, существует блистательное исследование Л.Маллере, но, как это следует уже из его названия, это всеобъемлющее археологическое исследование дельты Меконга с некоторыми элементами соотнесения данных культуры Ок-ео с культурой Фунани [887]. Единственное же более или менее цельное исследование Фунани было опубликовано Полем Пелльо ещё в 1903 и 1904 гг. [950; 953]. Все же остальные работы как по Фунани, так и по последующим древним государствам на территории

Южного Вьетнама являются статьями, которые либо затрагивают частные проблемы, либо носят описательный характер.

Не исключено, что вьетнамские учёные создадут более полные, возможно, всеобъемлющие исследования по проблеме древних государств на территории Южного Вьетнама, равно как и по истории Тямпы (смотри «Примечание 7» к «Введению»). Однако это вопрос будущего и, скорее всего, не столь близкого. Что же касается европейской и североамериканской науки, то в этом смысле, учитывая общее отношение к фундаментальным гуманитарным исследованиям и их финансированию, на неё рассчитывать не приходится.

[13] Д.Дж.Е.Холл исходит из того, что «на древнекхмерском языке *бнам* (современное *пном*) – это гора, а полный титул древних правителей – *курунг бнам* ("король горы") – является эквивалентом на кхмерском народном наречии санскритского термина *шайлараджа*, который напоминает титул, некогда принятый Паллавами, царями Конджеверама в Южной Индии» [619, с.36].

[14] Д.Дж.Е.Холл и здесь остаётся верен себе. Он считает, что этот сюжет «является местным вариантом индийской легенды о брахмане Каундинье и дочери царя племени нага – Наги Сомы. Точное изложение этой индийской легенды содержится в надписи, обнаруженной в Мисоне (Тямпа) [*правильная транскрипция – Мишон*]. В ней говорится о том, как брахман Каундинья получил от Ашваттхамы, сына Дроны, священное копьё; он кинул это копьё, чтобы наметить место своей будущей столицы. Затем он женился на Соме, дочери царя племени нага, основав новую царскую династию. Паллавы, цари Конджеверама, подобной же легендой объясняли своё происхождение. Впоследствии эту легенду восприняли кхмеры, и змея нага стала священным символом их происхождения. Мистический брак кхмерского царя и принцессы племени нага занимал выдающееся место в церемониале Ангкорского двора. Согласно этому церемониалу, от царя требовалось,чтобы он ради благополучия царства вступил в союз с девятиголовой змеёй нагой. И действительно, девятиглавая кобра стала основным мотивом кхмерской иконографии» [619, с.37].

Очевидно, что Д.Дж.Е.Холл и в данном случае настаивает на связи между королями Фунани и Паллавами. В принципе возможность такой связи исключать нельзя, однако она представляется достаточно сомнительной по нескольким причинам. Во-первых, фунаньский сюжет имеет мало общего с индийским сюжетом за исключением имени брахмана Каундиньи и факта женитьбы с последующим основанием династии. Во-вторых, полное изложение индийского мифа обнаружено в Мишоне достаточно далеко от границ Фунани. И хотя как Фунань, так и Тямпа были индуизированными государствами, между ними весьма мало общего. Наконец, культура Ангкора, на придворный ритуал которого ссылается

Д.Дж.Е.Холл, безусловно, сформировалась под определённым влиянием культуры Фунани, но гораздо большее влияние на неё оказала непосредственно индийская культура. При этом не следует забывать, что с момента падения Фунани и до возникновения Ангкорской империи прошло около трёх с половиной веков.

[15] Обычно короли в этом регионе имели по нескольку сыновей от разных жён, каждый из которых мечтал стать королём. Поэтому постоянно существовала угроза заговора, ставившая под удар стабильность центральной власти. Поэтому если бы сыновья короля владели обширными территориями с многочисленным населением, то это лишь стимулировало бы их амбиции, толкая на прямую военную конфронтацию со своими братьями в борьбе за трон.

[16] Д.Дж.Е.Холл не изменяет своей «индийской ориентации» и при интерпретации термина *фань*, принимая точку зрения, согласно которой он является китайским эквивалентом суффикса *варман*, который применялся южноиндийскими правителями. Интересно, что советские редакторы издания монографии Д.Дж.Е.Холла на русском языке склоняются к точке зрения французского учёного Ж.Сёдеса, который видел в этом термине имя местного происхождения [619, с.37]. Однако они не обратили внимания на замечание П.Пелльо о том, что термин *фань* является той же фамилией, которая «в III в. стала фамилией королей Линьи, и что он не видит, какие выводы следуют из этого совпадения» [950, с.291]. Кроме того, никем не был отмечен и тот факт, что этот термин входит в состав имени третьего императора вьетнамской династии Ли.

На самом деле же деле термин 范 (вьет. *phạm*, *фам*, кит. *фань*) не был ни фамилией в прямом понимании этого слова, ни, тем более, «китайским эквивалентом суффикса *варман*». Судя по всему, он имел местное происхождение и включался в имена королей для того, чтобы указать на их прямую связь с Буддой. Смотри «Примечание 7» и «Примечание 10».

[17] Д.Дж.Е.Холл приводит как мнение Ж.Сёдеса о том, что Фань Маня следует отождествлять с королём Шри Мара, который упоминается в надписи на камне из Воканя, так и точку зрения Л.Фино, который полагает, что Шри Мара был вассалом Фунани [619, с.38]. Представляется, что последняя точка зрения более обоснована, так как Ж.Масперо достаточно обоснованно отождествляет Шри Мару с упоминаемым в связи с вьетскими восстаниями Кху Лиеном [891, с.45, 51, 52]. Правда, в этом случае Шри Мара вряд ли был даже вассалом Фунани.

[18] В принципе, если не обращать внимания на мелочи, Д.Дж.Е.Холл описывает все эти события также, как и П.Пелльо, но почему-то все его датировки сдвинуты на двадцать лет. Так, он указывает, что Фань Чжань

правил в 225 – 250 гг., что посольство Су-у датируется 240 – 245 гг., что Фань Чжань отправил посольство в Китай в 243 г. и что примерно между 245 и 250 гг. его преемник Фань Сюнь принял ответное посольство под руководством Кан Тая, которое столкнулось при его дворе с индийским посольством династии Мурунда. При этом Д.Дж.Е.Холл датирует 287-ым годом последний год правления Фань Сюня, указывая на то, что между 268 и 287 гг. этот король направил несколько посольств ко двору Цзинь. Говорит он и о союзе, который Фань Сюнь заключил с тямами в 270 г., ссылаясь на письмо 280 г. [619, с.38, 39]. Чем руководствовался Д.Дж.Е.Холл, приводя такие датировки и указывая точную дату заключения союза с Тямпой неизвестно, но, учитывая, что П.Пелльо приводит в своей работе оригинальные китайские тексты с точными датами, представляется, что будет правильнее опираться на его выводы.

[19] Д.Дж.Е.Холл приводит гипотезу, согласно которой имя «Чжаньтань – китайский эквивалент слова Чандан, царского титула кушанских правителей из династии Канишки, с которыми, как полагают, Фунань установила связи в середине III в.». Соответственно, Чжаньтань был отпрыском этого царского дома, бежавшим в Фунань, после того как Северная Индия была завоёвана Самудрагуптой (335 – 375 гг.), вторым царём династии Гупта. Д.Дж.Е.Холл предполагает, что последующее завоевание Самудрагуптой Южной Индии и подчинение им Паллавов могло вызвать массовое бегство паллавской знати, чем можно было бы объяснить как обнаруженное в Камбодже, Тямпе и на Малаккском полуострове паллавское влияние, так и появление «надписей, выполненных буквами письма паллава».

Английский учёный также считает, что если «Чжань Дань был по происхождению индо-скифом, то его правлением можно объяснить те элементы иранского влияния, которые проявляются в раннекхмерской культуре, и тот факт, что когда кхмеры завоевали Фунань, их новое государство получило название Камбоджа, которое, как полагают, может указывать на какую-то связь с Камбоджей иранской. Драгоценный камень с изображением одного из Сасанидов, обнаруженный в Ок Ео, быть может, является ещё одним указанием на возможные связи с Ираном» [619, с.40, 41]. Иными словами, Д.Дж.Е.Холл окончательно формулирует, правда, даже в виде не гипотезы, а как он сам говорит – «предположения», свою идею о связи королей Фунани с Южной Индией и Паллавами.

[20] Д.Дж.Е.Холл связывает эти статуи с культом Харихары (объединённый культ Шивы и Вишну). Он ссылается на надпись, оставленную главной супругой и убитым сыном Каундиньи Джайявармана Гунаварманом, в которой сказано о закладке святилища Чакратиртхасвамин, сохранившего отпечаток ног Вишну. Английский учёный говорит о том, что это святилище напоминает яванское святилище Пурнавармана, где имеются

отпечатки стопы Пурнавармана, подобные отпечаткам стопы Вишну. В той же надписи Гунавармана сообщается об осушении заболоченной земли, а яванский король Пурнаварман прославился строительством различных ирригационных сооружений. При этом известно, что отпечатки ног Вишну являлись символом овладения какой-либо территорией мирным путём. Исходя из этого, Д.Дж.Е.Холл делает вывод о том, что в то время вишнуизм также имел значительное влияние в Фунани [619, с.41, 42].

[21] Д.Дж.Е.Холл пишет: «Номинально власть над обеими частями Ченлы осуществляли преемники Джайявармана I в качестве "архираджей", или верховных правителей, однако фактическая власть находилась в руках мелких князьков. Настолько велика была путаница и настолько скудны сведения, что невозможно последовательно изложить историю этого периода. Со времени выхода в свет в 1900 г. классической работы Эймонье "Камбоджа" стали появляться всё новые и новые гипотезы относительно местонахождения столиц двух упомянутых китайцами частей Ченлы. Поль Пелльо в своём исследовании "Два пути" (полное название исследования П.Пелльо «Два пути из Китая в Индию в конце VIII века» [953]. *П.П.*), выдвинул теорию, согласно которой столицей Нижней Ченлы была Вьядхапура, а столицей Верхней Ченлы – Самбхупура (Самбор). Некоторое время это считалось общепризнанным. Но эту теорию оспаривали Анри Масперо, Кёдэ и Пьер Дюпон. Последний убеждён, что, для того чтобы установить территорию Верхней Ченлы, необходимо обратиться к древней родине кхмеров, которую он располагает значительно севернее – в районе Бассак – Паксе и нижнего течения реки Мун. А Нижняя Ченла, по его мнению, включала Самбхупуру, Вьядхапуру и Баладитьяпуру. В таком случае действительно преемницей королевства Джайявармана I должна была бы быть Нижняя Ченла» [619, с.87].

Следует подчеркнуть, что Д.Дж.Е.Холл использовал практически все труды своих предшественников. Помимо работ П.Пелльо и монографии «Камбоджа. Современное королевство» Э.Эймонье [652], это знаменитый труд Ж.Сёдеса «Индуизированные государства Индокитая» [726], а также статьи П.Дюпона «Местонахождение Ченлы и создание Ангкора» [775] и того же автора с Ж.Сёдесом «Стелы Сдок Как Тома, Пном Сандака и Прей Вихара» [776]. Наконец, на какую публикацию А.Масперо он ссылается, выяснить так и не удалось. Скорее всего, это статья А.Масперо «Граница Аннама и Камбоджи с VIII по XIV века» [897.6].

Настольной же книгой английского учёного, судя по всему, являлось исследование не менее известного англоязычного исследователя кхмерской эпиграфики Л.П.Бриггса. «Древняя кхмерская империя» [1030].

[22] Судя по этой характеристике образовавших Водную Ченлу царств, Д.Дж.Е.Холл не идентифицирует, подобно П.Пелльо [950, с.290], Ангкор Борей с древней столицей Фунани Вьядхапурой.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
(фотографии, реконструкции, карты и схемы)

№	Стр.	%% стр.	Кол-во на стр.	Название
Общий титул, письмо и титул тома				
1	I	20%	1	Черепаха со стелой на фоне флага СРВ (общий титул).
2	II	10%	4	Портреты на общий титул.
3	III	30%	8	Портреты на общий титул.
4	IV	100%	1	Птица Лак на спине черепахи. Литературный храм. Ханой. 25.03.2011 г. (общий титул).
5	V	6%	1	Фан Хюи Ле (портрет).
6	VI	100%	1	Церковь на территории главного храма секты Као Дай. Южный Вьетнам, провинция Тэйнинь. 09.04.2011 г.
7	1	20%	1	Черепаха со стелой (титул тома)
8	2	10%	4	Портреты на титул тома.
Введение				
9	4	100%	1	Музей истории Вьетнама. Ханой. 21.04.2011 г.
10	7	100%	9	Французские учёные.
11	29	50%	1	Циньская армия. Сиань. 20.08. 2099 г.
12	31	50%	1	Один из командующих циньской армией на колеснице. Сиань. 20.08.2009 г.
13	43	50%	6	Вьетнамские учёные.
14	49	75%	1	Титульный лист хроники XIX в. «Единые записи о Великом Юге» [163]. Институт Истории ВАОН. 21.04.2011 г.
15	54	80%	1	Первый лист «Предисловия» летописного свода «Запись истории Великого Вьета полное описание». Институт Истории ВАОН. 21.04.2011 г.
16	59	80%	1	Сыма Цянь.
17	67	100%	1	Схема взаимосвязи источников по истории Вьетнама до X в. н.э.
Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама				
18	69	100%	1	Физическая карта Вьетнама.
19	72	95%	2	Водопад Банзок на р.Куайшон. Вьетнамо-китайская граница. Каобанг.23.03.2011 г.
20	73	95%	2	Горы и горные долины Каобанга. 26.03.2011 г.

21	76	49% 49%	1 1	Низменность Северного Вьетнама, рисовые поля. 26.03.2011 г. Хоабинь, террасные поля *мыонгов*. 17.04.2011 г.
22	78	49% 49%	1 1	Центральный Вьетнам. Чыонгшон. 31.03.2011 г. Отроги хребта Чыонгшон у Дананга. 03.04.2011 г.
23	82	49% 49%	1 1	Южный Вьетнам, рисовые поля. 11.04.2011 г. Южный Вьетнам, заливные поля. 05.04.2011 г.
24	85	100%	1	Вьетнамская девушка. Храм секты «Као Дай», жилой район 1, шоссе Хойзяо 60. Пригород Хошимина, 12.04.2011 г.
25	86	100%	1	Девушка, жующая бетель. Северный Вьетнам, 1914 -1921 гг. CB 000090. Musée Albert Kahn, France.
26	87	100%	1	Спустя 90 лет. Пожилая вьетнамка, жующая бетель. Хоалы, провинция Ниньбинь. 30.03.2011 г.
27	88	100%	1	Девушка и её мать. Народ *мыонг*. 17.04.2011 г.
28	89	100%	1	Посёлок Зянгмо, община Биньтхан, уезд Танлак, провинция Хоабинь.
29	90	100%	1	Свайный дом народа *мыонг* в той же общине. 17.04.2011 г.
30	96	98%	1	Пожилые женщины народа *нунг*. Деревня Анлай общины Нгуенхюе уезда Хоаан провинции Каобанг. 28.03.2011 г.
31	97	100%	1	
32	98	97%	1	Женщина народа *чёрные таи*. Вьетнамо-китайская граница. Каобанг. 27.03.2011 г.
34	105	98%	2	Свайный дом на полутораметровой террасе с площадкой для буйволов. Деревня Нязам народа *нунг*, община Нгуенхюе, уезд Хоаан, провинции Каобанг. 28.03.2011 г.
33	122	100%	1	Тямский дом с готовой керамикой у входа. Деревня Гомбаучук района 7 административного подразделения Фыокзан уезда Ниньфыок провинции Ниньтхуан близь Фанранга. 06.04.2011 г.
35	123	97%	1	Тот же дом, *тямка*, работающая на гончарном круге. 06.04.2011 г.

36	124	100%	1	Та же деревня. Женщина народа *тям* с ребёнком. 06.04.2011 г.
Археология Вьетнама				
37	146	98%	1	**Юго-Восточная Азия.** Карта основных археологических памятников ЮВА.
38	148	70%	2	**Каменный инвентарь с горы До**. Отщепы (А1-4, Б2, В3, Г3), нуклеус (А5), чоппер (Б1), ручные рубила (В1,2), чоппинг (Г1), кливер (Г2). По П.И.Борисковскому [288].
39	151	98%	2	Вход в пещеру и сама пещера Нгыом. Каобанг. 27.03.2011 г.
40	152	90%	1	**Каменный инвентарь из грота Нгыом, нижний слой:** отслоенные пластины (1 – 27) [1531.2].
41	153	90%	1	**Каменный инвентарь культуры Шонви:** отщепы (1 – 5, 20), галечные орудия (6 – 19): скребки (8 – 12, 14 – 15, 19), рубила (16 – 18), кливер (13) [1531.2].
42	156	90%	1	**Культура Хоабинь**. Каменные орудия из Северного Вьетнама: суматролиты (1, 2), заостренное рубящее орудие (3), топоры (4, 5, 8), сребла (6, 7) [288].
43	159	90%	1	**Культура Бакшон.** Каменный инвентарь: отщепы (1 - 4), скребок (5), каменные топоры (6 – 10), орудия с углублениями («бакшонскими метками») (11 – 12). [1531.2].
44	161	90%	1	**Культура Куиньван.** Каменный инвентарь: скребла (А1, Б1, 2, 4-6), пест (А2), нуклеусы (А3,4), наковальня (А5), ножи (Б3, 7, В2), топоры (В1,3,4) [288].
45	162	90%	1	
46	163	70%	1	
47	165	50%	1	**Культура Дабут.** Камень: топоры (1 – 4), пряслице (5), грузила (6-8); глиняное орудие (9), керамика (10 – 13). [1457].
48	168	60%	1	**Культура Баучо**. Камень: топоры (1 - 5), браслеты (6 – 9), бусины (10, 11). Фрагменты керамики (12-24) [1457].
49	171	80%	1	**Культура Хоалок**. Каменные орудия: мотыга (1), стрела (2), браслеты (3 – 5), топоры (6, 7), долото (8), трубка (9). Керамика: серьга (10), штампы (11, 12), фрагмент сосуда (13) [1531.3].

50	172	50%	1	**Культура Биенхо:** плечиковые каменные топоры; керамика. [1374].
51	173	80%	1	
52	178	80%	1	**Культуры Фунгнгуен**. А) Камень: стрелы (1, 2), топоры и долота (3 – 6), резак (7), трубка (8), серьга (9), браслеты (10 – 17); Б) Керамика: пряслица (1, 12), фигурка буйвола (4), трубки? (6, 7), сосуды (2, 3, 5, 8 – 11, 13) [1531.3; 1109].
53	179	100%	1	
54	182	80%	1	**Культура Донгдоу**. Бронза: топор (1), наконечники копий (2, 3), стрелы (4, 5), лопатка (6), шило (7), крючки (9-11), трубка (8). Кость: стрела (12), крючок (13). Каменная серьга (14). Глиняные фигурки птицы (15), буйвола (16). Керамика и орнаменты на керамике (18 – 22) [1531.3].
55	184	80%	1	**Культура Гомун**. Камень: топоры (А1 – 4), мотыга (А5), стрела (А6), серьги (А7), бусины (А8). Керамика (А9 – 12). Бронза: наконечник копья (Б1), топоры (Б2,3), колокольчик (Б4), лопатка (Б5), долото (Б6), серп (Б7), пластина (Б8), фигурки (Б10), стрела (Б11), браслет (Б12). Литейная форма (Б9) [1531.3; 1109].
56	185	80%	1	
57	188	85%	1	**Культура Донгшон**. Бронзовый инвентарь.**А**. Орудия и оружие: плуг (1), топоры (2,3), мотыга (4), кинжалы (5,6), боевой топор (7), алебарда (11), ложка (10), стрелы (9), лезвие (8); **Б**. Бронзовые сосуды [1531.3; 1109].
58	189	60%	1	
59	190	60%	1	Бронзовый барабан Нгаук Лу: Н 0,61 м., Ø 0,78 м. № 0359 2214/12 Musée Guimet.
60	192	85%	1	**Культура Донгшон**. Керамика: горшки (1, 5, 6, 7, 9 – 11), кувшин со сливом (2), сосуд для варки на пару (13), кувшины (8, 12, 14), миски (3, 4, 10) [1109].
61	196	70%	1	**Культуры Сахюинь**. Бронза: топоры (4, 6), стрела (3), наконечник копья (5); железо: заступы (7, 8); камень и стекло: топоры (1,2), серьги (9, 11, 12), бусина (10) [1109].
62	197	90%	1	**Культура Сахюинь**. Керамика: горшки (1, 3, 4, 10), миски (2, 7, 8), погребальная урна (9), кувшины (5, 6, 11), грузило (12) [1109].

63	199	98%	1	**Культура Ок-ео**. Скульптура и мелкая пластика. Каменная скульптура: Вишну (1,4,5), Шива (2), Будда (3), линга (7,8,11), линга и йони (9); бронзовая скульптура: Ганеша (6); золотая пластина (9), линга и йони из стекла (10) [1302].
64	201	98%	2	**Культура Ок-ео**. Античные и эллинистические геммы и монеты: геммы – вверху в центре, монеты – остальные [887; 1582].
65	203	98%	2	**Культура Ок-ео**. Памятник Пум Снай. Второй тип захоронений. Раскоп Е, Могила №13. Фото С.В.Лаптева.
66	204	98%	1	Масштаб:1 – 6, 19 - 22 (1:10); 11,17,18 (1:7); 7 – 10, 12 – 16 (1:5). **Культура Ок-ео**. Памятник Пум Снай. Основные типы керамики: Круглодонная (1 – 6: горшки, 7 – 10: миски, 11: кувшин); миски на высокой ножке (12 - 14) ; миски на поддоне (15 – 16); плоскодонная (18 – 20: кувшины, 21 – 22: «кенди»). [1098].
67	206	97%	6	**Культура Ок-ео**. Памятник Пум Снай. Инвентарь из стекла, агата, карнелита. Масштаб 1, 3 (1:1,5), 2, 5 (1:2), 4 (1:1), 6 (1:1,5). Фото С.В.Лаптева.
68	207	98%	1	**Культура Ок-ео**. Памятник Пум Снай. Инвентарь из бронзы. 1 – 7: браслеты, 8: заколка, 9 – 10: браслеты, 11: перстень, 12: ложица, 13 – 16: колокольчики. Масштаб 1-10 (1:2,5), 11 (1:1), 12 (1:4), 13-15 (1:3), 16 (1:2). Фото С.В.Лаптева.
Часть I				
Глава 1				
69	210	98%	1	Большой и малый треугольники родственных культур южнее Янцзы
70	229	40%	1	Округ Фаунг. Главный центр королей Мужественных. 16.04.2011 г.
71	235	98%	1	Правитель Дракон Лак, Шунг Лам. Поминальный храм. Музейный комплекс королей Мужественных. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.

72	237	40%	1	Поминальный храм королей Мужественных. Музейный комплекс. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.
73	240	40%	1	Король Мужественный с приближёнными. Музейный комплекс. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.
74	244	100%	1	Военачальник *лак* VIII – III вв. до н.э. Поминальный храм Правителя Дракона Лака, Шунг Лама. Музейный комплекс королей Мужественных. Округ Фаунг провинции Вьетчи. 16.04.2011 г.
75	246	48%	1	Половина ударной поверхности донгшонского бронзового барабана. Провинция Тханьхоа. H 0,61 m., D 0,78 m. № 0359 2214 / 4 Musée Guimet.
		48%	1	Птицы Лак и лаквьетские воины на донгшонском бронзовом барабане. Провинция Тханьхоа. H 0,61 m., D 0,78 m. № 0359 2214 / 8 Musée Guimet.
76	248	80%	1	Карта. Царство Ванланг в конце VIII – середине III вв.до н.э.
Глава 2				
77	254	70%	1	План-схема Крепости Улитки. Колоа. 25.03.2011 г.
78	257	80%	1	Колоа. Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Дух – Золотая черепаха. 25.03.2011 г.
79	261	60%	1	Колоа. Главный вход в центральный комплекс Крепости Улитки. 25.03.2011 г.
80	263	97%	1	Лаквьетский воин IV – середины III вв.до н.э. Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.
81	268	75%	1	Арбалетчик армии Тхук Фана, середина III в. до н.э. Реконструкция М.В.Горелика. 1994 г.
82	273	98%	1	Король Умиротворённого юга Тхук Фан. Поминальный храм Ми Тяу.Музейный комплекс королей Мужественных. Округ Фаунг, Вьетчи. 16.04.2011 г.
83	275	100%	1	Ми Тяу. Поминальный храм. Музейный комплекс королей Мужественных. Округ Фаунг провинции Вьетчи.16.04.2011 г.

84	278	49% 49%	1 1	Дворец-храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Колоа. 25.03.2011 г. Внутренний двор Крепости Улитки с искусственным бассейном. Колоа. 25.03.2011 г.
85	284	40%	1	Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана в 10 – 15 километрах от главного входа в Крепость Улитку. Колоа. 25.03.2011 г.
Глава 3				
86	289	95%	1	Царство Намвьет (условные границы).
87	293	98%	1	Лучник армии циньского военачальника, а затем – императора Намвьета (Наньюэ) Чиеу Да (Чжао То). Терракотовая армия Императора Начинателя династии Цинь. Сиань. 20.08.2009 г.
88	299	98%	1	Старший офицер армии циньского военачальника, а затем – императора Намвьета (Наньюэ) Чиеу Да (Чжао То). Терракотовая армия Императора Начинателя династии Цинь. Сиань. 20.08.2009 г.
89	304	50%	1	Император Просвещённый династии Хань. 179 – 156 гг. до н.э.
90	314	98%	1	Воины армии циньского военачальника, а затем – императора Намвьета Чиеу Да. Терракотовая армия. Сиань. 20.08.2009 г.
91	317	98%	2	Саркофаг с мумией короля Просвещённого Чиеу Хо и две его печати. На левой золотой печати надпись «Печать императора Просвещённого», на правой яшмовой печати надпись «Чжао Мо» [1155, с.32-34]. Музей короля Наньюэ. Гуанчжоу. 25.04.2011 г.
92	324	100%	1	Император Воинственный династии Хань. 140 – 86 гг. до н.э.
93	330	40%	1	Граница между территориями собственно Намвьета в Гуандуне и полунезависимого бывшего царства Аулак в Северном Вьетнаме. Территория КНР. Каобанг. 27.03.2011 г.

				Глава 4
94	342	40%	1	Центр вьетского сопротивления империи Хань в первой половине I в. н.э. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
95	349	50%	1	Император Славный [и] Воинственный династии Хань. 25 – 58 гг.
96	353	70%	2	Поминальный храм сестёр Чынг. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
97	356	40%	1	Сёстры Чынг Чак и Чынг Ни. Поминальный храм. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
98	358	70%	1	Боевые слоны сестёр-воительниц. Поминальный храм сестёр Чынг. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
99	360	95%	1	Не исключено, что именно в таком месте Ма Юань оставил своих людей. Нгеан. 31.03.2011 г.
100	361	98%	1	Ма Юань в образе демона. Поминальный храм сестёр Чынг. Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
				Часть II
				Глава 1
101	368	98%	1	Административное управление Цзяочжи и округ Цзяо (конец II в. до н.э. – первая третья VII в. н.э.).
102	375	80%	1	Даже такие дома-крепости плохо защищали ханьских чиновников. Тханьхоа, 0,425 X 0,460, обожженная глина, эпоха Хань. № 0359 2324 / 1 Musée Guimet.
103	384	98%	2	Пейзаж, мало чем отличающийся от того, который люди видели восемнадцать девятнадцать веков тому назад. Северный Вьетнам. 28.03.2011 г.
104	404	35%	1	Укреплённая резиденция крупного ханьского чиновника в округе Цзяо. Тханьхоа, 0,425 X 0,460, обожженная глина, эпоха Хань. № 3592 321 / 29 Musée Guimet.
105	409	98%	2	Типичные северо-вьетнамские пейзажи, которые на протяжении столетий, если не тысячелетий оставались неизменными. Северный Вьетнам. 28.03.2011 г.

106	413	98%	1	Видимо, этот юный *тям* унаследовал воинственность своих предков. Провинция Ниньтхуан. 06.04.2011 г.
				Глава 2
107	423	98%	1	Один из опорных пунктов восстания Ли Бона. Каобанг. 27.03.2011 г.
108	428	98%	1	Горный уезд Зананг мог выглядеть таким образом. Каобанг. 27.03.2011 г.
109	454	100%	1	Буддийский монах – хранитель письмён алтаря. Пагода Небесной или Усопшей Наставницы. Хюе. 01.04.2011 г.
110	469	90%	1	Ступа пагоды Небесной или Усопшей Наставницы. Хюе. 01.04.2011 г.
				Глава 3
111	474	97%	1	Губернаторство Умиротворённого юга.
112	478	98%	2	Как и сегодня в VII – IX вв. море кормило вьетнамцев своими дарами. Дананг, 04.04.2011 г. Нячанг, 06.04.2011 г.
113	489	98%	2	В «Эпоху северной зависимости» предки этих буйволов также философски воспринимали жизнь в Цзяо. Провинция Хоабинь. 17.04.2011 г.
114	508	75%	1	В эпоху Тан (VII – IX вв.) такие буддийские монахи были духовными наставниками как вьетнамцев, так и китайцев. Кантхо. 10.04.2011 г.
115	515	60%	1	Как и в X в., в пагодах совершаются публичные молебны во славу Будды. Нячанг. 06.04.2011 г.
				Глава 4
116	522	98%	1	Схема битвы на реке Батьданг 31-го декабря 938 г.
117	526	80%	1	Схема основных сражений войны 981 г.
118	527	40%	1	Разгром сунского флота на реке Батьданг в 981 г. Реконструкция. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
119	530	60%	1	Карта владений двенадцати легатов-правителей
120	537	95%	1	План-макет крепости Хоалы. Музей истории. Ханой. 17.04.2011 г.
121	538	40%	1	Главный вход в крепость Хоалы. Хоалы, провинция Ниньбинь. 30.03.2011 г.

122	542	98%	1	Динь Бо Линь. Поминальный храм. Хоалы. 30.03.2011 г.
123	544	40%	1	Поминальный храм Динь Бо Линя. Хоалы. 30.03.2011 г.
124	547	98%	1	Ле Хоан. Хоалы. 30.03.2011 г.
125	549	50%	1	Поминальный храм Ле Хоана. Хоалы. 30.03.2011 г.
126	560	98%	2	Природные крепостные стены столицы династий Динь и [Ранняя] Ле. Хоалы. 30.03.2011 г.
Часть III				
Глава 1				
127	574	85%	1	Бронзовый барабан Нгаук Лу. H 63 см., Ø 79,3 см. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
128	579	30%	1	Бронзовый лемех. № 0359 2234/6, Musée Guimet.
129	582	75%	2	Бронзовые крючки и каменные грузила для рыбной ловли. Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
130	583	55%	2	Наконечники копий. Бронза. Донгшон. №0359 2234/7 и №0359 2234/3. Musée Guimet.
131	585	80%	2	Бронзовые клевцы и секира. Культура Донгшон. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
132	588	90%	1	Орнаментированный башмаковидный топор. Бронза. Донгшон. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
133	589	25%	1	Бронза. Механизм арбалета. № 0359 2234/16, Musée Guimet.
134	590	60%	2	Кинжалы. Бронза. Донгшон. № 0359 2234/14 и № 0359 2234/4. Musée Guimet.
135	596	80%	2	Керамика. Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
136	609	100%	2	Слева: тяжёлые железные мечи в ножнах. Справа: навершие и гарда рукояти, скоба для пояса и обивка ножен. Музей короля Наньюэ. Гуанчжоу. 25.04.2011 г.
137	614	30%	1	Топор. Бронза. Тханьхоа. № 0359 2234/13. Musée Guimet.
138	617	50%	1	Имперские монеты эпохи Тан.

				Глава 2
139	624	98%	1	Так на протяжении веков орошали рисовые поля при помощи ножной качалки. Северный Вьетнам, 1914 -1915 гг. A005270. Musée Albert Kahn. France.
140	630	100%	1	Традиционное террасное земледелие. Предгорья Северного Вьетнама. Каобанг. 27.03.2011 г.
141	634	30%	1	Видимо, так собирали рис и в IX – X вв. Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.
142	639	80%	2	Переоденьте пахаря в одежду общинника описываемой эпохи и получите картину сельскохозяйственных работ того времени. Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.
143	647	100%	1	Колесо-водочерпалка для подъёма воды на поля. Интересно, сколько веков существует это приспособление? Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.
144	655	98%	1	Как и в то время национальные меньшинства Каобанга продолжают разводить лошадей и складывают своеобразные стога сена. 27.03.2011 г.
145	664	100%	1	Позолоченный паланкин с драконами. Хоалы. 30.03.2011 г.
146	668	30%	1	Рыбная ловля в реках и пресных водоёмах всегда была для вьетнамцев важным источником пропитания. Северный Вьетнам. 27.03.2011 г.
				Часть IV
				Глава 1
147	670	60%	1	Бронзовый барабан Тхон Буй со скульптурными изображениями лягушек. H47 см., Ø70 см. Музей истории. Ханой. 18.04.2004 г.
148	671	98%	2	
149	677	98%	2	Конструкция общинного дома лаквьетов могла быть схожей с конструкцией этого дома в современном поселении народа *мыонг* Зянгмо. Община Биньтхан, уезд Танлак, провинция Хоабинь. Северный Вьетнам. 17.04.2011 г.
150	679	98%	1	Элемент крыши. Мифическое животное (дракон?). Тахньхоа. № 0359 52/3. Musée Guimet.

151	687	98%	1	Бронза. Стоящий на коленях воин с копьём. Эпоха Аулак – Намвьет (Хань). Тахньхоа. № 0359 2274/9. Musée Guimet.
152	696	65%	1	Бронза. Антропоморфная лампа. Эпоха Аулак – Намвьет (Хань). Тахньхоа. № 0359 2254/17. Musée Guimet.
153	703	70%	2	Скульптурные изображения домашних животных и птиц. Культура Фунгнгуен. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.
154	705	30%	1	Фрагменты керамики. Северный Вьетнам. Тханьхоа. № 0359 394/2. Musée Guimet.
Глава 2				
155	709	70%	1	Бронза. Зеркало. Эпоха Поздней Хань или Шести династий. Тахньхоа, Бимшон, могила 1А. № 0359 2244/1. Musée Guimet.
156	715	98%	2	«Пагода Горного Сокровища» с её деревянной скульптурой. Одна из древнейших сохранившихся на сегодняшний день пагод Вьетнама. XIII – XIV вв., провинция Ханой. 25.03.2011 г.
157	719	100%	1	Пожилая вьетнамка в нарядной одежде. Надо полагать, что она мало чем отличается от своих предков «Эпохи северной зависимости». Уезд Мелинь, провинция Ханой. 16.04.2011 г.
158	726	40%	1	Бронза. Утка. Эпоха Тан. Тахньхоа. № 0359 3274/3. Musée Guimet.
159	729	80%	1	Классический вьетнамский дракон-крокодил. Колоа. Крепость Улитка. 25.03.2011 г.
160	736	90%	1	Скульптурное изображение льва, созданное, несомненно, под определённым влиянием традиционной китайской храмовой скульптуры. «Древняя пагода Защиты Государства». Ханой. 24.03.2011 г.
161	740	50%	1	Иероглифа письма «ном». Он читается «sông» (*шонс*) и имеет значение «вода», что соответствует китайскому иероглифу 水 (*шуй*). Образован сочетанием краткого написания иероглифа *шуй* с редким написаний иероглифа 龍 (*лун*), который имеет значение «дракон» [14, с.685].

Глава 3				
162	743	100%	1	Буддийская монахиня. «Пагода Усопшей Наставницы». Середина XVII в. Хюе. 01.04.2011 г.
163	749	80%	1	Буддийский монах показывает приёмы пользования мечом. Поминальный храм короля Умиротворённого юга Тхук Фана. Колоа. 25.03.2011 г.
164	759	30%	1	**Поминальная табличка домашнего алтаря Предков по Л.Кадьеру.** 1. Внутренняя табличка со скрытой надписью и её подставка. 2. Внешняя табличка с надписью – посвящением. 3. Обе таблички в специальном чехле 4. Собранная поминальная табличка в коробе на цоколе [835, с.99].
165	761	98%	1	Домашний поминальный алтарь. Частный дом. Южный Вьетнам, провинция Бенче. 11.04.2011 г.
166	772	45%	1	Пагода Трёх Величий. Центральный Вьетнам. Район Дананга. 03.04.2011 г.
167	777	45%	1	Ворота в главный двор Крепости Улитки. Колоа. 25.03.2011 г.
168	781	98%	2	Молитва в буддийском храме. Хошимин. 12.04.2011 г.
Заключение				
169	788	100%	1	Тямская башня-святилище. Провинция Биньдинь (Виджайя) на траверсе Кюиньона (Шри Винайя). 05.04.2011 г.
170	790	98%	1	Тямская башня-святилище А10, вид с северо-востока. Мишон (Индрапура), провинция Куангнам, март 1903 г. Музей Гиме № А14512.
171	794	100%	2	Тямские башни-святилища. Группы В и С. Мишон (Индрапура), провинция Куангнам. 04.04.2011 г.
172	800	98%	1	Тямские башни-святилища С4 и С7. Мишон (Индрапура), провинция Куангнам. 04.04.2011 г.
173	802	40%	1	Двор стел. Июнь 1903 г. Мишон (Индрапура), провинция Куангнам. Музей Гиме № 14535.

174	808	50% 50%	1 1	Донгзыонг, первая крепостная стена, западные ворота центральной башни. Провинция Куангнам. Сентябрь 1902 г. Музей Гиме № 14702. Кхыонгми. Три тямские башни-святилища. Вид с северо-востока. Провинция Куангнам. Июль 1903 г. Музей Гиме № 14858.
175	813	100%	1	Тямская башня-святилище со скульптурными украшениями. Район Фанранга. 06.04.2011 г.
176	814	100%	1	Скульптурное изображение одного из богов, не исключено – Шивы. Район Фанранга. 06.04.2011 г.
177	828	98%	2	Тямские святилища в Понагаре. Нячанг. 06.04.2011 г.
178	831	98%	2	Деревня Биньлаунг, община Биньфу, уезд Кайлэй, провинция Тиензянг. Типичный, как во времена Фунани и Чеилы, пейзаж Южного Вьетнама. 11.04.2011 г.
Комментарий				
179	944	40%	1	Кирпич из Хоалы. С иероглифами 越大 (Дайвьет) в верхней части. Музей истории. Центральная часть Императорского города в Тханглаунге. Фотография А.Б.Полякова. Ханой. 29.11.2012 г.
Оглавление				
180	977	80%	2	**Культура Донгшон**. Бронза. Боевой топор и копья. Музей истории. Ханой. 18.04.2011 г.

© **Musée départemental Albert Kahn,** 14, rue du Port, 92100, Boulogne –Billancourt, France. Фотография №№ 24, 138.
© **Musée Guimet**, 6, place d'Iéna , 75116, Paris, France. Фотографии №№ 59, 75-1, 75-2, 102, 104, 130-1, 130-2, 133, 134-1, 134-2, 137, 150, 151, 152, 154, 155, 158, 170, 173, 174-1, 174-2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Общий титул	I – IV
Фан Хюи Ле. Президент вьетнамской ассоциации исторических наук. Предварительное мнение	V – VI
Предисловие	VII – XIV
Титул «Тома I»	1 – 2
Введение	3 – 68
1. История вопроса	17 – 68
2. Основные концепции развития Вьетнама в эпоху древности и раннего средневековья	22 – 49
3. Письменные источники по истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья	49 – 68
3.1. Вьетнамские источники	50 – 57
3.2. Китайские источники	58 – 68
Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама	69 – 132
1. Географический обзор	70 – 83
1.1. Рельеф	70 – 75
1.2. Климат	75 – 78
1.3. Растительность и животный мир	78 – 81
1.4. Почвы и полезные ископаемые	81 – 83
2. Народы и народности современного Вьетнама.	83 – 120
2.1. Общая характеристика	83 – 93
2.2. Торговля, разделение труда и хозяйственно-культурные типы у народов Индокитая	93 – 108
3. Доклассовые хозяйственно-культурные общности и этнокультурные системы в истории классовых обществ	108 – 132
3.1. Доклассовые хозяйственно-культурные общности в эпоху становления производящего хозяйства	108 – 120
3.2. Этнокультурные системы в истории классовых обществ эпохи бронзы и железа	120 – 132
Археология Вьетнама	133 – 208
1. История археологических исследований во Вьетнаме	134-145
2. Каменный век	145-174
2.1. Особенности вьетнамского палеолита	145-154
2.2. Мезолит	154-158
2.3. Неолит	158-174
3. Период металла (эпоха бронзы и появление железа)	174 – 208
Часть I. Ранние вьетские государства Ванланг,	209 – 366

Аулак и Намвьет
Глава 1. Юг Восточной Азии. Проблема ранней вьетской государственности и царства Ванланг 209 – 250
Глава 2. Царство Аулак и проблема короля Умиротворённого юга Тхук Фана 251 – 288
Глава 3. Царство Намвьет и проблема Чиеу Да (династии Чиеу) в свете вопроса о «первом китайском завоевании» Вьетнама 289 – 330
Глава 4. Проблема «Первого китайского завоевания» Вьетнама и полунезависимого государственного объединения Лаквьет 331 – 366
1. Преамбула 331 – 332
2. Отношения между традиционным лаквьетским обществом на территории Северного Вьетнама и администрацией империи Хань в 110 г. до н.э. – 5 г. н.э. 332 – 347
3. Начало активной ассимиляции лаквьетских территорий имперской администрацией и восстание сестёр Чынг 347 – 363
4. Предварительные выводы по истории ранней вьетской государственности 363 – 366

Часть II. Эпоха зависимости Вьетнама от общекитайских и южнокитайских династий 367 – 566
Глава 1. Зависимость от Восточной Хань, У, Вэй, Цзинь, Ранней Сун, Ци и Лян (44 – 540 гг.) 367-418
1. Вьетнам в 44 – 187 гг. 367 – 376
2. Проблема Си Ниепа и окончательное обособление Вьета в 187 – 227 гг. 376 – 385
3. Округ Цзяо в 228 – 540 гг. Проблема вьетских «скрытых» династий и правителей 385-418
Глава 2. Ещё раз к вопросу о династии Ранних Ли (541 – 602 гг.) 419 – 470
1. Источники 419 – 435
2. Проблема династии Ранних Ли и короля Вьета Чиеу 435 – 436
3. Совпадения и разночтения в историко-мифологических сюжетах, связанных с борьбой между Тхук Фаном и последним королём Мужественным, между Чиеу Да и королём Умиротворённого юга Тхук Фаном, а также между императором Южного Вьета Поздним Ли и королём Вьета Чиеу 436 – 444
4. Истоки и сущность путаницы в интерпретации событий вьетнамской истории 548 – 602 гг. 444 – 451

5. 541 – 602 гг. в истории Вьетнама: факты и вымыслы 452-461
6. Наиболее вероятная реконструкция основных событий вьетнамской истории 541 – 602 гг. 462 – 470
6.1. Период династии Раннего Ли 462 – 466
6.2. Период междоусобиц (Чиеу Тук и Ли Фам Ту) 466 – 467
6.3. Период императора Южного Вьета, Позднего Ли 467 – 470
Глава 3. Зависимость от общекитайских династий Суй и Тан (603 – 880 гг.) 471 – 516
1. Структура административной организации Вьетнама в VII – IX вв. 473 – 483
2. Восстания и войны на территории Вьетнама в эпоху зависимости от общекитайских династий Суй и Тан 483 – 499
3. Типология деятельности руководителей имперской администрации во Вьетнаме в VII – IX вв. 499 – 507
4. Общие выводы о характере зависимости от общекитайских династий Суй и Тан 507 – 516
Глава 4. Период вооружённой борьбы за восстановление государственной независимости (880 – 1009 гг.) 517 – 566
1. Вьетнамо-китайские отношения в 880 – 981 гг. 519 – 529
2. Период феодальных смут 880 – 967 гг. 529 – 536
3. Вьетнам в эпоху правления династии Динь и перехода власти к династии [Ранняя] Ле (968 – 981 гг.) 537 – 544
4. Династия Ле, или условно – [Ранняя] Ле (980 – 1009 гг.) 544 – 563
4.1. Взаимоотношения с империей 544 – 550
4.2. Организационные мероприятия и подавление сопротивления внутри страны 550 – 556
4.3. Войны с Тямпой 556 – 557
4.4. Борьба за престол между сыновьями Ле Хоана и падение династии [Ранних] Ле 557 – 563
5. Основные этапы восстановления государственной независимости Вьетнама последней четверти IX – первого десятилетия XI вв. 563 – 566
Часть III. Социально-экономическая история Вьетнама до X в. н.э. 567 – 668
Глава 1. Вьетнамское общество в эпоху древности и особенности его перехода к эпохе раннего феодализма (VIII в. до н.э. – VI в. н.э.) 567 – 618
1. Социально-экономическое развитие Вьетнама в эпоху ранней государственности (начало VIII в. 568 – 600

до н.э. – середина I в. н.э.)
1.1. Социальная структура лаквьетского общества 568 – 577
1.2. Экономическое развитие 577 – 600
1.2.1. Сельское хозяйство 577 – 584
1.2.2. Ремесло 584 – 597
1.2.3. Торговля 597 – 600
2. Социально-экономическое развитие вьетских территорий на протяжении первой половины «Эпохи северной зависимости» (I – VI вв.) 600 – 618
2.1. Социальная структура 601 – 609
2.2. Экономическое развитие 610 – 618
Глава 2. Социально-экономическое развитие вьетнамского общества в эпоху раннего средневековья 619 – 668
1. Преамбула 619 – 620
2. Социально-экономическое развитие Вьетнама в VII – IX вв. 620 – 632
3. Оформление социально-экономических процессов второй половины «Эпохи северной зависимости» во вьетнамском обществе конца IX – начала XI в. 632 – 656
3.1. Характер данных письменных источников 632 – 643
3.2. Социальная стратиграфия вьетнамского общества в 880 – 1054 гг. 643 – 656
3.2.1. Преамбула (политический фон) 643 – 645
3.2.2. Социальная стратиграфия господствующего класса 645 – 649
3.2.3. Социальная стратиграфия эксплуатируемых классов вьетнамского общества 649 – 656
4. Система перераспределения общественного продукта в свете налоговой политики и общественных повинностей в Дайвьете эпохи династий из Хоалы 656 – 660
5. К вопросу о содержании общественных и феодальных повинностей 660 – 663
6. Торговля, ремёсла и промыслы 663 – 668
Часть IV. Основные этапы становления вьетнамской культуры 669 – 782
Глава 1. Ранние этапы формирования вьетской культуры. 669 – 706
1. Религиозные представления и проблема формирования единой религиозной системы во вьетском обществе VIII в. до н.э. – I в. н.э. 669 – 681

2. Первая группа вьетнамских историко-мифологических сюжетов 682 – 691
3. Вьетская концепция Поднебесной в свете проблемы письменности и раннего летописания в древнем Вьетнаме 692 – 706
Глава 2. Основные особенности и этапы становления вьетнамской культуры в «Эпоху северной зависимости»; буддизм и конфуцианство ханьского толка в I – IX вв. 707 – 740
1. Религия и идеология в «Эпоху северной зависимости» 708 – 727
2. Литература и проблема вьетнамской иероглифической письменности (нома) 727 – 740
2.1. Литература 727 – 737
2.1. Проблема вьетнамского иероглифического письма или «Нома» 737 – 645
Глава 3. Период раннефеодального государства Дайковьет как эпоха окончательного превращения вьетской культуры во вьетнамскую 741 – 782
1. К вопросу о терминологии 741
2. Буддизм как официальная идеология независимых государей династий Динь и [Ранняя] Ле, а также первой общевьетнамской династии Ли в борьбе за упрочение независимости раннефеодального государства Дайковьет 742
3. Раскол школы буддизма Созерцания и проблема Уянь Туна 742 – 745
4. Династии из Хоалы. Оформление первой официальной вьетнамской буддийской иерархии и школа Уянь Туна 745 – 750
5. Первые императоры династии Ли и проблема смены во вьетнамском буддизме школы Созерцания секты Уянь Туна сектой Тхао Дыонга 750 – 758
6. Структура религиозных верований в 968 – 1054 гг. 758 – 770
7. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и литература 770 – 782
Заключение 783 – 850
Часть I. Древние государства на территории Центрального и Южного Вьетнама 783 – 832
1. Королевство Тямпа 783 – 815
1.1. Первая династия 787 – 789
1.2. Вторая династия 789 – 793
1.3. Третья династия 794 – 797

1.4. Четвёртая династия 797 – 799
1.5. Пятая династия 799 – 804
1.6. Шестая династия 804 – 810
1.7. Седьмая династия 810 – 815
2. Древние государства на территории Южного Вьетнама 815 – 832
2.1. Фунань 815 – 823
2.2. Ченла 823 – 832
Часть II. Периодизация истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья 833 – 850
1. Периодизация политической истории 833 – 838
1.1. Эпоха ранней вьетской государственности 834 – 835
1.2. Эпоха северной зависимости 835 – 837
1.2.1. Первая половина 836
1.2.2. Кратковременная независимость 836
1.2.3. Вторая половина 837
1.3. Эпоха полного восстановления независимости вьетнамского государства 837 – 838
2. Периодизация социально-экономической истории 838 – 845
3. Периодизация культурной истории 845 – 847
4. Общие выводы по периодизации истории Вьетнама эпохи древности и раннего средневековья 847 – 850

Комментарий 851 – 956
Предисловие 851 – 852
Введение 852 – 863
Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама 863 – 867
Археология Вьетнама 867 – 870
Часть I 870 – 888
Глава 1 870 – 873
Глава 2 873 – 876
Глава 3 876 – 885
Глава 4 885 – 888
Часть II 889 – 922
Глава 1 889 – 898
Глава 2 899 – 905
Глава 3 905 – 913
Глава 4 913 – 922
Часть III 922 – 932
Глава 1 922 – 926
Глава 2 927 – 932

Часть IV 933 – 949
Глава 1 933 – 935
Глава 2 936 – 941
Глава 3 941 – 949
Заключение 950 – 956
Список иллюстраций 957 – 970
Оглавление 971 – 977

Культура Донгшон.

Бронза. Боевой топор и копья.
Музей истории. Ханой.
18.04.2011 г.

УДК 93/94
ББК 63,3(3)
П 47
ISBN 978-5-4431-0052-4
ISBN 978-5-4431-0053-1

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том I

Древность и раннее средневековье
(конец 4 – начало 3 тыс. до н.э. – 1010 г. н.э.)

Редактор тома
Доктор исторических наук Д.В.МОСЯКОВ.

Авторы
С.В.ЛАПТЕВ: статья «Археология Вьетнама».
П.В.ПОЗНЕР: Введение; Части I – IV; Заключение.
П.В.ПОЗНЕР, А.Б.ПОЛЯКОВ (совместно): разделы «Главы 4» «Части II», «Главы 2» «Части III» и «Главы 3» «Части IV», посвящённые X – началу XI в.
Я.В.ЧЕСНОВ: статья «Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама».

© В.В.Познер, 2014
© П.В.Познер, 2014

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Авторская книга»

обработка krauzer7770 (rutracker.org)